



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P 51aw 176-25



Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

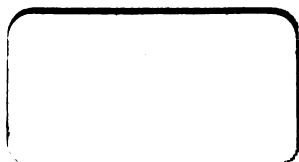
MRS. ANNE E. P. SEVER,

OF BOSTON,

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

(Class of 1817)

29 Sept. - 30 Oct. 1899.



ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ТРИДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ V.

ГОДЪ LXIII. — ТОМЪ ОССЛXIII. —¹/₁₃ СЕНТЯБРЯ 1899.

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЬ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ДЕВЯНОСТО-ДЕВЯТЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ V

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острове, 5-я линия,
№ 28.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академич. переулочъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1899

~~Star 30.2~~

P Slav 176.25

47/71

1899. Sept. 29 - Oct. 30
Sever fund.



2827

ВЪСТЪЖЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛЮБОВЬ.

ТРИДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ. — КН. 9-я

СЕНТЯБРЬ, 1899.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 9-я. — СЕНТЯБРЬ, 1899.

Стр.

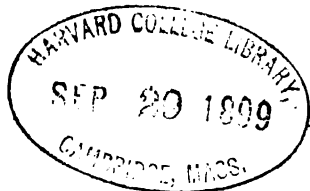
I.—ПОДЪ СОЛНЦЕМЪ ЮГА.—Повѣсть.—VIII-XV.—В. I. Дмитриевой	5
II.—ЖАНЪ РАСИНЪ.—Кратко-биографическій этюдъ.—I.—Ю. П. Веселовскаго	57
III.—ОДИНОЧЕСТВО.—Изъ дневника незамѣтной женщины.—Р. М. Хинъ	80
IV.—ПСИХОЛОГИЯ ЛЮБВИ И РЕВНОСТИ У ШЕКСПИРА.—И. И. Стороженка	153
V.—КАНИКУЛЫ.—Повѣсть.—Окончаніе.—Е. Бердяевой	173
VI.—БѢЛЫЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ.—Стихотвореніе.—В. С. Соловьева	229
VII.—ВЪ ДОЛУ.—Die Schuldnerin, Roman von J. Bou.—Ед.—Часть третья.—Окончаніе.—Съ нѣмецкаго.—А. В-г—	230
VIII.—ПО СВЕРХНЫМЪ ОКРАИНАМЪ АФРИКИ. Путевые очерки.—Тунисія и Алжиръ.—Эд. Циммермана	294
IX.—ПУШКИНСКОЕ ПРАЗДНЕСТВО ВЪ КАЛИФОРНИИ.—И. А. Тверского	333
X.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Законы о временно-заповѣднѣхъ имѣніяхъ и о воспитаніи и образованіи дворянскаго юношества.—Законопроектъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ.—Десятилѣтіе института земскихъ начальниковъ.—Лионскій инцидентъ.—Законы о фабричномъ надзорѣ и о порядкѣ взиманія окладныхъ сборовъ.—Новые циркуляры министра народнаго просвѣщенія и временныя правила 29 іюля	344
XI.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Еще о Гаагской конференціи мира.—Правительственное сообщеніе.—Внутренняя борьба во Франціи.—„Патриоты“ и ихъ волненія.—Дѣтели французской арміи въ Реннѣ.—Процессъ Дрейфуса.—Политическія дѣла въ Германіи	366
XII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Ө. В. Клягвидовъ. Оберъ-прокуроръ св. Синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія.—Творенія Платона. Переводъ съ греческаго Владиміра Соловьева. Томъ первый.—Пѣсни русскаго народа. Собранія въ губерніяхъ Вологодской, Вятской и Босгровской въ 1893 году. Ө. М. Истоминъ и С. М. Ламуновъ.—Иностранное университетъ. Выпускъ II-й. Университеты Германіи. Подъ редакціей Л. А. Поддубовита.—Т.—Новыя книги и брошюры	381
XIII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—Emile Faguet; Flaubert.—Guy de Maupassant, Le père Milon.—August Strindberg, Legendes.—З. В.	399
XIV.—НЕБРОЛОГЪ.—А. Д. Поваляшинъ.—Кн. П. С. Волковскаго	417
XV.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Можно ли назвать Россію „страною личнаго почина по преимуществу“? Значеніе свободной инициативы въ основаніи и дѣятельности обществъ.—Московскія юридическія общества, архивъ и вновь проектируемое.—Общедоступные систематическіе курсы.—Практическія занятія студентовъ и студентскіе научные и литературные кружки.—Дискреціонная власть и печать.—Отвѣтъ на возраженія	420
XVI.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—Отъ Императорскаго Казанскаго Университета	
XVII.—ВІЗУАЛЬНО-ГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Е. Варбъ. Наемные сельскохозяйственныя работѣ въ жизни и въ законодательствѣ. Общественно-юридическіе очерки.—Т. Роджерсъ. Исторія труда и заработной платы въ Англійи съ XIII по XIX вѣкъ. Переводъ съ англійскаго В. Д. Каткова.—Земскія статистика. А. Попова.—Земская статистика. Справочная книга по земской статистикѣ въ двухъ частяхъ. Ч. I. Исторія и методологія. Ч. II. Программы исследований. Составилъ С. Н. Велетскій. Съ предисловіемъ проф. А. Н. Чукова	
XVIII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XVI стр.	

Подписка на годъ, полугодіе и вторую половину 1899 года.
(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

ПОДЪ СОЛНЦЕМЪ ЮГА

ПОВѢСТЬ.

VIII¹⁾.



Внизу шумѣлъ прибой, и серебряное кружево пѣны причудливо раскидывалось по камнямъ. Художники сидѣли въ тѣни базальтовой скалы и, пристроивъ на горячемъ пескѣ свои походные мольберты, рисовали. Анна Павловна и Гриша бродили по берегу и собирали разнообразныя камешки, при чемъ Анна Павловна, каждый разъ, какъ волна набѣгала на нее, обдавая солеными брызгами, пронзительно визжала, а Гриша сердился и ворчалъ. Маша и Юрій Александровичъ расположились на огромномъ сѣдомъ камнѣ и разговаривали. Оба застѣнчивые, молчаливые въ обществѣ, они какъ-то тяготѣли другъ къ другу и, оставаясь вдвоемъ, не стѣснялись дѣлиться мыслями. Они говорили о Максютинѣ, и Юрій Александровичъ признался Машѣ, что рассказы художника о духоборахъ, о горнорабочихъ и ихъ тяжеломъ положеніи были для него совершенной новостью и, можетъ быть, поэтому страшно его поразили.

— Я до сихъ поръ придти въ себя не могу,—говорила она, волнуясь и потирая лобъ рукой.—Мнѣ все это кажется оятнымъ. Миръ казался мнѣ такимъ прекраснымъ... все свой смыслъ, свое оправданіе, и вдругъ такая бездна... зачѣмъ? Я не понимаю... я не могу понять. Эта чка съ пальчикомъ... я забыть ее не могу...

— Да, да,—сказала Маша.—Я какъ будто вижу ее передъ собою, какъ она смотритъ на небо и ничего не видитъ...

— Ничего не видитъ! —повторилъ Юрій Александровичъ.— За чтò? Такая маленькая... Кому это нужно? Нѣтъ, постойте, это все нужно обдумать и понять... Скажите, что это онъ говорилъ о Великомъ Инвизиторѣ и Христѣ?

— Это у Достоевскаго; я сама не читала, мнѣ еще не даютъ. Но я прочту.

— Прочтите вмѣстѣ! Можетъ быть, тамъ есть... О Христѣ и христіанствѣ я читалъ Фаррара. И я тамъ все понимаю, и страданія понимаю. Тамъ все это было нужно для идеи, тамъ все это было добровольно, сознательно, люди шли на костры, какъ на праздникъ, и это очень трогательно, а дѣвочка?.. Развѣ она хотѣла умирать? А эти пьяные рабочіе подъ землей?..

Къ нимъ подошелъ Гриша, и Юрій Александровичъ замолчалъ.

— Смотрите, сколько я набралъ!—весело сообщилъ Гриша, показывая корзиночку, полную камешковъ.—Есть прехорошенькіе, настоящіе малахитовые..

Но вдругъ вспомнивъ, что вѣдь онъ уже взрослый, а камешки — это ребячество, Гриша сконфузился и прибавилъ небрежно:

— Это вѣдь я собственно для сестренки... таскай тутъ всякую дрянь. А вы о чемъ бесѣдовали?

— Да вотъ объ этомъ... Максютинъ,—сказала Маша.

— Я тоже хотѣлъ вамъ кое-что сказать о немъ,—перебилъ ее Гриша и, осмотрѣвшись воеругъ, таинственно спросилъ:— какъ вы думаете, кто онъ таковой? Народникъ или социаль-демократъ?

— Не знаю. Я никогда не видала ни народниковъ, ни социаль-демократовъ. А вы чтò думаете?

— Я еще хорошенько не разобралъ, надо съ нимъ потолковать,—сказалъ Гриша и еще таинственнѣе добавилъ:—мнѣ кажется, онъ социаль-демократъ... Какъ онъ сказалъ: studieren,—такъ я сейчасъ догадался. Вѣдь вы знаете, это Марксъ сказалъ: studieren, propagandieren, organisieren... А какъ вы думаете, ничего это, что я давеча ему руку подаль послѣ этого разговора? Не смѣшно это вышло?

— Ну, вотъ еще,—отлично!

— А я боялся, какъ бы онъ не подумалъ, что это холопство...

— Фу-фу, устала! —воскликнула Анна Павловна, вся рас-

краснѣвшаяся, подходя къ нимъ.—Вотъ жара-то,—два раза купалась, не помогаетъ. Гриша, покажите ваши камешки!

— Не покажу, вы отнимете.

— Фи, точно я уличный мальчишка! Вы по себѣ судите, Гриша!

— Ну да, я-то у васъ ничего не отнималъ, а вы, помните, у меня морского конька отняли?

— Какого морского конька, когда? Вы вѣчно меня Богъ знаете въ чемъ обвиняете. Ну, я пойду къ художникамъ, посмотрю, что они дѣлаютъ.

Максютинъ уже кончилъ свою работу. Онъ набросалъ уголокъ берега, заваленнаго грудой желтыхъ камней, поросшихъ внизу бархатистой зеленью водорослей; зеленыя, прозрачныя волны набѣгали на нихъ, раскидываясь бѣлымъ кружевомъ, а тамъ, дальше, синѣло море и вырисовывался величавый силуэтъ Ай-мыса. Зорницкій пытался изобразить мысъ Фиолентъ, но у него ничего не вышло, и онъ замазалъ картину желтой краской, а сверху нарисовалъ голубого сфинкса, въ строгихъ чертахъ котораго замѣчалось слабое сходство съ Машей.

— Баста!—сказалъ онъ, бросая кисти.—Ничего не выходить; не могу я корпѣть надъ этой ерундой.

Максютинъ взглянулъ на его работу и засмѣялся.

— Сфинксъ смущаетъ?

— Ну да, смущаетъ... А тебя не смущаетъ? Не отрицай, я самъ видѣлъ, какъ ты давеча на нее смотрѣлъ. Тебѣ, я вижу, тоже хочется разгадать эту загадку.

— Загадка-то загадка,—серьезно замѣтилъ Максютинъ,—да не намъ съ тобою ее разгадать и не съ нашими грязными руками къ ней подходить...

— Не понимаю!—пожавъ плечами, сказалъ Зорницкій.

— Отлично понимаешь! Вспомни хоть, черезъ сколько публичныхъ домовъ ты прошелъ до встрѣчи съ этимъ ребенкомъ, а потомъ и рѣши, смѣешь ли ты даже въ глаза глядѣть ей послѣ этого.

— Фу, гадость!.. — пробормоталъ Зорницкій, но возразить ничего не нашелъ и сердито сталъ бросать въ ящикъ кисти и краски.—А кто же, по-твоему, смѣетъ ей глядѣть въ глаза? Ужъ не этотъ ли долговязый маменькинъ сыночекъ?

— Можетъ быть, не знаю. Меня это не интересуесть.

— А что же тебя интересуесть? — иронически спросилъ Зорницкій.

— Что меня интересуесть? — повторилъ Максютинъ, дѣлая

послѣдніе мазки на своей картинѣ.—Меня интересуетъ, откуда и зачѣмъ являются въ нашей подлой и грязной жизни такіа дѣти съ печальною душой и заранѣе обреченныя на гибель? Міръ не для нихъ и они не для міра, и какъ больно думать, что рано или поздно ихъ чистые глаза увидятъ всю грязь и мерзость жизни. Зачѣмъ это?

— А вѣдь, пожалуй, ты правъ,—въ раздумьѣ проговорилъ Зорницкій.—Ты понялъ Машу,—именно, она „ребенокъ съ печальною душой“. Ну, а Анна Павловна что по-твоему?

— Ну, Анну Павловну ничѣмъ не испугаешь. Она—милая и добрая дѣвушка, но совсѣмъ другого типа. Она не погибнетъ и ни въ какихъ обстоятельствахъ жизни не забудетъ плотно покушать и поглядѣться въ зеркало. У нея черзчуръ...

— Тите... вотъ она идетъ къ намъ! — прошепталъ Зорницкій испуганно.

— Ну, что, какъ ваша работа? Ай, какая прелесть! Волны, какъ живыя..! и мысь-Ай... Какъ похоже! Голубчикъ, подарите мнѣ это,—вы себѣ еще нарисуете,—говорила Анна Павловна, рассматривая картину Максютина.

— Съ удовольствіемъ, — сказалъ Максютинъ, подавая ей дощечку.—Только осторожнѣе, краски еще не просохли.

— Какой вы добрый!—воскликнула Анна Павловна въ восторгѣ.—Теперь у меня навсегда останется память о васъ и о сегодняшнемъ днѣ. Ну и прелесть же... А у васъ что?—обратилась она къ Зорницкому.

— Ничего,—буркнулъ Зорницкій, поспѣшно пряча свою неудавшуюся работу въ ящикъ.

— Нѣтъ, покажите, покажите... Что это? Ничего не понимаю. Вѣроятно, это что-нибудь символическое?

Максютинъ подсмѣивался, глядя на свонфуженнаго товарища.

— Нѣтъ, мнѣ не нравится,—объявила Анна Павловна, возвращая Зорницкому его работу. — Стихи у васъ лучше. Ну, я побѣгу, покажу Машѣ эту прелесть.

— Подождите, пойдемъ уже вмѣстѣ,—сказалъ Максютинъ.— Вотъ сейчасъ уберемъ всю эту музыку.

— А что тамъ дѣлаетъ Марья Павловна?—спросилъ Зорницкій.

— Да все съ Гришей философствуютъ.

— Марья Павловна, вѣроятно, не любитъ искусствъ?

— Да вѣдь она у насъ чудна! У нея все по-своему. Мы въ гимназіи звали ее Стародумомъ. Сколько она книгъ перечитала, и не сочтешь! Съ четвертаго класса начала газеты чи-

тать. Бывало, заберется въ палѣ въ кабинетъ и всѣ журналы у него потаскаетъ, а ночью, смотрю, вытащить изъ-подъ подушки книжку или номеръ газеты и читаетъ. Въ это время голодъ былъ, такъ она, бывало, цѣлую ночь напролетъ реветъ. Читаетъ и плачетъ. Хотѣла уйти къ голодающимъ, ну, конечно, ее не пустили,—вѣдь ей было 13 лѣтъ! Боже мой, какія были сцены! Перестала пирожное ѣсть за обѣдомъ, цѣлый годъ ни чаю, ни кофе не пила и всѣ деньги, которыя намъ давали на завтракъ, посылала въ Красный Крестъ. Наконецъ, такъ себѣ нервы разстроила, что докторъ запретилъ ей давать журналы и газеты. Опять исторія! Ну, говорить, хорошо, я не буду читать журналы и газеты, но ужъ внутреннее обозрѣнiе буду! Какъ хотите, а буду, буду, буду! Ужъ безъ внутренняго обозрѣнiя никакъ нельзя...

Анна Павловна такъ комично это представила, что и Максютинъ, и Зорницкiй не могли удержаться отъ улыбки.

— Ну и теперь то же самое,—продолжала Анна Павловна.— Въ нынѣшнемъ году она кончила курсъ, занималась отчаянно, опять нервы разстроились, бессонница, малокровiе. Докторъ послалъ въ Крымъ купаться и ѣсть виноградъ, поручили мнѣ наблюдать за ней, чтобы не читала много, особенно по ночамъ. А что я съ ней сдѣлаю? Какъ ни смотри, глядь, у нея ужъ книжка подъ подушкой. Какія-то психологiи, философiи,—и когда она успѣла все это припрятать и гдѣ взяла, это ее знаетъ.

— Но какъ это васъ рѣшили отпустить въ Крымъ одвѣхъ?—спросилъ Зорницкiй.

— А почему же?

— Да развѣ вы ужъ такая опытная особа? Вамъ самой нужно гувернанту.

Анна Павловна расхохоталась.

— Напрасно вы такъ думаете! Я старшая въ семьѣ и дома веду все хозяйство сама. Мама служить въ гимназiи учительницей, папа въ управленiи государственныхъ имуществъ, они зарабатываютъ хлѣбъ, а я занимаюсь хозяйствомъ, и весь домъ на мнѣ. Я все покупаю, заказываю обѣдъ, слѣжу, чтобы дѣти учили уроки. Нашъ папа любитъ самостоятельность. Я вся въ папу вышла.

— А Марья Павловна?

— Марья Павловна у насъ особенная. Она больше на маму похожа; мама у насъ добрая и мечтательная, немножко безхарактерная. А папа—у-у! Мы всѣ его очень уважаемъ, вотъ только Маша все спорить съ нимъ.

— Изъ-за чего?

— Да все изъ-за убѣжденій. Она тамъ начиталась всякой всячины и начнетъ вдругъ придирается къ папѣ, зачѣмъ онъ служить, да почему говоритъ одно, а дѣлаетъ другое... Чудачка страшная. Ну, вы готовы? Пойдемте.

IX.

Весь этотъ длинный день Клавдія Юрьевна провела въ необычномъ для нея одиночествѣ и тревогѣ. Ее беспокоили эти новые, незнакомые ей люди, съ которыми сблизился Юрій, беспокоило то новое, особенное настроеніе, въ которомъ онъ находился съ самаго перваго дня пріѣзда сюда. Онъ совсѣмъ не тотъ, какой былъ тамъ, дома, даже въ періодъ своей дружбы съ Ефремовымъ и Моргулисомъ. Онъ черезчуръ нервенъ, оживленъ и въ то же время какъ будто что-то прячетъ отъ нея въ своей душѣ и боится высказываться. И какъ по временамъ онъ становится похожъ на своего отца, вотъ, напримѣръ, сегодня, когда онъ бросился цѣловать ей руки... Какъ ей знакомы эти бѣшеные порывы любви, въ перемежку съ минутами холоднаго отчужденія и недовѣрія! И, сидя въ тѣни опущенныхъ занавѣсокъ, Клавдія Юрьевна думала и передумывала, что ей дѣлать? Поступить рѣзко, какъ тогда съ Ефремовымъ и Моргулисомъ, она боялась; оставаться совершенно равнодушной не могла. „Надо владѣть собою, надо владѣть собою“! шептала она, но помимо ея воли тревога ея все росла, и самыя мрачныя мысли приходили въ голову. Неужели 20 лѣтъ неуспѣшнаго труда и заботъ пропадутъ даромъ? Неужели она должна уступить?..

Клавдія Юрьевна даже всплакнула, хотя была не изъ пласивыхъ и не любила поддаваться слабостямъ. День казался ей безконечнымъ; плескъ волнъ, грубые голоса грековъ-рыбаковъ на набережной, крикъ продавцовъ-татаръ,—все ее раздражало. Она находила, что солнце свѣтитъ черезчуръ ярко, что яркія краски юга слишкомъ рѣжутъ глазъ, и, затворивъ всѣ окна и двери, сѣла писать письмо Филиппу Ивановичу. Это ее успокоило. Всѣ ея страхи показались ей нелѣпыми и смѣшными. Нельзя вычеркнуть изъ жизни 20 лѣтъ... Говорятъ, люди при долгой совмѣстной жизни становятся похожими другъ на друга,—неужели она не передала сыну ни одной своей черты? Это невѣроятно. Все-таки онъ больше ея сынъ, чѣмъ *ею*.

„Надо только владѣть собою, надо владѣть собою“...—повторила она, запечатывая письмо.

Солнце зашло; въ комнатѣ стало темно. Клавдія Юрьевнѣ вдругъ сдѣлалась противна эта душная комната, въ которой она пережила весь этотъ длинный, гадкій день и передумала свои гадкія думы. Всѣ углы ея, казалось, были наполнены отвратительными призраками, вызванными ея воображеніемъ. Клавдія Юрьевнѣ захотѣлось дохнуть свѣжимъ воздухомъ, увидѣть другія мѣста, людей, услышать голоса жизни. Она отнесла письмо на почту и пошла на набережную. Луна еще не взошла, и золотистыя сумерки лежали надъ городомъ. На набережной ей встрѣчались группы гуляющихъ съ кистями винограда въ рукахъ. Слышались разговоры, смѣхъ; по бухтѣ скользили лодки. Клавдія Юрьевна пошла на пристань и сѣла на лавочку рядомъ съ какой-то толстой дамой въ длинной шольевой накидкѣ, безъ шляпы и съ ридикюлемъ въ рукахъ. Тутъ же сидѣли и другіе,—какой-то блѣдный, должно быть, больной офицеръ съ женой и дѣтьми, нарядныя, щебечущія барышни, чахоточный молодой человѣкъ, окутанный пледомъ, несмотря на то, что вечеръ былъ теплый. Почти всѣ они были знакомы между собою и разговаривали другъ съ другомъ о болѣзняхъ, о купаньѣ, о дороговизнѣ лечебнаго винограда. Клавдія Юрьевнѣ, привывшей къ замкнутой жизни и отчужденію, было странно глядѣть на этихъ людей, и она съ незнакомымъ ей чувствомъ дружелюбія и любопытства прислушивалась къ ихъ разговорамъ. Она думала, что вотъ вѣдь эти люди живутъ такъ близко отъ нея, и у cadaго изъ нихъ есть свое горе, своя болѣзнь, а она ничего не знаетъ о нихъ, и они не знаютъ о ней. Потомъ ея поразила мысль, что вѣдь въ сущности она страшно одинока въ жизни и ни съ кѣмъ, даже съ роднымъ сыномъ, не можетъ раздѣлить того, что ее мучитъ и тревожитъ постоянно. И несмотря на отвращеніе къ новымъ знакомствамъ, Клавдія Юрьевнѣ, измученной одиночествомъ нынѣшняго дня, почти захотѣлось, чтобы съ нею тоже кто-нибудь заговорилъ. Особенное сочувствіе въ ней возбуждалъ молодой человѣкъ въ пледѣ и, прислушиваясь къ его разбитому голосу, прерываемому кашлемъ, Клавдія Юрьевна съ внутренней дрожью подумала, что вѣдь и Юрій можетъ вотъ такъ же заболѣть и умереть. Нѣтъ, пусть лучше дѣлаетъ что хочетъ, но только живеть, живеть...

Взошелъ мѣсяцъ, съ горы потянуло свѣжестью, и публика мало-по-малу разошлась. На пристани осталась только одна толстая дама съ ридикюлемъ. Она кого-то ждала, нетерпѣливо

вздыхала и пристально всматривалась въ каждую лодку, пристававшую къ берегу.

— Не ѣдутъ! — воскликнула она, наконецъ, обративъ къ Клавдіи Юрьевнѣ добродушное толстое лицо. — И что это, Господи, ужъ не случилось ли чего?

— Вы ждете кого-нибудь? — спросила Клавдія Юрьевна.

— Да сыннишка поѣхалъ съ компаніей въ Георгіевскій монастырь, и вотъ до сихъ поръ нѣту!

— Въ Георгіевскій? Съ художниками?

— Да, да.

— Ну, значить, и мой съ ними.

— Да ну-те? — радостно воскликнула толстуха. — Какъ это пріятно, — значить, вы тоже ждете? Давайте же вмѣстѣ ждать. Это какой же вашъ сыночекъ — черненькій такой, высокій?

— Да.

— Ну, такъ, такъ, я его замѣтила давеча. Онъ у васъ одинъ?

— Одинъ.

— А у меня шестеро! — со вздохомъ сказала толстуха. — Сколько съ ними хлопотъ, Боже мой, а радости немного. Трое старшихъ, слава Богу, теперь уже на своихъ ногахъ, — вотъ только Гриша... Ахъ, какъ онъ меня беспокоитъ, не дай Боже!

— Чѣмъ же беспокоитъ? — съ интересомъ спросила Клавдія Юрьевна.

— Да своимъ характеромъ! Какой-то онъ своевольный растетъ, упрямый, я ужъ и не знаю, что такое. Ну, другія дѣти растутъ — и пошалаютъ, и подерутся, и поиграютъ, все по-дѣтски, а этотъ какой-то ужъ очень серьезный. Иной разъ такое скажетъ, что и не знаешь, что ему отвѣчать, точно онъ-то и есть старшій, а ты передъ нимъ ребенокъ. Разъ какъ-то я назвала его „гадкимъ утенкомъ“, знаете, сказочка такая есть въ христоматіи. А онъ мнѣ на это, — вы, стало быть, мамаша, и есть утка, а вѣдь изъ гадкаго утенка-то, знаете, вышелъ лебедь! Ну, что ему на это скажешь?

Въ сверкающей глубинѣ бухты послышалось мѣрное постукиванье весель объ уключины, и толстая дама встрепенулась.

— ѣдутъ! — прошептала она. — Но звуки уходили все дальше и, наконецъ, замерли гдѣ-то въ горахъ. — Нѣтъ, мимо! — вздохнула мать Гриши и продолжала. — Да, правда въ нашей хохляцкой пословицѣ говорится, — пята зйде въ пяты! Еще когда одинъ, или два, — ничего, а когда ихъ шесть, ну, просто вся душа выболитъ. Да и дѣти-то нынче пошли какія-то странныя. Ну, вотъ

Гриша, — подумайте, ему шестнадцать лѣтъ, а у него уже катарръ желудка и малокровіе и еще не знаю что! Отъ ученья это, что ли, ужъ Богъ знаетъ. Вѣдь я и пріѣхала-то сюда для него!..

И словоохотливая дама разсказала Клавдіи Юрьевнѣ всю свою біографію. Она изъ Х., зовутъ ее Марья Васильевна Хоменко. Мужъ ея — полковникъ, сынъ недавно выпущенъ въ офицеры, двѣ дочери замужемъ. Живутъ они хорошо, и она была бы совершенно счастлива, если бы не дѣти. Дѣти были пунктомъ ея помѣшательства, и она терзалась непрестанной мыслью о томъ, здоровы ли они, сыты ли, довольны ли. Въ хорошемъ здоровьѣ и въ обиліи сытной ѣды, по ея мнѣнію, заключался главнѣйшій идеаль челоувѣческаго счастья. И по ея разсказамъ Клавдія Юрьевна живо представила себѣ всю немудрую жизнь семьи Хоменко. Теплая квартира, съ утра до ночи ѣда („у насъ самоваръ со стола не сходитъ“! наивно сообщала Марья Васильевна), толстыя, румяныя дѣти, крѣпкій сонъ безъ всякихъ сновидѣній, — вотъ и все. Изрѣдка только въ это благодушное существованіе врывались несложныя тревоги и беспокойства по поводу какого-нибудь разстройства желудка или насморка, но докторскій рецептъ возстановлялъ нарушенное равновѣсіе, и мирное житіе снова вступало въ свое обычное русло съ завтраками, обѣдами и вѣчнымъ самоваромъ на столѣ.

„А не то же все самое и у меня“? — подумала Клавдія Юрьевна, пораженная наивнымъ эгоизмомъ Марьи Васильевны, напоминавшимъ эгоизмъ кошки или насѣдки, клокчущей надъ своими птенцами. И сама отвѣтила на этотъ вопросъ: „нѣтъ, не то“...

Явственный плескъ веселья и голоса прервали тягучую рѣчь Марьи Васильевны. Обѣ дамы замолчали и прислушались. Въ таинственной тишинѣ серебряной ночи, пропитанной острой влажностью моря, послышалось пѣніе. Чей-то бархатный, задушевный баритонъ пѣлъ унылую русскую пѣсню. Слово не было слышно, но хватающій за душу мотивъ со всѣми переливами и удалыми возгласами можно было уловить вполне.

— Кто это поетъ? — сказала Марья Васильевна. — Хорошо поетъ!

Клавдія Юрьевна не отвѣчала. Сердце ея заняло, — она узнала мотивъ. Это была старинная волжская пѣсня, которую любилъ и часто пѣвалъ ея мужъ, самъ волжанинъ и большой любитель суровой разбойничьей поэзіи. И Клавдіи Юрьевнѣ вдругъ живо вспомнилась шумная студенческая вечеринка, молодая оживлен-

ныя лица, звуки пьянино и высокій студентъ въ красной рубашкѣ. Ахъ, какъ давно это было и какъ больно вспоминать! Гдѣ все это, куда ушло, и гдѣ тотъ, который пѣлъ ту пѣсню?

Пѣніе смолкло, слышались аплодисменты и оживленные голоса. Клавдія Юрьевна очулась и, болѣзненно сморщившись, безучастно глядѣла въ сверкающую даль бухты. Эта пѣсня, эти непрошенные и ненужныя воспоминанія омраченной страданіями молодости, снова разбудили въ ней чувство недоброжелательства къ прошлому и страстное желаніе уничтожить всё его слѣды.

— Это наши! — радостно воскликнула Марья Васильевна. — Гришинъ голосъ... Ну, слава Богу!

Клавдія Юрьевна посмотрѣла на нее почти враждебно. Зачѣмъ она сидитъ здѣсь съ этой пошлой, откормленной насѣдкой? И зачѣмъ все это, зачѣмъ эта пѣсня, зачѣмъ Юрій тамъ въ лодкѣ, съ чужими людьми?..

Всплески веселья и голоса приближались. Звонкій женскій голосъ, дурачась, запѣлъ, „ночи безумныя“; другой, брюзжащій голосъ, въ которомъ не трудно было узнать голосъ Гриши, протестовалъ:

— Анна Павловна, — пожалуйста, перестаньте! Ей Богу, послѣ той пѣсни противно слушать всякія цыганскія пошлости!

Взрывъ веселаго, молодого смѣха покрылъ протестъ юнаго брюзги, и темная масса вынырнула изъ моря свѣта, быстро направляясь къ берегу. Марья Васильевна, уронивъ съ плечъ накидку, бросилась на встрѣчу лодкѣ.

— Гриша, ты здѣсь? Не озябъ? Кушать хочешь? — осыпала она сына торопливыми вопросами.

— Зачѣмъ вы здѣсь торчите? — недовольно проворчалъ Гриша, неприятно пораженный этой бурной встрѣчей. — Спали бы себѣ!

— Ахъ, Боже мой, да развѣ я могу спать, когда тебя нѣтъ дома? Ну, здравствуй, голубчикъ... (чмоканье). Что это у тебя такія щечки холодныя?.. (Еще чмоканье). А я тебѣ тамъ приготовила бифштексъ, — только поджарить на бензинкѣ, и готово.

— Мамаша!.. — прошигѣлъ Гриша, вырываясь изъ объятий матери, и бросился бѣжать. Марья Васильевна, волоча за собою по землѣ накидку, устремилась за нимъ.

Молодые люди, веселые, оживленные, обвѣянные морскою свѣжестью и неся въ складкахъ своего платья острый запахъ соли, выпрыгивали изъ лодки и со смѣхомъ, съ разговоромъ, прощались между собою, не замѣчая мрачной фигуры на пристани.

— Ну, прощайте... Прощайте!.. Завтра увидимся?.. Конечно... Ахъ, какой день, какая прогулка...

— Мамочка, ты здѣсь?—воскликнулъ Юрій Александровичъ, замѣтивъ, наконецъ, въ ясныхъ лучахъ мѣсяца блѣдное лицо, глядѣвшее на него изъ-за периль.—Какъ это ты?.. Вотъ я не ожидалъ!

— Я такъ соскучилась...—глухо проговорила Клавдія Юрьевна, и ей захотѣлось плакать, упрекать, заставить сына мучиться отъ раскаяніи.

— Ахъ, мама, прости!—воскликнулъ Юрій Александровичъ, цѣлуя ея холодную руку, и сейчасъ же восторженно принялся рассказывать о прогулкѣ. Если бы она знала, какъ тамъ хорошо... Это какой-то сказочный уголокъ. И было очень интересно. Максютинъ—это какой-то необыкновенный человѣкъ... Онъ рѣшительно вездѣ былъ и все знаетъ!—говорилъ Юрій Александровичъ, торопясь какъ можно скорѣе передать всѣ свои впечатлѣнія.

— Представь себѣ, онъ ѣздилъ въ Сибирь съ переселенцами... Былъ рабочимъ въ шахтахъ и спускался на 100 сажень въ землю. Матросомъ на пароходѣ служилъ... Онъ хотѣлъ узнать, какъ живутъ рабочіе... У него пропасть картинъ, и онъ звалъ насъ къ себѣ смотрѣть. А какъ онъ поетъ,—какой голосъ! Ты слышала?

Клавдія Юрьевна молчала, но Юрій Александровичъ былъ такъ возбужденъ, что не замѣчалъ ея молчанія, ея разстроеннаго лица, и продолжалъ:

— Нѣтъ, мамочка, намъ непременно надо съ нимъ познакомиться. Онъ мнѣ, знаешь, совсѣмъ какой-то новый міръ открылъ. Я до него, напримѣръ, рѣшительно ничего не зналъ о переселенцахъ, о духоборахъ... Ты тоже не слыхала, мама? А это, знаешь, страшно интересно. Надо будетъ читать газеты. Представь себѣ, духоборы...

Вотъ она, жизнь!.. Отъ нея нигуда не уйдешь. И никакія стѣны, никакая философія, никакіе даже пуховики и перины и жирные пироги Марьи Васильевны не въ силахъ задержать ея властительнаго шествія. Громкіе голоса ея проникаютъ въ самыя защищенные уголки; рыданія и вопли ея потрясаютъ самыя уютныя гнѣздышки, и разныя Гриши, Юрочки, Ванички жадно прислушиваются къ этимъ звукамъ жизни и, очертя голову, бросаются на зовъ...

— Ахъ, да, мамочка, у насъ нѣтъ родственниковъ со стороны отца?—продолжалъ Юрій Александровичъ, не подозрѣвая, что каждое его слово отравленной стрѣлой вонзается въ сердце матери.—Максютинъ говорилъ, что фамилія Щигровскихъ ему знакома. Ну, я и подумалъ...

Вотъ она, жизнь!.. Она идетъ своимъ мѣрнымъ шагомъ и давить все, что попадаетъ ей на пути. Воля, желанія, усилія каждой отдѣльной личности ломаются и падаютъ подъ напоромъ могучей неизбежности. Что же дѣлать? Куда идти?

— Родственники?—слабымъ голосомъ и не сразу отвѣтила Клавдія Юрьевна.—Право, не знаю... можетъ быть...

Х.

Солнце уже пробралось сквозь узорчатую листву виноградныхъ лозъ, обвивавшихъ рѣшетку надъ окномъ, и, разбѣжавшись множествомъ золотыхъ зайчиковъ по стѣнамъ и полу комнаты, разбудило Анну Павловну. Въ отворенное окно врвался теплый вѣтерокъ, шевеля бѣлую сторку и распространяя по комнатѣ приторный запахъ олеандровъ; Анна Павловна открыла глаза, сладко потянулась и поглядѣла на карманные часы, постукивавшіе на ночномъ столикѣ.

— Седьмой часъ!—воскликнула она, вскакивая.—Маня, давай вставать! Жаль спать въ такое очаровательное утро.

Но, взглянувъ на постель сестры, она увидѣла, что Маша уже не спитъ и, облокотившись на подушку, широко открытыми глазами смотритъ передъ собою. На подушкѣ лежала развернутая книга, но она не читала ее и, наморщивъ лобъ, о чемъ-то думала.

— Ахъ, ты уже не спишь? — сказала Анна Павловна.—И опять съ книжкой... Ну, смотри, вотъ я напишу „отцамъ“, что ты не слушаешься. О чемъ ты думаешь?

— Ни о чемъ, — отвѣчала Маша недовольнымъ голосомъ, точно досадуя, что ей помѣшали, и медленно закрыла книгу.

— Врешь, Манька! Я по глазамъ вижу. У тебя всегда такіе глаза, когда ты думаешь о чемъ-нибудь житейскомъ. Они у тебя дѣлаются такіе большіе, свѣтлые и испуганные, вотъ какъ вчера, когда Максютинъ рассказывалъ про духоборовъ. А когда ты думаешь о книжномъ, глаза у тебя мутные, маленькіе и глуше!..

Она расхохоталась и, топая босыми ногами по полу, побѣжала къ Машѣ и начала ее тормошить.

— Оставь, пожалуйста! Ну, оставь же...—отбивалась Маша.

Въ борьбѣ ея тяжелыя волнистыя косы рассыпались по подушкѣ и бѣлая кофточка спустилась съ плечъ, обнаживъ худенькую, еще не сформировавшуюся дѣтскую грудь. Запыхавшись,

она вырвалась отъ сестры и сѣла на постели, стыдливо прикрываясь одѣяломъ.

— Ну, будетъ!— сказала Анна Павловна.— Давай одѣваться. Ты меня всю испарापала, злой котенокъ!

— А ты не приставай, — проговорила Маша, застегивая кофточку.

Анна Павловна подбѣжала къ зеркалу и съ удовольствіемъ стала разсматривать свое хорошенькое личико съ блестящими послѣ сна глазами и красною отъ лежанья щекой.

— Ну? — заговорила она снова.— Довольна ты вчерашней прогулкой? Я всю ночь во снѣ видѣла открытое море, прибой, мысъ Фиолентъ и Максютина. Ахъ, а гдѣ моя картинка?

Она выдвинула ящикъ стола, вынула картинку и, поставивъ ее на столъ, принялась любоваться ею.

— Прелесть, прелесть! И самъ Максютинъ прелесть! Тебѣ онъ нравится?

— Я ему завидую, — сказала Маша.

— Его голосу? Или его таланту?

— Нѣтъ, это что! Я завидую, что онъ вездѣ можетъ бывать, все видѣлъ, все знаетъ. Если бы я была мужчина, я бы тоже пошла въ рабочіе, чтобы знать, какъ живетъ простой народъ. По книжкамъ нельзя узнать жизнь, — задумчиво промолвила Маша, заплетая волосы.

— Ну, это глупости! А вотъ талантамъ его можно позавидовать. Вѣдь если бы у меня былъ такой голосъ, я бы знаменитостью сдѣлалась! И отчего онъ не поступить въ консерваторію? Могъ бы быть чѣмъ-нибудь въ родѣ Фигнера или Яковлева.

— Зачѣмъ это?

— Какъ зачѣмъ? А деньги? А слава?

— „Что слава? Яркая заплатка на жалкомъ рубищѣ пѣвца“... — прошептала Маша задумчиво.

— Это Фигнеръ-то въ рубищѣ? — засмѣялась Анна Павловна.— Опъ, говорятъ, 15,000 въ годъ получаетъ... Хорошо рубище!

— Все равно, это должно быть очень стыдно получать такіа деньги за пустяки.

— Пустяки! Ну, матушка, ты совсѣмъ съ ума сошла. Развѣ музыканты, пѣвцы, художники пустяками занимаются? Безъ нихъ было бы очень скучно жить на свѣтѣ. Они доставляютъ намъ удовольствіе, помогаютъ людямъ переносить горе, забываютъ житейскія дразги.

— Не надо забывать, — возразила Маша серьезно. — Своего горя все равно никакая музыка не поможет забыть, а о чужомъ мы и такъ никогда не думаемъ. По-моему, только такіе художники и хороши, которые напоминаютъ, а не заставляютъ забывать.

— Ну, ужъ это Гришина философія! — насмѣшливо воскликнула Анна Павловна и, открывъ піанино, взяла нѣсколько шумныхъ аккордовъ.

— Я буду аккомпанировать Максютину, — сказала она, снова захлопывая крышку. — Онъ вѣдь обѣщаль пѣть у насъ. А знаешь, Маня, онъ вовсе не такъ дурень, какъ мнѣ показалось сначала! У него прелестные глаза, — прозрачные и свѣтлые, какъ у доброй собаки! Онъ, должно быть, очень добрый и мягкій. Зорницкій красивѣе, но Максютинъ лучше. А тебѣ это больше нравится, — Зорницкій или Максютинъ?

— Мнѣ Зорницкій совсѣмъ не нравится.

— Бѣдняжка! — смѣясь, проговорила Анна Павловна. — А онъ въ тебя такъ влюбленъ! Если бы ты видѣла, какіе у него глупые глаза, когда онъ на тебя смотритъ!

Маша вся вспыхнула и нахмурилась.

— Прошу тебя, пожалуйста, никогда не говори пошлостей! — рѣзко сказала она. — Я ненавижу это... ненавижу!..

Въ окно кто-то осторожно постучалъ. — Анна Павловна поспѣшно нагнула на себя большой влѣтчатый платокъ — и спросила, кто тамъ.

— Это я... — послышался голосъ Зорницкаго. — Вы еще спите?

— Нѣтъ... — откликнулась Анна Павловна и, дѣлая сестрѣ комическія гримасы, беззвучно расхохоталась.

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ,
 Рассказать, что солнце встало,
 Что оно волшебнымъ свѣтомъ
 По листамъ затрепетало..

продекламировалъ Зорницкій нараспѣвъ.

— Мы тоже встаемъ! — крикнула ему Анна Павловна. — Если хотите съ нами чай пить, подождите въ саду!

— Благодарю, отъ чаю не отказываюсь, но на минутку сбѣгаю въ аптеку и домой. Представьте, Максютинъ захворалъ!

— Чтò съ нимъ? — въ одинъ голосъ воскликнули сестры.

— Жесточайшая лихорадка. Это онъ еще на Кавказѣ схватилъ, и до сихъ поръ никакъ не можетъ вылечиться. Стоитъ ему побыть вечеромъ на водѣ, сейчасъ же пароксизмъ.

— Ахъ, бѣдный, бѣдный!—огорченно проговорила Анна Павловна.—Маша, мы непременно его навѣстимъ? Такъ вы идите скорѣй, Зорницкій...

Черезъ часъ Зорницкій сидѣлъ съ сестрами въ тѣнистомъ садикѣ подь развѣсистыми вѣтвями мушмалы, покрытой жесткими, какъ дерево, плодами. Передъ ними на столикѣ, покрытомъ бѣлой скатертью, шумѣлъ крошечный самоварчикъ, и Анна Павловна домовито варила кофе на бензинѣ. Она совершенно преобразалась, когда хозяйничала; ея веселое личико становилось серьезнымъ, и она озабоченно слѣдила, какъ бы кофе не перекипѣлъ.

— Вотъ не ожидалъ, Анна Павловна, что вы такая прекрасная хозяйка!—сказалъ Зорницкій, принимая отъ нея дымящійся стаканъ.

— Вѣдь я вамъ говорила вчера! У каждого свой талантъ. Я—Марѳа, а вотъ Маша—Марія. Но расскажите, что Максютинъ?

— Лежить въ жару. Бредить.

— Но какъ же вы его оставили?

— Онъ самъ меня прогналъ. Говорить, что когда боленъ, его люди раздражаютъ. Это у него подь утро началось. Мы вчера долго не спали, разговаривали, потомъ онъ легъ, а я писалъ...

— Новые стихи? Прочтите.

Зорницкій, скромно улыбаясь, досталъ изъ кармана почтовый листокъ бумаги, мелко написанный, и началъ читать:

Чиста, какъ небо въ ясный день,
 Была она, и не касалась
 Ея чела тревоги тѣнь,
 И нѣжно, кротко отражалась
 Душа въ ея глазахъ—и былъ
 Взглядъ этихъ глазъ всегда покоенъ,
 И злобы мечъ, я, смѣлый воинъ,
 Предъ нею трепетно склонилъ...
 Ребенокъ сердцемъ, страсти чуждый,
 Она жила въ иной странѣ,
 Сомнѣнья, страхи, смѣхъ и нужды
 Она порой вѣрала мнѣ,
 И лепетъ тихій, лепетъ чистый,
 Журча, срывался съ милыхъ устъ,
 Какъ сыплеть капель дождь искристый
 Весеннимъ утромъ розы кустъ.
 И я боялся смѣлымъ словомъ
 Нарушить сердца тишину...

— Дальше нѣтъ, еще не кончено, — сказала Зорницкѣй, самъ взволнованный своимъ стихотвореніемъ, и робко взглянулъ на Машу.

Маша сидѣла съ сурово сдвинутыми бровями, не поднимая глазъ отъ своей чашки.

— Недурно! — замѣтила Анна Павловна, смѣющимися глазами глядя на сестру. — Вы совсѣмъ поэтъ, Зорницкѣй. Маша, тебѣ нравится?

Маша не отвѣчала и еще ниже опустила голову, стараясь скрыть краску, вспыхнувшую на ея щекахъ. Она смутно догадывалась, что стихотвореніе относится къ ней, и это глубоко ее возмущало. Любовь была еще совершенно чужда ея цѣломудренной душѣ, и ей казалось очень стыднымъ не только говорить о ней вслухъ, но даже думать. И когда ей въ книгахъ попадались описанія любовныхъ свиданій, разговоровъ и поцѣлуевъ, она краснѣла и пропускала эти страницы. Зорницкѣй не нравился ей все больше и больше, и она съ досадою думала, какъ скучно и нелѣпо тратить время на пустяки, когда жизнь такъ коротка и нужно еще рѣшить множество важныхъ вопросовъ. Поэтому Маша обрадовалась, увидѣвъ вдали неуклюжую фигуру Гриши, который, съ фунтикомъ винограда въ рукахъ и съ газетою въ боковомъ карманѣ, подходилъ къ нимъ.

— Школьный вопросъ провалился! — торжественно сообщилъ онъ Машѣ, еще не успѣвъ ни съ кѣмъ поздороваться.

— О, Господи, опять школьный вопросъ! — воскликнула Анна Павловна. — Садитесь лучше, я вамъ кофе налью.

— Я въ это время не пью кофе.

— Ахъ, извините, я забыла, что вы живете по росписанію! Теперь, вѣроятно, у васъ на очереди графа „посѣщеніе знакомыхъ“ и „умственные разговоры“. Ну-съ, начинайте, мы почтительно слушаемъ.

— Ничего вы не услышите. Я сейчасъ иду къ Максютину.

— Напрасно! Онъ боленъ и лежитъ въ постели. Мы къ нему пойдемъ всѣ вмѣстѣ, когда онъ поправится.

— Ахъ, досадно, я хотѣлъ съ нимъ поговорить... — промолвилъ Гриша и взялъ-было себѣ стулъ, но его остановила Маша.

— Пойдемте лучше въ бесѣдку, — сказала она торопливо.

По пыльной дорожкѣ, окаймленной полусохшими отъ жары цвѣтами, они прошли въ уголъ садика, гдѣ ограда, отдѣлявшая его отъ набережной, заканчивалась круглой бесѣдкою подъ рѣзнымъ узорчатымъ куполомъ. Изъ бесѣдки была видна бухта и набережная, которая къ сѣверу загибалась полумѣсяцемъ и пере-

ходила въ пыльное шоссе, терявшееся въ горахъ. Несмотря на ранній часъ дня, на набережной было уже оживленіе. Въ купальню и изъ купальни шли дамы и мужчины съ простынями; они встрѣчались и обмѣнивались привѣтствіями; слышались вопросы: „Ну что, вы теперь сколько съѣдаете винограду“?— „Представьте, я уже до шести фунтовъ дошелъ, а вы“?— Блѣдный офицеръ, поддерживаемый женою, медленно прогуливался взадъ и впередъ, сосредоточенно и обстоятельно высасывая сокъ изъ виноградныхъ ягодъ и отплевывая шелуху. Сумасшедшій грекъ, Барбо, съ надписью „коммисіонеръ“ на спинѣ парусиннаго пиджака, съ дѣловымъ видомъ толкался тутъ же, предлагая свои услуги. Оборванные татары съ корзинками за плечами выкрикивали передъ окнами домовъ: „свѣжи яйса! Сыпьята“! и ихъ гортанные крики сливались съ жидкимъ звономъ церковнаго колокола, благовѣстившаго къ обѣднѣ, и рѣзкимъ звукомъ рожка линейки, отходившей въ Севастополь.

По срединѣ бесѣдки стоялъ круглый столъ, весь изрѣзанный вензелями и надписями; вокругъ него размѣстилось нѣсколько неуклюжихъ садовыхъ стульевъ, выкрашенныхъ въ зеленую краску. Гриша и Марья Павловна подвинули стулья къ балюстрадѣ, отдѣлявшей бесѣдку отъ набережной, и усѣлись.

— Знаете, я ушла отъ Зорницкаго,—начала Маша.—Мнѣ онъ страшно не нравится.

— Мнѣ тоже. Лиловый декадентъ на розовой подкладкѣ и, что особенно противно, еще рисуется своимъ декадентствомъ. Мнѣ странно, что Максютинъ съ нимъ дружитъ. Вообще въ Максютинѣ много страннаго. Иногда онъ кажется очень симпатичнымъ, а иногда въ немъ проявляется что-то отталкивающее, напримѣръ, этотъ его насмѣшливый тонъ. Я замѣтилъ, что подъ насмѣшкой люди часто скрываютъ свою внутреннюю пустоту. Я хотѣлъ бы знать, кто онъ такой?

— А мы кто такіе, Гриша?—спросила Маша задумчиво.— Вотъ вы, напримѣръ, кто?

— Я?—Гриша нѣсколько смутился.—Я, видите ли, Марья Павловна... я еще не выработалъ себѣ опредѣленнаго міросозерцанія. Я—еще такъ мало знаю.

— А вѣдь это очень важно, очень важно!—серьезно замѣтила Маша.

— Да, конечно, но вѣдь намъ съ вами еще такъ много надо учиться...

— Учиться, учиться... а когда же жить?—воскликнула Маша.—Вотъ я просто не знаю, что мнѣ дѣлать... Поступать на

курсы или нѣтъ? Мнѣ хочется поскорѣе начать что-нибудь дѣлать... я бы желала быть сельской учительницей. Но папа и мама говорятъ, что рано, — почему рано? Я не знаю. Развѣ нельзя и работать, и учиться вмѣстѣ?

— Я думаю, это трудно. Нужно сначала подготовиться. Всякое дѣло требуетъ подготовки.

— Не знаю... — въ раздумьѣ проговорила Маша. — Ахъ, Гриша, я думаю, думаю иногда надъ этимъ, и просто отчаяніе нападетъ... Кажется, что вотъ время уходитъ, а ты ничего еще не сдѣлала и ни къ чему негоденъ и ничего не знаешь... а вѣдь мнѣ уже семнадцать лѣтъ! А иногда, напротивъ, чувствуешь въ себѣ такую силу, что вотъ взялъ бы и весь свѣтъ перевернулъ. Бываетъ это съ вами, Гриша?

— Бываетъ, только не часто, — подумавъ, отвѣчалъ Гриша. — Я стараюсь объ этомъ не думать.

— Нельзя не думать! — перебила Маша горячо. — Само какъ-то думается. Кто я? Зачѣмъ живу? Что надо дѣлать? Какъ жить? Развѣ это не важные вопросы?

— Да вѣдь все равно, вы ихъ не рѣшите сразу, — положи-тельно сказалъ Гриша. — Жизнь сама рѣшить, что надо дѣлать, такъ зачѣмъ же голову ломать напрасно?

— Жизнь... жизнь... а что такое жизнь? Даже подумать страшно... Всѣ живутъ, — и вонъ эти рыбаки, которые сѣтъ чинятъ, и вотъ этотъ червячекъ живетъ, и сумасшедшій Барбо живетъ, — да развѣ это жизнь? Развѣ вы хотѣли бы такъ жить?

Гриша не отвѣчалъ, и глядя на червяка, медленно и осторожно пробиравашагося по вѣткѣ плюща, оба задумались.

Мимо бесѣдки по набережной промчался на велосипедѣ упитанный юноша въ студенческой тужуркѣ и бѣлой фуражкѣ съ голубымъ околышемъ. Онъ ловко перебиралъ своими мускулистыми ногами, натянутыми въ черные чулки, и его румяное, улыбающееся лицо выражало полное довольство собою и всѣмъ окружающимъ. Омрачившееся лицо Гриши просвѣтлѣло.

— Смотрите, вотъ кто рѣшилъ всѣ жизненные вопросы! — сказалъ онъ. — Катить себѣ, и чортъ ему не брать.

— Ахъ, это братъ нашей сосѣдки, — разсѣянно сказала Маша. — Они живутъ рядомъ съ нами, и я каждое утро слышу, какъ онъ учитъ своего маленькаго племянника гимнастикѣ. У нихъ всегда страшный шумъ и ссоры: мальчикъ его, должно быть, не слушается, онъ его наказываетъ, барыня плачетъ, и по всему дому распространяется запахъ нашатырнаго спирта. А по-

томъ опять: разъ-два, разъ-два... Точно на солдатскомъ ученьѣ. Онъ, должно быть, смертельно глупъ, этотъ господинъ!

— Да это и видно. Физиономія точно у йоркширскаго поросенка, — знаете, такая гладенькая, розовая и безсмысленная. Впрочемъ, я замѣтилъ, что у всѣхъ, катающихся на велосипедѣ, бываетъ глупое лицо. Вѣроятно, это происходитъ отъ сознанія нелѣпости своего положенія, а потомъ превращается въ привычку, да такъ и остается навсегда. Должно быть, у нихъ мозги изъ головы перемѣщаются въ пятки. Не даромъ мой родитель все совѣтуетъ мнѣ кататься на велосипедѣ, — говорить, меньше думать будешь, а по его мнѣнію — думать много вредно!

Они засмѣялись, слѣдя глазами за юнымъ велосипедистомъ, который, звеня колокольчикомъ, носился по набережной, подпрыгивая на дутыхъ резиновыхъ шинахъ. Замѣтивъ, что на него смотрять, онъ присапнулся, расправилъ свои закрученные въ стрѣлку усики, и его розовое лицо озарилось еще болѣе самоодольной улыбкой.

ХІ.

Максютинъ только-что всталъ съ постели послѣ двухдневнаго пароксизма лихорадки и весь желтый, осунувшійся, съ глубоко впавшими глазами и посинѣвшими губами, сидѣлъ у окна, когда на террасѣ послышался веселый говоръ, и кто-то осторожно постучалъ въ дверь.

— Войдите, войдите, пожалуйста! — отозвался Максютинъ.

Дверь отворилась, и въ комнату вошли Анна Павловна, Маша, Гриша и Юрій Александровичъ.

— Боже мой, какъ вы перемѣнились! — съ участіемъ воскликнула Анна Павловна, пожимая холодную и влажную руку Максютина.

— Спасибо, спасибо, что не забыли! — сказалъ Максютинъ, здороваясь со всѣми. — Хорошо иногда похворать, — сейчасъ узнаешь, что есть добрые люди на свѣтѣ! А гдѣ же мой сожитель?

— Онъ тамъ идетъ сзади... Марья Васильевна (это, знаете, Грипина мама!) прислала вамъ разныхъ разностей, и мы заставили его нести все это. А вотъ и онъ!

Зорницкій вошелъ, молча и съ мрачнымъ видомъ сталъ выгружать на столъ какіе-то свертки и узелки, банку съ вареньемъ и бутылку вина.

— Неужели это все мнѣ? — воскликнулъ Максютинъ весело.

— Вы ужь, пожалуйста, простите... — заговорилъ Гриша весь красный.— Я сказалъ мамашѣ, что неумѣстно... но у нея ужь такая привычка всѣхъ пичкать.

— Прекрасная привычка, и я очень ей благодаренъ,—добродушно сказалъ Мавсютинъ. — Послѣ этого я навѣрное поправлюсь, а то меня Зорницкій все какимъ-то Геркулесомъ угощаль. Гадость страшная; хорошо, что большую половину онъ самъ уничтожалъ. Но мнѣ сегодня всю ночь мерещилось, что этотъ Геркулесъ сидитъ во мнѣ и что ему ужасно тамъ тѣсно. Пренепріятная, знаете, вещь чувствовать въ своемъ мизерномъ тѣлѣ гиганта. Я все извинялся передъ нимъ, а онъ, бѣдняга, старался расправить свои члены, такъ что у меня трещали всѣ кости. И теперь еще все болитъ!

— Ну, теперь мы васъ вылечимъ!—сказала Анна Павловна. — Вотъ сейчасъ поставимъ самоваръ и дадимъ вамъ чаю съ малиновымъ вареньемъ. Марья Васильевна увѣряетъ, что это самое лучшее средство отъ лихорадки. Ну, Зорницкій, гдѣ у васъ самоваръ, вода, щепки? Да чтѣ это такое съ вами? Вы совсѣмъ не въ своей тарелкѣ.

Зорницкій, не говоря ни слова, вышелъ, Анна Павловна послѣдовала за нимъ, и черезъ минуту на террасѣ уже слышался ея звонкій смѣхъ въ перемежку съ плескомъ воды и паденіемъ на полъ какихъ-то тяжелыхъ предметовъ.

Гриша, Юрій Александровичъ и Маша чинно сидѣли по угламъ, смущенно переглядываясь другъ съ другомъ. Никто не рѣшался заговорить первый. Мавсютинъ тоже молчалъ. Ему было пріятно смотрѣть на ихъ молодя, смущенныя лица, и онъ думалъ, какой же онъ, должно быть, старикъ, если эта молодежь стѣсняется его и чувствуетъ себя неловко передъ нимъ.

— Можно взглянуть на ваши картины?—сказалъ, наконецъ, Гриша, которому дальнѣйшее молчаніе начало казаться уже неприличнымъ.

— Сколько хотите, только предупреждаю, ничего интереснаго не найдете. Этюды и этюды, а этюды вѣдь это черновики будущихъ работъ.

Но молодежь, обрадовавшись случаю прекратить неловкое молчаніе, бросилась разсматривать картины, полотна и папки, разбросанныя по стульямъ и столамъ, сваленныя по угламъ, висѣвшія на стѣнахъ. Интереснаго, дѣйствительно, было мало. Кусочекъ песчанаго берега съ пѣнистымъ прибоемъ, желтыя скалы, поросшія берестомъ и карагачемъ, пыльная дорога, свергающаяся подъ солнцемъ, между сѣрыми холмами, грекъ-рыбакъ,

починивающій сѣти, бронзовое, морщинистое лицо татарина съ пламенными глазами... Но вдругъ Гриша вскрикнулъ и позвалъ Машу...

— Марья Павловна! Посмотрите, вотъ интересно...

Всѣ трое принялись разсматривать Гришину находку. Это было небольшое полотно, очевидно, давно заброшенное и покрытое слоемъ пыли. Отъ времени краски потрескались и пожухли, и въ первую минуту ничего нельзя было разобрать въ беспорядочномъ хаосѣ темныхъ и коричневыхъ пятенъ, налипанныхъ на полотно безъ всякаго, повидимому, плана и порядка. Но мало-по-малу глазъ начиналъ привыкать къ этому полумраку, и изъ хаоса выступили двѣ человѣческія фигуры, занимавшія центръ картины. Подъ низкими сводами какаго-то подземелья, полуосвѣщеннаго двумя копящими лампочками, сидѣли двое. Одинъ — маленькій, худой съ нервнымъ, изящнымъ лицомъ, на которомъ сіяли большіе страдальческіе глаза, что-то говорилъ съ одушевленіемъ, приподнявъ правую руку; другой — огромный, неуклюжій, весь заросшій густыми, рыжими съ просѣдью волосами, съ изрытымъ оспою лицомъ, выразившимъ странную смѣсь животнаго звѣрства и дѣтской наивности, слушалъ своего товарища, раскрывъ ротъ и бросивъ на колѣни свои огромныя, поросшія волосами, руки. Въ складкахъ его губъ застыла недовѣрчивая, насмѣшливая улыбка, но въ маленькихъ глазахъ уже теплилось что-то, похожее на человѣческую мысль. Это были двѣ противоположности — духъ и тѣло, добро и зло, Аріэль и Калибанъ, и общаго между ними было только одно: у обоихъ были выбриты головы и на ногахъ висѣли тяжелыя кандалы... Молодежь долго смотрѣла на картину.

— Чтò это такое вы разсматриваете? — спросилъ Максютинъ, подходя къ нимъ, и, взглянувъ на полотно, усмѣхнулся. — А!.. Въ рудникѣ... Бросьте. Хламъ, старьё! Это я писалъ, когда еще переживалъ періодъ романтизма и страдалъ такъ называемой „гражданской скорбью“.

— Но это такъ хорошо! — прошептала Маша, не выпуская картины изъ рукъ.

— Вамъ нравится? Такъ возьмите ее себѣ, я буду очень радъ доставить вамъ удовольствіе.

Маша съ удивленіемъ взглянула на Максютину, и руки ея задрожали.

— Нѣтъ, я не могу ее взять... — сказала она въ раздумьѣ. — Это черезчуръ дорогой подарокъ... картина можетъ вамъ понадобиться, и вы пожалѣете, что отдали ее.

— Э, нѣтъ!—съ усмѣшкой проговорилъ Максютинъ.— Пожалуйста возьмите, иначе, все равно, я ее уничтожу... Она мнѣ совершенно ненужна: все это давно кончено, похоронено, и я никогда къ этому не вернусь.

— Какъ это жаль!—продолжала Маша печально.—И почему вы такъ рѣшили?

Максютинъ засмѣялся съ отгѣнкомъ нѣкотораго раздраженія.

— Потому что не хочу быть гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, не хочу сражаться съ вѣтранными мельницами! Кому это нужно? (Онъ съ пренебреженіемъ щелкнулъ пальцемъ по картинѣ). За чѣмъ? Надъ этимъ теперь всѣ смѣются, больше ничего!

— Кто смѣется? — возразила Маша, вспыхивая.— Мы не смѣемся...

— Ну да, вы, можетъ быть, еще не смѣетесь, потому что вы молоды и тоже переживаете романтическій періодъ. А придетъ время, и вы будете смѣяться надъ собственной сентиментальностью и „гражданскую скорбь“ будете называть не иначе, какъ въ ковчегѣхъ и иронически подчеркивая. Да вотъ вы! — обратился Максютинъ къ Гришѣ.— Вы уже и теперь смѣетесь, помните, какъ на дняхъ шестидесятниковъ-то разносили?

— Но... вы меня не поняли... — краснѣя, какъ ракъ, сказалъ Гриша.— Я совсѣмъ не въ томъ смыслѣ... Я въ смыслѣ отсутствія результатовъ...

— Ну, о результатахъ другой вопросъ, а помните— „нытье“, „мужичокъ“,—ваши же это слова. Даже Некрасова изъ могилы вытащили и мимоходомъ дали ему пинка за то, что онъ „стонать“ — „уведи меня въ станъ погибающихъ“... Пойдите, я вижу, вы хотите мнѣ возразить, но увѣрю васъ, что не хочу съ вами спорить и не въ насмѣшку, не въ порицаніе это говорю, а просто указываю на фактъ, подтверждающій мою мысль. Суть не въ этомъ, и вы ни въ чемъ не виноваты. Настроеніе теперь такое или, лучше сказать, мода!

— Я съ вами не согласенъ!—успѣлъ-таки вернуть Гриша.

— Да-съ, мода!—повторилъ Максютинъ, не слушая его.— На все своя мода, и общественная мысль подчиняется ей такъ же, какъ и наряды. Была мода на пудренные парики и пастушескія идилліи, потомъ на смѣну явилось равенство, братство и костюмы *pegraveilleux*, потомъ пошли кринолины и гарибальдійки, потомъ русскіе сарафаны и „гражданская скорбь“, а теперь все это— старьё, и всякій старается нарядиться въ букли Боттичелли и писать символическіе стихи или щегольнуть марксизмомъ и по дорогѣ выразить свое презрѣніе мужику за то, что мерзавецъ

ни за что не хочет превращаться въ пролетарія и зубами держится за свой нищенскій надѣлъ.

— Вы дѣлаете неправильные выводы... Это невѣрно!—возразилъ Гриша.

— Ну, какое тамъ невѣрно! Только и слышишь: „мужикъ надоѣлъ“! „Не нужно намъ мужика,—довольно“! На выставѣ какой-нибудь, самъ видѣлъ, подойдутъ къ картинѣ—и гримаса: „опять мужикъ“! Въ редакціяхъ журналовъ, мнѣ одинъ знакомый говорилъ, развернуть рукопись: „изъ деревенскаго быта? Ахъ, надоѣло, не надо, — нѣтъ ли чего-нибудь новенькаго?“ А ужъ если и напечатаютъ что-нибудь о мужикѣ, такъ такое, гдѣ бы онъ въ звѣриномъ образѣ былъ изображенъ, своихъ собственныхъ дѣтей жралъ, на четверенькахъ лазилъ, и въ этомъ родѣ. Потому, видите ли, что это и есть самая настоящая правда, а все остальное — вранье, идеализація и сентиментализмъ. Ну, а если я, напримѣръ, вижу совсѣмъ не то, если у меня правда-то другая,—тогда что мнѣ дѣлать?

— Такъ и говорите свою правду,—сказалъ Гриша.

— Да зачѣмъ? И кому я буду вопить о своей правдѣ? Одни меня никогда не услышатъ, а другіе слушать не хотятъ, такъ лучше я буду молчать. И къ чорту всю эту мазню, краски, кисти, если они никому не нужны, а услаждать разжирѣвшихъ капиталистовъ я не хочу. Я полагаю, никому не будетъ ни тепло, ни холодно оттого, что какой-нибудь уштаннй господинъ, который гораздо болѣе занятъ отправленіями своего желудка, чѣмъ общественными вопросами, подойдетъ къ моей картинѣ и скажетъ: „Гм... недурно“... Одна мысль объ этомъ поднимаетъ во мнѣ всю желчь.

— Но вѣдь не одни же самодовольные господа существуютъ на свѣтѣ,—возразилъ Гриша.

— Согласенъ, есть люди и другого типа, но вѣдь ихъ—кучка, да они и безъ меня отлично знаютъ, гдѣ искать правду. И выходить, какъ въ фабричной пѣснѣ поется,—„пошелъ Трифонъ воевать, вышло дѣло — наплевать“, или, говоря юридическимъ языкомъ,—покушеніе съ негодными средствами... А, впрочемъ, все это не интересно, и я даже не знаю, зачѣмъ все это говорю,—съ хмурой усмѣшкой замѣтилъ Максютинъ.

— Какъ не интересно?—воскликнулъ Гриша, давно уже сгоравшій пламеннымъ желаніемъ вступить въ споръ и обрадованный, что Максютинъ, наконецъ, далъ ему возможность говорить.—Очень интересно, потому что многое выясняетъ, и я понимаю ваше разочарованіе. То-есть, я не согласенъ съ вами

насчетъ того, что надо бросить живопись и тому подобное... нѣтъ, я не то хочу. Но дѣйствительно, народническое направление отжило свой вѣкъ, и у нашего поколѣнія совсѣмъ другія задачи. Наше поколѣніе...

— Кто это поколѣніе?—воскликнула Анна Павловна, вбѣгая въ комнату съ подносомъ, между тѣмъ какъ Зорницкій тащилъ за нею кипящій самоваръ.—Это Гриша-то поколѣніе? Ха-ха-ха!..

— Опять помѣшала!—съ отчаяніемъ проговорилъ Гриша.— Никогда не дасть поговорить серьезно, ну, что-жъ это такое?..

Онъ готовъ былъ заплакать отъ досады... такъ было складно началъ и такія мысли хорошія явились,—теперь все разстроилось... И несмотря на свою серьезность, Гриша подумалъ, съ какимъ бы удовольствіемъ онъ устроилъ Аннѣ Павловнѣ какую-нибудь неприятность въ школьномъ духѣ—далъ бы, напримѣръ, „подъ ножку“ или „запустилъ пѣтуха“, да такъ, чтобы она запищала...

Анна Павловна, не подозрѣвая ничего, продолжала хлопотать около самовара. Она нашла гдѣ-то нѣсколько листовъ газетной бумаги и вмѣсто скатерти покрыла ими столъ, привела въ порядокъ посуду и разлила всѣмъ чай. При этомъ кому-то не хватило ставана, но его замѣнили фарфоровой ступкой, въ которой Максютинъ растиралъ тушь, и вышло отлично.

— Ну, пожалуйста, господа! — распорядилась Анна Павловна.—Зорницкій, откупорите вино!

Выпьемъ за радость
Юной любви,
Вѣдь скроется младость,
Друзья мои!..

пропѣла она.

— Вотъ ужъ неунывающая россиянка-то!—проворчалъ Гриша ядовито.

— А зачѣмъ унывать? Надо жить, не мудрствуя лукаво... Да что это, господа, вы всѣ хмурые какіе-то?

Дѣйствительно, всѣ какъ-то вдругъ притихли. Зорницкій ушелъ въ уголь и не говорилъ ни слова; Гриша злился на Анну Павловну; Максютинъ весь потемнѣлъ, осунулся, и его снова начало знобить. Анна Павловна уговорила его лечь, и хотя онъ увѣрялъ, что это пустяки, но молодежь забеспокоилась и рѣшила расходиться.

Проводивъ гостей, Зорницкій вернулся въ комнату и молча принялся ходить изъ угла въ уголь.

— Отчего же ты съ ними не пошелъ?—спросилъ Максютинъ.

Зорницкій поглядѣлъ на него потускнѣвшимъ взглядомъ и не отвѣчалъ.

— Ага! Любовь... понимаю.

— Ничего ты не понимаешь, ничего! — съ раздраженіемъ воскликнулъ Зорницкій. — Развѣ ты любилъ? Ты никогда не любилъ.

— А вѣдь въ самомъ дѣлѣ не любилъ! — съ усмѣшкой проговорилъ Максютинъ и задумался.

Да, онъ не любилъ. Онъ какъ-то забылъ объ этомъ въ поискахъ дѣла, которому могъ бы отдать всю свою душу. И какой тяжелый и горькій путь пришлось ему пройти прежде, чѣмъ онъ рѣшилъ покинуть мастерскую художника и спуститься въ самыя нѣдра жизни съ ея борьбой и скрежетомъ зубовнымъ!

Въ его ухахъ вдругъ прозвучалъ печальный голосокъ Маши: „какъ это жаль!“ Онъ болѣзненно поморщился. Зачѣмъ онъ такъ грубо и жестко говорилъ о своихъ разочарованіяхъ съ этими милыми дѣтьми, которыя смотрѣли на него такими свѣтлыми и довѣрчивыми глазами? Придетъ время, и они узнаютъ жестокую правду жизни во всей ея некрасивой наготѣ, а теперь пусть живутъ, вѣрятъ и радуются, и незачѣмъ смущать ихъ свѣтлую юность своимъ озлобленнымъ скептицизмомъ. Максютинъ сталъ перебирать въ памяти весь предъидущій разговоръ, и опять ему живо представились эти взволнованныя молодыя лица и ихъ свѣтлые, наивные глаза, устремленные на него съ ожиданіемъ и вопросомъ. Какимъ старикомъ чувствовалъ себя Максютинъ рядомъ съ этими юнцами, которые напоминали ему неоперившихся птенцовъ, жадно выглядывающихъ на свѣтъ Божій изъ своего тепла гнѣзда и нетерпѣливо расправляющихъ неотросшія крылья, покрытыя нѣжнымъ желтымъ пушкомъ. Имъ такъ хотѣлось поскорѣе вылетѣть на волю, а онъ, старый, ошипанный воронъ съ поломанными крыльями, хорошо знаетъ, чего это стоитъ. Нѣжный пушокъ загрубеетъ и замѣнится жесткими крыльями, упругія крылышки отяжелѣютъ и потрутся въ житейскихъ невзгодахъ, а родное гнѣздо затянется пылью и грязью, и къ нему трудно будетъ найти дорогу.

— Не торопитесь, птенчики, не торопитесь! — вслухъ проговорилъ Максютинъ.

— Что ты говоришь? — спросилъ Зорницкій, который сидѣлъ у лампы и что-то писалъ съ вдохновеннымъ видомъ.

— Ничего, я, кажется, брежу, — отвѣчалъ Максютинъ, очнувшись. — Дай мнѣ, пожалуйста, воды. А ты все стихи пишешь? Пиши, братъ, пиши, это необходимо для поддержанія человѣ-

ческаго рода. Всякому свое и все имѣть свой *gaison d'être*. Одни пишутъ стихи... и плодятся, и множатся, другіе—взыскають града, и исчезаютъ, не оставивъ по себѣ ничего, кромѣ земляного бугра, заросшаго травой, на которомъ некому даже поплавать. Только ты напрасно пишешь стихи для Маши—ничего не выйдетъ. Машѣ не нужно... ей не пиши. Пиши лучше этой другой... Аннѣ Павловнѣ...

— Чтѣ? Ты опять бредишь? — спросилъ Зорницкій, отрываясь отъ бумаги.

— Должно быть. Ну, пиши, пиши, я тебѣ мѣшать не буду.

Онъ улыбнулся и, отвернувшись къ стѣнѣ, замолчалъ. И въ жару лихорадки ему снова стало казаться, что въ немъ сидитъ какое-то огромное существо, и стонетъ, и барахтается, стараясь вырваться изъ своего плѣна.

ХП.

— Пойдемте, господа, на мысокъ!—предложила Анна Павловна, когда они спускались отъ Максютина внизъ по узенькому переулку, выходявшему на базаръ.

— Пожалуй, пойдемте,—согласился Гриша.

— Даже и вы пойдете? А какъ же ваша программа? Вѣдь вамъ теперь, должно быть, полагается читать „Русскія Вѣдомости“?

— Ничего, я еще успѣю,—снисходительно сказалъ Гриша.

— Да неужели вы для нашего общества рѣшаетесь пожертвовать даже „Русскими Вѣдомостями“. О, шю саго, вотъ подождите, придемъ на мысокъ, я васъ тамъ расцѣлю за это.

— Ну ужъ это пожалуйста! Я не позволю,—покраснѣвъ, заявилъ Гриша.

Анна Павловна хохотала. Они вышли на базаръ, гдѣ подъ полотняными навѣсами рѣбли груды фруктовъ, винограду и овощей, а на порогахъ ярко освѣщенныхъ лавокъ сидѣли ихъ хозяева и громко разговаривали между собою. Въ кофейнѣ, которая носила названіе „коммерческой“, окна и двери были настезь растворены, и тамъ за столиками засѣдали группы смуглыхъ грековъ, оживленно жестикуюлирую и крича во все горло по привычѣ моряковъ. Непривычный человекъ могъ подумать, что они ссорятся, а между тѣмъ, эти загорѣлые, съ обвѣтренными лицами и свербающими глазами, труженики моря навѣрное самымъ мирнымъ образомъ обсуждали цѣны на рыбу или что-нибудь въ

этомъ родѣ. Пьяненькій русскій рабочій въ необычайно рваномъ костюмѣ, вымаранномъ известкой, коснѣющимъ языкомъ доказывалъ сидящему съ нимъ рядомъ татарину, что русскіе—самый лучший въ мірѣ народъ, а татары—хуже собакъ, потому что и молятся по-собачьи и говорятъ чортъ знаетъ по-каковски и водки не пьютъ. Татаринъ хладнокровно слушалъ эти безсвязныя рѣчи, покуривая папиросу и ссала бѣлые зубы, только глаза его по временамъ вспыхивали недобримъ огонькомъ, а пѣсколько грековъ, окруживъ ихъ, смѣялись и подзадоривали рабочаго въ предвзвѣшеніи неизбежной драки.

— Зайдемте, купимъ винограду и грушъ,—предложила Анна Павловна, подходя къ одной изъ лавокъ.

— Пожалуйста, пожалуйста!—приглашалъ ихъ веселый молодой грекъ, осклабясь передъ хорошенькой покупательницей.— Шашла хороший есть, чаушь есть!

Пока Анна Павловна выбирала фрукты и торговалась съ грекомъ, отношенія между рабочимъ и татаринкомъ обострились все больше и больше. Подстрекаемый зрителями, рабочій становился все смѣлѣе и задорнѣе, а татаринъ началъ блѣднѣть, не переставая улыбаться.

— Миѣ жаль этого татарина,—прошептала Маша.— Зачѣмъ они его дразнятъ? Скажите имъ, Гриша, чтобы они перестали.

— Не стоитъ,—отвѣчалъ Гриша нерѣшительно.— Все равно, они при насъ перестанутъ, а какъ мы уйдемъ, опять начнутъ.

Между тѣмъ, рабочій уже перешелъ отъ словъ къ дѣйствию. Еле держась на ногахъ, онъ поднялся и, свернувъ изъ полы своего рваного пиджака подобіе свиного уха, сунулъ его въ лицо татарину. Татаринъ, какъ кошка, вскочилъ и, испустивъ гортанный крикъ, похожій на к्लевотъ раненаго орла, ринулся на своего обидчика,—толпа съ дикимъ хохотомъ окружила ихъ. И въ то же мгновеніе послышался другой крикъ, и Маша прежде, чѣмъ кто-либо могъ ее остановить, бросилась въ толпу.

— Марья Павловна, Марья Павловна, что вы дѣлаете!—завричалъ испуганный Гриша и побѣждалъ за нею.

Удивленная толпа разступилась передъ нимъ, и Гриша увидѣлъ Машу. Она помогала встать лежавшему на землѣ рабочему, у котораго изъ носа текла кровь, и что-то говорила ему; татаринъ стоялъ поодаль блѣдный и улыбающійся.

— Зачѣмъ драться! Мы не драться!..—бормotalъ рабочій, поднимаясь и заботливо размазывая кровь по лицу полой пиджака.— Это мы промежъ себя, а вы... барышня, не извольте безпокоиться!...

— Марья Павловна, пойдите, — сказалъ Гриша, взявъ ее за руку.

Она пошла за нимъ. Греки, переглядываясь и улыбаясь, давали имъ дорогу; испуганная Анна Павловна шла къ нимъ на встрѣчу.

— Что случилось, господа? Ахъ, Маша, ну, что это за наказаніе! Вѣчно съ ней въ исторію попадешь. Пойдите скорѣе отсюда.

Маша молчала. Она была блѣдна, какъ полотно, и вся дрожала.

— Васъ они не ушибли?—спросилъ ее Юрій Александровичъ, тоже поблѣднѣвшій и взволнованный.

Маша покачала головой и пошла скорѣе, точно желая убѣжать отъ всѣхъ разспросовъ и разговоровъ.

На мысокъ вела узенькая тропинка, извивавшаяся по обрывистому берегу бухты, между остатками развалинъ древней генуэзской крѣпости. Теперь отъ грозныхъ укрѣпленій остались только внизу—груды камней и фундаменты башенъ, поросшіе колючимъ кустарникомъ, а наверху—полуразрушенныя стѣны и одинокая башня, величественный силуэтъ которой увѣнчивалъ вершину горы, замыкавшей бухту. Въ лунныя ночи развалины имѣли волшебный видъ, но въ эту минуту мѣсяцъ еще не взошелъ, и синій прозрачный сумракъ окутывалъ ихъ густымъ пологомъ. Внизу, подъ обрывомъ, вспыхивая фосфорическими искрами, катились темныя воды бухты, съ глухимъ рокотомъ разбиваясь о прибрежныя скалы; наверху по обѣ стороны тропинки пѣли ночныя сверчки. Горькій, опьяняющій ароматъ полыни разливался въ неподвижномъ воздухѣ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ бухта впадала въ море, тропинка круто сворачивала влѣво, и передъ глазами открывался безграничный морской просторъ, сливаясь съ безграничнымъ просторомъ неба.

Молодые люди вышли на площадеу, которою оканчивалась тропинка, и расположились на камняхъ голой скалы, уступами спускавшейся къ морю. Они еще находились подъ неприятнымъ впечатлѣніемъ разыгравшейся на базарѣ сцены, и имъ не говорилось. Но тихое небо, усѣянное безмолвными звѣздами, и музыкальный шопотъ моря, и пѣніе сверчковъ въ расщелинахъ безмолвныхъ камней, которые могли бы многое рассказать, если бы умѣли говорить, убаюкали и утомили ихъ взволнованные нервы.

— Какъ здѣсь тихо, славно!—проговорила Анна Павловна,

вдохнувъ всей грудью.—Даже думать ни о чемъ не хочется, а хочется только смотрѣть и слушать... правда?

— Да,—сказалъ Юрій Александровичъ.—Здѣсь чувствуешь себя такимъ маленькимъ и ничтожнымъ... Въ самомъ дѣлѣ, что такое „я“ и „моя“ жизнь въ этомъ огромномъ и безконечномъ мірѣ? Ничто... Мой учитель говорилъ мнѣ, что человѣкъ—только звено въ безконечной цѣпи міровыхъ событій. И мы ничего не можемъ измѣнить, потому что мы—крошечныя частицы одного огромнаго цѣлаго.

— Зачѣмъ же мы родились? Зачѣмъ мы живемъ? —спросила Анна Павловна, закинувъ голову и глядя на мерцающее огнями небо.

— Не знаю... Никто этого не знаетъ. Но, должно быть, это нужно. Нужно жить, нужно умереть. Въ мірозданіи нѣтъ ничего бессмысленнаго и безцѣльнаго.

— Надо умереть? —повторила Анна Павловна.— Но если я не хочу... Жить для того, чтобы умереть! Жить-жить, и вдругъ —умереть... Вдругъ меня не будетъ. Какъ это такъ? *Меня* не будетъ... (Анна Павловна зажмурила глаза и повела плечами). Нѣтъ, не могу себѣ этого представить! Это страшно... Брр!.. Я не хочу, не хочу умирать... Не будемъ больше говорить объ этомъ,—давайте лучше ѣсть виноградъ.—Она начала развертывать свертки съ фруктами, и мысль ея снова вернулась къ тому, что произошло на базарѣ.

— Нѣтъ, Маша, а все-таки это было очень глупо, что ты вмѣшалась въ эту драку. И смѣшно, и глупо.

— Ну и пусть будетъ глупо!—отозвалась Маша.

— А я думаю, что Марья Павловна сдѣлала хорошо!—сказалъ Юрій Александровичъ.—Мнѣ это такъ понравилось. Я бы не сдѣлалъ этого; мнѣ было бы стыдно, и я бы поскорѣй ушелъ, чтобы не видѣть драки. А Марья Павловна пошла и прекратила драку. Вѣдь если бы она не вмѣшалась, этого пьянаго сильно избили бы.

— А какъ же вы давеча говорили, что человѣкъ ничего не можетъ измѣнить? Зачѣмъ же тогда и вмѣшиваться, если ничего измѣнить нельзя? —заговорилъ до сихъ поръ молчавшій Гриша.

Онъ былъ нѣсколько сконфуженъ тѣмъ, что отказался пойти прекратить травлю татарина, и теперь ему казалось, что Маша на него сердится и презираетъ его за трусость. Поэтому онъ былъ недоволенъ собой и желалъ какъ-нибудь возстановить въ глазахъ Маши свой поколебленный престижъ.

— Я говорилъ о міровыхъ законахъ,—сказалъ Юрій Александровичъ.

— Ну, міровые законы—это понятно, противъ этого никто не станетъ спорить: конечно, нельзя заставить солнце ходить вокругъ земли. А вотъ вы сказали еще, что ничего нѣтъ,—какъ это? — безсмысленнаго и безцѣльнаго? Съ этимъ я тоже не согласенъ.

— Ну, пошелъ придирайтесь, старивашка! — сказала Анна Павловна.

— Анна Павловна, не мѣшайте, пожалуйста, я вовсе не придираюсь, а хочу выяснить. Мнѣ не нравится ваша философія, Юрій Александровичъ. Это философія индифферентизма и бездѣйствія. Все въ мірѣ прекрасно, цѣлесообразно и умно, все идетъ своимъ порядкомъ, ты—какое-то звено, ну и сиди себѣ преспокойно, и смотри, какъ тебя куда-то волокутъ въ безконечной цѣпи міровыхъ событій, а на остальное наплевать!

— Нѣтъ, зачѣмъ же?—нерѣшительно возразилъ Юрій Александровичъ.

— Да вѣдь какъ же, по-вашему такъ выходитъ? Если все происходящее въ мірѣ имѣетъ смыслъ и цѣль, такъ чего же мы-то будемъ соваться? А можетъ быть, мы еще помѣшаемъ какимъ-нибудь великимъ предначертаніямъ мірового закона? Впрочемъ, извините, я забылъ, что ваша теорія и тутъ къ вамъ на выручку идетъ! Вѣдь, по-вашему, человѣкъ такъ ничтоженъ и немогъ, что ни капельки не можетъ измѣнить существующаго порядка вещей. И пусть себѣ люди жрутъ другъ друга, сколько хотятъ, пусть слабые погибаютъ подъ ногами сильныхъ, пусть голодные издыхаютъ, а сытые веселятся,—намъ-то что? Мы слабые, мы—ничто, ну и будемъ себѣ сидѣть въ сторонкѣ, да изучать преспокойно превосходнѣйшіе и великолѣпнѣйшіе міровые законы.

— Какой вы злой, Гриша! — съ упрекомъ сказала Анна Павловна.

— Нѣтъ, постойте.. — перебилъ ее Юрій Александровичъ, видя, что Гриша уже собирается возразить.— Онъ правъ... вы правы, Гриша. Я васъ понимаю... я только не привыкъ говорить... Тутъ дѣйствительно есть какая-то ошибка...

— Вотъ то-то и есть, что ошибочка выходитъ! — не безъ злорадства подхватилъ Гриша, торжествуя въ душѣ, что ему, гимназисту шестого класса, удалось „срѣзать“ человѣка, только что получившаго аттестатъ зрѣлости. И это все оттого, что вы взгромоздились на нѣкую философскую высоту, откуда взираете

на мiръ невозмутимымъ окомъ. А вотъ вы попробуйте-ва спуститься съ вашего пьедестальчика на землю, вотъ какъ Максютинъ, тогда другое заговорите.

— Да, да... — проговорилъ Юрiй Александровичъ, потирая лобъ рукою. — Максютинъ разсказалъ тогда много новаго для меня... я уже думалъ объ этомъ. Я очень мало знаю... и я, должно быть, произвожу на васъ, на всѣхъ, очень странное впечатлѣнiе. Я ничего не знаю... я какъ будто все это время прожилъ въ подземельѣ и вдругъ вышелъ на свѣтъ Божiй. Меня очень странно воспитывали...

— Да вѣдь насъ всѣхъ странно воспитываютъ! — снисходительно замѣтилъ Гриша. — Наши родители воображаютъ, что мы будемъ жить въ какой-то Аркадiи и поэтому всячески стараются скрыть отъ насъ настоящую-то жизнь. Вотъ это читай, а это не читай! Вотъ сюда гляди, а здѣсь глаза зажмурь... Точно въ Китаѣ: только въ Китаѣ ноги въ колодки забиваютъ, а намъ — головы. И выйдешь — либо идиотомъ, либо подлецомъ...

— Гриша! — воскликнула Анна Павловна.

— Что Гриша? Я правду говорю. Вонъ тамъ рядомъ съ вами одинъ гусь живетъ, все на велосипедѣ катается. Я вчера въ купальнѣ съ нимъ разговаривалъ, — вотъ бы вы послушали, что онъ несъ! Братцы вы мои! А родители, небось, довольны: ужъ *этотъ* не пропадетъ, цѣлъ будетъ! И карьеру себѣ составить. Вотъ вѣдь чего всѣ они хотятъ, а что голова у тебя въ колодкѣ и мозги въ пяткахъ — это имъ наплевать.

— Послушайте, Гриша, вы возмутительно разсуждаете, — сказала Анна Павловна съ негодованiемъ. — Какъ вы можете говорить такъ о своихъ родителяхъ?

— А отчего же мнѣ не говорить? Я привыкъ мыслить опредѣленно и ко всему считаю нужнымъ относиться критически.

— Да вѣдь не всѣ же родители такiе?

— Я объ исключенiяхъ не говорю. А въ общемъ всѣхъ насъ воспитываютъ въ колодкѣ, ну и выходятъ вотъ эдакiе экзemplары, какъ вотъ сосѣдъ.

— Да вѣдь вотъ вы же не такой, заноза эдакая!

— А почему вы знаете? — возразилъ Гриша, въ душѣ очень польщенный замѣчанiемъ Анны Павловны. — А если не такой, то ужъ во всякомъ случаѣ родители мои тутъ не виноваты. Мамашу мою вы знаете, а папаша... впрочемъ, объ отсутствующихъ не говорятъ. И если удалось мнѣ подобрать кое-какiя вѣхи, такъ вѣдь это урывками, съ бою, можно сказать, и безъ всякой системы. А это, вы думаете, хорошо, что-ли? Выйдешь

на свѣтъ божій кажимъ-то слѣпншемъ и не знаешь, куда тебѣ идти и что дѣлать, потому что говорили-то тебѣ одно, а выходитъ совсѣмъ другое. Помните царевича Сидарту?

— Никакого Сидарту я не знаю.

— Да, я забылъ, что вы насчетъ литературы-то довольно безпечны!—насмѣшливо сказалъ Гриша.—Небось, все французскими романчиками пробавляетесь. А вы читали „Свѣтъ Азіи“ Арнольда?—обратился онъ къ Юрію Александровичу.

— Нѣтъ, не читалъ.

— Хотите, я вамъ дамъ? У меня есть. Поучительная книга...

Вдругъ онъ остановился и съ недоумѣніемъ взглянулъ въ ту сторону, гдѣ сидѣла Маша. Уткнувшись головой въ колѣни, она плакала, и ея худенькія плечи судорожно вздрагивали отъ рыданій.

— Маша, что съ тобою?—воскликнула Анна Павловна съ безпокойствомъ.—Опять начинается... о, Боже мой!

— Марья Павловна...—началъ Гриша въ смущеніи.

— Оставьте меня... уйдите...—связозъ рыданія проговорила Маша, еще ниже наклоняя голову къ колѣнямъ. — Ахъ, какая тоска... Всѣ мы только говоримъ, говоримъ... и ничего не дѣлаемъ... Какая тоска... Боже... Боже мой... Ничего не можемъ, ничего не знаемъ... никто ничего не знаетъ... Какіе мы жалкіе, какіе несчастные!..

Она задыхалась отъ слезъ. Всѣ долго молчали, взволнованные и смущенные.

— Мѣсяцъ взошелъ,—сказалъ, наконецъ, Гриша робко.

Онъ всталъ и подошелъ къ обрыву; Анна Павловна послѣдовала за нимъ. Мѣсяцъ уже высоко стоялъ надъ моремъ; глубокой сумракъ разсѣялся, звѣзды померкли, небеса разверзлись и сіяли, точно самъ Богъ-Саватоевъ во всей славѣ своей явился надъ трепещущею бездною. И разлитый въ безконечномъ пространствѣ гулъ моря казался отдаленнымъ отголоскомъ ангельскихъ пѣснопѣній, сопровождавшихъ величавое шествіе Бога свѣта и вѣчности.

— Хорошо... —прошептала Анна Павловна измѣнившимся голосомъ.—Хорошо... и страшно... Точно въ вѣчность заглядываешь... Пойдемте, Гриша... Маша, пойдемъ...

Маша покорно встала, и всѣ молча, съ тяжелымъ чувствомъ неудовлетворенности и тревоги на сердцѣ, начали спускаться по тропинкѣ внизъ.

XIII.

— Ну, что, выздоровѣлъ вашъ этотъ... художникъ? — спросила Клавдія Юрьевна нѣсколько дней спустя, сидя съ Юріемъ Александровичемъ за утреннимъ чаемъ.

— Да, — разсѣянно отвѣчалъ Юрій Александровичъ.

— И, вѣроятно, опять уже какую-нибудь прогулку затѣваете?

— Н-нѣтъ... не знаю.

Клавдія Юрьевна пристально взглянула на него и замолчала. Его односложные отвѣты, его разсѣянный взглядъ острою болью отзывались въ ея сердцѣ, и она чувствовала, что теряется, что ея хладнокровіе и положительность начинаютъ ей измѣнять. Съ каждымъ днемъ она видѣла, что сынъ уходитъ отъ нея все дальше и дальше... у него начиналась какая-то своя особая жизнь, и въ этой новой жизни она была лишней и совсѣмъ ненужной. Онъ уже не откровененъ съ нею по прежнему, онъ видимо избѣгаетъ оставаться съ нею наединѣ и все куда-то спѣшить, а иногда смотритъ на нее такимъ страннымъ, холоднымъ и въ то же время внимательнымъ взглядомъ, что ей становится жутко. Онъ точно собирается ее спросить о чемъ-то... и выжидаетъ, и боится. И Клавдія Юрьевна тоже ждетъ, и тоже боится. Но по временамъ ей хотѣлось во что бы то ни стало узнать, что происходитъ въ душѣ сына, хотѣлось кричать, плакать, требовать... она съ трудомъ сдерживалась и молчала. Пусть скажетъ самъ, когда захочетъ. Можетъ быть, онъ просто влюбленъ. Вѣдь онъ уже не тотъ ребенокъ, котораго она когда-то укачивала въ колыбели, надъ которымъ дрожала день и ночь. Онъ уже юноша, и въ немъ начинается волноваться молодая кровь. До сихъ поръ онъ ничего не зналъ, кромѣ книгъ и ученическихъ тетрадокъ, а тутъ яркое солнце юга, роскошная природа, молодня, хорошенькія дѣвушки (Клавдія Юрьевна видѣла ихъ мелькомъ)—не мудрено, что въ немъ проснулись новыя чувства, которыхъ онъ самъ стыдится и не понимаетъ. Ахъ, если бы это была только любовь!.. Клавдія Юрьевна примирится съ нею и сѣмъ-бѣтъ въ-время уйти. Ну, а если это что-нибудь другое... то, что погубило его отца и исковеркало ея жизнь?.. Вотъ что страшно...

Юрій Александровичъ торопливо допилъ свой стаканъ и всталъ. Клавдія Юрьевна вздрогнула и взглянула на него.

— Ты уходишь?

— Да... я пойду на башню... — сказалъ Юрій Александровичъ.

— Обѣдать придешь?

— Конечно.

Онъ взялъ съ этажерки шляпу, засунулъ въ карманъ какую-то книгу и пошелъ къ двери. Клавдія Юрьевна слѣдила за нимъ взглядомъ. Уходитъ... и даже не поцѣловалъ ее, какъ это дѣлалъ всегда прежде...

— Юрій...—сказала она слабымъ голосомъ.

Онъ остановился.

— Нѣтъ, ничего... иди... Да! Что это у тебя за книга?

— Это Арнольда... „Свѣтъ Азіи“.

— Я не видала у тебя этой книги. Гдѣ ты взялъ ее?

— У Гриши.

— А!.. Хорошая книга?

Юрій Александровичъ, не глядя на нее, отрывисто сталъ разсказывать.

— Это исторія Будды. Когда онъ былъ принцемъ, его держали взаперти, во дворцѣ, отдѣленномъ отъ всего міра, чтобы онъ не зналъ и не видѣлъ горя, нищеты, болѣзней, смерти... Однажды онъ вышелъ изъ дворца и узналъ... Это такъ его поразило, что онъ покинулъ дворецъ, ушелъ и самъ сдѣлался нищимъ. Вотъ что разсказывается въ этой книгѣ...

Клавдія Юрьевна похолодѣвшими руками взялась за виски. Юрій Александровичъ взглянулъ на нее и подошелъ.

— Что это, у тебя голова болитъ?—спросилъ онъ съ внезапной ласковостью.

— Да... немножко. Я не выношу здѣшнихъ жаровъ. Ну... иди.

Онъ поцѣловалъ ее и вышелъ. Очувившись на набережной, онъ вздохнулъ свободно, точно вырвался изъ тюрьмы. Теперь это ощущеніе свободы повторялось у него каждый разъ, когда онъ разставался съ матерью, и странно, онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго раскаянія въ этомъ. А давно ли онъ дня не могъ пробыть безъ нея, давно ли для него было наслажденіемъ разсказывать ей все, что съ нимъ случилось, что онъ чувствовалъ, думалъ, испыталъ!.. Теперь ему тяжело въ ея присутствіи, ея разспросы, ея испытующіе взгляды раздражаютъ его, въ немъ постоянно кипитъ противъ нея глухая досада, ему хочется быть одному, думать про себя, идти, куда вздумается, дѣлать, что хочется, а не что укажутъ... Иногда ему становилось до боли жаль Клавдію Юрьевну, но онъ ничего не могъ съ собою подѣлать и пока боялся думать, чѣмъ все это кончится.

— А вѣдь кончится же это когда-нибудь... — думалъ онъ, взбираясь по крутой тропинкѣ въ гору и вдыхая въ себя ост-

рый запахъ ароматическихъ горныхъ травъ. — Вѣдь ужъ такъ идти, какъ прежде, наша жизнь не можетъ... Что же мнѣ дѣлать? Я не виноватъ... Ахъ, мама, мама...

Онъ вспомнилъ, какъ мать взяла себя за голову, и она представлялась ему такою жалкою и беспомощною, что онъ остановился и подумалъ, не вернуться ли? Вѣдь она его любитъ („даже черезчуръ любить“! пронеслось въ головѣ Юрія Александровича), она видитъ происходящую въ немъ перемѣну и отъ этого страдаетъ. Но что же ему дѣлать? Онъ не виноватъ... Онъ, по словамъ Гриши, всю свою жизнь просидѣлъ въ колодкѣ, а теперь эту колодку съ него сняли, и его искалѣченный мозгъ освобожденъ. Теперь ничего нельзя сдѣлать, нельзя остановить работу мысли. Онъ слишкомъ много передумалъ эти дни, слишкомъ много узналъ новаго для себя, чтобы сдѣлать возвращеніе къ прежнему невозможнымъ.

Юрій Александровичъ не вернулся. Онъ былъ уже на вершинѣ горы, у подножія древней башни. Одинокое и печально стояла она среди развалинъ и, казалось, грустила, что ей одной только удалось уцѣлѣть отъ всеобщаго разрушенія. Изъ узкихъ прорѣзей въ ея стѣнахъ вѣяло холодомъ и сыростью; на зубцахъ и въ трещинахъ между камнями приютились какія-то ползучія растенія и сѣдыми прядями, похожими на бороды, свѣшивались внизъ. Юрій Александровичъ въ послѣднее время часто сюда ходилъ и очень любилъ это мѣсто за его пустынность и безмолвіе. Оно рѣдко посѣщалось, и поэтому здѣсь хорошо было думать и читать. Надъ головою знойное небо и солнце; снизу море посылало свои ласковые вздохи и шопотъ, и больше никого и ничего... Видъ былъ чудный. На югѣ смѣлымъ размахомъ развертывалась густая синева моря; по ту сторону бухты угрюмо торчала скалистая вершина Деликристо на золотистомъ фонѣ горы Саленго, а тамъ, дальше къ сѣверу, за Балаклавой, и на востокъ, гдѣ въ лиловомъ туманѣ обозначались смутныя очертанія южнаго берега, громоздились желтыя горы съ кудрявыми виноградниками по склонамъ, разстилались узкія долины, на днѣ которыхъ бѣлѣли дачи съ красными черепичатыми кровлями, зеленѣли сады, окутанные сѣрою дымкою испареній, змѣнились дороги...

Юрій Александровичъ присѣлъ въ тѣни башни и досталъ изъ кармана книгу. Вотъ эта книга открыла ему многое, и нѣсколько дней подъ радъ онъ читаетъ, перечитываетъ ее и не можетъ оторваться. Скорбный образъ царевича Сиддарты, покинувшаго свой сказочный дворецъ и красавицу жену, Ясадхару, для ни-

цеты, страданій, болѣзни, неотступно стоялъ передъ нимъ. Юрій Александровичъ какъ будто самъ пережилъ эту потрясающую драму человѣка, который во всю свою жизнь не зналъ другой печали, кромѣ „печали быть человѣкомъ“, и, не задумываясь, отрекся отъ всѣхъ своихъ радостей, чтобы принести себя въ жертву для спасенія страдающаго человѣчества. Вотъ онъ въ своемъ благоухающемъ дворцѣ, въ драгоценныхъ одеждахъ, окруженный цвѣтами и женщинами, которыя прекраснѣе цвѣтовъ, убаюканный музыкою, опьяненный ароматами... Его жизнь—вѣчный праздникъ, но онъ томится и тоскуетъ, онъ рвется вонъ изъ своей раззолоченной тюрьмы, потому что любить мѣръ, потому что его сердце бьется вмѣстѣ со всѣми страдающими сердцами, „вѣдомыми и невѣдомыми“. И вотъ тихая, ароматная, сверкающая звѣздами ночь, ночь, полная нѣги и очарованія. Но Сидарта не спитъ, потому что „жалобный стонъ жизни и страданій достигъ его слуха и вся душа его переполнилась состраданіемъ къ страдѣ мѣра“...

Томительный и въ то же время сладкій ознобъ пробѣжалъ по тѣлу Юрія Александровича, когда онъ вновь перечитывалъ эти страницы. Онъ закрылъ глаза и потянулся, весь проникнутый жаждою самопожертвованія и религіознымъ восторгомъ, разлитымъ въ поэтическомъ описаніи бѣгства Сидарты. Ему казалось, что онъ чувствуетъ на своемъ лицѣ дыханіе снѣжныхъ Гималаевъ и слышитъ далекій призывъ вѣтра: „Встань, сынъ Майи, и иди, оставь любовь ради любви къ любящимъ, прими страданіе, дай избавленіе“...

— Надо идти...—прошепталъ Юрій Александровичъ и вдругъ ему вспомнилась другая ночь, такая же звѣздная и благоуханная, но здѣсь, близко, вспомнилась сверкающая бездна, полная свѣта и звуковъ, и маленькая дѣвушка, рыдающая отъ невѣдомой тоски, и ея прерывистыя слова: „какіе мы жалкіе, какіе несчастные“...

Юрій Александровичъ пришелъ въ себя и открылъ глаза. Ему почудилось, что онъ слышитъ гдѣ-то близко голосъ Маши. Но никого не было. Море шумѣло внизу и цикады однообразно стрекотали вокругъ. Юрій Александровичъ закрылъ книгу, легъ и сталъ думать о себѣ, о своихъ новыхъ отношеніяхъ къ матери.—Что дѣлать, куда идти, какъ жить?—спрашивалъ онъ себя въ сотый разъ.—Всѣ мы мучаемся, тоскуемъ, ищемъ—и ничего не знаемъ. Тоскуетъ и плачетъ Мама, тоскуетъ Максютинъ, вездѣ гибнуть и страдаютъ люди. „Человѣкъ можетъ возлагать свои надежды только на человѣка“... вспомнились ему слова Сидарты. „А мнѣ твердили, что въ мѣрѣ все гармонія и кра-

сота, — съ ироніей подумаль онъ. — Гдѣ же красота въ жизни этихъ ужасныхъ рабочихъ, которые полдня роются въ грязи и темнотѣ, а полдня спятъ и пьютъ. Гдѣ гармонія въ смерти голодной дѣвочки или въ звѣриномъ существованіи сибирскихъ дикарей? А во мнѣ самомъ развѣ есть гармонія“?

Онъ засмѣялся тяжелымъ, нехорошимъ смѣхомъ и почувствовалъ приливъ ѣдкой злости. О, если бы здѣсь, въ эту минуту, былъ его воспитатель, благодушный и невозмутимый философъ, Филиппъ Ивановичъ („философъ—Хома Брутъ“! подумаль Юрій Александровичъ иронически), сколько бы горькой правды онъ ему сказалъ... А мать...

Тутъ мысль его вернулась къ вопросу, который на ряду съ другими занималь его въ послѣдніе дни. Онъ думаль о своемъ отцѣ, котораго онъ никогда не зналь и о которомъ мать ничего ему не говорила. Кто былъ его отецъ? Почему о немъ не сохранилось никакихъ воспоминаній въ семьѣ,—ни писемъ, ни портрета, ничего? Юрій Александровичъ привыкъ считать его умершимъ. Но вѣдь мама никогда не говорила ему опредѣленно, что онъ умеръ? И съ тѣхъ поръ, какъ его пробужденная мысль начала работать совсѣмъ въ другомъ направленіи, этотъ темный пунктъ его жизни тоже обратилъ на себя вниманіе Юрія Александровича. Отъ него все скрывали, ему показывали жизнь не такую, какова она на самомъ дѣлѣ,—можетъ быть и *это* тоже скрыли?—Ахъ, мама, мама, зачѣмъ...—съ тоскою прошепталъ Юрій Александровичъ и сжалъ голову обѣими руками.

Опять гдѣ-то близко послышались голоса,—одинъ женскій, немножко сиплый и картавый, другой—раскатыстый, сочный,—голосъ молодого мужчины съ здоровыми легкими. Голоса приближались, послышался взрывъ смѣха и легкой вскриеъ испуга. Юрій Александровичъ подняль голову и оглянулъся. По тропинкѣ въ гору поднималось двое—мужчина и дама. Дама была уже не первой молодости, очень полная, но вконецливо одѣтая въ пале-вый фуляръ и не лишенная миловидности. Отъ жары и усталости лицо ея раскраснѣлось, она едва переводила дыханіе и одною рукою тяжело опиралась на своего спутника, а другою обмахивалась соломеннымъ китайскимъ вѣромъ, смѣясь короткимъ, отрывистымъ смѣхомъ. Молодой человекъ былъ одѣтъ въ студенческую тужурку и свѣтлые панталоны, изъ-подъ которыхъ выглядывали острые, загнутые вверху, носки модныхъ желтыхъ туфель; его красивое, свѣжее лицо, покрытое бѣловатымъ пушкомъ юности, сіяло здоровьемъ и самодовольствомъ; голубые, влажные глаза смотрѣли ласково и весело, и весь онъ былъ

такой свѣженькій, чистенькій и крѣпкій, какъ молодой огурчикъ. „Ахъ, это, кажется, тотъ „гусь“, про котораго рассказывалъ Гриша“!—подумалъ Юрій Александровичъ и хотѣлъ-было встать. Но парочка прошла мимо, не замѣтивъ его, и направилась къ большому камню, висѣвшему надъ пропастью.

— Ахъ, Боже мой, куда же это вы меня привели!—возбужденнымъ голосомъ воскликнула дама.

— А чтѣ? Хорошо?—возразилъ юноша.—Здѣсь по крайней мѣрѣ никого нѣтъ, а вѣдь въ этой отвратительной Балаклавѣ положительно уголка не найдешь, гдѣ бы можно было уединиться.

— Но это такъ высоко... Я падаю отъ усталости. Я, должно быть, безобразна теперь... у меня все лицо горитъ...

— Вы безобразны?—воскликнулъ студентъ, глядя на нее своими ласковыми глазами.—Вы похожи на расцвѣтшую розу... Мнѣ хочется васъ...

Онъ наклонился къ ней, но „расцвѣтшая роза“ ударила его вѣеромъ по губамъ, и онъ отшатнулся съ самодовольною усмѣшкой человѣка, увѣреннаго въ своихъ силахъ и заранѣе торжествующаго побѣду. Они подошли къ камню.

— Садитесь здѣсь, полковница,—сказалъ молодой человѣкъ.—А я расположусь у вашихъ ногъ, какъ Геракулесъ у ногъ Омфалы...

Барыня, повидимому, была не сильна въ мифологіи, потому что ничего не отвѣтила на слова своего спутника, и только продолжала смѣяться безпричиннымъ, нервнымъ смѣхомъ.

— Какъ здѣсь страшно!—проговорила она, садясь на камень и расправляя пышныя складки своего воздушнаго наряда.—Чтѣ если этотъ камень оторвется и упадетъ туда?

— Нѣтъ, не упадетъ,—увѣренно сказалъ студентъ.—А говорятъ, отсюда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, бросилась въ море одна барышня.

— Ай!..—воскликнула полковница, вожетливо откидывая головку назадъ.—Не говорите... это ужасно. Вдругъ бы я бросилась тоже...

— Вы не броситесь,—улыбаясь, сказалъ молодой человѣкъ. Полковница опять ударила его вѣеромъ.

— А если бы бросилась? Чтѣ бы вы сдѣлали?

— Я бы тоже... не бросился. Я побѣждалъ бы сейчасъ въ Балаклаву и заявилъ въ полиціи, что вы упали въ пропасть и что надо составить протоколъ.

— И... только?

— И только.

— Какой вы... страшный,—проговорила дама, на этотъ разъ съ непритворнымъ испугомъ отодвигаясь отъ студента. Онъ засмѣялся.

— Я—страшный?—проговорилъ онъ, поднимая на нее свои ласковые, свѣтлые глаза и блестя мелкими, острыми зубами.— Я—страшный?..

— Да... вы—страшный,—дрогнувшимъ голосомъ произнесла полковница и вдругъ, порывисто наклонившись къ нему, схватила его голову обѣими руками и поцѣловала его въ раскрытыя губы.

Юрій Александровичъ, который все время оставался на своемъ мѣстѣ, какъ прикованный, не зная, какъ бы ему уйти поскорѣе, при звуцѣ поцѣлуя вздрогнулъ, покраснѣлъ и, закрывъ глаза, бросился бѣжать.

XIV.

Комната сестеръ была ярко освѣщена: на пѣянино были зажжены только-что вставленные свѣчи; въ углу, на столикѣ, подъ зеленымъ узорчатымъ абажуромъ горѣла лампа; на кругломъ чайномъ столѣ стояла другая лампа и бурно кипѣлъ самоваръ. Анна Павловна въ бѣлой, шелковой кофточкѣ и съ неизмѣнными олеандрами въ волосахъ и на груди, взволнованная, расхаживала по комнатѣ, заглядывая во всѣ уголки; за самоваромъ сидѣла Марья Васильевна Хоменко и съ озабоченнымъ видомъ заваривала чай; Гриша и Маша стояли у раскрытаго окна и разговаривали.

— Ну, кажется, у насъ все въ порядкѣ! — воскликнула Анна Павловна, заглядывая мимоходомъ въ зеркало и поправивъ кружева.—Гриша, посмотрите, не коптитъ ли лампа.

— Да не коптитъ, я уже смотрѣлъ!—ворчливо отозвался Гриша.—И чего вы изъ кожи лѣзете, не понимаю? Вѣдь Максютинъ не принцъ какой-нибудь... Кули на пристани таскалъ,—ему всѣ эти финтифлюшки вовсе и не нужны.

— А вамъ завидно?

— Ничуть не завидно, а смѣшно... Максютинъ удивить захотѣлъ! Вы бы еще ему коврикъ подъ ноги подложили, какъ архiereю!

— Гриша!—простонала Марья Васильевна изъ-за самовара.

— Мамаша!—въ тонъ ей произнесъ Гриша.—Вы-то что волнуетесь?

Дверь отворилась, вошелъ Юрій Александровичъ.

— А что же ваша мама?—спросила Анна Павловна.—Вы передали ей наше приглашеніе?

— Она не придетъ... извиняется. У нея голова болить...—сказалъ Юрій Александровичъ и, поздоровавшись со всѣми, отошелъ въ окну.

Маша взглянула на него пристально и замѣтила, что онъ разстроены. Глаза его лихорадочно блестя, онъ былъ блѣденъ и безпрестанно хватался за лобъ и потиралъ его рукою, что дѣлать всегда, когда его беспокоила какая-нибудь мысль. Но взглядъ большихъ серьезныхъ глазъ Маши подѣйствовалъ на него успокоительно: онъ улыбнулся и подошелъ къ ней. Въ ихъ натурахъ, замѣнутыхъ, стыдливыхъ и чувствительныхъ, было что-то родственное, и ихъ тянуло другъ къ другу.

— Я тоже не хотѣлъ-было приходиться сегодня,—сказалъ онъ.

— Почему?—спросила Маша.

— Такъ неприятно настроены... Мама... но я вамъ все расскажу послѣ. Ахъ, мнѣ такъ хочется рассказать вамъ все!

— Зачѣмъ, не надо... Люди всегда раскрываются въ своей откровенности. И со мной это часто бываетъ...

Маша вспомнила свои слезы на мысѣхъ и застыдилась.

— Нѣтъ, вамъ я скажу... Вы поймете... и мнѣ будетъ легче. Ахъ, мнѣ такъ тяжело теперь, Марья Павловна!

Онъ замолчалъ и скорбно задумался.

На террасѣ послышались шаги, голоса, и въ комнату вошли Мавсютинъ и Зорницкій.

— Вотъ и мы!—весело сказалъ Мавсютинъ.—И, кажется, заставили себя ждать! Простите...

— Это все онъ, Анна Павловна,—объявилъ Зорницкій.—Потащилъ меня на Мигало-Яло писать закатъ солнца, и вотъ только сейчасъ вернулись оттуда и едва успѣли переодѣться.

— Ну, что же, довольны работой?

— Помилуйте, что же хорошаго,—пески, скалы, море, небо! Терпѣть этого не могу,—безсмыслица какая-то. Я люблю живую натуру,—люблю человѣка съ горячей кровью, переливающейся въ жилахъ, съ его таинственными глазами, съ его загадочною улыбкой, то радостною, то скорбною...

— Съ его мистическимъ носомъ, сморщающимся то громко, то нѣжно, съ его символическими ушами, въ изгибахъ которыхъ кроется отраженная мысль...—иронически воскликнулъ Гриша.

Зорницкій взглянулъ на него съ досадою, а Мавсютинъ расхохотался.

— Браво, браво, Гриша! — сказалъ онъ. — Это вы очень остроумно пародировали моего пріятеля!

— Ничего рѣшительно не вижу остроумнаго, — сухо возразилъ Зорницкій. — Не все то остроумно, что нелѣпо.

— Юпитеръ, ты сердисься... — съ усмѣшкой проговорилъ Максютинъ.

— Выдерите ему уши, пожалуйста! — послышался изъ-за самовара голосъ Марьи Васильевны. — Выдерите, выдерите хорошенько!

Это было такъ неожиданно, что всѣ размѣялись, даже Гриша.

— Да что это въ самомъ дѣлѣ? — продолжала Марья Васильевна. — Нивому слова не дастъ сказать! Такъ на всѣхъ и наскакиваетъ. Что это за дѣти нынче, Господи Боже мой!

— Теперь дѣтей нѣтъ, Марья Васильевна, — сказалъ Максютинъ.

— А вѣрно, нѣтъ! Это удивительно, право! Послушаешь, о чемъ они говорятъ, что дѣлаютъ, Боже мой! Имъ бы еще въ лошадки играть надо, а они уже какіе-то вопросы рѣшаютъ. И все спорять, все кричать, все не по ихнему... Слушаешь-слушаешь, умъ за разумъ зайдетъ... Пожалуйте же чай кушать, уже готово. Ну, что, вы теперь совсѣмъ здоровы? — обратилась она къ Максютину.

— Цвѣту, Марья Васильевна! Ваше варенье оказало магическое дѣйствіе, — приношу вамъ глубокую благодарность!

— Да за что же, Господи! — воскликнула Марья Васильевна. — Я такъ рада... Здѣсь въ Балаклавѣ ничего не стоитъ захворать. Говорятъ, климать-климать, а кушать совсѣмъ нечего. Все на салѣ, масло хорошаго не достанешь ни за какія деньги. И каждый день кабачки да баклажаны, кабачки да баклажаны, съума можно сойти. А рыбу, представьте, эти греки жарятъ на деревянномъ маслѣ...

— Вотъ это разговоры въ мамашинѣмъ духѣ! — замѣтилъ Гриша. — Теперь начнется безконечная желудочная эпопея... „На что читать намъ Бокля? Не стоитъ этотъ Бокль хорошаго... бифштекса“!..

— Какой ужасный ребенокъ! — проговорила Марья Васильевна, беспомощно складывая свои толстыя ручки.

Между тѣмъ, Анна Павловна, которая давно уже выказывала нетерпѣніе, подошла къ пьянино и взяла нѣсколько аккордовъ.

— Что же, будемъ сегодня пѣть... Егоръ Егорычъ? — обратилась она къ Максютину.

— Я готовъ.

— Такъ давайте, разберемъ нѣты, — выберите себѣ что-нибудь.

— Пойдемте на террасу, — шепнула Маша Юрію Александровичу. — Оттуда лучше будетъ слушать.

Они вышли, — теплая, благовоющая ночь приняла ихъ въ свои ласковыя объятія. Деревья въ саду стояли недвижныя и безмолвныя, точно прислушивающіяся къ чему-то; за оградой во мракѣ едва слышно плескались волны бухты; сильно пахло какими-то цвѣтами.

— Отчего вечеромъ цвѣты сильнѣе пахнутъ? — спросила Маша, облокачиваясь на перила и глядя въ душистый сумракъ сада..

— Не знаю... — разсѣянно сказалъ Юрій Александровичъ. — Онъ плохо слушалъ, весь поглощенный своей внутренней борьбой, своимъ разладомъ съ матерью, который принималъ все болѣе и болѣе острый характеръ.

— И думается лучше по вечерамъ... — продолжала Маша. — Днемъ такъ шумно, свѣтло, и мысль разбѣгается въ разныя стороны, а вотъ когда стемнѣетъ — хорошо бываетъ думать. Я люблю сидѣть въ темнотѣ...

На террасу выпелъ Зорницкій.

— Уфъ! — воскликнулъ онъ. — Даже въ жаръ бросило! Сейчасъ спорилъ съ Гришей объ искусствѣ. Что за дикія понятія, что за вздоръ! Совершенно невозможный господинъ. Я слушалъ-слушалъ, и на меня ужасъ напалъ. Воображаю, какая мертвая тоска, какая убійственная сушь воцарится въ мірѣ, если подобнымъ господамъ удастся перестроить его по-своему. Не будетъ ни красоты, ни талантовъ, ни оригинальности, потому, видите ли, что это несправедливо и никто не долженъ быть лучше другого. Да вѣдь это смерть!.. Признаюсь, мнѣ захотѣлось выбросить Гришу вмѣстѣ съ его теоріей въ бухту.

— Вы его, вѣроятно, не поняли, — возразила Маша. — И потому онъ всегда немного преувеличиваетъ... а въ общемъ я съ нимъ согласна.

— Вы согласны! Какъ это жаль... Вы — олицетворенная поэзія, — въ союзѣ съ самою мертвящей прозой... мнѣ не хочется этому вѣрить. Вамъ не идетъ эта безжалостная и мрачная проповѣдь всеобщаго равенства и ограниченности.

— Вы объ убѣжденіяхъ говорите, какъ о платьѣ, — идетъ, не идетъ... И почему не идетъ?

— Потому что эта теорія груба и безобразна, а вы — пре-

красны...—тихо сказалъ Зорницкій, близко наклоняясь къ дѣвухѣ.

Маша съ испугомъ отшатнулась отъ него. Краска стыда и негодованія бросилась ей въ лицо. „Какъ онъ смѣетъ?“—подумала она.

Въ эту минуту изъ комнаты понеслись таинственные звуки пѣянино, и Максютинъ загѣлъ:

Спать княжна въ лѣсу глухомъ,
Спать тяжелымъ, мертвымъ сномъ...

Маша вздрогнула и стала слушать,—сладкій трепетъ проползъ у нея по спинѣ. „Какъ онъ поетъ... — думала она, вся отдаваясь во власть чарующихъ звуковъ. — Это бородинская „Сказка“... Но отчего она совсѣмъ какъ будто другая? Ахъ, я теперь понимаю... Княжна — это Россія, это мы всѣ... Она спитъ, — ахъ, какъ крѣпко спитъ!.. Вѣдьмы и лѣшіе носятся надъ нею,—она спитъ. Когда же она проснется“?..

Спать, спать...

выговаривалъ пѣвецъ таинственно, и отъ этихъ словъ вѣяло дремой и сквозной глушью дремучаго лѣса.

„Это я...—думалъ Юрій Александровичъ.—Двадцать лѣтъ я спалъ мертвымъ сномъ,—и вдругъ проснулся въ глухомъ лѣсу. Кто меня выведетъ на дорогу? Кто освободитъ меня отъ тяжелаго кошмара?“

„Это она...—думалъ Зорницкій, всматриваясь въ блѣдное лицо Маши, по которому бѣжали отраженные тѣни деревьевъ, придавая ему странную игру. — Еще ребенокъ, дитя, она сама себя не знаетъ; въ ея дремлющей душѣ бродятъ полутѣни, полугрезы; всѣ эти политическія эвоніи, всѣ эти бредни, книжки и Гриши,—это вѣдьмы и лѣшіе, которые носятся надъ спящей княжной. Но придетъ богатырь... придетъ любовь—и разбудитъ это младенческое сердце. Цвѣтокъ распухнетъ и раскроетъ свои дѣвственныя лепестки. Отчего бы не мнѣ сорвать его?“

И никто не знаетъ, скоро-ль
День настанетъ пробужденья...

закончилъ Максютинъ отрывисто, и звуки пѣянино смолкли. Но слушатели долго молчали, очарованные, недоумѣвающие, неудовлетворенные, ожидая продолженія недосказанной сказки.

Вдругъ изъ глубины сада послышались аплодисменты, и кто-то крикнулъ: „Браво! Bis!“ Юрій Александровичъ вспыхнулъ,—онъ узналъ голосъ студента... и ему вспомнилась сцена у башни.

Онъ до сихъ поръ не могъ забыть ее и мучился отъ стыда за свое невольное соглядатайство.

— Слышите, вамъ аплодируютъ,—сказала Анна Павловна, выходя на террасу.

— Къ сожалѣнію, не могу стать въ позу и раскланяться, потому что темно и не вижу публики, — смѣясь, отвѣчалъ Максютинъ.

— О, если бы вы захотѣли, вы еще и не такіе аплодисменты услышали бы!—горячо воскликнула Анна Павловна.—У васъ необыкновенный голосъ... Зачѣмъ вы зарываєте въ землю свои таланты?

— Это уже поконченный вопросъ, Анна Павловна... Не будемъ его поднимать. А вы, господа, кажется, заснули тутъ подъ нашу сказку?—обратился онъ къ Машѣ.

— Спойте еще... — прошептала она, вся блѣдная, съ потемнѣвшими глазами.

— Хорошо... теперь я спою для васъ...

Онъ вернулся къ піанино, и черезъ минуту изъ отворенной двери въ тихій сумракъ ночи полились нѣжные, ласковые звуки серенады Чайковского...

Спи, дитя,—подъ окошкомъ твоимъ...

Маша вся вздрогнула и приняла... Зорницѣй замѣтилъ ея волненіе... досада и ревность шевельнулись въ его душѣ. „Ага,—подумалъ онъ,—вотъ чѣмъ тебя можно взять. Политическая экономія — это, братъ, чепуха, это наносное. А вотъ бархатный баритонъ,—другое дѣло... и ты вся дрожишь, и сердечко твое горитъ и замираетъ, и ты побѣжишь, очертя голову, и отдашь себя всю безъ остатка не политической экономіи, — нѣтъ... а ему“...

Спи, дитя мое, спи, почивай
Подъ аккорды моей серенады,
И пусть снится тебѣ свѣтлый рай,
Преисполненный вѣчной отрады...

пѣлъ Максютинъ, и убаюкивающіе аккорды замерли и растаяли, слившись съ ароматомъ невидимыхъ цвѣтовъ и съ тишиною ночи.

Въ саду опять захлопали; Маша стремительно вошла въ комнату.

— Это вы для меня пѣли? — спросила она Максютинъ. — Спасибо... но развѣ вы хотите, чтобы я вѣчно оставалась ребенкомъ?

— Да, — ласково сказалъ Максютинъ. — Вы не знаете... жизнь очень тяжела, и, мнѣ кажется, вы не вынесете ее.

— Мнѣ это очень обидно... — проговорила Маша, нервно комкая въ рукахъ вѣтку тополя. — Я не хочу быть ребенкомъ, я хочу все знать, хочу работать, какъ всѣ...

— Дай вамъ Богъ... только знайте, Марья Павловна, — рай только во снѣ снится... на яву рая не бываетъ...

— Мнѣ и не надо... я не хочу, — прошептала Маша и быстро отошла въ сторону.

— А что, господа, не пора ли по домамъ? — сказала Марья Васильевна, которая давно уже подремывала въ уголку дивана, убаюканная музыкой.

— Вотъ кому рай-то снится! — насмѣшливо воскликнулъ Гриша. — Признайтесь, мамаша, навѣрное вы уже видѣли во снѣ какого-нибудь чичиковскаго индюка?

— Отстань, скверный мальчикъ! Я съ тобой и говорить-то не хочу...

Она встала, тяжело вздыхая и жалуясь, что „пересидѣла себѣ ноги“. Но ее опять усадили и упросили Максютину спѣть еще что-нибудь.

— Ахъ, молодежь, молодежь! — шептала Марья Васильевна, покачивая головою и улыбаясь подъ громъ пѣанно. — Ей не спится... она всю ночь готова шумѣть и веселиться. — А пожили бы съ мое...

И въ сладкой дремотѣ она перенеслась мыслью домой, къ хозяйственнымъ хлопотамъ и заботамъ, наполнявшимъ ее несложное существованіе.

— О чемъ это ты разговаривалъ давеча съ Машей въ углу? — свирѣпо спросилъ Зорницкій Максютина, когда они, часъ спустя, возвращались домой.

— А что? Ты, кажется, злишься?

— Я не злюсь, — раздраженнымъ голосомъ возразилъ Зорницкій. — Но согласись самъ, что ты ведешь себя не очень красиво... Я тебя познакомилъ, я былъ съ тобою откровененъ по товарищески... а ты шепчешься по угламъ, распѣваешь серенады и ухаживаешь за дѣвушкой, въ которую я влюбленъ. Очень хорошо!

— Оставь, пожалуйста. И что за скверное слово „ухаживаешь“ — собачье какое-то... Повторяю тебѣ еще разъ: не намъ съ нашими грязными лапами прикасаться къ этому нѣжному и чистому ребенку.

— Ого, какимъ языкомъ заговорилъ!.. Однако, этотъ ребе-

ночь не сегодня-завтра может превратиться въ женщину... и ты можешь ее увлечь.

Максютинъ расхохотался.

— Я! Какъ ты глушь... Я бродяга, босякъ, безъ роду, безъ племени, безъ кола и двора, завсегдатай ночлежнаго дома и большой дороги—могу увлечь... Да ты съ ума сошелъ.

— Не кокетничай, пожалуйста! Вотъ именно такими-то, какъ ты, и увлекаются женщины. Помилуйте... босякъ, а художникъ, на рукахъ мозоли, а поетъ серенады, какъ Мазини... таинственно и романтично во вкусъ Жоржъ-Занда. Ну и сейчасъ либо тебя спасать начнутъ, либо упадутъ передъ тобой на колѣни и станутъ на тебя молиться... У женщинъ въ любви всегда крайности: имъ нуженъ или мерзавецъ, котораго надо „поднять“, или богъ... Анна Павловна на что положительная дѣвица, а и ту, кажется, ты расшевелилъ.

— Чепуха...—сказалъ Максютинъ, однако задумался.

— Не чепуха... вѣрно. Не влюбилась же Тургеневская Елена въ красавца и умницу Шубина, а влюбилась въ ограниченнаго и недѣльнаго Инсарова,—почему? Потому что Шубинъ былъ „просто“ художникъ, хотя и талантливый, а Инсаровъ—помилуйте, у него была Тайнственная Болгарія.

— Ну, братъ, Елены отжили свое время. Теперь народились другія женщины... Мы видѣли такихъ, которыя не чета Еленамъ... и въ Болгарію имъ идти не нужно, и передъ Инсаровыми они стоять на колѣняхъ не будутъ. Мы должны стоять передъ ними на колѣняхъ!

— Гдѣ это ты видалъ такихъ женщинъ?—проворчалъ Зорницкій.

Максютинъ посмотрѣлъ на него разсѣяннымъ взглядомъ.

— Гдѣ?...—не сразу отвѣтилъ онъ. — Далеко отсюда...—и переменявъ серьезный тонъ на шуточный, онъ продолжалъ:—А знаешь что, Зорницкій? Тебѣ нужно жениться...

— Какъ жениться?

— Ну, какъ, очень просто! И не на Машѣ, конечно, да она за тебя и не пойдетъ, а на эдакой здоровой, толстой, веселой бабѣ, которая кормила бы тебя до отвала и держала подъ башмакомъ. Ты бы тогда отлично зажилъ и успокоился.

Зорницкій былъ такъ пораженъ неожиданнымъ окончаніемъ разговора, что только промычалъ и во всю дорогу не вымолвилъ больше ни слова.

XV.

Всю ночь Максютину не спалось: Зорницѣй давно уже хранилъ на разные лады, а Максютинъ все ворочался на постели съ боку на бокъ, не смыкая глазъ. Убывающая луна кажимъ-то страннымъ взглядомъ засматривала въ комнату, наполняя ее раздражающимъ неполнымъ свѣтомъ; голосистые южные сверчки трещали во всѣхъ щеляхъ, подъ каждымъ камнемъ, невидимые москиты жалили какъ иголками... Максютинъ сначала злился, но потомъ рѣшилъ покориться своей участи и, уставившись глазами въ печальный, похудѣвшій ликъ луны, предался своимъ мыслямъ. Не москиты и не сверчки мѣшали ему заснуть, а именно эти собственныя назойливыя мысли. Сегодняшній вечеръ, музыка, общество молодыхъ дѣвушекъ, молодые разговоры,—вся эта обстановка, отъ которой онъ давно отвыкъ за послѣдніе годы своей скитальческой жизни, взволновали его и разбудили въ немъ давно заглохшія чувства, онъ точно помолодѣлъ на десять лѣтъ. Все недавнее прошлое куда-то отодвинулось отъ него и казалось давнишнимъ сномъ: загорѣлыя лица рабочихъ, носильщиковъ и прочаго чернаго люда, среди котораго онъ жилъ послѣднее время, ихъ грубые разговоры и заботы о насущномъ кускѣ хлѣба, хлопотливый гулъ и суетня тяжелаго, кроваваго труда, дымъ и грохотъ фабрикъ, пристаней, желѣзныхъ дорогъ, удупливый мракъ шахтъ,—все это потускнѣло и вытѣснилось новыми, свѣжими и легкими впечатлѣніями. Въ ушахъ его звучали нѣмые отголоски музыки, причудливо переплетаясь съ красивыми образами; въ глазахъ мерещились воздушныя женскія одежды, пропитанныя ароматомъ цвѣтовъ; женскіе глаза ласково улыбались ему изъ таинственнаго сумрака ночи. „А въ самомъ дѣлѣ, ужъ не влюбленъ ли я?—думалъ Максютинъ, безпокойно ворочаясь на постели.—Развѣжился, раскись отъ бездѣлья, вотъ и полѣзла въ голову дурь... А тутъ еще этотъ пріятель съ своими вѣчными любовными восторгами и культомъ женской красоты... Любовь, говорятъ, заразительна. И потомъ, можетъ быть, я дѣйствительно волну юти эти юныя сердца“... Образъ Маши, съ ея большими, странными глазами, опять возникъ передъ нимъ,—прекрасный, юный, волнующій... Сердце его вздрогнуло и заняло. Нѣтъ, надо уходить. Отдохнулъ, поправился и будетъ. Кстати и отъ одного товарища на дняхъ было письмо: зоветь въ владимірскую губернію и писать, что много будетъ дѣла... Максютинъ потянулся и началъ думать объ этомъ дѣлѣ. *Туда* ему нельзя по-

казаться въ своемъ настоящемъ видѣ, тамъ его уже знаютъ, и надо будетъ перемѣнить паспортъ... Дѣло предстоитъ серьезное, и не хочется быть „изъятымъ“ въ самомъ началѣ. До сихъ поръ ему везло въ этомъ отношеніи; благодаря своей осторожности, онъ умѣлъ избѣгать опасности. Но вѣдь когда-нибудь придетъ же и его чередъ... Онъ опять потянулся, и по ассоціаціи представлений въ его возбужденномъ безсонницею мозгу ясно нарисовалась знакомая картина: сѣрыя, грязныя стѣны съ безчисленными слѣдами раздавленныхъ клоповъ, окна съ рѣшетками, дверь съ четырехугольною форточкою и „глазѣмъ“ по тюремной терминологіи, и усатая физиономія вахмистра... Онъ тряхнулъ головой, стараясь отогнать отъ себя видѣніе, и широко открылъ глаза. Нѣтъ, онъ еще на свободѣ, въ Крыму, въ своей комнатѣ съ стеклянною террасой. Убывающая луна все такъ же виситъ на горизонтѣ, въ горахъ поютъ сверчки, теплый вѣтерокъ врывается въ окно и шуршитъ занавѣсками, Зорницкій мирно храпитъ на своей кровати. Какъ хорошо!..

Спи, дитя, подъ окошкомъ твоимъ..

прозвучало у него надъ ухомъ, и образъ тоненькой дѣвочки съ черною косой и большими глазами всталъ передъ нимъ.

„А ѣхать все-таки надо. Сегодня же напишу товарищу, чтобы онъ выслалъ денегъ“.

А Маша? точно шепнулъ кто-то около него. Неужели все это такъ и останется, и пройдетъ мимо? Опять скитанія, одиночество, безпріютность, опять шумъ и пылъ дорогъ, фабрикъ, пристаней, опять пересыльная тюрьма и вахмистръ... Неужели такъ-таки никогда не жить, не любить?

— Не къ чему и не зачѣмъ, — вслухъ проговорилъ Максютинъ.

— Что? — съ просонья отозвался Зорницкій и сейчасъ же снова захрапѣлъ.

Взошло солнце и освѣтило комнату, яркіе лучи его разсѣяли всѣ ночныя думы Максютина, и ему самому стало смѣшно на себя. „Точно влюбленный гимназистъ!“ — подумалъ онъ, вставая и одѣваясь. Зорницкій продолжалъ крѣпко спать. Максютинъ подошелъ къ нему, поглядѣлъ на его разрумянившееся лицо, имѣвшее во снѣ выраженіе какого-то наивнаго добродушія, и засмѣялся. „Экъ, спитъ-то! Вотъ на него и любовь не дѣйствуетъ. Славный былъ бы малый, если бы не напускалъ на себя этого дурацкаго декадентства. Нѣтъ, жениться ему надо“! Максютинъ осторожно щелкнулъ его въ кончикъ носа, отчего Зор-

нижній только поморщился, но не проснулся, затѣмъ онъ взялъ ящикъ съ красками, зонтикъ и вышелъ изъ дому.

Утро было очаровательное, свѣжее и румяное, какъ молодая красавица. Въ воздухѣ еще чувствовалась ночная, соленая влажность морскихъ испареній; горы на востокѣ темнѣли, а на западѣ онѣ были розовыя, теплыя, и каждая травка, каждый камешекъ отчетливо вырисовывались на ихъ склонахъ, облитыхъ мягкимъ свѣтомъ утренняго солнца. По бухтѣ ползла мелкая рябь, точно чешуя; небо было чистое и свѣтлое, какъ хрусталь. Внизу по городу уже гремѣла утренняя линейка, отходящая въ Севастополь, и слышались рѣзкіе, отрывистые звуки кондукторскаго рожка. Максютинъ спустился къ базару, гдѣ уже кипѣла обычная ранняя жизнь. Толстый старикъ-грекъ, похожій на Фальстафа, въ разстегнутой на груди рубахѣ, сидѣлъ передъ грудой свѣжей рыбы и хриплымъ голосомъ кричалъ: „макрели-макрелина“! Татары, худые, обожженные солнцемъ, сидя на своихъ скрипучихъ маджарахъ, продавали арбузы, кабачки, фрукты, и среди всего этого съ важнымъ и дѣловымъ видомъ расхаживалъ „коммисіонеръ“, сумасшедшій Николо Барбо.

Максютинъ съ удовольствіемъ окинулъ взглядомъ оживленную картину базара. Несмотря на безсонную ночь, голова его была свѣжа, и на душѣ было легко и спокойно. Выйдя на набережную, у пристани онъ лицомъ къ лицу столкнулся съ Юріемъ Александровичемъ, который куда-то шелъ. Они съ удивленіемъ остановились и посмотрѣли другъ на друга.

— Ага, да вы—ранняя птица!—сказалъ Максютинъ.—А я думалъ, что въ Балаклавѣ, кромѣ кухарокъ да меня, никто не встаетъ такъ рано.

— Я не спалъ всю ночь...—съ блѣдною улыбкой проговорилъ Юрій Александровичъ. Лицо его было разстроено, глаза красны.

„Неужели и этотъ тоже влюбленъ?“—подумалъ Максютинъ и вслухъ сказалъ: — Представьте, я тоже не спалъ. Вчерашняя музыка немножко развинтила нервы, а я-таки давно не слышалъ музыки...

— Да, музыка...—разсѣянно произнесъ Юрій Александровичъ, потирая лобъ рукою.

„Нѣтъ, онъ не влюбленъ...“—опять подумалъ Максютинъ.— Что же, поѣдемте со мною въ море, — сказалъ онъ.— Я порисую, а вы посидите, подышемъ морскимъ воздухомъ, поговоримъ. Хотите?

— Я очень радъ...—сказалъ Юрій Александровичъ, и лицо его оживилось.

— Отлично, идемъ! Кстати я на базарѣ купилъ хлѣба, кефали и фрутовъ, хоть цѣлый день можемъ провести на морѣ.

Максютинъ сталъ отвязывать лодку своего знакомаго рыбака, и черезъ минуту они уже шли подъ свѣжимъ бризомъ въ море. Максютинъ довольно ловко умѣлъ обращаться съ парусомъ, и лодка неслась, какъ чайка. У выхода въ море имъ повстрѣчалась другая лодка, возвращавшаяся обратно. На веслахъ сидѣлъ студентъ; рулемъ управляла дама,—Юрій Александровичъ сейчасъ же узналъ знакомую парочку... Студентъ былъ свѣжъ и румянъ, какъ всегда, глаза его блестяли, онъ улыбался, показывая свои хорошенькіе зубки; дама какъ-то вся распустилась, востюмъ ея былъ въ беспорядкѣ, лицо померкло, вѣки припухли, глаза смотрѣли устало,—она была некрасива и жалка...

— Ого, вотъ такъ Ромео и Джульетта!—воскликнулъ Максютинъ.—Маленькое несоотвѣтствіе возрастовъ... но это fin de siècle. Чтѣ это съ вами?—спросилъ онъ, замѣтивъ, что Юрій Александровичъ вздрогнулъ и отвернулся.

— Ничего... Все гармонія и красота!..—пробормоталъ Юрій Александровичъ и засмѣялся.—Боже, какъ я былъ глупъ!—прошепталъ онъ съ горечью.

Максютинъ посмотрѣлъ на него зорко, но ничего не сказалъ. Они вышли въ море. Здѣсь вѣтеръ упалъ, парусъ сдѣлалъ нѣсколько судорожныхъ трепетаній и безсилно повисъ, Максютинъ его убралъ и сѣлъ на весла, но грести не сталъ. Лодка тихо покачивалась; море молчало. Ай-мысь былъ весь синий, тяжелый и мрачный, точно съ просонья; зато мысь Фиолентъ свергвалъ точно глыба золота.

— Вотъ чтѣ всегда неизмѣнно хорошо—это природа!—заговорилъ Максютинъ.—Въ тишинѣ и бурѣ, въ гнѣвѣ и радости,— всегда прекрасна и величественна... Неправда ли?

— Не знаю... я теперь во всемъ сомнѣваюсь, — отозвался молодой человекъ.

— Правда, она равнодушна,—продолжалъ художникъ, какъ бы не слыша этихъ словъ.— Она жестока и безстрастна, съ точки зрѣнія антропоморфизма, но какой же ей и быть, когда она бессознательна? Зато красота ея не подлежитъ сомнѣнію; она чаруетъ и успокоиваетъ... Бывало, въ самыя тяжелыя минуты жизни выйдешь въ степь, поглядишь кругомъ,—и самая мучительная душевная боль затихнетъ. Я люблю степь... и море. Въ ихъ безграничности чувствуется вѣчное спокойствіе и счастье

бессознательности; кажется, что стоишь на границѣ бытія и начинаешь понимать буддійскую Нирвану. И даже смерть въ эти минуты не страшна.

— Нирвана... — повторилъ Юрій Александровичъ. — Нѣтъ, это—страшное слово. Ничего не видѣть, ничего не чувствовать, ничего не знать...

— Э, Юрій Александровичъ! — усмѣхаясь, сказала Максютинъ. — Знаніе счастья не даетъ. Чѣмъ больше знаешь, тѣмъ больше сомнѣваешься и страдаешь.

— Но лучше страдать и знать, чѣмъ бродить въ потьмахъ и думать, что всѣ счастливы и ты самъ счастливъ. Я это испытать... до пріѣзда сюда.

Онъ повернулся лицомъ къ Максютину, какъ бы ожидая вопроса, но тотъ молчалъ. Тогда Юрій Александровичъ продолжалъ:

— Я вамъ очень благодаренъ, Егоръ Егоровичъ. Вы открыли мнѣ цѣлый міръ... помните, тамъ въ Георгіевскомъ, когда разсказывали о духоборахъ и объ умершей дѣвочкѣ. Представьте себѣ, я ничего этого не зналъ... я думалъ, что я счастливъ и и что всѣ счастливы... Всѣ люди казались мнѣ такими добрыми, такими правдивыми... и вдругъ все это ложь... Но вамъ не смѣшно слушать, чтд я говорю?—перебилъ онъ самъ себя, смѣясь въ то время, какъ глаза его были полны слезъ.

— Ничуть,—серьезно сказалъ Максютинъ.—То, чтд вы говорите, мнѣ знакомо. Всѣ мы переживаемъ рано или поздно такія минуты.

— О, нѣтъ,—горячо возразилъ Юрій Александровичъ.—Вы не знаете... меня совсѣмъ особенно воспитывали. Меня обманывали... изъ меня хотѣли сдѣлать какого-то идиота... хуже Митрофанушки...

— Такъ что же, это естественно. Вѣдь вы, кажется, единственный сынъ?

— Да...

— Ну вотъ, это всегда такъ бываетъ съ единственными дѣтьми. Ихъ любятъ, берегутъ, лелѣютъ, надъ ними дрожать и продѣлываютъ всякіе эксперименты, чтобы сохранить ихъ.

— Но... зачѣмъ же лгать?—съ внезапной жесткостью сказалъ Юрій Александровичъ.

— Любовь, любовь, батенька,—она слѣпа и часто ошибается. Ваши родители не думали, что они лгутъ, когда скрывали отъ васъ темныя стороны жизни; они просто оберегали васъ отъ

лишнихъ страданій, какъ оберегаютъ дѣтей отъ обжога, отъ ушиба... Ваши родители...

— У меня нѣтъ отца,—перебилъ его Юрій Александровичъ угрюмо.

Максютинъ взглянулъ на него, удивленный рѣзкостью его тона, и замолчалъ, понявъ, что затронулъ какое-то больное мѣсто. „Можетъ быть, онъ незаконнорожденный...“ подумалъ онъ.

— Смотрите, сколько дельфиновъ плыветъ за нашей лодкой,—сказалъ онъ, желая переимѣнить разговоръ.

Но Юрій Александровичъ разсѣянно взглянулъ на кувыркающихся дельфиновъ и опять повернулся лицомъ къ Максютину.

— Егоръ Егорычъ... — началъ онъ вдругъ, весь вспыхивая и волнуясь.— Помните, вы говорили, что знали какого-то... Щигровскаго?.. Вы... онъ... скажите, кто это такой?

— Щигровский?—переспросилъ Максютинъ:—это былъ довольно извѣстный человѣкъ въ семидесятихъ годахъ... но почему вы спрашиваете?

— Гдѣ онъ теперь? — хриплымъ отъ волненія голосомъ и не отвѣчая на его вопросъ, продолжалъ Юрій Александровичъ.

— Онъ въ Сибири.

— И теперь... тамъ?

— Вѣроятно. Я видѣлъ его года... два тому назадъ. Говорятъ, когда-то онъ былъ крупной величиной... романтикъ и мечтатель, онъ думалъ построить новое зданіе на песчѣ, ну, и рухнулъ вмѣстѣ съ нимъ. Теперь это больной, разбитый человѣкъ... но, кажется, такой же мечтатель.

— Какъ... его зовутъ?—отвашливаясь отъ сухости въ горлѣ, продолжалъ Юрій Александровичъ.

— Александръ Ивановичъ... Но что же это съ вами, голубчикъ? — съ участіемъ спросилъ Максютинъ, наклонясь къ Юрію Александровичу.

Молодой человѣкъ рыдалъ, отвернувшись въ сторону и судорожно вѣсившись руками въ бортъ лодки. Потомъ онъ поднялъ голову и, сіяющими глазами глядя на Максютина, проговорилъ:

— Это—мой отецъ... Расскажите мнѣ о немъ...

В. ДМИТРИЕВА.



ЖАНЪ РАСИНЪ

КРИТИКО-БИОГРАФИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ *)

Двѣсти лѣтъ тому назадъ, 21-го апрѣля 1699 г., не стало одного изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей французской литературы XVII вѣка и вообще одного изъ наиболѣе даровитыхъ людей, когда-либо выставленныхъ Франціей. Измученный продолжительными физическими страданіями, утомленный безконечными нападками враговъ и соперниковъ, для которыхъ его слава была источникомъ зависти, подавленный сознаниемъ, что Людовикъ XIV, такъ долго покровительствовавшій ему, неожиданно сталъ выказывать ему холодность, наконецъ, полный раскаянія при воспоминаніи о суетно и безцѣльно проведенныхъ, какъ ему казалось, годахъ жизни и мыслей о загробномъ мірѣ, Жанъ Расинъ умеръ въ Парижѣ, въ кругу своей семьи, завѣщавъ дѣтямъ любить другъ

*) Главные источники: „Mémoires sur la vie et les ouvrages de Jean Racine“, par Louis Racine; Gustave Laroquet, „Racine“ (1898; въ коллекціи „Les grands écrivains français“); Pierre Robert, „La poésie de Racine“ (1891); Emile Deschanel, „Le romantisme des classiques. Deuxième série: Racine“ (1885); F. Deltour, „Les ennemis de Racine au XVII-e siècle“ (1879); О. Д. Батюшковъ, „Женскіе типы Расина“ (1896); Sainte-Beuve, „Port-Royal“, томъ V (1860); Н. Taine, „Nouveaux essais de critique et d'histoire“ (1865); Ferd. Lotheissen, „Geschichte der französischen Litteratur im XVII Jahrhundert“, томъ IV (1889); Paul Janet, „Les passions et les caractères dans la littérature du XVII-e siècle“ (1888); Jules Lemaitre, „Impressions de théâtre“, томы I и II (1888); Ferd. Brunetière, „Les époques du théâtre français“ (1892); Anton Maatz, „Der Einfluss des heroischen galanten Romans auf das französische Drama“ (1896); M. S. Bernage, „Etude sur Robert Garnier“ (1880); Лессингъ, „Гамбургская драматургія“, русскій переводъ Рассадина (1883); Н. Patin, „Etudes sur les tragiques grecs: Euripide“ (1883); Emile Faguet, „Drame ancien, drame moderne“ (1898).

друга и выше всего ставить добродѣтель и благочестіе, радуясь, что ему суждено было умереть раньше его вѣрнаго друга Буало. Смерть его была трогательна и поучительна; онъ съ рѣдкимъ терпѣніемъ вынесъ страданія, выпавшія ему на долю, проявил замѣчательное присутствіе духа, понимая близость неизбежнаго конца, выказалъ нѣжную заботливость о своей семьѣ. Но это была смерть простого человѣка, частнаго лица, хорошаго семьянина, здраво смотрящаго на разставаніе съ жизнью, находящаго утѣшеніе въ религиозныхъ истинахъ. Та дѣятельность, которая прославила его имя и когда-то столь сильно привлекала его, литературные идеалы, горячее желаніе служить отечественной словесности, — все это казалось умирающему Расину сплошнымъ заблужденіемъ, ошибкою; онъ стыдился вспоминать объ этихъ бурныхъ 11—12 годахъ своей жизни, а если и вспоминалъ о нихъ, такъ только для того, чтобы укорять и обличать самого себя. Тѣни Герміоны, Андромахи, Роксаны, Монины, Ифигеніи, Федры не проносились передъ его умственнымъ взоромъ, — да если бы онъ и ожили снова въ его воображеніи, онъ поспѣшилъ бы отогнать ихъ, какъ тяжелый кошмаръ! Недаромъ онъ выказалъ непритворное сожалѣніе, узнавъ о томъ, что одинъ изъ его сыновей проявлялъ вкусъ въ литературѣ и театру, недаромъ онъ называлъ драматурговъ и поэтовъ „отравителями общества“, оставилъ свою жену въ такомъ же невѣдѣніи относительно своихъ трагедій, въ какомъ находилась Матильда Гейне относительно лучшихъ произведеній своего мужа, и старался внушить своей семьѣ такое отвращеніе къ театру, что другой его сынъ, еще мальчикомъ, воскликнулъ однажды, что онъ никогда въ жизни не пойдетъ въ театръ. Это отрицательное отношеніе драматурга къ своей предыдущей дѣятельности, напоминающее порою послѣдніе годы Гоголя (Расинъ бросилъ однажды въ огонь экземпляръ своихъ уже напечатанныхъ трагедій, въ которомъ на поляхъ были сдѣланы его рукою цѣнныя поправки и измѣненія, погибшія, такимъ образомъ, для потомства), даетъ намъ право заключить, что онъ почувствовалъ бы себя глубоко несчастнымъ человѣкомъ, если бы, умирая, могъ предугадать, какою популярностью будетъ окружено его имя, какъ автора „Андромахи“, „Береники“, „Баязета“... Если мы даже допустимъ, что онъ мечталъ о посмертной оцѣнкѣ своей дѣятельности, то его могъ удовлетворить развѣ только краткій некрологъ, въ родѣ того, который былъ составленъ вскорѣ послѣ его смерти однимъ изъ представителей янсенистскаго лагеря, при чемъ Расинъ былъ на-

званъ авторомъ „Esther“, „Athalie“, „Cantiques spirituels“ и „Исторіи Портъ-Рояля“...

Двѣсти лѣтъ, протекшія со дня смерти драматурга, конечно, — очень продолжительный срокъ... Много разъ успѣли переимѣниться вкусы и симпатіи французской публики, поочередно восторгалась довольно безцвѣтнымъ творчествомъ непосредственныхъ преемниковъ Расина, политическими трагедіями XVIII столѣтія, гениально-безпорядочными драматическими произведениями романтиковъ, тенденціозными драмами Ожье и Дюма-сына, эксцентричными, то нѣсколько рискованными въ нравственномъ отношеніи, то полными туманнаго символизма пьесами конца вѣка. Но творчество Расина не было все-таки забыто или окончательно отбѣснено на второй планъ, несмотря на всѣ эти колебанія и быструю смѣну взглядовъ, несмотря на вазущуюся неустойчивость и мимолетный характеръ литературныхъ симпатій средняго французскаго зрителя. Даже теперь, когда парижская публика избалована и пресыщена самыми разнообразными сценическими представленіями, когда она сегодня смотритъ пьесу съ социалистическою тенденціею въ родѣ „La sage“ или „Les mauvais bergers“, завтра „христіанскую трагедію“ — „La martyre“, „La samaritaine“, „L'incendie de Rome“ и т. д., — послѣ-завтра декадентскую драму д'Аннунціо или новѣйшій образчикъ психологическаго творчества такихъ драматурговъ, какъ Морисъ Доннэ, Порто-Ришъ или Ром. Коольюсъ, театръ Расина пользуется, по прежнему, любовью и сочувствіемъ французскихъ зрителей. Каждое представленіе „Андромахи“, „Баязета“, „Федры“ собираетъ въ наши дни въ Парижѣ многочисленную публику, воодушевляетъ ее, какъ и двѣсти лѣтъ назадъ. Лучшіе французскіе актеры считаютъ и теперь за честь для себя выступить въ одной изъ трагедій Расина. Надъ подобными фактами нельзя не призадуматься; мы всѣ настолько привыкли считать творчество Расина, Корнеля и всѣхъ представителей такъ называемаго ложнаго классицизма (вакой, въ сущности, нескладный и неточный терминъ!) чѣмъ-то отжившимъ свой вѣкъ, неестественнымъ, условнымъ, что зрѣлице пѣлой страны, выносящей эстетическое удовольствіе изъ произведеній драматурга, отдѣленнаго отъ нея двумя столѣтіями, наводитъ на размысленія... Дѣйствительно ли все такъ устарѣло въ творествѣ автора „Митридата“ и „Гоеоли“? нѣтъ ли въ его трагедіяхъ чего-нибудь неумирающаго, понятнаго во всѣ эпохи, несмотря на тѣ условности, на которыя мы обыкновенно прежде всего обращаемъ вниманіе, не замѣчая иногда, до какой высокой степени совершенства доведенъ авторомъ психоло-

гическій анализъ, какую красоту и эластичность онъ придалъ французскому стихотворному слогу? Въ правѣ ли мы повторять старыя нападки на героевъ и героинь Расина, утверждая, будто всѣ они похожи другъ на друга, говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, неспособны на сколько-нибудь искреннее чувство?...

Мы, русскіе, никогда не знали вполне объективнаго отношенія къ Расину. Въ XVIII вѣкѣ онъ былъ однимъ изъ тѣхъ кумировъ, передъ которыми безмолвно преклонялись главные дѣятели молодой русской словесности. Нашъ театръ долгое время находился подъ вліяніемъ французскаго драматурга, творчество котораго оказало свое воздѣйствіе на Сумарокова, Княжнина, Николева, Катенина, Шаховскаго и многихъ другихъ. Для Сумарокова, на примѣръ, авторъ „Федры“—безусловный авторитетъ, какъ и Вольтеръ; правда, рядомъ съ именемъ Расина у него иногда стоятъ имена писателей, какъ Кино или Жанъ-Батистъ Руссо... Діаграммы французскому драматургу можно встрѣтить и у многихъ другихъ русскихъ писателей прошлаго столѣтія, которые ставили выше всего изящество его слога и умѣніе въ художественной формѣ изображать человѣческія страсти. Названіе „русскаго Расина“ считалось самымъ почетнымъ титуломъ, какимъ только можно было надѣлать въ XVIII вѣкѣ русскаго драматурга. Постепенно взглядъ на Расина сталъ, однако, мѣняться, и, подобно тому, какъ прославленные и возвеличенные когда-то корифеи русской словесности прошлаго вѣка начали терять прежнюю, не вполне заслуженную популярность, а затѣмъ были окончательно преданы забвенію,—которое, конечно, также нельзя признать вполне справедливымъ,—въ равной степени вышли изъ моды и тѣ иностранныя литературныя авторитеты, съ Расиномъ во главѣ, которые вдохновляли этихъ писателей и давали общій тонъ ихъ творчеству. Быть можетъ, даже именно тѣ ошибки, крайности, неестественныя ситуаціи и погрѣшности противъ психологіи, которыя можно было найти въ произведеніяхъ русскихъ подражателей Расина, иногда не вполне схватывавшихъ истинный духъ его драмы, болѣе всего содѣйствовали дискредитированію его творчества въ глазахъ русскихъ писателей и зрителей. Ознакомленіе съ взглядами на французскую трагедію Лессинга и нѣмецкихъ критиковъ также не могло, конечно, способствовать поддержанію въ русской публикѣ интереса и сочувствія къ произведеніямъ Расина, Корнеля и другихъ представителей „ложнаго классицизма“... Въ наши дни Расинъ совершенно забытъ русскою публикою; ни одна изъ его пьесъ,—за исключеніемъ „Федры“,—не идетъ на русской сценѣ;

спеціальныхъ статей, посвященныхъ его творчеству, почти не появляется,—пріятное исключеніе составляетъ въ этомъ случаѣ напечатанный три года тому назадъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ интересный очеркъ Ѳ. Д. Батюшкова „Женскіе типы Расина“; нельзя также не отмѣтить комментированныя и снабженныя предисловіями и приложениями изданія „Федры“ и „Геолин“ въ русскомъ переводѣ, Л. И. Поливанова. Въ отрицательныхъ приговорахъ о французской трагедіи XVII-го вѣка у насъ нерѣдко упоминаются рядомъ имена Корнеля и Расина, хотя у нихъ не было почти ничего общаго и творчество послѣдняго было въ значительной степени отрицаніемъ литературной дѣятельности автора „Сида“, явилось своего рода реакціей противъ односторонняго господства героической трагедіи. Съ другой стороны, недостатки, присущіе трагедіямъ неудачныхъ подражателей Расина, въ родѣ Кребильона или Кампистрона, приписываются, по недоразумѣнію, пьесамъ самого Расина. Говорятъ о старомодномъ и тяжеловѣсомъ характерѣ его творчества, —и не указываютъ на то, что отдѣльныя мѣста въ его трагедіяхъ представляютъ собою наиболѣе совершенные образцы французскаго поэтическаго слога. Можно съ увѣренностью сказать, что 200-лѣтняя годовщина со дня смерти автора „Андромахи“ пройдетъ у насъ совершенно незамѣченною. Если мы рѣшаемся напомнить главные факты его жизни, бросить взглядъ на содержаніе и художественныя красоты его трагедій, выяснить его значеніе, какъ драматурга-психолога, нами руководитъ желаніе установить, насколько это въ нашихъ силахъ, безпристрастную точку зрѣнія на его роль въ исторіи французскаго театра, одинаково чуждаясь преувеличенныхъ похвалъ и голословныхъ обвиненій. Какъ отразилась жизнь и психологія Расина въ его творчествѣ? чѣмъ онъ обязанъ своему знаменитому предшественнику, и въ чемъ состоитъ тотъ новый элементъ, который онъ ввелъ въ французскую драматическую литературу? какое отношеніе имѣютъ его трагедіи въ французской дѣйствительности вѣка Людовика XIV и, съ другой стороны, въ классической древности? каковы его герои и героини, и какія общечеловѣческія чувства, влеченія, порывы, колебанія нашли въ немъ своего выразителя? Вотъ тѣ вопросы, которые мы имѣли въ виду затронуть въ нашемъ опытѣ, преслѣдуя цѣль—возстановить, по возможности, истинное значеніе писателя, которому одинъ изъ нашихъ стихотворцевъ прошлаго вѣка ставилъ въ заслугу „сердце людскихъ познать, пріятность, вѣжность, чистоту“.

I.

Жизнь Расина, зная которую довольно важно для понимания его сочинений, весьма бѣдна внѣшними событіями и несложна; она представляет собою рѣзкій контрастъ біографіи такихъ писателей, какъ Бомарше, которая, мѣстами, походитъ на романъ,—такъ въ ней много приключеній, неожиданностей и осложненій всякаго рода! Расину не выпало на долю сильныхъ, разнообразныхъ впечатлѣній; ему никогда не приходилось, въ полномъ смыслѣ слова, бороться за существованіе, путешествовалъ онъ очень мало, къ политикѣ не имѣлъ почти никакого отношенія, роль общественнаго дѣятеля была ему совершенно чужда. Самыми важными эпизодами его жизни являются первыя представленія его трагедій, обыкновенно сопровождавшіяся какъ восторженными оваціями, такъ и неистовыми нападеніями враговъ и завистниковъ, иногда недостойными интригами, которыя испортили ему немало крови, задѣвая его самолюбивую натуру, показывая, какъ трудно бываетъ литературнымъ новаторамъ бороться съ рутинною и традиціонными вкусами. Но какъ бы скудна фактами ни была его жизнь, отдѣльныя ея подробности, напримѣръ, воспитаніе, полученное будущимъ драматургомъ, сближеніе его съ придворными кругами, а также съ нѣкоторыми литературными дѣятелями и т. п., представляютъ для насъ большой интересъ, потому что все это отразилось, въ той или иной степени, на его творчествѣ. Родился онъ 22 декабря 1639 года въ маленькомъ провинціальномъ мѣстечкѣ La Ferté Milon, расположенномъ въ графствѣ Валуа, между Суассономъ и Парижемъ,—въ почтенной, пользовавшейся общимъ уваженіемъ семьѣ, принадлежавшей къ средней французской буржуазіи, которая въ XVII вѣкѣ выставила рядъ талантливыхъ дѣятелей. Самое мѣстечко, гдѣ онъ увидѣлъ свѣтъ, и всѣ его окрестности, по отзыву лицъ, посѣщавшихъ этотъ мирный уголокъ, отличаются несомнѣнною живописностью, яркою, но нѣсколько холодною и, если такъ можно выразиться, трезвою красотою, чуждою романтическаго безпорядка и всего причудливаго или таинственнаго, опредѣленностью и правильностью всѣхъ линий и очертаній. La Ferté Milon расположена въ гористой мѣстности; изъ родительскаго дома Расинъ могъ видѣть старый замокъ, выстроенный на вершинѣ высокаго холма; кругомъ зеленѣли сады, среди которыхъ разбросаны были небольшіе домики горожанъ, возвышались купы пирамидальныхъ тополей. Нѣкоторые біографы

высказывают остроумное предположеніе, что этотъ гармонически-прекрасный, но не дававшій пищи фантазіи пейзажъ, который Расинь созерцалъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ, могъ оказать вліяніе на общій характеръ его творчества, отличительною чертою котораго всегда была его любовь ко всему правильному, осязательному, полному гармоніи и единства. Своихъ родителей Расинь лишился очень рано; отецъ его умеръ двадцати восьми лѣтъ отъ роду, когда мальчику шелъ всего четвертый годъ, мать скончалась еще раньше,—и забота объ его воспитаніи перешла къ его дѣду со стороны отца, также носившему имя Жана Расина, и бабушкѣ, урожденной Marie des Moulins. Будущій драматургъ съ неизмѣннымъ уваженіемъ и любовью вспоминалъ всегда объ этихъ двухъ добродушныхъ и сердечныхъ старикахъ, замѣнившихъ ему родителей и относившихся къ нему съ рѣдкою заботливостью и нѣжностью. Первоначальное образованіе мальчикъ получилъ въ школѣ сосѣдняго города Бовэ, при чемъ объ этомъ времени его жизни намъ ничего неизвѣстно, а затѣмъ мы видимъ его однимъ изъ тѣхъ, не особенно многочисленныхъ учениковъ, которыхъ принимала на воспитаніе столь знаменитая въ XVII вѣкѣ община Портъ-Рояля. Эта оригинальная конгрегация, прославившаяся своею борьбою съ иезуитами, стремившаяся внести новый, болѣе нравственный духъ во французскій католицизмъ, усиленно разработывавшая религіозные и философскіе вопросы, имѣвшая не разъ смѣлость противиться самому папѣ, когда онъ становился врагомъ яansenизма,—играетъ громадную роль въ жизни Расина. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ онъ привыкъ слышать сочувственные, почти благоговѣйные отзывы о мужествѣ, нравственныхъ достоинствахъ и примѣрномъ образѣ жизни гонимыхъ, но все же не измѣняющихъ своимъ убѣжденіямъ отшельниковъ. Его родная тетка, сестра его отца, Агнеса, поступила монахиней въ женское отдѣленіе Портъ-Рояля; туда же уединилась отъ мірской суеты его любимая бабушка, потерявъ въ 1650 году своего мужа. Близкіе родственники ихъ семьи, Витары, изъ которыхъ одинъ, Николай Витаръ, сдѣлался впоследствии другомъ драматурга, также были сторонниками Портъ-Рояля и друзьями яansenистовъ, и не боялись давать имъ пріютъ въ своемъ домѣ, когда на нихъ обрушивались гоненія, периодически повторявшіяся въ XVII вѣкѣ, пока, наконецъ, уже въ 1709 году, одинъ изъ двухъ монастырей общины, Port Royal des Champs, не былъ окончательно разрушенъ и стертъ съ лица земли по приказанію парижскаго архіепископа. Словомъ, сочувствіе къ Портъ-Роялю и его дѣятельности, такъ сказать, носилось

въ воздухѣ, которымъ дышалъ Расинъ, и окружавшія его лица не могли себѣ представить болѣе подходящаго мѣста, гдѣ бы мальчикъ могъ получить образованіе и воспитаніе.

Три года, проведенныхъ въ Портъ-Роялѣ, оставили неизгладимый слѣдъ въ душѣ Расина. Извѣстное тяготѣніе въ сторону инсенизма было ему свойственно до самой его смерти. Правда, въ наиболѣе цвѣтущую пору своей дѣятельности, когда театръ и литература всецѣло владѣли его мыслями, онъ стоялъ въ открытой оппозиціи къ чуждавшейся міра и его соблазновъ обители, прервалъ всѣ сношенія съ нею и иронически отзывался объ ея дѣятеляхъ. Но гдѣ-то тамъ, въ глубинѣ души, все время таились сѣмена, заброшенные когда-то опытными и глубоко убѣжденными наставниками въ его молодую, отзывчивую душу. Онъ могъ смѣяться надъ ними въ такія минуты, когда счастье ему улыбалось, и слава манила его вѣнкомъ вдохновеннаго, всѣми признаннаго поэта; но стоило ему испытать разочарованія и житейскія невзгоды, усомниться въ прочности своей литературной славы, извѣдать человѣческую пизость или стать жертвою зависти, вражды, мелкихъ интригъ, какъ въ его душѣ,—быть можетъ, незамѣтно для него самого, оживали отошедшія на второй планъ, какъ бы временно задремавшія, религіозныя чувства, вмѣстѣ съ отрицательнымъ отношеніемъ къ міру и желаніемъ уйти отъ него, спасти свою душу, подавить въ себѣ демона гордости и честолюбія... Когда чаша переполнилась, и Расинъ созналъ, что у него нѣтъ болѣе силъ терпѣть инсинуаціи и козни завистниковъ, когда онъ отчаялся въ возможности добиться безмятежной, неоспоримой славы, старая завсаска безповоротно взяла верхъ, и онъ кончилъ свою жизнь, какъ и началъ, убѣжденнымъ сторонникомъ Портъ-Рояля и его ученій. Тѣ тридцать лѣтъ, которыя онъ провелъ вдали отъ своихъ наставниковъ, были только временнымъ перерывомъ или, какъ впоследствии казалось Расину, печальнымъ затмѣніемъ; настала пора, когда въ его душѣ сказалась непреодолимая тоска по тихой обители, гдѣ его такъ любили и оберегали отъ всякаго зла, называя его „le petit Racine“, выказывая ему отеческую заботливость. И двери когда-то имъ осмѣяннаго мирнаго пріюта снова раскрылись для блуднаго сына, вполне раскаявшагося и въ своемъ нѣсколько легкомысленномъ образѣ жизни за эти годы, и въ той литературной дѣятельности, которая ему представлялась теперь безусловно вредною, грѣховною и безнравственною.

Главные дѣятели Портъ-Рояля—Лемэтръ, Арно, Николь, Лансело и др.,—во многихъ отношеніяхъ повліяли на Расина за

три года, прожитыхъ имъ въ качествѣ ученика въ знаменитой обители. Они привили ему, напримѣръ, одно изъ основныхъ янсенистскихъ положеній—о глубокой порочности человѣческой натуры, которая, безъ помощи благодати, вѣчно будетъ стремиться только къ одному дурному, которая легко поддается недостойнымъ страстямъ и влечетъ человѣка къ неминуемой гибели. Быть можетъ, самъ того не сознавая, Расинъ провелъ впоследствии тотъ же взглядъ въ нѣкоторыхъ своихъ трагедіяхъ, и особенно въ „Федръ“, гдѣ античная фабула соединена, по волѣ автора, съ христіанскими воззрѣніями на грѣхъ и наказаніе за него. Большое вниманіе удѣлялось въ Портъ-Роялѣ нравственнымъ вопросамъ; расходясь въ основныхъ взглядахъ съ іезуитами, янсенисты умѣли, однако, подобно имъ, приобретать могущественное вліяніе на молодую душу и подчинять ее строго выдержанной моральной дисциплинѣ. Но пребываніе въ Портъ-Роялѣ оказало могущественное вліяніе и на развитіе у Расина литературныхъ вкусовъ и симпатій; его учителя сумѣли внушить ему живой интересъ къ произведеніямъ античной, и въ особенности греческой, словесности. Последнее обстоятельство имѣетъ большое значеніе; въ то время, какъ до Расина французскіе драматурги вдохновлялись, главнымъ образомъ, творчествомъ латинскихъ писателей и всего охотнѣе переносили мѣсто дѣйствія въ самый Римъ или въ подвластныя ему земли, авторъ „Ифигеніи“ и „Федры“ не разъ выказывалъ явную симпатію къ произведеніямъ Эврипида, Софокла, даже Аристофана и подражалъ имъ. Латинская литература, конечно, также изучалась въ Портъ-Роялѣ, при чемъ на выборъ памятниковъ для изученія наставники юнаго Расина смотрѣли очень широко; мы знаемъ, напримѣръ, что онъ тогда же ознакомился съ комедіями Теренція, которыя какъ-то странно видѣть въ числѣ предметовъ комментирования въ строго-нравственной, чуждавшейся новаго театра обители. Нечего и говорить, что съ духовною литературою и, прежде всего, съ Священнымъ писаніемъ, Расинъ ознакомился очень основательно, и это знакомство, несомнѣнно, помогло ему впоследствии при созданіи „Эсэири“ и „Говоліи“. Литературные вкусы сказыались у Расина очень рано, хотя его первые опыты почти не давали возможности предугадывать будущій характеръ ея дѣятельности. Онъ пишетъ латинскія стихотворенія, переводитъ на французскій языкъ отдѣльные гимны изъ католическаго молитвенника, наконецъ, создаетъ обширное описательное стихотвореніе „Le paysage ou promenade de Port-Royal des Champs“, представляющее собой восхваленіе всѣхъ красотъ

Портъ-Рояля, который въ ту пору казался Расину тѣмъ-то въ родѣ земного рая... Стихотвореніе это, чуждое истиннаго, непосредственнаго вдохновенія, но поражающее красотой и изяществомъ формы, дѣлится на шесть „одъ“, воспѣвающихъ разнообразныя детали того пейзажа, который юный драматургъ въ теченіе трехъ лѣтъ видѣлъ передъ собою,—„description des bois“, „l'étang“, „les prairies“, „les jardins“ и т. д. Любопытно, однако, что уже въ эту пору въ душѣ Расина сказываются признаки того отрицательнаго, скептическаго отношенія къ предписаніямъ своихъ учителей, которое черезъ нѣсколько лѣтъ заставило его временно совсѣмъ порвать съ ними. Сохранился рассказъ о томъ восторгѣ, съ каковымъ онъ читалъ запрещенный руководителями Портъ-Рояля греческій романъ „Феагенъ и Хариклея“; два раза этотъ романъ отнимали у него, какъ безнравственный и вредный,—и каждый разъ онъ съ юношескимъ упрямствомъ покупалъ себѣ на свои послѣднія деньги новый экземпляръ запретнаго произведенія. Этотъ романъ настолько увлекъ и очаровалъ юношу, что впоследствии, окончательно рѣшивши вступить на путь драматурга, онъ, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, думалъ одно время обработать въ драматической формѣ повѣсть о приключеніяхъ Феагена и Хариклея!..

Пробывъ три года въ Портъ-Роялѣ, Расинъ въ 1658 году поступилъ въ пользовавшійся тогда популярностью парижскій Collège d'Harcourt, чтобы изучить философію, такъ какъ его образованіе еще не считалось законченнымъ. Такимъ образомъ, онъ вступилъ, наконецъ, въ тѣсное общеніе съ тѣмъ городомъ, въ которомъ ему суждено было пережить самыя блестящія триумфы и самыя тяжелыя, мучительныя неудачи. Очень мало извѣстно о томъ, какъ занимался Расинъ философіей въ этомъ солидномъ учебномъ заведеніи, которое сыграло извѣстную роль въ исторіи янсенизма; можно однако довольно ясно себѣ представить тотъ образъ жизни, который онъ велъ за стѣнами Collège d'Harcourt. Послѣ трехъ лѣтъ, проведенныхъ въ уединеніи, „въ пустынѣ“, по терминологіи янсенистовъ, вдали отъ всѣхъ соблазновъ, парижская суতোлка, шумная, веселая жизнь и полная свобода, которою онъ могъ теперь пользоваться, какъ только выходилъ изъ аудиторіи,—все это показалось Расину необыкновенно привлекательнымъ и заманчивымъ. Постепенно то вліяніе, которое на него имѣли, даже заочно, портъ-рояльскіе отшельники, начинаетъ ослабѣвать; вкусы и симпатіи молодого чело-вѣка направлены теперь иногда въ такую сторону, которая привела бы въ ужасъ его наставниковъ. Ему хочется жить,

веселиться, наслаждаться земными благами. Онъ быстро сближается съ своимъ двоюроднымъ братомъ, Николаемъ Витаромъ, веселымъ и жизнерадостнымъ человекомъ, а также съ аббатомъ Левассеромъ, которому его самъ не мѣшало отличать свѣтскими вкусами, любить беззаботную жизнь и мелкую, шутливую поэзію; около этого же времени, вѣроятно, познакомился онъ и съ Лафонтеномъ, и вскорѣ сталъ чувствовать къ нему искреннюю симпатію.

Когда изученіе философіи пришло къ концу, Расинъ разстался съ Collège d'Harcourt и очутился, какъ говорится, на распутьѣ. Онъ не зналъ, что ему дальше дѣлать; никакой опредѣленной карьеры ему не представлялось, между тѣмъ, средствъ почти не было. Нѣкоторые совѣтовали ему заняться юриспруденціей; въ этомъ смыслѣ высказались и его прежніе наставники. Но сердце Расина не лежало въ судейскому міру, который онъ впоследствии неподобно осмѣялъ въ своихъ „Plaideurs“; къ тому же, около этого времени все опредѣленнѣе начинало сказываться его тяготѣніе въ сторону театра, и мечты о славѣ поэта и драматурга постепенно сдѣлались неразлучными съ нимъ. Черезъ своихъ новыхъ парижскихъ знакомыхъ онъ получилъ доступъ въ артистическій міръ, сблизился съ нѣкоторыми членами труппы Théâtre du Marais и Hôtel de Bourgogne, принялся за созданіе пьесъ („Amasie“, „Les amours d'Ovide“), оставшихся—по крайней мѣрѣ, вторая,—неоконченными и не дошедшихъ до насъ, надѣясь поставить ихъ на сценѣ. Эти надежды оказались, однако, ошибочными, и первые его опыты никогда не появились на театральныхъ подмосткахъ. Одновременно съ этимъ, Расинъ продолжалъ писать стихи, видимо, еще не сознавая, что на этомъ пути онъ не добьется популярности и не достигнетъ выдающихся результатовъ. Несомнѣнно, имъ руководили при этомъ нѣкоторые честолюбивые планы; конечно, не даромъ взялся онъ за перо въ 1660 году, чтобы написать высокопарную оду „La nymphé de la Seine“, прославляющую бракъ Людовика XIV съ инфантой Маріей-Терезой... Расчеты его въ значительной степени оправдались; объ его одѣ узнали при дворѣ, могущественный Кольберъ прислалъ ему отъ имени короля сто золотыхъ, а такой вліятельный критикъ и цѣнитель слога, какъ Шаплэнъ, которому Расинъ понесъ свою оду на просмотръ, отозвался о ней очень сочувственно, хотя и сдѣлалъ начинающему автору нѣкоторыя замѣчанія относительно его стиля.

Въ Портъ-Роялѣ и въ кругу родныхъ Расина тѣмъ временемъ сильно беспокоились насчетъ его судьбы, видя, что онъ ни-

чего не зарабатываетъ и принужденъ брать пособія отъ тѣхъ или другихъ лицъ, съ ужасомъ узнавая иногда, стороною, объ его сближеніи съ такими опасными и безнравственными людьми, какъ актеры, объ его намѣреніи посвятить свои силы и способности свѣтской литературѣ, а тѣмъ болѣе сочиненію пьесъ для театра. Желая поскорѣе удалить его изъ Парижа, родные и бывшіе наставники Расина уговаривали его покинуть столицу и направиться въ провинціальный городъ Uzès, расположенный въ южной Франціи, гдѣ его дядя со стороны матери занималъ довольно важное мѣсто въ церковномъ мірѣ, состоя генеральнымъ викаріемъ и имѣя, какъ всѣ думали, большія связи. На него возлагались надежды всѣми лицами, желавшими нѣсколько остепенить и вернуть на прежнюю дорогу юнаго Расина, для котораго вліятельный викарій долженъ былъ найти какой-нибудь выгодный приходъ, съ вакантнымъ священническимъ мѣстомъ, послѣ чего молодой человѣкъ тотчасъ же поступилъ бы въ духовное званіе, принялъ tonsuru, и поселившись надолго въ томъ или другомъ провинціальномъ мѣстечкѣ, порвалъ бы всѣ связи съ Парижемъ и своими новыми знакомыми. Томясь сознаниемъ своей матеріальной необезпеченности, видя со стороны актеровъ, не желавшихъ особенно поддерживать неизвѣстнаго автора, мало сочувствія къ своимъ попыткамъ писать для театра, Расинъ далъ свое согласіе на проектъ родныхъ, и въ концѣ 1661 года мы его видимъ въ Uzès, въ домѣ дяди, который рѣшилъ энергично приняться за возложенное на него порученіе, одѣлъ Расина отъ головы до ногъ во все черное, началъ хлопотать насчетъ мѣста для него, давалъ ему читать богословскія книги и старался приготовить Расина къ будущей его дѣятельности. Проходили мѣсяцы, а обѣщанное мѣсто все еще заставляло себя ждать. Тѣмъ временемъ, Расинъ, исполняя вообще въ точности всѣ предписанія дяди, не думалъ, однако, порывать съ своими парижскими знакомыми или окончательно отказываться отъ мечтаній о литературной славѣ. Сохранились его письма изъ Uzès, очевидно, далеко не всѣ, къ Витару, Левассеру и Лафонтену; онѣ не даютъ вполне опредѣленнаго понятія о возрѣніяхъ и идеалахъ ихъ автора, какъ и позднѣйшія, болѣе цѣнные, хотя почти лишенные непосредственнаго, субъективнаго колорита и идейнаго содержанія письма его къ Буало, — но онѣ любопытны, какъ доказательство того, что Расинъ, готовясь быть духовнымъ лицомъ, отрѣшился отъ прежнихъ вкусовъ и симпатій не болѣе, чѣмъ его другъ Левассеръ. Въ этихъ письмахъ преобладаетъ тонъ изящной остроумной causerie, затрогивающей иногда довольно

легкомысленныя темы, показывающей, что бывшій воспитанникъ Портъ-Рояля, если пока еще не разошелся окончательно съ своими наставниками, то, во всякомъ случаѣ, вполне охладѣлъ къ ихъ совѣтамъ и наставленіямъ. Весьма любопытно, что именно въ затишьѣ Uzès Расинь началъ, — конечно, тайно, — ту изъ своихъ трагедій, которая, наконецъ, увидѣла свѣтъ и появилась вскорѣ на сценѣ — „La Thébaïde ou les frères ennemis“!

Биографовъ Расина, какъ Ларрумэ, невольно заинтересовываетъ вопросъ о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя драматургъ вынесъ изъ своего пребыванія въ живописномъ уголкѣ Лангедока. Въ самомъ дѣлѣ, никогда Расинь не предпринималъ такого продолжительнаго путешествія, никогда ему не приходилось ни раньше, ни послѣ этого бывать въ залитомъ лучами палящаго солнца краю, гдѣ природа, климатъ, люди, традиціи, — все носило своеобразный отпечатокъ, гдѣ провансальская рѣчь должна была поражать непривычный слухъ уроженца сѣверной Франціи, гдѣ остатки пламеннаго, роскошнаго поэтическаго творчества старыхъ трубадуровъ и обломки римскаго могущества, разсѣянные по различнымъ частямъ этого края, такъ много испытываемаго на своемъ вѣку, — пробуждали въ душѣ впечатлительнаго человѣка воспоминанія о далекомъ прошломъ... Мы, однако, очень ошибемся, если будемъ ожидать отъ драматурга талантливо набросанной картины той интересной страны, куда его забросила судьба. Въ его письмахъ къ друзьямъ разсказывается о всевозможныхъ мелкихъ эпизодахъ его жизни въ Uzès, сообщаются свѣдѣнія о климатѣ и природѣ Лангедока, — но всему этому придана какая-то дѣловая, иногда нѣсколько суховатая форма; мы никакъ не угадали бы, что передъ нами письма человѣка, который вскорѣ проявитъ въ своихъ трагедіяхъ глубокое поэтическое чутье... Мѣстная жизнь, съ ея особенностями, съ яркимъ южнымъ колоритомъ, пестрая, шумная и разнообразная, не произвела на него почти никакого впечатлѣнія. То нарѣчіе, которымъ всѣ говорили кругомъ него, показалось ему грубымъ, варварскимъ, тяжеловѣснымъ; онъ сравниваетъ себя однажды съ Овидіемъ, принужденнымъ жить среди скиновъ и приучаться къ ихъ языку, а въ другой разъ, въ письмѣ къ Лафонтену отъ 11-го ноября 1661 года онъ увѣряетъ своего корреспондента, будто онъ находится въ Uzès въ такомъ же положеніи, въ какое попалъ бы какой-нибудь „московитъ“, пріѣхавшій въ Парижъ и на каждомъ шагѣ прибѣгающій къ содѣйствію переводчика (единственное упоминаніе о нашемъ отечествѣ у Расина!). Его беспокоитъ мысль, какъ бы онъ не утратилъ, незамѣтно для самого себя, чистоту и изящество слога, — качества,

которыя ему дались не сразу, — какъ бы его французская рѣчь не наполнилась варваризмами и провинціальными выраженіями. Историческія воспоминанія, связанныя съ городами южной Франціи, оставили Расина равнодушнымъ. Когда онъ побѣхалъ однажды изъ Uzès въ Нимъ и посѣтилъ сохранившуюся отъ эпохи владычества римлянъ грандіозную арену, зрѣлище этого памятника старины вызвало у него, въ одномъ изъ писемъ къ Левассэру, всего нѣсколько незначительныхъ строкъ, при чтеніи которыхъ, какъ справедливо замѣтилъ одинъ изъ его биографовъ, намъ странно себѣ представить, что онъ принадлежитъ автору, съ такимъ искусствомъ переносящему насъ въ „Британнію“ въ римскую обстановку, выказывавшему не разъ интересъ къ римской исторіи и древностямъ. Только изрѣдка въ письмахъ Расина изъ Uzès попадаются отдѣльныя мѣста, показывающія, что онъ не былъ все-таки лишень извѣстной наблюдательности и въ эту раннюю пору. Очень цѣнны двѣ-три бѣглыхъ характеристики мѣстнаго населенія, съ его страстнымъ, неувертывимымъ темпераментомъ; отъ Расина не укрылась рѣзвая разница между характерами коренного француза и провансальца; въ одномъ изъ писемъ къ Витару, рассказавъ о несчастной дѣвушкѣ, мѣстной уроженкѣ, которая покончила съ собою, чтобы отомстить отцу за нанесенную ей обиду, онъ замѣчаетъ, что туземцы въ Лангедокѣ вообще склонны доводить всѣ свои страсти до высшей степени напряженія. Въ другомъ случаѣ онъ сообщаетъ Левассэру, что его только-что навѣстилъ и отнял у него много времени одинъ молодой человекъ, до безумія влюбленный; это посѣщеніе заинтересовало болѣе спокойнаго сѣверянина, и онъ спѣшитъ подѣлиться съ Левассэромъ своими наблюденіями. Можно предположить, что эти бѣглыя наблюденія не прошли безслѣдно для Расина, и что, обрисовывая въ лучшихъ своихъ трагедіяхъ разнообразныя оттѣнки человѣческой страсти, онъ не разъ вспоминалъ тотъ южный уголокъ, гдѣ онъ могъ встрѣчать людей, совершенно поработанныхъ своими страстями, гдѣ оригиналы для Ореста, Герміоны и Роксаны попадались ему на глаза чуть не каждый день.

При всемъ томъ, пламенный, живописный югъ остался чуждымъ и несимпатичнымъ Расину; болѣе простой и незатѣливый, даже суровый ландшафтъ, который онъ привыкъ въ дѣтствѣ видѣть передъ собою въ La Ferté Milon, былъ ему гораздо болѣе по сердцу. Мало-по-малу имъ начинается овладѣвать меланхолія, онъ привыкаетъ смотрѣть на Uzès, какъ на мѣсто ссылки, тонъ его писемъ къ друзьямъ становится все болѣе разочарованнымъ.

Своимъ ближайшимъ роднымъ онъ почти не пишетъ, съ Портъ-Роялемъ сношенія также почти прерваны, хотя открытаго разрыва еще не произошло. Несомнѣнно, что Расину въ эту пору было очень трудно писать этимъ, по-своему искренно любившимъ его людямъ и дѣлиться съ ними своими мыслями, какъ они этого желали. Лицемѣрить онъ не хотѣлъ, а рассказывать имъ о тѣхъ чисто свѣтскихъ стремленіяхъ, которыя имъ владѣли, о своихъ мечтахъ — попасть, рано или поздно, въ Парижъ, о томъ, что въ домѣ генеральнаго викарія онъ занимался своей трагедіей и писалъ иногда своимъ друзьямъ письма въ эпикурейскомъ духѣ, — значило бы глубоко огорчить расположенныхъ къ нему лицъ. Онъ предпочиталъ поэтому сохранять почти абсолютное молчаніе. Между тѣмъ, несмотря на всѣ хлопоты, подходящаго мѣста для Расина все не удавалось найти. Молодой человѣкъ начиналъ терять терпѣніе, сознавая безцѣльность своего житія въ Uzès; наконецъ, насталъ моментъ, когда онъ нашелъ свое дальнѣйшее пребываніе „у скиеовъ“ совершенно невозможнымъ, и въ іюлѣ 1662 года мы видимъ его снова въ Парижѣ.

Съ того дня, какъ онъ вступилъ опять на столь дорогую для него парижскую почву, онъ рѣшилъ посвятить всѣ свои способности литературѣ и собственными усиліями проложить себѣ дорогу къ славѣ. Увидѣвъшись вновь съ друзьями, онъ подѣлился съ ними своими планами относительно будущаго и встрѣтилъ съ ихъ стороны полную поддержку. Обуреваемый честолюбивыми замыслами, онъ мечталъ попасть въ высшее общество, приобрести расположеніе придворныхъ круговъ и самого короля, приготовить, такимъ образомъ, благопріятную почву для появленія тѣхъ трагедій, общія очертанія которыхъ тогда уже носились въ его умѣ. Въ 1663 году онъ выступилъ съ одою „Sur la convalescence du Roi“, за которою вскорѣ послѣдовала другая — „La repompée aux muses“. Оба эти произведенія, теперь совершенно забытыя, лишенные искренняго чувства, но написанныя хорошимъ, гладкимъ языкомъ, сослужили Расину хорошую службу. Независимо отъ чисто матеріальныхъ выгодъ, доставленныхъ этими одами (Расинъ получилъ за нихъ ежегодную пенсію въ 600 ливровъ), онъ добился, наконецъ, права бывать во дворцѣ и присутствовать при утреннемъ выходѣ Людовика XIV. Это сближеніе Расина съ придворными кругами имѣло и хорошія, и дурныя стороны. Оно принесло ему пользу, потому что улучшило его матеріальное положеніе и возвысило значеніе его творчества въ глазахъ парижской публики, привыкшей смотрѣть на авторовъ и литературныя произведенія глазами короля и при-

дворныхъ, перенимая, — въ общемъ, безъ всякихъ возраженій, — ихъ взгляды и оцѣнки. Но несомнѣнно, съ другой стороны, что, становясь литераторомъ придворныхъ круговъ, Расинъ тѣмъ самымъ обрекалъ свое творчество на извѣстное подчиненіе тѣмъ вкусамъ и эстетическимъ идеаламъ, которые господствовали при дворѣ Людовика XIV. Если иногда строгіе критики склонны упрекнуть его въ слишкомъ спокойномъ, холодномъ, даже чопорномъ тонѣ монологовъ его главныхъ героевъ (именно героевъ, а не героинь), если ихъ поражаетъ его желаніе исключить, по возможности, изъ круга своихъ наблюденій всѣ грубыя, отталкивающія, пошлыя явленія, они должны все время помнить, что, на ряду съ воздѣйствіемъ литературныхъ традицій, въ этомъ случаѣ игралъ большую роль характеръ публики, въ которой обращался драматургъ, публики, не допускавшей изображенія на сценѣ чего-либо грубаго и низменнаго; склонной предъавлять къ герою трагедіи такія же требованія утонченнаго этикета, какія считались вполне разумными и обязательными въ окружающемъ обществѣ. Можно только подивиться тому искусству, съ которымъ Расинъ сумѣлъ, несмотря на эти оковы, возложенныя средою на его дарованіе, возсоздать въ своихъ трагедіяхъ неуловимые оттѣнки мужской и женской психологіи, обрисовать духовный міръ не только царей, полководцевъ и придворныхъ, но просто людей съ ихъ общечеловѣческими чувствами и порывами, совершенно независящими отъ ихъ соціального положенія.

Къ этому же времени относятся знакомство Расина съ двумя писателями, изъ которыхъ одинъ оказалъ на него громадное вліяніе и сыгралъ важную роль въ его жизни, — съ Буало и Мольеромъ. Съ послѣднимъ онъ не особенно сошелся, и ихъ относительная близость длилась очень недолго, — намъ еще придется затронуть вопросъ о причинахъ, вызвавшихъ ихъ разрывъ. Разсказъ о томъ, будто сюжетъ „Thébaïde“ былъ рекомендованъ Расину Мольеромъ, долженъ быть признанъ недостовернымъ, потому что первыя сцены трагедіи были написаны Расиномъ еще въ Uzès, до знакомства съ будущимъ авторомъ „Тартюфа“. Что касается Буало, то его вліяніе на Расина является безусловно благотворнымъ. Съ такими критиками, какъ трудолюбивый, но педантичный и далеко не талантливый Шаллэнъ, съ такими добрыми и расположенными къ нему, но недостаточно требовательными и компетентными въ литературныхъ вопросахъ друзьями, какъ Витаръ и Левассёръ, Расинъ никогда не выбился бы на широкую дорогу. Буало заставилъ его серьезнѣе

отнестись къ своей задачѣ, развилъ его эстетическій вкусъ, постоянно давалъ ему совѣты, обсуждалъ вмѣстѣ съ нимъ его сочиненія, внушилъ ему отрицательное отношеніе ко всему манерному, педантичному и ходульному. Если первыя двѣ трагедіи Расина еще почти не обнаружили благотворныхъ результатовъ воздѣйствія Буало и не вполне удовлетворили его, какъ не удовлетворяютъ и насъ, то, начиная съ „Андромахи“, талантъ драматурга становился постепенно глубже и зрѣлѣе, и, по мѣрѣ того, какъ возрастала и крѣпла дружба двухъ писателей — совѣты и указанія остроумнаго критика приносили все болѣе осязательные и цѣнные плоды. Благотворное вліяніе на даровитаго, но въ началѣ неопытнаго, лишеннаго прочно установившихся воззрѣній на литературные вопросы драматурга составляетъ не меньшую заслугу Буало, чѣмъ его дѣятельность, какъ сатирика, критика или автора „Art poétique“.

Ободренный поддержкою Буало, который сочувственно отнесся къ его одѣ „La renommée aux muses“, Расинъ съ еще большимъ жаромъ отдался литературной работѣ. Онъ спѣшилъ кончить свою трагедію „La Thébaïde ou les frères ennemis“, надѣясь поставить ее на сценѣ Hôtel de Bourgogne. Еще прежде, чѣмъ пьеса увидѣла свѣтъ, Расинъ получилъ одно любопытное письмо, послѣ котораго его разрывъ съ Портъ-Роялемъ уже представлялъ собою совершившійся фактъ. Это было посланіе его тетки Агнесы, которая, живя въ уединенномъ Port-Royal des Champs, слѣдила за тѣмъ, что дѣлалъ ея племянникъ, и пришла въ ужасъ, узнавъ, что онъ пишетъ пьесу и собирается ставить ее на сценѣ. Она категорически заявила ему, что не хочетъ его видѣть, пока онъ поддерживаетъ сношенія съ безнравственными людьми, что настоятельница общины такъ же смотритъ на это дѣло, убѣждала его подумать о своей душѣ и опомниться, а въ концѣ письма обѣщала усердно молиться о томъ, чтобы Господь сожалѣлся надъ нимъ и для него открылись двери спасенія. Въ сохранившемся письмѣ Агнесы есть трогательныя, искреннія строки, пронизанныя твердою увѣренностью въ справедливости высказываемыхъ взглядовъ и неподдѣльною нѣжностью по отношенію къ блудному сыну почтенной обители, на котораго возлагались когда-то въ Портъ-Роялѣ большія надежды. Агнеса скорбитъ о томъ, что молодой человекъ, котораго всѣ они надѣялись видѣть полезнымъ членомъ общества, пошелъ по такой гибельной дорогѣ. На это письмо Расинъ ничего не отвѣтилъ. Спорить съ пожилою и почтенною родственницею, отъ которой онъ видѣлъ много добра, онъ не считалъ себя въ правѣ; согла-

ситься съ ея доводами онъ не могъ и не хотѣлъ. Оставался третій исходъ—сохранить абсолютное молчаніе. Расинъ такъ и сдѣлалъ, отлагая рѣшительную полемику съ Портъ-Роялемъ до другого, болѣе подходящаго случая.

Первое представленіе „La Thébaïde“ состоялось, наконецъ, 20-го іюня 1664 года, но не въ Hôtel de Bourgogne, какъ сначала предполагалъ Расинъ, а въ „Пале-Рояль“, гдѣ играла труппа Мольера. Пьеса имѣла средній успѣхъ; она не заставила о себѣ много говорить, не вызвала ни восторженныхъ похвалъ, ни яростныхъ нападокъ. Отчасти причиною тому было невысокое достоинство пьесы, которая не могла удовлетворить публику, уже избалованную, перевидавшую на сценѣ длинный рядъ трагедій самыхъ разнообразныхъ авторовъ, отъ Корнеля, Ротру или Кино до третъестепенныхъ писателей. Немалую роль играло и то обстоятельство, что имя автора было неизвѣстно большой публикѣ, и поэтому она не обратила особаго вниманія на „Thébaïde“, когда мольеровская труппа поставила эту трагедію, выдержавшую не болѣе пятнадцати представлений. Разсматривая первый драматическій опытъ Расина, увидѣвшій сцену, должно его признать весьма слабымъ произведеніемъ. Сюжетъ его неоднократно разрабатывался драматургами. „Семеро противъ Оивъ“ Эсхила, „Финикійянки“ Эврипида, трагедія Сенеки того же имени, двѣ „Антигоны“ -- Робера Гарнье и Ротру, — всѣ эти пьесы имѣютъ точки соприкосновенія съ трагедіей Расина, который заимствовалъ у своихъ предшественниковъ разнообразныя детали, — напримѣръ, сцену свиданія Этеокла съ Полиникомъ — у Эврипида и Сенеки, любовную сцену между Антигоной и Гемонъ — у Ротру, которому онъ былъ вообще многимъ обязанъ, такъ какъ ввелъ въ свою пьесу рядъ стиховъ изъ его „Антигоны“, только слегка переименованныхъ, и т. д. Нѣкоторые критики, какъ Робертъ, ставятъ Расину въ заслугу то обстоятельство, что онъ значительно упростилъ заимствованный у другихъ писателей сюжетъ, сообщилъ ему единство дѣйствія, удалилъ почти всѣ эпизодическія подробности, сосредоточилъ весь интересъ на изображеніи борьбы между двумя враждующими братьями (отсюда второе заглавіе пьесы — „Les frères ennemis“). Если даже согласиться съ этимъ взглядомъ, то извѣстная внѣшняя стройность и цѣльность „Thébaïde“ окажется едва-ли не единственнымъ достоинствомъ, которое мы можемъ признать за первую трагедію Расина. Тѣ свойства, которыя составляютъ отличный признакъ лучшихъ, наиболѣе зрѣлыхъ его произведеній, отсутствуютъ въ „Thébaïde“. Характеры всѣхъ дѣйствующихъ

щихъ лицъ очерчены слабо, даже нѣсколько шаблонно. Этеоэль мало чѣмъ отличается отъ Полиника; Антигона почти утратила тотъ обликъ, который ей приданъ Софоломъ и Эврипидомъ, и не получила, взамятъ этого, сколько-нибудь оригинальнаго освѣщенія въ новомъ духѣ; Креонъ вышелъ мелодраматическимъ интриганомъ, который въ то же время выведенъ и страстнымъ любовникомъ, что становится окончательно невѣроятнымъ. Языкъ трагедіи, за исключеніемъ отдѣльных, болѣе удачныхъ мѣстъ, весьма далека отъ совершенства; попадаются нескладныя или прозаическія фразы, какихъ впослѣдствіи Расинъ не потерпѣлъ бы въ своихъ произведеніяхъ.

Отличительнымъ признакомъ „Thébaïde“ является ея недостаточно оригинальный и самобытный характеръ. Помимо того, что сюжетъ трагедіи и ея отдѣльныя частности заимствованы изъ произведеній другихъ драматурговъ, писавшихъ на ту же тему,—не одинъ разъ можно отмѣтить въ слогѣ Расина, въ манерѣ изложенія, въ различныхъ внѣшнихъ приемахъ слѣды близкаго подражанія тѣмъ писателямъ и литературнымъ школамъ, которые тогда пользовались популярностью во Франціи. Вспомнимъ, что это была эпоха, когда еще имѣли большой успѣхъ и находили горячихъ сторонниковъ трагедіи Корнеля, съ его героическими личностями, точно выхваченными изъ творчества испанскихъ драматурговъ, склонностью разрабатывать исключительные случаи, рѣдко наблюдаемые въ обыденной жизни, и возвеличивать благородныхъ безстрашныхъ царей и полководцевъ, которые были цѣлою головою выше обыкновенныхъ людей—наконецъ, съ его стремленіемъ отводить любви и страсти второстепенное мѣсто, изображая особенно охотно побѣду долга надъ чувствомъ въ душѣ безкорыстнаго и самоотверженнаго человѣка. Расинъ, создавая свою „Thébaïde“, былъ еще убѣжденнымъ поклонникомъ Корнеля; какъ справедливо указываетъ Лотгейсенъ, онъ многое заимствовалъ у своего старшаго собрата по литературѣ, подражая хотя и не всегда удачно, то его „Ногасе“ (первая сцена 1-го акта), то „Сиду“ (стансы Антигоны въ началѣ пятаго дѣйствія). Слогъ трагедіи мѣстами напоминаетъ манеру Корнеля; невольно вспоминается классическое „Qu'il mourut“, когда въ послѣднемъ актѣ Антигона, рѣшившая покончить съ собою, отвѣчаетъ на любовныя изліянія Креона небольшими, лаконическими предложеніями въ родѣ: „nous verrons“, „attendez“, а когда онъ ей ставитъ вопросъ: „Que faut-il faire enfin, madame“, она произноситъ вполне умѣстную въ устахъ героини Корнеля фразу: „M'imiter!“ Самый сюжетъ „Thébaïde“ въ общемъ

совершенно исключительный и поэтому нѣсколько чуждый для насъ, — самъ Расинъ называетъ его „le sujet le plus tragique de l'antiquité“, — могъ бы послужить темою для трагедіи автора „Hogase“ и „Sertorius“. Впослѣдствіи Расинъ не остановилъ бы своего выбора на подобной фабулѣ—его сочувствіемъ стали пользоваться иные, болѣе простые, общечеловѣческіе и близкіе для насъ сюжеты, болѣе жизненные, хотя и менѣе возвышенные образы. Не то было въ началѣ его литературной дѣятельности, когда онъ рисковалъ сдѣлаться вторымъ и болѣе слабымъ изданіемъ даровитаго Корнеля, успѣшно подражать которому было не такъ легко. Если бы маститый драматургъ отнесся съ болѣшимъ сочувствіемъ къ своему преемнику и послѣдователю, быть можетъ, Расинъ долго не вышелъ бы на свою настоящую дорогу, не достигъ бы желательной независимости. Но Корнель, который послѣ появленія на сценѣ „Thébaïde“, написалъ еще рядъ пьесъ, по большей части не имѣвшихъ успѣха, — „Sophonisbe“, „Othon“, „Agésilas“, „Attila“ и мн. др., — смутно угадывая въ талантливомъ дебютантѣ опаснаго соперника, отозвался о немъ очень холодно, а когда Расинъ принесъ ему на просмотръ свою вторую трагедію, онъ выразилъ мнѣніе, что у молодого писателя совсѣмъ нѣтъ драматургическаго таланта, и посоветовалъ ему никогда ничего больше не писать для сцены. Этимъ непріязненнымъ приговоромъ онъ сразу оттолкнулъ отъ себя Расина, который съ этихъ поръ сталъ мечтать уже не о подражаніи Корнелю, не желавшему видѣть его въ числѣ своихъ учениковъ, а, наоборотъ, о болѣе самостоятельномъ воздѣлываніи столь дорогаго ему драматическаго творчества. Исторія литературы едва-ли можетъ сожалѣть объ этой рѣзкой перемѣнѣ его вкусовъ и идеаловъ.

Но школа Корнеля въ эпоху появленія первой трагедіи Расина уже не царила полновластно надъ всѣми умами; было и другое теченіе, которое стало въ оппозицію къ величавому, героическому творчеству стараго мастера. По мѣрѣ того, какъ высшее парижское общество пріобрѣтало вѣншій лоскъ и утрачивало прежніе суровые, воинственные вкусы, по мѣрѣ того, какъ знаменитые салоны, и въ особенности „Hôtel de Rambouillet“, старались привить аристократическимъ кругамъ утонченныя манеры, изящество рѣчи, галантность въ обращеніи съ дамами, увлеченіе граціозными по формѣ, хотя иногда бѣдными внутреннимъ содержаніемъ, мадригалами или сонетами, а также чувствительно-героическими романами дѣвицы Сюдери, Кальпре-неда и другихъ, — мѣнялся и обликъ тѣхъ героевъ, кото-

рыхъ значительная часть публики того времени хотѣла видѣть на сценѣ. Дѣйствующія лица трагедій Корнеля, по прежнему восхищавшія представителей старшаго поколѣнія, начинали казаться молодежи слишкомъ суровыми, недостижимыми; потребность въ чемъ-то болѣе нѣжномъ, трогательномъ, изящномъ, носилась въ воздухѣ. Этой потребности рѣшилъ удовлетворить плодовитый и не лишенный дарованія, но все же второстепенный драматургъ Кино, впоследствии понявшій, что ему трудно соперничать съ Расиномъ, и обратившій вниманіе на другой жанръ, который гораздо болѣе подходилъ къ его способностямъ,—какъ извѣстно, онъ прославился, главнымъ образомъ, какъ авторъ либретто различныхъ оперъ („Psyché“, „Atys“, „Roland“, „Armide“ и др.). Разсматривая теперь трагедіи Кино, всѣ эти „Astrate“, „La mort de Cygus“, „Le mariage de Cambise“, „Les coups de l'amour et de la fortune“ и др., мы видимъ, что писатель съумѣлъ уловить вкусы своей публики, но, стремясь создать такой жанръ, который служилъ бы противовѣсомъ трагедіямъ Корнеля, вдался въ противоположную крайность и, въ общемъ, подмѣнилъ искреннее, непосредственное чувство нѣсколько приторною и неестественною чувствительностью или галантною. Тѣмъ не менѣе, его пьесы имѣли успѣхъ, и общая симпатія публики къ этимъ экскурсіямъ въ „le pays du Tendre“ была такъ велика, что даже старѣвшій Корнель поддался общему теченію, боясь утратить почву подъ ногами и стать живымъ анахронизмомъ... Печально видѣть слабыя попытки первокласснаго писателя, съ опредѣленнымъ, типичнымъ складомъ дарованія, пойти на компромиссъ съ духомъ времени, вводя въ свои послѣднія трагедіи чувствительный элементъ,—все въ надеждѣ вернуть себѣ благосклонность публики. Одна изъ заслугъ Расина состояла именно въ томъ, что онъ съумѣлъ отвести въ своемъ творествѣ видное мѣсто элементу чувства и страсти, не впадая, однако, въ тѣ крайности и преувеличенія, которыхъ не было въ состояніи избѣжать Кино. Но это произошло впоследствии; когда же писалась „Thébaïde“, Расинъ, какъ указываетъ Маацъ въ своей интересной диссертаци, еще не рѣшался вполнѣ объективно и независимо отнестись къ произведеніямъ моднаго писателя; онъ заимствовалъ у него нѣкоторые художественные приемы, подражалъ мѣстами его манерѣ, былъ склоненъ вводить, подобно ему, въ свои произведенія отголоски популярныхъ романовъ,—особенно это замѣтно въ роли Гемона, который объясняется въ любви Антигонѣ по всѣмъ правиламъ утонченной галантности.

Хотя первая трагедія Расина и не имѣла крупнаго успѣха,

для писателя было важно то обстоятельство, что его пьеса появилась, наконецъ, на сценѣ, что его имя стало болѣе извѣстно. Онъ рѣшилъ не прекращать своей дѣятельности, какъ драматургъ, и вскорѣ принялся за созданіе другой пьесы, „Alexandre le Grand“, которая и была поставлена на сценѣ „Пале-Рояля“ 4 декабря 1665 года. Несмотря на отдѣльные недостатки, мѣшающіе этой пьесѣ занять почетное мѣсто среди драматическихъ произведеній Расина, „Alexandre le Grand“ представляетъ собою замѣтный шагъ впередъ, по сравненію съ „Thébaïde“. Расинъ заимствовалъ сюжетъ для своей трагедіи изъ сочиненій Плутарха и особенно Квинта Курція, повѣствующаго о походѣ Александра Македонскаго въ Индію и о встрѣчѣ его съ царемъ Поромъ, который, несмотря на свои скромныя военныя силы и явную безнадежность борьбы съ могущественнымъ завоевателемъ, оказалъ ему сопротивленіе, а взятый въ плѣнъ поразилъ Александра чувствомъ собственнаго достоинства и мужествомъ, требуя, чтобы побѣдитель обращался съ нимъ, „какъ съ царемъ“. Этотъ разсказъ, осложненный еще нѣкоторыми другими деталями, напримѣръ, любовью царицы Клеофилы къ македонскому завоевателю (объ этомъ есть упоминаніе и у Квинта Курція), соперничествомъ двухъ царей, Пора и Таксила, изъ-за прекрасной Аксіаны и т. д., могъ дать Расину матеріалъ для ряда сильныхъ и эффектныхъ сценъ. Дѣйствительно, въ этой второй его трагедіи найдется нѣсколько мѣстъ, написанныхъ съ несомнѣннымъ талантомъ,—бурное объясненіе (въ первомъ дѣйствіи) между Поромъ и Таксиломъ, изъ которыхъ первый выведенъ борцомъ за независимость родины, а второй—искуснымъ дипломатомъ, вступающимъ въ переговоры съ Александромъ; еще болѣе замѣчательная сцена между Поромъ, Таксиломъ и Гефестіономъ во второмъ актѣ и т. д. Во всѣхъ подобныхъ сценахъ Расинъ проявилъ уже извѣстное искусство въ обрисовкѣ характеровъ и сумѣлъ придать своему слогу болшую выразительность; такихъ нескладныхъ или прозаическихъ оборотовъ, какъ въ „Thébaïde“, мы здѣсь почти не находимъ. Большое впечатлѣніе производятъ и заключительная сцена, изображающая, по Квинту Курцію, встрѣчу Александра съ плѣннымъ Поромъ; къ сожалѣнію, она немного растянута къ концу, и совершенно излишній разговоръ между Александромъ и Клеофилою ослабляетъ дѣйствіе знаменитыхъ словъ Пора, которыя воспроизведены буквально („Comment pretendez-vous que je vous traite?“—„En roi“). Любопытно только, что и на этотъ разъ подражательный элементъ играетъ болшую роль въ трагедіи Расина. Вліяніе Корнеля за-

мѣтно здѣсь даже больше, чѣмъ въ „Thébaïde“; предполагая отнести свою пьесу на просмотръ авторитетному мастеру, Расинъ старался писать въ такомъ духѣ, который могъ бы заслужить одобреніе автора „Ногасе“ и „Синна“. Но подражаніе Корнелю въ данномъ случаѣ принесло даже извѣстную пользу Расину, который, создавая героическіе образы Пора и Аксианы, сумѣлъ мѣстами придать имъ истинное величіе; это былъ, конечно, не его жанръ,—онъ самъ вскорѣ убѣдился въ этомъ,—но интересно видѣть, какъ ему все-таки удалось на этотъ разъ уловить, до извѣстной степени, манеру драматурга прежней школы. Слѣды вліянія отдѣльных трагедій Корнеля, — „Синна“, „Ромпѣе“, „Sertorius“, — неоднократно бросаются въ глаза при чтеніи „Alexandre le Grand“; великодушіе побѣдителя по отношенію къ Пору напоминаетъ, напримѣръ, какъ справедливо замѣтилъ Лотгейсенъ, благородство Августа, прощающаго Цинну („Régnez toujours, Porsus: je vous rends vos états“; у Корнеля „Soyons amis, Sinna, C'est moi qui t'en convie“).

Если вліяніе Корнеля, въ общемъ, можетъ быть на этотъ разъ признано благотворнымъ, далеко нельзя сказать того же о воздѣйствіи Кино и его школы. Желая примирить въ своемъ творчествѣ два несходныхъ элемента, Расинъ безусловно повредилъ своему произведенію. Нежелательное вліяніе Кино особенно отразилось на характеристикѣ самого Александра, который является въ пьесѣ не могущественнымъ завоевателемъ и владыкою безчисленныхъ земель, а томнымъ и чувствительнымъ любовникомъ, прибѣгающимъ въ языку мадригаловъ, сонетовъ и любовныхъ романсовъ, въ рѣшительную минуту больше думающимъ о любви въ Клеофилѣ, чѣмъ о борьбѣ съ врагами, употребляющимъ такіа изысканныя выраженія, какъ „vos yeux, ces aimables tyrans“. Только великодушіе по отношенію къ побѣжденнымъ напоминаетъ о томъ, что передъ нами великій человѣкъ, а не заурядный селадонъ. Любовный элементъ, въ той формѣ его, которая была идеаломъ салоновъ и свѣтскихъ кавалеровъ той эпохи, исказилъ отчасти и роль Пора, объясняющагося въ любви Аксианѣ передъ самою битвою и неожиданно употребляющаго въ разговорѣ съ нею такіа выраженія, какъ „mes tristes soupirs“, „divine princesse“ и т. д.

Поставленная на сценѣ, вторая трагедія Расина имѣла шумный успѣхъ и сразу доставила популярность имени автора; съ этого момента можно вести начало той литературной славы, которою впослѣдствіи пользовался Расинъ; къ этому же времени относится первая критическая статья, посвященная драматургу

и указывавшая на недостатки и слабыя стороны его пьесы— „Dissertation sur Alexandre“ Сентъ-Эвремона. Эта статья послужила началомъ нескончаемаго ряда критическихъ выходовъ, иногда гораздо болѣе рѣзкихъ и зlostныхъ, который причинилъ такъ много терзаній Расину. Но съ постановкою „Александра“ связано и другое обстоятельство, владущее извѣстную тѣнь на его нравственный характеръ и принадлежащее къ тѣмъ эпизодамъ его біографіи, которые самый расположенный изслѣдователь едва-ли можетъ истолковать въ хорошую сторону. Трагедія была поставлена, какъ мы сказали выше, на сценѣ Пале-Рояля; но прошло двѣ недѣли, и Мольеръ съ изумленіемъ узналъ вдругъ, что названіе этой пьесы появилось и на афишѣ соперничавшаго съ Пале-Роялемъ Hôtel de Bourgogne. Оказалось, что Расинъ, съ самаго начала желавшій ставить пьесы въ послѣднемъ театрѣ и недовольный исполненіемъ „Alexandre le Grand“ на сценѣ Пале-Рояля, завелъ переговоры и съ дирекціей Hôtel de Bourgogne, которая, въ виду успѣха трагедіи, охотно включила ее въ свой репертуаръ. Мольеръ понесъ значительные убытки, такъ какъ „Александра“ пришлось снять съ репертуара, а новой пьесы у его труппы въ запасѣ не было. Но этого было мало, — въ довершеніе всего, Расинъ уговорилъ лучшую драматическую артистку Пале-Рояля—m-lle Du Parc, игравшую въ эту пору такую же роль въ его сердечной жизни, какъ впоследствии даровитая Шанмелъ, перейти на сцену Hôtel de Bourgogne. Эта двойная неблагодарность по отношенію къ Мольеру, которому онъ былъ обязанъ постановкою первой своей трагедіи, увидѣвшей сцену, не можетъ быть ничѣмъ оправдана. Нѣкоторымъ объясненіемъ этого поступка можетъ служить только крайнее славолюбіе молодого Расина, который сознавалъ, что труппа „Hôtel de Bourgogne“ гораздо лучше сыграетъ его пьесу, располагая болѣе выдающимися артистическими силами для постановки трагедій, и рѣшилъ поэтому войти съ нею въ сношенія, надѣясь, что прекрасное исполненіе увеличитъ популярность его пьесы. Какъ бы то ни было, эта измѣна глубоко оскорбила Мольера, который временно прервалъ съ нимъ всякія сношенія. Впоследствии состоялось внѣшнее примиреніе, но объ истинной близости уже не могло быть и рѣчи.

Не совсѣмъ правъ былъ Расинъ и въ другой исторіи, разгравшейся вскорѣ послѣ постановки „Александра“ и окончательно разъединившей его съ Портъ-Роялемъ. Давно уже онъ чувствовалъ желаніе откровенно высказаться и отвѣтить на тѣ суровые приговоры, которые произносились его бывшими настав-

никами надъ его творчествомъ и страстною любовью въ театру. Онъ ожидалъ только повода, — и такой поводъ не замедлилъ представиться. Въ началѣ 1666 года одинъ изъ главныхъ дѣятелей Портъ-Рояля, Николь, въ полемическомъ трактатѣ, направленномъ противъ второстепеннаго писателя и ревностнаго противника ясенистовъ, Демарэ, автора „*Les visionnaires*“, ожесточенно напалъ на всѣхъ литераторовъ вообще, называя романистовъ и драматурговъ „отравителями общества“. Расинъ возмущился этимъ общимъ осужденіемъ, тѣмъ болѣе, что угадывалъ во всемъ этомъ походѣ противъ литературы и сцены косвенную выходку противъ себя самого; весьма возможно, что ясенисты дѣйствительно въ данномъ случаѣ имѣли его отчасти въ виду. Такъ или иначе, вскорѣ послѣ появленія трактата Николая Расинъ выпустилъ свой отвѣтный памфлетъ „*Lettre à l'auteur des Hérésies imaginaires et des deux Visionnaires*“, остроумное и бойкое произведеніе, не только опровергающее доводы противниковъ, но одновременно критикующее ихъ полемическіе приемы, отсталость ихъ взглядовъ, схоластическій характеръ ихъ эрудиціи, подмѣчающее недостатки и слабости главныхъ членовъ общины. Отъ имени Портъ-Рояля отвѣчало два лица, Дюбуа и Барбье д'Окуръ; ихъ разсужденія, довольно рѣзкія по общему тону, но написанныя съ гораздо меньшимъ талантомъ, чѣмъ „Письмо“ Расина, задѣли его за живое, и онъ написалъ еще болѣе беспощадный памфлетъ, въ которомъ опять затронулъ нѣкоторыхъ изъ числа самыхъ извѣстныхъ ясенистовъ, напимѣръ, Лемэтра, или настоятельницу женской общины, mère Angélique. Противъ всѣхъ этихъ лицъ были направлены сатирическія стрѣлы и въ первомъ письмѣ Расина; но на этотъ разъ тонъ былъ еще рѣзче, и когда раздраженный авторъ прочелъ свое новое произведеніе Буало, послѣдній посоветовалъ ему не печатать его, потому что если оно свидѣтельствуетъ объ его остроуміи, то не дѣлаетъ чести его сердцу. Расинъ послушался, его второе письмо никогда не увидѣло свѣта, но оно сохранилось въ его бумагахъ и дошло до насъ. Во многомъ онъ былъ, конечно, правъ, вставая противъ отсталыхъ взглядовъ ясенистской партіи; но его оцѣнка вышла все-таки одностороннею, онъ оставилъ въ тѣни несомнѣнныя заслуги ясенистовъ и ихъ высокія нравственныя достоинства. Сверхъ того, онъ совершенно забылъ въ эту минуту, чѣмъ онъ самъ былъ обязанъ Портъ-Роялю, забылъ сердечное, отеческое отношеніе, которое постоянно выказывали его наставники своему любимому питомцу-сиротѣ. Онъ счелъ возможнымъ отозваться съ ироніей о томъ самомъ Лемэтрѣ, кото-

рый когда-то такъ любилъ его, и второй,—что увеличиваетъ вину Расина,—умеръ за нѣсколько лѣтъ до начала полемики, такъ что его, во всякомъ случаѣ, изъ простаго приличія, не слѣдовало примѣшивать къ ней. Литературныя достоинства обоихъ „Писемъ“ Расина признавалъ и Буало, оцѣнившій сатирическое дарованіе, неожиданно обнаруженное авторомъ; „вы не думаете только о томъ,—сказалъ онъ ему, прочитавъ рукопись,—что вы пишете противъ честнѣйшихъ людей, какіе только есть на свѣтѣ“. Впослѣдствіи, вспоминая объ этомъ инцидентѣ, Расинъ испытывалъ иногда томительныя угрызения совѣсти, его мучило раскаяніе, и когда онъ снова вступилъ въ сношенія съ Портъ-Роялемъ, принесъ повинную и простился съ мечтами о славѣ драматурга, онъ сдѣлалъ все, что могъ, чтобы загладить свою вину.

Въ эту минуту вся эта полемика послужила для Расина только стимуломъ для дальнѣйшаго развитія литературной дѣятельности, которой онъ хотѣлъ теперь всецѣло посвятить себя, наперекоръ всѣмъ нападкамъ, исходившимъ изъ ясенистскаго лагеря. Черезъ полтора года послѣ второго письма, онъ передалъ дирекціи Hôtel de Bourgogne свое новое произведеніе, составившее эпоху,—по справедливому замѣчанію Брюнетьера,—какъ въ исторіи его творчества, такъ и въ лѣтописяхъ французской драмы. Въ ноябрѣ 1667 года „Андромаха“ была разыграна передъ полною залою и произвела громадное впечатлѣніе. Публика была потрясена и растрогана; большинство зрителей должно было согласиться съ тѣмъ, что подобной пьесы они еще не видали на французской сценѣ; нѣжная и трогательная,—безъ приторности и ложной чувствительности; изящная по языку,—безъ всего манернаго и искусственнаго; правдивая и вполнѣ жизненная, трагедія одинаково отличалась отъ героическихъ пьесъ Корнеля и навѣянныхъ модными романами произведеній Кино. Вліяніе Буало принесло свои плоды, писатель серьезнѣе отнесся къ своему творчеству и вышелъ, наконецъ, на болѣе широкую и самостоятельную дорогу. Конечно, и для этой пьесы его можно подыскать источники, такъ какъ личность Андромахи не разъ привлекала и до Расина вниманіе поэтовъ и драматурговъ. Гомеръ, Виргилій, Эврипидъ съ его „Троянками“ и „Андромахой“, Сенека, Роб. Гарнье съ его „Troade“; раньше его возсоздали образъ несчастной вдовы Гектора, пережившей гибель роднаго города и смерть любимаго мужа, доставшейся, послѣ раздѣла добычи и плѣнныхъ, сыну Ахилла Неоптолему, и выпившей до дна чашу униженія и по-

зора въ чужомъ краѣ, гдѣ на нее смотрѣли, какъ на рабыню и наложницу. На ряду съ подражаніемъ классическимъ образцамъ, въ пьесѣ чувствуется мѣстами и вліяніе Корнеля, которое Расинъ не могъ, конечно, сразу вполне сбросить съ себя; еще Вольтеръ указалъ на сходство между „Andromaque“ и неудачною трагедіею Корнеля „Pertharite roi des Lombards“. Но теперь это уже не могло лишить талантъ Расина оригинальности; заимствуя у тѣхъ или другихъ драматурговъ отдѣльныя частности, онъ создалъ однако вполне своеобразную пьесу, въ которой нѣтъ ни тѣни рабскаго подражанія, по-своему освѣтилъ личность главной героини, отвелъ первостепенное мѣсто психологическому анализу, придавъ своей трагедіи болѣе мягкой колоритъ, облагородивъ все, что было грубого и шероховатаго въ античномъ преданіи. Онъ отгѣнилъ материнскую любовь Андромахи, заставилъ насъ принимать участіе въ ея страданіяхъ, сохранилъ вражду между двумя женщинами, Герміоной и Андромахой, но придумалъ для нея другое объясненіе, подчеркнувъ безумную ревность Герміоны, наконецъ, измѣнилъ ту часть легенды, которая заставляла вдову Гектора имѣть нѣсколькихъ дѣтей отъ Нептолема, а затѣмъ выйти въ третій разъ замужъ, и сдѣлалъ несчастную женщину не только образцовою матерью, но и вѣрною вдовою. Едва ли мы въ правѣ сожалѣть о свободномъ обращеніи писателя съ унаслѣдованною отъ прошлаго фавулою,—разъ, именно цѣною подобныхъ видоизмѣненій онъ создалъ истинно художественное произведеніе, которое и теперь можетъ дѣйствовать на зрителя.

Трагедія Расина переноситъ насъ въ столицу Эпира, во дворецъ сына Ахилла, котораго драматургъ называетъ Пирромъ, а не Нептолемомъ. Въ этомъ дворцѣ живетъ Герміона, дочь Елены, считающаяся невѣстою царя и горячо его любящая,—и плѣнная Андромаха со своимъ сыномъ отъ Гектора, Астіанаксомъ, погруженная въ грустные воспоминанія о мужѣ и несчастной Троѣ. Въ началѣ перваго дѣйствія во дворъ Пирра пріѣзжаетъ изъ Греціи Орестъ, со своимъ другомъ Пилломъ, облеченный обширными полномочіями, чтобы вести переговоры съ Пирромъ о выдачѣ Астіанакса, котораго страшится вся Греція, несмотря на его дѣтскій возрастъ, предполагая, что онъ можетъ со временемъ стать грознымъ мстителемъ за униженіе и плѣнъ отчизны. Но исполняя важное, хотя и щекотливое дипломатическое порученіе, Орестъ вмѣстѣ съ тѣмъ явился въ Эпиръ, повинувшись голосу своего сердца: онъ хочетъ добиться свиданія съ Герміоной, которую давно безнадежно любить, уго-

ворить ее отказаться от мечтаній о бракѣ съ Пирромъ, — который равнодушенъ къ ней, не цѣнить ее и явно предпочитаетъ ей плѣвную Андромаху, — и бѣжать съ нимъ въ Грецію, гдѣ онъ посвятить всю свою жизнь заботамъ объ ея счастіи. На первыхъ порахъ миссія, возложенная на Ореста, какъ представителя греческихъ государствъ, грозитъ остаться неисполненною. На его рѣчь съ облеченнымъ въ дипломатическую форму требованіемъ выдачи ребенка, Пирръ отвѣчаетъ рѣшительнымъ отказомъ и уполномочиваетъ его передать посланнымъ его въ Эпиръ греческимъ царямъ, что онъ считаетъ невозможнымъ удовлетворить ихъ желанію. По удаленіи Ореста, у Пирра происходитъ объясненіе съ Андромахою, которая впервые появляется передъ нами, окруженная свѣтлымъ, поэтическимъ ореоломъ душевной чистоты, тихой грусти и страданія. Пирръ сообщаетъ ей о прибытіи Ореста, о заявленномъ имъ требованіи, о своемъ отказѣ; онъ даетъ ей слово охранять ея сына и заботиться о немъ, — и вмѣстѣ съ тѣмъ признается ей въ самой искренней и сильной любви, умоляетъ ее стать его супругою, отзываясь все время очень холодно и равнодушно о Герміонѣ, которую онъ готовъ сейчасъ же отослать въ Грецію. Андромаха поражена этимъ неожиданнымъ для нея признаніемъ, — и мы можемъ заранѣе угадать, какъ отнесется къ нему измученная жизнью страдалица. Она говоритъ Пирру о своемъ мужѣ, котораго не забыла до сихъ поръ, проситъ отпустить ее, и позволить ей провести остатокъ жизни вдали отъ міра, въ уединеніи и слезахъ. Но, если Пирръ умѣетъ горячо любить, онъ способенъ и быстро переходить отъ любви къ гнѣву и ненависти; раздраженный этимъ отпоромъ, онъ грозитъ Андромахѣ, въ случаѣ, если она не согласится на его предложеніе, погубить ея сына и выдать его грекамъ.

Въ слѣдующемъ дѣйствіи мы знакомимся со второю героинею трагедіи, которая представляетъ полный контрастъ кроткой и чистой душою Андромахѣ. Страстная, ревнивая, гордая и мстительная, Герміона не можетъ спокойно выносить позора, который выпалъ ей на долю. Ее мучитъ сознаніе, что Пирръ отвергаетъ ея любовь и оказываетъ предпочтеніе плѣвннй троанкѣ. Когда она слышитъ, что Орестъ прибылъ изъ Греціи, въ ея головѣ рождается планъ — воспользоваться, такъ или иначе, содѣйствіемъ безнадежно любящаго ее человѣка. Орестъ, которому Пирръ, совершенно равнодушный теперь къ Герміонѣ, самъ совѣтовалъ повидаться съ нею, въ тайной надеждѣ, что онъ уговоритъ ее отправиться съ нимъ въ Грецію, вскорѣ встрѣ-

чается съ глубоко оскорбленною и уязвленной въ своемъ самолюбіи женщиною. Въ ея душѣ по прежнему таится чувство горячей любви къ Пирру, но она хочетъ подавить его, хочетъ увѣрить себя въ томъ, что она презираетъ и ненавидитъ живаго и непостояннаго человѣка; она проситъ Ореста уговорить Пирра, чтобы онъ отпустилъ ее на родину, и передать лично ея отцу, по возвращеніи въ Грецію, что она не можетъ быть женою эфирскаго царя, разъ онъ подвергъ ее такому позору и такъ нагло обманулъ ее. Орестъ торжествуетъ, съ нетерпѣніемъ ожидая того момента, когда онъ покинетъ вмѣстѣ съ Герміоною дворъ Пирра,—хотя онъ смутно угадываетъ ту внутреннюю борьбу, которая происходитъ въ душѣ дочери Елены. Въ эту минуту онъ встрѣчается съ Пирромъ, взбѣшеннымъ и озлобленнымъ своею неудавшеюся бесѣдою съ Андромахою, ея холодною и равнодушіемъ. Подъ вліяніемъ ея отваса, царь успѣлъ перемѣнить свое рѣшеніе, и Орестъ съ ужасомъ слышитъ отъ него, что теперь онъ не только согласенъ выдать Астіанакса грекамъ, но хочетъ вступить въ бракъ съ Герміоною, чтобы содѣйствовать упроченію общаго мира. Этого мало,—онъ поручаетъ несчастному Оресту лично передать объ этомъ рѣшеніи Герміонѣ! Можно сомнѣваться въ искренности этого намѣренія, зародившагося въ умѣ Пирра въ минуту досады; и дѣйствительно, когда онъ остается наединѣ съ своимъ наперсникомъ Фенисомъ, онъ слишкoмъ ясно показываетъ, что любовь къ Андромахѣ отнюдь не умерла въ его сердцѣ...

Герміона торжествуетъ, когда въ третьемъ актѣ Орестъ приходитъ, чтобы подтвердить дошедшіе до нея слухи о рѣшеніи Пирра обвиняться съ нею, не думая болѣе объ Андромахѣ и спасеніи ея сына. Тѣмъ временемъ, несчастная мать выноситъ тяжелыя нравственныя мученія, тревожась за участь Астіанакса, которому теперь грозитъ гибель. Она пытается, забывъ всякую гордость, обратиться съ мольбою о заступничествѣ къ Герміонѣ, но счастливая, сіяющая женщина отвергаетъ ее. Наконецъ, она слышитъ, какъ Пирръ отдастъ приказаніе выдать грекамъ ея сына; она не хотѣла унижаться передъ нимъ, но въ эту критическую минуту она забываетъ все на свѣтѣ и снова молитъ его пощадить ея ребенка. Въ умѣ Пирра, когда онъ слышитъ ея отчаянныя рѣчи, опять зарождается смутная надежда на осуществленіе его мечтаній; оставшись наединѣ съ Андромахою, онъ напоминаетъ ей, что онъ еще можетъ взять назадъ свое рѣшеніе и спасти ея сына; пусть только она отнесется благосклонно къ его чувству и согласится стать его женою, вмѣсто

Герміоны, которую онъ не любитъ. Въ душѣ Андромахи начинается прекрасно изображенная Расинюмъ мучительная борьба между материнскою любовью и вѣрностью памяти мужа. Если она приметъ предложеніе царя; она измѣнитъ Гектору, воспоминаніе о которомъ она свято хранила до сихъ поръ; если она отвѣтитъ Пирру отказомъ, она погубитъ нѣжно любимаго сына. Мысль о преждевременной смерти Астіанакса представляется ей такою ужасною, что она въ отчаяніи уже почти готова дать Пирру утвердительный отвѣтъ и хочетъ только пойти въ гробницѣ своего мужа, въ надеждѣ, что его тѣнь вдохновитъ ее и научитъ, что ей дѣлать.

Когда въ четвертомъ дѣйствіи Андромаха снова появляется передъ нами, мы узнаемъ, что она отвѣтила согласіемъ на предложеніе Пирра, и что въ храмѣ уже дѣлаются приготовленія для ея бракосочетанія съ царемъ. Но изъ ея разговора съ наперсницей Сефизой обнаруживается, какое тайное намѣреніе скрывается за ея рѣшеніемъ уступить, наконецъ, мольбамъ Пирра, стать его супругой. Она хочетъ взять съ него въ храмѣ торжественную клятву въ томъ, что онъ не погубитъ ея сына и охранитъ его отъ враговъ, а затѣмъ, по совершеніи обряда, тутъ же покончитъ съ собою, чтобы не принадлежать другому человѣку, послѣ Гектора, котораго она такъ любила, и который самъ внушилъ ей этотъ образъ дѣйствій, когда она плакала и съ тоскою размышляла о своей участи на его могилѣ. Между тѣмъ Герміона пылаетъ ревностью и злобой; нѣсколько часовъ тому назадъ она готовилась стать царицей и подругой любимаго человѣка,—теперь она снова отвергнута, забыта, должна видѣть, какъ счастье улыбается ея торжествующей (она увѣрена въ этомъ!) соперницѣ. Мысль о мести, давно бродившая въ ея умѣ, теперь окончательно созрѣла; она зоветъ къ себѣ Ореста, спрашиваетъ его, любитъ ли онъ ее, какъ прежде, и, услыжавъ въ отвѣтъ восторженные рѣчи, даетъ ему страшное порученіе—убить Пирра въ тотъ самый моментъ, когда онъ, безоружный, пойдетъ въ храмъ, чтобы вѣнчаться съ Андромахой. Орестъ сперва пораженъ и возмущенъ этимъ предложеніемъ, старается отговорить Герміону, умоляетъ не отягощать его душу преступленіемъ. Но Герміона обѣщаетъ ему въ награду за это убійство свою любовь, даетъ ему слово вернуться съ нимъ въ Грецію и стать его женою; ослѣпленный страстью, Орестъ даетъ себя, наконецъ, убѣдить и соглашается въ тотъ же день покончить съ Пирромъ. За эту сцену, одною изъ лучшихъ въ трагедіи, слѣдуетъ другая, еще болѣе талантливо написанная,

между Герміоной и Пирромъ. Встрѣтившись неожиданно съ этимъ человѣкомъ, которому она только-что произнесла смертный приговоръ, она не въ силахъ сдержать тѣхъ горькихъ упрековъ, которые противъ ея воли срываются съ ея устъ: униженная и отвергнутая женщина напоминаетъ измѣнившему ей Пирру о томъ, какъ горячо она его любила, легко прощая ему все, что онъ ей сдѣлалъ дурного, ставя его счастье выше всего на свѣтѣ, отвергая не разъ брачныя предложенія славныхъ царей, въ надеждѣ стать женою любимаго человѣка. Мы чувствуемъ, что въ душѣ она и теперь безумно любитъ Пирра, что стѣбитъ ему сказать одно ласковое слово, и она остановитъ руку Ореста, уже готоваго занести надъ его головою смертельный ударъ. Но Пирръ слишкомъ отдался радужнымъ мечтамъ о предстоящемъ бракѣ своемъ съ Андромахой, чтобы пожалѣть въ эту минуту несчастную Герміону,—и онъ погибнетъ!

Въ началѣ пятаго акта, въ то самое время, какъ въ храмѣ должно состояться бракосочетаніе, Герміона выносить нравственныя мученія при мысли о томъ, что должно произойти сейчасъ; она уже почти раскаивается въ своемъ намѣреніи погубить беззащитнаго Пирра; только, когда ей приходится сказать, что царь вступилъ въ храмъ съ радостнымъ, сіяющимъ лицомъ, что онъ торжествуетъ и счастливъ, неукротимая ревность снова овладѣваетъ ея сердцемъ. Но вотъ появляется блѣдный и взволнованный Орестъ, сообщающій ей, что ея воля исполнена, царь только-что палъ мертвымъ, они могутъ теперь покинуть вдвоемъ Эпиръ и направиться въ Грецію. Герміона глубоко потрясена этою вѣстью; въ минуту раздраженія и гнѣва она сама поручила Оресту покончить съ измѣнившимъ ей человѣкомъ,—но теперь, когда преступленіе совершено, она приходитъ въ ужасъ отъ одной мысли о томъ, что случилось, готова проклинать Ореста въ то самое время, какъ онъ ожидаетъ словъ благодарности и любви; она называетъ его единственнымъ виновникомъ убійства Пирра. Кто заставилъ его совершить это темное дѣяніе,—„qui te l'a dit?“... Орестъ напоминаетъ ей о томъ, что она сама принудила его поднять руку на Пирра,—но обезумѣвшая отъ горя женщина осыпаетъ его же упреками. Развѣ онъ имѣлъ право исполнять то, о чемъ она просила? развѣ онъ не видѣлъ тогда, что она не владѣетъ собою и не сознаетъ, чего просить?.. Въ отчаяніи Герміона за сценою лишаетъ себя жизни. Орестъ, видя свои надежды на счастье разбитыми, терзаясь муками совѣсти, сходитъ съ ума, его преслѣдуютъ видѣнія, страшные, кровавые образы проносятся

передъ его помутившимся взоромъ, между тѣмъ, какъ вооруженная толпа, руководимая Андромахой, которая, не любя Пирра при его жизни, тѣмъ не менѣе возмущена гнуснымъ поступкомъ убійцы,—какъ мы узнаемъ изъ словъ встревоженнаго Пилада,—ищетъ Ореста и прочихъ греговъ, чтобы отмстить имъ за смерть царя. Въ исполненіи даровитаго Мунэ Сюлли заключительная сцена сумасшествія Ореста производитъ и въ наши дни громадное впечатлѣніе на зрителя.

Юр. Веселовскій.



„ОДИНОЧЕСТВО“

Изъ дневника незамѣтной женщины.

5 октября 189...

...Какая Лили властная! Она рѣшительно не переноситъ, чтобы я смѣла интересоваться чѣмъ-нибудь, кромѣ нея. Стоитъ мнѣ ввязаться за книгу, сѣсть за рояль, или, сохрани Боже, за мольбертъ — ее всю передергиваетъ. Даже когда она молчитъ, я чувствую, что она сердится, чувствую, какъ слѣдить за мной ея негодующій взоръ. Иногда я нарочно дѣлаю видъ, что не замѣчаю ея гнѣва. Тогда она подходитъ къ моему стулу и своимъ насмѣшливымъ, тягучимъ голосомъ процѣживаетъ: „Что это ты намазала, мама? дерево? домъ? человѣка?.. не разберешь“!..

Съ отцомъ она гораздо почтительнѣе. Ну, да съ нимъ и неудобно воевать. А какъ она похожа на Юрія Павловича! И чѣмъ дальше, тѣмъ больше. То же стремленіе владѣть и покорять, та же мягкая, барски-привѣтливая манера съ чужими, та же безцеремонность съ домашними. Къ несчастью, она не даровита, какъ отецъ. А талантъ—единственное, что бы могло ее спасти. При ея жаждѣ блеска, при этомъ тщеславіи... подумать страшно, что ее ждетъ. И почему же я такъ ее люблю? Вѣдь у меня на ея счетъ нѣтъ ни малѣйшей иллюзии, вѣдь я наилучшій ее знаю... Неужели это только животное чувство материнства! Или во мнѣ еще не окончательно умерла художница... и я люблю ее за то, что она такъ хороша, такъ удивительно хороша собой. А между тѣмъ, это соединеніе внѣшней красоты и внутренней грубости — меня иногда съ ума сводитъ... Вотъ сейчасъ кричитъ на весь домъ: „Даша, свяжи мамѣ, чтобы она не копалась. Я не намѣрена каждый разъ опаздывать“...

Только-что вернулись изъ концерта. Толпа народу. Масса роскошныхъ туалетовъ. Лили въ бѣломъ суконномъ платьѣ была прелестна. Длинные складки такъ благородно драпируютъ ея стройную, хрупкую фигуру. Ей идутъ простые, строгіе востюмы. Впрочемъ, ей все идетъ. У нея какое-то особенное умѣнье носить платье, словно она въ немъ родилась. Сегодня она была похожа на римскую весталку, а на святыхъ, на костюмированномъ вечерѣ у Горнъ, она была Иродіадой. (Я не соглашалась на это travesti, но она „обопла“ Юрія Павловича). Зная, что я недовольна, Лили мнѣ не показалась дома; закуталась въ ротонду и самымъ рѣшительнымъ тономъ объявила, что я ее увижу только на балу. И поразила же она меня тогда! Лицо, глаза, голосъ, поступь — всѣ движенія говорили, что за свою пляску она ужъ, конечно, не поцеремонится взять голову Іоанна Крестителя. Она затмила всѣхъ дамъ и дѣвицъ. И какъ же она торжествовала! И какъ гордъ былъ Юрій Павловичъ успѣхомъ дочери. Я увѣрена, что въ этотъ вечеръ они оба были вполне счастливы... Казалось бы, что такая способность усваивать чужой обликъ прямо указываетъ на сценическое дарованіе. И что же? Нисколько! Лили не въ состояніи исполнить самую незатѣйливую роль въ любительскомъ спектаклѣ. У нея нѣтъ таланта. Талантъ, что бы ни говорили, требуетъ безкорыстной любви къ искусству, по крайней мѣрѣ, въ моментъ „священной жертвы“. А Лили всегда тѣшитъ только себя. Сегодня она очень сердилась на Юрія Павловича. Онъ не отходилъ отъ молодой Дроздовой. Она прехорошенькая, эта львица сезона — съ большими, выпуклыми, тупыми глазами, съ бриллиантами на спинѣ, на шеѣ, на башмакахъ... О ней много говорили эту зиму. Всѣ маменьки были возмущены. Въ самомъ дѣлѣ! Дочь какого-то бѣднаго чиновника, и вдругъ такая „партія“! Самого Дроздова поддѣпила. (Самъ Дроздовъ — толстый развязный малый изъ нынѣшнихъ университетскихъ купцовъ). Рассказываютъ, что когда онъ сдѣлалъ предложеніе, отецъ невесты отъ счастья сошелъ съ ума, забывъ всѣ слова, кромѣ „золото“, и все повторяетъ: золото, золото, золото...

Какъ это глупо, что, несмотря на свои сѣдые волосы, я все еще не могу свыкнуться съ мыслью, что деньги — винтъ, на которомъ вертится міръ. Сколько завистливыхъ взоровъ провожало сегодня чету Дроздовыхъ! По рядамъ шопотомъ произносили ихъ имя. Во время перерыва ихъ окружала „l'élite“. Кого только тутъ не было! Знаменитый докторъ, модный піанистъ, прослав-

ленный художникъ, почтенная старуха, редакторъ ученаго журнала... Каждый, по-своему, *faisait sa cour*. Юрій Павловичъ тоже. И вѣдь не нужны они ему вовсе. И барыня эта ему нравится лишь очень поверхностно. Но таково ужъ обаяніе „железнаго сундука“. Даже выгоды это знакомство ему не сулить. Какъ ни падокъ на деньги мой любезный супругъ, онъ нигдѣ не состоитъ юрисконсультomъ. У него на этотъ предметъ ужъ и фраза готовая: „зачѣмъ я пойду въ служающіе. Придетъ часъ воли Божьей, ихъ степенства сами во мнѣ пожалуютъ“. И жалуютъ...

Давно уже Лили меня такъ не пилила, какъ сегодняшній вечеръ. Ей было досадно, что Юрій Павловичъ такъ просто и легко не замѣчаетъ нашего присутствія.

— Папа точно насъ стыдится, — ворчала она, — онъ даже не глядитъ въ нашу сторону... а все ты! Мы бы отлично могли сидѣть въ первыхъ рядахъ.

— Лили, слушай музыку!..

— Не могу я слушать въ такой духотѣ.

Къ счастью, къ намъ подошелъ Бунинъ, московскій библиофиль, меценатъ и эстетъ. Кресло его оказалось рядомъ съ нами. Едва онъ усѣлся, какъ сталъ осыпать Лили самыми патетическими комплиментами. Она мгновенно прояснилась и сдѣлалась такъ мила, что все мое недовольство ею разсѣялось какъ дымъ. Бѣдная моя дѣвочка! Очень понятно, что съ такой красотой не хочется теряться въ толпѣ...

А какъ хорошъ былъ концертъ. Передъ эстрадой въ темной зелени лавровъ бѣлѣлъ бюстъ Антона Рубинштейна и, казалось, прислушивался къ звукамъ Бетховенскаго похороннаго марша. Еще такъ недавно онъ самъ его игралъ! Мнѣ очень понравился пѣвецъ — нѣжный, ласкающій баритонъ. Онъ превосходно спѣлъ:

„Слышали-ль вы за рошей гласъ ночной

„Пѣвца любви, пѣвца своей печали“...

Сердце такъ сладко и печально заняло. Вспомнилась молодость... Много въ ней было тревогъ! да зато путь разстился впереди такой длинный... Какъ легко сдвигались съ мѣста горы... Какіе мерещились подвиги... Словно въ отвѣтъ на мои мысли, баритонъ пропѣлъ элегическій романсъ, кончающійся словами:

„Сны беззаботные, сны мимолетные

Снятся лишь разъ“...

У меня навернулись слезы. Я закрылась вѣеромъ отъ Лили.

Она терпѣть не можетъ „сентиментальности“. Какъ на меня дѣйствуетъ музыка! Особенно нѣкоторыя вещи. Стоитъ заиграть, напримѣръ: „Лунную сонату“ Бетховена и въ душѣ начинаютъ горѣть старыя раны, vergessene Träume, erloschene Bilder... все, что манило, все, что такъ безжалостно обмануло. Самое ужасное, это—что ничего нельзя вернуть, взять назадъ. Вотъ и сегодняшній концертъ! Сколько разъ въ этой самой залѣ будутъ раздаваться тѣ же звуки. Ихъ будутъ пѣть другія уста, они будутъ волновать другія сердца... а тѣ, кого мы взростили, кому отдавали всю силу любви, давно забудутъ путь въ нашимъ могиламъ... Все это, конечно, неизбѣжный законъ жизни, но вѣдь отъ этого не легче.

Однако ужъ и Юрій Павловичъ звонить. Должно быть, очень поздно...

6 октября.

Сегодня съ утра исторія. Не успѣла я проснуться, какъ въ спальню явилась Даша съ поджатыми губами и съ обычной своей манерностью, въ которой столько яду, стала „докладывать“:

— Какъ вамъ будетъ угодно, Лизавета Константиновна, а извольте приказать Ивану не ругаться. Я не виновата, что онъ не въ своемъ видѣ... Я честная женщина... кажется, не воровка, не пьяница, не грубиянка... (тутъ она сдѣлала паузу, очевидно, ожидая выраженія сочувствія. Но я молчала и она залилась горячими слезами). Тычетъ мнѣ любовникомъ... а я, какъ передъ Богомъ истиннымъ... я двѣнадцать лѣтъ вдовью послѣ мужа... и не только что... а можно сказать, какъ монашка сама себя веду... (и вѣдь отлично знаетъ, что мнѣ извѣстенъ ея возлюбленный—отвратительный мальчишка, буянъ и лѣнтяй, которому она отдаетъ всѣ свои деньги).

Моя безчувственность ее разозлила. Она утерла слезы и съ явной рѣшимостью меня „донять“ зачастила: конечно, я не могу вамъ угодить передъ Иваномъ. Онъ и то все хвастается: за меня, моль, барыня... двадцать пять лѣтъ ее знаю, еще въ бѣдномъ положеніи, говорить, ее помню...

Послѣ этой „стрѣлы“ я пытаюсь остановить потокъ Дашина краснорѣчія:

— Ты чего отъ меня хочешь? чтобы я прогнала Ивана?

— Смѣю ли я вамъ указывать,—смирненно возразила Даша.— Вы въ своемъ домѣ госпожа... А только пожалуйста мнѣ расчитать... Потому что я хоть и прислуга, а тоже всякому малодушному лакею надъ собой измываться не позволю... Конечно, Юрій Пав-

ловить и Елена Юрьевна не такъ объ моей службѣ понимаютъ... (Этотъ намекъ обозначаетъ, что она пойдетъ на меня жаловаться Лили, которой давно хочется спровадить нереспектабельнаго Ивана).

Я по неволѣ иду на компромиссъ и съ достоинствомъ говорю:—Я сдѣлаю Ивану выговоръ. Поддай мнѣ одѣться и замолчи. Даша понимаетъ, что я струсила и покорно отвѣчаетъ:—Слушаю-сь.

Когда я вошла въ столовую, Иванъ суетливо и озабоченно перетиралъ посуду. Онъ поднималъ на меня свое худое, небритое, жалкое лицо и отрывисто пробурчалъ: „Здравія желаю“.

И между нами въ сотый, а можетъ быть въ трехсотый разъ повторилась сцена, которая намъ обоимъ надоѣла, но выходитъ такъ, что это если не совершенная новость, то роковая случайность. Діалогъ начинаю я:

— Ты опять пьянъ?

— Зачѣмъ пьянъ. Это вамъ Дарья напишѣла. Ей бы только разстройство въ домѣ... смутьянка... А вы бы, матушка, сказали ей—брысь!—пошла прочь...

— Да развѣ я сама не вижу, что ты пьянъ.

— Ахъ, Господи!—возмущился Иванъ.—Да чѣмъ же я пьянъ! съ ногъ не валюсь, передъ господами, какъ слѣдуетъ—хвостомъ не верчу, а свиньей никогда не былъ и не буду.

— За чтò ты съ Дашей воюешь?

Онъ визгливо захохоталъ.

— Воюю! вотъ тоже слово сказали... есть съ кѣмъ воевать! На нее и вниманья-то обращать не стоитъ... Ей и на свѣтъ-то не зачѣмъ было родиться. Развѣ она человѣкъ! Такъ, языкомъ звенить... азіятка..

— И оставилъ бы ты ее въ покоѣ.

— Никакъ невозможно. Вездѣ безпорядокъ, въ кабинетѣ пыль. У перваго по Москвѣ присяжнаго повѣреннаго — въ кабинетѣ пыль! Вѣдь это ея касается: на то она горничная. Вѣдь къ намъ, Лизавета Константиновна, люди ходятъ.

— Несносный у тебя характеръ, Иванъ. Самъ ты вѣчно въ чужія дѣла мѣшаешься.

Онъ уставился на меня своими маленькими мутными глазами.

— Сказалъ бы я на это вамъ словечко... ну, только не скажу. А что до моего характера, такъ это вы напрасно. Отличный характеръ! пьяница я—это правда... Такая ужъ, значить, моя судьба несчастная... Горе мое пьеть, тоска.

Умудренная опытомъ, что въ этомъ направленіи бесѣда мо-

жетъ тянуться безконечно, я строго объявляю: довольно! Ссорьтесь съ Дашей, сколько угодно, только, чтобы я васъ не слыжала. Сейчасъ выйдетъ Юрій Павловичъ.

— Юрій Павлычъ не выйдуть, — сообщилъ Иванъ и ухмыльнулся...

— Это почему?

— У нихъ ночью былъ припадокъ подагры. До шести часовъ проблажилъ. Приказали себя не беспокоить, и чтобы кліентовъ принимали помощники. Страсть обрадовались. Двое ужъ домой усекавали...

10 октября.

Юрій Павловичъ третій день лежить. У него приступъ подагры, который повторяется раза два-три въ годъ. Это не опасно, но довольно томительно. Лиля въ манежѣ. Она очень увлекается велосипедомъ и находитъ, что это самое дѣйствительное убѣжище отъ душевныхъ бурь и кислой атмосферы въ домѣ. Помощники ходятъ на цыпочкахъ (что это за лакеи!). Когда у Юрія Павловича разыгрывается припадокъ, онъ дѣлается неузнаваемъ. Побѣдоносный видъ исчезаетъ, словно его никогда не было. Онъ какъ-то сразу весь опускается и старѣетъ. Капризенъ нестерпимо, сердится на весь міръ, но такъ какъ міръ равнодушенъ къ тому, что у Юрія Павловича подагра, то гнѣвъ его обрушивается на Ивана и на меня. Сегодня швырнулъ на полъ чай: Иванъ забылъ вынуть изъ стакана ложечку, и Юрій Павловичъ обжегъ губы. Боже мой, что было! Иванъ мгновенно испарился, и онъ накинудся на меня. — Зачѣмъ пускаешь во мнѣ этого болвана! Гдѣ Даша? Пусть около меня будетъ хоть одно человѣческое лицо. Не трясй кровать. Неужели нельзя осторожнѣе. Ахъ, пожалуйста, не гляди на меня такой зажаренной мученицей.

Въ эту минуту Иванъ совершенно явственно пробурчалъ за дверь: „Ровно маленькій... не таскался бы по ночамъ и ноги бы не болѣли“.

Я' со страху чуть не упала. Но туча прошла мимо. Юрій Павловичъ вдругъ расхохотался, да такъ весело, что и я невольно засмѣялась.

— Нѣтъ, каковъ нахаль, — проговорилъ онъ ужъ совсѣмъ добродушно и прибавилъ: Не сердись, Лиза. Вѣдь если бы не эти „казусы“, ты бы давно забыла, что мы столько лѣтъ состоимъ въ счастливомъ супружествѣ. Для разнообразія эта илюзія семейной жизни, право, не дурна.

Какъ я устала. Я нисколько не сержусь на Юрія Павловича. Наоборотъ. Мнѣ всегда его жаль и даже какъ будто неловко видѣть его такимъ „развѣнчаннымъ“. Мнѣ вѣжется, его больше всего раздражаетъ въ болѣзни—безобразіе... Какъ хорошо, что „иллюзія семейной жизни“ продолжается у насъ не болѣе двухъ-трехъ дней.

15-е октября.

Вчера у Лили были гости. Надя Кривская прѣла, ея братъ Ниволенька безмолвствовалъ и влюбленными глазами глядѣлъ на Лили. Бѣленькій игралъ на скрипкѣ, Варя Карцева философствовала, Юлія Вальцова извила... Башевичъ, бывший помощникъ Юрія Павловича, тоже былъ. Изысканно одѣтый, розовый, съ облизанной головой и рженическими котлетками на щекахъ, вымытый, выхоленный—онъ весь точно купленъ въ англійскомъ магазинѣ. Все на немъ (и въ немъ) „первый сортъ“. Башевичъ ужъ два года, какъ вышелъ въ присяжные повѣренные, и все еще называетъ Юрія Павловича „дорогой патронъ“ и возитъ намъ съ Лили конфеты, ноты, книги. Юрій Павловичъ говоритъ про него: э тотъ, по крайней мѣрѣ, благодаренъ.

Я стараюсь ступевываться на вечерахъ Лили, чтобы не мѣшать молодежи. Прежде я даже уѣзжала изъ дому, но убѣдившись, что мои старанія излишни, теперь спокойно сижу въ уголку или въ своемъ кабинетѣ, работаю, читаю, пишу. Молодые люди здороваются со мной и затѣмъ какъ бы забываютъ о моемъ существованіи,—такъ они заняты собой. Въ знакомыхъ Лили (она съ особенной гордостью настаиваетъ, что у нея нѣтъ „друзей“) меня всегда поражаетъ одна черта: они рѣшительно ничему не удивляются. Ни трепета, ни восторга, ни робости, ни сомнѣній... Они на все глядятъ съ кривой усмѣшкой. Это у нихъ считается „хорошимъ тономъ“.

Ближе всѣхъ съ Лили Юлія Вальцова, дочь моднаго доктора, стараго пріятеля Юрія Павловича. У Вальцова огромная практика въ свѣтскихъ кругахъ и въ богатомъ купечествѣ. Онъ очень не глупъ, главное, „себѣ на умѣ“. Въ прежніе годы онъ бывалъ у насъ чуть не каждый день, первый сообщалъ мнѣ о всѣхъ „grasques“ Юрія Павловича, но убѣдившись, что это „ни въ чему“, предоставилъ меня собственной судьбѣ. Съ дочерью у него оригинальныя отношенія: они другъ друга „не стѣсняють“. И родители, и дѣти часто говорятъ, будто они уважаютъ взаимную свободу, но у Вальцовыхъ это на самомъ дѣлѣ... Только сдается мнѣ, не отъ избытка нѣжности это у нихъ вышло.

Юліи двадцать семь лѣтъ. Она нехороша собой, знаетъ это и подчеркиваетъ пренебреженіе къ своей наружности. Жидвіе безцвѣтные волосы зачесаны назадъ, отчего большой плоскій лобъ кажется еще больше. На круглыхъ, водянисто голубыхъ глазахъ съ выпяченными, какъ у курицы, зрачками, несуразно торчитъ *pinse-nez*. Одѣвается она неряшливо: шляпа всегда мала и сползаетъ на бекрень, платье не то жметъ, не то виситъ, словно чужое. Юлія прошла всевозможные курсы, читаетъ свободно по-латыни, по-гречески и на четырехъ европейскихъ языкахъ. Но странное дѣло! изъ всѣхъ своихъ книгъ и наукъ она высосала лишь то, что пачкаетъ, унижаетъ человѣка, лишь то, что обнаруживаетъ въ немъ звѣря, жестокаго, развратнаго и лукаваго. Стремленіе къ вѣчному, борьба противъ насилія, любовь къ ближнему, самопожертвованіе, героизмъ, поэзія, величіе генія, божество въ человѣкѣ—все это отъ нея ускользнуло. Есть такія мухи, которыя питаются только гнилью.

Въ кружкѣ Лили Юлія слыветъ *esprit fort*. Другая дѣвица, которую Лили болѣе или менѣе удостоиваетъ своей благосклонностью—Варя Карцева. Варя—полная противоположность Юліи. Высокая, здоровенная, съ неподвижнымъ, красивымъ лицомъ, она добросовѣстно слушаетъ всѣ лекціи, читаетъ всѣ книги, которыя рекомендуютъ профессора, любятъ пьесы съ „направленіемъ“ и ѣздилъ съ матерью въ Байрейтъ. Мать, богатая вдова, ее очень балуетъ и чистосердечно убѣждена, что Варя, если захочетъ, удивитъ міръ. Совсѣмъ не похожи ни на Юлію, ни на Варю и вообще ни на кого изъ кружка Лили—Надя и Николенька Кривскіе. Правда, они особенной породы. Мать ихъ была женщина необычайной красоты и кротости (Николенька ее вылитый портретъ), а отецъ... старшій *enfant terrible*, который нивакъ не хочетъ внять голосу благоразумія. Когда ввели новые суды, онъ весь ушелъ въ „мужицкія дѣла“. За нимъ какъ-то само собой установилась репутація человѣка безпокойнаго. А потомъ, когда жажда благополучія угомонила самыхъ рьяныхъ, одинъ Николай Степановичъ Кривскій не измѣнился и такъ же безопасно проходилъ мимо золотого руна, какъ въ дни молодости. Онъ и теперь такой же. Я его очень люблю. И дѣти у него славныя...

Какъ Бѣленькій играетъ! Скрипка ноетъ и плачетъ въ его рукахъ. А какой онъ смѣшной, этотъ Бѣленькій! крошечнаго росту, худенькій, черномазый... Невѣжественъ баснословно. Онъ какъ-то спрашивалъ Надю Кривскую, что наливаютъ въ электрическія лампочки. Онъ—еврей, недавно крестился, но всѣхъ увѣряетъ, что родители его были крѣпостные каеого-то поль-

скаго магната. Вьера онъ съ паѳосомъ рассказывалъ, что ему во снѣ явился Николай угодникъ и предсказалъ блестящую карьеру.

— Можетъ быть, это былъ не Николай угодникъ, а Моисей Пророкъ,—схехидничалъ Башевичъ.

— Я не имѣю съ нимъ ничего общаго,—важно произнесъ Бѣленькій. Нада захохотала.

— Вы напрасно объ этомъ заявляете, Бѣленькій, въ этомъ и такъ никто не сомнѣвается.

Лили, которая не любитъ въ своемъ „салонѣ“ щекотливыхъ темъ, быстро и рѣшительно перемѣнила разговоръ.

— Какую я вамъ, mesdames et messieurs, исторію расскажу, — начала она, — совсѣмъ анекдотъ! а между тѣмъ, это фактъ. Я только не буду называть именъ.

— Nomina sunt odiosa,—сказалъ Башевичъ.

— Ахъ, до чего вы банальны,—воскликнула Нада.

— Господа, я начинаю,—строго проговорила Лили.—Ну-съ, вамъ, вѣроятно, извѣстно, что я питаю пристрастіе къ разнымъ talents d'agrément. Для выжиганія по дереву мама взяла французенку. Это соединеніе пріятнаго съ полезнымъ: я выжигаю изящныя ширмочки и упражняюсь во французской causegie, т.-е. упражняется она, а я внимаю. Она преинтересная, моя mademoiselle, вездѣ бываетъ, все знаетъ и не дѣлаетъ никакихъ заключеній! И вотъ, она мнѣ рассказала слѣдующее. Въ одной полубогатой семьѣ имѣются хорошенькія дочки. Ихъ много вывозили, и чтобы утвердить свое положеніе въ обществѣ, родители рѣшили дать балъ на славу. Истратили пропасть денегъ pour les закуски, pour le cotillon, разослали приглашенія, барышни трепещутъ отъ блаженства... Вдругъ, паканунѣ бала умираетъ бабушка, которая съ ними жила. Переполохъ! какъ быть! Les закуски se gâteront, да и балъ придется отложить на годъ. Подумали-подумали, да и заперли la grand-mère въ дальнюю комнату. Балъ сошелъ блестяще, всѣ остались очень довольны, et le lendemain on sortit la grand-mère de sa prison и похоронили честь-честью. Каково!

— Мерзость,—сказала Нада.

— Свинство,—произнесъ Николенъка.

— Très fin de siècle,—заявилъ Башевичъ.

— По-моему, они поступили, какъ умные люди, — холодно возразила Юлія. — Скажи они своимъ гостямъ: бабушка намъ надоѣла пуще горькой рѣдки! и умерла-то она словно нарочно, чтобы намъ досадить—такая зловредная старуха... Вѣдь

гости бы возмутились! А такъ, они съ аппетитомъ истребили закуски, поплясали, всѣмъ было весело... И бабушкѣ никакого убытка. Не все ли равно трупъ пролежать нѣсколько часовъ въ запертой комнатѣ или на столѣ...

— Конечно, это предразсудокъ,—промолвила Варя Карцева и нерѣшительно прибавила:—а все-таки...

— Ой, какъ страшно,—вдругъ взвизгнувъ Бѣленькій и закрылъ лицо руками.

Его музыкальные нервы, очевидно, не могли перенести такого диссонанса.

— А я согласенъ съ Юліей Федоровной, — возвѣстилъ Башевичъ,—ничего не нахожу въ этомъ вазусѣ преступнаго.

— Никто и не говоритъ, что это злодѣйство, — начала Лили,—но это неприлично.

— Т.-е. не принято,—пояснила Юлія.

— Въ такомъ случаѣ и сожиганіе труповъ неприлично,—возразилъ Башевичъ, но его перебила Варя Карцева.

— Это совсѣмъ не то,—возразила она голосомъ, не допускающимъ сомнѣній.—Новѣйшія изслѣдованія показали, что сожиганіе труповъ является настоятельной необходимостью. Масса заразныхъ болѣзней происходитъ отъ нашего варварскаго обычая хоронить покойниковъ. Во Флоренціи я видѣла дѣйствіе кремационныхъ печей. Мама не хотѣла меня пускать, но я поставила на своемъ. Это—непріятное зрѣлище, но въ концѣ концовъ гораздо эстетичнѣе собрать прахъ дорогого существа въ красивую урну, чѣмъ зарыть его въ яму.

Надя отрицательно повачала русой головкой и мечтательно продекламировала:

— „И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ-бъ все-жъ хотѣлось почивать“...

— И превосходно, — отозвалась Юлія.—Всыпали „безчувственное тѣло“ въ японскую вазу да и поставили на письменный столъ. Чего же ближе! Ежеминутно любуйся и точи слезы. Всѣ разсмѣялись, кромѣ Бѣленькаго.

— Нѣтъ,—воскликнулъ онъ въ отчаяніи,—я не могу слышать такіе разговоры, я всю ночь спать не буду, прощайте, я уйду.

— Въ самомъ дѣлѣ, господа, перестаньте,—сказала Лили, бѣдный Бѣленькій весь дрожитъ.—Успокойтесь, Бѣленькій, вотъ вамъ яблочко, скушайте и сыграйте что-нибудь.

Надя съѣла за рояль аккомпанировать и Бѣленькій съ такимъ увлеченіемъ заигралъ испанскіе танцы Сарасате, точно хотѣлъ убѣжать отъ всѣхъ страшныхъ разговоровъ на свѣтѣ. Послѣ музыки, бесѣда перешла на литературно-театральную почву. Варя Карцева вспоминала, какъ она въ Байрейтѣ восторгалась „Кольцомъ Нибелунговъ“, въ Вѣнѣ смотрѣла „Трагедію“, въ Парижѣ „Привидѣнія“, а въ Берлинѣ картины Бѣклина. Башевичъ находилъ, что русскіе художники и писатели „творятъ“ какъ бы въ состояніи гипноза, т.-е. хочется иной разъ ихъ вытянуть нагайкой. Юлія весьма одобрила эту мысль. Потомъ она стала хвалить поэта Adolphe Retté, очень довольная, что никто изъ присутствующихъ о немъ не зналъ, и не то пропѣла, не то провздыхала длинное стихотвореніе, но, замѣтивъ, что никто ничего не понимаетъ, оборвала на полусловѣ и спросила: кто изъ васъ, господа, читалъ „Demi-vierges“? Оказалось, что кромѣ Нади и Бѣленькаго, который вообще по части литературы безгрѣшенъ, читали всѣ. Варя, однако, докторально замѣтила, что считаетъ эту книгу клеветой на женщинъ, и что ея успѣхъ есть лишнее доказательство паденія нравовъ.

— Древніе больше умѣли уважать женщинъ, чѣмъ французы въ концѣ XIX вѣка,—закончила она убѣжденно.

— Ну,—протянула Юлія,—древніе на этотъ счетъ могли за поясъ заткнуть нынѣшнихъ французовъ. Уже они-то знали, чего стоятъ женщины. Я читала въ оригиналѣ Овидія, Тацита и Петронія. Вотъ отдѣлываютъ дамъ! Любо-дорого!..

Варя обидѣлась (она не знаетъ классическихъ языковъ) и сухо промолвила: — Древніе никогда не поощряли безнравственности...

— Если она являлась въ уродливой формѣ, — дополнила Юлія,—но въ прекрасной, сколько угодно. Вспомните-ка Фрину передъ судьями. Объ этомъ даже у Иловайскаго сказано. Да и что такое „нравственность“! Эластическій чулокъ, который можно растянуть на каждую ногу. Дважды-два—четыре, это я понимаю, это—истина. А нравственность, красота, долгъ... сіе есть метафизика.

— Не дѣлай другому того, чего не желаешь себѣ,—взволнованно зазвенѣлъ голосъ Нади:—мнѣ кажется, это такъ же ясно, какъ дважды-два четыре.

— Пай, дѣвочка,—сказала Юлія.—Сейчасъ видно чистоту сердца. Все это очень трогательно, душа моя, только черезчуръ старо.

— Да? а что же вмѣсто этого придумали новаго?—не безъ задора спросила Надя.

— Дѣлай другому все, чего не желаешь себѣ, — отвѣтила Юлія.

Николенька, весь вечеръ молчавшій, вдругъ бухнулъ:—Парадоксъ, Юлія Ѳедоровна, какъ бы онъ ни былъ остроуменъ, все же не истина, а мыльный пузырь.

Лили немедленно призвала его къ порядку.—Нельзя ли не такъ грозно, Николенька. Если свѣтъ у васъ въ карманѣ, не прячьте его, а подѣлитесь великодушно съ нами, блуждающими во тьмѣ.

— Свѣтъ у меня не въ карманѣ, Елена Юрьевна, но обезьянство и кривляніе отъ красоты я отличить умѣю. Стихи Пушкина—это поэзія, а „стрекочуть сороки—сороки стрекочуть“, или тѣ „колоннады звуковъ“, которыя читала Юлія Ѳедоровна, извините меня—вычурная чепуха. Въ Парижѣ ищутъ изощренныхъ, небывалыхъ ощущеній, и мы туда же... *Qu'important les victimes, si le geste est beau.* Будьте искренни! неужели это можетъ нравиться... Или вотъ... (Николенька загнулся) книга эта.. *Demi-vierges.* Я бы ни за что ее не далъ своей сестрѣ.

— Но сами прочли съ удовольствіемъ,—вставила Юлія.

Николенька весь зардѣлся.

— Безъ удовольствія, и при томъ, я другое дѣло,—началъ онъ, но ему не дали продолжать. Всѣ захохотали разомъ. Николеньку называли рутинеромъ, Прюдомомъ и добродѣтельнымъ юношей. Надя попробовала-было заступиться за брата, но перекрестныя насмѣшки Лили, Юліи и Башевича заставили ее умолкнуть.

У меня отъ шума разболѣлась голова. Я распорядилась ужинномъ и потихоньку ушла къ себѣ. Я часто думаю, доставляютъ ли эти „réunions“ Лили хоть какое-нибудь удовлетвореніе. Иногда я спрашиваю ее объ этомъ, но не могу добиться ничего, кромѣ лѣнливо-протягиваемыхъ фразъ въ родѣ: мои знакомые очень добры и забавны... я не требовательна, и т. д.

15 октября.

Утромъ два часа просидѣли у Louise. Лили примѣряла платье для базара въ пользу голодающихъ (она будетъ продавать цвѣты). Туалетъ она выбрала скромный, приличный случаю. Бѣлое платье, *fichu Marie Antoinette*, бѣлая шляпа, бѣлая накидка, словомъ, „бѣлая симфонія“ по стилю нашихъ доморощенныхъ символистовъ.

До чего хороша Лили! Я ни у кого не видала такой матовой кожи, таких золотистых волос и особенно таких глаз! Огромные, из синя-зеленые, манящие, они, когда она спойна, точно дремлют под черной тенью бровей и ресниц. Не только я, Louise на нее заглядывалась.

— *Quelle taille, quelles épaules,* — воскликнула она, — накалы-вая булавами кружево на открытый корсаж. *En fera-t-elle des malheureux, cette enfant!*..— Лили тихо посмивалась, тѣниво приподнимала свои ослѣпительныя, мраморныя руки, вытягивала стройныя ноги, перегибалась, чтобы видѣть, хорошо ли ложится юбка... Сколько обаянія и силы въ такомъ цвѣтущемъ женскомъ тѣлѣ. Даже страшно...

Во время примѣреи Louise, по обыкновенію, безъ умолку болтала. Между прочимъ, она рассказала любопытную исторію про одну свою заказчицу, которая ей нѣсколько лѣтъ не платила, такъ что она уже судиться съ ней собиралась. И вдругъ, она сразу заплатила все и даже купила модель отъ Doucet. Угадайте почему?—спросила съ хитрой улыбкой Louise—Никогда не угадаете. *Je vous le donne en sept.*

— Она получила наслѣдство, — сказала я.

Француженка замотала головой.

— *Nenni!*.. Они совсѣмъ разорились, погибали. *Par bonheur, monsieur* втерся въ какой-то благотворительный комитетъ *et voilà.* Тамъ столько денегъ, *que ça colle aux pattes.*—Я невольно вздохнула. Лили засмивалась и говоритъ Louise:—Не рассказывайте такихъ вещей мамѣ, это ее огорчаетъ.

Француженка передернула плечами.

— *Que voulez-vous, madame, c'est la vie.*

18 октября.

Что за ужасная погода. Сумерки начинаются съ утра. Мороситъ дождь, вѣтеръ, холодъ, слякоть... Мнѣ нездоровится. Тупая боль въ боку сверлитъ безостановочно день и ночь и въ довершеніе удовольствія—мигрень.

24 октября, 1 ч. ночи.

Произошло что-то невѣроятное по безобразію и ординарности. Я подслушала... да, да, подслушала разговоръ Лили съ Юліей. У меня была мучительная мигрень, и я прилегла на кушетку въ маленькой уборной, рядомъ съ будуаромъ Лили. (Даже дверь была не заперта, а только прикрыта). Въ уборной темная стора, и когда у меня мигрень, я всегда укрываюсь въ этотъ уголокъ. Сначала я и не думала ихъ слушать и даже вздрем-

нула. Вдругъ Лили заговорила такимъ усталымъ грустнымъ голосомъ, какого я у ней не подозрѣвала. Съ меня мигомъ соскочилъ сонъ, и я стала слушать, слушать самымъ постыднымъ образомъ.

— Все это не разрѣшаетъ мучительнаго вопроса,—медленно произнесла Лили.—Одинъ ложный шагъ—и вся жизнь испорчена.

— Нужно ясно знать, чего желаешь,—сказала Юлія.

— А вы это знаете, Julie?

— Я ничего не желаю,—возразила Julie.—Я довольна. Я встаю въ два часа дня, ѣмъ и пью только сладкое, читаю книги, о существованіи которыхъ не только дамы наши, но и „подающіе надежды“ молодые ученые не догадываются. Я презираю ходячую мораль, но никогда противъ нея не ополчаюсь, прибываюсь идиоткой, чтобы дурачить умныхъ людей... Я равнодушна къ народу, къ попечительствамъ, къ толстовщинѣ, ко всякой филантропіи, хотя говорить объ этомъ могу сколько угодно и молчать могу двѣсти часовъ подъ рядъ. Я никого и ничего не боюсь,—я внутренно свободна. Хочу—читаю Штрауса (онъ гораздо смѣлѣе Ренана), потомъ возьму да и побѣгу къ Иверской. Я старая дѣва, уродливая и, вмѣсто того, чтобы приходить въ отчаяніе, рѣшила, чтобы мнѣ служилъ весь міръ. И онъ отлично мнѣ служить (Юлія весело захохотала). Писатели всѣхъ временъ писали для меня книги, художники—картины, поэты—стихи... Цари забавляли меня войнами, знакомые каждый день потѣшаютъ меня своей глупостью, своими романами и сплетнями... Несмотря на мое безобразіе, мнѣ нѣсколько разъ предлагали „руку и сердце“, *mais pas si bête*. Если я пожелаю обниматься и цѣловаться, то съумѣю устроить это проще. Но пока мнѣ не хочется. Мужчины мнѣ внушаютъ отвращеніе. Разговаривать съ ними иногда пріятно, особенно съ первокурсниками—совсѣмъ воробьи. А люблю я—только васъ, Лили! Вы—моя гордость, моя радость. Я могу по цѣлымъ часамъ на васъ любоваться. Вы красавица, Лили, настоящая, рѣдкая красавица, а красота—сила. Вы можете все себѣ покорить, только не бойтесь. Вы должны царить и будете, только, повторяю, не бойтесь...

Тутъ она стала быстро и часто цѣловать Лили. Лили шумно отодвинулась, что-то упало на полъ—вѣроятно книга.

— Перестаньте, — прикрикнула Лили, — какая у васъ неслучайная манера лизаться. А еще смѣтаетесь надъ сентиментальностью старыхъ дѣвъ...

— Такъ вѣдь это я одну васъ, Лили, въ васъ я влюблена, — оправдывалась Юлія.

Лили капризно топнула ногой.

— Какой вы вздор несете. Надо говорить серьезно, а вы все съ глупостями.

— Не сердитесь, Лили. Не запрещайте мнѣ дурачиться. Это нисколько не мѣшает моей серьезности... Ну, на чемъ мы съ вами остановились...—Лили помолчала немного и потомъ тихо промолвила: — Будьте откровенны, Julie. Чтѣ мнѣ по-вашему дѣлать?

— Выходить замужъ,—отвѣтила Юлія.

— Ахъ, это я и сама знаю... да за кого?

— За несмѣтнаго богача, ибо, чтѣ бы ни говорили добродѣтельные люди, деньги были, есть и будутъ все.

— Гдѣ же я найду такого набоба,—воскликнула Лили.— Всѣ богатые купцы переженились. Да я и не нравлюсь купцамъ. Дроздовъ мнѣ предпочелъ свою жену—обыкновенную смазливую дѣвчонку.

— Что Дроздовъ,—возразила Юлія,—мелкая сошка! Я знаю, за кого вамъ надо выходить.

— Ну?

— Боюсь, вы разсердитесь...

— Да говорите же...

— За князя Двинскаго.

Лили вскочила и стала бѣгать по комнатѣ. (Я едва удержалась, чтобы не вскрикнуть).

— Julie, да вѣдь онъ идиотъ, клиническій идиотъ, больной, противный...

— Тѣмъ лучше,—спокойно замѣтила Юлія.

— Вы рехнулись, Julie... или вы не видали князя.

— Извините, онъ вчера у насъ завтракалъ. Онъ лечится у моего фатера. Поймите, Лили, у этого идиота—милліонъ годового дохода, громкое имя... Все это будетъ ваше, а вмѣсто мужа—маневень, который никогда и ни въ чемъ васъ не станетъ беспокоить... За это я вамъ отвѣчаю.

Въ комнатѣ наступило продолжительное молчаніе. Наконецъ Лили проговорила: — Это невозможно. Вы не знаете маму. Она способна сойти съ ума. (О, какъ радостно забилося мое сердце... Значить, она все-таки меня любитъ).

— Конечно, если вы будете спрашивать позволенія у вашей мамы, — насмѣшливо сказала Юлія, — вамъ придется выйти за сельскаго учителя или за земскаго врача. Лизавета Константиновна—прекрасная женщина, но она отравлена ядомъ російской

гражданской скорби. Сколько это ей дало счастья—вамъ лучше знать...

— И потомъ, гдѣ же я могу встрѣчаться съ княземъ,—задумчиво произнесла Лили.—Онъ былъ какъ-то у папы по дѣлу.. Онъ совсѣмъ не нашего круга...

— Это ужъ моя забота, — перебила Юлія. — Я съ нимъ сдружусь и влюблю его въ васъ. Вы только разрѣшите мнѣ дѣйствовать, а ужъ какъ мы съ вами заживемъ, моя королева!

— Нѣтъ, нѣтъ,—закричала Лили, — и думать не смѣйте...

Больше я не стала слушать и тихонько, какъ воровка, выскользнула изъ уборной. Вотъ она какая, эта Юлія! не даромъ она мнѣ всегда была антипатична... Чтò дѣлать... Голова идетъ кругомъ. Надо все связать Юрію Павловичу.

27 октября.

Говорила съ Юріемъ Павловичемъ. И зачѣмъ я только говорила... Точно я его не знаю...—Вотъ какъ, ты ужъ у дверей стала подслушивать, — воскликнулъ онъ, разсмѣявшись. — Это хорошо. Ты подаешь надежду на исправленіе. Не приходи только до крайности, а то жена Сомова пробуравила дырочку въ его кабинетѣ, чтобы наблюдать, какъ онъ принимаетъ кліентовъ.

Я хотѣла ему сказать, что мнѣ до такой степени все равно, чтò бы онъ ни дѣлалъ,—но сообразивъ, что изъ этого можетъ выйти совершенно лишній обмѣнъ мыслей, попросила его отвѣчать мнѣ серьезно.

— Да дѣло-то несерьезное,—сказалъ онъ.—Дѣвчонки болтаютъ между собой вздоръ, а у тебя ужъ драма готова. Однако эта уродина Юлія оригинальна. Я считалъ ее идиоткой, а выходитъ даже совсѣмъ напротивъ—россійская декадентка. Надо будетъ въ ней присмотрѣться. Рѣшительно нѣтъ ни одной неинтересной женщины. Это безконечная гамма...

Я прервала монологъ, который слышала сотни разъ:—А если она вашу дочь сдѣлаетъ такой же декаденткой, вы будете довольны?

Онъ насутился.—Ахъ, оставь, пожалуйста. Лили слишкомъ умна, и я за нее не боюсь.

— Завидую вашему спокойствію,—сказала я. Онъ покраснѣлъ.

— Нельзя ли безъ такого величія, Лиза. Оно тебѣ вовсе не идетъ. И что это у тебя за привычка, когда ты чѣмъ-нибудь недовольна, говорить мнѣ „вы“. Кажется, умная женщина, а не понимаешь, что въ извѣстные годы—такія институтскія манеры смѣшны. Это не значить, что я тебя считаю старухой, —

прибавилъ онъ галантно, — ты удивительно бываешь иногда мила. И отчего ты такъ холодна... Ну, ко мнѣ—это понятно. Я не распыняюсь за эпоху великихъ реформъ, и судьба женскихъ медицинскихъ курсовъ меня тоже не очень беспокоитъ. Но Кривскій! Онъ за все скорбитъ. И судъ присяжныхъ, и земство, и школы, и цензура, и Некрасова читаетъ со слезой и влюбленъ въ тебя...

— Прощай, мнѣ некогда.

— Куда ты? посиди. Я тебѣ покажу письмо одной знакомой тебѣ, Nitouche...

— Не интересуюсь.

— Ахъ, какой у тебя несносный характеръ, Лиза. Портишь жизнь себѣ и другимъ. Ну, Богъ съ тобой, иди... А за Лили не тревожься. Она себя въ обиду не дастъ.

1 ноября.

Темно, холодно, сыро. Боль въ лѣвомъ боку такъ усилилась, что не могу ни читать, ни писать... Какъ невыносимо ползеть время...

10 ноября.

Видѣла во снѣ, что я очутилась на отлогой, скользкой крышѣ, покрытой тающимъ снѣгомъ. Кругомъ — пустота, возможности удержаться или уцѣпиться за что-нибудь—ни малѣйшей. Тогда я напрягла всѣ усилія, чтобы доползти до длиннаго конца крыши, чтобы *прожить* еще нѣсколько мгновений; доползла и полетѣла въ пространство. Я проснулась вся холодная и очень обрадовалась, что жива.

12 ноября.

Юрій Павловичъ отдѣлываетъ заново домъ. Кабинетъ у него теперь невиданный. Огромная, высокая комната съ гигантскими окнами въ садъ. Чудная библіотека. Подавляющій величіемъ письменный столъ, строгая мебель, картины, статуи, гравюры, испещренные автографами портреты... Простой смертный, попавъ въ этотъ „храмъ“, долженъ сразу ощутить все свое ничтожество. Комнаты Лили тоже очень изящны—онѣ почти готовы. Я просила не трогать мои кельи. Юрій Павловичъ не протестовалъ.

20 ноября.

На той недѣлѣ совсѣмъ поздно, чуть не въ десять вечера, пришелъ Кривскій, Николай Степанычъ. Лили съ Юріемъ Павловичемъ были въ театрѣ—на Мазини, а я сидѣла и, пользуясь свободой, по обыкновенію писала.

Кривскій послѣдніе годы почти не бываетъ у насъ, и я

очень удивилась и обрадовалась, увидавъ его. Онъ пришелъ сообщить мнѣ, что Николенька получилъ золотую медаль за сочиненіе и оставленъ при университетѣ. Я его поздравила, велѣла подать вина и, ради счастливаго событія, разрѣшила ему курить въ моемъ кабинетѣ. Мы долго болтали о всякой всячинѣ, вспоминали молодость. Ахъ, эти воспоминанія! Какъ они съѣдаютъ жизнь... Шута я ему сказала: — А вѣдь Николенькина медаль значить, что мы съ вами скоро „дѣдушки“, милый другъ.

— Онъ отрицательно покачалъ головой.—Я пока гарантированъ. Надя не во вкусъ нынѣшнихъ „лихачей“, а Николенька влюбленъ въ Лили, которая за него не пойдетъ. Вѣдь не пойдетъ?—спросилъ онъ и пытливо заглянулъ мнѣ въ глаза.

— Не знаю, Николай Степанычъ.

— Ну и слава богамъ,—промолвилъ онъ.

— Очень мило и любезно. Merci.

Онъ засмѣялся.

— Напрасно вы обижаетесь, Лизавета Константиновна. Вѣдь вы знаете мое мнѣніе на сей предметъ. Жениться на красавицѣ—несчастье. Красавицъ на свѣтѣ мало, и на нихъ слишкомъ большой спросъ, а гдѣ большой спросъ, тамъ и драка. Не могу же я собственному сыну желать, чтобы онъ проводилъ дни въ военныхъ дѣйствіяхъ.

— Ну, ладно. Не хотите со мной родниться—и не надо. Но, по крайней мѣрѣ, расскажите мнѣ что-нибудь хорошее, а то я совѣмъ захирѣла.

— Что такъ, голубушка? Нервы? Или Юрій Павловичъ чудить? Признавайтесь-ка старому другу.

Я промолчала. Онъ понялъ, что я не хочу „признаваться“ и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ:—Такъ вы требуете „новаго и хорошаго“. Но... *das Neue ist nicht gut und das Gute ist nicht neu*, говорятъ нѣмцы. Кромѣ „Папавы“ и юбилеевъ ничего, кажется, нѣтъ. За то юбилеевъ, сколько угодно. И всѣ юбиляры, конечно, спасители отечества и носители завѣтовъ, а посему да будетъ имъ триумфъ. Я очень люблю торжественныя чествованія (чуть не сказалъ: проводы). Слушаешь, слушаешь, да и замечтаешься: эхъ, кабы намъ позволили, какіе бы мы были орлы...

— И отчего вездѣ такъ пасмурно, Николай Степанычъ?

— Не вездѣ, голубушка, а лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ люди паче всего жаждутъ добычи. Схватилъ кусъ и превосходно. У насъ къ тому же и полоса неурожайная выдалась. Если благородный мученикъ, то непременно посредственность, неудач-

никъ, лежебока или нытикъ. А сила человѣка не въ необъятности его мечтаній и неизмѣримости вожделѣній, а въ дѣятельности. Когда же вмѣсто дѣятелей дѣльцы, только и остается, что ликовать на юбилеяхъ. И отчего Юрій Павловичъ не повесть васъ на какое-нибудь чествованіе. Все-таки—развлеченіе.

Я даже рукой махнула.—Полноте! что мнѣ тамъ дѣлать? Я было-хотѣла филантропіей заняться, и то у меня ничего не вышло. Основалось тутъ „Общество Предпраздничной Помощи“. Назначили и меня объѣзжать бѣдныхъ. И до того мнѣ стыдно стало выпытывать, что имъ нужно, что не нужно... Такъ и бросила. Никуда я не гожусь...

Кривскій засмѣялся.—Что вы меня не позвали? Я бы съ такимъ удовольствіемъ посмотрѣлъ на васъ при „исполненіи обязанностей“. Воображаю, какъ вы были жалки.

— Зато вы черезчуръ откровенны. Вотъ ужъ васъ никакъ нельзя упрекнуть въ излишней любезности.

— Я не умѣю быть любезнымъ,—возразилъ онъ,—а мою нѣжность вы такъ давно и такъ безпощадно отвергли. Можетъ, вы стали добрей? Скажите... ибо, „все тотъ же я“?

— Николай Степанычъ, вы только-что спрашивали—пойдетъ ли моя дочь за вашего сына.

— Ну, ну, будь по-вашему,—согласился онъ.—А филантропка вы все-таки смѣшная, и это не только не дерзость, а комплиментъ въ моихъ устахъ. Что такое, эта пресловутая частная благотворительность? Утонченное лицемѣріе и жестокая насмѣшка! Бѣднякамъ, видите ли, надо доставлять „необходимое“. Но вѣдь самое-то необходимое и бываетъ иной разъ для человѣка то, что благотворитель считаетъ „излишествомъ“. Богатый купецъ строить больницу для людей, которые потеряли здоровье, работая на него съ утра до ночи и съ ночи до утра. Ясли, пріюты... Воля ваша, а мнѣ претитъ это искусственное разведеніе рабочаго скота.

Кривскій вошелъ во вкусъ и вѣроятно долго бы еще громилъ ненавистныхъ филантроповъ, но вдругъ раздался таковой нетерпѣливый звонокъ, что онъ вздрогнулъ и уморительно прошепталъ:

— Ой, батюшки, страшно!

Послышались быстрые шаги Лили и увѣренная поступь Юрія Павловича. Дверь распахнулась и Лили, возбужденная, вся розовая, остановилась на порогѣ, прекрасная, какъ видѣние.

— Какъ это пріятно,—началъ Юрій Павловичъ, здороваясь

съ Кривскимъ,—мы слушали Мазини и внутренно терзались, что она тутъ одна...

— А оказывается даже совсѣмъ напротивъ, — подхватилъ Кривскій, и прибавилъ:—Помолчи минуту и дай мнѣ полюбоваться на Лили. И родятся же такія красавицы на пагубу бѣднымъ людямъ. Какъ хотите, Лили, а я долженъ васъ поцѣловать.

Лили улыбнулась, подошла къ Николаю Степанычу, обняла его за шею и протянула ему одну за другою свои щеки. (Какъ она можетъ быть обворожительна, когда захочетъ). Кривскій вѣжно поцѣловалъ ее и погладилъ по головѣ. — Ты, какъ думаешь,—обратился онъ къ Юрію Павловичу,—вѣдь такимъ, какъ она—все можно.

У Лили вспыхнули глаза, а Юрій Павловичъ съ самодовольной усмѣшкой промолвилъ:—Не кружи дѣвчонкѣ голову, маститый Донъ-Кихотъ, она и то много о себѣ воображаетъ.

Иванъ внесъ самоваръ. Я стала разливать чай.

— Какъ Мазини сегодня пѣлъ, восторгъ! — говорила, прихлебывая чай, Лили.—Его засыпали цвѣтами. А Дроздова была въ бѣломъ бархатномъ платьѣ съ рубинами *et décolletée*. Папа съ нея не сводилъ бинокля. Николай Степановичъ, кто лучше, я или Дроздова?

— Конечно, вы лучше, моя прелесть. Куда же этой волоокой вупчихѣ до васъ. Вы—Лорелея, а она красивая баба.

— Почему же всѣ за ней бѣгаютъ,—возразила Лили, и въ ея голосѣ явственно зазвучали гнѣвные ноты.

— Денегъ у ея мужа много, Лиличка. А ужъ это такой законъ: у кого много денегъ, тому на землѣ оказываютъ божескія почести. Почему всѣ такъ кричатъ о Панамѣ? Потому что ограбили богатыхъ. Бѣдныхъ грабятъ каждый день, но такъ какъ на этомъ зиждется общественное благоустройство, то никто этимъ не возмущается. А попробуй это украсть серебро у Дроздова, мы съ Юріемъ Павловичемъ первые закричимъ: караулъ! Потому нельзя знать... Можетъ быть, и намъ отъ этого крупца перепадетъ...

— Ну, братъ, зарпортовался,—довольно холодно замѣтилъ Юрій Павловичъ и зѣвнулъ. У Кривскаго дрогнули губы.—И то правда,—сказалъ онъ и сталъ прощаться.

29 ноября, 2 час. ночи.

Ужасно устала, но чувствую, что не засну, если хоть капелюку не отведу душу. Какъ я ни отупѣла, но иногда и мнѣ не въ моготу становится, и я готова крикнуть всѣмъ этимъ во-

медіантамъ: опомнитесь... вѣдь стыдно... Я, конечно, не вричу, а скромно разливаю чай, и, какъ настоящій трусъ, изливаю свое негодованіе втихомолку: оно безопасно и безнаказанно. И все-таки я—un cheveu dans le beugte Юрія Павловича. Правда, это небольшое утѣшеніе и совсѣмъ ничтожная побѣда. Сегодня собрались у насъ его прислужники: заплывшій жиромъ Сомовъ, котораго самъ Юрій Павловичъ за глаза никогда иначе не величаетъ, какъ „бестія“, Катулинъ, готовый ежеминутно ринуться, куда укажутъ „столпы“, и Башевичъ. Всѣ были не въ духѣ. Я знала, въ чемъ дѣло. Еще утромъ Юрій Павловичъ бросилъ мнѣ на столъ новую книжку „толстаго“ журнала (съ какой пренебрежительной усмѣшкой онъ произноситъ это слово!), сказавъ: порадуйся, какъ насъ отчиталъ твой другъ Кривскій. Я прочла статью. Въ ней безъ всякихъ личныхъ намековъ и бранныхъ выраженій очень живо и не безъ юмора обрисована коллегія юристовъ „новаго образца“, которая съ легкимъ сердцемъ отрекалась отъ завѣтовъ едва минувшаго прошлаго и откровенно начертала на своемъ знамени: бей лежачаго. Въ концѣ статьи говорится, что торжество этихъ близорукихъ „практиковъ“ кратковременное, что дѣло ихъ все равно проигранное дѣло, ибо нѣтъ такой силы, которая могла бы задержать теченіе жизни, а они слуги застою, т.-е. смерти...

Не успѣлъ Сомовъ со мной поздороваться, какъ сейчасъ же закипѣлъ.

— Каковъ шутъ гороховый Кривскій! И чего ему, сидѣлъ бы тихо. Нѣтъ, надо поломаться. Смотрите, молъ, каковъ я есть, сосудъ цивической доблести... не то, что подлецы Юрка и Сомъ.

— Онъ никого не называетъ,—сказала я.

— Еще бы онъ назвалъ,—ядовито вставилъ Башевичъ.

— Трусъ, оттого и не называетъ,—заявилъ Катулинъ.—А впрочемъ, я не читалъ его филиппики, только слышалъ. Нѣтъ ли у васъ, Лизавета Константиновна, этого дурацкаго журнала?

Я принесла книгу и по общей просьбѣ прочла вслухъ статью. Я читала съ большимъ одушевленіемъ. Я чувствовала, какъ они злятся и, что грѣха таить, это доставляло мнѣ, не скажу—удовольствіе, но нѣкоторое удовлетвореніе.

Одну минуту я подумала: а что, если бы теперь вошелъ Кривскій? И мнѣ представилась картина, какъ Сомовъ и Катулинъ бросаются съ поднятыми булаками на милаго Николая Степаныча.

Когда я кончила, лица гостей были красны и какъ-то растеряны. Юрій Павловичъ метнулъ на меня злобный взглядъ, взялъ изъ моихъ рукъ книгу.

— Что значить декламація,—произнесъ онъ насмѣшливо.— Чтеніе Лизы мнѣ напомнило извѣстную пародію на паэосъ нѣмецкихъ пасторовъ. Шутникъ, то повышая, то понижая голосъ до трагическаго шопота читаетъ нѣмецкую азбуку. Выходитъ какъ будто проповѣдь, а на самомъ дѣлѣ а-в-с... Разрѣшите мнѣ, почтенные коллеги, прочесть вамъ эту шумиху попроще.

И Юрій Павловичъ, развалившись въ креслѣ, сталъ читать... съ комментаріями, съ прибавленіями смѣшныхъ словечекъ, съ уморительными интонаціями и жестами. Хорошія, честныя слова зазвучали пошло, глупо, дѣтски напыщенно... Коллеги покатывались, слушая Юрія Павловича. Я отлично понимала, какое это съ его стороны недостойное гаерство, но не могу не признать, что такое умѣнье—своего рода *tour de force*. Когда хохотъ затихъ, Катудинъ, самый рьяный изъ приверженцевъ Юрія Павловича, замѣтилъ:

— А отвѣтить что-нибудь этому Цицерону обязательно.

— Полноте,—возразилъ Юрій Павловичъ,—это значило бы играть въ руку врагамъ. Вся наша сила въ томъ, что мы ни на что не отвѣчаемъ. Мы стоимъ на твердой почвѣ національныхъ интересовъ, національныхъ вѣрованій, непоколебимыхъ традицій—и всякую трату времени на препирательства съ нашими семинарскими либрпансѣрами я считаю вредной. Наша задача слишкомъ высокая... и т. д.

Коллеги окончателно возликовали и наперерывъ другъ передъ другомъ стали излагать свои чаянія и надежды. Я въ миллионный разъ слушала истины о томъ, что пора отрѣшиться отъ рабскаго страха передъ чужимъ мнѣніемъ. Свобода совѣсти!—иронически воскликнулъ Сомовъ,—вѣротерпимость! нашли чѣмъ пугать... Мы, слава Богу, не гимназисты.

Юрій Павловичъ поморщился.—Въ этомъ я не совѣмъ съ вами согласенъ, Сомовъ,—заговорилъ онъ на самыхъ бархатныхъ нотахъ.—Но противники наши ошибаются, обвиняя насъ въ неуваженіи къ такимъ элементарно-культурнымъ принципамъ, какъ свобода совѣсти. Мы ничѣй совѣсти не насилуемъ, но не желаемъ, чтобы насилывали и нашу совѣсть. Мы никого ни къ чему не принуждаемъ, но смѣю думать, что и мы свободны не допускать въ наше святая-святыхъ чуждый, враждебный, разрушительный элементъ.

Я не могу передать восторга, который обуялъ единомышленниковъ и друзей Юрія Павловича. Катудинъ бросился его цѣловать. Жирный Сомовъ съ умиленіемъ лепеталъ:

— Золотыя слова, золотыя уста...—Башевичъ благоговѣнно

взиралъ то на патрона, то на меня, и вздыхалъ, думая, вѣроятно, что такимъ образомъ онъ угождаетъ обоимъ.

За ужиномъ Сомовъ называлъ Юрія Павловича апостоломъ, подвижникомъ и государственнымъ человѣкомъ, а меня старался увѣрить, что онъ только кажется грубымъ матеріалистомъ, а въ дѣйствительности чистокровный эстетикъ, что онъ плачетъ, слушая Шопена (это правда), и готовъ часы простаивать на колѣняхъ передъ „тоненькой дѣвочкой съ нѣжной шейкой и такими худенькими, трогательными плечиками“. Сомовъ бы еще долго изливался на эту тему, но его прервалъ Катулинъ. Онъ вдругъ ударилъ по столу и грянулъ:—А мой совѣтъ—турнуть Николку изъ сословія... паршивая овца... по-моему, кто не за насъ, того въ шею... а всѣ эти священные завѣты—одна ерунда.

Это было ужъ слишкомъ. Сомовъ расхохотался, Башевичъ испустилъ осторожное „хе-хе“, а Юрій Павловичъ рѣзко замѣтилъ:—Ты пьянъ, Катулинъ, но все же надо знать мѣру. Это неприлично.

Катулинъ струсиль.—Ну, на счетъ завѣтовъ, это я, кажется, въ самомъ дѣлѣ того, махнулъ немножко. Что-жъ! я не упрямъ и беру свои слова назадъ. Это и въ парламентахъ случается.

Когда компанія разошлась, я не вытерпѣла и, посмотрѣвъ прямо въ глаза Юрію Павловичу, спросила:—Скажи мнѣ, зачѣмъ тебѣ это нужно?

— То-есть, что собственно,—началь онъ, будто не понимая.

— Ты отлично знаешь, что. Къ чему ты притворяешься со мной... Меня вѣдь ты не обманешь. Я бы желала знать, какая у тебя цѣль... Вѣдь тебѣ даже невыгодно продавать свою душу. Сколько бы ты ни старался, тамъ на тебя всегда будутъ смотрѣть, какъ на подозрительнаго перебѣжчика.

— Нельзя ли безъ такихъ изреченій,—остановилъ онъ меня.—Даже странно! ты, такая со всѣми учтивая, со мной груба... Да никакъ ты плачешь! Лиза, перестань... что за сцены! Право это смѣшно.

Я дѣйствительно плакала (плачу и теперь). Я прекрасно сознавала, что предо мной—чужой человѣкъ, что моя настойчивость наирна, и все-таки-взяла его за руку и какъ глупенькая институтка твердила:

— Юрій, скажи мнѣ, зачѣмъ тебѣ это...

Онъ пожалъ плечами.

— Ты все равно не поймешь меня, Лиза. Можетъ быть, я мечтаю о карьерѣ... *homme d'état*. Если бы ты любила меня по настоящему, ты бы вѣрила, что я не вульгарный честолюбецъ.

А пока что, иди спать и не мучь ты свою бѣдную голову, моя неисправимая фантазерка.—Онъ погладилъ мои волосы и хотѣлъ обнять, но я отстранилась. Онъ засмѣялся, сказалъ: какъ хочешь, покойной ночи, и громко зѣвая ушелъ къ себѣ...

О, какъ мнѣ стыдно... И съ чего я къ нему пристала! Точно я не знаю давнымъ-давно, что мы можемъ разговаривать лишь о деньгахъ, прислугѣ, выѣздахъ, платьяхъ и сплетняхъ.

10 декабря.

Пролежала недѣлю. Теперь ужъ нѣтъ сомнѣнiя; у меня опухоль въ боку, и ее нужно вырѣзать. Нашъ домашнiй докторъ настаиваетъ на поѣздѣ за границу. Но объ этомъ пока и думать нечего, зимой столько дѣла по дому... Можетъ быть, къ веснѣ...

Лили меня изводитъ. Прежде она хоть капризничала, придиралась, а теперь она напустила на себя холодное, величественное презрѣнiе, словно ее ни въстъ какъ оскорбили. И всѣ эти мины только со мной. Съ отцомъ она очень мила... По цѣлымъ днямъ пропадаетъ у Юли... Та сдержала обѣщанiе и познакомила ее съ княземъ Двинскимъ. Я тоже съ нимъ познакомилась. Онъ былъ два раза у Юрiя Павловича; второй разъ онъ остался завтракать. Юлиа тоже явилась, и не будь князь такой жалкiй, я бы подумала, что они сговорились. А онъ въ самомъ дѣлѣ жалкiй. Это совершенно высохшiй, маленькiй человекъ, неопредѣленныхъ лѣтъ, между сорока и шестидесятью, съ желтымъ, длиннымъ, безволосымъ лицомъ и мутнымъ взоромъ. Онъ очень молчаливъ, скромно одѣтъ, у него прекрасныя манеры, но онъ какъ-то совсѣмъ непохожъ на живого человека. Это усовершенствованный автоматъ изъ *parieg maché*. Когда къ нему обращаются съ вопросомъ, онъ отвѣчаетъ не сейчасъ, а сначала весь насторожится и послѣ нѣкотораго колебанiя промолвить „благодарствуйте“... Это слово онъ употребляетъ особенно часто, точно оно ему легче дается. Лили его прямо гипнотизируетъ, онъ не спускаетъ съ нея глазъ. За завтракомъ она ему сказала:—Мнѣ говорила Julie, что у васъ, князь, замѣчательная коллекцiя старыхъ итальянскихъ картинъ.

Онъ испуганно взглянулъ на нее, потомъ на Юлию, изогнулъ шею и, выпятивъ нижнюю губу, запинаясь, пробормоталъ:—Да, большая галерея... если угодно посѣтить...

— Мнѣ очень хочется, но это зависитъ отъ мамы,—ласково отвѣтила Лили.

Князь окончательно смутился. Съ видимымъ усиленiемъ онъ

отвелъ свой взоръ отъ Лили и съ такой безпомощной улыбкой обратился въ мою сторону, что я поспѣшила его успокоить:— Непремѣнно, князь, мы воспользуемся вашей любезностью. Тогда онъ три раза, не останавливаясь, повторилъ: благодарствуйте, благодарствуйте, благодарствуйте. На меня визитъ Двинскаго произвелъ какое-то двойственное впечатлѣніе. Мнѣ очень жаль этого несчастнаго, котораго судьба, какъ злая волшебница въ сказкѣ, одной рукой осыпала всѣми дарами земными, а другой отняла даже то, что доступно самому горемычному бѣдняку. И вмѣстѣ съ тѣмъ, у меня точно гора съ плечъ свалилась. Какъ женихъ, какъ мужъ, онъ до такой степени невыносимъ, что не только Лили,—ни одна горничная за него не пойдетъ.

Когда князь уѣхалъ, Лили сказала намъ, смѣясь:—Кавовъ! Юліе увѣряетъ, будто онъ въ меня влюбленъ.

— Во всякомъ случаѣ, совѣтую тебѣ не хвастаться этой побѣдой,—сухо возразилъ Юрій Павловичъ,—тебя всѣ засмѣютъ.

— Право, князь не такъ глупъ, какъ кажется,—начала Юлія.

Я ей на это замѣтила, что его никто и не считаетъ глупымъ, а только душевно-больнымъ.

— Вы ошибаетесь, Лизавета Константиновна,—мягкимъ тономъ опять начала Юлія.—Мой отецъ лечитъ князя и говоритъ, что у него наследственный недостатокъ рѣчи, но умственно онъ совершенно здоровъ, и во многихъ отношеніяхъ князь необыкновенный человекъ. Напримѣръ, его благотворительность. На его средства существуютъ цѣлыя учрежденія...

— Совершенно вѣрно,—сказала я,—но князь въ этомъ не повиненъ, все это дѣлаетъ его сестра, баронесса Дамбахъ.

— Увѣряю васъ,—возразила Юлія, но тутъ въ нашъ диспутъ вмѣшался Юрій Павловичъ.

— Ахъ, Юлія Федоровна,—воскликнулъ онъ,—какая мнѣ идея пришла въ голову! Отчего бы вамъ не прибрать къ рукамъ князя. Выходите за него замужъ. Это будетъ чрезвычайно оригинально.

Юлія усмѣхнулась.

— Я бы, можетъ быть, вышла за васъ, Юрій Павловичъ,—отчеканила она,—и то только можетъ быть, а не навѣрное.

Несмотря на весь свой апломбъ, мой неотразимый супругъ смутился.

— Ахъ, вы бѣдовая дѣвица,—заговорилъ онъ игриво, но Юлія такъ упорно посмотрѣла на него своими прищуренными куриными глазами, что онъ покраснѣлъ и затихъ. Въ эту ми-

нугу, словно на выручку, подоспѣла краснощекая Варя Карцева. Она влетѣла въ комнату, какъ буря, и съ громкимъ смѣхомъ принялась рассказывать, какъ они только-что устроили овацію профессору, какъ струсила инспектриса, какъ хороша была Дузэ въ „Норѣ“, и настойчиво стала звать Лили къ себѣ, чтобы прочесть ей свой рефератъ о Бьернсонѣ. Лили такъ же настойчиво отказалась. Варя обидѣлась, замѣтила Лили, что она эгоистка, но, какъ свѣтская особа, посидѣла еще немного, поболтала съ нами, сообщила, что ее обманули въ антикварномъ магазинѣ: вмѣсто гобелена продали старую, изъѣденную молью тряпку; потомъ вспомнила, что у ней куча дѣлъ и, не переставая хохотать, распрощалась со всѣми и исчезла.

— Отличная барышня, — похвалилъ Юрій Павловичъ Варю, какъ только за ней закрылась дверь... — Вы о ней какого мнѣнія, Юлія Ѳедоровна?

— Никакого, — отрѣзала Юлія.

— За что такъ сурово, — сказалъ Юрій Павловичъ: — Варенька дѣвица замѣтная. — Только зачѣмъ она такъ оглушительно смѣется? Впрочемъ, — прибавилъ онъ, — смѣяться и плакать умѣютъ лишь немногіе изъ васъ, mesdames, а между тѣмъ, это чуть ли не главная ваша прелесть. Странно, что матери не обращаютъ вниманія на этотъ пунктъ воспитанія. Когда слезы катятся, словно перлы по щекамъ и ихъ тихо или порывисто, смотря по темпераменту, утираютъ батистовымъ платкомъ — это изящно. Но визгъ, всхлипыванье, красный носъ, моментально превращаютъ самую хорошенькую женщину въ бабу. Вѣдь учатъ же актрисъ... почему не дисциплинировать своихъ дочерей.

— Помилуйте, — возразила Юлія, — какъ можно стѣснять „святыя слезы“. Икать и чихать неприлично, но реветъ, какъ корова, сколько угодно.

— О, да вы совсѣмъ милая, — весело промолвилъ Юрій Павловичъ, подсаживаясь ближе къ Юліи. — Она, наконецъ раздразила его своей отвагой. И Богъ съ ними! только бы она Лили оставила въ покоѣ.

15 декабря.

Я часто думаю, отчего Лили не нравятся молодые люди. Правда, молодежь, которая бываетъ у насъ, не особенно интересна, но вѣдь она много выѣзжаетъ, видаетъ много народу, можетъ приглашать къ себѣ всѣхъ, кто ей нравится. Я ее никогда не стѣсняла, да и Юрій Павловичъ, надо отдать ему справедливость, балуетъ Лили и по-своему очень ее любитъ. И потому... въ двадцать лѣтъ любилъ любовь...

Пусть это будетъ глупо, но вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ мѣръ стоитъ и солнце сіяетъ,—соловьи поютъ весной и люди на зарѣ жизни любятъ безъ разчета и безъ оглядки. А моя дочь, точно старый бухгалтеръ, все боится, какъ бы ей не просчитаться. Конечно, это благоразумно, только холодомъ вѣетъ отъ такого благоразумія. Для Лили главное—имя. Она признаетъ право на существованіе лишь за людьми съ „положеніемъ“. А какое можетъ быть положеніе у талантливаго молодого человѣка, если онъ не богатъ? Одно время мнѣ казалось, что она не равнодушна къ Николеньѣ Кривскому. Онъ такъ красивъ, этотъ бѣлокурый великанъ, съ ясными синими глазами и милой улыбкой. Когда онъ получилъ медаль, Лили стала къ нему гораздо ласковѣе, онъ началъ бывать у насъ днемъ, они вмѣстѣ читали, гуляли. Моя дочь, обнаруживавшая до тѣхъ поръ полное хладнокровіе къ процвѣтанію общественной науки, стала вдругъ произносить такія слова, какъ магистерскій экзамень, диссертация, сравнительная филологія... Но вотъ недавно приходитъ Николенька и съ сіяющимъ лицомъ объявляетъ, что ему обѣщано мѣсто учителя русскаго языка въ новой гимназіи. Лили поглядѣла на него, какъ на человѣка, который внезапно сошелъ съ ума.

— Неужели Николай Степанычъ не могъ поддержать васъ до экзамена,—сказала она.

— Я рѣшилъ это дѣло по боку,—добродушно возразилъ Николенька,—очень ужъ долго. По крайней мѣрѣ еще лѣтъ пять простоишь въ сторонѣ отъ жизни. А главное,—продолжалъ онъ,—меня привлекаютъ малыши.—Какимъ я буду профессоромъ, бабушка на двое ворожила, а учителемъ я буду порядочнымъ, это я чувствую. Я люблю дѣтей... и жаль мнѣ ихъ очень. Бѣдные! изъ дѣтской да прямо въ рекруты.

— Какое у васъ вѣжное сердце, — иронически протянула Лили.—Я увѣрена, что мальчишки будутъ вамъ запускать въ носъ бумажки и творить всякія каверзы. Дѣти вѣдь не любятъ размазней.

Бѣдный Николенька даже поблѣднѣлъ.

— Елена Юрьевна, я васъ не понимаю... Когда же я былъ размазней...

— Добродѣтельный „ріон“ всегда размазня,—убѣжденно зашѣтила Лили.

— Но, Елена Юрьевна, я не „ріон“, я учитель, — защищался Николенька, который, какъ всѣ сильные люди, не умѣетъ бороться противъ насмѣшки.—А я то думалъ, что вы порадуетесь со мной, одобрите меня,—прибавилъ онъ грустно.

Лили засмѣялась короткимъ, злымъ смѣхомъ.

— Я и радуюсь, и одобряю, но въ умиленіе не могу придти, извините... Я для этого недостаточно передовая дѣвица... Впрочемъ, вы мнѣ покажитесь въ синемъ фракѣ съ мѣдными пуговицами. Если этотъ костюмъ вамъ пойдетъ, я въ знакъ моего благоволенія подарю вамъ фуляровый красный платокъ и табакерку. Нашъ учитель ариметики нюхалъ табакъ и утирался клѣтчатымъ платкомъ. Я у него разъ вытащила платокъ. Онъ обозлился и всему классу поставилъ огромную единицу. Но онъ былъ рутинеръ, а вы будете гуманный педагогъ, новаторъ...

Чтобы прекратить это издѣвательство, я обратилась къ Лили съ какимъ-то вопросомъ, но она сверкнула на меня своими русалочьими глазами и продолжала пилить Николеньку, небрежно посмѣиваясь, точно не замѣчая, что ему больно, что у этого большого сильнаго мужчины, какъ у ребенка, дрожать губы.

— Недавно, — быстро говорила Лили, — мы съ мамой были въ одномъ домѣ, гдѣ живутъ по послѣднимъ словамъ науки. Вдругъ подходитъ мальчишка и сзади хлопъ отца по спинѣ. Отецъ обернулся и спрашиваетъ: „Костя, это ты сдѣлалъ?“ Костя захихикалъ и говоритъ: „Я“. А отецъ ему: „Хорошо, мой другъ, что ты сказалъ правду“. Вотъ и васъ такъ же будутъ колотить ученики...

Николенька былъ уничтоженъ. Теперь онъ ходитъ къ намъ очень рѣдко. Лили обращаетъ на него не больше вниманія, чѣмъ на Ивана.

20 декабря.

Юрій Павловичъ купилъ по случаю цѣлую библіотеку какого-то разорившагося барина. Чего только тутъ нѣтъ! Классики, энциклопедисты въ старинныхъ кожанныхъ переплетахъ, мемуары и романсы „отъ Ромула до нашихъ дней“. Я съ упоеніемъ перечитываю Бальзака. Онъ раздражаетъ иногда вычурностью, вульгарностью, навязчивой аффектаціей. Но какое трепетаніе жизни въ „Бѣдныхъ родственникахъ“, сколько горя, обиды! Мнѣ почти такъ же жалко „cousin Pons“, какъ и нашего Авакія Адакіевича. „Père Goriot“! Развѣ это не вѣковѣчная трагедія родительской любви. Вѣдь будь Лили отъявленная негодяйка, я буду страдать, буду возмущаться противъ Бога, судьбы, людей, и все-таки буду ее обожать „всѣми нѣдрами“, какъ несчастный „Père Goriot“ обожаетъ своихъ низкихъ дочерей. И почему это принято родительскую любовь считать высокой, благородной, святой? Самое въ сущности темное и жестокое чувство.

22 декабря.

У насъ уже началась праздничная сутолока. Лили предстоятъ два бала, и мы пропадаемъ у портнихи. Вчера прѣѣхала изъ деревни за миллиономъ покупокъ Анюта Бородина, и по обыкновенію остановилась у насъ. Мы съ ней очень дружны. Анюта, одна изъ немногихъ, которыя сумѣли *ergreifen das Glück*, и я за это ее уважаю. Съ ней на моихъ глазахъ произошла любопытная метаморфоза. Мы познакомились лѣтъ пятнадцать назадъ. Юрій Павловичъ тогда только-что сталъ входить въ моду послѣ нѣсколькихъ громкихъ процессовъ. Анютѣ въ ту пору было года двадцать два, двадцать три. Она была не то что хороша собой, но чрезвычайно миловидна, — эфирная блондинка съ мелкими, нѣжными чертами, всегда печальная. Она произвела большое впечатлѣніе на Юрія Павловича, и онъ сталъ ее въ себя „влюбить“. Хотя это было не первое его увлеченіе послѣ женитьбы, но мнѣ каждый разъ казалось, что свѣтъ померкъ, что все, все кончено, и я ужасно терзалась (потомъ я привыкла). Приемы его были довольно разнообразны (теперь онъ ихъ упростилъ). Дѣло обыкновенно начиналось съ книгъ. Юрій Павловичъ читалъ „ей“ прозу и стихи. И то, и другое совершалось по извѣстной системѣ: тихое созерцаніе незыблемой красоты постепенно переходило въ лирической энтузіазмъ. За декламаціей слѣдовали прогулки и безконечныя бесѣды на тему о дикости русской жизни. Въ началѣ карьеры Юрій Павловичъ былъ западникъ. Онъ тонко давалъ понять, что развѣ гдѣ-нибудь въ Англіи человекъ его таланта могъ бы найти надлежащій просторъ. Умныя книги, поэзія, музыка, театръ, судъ, — онъ какъ-то такъ умѣлъ всюду видѣть себя, что счастливая избранница невольно проникалась вѣрой, что если всѣ эти возвышенные предметы существуютъ у насъ, то лишь потому, что ихъ животворитъ Юрій Павловичъ. Не будь его, все завянетъ, оплошится... И вѣдь онъ никогда этого не говорилъ. Это выходило само собой. Юрій Павловичъ тѣмъ и неотразимъ, что въ минуты „восторга“ онъ искрененъ. Онъ умиляется, даже плачетъ. Ему пріятны эти щекочущія воображеніе и самолюбіе волненія, но, какъ истинный виртуозъ, онъ всегда наблюдаетъ, какъ бы не переиграть, не выйти изъ сферы красивыхъ и безопасныхъ ощущеній. Да, Юрій Павловичъ большой мастеръ... а для Анюты *il s'est mis en frais*. Гдѣ же ей было устоять? Она, бѣдняжка, полетѣла, какъ бабочка на огонь. Къ тому же и судьба ея была не изъ веселыхъ. Ей много приходилось терпѣть отъ старика отца, сухого чиновника, озлобленнаго неудачной карьерой. Онъ всю жизнь мечталъ о „портфель“

и никакъ не могъ добраться до „товарища“. Странно, что даже въ самый разгаръ „романа“ я на Анюту не сердилась. Я ненавидѣла Юрія Павловича, но Анюту мнѣ было жаль. Куда дѣвалась ея благовоспитанность! Приѣдетъ, бывало, къ намъ, едва поздоровается со мной и сейчасъ же проскользнетъ въ кабинетъ къ Юрію Павловичу, и остается тамъ часъ, два, три... Вся замирая и холодѣя, я ждала катастрофы и ужъ готовилась уступить свои права, какъ вдругъ Анюта внезапно уѣхала въ Харьковъ къ теткѣ, а недѣли черезъ двѣ мы узнали, что она вышла замужъ за богатаго помѣщика, бывшаго драгуна.

Юрій Павловичъ нѣкоторое время имѣлъ обиженный видъ, съ горечью упоминалъ о семейной обузѣ, но довольно скоро успокоился, сталъ называть Анюту „восторженной овцой“, а меня увѣрять въ своихъ неизмѣнныхъ чувствахъ. Я повѣрила съ радостью. Въ первый разъ Анюта приѣхала къ намъ лѣтъ черезъ семь послѣ своего замужества. Она очень измѣнилась. Отъ ея воздушной фигуры не осталось и слѣда. Она превратилась въ пышущую здоровьемъ, статную женщину. Убѣдившись, что я на нее не сержусь, она мнѣ рассказала всѣ перипетіи своего, какъ она выразилась, „головокруженія“. Она, глупенькая, приняла за сѣгіеихъ пламенные восклицанія Юрія Павловича, что онъ безъ нея „жить не можетъ“, и сама предложила ему бѣжать хоть на край свѣта. Эта перспектива его испугала. Онъ просилъ дать ему время подумать и затѣмъ торжественно и трогательно объяснилъ ей, что для него долгъ выше личнаго чувства, что онъ, какъ честный человѣкъ, обязанъ оберечь ее отъ нея самой, что даже и въ безумно любимой женщинѣ онъ умѣетъ видѣть прежде всего человѣка... Наконецъ, онъ долженъ пощадить жену, которая не перенесетъ разлуки. Интересно бы сосчитать, сколько разъ „жена“ въ критическіе моменты являлась для Юрія Павловича *planche de salut*. Послѣ этой отповѣди, Анюта рѣшилась уѣхать немедленно къ теткѣ и выйти за перваго, кто ей сдѣлаетъ предложеніе. Теперь у Анюты четверо дѣтей. Она всѣхъ сама выкормила. Живетъ въ деревнѣ, устроила тамъ школу и больницу. Про мужа говорить: „у него какой-то свой умъ, который многимъ кажется глупостью. Но я думаю, что это и есть настоящій умъ. Мы съ нимъ постоянно бранимся и споримъ и ужасно влюблены другъ въ друга“.

10 января.

Слава Богу, что ужъ кончились праздники. Я страшно утомилась. Для меня эти выѣзды и балы прямо мука. И хоть бы меня утѣшало сознаніе, что Лили весело, а то и этого нѣтъ.

Она становится для меня все болѣе непонятною, моя Лили. Прежде ее радоваль успѣхъ, а теперь она точно каменная. А ужъ, кажется, могла бы быть довольна. Стоитъ ей показаться, и всѣ взоры устремляются на нее. Присутствіе Юліи (эта дѣвица съ нами неразлучна) еще больше выдѣляетъ красоту Лили. Право, можно подумать, что она состоитъ при Лили для контраста...

13 января.

Юрій Павловичъ и Лили на вечерѣ у Карцевыхъ. Сегодня рожденіе Вари, которое всегда справляется очень торжественно. Мнѣ нездоровится и я осталась дома. Днемъ была Надя Кривская и съ такимъ милымъ оживленіемъ рассказывала про свои занятія! Слушая ее, у меня какъ-то теплѣе на душѣ стало. Она теперь ведетъ классъ въ воскресной школѣ и видно, что она вся поглощена этимъ новымъ для нея дѣломъ: передъ каждымъ урокомъ боится „провала“, но пока все идетъ хорошо, ученицы къ ней привыкають и она, „такъ рада, такъ рада“!.. Одно ее огорчаетъ: Николенька хандрить. Мѣсто ему пообщали, но пока его что-то нѣтъ, и онъ ко всему сталъ какой-то равнодушный. „Я даже съ нимъ поссорилась изъ-за этого, — сказала Надя, — меня возмущаетъ индифферентизмъ“. (Я невольно улыбнулась, услыжавъ изъ наивныхъ устъ Нади такое страшное слово). „Хоть бы вы, Лизавета Константиновна, съ нимъ поговорили, онъ васъ такъ уважаетъ“, — прибавила она. Я обѣщала при первомъ же случаѣ воспользоваться уваженіемъ Николеньки къ моей особѣ, и это очень обрадовало Надю...

Весь вечеръ читала новый романъ Розну: „Eugimah“. Написано увлекательно, хотя другой, тоже фантастическій романъ Розну „Vamireh“ мнѣ больше понравился.

15 января.

Получила письмо отъ моей гимназической пріятельницы, Сони Лебедевой. Она была отчаянная шалунья, но добрая и умная, и весь классъ ее баловаль. По окончаніи курса мы какъ то потеряли другъ друга изъ виду, но и теперь, при случайныхъ встрѣчахъ, обѣ радуемся и вспоминаемъ молодость. И все-таки своимъ письмомъ Лебедева поставила меня въ неловкое положеніе. Она, въ простотѣ сердца, считаетъ меня особой „съ вѣсомъ“. (Бѣдняжка, она и не догадывается, какъ легко фальшивые брилліанты сходятъ за настоящіе). Вотъ что она пишетъ:

„Милая Лиза, хотя мы съ тобой цѣлый вѣкъ не видались, я люблю тебя по прежнему и мнѣ кажется, нѣтъ, даже не кажется, а я увѣрена, что ты не измѣнилась и не забыла свою

школьную подругу (Ахъ, хорошее было время!). Ну, вотъ, память объ этомъ времени и даетъ мнѣ смѣлость обратиться къ тебѣ съ просьбой. Дѣло, видишь ли, очень щекотливое. Завтра къ тебѣ явится одна барышня (прими ее, пожайлуста, поласковѣ). Ее зовутъ Белла Григорьевна Гросгофъ. Она учительница моихъ дѣтей, приготовила моего сына въ 3-й классъ, латынь и греческій знаетъ, какъ мы съ тобой по-русски, а математику лучше нашего страшилаща Хомякова (помнишь, какъ онъ мнѣ ставилъ единицы?). Вообще, Белла Григорьевна чудесная дѣвушка и ее смѣло можно рекомендовать. Одна бѣда: она—еврейка и... ее высылаютъ отсюда. Это какая-то странная исторія и хотя мнѣ ее объясняли сто разъ, я все-таки не могу хорошенько въ толкъ взять—за чтò ее высылаютъ. Родители Беллы Григорьевны живутъ здѣсь чуть не двадцать лѣтъ, и вдругъ оказывается, что они не имѣютъ права тутъ жить и должны уѣхать на родину, а они и забыли давно, гдѣ эта родина. Между тѣмъ, Белла—единственная опора семьи. Отецъ и мать больные старики, а братъ—еще мальчишъ, товарищъ моего Оеди. И вотъ, имъ приходится покидать все, съ чѣмъ они сроднились и отправляться богъ вѣсть куда. Мнѣ ихъ ужасно жаль. Я бы готова все для нихъ сдѣлать, да у меня нѣтъ ни знакомыхъ, ни связей. Я и надумала обратиться къ тебѣ. Голубушка Лиза! выручи ихъ! Попроси мужа—онъ человѣкъ вліятельный, авось удастся... А ужъ дѣло-то какое доброе сдѣлаешь! Цѣлую тебя и надѣюсь, что въ память нашей старой дружбы уважишь мою просьбу. Твоя Соня.

„P. S. Видѣла какъ то твою дочь на катѣ. Какая она красавица! Счастливица ты, Лиза! Мужъ—знаменитость, дочь—красавица, домъ, что твой музей... не то, что мы грѣшныя! Цѣлый вѣкъ трудишься, а все-таки я благодарю Бога и за это.“

17 января.

Я ужасно разстроена. Въ какое невыносимое положеніе поставила меня Лебедева... Вчера у меня была эта барышня, и я до сихъ поръ не могу очнуться. У меня такое чувство, какъ будто и я отвѣтственна... мнѣ точно стыдно... Когда Даша доложила, что меня спрашиваетъ незнакомая госпожа, я сказала, чтобы ее провели въ мой кабинетъ. Вошла дѣвушка, средняго роста, худенькая, въ черномъ платьѣ и сѣрой барашковой шапочкѣ на темныхъ волосахъ.

— Вамъ Софья Васильевна писала обо мнѣ,—начала она, и остановилась. Подбородокъ у нея задрожалъ, черные, огромные

глаза налились слезами, она закусила нижнюю губу и отвернула голову, но сейчас же оправилась и съ жалкой улыбкой договорила: — Простите, пожалуйста, мнѣ такъ совѣстно... Такіе глупые нервы.

Я ее усадила въ кресло и говорю ей:— Да вы не волнуйтесь такъ, Белла Григорьевна. Какая вы самолюбивая! Хочется плакать, ну и поплачьте. А отойдетъ сердце — мы потолкуемъ. Времени у меня много...

Она поглядѣла на меня долгимъ пытливымъ взглядомъ и слезы крупными, свѣтлыми каплями повалились по ее смуглымъ щекамъ. Она крѣпко прижала къ лицу муфту, чтобы заглушить рыданія. Все ее молодое тѣло трепетало...

Я совсѣмъ потерялась.

— Поймите, — всхлипывала она, — что я должна была перенести, прежде чѣмъ идти къ чужому человѣку... просить... о чемъ? чтобы мнѣ позволили дышать... Вѣдь ужъ одна эта просьба — позоръ. Что я сдѣлала!.. кому мѣшаю!.. Въ чемъ мое преступленіе?..

Она опустила руки. Теперь ее лицо пылало, и заплаканные, прелестные глаза такъ и впились въ меня, какъ бы требуя отвѣта на негодующіе вопросы. Въ эту минуту дверь распахнулась и съ словами:

— Мама, мы къ тебѣ, — въ комнату величественно вступила Лили, а за ней Юрій Павловичъ. Увидавъ мою гостью, Лили бросила на нее одинъ изъ своихъ изумленно уничтожающихъ взоровъ, а Юрій Павловичъ вѣжливо поклонился. Я представила всѣхъ другъ другу и въ нѣсколькихъ словахъ объяснила Юрію Павловичу, въ чемъ дѣло, прибавивъ, что мы надѣемся на его помощь.

Онъ поморщился и, послѣ небольшого молчанія, сказалъ: — Къ сожалѣнію, я ничего не могу... Всѣ и все противъ вашихъ единоуѣрцевъ.

— Но за что? — съ горечью воскликнула дѣвушка.

— Мнѣ неизвѣстны виды высшей администраціи, — мягко замѣтилъ Юрій Павловичъ, — но вы меня извините за откровенность, милая барышня, у евреевъ дѣйствительно много несимпатичныхъ чертъ. Я вполне увѣренъ, что вы составляете блестящее исключеніе изъ этого, увы! печальнаго правила...

— О, пожалуйста, безъ исключеній, — прервала Белла. Я взглянула на только-что безпомощно всхлипывавшую дѣвушку и не узнала ее. Смуглое личико съ правильными чертами дышало неизмѣримымъ презрѣніемъ. Изъ-подъ сдвинутыхъ, пря-

ныхъ бровей такъ и сверкали глаза. Юрій Павловичъ тутъ только и замѣтилъ, какъ хороша „милая барышня“, и сразу перемѣнилъ тонъ.

— О, да какія мы сердитыя!—началъ онъ, пуская въ ходъ шутливо отеческія вибраціи.

— Не шутите,—остановила его Белла Григорьевна.—Это слишкомъ жестоко. Положимъ, вы правы,—евреи несимпатичны... хоть и трудно допустить такой приговоръ надъ цѣлымъ народомъ, ну, да ужъ пусть по-вашему! Но развѣ справедливо травить людей только за то, что они вамъ несимпатичны.

— Какія рѣзкія выраженія... и въ такихъ юныхъ устахъ!—укоризненно промолвилъ Юрій Павловичъ.—Нехорошо! При томъ, вопросъ этотъ слишкомъ сложный и, конечно, не намъ съ вами его рѣшить. Оставимъ это. А хотите добрый совѣтъ?

— Пожалуйста,—отозвалась Белла.

— Берите меня въ крестные и дѣло съ концомъ.

Я почувствовала, что вся похолодѣла. Даже Лили, которая все время молчала, повернулась въ началѣ и тихо произнесла: папа!

— Да, это дѣйствительно очень просто,—съ усмѣшкой промолвила дѣвушка.

— Разумѣется! Совершенно не изъ чего создавать трагедію. И Богъ у всѣхъ одинъ,—примирительно подтвердилъ Юрій Павловичъ.

— Если такъ, то за что же насъ преслѣдуютъ?

— Платье ваше, милая барышня, устарѣло. Не нравится оно никому! Такая ужъ мода въ воздухѣ... Прежде дамы носили узкіе рукава, а теперь пошли широкіе... вонъ и у васъ широкіе...

— Римлянамъ тоже не нравилось христіанское платье,—возразила Белла,—однако христіане умирали за это платье на крестахъ, висѣлицахъ и въ пасти дивихъ звѣрей.

— Такъ вѣдь это когда было! — воскликнулъ Юрій Павловичъ и засмѣялся.—Съ тѣхъ поръ люди поумнѣли. Смѣю васъ увѣрить, дитя мое, что немного найдется въ наши дни любителей пріять вѣнецъ мученическій. Есть, конечно, несчастные, которые и теперь заживо себя въ стѣны замуравливаютъ. Но ихъ называютъ изувѣрами, а не героями, и судятъ въ окружномъ судѣ. Такъ хотите, барышня? А ужъ какъ я буду гордиться такой прелестной духовной дочкой.

Белла отрицательно покачала головой и встала.

— Мы говоримъ на разныхъ языкахъ,—промолвила она.—

И потомъ, еслибъ даже я и прониклась вашей философіей, стариковъ моихъ все равно выгонять. Они-то ужъ не продадутъ свое платье за „чечевичную похлёбку“. Во всякомъ случаѣ, я вамъ очень благодарна за участіе.

Она протянула руку мнѣ (я была до того ошеломлена рѣчами Юрія Павловича, что не проронила ни слова), поклонилась Юрію Павловичу и направилась къ Лили. Вдругъ Лили, съ чарующей улыбкой, мягкимъ вкрадчивымъ голосомъ и говорить ей:—Mademoiselle, оставьте мнѣ вашу адресъ. Я васъ съ большимъ вниманіемъ слушала и все думала... и кое-что придумала. Я надѣюсь, что мнѣ удастся вамъ помочь, не прибѣгая къ такимъ крутымъ мѣрамъ, какъ папа.

Блѣдное лицо Беллы вспыхнуло. Она обѣими руками пожала руку Лили: — Спасибо вамъ! Какая вы добрая... Правда, въ такой прекрасной оболочкѣ и душа должна быть прекрасная.

Она написала на карточкѣ адресъ, еще разъ пожала руку Лили, и поглядѣвъ на насъ съ Юріемъ Павловичемъ, грустно проговорила:—Простите, мнѣ такъ совѣстно... Я проводила ее до прихожей и тамъ, сбиваясь, стала извиняться за мужа, который, не желая ее оскорбить, можетъ быть, слишкомъ легко отнесся...

Дѣвушка вспыхнула, на глазахъ ея опять блеснули слезы.

— Благодарю васъ,—сказала она,—я не обидѣлась... Мы вѣдь не имѣемъ права быть слишкомъ чувствительны.

Когда я вернулась въ кабинетъ, Лили по прежнему полулежала въ качалкѣ, а Юрій Павловичъ, нахмурившись, сидѣлъ на кушеткѣ.

— Гдѣ ты поддѣпила эту Эстеръ, — спросилъ онъ недобрымъ тономъ.—Этотъ элементъ мнѣ совсѣмъ не кстати. А тутъ еще Лили вздумала изъ себя спасительницу разыграть. И вѣдь только лишнія проволочки. Сдѣлать ничего нельзя, а между тѣмъ, она поведется сюда ныть. Очень интересно...

— Въ самомъ дѣлѣ, Лили, какъ ты могла ей такъ легкомысленно обѣщать,—сказала я.

— Я ничего не дѣлаю легкомысленно,—возразила Лили.— Эта дѣвушка получить то, чего она жаждетъ. Я совершенно равнодушна къ еврейскому вопросу, но мнѣ жаль эту хорошенькую жидовочку и она будетъ безпрепятственно готовить въ гимназію разныхъ оболтусовъ. Только не мѣшайте мнѣ.

— Ты себя скомпрометируешь какой-нибудь глупой выходкой,—замѣтилъ Юрій Павловичъ.

— Никогда я себя не скомпрометирую. Не даромъ я твоя дочь, папа.

Сегодня Лили съ утра исчезла изъ дому. И что только она задумала?..

2 часа ночи.

Юрій Павловичъ въ клубѣ. Лили дома не обѣдала. Она вернулась часовъ въ девять, вся торжествующая.

— Ну, мама, я устроила твою protégée.

— Лили, не мучь меня. Гдѣ ты была? Кого просила?

— Ахъ, мама, не вдавайся въ паэось. Ничего нѣтъ страшнаго. Я была у сестры князя Двинскаго, баронессы Дамбахъ... Расписала ей трогательную исторію дѣвицы... она расчувствовалась, позвала князя, онъ тоже расчувствовался... Потомъ мы вмѣстѣ съ баронессой ѣздили по сановникамъ. Тутъ ужъ трогательную исторію дѣвицы рассказывала она, а я только ангельски улыбалась. Однимъ словомъ, дѣло улажено.

— Ты была у баронессы одна?

— Ну, вотъ! Конечно съ Julie.

— Ахъ, Лили, Лили...

— Неужели ты недовольна! На тебя трудно угодить, мама. Кажется, доброе дѣло и либеральное.

— Дѣло хорошее, что говорить! Но твое отношеніе... высоко... ироническое...

— Это отношеніе, однако, не помѣшало мнѣ спасти цѣлую семью, — замѣтила Лили. — Я была у Беллы и должна сказать правду: она очень мила и изящна, даже не по чину. Старикъ ея бросился мнѣ цѣловать руки. Я, конечно, не дала. Теперь они меня прославятъ на весь кагалъ...

— Перестань, Лили, это нехорошо. Вѣдь ты сама рада... Зачѣмъ же ты ломаешься... Ну, слава Богу. Спасибо тебѣ, дѣточка. — Я обняла ее и совсѣмъ ласково сказала: — А все-таки не нравится мнѣ твой flirt съ княземъ.

— Это не flirt, мама. Князь прекрасный человекъ, я его очень уважаю, — отвѣтила Лили, и точно избѣгая возраженій, торопливо прибавила: — Я ужасно устала. Филантропія довольно утомительная вещь. Покойной ночи, моя бѣдная идеалиста-мама.

И вотъ я думаю, думаю, думаю... и въ миллионный разъ ломаю голову надъ проклятой загадкой: отчего моя дочь, которую я люблю больше всего на свѣтѣ, такъ далека отъ меня, такъ безжалостна ко мнѣ?..

20 января.

Были у насъ съ визитомъ князь Двинскій и его сестра, баронесса Дамбахъ. Баронесса совсѣмъ не похожа на брата. Это — высокая дама съ выразительнымъ лицомъ и живыми тем-

ными глазами. У нея совсѣмъ бѣлые волосы, зачесанные по модѣ XVIII вѣка—точно пастель La Tour'a. Она чрезвычайно любезна, разговорчива, одѣта съ той восхитительной простотой, которая дорого стоитъ... Я думаю, что на эту „простоту“ можно нарядно одѣть жену и трехъ дочерей любого учителя гимназіи. Баронесса, повидимому, очень любитъ брата, говорить за него, рассказываетъ про него, а онъ глядитъ на нее благодарными глазами, какъ ребенокъ на добрую няньку. Съ первыхъ же словъ баронесса стала хвалить Лили. „Такое соединеніе красоты и ума съ благороднымъ сердцемъ... Теперь, когда молодія дѣвушки щеголяютъ сухостью души, и молодежь вообще утратила высокіе идеалы—такое горячее участіе къ бѣдной и къ тому же иновѣрной семьѣ... Это такъ возвышенно, такъ по-христіански“... Я, какъ это со мной всегда бываетъ въ экстраординарныхъ случаяхъ, потерялась, и не знала, что отвѣчать баронессѣ на ея комплименты. Къ счастью, выручилъ Юрій Павловичъ. Онъ шутиливо, хотя не безъ гордости, сталъ извиняться за эскападу нашей „баловницы“. Это вызвало со стороны баронессы протесты и новые восторги. Не знаю, тѣмъ бы кончились взаимныя изліянія, еслибъ на сцену не появилась Лили. Баронесса заключила ее въ свои объятія. Мертвое лицо князя освѣтилось подобіемъ улыбки. Онъ пробормоталъ:—Благодарствуйте... я такъ радъ... и, показавъ на сестру, блаженно прибавилъ: это она...

Лили была необыкновенно мила: почтительно нѣжна съ баронессой, ласкова съ отцомъ и съ какимъ-то неувидимымъ отгѣнкомъ покровительства сильнаго къ слабымъ привѣтлива съ княземъ и... со мной. Бесѣду вели Юрій Павловичъ и баронесса. Она рассказывала о многочисленныхъ обществахъ, гдѣ она состоитъ учредительницей или предсѣдательницей, сѣтовала на неблагодарность и законнѣлость благодарствуемыхъ (я вспомнила Кривскаго). Юрій Павловичъ замѣтилъ, что это ужъ такой законъ, чтобы за добро платить ненавистью, но замѣтивъ искреннее изумленіе баронессы, немедленно перешелъ изъ легкаго тона въ серьезный.—Корни этой нравственной черствости надо искать глубже,—произнесъ онъ значительно.—Отвѣтственность за несвойственное русскому человѣку недовольство своей судьбой должна лечь всецѣло на непрошенныхъ учителей и просвѣтителей. Сами невѣжественные, они даже неспособны отнестись критически къ тѣмъ фантастическимъ бреднямъ, которыя они черпаютъ изъ иностранныхъ источниковъ. Они принимаютъ эти вредныя утопіи en bloc и (тутъ Юрій Павловичъ даже вздохнулъ) смущаютъ ими „малыхъ сихъ“.

Баронесса внимала Юрію Павловичу, какъ оракулу. Князь смотрѣлъ на Лили, а я, по обыкновенію, пассивно слушала и думала про себя, что все это неправда.

Разстались всѣ очарованные другъ другомъ.

Юрій Павловичъ пожаловался на меня баронессѣ: и домо-сѣдка я, и нелюдима, и дочь ему приходится самому вывозить, а еще Фамусовъ сказалъ: „что за коммиссія, Создатель...“,—особенно когда не хочется „быть взрослой дочери отцомъ“. Баронесса погрозила ему пальчикомъ и, крѣпко пожимая мою руку, проговорила, что она бы сочла за величайшее удовольствіе „*chaperonner cette délicieuse enfant*“.

22 января.

Чтобы жить спокойно, нужно, зажмуривъ глаза признать рядъ непоколебимыхъ истинъ, и тогда все пойдетъ какъ по маслу... „Родные лучше чужихъ“... „Мало ли что между своими бываетъ“... „Нужно брать, что есть... Будь это душный смрадъ, онъ все-таки долженъ быть милѣе чистаго воздуха, потому что онъ свой. Если все то, что составляло для васъ красоту и смыслъ жизни, для вашихъ дѣтей — пустой звукъ, не бѣда. Вѣдь есть такая сфера, въ которой всѣ люди сходятся—сфера мѣщанскаго благополучія, и тутъ матери должны служить своимъ дѣтямъ, жены мужьямъ и мужья женамъ вѣрой и правдой“...

12 февраля.

Все это время, какъ въ чадѣ... ни разу не легла раньше трехъ часовъ ночи. Выѣзды, театры, концерты, гости, званые обѣды... Я изъ силъ выбилась. Мнѣ скучно и тяжело. Но Лили веселится, какъ никогда. Она совсѣмъ не дуется и чувствуетъ себя въ этомъ вихрѣ, какъ рыба въ водѣ. Баронессу Дамбахъ она приворожила. Та устраиваетъ для нея литературно-музыкальные вечера, записала ее въ свое благотворительное общество, теперь затѣяли живыя картины, въ которыхъ Лили будетъ изображать Діану... Все это, разумѣется, *au profit des malheureux*. Словомъ, моя дочь окончательно превратилась въ свѣтскую особу. Юрій Павловичъ очень доволенъ, цѣлуетъ ручки баронессѣ и ухаживаетъ одновременно за Дроздовой и... Юліей. О Юліи, впрочемъ, онъ говоритъ, какъ объ отличномъ товарищѣ и называетъ ее „*un brave garçon*“. Среди этой фееріи визитъ Николеньки Кривскаго произвелъ на меня впечатлѣніе ушата холодной воды. Николенька приходилъ прощаться. Онъ уѣзжаетъ въ казанскую губернію. Тамъ оспа и голодный тифъ. Мрутъ

не только крестьяне, но и доктора и санитары. Нужда вопиющая. Николенька показывалъ кусокъ присланнаго оттуда хлѣба— кусокъ черной земли. Стыдно и страшно. Богатая барыня, у которой Николенька еще студентомъ давалъ уроки, поручила ему устройство столовой. Лили слушала эти рассказы, не глядя на Николеньку, молча, а онъ, бѣдный, все ловилъ ея взглядъ, поминутно къ ней обращался и вздыхалъ. Когда онъ сталъ уходить, Лили ему сказала:—Смотрите, не смѣйте тамъ умирать, а если васъ изуродуетъ оспа, не показывайтесь мнѣ на глаза. Я никогда, слышите, никогда вамъ этого не прощу.

Николенька весь расцвѣлъ отъ счастья. Я его перекрестила и поцѣловала. Вдругъ Лили упавшимъ, добрымъ голосомъ промолвила:—Мама, перекрести его и за меня. Николенька бросился къ ней, но она ужъ убѣжала, громко хлопнувъ дверью.

20 февраля.

На той недѣлѣ мы съ Лили слушали лекцію Вѣтвицкаго о „скандинавскихъ писателяхъ“. Мнѣ лишь изрѣдка удается въ послѣдніе годы бывать на этихъ лекціяхъ, которыя я когда-то такъ любила. Каждый разъ, какъ я попадаю въ огромную залу съ безконечной лѣстницей идущихъ чуть не отъ потолка скамеекъ, меня охватываетъ смѣшанное чувство грусти и удовольствія. Меня волнуетъ ужъ одинъ видъ аудиторіи. Сколько молодыхъ лицъ! точно живая пирамида... Студенческіе мундиры, дѣвочки въ простенькихъ темныхъ платьяхъ, гладко причесанныя, нѣкоторыя въ мѣховыхъ шапочкахъ, есть и стриженныя (какъ въ мое время), и только въ первыхъ рядахъ торжественно засѣдаетъ tout Moscou: нарядныя дамы и вялые, большей частью, плѣшивые кавалеры. Передъ нами, на ступенькѣ, стояла худенькая курсистка съ длинной бѣловурой косой. Я долго глядѣла на ея неподвижную фигурку съ полуоткрытымъ по-дѣтски ротомъ и обращенными на каеэдру глазами. Я глядѣла на нее и думала: вотъ такую была и я, когда двадцать три года тому назадъ слушала... того же Вѣтвицкаго. Въ ту пору его рѣчь не блистала такой безукоризненной формой, въ ней было меньше ироніи и больше добродушнаго юмора, фразы не текли такъ гладко, но сколько въ нихъ было неожиданнаго, какіе живописные образы, оригинальные обороты, какое сверкающее остроуміе!.. И самъ онъ не былъ похожъ на теперешнаго непроницаемаго дипломата. Какъ живо я помню ту, другую аудиторію. Мнѣ всегда казалось, что отъ самыхъ ея стѣнъ вѣетъ чѣмъ-то особеннымъ, бодрящимъ. Не успѣешь, бывало, переступить че-

резъ порогъ, какъ тебя точно подхватить. На встрѣчу несется оживленный молодой говоръ. Тутъ слышится взрывъ смѣха, тамъ горячій споръ... Группами и въ одиночку мелькаютъ молодыя дѣвичьи лица, задумчивыя и веселыя, серьезныя и беззаботныя. И такъ хочется быть съ ними за одно—и говорить, и смѣяться, и служить загадочному большому дѣлу жизни. Но вотъ на каѳедру вошелъ профессоръ. Все разомъ стихло. Всѣ взоры устремились на него. Дѣвушки будто слились вмѣстѣ и однимъ сердцемъ, однимъ дыханіемъ впитываютъ въ себя каждое слово, какъ неопитыя новое вѣроученіе. Словно въ волшебномъ зеркалѣ проносится рядъ удивительныхъ картинъ...

Помню я одного профессора, на котораго курсистки бывающе молились. Фамилія его была Русовъ. Это былъ совсѣмъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати шести или двадцати семи. Онъ читалъ исторію иностранныхъ литературъ. Есть такія слова, при которыхъ всегда будетъ сильнѣе биться человѣческое сердце, которыя нельзя выкинуть изъ человѣческаго словаря. Слова эти: справедливость, гуманность, красота, истина, свобода... И вотъ, когда ихъ произносилъ Русовъ, намъ казалось, что онъ-то и есть ихъ лучшее выраженіе. Судьба точно расщедрилась и, какъ изъ рога изобилія, осыпала дарами своего избранника. Она дала ему талантъ, пытливый умъ, чуткую душу и даже красоту, ту особенную красоту, которая отмѣчаетъ случайныхъ гостей міра. У Русова была чахотка. Мы это знали и обращались съ нимъ, какъ съ драгоценнымъ и хрупкимъ сосудомъ. Онъ дѣйствительно скоро умеръ. Смерть его была для насъ большимъ горемъ. Послѣ него были другіе профессора, умные, ученые, но никто не обладалъ его обаяніемъ. Очень можетъ быть, что въ нашемъ увлеченіи было много наивной и смѣшной влюбленности... Но какъ жаль тѣхъ, кто никогда не испытывалъ этого чувства. Вмѣстѣ съ образомъ Русова оживаетъ въ моей памяти другой образъ—моей незабвенной Мани Лоричъ. Такой дѣвушки я послѣ въ жизни не встрѣчала. Нѣжная, ровная, она однимъ своимъ появленіемъ устранила все мелкое, низменное. Ей все давалось легко: музыка и литература, математика и рукодѣліе. На курсахъ ее прозвали „безстрастная Клію“. Небольшого роста, худенькая, съ густыми пепельными локонами, Маня была похожа на дѣвочку. Въ лицѣ ея не было ни одной правильной черты, и вмѣстѣ съ тѣмъ оно влекло къ себѣ какой-то неотразимой прелестью. Чистый, высокій лобъ свѣтился мыслью, большіе сѣрые глаза притягивали и ласкали, довольно широкій, нѣсколько вздернутый носъ, ярко-пунцовыя губы, на которыхъ всегда играла чуть-чуть

лукавая усмѣшка. Скрытна она была очень. Она любила Русова глубокой, затаенной страстью. Онъ объ этомъ и не подозрѣвалъ: обращался съ ней такъ же вѣжливо и кротко, какъ съ прочими, хотя на семинаріяхъ удѣлялъ ей много времени и почти съ восторгомъ отзывался о ея рефератахъ. Ей было бы нетрудно привлечь его вниманіе: у нихъ были общіе знакомые, они могли встрѣчаться... Но она ни разу не измѣнила себѣ, ни разу не вышла изъ роли добросовѣстной, скромной, прилежной ученицы... Я знала о ея любви къ Русову, и когда онъ умеръ, не могла безъ страха подумать о томъ, что съ нею будетъ. Но Маня еще больше замкнулась и такъ же безмолвно и гордо, какъ она таила въ сердцѣ свою одинокую любовь, она схоронила въ немъ и свою печаль. Кончила она очень трагически. Вскорѣ послѣ смерти Русова мы вмѣстѣ уѣхали въ Петербургъ. Я поступила въ академію художествъ, а она на медицинскіе курсы. Когда началась война съ турками, Маня отправилась въ Болгарію съ отрядомъ сестеръ милосердія. Ея самоотверженность, выдержка, любовь окружили ея имя легендой. Много мнѣ впоследствии пришлось слышать разсказовъ о томъ, какъ обожали солдаты „бѣленькую сестрицу“. Бывшій въ одномъ съ ней лазаретѣ докторъ мнѣ передавалъ, что когда она своей худенькой рукой прикасалась къ раненымъ, тѣ безропотно выносили самыя мучительныя страданія. Она была неизмѣнно терпѣлива, не знала усталости, постоянно ободряла другихъ... Этотъ же докторъ мнѣ подробно описалъ послѣдній день моей Мани. Они въ третій разъ возвращались съ санитарнымъ поѣздомъ, въ которомъ была масса раненыхъ подъ Плевной. На одной стоянкѣ она вдругъ сказала:—Какое это бессмысленное лицемѣріе все, что мы дѣлаемъ. Вмѣсто того, чтобы кричать: остановитесь! не убивайте! Мы чинимъ искалѣченныя тѣла, чтобы ихъ опять искалѣчили. За что? Зачѣмъ!—Докторъ ей на это замѣтилъ:—Ишь, какъ у васъ нервы разгулялись. Ну, да это неважно, вы вѣдь у насъ молодецъ. А она ему на это:—Сбѣгу я отъ васъ, не могу я больше, страшно...

Докторъ засмѣялся и сказалъ:—Не сбѣжите, не такая вы. Вечеромъ стали ее звать смѣнить захворавшаго фельдшера. Она не откликнулась. Перешарили всѣ углы—нѣтъ Мани. Бросились искать кругомъ—и нашли ее въ сараѣ: она повѣсилась.

25 марта.

Больше мѣсяца пролежала... Опухоль въ боку такъ увеличилась, что ее можно прощупать рукой. Теперь мнѣ легче. Лили

была очень внимательна ко мнѣ все время моей болѣзни: подавала лекарство, читала вслухъ, слѣдила за порядкомъ въ домѣ. Она, оказывается, отличная хозяйка, очень внимательна... и все-таки это не то, не то!.. Иногда мнѣ хотѣлось залиться слезами, крикнуть ей:—Пожалѣй меня, утѣшь.—Само собой разумѣется, что я не допустила себя до подобной слабости. Воображаю, какъ бы изумилась Лили. Бѣдняжка! При ея неодолимомъ отвращеніи къ больнымъ, ея возня со мною, совершенно искренняя и добровольная,—заслуга. Вѣдь она никогда не ухаживаетъ за Юріемъ Павловичемъ, когда онъ боленъ, никогда. А я все недовольна... Правъ Юрій Павловичъ! Несчастный у меня характеръ. Юрій Павловичъ недавно пріѣхалъ. Онъ ѣздилъ въ Петербургъ, проигралъ тамъ большое дѣло и теперь не въ духѣ. Ко мнѣ, впрочемъ, весьма милостивъ: заходитъ утромъ и вечеромъ, скажетъ что-нибудь въ родѣ:—И какъ тебѣ, Лиза, не надоѣсть хворать, ужъ ѣхала бы ты за границу, что ли... и исчезнуть.

Какая разница между Иваномъ и Дашей. Даша все дѣлаетъ безукоризненно, „въ минуту“. Она чрезвычайно корректна, почти никогда не „забывается“. Но при всей ея исполнительности чувствуется, что провались вы на ея глазахъ сквозь землю, ей все равно. А Иванъ, вѣчно ворчащій подъ носъ, неряха и пьяница,—жалѣеть. Я ему какъ-то сказала: я скоро умру, Иванъ. Онъ замигалъ глазами и пробурчалъ:—Что это вы, матушка, придумали. Успѣете еще затылокъ-то отлежать... И такъ онъ это хорошо сказалъ, что мнѣ захотѣлось посадить его возлѣ себя и выплакать съ нимъ тоску своего барскаго сердца. Ахъ, какъ все это глупо!

Дружба Лили и баронессы Дамбахъ принимаетъ гомерическіе размѣры. Баронесса бываетъ у насъ чуть не каждый день, называетъ Лили Антигоной, та mignonne, пичкаетъ ее конфетами, даритъ ей художественныя бездѣлушки...

Баронесса, кажется, въ самомъ дѣлѣ добрая женщина. Она вдова, бездѣтная; Лили съ ней очаровательна. Неудивительно, что одинокая въ сущности женщина полюбила прелестную дѣвушку. И притомъ, какія у нея могутъ быть цѣли. Не думаетъ же она и впрямь женить на Лили своего брата. Но кого я не выношу, такъ это Юлію. Когда она въ меня впивается своими куриными глазами, мнѣ чудится, что она за моей душой пришла. Она, конечно, тоже терпѣть меня не можетъ, но дѣлаетъ видъ, что обожаетъ, вскакиваетъ, чтобы подать мнѣ стулъ, платокъ, говорить мнѣ въ тонъ, лѣзетъ цѣловаться. Прежде она обращалась со мной гораздо рѣзче, и мнѣ это было пріятнѣе. Я даже не понимаю, зачѣмъ ей эта комедія. На Лили она и такъ имѣетъ

вліяніе, Юрій Павловичъ съ ней шепчется... И чѣмъ она только ихъ беретъ!

10 апрѣля.

Пришлось взять новую горничную. Дашу такъ избилъ ея возлюбленный, что мы вынуждены были отправить ее въ больницу. У нея и прежде появлялись подозрительные синяки и царапины, но она это всегда объясняла случайностями: стукнулась объ вѣшалку, наткнулась въ темнотѣ на гвоздь, упала... Но теперь это что-то ужасное... Я испугалась, увидавъ это несчастное тѣло. И вѣдь не пиенула. Ея комната чуть не рядомъ съ моею — и я ничего, ничего не слыхала. Интересно, что о ней ужасно тоскуетъ Иванъ. Онъ навѣщаетъ ее въ больницу, возить ей туда чай, варенье, бѣлый хлѣбъ, даже пить сталъ меньше. Я какъ-то похвалила Наталью, новую горничную. На это послѣдовалъ цѣлый рядъ возраженій о „новой метлѣ“, о „своихъ собакахъ“, о „сорѣ“, который не надо выносить изъ избы, и въ концѣ концовъ торжественное извѣстіе, что Даша, слава Богу, поправилась и желаетъ вернуться назадъ. Когда я замѣтила, что не могу безъ причины отказать Натальѣ, онъ съ самымъ искреннимъ негодованіемъ воскликнулъ:—Что-жъ она, папа римскій, что ее и выгнать нельзя! Болгары своего князя въ шею турнули, а вы прислуги боитесь...

11 апрѣля.

Почти половина апрѣля, а весны нѣтъ какъ нѣтъ. Погода какая-то злая: тяжелыя, сѣрыя тучи, куда ни взглянешь — сугробы снѣга. Хотъ бы немного солнца! я такъ иззябла...

20 апрѣля.

Надя Кривская умерла въ два дня отъ дифтерита. Это до такой степени бессмысленно, жестоко... я никакъ не могу себѣ представить эту милую, полную жизни дѣвочку въ гробу, подъ грудой земли... На похоронахъ мы не были. Когда я заикнулась, что поѣду въ церковь, Юрій Павловичъ объявилъ, что не допустить меня рисковать собой и близкими ради пустой формальности... Есть что-то глубоко возмутительное въ этомъ животномъ страхѣ заразы, который гонитъ людей другъ отъ друга въ минуты несчастья и горя... Николай Степановичъ переѣхалъ въ гостиницу. Я провела съ нимъ цѣлый день. Онъ ужасно убитъ, хотъ и вѣрится — курить, читаетъ газеты, говоритъ о постороннихъ вещахъ, и вдругъ, схватится за голову и разрыдается, глухо, безнадежно... Николенька вернулся. Онъ точно на двадцать лѣтъ постарѣлъ — осунулся, глаза ушли въ глубь,

но стать еще красивѣе... За отцомъ ухаживаетъ съ чисто женской нѣжностью.

23 апрѣля.

На будущей недѣлѣ уѣзжаю въ Берлинъ къ профессору Лейсту. Это знаменитый хирургъ, такъ что если онъ меня и зарѣжетъ, то не будетъ обидно...

Берлинъ, 10 (22) мая.

Вотъ уже недѣля, какъ я въ Берлинѣ, и четвертый день, какъ изъ отеля переселилась въ частную клинику профессора Лейста. Чувствую себя плохо... Ужасная апатія... Мнѣ какъ-то „все равно“. Лейстъ нашелъ запущенную фиброму, которую нужно „удалить“. Говорить, что эта операція хотя и считается серьезной, но въ виду благоприятныхъ индивидуальныхъ обстоятельствъ (онъ перечислилъ эти обстоятельства, только я ничего не поняла) въ данномъ случаѣ является безопасной. Впрочемъ, если я боюсь, то могу вызвать своего Herrn Gemahl, но онъ лично находитъ, что мужа только энервируютъ больныхъ и мѣшаютъ правильному ходу леченья. Я сказала, что раздѣляю его мнѣніе и вполне ему довѣряю. Лейстъ очень красивый, еще бодрый старикъ, высокій, широкоплечій, съ большой львиной головой и правильными, рѣзкими чертами... Вѣжливъ, но довольно сухъ, говорить короткими фразами, точно приказываетъ... Видно, что привыкъ командовать. Въ клиникѣ это какой-то Богъ. Начиная съ ассистентовъ и кончая швейцаромъ, слово „der Geheimrath“ произносится съ восторженнымъ подбострастіемъ. Поэтому тутъ, вѣроятно, царитъ такой порядокъ, такая образцовая чистота. Мнѣ, напримѣръ, приказано ѣсть каждые два часа понемногу. И какъ только протекутъ эти два часа, минута въ минуту, въ дверь раздается легкій стукъ, появляется Кетхенъ, свѣжая, словно она только-что выкупалась, и проворно становится на столъ то айцо въ смятку, то кофе, то котлету.

— Кетхенъ, мнѣ еще не хочется ѣсть.

— Вы должны себя принудить, gnädige Frau, — неумолимо возражаетъ она.

— Нельзя ли немного погодя, прошу я.

— Herr Geheimrath приказалъ вамъ кушать каждые два часа, иначе у васъ не хватитъ силъ.

Несмотря на строгую дисциплину, клиника имѣетъ очень привлекательный видъ и мало чѣмъ напоминаетъ больницу. У меня большая, высокая и свѣтлая комната. Обстановка скромная, но уютная: диванъ, круглый столъ, нѣсколько креселъ, кушетка, письменный столъ, шкафъ краснаго дерева для бѣлья и платья.

По стѣнамъ — портреты: германскій императоръ, окруженный своей семьей, Бисмаркъ, Мольте. Надъ диваномъ — хорошая фотографія Сикстинской Мадонны. За ситцевой шпирмой кровать. Рядомъ — маленькая уборная съ умывальникомъ и мраморной ванной. Огромное двойное окно выходитъ на площадь, по которой непрерывно снуютъ люди, проносятся экипажи.

Здѣсь совѣсьмъ весна. Деревья покрыты нѣжной зеленью, солнышко припекаетъ, сухо... Дамы гуляютъ въ легкихъ вофточкахъ, съ зонтиками... А въ день моего отъѣзда изъ Москвы шелъ снѣгъ и дулъ такой пронизывающій вѣтеръ, что мнѣ было холодно въ мѣховой ротондѣ. На вокзалъ меня провожали Юрій Павловичъ, Лили, Юлія и Иванъ (вѣрный слуга, съ горя, должно быть, что я увѣзжаю, напился такъ, что едва держался на ногахъ). Лили меня поразила. Она вошла за мной въ купе, заперла дверцу, обняла меня крѣпко и вдругъ заплакала.

— Мамошка, не сердись, не сердись, — прошептала она, все крѣпче прижимая меня къ себѣ. — Не такая я, какъ бы тебѣ хотѣлось... но что же теперь дѣлать. Не могу я быть другой, не могу, пойми ты...

Я стала ее успокаивать.

— Полно, Лили, перестань, я ничего не требую... люблю тебя, какъ ты есть.

Она вздохнула.

— Правда, мама? и всегда будешь любить?... что бы я ни сдѣлала? — спрашивала она торопливо. Это было такъ непохоже на обычную манеру Лили, что я шутя ей сказала: не собираешься ли ты кого-нибудь зарѣзать, — но она перебила меня порывисто и властно:

— Говори скорѣе — всегда?

— Ну, конечно, всегда, точно ты не знаешь?

— То-то! помни! — строго произнесла Лили, и прибавила: любить человѣка за то, что онъ все дѣлаетъ по-нашему — не хитрость... Ты, мама, вѣдь только на видъ тихоня. Ну, Христосъ съ тобой, я не хотѣла прощаться при другихъ. — Она меня нѣсколько разъ поцѣловала, потомъ открыла дверцу и ужъ совершенно другимъ тономъ воскликнула:

— Баронесса пріѣхала тебя проводить, какъ это мило!

Пришлось опять выйти на перронъ, — баронесса сказала, что никакъ не могла утерпѣть, чтобы не проститься со мной еще разъ (очень я ей нужна) и не сказать мнѣ, чтобы я была спокойна за Лили, что она будетъ заботиться о ней, какъ о собственномъ ребенкѣ.

Я поблагодарила, но замѣтила, что Лили—не маленькая, и я за нее не боюсь. Юрій Павловичъ послѣшилъ исправить мою „безтактность“, заявивъ, что дружба баронессы для него и Лили, въ ихъ непривычномъ одиночествѣ, истинный даръ провидѣнія. Загудѣлъ второй звонокъ. Чтò можетъ быть глупѣе проводовъ. Стоишь заупоренная у окна и бессмысленно смотришь на кучку людей, которые такъ же бессмысленно смотрятъ на тебя. Мнѣ хотѣлось видѣть одну Лили, а передо мной торчала баронесса; растрепанная Юлія съ какимъ-то затаеннымъ торжествомъ вперила въ меня свои куриные зрачки; Иванъ, съ умильной фізіономіей, вытянувъ шею, поминутно кланялся... Наконецъ, Юрій Павловичъ, мой великолѣпный супругъ!.. Всѣ на него оглядывались, а онъ, какъ бы не замѣчая общаго вниманія, ласково кивалъ мнѣ головой. А я въ эту минуту думала: „Этотъ красивый чужой господинъ—мой мужъ. Когда-то я страстно его любила... Эти умные, холодные глаза—я обожала ихъ... И вотъ я уѣзжаю и мнѣ нисколько не жалко съ нимъ разставаться, и вообще мнѣ его ни капелъки не жалко... Ну, слава Богу, третій звонокъ. Поѣздъ тронулся. Промелькнула тонкая фигура Лили, баронесса замахала платкомъ, Юлія—муфтой... Юрій Павловичъ приподнялъ плавнымъ, круглымъ жестомъ свою шляпу—и все пропало...

12 (24) мая.

Я должна выдержать цѣлое леченіе до операціи. Какъ это мучительно. Ужъ поскорѣй бы... Получила письмо отъ Лили. Пишетъ, что совсѣмъ захлопоталась съ дачей, которая „невозможна“... Терраса развалилась, комнаты оборваны, на мебель противно смотрѣть, садъ ни на что не похожъ... Она ужъ прогнала садовника... баронесса ей рекомендовала другого, очень хорошаго и т. д.

Отчасти я понимаю жалобы Лили. У баронессы тоже дача въ Сокольникахъ, но ея дача—настоящій дворецъ, и моей тщеславной Лиличкѣ стыдно за нашъ старый домъ...

18 (30) мая.

У меня разошлись нервы...

Сегодня Geheimrathъ засталъ меня за этой тетрадью. Онъ поглядѣлъ на меня своими пронизательными глазами, недовольно покачалъ головой и проговорилъ: — Na-nu! Keine Grübeleinen, meine Gnädige?.. S'ist nicht kurgemäss...

Какая я глупая. Я боюсь здѣшной постели. Какъ приходитъ время ложиться, мнѣ дѣлается жутко. Я начинаю думать о женщинахъ, которыя до меня метались на этихъ подушкахъ... Мнѣ

кажется, я слышу ихъ вздохи, вижу руки, бѣдныя женскія руки, которыя до меня хватались за коричневую ленту звонка... Стоитъ мнѣ погасить свѣчу, какъ изъ мглы начинаютъ выплывать блѣдныя прозрачныя тѣни. Онѣ носятся вокругъ меня съ легкимъ жужжаніемъ пчелъ, съносятся въ моему изголовью, проникаютъ въ самую глубь моего существа и шепчутъ, шепчутъ что-то неуловимое, грустное и торопливое... Я не могу устоять противъ обволакивающаго яда мечты о *нихъ*, моихъ невѣдомыхъ предшественницахъ, и мнѣ представляется все, что онѣ вынесли раньше, чѣмъ упасть на эту койку... Чтобы очнуться, я зажигаю свѣчу, начинаю вполголоса считать: разъ, два, три... припоминаю стихи, разныя мелодіи... Господи, неужели я дошла до галлюцинацій... Вчера я своей возней разбудила Христину. Кошмары и боль въ боку довели меня до того, что я расплакалась. И такъ я была рада, что я не дома, что никто меня не услышитъ, что я могу плавать вволю... Вдругъ, въ темнотѣ мелькнулъ свѣтъ, и на порогѣ увидася Христина, аккуратная, чистенькая, въ бѣлоснѣжномъ фартукѣ и бѣлоснѣжномъ чепцѣ на гладкихъ сѣдыхъ волосахъ.

— Что съ вами, gnädige Frau, не спится?

Мнѣ стало совѣстно. Я ей сказала, что у меня разболѣлся бокъ, но что это неважно, и я прошу ее идти спать. Но она ужъ присѣла на край постели, откинула одѣяло, достала изъ кармана баночку съ вазелиномъ и мягкими, словно пуховыми руками, принялась растирать мнѣ бокъ.—Я сегодня много спала, сообщила она съ улыбкой, и теперь совсѣмъ бодрая. Мы сдѣлаемъ маленькій массажъ, это успокоиваетъ.

Меня всегда смущаютъ услуги чужихъ рукъ. А тутъ я даже обрадовалась, точно я имѣла право на эту женщину съ ласковыми глазами. Удивительно милое лицо у этой Христины—круглое, румяное съ тонкими-тонкими морщинками, оно такъ и дышетъ добротой. Вѣрно она замѣтила, что я плакала, и чтобы меня утѣшить, стала рассказывать о „знатныхъ иностранцахъ“, которыя лечились въ „ихъ“ клиникѣ.

— Къ намъ прѣзжаютъ дамы изъ всѣхъ странъ, говорила она, больше всего изъ Россіи и изъ Америки. Конечно, и въ Россіи есть знаменитые доктора,—прибавила она любезно,—но нашъ Geheimrathъ вѣдь одинъ въ мірѣ. Представьте, прошлой зимой прѣехала къ намъ французская графиня; красавица, богачка. Ужъ на что французы не любятъ нѣмцевъ, а ничего не подѣлаешь: больному человѣку не до политики. Важная графиня, гордая, по-нѣмецки не понимаетъ, — вѣдь только русскіе гово-

рять на всѣхъ языкахъ. Она и съ Geheimrath'омъ вздумала обращаться свысока... но онъ ей прямо сказалъ, что въ его клиникѣ нѣтъ ни принцессы, ни бюргершъ, а есть больныя. И что же вы думаете! Послѣ операциі она у Geheimrath'a поцѣловала руку. Да!.. Geheimrath былъ очень тронуть и погладилъ ее по головкѣ. Онъ вѣдь только на видъ суровъ, а сердце у него золотое—ein väterliches Herz!

— Вы, Христина, совсѣмъ влюблены въ вашего Geheimrath'a.

Она густо покраснѣла.—Ахъ, что вы gnädige Frau, развѣ это возможно! Только... я лучше всѣхъ знаю, какой это человекъ. Онъ меня спасъ отъ гибели и вѣчныхъ мукъ.

Я съ удивленіемъ взглянула на Христину, но не рѣшилась спросить, въ чемъ дѣло. Нѣсколько секундъ она молча меня массировала, потомъ вдругъ сказала:—Знаете, я вамъ открою, какъ это было. Можетъ быть, мой примѣръ васъ утѣшитъ.

И Христина мнѣ рассказала свою повѣсть, ту старую и вѣчно новую повѣсть, которая съ сотворенія міра терзаетъ человѣческое сердце. Ей было всего семнадцать лѣтъ, когда ее обманулъ „одинъ злой человекъ“. Разгнѣванный отецъ выгналъ ее изъ дому, но мать надъ ней сжалилась и отвезла въ ближайшій городъ, гдѣ клинкой завѣдывалъ докторъ Лейстъ. Тамъ она въ страшныхъ мукахъ родила дѣвочку.—Ей первой докторъ Лейстъ сдѣлалъ операцию, которая прославила его имя. Долго не рѣшалась бѣдная Тинхенъ возвращаться домой... Наконецъ вернулась, положила на порогъ ребенка, а сама стала на колѣни и стояла, пока отецъ ее не простилъ. Прошло нѣсколько лѣтъ. Проступокъ ея забылся. Бабушка и дѣдушка души не чаяли въ ея дочкѣ. Къ ней присватался портной, хорошій человекъ. Онъ зналъ ея исторію и взялъ ее вмѣстѣ съ дѣвочкой. Три года она была вполне счастлива—überglücklich; отъ мужа у нея тоже была прелестная дѣвочка. И вдругъ она лишилась всего. Мужъ умеръ отъ тифа—и не успѣла она опомниться, какъ захворали скарлатиною обѣ дѣвочки: ихъ хоронили въ одинъ день...—Первое время,—разсказывала Христина,—я была, какъ сумасшедшая, въ колодезь бросилась. Меня вытащили. Тогда моя добрая мать — самъ Богъ ее надоумилъ—поѣхала къ доктору Лейсту, рассказала ему о моемъ несчастіи и просила его посоветовать, что ей со мною дѣлать. Онъ велѣлъ ей привести меня къ нему. Когда мы приѣхали, онъ сталъ мнѣ говорить, что ни одинъ человекъ не смѣетъ покушаться на свою жизнь. А я ему отвѣчаю: мнѣ ненужна жизнь. Тогда онъ строго по-

смотреть мнѣ въ глаза—я какъ сейчасъ вижу этотъ взглядъ— и сказала:

— Отдайте вашу жизнь вашимъ ближнимъ.—Ближнимъ и безъ меня хорошо,—отвѣчала я. А онъ:—Неправда, на свѣтѣ много несчастныхъ, помогите имъ, и вы найдете сами себя. Поступайте, говорите, ко мнѣ въ больницу, тамъ вы каждый день увидите столько страданья, передъ которымъ ваше несчастье—капля въ морѣ. И запали мнѣ эти слова въ душу. Подумала я, подумала, да и сказала:—Пусть будетъ такъ, Herr Doctor, возьмите меня на испытаніе.—Такимъ-то образомъ прослужила я съ нимъ десять лѣтъ, а когда его перевели въ столицу и я съ нимъ уѣхала. Тутъ онъ меня поставилъ старшей въ своей клиникѣ. Всего на всего мы съ нимъ двадцать пять лѣтъ вмѣстѣ работаемъ. Ахъ, какъ бѣжитъ время. И онъ ужъ не прежній красавецъ-докторъ Лейстъ, а знаменитый Geheimrath, и я ужъ не прежняя „Тинхень“, а Frau Christine.

Она добродушно засмѣялась и повачала круглой головой.—Многое-многое было. И у Geheimrath'a не все въ жизни шло гладко. Жена у него вздорная, сынъ шалопай... Тутъ Христина запнулась, точно испугавшись, что она сболтнула лишнее и поспѣшно прибавила: Ну, да его не сломишь. А какъ я къ нему привыкла,—воскликнула она съ гордостью.—По взгляду, по движенію руки я ужъ знаю, чего онъ хочетъ... — И столько я, meine liebe Dame, насмотрѣлась въ эти годы горя, что давно помирилась съ моей печалью. Я даже благодарю Господа, что онъ призвалъ къ себѣ die lieben Meinen, и избавилъ ихъ отъ испытаній. Вотъ и вы не должны такъ грустить. Ваша болѣзнь пустая. Сегодня оперировали вашу сосѣдку. Ахъ, бѣдная! Одинъ Богъ знаетъ, выкарабацается ли она... Geheimrath ею недоволенъ... А то у насъ умерла молоденькая дама—три мѣсяца была замужемъ. Какъ мужъ плакалъ!.. А у васъ что! eine Kleinigkeit. Бояться нечего.—Да я и не боюсь, сказала я.

— Почему же вы такая грустная? — полюбопытствовала Христина.

Я невольно улыбнулась и отвѣтила:

— На это много причинъ, милая Христина.

— А! значить у васъ сердце болитъ!.. Ну, тогда надо сказать себѣ: ich muss. Это только кажется, будто это трудно... Вѣдь у васъ въ Россіи осталась семья?

— Да! мужъ и дочь.

— Fräulein ужъ большая?

— Моей дочери двадцать одинъ годъ.

— Herr Je!—изумилась Христина.—Вѣдь вы сами похожи на барышню. И Herr Gemahl навѣрное красивый.

— Да вотъ въ рамѣхъ ихъ портреты. Посмотрите.

Христина взяла складную рамку и съ восторгомъ произнесла:—Ein bildschöner Mann! Und das Fräulein! wie reizend! wie nett... O, gnädige Frau! вы не имѣете права грустить—вы такъ счастливы!

Я посмотрѣла на доброе, наивное лицо нѣмки, и мнѣ захотѣлось не то плакать, не то смѣяться.

25 мая (6 июня).

Я уже почти оправилась послѣ операци. Мнѣ ее слѣдали на слѣдующее утро послѣ нашей бесѣды съ Христиной, совершенно для меня неожиданно. Это тоже одно изъ правилъ Geheimrath'a—не предупреждать больныхъ о днѣхъ операци. Явилась Христина и съ обычной улыбкой заявила: Geheimrath проситъ васъ сойти внизъ... Такъ какъ это повторяется черезъ день, я спойкой отправилась въ приемную. Тамъ ужъ воссѣдалъ Geheimrath, болѣе чѣмъ когда либо похожій на бюсть Гёте. Онъ послушалъ мнѣ сердце, сказалъ: Ganz gut, и похлопавъ по плечу, прибавилъ:—Я не нахожу нужнымъ откладывать. Мы сегодня же васъ освободимъ отъ излишней тяжести,—и вы всѣмъ расцвѣтете.

Онъ еще разъ похлопалъ меня по плечу и взглянулъ на Христину. Она сейчасъ же взяла меня подъ руку и повела въ маленькую комнату... Я подумала, что это и есть мѣсто страшнаго суда, но оказалось, что здѣсь только хлороформируютъ. Насъ встрѣтили ассистенты—два безмолвныхъ прилизанныхъ молодыхъ человѣка, одинъ въ очкахъ, другой въ рипсе-пез, я не успѣла оглянуться, какъ меня раздѣли и положили на столъ. Ассистентъ въ рипсе-пез вынулъ часы и, взявъ мою руку, прижалъ то мѣсто, гдѣ доктора щупаютъ пульсъ. Ассистентъ въ очкахъ помѣстился съ другой стороны и, закрывъ мнѣ носъ и ротъ какой-то странной ложкой, такъ и впился въ меня черезъ очьи глазами. Вся эта группа имѣла довольно каррикатурный видъ. Мнѣ захотѣлось смѣяться, но противная ложка меня душила. Я распахлялась, потомъ мнѣ стало жарко, точно горячая волна крови залила мнѣ лицо, шею, грудь... У меня закружилась голова. Я помню промелькнувшее лицо Христины. Кажется, она шепнула слово: „Muth“ и затѣмъ все смѣшалось... я умерла. Я очнулась у себя, наверху, на постели, слабая, съ легкой тошнотой, но съ чувствомъ чего-то безповоротнаго—совершившагося. На стулѣ, около кровати, сидѣлъ Geheimrath и дер-

жалъ меня за руку. Я его не узнала. Куда дѣвалась его важность. Онъ улыбался счастливой, какой-то бабьей улыбкой и, взявъ меня за подбородокъ какъ ребенка, нѣжно повторялъ: „O, wie artig, wie brav. Подлѣ него стояла Христина и тоже радостно улыбалась. О, Господи, подумала я (нѣтъ не я, а все мое существо), за что они меня такъ любятъ, эти милые, чужіе люди... и я тутъ же поняла, что они не чужіе, что они мои, и я ихъ люблю, и они меня любятъ за то добро, которое они мнѣ сдѣлали. Я хотѣла имъ это сказать, но слова не шли съ устъ и только слезы хлынули изъ глазъ и полились по щекамъ. Geheimrath повачивалъ головой и бормоталъ: sehr gut.

Когда я вдоволь наплакалась, Христина мнѣ влила въ ротъ лекарства, заботливо оправила мое одѣяло и я тутъ же облегченно вздохнувъ, заснула крѣпкимъ, глубокимъ сномъ. Черезъ недѣлю я отсюда убѣжаю въ Франценсбадъ.

Франценсбадъ, 4 (16) іюня.
Villa Bell'aria

Мнѣ кажется, я ужъ тутъ очень давно, а между тѣмъ я пріѣхала всего дня-три четыре. Пью воды и принимаю Moorbäder. Какъ это ни странно, — мнѣ было грустно повидать клинику. Съ Христиной мы крѣпко расцѣловались. Я подарила ей на память свой браслетъ. Она ужасно переконфузилась, долго не соглашалась, все говорила, что она не заслужила такого дорогого подарка. Я ее убѣдила только тѣмъ, что мнѣ будетъ пріятно знать, что она носить вещь, которую я много лѣтъ носила.

Geheimrath хоть и сдѣлался опять похожъ на бюсть Гете, — все же былъ ко мнѣ чрезвычайно благосклоненъ, подарилъ свой портретъ „Zug freundlichen Erinnerung“ и на прощанье, погрозивъ пальцемъ, лукаво произнесъ: nur keine Grubeleien.

Франценсбадъ мнѣ очень нравится. Тихій городокъ, чистенькій, какъ игрушка, въ которомъ все приспособлено для удобства больныхъ. Квартыры, источники, ванны — все это меня, привыкшую къ нашей распущенности, поражаетъ благоустройствомъ. Пропасть изящныхъ магазиновъ. Много зелени. Всѣ улицы усажены прекрасными, старыми каштанами. Кромѣ большого парка, имѣется нѣсколько скверовъ и разныя Anlagen, гдѣ днемъ играетъ музыка, „Kurgäste“ пьютъ кофе, читаютъ, занимаются рукодѣліемъ. Мужчинъ здѣсь мало, но это не мѣшаетъ дамамъ щеголять изумительными туалетами. Публики — масса; русскихъ нѣтъ числа. Когда, по утрамъ, послѣ воды я хожу по безвонечной Salzquell-allee, я то-и-дѣло слышу гром-

вій, безцеремонный говоръ соотечественниковъ и мнѣ представляется, будто я гуляю по Тверскому бульвару. Замѣтила нѣсколько москвовскихъ лицъ, но близкихъ знакомыхъ пока, слава Богу, не встрѣтила...

Изъ дому получаю письма довольно часто. Лили пишутъ, что у нихъ все благополучно, что дача понемногу приходитъ въ приличный видъ, что Юрій Павловичъ въ ней очень добръ и очень доволенъ ея умѣньемъ хозяйничать, что баронесса ей подарила чудную верховую лошадь, а Louise спила ей не амазонку, а „мечту“... О Юліи ни слова (можетъ быть, поссорилась... Вотъ бы хорошо!). Отъ посланія Юрія Павловича на меня такъ и повѣяло роднымъ духомъ. Онъ пишетъ: „Никогда бы не повѣрилъ, милая Лиза, что я буду такъ по тебѣ тосковать! (а я и теперь не вѣрю). Но ты все-таки не торопись и лечись, какъ слѣдуетъ. Постараюсь устроить дѣла, и когда ты кончишь свой водоной,—мы съѣдемся въ Берлинъ или Вѣнѣ и махнемъ недѣльки на три въ Швейцарію. Здѣсь все въ порядкѣ. Твой другъ Кривскій оправился и чудитъ по прежнему, твоя пріятельница Анюта родила пятого, а можетъ быть, и шестого, младенца. Есть, впрочемъ, одна пакостная новость, которая мнѣ доставила un mauvais quart d'heure. Представь, этотъ идиотъ Катупинъ ограбилъ какихъ-то малолѣтнихъ. Его уличили. Тогда онъ бѣжалъ, оставивъ письмо съ чистосердечнымъ поканіемъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ и помысленіяхъ. Наши Робеспьеры, конечно, обрадовались и забили въ набатъ. Сколько жалкихъ словъ наговорили! ты бы умилилась, Лизочка. Хотя я въ особенной дружбѣ съ Катупинымъ не состоялъ, но все же мы были знакомы и мнѣ этотъ скандальный инцидентъ весьма неприятенъ. Впередъ наука — не связываться съ дураками. Не будь Катупинъ такъ глупъ, всю бы эту исторію можно было своевременно уладить. Ну, да ничего, обойдется дѣло. Ты не огорчайся“ и т. д.

Изъ всего этого я вижу, что Юрій Павловичъ гораздо больше разстроенъ „инцидентомъ“, чѣмъ хочетъ показать. Ужъ если онъ мнѣ сталъ изливать душу, стало быть, его задѣли за живое...

6 (18) іюня.

У меня второй день мигрень. Погода сѣрая, мягкая, влажная... Погромыживаетъ громъ... Въ воздухъ виситъ гроза, но разыграться не можетъ, и только тяжелыя капли дождя падаютъ медленно, лѣниво, точно нехотя.

10 (22) іюня.

Какое это странное ощущение цѣлый день молчать! Послѣ того неумолкающаго шума, на который я обречена дома, здѣшняя тишина мнѣ представляется блаженствомъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы она была еще глубже, еще ненарушимѣе. Мое пребываніе здѣсь, это что-то въ родѣ передышки, которую послѣ двадцатилѣтней сутолоки мнѣ невзначай бросила судьба. Не знаю даже, къ лучшему ли это. Я искренно считала себя прикованной... запечатанной со всѣхъ сторонъ. Какъ заморенная вляча, которая тупо трусить до ночлега, я ничего, кромѣ усталости, не чувствовала. Прошелъ день—и слава Богу... и что же! Едва я очутилась не на свободѣ (куда ужъ мнѣ!), а просто подальше отъ семейнаго котла, какъ во мнѣ зашевелились старыя, давно, казалось, скороненные духи... Каждый человѣкъ, думается мнѣ, въ разные періоды своей жизни, погрѣбаеетъ часть своего „я“... и, Боже мой, какъ грустно бродить по кладбищу собственнаго сердца!.. Вотъ и мои прежнія „я“ словно ожили, обступили меня и такъ назойливо твердятъ: посмотри, какая ты была... Ты отреклась отъ себя и теперь ты—ничто... Ты даже не дама, какъ всѣ, и не добродѣтельная мать семейства... Тѣ спокойно дѣлаютъ свое дѣло, а ты захотѣла служить двумъ богамъ и предала обоихъ...

Ахъ, ужъ лучше спать ложиться. Вѣдь если я и тутъ буду заниматься самоглотаньемъ, какой же выйдетъ толкъ изъ моего леченья. Все это не „kurgemäss“.

15 (27) іюня.

Здоровье лучше. Лили пишетъ часто, хотя лаконически. Здоровы и благополучны. Это самое главное и я спокойна за нихъ. Ѣздила въ Мариенбадъ. Очень красивое мѣсто, лежитъ въ котловинѣ между кольцомъ горъ, которыя сплошь покрыты сосновымъ лѣсомъ. Лечатся тамъ все толстяки. Толпа народу, музыка, элегантные туалеты—въ глазахъ рябитъ. Мнѣ больше нравится Франценсбадъ: тише, проще. Тутъ есть очень милый лѣсокъ, напоминаетъ наши подмосковныя рощицы. Березы въ перемежку съ елками, клены, дубы, и только круглые, тѣнистые каштаны говорятъ о „заграницѣ“. За опушкой широкая поляна, вся заросшая нѣжной высокой травой и самыми простенькими цвѣтами—одуванчики, ромашка, гвоздика, клеверъ, волокольчики... Кругомъ видно далеко... На горизонтѣ въ синеватой дымкѣ темнѣютъ небольшіе холмики... бѣгутъ поѣзда, извиваясь какъ червяки... Я тутъ часто гуляю и думаю, думаю...

17 (29) іюня.

Пришлось и мнѣ обрѣсти курортное знакомство, хотя безъ всякаго съ моей стороны желанія. Въ нашей Bell'agia живеть французская чета, monsieur et madame Pierre Dagougy. Мужъ — очень высокій, худой, черноволосый, съ толстыми, какъ у негра губами, острой бородкой, изящный — frèze la quarantaine. Жена совсѣмъ молодая, лѣтъ двадцати, крошечная, тоненькая блондинка съ блѣднымъ капризнымъ личикомъ. Одѣвается поразительно. Только парижанка можетъ рисковать такимъ сочетаніемъ цвѣтовъ. Одѣнъся такъ русская или нѣмка, она будетъ похожа на огородъ, а у французенки выходитъ оригинально. Встрѣчаясь со мной на лѣстницѣ и у „воды“, мужъ высоко приподнималъ цилиндръ, а жена мило кивала головкой. Въ ресторанѣ и на музыкѣ они, можетъ быть случайно, а можетъ быть и нарочно усаживались неподалеку отъ меня. Но я оставалась неуязвима. Вдругъ вчера, когда я уже спокойно сидѣла у себя послѣ вечерняго „водопоя“ и писала Лили, ко мнѣ въ дверь постучались. Думая, что это горничная, я механически произнесла: „Herein“. Но, вмѣсто горничной, въ дверяхъ остановился французъ и взволнованнымъ голосомъ проговорилъ: — Je vous demande mille fois pardon, madame. Моей женѣ дурно. Я посылаю за нашимъ докторомъ, но его нѣтъ дома. Не будете ли вы такъ безконечно добры, пока я сбѣжу за другимъ докторомъ, помочь моей женѣ. Она не говоритъ по-нѣмецки и ей трудно объясняться съ прислугой.

Я, конечно, выразила свое согласіе и сейчасъ же встала, чтобы идти съ нимъ. Онъ рассыпался въ благодарностяхъ. Ихъ комнаты рядомъ съ моей. Онъ предложилъ мнѣ подождать въ хорошенькомъ будуарѣ, а самъ бросился въ слѣдующую комнату, отдѣленную отъ первой драпировкой, изъ-за которой неслись шумные вздохи.

— Ma chère enfant, — началъ онъ торопливо, — наша русская сосѣдка такъ добра, пришла взглянуть на тебя. Можно ей войти?

Я вошла къ ней. Она лежала на широкой кровати вся утопая въ кружевахъ и лентахъ. На полу валялся мѣшокъ съ „шоог'омъ“.

— Ah, madame, — залепетала она, — какъ вы любезны... у меня нестерпимыя боли... — и она закатила глаза...

Мнѣ почему-то показалось, что она не очень больна, и я спросила, что она собственно чувствуетъ.

— У меня спазмы. Докторъ мнѣ прописалъ припарки изъ

„поог'а“ на животъ. Mais je ne peux pas sentir cette saleté. Въ Парижѣ меня растирали хлороформомъ и давали внутрь эфиръ. А тутъ... это варварство! C'est mon mari qui a eu l'idée d'aller en Allemagne.

— Напротивъ, свѣтскія и другія дамы, дорожающія своей красотой, нарочиво приѣзжаютъ въ Франценсбадъ — pour se faire le teint.

На m-me Dagouy эти слова подѣйствовали какъ откровеніе. Она почти радостно переспросила:

— Vrai? А я-то не хотѣла сюда ѣхать... ахъ, я очень нервна, chère madame. Малѣйшій пустякъ меня волнуетъ. Миѣ совѣстно васъ беспокоить. Но русскіе такъ добры и мы ихъ такъ любимъ. C'est comme des compatriotes.

Пьеръ налилъ мивстуру въ ложку и подалъ женѣ. Та опять защебетала:

— Merci. Миѣ легче. Не нужно никакого доктора. Какъ мило со стороны madame, что она меня навѣстила. Пьеръ, не сердись. Я буду умница...

Пьеръ угрюмо молчалъ. Когда жена его совсѣмъ успокоилась, онъ проводилъ меня до моей двери, и, прощаясь, смущенно промолвилъ:

— Nous devons vous paraître bien ridicules. Мы такъ хотѣли съ вами познакомиться. Пожалуйста, не примите это за банальную фразу. Еслибъ вы знали, какъ миѣ досадно, что все вышло такъ глупо.

Я пробормотала какую-то любезность и мы разстались.

20 іюня (2 іюля).

Третьяго дня, утромъ, горничная миѣ подала огромную корзину цвѣтовъ отъ m-g et m-me Dagouy. На музыкѣ мы уже сидѣли вмѣстѣ, теперь вмѣстѣ обѣдаемъ и гуляемъ. Словомъ, прощай одиночество. Сначала миѣ было досадно, а теперь ничего. Супруги все-таки не навязчивы. „Monsieur“ положительно симпатиченъ, а „madame“ довольно безцвѣтна.

22 іюня (4 іюля).

Лили, должно быть, совсѣмъ завертѣлась... Пишетъ рѣдко, на ключахъ, съ постояннымъ обѣщаніемъ—въ слѣдующій разъ написать побольше. Спасибо Юрію Павловичу! онъ два раза въ недѣлю извѣщаетъ меня по телеграфу, что „все благополучно“... а то я бы, право, не знала, что думать. Здоровье мое гораздо лучше—и я сповойнѣе...

Dagouy далъ мнѣ прочесть романъ Rosny „L'autre femme“. Романъ написанъ на тему о необходимости и даже законности мужу, кромѣ жены, любить и другихъ женщинъ... чѣмъ больше, тѣмъ лучше. „Le renouveau de l'idylle“, „l'esthétique de l'adultère“ это, молъ, такое зерно существованія, отъ котораго мужчина не можетъ отказаться. Другое дѣло—женщина. Она должна „subir“ до конца все. Написано превосходно. Какъ ужасно, что въ жизни и литературѣ такое огромное мѣсто занимаетъ любовь мужчины и женщины. Неужели и наши пра-правнуки будутъ такъ же беспомощно, какъ и мы, стоять передъ жестокимъ „сфинксомъ“.

24 іюня (6 іюля).

Мнѣ очень нравится Dagouy. Онъ совсѣмъ простой, не влюбленъ въ себя, какъ большинство французовъ (этимъ, впрочемъ, грѣшатъ и не французы), объ „аллиансѣ“ и даже „реваншѣ“ говоритъ спокойно. Онъ уже годъ живетъ въ Германіи, переѣзжая изъ одного университетскаго города въ другой, собирая матеріалы для своей книги о нѣмецкомъ социализмѣ... О нѣмецкихъ ученыхъ отзывается съ большимъ уваженіемъ.

Madame Dagouy и на сей предметъ держится особаго мнѣнія. Можетъ быть, они и великіе ученые, говоритъ она, но скучны они невыносимо. Мы были на вечерѣ у одного профессора. Хозяйка, огромная, толстая женщина, была въ бѣлой шерстяной юбкѣ и розовомъ корсажѣ. Вѣдь не догадалась сдѣлать наоборотъ! а другія еще лучше. Ни малѣйшаго вкуса, граціи. Это совсѣмъ не женщины.

— Отличныя женщины,—возразилъ Пьеръ,—серьезныя, добрыя, вѣрныя помощницы своимъ мужьямъ. Въ концѣ концовъ это все-таки лучше, чѣмъ элегантная вулка.

— Ты намекаешь на меня?—грозно спросила жена.

— И не думалъ. Для меня моя крошка Lucie вѣкъ сравненій. Lucie успокоилась, а я свободно вздохнула. Только этого не хватало! Пріѣхать за границу, чтобы мирить какого-то француза съ женой.

27 іюня (9 іюля).

Пьеръ и Lucie меня одолѣли: ходятъ цѣлый день по моимъ пятамъ. У Lucie несчастное лицо, она ужасно скучаетъ и все придумываетъ—куда бы ей поѣхать, а мужъ требуетъ, чтобы она педантически исполняла режимъ. Изъ-за этого—постоянныя препирательства. Но когда она оставляетъ своего Пьера въ покоѣ, съ нимъ пріятно разговаривать. Сегодня я ихъ водила въ свой лѣсокъ. Мы долго гуляли и бесѣдовали о разныхъ разностяхъ.

Dagougy очень интересуется Россіей—не съ точки зрѣнія франко-русской дружбы, а какъ „беллетристической страной, въ которой должно быть много оригинальныхъ типовъ“.

Я замѣтила, что люди вездѣ люди.

— Разумѣется,—согласился онъ,—но у васъ особенно любопытно наблюдать съ одной стороны резиняцію массы, прозябающей во тьмѣ, а съ другой—безпокойный блескъ верхняго слоя, вусившаго отъ древа цивилизаціи, но въ сущности подавленнаго той же властью тьмы. Корифеи вашей литературы,—Толстой, Тургеневъ, Гончаровъ—прекрасно это подмѣтили.

— Вамъ знакомы ихъ произведенія по переводамъ?—спросила я.

— Нѣкоторыя я читалъ въ оригиналѣ.

Я посмотрѣла на него во всѣ глаза.

Онъ расхохотался. — Вы поражены? Русскіе вѣдь воображаютъ, что ихъ языкъ непостижимъ для иностранца... Это одинъ изъ національныхъ предразсудковъ. *On apprend bien le chinois.*

— И вы говорите по-русски?

Онъ продекламировалъ совершенно вѣрно по интонаціи, но съ отчаяннымъ произношеніемъ:

„Цвѣты послѣдніе милій
Роскошныхъ первенцевъ полей..“

— Вы феноменъ,—сказала я.

— А Достоевскаго вы тоже знаете? — продолжала я выпрашивать.

— Читалъ. Онъ похожъ на нашего Габоріо.

Это было такъ глупо, что я не могла удержаться отъ восклицанія.

— *Il paraît que j'ai dit une énormité,* — лукаво промолвилъ Пьеръ. — Я хотѣлъ васъ подразнить. Впрочемъ, долженъ признаться, что Достоевскій мнѣ антипатиченъ по разнымъ причинамъ. Я согласенъ видѣть въ Достоевскомъ писателя больныхъ людей, а въ Ибсенѣ второстепеннаго популяризатора Шопенгауэра, но отказываюсь признавать ихъ глашатаями новыхъ истинъ. Моей натурѣ противенъ всякій фетишизмъ... Еслибъ даже меня самого признавали пророкомъ, я бы отказался. Что можетъ быть скучнѣе слѣпного поклоненія?

30 іюня (12 іюля).

Получила письмо отъ Лили. Просить привести ей кружевъ и гранатъ. Все благополучно, всѣ здоровы, веселы. Варя Кар-

цева выходить за Башевича, Юрій Павловичъ въ отличномъ расположеніи духа... Ну, и слава Богу... Сегодня почти весь день провела вдвоемъ съ Dagougu. Онъ былъ въ экспансивномъ настроеніи и „выкладывалъ душу“. Lucie познакомила съ цѣлымъ отрядомъ американокъ и умчалась съ ними въ Карлсбадъ. Пьеръ отпустилъ ее съ такимъ жаромъ, точно обрадовался возможности передохнуть. Проводивъ жену на вокзалъ, онъ пошелъ отыскивать меня.

— Какъ вы себя чувствуете?

— Прекрасно. Merci.

— Очень радъ. Послѣдніе дни у васъ былъ грустный видъ. Я сказала, что беспокоилась отсутствіемъ извѣстій изъ дому, что тоскую по дочери.

— Никакъ не могу себѣ представить, что у васъ взрослая дочь!—воскликнулъ Дагури.

— Вы, что же это, пользуетесь отсутствіемъ жены, чтобы говорить мнѣ комплименты?

— Нѣтъ, я совершенно искрененъ. Въ Парижѣ мы сплошь да рядомъ видимъ мамашъ, которыя похожи на младшихъ сестеръ своихъ дочерей, но вы не такая. Когда я гляжу на васъ, мнѣ все кажется, что вы свою жизнь въ свѣту пролежали... или заснули, какъ маленькая принцесса въ сказкѣ.

— Но такъ какъ prince Charmant не явился въ-время, чтобы меня разбудить, то давайте бесѣдовать о чемъ-нибудь другомъ.

— Однако! вы... rigide,—замѣтилъ французъ.

Нѣкоторое время мы шли молча. Потомъ онъ сталъ мнѣ рассказывать о своихъ занятіяхъ, о своихъ друзьяхъ, о Парижѣ, который все больше и больше становится очагомъ космополитическаго мѣщанства.

— Знаете, — промолвилъ онъ съ увлеченіемъ, — я обожаю Парижъ, это солнце, которое равно льетъ свой свѣтъ на добрыхъ и нечестивыхъ, но временами я его ненавижу. Мнѣ кажется иногда, что вся человѣческая пошлость и подлость слились въ намъ, какъ въ гостепріимную канаву. Насъ захватило пробужденіе варварскихъ инстинктовъ въ Европѣ, и мы, такъ щедро надѣлявшіе міръ великими идеями... nous devenons grotesques de platitude. Насъ спасаютъ наши коренные недостатки—тщеславіе и скупость.

Я поглядѣла на него въ недоумѣніи.

— Ну, да,—сказалъ онъ.—Скупость и тщеславіе—основныя черты французскаго характера. Изъ-за скупости мы совершаемъ

всяческую мерзость, но тщеславіе наше такъ велико, что мы тутъ же готовы облагодѣтельствовать вселенную.

— Теперь мнѣ понятно, почему ваша жена васъ упрекаетъ въ отсутствіи патриотизма,—пошутила я.

— Моя жена ребенокъ. Что до патриотизма, то вѣдь еще старикъ Фенелонъ сказалъ: *il faut aimer sa famille plus que soi-même, sa patrie plus que sa famille et l'humanité plus que sa patrie.*

— Прекрасная утопія,—замѣтила я.

— Не говорите,—возразилъ Дагури.—Вспомните, сколько вещей, которыя теперь—неопровержимыя истины, а въ свое время считались вредной бессмыслицей. Приведу самый банальный примѣръ: движеніе земли вокругъ солнца. То же будетъ и съ войной, и съ расовой ненавистью. Человѣческую голову надо сверлить, безостановочно, чтобы въ нее проникъ лучъ свѣта... Но не надо отчаяваться. Нужно работать, и повѣрьте, что противъ бациллы злобы, какъ противъ бѣшенства, дифтерита, чумы будетъ найдена своя сыворотка.

— Вы оптимистъ.

— Непремѣнно, хотя и не въ смыслѣ Панглосса. Планета наша довольно скверна, но разъ уже мы обречены влачить на ней свое существованіе, надо „cultiver notre jardin“. Сила духа безконечна. Главное, это не бояться большинства. Все великое дарилось міру меньшинствомъ. И я вѣрю, что придетъ время, когда люди не будутъ знать ни болѣзней, ни бѣдности, ни старости, ни смерти. А пока творенія не додумались еще до сколько-нибудь порядочнаго устройства семьи. Возьмите къ примѣру хоть вашу литературу. Романы, драмы, комедіи, водевили все вертится на адюльтерѣ, обманѣ, грубой чувственности. Вѣдь это значитъ, что дѣйствительность очень горька и люди ищутъ забвенія въ миражѣ.

— Кто же объ этомъ спорить, — сказалъ Дагури.—Несомнѣнно люди злы отъ того, что несчастны. Чтобы быть добрымъ, нужно быть счастливымъ. Но... не слѣдуетъ предъявлять ближнимъ черезчуръ строгія требованія. Вы заражены русскимъ аскетизмомъ и нетерпимостью. Всѣ русскіе сектанты (а вѣдь это, пожалуй, вѣрно!). Вы помѣшаны на морали. Вамъ, какъ дѣтямъ, при баснѣ полагается нравоученіе. И потому, вы все ищете спасительныхъ пунктовъ. Смирненіе, цѣломудріе... *Après la sonate à Kreutzer on n'entend que ça.* Даже у насъ (онъ расхохотался) этимъ заразились... Какая нелѣпость! *On est chaste ou non chaste, comme on est brun, blond, roux...* Надо сказать себѣ: я таковъ.

Постараемся устроиться такъ, чтобы мои особенности какъ можно меньше вредили другимъ.

— Съ такой теоріей можно дойти Богъ знаетъ до чего, — сказала я. Французъ покачалъ головой.

— Увѣрю васъ, что она менѣе опасна и болѣе человѣчна, чѣмъ рецепты, претендующіе обращать людей въ безплотныхъ серафимовъ... Я на себѣ испыталъ вліяніе вашего мистическаго тумана и совершилъ въ это время величайшую гадость моей жизни.

Я взглянула на Дагури. Онъ былъ блѣденъ, но улыбался.

Мнѣ сдѣлалось неловко. Я стала искать тему, чтобы перебить разговоръ, и, точно на зло, ничего не приходило въ голову.

— *Chère madame*, — промолвилъ онъ, закуривая папиросу, — я васъ напугалъ... Простите. Но меня такъ и тянетъ исповѣдоваться передъ вами. Вы позволяете?

— А вы не будете сожалѣть о своей откровенности?

Онъ усмѣхнулся. — Что значить сѣверная щепетильность! Француженка изъ одного любопытства стала бы клясться, что она скромна, какъ могила... Нѣтъ, *chère madame*, я ни о чемъ не буду сожалѣть.

— Надо вамъ сказать, — началъ онъ послѣ небольшого молчанія, — что я былъ искренній и чистый юноша и очень стойко боролся съ искушеніями. Моимъ идеаломъ было строгое, монашеское пѣломудріе. Но молодость взяла свое...

— Я уже кончилъ *Ecole normale*, когда впервые влюбился въ одну прелестную дѣвушку. Моя мать наотрѣзъ отказала мнѣ въ своемъ согласіи на бракъ, который ей представлялся неравнымъ. Чтобы успокоить бунтующую совѣсть, я далъ себѣ слово и заставилъ поклясться Жанну, что мы всегда и абсолютно будемъ вѣрны другъ другу. Жанна была изъ бѣдной, но вполне порядочной семьи. И, представьте себѣ, *chère madame*, она была похожа на васъ! не чертами лица, не манерами — моя бѣдная подруга была простая дѣвушка, но въ выраженіи глазъ, въ улыбкѣ, въ звукѣ голоса есть положительно что-то общее... Мы съ ней прожили десять лѣтъ. Но я долженъ былъ уѣзжать въ Нормандію къ матери мѣсяца на два. Жанна оставалась одна. Писалъ я ей рѣдко. Мать меня пилила за мою „неприличную связь“. Это отзывалось на моихъ письмахъ къ Жаннѣ. По возвращеніи я всегда заставлялъ ее грустной, убитой... Вдругъ моя мать мнѣ сообщила, что у нея есть любовникъ. Моимъ соперникомъ оказался, какъ водится, одинъ изъ моихъ друзей. Судя

по письмамъ, онъ воспользовался одиночествомъ и унижительнымъ положеніемъ, въ которое ставили Жанну мои побѣды къ матери. Она умоляла его оставить ее въ покоѣ, говорила, что любить меня, несмотря на мое неблагородное отношеніе къ ней. Это меня всего болѣе взбѣсило, я считалъ, что всё жертвы идутъ съ моей стороны. Во мнѣ проснулся звѣрь. Я выгналъ ее, мою жену, какъ воровку. Она плакала, заклинала, ползала на колѣняхъ, но я былъ беспощаденъ.

Дагури вдругъ замолчалъ и отвернулся.

— Послѣ этого,—продолжалъ онъ, овладѣвъ собой,—я женился на молодой, богатой дѣвушкѣ, которую выбрала моя мать.. Une chaste jeune fille,—прибавилъ онъ, вздохнувъ, и воскликнулъ:—Признайтесь, что можетъ быть болѣе жестоко, чѣмъ добродѣтель, которая самый узкій, недостойный предразсудокъ возвела въ догматъ.

Мнѣ такъ стало жаль несчастнаго Пьера, что я уже ничего не возражала на его философію...

6 (18) іюля.

Какая мучительная тоска. Изъ дому цѣлую недѣлю ни слова... Какъ мало я тамъ нужна! Въ сущности я только помѣха въ жизни Юрія Павловича и Лили... раздражающій элементъ. Мнѣ нездоровится. Докторъ настаиваетъ, чтобы я продлила курсъ. Уже два дня, какъ льетъ дождь. Холодно... Здѣсь очень рѣзко мѣняется погода... Какъ противно видѣть эту бѣготню за врей-перами. У Fganzensquelle прислуживаютъ двѣ дѣвочки. Я даю имъ всегда немного мелочи, и нужно видѣть, какъ онѣ напереерывъ, одна передъ другою, не соблюдая очереди, подаютъ мнѣ стаканъ, присѣдаютъ.

Сосѣди начинаютъ меня тяготить. Они все ссорятся между собой. Стѣна, раздѣляющая насъ, такъ тонка, что я по неволѣ все слышу. Эта хорошенькая Люси—несносное существо. Она пилить бѣднаго Пьера изъ-за всякаго пустяка. Онъ поминутно ее умоляетъ: ma chérie, не говори громко, on nous entend, но та не унимается. А когда мы сходимся, она очень мила, иногда забавна... Несчастный Пьеръ...

7 (19) іюля.

Была въ театрѣ. Играла, пріѣхавшая изъ Вѣны, труппа молодыхъ актеровъ. Крошечная сцена, но такая чистенькая! милая обстановка и прекрасные актеры. Пьеса—излюбленная нѣмцами Rosse: тутъ и тирольцы, и столичные франты, и болѣе или

менѣе удачныя „вицы“. И среди этой веселой путаницы трогательная фигура бѣдняка-профессора, прожившаго жизнь за составленіемъ словаря никому неизвѣстнаго нарѣчія давно исчезнувшаго племени. Наивный старикъ глубокомысленно разсчитываетъ, сколько можно проѣхать километровъ на тѣ деньги, что стоитъ шампанское, которое безопасно распиваютъ берлинцы...

8 (20) іюля.

Коротенькое письмо отъ Юрія Павловича, и ни слова отъ Лили. Встрѣтила въ парѣ Шухмину. Просидѣла съ ней часа два и точно побывала въ Москвѣ. Все тоже! Шухмина, по обыкновенію, очень много разсказывала о литературныхъ событіяхъ, обѣдахъ, засѣданіяхъ, юбилеяхъ, рѣчахъ, но все какъ-то фатально сводилось къ тому, кто съ кѣмъ поссорился, помирился, подрался, наговорилъ жестокихъ истинъ. Видѣла она и Юрія Павловича, и между прочимъ намегнула о его новомъ увлеченіи Дроздовой, великодушно подсластивъ пилюлю: „вы-де выше такого мелкаго чувства, какъ ревность“... Одно меня встревожило. Когда я спросила Шухмину, не встрѣчала ли она Лили, она, странно улыбаясь, отвѣтила: какъ же! она постоянно катается съ баронессой Дамбахъ и княземъ Двинскимъ. Говорятъ, князь безъ памяти влюбленъ въ вашу дочь.

Я возразила, что князь больной человѣкъ и къ нему нельзя прилагать обычную свѣтскую мѣрку.

— Конечно, конечно,—согласилась она и злорадно прибавила:—онъ вѣдь эпилептикъ и идиотъ. Всѣ это знаютъ...

А отъ Лили, словно нарочно, ни звука. Господи, какія мнѣ дикія мысли въ голову приходятъ... Даже самой себѣ стыдно и жутко признаваться.

9 (21) іюля.

И сегодня нѣтъ ничего отъ Лили. Можетъ быть, она больна... Если бы захворалъ Юрій Павловичъ, онъ бы сейчасъ сообщилъ. Когда онъ боленъ, то не можетъ обойтись безъ меня. Подожду еще дня два и телеграфирую. Опять бесѣдовала съ Шухминой, и опять слушала намеки. Она не называла прямо Лили, но говорила о нынѣшнихъ молодыхъ дѣвушкахъ, которыя бѣгутъ отъ труда, для которыхъ роскошь и наслажденіе единственные идеалы... Какой милый и добрый Пьеръ! Онъ замѣтилъ мое уныніе и, ни о чемъ не выпрашивая, старается развлечь меня. Люси тоже любезна, но очень уже она взбалмошна.

А мнѣ съ нимъ очень легко. Странное дѣло! Я столько лѣтъ таю въ себѣ свои мысли и чувства, и вообще у меня нѣтъ ни

малѣйшаго желанія „дѣлиться своимъ внутреннимъ міромъ“; какъ выражаются героини идейныхъ романовъ, а вотъ этому чужому французу я незамѣтно рассказала то, чего не знаютъ люди, съ которыми я прожила жизнь. При немъ даже молчать нестѣснительно. Сегодня мы долго сидѣли въ парѣ.

— Какъ это грустно,—сказала Дагури,—что вы насъ скоро покинете. Неужели наша встрѣча останется обыкновеннымъ курортнымъ знакомствомъ. Это слишкомъ печально. Я бы желала, чтобы вы считали меня другомъ. Въ жизни столько сюрпризовъ! Общайтесь, что вы меня позовете, если вамъ понадобится вѣрный человекъ.—Я невольно усмѣхнулась и замѣтила, что врядъ ли мнѣ придется его тревожить. Какія могутъ быть событія у старой женщины, которой надо кое-какъ доживать, вѣдь.

— Неужели и вы—кокетка, —воскликнулъ онъ. — Вѣдь я вамъ не объясняюсь въ любви. Je vous aime d'amitié, а эту любовь не пугаютъ морщины... Въ эту минуту между деревьевъ мелькнула граціозная фигура Люси. Она быстро шла къ намъ, румяная, улыбающаяся, шаловливо бросила вѣеръ на книгу Пьера и нѣжно расцѣловала меня.

— Я чуть-чуть не подралась съ одной янки,—заявила она,—но мы уже помирились. И все за русскихъ...

— А вашъ мужъ въ это время мнѣ клялся въ вѣрности до гроба...—сказала я.—Она звонко расхохоталась, потомъ замахнулась на Пьера зонтикомъ и трагически произнесла:—*traître! monstre!*..

15 (27) іюля.

Получила очень странное письмо отъ Кривскаго. Онъ пишетъ, что у него была Лили и долго съ нимъ бесѣдовала, что онъ не совсемъ ее понимаетъ, но что она во всякомъ случаѣ дѣвушка замѣчательная, одна изъ тѣхъ сильныхъ натуръ, которыя не приходится мѣрять на общій аршинъ. „Она,—пишетъ Николай Степановичъ,—не будетъ безплодно хныкать и жаловаться, но властно возьметъ отъ жизни все, что она можетъ дать, и по дорогѣ осчастливить многихъ, а если и потопчетъ кой-кого—не ея вина: зачѣмъ попался подъ ноги... А вы, голубушка, должны понять, что Лили крупнѣе разныхъ добродѣльныхъ дѣвицъ, и не огорчаться, если она выкинетъ что-либо на нашъ съ вами взглядъ неподходящее“...

Что же это, Боже мой!.. Очевидно, Николай Степановичъ меня подготовляетъ. Она же, вѣроятно, и упростила. Я догадываюсь, но не могу этому вѣрить... не хочу... боюсь... Ахъ, да не можетъ же этого быть...

16 (28) іюля.

Телеграфировала Юрію Павловичу.

18 (30) іюля.

Телеграмма отъ Юрія Павловича... „Выѣзжай немедленно,
Лили помолвлена съ княземъ“ ...

Ну, конечно, конечно... точно я этого не знала.

Р. М. Хинъ.



ПСИХОЛОГІЯ ЛЮБВИ

и

РЕВНОСТИ У ШЕКСПИРА

Изученіе произведеній Шекспира съ психологической точки зрѣнія представляетъ собою весьма благодарную задачу для критика. Уступая великимъ французскимъ трагикамъ XVII в. въ стройности плана, а испанскимъ—въ искусствѣ вести интригу и умѣньи неослабно возбуждать интересъ зрителя, Шекспиръ превосходитъ тѣхъ и другихъ въ творствѣ характеровъ и тонкомъ анализѣ душевныхъ движеній. Въ то время какъ герои Корнеля и Расина суть въ большинствѣ случаевъ не болѣе какъ олицетвореніе извѣстныхъ страстей, у Шекспира страсти всегда выступаютъ на почвѣ мастерски очерченныхъ характеровъ, въ которыхъ типическое весьма искусно слито съ индивидуальнымъ. Это драгоценное свойство таланта Шекспира давно уже оценено лучшими умами нашего вѣка—философами, художниками и критиками. По словамъ Куно Фишера, Шекспиръ въ первый разъ ясно увидѣлъ, что человѣческія судьбы происходятъ изъ дѣйствій, дѣйствія только изъ страстей, страсти—изъ характеровъ, а характеры изъ естественной и исторической связи вещей. Но никто не ставилъ такъ высоко Шекспира-психолога какъ Гёте. И въ своихъ „Разговорахъ“ съ Эккерманомъ и въ своей статьѣ „Шекспиръ... безъ конца“ (Shakspeare und Kein Ende) Гёте не разъ касается вопроса объ интересѣ изученія драмъ Шекспира съ психологической точки зрѣнія. По мнѣнію Гёте, Шекспиръ не только великій драматургъ, но и великій психологъ:

„изъ его произведеній мы узнаемъ, что волнуетъ человѣческое сердце; онъ изслѣдуетъ человѣческую природу на всѣхъ ея высотахъ и во всей ея глубинѣ. Все, что человѣческая душа таитъ въ своихъ тайникахъ—все это является у Шекспира озареннымъ яркимъ свѣтомъ. Благодаря ему, миръ намъ кажется какъ бы прозрачнымъ; мы становимся повѣренными добродѣтели и порока, величія и ничтожества, благородства и преступленія“. Завѣты Гёте не остались безъ вліянія на послѣдующую шекспировскую критику. Почти во всѣхъ большихъ трудахъ о Шекспирѣ, Ульрици, Гервинуса, Крейссига и др., встрѣчаются по поводу отдѣльных драмъ болѣе или менѣе удачныя экскурсіи въ область психологіи, но эти экскурсіи отличаются эпизодическимъ характеромъ; результаты ихъ не сведены въ одно, лишены систематическаго характера. Только весьма недавно Ветцъ, въ своей книгѣ: „Шекспиръ съ точки зрѣнія сравнительной литературы“ (Shakspear vom Standpunkte der vergleichenden Literaturgeschichte, Worms. 1890), сдѣлалъ попытку подвести итоги изученію произведеній Шекспира съ психологической точки зрѣнія и сравнить въ этомъ отношеніи Шекспира съ драматургами другихъ странъ.

Слѣдуя примѣру этого малооцѣненнаго даровитаго критика, мы поставили своей задачей изложить въ болѣе или менѣе систематическомъ видѣ взгляды Шекспира на два чувства, на двѣ верховныхъ страсти—любовь и ревность, изъ которыхъ первая доставляетъ людямъ величайшее блаженство, а вторая служитъ источникомъ величайшихъ страданій. Въ основѣ взгляда Шекспира на любовь лежитъ жизнерадостное воззрѣніе, свойственное эпохѣ Возрожденія. Шекспиръ видитъ въ любви не грѣховное удовольствіе, которое слѣдуетъ подавлять, а необходимую потребность человѣческаго сердца, которую нельзя заглушить никакими аскетическими обѣтами и предписаніями. „Любовь всеядна,—говоритъ онъ:—нѣтъ на землѣ ни горя выше ея кары, ни счастья—выше наслажденія служить ей“. Неудачную попытку бороться съ всемогущимъ чувствомъ любви изображаетъ Шекспиръ въ своей остроумной комедіи „Потерянная Усилія Любви“. Вѣзбалмошному наваррскому королю пришла въ голову нелѣпная фантазія покинуть столицу, свой блестящій дворъ и удалиться въ сосѣдній лѣсъ, чтобы тамъ въ продолженіе трехъ лѣтъ вести аскетическую жизнь, совершенно отказаться отъ общества женщинъ и проводить все время въ занятіяхъ наукой. Нѣкоторые придворные, въ числѣ ихъ Лонгвиль и Дюманъ, изъ придворной угодливости дѣлаютъ видъ, что охотно соглашаются на предложеніе

короля и находят его фантазію и разумной, и удобоисполнимой; болѣе умный и искренній Биронъ тоже соглашается, хотя и не безъ протеста. Король беретъ съ нихъ клятвенное обѣщаніе исполнять придуманный имъ уставъ; даетъ эту клятву, скрѣпя сердце, и Биронъ, хотя предвидитъ, что ничего изъ этого не выйдетъ. Предсказаніе его оправдывается. Нелѣпой и противостественной фантазіи короля даетъ опроверженіе сама жизнь. Ко двору наваррскаго короля пріѣзжаетъ для дипломатическихъ переговоровъ молодая французская принцесса въ сопровожденіи нѣсколькихъ придворныхъ дамъ. Случилось то, что и должно было случиться: король и придворные влюбляются въ принцессу и сопровождающихъ ее фрейлинъ. Комизмъ состоитъ въ томъ, что каждый изъ нихъ скрываетъ отъ другихъ свое клятвенное нарушение и удаляется въ лѣсъ, чтобъ повѣрить природѣ свои любовныя изліянія. Биронъ сочиняетъ сонетъ въ честь Розалины, король—въ честь принцессы, Лонгвиль—въ честь Маріи, а Дюмэнъ въ честь Катерины. Взбравшійся на дерево Биронъ слышитъ всѣ эти любовныя воркованія и обвиняетъ Дюмэна, Лонгвиля и самого короля въ нарушеніи клятвы. Когда же послѣдніе, въ свою очередь, уличаютъ въ томъ же его самого, онъ въ свое оправданіе произноситъ восторженный гимнъ женщинѣ и любви, такъ характерный въ устахъ человѣка эпохи Возрожденія:

Бодрѣй впередъ, друзья по увлеченью!
 Подумайте, какой вѣдь глупый дали
 Мы всѣ обѣты! Постыться, день сидѣть
 За книгами и не смотрѣть на женщины!
 Да вѣдь подобный приговоръ—измѣна,
 Измѣна противъ самыхъ дорогихъ
 Правъ юности! Рѣшите: въ состоянн-ль
 Постыться мы на молодой желудокъ?
 Воздержностью навѣрно вгонимъ мы
 Его въ болѣзнь. Что-жъ до наукъ, то, давши
 Обѣты корпѣть надъ книгою, отказались
 Отъ чтенья мы полезвѣйшей изъ книгъ.
 Возможно-ль намъ пріобрѣсти познанья,
 Не освѣжая утомленный умъ,
 Взглянувъ порой на женщину? Въ ея
 Глазахъ сквозитъ вся суть и прелесть знанья,
 Въ нихъ тотъ огонь, который Прометей
 Принесъ съ небесъ. Поклявшись
 Не знать, не видѣть женщинъ—отреклись мы
 Отъ глазъ своихъ и даже отъ науки,
 Которой сами-жъ поклялись служить,
 Затѣмъ, что нѣтъ писателя на свѣтѣ,
 Въ чьей книгѣ мы могли бы отыскать

Ту красоту, какой насъ озаряетъ
Взоръ женщины ¹⁾.

Преслѣдуя художественныя, а не научныя цѣли, Шекспиръ не имѣлъ въ виду дать намъ полную психологію чувства любви, но если сопоставить между собою соотвѣтственныя мѣста въ его драмахъ, поэмахъ и сонетахъ, то получится нѣчто въ родѣ шекспировской психологіи различныхъ видовъ любви, начиная отъ чувственной страсти до самаго восторженнаго идеальнаго поклоненія. Чувственную, лишенную всякаго идеальнаго элемента, любовь Шекспиръ рѣдко выводитъ въ своихъ драмахъ ²⁾; но что онъ самъ испыталъ увлекающую силу этой страсти и то пресыщеніе, которое слѣдуетъ за ея удовлетвореніемъ—это доказывается 129 сонетомъ, гдѣ подробно описывается это унижительное состояніе души: „Удовлетвореніе чувственности—это позоръ духа. Страсть до своего удовлетворенія влѣтвоступна, готова на подлость, жестокость, убійство; удовлетворенная, тотчасъ же сопровождается отвращеніемъ; ее ненавидятъ какъ приманку, закинутую съ тѣмъ, чтобы сдѣлать безумнымъ того, кто ее проглотитъ и т. д. Всѣ это хорошо знаютъ, и тѣмъ не менѣе никто не избѣгаетъ этого неба, ведущаго прямо въ адъ“. Наиболѣе типическое выраженіе этой чувственной страсти даетъ намъ Шекспиръ въ своей юношеской поэмѣ „Венера и Адонисъ“. Содержаніе поэмы, заимствованное изъ „Метаморфозъ“ Овидія, состоитъ въ томъ, что богиня любви, встрѣтившись однажды въ лѣсу съ прекраснымъ юношей Адонисомъ, внезапно чувствуетъ къ нему чувственное влеченіе и желаетъ во что бы то ни стало его соблазнить. Она обращается къ юношѣ съ восторженно-льстивыми рѣчами, называетъ его чудомъ природы, лучшимъ цвѣткомъ полей, бальзамомъ, способнымъ исцѣлить богиню. Трепеща отъ страсти, она привлекаетъ его къ себѣ, покрываетъ ласками и поцѣлуями. Но стыдливый и цѣломудренный юноша остается глухъ къ ея рѣчамъ, холоденъ къ ея ласкамъ, которыя своей дикой и хищной страстью глубоко возмущаютъ его чистую, цѣломудренную душу. Заимствуя свой сюжетъ у Овидія, Шекспиръ сумѣлъ ему придать совершенно новое освѣщеніе, что особенно сказалось въ характеристикѣ Адониса. У Овидія Адонисъ—отроць, еще не дозрѣвшій до пониманія любовныхъ на-

¹⁾ Переводъ Соколовскаго.

²⁾ Такова любовь Фальстафа къ Квилю и Долль Тиршитъ; такова внезапно вспыхнувшая страсть Анжело (въ пьесѣ „Мѣра за Мѣру“) къ Изабеллѣ, въ которой нѣтъ ничего, кромѣ плотскаго влеченія.

слаждёнй; онъ объжить отъ страстныхъ признаній и ласкъ богини только вслѣдствіе своей физической незрѣлости: „Я не знаю, что такое любовь“ (*nescio enim, quid amor*), говоритъ онъ Венерѣ. У Шекспира къ этому физиологическому мотиву прибавленъ мотивъ нравственный, это—отвращеніе юнаго цѣломудреннаго сердца отъ кловотанія чисто животной страсти, не согрѣтой чувствомъ, не озаренной ни однимъ лучемъ идеала. „Я пытаю,—говоритъ онъ богинѣ,—отвращеніе не къ любви, но къ твоему пониманію ея (*I hate no love, but your devise of love*), которое можетъ бросить тебя въ объятія перваго встрѣчнаго. Не называй свою страсть любовью! Съ тѣхъ поръ какъ сладострастіе заняло мѣсто любви, ея нѣтъ больше на землѣ—она улетѣла на небо. Любовь радуется намъ, какъ лучъ солнца послѣ грозы и дождя; чувственная же похоть—это буря и гроза послѣ вѣдра; свѣжа и чиста весна любви; зимнее же дыханіе сладострастія губить весенніе цвѣты“. Слова эти весьма характерны для взглядовъ Шекспира на любовь; они свидѣтельствуютъ, что даже въ молодости, когда онъ, по собственному признанію въ сонетахъ, еще находился подъ игомъ своей горячей крови (*Love is my sin*) и часто увлекался чувственной любовью, томившей его какъ горячечный бредъ (*My love is as a fever*), онъ однако не опозитивировалъ чувственной страсти, но разоблачилъ ея эгоистическую и хищную природу и показалъ, что всякая высоконастроенная душа не можетъ относиться къ ней иначе какъ съ отвращеніемъ. Изъ всѣхъ женскихъ типовъ, созданныхъ Шекспиромъ, Венера является чуть ли не единственной представительницей чисто чувственной страсти. Даже у такой вакханки, какъ Клеопатра, страсть согрѣта, если не особенно возвышеннымъ, то во всякомъ случаѣ сильнымъ и восторженнымъ чувствомъ. Клеопатра любитъ Антонія не только за его величественную юпитеровскую наружность, но потому, что видитъ въ немъ идеаль мужины, способный затмить собою даже Цезаря. Она находитъ въ своемъ сердцѣ столько любви, что подавляетъ ревность и всякаго рода опасенія и отпускаетъ его въ Римъ, куда призываетъ его честь. Когда же, главнымъ образомъ, благодаря ей, Антоній проигрываетъ битву и погибаетъ, любовь къ нему Клеопатры вспыхиваетъ съ необыкновенной силой, возвышая и облагораживая эту далеко не возвышенную натуру. Выраженіе Шекспира, что „любовь придаетъ благородство даже тѣмъ, кому природа отказала въ немъ“—вполнѣ подтверждается судьбою Клеопатры; поэтому неправы тѣ критики, которые утверждаютъ, что шекспировская героиня рѣ-

шается на самоубійство не отъ скорби по Антоніи, но изъ страха ожидающаго ее публичнаго позора. Такъ объяснялъ себѣ смерть Клеопатры римскій поэтъ Гораций, и въ стихотвореніи, посвященномъ ей, онъ восхищается мужествомъ египетской царицы, которая безъ колебанія предпочла смерть позору.

Обдумавъ смерть свою, достойную царицы.
На торжество врагамъ не отдалась она
И не пошла рабой въ позорной колесницѣ—
Великая жена! ¹⁾.

Этотъ мотивъ и у Шекспира входитъ въ число мотивовъ, обусловившихъ собою рѣшеніе Клеопатры, но онъ не играетъ здѣсь главной роли. По замыслу Шекспира, Клеопатра не могла пережить безумно любимаго ею Антоніи, потому что міръ безъ него казался ей, по ея собственному выраженію, свиннымъ хлѣвомъ. Глубокая скорбь по Антоніи, охватившая все существо Клеопатры, изгнала изъ ея робкой души страхъ смерти и сдѣлала ее настоящей героиней. Последней мыслью ея было, что Антоній, ожидающій ее въ загробной жизни, одобритъ ея поступокъ.

Но какъ ни любить Клеопатра Антоніи, въ ея любви преобладаетъ элементъ страсти, въ ней нѣтъ той непосредственности, той свѣжести чувства, которой отличается любовь юныхъ, не тронутыхъ жизнью, сердець. Такую любовь Шекспиръ рисуетъ во многихъ пьесахъ: въ „Ромео и Юлія“, „Буря“, „Зимней Сказкѣ“ и др. Надо полагать, что въ этой любви онъ видѣлъ нѣчто роковое, стихійное, неотразимое, ибо при первой встрѣчѣ двухъ молодыхъ существъ, сердца ихъ взаимно притягиваются и притомъ сразу и безповоротно, словно они самой природой были предназначены другъ для друга. „Кто этотъ кавалеръ?—спрашиваетъ Юлія кормилицу, встрѣтившись съ Ромео на балу и поговоривъ съ нимъ всего нѣсколько минутъ:—если онъ женатъ—могила будетъ моимъ брачнымъ ложемъ“. Съ своей стороны, Ромео при первомъ взглядѣ на Юлію забылъ свою возлюбленную Розалину, по которой давно вздыхалъ. И Розалина, и всѣ другія красавицы показались ему безцвѣтными въ сравненіи съ Юліей:

Съ этой дивной красой, среди этихъ людей,
Бѣлый голубь она въ черной стаѣ грачей ²⁾.

¹⁾ Переводъ Фета.

²⁾ Переводъ Каткова.

Равнымъ образомъ первая встрѣча рѣшаетъ судьбу Фердинанда и Миранды въ „Бурѣ“. При видѣ Миранды Фердинандъ преклоняется передъ ней какъ передъ божествомъ и послѣ разговора, продолжавшагося менѣе пяти минутъ, предлагаетъ ей руку и сердце. „Если ты дѣва и сердце твое свободно, я сдѣлаю тебя королевой Неаполя“. Что Шекспиръ, по крайней мѣрѣ въ юношеской періодъ своей жизни, вѣрилъ въ роковое предизбраніе двухъ сердець, это доказывается, кромѣ всего приведеннаго, той похвалою, которую онъ произноситъ своему сопернику Марло, ранѣе высказавшему подобный же взглядъ на любовь въ своей поэмѣ „Геро и Леандръ“: „Умершій пастушокъ! Теперь я понялъ всю силу твоихъ словъ: кто изъ любившихъ не любилъ съ перваго разу?“ („Какъ вамъ угодно“, актъ III, сц. 4). Апострофу этого рокового всемогущаго чувства Шекспиръ далъ намъ въ Ромео и Юліи, при чемъ онъ окружилъ личность двухъ несчастныхъ счастливецевъ ореоломъ ослѣпительной поэзии, а въ самую драму вдохнулъ „все, что есть упительнаго въ ароматѣ ранней весны, томительнаго въ пѣснѣ соловья и сладостнаго въ первомъ расцвѣтѣ розы“ (Шлегель). Любовное пламя, сразу охватившее души молодыхъ людей, повидимому, выжгло изъ нея всякія постороннія соображенія: они стали смотрѣть на міръ только съ точки зрѣнія своей любви. Старинная вражда между Монтекки и Капулетти, слово, данное отцомъ Юліи графу Парису—все это потеряло въ глазахъ любовниковъ всякое значеніе. Свято вѣруя въ свое неотъемлемое право принадлежать другъ другу, они преодолеваютъ всѣ препятствія, тайно вѣнчаются и не отступаютъ передъ тѣмъ, чтобы смертью заплатить взаимную вѣрность. Много лѣтъ тому назадъ нѣмецкая философская критика въ лицѣ Ульрици, Гервинуса и Ретшера доказывала необходимость гибели Ромео и Юліи тѣмъ, что, не признавая ничего, кромѣ своего чувства, они смѣло вступили въ борьбу съ враждебной дѣйствительностью и должны были непременно погибнуть въ этой неравной борьбѣ, что самъ Шекспиръ долженъ былъ принести ихъ въ жертву идеѣ нравственнаго міропорядка (*moralische Weltordnung*), нарушенной ихъ исключительными притязаніями. Но сами философы не замедлили возстать противъ такого бездушнаго толкованія идеи трагедіи. „Хорошъ былъ бы Шекспиръ,—воскликаетъ по этому поводу Куно Фишеръ,—если бы онъ создалъ трагедію любви для того, чтобы показать, какъ гибельна можетъ быть эта страсть, когда она переходитъ надлежащую мѣру“! Никто лучше нашего Бѣлинскаго не выяснилъ общій смыслъ этой чудной поэмы юно-

пеской любви. По его словамъ, „паѳосъ шекспировой драмы составляетъ идея любви и потому пламенными волнами, сверкающими яркимъ свѣтомъ звѣздъ, льются изъ устъ любовниковъ восторженныя патетическія рѣчи. Это паѳосъ любви, потому что въ лирическихъ монологахъ Ромео и Юліи видно не одно только любованіе другъ другомъ, но и торжественное, гордое, исполненное упоенія, признаніе любви, какъ божественнаго чувства“. Трагическая любовь Ромео и Юліи была только поэтическимъ эпизодомъ въ ихъ кратковременной жизни. Чѣмъ разрѣшилась бы, конечно при другихъ условіяхъ, эта любовь, сдѣлались ли бы Ромео и Юлія образцовыми супругами или разочаровались ли бы другъ въ другѣ—объ этомъ можно дѣлать какія угодно предположенія, но подъ условіемъ не навязывать ихъ Шекспиру. Люди, романтически настроенные, какъ, напримѣръ, Ибсенъ, думаютъ, что всякое счастье непременно должно быть скоротечно, иначе оно становится будничнымъ и перестаетъ быть счастьемъ. „О, судьба, — говоритъ въ одномъ мѣстѣ авторъ „Гедды Габлеръ“, —возьми у меня излишекъ счастья, не попусти, чтобъ этотъ священный мигъ былъ оскверненъ продолжительностью!“ Подобнаго же взгляда держался и Бѣлинскій, доказывавшій въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Боткину необходимость трагической катастрофы въ драмѣ Шекспира тѣмъ, что любовь Ромео и Юліи „была не для земли, не для брака, а для любви, для полнаго и дивнаго мгновенія. Я понимаю возможность, что они со временемъ могли бы опротивѣть другъ другу“. Эти опасенія становятся понятны, если мы вспомнимъ, что въ любви Ромео и Юліи было много поэзіи и молодого пыла, но очень мало нравственной связи, составляющей самую прочную гарантію супружескаго счастья.

Отъ любви непосредственной, инстинктивной, переходимъ къ любви идеальной, порождаемой главнымъ образомъ нравственными аффектами—удивленіемъ передъ высокими нравственными качествами мужчины или состраданіемъ къ перенесеннымъ имъ великимъ несчастіямъ. Имоджена, дочь короля Британіи, горячо полюбила и вышла замужъ за друга своего дѣтства, Леоната, человѣка бѣднаго, но образованнаго и богатаго солидными нравственными качествами; въ ея чувствахъ къ нему нѣтъ той пылкой страстности, которой отличается любовь Юліи, но оно глубоко и полно безграничной преданности. Еще меньше страстнаго упоенія въ любви Дездемоны къ некрасивому и пожилому Отелло, покорившему сердце красавицы разсказами о своихъ подвигахъ и страданіяхъ. Самъ Отелло прекрасно разъясняетъ возникновеніе ихъ взаимной любви:

Она меня за муя полюбила,
А я ее за состраданье къ нимъ.

А Дездемона къ этому прибавляетъ, что наружность не играла тутъ никакой роли, что она увидѣла лицо Отелло въ его душѣ. Но верхъ совершенства въ этомъ отношеніи представляетъ собою разсказъ Віолы герцогу о своей сестрѣ въ пьесѣ „Двѣнадцатая Ночь“.—Переодѣтая въ платье пажа, Віола любитъ герцога, у котораго состоитъ на службѣ; не имѣя возможности высказать ему свою любовь, она дѣлаетъ ему косвенное признаніе, разсказывая исторію своей сестры, умершей отъ любви, въ которой она не имѣла силъ признаться:

Мнѣ слишкомъ хорошо извѣстно,
Какъ женщина мужину можетъ полюбить.—
Дочь моего родителя любила,
Какъ, можетъ быть, я полюбила-бъ васъ,
Когда бы женщиной была..

Герцогъ.—А жизнь ея?

Віола.—Пустой листокъ, мой государы
Она ни слова о своей любви
Не проронила, тайну берегла,
И тайна, какъ червякъ, сокрытый въ почвѣ,
Питалась пурпуромъ ея ланить.
Задумчива, блѣдна, въ тоскѣ глубокой,
Какъ геній христіанскаго терѣнья,
Исѣченный на камнѣ гробовомъ,
Она съ улыбкою глядѣла на тоску...
Иль это не любовь? ¹⁾

Какъ ни серьезно смотрѣлъ Шекспиръ на истинную любовь, это не мѣшало ему отнестись отрицательно, а подчасъ даже съ комической точки зрѣнія къ тому, что обыкновенно называется влюбленностью или обожаніемъ. Этотъ видъ любви не есть результатъ инстинктивнаго стремленія другъ къ другу двухъ родственныхъ сердецъ, а имѣетъ свой источникъ либо въ капризной фантазіи, либо въ назрѣвшей потребности любить, которая, очертя голову, бросается на первый кстати подоспѣвшій предметъ.

Такова любовь Ромео къ недоступной красавицѣ Розалинѣ, которая исчезаетъ безслѣдно при встрѣчѣ съ истинной любовью; таково навѣянное чарами лѣтней ночи капризное влеченіе Титаніи къ твачу Основѣ. Въ большинствѣ случаевъ Шекспиръ обозначаетъ эту любовь особымъ терминомъ *fancy* (фантазія), какъ бы давая этимъ понять, что тутъ главную роль играетъ не чувство, а воображеніе.

¹⁾ Переводъ Кроненберга.

Изученіе созданныхъ Шекспиромъ мужскихъ и женскихъ характеровъ, воплощающихъ въ себѣ различные виды любви, приводятъ насъ къ необходимости подвести итоги взглядовъ Шекспира на чувство любви и его значеніе въ человѣческой жизни. Несомнѣнно, что Шекспиръ придавалъ громадное значеніе этому чувству, что онъ смотрѣлъ на любовь съ серьезной, даже трагической точки зрѣнія, считалъ ее главнымъ источникомъ человѣческихъ радостей и страданій. Никогда онъ не позволяетъ себѣ смѣяться надъ истиннымъ чувствомъ или умалять его значеніе, и если въ его драмахъ встрѣчаются иногда такіе глубоко комическіе эпизоды, какъ любовь Титаніи къ челоуѣку съ ослиной головой, то не нужно забывать, что здѣсь осмѣяна не любовь, а влюбленность, на которую онъ, какъ въ высшей степени реальная натура, не могъ смотрѣть иначе какъ съ комической точки зрѣнія. Выводить ли Шекспиръ въ своихъ драмахъ одухотворенную страсть, или инстинктивное непобѣдимое влеченіе, или идеальное, внушенное нравственными мотивами, чувство, онъ во всякомъ случаѣ держится того взгляда, что ни доводы разсудка, ни требованія семейнаго долга не могутъ потушить любовнаго пламени и всегда окажутся бессильными передъ его могуществомъ. Вотъ почему въ его драмахъ мы не встрѣчаемъ такъ любимаго другими драматургами и происходящаго въ душѣ героя или героини конфликта между любовью и семейнымъ долгомъ; послѣдній имѣетъ для нихъ такъ мало значенія, что на борьбѣ его съ любовью оказалось невозможнымъ построить драму. Вѣря въ любовь, какъ въ благотворную стихійную силу, освѣжающую собой нравственную атмосферу челоуѣчества, Шекспиръ горячо отстаивалъ священныя права челоуѣческаго сердца. По взгляду Шекспира, каждый челоуѣкъ самъ долженъ рѣшать этотъ важнѣйшій вопросъ своей жизни, что не мѣшаетъ родителямъ участвовать въ рѣшеніи этого вопроса своимъ совѣтомъ. Защищая неотъемлемыя права своего сердца, слабыя становятся сильными, кроткіе—непреклонными. Узнавши о бракѣ своей дочери Иможены съ Леонато, король Британіи, Цимбелинъ, хотѣвшій выдать ее за сына королевы, раздражается бранью. На эти упреки и ругательства дочь отвѣчаетъ спокойно и сдержанно, какъ женщина, безповоротно отдавшаяся своему чувству; она до того убѣждена въ невозможности поступить иначе, что брань отца ее даже не раздражаетъ:

Цимбелинъ.—Преступное созданье!

Ты юность мнѣ могла бы возвратить,

А ты мнѣ на годъ жизни убавляешь.

Имоджена.— Не сокрушайте, государь, себя
Досадою! Она меня не тронетъ:
Подъ вгось скорби тяжкой и глубокой
Исчезъ мой страхъ.

Цимбелинъ.— И стыдъ и состраданье?

Имоджена.— Да, вѣтъ надежды—вѣтъ и состраданья.

Цимбелинъ.— Какъ? Сыну королевы отказать?

Имоджена.— Я поступила хорошо: орла я избрала,
А ворона отвергла.

Цимбелинъ.— Ты нишаго ввела, чтобъ сдѣлать тронъ мой
Сдѣлаищемъ ничтожности.

Имоджена.— О, вѣтъ!

Я новый блескъ ему бы придала.

Такую же не знающую никакихъ преградъ любовь Шекспиръ изобразилъ въ „Зимней Сказкѣ“. Флоризель, сынъ короля Богеміи, влюбляется въ пастушку и дѣлаетъ ей предложеніе; когда же послѣдняя намекаетъ на громадную социальную бездну, изъ раздѣляющую, и сомнѣвается, чтобъ принцъ могъ выдержать предстоящую ему борьбу съ королемъ-отцомъ, Флоризель отвѣчаетъ:

О, полно!

Прошу, не омрачай нашъ свѣтлый праздникъ

Такой пустой тревогой. Вѣрь, что я

Весь твой, а не отца.

Слухъ о поступкѣ сына доходитъ до короля, который упрекаетъ сына за то, что онъ задумалъ промѣнять царскій скипетръ на жалкій посохъ пастуха и запрещаетъ ему и думать о такомъ низкомъ бракѣ. Флоризель отвѣчаетъ отцу кротко и твердо, а по уходѣ его обращается къ пастухамъ съ такою рѣчью:

Что вы глядите такъ?

Я огорченъ, но вовсе не испуганъ.

Мое рѣшеніе прервано; но твердо

По прежнему. Я тотъ же, что и былъ.

Напротивъ, я стремлюсь сильнѣе,

Когда задержанъ силою ¹⁾.

Созданіемъ цѣлаго ряда свѣтлыхъ личностей, пафосомъ жизни которыхъ была любовь, Шекспиръ ясно показалъ, что надъ этимъ праздникомъ молодости и любви вѣчно почіеть его поэтическое благословеніе; въ случаѣ же столкновенія правъ сердца съ семейнымъ долгомъ или социальнымъ неравенствомъ поэтъ несомнѣнно стоитъ на сторонѣ первыхъ; это видно изъ того, что онъ всегда изображаетъ борцовъ за эти права въ симпатичномъ

¹⁾ Переводъ Ф. Б. Миллера.

видѣ, а когда они гибнутъ, оплакиваетъ ихъ гибель своими симпатичными теплыми слезами.

Считая женскую природу болѣе способной на самопожертваніе во имя любви, Шекспиръ сдѣлалъ женщинъ главными героями своихъ любовныхъ драмъ. Когда же онъ перешелъ къ драмамъ ревности, то женщины отошли на второй планъ, а мѣсто ихъ заняли мужчины. Это произошло не потому, чтобы онъ считалъ женщинъ менѣе доступными сильнымъ припадкамъ ревности, но по всей вѣроятности потому, что ревность, какъ чувство эгоистическое, болѣе свойственна мужской натурѣ, тѣмъ болѣе, что у мужчинъ съ нею тѣсно связано чувство оскорбленной чести. Говоря о ревности, мы будемъ имѣть въ виду исключительно любовную ревность. Это мучительное чувство,—источникъ величайшихъ страданій и жизненнаго разочарованія,—видоизмѣняется не только по народамъ, но и по отдѣльнымъ личностямъ. Люди съ болѣзненно-развитымъ самолюбіемъ или грязнымъ воображеніемъ особенно склонны ревновать къ прошедшему своихъ женъ и любовницъ. По мнѣнію Макса Нордау, это самый ужасный видъ ревности, противъ котораго нѣтъ никакого лекарства, который всегда съ одинаковой силой гложетъ человѣческое сердце. Хотя онъ часто встрѣчается въ жизни, но въ виду его недраматичности только изрѣдка, и то эпизодически, попадаетъ въ драму. Еще рѣже подвергается драматической обработкѣ ревность къ будущему. Тикноръ называетъ эту ревность отвлеченной, ибо ревнивецъ не знаетъ даже лица, къ которому ревнуетъ, но просто боится, чтобы любимое имъ существо не досталось послѣ его смерти другому и заранее терзается въ виду возможности этого факта. Такая ревность составляетъ содержаніе одной изъ самыхъ тяжелыхъ и потрясающихъ драмъ Кальдерона. Герой этой драмы—іудейскій царь Иродъ, о которомъ историкъ Юсіфъ Флавій рассказываетъ, что онъ два раза давалъ приказаніе убить свою страстно любимую жену Маріамну въ случаѣ, если ему придется погибнуть въ войнѣ съ Антоніемъ и Октавіаномъ. Психологіи ревности Шекспиръ посвятилъ четыре драмы: „Зимнюю Сказку“, „Отелло“, „Цимбелина“ и „Троила и Крессиду“, въ которыхъ разсмотрѣлъ различные виды ревности. Въ самой низменной и элементарной формѣ ревность встрѣчается у двухъ лицъ: у героя „Зимней Сказки“ Леонта и у Яго; въ обоихъ случаяхъ она имѣетъ свой источникъ въ ревнивой подозрительности, свойственной низменнымъ натурамъ. Король Сициліи Леонтъ начинаетъ ревновать свою жену Герміону и подозрѣвать ее въ невѣрности не только въ настоящемъ, но и

въ прошедшемъ, только потому, что она, по его же просьбѣ, упростила гостившаго у нихъ короля Богеміи остаться еще на нѣсколько дней, въ чемъ не успѣлъ онъ самъ. Леонтъ отлично сознаетъ, что ревность иногда не имѣетъ никакихъ серьезныхъ основаній, что она зачастую есть плодъ ревнивой подозрительности, способной дѣлать невозможное возможнымъ, но онъ съ ней не можетъ справиться и думаетъ, что на этотъ разъ онъ не ошибается.

Поди сюда, Мамилій! Чей, скажи мнѣ,
Ты сынъ, мой милый мальчикъ?

Мамилій.—Твой.

Леонтъ.—Навѣрно. О, подозрѣнье!

Какъ страшно ты виняешься! Ужъ если
Ты иногда способно насъ взмучить
Безъ всякихъ основаній, какъ пугаетъ
Ужасный сонъ! Ужъ если можешь ты
Дать плоть и кровь тому, чтó не бывало,
То какъ тебѣ противиться, воль скоро
Ты зиждешься на фактахъ ¹⁾.

Всѣ окружающіе короля и достойные всякаго довѣрія люди всячески стараются его образумить, но безуспѣшно, потому что ревность его имѣетъ свой глубокой источникъ въ его врожденной ревности, той злосчастной чертѣ характера, которая, по глубокому замѣчанію Сервантеса, не позволяетъ уму правильно судить о вещахъ, заставляетъ его вѣчно смотрѣть сквозь увеличительное стекло, превращать карликовъ въ гигантовъ и подозрѣнія въ факты. Еще болѣе низкой пробы ревность Яго, основанная сверхъ того на мелкомъ самолюбіи и низменномъ взглядѣ на женщину. Для него вполне достаточно, чтобъ ходили слухи о томъ, что Отелло былъ близокъ съ его женой; какъ душа низкая, онъ готовъ вѣрить всему дурному, стало быть, и этимъ слухамъ. „Мысль объ этомъ, — говоритъ онъ, — гложетъ мою внутренность какъ ядовитый минераль, и ничто не успокоитъ меня, пока я не поквитаюсь съ нимъ, пока онъ не заплатится женой за жену“ ²⁾. То же онъ думаетъ и о Кассіо и такъ же безъ всякихъ основаній, чтó однако, не мѣшаетъ ему строить планы какъ бы отомстить имъ обоимъ разомъ. Совершенно другимъ характеромъ отличается ревность Леонато Постума въ „Цимбелинѣ“. Мы уже знаемъ, что Леонато и Имоджена были друзьями съ дѣтства, что ихъ бракъ былъ бракомъ по любви, основанный на

¹⁾ Переводъ Соколовскаго.

²⁾ Всѣ отрывки изъ Отелло приводятся по переводу Кетчера, какъ самому близкому къ подлиннику.

обоюдной увѣренности въ высокихъ нравственныхъ качествахъ другъ друга. Только непоколебимая вѣра въ любовь и вѣрность жены могла побудить Леонато принять безумное пари, предложенное ему Іоакимо, утверждавшаго, что нѣтъ жены, которая при удобномъ случаѣ не измѣнила бы мужу. Ему хотѣлось доказать этому отъявленному скептику, что женская вѣрность не мечта, что честная и любящая жена устоитъ противъ всякаго соблазна. Понятно послѣ этого, какимъ громовымъ ударомъ былъ для него рассказъ Іоакимо объ измѣнѣ Имоджены, поддѣржанный, повидимому, вѣскими реальными доказательствами. Поддавленный всѣмъ этимъ, онъ испытываетъ жгучія муки ревности. Обманувшись въ любимой женщинѣ, онъ разочаровывается въ женщинахъ вообще и осыпаетъ всѣхъ ихъ проклятіями:

Въ мужчинахъ нѣтъ, кланусь, такихъ порочныхъ
 Наклонностей, какъ въ женщинахъ; обманъ
 Есть свойство женщинъ; лезть и лживость—ихъ же.
 Коварство, скупость, честолюбе, спесь,
 Предательство, измѣнчивость, капризы,
 Все, что клеймать названіемъ порока,
 Что аду лишь извѣстно одному—
 Все это ихъ или частью, или вполне.
 Я стану противъ нихъ и загремать
 Мои проклятыя ¹⁾.

Въ припадкѣ ярости онъ видитъ въ Иможенѣ женщину, не только нарушившую его довѣріе, но и лишившую его того, что на свѣтскомъ языкѣ называется честью, и ему остается одно—мщеніе. Отъ Леонато Постума естественъ переходъ въ Отелло. Какъ истинный художникъ, Шекспиръ не отдѣляетъ ревность отъ характера человѣка, въ которомъ она проявляется. Отелло—не только отравленный ревностью мужъ, убивающій несправедливо заподозрѣнную жену; это—характеръ оригинальный, интересный и далеко выходящій за предѣлы своего драматическаго положенія. Въ лицѣ его Шекспиръ вывелъ типъ, часто попадающійся въ средѣ военныхъ героевъ; при всемъ своемъ умѣ, храбрости и военныхъ талантахъ онъ все-таки дитя въ жизни. Изучивъ темпераментъ и характеръ Отелло, мы поймемъ, почему онъ могъ ревновать съ такой силой и почему Яго могъ такъ легко обойти его. Подобно ревности Леонато, ревность Отелло нисколько не мотивируется его врожденной ревнивостью; напротивъ того, онъ совершенно лишенъ этого недостатка. На вопросъ Эмилиі, не ревнивъ ли Отелло, Дездемона категорически

¹⁾ Переводъ Миллера.

заявляет, что онъ совершенно чуждъ гнусной ревности и вполнѣ увѣренъ въ ней (актъ III, сд. 4). Самъ Отелло говоритъ Яго, что „меня не сдѣлаешь ревнивымъ намегами на то, что моя жена любить пиры, общество, охотно шутить, поеть, играетъ и пляшетъ; если она добродѣтельна—все это дѣлаетъ ее еще добродѣтельнѣй. Даже и то, что я самъ крайне бѣденъ достоинствами, не возбудитъ во мнѣ ни малѣйшаго сомнѣнія въ ея вѣрности; вѣдь у нея были глаза, а она все-таки избрала меня. Нѣтъ, Яго, чтобъ усомниться—нужно прежде увидеть, усомнился—нужны доказательства, а нашель ихъ—прощай разомъ и любовь, и ревность!“ (актъ III, сд. 3). Этимъ признаемъ наивный Отелло далъ Яго цѣлую программу дѣйствія, которой тотъ и не замедлилъ воспользоваться. Но Отелло не былъ бы человѣкомъ, если бы въ его любви не было индивидуалистическаго элемента. Страстно любя Дездемону, онъ томился жаждой личнаго и безраздѣльнаго счастья съ ней. По этому поводу онъ однажды выразился, что ему лучше было бы быть жабой или томиться въ душной темницѣ, чѣмъ знать, что въ томъ, что любишь, есть уголокъ для другихъ (актъ III, сд. 3). Но понимать эти слова нельзя въ смыслѣ зависти, какъ понимаютъ нѣкоторые критики. Отелло здѣсь говоритъ не объ одномъ только физическомъ обладаніи, но главнымъ образомъ о своей вѣрѣ въ безраздѣльную любовь жены; по его словамъ, онъ былъ бы счастливъ, если бы все войско перебывало въ ея объятіяхъ, лишь бы только онъ этого не зналъ. Слова эти, невозможныя въ устахъ испанца, прекрасно дорисовываютъ собою особый характеръ ревности Отелло. Для него важенъ не фактъ и порождаемые имъ въ обществѣ толки, но знаніе, что его довѣріе нарушено, что то, что онъ считалъ своей безраздѣльной святыней, освернено прикосновеніемъ другого. Подобно всѣмъ людямъ, живущимъ въ обществѣ и въ силу этого неравнодушнымъ къ вопросамъ такъ называемой чести, Отелло, конечно, не желалъ быть смѣшнымъ въ глазахъ общества, но боязнъ грядущаго позора не сдѣлала его подозрительно-ревнивымъ, и потому, характеризуя ревность Отелло, нужно принимать въ соображеніе всѣ эти элементы, но помнить, что въ данномъ случаѣ они стоятъ на второмъ планѣ, что ревность Отелло имѣетъ возвышенный, идеальный характеръ, что страданіе его главнымъ образомъ происходитъ не оттого, что онъ считаетъ себя опозореннымъ въ глазахъ общества, не оттого, что у него вмѣстѣ съ честью отнять лакомый кусочекъ, но оттого, что онъ утратилъ вѣру въ любящую женщину и женскую добродѣтель вообще, что идеаль его рассыпался въ

прахъ и что вслѣдствіе это весь міръ превратился для него въ хаосъ. Такъ понималъ характеръ Отелло Пушкинъ, который въ одномъ мѣстѣ выразился, что Отелло не ревнивъ, потому что онъ довѣрчивъ. Приводя эти слова, Достоевскій („Братья Карамазовы“, книга VIII, глава III) замѣчаетъ, что они свидѣтельствуютъ о необыкновенной глубинѣ ума нашего великаго поэта. По словамъ Достоевскаго, „у Отелло просто разможжена душа и помутилось все его міросозерцаніе, потому что погибъ его идеаль. Но Отелло не станетъ прятаться, подглядывать, шпионить, ибо онъ довѣрчивъ. Напротивъ—его нужно наводить, наталкивать, разжигать съ чрезвычайными усилиями, чтобы онъ только догадался объ измѣнѣ. Не таковъ истинный ревнивецъ“. И такъ, ревность Отелло не похожа на банальную ревность Леонта или Яго; она отличается возвышеннымъ характеромъ и свидѣтельствуетъ о благородствѣ его души. Въ драмѣ „Троилъ и Крессида“ Шекспиръ взялъ еще тономъ выше. Въ лицѣ Троила онъ изобразилъ человѣка, до того проникнутаго вѣрой въ людей, до того чуждаго всякой ревнивой подозрительности, что онъ не только не вѣритъ инсинуаціямъ Улисса насчетъ Крессиды, но не вѣритъ своимъ собственнымъ глазамъ. Если разставаясь съ Крессидой, отправлявшейся въ станъ грековъ, онъ высказываетъ нѣчто похожее на ревность, то это не вульгарная ревность, а невольный страхъ за свое счастье, основанный на скромномъ сознаніи, что онъ не такъ интересенъ для Крессиды, какъ ахейскіе юноши. И вотъ такому-то беззавѣтно любящему и идеально настроенному человѣку приходится быть очевидцемъ любовнаго свиданія своей возлюбленной съ записнымъ воловитой Диомедомъ. Уничтоженный и ошеломленный, онъ долго не можетъ придти въ себя; онъ скорѣе готовъ допустить, что зрѣніе и слухъ его обманули, что онъ сошелъ съ ума, чѣмъ повѣрить, что такъ безсердечно и коварно могла поступить съ нимъ любимая женщина:

Коль здѣсь была Крессида, то Крессида
 Другая—не моя! Коль скоро души
 Еще бываютъ чисты, то повѣрь,
 Что это не Крессида. Если клятвы
 Еще бываютъ святы, то передъ нами
 Была здѣсь не Крессида. О, безумство!
 Куда меня ведешь ты? Я невольно
 Себѣ противорѣчу, приведенный
 Однимъ и тѣмъ же разумомъ къ двоякому
 И разному рѣшенью! Умъ равно
 Берется доказать, что предо мною

Была Крессида здѣсь, и вмѣстѣ шепчетъ,
Что ей нельзя здѣсь быть ¹⁾.

Послѣ всего этого кажется нѣсколько страннымъ мнѣніе нѣкоторыхъ критиковъ, увѣряющихъ, что Шекспиръ взглянулъ на любовь Троила и Крессида съ комической точки зрѣнія. Безумная любовь и не менѣе безумное отчаяніе Троила могли быть смѣшны развѣ только такой бездушнѣй кокеткѣ, какъ Крессида, но не великому поэту. Эта пьеса, равно какъ и „Отелло“, суть трагедіи нарушеннаго довѣрія и крушенія идеаловъ, и Шекспиръ не былъ бы истиннымъ поэтомъ, если бы взглянулъ на подобный сюжетъ съ комической точки зрѣнія.

Разсмотрѣвъ четыре пьесы, написанныя на тему ревности, переходимъ къ вопросу о Шекспировой психологіи этого чувства. Изученіе типовъ ревнивцевъ, выведенныхъ въ этихъ пьесахъ, приводитъ къ заключенію, что Шекспиръ отличалъ ревность, проистекающую изъ естественнаго страха потерять любимое существо или разочароваться въ немъ, отъ ревности, чувства низкаго, имѣющаго свой источникъ въ зависти и мелкомъ самолюбіи, врожденной подозрительности и низменномъ взглядѣ на женщину. Слова Эмилиі, что „ревность не нуждается въ поводахъ, что люди ревнуютъ часто безъ всякихъ поводовъ, а потому что ревнивы“ (актъ III, сд. IV), относятся, конечно, къ ревности, на которую не способна возвышенная душа Отелло. Яго, какъ человѣкъ низкой души, другой ревности и не понимаетъ: „Берегитесь,—говоритъ онъ Отелло,—ревности, этого чудовища, создающаго пищу, которой само питается“ (актъ III, сд. 2). Шекспиръ оправдываетъ ревность, проистекающую изъ страстной любви и боязни потерять любимое существо, но относится отрицательно къ ревнливой подозрительности, считая ее чувствомъ низменнымъ, недостойнымъ возвышенной природы. Сообразно этому взгляду, онъ выводитъ два типа ревнивцевъ: къ первому, возвышенному нужно отнести Леонато Постума, Отелло и Троила; ко второму, низменному—Яго и Леонта. Конечно, какъ художникъ, Шекспиръ ставитъ это чувство въ тѣсную связь съ характеромъ, въ которомъ оно проявляется. Зарожденіе ревности, способы ея проявленія, опустошенія, которыя она производитъ въ сердцѣ человѣка, отравленнаго ея ядомъ—все это находится въ зависимости отъ характера человѣка, его темперамента и міросозерцанія. Чѣмъ возвышеннѣе и благороднѣе натура, тѣмъ менѣе она доступна ревности и тѣмъ разрушительнѣе дѣйствуетъ на нее

¹⁾ Переводъ Соколовскаго.

настоящая ревность. Въ тѣсной связи съ ревностью стоитъ мотивъ чести; по взгляду Шекспира, этотъ вѣдшій мотивъ, основанный на боязни быть смѣшнымъ въ глазахъ общества, имѣетъ гораздо больше значенія для ревнивцевъ низменной категоріи, чѣмъ для Отелло или Леонато Постума, не говоря уже о Троицѣ. Хотя Отелло и говоритъ, что онъ убилъ Дездемону не изъ ненависти, а изъ оскорбленной чести, но онъ говоритъ это по традиціи; въ сущности же такъ называемая честь, какъ мотивъ вѣдшій, играла въ его рѣшеніи гораздо меньшую роль, чѣмъ нарушенное довѣріе, крушеніе идеаловъ и наконецъ мысль не дать Дездемонѣ возможности обманывать другихъ людей. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить пьесу Шекспира съ прославленной драмой Кальдерона, написанной на тему ревности Врачъ своей чести (*El medico de su honra*). Уже самое названіе пьесы показываетъ, что, въ противоположность Шекспиру, здѣсь на первомъ планѣ стоитъ честь. Вообще мотивъ чести и въ жизни испанцевъ и въ испанской драмѣ играетъ такую преобладающую роль, какой онъ не играетъ нигдѣ въ цѣломъ мірѣ. Въ Испаніи этому идолу приносились въ жертву состраданіе, справедливость и всѣ нравственные принципы. Напрасно лучшіе умы вѣка возставали противъ культа этому идолу; ихъ никто не слушалъ, и въ концѣ концовъ они сами шли за толпой и для большаго эффекта придавали чувству чести еще больше экзальтаціи и фанатизма, чѣмъ это было въ дѣйствительности. Лучшимъ доказательствомъ того, что въ Испаніи ревность къ своей чести была гораздо сильнѣе любовной ревности и служить названная мною драма Кальдерона. Содержаніе ея можно рассказать въ нѣсколькихъ словахъ. Герой драмы донъ Гутьере былъ женихомъ прекрасной Леоноры, но, приревновавъ ее къ кому-то, отказался отъ давнаго слова и женился на доньѣ Менсіи, любившей до замужества брата короля, инфанта донъ Энрике. Узнавъ, что жена видѣлась наединѣ съ своимъ прежнимъ возлюбленнымъ и видя въ этомъ поступкѣ прежде всего оскорбленіе своей чести, донъ Гутьере тотчасъ принимаетъ роковое рѣшеніе, велитъ женѣ приготовиться къ смерти и приводитъ къ ней врача Людовико, котораго проситъ пустить кровь женщинѣ, лежащей подъ покрываломъ. Въ то время какъ Менсія истекаетъ кровью, въ домъ донъ Гутьере случайно заходитъ самъ король. На вопросъ короля, чтò тутъ происходитъ, донъ Гутьере объясняетъ смерть жены простой случайностью. Король догадывается, въ чемъ дѣло, находитъ поступокъ ревниваго мужа вполне естественнымъ и требуетъ только, чтобы онъ немедленно женился на своей преж-

ней невѣстѣ донѣ Леонорѣ, на что донъ Гутьере даетъ свое согласіе, предупреждая Леонору, что и ее ждетъ та же участь, если она своимъ поведеніемъ нанесетъ ущербъ его семейной чести. Хотя драма Кальдерона по содержанию имѣетъ много общаго съ пьесой Шекспира, но въ сущности между ними глубокая разница. Испанскій ревнивецъ является холоднымъ и злымъ эгоистомъ, который безъ всякой борьбы совершаетъ убійство и заботится только о своей чести. Убивъ жену, онъ какъ ни въ чемъ не бывало, въ виду еще не остывшаго трупа ея, даетъ свое согласіе жениться на Леонорѣ, тогда какъ несчастный мученикъ охватившей его ревности, Отелло, для котораго мнимая измѣна жены равнялась крушенію всѣхъ его идеаловъ, не можетъ пережить ни этого крушенія, ни смерти Дездемоны, и въ припадкѣ отчаянія убиваетъ самого себя.

Одинъ изъ главнѣйшихъ представителей новѣйшаго психологическаго романа во Франціи, Поль Бурже, въ своемъ романѣ „Ложь“ (Mensonge) задаетъ себѣ вопросъ, что нужно, чтобы быть въ настоящее время писателемъ? и отвѣчаетъ на него такимъ образомъ: „Быть писателемъ, значить, превратить самого себя въ матеріалъ для психологическихъ опытовъ, продѣлать надъ своимъ собственнымъ сердцемъ то, что Клодъ Бернаръ продѣлывалъ надъ своими собаками, а Пастѣръ—надъ своими кроликами, т.-е. привить къ нему всѣ яды человѣческой души“. Шекспиру нечего было искусственнымъ образомъ прививать себѣ эти яды—объ этомъ позаботилась сама жизнь. Хотя факты внѣшней біографіи Шекспира очень скудны, но зато его внутренняя жизнь ярко отразилась какъ въ его драмахъ, такъ и въ поэмахъ и въ его лирическихъ стихотвореніяхъ, его сонетахъ, большинство которыхъ, безспорно, имѣютъ автобіографическое значеніе. Изъ сонетовъ Шекспира видно, какъ поэта постоянно угнетала мысль объ его презираемой обществомъ актерской профессіи и о той социальной безднѣ, которая отдѣляла его отъ высокопоставленнаго друга. Гнетъ дѣйствительности былъ по временамъ такъ невыносимъ для Шекспира, что, изнемогая подъ его бременемъ, онъ жадно призывалъ покой могилы (сонетъ 66). Далѣе, есть цѣлая группа сонетовъ, въ которой описываются отношенія Шекспира къ одной неизвѣстной дамѣ, бездушнѣйшей вѣткѣ, которая самымъ недостойнымъ образомъ играла сердцемъ поэта, мучила его своею холодностью, привлекала и отталкивала, заставляя его испытывать жгучія муки ревности (сон. 139), и кончила тѣмъ, что измѣнила ему и сошлась съ его лучшимъ другомъ. Подобно Антонию, онъ прекрасно зналъ всю нравственную негодность

своей возлюбленной, презиралъ себя за слабость, грызъ свои цѣпи, но не могъ устоять противъ ея обаянiя и, удалившись, снова возвращался къ ней. Вотъ отчего въ его драмахъ нѣрѣдко слышатся выстраданныя ноты, попадаются стихи, на которыхъ какъ бы запеклась кровь его сердца. Зная все это, мы можемъ съ полнымъ правомъ отнести къ Шекспиру такъ, какъ отнеслась Дездемона къ Отелло, которая полюбила его за то, что онъ много чувствовалъ и страдалъ.

Н. СТОРОЖЕНКО.



КАНИКУЛЫ

ПОВѢСТЬ.

Окончаніе.

XIV *).

Въ прихожей было уже довольно тѣсно. Два клубныхъ ла-
кея, къ которымъ директоръ гимназіи прибавилъ въ видѣ уси-
ленія штата и своего камердинера, едва справлялись съ дамами,
постоянно прибывавшими. Леля, приподнявъ брови, съ великимъ
любопытствомъ разсматривала ихъ и думала:

„Однако, сколько ихъ!.. Такой маленькій городокъ и такая
куча женщинъ!... Но, боги, что за тоны!..“

Въ „дамской уборной“ негдѣ было повернуться; возлѣ трюмо
съ парюю канделябръ по бокамъ начиналась почти давка. Слышны
были не совсѣмъ любовные возгласы, въ родѣ: „да куда же вы
гѣзете, всѣ ноги мнѣ отдавили“ и т. п.

Какихъ только костюмовъ тутъ не было, причесокъ и укра-
шеній! Брови Лели застыли на небольшой высотѣ, до которой
могли подняться, такъ велико было ея изумленіе.

„Это чудовищно, надѣвать такія вещи,—мысленно воскли-
цала она: —лучше бы ужъ въ простыхъ кисейныхъ платьяхъ
явились... Женщина, одѣтая такъ—не женщина“.

— Господа, здѣсь невыносимо,—рѣшительно заявила Леля,
зажимая носъ надушеннымъ платкомъ: —тавая духота, дышать

*) См. выше: авг., 477 стр.

нечѣмъ... Пойдемте въ залу; надѣюсь, что тамъ попросторнѣе... Вѣдь все равно здѣсь оправиться негдѣ...

У входа въ залу стоялъ Гриша—нѣсколько прилизанный и въ своемъ новомъ черномъ сюртукѣ похожій на молодого сапожного мастера въ праздничный день. Лелѣ онъ не понравился, и это обстоятельство причинило ей непріятное ощущеніе разочарованія. Ей вдругъ стало скучно. Нѣжный и радостный огонь, вспыхнувшій въ Гришиныхъ глазахъ, когда онъ встрѣтилъ ея взглядъ, не тронулъ ее. Холодная, почти надменная, прошла она мимо него подъ руку съ Аллой и не сказала ему ни одного слова, не сдѣлала ни малѣйшаго дружжелюбнаго знака. Зато Мавитра, пріятельски улыбаясь ему изъ-подъ тучи черныхъ кудряшекъ, потрясла его руку такъ основательно, что онъ поморщился. Лизу онъ даже и не сразу распозналъ подъ слоємъ „муки“, облѣпившей ее всю. Онъ машинально что-то отвѣчалъ на трескотню Мавитры и въ то же время сосредоточенно размышлялъ о томъ, почему „она“ сегодня такая странная и недобрая.

— Гордая, важная, — съ горечью припоминалъ онъ себѣ ее:—ну, если такъ—не надо!.. Тоже, не стану...

Но вотъ Караваевыхъ узнали, окружили ихъ, и началась одна изъ тѣхъ, очень продолжительныхъ, минутъ, которыя доставляли Аллѣ столько скуки и томленія, а Женѣ столько удовольствіи и торжества. Подиловъ, Рушиловъ, Перель, Пагасовскій, Лошинскій, Козаченко и всѣ, кого когда-либо встрѣчали на своемъ вѣку въ этихъ мѣстахъ обѣ Караваевы—всѣ подошли поздороваться, напомнить о себѣ, пригласить на тотъ или другой танецъ... Алла была вынуждена представлять всю эту компанію Лелѣ, но Леля держалась такъ мило и просто, что весьма облегчила ея задачу.

Нюхъ Жени не обманулъ ее: никакого особеннаго эффекта Леля не произвела, да и не могла произвести. Обыкновенному смертному иной разъ простой цвѣтокъ огороднаго маку гораздо болѣе по душѣ, чѣмъ самое пышное, но чуждое дитя экзотической флоры.

Женя, каждой клѣточкой своего существа чувствовала, что нравится, и это сознаніе сдѣлало ее еще болѣе интересной. Ее „вдохновляла“ эта неуловимо возникающая увѣренность въ томъ, что она производитъ впечатлѣніе. И на скромной Аллѣ оставалось много лестныхъ взоровъ, но эти взоры смущали и конфузили ее. Въ противность сестрѣ, она дѣлалась растерянной

и неловкой и мечтала, какъ о благѣ, чтобы на нее поменьше обращали вниманія.

На выручку ей подошла музыка: изъ „музыкантской“ неожиданно грянулъ рѣзвый маршъ, знаменующій собою открытіе бала. Разговоры сдѣлались затруднительны, общество раздѣлилось на маленькія группы, чаще всего на пары и, прогуливаясь подъ бойкіе звуки еврейскаго оркестра, лучшаго въ городѣ, принялось „разминать ноги“ для предстоящей работы.

Женя, подъ руку съ Рушиловымъ, сіяла. Макитра, подцѣпившая Пагасовскаго, хохотала такъ неистово, что ее было слышно, несмотря на маршъ. Алла и Лёля усѣлись въ укромномъ углу, при чемъ возлѣ Аллы побѣдоносно торчалъ огненный хохоль Переля. Возлѣ Лёли было пусто. Лиза, вдвоемъ съ какой-то необыкновенно худой барышней, проникла въ значительно опустѣвшую уборную и пристыла къ зеркалу.

Вдругъ маршъ оборвался на полуфразѣ, и вмѣсто него полилась пѣвучая мелодія моднаго вальса, настолько пѣвучая и подзадоривающая, что Козаченко не вытерпѣлъ и, точно въ самозабвеніи вцѣпившись въ первую подвернувшуюся барышню, стремительно ринулся съ нею въ толпу, быстро раздавшуюся по сторонамъ, чтобы очистить мѣсто танцорамъ. Примѣру Козаченки послѣдовалъ Пагасовскій съ Макитрой, и вскорѣ зала переполнилась плавно скользящими по обильно навощенному полу парами.

Алла просящимъ тономъ отказывалась отъ приглашеній, но все-таки приходилось танцевать волей-неволей. Женя, неумоимо перелетающая изъ однихъ объятій въ другія, не забывала дѣлать ей страшные и сердитые глаза, когда подмѣчала ея отказы. Лёлю какъ-то боялись приглашать, только одинъ Козаченко, красный, какъ піонъ, храбро распаркался передъ нею и чуть не растянулся съ первыхъ же раз, охваченный самолюбивымъ волненіемъ.

Гриша, больно уязвленный небрежнымъ равнодушіемъ Лёли, мужественно выдерживалъ свое рѣшеніе „не надоѣдать важной дѣвицѣ и не заискивать ея вниманія“. Лёлю неприятно удивляло, что онъ не подходитъ къ ней и не смотритъ на нее обычнымъ бессознательно восторженнымъ взглядомъ—взглядомъ, къ которому она начала привыкать до того, что отсутствіе его сдѣлалось чувствительнымъ.

„Неужели онъ понялъ“,—нѣсколько тревожно раздумывала она, подразумеывая подъ словомъ „поялъ“ то, что онъ угадалъ

произведенное на нее неблагоприятное впечатлѣніе:—это дѣлало бы слишкомъ большую честь его чуткости.

Тѣмъ не менѣе предположеніе о его чуткости подтверждалось чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Вскорѣ Лѣля увидѣла его танцующимъ съ неизвѣстной ей хорошенькой бѣловурой барышней, простодушное личико которой сіяло искреннѣйшимъ удовольствіемъ. Приглашенные раньше темные волосы Гриши уже успѣли растрепаться на обычный манеръ, а дурно спятый сюртукъ не былъ въ состояніи скрыть природнаго благородства его юной фигуры. Сердце Лѣли дрогнуло отъ невѣдомаго ей до этого момента тягостнаго ощущенія. Ей почудилось, что Гриша не имѣетъ никакого права дѣлать то, что онъ дѣлаетъ. И еще, при этомъ, такъ беззаботно улыбается. Похолодѣвшими пальчиками она стиснула вѣеръ, въ глазахъ блеснула свѣтлая молнія гнѣва. Боннѣ-англичанкѣ, ходившей за нею до двѣнадцати лѣтъ, хорошо извѣстенъ этотъ зловѣщій огонекъ. Непосредственно вслѣдъ за этимъ огонькомъ, появившимся въ глазахъ своенравной дѣвочки, слѣдовалъ цѣлый рядъ необузданныхъ выходовъ, поражавшихъ неожиданностью, часто остроуміемъ и, всего чаще, злостью. И теперь, привычная свѣтская сдержанность вдругъ оставила ее совершенно. Слегка покраснѣвъшись, съ безпокойно слѣдящими за интересующей ее парочкой глазами, Лѣля гнѣвно и нетерпѣливо ждала, чтобы эта парочка приблизилась къ ней. И когда вальсирующий Гриша съ хорошенькой блондинкой, восхищенно глядѣвшей на него, прильнувъ къ его плечу, поровнялся съ нею, она повелительно дотронулась до его рукава сложеннымъ вѣеромъ и почти громко произнесла: „Гриша“!..

Юноша былъ ужасно пораженъ и тѣмъ, что она позвала его, и тѣмъ, что въ первый разъ вмѣсто „Григорія Валерьяновича“ употребила ласковое и фамиллярное полуимя. Остановившись, какъ вкопанный, противъ Лѣли, онъ растерянно выпустилъ изъ рукъ свою блондинку и не обратилъ никакого вниманія на то, что она обидѣлась на него за его необъяснимо невѣжливое поведеніе.

Лѣля небрежно чуть-чуть улыбулась ей вслѣдъ.

— Давайте танцовать,—сказала она, кусая губы, чтобы сдержать торжествующій смѣхъ и устремивъ на Гришу лукавый взглядъ. Увѣреннымъ и красивымъ движеніемъ положила она тонкіе пальчики въ бѣлой перчаткѣ на сукно его неуклюжаго сюртука...

Лишь едва замѣтная блѣдность выдавала тотъ глубокой взволнованный трепетъ, которымъ насевозъ прониклось все существо его, какъ только онъ робко обнялъ гибкій станъ прекрасной

дѣвухи. Ему казалось, что онъ не танцуетъ, а летить куда-то въ высь, на встрѣчу необъятной радости, уже гдѣ-то уготованной для него. Жуткое предчувствіе этой радости ширило его грудь и ласковымъ холодкомъ обвѣвало его лицо съ раскрытыми, но ничего не различающими глазами. Какой-то „добрый богъ“ охранялъ его и его даму въ этой тѣсной сутолокѣ отъ „столкновенія и падежа“, какъ выразился о подобномъ инцидентѣ Коваченко.

— О, Гриша!.. Вы затанцовали меня до полусмерти,—задышающимся шопотомъ, сэвозъ нервный смѣхъ, остановила его, наконецъ, послѣ пятого или шестого тура, Лѣля, розовая и довольная. Гриша не сразу понялъ, о чемъ она говоритъ, и посадилъ ее только тогда, когда она рѣшительно сняла руку съ его плеча.

— Алла, весело тебѣ?—шаловливо спросила она у пробравшейся мимо нихъ подъ руку съ Перелемъ пріятельницы. Та усмѣхнулась и, немножко помедливъ, утвердительно кивнула головой.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы Алла чувствовала себя особенно хорошо. Ее смущала и была ей просто тягостна мысль о томъ, что, навѣрное, балъ посѣтитъ директоръ, что придется отецъ, что ее и Женю представлять „начальству“, какъ претендентокъ на вакантныя мѣста въ гимназіи... Но ей съ дѣтства хорошо знакомо то обстоятельство, что въ каждой бочкѣ меду есть своя ложка дегтю, и она хоть и не можетъ къ этому привыкнуть, но это никогда не бываетъ для нея неожиданностью.

Этотъ балъ, носившій въ публикѣ названіе „гимназическаго“, являлся традиціонной любезностью директора для выпускного класса. За все платитъ онъ, и только наиболѣе состоятельные изъ окончившихъ гимназію берутъ небольшую часть расходовъ на себя. Клубъ даетъ залу даромъ, угощеніе и оркестръ стоятъ немного, а удовольствія, пріятныхъ волненій, веселья и воспоминаній у многихъ хватаетъ на цѣлый годъ, вплоть до слѣдующаго бала. Директоръ, состоятельный старичокъ, всегда затертый бойкимъ, прырливимъ и умнымъ инспекторомъ, чрезвычайно доволенъ тѣмъ, что честь устройства „гимназическаго бала“ всецѣло принадлежитъ ему одному. Его благодарятъ, онъ произноситъ рѣчь, провозглашаетъ тостъ, выпиваетъ бокалъ шампанскаго и уѣзжаетъ домой, провожаемый признательными криками молодежи. Все это нѣсколько нарушаетъ непринужденный тонъ вечеринки, но появляется онъ не раньше одиннадцати, остается не долѣе получаса, слѣдовательно, не очень мѣшаетъ, и это есть главная причина его популярности.

Лелѣ ужасно хотѣлось смѣяться, когда она взглядывала на сидящаго возлѣ нея Гришу, притихшаго, разсѣяннаго, отвѣчающаго невпопадъ и некстати улыбающагося.

— Ступайте танцовать, — говорила она ему уже нѣсколько разъ и все безплодно: — барышень такая масса, а мужчинъ совсѣмъ мало... Бѣдняжки хотятъ попрыгать... Смотрите, сколько ихъ сидить... Это безсовѣстно съ вашей стороны...

— И пусть сидятъ. Я не хочу, — опредѣленно отвѣтствовалъ Гриша, находя, что онъ и логиченъ, и правъ.

Когда Лелю приглашали, онъ все-таки оставался на своемъ мѣстѣ недвижимо, несмотря на то, что „бѣдная Лиза“ помѣстилась невдалекѣ и не сводила съ него умоляющихъ глазъ. Ее приглашали совсѣмъ рѣдко, но это почти не огорчило бы ее, если бы Гриша догадался хоть разъ подойти къ ней.

Успѣхъ Жени и Мавитры раздѣляла хорошенъкая барышня съ двумя толстыми льняными косами, свободно падавшими чуть-ли не до колѣнъ. Она — полька и извѣстна у восхищающихся ею гимназистовъ подъ именемъ „Маргариты“.

„Аристократическое“ женское сословіе почему-то считаетъ неприличнымъ посѣщать гимназическій балъ, — поэтому здѣсь не видно ни судыхи съ ея консерваторкой-дочерью, ни баронессы Китценмаузенъ, ни мадаме Выхрусевичъ и другихъ. Врядъ ли это кого-нибудь огорчаетъ, хотя есть основанія предполагать, что огорчаются именно сами аристократическія дамы. По крайней мѣрѣ, черезъ директорскую прислугу распространились слухи, что баронесса Китценмаузенъ три раза принималась одѣваться, чтобы ѣхать, но ее отговорила пришедшая въ гости Авдотья Романовна Бедрякова.

Какъ разъ въ антрактѣ между двумя фигурами кадрили — черезъ танцевальную залу, наступая попутно на всѣ встрѣчающіяся ножи, прослѣдовалъ докторъ Михайловъ, чрезвычайно неопрятный и взерошенный — и скрылся въ буфетѣ. Пагасовскій выразительно качнулъ Гришѣ въ его сторону головою. Гриша, впрочемъ, ничего не замѣтилъ, такъ какъ Лелю, случайно бросившая взглядъ на Лизу, мгновенно догадалась обо всемъ и категорически приказала Гришѣ пригласить ту на слѣдующій же танецъ.

— Я васъ не часто удручала просьбами, — говорила она, смѣясь и волнуясь: — и я непременно хочу, чтобы вы съ ней танцовали побольше. Нельзя же все со мной, да со мной... Это неудобно!..

— Очень даже удобно, — протестовалъ Гриша, хмурясь и

дѣлая кислую мину, но это ему не помогло, и Лиза получила таеи отъ „судьбы“ свою долю пріятнаго.

Пріѣхалъ директоръ. Музыка, неизвѣстно по чьему распоряженію, грянула тушъ, а молодая публика встрѣтила его громомъ аплодисментовъ. Красенькій, сѣденькій старичокъ кланялся во всѣ стороны и добродушно улыбался. Онъ былъ одѣтъ въ полную парадную форму, словно на официальное торжество, — этимъ онъ какъ бы отдавалъ послѣднюю честь своимъ воспитанникамъ, выпуская ихъ изъ-подъ своего крыла. За спиною его мелькнуло блѣдное утомленное лицо Караваева, близорувими глазами искавшего въ толпѣ дочерей.

Женя первая увидѣла отца. Наставалъ важный моментъ въ ея жизни. Если не удастся такъ скоро выйти замужъ, — недурно будетъ заручиться мѣстомъ. Поэтому она быстро пробралась къ Аллѣ, которая, замѣтно поблѣднѣвъ, стояла гдѣ-то въ сторонѣ, схватила ее за руку и потащила къ отцу. Узнавъ ихъ, онъ слабо улыбнулся, кивнулъ головой и сказалъ вполголоса:

— Вотъ, какъ рѣчь скажетъ и шампанское выпьетъ... Протолкаемся поближе и я васъ представлю его превосходительству...

Тутъ и аплодисменты стихли, директоръ заговорилъ. Говорилъ онъ что-то очень добродушное и любезное, и пріятный стариковскій голосъ его отчетливо раздавался въ глубокой тишинѣ, воцарившейся чуть-ли не во всемъ зданіи клуба, до буфета и кухни включительно. Послѣднія слова онъ произнесъ съ бокаломъ въ рукѣ, провозглашая тостъ за окончившихъ гимназію и „вступающихъ на поприще жизни“... Кричали ура, и наконецъ Козаченко и Перель, первые ученики и медалисты, отвѣтили въ свою очередь маленькой рѣчью каждый, при чемъ Козаченко едва не захлебнулся отъ волненія. Въ концѣ концовъ все обошлось благополучно.

Подталкивая дочерей впередъ, Караваевъ, раздвигая толпу, приблизился къ директору и залепеталъ съ такимъ подобострастіемъ, на какое только былъ способенъ:

— Вотъ, ваше превосходительство... Вы изволили приказать отрекомендовать вамъ моихъ дочерей... Обѣ окончили въ изнѣшнемъ году... Старшая, Алла, съ золотой медалью... Младшая, Евгенія... Обѣ примѣрнаго поведенія и съ радостью готовы послужить подъ начальствомъ вашего превосходительства...

Глаза его превосходительства пытливо скользнули по Аллѣ и остановились на Женѣ съ видимымъ удовольствіемъ. Онъ шаркался передъ дѣвками со всею граціей хорошо воспитан-

наго свѣтскаго человѣка, протянулъ руку сначала Аллѣ, потомъ Женѣ и сдѣлалъ легкое движеніе протянуть ее Караваеву. Караваевъ потянулся—было также, но рукопожатія все-таки не вышло, такъ какъ директоръ, секунду подумавъ, неуловимо отдернулъ свою и сунулъ ее въ карманъ.

Алла восприняла это маленькое обстоятельство до-нельзя впечатлительно. Поблѣввъ до самыхъ губъ, она уставилась на отца, какъ загнипнотизированная, переживая вмѣстѣ съ нимъ, только гораздо живѣе его, всю боль униженія. Караваеву это уже не впервой за всю его долгую жизнь, а ей, невѣдомо какими путями добредшей до идеи человѣческаго достоинства, все это было прямо грубымъ ударомъ.

Бѣшеная ненависть къ розовенькому сановному старичку сдавила ее сердце. Какъ онъ смѣетъ такъ благосклонно, даже чуть заигрывая, болтать съ Женей, если онъ оскорбилъ ее отца. Она задышалась, стиснувъ зубы, а Караваевъ, виновато потупившись, улыбался растерянной улыбкой, стоя за спиной директора все въ той же согбенной позѣ.

— Папа, да перестаньте же лебезить передъ этимъ противнымъ старивашкой... Никакой „кусочъ хлѣба“ не стоитъ такой дорогой цѣны,—сосредоточенно „внушала“ она отцу, не сводя съ него глазъ, полныхъ тоски.

Все, что говорилъ директоръ Женѣ и даже, кажется, ей, она пропустила мимо ушей, точно полусонная. Все въ этомъ же полуснѣ она потомъ видѣла, какъ пухлые, выхоленные пальцы долго мяли на прощанье Женину руку, нѣсколько холодновато прикоснулись къ ея руцѣ и опять исчезли въ карманѣ. Блѣдность Аллы смѣнилась такой жгучей краской, что даже слезы выступили у нея на глазахъ. Ей сдѣлалось дурно,—она, быть можетъ, даже упала бы, если бы ее не поддержала сильная рука. Это былъ Гриша. Поднявъ на него отуманенный взоръ, она прочла въ его глубокихъ, гордыхъ глазахъ, что онъ видѣлъ и понималъ все и переживалъ то же, что и она. Ни слова не сказали они другъ другу. Онъ бережно увелъ ее въ маленькую гостиную, гдѣ было почти пусто, и молча просидѣлъ возлѣ нея до тѣхъ поръ, пока ихъ не разыскала Женя, объявившая, что директоръ уже уѣхалъ, папа тоже и что она твердо убѣждена, что ужъ кому-кому, а ей мѣсто въ прогимназіи будетъ!

— Но ужъ ты, Алла, повела себя настоящей идиоткой... Онъ вдругъ обращается къ тебѣ и говорить, что никакъ не думалъ, чтобы наше захолустье могло производить такое изыщество, какое онъ замѣчаетъ въ тебѣ, а ты хоть бы слово, смотришь

на папу и бормочешь что-то!.. Еще я вой-какъ это замяла, а то бы...

— Оставь меня въ покоѣ,—рѣзко оборвала ее Алла, встала и ушла въ залу, гдѣ гремѣли разставляемые попарно стулья для предстоящаго „котильона“.

У окна, выходящаго на улицу, стояла Лѣля и разсѣянно смотрѣла въ ночную тьму. Въ сущности, на дворѣ вовсе не было темно, но глаза ея, приспособившіеся къ яркому свѣту залы, едва различали сквозь рѣденькую зелень палисадника, чьи-то головы, торчащія изъ-за забора. Это были любопытные, привлеченные подъ настѣжь раскрытыя окна клуба веселой музыкой, необычнымъ освѣщеніемъ и видомъ нарядныхъ танцующихъ паръ. Выступая, словно изъ рамы, на фонѣ свѣтлаго оконнаго четырехугольника, она и не подозрѣвала, что за каждымъ ея движеніемъ слѣдитъ пара внимательныхъ, полныхъ отероленной злобы глазъ. Некрасивая, скромно повязанная темнымъ платочкомъ женщина, ищущая забыться отъ грызущей ее тоски—случайно забрела сюда и присоединилась къ толпѣ, собравшейся у клуба. Какъ имъ, должно быть, весело тамъ, говорилъ ея страдающій взоръ, и какъ ей безпросвѣтно тяжело здѣсь, на грязной улицѣ, одинокой и забытой.

„Ишь какая, — думала эта некрасивая женщина. Должно быть, прѣзжая—у насъ тутъ такъ не ходятъ.“

Знакомый шумный вздохъ заставилъ ее обернуться. Сердце ея вспыхнуло гнѣвомъ.

— А-а!.. И ты тутъ, — саркастически привѣтствовала она лохматую личность, бывшую настолько выше всей остальной компаніи, насколько добрый дубъ превышаетъ мелкую поросль.

— И я тутъ,—отвѣтствовалъ не безъ раздраженія исключенный силуэтъ, встряхивая лохмами вудрей:—чего сидовалась? Вотъ же и ты тутъ!

— Я мимоходомъ...

— И я мимоходомъ!

Но Зинько говорилъ не правду. Онъ давно зналъ отъ Гриши о балѣ и пожелалъ хоть черезъ окно взглянуть еще разъ на „царевну“. Вотъ, она стоитъ прямо передъ нимъ — такая близкая и такая, о, такая далекая!.. Звуки музыки опьяняли его сильнѣе водки и будили въ немъ ощущенія, неясныя ему самому. Слушая ихъ, и ему хотѣлось не то пѣть, не то скрипѣть зубами, точно отъ невыносимой боли. Да, хотъ и близокъ доводъ, а не укусишь, не укусишь!..

— Можеть, жену себѣ черезъ окно выбираешь?

— Ну... не кусайся, — мрачно огрызнулся онъ въ отвѣтъ на ядовитую насмѣшку сестры.

— Опять не на работѣ?

— Ну ее къ дьяволу!..

— Охъ, хлопче, хлопче, выгонять тебя, какъ собаку!.. И то уже не крѣпко держишься на мѣстѣ, говорятъ, что народъ пертишь, да на хозяевъ натравляешь, а ты еще отъ работы отваливать будешь...

— Не вылечу! Лучше меня въ своемъ заводѣ работника не сыщешь. Я свое дѣло знаю. А за пропускъ оштрафуютъ и все тутъ. Ни я отъ работы не уйду, ни работа отъ меня никуда не уйдетъ, не безпокойся. Успѣютъ еще выдать изъ меня всѣ соки... Положатъ подъ прессъ, замѣсто бураковъ, и потечетъ изъ меня красненькій сиропецъ... Скоро ужъ и чаю съ сахаромъ пить больше не смогу... Сахаръ откусываю, а кажется, что себя самого ѣмъ! А ты хочешь, чтобы я, хоть когда ни-когда, отъ работы не увильнулъ!

Прися махнула рукой. На мѣстѣ Зинька она, можетъ, и еще больше остервенилась бы. А тотъ продолжалъ съ возрастающимъ раздраженіемъ, не обращая вниманія на то, что болтовней своей мѣшаетъ слушать музыку и что какія-то мѣщаночки поглядываютъ на него не слишкомъ дружелюбно.

— Очень просто, кому же не выгодно чужими руками да жаръ загребать... Совѣсть у нихъ все одно, кабанъ откормленный... Ну, придетъ когда-нибудь и ихъ очередь!..

— Охъ, то-то они тебя испугаются!..

— А думаешь, нѣтъ?

— Какъ же не испугаться... Вишь, страшный какой, чер-ный, кудлатый, настоящій чортъ...

Мѣщаночки захихикали. Зинько вспылилъ.

— Нашла смѣшное, глупая баба!.. Нивакой мпѣ дороги никуда нѣту... въ трактиръ развѣ...

— Поѣхалъ! Вотъ, вмѣсто трактира—книжку бы въ зубы взялъ, да и читалъ бы, спасибо, что умѣешь. Читай, учись—можетъ, и не скажешь потомъ, что дороги нѣтъ. Не ты одинъ такой, много васъ... Больше головъ, больше умовъ, гдѣ одинъ ничего не сообразить, другіе придумаютъ за него и за себя. Каждый порознь мало можетъ сдѣлать, а свяжи-ка прутья въ вѣвникъ—не сломаешь ихъ, небось... Ты все больше о себѣ думаешь, а осмотрись кругомъ—другимъ еще и похуже твоего...

Мѣщаночки посматривали на Присю и не знали—сочувство-

вать ли ей или разсердиться, что она не молчитъ. Тутъ музыка, а они, какъ на базарѣ.

Зинько внимательно выслушалъ сестру и на нѣкоторое время призадумался. Густыя брови его тревожно двигались надъ глубокими впадинами глазъ.

— Ты говоришь, другимъ похуже, — скороговоркою и понизивъ голосъ, обратился онъ къ сестрѣ:—вѣрно!.. похуже!.. Я, напримѣръ, одинъ проживаю свой заработокъ, а иной—цѣлое большое семейство на этотъ заработокъ кормить... Такъ!.. Только скажу я тебѣ, что на повѣрку все-таки выйдетъ, что мнѣ хуже, чѣмъ всякому другому... Мнѣ, видишь, большаго хочется, чѣмъ имъ всѣмъ... И такъ еще хочется, что хоть ложись, да помирай!

— Чего же это такъ хочется-то?—сердито засмѣявшись, полюбопытствовала Прися.

— Чего?.. Не знаю. Зависть меня мучаетъ. Съ тѣхъ самыхъ поръ мучаетъ, какъ я себя помнить сталъ... А ужъ окончательно мученіе мое началось съ Кіева, помнишь... Не нашли мы тамъ съ тобою своей доли, не пристроились, а я такъ послѣдній покой потерялъ... Хожу, бывало, по улицамъ и все завидую, всему завидую... И большимъ домамъ завидовалъ, и молодымъ паничамъ завидовалъ, все куда-то съ книжками подъ мышкой спѣшать. Столько всюду всего—и все это не для меня... Ахъ, ужъ и завидовалъ я, измучился даже весь. Другой и не знаетъ, что можетъ чего-нибудь хотѣться такого, что не про нашего брата писано. А я считаю, что про меня все писано, только кто-то меня до этого не допускаетъ, а засадилъ въ мою фабрику, да и морить меня тамъ!

Прися полузаврыла глаза съ видомъ физической усталости и проговорила сквозь зубы:

— Видишь ты, до чего додумался!.. Все про него писано... Не дуракъ ты, я вижу... Ну, а разъ уже ты такой умный, что до этого дознался, такъ тебѣ остается только еще немножко поумнѣть... А поумнѣешь—увидишь, что ты ничѣмъ не лучше всякаго и что все, что тебѣ можно—всѣмъ можно...

— Тоска одна! Лбомъ стѣны не пробьешь...

— Да ты и не пробивай,—значительно вымолвила сестра, глянувъ ему прямо въ глаза страстно загорѣвшимся взоромъ:— помни, что я тебѣ, сказала, не даромъ говорится: „каждый прутья пальцемъ перешибешь, а свяжи прутья въ пучокъ, ни одинъ бѣсъ ихъ не переломитъ!“

И, не прибавивъ больше ни слова, она ушла сгорбленная, сѣрая и печальная. А музыка все гремѣла, нарядныя пары вер-

тѣлись взадъ и впередъ, говоръ и смѣхъ сливались въ сплошное веселое жужжанье, несшееся на улицу точно изъ улья.

Еще разъ увидѣлъ Зинько свою „царевну“, она уѣзжала вмѣстѣ съ Гришей, только вдвоемъ. Подали экипажъ, „царевна“ сбѣжала со ступенекъ крыльца, и плащъ, подхваченный вѣяньемъ воздуха, легко взвился и упалъ. „Царевна“ ступила на подножку фаэтона, оглянувшись, застоявшіяся лошади леговью дернули впередъ, и она чуть не упала. Быстрѣе молніи Зинько очутился возлѣ нея и поддержалъ.

— Благодарю васъ, — разсѣянно бросила ему совершенно не узнавая его Лѣля, усаживаясь: — Гриша, навидва моя не выпачкана? Нѣтъ?.. Ну, давайте-ка ее сюда и ѣдемъ... Вы говорите, за монастыремъ есть чудесныя мѣста?.. Отлично, велите кучеру туда и направиться... Какая великолѣпная ночь, въ самомъ дѣлѣ... Въ такую ночь похитили Джессику... Ха-ха...

Зинько проводилъ ихъ глазами совсѣмъ подавленный. Онъ не обидѣлся и даже не замѣтилъ, что ни „царевна“, ни Гриша его не узнали, ему это было рѣшительно все равно. Онъ отошелъ отъ подѣзда и пошелъ куда-то прочь. Опомился онъ далеко за городомъ. Дикая тоска ѣла его поѣдомъ.

— Убилъ бы, кажись, кого-нибудь, — яростно подумалъ онъ: — авось, легче бы стало... Уставъ отъ ходьбы, онъ завернулъ на старое кладбище, которое было уже заперто, перескочилъ черезъ высокую желѣзную изгородь и растянулся на сыроватыхъ ступеняхъ одного изъ памятниковъ. Мертвая тишина томила его. Все тѣло ныло отъ глухого напряженія, не знавшаго, чѣмъ разрѣшиться. Кулаки его судорожно сжимались и разжимались, на лицѣ застыла нетерпѣливая гримаса страданія.

Наконецъ, въ бессознательныхъ поискахъ облегченія, онъ набрелъ на существо, на которомъ, хоть мысленно, онъ постарался сорвать свое раздраженіе. Этимъ существомъ оказалась его сестра.

Вѣчно она нападаетъ на него. Онъ не дитя малое, чтобы терпѣть все это безъ конца. И хоть бы свои какія-нибудь мысли у нея были, а то наслушалась этого пьянчужки Николая Александровича. И пускай бы что, въ самомъ дѣлѣ, путное говорилъ... Послушать ихъ, что они плетутъ, такъ и жить на свѣтѣ не захочется, такая злость разбираетъ!..

— Хорошо имъ разсуждать о томъ, чего не знаютъ... Влѣзли бы въ мою шкуру, иное бы запѣли... Тутъ подъ челоуѣкомъ земля горитъ, въ пекло бы къ сатанѣ полѣзъ, лишь бы зажить по другому, по благородному, а они смѣются. Мужикомъ,

говорять, родился—мужикомъ и оставайся... Небось спрашивали меня, хочу ли я мужикомъ родиться!

А Прися все свое: „ну, говорить, пускай ужъ ты такой разумный человекъ — все-таки не резонъ тебѣ въ благородные лѣзть. Развѣ намъ, мужикамъ и рабочимъ, разумные люди не надобны? Да оттого намъ и жить такъ худо, что мы народъ неразумный и темный. Всякій нами помыкать можетъ. Всѣмъ въ господа не попасть, это пустой разговоръ, а лучше свои дѣла такъ оборудовать, чтобы незачѣмъ господамъ и ихъ жизни завидовать было“.

Неопредѣленно глядя вверхъ, онъ пытался представить себѣ, чтó ждетъ его въ будущемъ и какъ оно, это будущее, сложится. Но не выходило ничего сколько-нибудь пріятнаго. Какъ нѣчто неизбежное фигурировалъ все тотъ же сахарный заводъ, тотъ же надоевшій трудъ, тѣ же утомленные, озлобленные и отупѣвшіе люди-товарищи. Они не понимали его и поэтому были ему безконечно чужды, онъ еще не созрѣлъ до сознанія, что братство по трудовому поту стоитъ братства по крови. Кое-что сочувственное и участливое бродило въ его душѣ, не выливаясь въ опредѣленную форму.

Ему вдругъ вспомнился привязавшійся къ нему Лошинскій, и ему немного полегчало.

— Вѣдь вотъ парнюга—первымъ ученикомъ кончилъ, значить—умный... А со мною обходится, какъ ровня съ ровнею... Не даромъ же онъ такъ меня уважаетъ. Видно же таки, я чего-нибудь да стою послѣ этого... Или, скажемъ, Гриша... Одно слово—пріатели. Вотъ, хоть и не ученъ я, а отличили меня... И та, „царевна“, ручку подала, разговаривала, какъ и съ другими. И все-таки я будто неполный человекъ, самъ это понимаю... Ужъ доля моя такая, проклятая...

Но смутная надежда на „что-то“ трепетно забрезжила въ его сердцѣ. Доля долей, но какъ бы горька она ни была—жить все-таки хочется. Довѣріе къ Лошинскому, къ его мнѣнію, къ его отношенію—теплою волною влилось во взбаломученную душу Зинько. Онъ особенно живо вспомнилъ, какъ этотъ восторженный молодой человекъ совѣтовалъ ему образовать себя сколько возможно, „и тогда вы всѣхъ насъ за поясъ заткнете“,—говаривалъ онъ неоднократно.—И книги ему носилъ разныя и такъ, на словахъ, многое объяснялъ. Столько удивительнаго рассказывалъ! Зинько думалъ, что все „умное“ гораздо будетъ потруднѣе понять, а оказалось, что ничего непонятнаго нѣту. Вотъ, нужно прочесть побольше книгъ, тѣ, что Николай Александровичъ

оставилъ, да тѣ, что Лопинскій далъ, да еще и еще достать можно... Тогда и увидимъ... Помѣряемся!

Съ кѣмъ и по какой причинѣ онъ будетъ „мѣряться“, Зинько не давалъ себѣ яснаго отчета.

Зинько смотрѣлъ на звѣзды, но не видѣлъ ихъ. Ему мерещились книги, цѣлая куча книгъ, и изъ этихъ книгъ складывается гигантская лѣстница, по которой онъ, Зинько, взберется высоко-высоко. Куда и зачѣмъ, онъ не зналъ, да и не хотѣлъ заглядывать такъ далеко, боялся.

XV.

Слѣдующій день послѣ бала прошелъ для Караваевской молодежи совершенно незамѣтно, во-первыхъ, по той причинѣ, что проспали всѣ почти до сумерекъ; во-вторыхъ, проснувшись—были такъ утомлены, что ни за какое дѣло приняться были не въ состояніи. Даже читать не хотѣлось. Одна Жена что-то говорила про „вчерашнія впечатлѣнія“, но ее никто не хотѣлъ слушать. Впрочемъ, Ирина Васильевна, присѣвъ на постели Аллы, пожелала получить обстоятельный докладъ обо всемъ, что было вчера интереснаго, и Жена, найдя внимательную слушательницу съ увлеченіемъ принялась описывать свои триумфы.

Дѣвицы знали, что Лѣля ѣздила съ Гришей кататься, но такъ какъ Лѣля съ ними объ этомъ не заговаривала, то и онѣ этой темы не затрогивали. Но Аллѣ Жена успѣла-таки шепнуть на ушко, что дѣло здѣсь пахнетъ „флиртомъ“. Алла нахмурилась, что, однако, нисколько не заставило ее сестру отважаться отъ своихъ предположеній.

Гриша не показывался все время и ѣду ему относилъ Витя на дачу. Жена умирала отъ любопытства посмотреть, „какой онъ теперь“, но явиться къ нему изъ-за этого на чердакъ не рѣшалась. Только на другой день за обѣдомъ увидела она его, но, къ крайнему своему разочарованію, ничего особеннаго въ немъ не открыла.

У Жени психологическаго таланта не доставало, чтобы разгадать загадку серьезной фізіономіи Гриши. Онъ былъ слишкомъ глубоко затронутъ и ревниво затаилъ въ себѣ все, что переживалъ. Даже Лѣлю это самообладаніе вводило въ обманъ.

Передъ вечеромъ, высмотрѣвъ, что Алла въ палисадникѣ одна, Гриша пошелъ къ ней.

— Алла, — нѣсколько неувѣренно началъ онъ, — приходи по-

позже ко мнѣ на дачу съ Лѣ... съ Еленой Владиміровной... Придутъ мои „хлопцы“, поболтаемъ всё вмѣстѣ съ полчасака. Она говорила, что ей интересно посмотрѣть ихъ поближе.

— Ахъ, такъ это ты ей своихъ „хлопцевъ“ хочешь показать,—улыбнулась Алла вѣсколько насмѣшливо:—ну, что же, мы придемъ.

— Отчего ты смѣешься,—подозрительно поглядѣлъ на нее Гриша и чуть покраснѣлъ.

— Я развѣ смѣюсь? Не замѣтила, право... Скажи мнѣ, кто будетъ у тебя?

— Перель, Козаченко и Лошинскій. Кстати, Перель, кажется, получаетъ урокъ на выѣздъ, такъ что его обществомъ мы уже недолго можемъ пользоваться.

— А!.. Онъ уѣзжаетъ... Далеко?

— Не особенно. Верстъ сорокъ... Мѣстечко есть такое поганенькое... Я очень за него радъ, прекрасныя условія и люди, онъ говорилъ, симпатичные...

— Такъ мы придемъ. Часамъ эдакъ къ девяти, да?

И она ушла въ домъ, при чемъ Гриша подумалъ, что она сегодня не слишкомъ-то любезна.

Не безъ труда отдѣлавшись отъ Жени, Алла и Лѣля только часамъ къ десяти могли явиться къ Гришѣ въ гости. Задерживая дыханіе и еле-еле ступая, пробрались онѣ черезъ столовую, боясь потревожить Ирину Васильевну, которая еще не спала. Въ сѣняхъ было темно, онѣ насилу нашли лѣстницу и отъ всей души проклинали ея скрипучія ступеньки, издававшія подъ ихъ ногами дикіе звуки, еще преувеличенные глубокой тишиною засыпающаго дома и хорошимъ резонансомъ высокихъ, просторныхъ сѣней.

Считая себя стоящими „на порогѣ къ жизни“, молодые люди особенно полюбили теперь отвлеченные разговоры, въ которыхъ они главнымъ образомъ намѣчали вопросы, нуждающіеся въ неотложномъ разрѣшеніи. Они нисколько не сомнѣвались въ томъ, что примутъ въ непродолжительномъ времени самое близкое и дѣятельное участіе въ этомъ разрѣшеніи. Они единодушно считали, что въ сущности эти вопросы вовсе не такъ ужъ сложны и затруднительны, нужно только приобрѣсти немножко знаній, и дѣло съ концомъ. Лошинскій даже какъ-то высказалъ Гришѣ чистосердечное удивленіе—почему, молъ, во взаимныхъ отношеніяхъ людей такъ много путаницы и несправедливостей, тогда какъ, право же, стоитъ напрячь свои мозги самую малость и всёмо можетъ стать совершенно ясно, что вотъ это—истина, а

это—ложь. И разъ подобныя вещи выяснятся, не трудно будетъ поступать правильно, и на свѣтѣ настанутъ лучшія времена. Нужно, значить, прежде всего, повуда—учиться, учиться и учиться. И тогда...

Вотъ эту-то мысль и провозглашалъ Козаченко, когда вошли дѣвицы. Размахивая папирсой, весь красный и окутанный клубами сизаго дыма, онъ убѣжденно выкрикивалъ то, что представлялось ему не требующимъ доказательствъ.

— Учиться, учиться, учиться,—подхватила Лёля, пожимая его руку и привѣтливо смѣясь:—ну, и что же дальше?..

— Во-первыхъ, уже и это само по себѣ хорошо,—съ горячностью отвѣчалъ ей Козаченко:—а во-вторыхъ, учиться затѣмъ... чтобы изъ раба и игралица природы и... и... и ея стихійныхъ силъ, сдѣлаться ея владыкой... Развѣ это плохая цѣль?..

Дѣвицы, между тѣмъ, успѣли поздороваться со всѣми и успѣлись. Лёля, продолжая улыбаться, вивнула на слова Козаченки головой и сказала:

— Отличная цѣль!.. Только, если много учиться—здоровью вредно...

Козаченко опѣшилъ. Да и остальные были, повидимому, тоже озадачены.

— Какъ понимать васъ?—строго обратился къ Лелѣ Перель:—Такъ, слѣдовательно, наука, прогрессъ, человѣческій умъ пустыя слова, не болѣе?

— Ой, ой, ой, зачѣмъ же такъ свирѣпо,—расхохоталась Лёля весьма добродушно.—Я, главнымъ образомъ, насчетъ того, что интеллигентные классы чуть не съ пеленовъ страдаютъ всевозможными переутомленіями и изъ поколѣнія въ поколѣнія дѣлаются нервнѣе и слабѣе. Часто встрѣчаешь на улицѣ маленькихъ гимназистиковъ—Господи, на что они похожи, блѣдные, зеленые, несчастные...

— Ну, это не отъ ученья,—живо вскричалъ Гриша:—повѣрьте, что въ этомъ больше виноваты плохія условія жизни...

— Разумѣется, и это влияетъ,—согласилась Лёля, ласково взглянувъ на него:—но все же, сознайтесь, господа—для того, чтобы не бесплодно предаться наукѣ, нужно отдать ей все свое время и всѣ свои силы. Вѣдь все то, что познавало человѣчество тысячелѣтіями, нужно вмѣстить въ одну бѣдную человѣческую голову... И притомъ, наука разрастается не по днямъ, а по часамъ, и чтобы что-нибудь сдѣлать хоть въ одной только изъ ея специальностей, нужно положить на это всю жизнь, и у васъ даже не останется времени услышать что-нибудь о

другихъ отрасляхъ знанія. Разумѣется, можно, не избирая специальности, приобрести общія свѣдѣнія, повемножку обо всемъ, но этимъ вы въ самой наукѣ ничего не прибавите и она будетъ стоять на одномъ мѣстѣ, потому что въ концѣ концовъ науку двигаютъ только специалисты... А специалистъ—это особая разновидность людской породы, чахлая, хилая, нечувствительная ко всему, кромѣ своего предмета.

Лопанскій съ ужасомъ взглянулъ на Лёлю. Гриша вспыхнулъ, и въ глазахъ его отразилось тоскливое чувство. Какъ легкомысленно говорить она о томъ, что ему такъ дорого. Ея рѣчи отдаляли ее отъ него и ее точно относило волной въ сторону. Если даже это ея обычная манера дразнить и подсмѣиваться, то все же есть вещи, о которыхъ не должно говорить такимъ образомъ. А Лёля, между тѣмъ, продолжала какъ ни въ чемъ не бывало:

— Печальная участь ждетъ людей! Все идетъ къ тому, чтобы избавить ихъ отъ необходимости физическаго труда для удовлетворенія насущныхъ потребностей... Ну, вотъ они и избавятся, наконецъ. Но нужно же что-нибудь дѣлать и они отстанутъ учиться, такъ какъ вѣдь область, доступная познанію, можетъ расширяться и расширяться... Возможно думать, что вовсе не наступитъ моментъ, когда все будетъ познано и ничего неизвѣстнаго не останется. Затѣмъ вотъ что: научно доказано, что развиваются только упражняемые органы, а находящіяся въ бездѣйствіи за ненадобностью атрофируются. Предаваясь единственно доступному для нихъ спорту, умственному труду, люди дойдутъ до того, что превратятся въ одинъ головной мозгъ, помѣщенный въ несоизмѣрно огромномъ черепѣ на бессильныхъ выродившихся ножкахъ... Вы вѣдь сами говорили,—она взглянула на Гришу сверкающими глазами, въ которыхъ были и насмѣшка, и какая-то настойчивая задняя мысль,—вы сами говорили, что даже воздухъ потомъ будетъ дѣлаться машинами... Значитъ, и погулять для здоровья будетъ негдѣ и поэтически пометать тоже! И эти люди-мозги, властители природы и ея силъ, будутъ сами въ безконечномъ рабствѣ у машинъ, которыя будутъ исполнять за нихъ работу для поддержанія жизни. Я воображаю себѣ, какъ этотъ человѣкъ-мозгъ лежитъ у себя въ домѣ на какомъ-то необыкновенно хитроумномъ диванѣ и, при помощи простого нажиманія кнопокъ въ стѣнѣ, приводитъ въ движеніе машины, поставляющія ему пищу, одежду, предметы роскоши и все прочее. При помощи тѣхъ же чрезвычайно упрощенныхъ приемовъ, онъ можетъ видѣть и слышать все, что дѣлается не только во всѣхъ

концахъ земного шара, но и на Марсѣ, Юпитерѣ и гдѣ хотите. Онъ, этотъ человѣкъ-мозгъ, дошелъ даже до того, что сталъ искусственно производить себѣ подобныхъ, такъ какъ въ любви и рожденію сталъ болѣе не способенъ...

— Вздоръ!.. Вздоръ!—неистово перебилъ Козаченко:—вы дошли до Геркулесовыхъ столбовъ...

Леля, не протестуя, усмѣхнулась уголкою рта и продолжала опять:

— Понятіе о радости и печали стало для него глубочайшимъ анахронизмомъ, такъ какъ физическая организація его успѣла приспособиться къ тѣмъ невозмутимымъ условіямъ жизни, которыя онъ счумѣлъ себѣ завоевать, побѣдивъ природу. И вотъ, попробуйте вообразить какую-нибудь неожиданную случайность, которая разгромитъ и разрушитъ эти поразительно усовершенствованныя орудія производства—ну, хоть не на всей землѣ, а въ одномъ мѣстѣ. Вѣдь они, эти злополучные человѣчки, почувствуютъ себя беспомощными, какъ первобытный кусочекъ протоплазмы! Вотъ тебѣ и повелители вселенной, вотъ и вѣнецъ мірозданія! Ай-ай!..

— Кто счумѣетъ побѣдить природу, тотъ счумѣетъ и оградить себя отъ случайностей,—заорала Козаченко:—никогда я не повѣрю, чтобы было такъ, какъ вы говорите... Честное слово, ничего подобнаго не можетъ случиться...

— О!.. Это напоминаетъ мнѣ анекдотъ про одного благороднаго испанскаго гидальго, который далъ честное слово, что солнце движется вокругъ земли... Это не убѣдительно,—немножко насмѣшливо воскликнула Леля.

Алла невольно размѣялась. Ей нравилось оживленіе подруги, хотя въ содержаніи рѣчей она была значительно менѣе увѣрена, чѣмъ въ ихъ формѣ. Но все равно, пусть даже то, что она говоритъ, и невѣрно, все же это ужасно интересно.

И Алла перевела свои довольные глаза на фізіономіи молодыхъ людей, недоумѣвающихъ и слегка разсерженныхъ.

„Ну, ну, какъ-то они выпутаются“, — подумала она, чувствуя, однако, что если бы никто и не смогъ Лелѣ возразить какъ слѣдуетъ, то она все-таки не придетъ въ отчаяніе за будущее человѣчество... Она вотъ и не знаетъ ничего, но какой-то инстинктъ подсказываетъ ей, что опасаться нечего.

Но Козаченко не пожелалъ сдаться. Скопфуженный послѣднимъ замѣчаніемъ Лели, онъ, тѣмъ не менѣе, рѣшилъ сражаться до послѣдняго издыханія.

— Ну, допустимъ, что вы правы,—заговорилъ онъ, усили-

ваясь быть спокойнымъ.—Но тогда скажите же, что намъ всѣмъ дѣлать, что дѣлать всѣмъ людямъ? Перестать учиться, потому что это нездорово? продолжать думать, что не громъ надъ нами гремитъ, а Илья-пророкъ въ колесницѣ ѣздитъ?.. А дѣло въ томъ, что если всѣ будутъ думать, что—Илья, а хоть одинъ сообразить, что—не Илья, то осѣдлаеть онъ этихъ ословъ какъ нельзя лучше и будетъ изъ нихъ жилы тянуть сколько ему угодно... Удивительно интересная перспектива!..

— Да, перспектива неинтересная,—согласилась и Лёля:—неинтересная, да... Но это только потому, что всѣ пути, избранные нашей цивилизаціей, неправильны... Все, чего достигла наша такъ-называемая культура, это—прогрессъ техническихъ знаній, и ничего больше... Слишкомъ ужъ много и сильно гоняемся мы за материальными благами, а забыли, что есть еще и блага духовныя, совершенно независимыя отъ того, бѣдны ли мы, или богаты, больны или здоровы, знатны или простого происхожденія... Прежде мы состояли въ рабствѣ у невѣжества, теперь же поступили въ зависимость ко всей обстановкѣ нашей жизни, не умѣю выразиться лучше... Не вижу, почему одна зависимость пріятнѣе другой... И вы всѣ, которые, вѣроятно, воображаете, что свободно выберете себѣ родъ дѣятельности и наполните свою жизнь тѣмъ содержаніемъ, какое будетъ вамъ угодно, ошибаетесь и ошибаетесь!.. Весьма быть можетъ, что ваша жизнь окажется и безъ всякаго содержанія, а самое вѣрное...

Но ей не дали договорить. Крикъ страстнаго возмущенія вырвался изъ всѣхъ юношескихъ устъ, въ томъ числѣ и у Аллы. Лёля, улыбаясь, подумала—не собираются ли ее поколотить. Прекрасные глаза Гриши смотрѣли на нее мрачно и враждебно. Но все это вмѣстѣ взятое не произвело на нее никакого непріятнаго впечатлѣнія. Она даже любила, когда съ ней не соглашались,—это только возбуждало ее. Она чувствовала, что владѣетъ даромъ слова, и поэтому сбить съ позиціи нѣсколькихъ гимназистовъ, какъ бы умны они ни были,—ей не представлялось труднымъ. Сама же она противорѣчила всегда, какъ только являлся къ этому предлогъ, возводя эту манеру разговаривать почти въ принципъ; она находила, что „уравновѣшивать“ противника такимъ образомъ чрезвычайно полезно.

Когда угомонились расходившіеся оппоненты, возражавшіе больше для своего удовольствія, такъ какъ въ ихъ одновременномъ крикѣ ничего нельзя было разобрать, Лёля, съ глазами, которые такъ и сіяли отъ внутренняго удовольствія, объявила:

— А вѣдь есть, господа, культура болѣе древняя и болѣе

интересная, чѣмъ наша!.. Она не угрожаетъ намъ, что сотреть съ лица земли все, чѣмъ жизнь красна... Она не изгонитъ изъ предѣловъ нашего земного прозябанія—красоту! Говорите мнѣ сколько хотите объ истинѣ и добрѣ, это меня нисколько не растрогаетъ... Истина—преходяща, добро—условно, а то и другое разомъ—скучны, если некрасивы... Красота—вотъ альфа и омега всего, для чего стоитъ и жить, и умереть... Культура эта никогда не подчинитъ человѣка машинѣ, наоборотъ, она развиваетъ въ самомъ человѣкѣ такія силы, передъ которыми всѣ телефоны, фонографы, рентгеновскіе лучи и прочее—ноль! Очень мило, разумѣется, разговаривать изъ Петербурга съ Москвою, скажемъ, или хоть съ Вашингтономъ при помощи нѣкотораго аппарата... Ну, а что вы скажете о человѣкѣ, которому не нуженъ никакой аппаратъ, чтобы сообщаться съ кѣмъ ему надобно на какомъ угодно разстояніи?..

Слушатели молчали въ недоумѣніи.

— А вѣдь это уже дѣлаютъ... Въ Индіи это извѣстно съ незапамятныхъ временъ, а у насъ недавно стали появляться люди, у которыхъ обнаружилась эта новая способность... Слышали вы что-нибудь о телепатіи?.. О внушеніи на разстояніи однимъ человѣкомъ своей мысли и воли другому?

Всѣ отрицательно покачали головами.

— Ну, не знаете, такъ и объяснять не стоитъ... Длинно это и скучно... Скажу вамъ только, что на примѣрѣ индусскихъ мудрецовъ,—а такіе есть на свѣтѣ,—все человѣчество можетъ убѣдиться, что чѣмъ атрофировать все свое тѣло, заставляя свой мозгъ работать для изобрѣтенія разныхъ техническихъ благъ, гораздо лучше культивировать свой духъ такимъ образомъ, чтобы изъ него одного вызвать въ бытію тѣ силы, которыя могутъ дать настоящую, а не призрачную власть надъ вселенной... Только слѣдуя по этому пути, мы сбережемъ красоту и радость жизни. Но эта радость будетъ безконечно выше всего, что мы въ нашемъ несовершенствѣ можемъ себѣ представить. Только иногда во снѣ удастся намъ испытать теперь ощущеніе такой опьяняющей полноты... А вѣдь развѣ не должно быть цѣлью нашего существованія—счастье?!..

Перель уже волновался давно. Слегка наклонивъ голову, онъ исподлобья глядѣлъ на Лѣлю, и глаза его свѣтились злымъ и холоднымъ огонькомъ. Онъ не позволилъ бы себѣ кричать, какъ Козаченко, но и молчать тоже онъ считалъ несомнѣннымъ съ достоинствомъ человѣка, который хочетъ реальной жизни, а не сказокъ.

— Вы говорите: счастье?—сдержанно принялъ онъ Лёлинь вызовъ:—пожалуй... Но увѣрены ли вы въ томъ, что ваши о немъ понятія сходятся, напримѣръ, съ моими? Вы будете искать этого счастья въ одномъ, я—въ другомъ, наши интересы могутъ оказаться противоположными, и мы вступимъ въ роковую, смертельную борьбу... (Лёля закусила губки, чтобы не разсмѣяться). Нужно, значить, при помощи чисто-научнаго метода мышленія, установить—что такое счастье.

Перель на минуту остановился. Алла слѣдила за нимъ немного тревожными глазами. Она слегка удивилась своей мысли, что ей было бы непріятно, если бы онъ сплеховалъ. Юноша упорно думалъ надъ чѣмъ-то, прикрывъ глаза рукою, и когда онъ эту руку отнял,—на Лёлю глянуло такое спокойное и самоувѣренное лицо, что и Алла тоже почувствовала себя спокойнѣе и не безъ маленькаго злорадства повосилась на подругу.

— Я долженъ сказать, что, по-моему, думать о счастьѣ не всегда... прилично. Пока есть на свѣтѣ голодь и невѣжество, счастливыми быть стыдно, совѣстно. Я еще не вполне знаю, какъ за это приняться, но знаю одно, что нехорошо не думать о ближнемъ и... нужно работать въ томъ направленіи, чтобы создать возможность такихъ условій, при которыхъ всѣ живущіе на землѣ могли бы одинаково пользоваться плодами человѣческаго знанія данной минуты... Когда между людьми не будетъ больше никакой сословной разницы и всѣ будутъ имѣть одинаковыя права на все, тогда подумаемъ и о красотѣ, и о счастьѣ, и обо всемъ... А пока...

— А пока мы черезъ двадцать-тридцать лѣтъ умремъ, проживъ пресекучую и безцвѣтнѣйшую жизнь, обрекиши себя на аскетическое самоотреченіе... Хорошо, вамъ это самоотреченіе по вкусу... А вѣдь мнѣ нѣтъ, я даже слово это ненавижу... Вотъ передъ тобою жизнь, которая можетъ быть прекрасной, у тебя для этого всѣ данныя, а ты, неизвѣстно почему, отрекись отъ всего этого и, напередъ зная, что это твое отреченіе можетъ убавить лишь какую-нибудь микроскопическую капельку горя на землѣ (если еще убавить только, въ чемъ позволю себѣ усомниться), а твоя собственная жизнь абсолютно потеряетъ всякую цѣну въ твоихъ глазахъ—живи, какъ ужъ тамъ придется и утѣшай себя идеєю, что наступитъ когда-нибудь время, когда всѣмъ будетъ хорошо, можетъ быть, черезъ десять тысячъ лѣтъ, а можетъ быть и черезъ двадцать!.. Но вѣдь еще Базаровъ сказалъ, что какое ему дѣло до этого грядущаго золотого вѣка, если къ тому времени изъ него лопухъ будетъ расти...

— Самый подлый типъ въ нашей литературѣ!—съ дрожью негодованія въ голосѣ вскрикнулъ Козаченко, неожиданно для самого себя вдругъ возненавидѣвшій Базарова.

— Почему же,—удивилась будто Леля:—онъ просто хотѣлъ не скучно и не банально прожить... Онъ смѣлъ и силенъ...

— Да вѣдь и тигръ смѣлъ и силенъ,—любезно проговорилъ Лошинскій:—но съ тигра мы примѣра брать не сочтемъ за цѣлесообразное...

Перель пристально глядя Лелѣ въ глаза, вымолвилъ съ замѣтной насмѣшкой:

— Будьте спокойны... Никто не можетъ заставить васъ отречься отъ земныхъ благъ, даже полиція... А есть люди, которые пренебрегаютъ этими маленькими благами... для большихъ! Это—дѣло простого расчета. Я же, борясь, страдая и отказывая себѣ подчасъ даже въ необходимомъ, буду жить болѣе полной жизнью, чѣмъ вы, потому что моя жизнь будетъ служить поступательному ходу вещей, и умирая, я буду сознавать, что и мнѣ кой-чѣмъ будетъ обязано человѣчество, когда наступитъ то, что вы иронически называете „золотымъ вѣкомъ“... (О, боги! ему будетъ обязано человѣчество, едва сдерживая смѣхъ, мысленно восклицала Леля). А вы живите себѣ, наслаждаясь, чѣмъ вамъ угодно, но знайте, что вы, по существу вещей, и не живы даже вовсе, а мертвы, потому что все неподвижное и недѣятельное—мертво!

Гриша былъ блѣденъ и глядѣлъ на Лелю сурово и печально. Онъ не могъ говорить. Слова не шли ему на языкъ.

— Но кто же вамъ сказалъ, что я собираюсь быть неподвижной?.. Наоборотъ, я хочу жить всѣми фибрами души, я хочу извлечь изъ жизни все самое трогательное и прекрасное... И когда вы упорно стараетесь все втиснуть въ предѣлы нашего жалкаго земного существованія, я, наоборотъ, считаю это полнымъ абсурдомъ... Душа безсмертна и, послѣ этого минутнаго пребыванія въ тлѣнной оболочкѣ, вступаетъ въ новую фазу бытія, быть можетъ, въ такую, передъ которой блѣднѣютъ всѣ сказки о „золотомъ вѣкѣ“... И тѣ, кого вы намѣреваетесь осчастливить черезъ десять тысячъ лѣтъ, быть можетъ, отстрадавъ здѣсь, будутъ счастливы уже завтра...

Тутъ Козаченко не выдержалъ и разразился злобнымъ хохотомъ.

— Охъ!.. охъ!.. Не могу!.. Ужъ извините... Ну, и лакомка же вы, барышня, Господь съ вами!.. Мало вамъ одной жизни показалось для вашихъ удовольствій, такъ вы еще разныя „сферы

бытія“ себѣ понавдумали... Ну, можетъ, и не вы сами, кто-нибудь другой... Но это, право, достойно умиленія!.. Тутъ иной не знаетъ какъ и это „бытіе“ дотащить до конца, грѣшнѣе-грѣшнѣе, мучается и другихъ мучаетъ, а тамъ его, чтобы доставить вамъ развлеченіе, въ смолѣ выпатить будутъ?!. Ну, нѣтъ-съ, pardonъ, лучше будемъ, какъ поучалъ Іоаннъ Златоустъ: „братья, возлюбимъ другъ друга“... Вотъ, пусть только возлюбимъ хорошенько, по умному, по хорошему, а остальное приложится.

— Однако, эти мальчики вовсе не слишкомъ вѣжливы съ прекраснымъ поломъ,—начиная раздражаться, подумала Лѣля и звѣнула, немножко дѣланно.

— Не находишь ли ты, Алла, что здѣсь ужасно душно?— небрежно промолвила она съ такимъ видомъ, который ясно показывалъ, что она не придаетъ ни малѣйшаго значенія и своему визиту на дачу, и разговорамъ.

— Душно?.. Не замѣтила, — разсѣянно отвѣтила Алла:— жара теперь, оттого и вездѣ душно... Это пустыки...

— Дышать нечѣмъ... я бы съ удовольствіемъ прошла въ садъ... Я не могу выносить спертой атмосферы...

И она встала съ мѣста. На личикѣ ея лежало выраженіе вѣжливой скуки и неуловимаго сарказма. Она разомъ сдѣлалась знатной барышней, съ которой нельзя себѣ позволить вольности и которая если и разрѣшала это кому-нибудь раньше, то просто съ цѣлью оригинально позабавиться. Козаченко кашлянулъ и оправилъ блузу, давая ей дорогу.

— Гриша, быть можетъ, вы меня проводите въ садъ?—спросила она тономъ, который не допускалъ отказа.

Гриша не сразу откликнулся и пережилъ, въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ, жгучее колебаніе: идти или нѣтъ. И, наконецъ, приписавъ свое рѣшеніе нежеланію оскорбить ее, про-бормоталъ:

— Иду... Господа, не расходитесь по домамъ... Я скоро...

Пробираясь съвозъ мокроватые кусты картофеля, Лѣля взяла Гришу подъ руку. Онъ ничѣмъ не проявилъ, что это ему приятно, и шелъ впередъ серьезный и безстрастный, точно молодой послушникъ.

Кругомъ неподвижно стоялъ прозрачный полусумракъ задумчивой звѣздной ночи, и звѣзды были похожи на невинные дѣтскіе глаза.

— Вы мною недовольны? — шутливо обратилась Лѣля къ

своему кавалеру послѣ того, какъ потеряла всякую надежду на его инициативу въ разговорѣ.

Тотъ встрепенулся, точно приходя въ себя отъ глубокаго раздумья и, нѣсколько медленно собравшись съ мыслями, отвѣтилъ, запинаясь:

— Это не то... По какому бы праву?.. Мнѣ только жаль...

— Чего жаль?

— Жаль, что вы... такихъ мыслей...

— Какія же мои мысли вамъ не нравятся? — воскликнула ласково Лёля, удивляясь, что разговоръ принимаетъ столь грустный оборотъ, тогда какъ ночь такъ прекрасна.

— Очень, очень многія, — вымолвилъ Гриша тономъ, который могъ бы показаться напыщеннымъ, если бы не дышалъ такой безвонечной искренностью, что Лёля и не подумала улыбнуться:—вы... Вы такъ думаете, точно себя ставите въ центрѣ всего на свѣтѣ... Вы мечтаете объ иной культурѣ, чѣмъ европейская, но европейская хочетъ обойтись безъ рабовъ, а то, о чемъ вы мечтаете, возможно только для немногихъ избранныхъ... Пока „немногіе“ будутъ развивать въ себѣ разныя необыкновенныя способности, „весьма многіе“ должны будутъ положить все свое существованіе на то, чтобы создать имъ необходимую для этого обстановку... Это несправедливо и... нечеловѣчно. Такъ нельзя больше...

— Неужели я была бы почтеннѣе, если бы придерживалась взглядовъ именно такихъ, какъ ваши? Не слѣдуетъ ли уважать всякое убѣжденіе?..

Гриша подумалъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же всякое убѣжденіе уважать, — вѣско сказалъ онъ, все время не поднимая глазъ на собесѣдницу:—можно уважать только убѣжденнаго человѣка, въ чемъ бы его убѣжденіе ни состояло, а убѣжденіе только тогда можно уважать, когда считаешь его правильнымъ.

„Экій юный доктринеръ, — внутренне усмѣхнулась Лёля, — это трогательно, но и... глупо же!“ ...

Гриша продолжалъ:

— Мои взгляды, насколько они у меня есть, хороши уже тѣмъ, что гуманны... Мнѣ хочется счастья для всѣхъ, не для меня одного...

— Но вѣдь все-таки всѣхъ осчастливить нельзя, — разсмѣялась Лёля на этотъ разъ громко:—неужели же изъ-за этого и самому отказываться отъ всего... Кому отъ этого какая польза!..

— Да я и не думаю никогда ни отъ чего отказаться!— горячо сказалъ Гриша:—я хочу взять сполна всю мою долю радостей, а эти радости я могу извлечь только изъ борьбы за счастье всѣхъ.

Лёля молча посмотрѣла на него и не могла не найти, что иногда и общія фразы кажутся чрезвычайно красивыми.

Они подошли къ скамейкѣ и сѣли потѣснившись. Лёля не знала, что и думать, до того ее удивлялъ Гриша: то, что еще два дня тому назадъ волновало его и доводило до нервнаго трепета—ея близость, ея привосновенье—сегодня оставляло его совершенно равнодушнымъ. Онъ былъ до самозабвенія поглощенъ своими мыслями, и это сдѣлало его мало воспримчивымъ ко всему остальному.

Лёлю это, наконецъ, возмутило. Она нетерпѣливо положила свою руку на руку Гриши.

— Вы сегодня совсѣмъ не обращаете на меня вниманія,— шепнула она, наклонясь къ нему:—вы все время точно отсутствуете...

— Какъ это?.. Что вы хотите этимъ...—смутился Гриша.

Но Лёля молчала, улыбаясь, и смотрѣла на него взглядомъ авгура. На Гришу словно подуло властнымъ магнетическимъ дуновениемъ. Онъ бессознательно принялъ другую, менѣе принужденную позу. Не опуская глазъ подъ взглядомъ Лёли, онъ произнесъ такъ тихо, что едва можно было разобрать:

— Я думаю... я увѣренъ, что мы... не могли бы быть друзьями...

— Да?.. Почему?.. Ахъ, да, угадываю, вы меня считаете нехорошей... эгоисткой... негуманной... Но неужели же изъ-за этого я не имѣю права на жизнь и... на дружбу порядочныхъ людей?.. Гриша, не жестоко ли это!.. Сами же вы говорили, что я такъ прекрасна!.. Вы предпочли бы, чтобы я умерла?! И все изъ-за того, что я думаю не какъ вы!.. О, Гриша!..

Ему почудилось въ ея словахъ цѣлая трагедія, онъ дрогнулъ. Развѣ она, въ самомъ дѣлѣ, виновата, что, будучи богачкой, думаетъ то, что думаетъ... Она знаетъ лишь показную сторону жизни. Она не видѣла истиннаго горя... Затѣмъ, она, быть можетъ, мало знакома съ исторіей и никогда, ни отъ кого изъ „своихъ“ не могла слышать о томъ, что ея идеаль быть центромъ мірозданія (а у нея, повидимому, именно этотъ идеаль) былъ свойственъ человѣчеству въ глубокой древности, а что теперь люди додумались считать центромъ не человѣка, а всѣхъ людей вмѣстѣ взятыхъ, людей настоящаго и будущаго...

Эти мимолетныя размышленія смягчили Гришу. Онъ ясно и опредѣленно почувствовалъ, что вовсе не желаетъ ея смерти. Ея глаза, совсѣмъ какъ тѣ, что глядѣли на нихъ съ неба, сіяли и таинственно мерпали передъ нимъ, полныя мысли и жизни.

— Что вы! Какъ бы я смѣлъ... Вы можете исправиться, вы такая способная...

„О,—чуть не всплыла Лёля,—это, право, дѣлается скучнымъ!.. Исправиться!.. Нашелъ слово, дѣйствительно! Но какія у него трогательныя губы, въ жизни я не видѣла рисунка правильнѣе“...

— Конечно... Кто знаетъ, къ чему можно придти съ годами,—уклончиво пробормотала она, до отвращенія боясь спора. — Наши взгляды не стоятъ же все время на одной и той же точкѣ...

„Уфъ! Должно быть, теперь не найдется къ чему придраться,—вздохнула она про себя, начиная уставать:—если это затянется, я усну!“

Но Гриша, видимо, удовлетворился ея дипломатической фразой, потому что, послѣ недолгой паузы, сказалъ какъ будто про себя, уже совсѣмъ не враждебно:

— Вы правы... совершенно...

Молодого послушника не было больше. Возлѣ Лёли, едва удерживаясь на краю скамейки, сидѣлъ обыкновенный Гриша, внезапно свонфузившійся по причинѣ того, что на узкой и короткой доскѣ этой можно было сидѣть вдвоемъ, лишь тѣсно прижавшись другъ къ другу. Нѣсколько минутъ тому назадъ онъ даже и не замѣчалъ, что въ пылу разговора толкаетъ Лёлю локтемъ въ бокъ довольно основательно. Пока онъ съ ней спорилъ и чувствовалъ себя на противоположномъ ей полюсѣ, она для него существовала только какъ противникъ. Но недоразумѣнія окончены, и плѣнительный, волнующій обликъ дѣвушки вдругъ выплылъ передъ нимъ, точно изъ-за тучъ, которыя его до сихъ поръ закрывали. Гриша лишился дара слова и потерянно уставился ей въ глаза.

— Правда, вѣдь здѣсь лучше, чѣмъ тамъ, на чердакѣ?..

Тотъ кивнулъ головою въ знакъ согласія.

— Вы довольны, что мы здѣсь?

Гришѣ было стыдно, но онъ испытывалъ странное удовольствіе говорить то, на что не считалъ себя раньше способнымъ, и разрѣшился только единственнымъ словечкомъ:

— Да!..

— Но почему у васъ такой разсѣянный видъ?.. Вы замечта-

лись?.. О комъ же?.. Не о той ли третьягодняшней Маргаритѣ, съ которой вы такъ мило танцовали?.. Она ничего, недурна...

— Какія глупости!.. Откуда вы взяли...

— Почему же бы и нѣтъ?.. Она прехорошенькая... Вамъ двадцать лѣтъ, и я ни за что не повѣрю, чтобы вы не были до сихъ поръ ни разу влюблены...

— Ну, такъ и не вѣрьте...

— Какъ?.. А развѣ вамъ это все равно?.. Мнѣ не все равно... Интересно встрѣтить хоть одного человѣка на свѣтѣ, который до двадцати лѣтъ не былъ бы ни разу влюбленъ... Я знаю молодыхъ людей, которые равнодушны по сту разъ въ годъ... Они любятъ разнообразіе. У одного такъ даже лысинка отъ этого уже есть...

— У меня еще до лысинки не дошло,—улыбнулся Гриша.

— Но все-таки, значить, бывали и съ вами... инциденты?..

— Совершенно не знаю, что вы подразумѣваете...

— Какой непонятливый!.. А глазки Маргариты снились когда-нибудь?..

— Оставьте... Далась вамъ она... Она замужь выходить.

— Но не за васъ?—лукаво и въ шуточку притворяясь влюбленной, спросила Лёля, наклоняясь къ лицу Гриши совсѣмъ близко, такъ что ея дыханіе шевелило ему волосы.

— Ну, мнѣ покуда рано мечтать о женитьбѣ,—серьезно вымолвилъ Гриша, сдвигая брови: — много еще воды утечетъ, пока это случится... Нужно сначала человѣкомъ сдѣлаться...

— Конечно, женитьба—это черезчуръ серьезно и не зачѣмъ въ этому прибѣгать столь преждевременно... Но почему же не влюбиться такъ, немножко, просто для пріятнаго самочувствія..

— Богъ его знаетъ, получилось ли бы отъ этого пріятное самочувствіе,—слабо улыбнулся Гриша: —развѣ трудно влюбиться неудачно? Я влюбленъ, а въ меня нѣтъ, какое же тутъ пріятное самочувствіе!..

— Ишь вы какой!.. Вамъ нужна взаимность?!. Но вѣдь развѣ же нельзя въ самомъ чувствѣ, хотя бы оно оставалось и безъ отвѣта, найти достаточнаго удовлетворенія? Даже и нераздѣленная любовь можетъ быть источникомъ такихъ утонченныхъ радостей... Отречься отъ себя, забыть себя для другого... Это, мнѣ кажется, очень и очень въ вашемъ вкусѣ. Подумайте, какъ это, въ сущности, вульгарно—любить только за взаимность... Какая красивая, трагическая тѣнь окутываетъ чувство безъ отвѣта...

— Спасибо за такую красоту,—угрюмо проворчалъ Гриша,

охваченный непонятной, томительной грустью, похожей на предчувствіе:—нѣтъ, лучше ужъ поменьше красоты... Самоотреченіе, разумѣется, прекрасная вещь, но отъ личныхъ чувствъ я желалъ бы чего-нибудь другого... Мнѣ было бы некогда терять время на безплодные вздохи.

— Какъ вы прозаичны,—Лёля съ упрекомъ покачала головой.—Но все-таки, если бы вамъ пришлось полюбить несчастно?..

— Я бы вырвалъ это чувство изъ своего сердца,—храбро отвѣтилъ юный стоикъ:—я бы постарался его заглушить...

— Вотъ какъ,—не скрывая разочарованія протянула Лёля:—ну, невысокаго же вы мнѣнія о глубинѣ своихъ чувствъ, если думаете, что „заглушить и вырвать“ можно такъ легко!..

— Откуда вы вывели, что я это думаю?.. Наоборотъ, я думаю, что это можетъ быть очень не легко... тѣмъ не менѣе...

— Вотъ именно—„тѣмъ не менѣе“!.. Если бы вы были настоящимъ мужчиной, вы бы не дали себѣ труда остановиться передъ отсутствіемъ взаимности, а употребили бы всѣ усилія, чтобы тронуть сердце вашей избранницы. Женщины такъ любятъ силу, и если бы вы съумѣли быть сильны...

— И если бы я былъ силенъ, то силу свою вложилъ бы въ дѣятельность болѣе плодотворную, чѣмъ завоеваніе женской любви,—тономъ религіознаго обѣта воскликнулъ Гриша:—а любовь пусть приходитъ сама, добровольно и безъ ухищреній... На нее нельзя ассигновать слишкомъ много времени...

Лёля вышла изъ терпѣнія. Его фразы казались ей достойными гимназиста третьяго класса.

Глубокое молчаніе нарушалось чуть-слышнымъ попискиваньемъ птенчиковъ въ ласточкиномъ днѣздѣ—у сарая, гдѣ-то подъ крышей. Довольный и сонный писекъ этотъ краснорѣчиво говорилъ о томъ, что слабенькимъ крошкамъ тепло и уютно подъ материнскимъ крылышкомъ, что ихъ лелѣютъ и берегутъ, что надъ ними бьется преданное и заботливое сердце.

Гриша слушалъ эти невинныя признанія въ довольствѣ своей судьбой и острое ощущеніе беспредметной жалости и нѣжности потрясло его съ ногъ до головы. Онъ не зналъ, о комъ думалъ, но губы его безвучно шептали: „бѣдные, бѣдные, бѣдные“... Ему хотѣлось заплакать. Нервы его были напряжены.

— Чтò съ вами? Отчего вы вдругъ притихли? О, какое у васъ грустное лицо, Гриша!.. Отчего?..—тихо спросила Лёля, снова положивъ пальчики на его холодную руку. Чуть замѣтное содроганіе пробѣжало по длинному, худощавому тѣлу его. Онъ обернулся къ ней и посмотрѣлъ на нее широко раскрытыми,

словно спрашивающими или ожидающими чего-то глазами. Онъ забылъ, что нужно ей отвѣтить, и сидѣлъ неподвижно, облитый мягкимъ сияніемъ ея ласковаго отвѣтнаго взгляда.

— Какъ хороша жизнь иногда,—чуть слышно проговорила Лёля:—и какъ отвратительны... разсужденія...

Гриша продолжалъ сидѣть какъ истуканъ. На стиснутыхъ губахъ его появилось почти страдальческое выраженіе. Онъ и не подозрѣвалъ, что переживаемое имъ—старо, какъ луна.

— Ну, пора намъ въ комнаты,—объявила, наконецъ, Лёля съ легкимъ вздохомъ, немножко волнуясь и сама:—но я хочу, чтобы вы помнили сегодняшній вечеръ, несмотря на то, что вы были такъ нелюбезны со мною въ спорѣ...

Она встала, взяла голову Гриши въ обѣ руки, наклонилась и поцѣловала его—крѣпкимъ, долгимъ, беззвучнымъ поцѣлуемъ. Затѣмъ, не оглянувшись, направилась въ домъ, не разбирая дороги, несмотря на картофель, стучаясь о подсолнечники и безжалостно пачкая свое свѣтленькое платье.

Гришины пріятели такъ и не дождались его: онъ куда-то провалился, „какъ будто сквозь землю“, по недовольному замѣчанію Козаченки.

Лёля усмѣхнулась на слова Аллы, только-что спустившейся внизъ и объявившей, что это неприлично исчезать такимъ образомъ—„по крайней мѣрѣ не просить бы ждать его!..“

— Ну, отыщется, не игольа,—успокоительно замѣтила она подругѣ и потушила свѣчу, сказавъ, что предпочитаетъ раздѣться въ темнотѣ.

XVI.

У Караваевыхъ собирали въ обѣду. Было часа два. Женя валялась въ залѣ на диванѣ и лѣниво смотрѣла въ потолокъ, не рѣшаясь развернуть книжку переводнаго романа, которую съ утра всюду таскала съ собою. Кости и Алеша не было дома. Витя что-то строгалъ на подоконникѣ и размышлялъ о томъ, что мама ихъ непременно вздуетъ, при чемъ не безъ горечи перебиралъ про себя тѣ случаи, когда увлеченная педагогическимъ пыломъ и успѣвъ погончить съ старшими мальчиками раньше, чѣмъ охладилось ея рвеніе, мать вспоминала, что не слѣдуетъ оставлять своимъ вниманіемъ и его, Витю, и, придравшись къ чему попало, срывала на немъ весь запасъ неизрасходованной энергіи.

„И теперъ такъ будетъ,—сердито думалъ Витя, выдалбливая

дно у лодочки, которую онъ рассчитывалъ пустить послѣ обѣда на прудъ:—виновать или не виновать, мамѣ все равно... Лишь бы ей кричать...

Алла, хмурая и нервная, изыскивала про себя наименѣ щекотливый способъ сообщить Лелѣ, что визитъ ея долженъ быть, по возможности, сокращенъ.

Леля писала письмо, когда позвали къ обѣду. Глаза ея горѣли, щеки пылали румянцемъ, по губамъ пробѣгала мечтательная улыбка, словно то, что она мысленно созерцала, доставляло ей еще неиспытанное удовольствіе. Алла безмолвно наблюдала ее.

Ирина Васильевна имѣла очень утомленный видъ. На кухнѣ шла стирка, и это повергало ее, по обыкновенію, въ крайне неуравновѣшенное душевное состояніе. Она еще и до сихъ поръ, несмотря на годы, помогала поденщицѣ сама, считая, что только та хозяйка и можетъ называться хозяйкою, которая въ работѣ утретъ носъ любой служанкѣ. Усталость свою она никакъ не догадывалась приписать возрасту, а относилась насчетъ какого-то таинственнаго недомоганья и приходила отъ своихъ мнительныхъ предположеній въ самое зловѣщее настроеніе.

— Ну, гдѣ же хлопцы?—раздался грозный вопросъ Ирины Васильевны, разливавшей борщъ и замѣтившей, наконецъ, два пустые стула.

Витя забормоталъ что-то неопредѣленное, сестры тревожно переглянулись. Леля испытала пренепріятное ощущеніе, точно ее самой ожидала какая-нибудь экзекуція. Гриша, которому вмѣнялось въ обязанность слѣдить за благонавіемъ Караваевскихъ мальчишекъ, ясно увидѣлъ, что теперь ужъ никакъ не избѣжать ему сраженія съ теткой. Еще не далѣе, какъ утромъ, вышла у нихъ страстная перепалка изъ-за носовыхъ платковъ. Теперь, повидимому, Ирина Васильевна собиралась основательно свести съ нимъ счеты, совершенно махнувъ рукою на присутствіе Лели, отъ которой упорно жаждала поскорѣе избавиться. Нахмурясь, Гриша твердо встрѣтилъ взглядъ тетки. Но вдругъ съ грохотомъ раскрылась дверь въ сѣни, затѣмъ въ столовую, и вбѣжали оба мальчика, не только не сконфуженные своимъ опозданіемъ, но даже до того чѣмъ-то поглощенные, что Ирина Васильевна просто онѣмѣла отъ гнѣва и удивленія.

— Гриша!.. Гриша!.. — закричали они въ одинъ голосъ:— бѣги скорѣе... всѣ уже тамъ... пожаръ... горитъ все мѣстечко... Смотрите!.. Смотрите!.. Отсюда видно!..

Задрезбуждала посуда, всѣ повскакали съ своихъ мѣстъ. Гриша глянулъ въ окно и замеръ. Секунду царило въ столовой мерт-

вое молчаніе. Всѣ смотрѣли въ окно, изъ котораго было видно, что противоположная сторона за прудомъ затянута почти сплошною пеленой бѣлаго дыма, похожаго на непроницаемый осенній туманъ; только кое-гдѣ на бѣломъ фонѣ внезапно выступалъ какой-то черный клубокъ, изъ клуба взвивался вверхъ красный языкъ, и снова все пряталось въ бѣлой, однообразной мглѣ.

— Боже мой!.. — истерически крикнула Ирина Васильевна: — все мѣстечко!.. — и устремилась на дворъ съ такой быстротою, что за нею едва поспѣвали остальные.

Гриша, въ чемъ былъ, безъ шапки, вихремъ слеталъ въ сарай, захватилъ тамъ топоръ, ведро и помчался, ни на кого не взглянувъ и не успѣвъ сказать никому ни одного слова. Алеша и Костя послѣдовали за нимъ, не обративъ ни малѣйшаго вниманія на неистовые вопли матери, приказывающей имъ воротиться и сидѣть дома. Они догоняли Гришу и сознавали себя правыми — „если даже самъ директоръ отпускаетъ гимназистовъ тушить пожаръ, хотя бы это было во время уроковъ, то ужъ, значить“... и бѣжали во всю мочь, потные, серьезные и рѣшительные. Въ мѣстечкѣ пожарная команда состоитъ изъ разохшейся бочки, колченогой лошади, желѣзнаго крюка на длинной деревянной палкѣ и отставного солдата, у котораго правая рука прострѣлена еще подъ Плевной. За военную доблесть ему ввѣрено командованіе и надзоръ за пожарнымъ обозомъ, и надо воздать должное плевненскому герою — онъ, какъ-нибудь побезопаснѣе пристроивъ казенную бочку и казенную клячу, дѣлаетъ во время пожаровъ положительные чудеса, не смотря на свое калѣчество.

Николай Ивановичъ, методически и не спѣша, вытеръ очи, надѣлъ парусиновую крылатку, бѣлую фуражку съ кокардой, взялъ палку и быстро отправился туда, куда призывалъ его долгъ службы. Витя рванулся-было тоже за всѣми, но мать объявила ему, что если онъ высунетъ свой носъ хоть за ворота, то она спуститъ съ него всю шкуру. Изъ сосѣднихъ домиковъ обитатели высыпали на улицу отъ мала до велика, при чемъ мужчины бѣгомъ побѣжали на пожаръ, остались только женщины и дѣти. Раздавались испуганные вопросы, но никто не зналъ ничего вѣрнаго, такъ какъ пожаръ вспыхнулъ не болѣе четверти часа тому назадъ.

Полоса бѣлаго тумана растягилась все шире и шире, нѣсколько поднялась вверхъ и словно стала рѣже. Черные клубки и красные, тусклые языки замелькали чаще и гуще. Глухой

смутный гулъ неся оттуда—это ревѣль огонь и кричали сотни голосовъ.

На синемъ небѣ ни одного облачка не было замѣтно, солнце сіяло во всю. Прудъ, прозрачный и глубокій, переливался оттѣнками темнаго сафира. Но все же въ воздухѣ чувствовалось томленіе, будто передъ грозкою. Воробьи, разсыпавшись по деревьямъ, нервно трещали, ласточки дѣлали въ воздухѣ поразительные зигзаги и испускали особенно рѣзкіе и тревожные звуки. Сорвался легкій вѣтерокъ и погналъ дымъ на еще не загорѣвшія постройки.

— Матерь Господняя!—еривнула Ирина Васильевна, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ: — пропало мѣстечко!.. Лавки загоряются!.. Не было, не было вѣтру, а теперь...

— Гимназія горить,—подхватилъ кто-то на улицѣ.

По блѣдному, какъ полотно, лицу Каравасовой градомъ катились слезы, но она не замѣчала этого. Ея глаза были полны ужаса и жалости. Она ежеминутно крестилась бессознательнымъ движеніемъ руки и повторяла молитву:

— Спаси ихъ, Царица Небесная!..

Лѣля еще въ первый разъ въ жизни была свидѣтельницей такого стихійнаго бѣдствія, какимъ является пожаръ въ мѣстности, лишенной всякихъ цивилизованныхъ средствъ бороться съ нимъ. Судя по глубокому волненію, охватившему даже тѣхъ, кто не подвергался опасности—зрѣлице обѣщало быть интереснымъ. Пока же Лѣля не видѣла рѣшительно ничего такого, что оправдывало хотя бы этотъ истерическій видъ у грубой старухи Каравасовой. Немножко дыму, чуть замѣтныя рыжія пятна огня, гвалтъ перепуганныхъ евреекъ, вотъ и все.

И она немножко разочарованно поглядывала то на пожаръ, то на Аллу, которая, слегка поблѣднѣвъ, стояла, прижавшись къ забору, и внимательно вслушивалась въ тревожныя восклицанія на улицѣ.

Забили въ набатъ. Зловѣще раздались троекратные удары соборнаго колокола, на нихъ нервно отозвались тоненькіе звуки гимназическаго и, наконецъ, присоединился и монастырь, оповѣстившій окрестности о несчастіи заунывнымъ похороннымъ звономъ.

Вверхъ по улицѣ, ведущей на базаръ, то-и-дѣло подымался народъ. Во весь опоръ проскакалъ кто-то верхомъ. Гдѣ-то, видимо въ центрѣ мѣстечка, вспыхнуло столбомъ сильное пламя, и спустя нѣкоторое время, послышался гулъ, похожій на отдаленный раскатъ грома. Всѣ переглянулись ничего не понимающе.

щими, полными ожиданія новой бѣды, глазами. Объясненіе пришло въ голову Жень, которая закричала не своимъ голосомъ:

— Взорвало аптечный складъ!.. Ну, теперь и намъ не сдобровать!..

На улицѣ зашумѣли, заохали и заметались, заражая одни другихъ начинающейся паникой. Ирина Васильевна побѣжала въ спальню и вышла оттуда степеннымъ шагомъ, обѣими руками неся надъ головою икону Божіей Матери, которую ее благословляли въ день свадьбы. Глаза ея сосредоточенно смотрѣли передъ собою никого не замѣчая, губы беззвучно шептали молитву. Лѣля смотрѣла на нее и категорически нашла, что если бы у старухи Каравановой всегда было такое благородное и такое одухотворенное лицо, то оно было бы однимъ изъ интереснѣйшихъ, какое она когда-либо встрѣчала.

А за прудомъ пожаръ разгорѣлся, наконецъ, какъ слѣдуетъ. Дымъ черно-сизой тучей поплылъ въ небеса, и горящія строенія запылали, словно костры. Видно было, какъ перебрасываетъ вѣтромъ огонь съ крыши на крышу. Гомонъ и вой дѣлался громче и точно приближался. Изъ нѣсколькихъ сосѣднихъ домовъ стали вытаскивать мебель и какіе-то, связанные на-спѣхъ, безтолковые узлы. Жень, которая до сихъ поръ была только любопытной зрительницей, съ жуткимъ, но втайнѣ приятнымъ замираніемъ сердца наблюдающей опасность, которая не угрожала ей самой, вдругъ поблѣднѣла и бросилась въ матери.

— Мама!.. Мама!.. Смотрите, люди уже выносятся на дворъ... Нужно и намъ. Огонь идетъ на насъ... Хоть одежду спасемъ... Рояль бы нужно вытащить... Мама!..

— Отойди съ Богомъ, не мѣшай,—серьезно вымолвила та, и губы ея снова зашептали молитву.

— Не мѣшай!—сердито и назойливо закричала Жень, готовая разревѣться безъ всякаго стѣсненія:—Тутъ все сгорѣть можетъ, останемся только въ чемъ стоимъ. Будетъ еще время молиться... Почему станетъ спасать Богъ именно насъ, когда достается всѣмъ другимъ...

Ирина Васильевна рѣзко обернулась въ ней и посмотрѣла на нее нѣсколько секундъ такимъ взоромъ, что у Жени языкъ прилипъ къ гортани. Героическимъ усиліемъ воли сохранивъ важный и набожный видъ, Ирина Васильевна выговорила ровнымъ и выразительнымъ голосомъ, совершенно тѣмъ же, какимъ призывала раньше небесныя силы:

— Отойди говорю, не то такъ тресну тебя иконою по башкѣ, что духъ изъ тебя вылетитъ.

И отвернулась. Черезъ секунду губы ея опять задвигались безъ звука. Витя вылъзъ высоко на ясень и принялся оттуда сообщать о ходѣ пожара. Вѣсти получались мало утѣшительныя. Лѣля обратилась къ Аллѣ:

— Въ самомъ дѣлѣ, кажется, нужно бы вамъ позаботиться объ имуществѣ... Хотя, по виду, въ этомъ нѣтъ пока опасности, но кто знаетъ, чѣмъ все это можетъ кончиться...

— Ну, какое тамъ у насъ имущество,—слабо усмѣхнулась Алла:—всегда съ нимъ успѣется... Если же ты находишь, что это...—она указала глазами на пылавшіе костры:—что оно недостаточно ужасно, то это потому...

Алла остановилась, стѣсненная.

— Потому?—спросила Лѣля.

— Ты судишь объ этомъ слишкомъ издали, — быстро договорила Алла, недовольная тѣмъ, что у ея отвѣта вдругъ выпелъ самъ собою какой-то второй смыслъ.

— Ахъ, да!—коротко отозвалась Лѣля, понявшая ея фразу именно во второмъ смыслѣ.

Между тѣмъ, улицу охватило сильнѣйшее волненіе. Изъ мѣстечка только-что привохла хромая панна Хотынская, носившая какой-то заказницѣ уже спитое бѣлье. Она рассказала вещи, отъ которыхъ волосы становились дыбомъ. Между прочимъ, оказалось, что аптечный складъ дѣйствительно взорвало, при чемъ убито три человѣка.

Толпа окружила хромоногую вѣстницу живымъ, тѣснымъ кольцомъ. Вдохновляемая всеобщимъ жаднымъ интересомъ, панна Хотынская сообщала свои ужасныя новости въ томъ порядкѣ, или, вѣрнѣе, въ томъ безпорядкѣ, въ какомъ онѣ приходили ей на память. Въ высшей степени возбужденная, она незамѣтно для самой себя лишалась способности отличать то, что было на самомъ дѣлѣ, отъ того, что подсказывало ей воображеніе.

— Что же это будетъ, Боже милостивый, что же это будетъ, — заголосила сосѣдка Караваевыхъ, нѣмка Бекерша, хозяйка соломорѣзки и красильни. Статная, пригожая и еще не старая, стояла она посреди улицы, беспомощно опустивъ свои трудолюбивыя руки.

— Останемся безъ крыши надъ головою и безъ куска хлѣба мы и наши дѣти!.. Пропадетъ все, какъ будто мы и не работали всю жизнь!

Ирина Васильевна, не пропустившая ничего изъ сказаннаго панной Хотынской, горячо заговорила съ Бекершей:

— На все воля Господня, пани Бекердова!.. Одинъ Огъ мо-

жетъ спасти насъ отъ всякихъ бѣдъ... Притомъ, прудъ-таки широкій, черезъ него никакой вѣтеръ огня не перенесетъ... Развѣ кругомъ огонь обойдетъ, только все же сады ему дорогу перебьютъ. Конечно, можетъ быть, что сады не помогутъ, ну, тогда уже только одинъ Богъ!..

— И зачѣмъ это всѣ наши ушли,—плаксиво вскрикнула Женья, раскисшая окончательно:—и намъ здѣсь на случай бѣды помочь некому, и сами еще пострадать могутъ... Изжарятся еще тамъ, начиная съ папы! Извѣстно, какіе наши мальчишки! Навѣрное, какъ идиоты, полѣзутъ въ самый огонь...

Мать смолчала, но севозъ строгую, искреннюю набожность, на лицѣ ея проступила тревога. Алла замѣтила это и попробовала успокоить мать.

— Не бойтесь, мама, тамъ вѣдь папа съ ними... И Гриша... Женья трусить и ей мерещится всякій вздоръ...

— Конечно, ничего имъ не будетъ,—закричалъ Витя съ ясени:—и я бы хотѣлъ быть съ ними... Еще помогаль бы тушить, если бы не мама... Всѣ гимназисты всегда тушатъ пожары... И я тоже не маленький.

Время летѣло незамѣтно, но обычная жизнь такъ радикально соскочила съ колен, что всѣ даже какъ-то забыли и про обѣдъ, который остался почти нетронутымъ, и про многое другое. Алла сдѣлала, между прочимъ, интересное наблюдение надъ знакомыми ей личностями сосѣдовъ и вывела на ихъ счетъ такое заключеніе, что онѣ кажутся теперь, взволнованныя и напряженныя, гораздо болѣе привлекательными и человѣчными, чѣмъ въ обыкновенное время. Что-то дружное, согласное объединило ихъ всѣхъ и сплоченныя ожиданіемъ общей катастрофы, онѣ вдругъ сдѣлались такъ близки одна другой и мгновенно научились такъ понимать одна другую, какъ никогда раньше. Взять бы хоть для примѣра мать. Да развѣ она станетъ вообще разговаривать съ Бекершей такимъ дружелюбнымъ тономъ, какъ равная съ равной! Она все-таки никогда не забываетъ того, что ей, Караваевой, супругѣ пристава, вовсе не ровня какая-то нѣмка, торгующая „сѣвчюй“ и крашеной шерстью.

Вдругъ, изъ-за угла сосѣдней улицы выбѣжала какая-то женщина съ крохотнымъ ребенкомъ на рукахъ и устремилась прямо на сблизшуюся въ вучу горсть публики, напротивъ дома Караваевыхъ. Это было совсѣмъ молодое созданіе, хилое и тщедушное, дочь вдовы офицерши, ютящейся на квартирѣ у Бекерши и дающей уроки музыки за плату отъ рубля въ мѣсяцъ, два раза въ недѣлю. Годъ тому назадъ мать выдала ее замужъ за

молодого столяра, бѣднаго, какъ евангельскій Лазарь, въ приданое отдала имъ рѣшительно все, что имѣла сама, и осталась буквально въ пустой и голой конурѣ, съ единственнымъ платьемъ на плечахъ и въ дырявыхъ башмакахъ. Она утѣшала себя мыслью, что зато у дочки есть свое хозяйство и что черезъ нѣкоторое время, когда зять хоть немного станетъ на ноги, и ей можно будетъ перебраться къ нимъ. Родится „внучатко“, она будетъ его няньчить и хоть на старости знаетъ хорошіе дни.

Растолкавъ тѣхъ, кто попадался ей на пути, молодая женщина, растрепанная и оборванная подбѣжала къ худой, высокой старухѣ въ черномъ платьѣ, и упала у ея ногъ на землю, крича такимъ ужаснымъ голосомъ, какого Лѣля не слыхала еще никогда.

— Мама!.. мама!.. у меня ничего не осталось... Все погорѣло!.. Несчастливая я, несчастная... И чужая работа сгорѣла, и все наше... Ой-ой-ой!..

Высокая старуха затряслась и безмолвно опустилась на завалинку, но слова не шли съ языка. Кто-то бросился поднимать ребенка, на котораго повелительно и гнѣвно указывала Ирина Васильевна и который былъ очень ушибленъ, когда мать падала.

— Дитя чуть не убила, безумная,—прошептала Караваяева Аллѣ:—только о себѣ и помнить, а что дитя искалѣчить можетъ, ей и въ головѣ не держится!..

Когда бѣдняжку отпоили водой и привели немного въ болѣе сознательное состояніе, она, слабо вздрагивая каждую минуту съ перепаугу, принялась рассказывать о томъ, что дѣлается на пожарѣ. Цѣлые кварталы горятъ сплошь и во многимъ зданіямъ даже нельзя проникнуть, такъ какъ вокругъ нихъ бушующая рѣка огня. О томъ, чтобы спасать какія бы то ни было вещи нечего и думать.

Между тѣмъ, съ пожарища стали появляться, ища куда приткнуться, одни за другими, погорѣльцы. Всѣ они были похожи на людей гдѣ-то и съ кѣмъ-то дравшихся, а у нѣкоторыхъ, въ тому же, платье мѣстами истлѣло почти до голаго тѣла. По ихъ единогласному утвержденію, пожаръ развивается съ такой быстротой и, благодаря сорвавшемуся вѣтру, носить такой сокрушительный характеръ, что ручаться за безопасность хоть одного угла города никакъ нельзя. Еще до ночи можетъ погибнуть все.

Выслушавъ это, Бекерша опрометью кинулась въ домъ, и, черезъ минуты двѣ, ее увидѣли на собственной крышѣ, разстилающей толстыя рядна по соломѣ, на которую могла залетѣть

съ пожарища шальная искра. Мальчикъ-работникъ подавалъ ей туда, по лѣстницѣ, ведрами воду и этой водой дюжая нѣмка задумала облить всю крышу.

Изъ сосѣдей-мужчинъ, кой-кто вернулся домой, и всѣ были того мнѣнія, что на пожарѣ дѣлать нечего, все равно ничего нельзя спасти и ничѣмъ никому нельзя помочь. Лучше попробовать, возможно ли себя отстоять отъ огня.

День шелъ къ концу. Солнечный зной изъ до-бѣла раскаленного становился мягче, и воздухъ пропитали предвечернія оранжеватыя тѣни. Ирина Васильевна первая вздумала велѣть поставить Параскѣ ведерный самоваръ затѣмъ, чтобы хоть часть погорѣльцевъ напоить чаемъ съ хлѣбомъ. Ея примѣру послѣдовали еще нѣкоторые изъ сосѣдокъ. На улицу вытащили столы, стулья и табуреты и разставили ихъ вдоль забора Караваевского сада. Алла и Лѣля принялись хозяйничать за своимъ столомъ; Женю попросила, вмѣсто себя, наливать чай желающимъ Беверша, еще не слѣзшая съ своей крыши. Картина получилась самая идиллическая. Словно праздновался небывалый праздникъ, когда уже люди окончательно и разъ навсегда сознали себя „братьями“. Лѣля въ кисейномъ платьѣ, яркомъ, какъ рубинъ, ухаживала за голодной маленькой дѣвочкой, застѣнчиво рѣшающейся взять отъ нея кусочекъ булки съ масломъ. Дѣвочка грязна и обтрепана, но въ ласковыхъ глазахъ Лѣли незамѣтно брезгливости, а бѣлая ручка нѣжно гладитъ всклооченную головку ребенка. Ирина Васильевна, положивъ икону на окно, кускомъ чистаго холста, принесеннаго изъ комода Параской, перевязываетъ широкую рану отъ головы на плечѣ у старой мѣщанки. Всѣ такъ предупредительны другъ съ другомъ, столько участія и доброты проявляютъ тѣ счастливыя, кто уцѣлѣлъ пока отъ разгрома, относительно пострадавшихъ, что Аллѣ, хорошо знакомой съ нравами родной стороны, порою кажется все это больше похожимъ на хорошій сонъ, но отнюдь не на дѣйствительность.

Но тутъ нить ея размысленій прервалась, такъ какъ она замѣтила, что Лѣли нѣтъ больше возлѣ нея. Она оглядѣлась кругомъ—на секунду мелькнуло Лѣлино красное платье въ самомъ концѣ улицы, мелькнуло и исчезло за угломъ. Лѣля ушла на пожаръ. Когда Ирина Васильевна узнала объ этомъ, она только равнодушно пожала плечами и коротко сказала:

— Не маленькая... Няньку, что ли, къ ней приставлять...

А Лѣля, безъ зонтика, шляпки и перчатокъ, быстро шла впередъ, отыскивая дорогу наугадъ и никого не удивляя своимъ

видомъ. У тѣхъ, кто попадался ей, вниманіе слишкомъ основательно было направлено на нѣчто другое. Запахло дымомъ и гарью.

„Ого, въ самомъ дѣлѣ это не такъ невинно, какъ мнѣ казалось раньше,—подумала Лёля, начиная волноваться:—главное, никакихъ средствъ къ защитѣ, навѣрное“...

Вскорѣ она добралась до такихъ мѣстъ, гдѣ двигаться стало довольно затруднительно, такъ какъ путь преграждали горы мебели, въ беспорядкѣ сваленной куда и какъ попало тѣми, кто еще успѣлъ ее спасти. Мебель, разумѣется, была въ самомъ растерзанномъ состояніи, и убогій видъ ея защемилъ сердце равнодушной дѣвушки незнакомымъ ощущеніемъ.

— Въ какой обстановкѣ живутъ люди весь свой вѣкъ!—воскликнула она мысленно.—Запахъ гари и дыма сталъ очень силенъ, горѣло уже гдѣ-то невдалекѣ. По улицамъ толкалась масса народу съ горячечными лицами. Народъ этотъ гадѣлъ, безтолково сновалъ изъ стороны въ сторону, хватался за какія-то вещи, безъ цѣли перетаскивалъ ихъ съ мѣста на мѣсто и производилъ на Лёлю впечатлѣніе одурѣлаго. Но это еще были не погорѣльцы, а только ждущіе напасти. А вотъ, наконецъ, и пожарище. Толпа сдѣлалась такой густой, что сквозь нее едва можно пробиться. Въ хаотическомъ ревъ многихъ голосовъ одновременно нельзя разобрать ни единого членораздѣльнаго звука. Нѣсколько человекъ орудуютъ длинными желѣзными граблями возлѣ пылающихъ лачужекъ, пробуя ихъ разломать, но отъ этого пока не видно никакой пользы, только клочья загорѣвшейся соломы отъ срываемыхъ крышъ летятъ во всѣ стороны, грозя поджечь все, что подвернется. Если бы подобный пожаръ вздумали тушить дѣти, результаты, приблизительно, были бы тѣ же. Раздирая платье въ клочья, старалась Лёля пробраться какъ можно ближе къ „мѣсту катастрофы“. Одну минуту у нея мелькнула-было мысль, что она можетъ здѣсь встрѣтить кого-нибудь изъ Караваевыхъ, но потомъ она поняла, что было бы почти невозможно ихъ даже узнать среди такой сутолоки одинаково закопченного и запачканнаго народу. Ее толкало во всѣ стороны ужасно. Никто на нее не обращалъ ни малѣйшаго вниманія и, словно перекатывающейся волною, подхватывали ее движенія толпы, среди которой она сдѣлалась такой же безпомощной, какъ потерпѣвшее аварію суденышко среди разбушевавагося моря. Сознавъ, наконецъ, что личными усилиями ей ничего не удастся сдѣлать, она предоставила себя той участи, какую ей пошлетъ небо, и принялась наблюдать все, что только было доступно ей наблю-

деню въ данный моментъ. Всѣ эти люди, въ такой грубой и грязной одеждѣ, съ аляповатыми физиономіями были ей нѣсколько неприятны. Но несомнѣнно, это именно они и были, въ миниатюрѣ, тѣмъ человечествомъ, о которомъ столь много беспокоится Гриша и его пріятели.

— Человѣчество?.. Ахъ, бѣдное, жалкое чудовище. Быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ, послужить тебѣ—великая задача!

Ей вдругъ стало жалко, безконечно жалко всѣхъ этихъ бѣдняковъ, суетившихся вокругъ нея. Она еще никогда не сталкивалась съ ними такъ близко въ бувальномъ смыслѣ. Несмотря на то, что каждый изъ нихъ порознь могъ произвести только самое неэстетическое впечатлѣніе, въ общей массѣ они становились чѣмъ-то совершенно новымъ, крупнымъ и значительнымъ, съ чѣмъ нужно считаться. Пусть это чудовище и беззащитно, и нелѣпо, но есть же въ немъ что-то мощное, сильное и многообъщающее. Развѣ не изъ слабенькаго, не управляющаго собственными членами ребеночка вырастаетъ могучій богатырь? И ей было жаль этого будущаго богатыря. Ея теорія о предвѣчномъ неравенствѣ вдругъ получили совсѣмъ особенное освѣщеніе.

Прижатая къ широкой спинѣ какого-то субъекта въ тиковомъ пиджакѣ, Лёля сообразовала свои движенія съ движеніемъ человѣческой волны настолько, насколько это требовалось, чтобы не быть раздавленной. Изъ-за чужихъ головъ ей теперь не было видно пожара, то-есть самихъ горящихъ еврейскихъ домишекъ, а, ихъ-то ей и хотѣлось непременно увидѣть. Послѣ длиннѣйшаго перехода, она и ея „пиджакъ“ были вытолкнуты въ узенькій переулочекъ, сбѣгавшій къ пруду. Онъ, словно чудомъ, уцѣлѣлъ-было до этихъ поръ, несмотря на то, что вся прилегающая къ нему площадь пылала. Но вотъ на соломенную крышу одного изъ домиковъ, которые, какъ грибы, срослись въ одно сплошное гнѣздо, упала искра, за ней другая, и дождемъ пролился цѣлый огненный каскадъ горячей соломы. „Пиджакъ“ оказался вовсе не пиджакомъ, а длиннымъ парусиновымъ балахономъ, облежавшимъ здоровенную фигуру чернобородаго еврея, который немедленно бросился бѣжать вдоль переулка и исчезъ въ одной изъ еще нетронутыхъ огнемъ берлогъ. Вскорѣ онъ появился опять, неся на головѣ пуховую перину, нѣсколько подушекъ и рысью пустился къ пруду. То, что затѣмъ увидѣла Лёля, повергло ее въ большое изумленіе, тѣмъ болѣе, что примѣру чернобородаго еврея послѣдовали и другіе. Сломя голову долетѣвъ до самой воды, онъ побросалъ въ нее всѣ свои подушки и перину и отпихнулъ ее отъ берега какъ можно

дальше. Вскорѣ прудъ представлялъ своеобразную картину, какая не зародится въ фантазіи зауряднаго пейзажиста. Голубыя волны запестрѣли разноцвѣтными пятнами спальной принадлежности. Догадливымъ чернобородымъ евреемъ въ тиковомъ балахонѣ изъ двухъ золъ было выбрано меньшее.

Едва успѣла вспыхнуть одна крыша, какъ черезъ нѣсколько минутъ закурилась дымкомъ другая, за ней слѣдующая, и въ самомъ непродолжительномъ времени весь „грибной комъ“ избушекъ застлало густымъ, вонючимъ дымомъ. Лѣля на мгновеніе потерялась, но потомъ сообразила, что, пройдя къ пруду, она будетъ въ полной безопасности. Эта короткая секунда страха за себя подѣйствовала на нее чрезвычайно неприятно. И она способна трусить! По щекамъ ея разлился румянецъ стыда, и она съ умышленной медленностью побрела по переулку, заглядывая въ окна лачугъ, изъ которыхъ несли нечеловѣческой вой оплакивающихъ свое добро несчастливцевъ. Но въ одной лачужкѣ кричали громче и отчаяннѣе, чѣмъ въ остальныхъ, и Лѣля рѣшилась заглянуть туда. Дымъ уже наполнялъ небольшую комнату. За печкой происходило что-то странное, похожее на борьбу или свалку.

— Эй, вы!.. Кто тамъ!..—крикнула въ свою очередь Лѣля такъ громко, какъ только могла:— уходите отсюда, или вы сгорите вмѣстѣ съ домомъ!.. Слышите? Крыша уже горитъ, сейчасъ загорится потолокъ...

Крики и возня за печкой утроились, но не послѣдовало никакихъ дальнѣйшихъ результатовъ. Наконецъ, изъ сизаго мрака вынырнула сначала сѣдая библейская голова, а за нею появились двѣ старухи, таща за собою молодую женщину съ обезумѣвшимъ лицомъ. Она-то и издавала нечеловѣческіе вопли.

— Уходите отсюда поскорѣе, или вы сгорите, — дрожа словно въ лихорадеѣ отъ этихъ звуковъ, которыхъ, казалось бы, не могла издать обыкновенная человѣческая грудь, выговорила Лѣля, чувствуя невольное почтеніе къ горю, впервые представшему передъ нею такъ обнаженно, такъ ярко.

Услыхавъ заявленіе Лѣли, старухи оглушительно залопотали, молодая женщина рванулась отъ нихъ такъ сильно, что тѣ обѣ разлетѣлись въ противоположные углы, а она стремительно скрылась опять за печкой.

— Что съ ней!? Что такое?—пролепетала Лѣля, остановивъ испуганный взоръ свой на старикѣ, растерянно охавшемъ посреди комнаты.

— Шафа... комода... вона не хоче, щоб згоріло... Ін підсагь,—пробормотав старець.

— Ін придане... Шафа... Комода... орґховаго дерева...

— О-о!..—вздохнула поражена Лёля, закрывъ глаза. Голова у нея кружилась. Отъ нервнаго неистовства у нея похолодѣли руки и въ голову ударила кровь. Бросившись за печку, она ощупью отыскала тамъ худое тѣло молодой еврейки, припавшей къ своему драгоценному комоду, съ остервенѣніемъ впи-лась въ нее обѣими руками и выволокла ее, ошеломленную, на улицу раньше, чѣмъ та успѣла сообразить, что съ нею дѣлають.

— Ну, не пустите ее теперъ туда, — хрипло проговорила она выползшимъ вслѣдъ за нею на свѣтъ Божій старухамъ и старыку: — и здѣсь уже трудно стоять, а въ домѣ навѣрное стѣны загораются...

И не взглянувъ больше ни на кого, она, послѣ неуволимой нерѣшительности, повернула туда, гдѣ, расталкивая напирющую любопытную толпу, немногіе самоотверженные смѣльчаки, очертя голову, бросались въ рукопашную съ огнемъ. Послѣ момента инстинктивнаго животнаго страха и послѣ случая съ молодой еврейкой, Лёлей овладѣлъ тотъ нервный подъемъ, когда не бѣгутъ отъ опасностей, а ищутъ ихъ. Ей захотѣлось приказывать, распорядиться, рисковать. Съ раскраснѣвшимся лицомъ и горделиво поднятой головой, она пробиралась между построекъ, вематриваясь въ тѣ, что уже загорались, взглядомъ укротительницы звѣрей. Въ одномъ домѣ такъ накалилась желѣзная крыша крылечка, что какому-то человѣку, не успѣвшему вынести оттуда своего товарнаго станка, сдѣлалось дурно, и онъ едва не упалъ. Завидя ведро воды въ рукахъ у мѣщанскаго мальчишки, заглядѣвшагося на чью-то крышу, пускающую ракету искръ, Лёля тряхнула его за плечи и такъ повелительно крикнула: Давай сюда!.. что онъ и не подумавъ послушаться.

Сгибаясь подъ непривычной тяжестью, она знакомъ подозвала къ себѣ перваго встрѣчнаго зѣваку и коротко объяснила, что требовалось. Тотъ подхватилъ ведро словно перышко и черезъ порогъ такъ ловко направилъ все его содержимое въ фізіономію задыхавшемуся человѣку, что тотъ сначала захлебнулся, потомъ зафыркалъ, зачихалъ, закашлялся и, придя въ себя, успѣлъ-таки вытащить свой станокъ, не теряя времени на излишніа благодарности.

Ободренная успѣшными дебютами, Лёля окончательно присоединилась къ дѣятельной части публики. Красные клочья ея платья мелькали то тамъ, то сямъ, какъ флагъ, призывающій

къ борьбѣ. Вокругъ нея сгруппировались всѣ тѣ, кто предпочиталъ не затруднять себя инициативой, считая за болѣе простое и удобное поступать по готовымъ указаніямъ. Окруженная цѣлой свитой изъ оборванцевъ, Лёля неумоимо сновала по пожарищу, опьяненная наслажденіемъ повелѣвать и чувствуя, что для нея ничего не можетъ быть выше именно этого наслажденія.

Заходящее солнце тонуло въ огнистой дымеѣ, похожей на тѣ вечернія испаренія, что встаютъ надъ болотистыми мѣстностями. Только вмѣсто молочно-бѣлаго пара, воздухъ казался насыщеннымъ густой, свѣтящейся пылью, отливающей у самага горизонта тонами краснаго золота. Вокругъ пожарища на далекое разстояніе растянулся дымъ — тяжелый, блѣдно-синеватый. То, что возможно было отвоевать — столь не велико въ сравненіи съ уже уничтоженнымъ, что Лёля потеряла интересъ къ своей роли такъ же быстро, какъ и получила.

Лёля, разсѣянно отмахнувшись отъ своей „арміи спасенія“, повернула къ пруду, желая возвратиться домой. Недоумѣвающая армія разсѣялась, а Лёля медленно побрела черезъ задворки. Она теперь осторожно выбирала дорогу съ такой же преувеличенностью, съ какой раньше бравировала явной опасностью.

„Ахъ, какъ все это глупо, какъ все это глупо“, — безрелигиозно думала она, нервно вытирая кончики пальцевъ случайно не потеряннымъ носовымъ платкомъ, и губы ея кривились.

Мысли Лёли не имѣли ничего опредѣленнаго, а давали о себѣ знать скорѣе какъ неясныя, но характерныя ощущенія. И изъ этихъ ощущеній возникало горделивое рѣшеніе беречь себя, какъ берегутъ нѣчто рѣдкое, пренебрегая тѣмъ, что и безъ того существуетъ въ слишкомъ большомъ количествѣ.

Пожаръ тоже сталъ представляться ей такимъ ничтожнымъ, жалкимъ и скучнымъ происшествіемъ, о которомъ совершенно не стоитъ думать дольше одной минуты. Постоянно вѣдъ случается на свѣтѣ что-нибудь въ этомъ родѣ, но ходъ вещей остается такимъ же, какъ и былъ. Все это такъ заурядно — тотъ погорѣлъ, тотъ получилъ наслѣдство, тотъ родился, тотъ умеръ, стоитъ ли обо всемъ этомъ толковать!

И, предаваясь столь возвышенно-философическимъ настроеніямъ, Лёля перелѣзала черезъ плетни, пробиралась межъ разрушенныхъ сараевъ, и мечтала только о томъ, чтобы скорѣе добраться восвояси. Она вдругъ подумала, что гостить у Аллы слишкомъ долго, и въ ней впервые шевельнулось желаніе ухватить къ себѣ. О Гришѣ она даже не вспомнила при этомъ.

Лёлѣ оставалось пройти мимо совсѣмъ крохотной избушечки,

крыша которой только-что начала загораться отъ искръ съ со-сѣднихъ зданій. Возлѣ этого неопрытнаго, съ облупившимися стѣнками, логовища суетилось два-три человѣка, и между ними Лёля узнала маленькихъ Караваевыхъ, оборванныхъ и грязныхъ болѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Ей захотѣлось подойти къ нимъ и спросить, гдѣ Гриша. Она поймала себя на этомъ же-ланіи и, направляясь къ мальчишкамъ, подумала съ легкой улыбкой:

„Хотѣла бы я взглянуть на него въ моментъ, когда онъ совершаетъ героическіе подвиги во славу человѣколюбія... Онъ, навѣрное, очень милъ при этомъ... Пожалуй, онъ здѣсь, въ домѣ... Но, въ ея разочарованію, Гриши не оказалось, и ни Алеша, ни Костя не знали, гдѣ онъ, такъ какъ давно потеряли его изъ виду.

Видя, что ни мальчики, ни молодой еврейчикъ совершенно не блестятъ сообразительностью, Лёля дала имъ нѣсколько со-вѣтовъ, какъ попытаться потушить закурившуюся солому.

Еврейчикъ полѣзъ на крышу, Алеша отыскалъ въ сѣняхъ ведро, Костя тамъ же набрѣлъ на боченокъ съ водой, и работа закипѣла.

Лёля усѣлась на вытасенный для нея табуретъ и принялась лѣниво наблюдать, какъ усердствовали мальчики и какъ при этомъ осмысливались ихъ толстыя, раскормленные фізіономіи. Они никогда не имѣли такого вида за своими учебниками.

Дѣло, однако, на ладъ не пошло. Солома была слишкомъ суха, воды было слишкомъ мало. Черезъ нѣсколько минутъ еврей-чикъ стремительно соскочилъ обратно съ обожженными волосами и тлѣющей полой люстриноваго халата. Остатками воды смочивъ себѣ голову, еврейчикъ юркнулъ въ домъ и началъ съ ли-хорадочной поспѣшностью выбрасывать оттуда свои скудные по-житки. Мальчики подхватывали ихъ и относили подальше, сва-ливая въ одну кучу. Затѣмъ, когда все такимъ образомъ было вынесено, еврейчикъ скрылся въ домъ опять, и вскорѣ до Лёли оттуда донеслись стоны, плачь и причитанья.

„Какъ! Значить, тамъ кто-то есть! — въ изумленіи мы-сленно воскликнула Лёля:—судя по голосу—это старуха.. Чтѣ же она тамъ дѣлаетъ, почему не выходитъ?“...

Вдругъ еврейчикъ выскочилъ на дворъ и беспомощно огля-дѣлся кругомъ. Мальчиковъ уже не было, и они уже кому-то помогали на довольно далекомъ разстояніи, возлѣ какой-то будки.

— Кто тамъ у васъ плачетъ?—крикнула ему Лёля:—нужно поскорѣе выходить, нельзя дольше оставаться...

— Бабушка плачетъ,—пролепеталъ еврейчикъ:—она не можетъ выходить...

Лёля вскочила съ своей табуретки.

— Пойдемте, вытащимъ вашу бабушку... Скорѣе... скорѣе...

Но оба они оказались не въ силахъ сдвинуть эту гору парализованнаго мяса.

— Я кого-нибудь позову,—торопливо сказала она еврейчику и выбѣжала прочь. Еврейчикъ послѣдовалъ за нею, крича свое „гвалтъ, гвалтъ!“

Едва успѣли они добраться до болѣе людныхъ мѣстъ, какъ изъ ближайшей кучки народу на встрѣчу имъ послѣпно вышелъ высокій худощавый мужчина, котораго Лёля и не узнала бы сразу, если бы онъ не заговорилъ:

— Вы?!. Какимъ образомъ вы здѣсь?.. Что это вамъ взбрело въ голову?..

— Потомъ, Гриша, потомъ... Надо торопиться... Тамъ, въ домѣ — старуха... Ее надо вынести... она не можетъ... парализъ,—безсвязно выговорила она, почувствовавъ ужасное утомленіе, которое овладѣло ею внезапно и въ такой степени, что ей захотѣлось сѣсть гдѣ попало, и сидѣть, не двигаясь, долго-долго. Гриша, закоптѣлый, какъ трубочистъ, съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на поблѣднѣвшее и осунувшееся личико дѣвушки, которой ея болтающіяся, вмѣсто платья, тряпки и слѣды сажн на рукахъ и лицѣ придавали особую трогательную прелесть. Но времени нельзя было терять, и онъ послѣдовалъ за еврейчикомъ. Лёля медленно пошла за ними. У нея начинала болѣть голова.

Когда она дошла до избышки, надъ крышею ея крутились клубы дыма. Гриша и еврейчикъ сунулись—было въ домъ, но отскочили. Ихъ опалило жаромъ и едва не задушилъ дымъ, валившій въ открытую дверь.

Когда Лёля была отъ нихъ уже довольно близко, Гриша и еврейчикъ очевидно о чемъ-то совѣщались. Затѣмъ, заглянувъ черезъ окно въ домъ и словно измѣривъ глазами всю опасность, угрожавшую несчастной старухѣ,—Гриша машинально оглянулся на Лёлю и со всѣхъ ногъ кинулся въ комнату. Онъ не слышалъ, какъ вскрикнула Лёля и какъ, вслѣдъ за нею, завопилъ еврейчикъ. Ихъ голоса затерялись въ шумѣ и гамѣ, царящихъ повсюду, отъ края до края мѣстечка.

Лёля подбѣжала къ горящей лачугѣ такъ близко, какъ только было возможно. Минутами дымъ, наполняющій ее внутри, дѣлался рѣже и, сквозь обрешетѣлыя стѣнки, позволялъ видѣть, что дѣлалось тамъ. Она явственно различила стройную Гришину

фигуру у постели старухи. Вотъ онъ ее взваливаетъ къ себѣ на спину, придерживаетъ ее одной рукой, а другой дѣлаетъ надъ своей головой странный жестъ, точно ища за что-нибудь ухватиться. Вотъ два-три невѣрныхъ, напряженныхъ движенія, и старуха соскальзываетъ на-земь. Судорожно стиснувъ прижатые къ груди руки, Лёля пронизываетъ глазами стѣны и бессознательно шепчетъ, а быть можетъ, даже и говоритъ громко: „Уходи же, уходи сию секунду... торопись“... Онъ, какъ будто повинувшись ея призыву, дѣлаетъ шагъ впередъ, потомъ происходитъ нѣчто нелѣпное, необъяснимое, возмутительное. Въмѣсто того, чтобы бѣжать, Гриша поднимаетъ руки вверху, и склонивъ на плечо голову, остается неподвиженъ. Онъ бы могъ еще, быть можетъ, спастись, но взоръ его, опущенный книзу, падаетъ на кучу парализованнаго мяса, уже переставшаго стонать. И инстинктивное желаніе убѣжать исчезаетъ.

Сильный порывъ вѣтра отнесъ далеко въ сторону тучи дыма, окутывавшаго пожираемое огнемъ строеніе. Подпирая грозящую упасть балку руками, стоитъ Гриша, похожій въ своемъ послѣднемъ усиліи скорѣе на каріатида, чѣмъ на обыкновеннаго человека. Лѣлъ не видно его лица, но каждая линія, каждый изгибъ его тѣла свидѣтельствуютъ о томъ, что силы его истощаются. Лёля не понимаетъ почему пересталъ вопить еврейчикъ и почему такъ странно вытаращилъ на нее глаза. Она не знаетъ и никогда не узнаетъ, какіе раздрающіе крики вылетаютъ изъ ея груди, въ которую съ неистовствомъ вдавливаютъ она переплетенныя пальцами, окостенѣвшія отъ внутренняго холода руки. Она зоветъ Гришу голосомъ грубымъ и хриплымъ; этотъ голосъ похожъ теперь на всѣ тѣ голоса, что можно услышать, пройдясь по пожарнику. Слышитъ ли ее человѣческая каріатида, стоящая лицомъ къ лицу со смертью, и если слышитъ, то какіе отзвуки будитъ этотъ страстный зовъ жизни въ сознаніи, воспринимающемъ смерть?

Наконецъ каріатида дрогнула, руки подались внизъ, въ балкѣ хрустнуло, остовъ жалкаго домишка заколебался, будто картонный, и что-то съ трескомъ обрушилось внутрь, заставъ отъ Лѣлиныхъ глазъ и Гришу и все остальное. Слабый стонъ, похожій на вздохъ, вылетѣлъ изъ горла Лѣли и она упала лицомъ къ землѣ, какъ будто не желая больше смотрѣть на міръ, въ которомъ совершаются такія бессмысленныя, такія несправедливыя вещи.

XVII.

Лёля уѣхала давнымъ-давно. Лучезарное лѣто прошло, прошла и славная малороссійская осень, блистающая роскошнымъ нарядомъ, похожимъ на яркій и веселый уборъ здоровой, краснощекой молодежи. Зима почему-то замедлила, и въ природѣ вышло маленькое климатическое недоразумѣніе — то наступалъ рѣзкій холодъ, лили безконечные дожди — мрачные, упорные и тоскливые, то выдавался денекъ такой ясный, теплый и тихій, что порою думалось, ужъ не весна ли вернулась.

Послѣ пожара, уничтожившаго три четверти мѣстечка, Лёля пробыла всего нѣсколько дней. Она способна была стремительно бѣжать въ тотъ же день, но задержала ее интересъ къ участи Гриши.

Гришу спасли. Раздирающіе вѣрии Лёли, совершенно случайно привлекли вниманіе бывшей близко сосѣдней помѣщицы, явившейся съ своимъ обозомъ. Подобрали и привели въ себя обезпамятѣвшую Лёлю, и руководимая указаніями перепуганнаго до полусмерти еврейчика, пожарная прислуга расшвырала крышу, изъ-подъ остатковъ которой и извлекли два тѣла. Старуха была мертва, а Гриша оказался живымъ, но въ глубокомъ обморокѣ. Его положили на чью-то, сорванную съ петель, дверь, которую покрыли неизвѣстно кому принадлежащей рухлядью, вынесенной изъ огня на улицу. Когда его несли домой, онъ пришель-было въ себя, но слабо простонавъ, опять потерялъ сознаніе. Изъ рта у него показалось немножко крови, которую Лёля вытерла клочкомъ своей кисейной юбки; платокъ она, наконецъ, потеряла.

Докторъ, котораго разыскали съ превеликимъ трудомъ, послѣ внимательнаго осмотра объявилъ рыдающей старухѣ Караваевой, что обжоги невелики, но что все тѣло изломано и разбито такъ, что не можетъ быть рѣчи о выздоровленіи. Умереть же онъ можетъ каждую минуту скоропостижно.

Послѣдовавшіе за этимъ моменты были ужасны. Гришу водворили въ залъ, и онъ тихо стоналъ, не выходя изъ забытья. Ирина Васильевна собрала поѣсть мужу и вернувшимся мальчикамъ, аппетитъ которыхъ, сообразный съ тратою энергіи, оказался чудовищнымъ. Подсовывая имъ то то, то другое, мать глядѣла на нихъ съ хищной заботой, родственной самымъ разнуданнымъ эгоистическимъ инстинктамъ. Она то радовалась, видя ихъ здоровыми и невредимыми, то набрасывалась на нихъ съ не-

истой бранью за то, что они осмѣлились убѣжать на пожаръ безъ ея разрѣшенія.

И отъ несчастья съ Гришей еще только полнѣе, еще только радостнѣе дѣлался контрастъ собственнаго благополучія. Можетъ быть, словами она и не рѣшилась бы передать сущности своихъ ощущеній, она умѣетъ быть и чуткой, и доброй, и жалостлива она ужасно, но ничто на свѣтѣ не помѣшаетъ ей радоваться тому, что горе постигло не ее самое въ лицѣ кого-нибудь изъ ея *собственной* семьи...

Возлѣ скорбнаго одра Гриши взяли на себя всѣ хлопоты Алла, Жени и Лѣля. Но, кромѣ какъ поднести къ его почернѣвшимъ губамъ стаканъ воды съ лимономъ и сахаромъ, дѣлать имъ не надобилось ничего. Онъ былъ, по мѣрѣ возможности, забинтованъ и перевязанъ докторомъ и его не слѣдовало тревожить по крайней мѣрѣ цѣлыя сутки. Завѣсивъ окна, дѣвѣнцы зажгли лампаду и при ея кроткомъ, невѣрномъ мерцаньѣ, въ бѣлыхъ юбкахъ и кофточкахъ, онѣ были похожи на привидѣнья неслышно снующія по комнатѣ умирающаго.

Леля жаждала уловить хоть мигъ сознанья у Гриши. Она хотѣла дать ему почувствовать свое присутствіе, хотѣла сказать ему что-нибудь такое, что, какъ магическое заклинаніе, вернуло бы ему жизнь и силы. Ея нервному настроенію это чудо казалось возможнымъ.

Ирина Васильевна занялась устройствомъ на ночь цѣлой толпы погорѣльцевъ. Сѣни, кухня и большая кладовая, изъ которой наскоро убрали все неподходящее, были превращены въ убѣжища для проголодавшагося и измученнаго народа. Благодаря этой вознѣ, она и не зашла къ дѣвушкамъ, которыя этому были втайнѣ рады. Ихъ потрясеннымъ нервамъ необходимы были тишина и сравнительное спокойствіе.

Около разсвѣта Гриша открылъ глаза. Тусклый и страдальческій взглядъ ихъ медлительно прошелъ по всей комнатѣ и остановился на бѣлокурой головѣ Жени, спавшей въ креслѣ, лежа лбомъ на протянутыхъ по столу рукахъ. Губы его задрожали, точно ему хотѣлось что-то сказать, онъ задвигалъ головой. Нестерпимая боль молніей пронизала все его тѣло и вырвала у него крикъ, отъ котораго не было силъ удержаться. Крикъ этотъ разбудилъ Лѣлю и Аллу, дремавшихъ тонкимъ лихорадочнымъ полусномъ, сидя на диванѣ. Обѣ подбѣжали къ нему.

— Гриша!.. Гриша!.. Какъ тебѣ?.. Какъ вамъ?.. — лепетали онѣ, протирая глаза и тревожно всматриваясь въ мертвенно-

блѣдное, съ провалившимися щеками и заостреннымъ носомъ, лицо.

Гриша медленно и устало поднималъ на нихъ огромные, расширенные зрачки и, пробуя заговорить, нѣсколько разъ провелъ языкомъ по пересохшимъ губамъ. Алла догадливо дала ему немножко лимонаду.

Лёля страшно досадовала на Аллу за то, что та некстати проснулась.

„Вдругъ Гриша опять впадетъ въ прежнее безчувствіе, — раздражительно и неприязненно къ Аллѣ думала она: — и я не смогу ему ничего, ничего сказать... Неужели она не пойметъ-таки, что она лишняя!“

Но Алла именно этого не понимала. Она, сдерживая слезы, съ любовью смотрѣла въ тусклые глаза, ища тамъ отраженія какой-нибудь мысли или желанія. Жалость къ нему внезапно охватила ее съ такою силою, что она вынуждена была торопливо уйти въ сосѣднюю комнату. Конвульсивныя рыданія душили ее.

Лёля обрадовалась ея уходу, но что сказать Гришѣ — не находила. Онъ глядѣлъ на нее такъ безучастно. Между ними и ею стояла какая-то стѣна — холодная, прочная и непонятная. Въ ней самой все трепетало напряженіемъ, усиленіемъ, энергіей — а въ немъ жизнь едва цѣпляется за уцѣлѣвшіе клочки его размозженнаго тѣла, которое можетъ испытывать только одно — боль, боль и боль.

— Милый... бѣдный... — шепчетъ Лёля, пытаясь вложить въ эти слова всю нѣжность, всю ласку, которой исполнено къ нему ея сердце. Но туманъ, окутавшій восприимчивость Гриши, не разсѣивается. Глаза его по прежнему безучастно смотрятъ на нее. И Лёля не можетъ съ этимъ примириться. Она наклоняется ближе, ближе.

— Гриша, хороший мой, узнаете ли, кто съ вами говоритъ?.. Сдѣлайте мнѣ хоть самый, самый слабый знакъ, если да, — просить она, тяжело дыша и вся блѣдная. Послѣ паузы, которая кажется Лелѣ безконечной, Гриша полузакрываетъ вѣки, какъ бы отвѣчая ей утвердительно и, стиснувъ зубы, съ мучительнымъ стономъ отворачивается лицомъ къ стѣнѣ.

„Я для него теперь нечего не составляю, — думаетъ Лёля съ непреодолимымъ чувствомъ обиды. — Неужели любить, увлекаются, восторгаются только пока здоровы, а если больны — не остается ничего? Какъ тогда противна власть тѣла надъ духомъ, какъ противна сама жизнь... Какое униженіе, — зависѣть отъ переломанной кости, отъ химическаго состава вѣды... Нѣтъ, нѣтъ,

все это слишком оскорбительно... этого не должно быть, и тѣ, которые ищутъ новыхъ путей къ счастью и свободѣ—тысячу разъ правы... Только надо въ точности знать, въ чемъ свобода и счастье“.

Вѣсть о случившемся съ Гришей быстро облетѣла всѣхъ знавшихъ его. Всѣ, кто изъ его товарищей по гимназiи были въ мѣстечкѣ, явились его навѣстить. Приѣхалъ и Перель, вызванный письмомъ Лошинскаго. Послѣ нѣсколькихъ сутокъ таковаго упадка силъ, что можно было ждать его смерти каждое мгновенiе, Гришѣ стало легче. Онъ очнулся отъ почти непрерывнаго безпамятства и хотъ говорить самъ не могъ, но слушалъ другихъ уже не съ прежнимъ безучастiемъ.

Друзья утѣшали его. Все, что можно изобреѣсти утѣшительнаго и обнадеживающаго—изобреѣли ихъ юныя, сострадающiя души. Одинъ Перель молчалъ, и въ его узкихъ, продолговатыхъ глазахъ свѣтилось что-то суровое и рѣшительное, а на физиономiи его читалось ясно:—„Ну, что же, бываютъ тяжелыя случайности. А жить и работать надо!“

Козаченко, экспансивный, какъ всегда, упрекнулъ его даже, что онъ такъ черство отнесся къ гибели Гриши. Перель не отвѣтилъ ничего, а Лошинскiй вспльчиво прошепталъ ему на ухо бѣшенымъ шопотомъ:

— Тише, дура! Это у него не отъ черствости, а отъ любви!.. Возлюбилъ онъ много... Оттого и молчить!

Отъѣздъ Лѣли прошелъ незамѣченнымъ. Гриша, повидимому, не понималъ даже, что она уѣзжаетъ, и только много времени спустя, не имѣя силъ говорить, все тревожно поглядывалъ на двери, когда кто-нибудь заходилъ въ комнату, точно ждалъ кого-то. И тогда во взорѣ его появлялось на мигъ слабое отраженiе разочарованiя и грусти.

Въ погорѣвшемъ мѣстечкѣ вскорѣ закипѣла усиленная дѣятельность. Поступила масса пожертвованiй деньгами и матеріалами,—словомъ, пожару суждено было слѣлать поворотъ въ новой, болѣе цивилизованной эрѣ, отдѣленной отъ прежняго пещернаго періода правильными рядами новенькихъ домиковъ подъ желѣзными крышами. Въ смыслѣ художественномъ улицы не выиграли, но въ мѣстечкѣ врядъ-ли найдется хотъ одинъ еврей, который бы помянулъ добрымъ словомъ оброспiя мхомъ и воюющiя развалины.

Николай Ивановичъ, скорбно поживавъ головою надъ неподвижно распростертымъ тѣломъ племянника и капнувъ горячей слезой на бѣлую простыню, прикрывающую его, понесъ на почту

прошенія дочерей насчетъ мѣстъ въ прогимназіи. Алла, скрѣпя сердце, сдѣлала отцу эту уступку, при чемъ утѣшала себя мыслью, что это, въ концѣ концовъ, ни къ чему не обязываетъ. Мѣсто могутъ ей дать, она уступитъ его сестрѣ, если для той не окажется вакансіи, а сама все-таки какъ-нибудь осенью вырвется отсюда. Ее охватывала невыразимая тоска отъ одной мысли, что придется покинуть Гришу, которому не суждено больше встать. У него оказался переломаннымъ позвоночникъ, и была сильно разбита грудь. Уходъ за нимъ нуженъ былъ очень тщательный—онъ былъ беспомощенъ, какъ новорожденное дитя, а со взрослымъ возня не такъ-то легка и не такъ-то пріятна. Пришлось нанять къ нему дюжого хлопца.

Пока смерти Гриши ждали съ часу на часъ, въ домѣ царилъ та атмосфера томительнаго и благоговѣйнаго затишья, которая обыкновенно свойственна ожиданіямъ такого рода катастрофы. Всѣ ходили на цыпочкахъ, говорили едва слышно, всякое движеніе Гриши подстерегалось и оберегалось съ величайшей заботливостью. Казалось, не было ничего завѣтнаго, чѣмъ бы не пожертвовала Ирина Васильевна, чтобы скрасить и облегчить послѣднія минуты умирающаго.

Но смерть не шла. Неудобство ходить на цыпочкахъ и говорить шопотомъ становилось все замѣтнѣе. Это дошло до крайнихъ размѣровъ, когда наступили дождливые дни и выйти въ садъ стало совершенно невозможно. Стѣсняться съ Гришей мало-помалу переставали. Только одна Алла все чаще подсаживалась къ нему, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ получилъ возможность произносить два-три слова.

Первое, выраженное имъ желаніе заключалось въ томъ, чтобы его перенесли куда-нибудь изъ залы. Алла и Женья уступили ему свою комнату—это было единственное мѣсто, гдѣ ни ему никто не мѣшалъ, ни онъ никому.

Забѣгали къ Караваевымъ и барышни: ихъ притягивалъ поэтический образъ умирающаго юноши, такъ геройски положившаго душу свою за други своя. Однако, имъ не удалось его увидѣть, Алла рѣшительно воспротивилась тому, чтобы ему надоѣдали изъ празднаго любопытства. Впрочемъ, ей пришлось сдѣлать исключеніе.

Въ одинъ угрюмый, угрожающій дождемъ день въ усадьбѣ Караваевыхъ подошла простая баба въ полу-мужицкой, полу-мѣщанской одѣжѣ и нерѣшительно остановилась у забора. Заглянувъ въ палисадникъ и убѣдившись, что тамъ никого нѣтъ,

она пошла прямо въ домъ, гдѣ и наткнулась на Ирину Васильевну, несущую куда-то огромный кувшинъ кислаго молока.

— Чи можно мени побачиться съ Григоріемъ Валерьяновичемъ? — спросила баба, раздвигая темный платокъ, почти закрывавшій ея лицо и взглядывая на Караваеву пронзительными, черезчуръ смѣлыми отъ избытка застѣнчивости глазами.

— Съ Григоріемъ?.. Гришей?—слегка опѣшивъ, переспросила старуха, въ сильномъ удивленіи—какіе, молъ, могутъ быть у племянника дѣла съ простыми мужичками. Не подвохъ ли какой...

Баба повторила:—Мнѣ бы къ нему на минуточку, хоть взглянуть на него, бѣднаго...

Голосъ бабы звучалъ такими странными нотами, точно она и нивѣсть что, а не обыкновенная пожилая хохлупка, довольно, на взглядъ Ирины Васильевны, безобразная.

— Я не знаю,—пробормотала она, пожавъ плечами въ недоумѣніи:—спрошу у моихъ барышень, онѣ возлѣ него ходятъ... Позволятъ или нѣтъ его тревожить, не знаю, не знаю...

— Пусть скажутъ ему: Прися пришла,—сказала баба и потупилась, чтобы скрыть насмѣшку, которую могли выдать выразительные глаза ея.

Старуха скрылась въ комнаты, и черезъ нѣсколько времени оттуда вышла Алла, сдѣлавъ кому-то въ двери нетерпѣливый жестъ, точно запрещаая слѣдовать за собою. Она подошла къ Присѣ вплотную и протянула ей руку.

— Здравствуйте, — привѣтливо поздоровалась она, съ инстинктивнымъ чувствомъ деликатности и отвращенія избѣгая сколько-нибудь слащаваго и снисходительнаго тона относительно женщины, которую она уже слегка знала со словъ Гриши:—Зайдите, зайдите къ Гришѣ, онъ будетъ доволенъ... Я у него спрашивала... Только говорите съ нимъ побольше сами, а ему не особенно позволяйте...

Прися равнодушно отвѣтила на пожатіе Аллы, скинула съ себя платокъ, сувонную кофту, вытерла объ рогожу сапоги и послѣдовала за Аллой. У Гриши она оставалась недолго, читала ему вслухъ какое-то письмо, немножко всплакнула при этомъ, затѣмъ ушла, пообѣщавъ заходить.

Когда Алла послѣ этого подошла къ нему покормить его бульономъ, у него, впервые послѣ разгрома, было оживленное и почти веселое лицо.

— Тебѣ лучше?—радно вскричала она, оправляя подушку.

— Лучше... Утомилъ я васъ,—очень медленно, сдавленнымъ,

сильнымъ шопотомъ проговорилъ онъ ей:—все не могу умереть... Нехорошее поведеніе...

Тѣнь шутливой улыбки скользнула по его истаявшимъ чертамъ.

— Господи!.. Какъ тебѣ не стыдно!—съ глубокимъ волненіемъ упрекнула его молодая дѣвушка и замолчала. Она слишкомъ хорошо знала, что смерть была лучшимъ исходомъ для Гриши. Въ этомъ пунктѣ она совершенно была согласна съ Перелемъ, который долго и чрезвычайно дружески бесѣдовалъ съ нею передъ отъѣздомъ обратно на урокъ. Перель, между прочимъ, сказалъ ей:

— Я бы очень хотѣлъ получить отъ васъ какія-нибудь извѣстія насчетъ того, какъ вы устроитесь... Не сочтете ли вы для себя не вполне неинтереснымъ давать мнѣ, время отъ времени, вѣсточку о себѣ?

— Если это васъ интересуеть... Отчего же... Я бы не прочь,—твердо, но чуть сконфуженно отвѣтствовала Алла.—Но куда же къ вамъ писать?..

Перель не долго размышлялъ.

— Да вы вотъ что: если вамъ придетъ охота черкнуть слова два, вы зайдите къ мамашѣ, въ будуу... Она вамъ скажетъ мой адресъ, потому что пока я его еще и самъ не знаю... Тогда вы сообразите, куда, приблизительно, слѣдуетъ мнѣ вамъ отвѣчать, и дѣло будетъ въ шляпѣ!..

— Ладно!

— Авовь даже зимою и встрѣтимся въ Петербургѣ?.. Какъ вы полагаете?

— Ну!.. Не будемъ загадывать впередъ, чтобы не сглазить моей затѣи,—грустно пошутила она.

— До свиданья, значить. Главное, не унывайте, ведите свою линію и... не истощайте своихъ нервовъ... сентиментами... Сдѣлать хоть что-нибудь изъ того, что собирался и долженъ былъ сдѣлать онъ... это значить воздвигнуть ему „памятникъ неруководворный“... Онъ стоитъ большаго, чѣмъ платоническія слезы...

Голосъ Переля предательски дрогнулъ отъ этихъ самыхъ платоническихъ слезъ, воздержаніе отъ которыхъ онъ такъ настоятельно совѣтовалъ Аллѣ, и нахлобучивъ фуражку, потрясъ Аллину руку и удалился. У Аллы осталось, послѣ этого, такое впечатлѣніе, что знакомство съ личностью, подобной Перелю, вещь прочная, ободрительная и достаточно пріятная.

А къ Женѣ все бѣгали Макитра и Лиза. Осенняя ли погода подѣйствовала на нихъ или другая, болѣе основательная

причина, но онѣ обѣ имѣли, сравнительно съ лѣтомъ, какой-то полинялый видъ.

Разговоры шли больше на тему объ урокахъ, заработкѣ, мѣстахъ, вакансіяхъ. Мавитра меланхолически упомянула о томъ, что въ этомъ году восьмой классъ—все такіе молокососы, что просто одинъ ужасъ... Кажется, и нѣту никого старше восемнадцати лѣтъ.

— Не на кого тамъ и посмотреть... Скоро, честное слово, пятнадцатилѣтнія дѣти будутъ кончать гимназію!.. А изъ учителей хоть бы одинъ путный... Пагасовскій, я слышала, засва-тался... Дочка одного помѣщика, уродъ такой, говорятъ, что мухи мрутъ... Богатая.

— Онъ же вѣдь самъ богатъ,—пожала плечами Женья, сердечко которой сжалось отъ досады и страха, что эдакъ, пожалуй, и всѣ хорошіе женихи уйдутъ.

— Что же съ того, что богатый!.. Деньги въ деньгамъ,—съ большой покорностью судьбѣ произнесла Лиза, которая въ эту минуту сдѣлалась безконечно похожа на свою мать, застывшую въ вѣчномъ приниженіи сирую вдову-чиновницу.

— Свинство это, больше ничего,—злбно процѣдила сквозь зубы Женья:—однимъ все, другимъ ничего!.. Ищи на свѣтѣ справедливости!

Лиза тяжело вздохнула.

Однажды мальчики, уже начавшіе ходить на уроки въ гимназію, вернулись домой въ большомъ возбужденіи. Они принялись что-то рассказывать на перебой еще въ сѣняхъ, до того имъ не терпѣлось выложить животрепещущую новость, которую они едва донесли. Новость заключалась въ томъ, что въ ночь, у себя на квартирѣ, повѣсился докторъ Михайловъ. Послѣ него осталась записка, гдѣ онъ пишетъ, что вѣшается съ голоду, такъ какъ у него нѣтъ никакихъ средствъ и никакой надежды на то, что эти средства ему когда-нибудь удастся заработать. Мальчики говорили, что записка длинная и что тамъ написаны самыя ужасныя вещи. Онъ ругаетъ и проклинаетъ всѣхъ людей за то, что они вынуждаютъ его умереть молодымъ. Особенно ругаетъ онъ Рушилова и желаетъ ему подавиться первымъ кускомъ хлѣба, который онъ купитъ на тѣ деньги, что получить за должность гимназическаго врача, такъ какъ должность эту непременно дали бы ему, Михайлову, если бы не перебилъ дороги Рушиловъ. Новость, въ самомъ дѣлѣ, произвела на Караваевыхъ тяжелое впечатлѣніе. Гривъ объ этомъ не сказали ничего.

Изъ учебнаго округа все не было извѣстій. Прошелъ было

слухъ, что на вакантныя мѣста въ прогимназій переводятъ кого-то изъ Кіева и назначаютъ окончившую институтъ баронессу Катценмаузенъ. Ея желаніе попасть на такое незавидное мѣсто, какъ класная дама въ захолустѣ, объясняли симпатіями этой особы къ Рушилову. Жена приходила въ неистовство, Алла робко лелѣяла въ сердцѣ неясную, но отрадную надежду.

Дни слѣдовали за днями. Ничто не мѣнялось въ положеніи обѣихъ дѣвушекъ, и это было самымъ ужаснымъ обстоятельствомъ для натянутыхъ нервовъ Аллы. Она пробовала читать, заниматься французскимъ языкомъ, пыталась даже начать латинскій на всякій случай, но работа шла вяло, неизвѣстность и неопредѣленность убивали одушевленіе. Наступилъ октябрь.

Какъ-то, поздно вечеромъ, Гриша почувствовалъ себя хуже и попросилъ Аллу посидѣть съ нимъ. Она часто и подолгу сиживала возлѣ него или молча, или болтая о какихъ-нибудь пустякахъ. Предлагала она ему читать вслухъ, но послѣ неудачной попытки пришлось бросить,—онъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы сосредоточиться. Говорить же о чемъ-нибудь серьезномъ Алла воздерживалась: ей казалось черезчуръ жестокимъ приобщить его хоть къ чему-нибудь, имѣющему жизненный интересъ. И поэтому она ограничивалась лишь тѣмъ, что брала въ свои руки исхудавшую руку Гриши и проводила цѣлыя часы, погруженная въ собственныя невеселыя думы. Она сознавала, что необходимо что-нибудь рѣшить, иначе жизнь превращалась въ безцвѣтное прозябаніе, которому не предвидѣлось конца. И она упорно искала выхода, ломая себѣ голову надъ неразрѣшимой задачей.

Придя къ Гришѣ, она сразу замѣтила, что съ нимъ что-то творится необычное. Щеки его горѣли лихорадочнымъ румянцемъ, глаза смотрѣли рѣшительно и энергично, какъ въ прежнія времена.

— Что съ тобой? У тебя какъ будто жаръ...—съ заботой въ голосъ спросила Алла, пробуя его лобъ.

— Жаръ?.. Не знаю... Сядь...

Алла сѣла, удивленная и испуганная его необъяснимымъ возбужденіемъ.

— Что дѣлаютъ наши? Который часъ?..

Гриша выговаривалъ слова твердо и отчетливо, хотя Алла видѣла ясно, какихъ усилій ему это стоитъ.

— Часъ десятый, должно быть... Мама уже легла, папа тоже пошелъ къ себѣ... Жена спитъ давно... Мальчики еще сидятъ въ столовой,—отвѣтила Алла, не переставая удивляться.

— А!.. Тетя и Женя спят!.. Тѣмъ лучше... Теперь будетъ хорошо, никто не помѣшаетъ...

— Чему, Гриша? О чемъ ты говоришь, голубчикъ? Ты волнуешься, а тебѣ это вредно. Будь спокойнѣе, милый...

Гриша улыбнулся. Это была прежняя его улыбка, добродушная, серьезная, дѣлающая его лицо умнѣе, значительнѣе... Онъ взглянулъ Аллѣ прямо въ глаза и вымолвилъ немного насмѣшливо:

— Мнѣ трудно повредить... Я спокоенъ... Впрочемъ, нѣтъ, я не хочу быть спокоенъ, не хочу!.. Единственное, доступное мнѣ отнынѣ до конца удовольствіе—это беспокоиться... Я буду беспокоиться!..

— Гриша!.. Богъ съ тобой, не говори такъ много,—умоляла его Алла, которую эта улыбка пугала, такъ трагично было ея появленіе на этихъ мертвенныхъ чертахъ.

— Ну, нѣтъ, я буду говорить. Не перебивай и не мѣшай... Какой теперь мѣсяць?

— Ноябрь... Девятое ноября.

— Ой!.. Поздно какъ... А ты все еще здѣсь... нигуда не уѣхала... Северно!

— Чтѣ же дѣлать, Гриша!.. Все такъ... неудачно складывалось... Куда ужъ было ѣхать...

— Северно, — повторилъ тотъ, и брови его сдвинулись:— дядѣ ты говорила что-нибудь, что хотѣла бы... продолжать... учиться?..

— Намекала... Только ничего не вышло! Папа сослался на то, что денегъ нѣтъ... Нужно, сказалъ, не тратить, а зарабатывать... Я сказала, что мнѣ бы хотъ на дорогу, а онъ сказалъ, что онъ не можетъ, да и мама не согласится, чтобы я лѣтѣла неизвѣстно куда на неопредѣленное...

Алла едва связывала мысли, такъ ей тяжело было говорить на тему объ отъѣздѣ. Ей чужалось, что Гриша хотъ и улыбается, но въ сердце его входитъ ножъ.

— Ты говорила, что можешь получить урокъ? Да? Вѣдь живя на урокъ, можно очень хорошо устроиться съ занятіями... Можетъ отлично хватить времени еще и для себя...

— Ну, разумѣется... Только наши вѣдь упрямы, какъ... И потомъ... ты... тебя мнѣ жалъ поинуть,—чуть слышно закончила она, отворачивая лицо.

— Ага!.. Жалъ поинуть,—довольно сухо повторилъ Гриша, закрывъ глаза и помолчавъ нѣсколько секундъ. У Аллы руки похолодѣли какъ ледъ.

— Ну-съ, тѣмъ не менѣе „покинуть“ меня тебѣ слѣдуетъ,— тономъ, который предупреждалъ возраженія, выговорилъ Гриша, преодолевая удушье, дѣлавшее его голосъ прерывистымъ и глухимъ:— ты должна уѣхать поскорѣе... и денегъ тебѣ для отъѣзда... и перваго времени, пока что найдешь... дамъ я.

— Ты?!

— Ну да! Чему ты удивляешься?.. Вѣдь копилъ же я что-нибудь... для себя... для университета... Но мнѣ въ университетѣ не бывать... Я отдаю тебѣ все, кромѣ того, извини, что необходимо мнѣ самому... на скромныя похороны... Не надо вводить дядю, бѣднягу, въ лишній расходъ...

Алла молчала, не находя словъ.

— Деньги у меня въ сундуекѣ... Ключъ поищи какой-нибудь у тети, я свой потерялъ... Тамъ 75 рублей... Шестидесятъ тебѣ, пятнадцать... мнѣ... Слышишь?..

— Слышу,— машинально откликнулась дѣвушка, опустивъ голову на обѣ руки.

— Жизнь прошла мимо меня,— съ внезапной тоскою вскрикнулъ Гриша какъ бы самъ къ себѣ:— но она прекрасна... она манитъ... ей должны беззавѣтно отдаться всѣ... здоровые... Живи, Алла, будь счастлива и работай и за себя, и немножко за меня... Не плачь!.. Не смѣй плавать!.. Войди въ жизнь... какъ истинно вѣрующій священникъ входитъ въ храмъ... чтобы приступить къ богослуженію... Служи и ты, и извлекай высшую радость отовсюду, гдѣ сможешь ее найти... Вотъ и все... Обо мнѣ не горюй... Только пожелай мнѣ... поскорѣе умереть!..

Голосъ Гриши перешелъ въ невнятный хрипъ, и онъ умолялъ, повернутый холоднымъ потомъ отъ нечеловѣческихъ усилій, потраченныхъ на длинный разговоръ.

Алла все молчала, какъ убитая, только неуловимая судорога, встряхивавшая ея плечи, доказывала, что душа ея переживаетъ одинъ изъ такихъ моментовъ, которые не забываются.

Черезъ три дня она уѣхала. Блѣдная, какъ смерть, она судорожно цѣловала на прощанье Витю и шептала ему на ухо: „не оставляй Гришу... Будь внимателенъ къ нему, дорогой... Онъ умираетъ, жалѣй его и береги... Ты хорошій, я знаю, ты исполнишь мою просьбу“. Витя воспринялъ ея ласку въ глубокой задумчивости и затѣмъ энергично заявилъ:

— Ну, пусть только мама вздумаетъ что-нибудь... Я покажу ей, что я тоже мужчина!

Елена Бердяева.



БѢЛЫЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ

...И я слышу, какъ сердце цвѣтеть.
(Фетъ).

Сколько ихъ расцвѣтало недавно,
Словно бѣлое море въ лѣсу!
Теплый вѣтеръ качалъ ихъ такъ плавно
И берегъ молодую красу.

Отцвѣтаетъ она, отцвѣтаетъ,
Потемнѣлъ бѣлоснѣжный вѣнокъ,
И какъ будто весь мiръ увядаетъ...
Средь гробовъ я стою одинокъ.

Мы живемъ, твои бѣлыя думы,
У завѣтныхъ тропинокъ души.
Бродишь ты по дорогѣ угрюмой,
Мы недвижно сінемъ въ тиши.

Насъ не вѣтеръ берегъ прихотливый,
Мы тебя сберегли бы отъ вьюгъ.
Къ намъ скорѣй черезъ западъ дождливый,
Для тебя мы—безоблачный югъ.

Если-жъ взоры туманъ закрываетъ,
Иль злобѣщій послышался громъ,—
Наше сердце цвѣтеть и вздыхаетъ...
Приходи—и узнаешь, о чемъ “.

Владимiръ Соловьевъ.

ВЪ ДОЛГУ

Die Schuldnerin, Roman von J. Boy-Fd.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

(Окончаніе).

XVII ¹⁾.

Тетушка ходила изъ дома въ домъ.

За послѣдніе дни столько приходилось ей и говорить, и слушать,—столько приходилось проливать чистосердечныхъ слезъ!

„Расмусъ и К^о“ уже лопнули; „Геллеръ и Мауреръ“ тоже долго не продержатся,—это ни для кого не секретъ. „Мейеръ и Мейеръ“ висятъ на волоскѣ.

Хоть тетя Расмусъ и не была заинтересована въ дѣлахъ фирмы, носившей ея имя, но ея семейная гордость тѣмъ не менѣе сильно пострадала. Впрочемъ, единственное, что еще нѣсколько смягчало ея огорченіе, это—сознаніе, что на биржѣ уже давно ходили смутные слухи о какихъ-то надвигающихся недочетахъ и что бѣдствія, обрушившіяся на солидныя фирмы съ „Фильдингомъ“ во главѣ, уже давно и постепенно подтачивали ихъ благосостояніе. Наконецъ, хоть и то было утѣшеніе, что эти бѣды постигли не одного кого, а нѣсколькихъ заразъ. Какъ это ни странно, а люди почему-то склонны видѣть нѣкоторое смягченіе своихъ бѣдъ и даже своихъ преступленій, если они въ этомъ замѣшаны не одни. Тетушка помнила прекрасно гран-

¹⁾ См. выше: августъ, стр. 659.

диозный крахъ, постигшій лѣтъ сорокъ тому назадъ самыя видныя гамбургскіе торговые дома, но тогда!

— О, тогда это отозвалось на денежномъ состояніи города такъ, что не дай Богъ! Теперь нѣтъ ничего подобнаго. Тогда денегъ было до того мало, что, за мою память, три вагона серебра пришло къ намъ изъ Австріи; народъ плакалъ отъ радости и обнималъ солдатиковъ, которые при нихъ состояли.

При закрытыхъ дверяхъ, съ глазу на глазъ со старикомъ Пербрандомъ тетушка принялась допрашивать его, есть ли основаніе предполагать, что...

— Можетъ быть, вы сами догадаетесь, про кого и про что я хочу спросить?

Понятно, старикъ тотчасъ же догадался, но, пройдясь раза два взадъ и впередъ по большой безлюдной комнатѣ, все-таки сначала оглянулся и, подумавши, отвѣтилъ:

— На биржѣ, дѣйствительно, было не все спокойно; вообще же надѣются, что это лишь пустые слухи. Помните, тетушка, грандіозный крахъ кофейнаго дѣла? Тогда вѣдь еще говорили, что Конрадъ Петеръ... ну, а потомъ все замолкло. Одно могу сказать, что для него многое теперь стоитъ на картѣ. Но такой хорошей домъ, всѣми уважаемый!.. Нѣтъ, это никакъ не умѣщается въ моей старой головѣ. Положимъ, онъ всегда страдалъ властолюбіемъ, нашъ другъ Конрадъ... Вотъ видите, всего вѣрнѣе—вести дѣла хоть маленькія, да надежныя. Намъ-то вѣдь эти крахи матеріально безразличны: мы не имѣемъ дѣлъ съ фирмою Баумейстеръ. Какъ видите, чѣмъ ихъ скромнѣе вести, тѣмъ лучше!

Все состояніе тетушки находилось въ вѣдѣніи конторы Пербрандъ, и ей была пріятна скромность ея операций, такъ какъ это давало ей полное обезпеченіе.

Любопытство, однако, потянуло ее къ „молодымъ“: можетъ, они что слышали черезъ Шарлотту?

У молодыхъ, тѣмъ временемъ, дѣло шло не ладно: Гвидо строго держался своего обѣщанія не быть ласковымъ къ женѣ, покуда она не извинится передъ Шарлоттой.

Но Мартина не уступала; тѣмъ болѣе, что въ отвѣтъ на свое письмо получила отъ матери нижеслѣдующія наставленія:

„Пользуйся случаемъ разлучить Гвидо съ этими господами; а не то, никогда не доведется тебѣ порадоваться на свое семейное счастье... Итакъ, главное: не уступать, ни за что на свѣтѣ! Впрочемъ, скоро я и сама къ вамъ приѣду. На время отпуска папа ѣдетъ съ Шульцъ-Вейлерами въ Гельголандъ, а

такъ какъ все равно надо проѣзжать черезъ Гамбургъ, то мы и проведемъ превесело нѣсколько дней все вмѣстѣ. Если бы это оказалось необходимымъ, я сама пойду къ г-жѣ Баумейстеръ и разъясню ей этотъ основной пунктъ“.

По прочтеніи этихъ строкъ, Мартина стала еще увѣреннѣе въ своей правотѣ.

— Не вижу, право (говаривала она мужу ежедневно и неоднократно), почему я должна непременно насиловать себя и бывать у людей, которые мнѣ совсѣмъ не пара и которыхъ я не выношу? Это значило бы съ моей стороны притворяться! Неужели ты хочешь заставить меня жить неправдой? Тебѣ близки и дороги эти люди,—ну и прекрасно! Такъ ступай же къ нимъ, если тебѣ угодно! Только, пожалуйста, избавь меня отъ притязаній, которыя не имѣютъ ничего общаго съ моимъ замужествомъ.

И конечно, съ точки зрѣнія людей, не знавшихъ, чѣмъ Гвидо былъ обязанъ своей пріемной сестрѣ, Мартина была права: не съ вѣмъ другимъ, а съ мужемъ приходилось ей всю жизнь прожить. Изо дня въ день Гвидо привыкъ слышать все одно и то же,—до того, что у него даже начало являться сомнѣніе.

„Въ сущности вѣдь и она права... съ своей точки зрѣнія, конечно. Какъ всякій другой человѣкъ, она тоже имѣетъ право бывать, гдѣ ей самой угодно“,—думалъ онъ.

Но тотчасъ же ему припомнилась Анна-Марія съ ея терпѣніемъ къ свекрови, отъ которой ей дѣйствительно тяжело приходилось. Молодая женщина, какъ умѣла, старалась избѣжать непріятности, и если это не удавалось, переживала ее съ мужемъ сообща... И ссора сама собою угасала въ слезахъ и поцѣлуяхъ примиренія.

Изъ любви къ Роберту, Анна-Мія могла себя принудить къ тому, что ей было непріятно,—почему же не можетъ поступиться тѣмъ же и Мартина?

Однажды онъ какъ-то высказался въ этомъ духѣ. Мартина расхохоталась.

— Старуха Пербрандъ?—воскликнула она.—Ну, такъ она вѣдь мать Роберта, это дѣло другое! А между тобой и г-жей Баумейстеръ со всей ея компаніей просто пріятельскія отношенія.

„Пріятельскія“ отношенія?! Досада и гнѣвъ его вспыхнули съ новой силой.

— Какъ будто тѣ чувства, которыя человѣкъ проявляетъ добровольно, помимо обязательства и долга, не бываютъ лучше и прочнѣе всякихъ другихъ?—возражалъ Гвидо.

До сихъ поръ Мартина не любила ни Сальватрису, ни

Шарлотту, какъ большинство натуръ грубыхъ, выросшихъ въ неприглядной мелочной обстановкѣ, не любитъ людей образованныхъ, изящныхъ и богатыхъ. Но за эти дни она горячо возненавидѣла ихъ обѣихъ.

— Изъ-за нихъ я должна теперь мучиться, и злиться, и скучать! Такая тоска! Теперь нельзя ужъ будетъ больше вмѣстѣ мечтать о новыхъ развлеченіяхъ!

Конечно, не до развлеченій во время супружескихъ ссоръ. Въ этихъ ссорахъ Мартина мало-по-малу позабыла про свою вину передъ Сальватрисой и принялась все ставить на счетъ мужу: въ ея глазахъ, онъ былъ виноватъ въ каждомъ словѣ, каждомъ взглядѣ, которымъ будто бы г-жа „Баумейстеръ“ и ея гости хотѣли обидѣть ее, Мартину... И всѣ ея жалобы неизмѣнно сводились къ вѣчному увору:

— Мы были такъ счастливы; наша жизнь была волшебный, дивный сонъ... но лишь до того дня, когда ты потребовалъ, чтобъ я сошла съ этими господами.

Гвидо не могъ ничего возразить, и холодная дрожь пробѣгала по его нервамъ, когда въ памяти его вставала незабвенная картина сплошныхъ радостей и наслажденій, наполнявшихъ первыя недѣли его брачной жизни.

— Твой долгъ защищать меня; ты далъ мнѣ въ этомъ обѣтъ,—повторяла жена; и Гвидо, день ото дня, чувствовалъ все больше и больше правоты въ ея словахъ.

— Если ты въ этомъ раскаиваешься, брось меня и ступай къ тѣмъ, другимъ!—говорила въ заключеніе Мартина.

Ну, да. Онъ добровольно далъ обѣтъ и долженъ его сдерживать. Его долгъ защищать жену...

И въ сущности (разсуждалъ онъ) не все ли равно, кто изъ насъ поставитъ на своемъ?

Вся отрада супружеской жизни не во власти одного, а въ счастьи обоихъ.

— Скоро заѣдетъ къ намъ мама, проѣздомъ, на нѣсколько дней,—однажды сообщила мужу Мартина.—Тавъ ужъ пожалуйста, воздержись хоть на это время отъ твоихъ несправедливыхъ нападокъ на меня. Сердце у нея будетъ надрываться, когда она увидитъ, что ошиблась, воображая, что будетъ наслаждаться счастьемъ своей любимой дочери.

При этихъ словахъ Гвидо окончательно показалось, что онъ совсѣмъ извергъ и мучитель невиннаго созданія; онъ смутился и только могъ замѣтить:

— Ну, въ супружеской жизни не обходится, иной разъ, безъ размолвокъ.

— Однако, прежде мы безъ нихъ обходились?

Въ неудовольствіяхъ и спорахъ послѣдняго времени оба, очевидно, позабыли, что и прежде у нихъ случались споры и размолвки. И теперь, когда послѣобѣденное время Мартина проводила у окна, глядя на улицу и на Альстеръ, а Гвидо шагалъ по той же комнатѣ съ папиросою въ зубахъ,—теперь имъ припомнилось обоимъ, что въ былое время они проводили эти часы, нѣжно сидя рядомъ на диванчикѣ въ этой самой прелестной гостиной.

Мартина чутьемъ угадала, что побѣда остается на ея сторонѣ; вопросъ только въ томъ, когда придетъ моментъ воспользоваться ею? Она была готова хоть сейчасъ прыгнуть къ мужу на колѣни, обнять его... А что, если еще не время? Что, если забѣжавъ впередъ, она проиграетъ? Тогда все пропало! Изъ-за двухъ, трехъ часовъ, которые, можетъ быть, остались до рѣшительной минуты, она все теряетъ?.. Нѣтъ, надо и мнѣ терпѣннѣе выждать и тогда... Тогда придется или снова начинать борьбу, или покориться и просить прощенія...

Тѣмъ временемъ, Гвидо вспомнилъ, какъ и она, былое; но онъ винилъ себя въ томъ, что цѣлыхъ двѣ недѣли допустилъ себя враждовать съ женою, которая такъ умѣла доставлять ему высшія радости и наслажденія, какія только дано испытать счастливому супругу.

Онъ самъ, по своей волѣ, обратилъ въ безжизненную снѣжную поляну цвѣтущее поле своей брачной жизни, согрѣтое жгучими лучами свѣтлой, заразительно живой страсти...

Часы пробили пять. Время отдыха прошло; пора отправляться въ контору.

— Прощай, Нини!—проговорилъ онъ.

Мартина вскочила и подошла къ мужу.

— Прощай!—сказала она, подавая руку.

Онъ взялъ ее, подержалъ въ своей. Оба, какъ виноватые, какъ согрѣшившіе взглянули прямо въ глаза одинъ другому...

— Прощай! — тихо сказалъ Гвидо еще разъ и пошелъ прочь.

Но Мартина знала теперь навѣрное, что она побѣдила.

Не успѣлъ Гвидо очутиться за порогомъ своей конторы, какъ туда же вошелъ вслѣдъ за нимъ Тейшеръ старшій, отецъ того

изъ товарищей по училищу, который разбогатѣлъ на „мясномъ“ дѣлѣ. Онъ былъ не одинъ; его спутникъ, богатый американецъ изъ Чикаго, нажившій миллионы на своей колбасной, задумалъ показать своимъ соотечественникамъ, что у него вкуса столько же, сколько денегъ и что онъ, м-ръ Ноттеръ, соорудитъ себѣ такой домина, какого даже сами американцы не видали. Узнавши, что проеетъ Гвидо Фабариуса уже удостоенъ высшей преміи, онъ тотчасъ же рѣшилъ: почему бы ему, богатому колбаснику, не позволить себѣ прихоть, которую средства не разрѣшаютъ владѣльцу небольшого княжества? Съ его стороны, это покажетъ и тонкость вкуса, и смѣлость шутки.

И вотъ, онъ предлагаетъ м-ру Фабариусу осуществить этотъ замѣчательный проектъ, который ему, какъ строителю, принесетъ и доходъ, и извѣстность... Да, мировую извѣстность!..

Съ трудомъ дождался Гвидо той минуты, когда могъ, наконецъ, пойти обрадовать Мартину. М-ръ Ноттеръ считалъ необходимымъ сдѣлать „вспрыски“ новому дѣлу и заставилъ Гвидо и Тейшера высидѣть съ нимъ въ ресторанѣ добрыхъ два часа, если не больше.

Уже стемнѣло, когда молодой архитекторъ очутился на дорогѣ домой, въ мечтахъ уже рисуя себѣ картину восторговъ Мартини... Вотъ бы купить ей, кстати, на память какую-нибудь вязанную бездѣлушку! Жаль, магазины ужъ закрыты...

Вихремъ взлетѣлъ онъ вверхъ по лѣстницѣ и ворвался въ дверь, перепугавъ ошеломленную прислугу. Въ гостиной сидѣла Мартина и скучала.

Припоминая взглядъ, которымъ они на прощаніе смѣрили другъ друга, она все время, съ минуты на минуту ожидала, что мужъ вдругъ вернется и въ раскаяніи упадетъ къ ея ногамъ... Послѣ примиренія они поѣдутъ поужинать, и Гвидо долженъ будетъ непременно подарить ей брилліантовыя сережки, а она... она зацѣлуется его, зацѣлуется.

Но Гвидо не возвращался... Пробыло восемь часовъ... пробыло девять...

Вдругъ дверь распахнулась, и Гвидо крикнулъ женѣ еще издали:

— Нини! Какая новость!.. Вотъ такъ счастье! Чудовищное, неслыханное счастье!

Мартина кинулась къ нему на грудь и, въ перемежку съ горячими, несчетными поцѣлуями, узнала обо всемъ происшедшемъ.

Понятно, о ссорахъ и недоразумѣніяхъ не могло быть и рѣчи.

Супруги, какъ настоящіе влюбленные, только о томъ и щебетали, что стосковались одинъ безъ другого....

На другой день, утромъ, когда они сошлись у стола въ такомъ же свѣтломъ настроеніи, какъ послѣ своей свадьбы, Гвидо разсказалъ женѣ, что, къ сожалѣнію, не успѣлъ купить ей подарокъ, но что эта бѣда поправима.

— Ахъ, какъ чудесно!—воскликнула Мартина.—Ты у меня молодецъ, на тебя нельзя никакъ сердиться. Но знаешь что? Лучше подари мнѣ деньги, которые ты хотѣлъ истратить, я и куплю себѣ сама что захочу.

Въ эту минуту Гвидо собирался отхлебнуть чаю изъ чашки, но не донесъ ее и поставилъ на блюдце. У него стало жутко на сердцѣ, ему взгрустнулось, и онъ холодно сказалъ:

— Если это для тебя пріятнѣе, тѣмъ лучше!

Онъ взялъ изъ портмонэ и подалъ ей сто марокъ.

Радостно, съ благодарностью во взглядѣ, Мартина протянула руку и притянула къ себѣ по скатерти десять золотыхъ, не замѣчая, какъ нахмурился Гвидо. Она не подозрѣвала, что поступила грубо, и только прощаясь съ нимъ, замѣтила, что онъ тѣмъ-то не доволенъ. Она разсмѣялась и, цѣлуя мужа, проговорила въ шутку:

— Фу, какіе мужчины капризные!

Оставшись одна, молодая женщина долго забавлялась, расхаживая по своей квартирѣ, которая дѣйствительно очень ей нравилась. Она любовалась каждой вещицей, каждымъ изящнымъ стуломъ, разставляя ихъ по мѣстамъ.

Горничная доложила о приходѣ тети Расмусъ.

— Вотъ кстати-то!—обрадовалась Мартина.—Наскажу ей побольше про нашу удачу, про новый заказъ, про любовь Гвидо къ своей милой женѣ и про чудный подарокъ, который я на радостяхъ получила! Пусть себѣ идетъ и сгоряча сообщаетъ г-жѣ Баумейстеръ свои новоспеченныя новости...

Мартина рассыпалась передъ тетушкой въ любезностяхъ и забросала ее самыми яркими картинами своего счастья, своихъ новыхъ знакомствъ и заказныхъ нарядовъ отъ Гагедорна. Тетушка поздравила ее съ успѣхомъ Гвидо и прибавила многозначительно:

— Это счастье надо цѣнить вдвойнѣ въ такое время, когда...

— Какое время?—удивилась молодая женщина.

— Это ужъ не сегодня такъ ведется... Старая пѣсня! Въ финансовомъ кругу ужъ всегда такъ... если у крупныхъ торговцевъ или у банкировъ дѣла пошатнулись, если случится врахъ...

у остальных пропадает охота затѣвать что-либо новое; всѣ начинают думать, что единственное спасенье—копить деньги...

— Крахъ? Какой крахъ?

Очевидно, молодые супруги ничего не знаютъ (неслышанное дѣло!) и даже не подозрѣваютъ про молву, которая ходитъ по городу насчетъ Баумейстера... Ну, и слава Богу! Съ облегченнымъ сердцемъ тетюшка простилась вскорѣ послѣ того съ Мартиной и на прощанье выслушала интересное сообщеніе о томъ, что молодая фрау Фабариусъ ожидаетъ къ себѣ свою маму, а самъ Кальковскій проѣдетъ дадше съ своимъ другомъ „крупнымъ дѣятелемъ и представителемъ берлинскаго коммерческаго міра—Шульцъ-Вейлеромъ“ и его супругой.

И въ самомъ дѣлѣ, на другой день, въ половинѣ двѣнадцатаго, на вокзалѣ Гвидо съ женою встрѣтилъ всю эту компанію туристовъ. Первою выплыла изъ вагона, съ обычной своей величавостью, сама Кальковская, довольно неуклюже одѣтая въ сѣрый длинный плащъ изъ непромокаемой матеріи; на головѣ у нея гордо возвышалась черная охотничья шляпа съ какимъ-то смѣлымъ, высокимъ торчкомъ. Госпожа Шульцъ-Вейлеръ красовалась въ костюмѣ песочнаго цвѣта, а ихъ супруги, вѣрные своимъ предначертаніямъ, уже не снимали тѣхъ самыхъ войлочныхъ шляпъ, которыя намѣревались носить на Гельголандѣ. Филиппъ отсутствовалъ на семейномъ обѣдѣ, который состоялся въ половинѣ второго, но прислалъ сказать, что придетъ повидаться съ матерью на слѣдующій день.

Гости блестяще разошлись къ обѣду: издали были видны ихъ цвѣтныя шелковыя платья, слишкомъ щедро обшитыя блестками и мишурой. Мужчины также обращали на себя вниманіе: Кальковскій—своими несомнѣнно актерскими манерами, а Шульцъ—костюмомъ съ черезчуръ замѣтной погоней за послѣдней модой. Вся компанія берлинскихъ гостей пожелала пить кофе на живописныхъ берегахъ Альстера, и этому желанію, волею-неволей, приходилось подчиниться, какъ ни было для Гвидо жутко показываться съ этими господами на улицахъ Гамбурга, гдѣ его хорошо знали. На обѣдѣ у него были еще товарищи, Тейшеръ и Грэфенгагенъ; передъ ними онъ тоже чувствовалъ все время нѣкоторую неловкость.

Въ Альстеръ-павильонѣ мѣста всѣ были заняты, и пришлось долго толкаться въ толпѣ, требовать мѣста и выжидать, пока кельнеры, наконецъ, пристроили все наше общество на двухъ составленныхъ столикахъ снаружи павильона. Берлинскія гости были очень этому рады и больше смотрѣли на толпу и на гу-

лянѣ, нежели на красивыя воды Альстера, оживленнаго пароходами.

Каждый изъ присутствующихъ считалъ своимъ долгомъ взять по картѣ не то, чего требовалъ его сосѣдь, и тотчасъ же спѣшилъ перемѣнить свое рѣшеніе, въ расчетѣ, что именно заказанное другимъ окажется вкуснѣе.

Разговоръ опять перешелъ на новый заказъ Гвидо.

— Ну, а когда онъ пойдетъ въ ходъ? — спросилъ Кальковский.

— Какъ только м-ръ Поттеръ купитъ подходящее мѣсто; онъ уже ведетъ съ нѣсколькими лицами переговоры; хотѣлъ-было приобрести виллу Баумейстера и сломать старый домъ. Но эта мечта пока останется, конечно, лишь мечтою. Онъ не осмѣлится подступиться къ Баумейстеру съ такимъ предложеньемъ, тотъ бы ему задалъ!

— Кажется, Баумейстеры чертовски богаты? — спросилъ Шульцъ-Вейлеръ.

— Колоссально! — подхватила Мартина: — а роскошь и аристократичность обстановки просто передать нельзя! Ничего подобнаго вы не можете себѣ представить, милая моя Шульденъ!

— Ну, а затѣмъ, чтобы опять начать сначала, — сказалъ Кальковский: — позвольте спросить: въ какомъ стилѣ будетъ строиться ваше зданіе: въ греческомъ или римскомъ?

— Я слышалъ, что теперь самымъ современнымъ, самымъ моднымъ считается стиль византійскій, — подтвердилъ Шульцъ.

— Меня вдохновлялъ палаццо Питти, и я придерживался въ основѣ его строгихъ, горделивыхъ очертаній.

— Палаццо Питти? — повторила Мартина. — Это что же такое за дворець?

— Въ Вильгельмштрассе? — спросилъ Шульцъ-Вейлеръ.

— Ахъ, Нини! Да вѣдь я подарилъ же тебѣ на Рождество роскошное изданіе образцовъ Ренессанса; неужели ты до сихъ поръ еще не замѣтила ихъ?

— Боже мой! Какъ будто это къ чему-нибудь нужно въ архитектурѣ, чтобы знать непременно всѣ старые дворцы! — воскликнула Мартина. — Ну, да, конечно, теперь припоминаю палаццо Питти.

Гвидо поблѣднѣлъ еще больше. По ту сторону улицы онъ замѣтилъ группу знакомыхъ и милыхъ ему лицъ: Анну-Марію въ простомъ англійски-строгомъ платьѣ и рядомъ Сальватрису. Позади шла Шарлотта со старухой Пербрандъ. Керъ слѣдовалъ

почтительно за господами, нагруженный всевозможными свертками. Очевидно, дамы приѣзжали въ городъ для закупокъ.

— Вонъ идетъ Шарлотта,—проговорилъ Гвидо сдавленнымъ голосомъ.—Пойдемъ скорѣе поздороваться.

— Не могу же я бросить своихъ гостей!—возразила жена.

Думать было некогда, и Гвидо бросился черезъ улицу, проскальзывая между экипажами. Дамы замѣтили его и остановились. Сальватриса вспыхнула и крѣпче ухватила подъ-руку Анну-Марію.

Сердечно обрадовалась Шарлотта своему любимцу и вмигъ позабыла всѣ неприятности, связанныя съ нимъ и еще не заглаженныя попыткой въ извиненію.

И Гвидо, самъ бросившись къ ней на встрѣчу, не помнилъ въ эту минуту ничего, кромѣ радости свиданія, забывъ на время, какъ онъ теперь далекъ отъ прежняго единенія душой и мыслями съ этой заботливой женщиной и съ ея интересами.

— Шарлотта! Милая!—воскликнулъ онъ и сердечно пожалъ руки ей и ея спутницамъ. Было бы естественно такъ же просто поздороваться и съ Сальватрисой, но почему-то онъ ограничился церемоннымъ поклономъ, что и ее смутило. Она не смотрѣла на него, и ему непремѣнно захотѣлось хоть разъ еще увидѣть на себѣ ея краснорѣчивый откровенный взглядъ. И часто-часто глаза его тревожно обращались на нее.

„Какъ глупо!“ думала она, чувствуя, что не можетъ взглянуть на Гвидо, и досадуя на свою робость.

— Съ вами родные твоей жены?—спрашивала Шарлотта.

— Да, и ихъ знакомые; но только проѣздомъ. Мать Мартины пробудетъ у насъ нѣсколько дней.

— Мартина, конечно, пожелаетъ познакомиться съ нами свою мать,—замѣтила Шарлотта, рѣшившись поступить уступчиво и великодушно. Но мы живемъ слишкомъ далеко для простого визита: лучше приѣзжайте къ намъ послѣ завтра по-просту обѣдать.

— Конечно приѣдемъ и съ большимъ удовольвіемъ!.. Мартина будетъ очень рада,—не особенно твердо прибавилъ Гвидо.—А гдѣ-же Филиппъ?

— Онъ съ моимъ мужемъ осматриваетъ старыя картины; Пербрандъ хотѣлъ бы ихъ привести въ порядокъ... Они у насъ обѣдали сегодня,—пояснила старуха Пербрандъ, и слова безпѣтно, но безостановочно вылетали изъ-за ея крупныхъ зубовъ, которые слишкомъ отрывались, когда она говорила.

— Шарлотта, представь себѣ! Я буду строить грандіозный дворецъ!

— Ну, какъ я рада! Расскажи скорѣе.

Внимательно прослушавъ до конца, Шарлотта замѣтила, очевидно сохранивъ въ памяти всѣ подробности премированного проекта:

— Лѣпнымъ украшеніямъ въ парадномъ залѣ тебѣ придется придать нѣсколько иной характеръ: они вѣдь состоятъ изъ графскаго герба Шуленбурговъ; но чудныя фрески, мнѣ кажется, ты могъ бы сохранить: стиль розетокъ розъ вѣдь нельзя считать исключительно принадлежащимъ къ графскому гербу. Узоръ у нихъ удивительный! А что ты сдѣлаешь съ атлантами, которые поддерживаютъ балконъ со стороны парка?

Наперерывъ обмѣниваясь замѣчаніями, оба не замѣчали, какъ летитъ время.

— Однако, я слишкомъ долго тебя отнимаю отъ твоихъ гостей,—спохватилась Шарлотта.—До свиданія, до послѣ завтра!

На прощанье даже Сальватриса подняла на него глаза, но руки все-таки не подала. Оживленный, радостный подошелъ къ своимъ гостямъ молодой архитекторъ. Жена и теща издали наблюдали за нимъ, и хотя на такомъ растояніи нельзя было ни слышать словъ, ни разглядѣть выраженія лица, онѣ легко могли догадаться, что разговоръ ведется оживленный.

— За весь день мы не видали въ тебѣ такого оживленія,—замѣтила Мартина:—даже издали можно было замѣтить, что фрейлейнъ те-Гемптъ покраснѣла.

— Я, кажется, тутъ ни при чемъ, что у нея способность такъ легко краснѣть!—раздражительно возразилъ Гвидо, предчувствуя сцену, и не ошибся

На другое утро, проводивъ съ первымъ поѣздомъ Кальковскаго и его друзей, онъ вернулся домой веселый и бодрый и поднесъ букеты цвѣтовъ тещѣ и женѣ, передавая въ то же время приглашеніе Шарлотты.

— Я не имѣла намѣренія посѣтить эту особу!—замѣтила съ достоинствомъ Асминда.

— И не подумаемъ!—рѣшительно сказала Мартина.—Я до смерти у нихъ свучаю и должна, сверхъ того, еще выслушивать колкости.

— Со стороны Шарлотты это большое, большое снисхожденіе,—воскликнулъ Гвидо, поблѣднѣвъ отъ гнѣва.—Ты поступила такъ неделикатно, а она не взыскиваетъ за это; для твоей мамѣ такая честь можетъ быть только пріятна.

— Но, милый зятюшка, кто же такая эта госпожа? Я, кажется, не кто другая, какъ извѣстная Асминда Кальковская и я

оказываю честь тому, съ кѣмъ имѣю дѣло,—спокойно замѣтила актриса.

Гвидо, взбѣшенный, выбѣжалъ вонъ, Мартина залилась слезами, крича:

— Силъ моихъ больше не хватаетъ!

— Полно, дитя мое, полно!—утѣшала ее мать.—Я письменно отклоню это неумѣстное приглашеніе.

Она встала и, волоча за собою слишкомъ узкій шлейфъ своего голубого капота, отороченнаго кружевнымъ рюшемъ, усѣлась къ письменному столу Мартины.

Въ нѣсколько минутъ письмо было готово, и мать прочла его вслухъ:

„Сударыня! Вы были такъ любезны, что пригласили меня завтра на обѣдъ, если я вѣрно поняла устное приглашеніе, которое мнѣ на словахъ передалъ мой зять отъ особы, совершенно для меня незнакомой. Въ качествѣ выдающейся артистки, мнѣ приходится зимою такъ часто бывать вездѣ, гдѣ мое присутствіе служитъ украшеніемъ общества, что я рѣшила лѣтомъ не принимать никакихъ приглашеній, чтобы во время отпуска пощадить свои нервы“...—А? Какъ ты находишь?

— Великолѣпно!—похвалила дочь.

— Не правда ли?.. Я ей даю понять, что она могла бы хоть письменно подтвердить свое желаніе. Я ей поважу, кто я такая! Такой натяну носъ... Да вотъ, послушай дальше:

Осмѣлюсь ли воспользоваться даннымъ случаемъ, чтобы просить васъ оставить дѣтей моихъ идти своей дорогой? Мартина чувствуетъ себя всегда несчастной за вашимъ столомъ и вдобавокъ приниженной множествомъ затаенныхъ насмѣшекъ и обидъ. Все, что вы сдѣлали для Гвидо,—весьма похвально, но мнѣ кажется, что ваши притязанія на его благодарность такъ велики (насколько я слышала), что вы предъявляете права на его личную жизнь, которая всецѣло принадлежитъ его женѣ; ей одной должны быть посвящены его обязанности, его чувства. Вашими притязаніями вы даете поводъ думать, что ваши поступки вызваны не столько великодушіемъ, сколько чрезмѣрно нѣжнымъ чувствомъ, переходящимъ границы дозволеннаго. И въ этомъ я вижу, съ вашей стороны, вторженіе въ права моей дочери.

„Съ совершеннымъ почтеніемъ

Асминда Кальковская-Фабро“.

Мартина бросилась матери на шею.

— Для Гвидо тоже это прекрасно—будто я ничего не знаю. Ты, мама, сама себя госпожа и онъ тебя не указчикъ. И письмо пошло своей дорогой.

XVIII.

Шарлотта всегда вставала рано; но съ того дня, какъ Баумейстеръ неожиданно вернулся изъ города, она едва могла дожидаться шести часовъ утра и спѣшила встать послѣ тревожной и почти бессонной ночи. Тревога ея шла, не прекращаясь; она не смыкала глазъ, потому что мужъ ея не спалъ всю ночь напролетъ, хотъ притворялся будто спитъ. Но она знала, что ему не спится, а поутру лишнія складки на лицѣ и обострившіяся черты ясно выдавали его гнетущія, неусыпныя думы... О чемъ? О какихъ дѣлахъ и заботахъ?

Какъ всегда, ей оставалось только молча выжидать, чтобы онъ самъ высказался; но, какъ всегда, онъ глубоко молчалъ.

Какъ это ни странно, а ее даже нѣсколько ободрило такое продолжительное молчаніе. Ей думалось, что молчаніе о небольшихъ потеряхъ для него—вещь обыкновенная, и что онъ не можетъ, конечно, ощутительно отразиться на дѣлахъ такой крупной фирмы; если же эта потеря была бы слишкомъ велика, совѣсть не допустила бы его утаить настоящее положеніе дѣлъ. Сама прямая, честная, считавшая своимъ первымъ долгомъ чистую совѣсть, Шарлотта естественно была убѣждена, что первымъ долгомъ Баумейстера было бы въ такомъ случаѣ признаться женѣ.

Въ то утро Шарлотта была почему-то особенно благопріятно настроена къ воспринятію самыхъ свѣтлыхъ впечатлѣній. Постепенно успокоиваясь такими разсужденіями, она легче поддавалась своему неизсякаемому восхищенію передъ красотами яркаго, жизнерадостнаго утра. Она сидѣла одна за чайнымъ столомъ и разбирала письма и газеты. На столѣ, рядомъ съ нею, лежало нѣсколько чудныхъ, душистыхъ розъ превосходнаго темно-малиноваго и блѣдно-желтаго цвѣта.

Шарлотта начала читать письма. Дойдя до того письма, которое начиналось словомъ „сударыня“, она усмѣхнулась, и посмотрѣвъ подпись на оборотѣ, тотчасъ же почувяла что-то недоброе. По мѣрѣ того, какъ она читала, глаза ея становились все больше и ярче, а щеки блѣднѣе.

Чувства обиды въ ней не было и тѣни; такъ далеки отъ ея

собственныхъ были возрѣнія грубыхъ людей; положимъ, она почувала горячее желаніе „артистки“ оскорбить ее тѣмъ, что съ ея точки зрѣнія могло быть оскорбительно. Но почтенная Асминда была совсѣмъ иного круга и иныхъ понятій; ея волкости не могли больно уколоть... Нѣтъ, не за себя—за Гвидо было больно Шарлоттѣ: ее охватила безотчетная грусть и тревога за него.

„Такъ вотъ какая женщина воспитала для него жену! Вотъ какія нравственныя убѣжденія внушались той женщиной, въ рукахъ которой теперь судьба моего Гвидо“!—думала Шарлотта, все время сознавая, что должна предпринять что-нибудь рѣшительное. Въ одно мгновеніе воскресло передъ ней все прошлое: заботы и любовь; которыя она отдала своему любимцу, и все то доброе, что она дѣлала для него когда-либо.

„И вотъ награда за все это: пошлая грубость лицъ, которыя ему ближе всего на свѣтѣ! Бѣдный онъ, бѣдный!..

Она знала, что придетъ время, когда ихъ грубость противъ него же обратится, и сердце ея болѣло за ея любимца и друга. Долго обдумывала она, какъ лучше поступить и, наконецъ, подчеркомъ, неровнымъ отъ волненія, набросала наскоро слѣдующія строки, вложивъ ихъ въ одинъ общій конвертъ съ письмомъ Асминды.

„Милый Гвидо! Испуганная до глубины души тѣмъ отрывками, которыя мнѣ пришлось сдѣлать изъ содержанія прилагаемаго письма, очень прошу у тебя разъясненія насчетъ того, какъ возникло и было отправлено ко мнѣ это письмо.

„Твоя Шарлотта“.

Не успѣла она отправить написанное, какъ ее уже начали терзать сомнѣнія: не лучше ли было бы скрыть отъ него происшедшее, пощадить его чувства? Но въ то же время она сознавала, что надо было съ самаго начала положить предѣлъ велкому положенію, которое могло возникнуть.

Весь день Шарлотта оставалась дома одна съ племянницей; Баумейстеръ далъ знать по телефону, что вернется въ десять часовъ вечера, а Филиппъ ушелъ въ окрестности снимать эскизы и даже забралъ съ собою провизію. Приглядываясь внимательно къ Сальватрисѣ, она стала замѣчать, что въ ней непрерывно шевелится затаенное чувство къ Филиппу и что она какъ-будто сама передъ собой преувеличиваетъ его изъ боязни, чтобы его мѣсто въ душѣ ея не занялъ... тотъ, другой. Наканунѣ, отъ нея не ускользнуло смущеніе молодой дѣвушки передъ Гвидо и странный, краснорѣчивый взглядъ, который они подъ конецъ рѣшились

бросить другъ на друга. Поэтому, съ особой радостью Шарлотта подмѣчала предпочтеніе, которое молодая дѣвушка оказывала Филиппу и которое день ото дня шло возрастая.

Шарлотта не подозрѣвала, что Сальватриса уже знаетъ про любовь къ ней художника; но въ большинствѣ случаевъ любовь является чувствомъ отвѣтнымъ и вѣрнеть съ одной стороны въ увѣренности, что взгляды и дѣйствія выдаютъ искреннее чувство другой:— Да, я тебя люблю!

Еще скорѣе готова поддаться привязанности и обстоятельствамъ, вызваннымъ ею, душа того, кто не былъ понять или кто боится поддаться другому, менѣе счастливому влеченію. И такой человѣкъ чувствуетъ спасеніе въ чистомъ, самоотверженномъ и болѣе мирномъ чувствѣ, и радъ ему отдаться всей душой. Среди мужчинъ встрѣчаются такіе, которые пугаютъ женщину навязчивостью своей страсти и тѣмъ невольно сами ее отталкиваютъ отъ себя даже прежде, чѣмъ она рѣшится приблизиться... И съ болью въ сердцѣ Шарлотта подумала, что Сальватриса и Гвидо могли бы дѣйствительно полюбить другъ друга.

„Но теперь поздно, поздно!.. Страсть его загубила, отдала его въ руки другой!“

Сальватриса впервые проявила нѣкоторую горячность, когда услышала отъ тетки о происшедшемъ; и главною ея заботой было возможно мягче сообщить Филиппу о поступкѣ его родныхъ. Шарлоттѣ и самой было его жаль, и она чрезвычайно снисходительно говорила о недоразумѣніяхъ, жертвою которыхъ, очевидно, явилась Мартина.

— Ее никто не желалъ обидѣть, и если мы отнеслись несочувственно къ женитьбѣ Гвидо, какъ онъ могъ ей, пожалуй, намекнуть, Мартина все-таки не должна предполагать, что мы можемъ лично къ ней относиться недружелюбно. Но, вѣроятно, въ ней очень сильно это чувство, потому что она, очевидно, серьезно пожаловалась матери...

Какъ ни живо было въ памяти ея каждое слово злополучнаго письма, Шарлотта, однако, воздержалась и не привела содержанія его Филиппу.

Послѣдній слушалъ ее въ безграничномъ волненіи, плотно сжимая губы и теребя свою бѣлокурую бородку.

— Мнѣ стыдно за своихъ, — проговорилъ, наконецъ, Филиппъ; это— послѣднее и самое ужасное, что человѣкъ можетъ сказать про свою семью.— Конечно, они должны будутъ мнѣ дать отвѣтъ.

— Нѣтъ, — возразила Шарлотта: — вамъ не надо вмѣшиваться

въ это дѣло, и я сказала вамъ только потому, что считала нужнымъ не скрывать; но я знаю, что васъ не надо вмѣшивать въ такія столкновения, а впутывать васъ въ объясненія, значило бы втлупить васъ въ эти неприятности. Я не считаю васъ съ ними заводно...

— Благодарю васъ,—вполголоса отвѣтилъ онъ.—О, еслибъ вы знали, до какой степени я вамъ благодаренъ! Все-таки она мнѣ мать, хоть съ дѣтства мнѣ и пришлось съ нею разойтись, усвоить другой взглядъ на вещи и другія привычки. Впрочемъ, изъ этой ровни я нашелъ исходъ; я понялъ, что сыну слѣдуетъ не судить родителей, а лишь не мѣшать имъ и сносить все молча. Такъ я и прожилъ рядомъ съ ними и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ нихъ отдѣльно. Я убѣдился, что это — лучшее средство избѣжать столкновений, которыхъ (въ известномъ смыслѣ) даже и не должно вовсе быть.

— Я васъ понимаю и сочувствую вполне. Это—единственное, что вы могли сдѣлать...

— Тѣмъ не менѣе, я не считаю для себя возможнымъ продолжать свое пребываніе здѣсь,—со вздохомъ замѣтилъ Филиппъ.—Пользоваться вашей добротой...

Тутъ неожиданно Сальватриса встала, какъ-будто хотѣла уйти, но вдругъ остановилась около Филиппа и, вся краснѣя, торопливо проговорила:

— Вамъ было бы тяжело уѣхать... я это знаю. Я васъ прошу остаться... и... и... Мнѣ тоже было бы тяжело, еслибъ вы уѣхали...

Она поспѣшно убѣжала, а Филиппъ съ удивленіемъ и растроганнымъ посматрѣлъ ей во слѣдъ.

„Любить меня, любить!“—думалъ онъ, задыхаясь отъ усиленнаго сердцебіенія; но не радость, а глубокой гнѣвъ возбуждало въ немъ это открытіе: ему досадно было на себя, на свое недостаточно-обезпеченное положеніе.

Въ десять часовъ вечера, однако, Баумейстеръ не вернулся и только въ третьемъ часу ночи вошелъ въ спальню, гдѣ и улегся тихонько, боясь разбудить жену. Но она, по обыкновенію, не спала, а съ тревогой выжидала, когда мужъ самъ захочетъ ей открыть свои заботы. Тогда онъ не побоялся „разбудить“ ее!

Ночь прошла, и съ наступившимъ утромъ вернулись тѣ же непрерывныя тревоги и сомнѣнія.

— Что сдѣлаетъ Гвидо? Какъ отвѣтить? Придетъ ли самъ объясниться.

И онъ пришелъ.

Утромъ, около двѣнадцати часовъ, Гвидо велѣлъ о себѣ доложить. Гвидо, входившій, — нѣтъ, врывавшійся! — свободно всюду, кромѣ ея спальни! Уже это начало повліяло леденящимъ образомъ на предстоящее свиданіе, тѣмъ болѣе, что и погода не могла имѣть ободряющаго дѣйствія: шелъ проливной дождь.

Блѣдный, съ возбужденно-горѣвшими глазами, вошелъ Гвидо и, не ожидая, чтобы къ нему обратились, самъ началъ очевидно приготовленную рѣчь. Шарлотта слушала его, стоя у столика передъ диваномъ, опираясь одной рукой на его тяжелую доску.

— Хотя я и заваденъ, по обыкновенію, работой, — говорилъ ея баловень и любимецъ, — однако мнѣ хотѣлось самому зайти къ тебѣ извиниться въ безстыдномъ поступкѣ моей тещи. Можешь быть покойна: я ей хорошо далъ понять всю его непристойность. Но, въ заключеніе, долженъ тебѣ замѣтить, что ты, конечно, слишкомъ умна и слишкомъ справедлива для того, чтобы на насъ, — на меня и на Нини, — возлагать отвѣтственность въ томъ, въ чемъ мы совершенно неповинны. Тебѣ, конечно, достаточно моего слова, что Нини про это письмо ничего не знала...

На бѣду, Шарлотта не терпѣла ни лжи, ни двусмысленныхъ положеній; а своимъ быстрымъ и разсудительнымъ умомъ она тотчасъ же увидала всю неправду и неловкость виѣшательства Мартины. Съ обычной своей живостью, она перебила Гвидо:

— Ну, право, Гвидо! Какъ это ты можешь допускать, чтобы тебя такъ надували? Самъ ли ты сдѣлался обманщикомъ или ты обмануть другими? Понятно, послѣднее вѣрнѣе. Всякій ребенокъ можетъ разглядѣть, что Мартина знала про это письмо или, по меньшей мѣрѣ, была нравственнымъ поводомъ къ нему.

Упрекъ въ томъ, что онъ далъ себя надуть, показался Гвидо чересчуръ обиднымъ; онъ вспылилъ:

— Ты не подумала, конечно, какія обвиненія заключаются въ твоихъ словахъ по адресу Нини? Я себя до этого не допускаю; я прямо говорю тебѣ: она ни о чемъ не подозрѣвала и даже у меня на глазахъ сдѣлала за это матери своей страшную сцену.

Въ его воображеніи мигомъ воскресло все, пережитое наканунѣ: горячіе споры, гнѣвъ и слезы жены. Ему казалось, что онъ еще чувствуетъ на своемъ лицѣ прикосновеніе лица Мартины, слышитъ ея страстный шопотъ и горячія, убѣдительныя слова, которыя обезоружили его негодованіе и привели къ примиренію.

— Я сама хотѣла бы повѣрить, что Мартина ничего не подозрѣвала; но будемъ судить съ объективной точки зрѣнія. Ни разу еще не бывало, чтобы твоя жена держала себя при насъ непринужденно; она все время какъ бы старается подмѣттить себѣ обиду или оскорбленіе. Боже мой! Съ какими людьми ей, должно быть, приходилось жить!

— Развѣ она можетъ чувствовать себя непринужденно, когда ей хорошо извѣстно, что вы были противъ моей женитьбы?

— Во всякомъ случаѣ, было... глупо говорить ей объ этомъ!

— Мою невѣсту и жену мою всегда связывало со мною полное довѣріе.

— Довѣріе и слишкомъ откровенныя признанія—не одно и то же, особенно если онѣ нарушаютъ спокойствіе нашихъ близкихъ.

— Въ концѣ концовъ, Нини мнѣ ближе, чѣмъ вы всѣ!

— Не сомнѣваюсь. Но характеръ мужа выгоднѣе всего можетъ проявиться въ примиреніи, повидимому, несогласныхъ между собою обязанностей и воззрѣній.

— У меня было самое горячее желаніе все это примирить; но не могу же я принудить Нини, чтобы она васъ полюбила! Она—непосредственная натура, независимая отъ природы! Наконецъ, шла замужъ не за васъ, а за меня.

— Ну, а затѣмъ?...

— Затѣмъ, лучше вовсе не встрѣчаться людямъ, которые перестали понимать другъ друга.

— Гвидо!—вырвалось у Шарлотты, какъ болѣзненный вопль.

Гвидо и самъ не зналъ, какъ это такъ случилось.

Онъ шелъ сюда съ твердымъ намѣреніемъ исполнить тяжелую обязанность приличія, но уйти отсюда по прежнему, какъ старый другъ. Въмѣсто того, онъ очутился въ положеніи врага и, вдобавокъ, нападающаго на женщину, которой онъ былъ всѣмъ обязанъ. Онъ мысленно рѣшилъ, что будетъ бывать у Шарлотты одинъ, пока Мартина не станетъ довѣрчивѣе... Но теперь!.. теперь ему казалось, что онъ и самъ возненавидѣлъ Шарлотту; и въ то же время онъ чувствовалъ, что ведетъ неправую борьбу; что въ глубинѣ души у него таится сознаніе, что Мартина знала про письмо и сама побудила его написать. Но ему хотѣлось вѣрить обратному; его гордость, его упрямство возмущались при мысли, что и въ глазахъ постороннихъ жена, которую онъ избралъ себѣ, заслужила клеймо грубости. И съ безжалостной ясностью вспомнилъ онъ о предсказаніяхъ Шарлотты и о томъ, что онъ уже самъ испытываетъ на себѣ справедли-

вость ея словъ про намѣренную близорукость влюбленныхъ. Онъ хотѣлъ, чтобы посторонніе ничего не замѣчали, и самъ подражая страусу, чувствовалъ, что онъ ему подражаетъ.

— Мой долгъ — заступаться за жену, — хриплымъ голосомъ сказалъ онъ.

— А все, что тебя связывало со мною, съ нами... съ проплымъ?.. Этого не существуетъ?

— Такъ ужъ ведется жизнь, и бракъ величайшее изъ ея явленій. Въ немъ заключена священнѣйшая цѣль природы, — продолженіе человѣческаго рода. За мною право — попираť все, что мѣшаетъ мнѣ на пути къ этой цѣли, все, что можетъ смутить безмятежный миръ моего супружескаго очага!

— Это опасная система — облекать свои необдуманные поступки въ тогу великихъ истинъ и этическихъ понятій, — гнѣвно замѣтила Шарлотта и, слово за слово, разгорался у нихъ снова споръ, какіе были для нихъ не рѣдкость въ былое время. Но въ былое время спорилось горячо и добродушно; теперь — злобой и раздраженіемъ дышало каждое слово, каждый взглядъ, который, какъ ядовитая стрѣла, убивалъ на смерть каждое отрадное чувство или воспоминаніе.

— Конечно, я никогда не перестану питать къ тебѣ полную благодарность...

— Какъ? У тебя достаетъ совѣсти въ такое время и такъ произносить это святое слово! Конечно, совершенная правда, что безъ меня ты, вѣроятно (нѣтъ, даже: *наотри!*), не былъ бы тѣмъ, чѣмъ ты сталъ теперь. Съ твоими задатками ты самое большее, что сдѣлался бы „богемой“.

— А! Ты попрекаешь меня своими благодареніями? — съ горькимъ смѣхомъ подхватилъ Гвидо: — это имъ понижаетъ цѣну.

Это мгновенно возвратило Шарлоттѣ самообладаніе. Ровно и спокойно она возразила:

— Съ тебя нельзя теперь взыскивать, и поэтому я тебѣ прощаю. Когда-нибудь, когда тебѣ припомнится эта минута, ты самъ передъ собою покраснѣешь; тогда ступай и потребуй отчета у тѣхъ, которые довели тебя до такого недостойнаго тебя состоянія, — до нравственной слѣпоты! Я хочу еще кое-что сказать тебѣ насчетъ благодарности и благодареній, если ужъ вырвались такія слова. Самой распространенной ложью оказывается увѣреніе каждаго дѣлающаго доброе дѣло, будто бы онъ „не расчитываетъ“ на благодарность; и каждаго ничто такъ не возмущаетъ, какъ неблагодарность. Ну, развѣ это могло бы такъ горячо возмущать человѣка, который не былъ бы увѣренъ въ

обратно?... Да, и я тоже ожидала отъ тебя благодарности. Конечно заботиться о человѣкѣ, день и ночь ограждать его отъ всего дурного,—это уже даетъ само по себѣ нѣкоторое счастье и удовлетвореніе; но еще большее—мечта, что со временемъ въ душѣ его это пробудитъ и разовьетъ отвѣтное чувство взаимнаго пониманія, преданности, любви и уваженія! Я это чувство и называю той самой благодарностью, которой я отъ тебя ожидала всей душой. Если же я не увижу ихъ въ душѣ того, кому я оказывала благодѣянія, тогда—тогда я, значить, расточала ихъ напрасно!

Ея слова, ея тихая, мигкая рѣчь и полная гордаго достоинства осанка захватили Гвидо за живое. Ему пришли на память цѣлые часы увлекательной, всегда новой и продолжительной бесѣды, которая у нихъ, бывало, никогда не изсякала. И ему показалось, что образъ Мартины, блѣднѣя, исчезалъ передъ его мысленными очами. Тревожный и смущенный, онъ пытался его удержать... Напрасно! Съ ужасомъ подумалось ему, что близость его къ Мартинѣ сильна единственно въ минуты распаленной страсти и что помимо этого образъ ея ничѣмъ не напоминаетъ ему о себѣ... Заключительныя слова Шарлотты больно отозвались своей правдивостью у него на сердцѣ, и онъ машинально выпрямился, протянулъ руку за шляпой. Въ глазахъ его сверкнулъ враждебный огонекъ прежняго мальчишескаго упрямства.

— Итакъ, вотъ до чего дошло! Ты, ты сама мнѣ выражаешь сожалѣніе, что твои благодѣянія пропали даромъ! Я ужою; но помни, что не я привелъ къ такому враждебному концу.

Не разсуждая, безотчетно отбросивъ свою гордость, свою правоту, Шарлотта сдѣлала движеніе впередъ, чтобъ удержать его. Въ ней все замерло въ эту минуту, все, кромѣ чисто-женскаго сознанія, что, благодаря мгновенной горячности, она теряетъ дорогого и близкаго ей человѣка...

Онъ повернулся и ушелъ.

— Гвидо!—крикнула она ему во слѣдъ.

Онъ видѣлъ ея движеніе, онъ слышалъ ея голосъ.

— Меня ждетъ Нини!—проговорилъ онъ рѣзко, и дверь захлопнулась съ тупымъ, тяжелымъ стукомъ.

Безъ кровинки въ лицѣ, по которому неудержимо текли слезы, Шарлотта упала въ кресло и долго оставалась сидѣть безъ движенія, вся отдавшись ощущенію невыразимой боли отъ сознанія, что тотъ самый Гвидо, который всѣмъ ей одной обязанъ, такъ скоро, такъ легко и такъ неприглядно могъ отъ нея отказаться. Ей трудно было допустить, чтобы вдругъ, безъ причины, безъ

особаго какаго-либо повода съ ея стороны, могъ навсегда уйти отъ нея тотъ, кому была посвящена лучшая часть ея жизни.

XIX.

Недолго пришлось Шарлоттѣ предаваться своему неожиданному огорченію; ее осадили разспросами по хозяйству, и отъ этихъ хлопотъ отвлекла ее лишь тетя Расмусъ, которая явилась къ завтраку.

Шарлотта удивилась. Тетуська обыкновенно бывала у нихъ въ другіе дни, а четверги проводила всегда у Пербрандовъ. Въ обхожденіи тетуськи было также что-то неловкое, что она тотчасъ же успѣшила сама объяснить:

— Я за тебя встревожилась: мнѣ говорили, что ты не совсемъ здорова...—Дня за три передъ тѣмъ, Шарлотта была въ городѣ совершенно здоровая и вдобавокъ не видѣла никого, съ кѣмъ могла бы говорить про нее тетя Вишэ.

— Но ты, дѣйствительно, имѣешь видъ больной,—замѣтила послѣдняя, вылавливая пѣнки изъ своей чашечки кофе.

Шарлотта промолчала.

— Извини, пожалуйста, вѣжета, Кэръ подалъ подмѣшанныхъ сливокъ?—спазала она, немного погодя.— Не хочешь ли еще вусочекъ „plumsake'a“—и придвинула серебряную тарелочку.

— Благодарю, это мнѣ слишкомъ тяжело для желудка,—возразила гостя и, глубокомысленно глядя себѣ въ чашку, на поверхности которой не осталось ни малѣйшаго намека на пѣнку, прибавила медлительнымъ голосомъ:—Удивляться надо, чего только не выдумаютъ люди! Съ тѣхъ поръ, какъ состоялся конкурсъ „Братевъ Фильдингъ“ и „Расмусъ и К^о“, точно всѣ на этомъ помѣшались...

— Да?

— Никого не щадятъ! Вотъ, про Пэмеллера тоже ходятъ слухи... Ну, и... называютъ еще... Да вѣтъ! Это все глупости...—сбивалась тетуська, и взоры ея, блуждая неопредѣленно, устремились въ окошко.

— А мнѣ бы не мѣшало сегодня быть въ калошахъ,—замѣтила она.

Шарлотта молчала, чувствуя, что по ней боязливо скользили взглядъ почтенной гостыи; она выпрямилась горделиво, и лицо ея вытянулось, принимая оттѣнокъ неприступности.

— Ты иногда умѣешь дѣлать такое лицо, какъ самъ Бау-

мейстеръ,—съ удивленіемъ проговорила тета. Взглядъ ея сталъ устойчивѣе, но она такъ и не назвала Шарлоттѣ то имя, о которомъ только и было въ городѣ разговора.

Шарлотта только тогда вздохнула свободнѣе, когда тетушка, навонецъ, удалилась. Но и одной, въ четырехъ стѣнахъ, ей показалось душно, и она вышла на воздухъ.

Съ отчаяннымъ постоянствомъ надалѣ дождь на волны Эльбы; вода замутилась и бушевала подъ напоромъ вѣтра, но и это не мѣняло сѣраго однообразія общей безотрадной картины. Волнистыя полосы дыма, поднимавшагося отъ пароходовъ, тотчасъ же опускались и, какъ тяжелые плотные, сѣрые флаги, тянулись по воздуху переполненному грязью и копотью...

Дойдя до берега Эльбы, Шарлотта и тамъ не нашла себѣ успокоенія: слишкомъ унылой пеленою была подернута вся оживленная картина рѣчного движенія; дождь лилъ сплошной стѣною...

Она пошла назадъ и всю дорогу кусты и деревья трясли надъ нею свои мокрыя вѣтви; у ногъ ея журчали только-что народившіяся ручейки дождевой воды...

Поднимаясь на террасу, Шарлотта замѣтила, что на верандѣ стоитъ Кэръ и повидимому кого-то поджидаетъ,—должно быть, ее, потому-что бѣжитъ скорѣе ей на встрѣчу. Онъ подбѣжалъ къ Шарлоттѣ, когда она проходила подъ плавучей ивой, и, запыхавшись, пролепеталъ:

— Ахъ, Боже мой...

По его гладко выбритому лакейскому лицу, по выраженію его умныхъ глазъ видно было, что онъ весьма взволнованъ.

Шарлота не остановилась, но оба невольно прибавили шагу.

— Чтò случилось?

— Хозяинъ вернулся... ужъ часа полтора тому назадъ, только-что вы успѣли выйти изъ дому...

— Ну?—рѣзко оборвала его Шарлотта.

— Я только... Вѣдь онъ никогда не возвращается не въ урочный часъ...—пробормоталъ Кэръ запинаясь.

— Спрашивалъ, гдѣ я?

— Да. Я сказалъ: „гуляютъ“, а онъ отвѣтилъ: „хорошо“. Мнѣ показалось, что они несовсѣмъ здоровы,—я и спросилъ: „вѣтъ, Кэръ, ничего“.

— Гдѣ мужъ?—перебила Шарлотта, сдавъ на руки слугѣ мокрые плащъ и зонтикъ.

— Наверху. Намъ вдругъ послышалось, будто что-то упало, и затряслась хрустальная бахрома на люстрѣ въ гостиной... я тамъ былъ какъ разъ... Бѣгомъ я бросился наверхъ, но дверь

была закрыта... никто не отозвался...—заключилъ онъ хриплымъ голосомъ.

Шарлотта не шла, а летѣла впередъ, не слыша и не видя, что за нею устремились всѣ,—не одинъ только Кэръ;—не замѣчая, что въ полуоткрытую дверь по дорогѣ глядитъ на нее блѣдное лицо встревоженной Сальватрисы. Твердой рукой она постучалась къ мужу и рѣзко, повелительно раздался ея голосъ:

— Отопри!

Никто ей не отвѣтилъ.

Завывающій, протяжный звукъ парохода одинъ откликнулся на ея зовъ.

За дверью—ни шороха, ни стона.

— Принесите инструменты!—приказала Шарлотта и Кэръ бросился исполнять приказаніе.

Никто не шевельнулся. Филиппъ стоялъ ближе къ хозяйкѣ дома и тревожно смотрѣлъ, не отрываясь, ей въ лицо.

Кэръ прибѣжалъ съ цѣлымъ ящикомъ инструментовъ и, стараясь не стучать, принялся работать отмычкой. Замокъ не поддавался.

— Долотомъ! — потребовала Шарлотта, и Кэръ послушно вставилъ его въ дверную скважину... Дверь затрещала подалась и замокъ былъ взломанъ.

— Позвольте мнѣ впередъ,—воскликнулъ Филиппъ, удерживая Шарлотту.

Молча, оттолкнула она его отъ себя и первую переступила за порогъ спальни.

Въ первую минуту всѣмъ показалось, что она пуста. При сѣромъ освѣщеніи дождливаго дня, ясно было видно, что обѣ кровати, стоявшія ногами къ входу, незаняты; только у одной изъ нихъ чуть сдернуто сбоку одѣяло.

Шарлотта подходила ближе, ближе,—и остановилась какъ вкопанная.

Тамъ, на полу между двухъ кроватей онъ лежалъ съ широко открытыми безжизненными глазами, съ отвалившейся челюстью; его правая рука, сжатая въ кулакъ, была вытянута, лѣвая крѣпко вцѣпилась въ нижній край одѣяла.

Шарлотта стояла надъ нимъ неподвижно... И вдругъ у нея въ ушахъ страшно зашумѣло, въ глазахъ пошли красные круги... и сквозь переливчатый звукъ прибора, который, не прекращаясь, гудѣлъ у нея въ головѣ, Шарлотта слышала какой-то рѣзкій и замѣчательно высокій, звенящій звукъ, къ которому она усиленно, напряженно прислушалась, сосредоточивъ на немъ

все свое вниманіе... Еще мигъ—и она, какъ подкошенная, упала безъ чувствъ.

Очнулась она въ комнатѣ Сальватрисы, на ея постели. Первый, кто бросился ей въ глаза, былъ Филиппъ, пытавшійся влить ей въ ротъ крѣпкаго вина. Рядомъ, у самой постели, на колѣняхъ стояла Сальватриса, сама чуть державшаяся на ногахъ; она прилагала всѣ усилія чтобы не упасть въ обморокъ, и думала только объ одномъ, чѣмъ бы помочь Шарлоттѣ.

Поспѣшно проглотивъ вино, Шарлотта попыталась встать.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не надо!..—остановилъ ее Филиппъ умоляющимъ голосомъ.

Но слабость Шарлотты миновала. Молча, но съ твердой рѣшимостью въ лицѣ, она вышла изъ комнаты, и прошла прямо въ спальню. Въ корридорѣ къ стѣнкѣ робко прижались, давая ей дорогу, Кэръ и Минна, успѣвшіе перенести покойника на кровать и закрыть ему глаза. Не сводя съ него пристальнаго взора, безъ слезъ, безъ отчаянныхъ стenanій сѣла жена на краю постели, и какъ надъ больнымъ склонилась надъ его безжизненно-застывшимъ лицомъ.

Сѣрой, унылый день влился въ вечеру,—день, отнявшій у нея все, все на свѣтѣ! За окномъ виднѣлось все то же безотраднотяжелое, свинцовое небо, и на немъ выдѣлялась съ поникшими вѣтвями, одинокая, угрюмая ель. Въ комнатѣ, въ сѣрой мглѣ сумерекъ, все было мрачно и темно; только лицо покойника поражало своей мраморной бѣлизною.

Всю душу вложила Шарлотта въ свой пытливый взглядъ, которымъ, казалось, она хотѣла хоть на мигъ вызвать жизнь въ похолодѣвшемъ тѣлѣ. Всѣ ея духовныя силы были сосредоточены на одномъ, — единственномъ — желаніи: угадать мысли, таившіяся подъ оболочкой бѣлаго безжизненнаго лба.

„Онъ такъ и ушелъ отъ меня, какъ жилъ,—не проронивъ ни слова! И это равносильно признанію, что фирма—разорилась,—я это знаю“...—думала она; но искать слѣдовъ какого-либо порошка или капель ей въ голову не приходило; она знала, что такихъ слѣдовъ *не найдется*.

О, она прекрасно знала своего мужа,—вѣчно сдержаннаго, вѣчно молчаливаго! Знала, что Конрадъ-Петеръ Баумейстеръ, даже изъ своей смерти сдѣлаетъ для врача неразрѣшимую загадку. Весь міръ, всѣ доктора признаютъ, что покойный скончался отъ разрыва сердца... но она, Шарлотта, она одна безъ доказательствъ, безъ какой бы то ни было причины, твердо

знаеть, что онъ умеръ не случайно; свалить его могла единственно его собственная воля. И долго, долго не сводила она своего жгучаго взора съ неподвижнаго лица покойника.

Цѣлыхъ семнадцать лѣтъ онъ заставлялъ ее нести бремя одинокой жизни безъ любви, безъ взаимнаго счастья, и за всѣ эти годы, ни разу ничѣмъ не далъ ей замѣтить, что считаетъ большимъ достоинствомъ съ ея стороны стойко нести это бремя. Спокойно смотрѣлъ онъ ей прямо въ глаза, не считая себя виноватымъ.

Но его гордость, его самолюбіе не дали ему снести поворъ неудачи; онъ не могъ допустить, чтобы его женѣ, его спутнику на жизненномъ пути, пришлось коротать вѣкъ въ бѣдности, въ нуждѣ... Шарлотта почти съ презрѣніемъ и съ болью въ сердцѣ выпрямилась, горделиво поглядывая на тѣло мужа, на эту жертву собственнаго заблужденія, и усиленно задавала себѣ вопросъ: что же надо сдѣлать для того, чтобы все-таки овазать покойнику нѣкоторый почетъ, вниманіе. Она встала и оглянулась вокругъ. Сердце ея еще больнѣ защемило при видѣ унылой полутьмы, разлитой вокругъ. На туалетѣ у нея стоялъ подсвѣчникъ на три свѣчи; она взяла, зажгла ихъ и поставила его у изголовья мужа. Дрожащій свѣтъ рѣзкимъ отблескомъ упалъ на блѣдное лицо Баумейстера, выражавшее полное спокойствіе. На немъ опять лежалъ отпечатокъ обычнаго неприступнаго изящества и полнаго безмолвія.

— Теперь онъ можетъ молчать... молчать навѣки!

Шарлотта встала на колѣни около постели и низко наклонила голову, сложивъ руки на молитву. Она молилась за того, кто въ молодости былъ отцомъ ея дѣтей, кого она любила, какъ дорогое и близкое ей существо. Его она давно ужъ схоронила; но теперь, вторично пришлось ей предавать его могилѣ, а вмѣстѣ съ нимъ, и всю ея независимую, гордую, обезпеченную жизнь.

Въ большой столовой ставни уже были закрыты, и Кэръ освѣтилъ ее какъ въ самый торжественный день. Сальватриса, уже испытывавшая на своемъ вѣку двѣ тяжелыхъ потери, была тѣмъ болѣе потрясена смертью дяди Конрада.

Филиппъ не отходилъ отъ нея и всѣми силами старался ее развлечь и успокоить. Онъ держалъ ея ручку въ своей рукѣ и порою тихо шепталъ ей слова утѣшенія. Ему еще не приходилось испытывать потрясающихъ бѣдъ или горестей, но и ему жилось не легко; естественно, что молодые люди сблизились те-

перь еще тѣснѣе и еще отраднѣе показалось Сальватрисѣ чувствовать себя подъ его защитой въ эти тяжелыя минуты горя.

Дверь отворилась и оба вздрогнули. На порогѣ стояла Шарлотта, блѣдная какъ смерть, но сосредоточенная и полная спокойной рѣшимости.

Сальватриса подбѣжала къ ней и, рыдая, крѣпко обняла ее.

— Не плачь, дитя мое!—нѣжно сказала Шарлотта и усадила молодую дѣвушку на ея прежнее мѣсто.—Намъ еще будутъ очень нужны силы... Позовите, пожалуйста, Кэра (обратилась она къ Филиппу): пусть дадутъ знать по телефону доктору и въ контору.

— Доктору Фридберту я уже далъ знать; онъ уже идетъ. Въ конторѣ тоже извѣстно: я вызвалъ сюда Шмальфельда, и черезъ часъ онъ будетъ здѣсь.

— Очень вамъ благодарна,—сказала она и умоляла.

Всѣ сидѣли молча. Шарлотта въ умѣ считала каждую минуту.

— Черезъ часъ Шмальфельдъ будетъ здѣсь. О, я на колѣняхъ испрошу у покойника прощенье, если узнаю, что дѣла фирмы стоятъ прочно! Значить, „тогда“ самому Богу угодно было отозвать его, а не онъ самъ...

Вдругъ она что-то вспомнила и оторвалась отъ своихъ тревожныхъ думъ:

— Скажите, пусть садовникъ нарветъ цвѣтовъ... Теперь, вѣроятно, еще не такъ темно.

— Я ужъ предупредилъ садовника,—отвѣчалъ Филиппъ; и опять она проговорила:

— Благодарю.

Опять, съвозъ ея желѣзную сдержанность, пробилась нота умиленія:

— Хорошо, что вы у насъ есть, Филиппъ; не оставляйте насъ на эти дни!

Цѣлуя ей руку, молодой художникъ не стыдился слезъ, которыя готовы были брызнуть у него изъ глазъ. Онъ, вѣжеся, готовъ былъ отдать за нее жизнь свою.

Наконецъ, вызванные явились; сперва—старый другъ Баумейстера съ швольной скамьи, докторъ Фридбергъ, а нѣсколько позднѣе—завѣдующій конторой Шмальфельдъ. Филиппъ проводилъ доктора въ спальню. Ко всеобщему удивленію, Шарлотта сказала:

— Я больше не пойду... туда; мы съ Баумейстеромъ уже простились.

Голосъ ея какъ будто дрогнулъ, а блѣдность еще болѣе усилилась.

Докторъ Фридбертъ носилъ какъ то особенно сверзавшія очки, а бѣлокурая борода, закрывавшая ему почти все лицо, еще того болѣе мѣшала разглядѣть настоящее выраженіе его лица, никогда не выдававшее его сокровенныхъ думъ. Онъ зналъ, что на Филиппа смотреть здѣсь почти какъ на родного, и полагаля, что можетъ говорить откровенно съ шуриномъ Гвидо.

— Дай Богъ, чтобы эта смерть не оказалась прологомъ къ цѣлой трагедіи, которая угрожаетъ этому дому,—замѣтилъ онъ, поднимаясь вверхъ по лѣстницѣ.

— Что вы хотите этимъ сказать? Что фрау Шарлотта страстно любила мужа? Но вѣдь онъ всегда былъ на видъ такой сдержанный, такой холодный. Я никогда не могъ бы себя вообразить... да, впрочемъ, и вовсе не пытался...

— Ахъ, нѣтъ! Совсѣмъ не въ этомъ смыслѣ... Развѣ вамъ неизвѣстно, что ходятъ слухи... Еще сегодня на биржѣ пронеслась тревожная молва, будто никто не беретса учитывать вѣселя фирмы Баумейстеръ?

Филиппъ испуганно пробормоталъ:

— Да развѣ... это возможно?

Но Фридбертъ ничего на это не отвѣтилъ.

Они вошли въ комнату покойнаго и докторъ приступилъ къ своимъ изслѣдованіямъ. Затѣмъ, позвали Кэра и тотъ долженъ былъ еще разъ рассказать все подробно: онъ былъ послѣдній, видѣвшій Баумейстера въ живыхъ.

— Разрывъ сердца,—опредѣлилъ докторъ, отпустивъ вѣрнаго слугу:—или, такъ сказать, причина всякой смерти. А что, не знаете ли вы,—немного подумавъ, спросилъ онъ:—жизнь его была застрахована или нѣтъ? Впрочемъ, откуда же вамъ это знать?

— Напротивъ, мнѣ это хорошо извѣстно, но совсѣмъ случайно. Какъ-то разъ, нѣсколько дней тому назадъ, зашелъ разговоръ про страхованіе жизни и Баумейстеръ сказалъ, что для крупнаго представителя торговли это не имѣетъ смысла и что онъ съ своей стороны никогда объ этомъ не думалъ.

— Ну,—съ замѣтнымъ облегченіемъ проговорилъ докторъ,—въ такомъ случаѣ, никому дѣла нѣтъ до того, по какой причинѣ у Баумейстера сдѣлался разрывъ сердца и Шарлоттѣ много легче будетъ...

Филиппъ понялъ его намекъ, и ему стало жутко; нервная дрожь пробѣжала по всему тѣлу.

Внизу их встрѣтила Сальватриса одна.

— Шмальфельдъ сейчасъ прѣхалъ, — шепнула она: — они тутъ, рядомъ.

— Ну, знаете, господа, что я вамъ скажу? Это можетъ очень и очень затянуться. Я лучше пойду себѣ домой и попрошу васъ передать фрау Баумейстеръ, что буду у нея въ восемь часовъ утра, а теперь я прямо къ Пербранду; мы съ нимъ вдвоемъ обо всемъ позаботимся. Смерть тоже приноситъ съ собою много хлопотъ... — и Фридбертъ ушелъ.

Оставшись наединѣ съ молодой дѣвушкой, Филиппъ съ тревогой выжидалъ окончанія дѣловой бесѣды вдовы съ управляющимъ; мучило его вдобавокъ и сомнѣнiе: надо или нѣтъ говорить ей о слухахъ на биржѣ и о подозрѣнiи, которое пробудили въ немъ слова доктора?

Но вотъ и Шмальфельдъ, блѣдный, безмолвный. Въ разстегнутомъ длинномъ плащѣ, не выпуская изъ рукъ шляпы, прошелъ онъ черезъ комнату, отвѣсивъ на ходу почтительный поклонъ.

Прошло еще нѣсколько минутъ — и за нимъ слѣдомъ вышла Шарлотта. Въ ней не было замѣтно никакой перемѣны. Она медленно подошла къ молодой дѣвушкѣ:

— Бѣдное, милое дитя! — Можешь ли ты простить то зло, которое тебѣ причинили?

— Какая ты странная... Что это значить? — смущенно спросила Сальватриса, въ испугѣ крѣпче опираясь на ручки кресла, въ которомъ она сидѣла.

— Это значить, дитя мое, что мы съ тобой всего лишились... Мы обѣ несчастныя, бѣдныя женщины! — упавшимъ голосомъ отвѣтила Шарлотта.

Сальватриса вскрикнула. Филиппъ бросился передъ нею на колѣни, и старался захватить ея руки, погладить ихъ, утѣшить ее. Но она цѣплялась за Шарлотту и только повторяла:

— Бѣдныя? Бѣдныя?

Все, что пришлось Шарлоттѣ испытать въ этотъ ужасный день, все показалось ей теперь ничтожнымъ передъ мукой, которую она терпѣла въ эту минуту. Ея душа содрогалась отъ боли и стыда за поступокъ мужа: ему было довѣрено все состоянiе, все имущество сироты.

— Если можешь, прости! — наклонивъ низко голову, говорила она: — жизнь была для него, вѣроятно, адской пыткой.

И тихо, какъ болѣзненный стонъ, съ мольбою сорвалось опять съ ея губъ:

— Прощу тебя, прости ему!

Сальватриса хотѣла встать, но силы отказывались ей служить, Филиппъ помогъ ей приподняться и она, рыдая, упала въ объятія, которыя раскрылись ей на встрѣчу... И долго стояли обѣ женщины неподвижно, прижавъ одна къ другой. Потомъ, когда рыданія смѣнились тихими слезами, Сальватриса осушила свои слезы подъ вліяніемъ мыслей, которыя сильнѣе ужаса, сильнѣе горя тѣснились ей въ душу. Она не имѣла ни малѣйшаго понятія о жизни скудной, трудовой, о деньгахъ, о заботахъ; и ей казалось, что на нее надвинулось вдругъ нѣчто грозное, невѣроятное. Страхъ передъ неизвѣстнымъ будущимъ вдругъ охватилъ ее; но въ то же время у нея родилось горячее стремленіе быть мужественной, бодрой и облегчить дорогой для нея женщинѣ тяжести невзгоды. На ряду съ этимъ, передъ нею вставало романическое представленіе о нищетѣ, которая не страшна тому, кого она неповинно постигаетъ.

— Дитя мое! — говорила между тѣмъ Шарлотта. — Пока у меня есть силы, чтобъ работать, я буду трудиться для тебя...

— Ты? Ты?.. Нѣтъ, нѣтъ: я для *тебя!* — вспыхнувъ, воскликнула Сальватриса. — Вотъ, сама увидишь, какой я стойкій и сильный человѣкъ, если окажется необходимость! Мы не должны ничего бояться. — И она снова горячо обняла Шарлотту.

Только тогда самообладаніе оставило эту сдержанную женщину, и она неудержимо залилась слезами; а Филиппъ, единственный свидѣтель этой сцены, былъ потрясенъ до глубины души.

— Какой я ничтожный, мелочный человѣкъ, со всѣми моими хлопотами и страхами за свое личное благосостояніе! Я вышелъ изъ семьи, условія которой болѣе, чѣмъ скромны. А эти женщины, избалованныя жизнью и самымъ происхожденіемъ своимъ, — какъ настоящіе герои, смѣло идутъ лишеніямъ на встрѣчу!

Онъ зналъ, что не увлеченіе горячностью минуты, а долгіе годы испытаннаго терпѣнья создаютъ героевъ; но также зналъ навѣрно, что эти женщины всегда останутся на высотѣ своей новой, тягостной задачи.

Слушая ихъ, онъ почувалъ новый приливъ мужества и страстное желаніе оказаться достойнымъ ихъ въ ту, еще отдаленную минуту, когда, пройдя чрезъ цѣлые годы испытаній, онъ смѣло скажетъ Сальватрисѣ:

— Я тебя люблю и предлагаю раздѣлить со мною мою безбѣдную, обеспеченную жизнь!

XX.

Гвидо сидѣлъ поутру въ своемъ бюро, углубившись въ пересмотръ чертежей своего новаго заказа и ужъ не первый разъ приходилъ къ убѣжденію, что не стоитъ работать надъ ихъ измѣненіями до тѣхъ поръ, пока м-ръ Ноттеръ не остановитъ вполнѣ опредѣленно свой выборъ на той или другой мѣстности. Такое роскошное сооруженіе нельзя сунуть безъ разбора куда попало!..

Въ открытыя наверху окошки врвался въ бюро шумъ улицы и крики разносчиковъ; но Гвидо къ нимъ привыкъ, и они ему не мѣшали.

За дверью послышался шорохъ. Въ сосѣдней комнатѣ только-что пришедшій главный чертежникъ вѣшалъ свою шляпу и пальто.

— Вамъ, конечно, уже все извѣстно?—послышался оттуда его голосъ.

— Нѣтъ. Что такое?

— Развѣ вы еще не прочли газеты?

— Нѣтъ еще.—И Гвидо потянулся за газетой, съ невольною досадою на то, что „Гамбургскія Извѣстія“ еще лежали передъ нимъ нетронутыя, еще пропитанныя свѣжестью и запахомъ типографской краски. Онъ принялся перелистывать ихъ, ничего не замѣчая.

— Смотрите въ хроникѣ, — подсказалъ ему подчиненный, съ которымъ онъ обращался скорѣе какъ другъ, нежели какъ начальникъ.

Гвидо прочелъ:

— „Конрадъ-Петеръ Баумейстеръ. — Поздно ночью дошло до насъ извѣстіе, что въ своей виллѣ скончался отъ разрыва сердца глава фирмы „Баумейстеръ“. Какъ-разъ сегодня на биржѣ царствовало особое оживленіе, вызванное серьезными слухами о положеніи дѣлъ этой фирмы. Выражая надежду, что слухи эти, по всей вѣроятности, вызваны лишь временно-критическимъ положеніемъ, которое разрѣшится благополучно и окажется сильно преувеличеннымъ, мы въ то же время глубоко огорчены кончиной нашего высокочтимаго гражданина и собрата. Мы слышали, что покойный Конрадъ-Петеръ Баумейстеръ уже много лѣтъ страдалъ болѣзью сердца; весьма возможно, что сильныя потрясенія, которыя ему (какъ и многимъ другимъ) принесли крахъ торговаго дома „Братьевъ Фильдингъ“, подѣйстви-

вали вреднымъ и ускоряющимъ образомъ на его хроническую болѣзнь. У почившаго главы дома „Баумейстеръ“ нѣтъ дѣтей; надъ его гробомъ рыдаетъ лишь его вдова, Шарлотта Баумейстеръ, рожденная Фольрадъ, дочь извѣстнаго сенатора, д-ра Фольрада, умершаго въ шестидесятыхъ годахъ“.

Лицо Гвидо мгновенно поблѣднѣло и какъ бы поблекло; дрожащими руками положилъ онъ на столъ газету, затѣмъ всталъ и направился къ выходу...

— А шляпу?—напомнилъ ему помощникъ, самъ задыхавшійся отъ волненія при видѣ того, какъ разстроено его начальство.

Гвидо взялъ поданную ему шляпу и пошелъ вдоль по улицѣ, самъ не зная, куда и зачѣмъ. Онъ шелъ поспѣшно, все прямо впередъ и думалъ, думалъ въ непрерывномъ смятеніи,—о чемъ, онъ и самъ не зная. Но вотъ онъ опустился на скамейку, и мысли его нѣсколько прояснились. Да! Ему было больно, что его, самаго близкаго къ Шарлоттѣ человѣка, не было подлѣ нея въ эти торжественныя, тяжелыя минуты. Онъ,—онъ, Гвидо, ея дитя, ея любимецъ, узналъ о смерти Баумейстера изъ газетъ,—какъ чужой, какъ лишній! Она не дала ему знать, не позвала къ себѣ...

— Годъ,—одинъ только годъ тому назадъ!—(или нѣтъ: даже полгода!) этого бы не случилось! Меня перваго позвали бы туда оказать умершему послѣднія услуги, а Шарлоттѣ — помощь и утѣшеніе!

И Гвидо вспомнилось все, случившееся наканунѣ...

Придя домой, онъ вошелъ къ женѣ и, весь еще подъ впечатлѣніемъ тягостнаго возбужденія, рѣзко спросилъ ее:

— Гдѣ твоя мать?

— Уѣхала въ Куксгавенъ, а оттуда—прямо въ Гельголандъ. Еще бы! Послѣ того, какъ ты ей надѣлалъ столько грубостей, не могла же она оставаться твоей гостьей.

Это было для Гвидо значительнымъ облегченіемъ; но все-таки онъ довольно круто возразилъ:

— Ну, и прекрасно! Вы добились того, что я порвалъ съ Баумейстерами навсегда.

Съ крикомъ восторженнаго ликованья Мартина бросилась къ нему на шею и, не справляясь, пріятно ему это или нѣтъ, осыпала его лицо поцѣлуями. Впослѣдствіи онъ старался припомнить каждое слово изъ того страстнаго потока, которымъ она его тогда, по обыкновенію, увлекла и опеломила, повинувшись сама порыву страсти.

— Я такъ тебя люблю!—то шептала, то восклицала она.—

Ты мой, ты мнѣ принадлежишь... да, мнѣ одной! Я признаю, что моя страсть ревнива; ну, и брани меня, и бей меня за это! Ни словомъ не пожалуюсь, не пикну: — руки, терзавшія меня, я буду цѣловать... только будь мой... мой собственный! Видишь ли, я сама чувствую, что я не такая, какъ другія женщины, а между тѣмъ, когда-то Шарлотта и ей подобныя были идеаломъ, къ которому я стремилась. Мысль, что ты могъ находить въ нихъ хоть что-либо, достойное любви, приводитъ меня въ бѣшенство. Какъ могъ ты считать ихъ хоть въ чемъ-нибудь, въ какой-нибудь бездѣлицѣ интереснѣе твоей любимицы, твоей крошечки Нини? Я этого не могла бы пережить! Это было бы для меня невыносимо! Ты не имъ, а мнѣ, — мнѣ влялся въ неизмѣнной любви, общалъ сдѣлать меня счастливой. Я ношу *твое* имя, а съ нимъ вмѣстѣ я должна нести и все то, что судьба тебѣ ни пошлетъ. Я для тебя та женщина, которая... можетъ быть, мѣсяцевъ черезъ шесть или еще скорѣе подарить тебѣ ребенка. Я — частица самого тебя; я твое настоящее, я твое будущее! Въ нихъ — этого нѣтъ: онѣ — твое прошлое. Съ такими, какъ онѣ, большинство мужчинъ расходится, какъ только намѣревается жениться...

„Она права (разсуждалъ Гвидо); съ каждымъ словомъ чувствуется правота ея воззрѣній... Но есть же (и тоже правая) воззрѣнія: хоть, на примѣръ, мои или воззрѣнія Шарлотты. Нельзя же допустить, чтобъ человекъ принималъ отъ другого безграничное количество доброты и ласки, и платилъ ему за это полной неблагодарностью, — и только потому, что его новыя обязанности, будто бы, расходятся со старыми. Быть можетъ, въ томъ и состоитъ настоящее искусство устроить себѣ жизнь, чтобы умѣть разумно согласовать свои обязанности и права. Не разъ Шарлотта говорила, что въ этомъ умѣннѣ выражается настоящее достоинство и основательность въ характерѣ мужчины. Да, да: она именно говорила что-то въ этомъ родѣ!“

И Гвидо приложилъ всѣ усилія къ тому, чтобъ это разъяснить Мартинѣ еще разъ... въ послѣдній разъ! Но она не слушала того, что мужъ ей говорилъ; она не спорила, не возмущалась. Она не думала ни о Гвидо, ни о его чести, ни о его прошломъ, ни даже о томъ, какую отвѣтственность она брала на себя, выходя за него замужъ.

Слѣпая, необузданная и совершенно наивная радость, полная самаго грубаго эгоизма, охватила все ея существо: наконецъ-то, наконецъ онъ будетъ принадлежать ей одной, безраздѣльно!

— Я отдала тебѣ всю жизнь мою! Такъ мнѣ и хочется,

чтобы всё видѣли, что я тебя всецѣло наполняю, что ни для кого изъ женщинъ нѣтъ у тебя больше ни дружбы, ни вниманія, ни любви, ни даже простой вѣжливости! Я, вѣжется, умерла бы отъ злости, еслибъ хоть кто-нибудь осмѣлился подумать, что я тебя не удовлетворяю! Я не выношу хотя бы мысли, чтобы кто-нибудь могъ допустить, чтобы она,—эта голландка съ томными глазами!—могла быть когда-нибудь твоей женою. Или, напримѣръ, когда идетъ молва, будто твоя г-жа Баумейстеръ хотѣла найти для тебя лучшую жену, чѣмъ я... въ глазахъ этихъ чурбановъ, конечно. Нѣтъ, я этого не хочу и не хочу! Развѣ моя любовь не даетъ тебѣ безгранично больше счастья, чѣмъ всё эти чопорныя кривляки и недотроги—ганзейки? Ну, да! Я прекрасно знаю, что ты очень былъ привязанъ къ Баумейстерамъ, то-есть больше къ ней самой; знаю, что порвать съ ними тебѣ очень больно... Но не печалься, я за все тебя вознагражу, за все!.. Я до безумія тебя люблю!

И въ эту минуту Гвидо почувствовалъ, что только порывы необузданной страсти могли бросить его въ объятія Мартины.

„Да! Она способна распалить страсть; она цѣльный человѣкъ!—думалъ онъ.—Ея законченность, положимъ, не выражается ни въ мягкости, ни въ тонкости ощущеній; но все же она—опредѣлившійся человѣкъ, и это для нея похвально, хоть эта стойкость и заключается въ опредѣленной грубости. Конечно, не такую я представлялъ себѣ свою жену; но и эта твердость, это постоянство—черта не дурная.“

Такъ утѣшалъ себя Гвидо и думалъ о томъ, что ему слѣдовало бы, собственно, самому теперь прибѣжать къ Шарлоттѣ, высказать ей свое сочувствіе... Но мыслимо ли это? Послѣ всего того, чтò у нихъ произошло наканунѣ, оставалось только пойти къ Мартинѣ и сказать:

„Мой долгъ быть теперь тамъ, подлѣ Шарлотты!—но это было бы уже совсѣмъ смѣшно! Онъ почти раскаивался въ томъ, что такъ поспѣшилъ сказать женѣ про свой разрывъ съ Баумейстерами...“

„Въ сущности, — почему знать? Можетъ быть, Шарлотта меня и не приметъ? Или, пожалуй, сама пришлетъ сказать, что желаетъ отклонить мое посѣщеніе? Ну, тогда значить у меня съ Мариною было совершенно напрасно лишнее столкновеніе... И какъ ужь эти столкновенія меня утомляютъ!..“

Припомнились ему слухи про фирму Баумейстеръ, и опять боязнь за Шарлотту защемила сердце. „Вѣрно она давно уже

подозрѣвала что-либо подобное, и какъ ей это было тяжело переживать!

„Да нѣтъ! Такія крупныя фирмы никогда не рушатся совершенно; Шарлоттѣ, конечно, останется хоть что-нибудь—ну, хоть настолько, чтобы прожить безбѣдно. Но если это правда, если *все* погубило? Тогда какъ разъ слѣдуетъ ему—Гвидо, показать, что онъ не какой-нибудь неблагодарный.

„Еще успѣю это доказать, когда выяснится на дѣлѣ, а пока... Мартина права, что прежде всего ей принадлежать мои труды и заботы. Бракъ—великая задача; отъ удачнаго выполненія ея зависитъ благосостояніе цѣлаго государства. Кто разъ рѣшился взять ее на себя, тотъ долженъ, не жалѣя, своими руками, безжалостно отстранять все, что можетъ служить помѣхой ему на пути. Уравновѣшеніе двухъ характеровъ, развившихся при совершенно различныхъ условіяхъ, всегда было и будетъ тяжелой и медлительной работой. Все у меня въ жизни сложилось иначе. Прежде всего, Нини неподатлива, и отчасти это даже хорошо; это показываетъ съ ея стороны твердость убѣжденій. Я буду, я долженъ быть счастливъ и съ *такою* Нини! А любить она меня страстно, и я обязанъ быть ей за это благодаренъ. Самая благодарная задача въ наше время: усовершенствоваться лично для себя; а съ ханжествомъ и излишней чувствительностью никогда личность человѣка не сдѣлается ни въ чемъ выдающейся...“

Такими общими мѣстами старался онъ оправдать себя въ своихъ же глазахъ и убѣдить себя, что не слабостью, а силой духа вызваны его поступки. Придя въ такому заключенію, онъ сталъ свободнѣе обсуждать послѣднее событіе, стараясь представить себѣ, что теперь дѣлаетъ Шарлотта. И въ тотъ же мигъ, передъ его мысленными очами, какъ живыя, встали обѣ: она и Сальватриса. Послѣдняя смотрѣла на него своимъ глубокимъ, грустнымъ взглядомъ...

„О, да, — Мартина не ошиблась: ея ревность совершенно вѣрно подсказала ей, что Гвидо могъ бы полюбить эту нѣжную дѣвушку, полную женственной прелести. А Шарлотта? Ему казалось, что она стоитъ передъ нимъ, какъ бы ограждая Сальватрису своими объятіями отъ бѣды, а ея умное лицо съ сосредоточеннымъ выраженіемъ смотрѣло на него... но не сурово, нѣтъ! Скорѣе—съ удивленіемъ, какъ бы спрашивая безъ словъ:—Какъ могъ ты,—ты, которому я посвятила лучшую часть моей жизни, *такъ* со мною поступить?—И въ углахъ ея рта, казалось, сложилась складка презрѣнія и душевной боли...

На лицѣ Гвидо появилась краска стыда.

Онъ вскочилъ недовольный собою и быстрыми шагами пошелъ по направленію въ городу.

„Я, кажется, что-то ужъ черезчуръ разнервничался! — подумалъ онъ. — Вѣдь я же поступаю, какъ мнѣ долгъ велить. Въ моемъ прежнемъ кругу Нини не чувствуетъ себя счастливой, а я нисколько не сочувствую той обстановкѣ, въ которой она выросла. Ну, что-жь? Мы сообща создадимъ себѣ свой новый міръ, въ которомъ и найдемъ свое взаимное счастье“.

Дома онъ тотчасъ же по лицу Мартины догадался, что ей уже все извѣстно.

— Что ты намѣренъ дѣлать? — спросила она съ внутреннимъ содроганіемъ.

— Думаю послать Шарлоттѣ телеграмму за подписью насъ обоихъ; затѣмъ, мы выберемъ и пошлемъ самый дорогой вѣнокъ, какой можно себѣ представить. Кромѣ того и я самъ пойду проводить покойника. Ну, чего же больше?

— Весьма тактично съ твоей стороны! — похвалила обрадованная Мартина. — Сейчасъ пойду за вѣнкомъ и, кстати, всѣ эти дни буду ходить въ черномъ: никому нѣтъ необходимости сейчасъ же знать, что мы...

Гвидо, въ свою очередь, нашелъ, что это разсужденіе вполне правильно и похвалилъ жену, но та не приняла его одобренія.

— Какъ настоящая дама, я прекрасно знаю, чтѣ и когда нужно!..

Успокоенный на ея счетъ, Гвидо могъ теперь идти на работу. Но это спокойствіе было какое-то невеселое, понурое.

Въ тотъ же день, послѣ полудня, въ нему въ бюро зашелъ м-ръ Ноттеръ съ другомъ своимъ, Тейшеромъ-старшимъ. Оба являли признаки самаго радостнаго возбужденія. Американецъ уже принялъ нѣкоторыя мѣры къ тому, чтобы приобрѣсти самое подходящее мѣсто для своей виллы и надѣялся даже вскорѣ осуществить свою мечту: еще нѣсколько дней — и весьма возможно, что живописныя владѣнія Баумейстеровъ перейдутъ въ его руки...

И въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько дней спустя, Гвидо прочелъ въ газетахъ, что фирмѣ Баумейстеръ разрѣшено пустить въ продажу родовое недвижимое имущество и что, конечно, первымъ дѣломъ предъявятъ свои претензіи вдова покойнаго и кураторы.

Но это дѣло, по всей вѣроятности, будетъ выяснено не ранѣе, какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ... Однако, м-ръ Ноттеръ судилъ иначе, и двѣ недѣли спустя послѣ смерти Баумейстера

его владѣнія перешли въ собственность америванца за триста-тысячъ марокъ. Услыша эту вѣсть, Гвидо почувствовалъ себя дурно,—и не столько физически, сколько нравственно. Вся его радость объ этомъ заказѣ пропала, и ему стало чудиться, что судьба складывается все нарочно такъ, чтобы его добить.

На похоронахъ Баумейстера онъ чувствовалъ себя совсѣмъ чужимъ и лишнимъ, и ему казалось, что всѣ какъ-то особенно на него смотрять, будто имъ уже извѣстно, что онъ совсѣмъ порвалъ съ Шарлоттой. Но это ему только такъ казалось. Кромѣ Филиппа, который дѣйствительно его сторонился, никто еще не зналъ о разрывѣ.

Вернувшись домой, онъ обо всемъ рассказалъ женѣ, и та озабоченно проговорила:

— Только бы Филиппъ не зашелъ слишкомъ далеко съ этою голландскою миллионершей, пока у нея было состояніе! Какое очутиться съ безприданницей невѣстой на рукахъ? А онъ ужъ вѣрно очень съ ними близокъ, если не отстаеъ даже при такихъ обстоятельствахъ.

Прошло нѣсколько дней, и Нини сообщила мужу, что въ ней заходилъ Филиппъ проститься. Ея негодованіе не знало границъ, но все-таки она умолчала, что братъ осыпалъ ее самыми горячими упреками и что она отвѣчала ему грубо и озлобленно. Гвидо было только доложено, что братъ — „съ ума сошелъ: послалъ свою живопись къ чорту“.

— Съ меня (говорить) довольно и того, что до сихъ поръ на меня смотрѣли снисходительно и только изъ милости покупали мою работу въ награду за мои свѣтскія заслуги, за то, что я „милый человѣкъ“. Довольно! Не хочу больше быть „милымъ человѣкомъ“; буду просто дѣльнымъ труженникомъ, вотъ и все!.. Для начала, попробую пока кое-какъ перебиться въ качествѣ художника-рецензента, и въ то же время буду усердно прискивать себѣ подходящее занятіе,—ну, хоть, напримѣръ, помощника директора какого-нибудь музея. Это дастъ мнѣ двѣ тысячи марокъ въ годъ и въ то же время мнѣ можно будетъ еще подѣлаться...

— Какъ будто Филиппъ еще недостаточно образованъ!—прибавила отъ себя Мартина, приводя слова брата. — Ну, а дальше что? Что изъ этого можетъ выйти?—спросила она его тогда.

— О, весьма многое!—отвѣтилъ онъ.—Я могу сдѣлаться директоромъ картинной галереи, издателемъ художественнаго періодическаго изданія, завѣдующимъ постоянной выставкой кар-

тинъ, хранителемъ музея... Все дѣло въ томъ, чтобы сначала сдѣлать извѣстнымъ свое имя и быть признаннымъ какъ хороший работникъ и знатокъ своего дѣла.

Искреннее, теплое сочувствіе Филиппу шевельнулось въ душѣ Гвидо.

— Онъ—славный малый и смѣлый человѣкъ! Жаль, что меня не было дома, я предложилъ бы ему свою помощь!—замѣтилъ онъ женѣ.

— Вотъ глупости!—возразила мужу Мартина.—Намъ и самимъ эти деньги могутъ пригодиться. Тебѣ они тоже нелегко достаются.

XXI.

Въ одинъ прекрасный день Нини опять обратилась къ мужу съ жалобами на новую обиду: Анна-Марія видала ее на улицѣ и не поклонилась!

На лицѣ Гвидо собралась цѣлая туча; за послѣднее время онъ сталъ въ высшей степени раздражителенъ. Прежде чѣмъ продолжать разговоръ, онъ потребовалъ, чтобы жена ему рассказала все подробно.

— Анна-Мія шла съ цѣлой свитой по берегу озера. Впереди нарядная нянька везла англійскую дѣтскую коляску на высокихъ колесахъ; на высококомъ шотландскомъ чепцѣ няньки развѣвались длинныя ленты и чуть не въ лицо хлестали прохожихъ. Рядомъ, по правую сторону коляски шла какая-то незнакомая молодая дама и обѣ,—какъ она, такъ и Анна-Марія,—проходя мимо меня, какъ бы шутя нагнулись къ маленькому Бобу...—повѣствовала Мартина.

— Ну,—возразилъ Гвидо:—это могла быть простая случайность.

— Нѣтъ, нѣтъ!—настаивала на своемъ жена:—онѣ это сдѣлали нарочно! Именно нарочно! Ты долженъ непременно потребовать отъ Роберта объясненій.

Въ преданности Роберта она не сомнѣвалась; онъ чуть не каждый день забѣгалъ къ ней хоть на четверть часа поболтать.

— Онъ ей такого пропишетъ! Не будетъ она больше носъ заирать!—говорила увѣренно Мартина.

Робертъ пришелъ, но твердо настаивалъ на томъ, что это была простая случайность; а самъ въ то же время думалъ про себя:

— Моя Анна-Міа просто — меня ревнуетъ! Конечно, это глупо съ ея стороны. Почему мнѣ не бывать у жены Гвидо „en bon samarite“? Все-таки вѣдь она чародѣйка первый сортъ!

Однако, на другой же день онъ опять явился и, повидимому, съ приготовленнымъ объясненіемъ. На немъ былъ длинный черный сюртукъ, съ безуворизненнымъ галстукомъ, онъ вошелъ со шляпою въ рукѣ и вообще поступью и осанкой проявлялъ нѣкоторую торжественность настроенія; особенно если принять во вниманіе, что онъ счелъ нужнымъ нарядиться въ такой жаркій день.

Раскланявшись съ Мартиной, какъ будто только-что былъ ей представленъ, онъ сѣлъ и такъ смущенно поглядывалъ въ самое доннышко своего цилиндра, что Гвидо размѣялся.

— Это новость! Ты — и вдругъ робѣешь, какъ дѣвочка-подростокъ, которая въ первый разъ въ жизни выѣзжаетъ безъ мамыши.

— Я не робѣю, но я дѣйствительно немножко смущенъ. Я не знаю, какъ сказать то, что мнѣ нужно, въ присутствіи твоей жены.

— Итакъ, Нини: прошу покорно оставить насъ!—воскликнулъ Гвидо.

— О, нѣтъ! Мы съ Робертомъ друзья; онъ можетъ смѣло говорить все, что угодно. Другое дѣло, если это дѣловые разговоры: я запаха ихъ не терплю! Слишкомъ ужъ они для меня скучны!

Робертъ молча вертѣлъ въ рукахъ свой цилиндръ, разглядывая его, словно собирался его покупать.

— Это касается Шарлотты Баумейстеръ,—сказалъ онъ.— Я спрашивалъ Анну-Мію по поводу того... вашей встрѣчи. Дѣйствительно, она имѣетъ кое-что противъ васъ, фрау Нини. Анна-Міа говоритъ, что если бы не вы, никогда до этого бы не дошло. И она мнѣ еще сказала, что если бы не вы, никогда Гвидо не разошелся бы съ Баумейстерами, и что я долженъ съ вами объ этомъ переговорить и постараться подѣйствовать на вашу совѣсть.

— Вотъ какъ? Такъ думаетъ Анна-Марія?—запальчиво подхватила Мартина.—Нечего сказать, хорошъ мужчина, который бѣжить, куда его ни пошлетъ жена...

Она насмѣшливо расхохоталась.

Роберта разсердилъ ея смѣхъ и это вернуло ему самоуверенность.

— Я самъ давно пришелъ бы вамъ это сказать; но я тогда еще не зналъ. Мнѣ никто въ мирѣ словомъ не обмолвился объ этомъ, ни Шарлотта, ни Анна-Мія: слишкомъ онѣ для этого деликатны. Да и вы сами... тѣмъ болѣе, что вы чувствуете себя виноватой. Гвидо! Какъ ты могъ это позволить? Это—самая черная неблагодарность! Она тебѣ отдала лично ей принадлежавшія деньги; она ухаживала за тобой, когда ты былъ боленъ скарлатиной, не отходила отъ твоей постели.

Гвидо побѣлѣлъ какъ смерть.

— Ты злоупотребляешь правами дружбы и гостепріимства. Это—мой личный дѣла, ты самъ жаловался мнѣ еще недавно, что тебѣ не удастся оградить жену отъ тиранства матери твоей.

— Это совсѣмъ другое дѣло!—внѣ себя воскликнулъ Робертъ.

— Нѣтъ, почему жъ другое? Я съ самаго начала долженъ былъ выслушивать разсужденія Шарлотты о томъ, что моя женитьба, мой выборъ ей не по вкусу. Тѣмъ лучше, что онѣ не вмѣстѣ; а что я не позволю никому смотрѣть на жену мою свысока, въ томъ, я думаю, порукою мнѣ мой характеръ.

— Ахъ, вздоръ какой! Никто ничего дурного твоей женѣ не дѣлалъ. Такая чрезмѣрная чувствительность всегда происходитъ единственно отъ сознанія, что чувствуешь себя не на высотѣ того... то-есть... я хочу сказать, что все это дѣло воспитанія и образованія... Чортъ побери! совсѣмъ не то! я не хочу никого обидѣть, а только... Ну, словомъ, вотъ чтѣ я хочу сказать: такія женщины, какъ, на примѣръ, твоя жена, не виноваты, что онѣ не привыкли имѣть дѣло съ благовоспитанными дамами...

Въ своихъ стараніяхъ исправить неожиданно сорвавшуюся грубость, бѣдный Робертъ запутывался все больше и больше. Лицо его пылало.

Гвидо пришелъ въ бѣшенство; слова не шли ему на языкъ, а Мартина кричала:

— На той высотѣ, на которой стоитъ ваша жена? Да я чувствую, что я въ десять разъ выше нея! Я себѣ не позволю никогда, чтобы для меня служило мѣриломъ такое ничтожнѣйшее существо, какъ ваша Анна-Мія!

Тутъ ужъ Робертъ сдѣлался просто грубъ и не изъ чувства беззащитности или озлобленія, а потому, что его возмутило глубоко, какъ это какая-нибудь Нини, которая ему годилась только для забавы, смѣла говорить такъ грубо объ его чудной, его несравненной Аннѣ-Міи?

Мужья заспорили горячо и необузданно, какъ спорили еще бывало въ дѣтствѣ, когда были шалунами-мальчишками, но теперь и самый поводъ къ спорамъ, и его послѣдствія горько отозвались на нихъ. Въ заключеніе, Мартина бросилась на диванъ и разрыдалась до судорогъ.

Подавленный гнѣвомъ и ужасомъ, Гвидо показалъ товарищу на дверь.

Робертъ ушелъ, и другъ его былъ увѣренъ, что онъ никогда больше къ нему не вернется.

Гвидо остался безъ товарища и друга.

Такихъ же возрѣній, какъ Робертъ, придерживались всѣ другіе; за спиной у Фабаріуса только и рѣчи было, что о скандалѣ его разрыва съ Баумейстерами. Кстати, многіе припоминали, что они не разъ предупреждали Шарлотту, что ея несказанная доброта отольется на ней полной неблагодарностью ея любимца; что происхожденіе и первоначальное воспитаніе Гвидо дадутъ себя знать; и всѣ сходились на единодушномъ убѣжденіи, что его врожденная грубость и низкое происхожденіе снова на немъ отзовутся, если онъ женится на женщинѣ съ черствымъ сердцемъ и низменнаго круга... Впрочемъ, встрѣчаясь на улицѣ съ четою Фабаріусъ, всякій считалъ своимъ долгомъ отдать поклонъ и даже обмѣняться двумя словами.

— Вѣдь все-таки онъ человѣкъ съ видною карьерой впереди, — говорили люди. — Къ чему быть грубымъ безъ особой нужды?

Гвидо понималъ эти разсужденія, потому что зналъ свѣтскіе порядки и самъ поступалъ, въ подобныхъ случаяхъ, такъ же точно, несмотря на то, что надъ такими людьми самъ же смѣялся. Теперь, когда это касалось его лично, онъ по своей доброй волѣ оставался глухъ и слѣпъ, и каждой, самой пустой любезности, которую ему случалось встрѣтить, придавалъ значеніе серьезнаго доброжелательства.

Изъ его знакомыхъ больше всѣхъ сообщалъ ему разныхъ новостей и слуховъ его бывший товарищъ Тейшеръ, который имѣлъ дѣла съ фирмою Пербрандъ и на биржѣ, гдѣ ежедневно видѣлся съ Робертомъ.

Черезъ Тейшера Гвидо узналъ, что Шарлотта собиралась сперва переѣхать временно въ свой городской домъ, — старое гнѣздо семьи Фольрадовъ. Какъ она сама, такъ и ея племянница держатъ себя съ неподражаемымъ совершенствомъ.

Всѣхъ прислугъ онѣ разсчитали, кромѣ одной только гор-

ничной, которая уже много лѣтъ служить въ семействѣ Баумейстеровъ...

— А, вѣрно Минна!—догадался Гвидо.

— Въ своемъ домѣ Шарлотта будетъ занимать только четыре комнаты,—сообщилъ Тейшеръ,—потому что она не хочетъ брать ни гроша отъ фирмы. Она сама и Сальватриса живутъ на тѣ незначительные проценты, которые послѣдняя получаетъ изъ Голландіи отъ своихъ опекуновъ: ей еще нѣтъ двадцати одного года. Конечно, это еще не ничто, въ точномъ смыслѣ слова, но все-таки переходъ отъ дохода въ полтораста тысячъ марокъ къ шести тысячамъ не можетъ не отозваться тяжело на привычкахъ и на образѣ жизни обѣихъ женщинъ.

Со стороны фрау Баумейстеръ непростительно, что она не беретъ хоть часть своихъ денегъ изъ дѣла, но она возражаетъ, что всегда успѣетъ, если эти деньги начнутъ приносить большой доходъ...

Когда ему случалось слышать подобныя вѣсти, Гвидо избѣгалъ нѣкоторое время послѣ того встрѣчаться съ женой и вообще старался больше работать внѣ дома, нежели это было дѣйствительно необходимо.

Какъ-то разъ онъ сказалъ Мартинѣ:

— Если въ самомъ дѣлѣ выяснится, что фирма Баумейстеръ обанкрутилась, я долженъ буду позаботиться о томъ, чтобы какъ можно скорѣе возвратить Шарлоттѣ тѣ деньги, которыя она мнѣ дала. Мы будемъ всячески стараться экономить.

— Конечно, — согласилась Мартина. — Само собою разумѣется... То-есть, самый капиталъ безъ процентовъ, который она тебѣ дала, чтобы обзавестись своимъ домомъ... Хотя собственно говоря, это былъ скорѣе какъ бы маленькій подарокъ, нежели заемъ. Въ концѣ концовъ, твоя Баумейстеръ будетъ даже рада, что ея маленькое состоянъице хоть одному человѣку пошло на пользу; а не то, и оно погубило бы въ этой бездонной бочкѣ. Для тебя все-таки лучше выждать, пока выяснится вопросъ, дѣйствительно ли фирма прогорѣла, а до тѣхъ поръ было бы просто глупо отдать деньги: онѣ такъ и сгинутъ въ общей массѣ. Подождемъ еще: это разумнѣе всего.

„И въ самомъ дѣлѣ, какъ умно она разсуждаетъ“, — думалъ про себя Гвидо, и вдругъ Нини замѣтила, что онъ сильно вздрогнулъ, какъ будто его окатили ледяной водою.

— Чего ты?—спросила она.

— Ты не должна бы безпрестанно называть ее твоя „Баумейстеръ!“ — отвѣтилъ онъ, чтобы хоть что-нибудь сказать.

— Ахъ, Боже ты мой! Ну, такъ „ея сiятельство“, и такъ дагбѣ!..

Насталъ день, когда Гвидо пришлось отправиться на виллу Баумейстера, чтобы присутствовать при окончательной ломкѣ. Онъ взялъ коляску, чтобы избѣжать встрѣчи со знакомыми, что всегда возможно на желѣзной дорогѣ; ему хотѣлось побыть одному.

Подъѣзжая, онъ издали завидѣлъ домъ, въ которомъ еще недавно жила Шарлотта, и пришелъ въ ужасъ. Высокія раскидистыя деревья передъ домомъ срублены, а на ихъ мѣстѣ свалены груды новыхъ досокъ и бревенъ, которыя должны служить для новаго зданія. Окна выломаны, и черныя, глубокія отверстія, какъ ввалившіяся глазныя впадины слѣпного, смотрятъ безнадежно, словно выплакавшія всѣ свои слезы.

Гвидо едва кивнулъ въ отвѣтъ на привѣтствія рабочихъ и поспѣшилъ войти въ домъ. Его шаги гулко прозвучали надъ каменнымъ поломъ; прежде здѣсь ходили по толстымъ цыновкамъ, заглушавшимъ шаги. Нигдѣ не осталось ни одной двери; вмѣсто нихъ пустыя отверстія въ обнаженныхъ стѣнахъ.

Столовая показалась ему невѣроятно большой залой; въ его воспоминаніи всѣ комнаты казались такими уютными, почти маленькими. Яркій (безпощадно яркій) свѣтъ вливался со всѣхъ сторонъ снаружи. Задній фасадъ дома также стоялъ уже безъ оконныхъ рамъ. Но до сихъ поръ еще висѣлъ на стѣнѣ большой коверъ, на которомъ столько лѣтъ Гвидо неизмѣнно видѣлъ фамильные портреты.

Ихъ нѣтъ; они давно ужъ сняты; но тѣ мѣста, гдѣ они висѣли, рѣзко отличаются отъ остального мѣста. Господи, какой же это былъ большой, поблекшій, безобразный старомодный коверъ! Только теперь это ясно видно...

Гвидо припомнилъ все, все по порядку.

„Вонъ тотъ большой квадратъ—портретъ прабабушки; тотъ продолговатый, узкій—старая картина пастелью: восхожденіе на костеръ Орлеанской дѣвы; большой квадратъ надъ письменнымъ столомъ Шарлотты,—портретъ Баумейстера, а тутъ вотъ, по-ниже—мой!..“

Ему больно было это видѣть... мучительно и больно.

Гвидо вышелъ въ садъ и дошелъ до самой рѣшетки террасы. Вокругъ все было окутано печальнымъ, сѣроватымъ свѣтомъ. Тихо-тихо плыло мимо теченіе; тихо тянулся по немъ бумсирный пароходъ, волоча за собою вереницу баржъ; нигдѣ

ни паруса. Надъ озеромъ, какъ на ладони, на возвышеніи стоялъ старинный, величавый домъ, какъ бы пренебрегая какими бы то ни было украшеніями для того, чтобы привлечь на себя вниманіе, полный самоувѣреннаго изящества.

И вотъ, на его мѣстѣ скоро будетъ возвышаться въ своей вызывающей красѣ роскошное зданіе какого-то американскаго выскочки милліонера.

По спинѣ Гвидо пробѣжалъ холодокъ.

„Не символъ ли всего живущаго—эта игра совпадений?—думалось ему. — Чтѣ возвышаетъ одного, то самое низвергаетъ другого...“ И ему начинало казаться, что по отношенію къ нему это даже не простая случайность, а нарочно созданное положеніе дѣлъ, злорадно обдуманное и приведенное въ исполненіе какими-то таинственными, безплотными силами, карательно настроенными по отношенію къ нему... Пытаясь отогнать отъ себя мрачныя мысли, Гвидо заставилъ себя думать только о громадныхъ преимуществахъ, которыя должна представлять для него эта работа.

„Возведеніе этого дворца далеко прославить имя строителя. Ни одно заграничное судно, ни одинъ изъ пассажировъ не пропуститъ случая полюбоваться дивнымъ созданіемъ архитектурнаго искусства; каждый спроситъ непременно:—Чей это роскошный замокъ? Кто его строилъ?—Въ каждомъ „Путеводителѣ“ будетъ значиться это роскошное сооруженіе, съ совѣтомъ, на придачу, отнюдь не пропуститъ удовольствіе полюбоваться этимъ выдающимся явленіемъ... Да, я могу гордиться дѣломъ рукъ своихъ! Знаю, что всѣ мои коллеги мнѣ завидуютъ... а между тѣмъ...“

А между тѣмъ, ему было жутко, что здѣсь, именно здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ ему суждено достигнуть цѣли всѣхъ его трудовъ, его стремленій.

„Какъ любила Шарлотта этотъ садъ! Онъ былъ ея гордостью; на каждомъ шагу виднѣлись слѣды ея неустанныхъ заботъ. Воображаю, какихъ мукъ ей стоила разлука съ нимъ! Знаетъ ли она, что это я, именно я, а не кто другой,—разрушаю ея родовое гнѣздо? Я думаю, обѣ женщины за это меня презираютъ?.. Но не могъ же я, въ самомъ дѣлѣ, отказаться отъ такого выгоднаго предложенія? Да это сумасшествіе! Я обязанъ заботиться о будущности своей семьи!“

Напрягая всѣ свои мысли, онъ думалъ о томъ, что Мартина скоро будетъ матерью, и тогда, конечно, ея характеръ самъ собою станетъ мягче. Сама природа будетъ ей учителемъ

и самымъ убѣдительнымъ образомъ научить ее своей всемогущей властью не думать только о себѣ, исключительно о себѣ одной...

Священныя, въ его глазахъ, свѣтлыя надежды шевельнулись въ душѣ Гвидо...

Въ воздухѣ тяжелымъ, страшнымъ грохотомъ пронесся высоко надъ нимъ тупой ударъ молота, — первый ударъ безжалостнаго разрушенія...

Въ ужасѣ Гвидо невольно закрылъ глаза и ухватился рукою за рѣшетку, чтобы устоять на ногахъ.

XXII.

Тѣмъ временемъ, дома у него не скучали.

Мать Мартины вернулась изъ своей поѣздки въ Гельголандъ, и про гнѣвъ Гвидо не было теперь помину; онъ самъ говорилъ себѣ въ оправданіе:

„Нини такъ страстно любить свою мать; было бы вопіющей несправедливостью ихъ разлучить, — и про его приказаніе, — „чтобъ никогда въ жизни нога ея не была у него въ домѣ“, онъ самъ старался позабыть.

На этотъ разъ, Асминда Кальковская могла прогостить у „дѣтей своихъ“ нѣсколько недѣль. Ея служба начиналась только съ 1-го сентября; въ Берлинѣ только-что отстроился новый театръ, и ей удалось получить туда ангажементъ. Ея присутствіе тѣмъ болѣе придавало оживленія всему дому, что она представила его молодымъ хозяйкамъ дочь своей бывшей подруги по театру, нѣвою Мицци Ганъ, занимавшую амплу субретокъ въ театрѣ Карла Шульца. Въ домѣ Фабаріусовъ съ нею познакомился товарищъ Гвидо, Грэфенгагенъ, сдѣлалъ ей предложеніе, и эффектная дѣвица съ пышной модной кудрявой прической, съ большими невинными голубыми глазами и наивно-раскатыстымъ смѣхомъ, при которомъ весело сверкали ея жемчужныя зубки, сдѣлалась его невѣстой. Будущая чета Грэфенгагенъ чрезвычайно оживляла окружающихъ, а Мартина, восторгавшаяся ихъ помолвкой, то-и-дѣло устраивала какія-нибудь пріятныя развлечения, въ которыхъ принимали участіе Пейшеры и м-ръ Ноттеръ.

Экономить все какъ-то не удавалось. Мартина доказала мужу, что держать одну лошадь и собственный экипажъ несравненно выгоднѣе, чѣмъ переплачивать безпрестанно извозчикамъ и желѣзнымъ дорогамъ. И Гвидо согласился съ доводами жены. Какъ-то

незамѣтно и почти нечаянно такъ случилось, что у нихъ появились почти одновременно еще лошадь и воляска.

„Чего ради лишать себя удовольствія? — разсуждала Мартина. — Мужу страшно везеть; его виλλα, еще вчера, уже нашла себѣ выгоднаго покупателя, который хочетъ, чтобъ она была окончена, какъ можно скорѣе. Всю зиму будутъ продолжать работать при свѣтѣ костровъ.“

При такомъ положеніи дѣлъ, Гвидо было не до того, чтобы замѣчать, что происходитъ у него въ домѣ. Въ одинъ прекрасный день Мартинѣ показалось, что мужъ въ ней пережѣнился и чрезвычайно рѣдко поддавался порывамъ прежней страсти; зато въ обществѣ онъ былъ замѣтно веселѣе прежняго, даже, пожалуй, слишкомъ веселъ.

Всѣ радости, заботы своего супружескаго счастья Мартина дѣлила теперь съ своей новой знакомой — Мицци Ганъ. Стыдливость душевная была ей незнакома, и она вскорѣ повѣдала подругѣ, что мужъ въ ней охладѣлъ.

— Ну, онъ просто слишкомъ занятъ дѣлами, — замѣтила та.

— Нѣтъ, — возразила Мартина, — надо непремѣнно пробудить въ немъ ревность.

И она принялась усердно кокетничать съ Тейшеромъ-младшимъ.

Ея выдумка имѣла успѣхъ и даже двойной: мужъ дѣйствительно началъ ее ревновать, а Тейшеръ принялъ ея заигрываніе за чистую монету.

Нѣсколько недѣль длилось упоеніе обновленной страстью, которая съ прежнимъ пыломъ охватила Гвидо, и за все это время онъ только и видѣлъ въ Мартинѣ самыя отрадныя особенности ея характера, которыя помогали ея умѣнью разливать вокругъ самую пріятную, беззаботную веселость. А такъ какъ при этомъ всѣ творили ея волю, то и она была всегда неизмѣнно добродушна и полна восхищенія предъ своимъ мужемъ.

Настала осень, — настоящая унылая, сырая осень, какія бываютъ только на берегу моря и мало отличаются отъ ненастной зимы.

Какъ-то разъ, когда у Фабаріусовъ былъ назначенъ большой обѣдъ, Гвидо вошелъ въ столовую, но не съ тѣмъ, чтобы приглядѣть за хозяйствомъ, въ которое онъ не вмѣшивался, а такъ, мимоходомъ, ужъ совсѣмъ одѣтый. Тамъ столъ былъ уже накрытъ и официантъ зажигалъ лампы.

— Кэръ! — воскликнулъ Гвидо, когда слуга сталъ въ нему лицомъ.

— Да, это я,—подтвердилъ тотъ. —Я женился на Ленѣ,—помните вухарку?—и пошелъ въ официанты. Мы держимъ зеленую лавочку...

— Какъ вы сюда попали?—спросилъ Гвидо сурово.

— Мой товарищъ Пэмеллеръ...—тихо отвѣтилъ тотъ.—Ему поручили привести съ собой еще одного лакея... Я не зналъ, что вамъ будетъ неприятно...

Гвидо пришелъ въ себя и съ натянутымъ радушіемъ потрепалъ его по плечу.

— Нѣтъ, чѣмъ же это можетъ быть мнѣ неприятно?—возразилъ онъ.—Напротивъ, милый мой, я даже радъ, что вы опять будете подавать мнѣ супъ.

А въ то же время думалъ:

„Этотъ лакей, которому я плачу за услуги десять марокъ въ день, критикуетъ и меня самого, и мое поведеніе“.—Онъ обдернулъ жилетъ, точно въ этомъ была крайняя необходимость, вынулъ свой шелковый платочекъ и опять сунулъ его въ карманъ; наконецъ, запинаясь, съ трудомъ проговорилъ:

— Ну, вотъ... мнѣ хотѣлось бы спросить... Скажите, вы иногда бываете у... фрау Баумейстеръ?

Безбородое лицо официанта просіяло:

— Еще бы! Конечно, бываю,—произнесъ онъ оживленно и потянулся зажечь лампу на высокой колонкѣ: —Лена ходитъ каждую недѣлю, а я порѣже. Ну, знаете сами, что за домъ былъ у нашихъ Баумейстеровъ, и вдругъ пришлось такъ жить! Не заслужила этого сама фрау Баумейстеръ, и очень это ее подвосило! Сейчасъ видно по ней. Она держалась гордо, а теперь еще того больше, говорятъ, она вся сѣдая стала. И ни отъ кого не беретъ ни крохи, даже если ей чтò слѣдуетъ по праву. Но отъ Лены она беретъ, и мы очень этимъ гордимся. Лена приноситъ имъ то яблочковъ, то зелени какой, а она такъ ее благодаритъ, что Лена плачетъ каждый разъ. Наша Минна вѣдь при нихъ осталась: за двумя работами вѣдь немного и обѣ—фрау Баумейстеръ и барышня—очень многое дѣлаютъ въ домѣ сами.

„Вѣрные слуги! Добрые, вѣрные слуги!..“—думалъ Гвидо, и передъ ними ему было стыдно за себя. Онъ почувствовалъ, что этотъ Кэръ больше не простой слуга въ его глазахъ, а человѣкъ ему близкій, связанный съ нимъ воспоминаніями о быломъ.

— Кэръ!—глухимъ голосомъ обратился онъ къ официанту.—Вы знаете, конечно, что я... что мы разошлись... Но я надѣюсь...

какъ-нибудь... случай поможетъ... Я только того и жду...—онъ вдругъ остановился: передъ нимъ была Мартина.

— Ну, что?.. Чего ты такъ неласково смотришь на меня? Или тебѣ не нравится зеленое платье?—воскликнула она.—Говори сейчасъ же: оно мнѣ не къ лицу? И безъ того я живу въ постоянномъ безпокойствѣ, что съ каждымъ днемъ дурнѣю.

Гвидо сказалъ женѣ какую-то любезность; но гости и обѣдъ, вся его торжественная обстановка были для него настоящей пыткой. Глядя на Кэра, онъ непрерывно думалъ:

„Никто изъ этого общества не былъ принятъ у Баумейстеровъ. Что подумаетъ Кэръ объ излишнемъ шумѣ? Расскажетъ ли, какъ мы живемъ? Слуги, иной разъ, судятъ очень мѣтко. Что подумаетъ Кэръ? Къ какому разряду причислить эту компанію: ко второму или даже къ третьему?“

Вскорѣ послѣ того состоялась свадьба Графенгагена, блестяще отпразднованная въ „Hamburger-Hof“ъ. На Мартинѣ было роскошнѣйшее платье; она страшно затянулась и танцевала до упаду. На всѣ мольбы и увѣщанія мужа она отвѣчала веселымъ смѣхомъ и увѣреніемъ, что чувствуетъ себя превосходно!..

Время шло день за днемъ, недѣля за недѣлей... Вотъ и Рождество! А Гвидо все еще не узналъ ничего опредѣленнаго насчетъ денежнаго положенія Шарлотты, и это его безпокоитъ. Но у него такое множество своихъ дѣлъ и тревогъ! Мудрено ли, что всюду заразъ не успѣваешь?..

Въ Рождественскій сочельникъ, безъ вѣдома жены, онъ зашелъ тайкомъ въ цвѣточный магазинъ и заказалъ двѣ чудеснѣйшихъ корзины: одну всю изъ ландышей (съ корнями), другую изъ весеннихъ цвѣтовъ. Обѣ предназначались Шарлоттѣ и Сальватрисѣ, но анонимно, безъ карточки поздравителя.

Продавщица многозначительно усмѣхнулась и прибавила:

— Кажется, всѣ знакомые этихъ бѣдныхъ дамъ сговорились засыпать ихъ сегодня цвѣтами! До васъ мы уже получили пять заказовъ.

Даже и тутъ другіе его предупредили! Даже цвѣты—и тѣ не вызовутъ въ Шарлоттѣ напоминанія о томъ, что Гвидо робко, съ прежней нѣжностью о ней подумалъ! И тихой радости, которую мысль эта наполняла ему душу,—какъ не бывало.

На Рождество Филиппъ прислалъ имъ вѣсточку о себѣ. Все у него шло хорошо. Благодаря своему многочисленному свѣтскому знакомству, онъ могъ довольно скоро осуществить свою мечту.

Сначала, изъ любезности, одинъ крупный издатель разрѣ-

шилъ ему попробовать въ его газетѣ свои силы. Статейка была напечатана, обратила на себя вниманіе, и его *просили* непременно продолжать свое сотрудничество. Такимъ образомъ, Филиппъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ одной изъ крупнѣйшихъ газетъ, рецензентомъ-художникомъ, что давало ему какихъ-нибудь сто-двадцать марокъ въ мѣсяцъ; но въ ожиданіи большаго, онъ продолжалъ еще пока давать уроки живописи по фарфору.

Главный успѣхъ, конечно, былъ не въ деньгахъ, а въ томъ, что его статьи, которымъ, по своей природной скромности, онъ не придавалъ особенной цѣны, оказались весьма цѣнными для людей, причастныхъ къ живописи. Въ нихъ говорилось о выставкахъ, о новыхъ картинахъ, поступившихъ въ продажу въ магазинахъ, о посѣщеніи извѣстныхъ мастерскихъ... И такой успѣхъ имѣли всѣ его отчеты, что Филиппъ только съ досадой удивлялся, отчего ему раньше никогда въ голову не приходило попробовать свои силы на этомъ поприщѣ?

„Одно изъ самыхъ извѣстныхъ художественныхъ изданій въ Вѣнѣ поручило мнѣ составить для него цѣлый рядъ статей объ испанцахъ XVII-го вѣка въ связи со школой живописи въ Валенсіи и съ Францискомъ Рибальта, — писалъ онъ дальше. — Одинъ выдающійся собиратель картинъ проситъ у меня совѣта и прибѣгаетъ къ помощи моихъ научныхъ познаній въ живописи; онъ предлагаетъ мнѣ сопровождать его въ Испанію для закупки картинъ. Такимъ образомъ, одна специальность, очевидно, служить у меня подспорьемъ для другой, и дѣло понемножку идетъ на ладъ. А если оно не приноситъ съ собой денежныхъ выгодъ, то его выгоды все-таки самыя высокія: подготовка дороги къ будущему обеспеченному положенію“.

При этомъ Филиппъ приложилъ кой-какія вырѣзки изъ своихъ статей, и пробѣгая ихъ, Гвидо тотчасъ же съ восхищеніемъ замѣтилъ, что новичокъ въ журналистику оказывается весьма независимымъ и умѣлымъ судьей въ вопросахъ искусства; смѣлость его самостоятельныхъ сужденій окончательно обворожила Гвидо въ пользу его таланта, какъ журналиста и какъ глубокаго знатока живописи итальянской и испанской школы.

— Онъ правъ, что захотѣлъ сдѣлаться больше, нежели просто „милымъ человѣкомъ“! — восторгался Гвидо. — Онъ настоящій мужчина!

— Какая ему прибыль! — возражала Мартина. — Бывало, онъ зарабатывалъ по шести тысячъ въ годъ, и каждый вечеръ проводилъ въ высшемъ обществѣ. Теперь онъ и трехъ тысячъ не

натянетъ, да притомъ вынужденъ вѣчно корпѣть дома и чему-то еще учиться! Мама очень огорчена, могу тебя увѣрить...

Минули святки; минулъ весь январь, и вотъ въ февралѣ, за нѣсколько недѣль до срока, случилось то, чего съ такимъ горячимъ упованіемъ поджидалъ Гвидо: Мартина родила ему дочь. О радости не могло быть и рѣчи: несчастная малютка была хуже сложена и вообще слабѣе обыкновенныхъ недоносковъ. Все, что тайлось въ душѣ Гвидо самаго завѣтнаго, святого, самаго желаннаго въ его семейной жизни,—все угасло вмѣстѣ съ жизнью бѣдной крошки; десять дней помучилась она и умерла.

Мартина горячо рыдала надъ ребенкомъ—рыдала отъ гори и досады.

Гвидо пришлось выслушать отъ доктора, въ видѣ утѣшенія, такой приговоръ:

— Если бы и удалось поддержать такое хилое, неудавшееся созданіе,—объяснялъ онъ,—все равно, оно осталось бы навѣки слабымъ и отсталымъ нравственно и физически. Такія дѣти недолговѣчны и имъ же лучше не быть въ числѣ живыхъ. Родителямъ тоже лучше скоронить такого неудачника-ребенка, нежели весь вѣкъ смотрѣть на его мученія и самимъ страдать за себя и за него.

Гвидо все выслушалъ молча. Въ душѣ у него все умерло, все замолгло.

Да, все замолгло, какъ умолкаетъ человѣкъ, спорившій долго, убѣжденно, горячо, когда вдругъ не находитъ больше никакихъ доводовъ себѣ въ защиту. Это стремленіе куда-то впередъ, это желаніе осуществить горячія мечты—все это было у него въ крови съ самаго дѣтства. Но одно только ощущеніе сохранилось въ немъ: ощущеніе его тяжелыхъ отношеній къ Шарлоттѣ. Она была для него всѣмъ, чѣмъ только можетъ быть одинъ человѣкъ для другого и, прежде всего, замѣнила ему мать.

Одно время онъ видѣлъ въ ней женщину, ради которой сердце въ немъ билось горячѣе. Потомъ она сдѣлалась его другомъ,—именно: другомъ и товарищемъ, какимъ можетъ быть только мужчина для мужчины;—человѣкомъ прямымъ до грубости и преданнымъ до самоотверженія, единомыслящимъ до полнаго сліянія душевныхъ и умственныхъ сторонъ... Только теперь онъ понималъ, что чувство, которое онъ къ ней питалъ съ благоговѣніемъ и которое дѣлало его счастливымъ, было полное, всепоглощающее чувство.

Гвидо томился стремленіемъ слить свою жизнь опять со всѣмъ, что въ прошломъ давало ей полноту ощущеній и опредѣленный смыслъ.

„Бывало, что со мною ни случится, я сейчасъ—прямо къ ней! Тамъ ждали меня неизмѣнно сочувствіе, поддержка; отсюда я уходилъ ободренный, а иногда и съ чувствомъ здороваго сознательнаго стыда за свою неумѣстную горячность“.

Онъ боялся, онъ не смѣлъ теперь показаться къ Шарлоттѣ.

„Въ томъ, что она меня приметъ ласково и снисходительно, не можетъ быть сомнѣнія,—продолжалъ думать Гвидо.—Я такъ знаю ея доброту и мягкость. Но около нея есть теперь та... другая. Могу ли я посмотрѣть ей въ лицо и не покраснѣть?“

Такъ въ нерѣшимости у него проходилъ одинъ день за другимъ...

Мартина, между тѣмъ, успѣла оправиться послѣ болѣзни и снова принялась безопасно веселиться, какъ бы рѣшивъ, что отдала должное печали въ приличной мѣрѣ. Тутъ только съ ужасомъ замѣтила она, что Гвидо, даже идя рядомъ съ нею, будто ее не замѣчаетъ. Она прибѣгла къ своему старому приему,—пробудить въ немъ ревность, стремясь во-что бы то ни стало вернуть къ себѣ страстное чувство Гвидо,—но безуспѣшно.

Сначала ея оскорбленное самолюбіе, возмущаясь, распалило въ ней любовь къ мужу съ небывалой силой, и у нихъ были что ни день, то новыя сцены, новыя слезы и укоры.

Потомъ, Гвидо затихъ и только молча отстранялъ ея ласки, тихій и печальный. Его подчасъ до глубины души оскорбляла чувственность жены.

Однажды, въ послѣднихъ числахъ марта, онъ ѣхалъ въ каретѣ въ дождливую погоду, когда вдоль тротуара ему бросилась въ глаза мужская фигура въ плащѣ, которымъ игралъ вѣтеръ, словно стремясь его сорвать.

— Да, это Тейшеръ! Ну, конечно, онъ!—догадался Гвидо, узнавъ своего друга въ человѣкѣ, напрягавшемъ всѣ усилія, чтобы поборотъ вѣтеръ, силившійся вырвать у него одновременно и плащъ, и большой дождевой зонтикъ.

Крикнувъ кучеру остановиться, Гвидо обливнуль пріятеля и предложилъ ему сѣсть къ нему въ карету.

— Съ удовольствіемъ, — согласился тотъ и, обмѣнявшись краткими распросами, куда они оба спѣшатъ, оба умолкли.

— А какъ дѣла Баумейстера?—вдругъ спросилъ Фабаріусъ.

— Почти закончены. Вчера мнѣ говорилъ Робертъ...

Гвидо заволновался, но у него духу не хватило спросить: Ну, что же дальше?

— Послушай!—продолжалъ Тейшеръ, вынимая и закуривая папиросу.—Я не знаю, что у васъ тамъ такое вышло, а только мнѣ кажется, что Робертъ нарочно рассказалъ мнѣ все подробнѣйшимъ образомъ, чтобы я могъ передать тебѣ. Ну, чего вы разошлись? Пора бы вамъ...

— Но это невозможно! Ты не знаешь, что за человѣкъ Робертъ, — глухимъ голосомъ возразилъ его товарищъ.—Я горяча отъ природы, а когда вспыхну, наговорю лишняго. И главное, сорвется необдуманно что-нибудь такое, чего я вовсе на дѣлѣ и не думалъ. Потомъ мнѣ самому и больно, и досадно на себя, да уже поздно. А Робертъ не такой человѣкъ, чтобы поддаваться чьему бы то ни было влиянію; между тѣмъ, за собой я этотъ недостатокъ замѣчаю... особенно за послѣднее время.

И Гвидо не могъ подавить тяжелаго вздоха.

— Говорю тебѣ, онъ человѣкъ флегматичный, спокойно добивающійся своихъ собственныхъ выводовъ; а разъ онъ къ нимъ пришелъ, онъ стоитъ на нихъ такъ твердо, что ничто не заставитъ его измѣнить лично составленному мнѣнію. Помнишь, еще въ училищѣ, онъ полюбилъ маленькаго Паоло Соррена? Этотъ мальчишка былъ полонъ самыхъ разнообразныхъ недостатковъ, но Робертъ, казалось, ничего не замѣчалъ и только разъ вышелъ изъ себя, прибилъ его... да такъ, что надолго здоровые синяки остались. Съ той поры, что ни дѣлалъ Паоло, чтобы вернуть къ себѣ привязанность Роберта, ничто не помогало. Онъ видѣтъ его не могъ!.. А вчера онъ прошелъ мимо меня и не поклонился!

— Послушай, это сущее ребячество! Я съ нимъ поговорю.

— Нѣтъ, и не пробуй! Все равно, стараго не вернешь. Мои слова еще забыть не трудно, но *его* выраженія обдуманы и ужъ по одному тому непростительны, что для него они имѣютъ значеніе правды, которой онъ долго не хотѣлъ повѣрить, пока самъ не убѣдился, какъ въ достовѣрномъ фактѣ... Это непорочно!

— Жаль!

— А что же фирма Баумейстеръ? — спросилъ вторично Гвидо.

— Ахъ да! Выяснилось (по крайней мѣрѣ, насколько до сихъ поръ извѣстно), что никто не польстится ни однимъ единственнымъ пфеннигомъ. Но и остатка не будетъ ни гроша! Будь еще живъ Конрадъ Баумейстеръ, ему самому пришлось бы начинать

все сначала, служить гдѣ-нибудь старшимъ помощникомъ или даже бухгалтеромъ.

— Какъ? Ничего, ничего ровно не осталось? Ни гроша? А домъ?

— Домъ проданъ. Его купилъ Мангель, младшій изъ братьевъ, тотъ, что былъ до сихъ поръ за границей, а теперь возвращается въ родные края. На этихъ дняхъ вдова съ племянницей вывѣзжаютъ.

Въ лицѣ Гвидо не было ни кровинки.

— На этихъ дняхъ? Куда?.. И безъ всякихъ средствъ?

— Совершенно! Онѣ ѣдутъ въ родовую замокъ Баумейстеровъ и тамъ будутъ жить.

— Но это вѣдь нелѣпость! Если у нея еще есть замокъ, значитъ, есть и средства.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Предположимъ, что у тебя есть золотой, драгоценный кубокъ и ни гроша въ карманѣ, чтобы купить вина, которое можно бы было изъ него пить. Отецъ Конрада построилъ этотъ замокъ для своей больной жены и очень его любилъ, а впоследствии подарилъ его Шарлоттѣ въ самый день ея свадьбы, но съ оговоркой: никому никогда его не продавать. Въ противномъ случаѣ, эти деньги должны перейти къ какому-то общественному учрежденію, такъ значитъ въ духовномъ завѣщаніи, которое, конечно, не могло предусмотрѣть, что Конрадъ Баумейстеръ умретъ такъ рано и не оставитъ по себѣ наслѣдниковъ... Такимъ образомъ, на рукахъ у вдовы оказываются богатая и красивая стѣна, въ которыхъ ей нечего ѣсть, да которыя еще, сверхъ того, требуютъ значительныхъ средствъ, чтобы ихъ поддерживать... Ну, да впрочемъ, меня вся эта исторія не особенно интересуеть. Робертъ говоритъ, что она что-то тамъ такое затѣваетъ... только что именно, я позабылъ.

Гвидо молчалъ. Карета катилась, лавируя межъ торопливо мелькавшихъ экипажей. Тейшеръ заглянулъ въ мѣстечко на замкшемъ окнѣ, которое онъ расчистилъ рукою и увидѣлъ, что начинается базарная площадь.

— Ну, братецъ, прощай! Я здѣсь сойду. До свиданія... самое позднее—до завтра; увидимся у Графенгагена. Человѣкъ пятьдесятъ тамъ будетъ! Ну, они сами должны понимать, въ состояніи ли они давать пиры и банкеты? Повергаю свои низкіе поклоны къ стопамъ прелестнѣйшей фрау Нини.

Гвидо остался одинъ въ каретѣ и не замѣтилъ, какъ доѣхалъ до дому.

Онъ вышелъ вонъ и остался стоять на тротуарѣ подъ проливнымъ дождемъ.

— Прикажете послѣ обѣда заложить? — спросилъ его кучеръ.

— Дамъ знать по телефону, — отвѣтилъ Гвидо, отчеканивая съ особой ясностью каждое слово; затѣмъ повернулся и пошелъ прочь отъ дома, машинально придерживаясь прямого направленія, все впередъ... впередъ, расплескивая ногами лужи.

Онъ не замѣтилъ, какъ очутился на Эспланадѣ.

XXIII.

Вдали виднѣлся домъ, къ которому шелъ Гвидо, самъ того не замѣчая. Со страхомъ подходя все ближе и ближе, замѣтилъ онъ, что видъ у него уже какой-то не жилой. Внизу, какъ и наверху, окна были загорожены изнутри бѣлыми створками.

— А что, если ужъ поздно... если онѣ уѣхали?

Безнадежно онъ бросился впередъ, перебѣжалъ стремглавъ черезъ улицу и рванулъ, что было силъ, желѣзную шишку, которая служила ручкой старомодному звонку. Звонъ прошелъ по всему дому; это слышалъ ясно Гвидо; но долго никто не шелъ отворять. Наконецъ, ему послышались шаги за дверью... Дверь отворилась.

У Гвидо ноги подкосились. Передъ нимъ стояла Минна, поглядывая на него враждебно и вмѣстѣ съ тѣмъ удивленно.

— Что вамъ здѣсь угодно, г. Фабаріусъ?

При взглядѣ на Минну, къ нему вернулось нѣкоторое самообладаніе и поводъ къ этому, собственно говоря, былъ даже немножко смѣшной: на Миннѣ былъ все тотъ же знакомый нарядъ, который она всегда носила, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ ее помнилъ: розовое ситцевое платье, бѣлоснѣжный чепчикъ и пышная, вся въ складочкахъ, такая же бѣлоснѣжная висейная косынка на груди... Гвидо почудилось, что все осталось по старому, ничто не измѣнилось и онъ ужъ совсѣмъ бодро проговорилъ:

— Я хочу видѣть фрау Баумейстеръ.

— Сейчасъ; я доложу...

— Нѣтъ, нѣтъ! Не надо обо мнѣ докладывать; я войду безъ доклада! Я самъ пройду наверхъ... только скажите, въ какой онѣ комнатѣ? — поспѣшно возразилъ Гвидо и пожалъ руку Миннѣ.

Съ прошлаго лѣта ей многое пришлось пережить вмѣстѣ съ господами, и она знала, что Гвидо, очевидно, пришелъ не спроста.

„Можетъ быть, раскаялся и пришелъ съ деньгами?“ — подумала она, а вслухъ прибавила.—Ну, чтожь... право не знаю... Надѣюсь, барыня не разсердится. Тамъ, наверху, въ зеленой комнатѣ...

Гвидо чувствовалъ, что его сердцебіеніе возобновилось. Онъ пошелъ, но замедлялъ шаги, словно боясь, что вотъ-вотъ настанетъ минута свиданія, и желая ее отдалить. Увѣренность въ благополучномъ исходѣ, которая имъ управляла, вдругъ пропала. Онъ вдругъ впервые почувствовалъ опасеніе, что Шарлотта можетъ его оттолкнуть.

На площадкѣ стояли большіе ящики, совершенно унакованные и уже готовые къ отъѣзду. На широкой лѣстницѣ, которая просторно раскинулась внутри дома, больше не было мягкаго ковра. Бронзовыя статуи, которыя держали факелы въ рукахъ и освѣщали всю лѣстницу, стоя на нижней площадкѣ,—тоже исчезли. Стеклоокое окно пропускало сверху унылый, сѣрый свѣтъ... Въ домѣ была такая тишина, что громкими ударами стучалъ по стеклу неустанный дождь...

Гвидо подошелъ къ двери, постучалъ. Замерло сердце, губы задрожали.

— Войдите!—раздался чей-то голосъ, но чей именно, Гвидо не могъ разобрать, такъ у него въ ушахъ шумѣло.

Онъ отворилъ дверь и увидѣлъ передъ собой Шарлотту. Она отшатнулась и страшно поблѣднѣла:

— Это ты?.. Ты?

— Да,—я!—не смѣя двинуться, не смѣя протянуть ей руку, отвѣтилъ Гвидо.

Она стояла передъ нимъ такая безмолвная, такая неприступная! Она ждала, чтобъ онъ заговорилъ.

Гвидо видѣлъ, что она посѣдѣла и очень, очень постарѣла. Видѣлъ онъ также, что черты ея въ общемъ не измѣнились, не измѣнилось также и выраженіе ея лица—скорѣе удивленное и отчасти испуганное, но не разсерженное...

— Что тебѣ надо? Чего ты ищешь здѣсь, — у меня въ домѣ?

— Твоего прощенья!—воскликнулъ Гвидо и дѣйствительно схватилъ ее за руку; она не вырвалась, не убѣжала.

— Я ужъ давно тебѣ простила. Ты поступалъ подъ влияніемъ убѣжденія, что твоя обязанность попирашь ногами все, что

лежить на пути къ твоему счастью, хотя бы это „все“ и было дорого другимъ людямъ, и было достойно самаго осторожнаго, самаго почтительнаго обращенія съ твоей стороны. Ты воображалъ, что въ этомъ заключается своего рода сила или даже доблесть? Но я знала, что это просто слабость; я знала, что придетъ часъ, когда для тебя, въ свою очередь, это станетъ ясно. Я потому съ тавой готовностью тебѣ простила, что ты дѣйствовалъ прямо, честно.

Гвидо горячо сжалъ ея руку, не въ силахъ проронить ни слова. Имъ постепенно овладѣвало ощущеніе счастья, что онъ здѣсь опять, подлѣ Шарлотты, навсегда, навѣки! Последняго, невыразимо тягостнаго года—словно не бывало. Теперь жизнь потечетъ отрадно, мирно; онъ будетъ жить, трудиться для Шарлотты; теперь онъ можетъ дерзнуть на дѣлѣ отплатить ей, наконецъ, за то добро, которое она сдѣлала ему.

„Только подумать, что это будетъ наконецъ возможно, и на душѣ станетъ спокойно и легко“.

Глядя на чудные, краснорѣчивые глаза, которые до сихъ поръ только благосклонно порою на него смотрѣли, Гвидо чуялъ впереди минуту; когда эта простая благосклонность перейдетъ въ болѣе пылкое нѣжное чувство, когда любовью засверкають сѣрыя, дивныя очи Сальватрисы...

Онъ позабылъ, что тамъ, у него дома, сидитъ одна, въ ревнивомъ ожиданіи страстная женщина, подчинившая своей власти его волю силою необузданнаго сладострастія.

Никогда въ голову ему не приходила мысль разойтись съ Мартиной; но въ эту минуту онъ думалъ и дѣйствовалъ, какъ будто ея не было на свѣтѣ.

Онъ оглянулся вокругъ.

Въ опустѣлой комнатѣ все напоминало объ отъѣздѣ, какъ у кочевниковъ, передъ окончательнымъ оставленіемъ стоянки; но и въ этой пустотѣ Гвидо нашель, что ему дорогъ каждый уголокъ, нѣкогда такой уютный.

„Вотъ отсюда я любилъ смотрѣть на соединительную вѣтку желѣзной дороги; какъ часто сидѣлъ я здѣсь, у этого окна, и занимался!“

— О, Шарлотта!—вырвалось у него невольно, и онъ еще разъ горячо пожалъ ей руку.

Она отдернула ее и тихо спросила:

— Чего ты еще хочешь?

— Хочу работать для тебя, трудиться!.. Хочу жизнь твою сдѣлать свѣтлой и беззаботной... какою она еще не бывала!—

воскликнулъ Гвидо и раскрылъ объятія, ожидая, что Шарлотта въ радости бросится къ нему на грудь; заплачетъ и шепнетъ такъ нѣжно, нѣжно: Мой дорогой, мой неизмѣнный, добрый Гвидо!

Но она поспѣшно и рѣзко отступила отъ него:

— Благодарю тебя, — жесткимъ голосомъ вырвалось у нея. — Мнѣ ничего не нужно.

— О, Боже мой!.. Шарлотта! Неужели ты захочешь обратиться противъ меня свою высокоумѣнность? Это не милость съ моей стороны: я только хочу возвратить тебѣ то, что самъ когда-то получилъ... Это мой долгъ! — съ мольбой говорилъ онъ.

— Твой долгъ по отношенію ко мнѣ? — спросила она. — Онъ поконченъ; онъ пересталъ существовать въ ту самую минуту, когда ты отъ меня ушелъ въ то утро.

Гвидо началъ ее понимать и ему стало жутко.

— Не заставляй меня краснѣть отъ стыда. Позволь мнѣ окружить тебя заботами и лаской...

— Нѣтъ, нѣтъ! — раздалось вмѣсто отвѣта рѣшительно и громко.

Гвидо подошелъ къ ней поближе, силясь убѣдить ее.

— Ты бѣдна; ты нуждаешься въ помощи! Я тебѣ ближе всѣхъ... Не можешь же ты голодать тамъ у себя въ горахъ?

— Мнѣ ничего не нужно, — твердо повторила она и посмотрѣла на него своими большими ясными глазами. Я голодать не буду, я буду тамъ работать...

— Работать? Ты, — Шарлотта Баумейстеръ?

Шарлотта улыбнулась; и не грусть, а царственно-величавое достоинство отразилось въ этой тихой улыбкѣ.

— У меня всегда были нѣкоторыя хозяйственныя способности, — проговорила она. — Я ихъ примѣню къ дѣлу и устрою пансіонъ: въ посѣтителяхъ не будетъ недостатка.

Горькое чувство поднялось у него въ душѣ, сдавило ему горло...

Эта женщина, эта гордая патриціанка, всю жизнь проводившая въ полнѣйшей роскоши, будетъ работать на чужихъ людей... И работать такъ упизительно, такъ тяжело!

— Нѣтъ, нѣтъ! Нельзя этого допустить, нельзя! — и бѣшеная, безграничная горячность прежнихъ дней въ немъ вновь проснулась.

Въ то же время онъ чувствовалъ, однако, необходимость сдержаться и крупными шагами заходить по комнатѣ.

Шарлотта молча отошла и сѣла у окна. Во всѣхъ ея дви-

женіяхъ была разлита какая-то тихая яеность, какое-то невозмутимое споконствіе, которое она, просвѣтленная, купила цѣною неизмѣримыхъ бѣдъ и страданій.

Вдругъ Гвидо очутился передъ нею на колѣняхъ. Онъ взялъ ее за обѣ руки, какъ бывало прежде, когда ему хотѣлось приласкаться и выпросить у нея что-нибудь.

— Подумай!— умолялъ онъ.— Ты, вѣдь, сама сказала, что простила. Но какое же это прощенье, если ты возмущаешься моимъ желаніемъ тебѣ помочь? Или ты думаешь, что я способенъ допустить, чтобъ эти ручки, эти милыя ручки варили и стряпали для чужихъ и грубыхъ людей? Ну, если ты не хочешь думать о себѣ— подумай обо мнѣ! Я не нашелъ счастья въ своей семейной жизни. Моя жизнь сложилась въ будущемъ мрачно и неопредѣленно; но мнѣ кажется, что твое вмѣшательство могло бы мнѣ помочь... Мнѣ чудится, что гдѣ-то тамъ вдали, когда-нибудь позднѣе, мнѣ можетъ улыбнуться свѣтлое, прочное счастье. Прежде, чѣмъ ты рѣшишься меня оттолкнуть, спроси ее... спроси Сальватрису...

Шарлотта вдумчиво смотрѣла на него, какъ бы пронизывая въ самую глубину его смятенной души. Для него когда-то она воскресила въ себѣ чувство матери и друга, чувство товарища и нѣжной, самоотверженной жены. Всѣ эти ощущенія она перенесла на него одного. Подчасъ случалось ей переживать тяжелыя часы неизяснимой муки, полной борьбы, которая должна была остаться тайной для всѣхъ и навсегда. Ей иногда казалось, что судьба слишкомъ была жестока въ ней. Зачѣмъ суждено было Гвидо родиться слишкомъ поздно для... нея? Порою ей становилось ясно, что нѣтъ на свѣтѣ человѣка, для котораго она была бы именно такой женой, какая для „него“ нужна! Съ нимъ она могла бы дѣлиться каждымъ своимъ чувствомъ, ему отдавать помыслы свои, свои мечты...— Ни на что подобное мужъ ея не предъявлялъ никакого требованія.

„Но теперь все кончено... не въ сердцѣ, а на дѣлѣ!“ — рѣшила она.

И въ то время, какъ онъ робко стоялъ передъ ней, Шарлотта склонилась къ нему, взяла его голову въ обѣ руки и, взглянувъ ему въ лицо, сказала просто и коротко:

— Да я тебя горячо любила! — и нѣжно поцѣловала въ лобъ.

Гвидо слышалъ, какъ дрогнувъ ея голосъ; чувствовалъ, какъ она отняла руки отъ его горячихъ висковъ... Онъ всталъ шатаясь...

Шарлотты уже не было подлѣ него; она подошла къ дверямъ и позвала Сальватрису. Надежда снова ожила у него въ душѣ... Думать было некогда: на порогѣ стояла Сальватриса, а рядомъ съ нею...

— Филиппъ!—воскликнулъ Гвидо.

Молодая дѣвушка спокойно смотрѣла на него своимъ глубокимъ, яснымъ взглядомъ; Филиппъ обвивалъ ея станъ рукою.

— Эти дѣти въ письмахъ объяснились, и ихъ любовь навѣрно принесетъ имъ счастье, потому что основана на взаимномъ уваженіи... — съ искренней отрадой проговорила Шарлотта.

— Никогда я не буду въ состояніи вполне вознаградить Филиппа за нѣжность и самоотверженіе, съ которыми онъ пришелъ къ намъ на помощь въ тяжелыя минуты!—сказала Сальватриса.—Свадьба наша будетъ года черезъ два, а до тѣхъ поръ я буду жить у Шарлотты въ качествѣ ея первой „жилицы“ и друга...

— А также ученицы и помощницы,—подсказалъ въ заключеніе Филиппъ.

Гвидо стало жутко передъ радостнымъ, искреннимъ выраженіемъ лица Шарлотты, передъ яснымъ, бодрымъ и спокойнымъ взглядомъ Филиппа и его будущей жены. Ему казалось, что всѣ они смотрятъ на него вызывающе, какъ бы говоря:

— Ты самъ не захотѣлъ своего счастья; теперь оно навѣки для тебя недостижимо!—Ему обидно было, что то блаженство, о которомъ онъ не имѣлъ понятія (а теперь и въ мечтахъ не смѣлъ себѣ представить), досталось безъ труда тому, кого онъ еще недавно полупрезрительно называлъ „милымъ человѣкомъ“ или „добрымъ малымъ“, ставя его по развитію не выше благоумной середины.

Ясная твердость духа и довольство свѣтились въ глазахъ Филиппа и Сальватрисы: ихъ соединили навѣкъ не стремленіе къ роскоши, не жадность въ легкой наживѣ, а пережитыя вмѣстѣ горести и лишения.

„Я лишній, меня оттолкнули“,—думалъ съ негодованіемъ Гвидо, ожидавшій встрѣтить здѣсь страдальцевъ, забытыхъ нуждою и горемъ, для которыхъ онъ явится желаннымъ спасителемъ и другомъ.

Имъ овладѣла страшная зависть. Ему завидна была твердость духа этихъ бѣдняковъ, ясность ихъ возрѣній, чистота души и благородство. Ему казалось, что все это было когда-то его

достояніемъ и снова къ нему возвратится, какъ только онъ самъ вернется къ прежней жизни.

Филиппъ, обращаясь къ нему, говорилъ, что, проводивъ не-вѣсту и Шарлотту, онъ собирался зайти и сообщить сестрѣ и ему, Гвидо, про свое сватовство... но Гвидо ничего не видѣлъ и не слышалъ. Его вывелъ изъ оцѣпенѣнія кроткій, чистый голосъ Шарлотты.

— Ну, такъ простимся же теперь,—говорила она, и ея голосъ привелъ его въ ужасъ.

— Нѣтъ, мы не можемъ такъ разойтись и не разойдемся!—горячо возразилъ онъ.—Скажи мнѣ: до свиданья!

Шарлотта подняла голову, но взглядъ ея былъ устремленъ мимо него, куда-то въ невидимую даль. Голосъ ея зазвучалъ тихо, но твердо:

— Ты самъ отстранилъ себя отъ моей жизни. Ты видишь самъ, ты чувствуешь, что тебѣ въ ней нѣтъ мѣста. Ступай къ себѣ домой, къ своей женѣ!

И она вышла не спѣша.

Филиппъ и Сальватриса пробовали съ нимъ заговорить... онъ ничего не слышалъ, не хотѣлъ слышать и бросился... домой.

Домой, къ себѣ домой, къ своей женѣ, какъ ему приказала Шарлотта.

Мартина сидѣла у окна и смотрѣла на дождь, который струился въ помутившійся Альстеръ.

„Положительно Гвидо становится невнимателенъ и неаккуратенъ. Вотъ и сегодня опять мнѣ пришлось отобѣдать одной... И съ чего бы это онъ? Кажется, все у него есть, чтобы чувствовать себя счастливымъ: успѣхи въ дѣлахъ и любовь такой женщины, что ему всѣ завидуютъ:—и Тейшеръ, и Ноттеръ, и всѣ, всѣ мужчины!“

Такъ какъ она понимала только осязательныя причины разстройства, то и здѣсь принялась додумываться до чего-нибудь чисто реального, подбирая самыя разнообразныя причины его небрежности и охлажденія.

„Ужъ не сказалъ ли ему кто чего-нибудь обиднаго про меня или моихъ родныхъ? Нѣтъ ли у мамъ долговъ и не пробовала ли она что-нибудь содрать съ Гвидо? Или, пожалуй, на меня наплели что-нибудь такое? Самое лучшее—задать ему жару: это очищаетъ воздухъ“...—разсуждала она, зѣвая, и опять взялась за книгу.

Гвидо вошелъ блѣдный и съ такимъ взглядомъ, отъ кото-

раго становилось страшно: На ногахъ и на платьѣ у него были слѣды грязи.

— Боже мой, на что ты похожъ! Ты погубишь коверъ!— воскликнула Мартина.—И опять мнѣ пришлось обѣдать одной; ты могъ бы дать мнѣ знать по телефону. Я бы куда-нибудь пошла; слава Богу, въ обществѣ у меня не будетъ недостатка...

— „Ступай къ своей женѣ“,—сказала мнѣ она... Ну, вотъ я и пришелъ!

— Да кто тебѣ сказалъ?

— Шарлотта.

— А! Вотъ оно что: ты къ г-жѣ Баумейстеръ ходилъ прощаться! Ну, могъ бы не скрываться: я бы тебѣ не запретила,— съ улыбкой продолжала Нини.—Благодаря Бога, обѣ убрался изъ Гамбурга...

Мужъ подошелъ поближе и спросилъ:

— Ты это знала, знала?

— Да; черезъ Тейшера.

— Возможно ли?!

— Что-жъ тутъ такого? Почему я не могу заставить Тейшера рассказывать мнѣ что угодно? Твоя ревность къ Тейшеру совершенно неосновательна, могу тебѣ повѣстись честью!

— Ахъ, вздоръ какой! О Тейшерѣ не можетъ быть и рѣчи.

— А о чемъ же больше, позвольте спросить?—спросила рѣзко Мартина, уже вооружаясь къ предстоящему сраженію.

— О томъ рѣчь,—глухо отозвался онъ,—о томъ, что я далъ тебѣ волю сбить меня съ настоящаго пути, запятнать мою честь, опозорить меня клеймомъ неблагодарности, потому что я воображилъ, что я обязанъ такъ дѣйствовать ради своего семейнаго благополучія.

Мартина вскочила. Она хотѣла что-нибудь выкрикнуть, поспорить... Онъ не далъ ей опомниться и, какъ желѣзными тисками сдавивъ ей плечи, сталъ трясти, почти крича:

— А гдѣ оно, это благополучіе, гдѣ? Напрасно принесъ я эту жертву. И знаешь ли, что онѣ мнѣ свезали? Что въ ихъ жизни нѣтъ мѣста для меня. Ты, ты все отъ меня отняла! Ты у меня въ долгу за все, за все! За честь мою, и за все то, что скрашивало жизнь, что придавало ей въ моихъ глазахъ главную цѣну. Ты отняла у меня этихъ дорогихъ, этихъ милыхъ людей... Ты отняла ихъ у меня... ты!

И онъ трясъ ее за плечи, и бѣшеной яростью сверкали его горѣвшіе глаза. Мартина смотрѣла на него прямо и твердо, не робѣя. Она привыкла къ такимъ рѣзкостямъ и спорамъ; все

равно она всегда побѣждала. Ничто не подсказало ей на этотъ разъ, что этотъ споръ совсѣмъ иного рода и что каждое слово имѣетъ въ немъ значеніе смертельнаго удара.

— Ахъ, Боже мой!—легкомысленно замѣтила она.—Если ты придавалъ имъ такую цѣну, не надо было допускать, чтобы ихъ отняли у тебя...

Гвидо выпустилъ ее изъ рукъ и отшатнулся, съ ужасомъ уставившись на нее своимъ отчаяннымъ взглядомъ.

И это говорить она,—она, та самая, которая опьяняла его своими страстными рѣчами, порывами своихъ безумныхъ ласкъ?!

Ему почудилось, что вонята полна вашихъ-то адскихъ звуковъ, шума, насмѣшекъ, хохота и звона... Въ ухахъ гудѣло, и въ общій безсвязный гулъ сливались то страстные и грозные, то тихія и нѣжныя рѣчи Мартины. Она закончила угрозой, и ее-то Гвидо вполне ясно уловилъ.

— Сегодня же уѣду въ Берлинъ къ своей мамѣ и тамъ пробуду до тѣхъ поръ, пока тебя не усмирятъ ревность и тоска...

— Ахъ, да!—воскликнулъ онъ.—Поѣзжай, поѣзжай! Я не могу тебя видѣть... Поѣзжай... сейчасъ же поѣзжай! Вотъ деньги... много, много денегъ...—Гвидо принялся лихорадочно шарить у себя въ карманахъ, и все, что попадало ему въ руку,—золото, кредитные билеты, мелочь—все швырялъ на столъ.

— Ты съ ума сошелъ!—проговорила Мартина.—Но я не шучу...

— Нѣтъ, нѣтъ: поѣзжай! Я самъ тебя умоляю. Пожалуйста, сію же минуту! Ты можешь еще послѣть на шестичасовой. Я тебѣ напишу... Только теперь оставь, оставь меня!—и онъ, шатаясь, побрелъ прочь, отстраняя ее рукою, хоть она и была такъ озадачена, что не могла даже броситься къ нему на шею, какъ это дѣлала обыкновенно.

Постоявъ съ минуту на мѣстѣ, глядя ему вслѣдъ, Мартина упрямо закинула голову и, трихнувъ ею съ выраженіемъ побѣды на лицѣ, рѣшительнымъ движеніемъ сгрѣбла со стола деньги и бумажки.—Я его, сумаспешаго, поймаю на словѣ и дѣйствительно уѣду... сію же минуту!—рѣшила Мартина.—Прощаться не найду и даже въ дверь не стукну, уходя. Въ Берлинѣ пробуду нѣсколько дней или нѣсколько недѣль и чудо какъ успѣю повеселиться за все это время! Пусть онъ меня подольше умоляетъ, чтобы я вернулась, пусть подольше поскучаетъ безъ меня;—только тогда я соглашусь на его просьбы. Надо, надо проучить его хорошенько!—и она пошла отдать приказаніе къ отъѣзду.

Между тѣмъ, Гвидо лежалъ въ своей комнатѣ на кушеткѣ. Пряча лицо въ свои сложенные руки, онъ, казалось, хотѣлъ спрятать его самъ отъ себя: въ кабинетѣ онъ былъ одинъ, — совсѣмъ одинъ.

Его семейная жизнь кончена. Судьба и законы принуждали его признавать, что она не расторгнута, но въ душѣ онъ считалъ себя въ правѣ нарушить клятву, данную передъ алтаремъ.

„Теперь я убѣдился, — я навѣрно знаю, что не любовь, а жадность въ деньгамъ увлекала Мартину“, — думалъ Гвидо.

Теперь, когда ея не было подлѣ него, когда она не смущала его своими нескромно-пылкими взорами и порывами бурныхъ ласкъ, когда самое присутствіе ея не могло повліять на него своимъ чисто-физическимъ обаяніемъ, онъ могъ спокойно обсудить этотъ ужасный вопросъ. Онъ долженъ былъ признаться, что не она виновата въ его неудачномъ бракѣ.

„Если у человѣка нѣтъ ни голоса, ни слуха, можно ли требовать, чтобы онъ пѣлъ? Если у него одна нога отъ природы короче другой, можно ли заставить его ходить не хромя? Надо допустить то же самое и по отношенію къ человѣческой душѣ. Можно ли требовать нѣжныхъ чувствъ и чуткости пониманія отъ человѣка, лишеннаго ихъ отъ природы? Мартина на вѣкъ останется въ этомъ отношеніи у меня въ долгу. Но виновата ли она, что я бросился, какъ слѣпой, на встрѣчу новой жизни, которую она мнѣ сулила? Когда она была еще невѣстой, развѣ и тогда не случалось такихъ мелочей, которыя указывали прямо, что она мнѣ не равная ни по своему рожденію, ни по внутреннему строю окружающей среды. Малодушіе помѣшало мнѣ въ-время отказать отъ обладанія ею. Такой союзъ, основанный на чувствѣ недостойномъ развитого человѣка, не могъ быть долговѣченъ. Продолжать брачную жизнь сообща, послѣ того, какъ выяснилось заблужденіе, было бы еще болѣе грѣшно, чѣмъ поддаваться всѣмъ безразсуднымъ и недостойнымъ порывамъ, которые до сихъ поръ имѣли надо мною власть...“

Стало почти темно. Въ полнѣйшей тишинѣ слышались шаги Мартины и ея голосъ, возвышенный нарочно, чтобы мужъ слышалъ. Она приказывала подавать экипажъ.

— А, значитъ, уѣзжаетъ! — и Гвидо вздохнулъ глубоко, съ облегченіемъ.

Прошло еще нѣсколько минутъ... Опять все стихло. Въ щелочкѣ изъ-подъ двери въ комнату Мартины больше не видно было свѣту.

„Она уѣхала!“

Гвидо всталъ на ноги и только тутъ замѣтилъ, что отъ слабости не можетъ устоять; съ утра онъ ничего не ѣлъ. Онъ позвонилъ, чтобъ ему принесли чего-нибудь съѣстнаго и вина. Внося въ комнату, зажженную лампу, дѣвушка съ тревожнымъ любопытствомъ посмотрѣла ему въ лицо: оно было блѣдное, искаженное душевной мукой.

Насворо, даже не садясь за столъ, проглотилъ онъ два-три кусочка, залпомъ выпилъ стаканъ вина и, натягивая на ходу пальто, вышелъ поспѣшно изъ дому.

Вѣтеръ налеталъ вмѣстѣ съ порывами дождя, и мутныя струи бѣжали по улицѣ. Гвидо ничего не замѣчалъ, стремясь къ своей желанной цѣли....

Но что же это значить? Передъ нимъ высокая черная стѣна, и ни полоски свѣта ни въ одномъ окнѣ... Какъ онъ спѣшилъ сюда! Какъ ему хотѣлось только имъ сказать: — У меня нѣтъ жены; пригрѣйте меня въ сердцѣ вашемъ!

Но дверь не отворилась; никто не вышелъ на порогъ; ни звука на его усердный зовъ!.. Какъ нищій, какъ бѣднякъ, ищущій участія, поддержки, Гвидо прислонился къ двери, залитой дождемъ.

„Одинъ... одинъ“!.. — въ отчаяніи думалъ онъ; и ему живо припомнились тѣ трое дорогихъ для него людей, которые дружно сплотились противъ горя и нужды, отбросивъ общественныя предразсудки...

Онъ понялъ, что они и въ несчастіи счастливы сознаниемъ своей силы, — сознаниемъ, что не стыдно отрѣшиться отъ позорнаго покровы такъ-называемыхъ свѣтскихъ правилъ и приличій. Нѣтъ, они не бѣдняки, несмотря на то, что оставили навѣки свой богатый домъ! Они богаты своей духовной мощью, богаты ясностью ума и твердыхъ упованій.

И Гвидо чудилось, что ему слышатся вѣжные, мирные голоса, которые что-то нашептываютъ ему въ утѣшеніе. Они какъ будто спрашиваютъ потихоньку:

— А для тебя развѣ не достижимо это счастье? Развѣ и ты не можешь завоевать себѣ такую же невозмутимую ясность духа, твердость характера и умѣнье обуздывать свои страсти и порывы?

Ихъ здѣсь ужъ нѣтъ, тѣхъ, которые жили подъ этимъ самымъ кровомъ, но они и въ разлукѣ живы въ воспоминаніи одинокаго, смятеннаго душою человѣка, передъ которымъ будущее окутано черной мглой неизвѣстности...

Все равно! Онъ ушелъ оттуда обновленный, несмотря на то,

что безлюдный домъ продолжалъ стоять безмолвный, неприступный въ мрачной тишинѣ...

Гвидо шелъ и думалъ о Мартинѣ и о томъ, что никогда она не въ силахъ будетъ воздать ему за то, что онъ принесъ въ жертву ей; она останется во всемъ и навсегда у него въ долгу. Но въ то же время, даже съ чувствомъ нѣкотораго успокоенія онъ думалъ, что съ его стороны ошибочно къ ней предъявлять такія требованія, которыхъ она выполнить не въ силахъ. Какое-то смутное предчувствіе подсказывало ему, что онъ, можетъ быть, не сразу выбьется изъ-подъ вліянія ея чувственности, ея властнаго и ревниваго чувства; можетъ быть, даже никогда вполне не стряхнетъ съ себя этотъ гнетъ. Требовать отъ Мартинны онъ больше ничего не будетъ; но зато въ самому себѣ будетъ неустанно, предъявлять самыя строгія требованія.

Жизнь его складывалась теперь полнѣе и отраднѣе, чѣмъ до сихъ поръ: ее двойно должны были пополнить его труды надъ его дѣломъ и—надъ самимъ собою. Его стремленія и мысли влекли его туда, гдѣ жили и трудились дорогіе ему люди, и сдѣлаться достойнымъ занять мѣсто въ ихъ общей жизни, возвыситься въ ихъ мнѣніи,—вотъ для него теперь самая свѣтлая, самая желанная задача!

И Гвидо зналъ, что ему удастся ее разрѣшить. Не унывая, онъ съ надеждою вступалъ на новый путь, бодро готовился начать новую жизнь!

А. Б—г—.



ПО СВЕРНЫМЪ ОКРАИНАМЪ АФРИКИ

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ.

ТУНИСІЯ и АЛЖИРІЯ ¹⁾.

I - Тунисъ.

За послѣднія десятилѣтія Африка стала излюбленнымъ прищемъ колониальной политики европейскихъ державъ. Даже Германія, не имѣвшая доселѣ ни одной своей собственной колоніи, но поставлявшая при всемъ томъ значительное количество переселенцевъ въ чуждые края,—даже она съ недавнихъ поръ пріобрѣла въ Африкѣ обширныя владѣнія, тщетно, впрочемъ, пытаясь направить туда потокъ своихъ выходцевъ, массами переѣзжающихъ въ иноземныя колоніи по ту сторону Океана.

Занявъ въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія Алжирію, а лѣтъ семнадцать тому назадъ Тунисію, Франція не ограничилась этими странами и въ свою очередь пыталась также въ другихъ областяхъ чернаго материка завести новыя колоніи. Сопровождаемое взаимнымъ смѣшеніемъ разноплеменныхъ расъ, такое современное переселеніе европейскихъ націй представляетъ, конечно, наиболѣе выдающееся социальное явленіе въ исторіи нашей эпохи. По своимъ послѣдствіямъ оно окажетъ, пожалуй,

¹⁾ См. выше: августъ, стр. 634.

болѣе широкое вліяніе на будущія судьбы человѣчества, нежели въ свое время оказало нашествіе варваровъ, потому уже, что распространяется на весь населенный міръ, тогда какъ послѣднее взволновало лишь римскую имперію, владѣнія которой не выходили за предѣлы извѣстныхъ въ то время областей древняго материка.

Такое пробудившееся въ нашу эпоху пристрастіе къ колониальной политикѣ служить, конечно, признакомъ здороваго состоянія европейскихъ метрополій, которыя въ погонѣ за иноземными рынками для сбыта излишнихъ произведеній своей широко развитой промышленности направляютъ избытокъ своихъ внутреннихъ силъ въ иные дѣйственные края. Насколько усилилась за послѣднее время колонизація изъ самой Франціи, можно судить по тому, что до конца истекшаго десятилѣтія изъ этой страны выселялось ежегодно не болѣе шести тысячъ душъ, тогда какъ за послѣднія десять лѣтъ количество эмигрантовъ доходило до 30.000 въ годъ.

Такое развившееся въ наше время эмиграціонное движеніе состоитъ, конечно, въ тѣсной связи съ чрезвычайно развитыми средствами сообщенія, съ рельсовыми путями и морскимъ пароходствомъ. Имѣя это въ виду, я надѣялся въ Александрію на вѣрное застать пароходъ, который перевезъ бы меня прямо въ гавань Туниса. Однако, всѣ мои поиски въ этомъ случаѣ оказались тщетными. Это обстоятельство мало говорило въ пользу новой колоніи французовъ: какъ будто Тунисіи нечѣмъ было бы раздѣляться съ Египтомъ! И вотъ для того, чтобы добраться до Туниса моремъ, я вынужденъ былъ на пароходѣ переправиться въ Мессину, а оттуда по желѣзной дорогѣ въ Палермо. Не останавливаясь здѣсь, я утромъ 2-го января 1898 года выѣхалъ изъ гавани Палермо на пароходѣ итальянской компаніи.

Обогнувъ съ западной стороны Сицилію, мы на другой же день послѣ полудня пристали къ небольшому, принадлежащему Италіи вулканическому острову, Пантеларію. Свѣтлые домики въ городѣ того же имени живописно раскинулись въ ложинѣ между двумя горами, а на вершинѣ одной изъ нихъ виднѣлась башня цитадели. Сдавъ въ городъ привезенный изъ Сициліи товаръ и принявъ новыхъ пассажировъ, пароходъ подъ вечеръ направился далѣе прямо въ Тунису. Ночью мы простояли въ пристани Голетты, а съ наступленіемъ утренней зари солнце освѣтило передъ нами справа берегъ, на которомъ виднѣлись развалины Карфагена, потомъ еще новый храмъ на холмѣ, гдѣ прежде стояла крѣпость разрушеннаго города, и пароходъ узкимъ

проливомъ прошелъ въ Тунисское озеро. На заднемъ планѣ его бѣлѣли передъ нами зданія Туниса, въ пристани котораго и причалилъ нашъ пароходъ.

Послѣ поверхностнаго осмотра моего багажа на таможи, я сѣлъ въ коляску и поѣхалъ по широкому прекрасно застроенному новыми домами авеню. Вскорѣ справа показался католическій храмъ красивой архитектуры, а напротивъ него окруженный садами дворецъ представителя французскаго правительства въ Тунисіи. Передъ дворцомъ расхаживалъ по тротуару зуавъ съ ружьемъ на плечѣ. Далѣе, по обѣ стороны авеню потянулись подъ арками галантерейные, гастрономическіе, книжные и другіе магазины, рестораны и кофейни; коляски парой неслись взадъ и впередъ, а по тротуарамъ и подъ арками проходили толпы людей въ европейскихъ костюмахъ, среди которыхъ раздавались крики мальчугановъ, продававшихъ только-что полученные изъ Франціи газеты. Словомъ, еслибъ изрѣдка не показывались смуглые, чалмоносные арабы въ бѣлыхъ бурнуссахъ, то нельзя бы и подозрѣвать, что находишься въ африканскомъ городѣ, въ столицѣ тунисскаго бея. На самомъ концѣ авеню показались французскія ворота (La porte de France); передъ ними стояли извозчичьи экипажи, тутъ же проходилъ вагонъ, влекомый по рельсамъ парюю лошадей. Пробѣжавъ подъ аркой триумфальныхъ воротъ, я очутился на площади, по которой толпился разноплеменный людъ. Это мѣсто находилось какъ разъ на рубежѣ между туземнымъ старымъ городомъ съ одной стороны и новымъ французскимъ кварталомъ съ другой. Такимъ образомъ при выходѣ изъ отеля, въ которомъ я здѣсь остановился, мнѣ стоило только направиться за ворота, и я обрѣтался какъ бы въ самой Франціи, въ недавно лишь возникшемъ кварталѣ ея, а повернувъ за уголъ въ другую сторону, я попадалъ въ самыя нѣдра Африки, въ старый туземный городъ, современный древнему Карсагену.

Главная улица этого туземнаго квартала оказалась еще уже и тѣснѣе подобныхъ улицъ на базарахъ въ старомъ Каирѣ. Проходя по ней, я вскорѣ былъ объятъ полумракомъ, оттого, что во всю ширину прохода сверху тянулся навѣсъ, частью изъ тесинъ, частью изъ натянутой парусины, такъ что въ эти улицы никогда не проникаютъ солнечные лучи. Здѣсь, какъ на всякомъ восточномъ базарѣ, по обѣ стороны, словно въ нишахъ каменныхъ зданій, размѣщались лавки, наполненныя произведениями туземнаго издѣлія. На широкой скамьѣ одной изъ лавокъ сидѣли на корточкахъ портные и шили узорчатые кафтаны и штаны

Въ другой такой же нишѣ башмачники тачали туфли, а тамъ дагѣ раздавался рѣзкій стукъ молотка оружейнаго мастера. Мѣстами обоняніе внезапно поражалось разлитымъ въ воздухѣ запахомъ ладана, розъ и иныхъ благовонныхъ эссенцій, разносимымъ по узкому проходу парфюмерными лавками, продуктами которыхъ искони славится Тунисъ. Эти лавки отличаются еще тѣмъ, что стѣны и столбики по бокамъ входа разведены спирально синими и красными узорами, а внутри по полкамъ стоятъ цвѣтныя коробочки съ пудрами и румянами, затѣйливаго вида флакончики съ духами. Самъ хозяинъ въ бѣлой чалмѣ апатично сидитъ у входа на разостланномъ коврѣ и словно задремалъ подъ вліяніемъ своихъ одуряющихъ благовоній.

Кое-гдѣ надъ этими лавчонками возвышаются величественныя мечети съ ихъ стройными минаретами, а въ иныхъ мѣстахъ тѣсная улица расширяется, какъ бы образуя небольшую площадь. Тутъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ другими строеніями кузнецъ на улицѣ подковывалъ лошадь араба. Возлѣ самой кузницы слѣва стоитъ лавка съ бакалейными товарами, а справа производится торговля мыломъ, свѣчами и даже керосиномъ. Торговцы, впрочемъ, нисколько не боятся здѣсь опаснаго сосѣдства кузницы съ ея пылающимъ горномъ, такъ какъ при исключительно каменныхъ постройкахъ здѣсь и горѣтъ-то нечему.

Свернувъ съ главной улицы въ узкій переулокъ, я попалъ на довольно обширный дворъ, гдѣ подъ разведенными на старыхъ колоннахъ арками лежало нѣсколько сваленныхъ въ груду деревянныхъ ящичковъ. Это глухое, заброшенное въ настоящее время мѣсто служило прежде шумнымъ рынкомъ, на которомъ не такъ еще давно продавались не только захваченные по оазисамъ Сахары негры, но даже плѣнные пиратами обитатели европейскихъ государствъ, омываемыхъ водами Средиземнаго моря. На каменныхъ скамьяхъ подъ арками сидѣли, какъ бы пригорюнясь, смуглые туземцы въ бурнусахъ: они, казалось, вспоминали о тѣхъ блаженныхъ временахъ, когда отцы ихъ привозили на этотъ рынокъ изъ Европы дѣдовъ и отцовъ тѣхъ самыхъ пришельцевъ, которые въ настоящее время почти неограниченно властвуютъ въ ихъ странѣ. Нескончаемые морскіе разбои африканскихъ пиратовъ и послужили, можно сказать, однимъ изъ главныхъ поводовъ къ завоеванію сперва Алжира, а потомъ и Туниса французами. Власть туземнаго бей признается, правда, неприкосновенною, однако, никакія правительственныя распоряженія не минуютъ контроля французскаго резидента; словомъ, въ Тунисѣ бей царствуетъ, но не управляетъ; администраціей

края распоряжается уполномоченный представитель французской республики. Господствуя такимъ образомъ въ завоеванномъ краѣ, французы, однако, не только стараются поддержать уваженіе туземцевъ къ личности ихъ бея, но сверхъ того разумно избѣгаютъ всего, что могло бы нарушить административныя традиціи населенія. Размѣстивъ въ странѣ пятнадцатитысячное войско, состоящее изъ такъ-называемыхъ африканскихъ батальоновъ, французское правительство безпрепятственно подчиняетъ своей власти полуторамилліонное населеніе мусульманъ. Замѣтимъ встать, что прежнее туземное войско вслѣдствіе возстанія 1883 года было распушено, а вмѣсто него образованы теперь новые отряды въ числѣ 1.620 солдатъ, а при самомъ бей состоитъ еще гвардія изъ шестисотъ человѣкъ. Туземцы, впрочемъ, очень довольны тѣмъ, что они такимъ образомъ гораздо менѣе прежняго обременяются воинскою повинностью.

Благодаря такимъ порядкамъ, небольшое количество европейскихъ колонистовъ въ странѣ, состоящее приблизительно изъ 45.000 душъ, пользуется въ настоящее время полною безопасностью. Послѣ не таеъ давно подавленнаго возстанія арабовъ, все населеніе Тунисіи безропотно подчиняется власти чужеземцевъ, тѣмъ болѣе, что французская администрація всячески старается примѣниться къ традиціоннымъ обычаямъ и порядкамъ націи. Всякіе приказы и административныя распоряженія исходятъ, правда, изъ канцеляріи французскаго резидента, но они подписываются самимъ беемъ и скрѣпляются его печатью. Французское правительство не только признавало широкую свободу вѣроисповѣданія въ странѣ, но предоставило даже населенію управляться въ своихъ округахъ по искони заведенному обыходу: тѣ же туземные чиновники, что и прежде, завѣдуютъ внутренними дѣлами каждой изъ областей, тѣ же шейхи, избираемые мѣстными жителями, но утверждаемые беемъ подъ строгимъ контролемъ резидента, остались административными главами племенъ и сборщиками податей, налагаемыхъ французскимъ протекторатомъ, но все-таки за подписью бея. Сверхъ того, устроивъ для европейскихъ колонистовъ въ Тунисіи особую судебную палату высшей инстанціи и мировые суды, французское правительство оставило, однако, неприкосновеннымъ существовавшее искони туземное судопроизводство, основанное на коранѣ и отличающееся своею крайнею простотою. Такимъ образомъ, не чувствуя и не подозревая гнета со стороны французовъ, населеніе, состоящее изъ нѣсколькихъ разнородныхъ племенъ, не сплоченныхъ другъ съ другомъ ни единствомъ вѣры и языка, ни

одинаковымъ племеннымъ происхожденіемъ, безропотно и добродотливо относится къ чуждымъ пришельцамъ въ ихъ край, тѣмъ еще болѣе, что послѣдніе надѣлили туземцевъ многими весьма драгоценными въ жизни благами, въ родѣ водоснабженія въ край, желѣзными дорогами и тому подобными пріятными для жителей нововведеніями.

Слѣдя за разноплеменными толпами какъ въ туземномъ городѣ, такъ и во французскомъ кварталѣ, я прежде всего съ удовольствіемъ замѣтилъ, что здѣсь на улицахъ къ пріѣхавшему въ край туристу не пристають такъ сильно, какъ бывало въ Египтѣ, ни проводники, ни погонщики ословъ, ни иного рода попрошайки. А сверхъ того, мнѣ казалось даже, что здѣшніе туземцы дружелюбнѣе относятся къ европейскимъ пришельцамъ и охотнѣе сближаются съ ними. Такъ, между прочимъ, мнѣ случалось въ арабскихъ кофейняхъ встрѣчаться съ французами, распивавшими густой кофе изъ крошечныхъ чашекъ, и наоборотъ, во французскихъ ресторанахъ приходилось также видѣть туземцевъ, едящихъ наргиле за стаканомъ шипучаго лимонада.

А впрочемъ, въ Тунисѣ встрѣчаются почти тѣ же племенные типы, съ какими мнѣ пришлось ознакомиться въ Египтѣ, за исключеніемъ развѣ коптовъ и феллаховъ. Зато послѣдніе замѣняются здѣсь отчасти кабилами, которыхъ считаютъ потомками нумидійцевъ, исконныхъ обитателей края. Кабилы носятъ обыкновенно длинную шерстяную рубаху, сверхъ которой наеидываютъ бѣлый бурнусъ, подобно арабамъ, а голову они покрываютъ феской, наматывая на нее толстый жгутъ на подобіе чалмы изъ бѣлой бумажной матеріи. Сверхъ того, по улицамъ встрѣчаются также потомки изгнанныхъ изъ Испаніи мавровъ, которые одѣваются подобно арабамъ. Тутъ же нерѣдко попадаются черные, какъ смоль, негры. Эти бывшіе невольники остались въ городѣ даже по освобожденіи ихъ отъ рабства. По инымъ угламъ словно въ нишахъ нижнихъ этажей засѣдали передъ разставленными на столикахъ грудками серебряной монеты мѣнялы, евреи, которыхъ въ общемъ составѣ насчитывается здѣсь гораздо болѣе другихъ европейскихъ переселенцевъ, всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ. Изъ послѣднихъ въ край болѣе всего огазывается итальянцевъ, которые не даромъ завидуютъ французскому протекторату: имъ на самомъ дѣлѣ гораздо сподручнѣе было бы владѣть Тунисіей, которая своими сѣверными окраинами весьма близко подступаетъ къ Сициліи и во время оно составляла даже владѣніе Рима. Въ Тунисію переселяются сверхъ того мальтійцы, греки, даже швейцарцы и нѣмцы. Эти иноземные колонисты

пользуются здѣсь всѣми благами протектората, а вмѣстѣ съ тѣмъ они избавлены отъ обременяющей на родинѣ солдатской службы, тогда какъ переселившіеся сюда французы нивѣимъ образомъ не ускользаютъ отъ этой повинности.

Для того, чтобы описать, такъ сказать, съ птичьего полета мѣстность, на которой расположенъ Тунисъ, я отправился на конѣ по такъ-называемому Парижскому бульвару къ бельведеру, который находится верстахъ въ восьми отъ города въ сѣверномъ направленіи. По дорогѣ справа и слѣва мелькали домики съ огородами и садами при нихъ. Однако, такъ-называемый бельведеръ, хотя и именуется садомъ (Jardin du Belvédère), но на самомъ дѣлѣ представляетъ не что иное, какъ довольно высокій холмъ, по скатамъ котораго спиралью вьются усыпанная пескомъ дорожки. Здѣсь пока не разводили ни деревьевъ, ни даже кустовъ; все это имѣется еще въ виду. Поднявшись по окружающимъ холмъ дорожкамъ на самую вершину, я сразу могъ обозрѣть окрестности Туниса; весь городъ съ его плоскими кровлями, надъ которыми высятся куполообразныя мечети съ остроконечными минаретами, лежатъ словно на перешейкѣ между двумя озерами. Примкнувъ своимъ восточнымъ фронтомъ къ гавани, городъ съ остальныхъ сторонъ обведенъ старою зубчатою стѣною съ башнями по угламъ; а на западномъ возвышеніи его стоитъ касба: такъ вообще называются замки или цитадели, какими снабжены болѣе важные города не только въ Тунисіи, но также въ Алжиріи. Въ настоящее время онѣ почти всѣ преобразованы въ казармы для французскихъ батальоновъ. За стѣною здѣсь и тамъ торчатъ небольшіе форты; далѣе въ южномъ направленіи виднѣются развалины римскаго водопровода, а съ противоположной стороны, къ берегамъ Средиземнаго моря открывается видъ на мѣстность, гдѣ былъ расположенъ Каррагенъ съ его славною гаванью.

Эта мѣстность посѣщается обыкновенно туристами по желѣзной дорогѣ изъ Туниса. Однако тутъ не приходится видѣть никакихъ явныхъ слѣдовъ древняго пуническаго города. Попадающія здѣсь и тамъ развалины относятся скорѣе къ остаткамъ римскаго Каррагена, восстановленнаго, какъ извѣстно, императоромъ Августомъ, но вновь разрушеннаго въ исходѣ седьмого вѣка арабами.

II.—Городокъ Сусса и его окрестности.

Протекторатъ въ Тунисіи оказался для Франціи во многихъ отношеніяхъ выгоднѣе неограниченнаго господства ея въ Алжиріи. И въ самомъ дѣлѣ, тогда какъ въ послѣдней области французское правительство, поощряя колонизацію, провело на свой счетъ нѣсколько рельсовыхъ путей во внутрь материка, расходуя на это значительные капиталы, въ то же время въ Тунисіи оно предоставило самимъ колонистамъ заботу о необходимыхъ путяхъ сообщенія. А между тѣмъ колонизація въ протекторатѣ, относительно по крайней мѣрѣ, шла успѣшнѣе, нежели заселеніе Алжиріи. Не даромъ поэтому здѣшніе колонисты стали сътовать на правительство за то, что оно, отказывая въ пособіи Тунисіи, способствовало проложенію рельсовъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ они были рѣшительно бесполезны; такъ, между прочимъ, въ Суданѣ, тѣмъ болѣе, что въ этомъ тропическомъ краѣ, помимо солдатъ и чиновниковъ, нѣтъ, да и нельзя ожидать ни одного французскаго колониста. За послѣдніе годы, наконецъ, правительство обратило нѣкоторое вниманіе на справедливыя жалобы тунисскихъ колонистовъ, и въ настоящее время страна перерѣзана рельсовыми путями, которыми Тунисъ состоитъ въ непосредственномъ сообщеніи не только съ Алжиромъ, но также съ другими важными портами при Средиземномъ морѣ, и между прочимъ съ городомъ Сусса, куда я и отправился по желѣзной дорогѣ.

Этотъ древній, основанный финикійскими колонистами, портъ расположенъ къ югу отъ Туниса, въ одной изъ самыхъ плодородныхъ мѣстностей протектората. Площадь, занимаемая городомъ, составляетъ довольно правильный четырехугольникъ длиною немногимъ менѣе одной версты, а шириною всего съ полверсты. По всѣмъ четыремъ сторонамъ тянутся бѣлокаменные зубчатые стѣны, продольная сторона которыхъ обращена къ небольшой гавани, гдѣ пріютились три небольшихъ каботажныхъ судна, нѣсколько рыбацкихъ лодокъ и прибывшій изъ Туниса пароходъ.

Во внутрь города ведутъ трое воротъ. Весь онъ перерѣзанъ неправильными улицами, которыя, однако, гораздо шире, нежели на базарахъ Туниса, такъ что здѣсь и свѣтлѣе, и просторнѣе. Въ лавкахъ оказались такія же туземныя произведенія, какими торгуютъ въ Тунисѣ, и здѣсь ремесленники также изготовляютъ свои издѣлія при открытыхъ дверяхъ на виду у проходящей мимо публики. Такъ, между прочимъ, тутъ можно видѣть, какъ

женщины твуть разноцвѣтные шерстяные ковры, которыми славится Сусса. Въ иныхъ лавкахъ кабилы выдѣлываютъ корзины разныхъ величинъ изъ пальмовыхъ листьевъ, плетутъ также циновки изъ тростника. Въ Суссѣ находится нѣсколько туземныхъ мыловаренныхъ заводовъ. Здѣшнее оливковое масло также издревле уже составляетъ не маловажный предметъ внѣшней торговли. Сверхъ того, туземные жители всегда промыслили въ обширныхъ размѣрахъ рыболовствомъ на морѣ. Помимо крупной рыбы, здѣсь въ значительномъ количествѣ ловятся сардины и анчоусы. Какъ по всему видно, эта древняя финикійская колонія даже до прибытія въ край европейскихъ колонистовъ обладала довольно доходными промыслами.

Кварталь европейскихъ колонистовъ, применивъ съ сѣвера къ стѣнѣ туземнаго города, свободно раскинулся до самаго порта. Тутъ по широкимъ улицамъ находятся нѣсколько французскихъ магазиновъ, торгующихъ галантерейными и вообще изъ Европы завезенными товарами, книжная лавка, кофейни и гостинницы, а среди площади разведенъ прекрасный скверъ, въ которомъ между тропическими растеніями красуются великолѣпно разросшіеся цивусы. Вообще съ водвореніемъ въ край европейскихъ переселенцевъ въ городѣ въ большомъ порядкѣ поддерживаются разныя административныя учрежденія, не только почтовые и телеграфныя, но также полицейскія и санитарныя. Отъ здѣшней думы по стѣнамъ домовъ развѣшены почетныя воззванія, увѣщающія туземцевъ прививать оспу дѣтямъ, при чемъ предлагается даровое оспопрививаніе.

Въ европейскомъ кварталѣ сооруженъ отличный крытый рынокъ. Высокое каменное зданіе этого рынка, съ двумя башнями по угламъ, снаружи походитъ нѣсколько на укрѣпленный фортъ. Внутренняя просторная площадь его со всѣхъ четырехъ сторонъ занята лавками, въ которыхъ торгуютъ мясомъ, рыбой и овощами. По утрамъ сюда наѣзжаютъ на фурахъ изъ окрестныхъ фермъ продавцы огородныхъ и другихъ продуктовъ, которые частью привозятся также на ослахъ и верблюдахъ. Близъ воротъ среди площадки за столомъ сидитъ обыкновенно сборщикъ податей изъ туземцевъ. Получивъ съ каждаго изъ продавцовъ надлежащую пошлину въ пользу города, онъ выдаетъ имъ свидѣтельство на право продажи. Такимъ образомъ французская администрація перенесла въ Африку свою господствующую въ метрополиі пошлину съ съѣстныхъ припасовъ, свое октруа, которое довольно тяжкимъ бременемъ ложится на потребителей именно самаго бѣднаго класса населенія. У воротъ при входѣ

въ туземный городъ сидеть такой же сборщикъ податей, такъ что и туда не могутъ пробраться торговцы съ съѣстными припасами, не заплативъ пошлины. Близъ этихъ городскихъ воротъ находится еще другой обширный рынокъ подъ навѣсомъ съ двумя рядами колоннъ по обѣ стороны. Судя по надписи надъ просторными дверьми (Halle aux grains), онъ назначенъ для продажи зерновыхъ продуктовъ.

На одной изъ улицъ надъ окнами большого дома я замѣтилъ вывѣску съ надписью: *Chambre mixte du Centre de commerce et d'agriculture*. Поднявшись по лѣстницѣ во второй этажъ, я вошелъ въ комнату, среди которой стоялъ круглый столъ съ разложенными на немъ книгами, журналами и газетами. Тутъ же за конторкой сидѣлъ дежурный чиновникъ, который принялъ меня привѣтливо и на мой вопросъ пригласилъ сѣсть къ столу и пользоваться книгами и журналами сколько мнѣ угодно. Эта читальня открыта здѣшними членами распространенаго въ Тунисіи общества торговли и земледѣлія.

Въ городѣ нашель я три типографіи. Въ одной изъ нихъ печатались произведенія на туземномъ, арабскомъ языкѣ, а въ остальныхъ двухъ—на французскомъ, при чемъ издавалась газета подъ заглавіемъ: „*Le Progrès*“. Сверхъ того, въ кіоскѣ на скверѣ продаются газеты изъ Алжира, Туниса и Парижа. Замѣтимъ встать, что въ городѣ не болѣе 20.000 всѣхъ жителей, въ числѣ которыхъ насчитывается всего около 4.000 европейскихъ колонистовъ. Признаюсь, я никакъ не ожидалъ на почвѣ чернаго материка встрѣтить въ такомъ маленькомъ городѣ подобныя благоустроенныя учрежденія цивилизованныхъ націй, и если по нимъ можно было бы судить о развитіи колонизаціи въ краѣ, то слѣдовало бы признать, что послѣдняя въ Тунисіи достигла значительныхъ успѣховъ. Однако, подобныя учрежденія въ городахъ не могутъ еще служить порукою нормальнаго заселенія новаго края; сами французы говорятъ, что наиболѣе плодотворную колонизацію они ожидаютъ отъ земледѣльческихъ колонистовъ, съ которыми мнѣ и хотѣлось познакомиться ближе.

Редакторъ выходящей въ городѣ газеты „*Le Progrès*“ сообщилъ мнѣ, что въ пяти километрахъ отъ Суссы не такъ давно поселился изъ Франціи сельскій хозяинъ, который собираетъ въ горахъ растеніе, извѣстное подъ названіемъ альфы. Желая ближе ознакомиться съ этой травой, я послѣ полудня отправился изъ города и, миновавъ покрытыя пшеничными всходами поля, подошелъ къ сельскому одноэтажному деревянному дому довольно значительныхъ размѣровъ. Самъ хозяинъ встрѣтилъ меня у от-

крытыхъ настѣжъ дверей и радушно пригласилъ въ комнату. Она ничѣмъ не отдѣлялась отъ поля: при ней не было ни порога, ни передней; даже земляной полъ стлался вровень съ наружной землей и только покрывался тростниковой циновкой. Посреди довольно просторной комнаты стоялъ круглый столъ, за которымъ сидѣли жена хозяина и пожилой французъ, одинъ изъ недалекихъ сосѣдей его. Они пили послѣобѣденный кофе. Пригласивъ меня присѣсть къ столу, хозяйка и мнѣ предложила чашку. Оглядѣвшись кругомъ, я увидѣлъ размѣщенные по тремъ стѣнамъ комнаты стеклянные шкафы. Въ нихъ разставлены были чучела водяныхъ и болотныхъ, крупныхъ и мелкихъ птицъ; рядомъ съ блѣднорозовымъ фламинго стоялъ бѣлый пеликанъ, затѣмъ слѣдовали кроншнепы, гуси и утки разныхъ породъ, вальдшнепы и бекасы. Хозяинъ и сосѣдь его были охотники и настрѣляли эту дичь въ окрестныхъ болотахъ и морскихъ заводяхъ.

Про интересовавшую меня траву альфу фермеръ сообщилъ мнѣ слѣдующее: это растеніе почти сплошь покрываетъ обширныя степныя пространства, зачастую далеко раскинутыя во всѣ стороны до самаго горизонта. Такія раздольныя мѣста называются французами „моремъ альфы“ (mer d'alfa). Нерѣдко, впрочемъ, трава разрастается по холмамъ въ гористой мѣстности. Она успѣшнѣе всего растетъ по суходоламъ и избѣгаетъ сырыхъ низменностей. Альфа растетъ густыми пучками въ родѣ султановъ въ аршинъ слишкомъ вышиною. Она распространена не только въ Тунисіи, но занимаетъ также значительныя пространства въ Алжиріи, особенно въ областяхъ, примыкающихъ къ Малой Сахарѣ. Эти зеленѣющія круглый годъ моря альфы служатъ отличнымъ пастбищемъ для верблюдовъ при караванахъ, направляющихся въ Сахару. Въ случаѣ нужды лошади также пощипываютъ эту траву, но овцы не терпятъ ее.

Полагаютъ, что альфой въ Африкѣ вообще покрывается пространство величиною около пяти милліоновъ гектаровъ. Иногда, впрочемъ, пучки этой травы слишкомъ удалены другъ отъ друга, такъ что нѣтъ никакого расчета собирать ее. Фермеръ сообщилъ мнѣ, что онъ арендуетъ у тунисской лѣсной администраціи около пятидесяти гектаровъ, покрытыхъ альфою, и платитъ за это всего 5 франковъ. Въ иныхъ мѣстахъ площади, покрытыя этой травой, принадлежать общинамъ или частнымъ лицамъ. Значительныя пространства до сихъ поръ считаются собственностью кочующихъ по нимъ туземныхъ племенъ. Кабилы пользуются этой травой не только для корма верблюдамъ, но вы-

дѣлають изъ нея бичевки, плетутъ корзины, циновки и тому подобныя предметы на домашнюю потребу. Но европейскіе колонисты, такъ же какъ мой знакомый фермеръ, собираютъ альфу съ коммерческою цѣлью, сбывая ее въ Европу для выдѣлки изъ нея бумаги.

На такой конецъ фермеръ съ наступленіемъ весны нанимаетъ рабочихъ, большею частью мальтійцевъ или итальянцевъ, а иногда даже туземцевъ, и отправляется съ ними въ арендованную имъ степь. Тамъ наемники располагаются въ шалашахъ, составляемыхъ тутъ же изъ самой альфы, а хозяинъ сооружаетъ для себя досчатый баракъ. Потомъ рабочіе принимаются выдерживать зеленую альфу и пучками складываютъ ее къ назначенному мѣсту для просушки. Собранная такимъ порядкомъ трава свозится затѣмъ на ферму, прессуется въ небольшіе тюки и въ такомъ видѣ доставляется пароходами большею частью въ Англію. Знакомый мнѣ фермеръ считъ, однако, болѣе выгоднымъ выдѣлывать у себя дома изъ альфы тѣ бѣлые лепестки, изъ которыхъ на фабрикахъ изготовляется бумага. Для этого искрошенные въ мелкіе кусочки стебли подвергаются надлежашей химической операціи, выбѣливаются при посредствѣ хлористаго кальция и прессуются въ круглыя лепешки съ ладонь величиной. Приготовляемая изъ лепешекъ отличная бѣлая бумага въ Англіи употребляется частью для роскошныхъ изданій съ гравюрами. Хозяинъ предложилъ мнѣ на память пучокъ высушенной альфы и изготовленный изъ нея бѣлый кружочекъ. Въ сухомъ видѣ желтобурого цвѣта трава напомнила мнѣ нашъ ленъ, высушенный въ полѣ на солнечномъ припецѣ.

Мой фермеръ предложилъ пройтись по его плантаціи. Прямая къ морскому берегу, она занимаетъ площадь величиною въ 240 гектаровъ. Хозяинъ лѣтъ пять тому назадъ купилъ этотъ участокъ у тунисскаго правительства. Дѣло въ томъ, что земля, составляющія собственность государства въ Тунисіи, по распоряженію администраціи, размежеваны французскими инженерами и даже изслѣдованы предварительно агрономами. Затѣмъ составляются особые списки, въ которые вносятся свѣдѣнія, необходимыя для того, чтобы колонисты, находясь хотя бы даже въ самой Франціи, могли до своего окончателнаго переселенія сдѣлать свой выборъ. Въ этихъ спискахъ, которые мнѣ приходилось видѣть въ читальнѣ общества земледѣлія, сообщаются именно: 1) мѣстонахожденіе продаваемаго участка, разстояніе его отъ извѣстнаго города или селенія, ведущіе къ нему пути сообщенія и пр.; 2) описаніе самой мѣстности, почвы, расти-

тельности, свѣдѣнія касательно воды и орошенія вообще; 3) цѣны участковъ; 4) условія и обязанности, которымъ подлежитъ покупатель. Надо замѣтить, что половину денегъ колонистъ обязанъ внести при совершеніи купчей, четверть по истеченіи трехъ лѣтъ, а остальную четверть въ концѣ четвертаго года. Если же онъ согласенъ заплатить разомъ всю сумму, то ему дѣляется уступка въ размѣрѣ десяти процентовъ. Сверхъ того, колонисту вмѣняется въ обязанность въ теченіе двухъ первыхъ лѣтъ по совершеніи купчей воздѣлать извѣстную часть земли, устроить усадьбу и поселиться на купленномъ участкѣ. Къ этому списку присоединяется подробный планъ размежеванной мѣстности, разбитой на нѣсколько участковъ величиною каждый отъ ста до трехъ сотъ гектаровъ. Цѣны земель, годныхъ къ воздѣлѣю, простираются отъ 100 до 120 франковъ за гектаръ, а покрытыхъ кустарникомъ или раскинутыхъ въ гористой мѣстности—отъ 5 до 15 франковъ.

Сверхъ того, можно купить землю у частнаго собственника, такъ какъ въ Тунисіи осталось съ прежнихъ временъ не мало туземныхъ землевладѣльцевъ. Однако, въ этомъ случаѣ необходимо соблюдать крайнюю осторожность при совершеніи купчей, такъ какъ туземцы нерѣдко владѣютъ участками лишь по праву произвольнаго захвата, не сертифицированнаго никакими документами. Предупредить всякія недоумѣнія въ такомъ случаѣ можно только при посредствѣ предварительнаго внесенія участка въ правительственные списки. Туземцы, впрочемъ, расстаются съ своимъ владѣніемъ только въ такомъ случаѣ, когда крайняя нужда заставляетъ ихъ продать его.

Сверхъ того, въ странѣ существуютъ еще имущества мертвой руки, которыя по завѣщанію благочестивыхъ мусульманъ составляютъ собственность мечетей или благотворительныхъ учреждений. Эти имущества признаются неотчуждаемыми. Они отдаются, однако, въ безсрочную аренду, и фермеръ, внося извѣстную годовую плату, пользуется землей неограниченное число лѣтъ какъ своею собственностью.

Миновавъ нѣсколько гектаровъ, по которымъ зеленѣла довольно густая пшеница, фермеръ подвелъ меня къ своей оливковой плантаціи. На площади величиною въ 24 гектара всего года три тому назадъ рассажены были молодыя оливковыя деревья. На мой вопросъ, во что обошлась хозяину эта рассадка? онъ отвѣчалъ: „Мнѣ все это пока ничего не стоитъ“. Затѣмъ онъ объяснилъ, что эту плантацію рассадилъ не онъ самъ, а его арендаторъ на свой собственный счетъ. Этотъ арендаторъ,

по заключенному съ нимъ условію, обязанъ своими средствами распашать землю, выворчевать находящіяся на ней кусты, доставить молодыя оливковыя деревья, рассадить ихъ и ухаживать за ними до тѣхъ поръ, пока не созрѣютъ оливы настолько, чтобы съ каждаго дерева можно было собрать отъ 4 до 6 литровъ плодовъ, что обыкновенно совершается по истеченіи 8 или 10 лѣтъ послѣ рассадки. Въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ арендаторъ воленъ засѣять въ свою пользу почву въ промежуткахъ между деревьями пшеницей или травой. Въ здѣшней плантаціи промежутки покрыты были люцерною, которая и сбывалась за деньги самому фермеру. На этихъ 24 гектарахъ посажено было всего 400 деревъ, такъ что между ними оказались довольно просторные промежутки. По истеченіи 8 или 10 лѣтъ весь оливковый участокъ имѣетъ разбиться на двѣ равныя части по 12 гектаровъ каждая: одна половина переходитъ во владѣніе фермера, а другую получаетъ арендаторъ въ вознагражденіе за его труды и расходы. Такимъ образомъ разведеніе оливковой плантаціи производится здѣсь какъ бы исполу, съ тою разницею, что при этомъ дѣлится пополамъ не урожай, а сама земля съ разведенными на ней оливами. Арендаторомъ, съ которымъ фермеръ заключилъ контрактъ, оказался туземецъ-кабилъ. Онъ до сихъ поръ добросовѣстно исполнялъ свои обязанности; да иначе и быть не можетъ: вѣдь онъ трудится въ свою же пользу, такъ какъ по истеченіи условленнаго срока онъ становится самъ собственникомъ 12 гектаровъ плантаціи. Для землевладѣльца, не обладающаго свободнымъ капиталомъ, подобная сдѣлка также выгодна: ничѣмъ не рискуя, онъ по истеченіи положеннаго срока вполне увѣренъ пріобрѣсть доходную плантацію. Со временемъ, когда хозяйство пойдетъ успѣшно, фермеръ надѣется даже выкупить у арендатора его половину и сдѣлаться такимъ образомъ неограниченнымъ обладателемъ всѣхъ 24 гектаровъ оливковой рощи.

Какъ ни выгодно достается землевладѣльцу такая плантація, а все-таки обзаведеніе всего хозяйства обходится ему довольно дорого. И въ самомъ дѣлѣ, уплативъ за свой участокъ порядочную сумму, фермеръ израсходовалъ еще немало на постройку усадьбы, на покупку лошадей и скота, такъ что въ первые два года, не получая никакого дохода, онъ потратилъ слишкомъ полтораста тысячъ франковъ. А мой знакомый хозяинъ еще не изъ очень крупныхъ владѣльцевъ. Многіе владѣютъ на тысячи и болѣе гектаровъ. Въ Тунисіи вообще преобладаетъ крупное землевладѣніе. Мелкіе участки попадаютъ преимущественно въ

окрестностяхъ городовъ въ родѣ Туниса и Суссы. Эти мелкіе фермеры промышляютъ болѣе всего овощами, поставляя ихъ на рынки въ городѣ. Что же касается до наемныхъ рабочихъ и до поденщиковъ, то задѣльная плата въ Тунисіи даже ниже, чѣмъ во Франціи, оттого, что здѣсь французскимъ землевладѣльцамъ приходится конкурировать съ туземными наемниками, которые зарабатываютъ въ день менѣе двухъ франковъ. По этому уже можно убѣдиться въ томъ, что здѣсь неимущимъ колонистамъ не предвидится никакой надежды приобрести со временемъ земельную собственность; тогда какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки такіе же недостаточные переселенцы, благодаря болѣе высокой задѣльной платѣ и дешевизнѣ земель, сплошь и рядомъ дѣлаются землевладѣльцами. Вотъ одна изъ причинъ, почему изъ Франціи ежегодно десятки тысячъ выселяются въ Америку, тогда какъ въ Тунисію въ теченіе слѣдующаго пятнадцати лѣтъ переселилось не болѣе 16.000 человекъ, и въ этомъ скудномъ составѣ колонистовъ болѣе всего оказывается людей коммерческихъ и чиновниковъ, принадлежащихъ къ администраціи протектората. Настоящихъ же хлѣбопашцевъ, которые сами воздѣлывали бы свою землю, между переселенцами весьма ограниченное число. Сельскимъ хозяйствомъ занимаются преимущественно болѣе или менѣе достаточные капиталисты, которые, подобно моему знакомому фермеру, воздѣлываютъ свою землю не иначе, какъ при посредствѣ наемныхъ итальянскихъ или туземныхъ рабочихъ.

III.—Отъ Туниса до Суэъ-Араса.

Вернувшись изъ Суссы въ Тунисъ, я на другое утро выѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Алжиръ. Обогнувъ городъ съ западной стороны, поѣздъ вскорѣ нырнулъ въ туннель, а когда выкатилъ изъ-подъ него, то намъ представилась живописная картина: справа на холмахъ возвышались два форта, а слѣва ярко синѣла гладкая поверхность довольно большого озера. Выѣхавъ затѣмъ на просторъ, мы любовались сочною зеленью на нивахъ, оливковыми плантаціями, огородами и садами при дачахъ богатыхъ городскихъ негоціантовъ. Вотъ съ правой стороны показался красивый дворецъ бея въ мѣстечкѣ Бардо, гдѣ въ 1881 году заключенъ былъ договоръ, по которому Тунисіа подчинилась протекторату Франціи. Черезъ четверть часа поѣздъ подкатилъ къ станціи Мануба. Сюда жители Туниса въ праздничные дни выѣзжаютъ погулять по прекраснымъ садамъ и ѣ-

стечка, въ казармахъ котораго помѣщается въ настоящее время французскій отрядъ африканскихъ стрѣлковъ.

Высадивъ на дебаркадеръ съ дюжину пассажировъ, поѣздъ немедля понесся далѣе и вскорѣ прокатилъ подъ высокими арками величественнаго римскаго водопровода, которымъ даже въ настоящее время Тунисъ снабжается водою изъ ключей гористаго Загуана, находящихся верстахъ въ сорока отъ города. Мы подъѣхали, наконецъ, къ рѣкѣ Меджердѣ и по мосту переправились на лѣвый берегъ ея. Грязноватая вода несется тутъ между крутыми берегами по сѣверовосточному направленію и вливаются прямо въ Тунисскій заливъ. Это единственный потокъ въ странѣ, заслуживающій названія рѣки, да и то не судоходной. Другіе стекающіе съ горъ ручьи и рѣчки сильно разливаются въ дождливую зимнюю пору, но затѣмъ, въ сухое лѣто, пропадаютъ частью въ пескахъ или вливаются непосредственно въ море и болѣею частью совсѣмъ высыхаютъ.

Станція, при которой на этотъ разъ остановился поѣздъ, составляетъ узелъ желѣзныхъ дорогъ: отсюда рельсовая вѣтвь направляется къ сѣверу, къ самому берегу Средиземнаго моря, гдѣ находится одна изъ лучшихъ гаваней Тунисіи, Бизерть. По газетамъ я случайно узналъ, что въ этой гавани на дняхъ стояла русская эскадра въ одно время съ нѣсколькими судами французскаго флота. Итальянцевъ почему-то встревожило такое соимѣстное пребываніе въ гавани парокhodовъ двухъ союзныхъ державъ, и одна изъ итальянскихъ газетъ, не обинуясь, заявила, что подобное сочетаніе двухъ союзныхъ флотовъ сильно угрожаетъ политическому равновѣсію на Средиземномъ морѣ. На эту выходку тунисскія газеты справедливо возражали, что связанное равновѣсіе давно уже нарушено въ дѣйствительности, такъ какъ надъ этимъ внутреннимъ моремъ Стараго Свѣта суждено господствовать ни Франціи, ни Италиі, берега которыхъ имъ омываются, но такой державѣ, которая по своему географическому положенію вовсе не имѣетъ права на подобное господство, а именно—Англии. Итальянскій публицистъ побуждаетъ свое правительство быть насторожѣ, напоминая о сосѣдствѣ Бизерты съ Сициліей. Укрѣпивъ свою гавань и предоставивъ въ ней русской эскадрѣ морскую стоянку, Франція подготавливаетъ будто бы такимъ образомъ, въ ущербъ итальянцамъ, важный стратегическій пунктъ на Средиземномъ морѣ. На такія опасенія тунисская газета замѣчаетъ, что Франція и не имѣетъ вовсе въ виду нападать на Италию, а сверхъ того, если, къ несчастію, возгорится когда-нибудь война между европейскими державами,

то политическое отношеніе между Франціей и Италіей рѣшится ужь никакъ не на Средиземномъ морѣ, а скорѣе на материкѣ Европы.

Начиная со станціи, у которой мы остановились, главный рельсовый путь къ западу пролегаетъ далѣе по плодородной долинѣ рѣки Меджерды. По свѣжей сочной зелени луговъ разрослись въ разныхъ направленіяхъ старыя оливковыя деревья. Своими толстыми корявыми стволами они издали напоминали мнѣ наши ветхія дуплистыя ивы. Такія древнія рощи свидѣтельствуютъ о стародавнемъ разведеніи оливковыхъ деревьевъ въ краѣ; и дѣйствительно, извѣстно, что еще во время римскаго владычества олива составляла одинъ изъ главныхъ продуктовъ провинціи Африки, какъ вся эта область называлась тогда римлянами.

Мѣстами по склонамъ холмовъ зеленѣли густыя виноградники. Въ противоположность оливѣ, лоза находится здѣсь, можно сказать, въ зачаткѣ, такъ какъ она въ болѣе обширныхъ размѣрахъ стала разводиться въ Тунисіи лишь съ появленія въ ней европейскихъ колонистовъ. И дѣйствительно, съ водвореніемъ французовъ винодѣліе широко развилось въ краѣ. Болѣе всего готовится очень хорошее красное вино, которое перевозится даже во Францію.

Въ недавно покинутомъ мною Египтѣ я не встрѣчалъ ни оливы, ни виноградной лозы, а по долинѣ Меджерды мнѣ вовсе не попадались ни финиковая пальма, ни бананъ, которыми изобилуетъ Египетъ. Финики зрѣютъ, правда, въ южной части Тунисіи, особенно по оазисамъ Сахары. Такое несходство растительнаго царства явно намекаетъ на различіе климатовъ въ этихъ областяхъ по сѣвернымъ окраинамъ Африки. И дѣйствительно, въ Тунисіи на воздухѣ мнѣ показалось гораздо свѣжѣе, чѣмъ въ долинѣ Нила; не даромъ Тунисъ лежитъ градусовъ на семь сѣвернѣе Каира. Въ настоящее зимнее время, однако, здѣшняя растительность подъ вліяніемъ дождей сильно оживилась, луга и лѣса кругомъ весело зеленѣли и цвѣли, горныя ручьи наводнялись и съ шумомъ устремлялись къ морю. По долинѣ нерѣдко приходилось пробѣгать мимо рощей, усаженныхъ эвкалиптами. Эти деревья завезены сюда изъ Австраліи европейскими переселенцами, въ виду предохраненія отъ заразительной лихорадки, противъ которой эвкалипты служатъ отличнымъ предохранительнымъ средствомъ. Но здѣшнія рассаженные правильными рядами деревья показались мнѣ какими-то хилыми и

тощими въ сравненіи съ тѣми могучими эвкалиптами, какіе приходилось видѣть въ Австраліи.

Чѣмъ далѣе нашъ поѣздъ несется все по той же долинѣ, тѣмъ гористѣе становится окружающая мѣстность. Иной разъ рельсы пролегаютъ словно въ тѣснинѣ между отрогами Атласа, на вершинахъ которыхъ стоятъ развалины, какъ сохранившіеся слѣды римскаго владычества. Вотъ, наконецъ, мы вѣхали въ такъ называемое ущелье Меджерды. Стѣсняемая горами рѣка образовала здѣсь такія рѣзкія извилины, что намъ въ короткій срокъ пришлось перебраться по девяти мостамъ, которые быстро слѣдовали одинъ за другимъ. Въ иныхъ мѣстахъ мостики проложены также черезъ горныя ручьи, которые, пѣнясь и бушуя, вливаются въ главную рѣку. Переѣхавъ на правую сторону рѣки, поѣздъ понесся вдоль берега по весьма плодородной, покрытой хлѣбными полями долинѣ. Но странно, несмотря на этотъ хорошо воздѣланный край, здѣсь нигдѣ не попадаются селенія, состоящія изъ совокупности нѣсколькихъ жилищъ. Напротивъ, вездѣ показываются лишь одинокія усадьбы, какъ бы затерявшіяся среди необитаемой мѣстности. Переѣхавъ, наконецъ, границу Алжіріи, мы часу въ пятомъ подкатили къ дебаркадеру Сукъ-Араса, гдѣ я и покинулъ вагонъ.

Меня не мало удивило, когда въ этомъ пограничномъ городѣ мой багажъ поступилъ въ таможеню и подвергся поверхностному, правда, осмотру. Такимъ образомъ продукты, перевозимые изъ французскаго протектората въ Алжірію и даже во Францію, подлежатъ таможенной пошлинѣ, и наоборотъ, товары, привозимые изъ Франціи и Алжіріи въ Тунисію, точно также поступаютъ въ таможеню. Итакъ, предметы, производимые французскими колонистами и продаваемые французскимъ потребителямъ, облагаются какъ чужестранные пошлиной, единственно ради фискальной мѣры. Однако, такая мѣра, по увѣренію французскихъ публицистовъ, не приноситъ правительству никакихъ выгодъ, а только вредитъ успѣхамъ колонизаціи, сильно тормозя ее.

Расположенный на невысокой холмистой площади, этотъ городокъ съ его шестью тысячами жителей обязанъ своимъ возникновеніемъ французскимъ колонистамъ. Здѣсь въ первый разъ не засталъ я никакихъ слѣдовъ стараго туземнаго города, и если до появленія французовъ тутъ обитали туземцы, то они жили, какъ надо полагать, въ простыхъ шалашахъ. Занимая весьма выгодное положеніе среди плодородной мѣстности, служащей превосходнымъ пастбищемъ для рогатаго скота и овецъ,

изобилующей сверхъ того отличнымъ строевымъ лѣсомъ по горамъ, Сукъ-Арасъ поддерживаетъ съ Тунисіей оживленные торговыя сношенія, несмотря даже на таможенныя пути. Французы, вообще, не мало гордятся, указывая на быстрое развитіе этого мѣстечка. Городъ, впрочемъ, не отличается роскошными постройками: двухъ- и трехъэтажные дома представляютъ обыкновенныя простыя зданія. Обширный крытый рынокъ служить главнымъ средоточіемъ для хлѣбной торговли: здѣсь частью въ мѣшкахъ, а частью грудями на землѣ лежали образцы пшеницы, ячменя, проса. На другомъ открытомъ рынкѣ производилась торговля скотомъ. Болѣе щеголеватое зданіе занато думой. Оно увѣнчано куполомъ съ башенкой на немъ и крестомъ; подъ куполомъ красуются большіе часы, а подъ ними начертаны слова: *Liberté, égalité, fraternité*,—какъ излюбленный французами девизъ, который они переносятъ съ собою во всѣ части свѣта, но которому, къ сожалѣнію, нигдѣ не суждено осуществиться.

Выходя изъ города, я на холмиѣ увидѣлъ собраніе римскихъ скульптурныхъ произведеній. Они найдены въ здѣшнихъ окрестностяхъ и выставлены владѣльцемъ въ родѣ какъ бы музея подъ открытымъ небомъ. Тутъ полувругомъ расположены сохранившіеся остатки мраморныхъ статуй въ тогахъ, нѣсколько барельефовъ, два торса безъ головъ, мраморныя тумбочки съ высѣченными на нихъ надписями отъ 380-го года до Р. Х., а на двухъ столбахъ торчатъ капители съ древнихъ колоннъ.

Близъ Сукъ-Араса на югѣ находятся еще другіе остатки римскихъ развалинъ, служащіе нагляднымъ признакомъ, что эта мѣстность была встарь довольно густо населена. Вообще, какъ въ Алжирѣ, такъ и въ Тунисіи встрѣчается много руинъ въ родѣ аведувовъ, цистернъ, каменныхъ мостовъ, башенъ, амфитеатровъ. Такіе слѣды минувшаго пребыванія въ краѣ цивилизованныхъ колонистовъ свидѣтельствуютъ о произведенныхъ въ разныя эпохи попыткахъ культурныхъ націй ввести цивилизацію въ сѣверныя области чернаго материка. Немногіе края подвергались въ теченіе тысячелѣтій такимъ крутымъ переворотамъ, какъ эти сѣверныя окраины Африки. И въ самомъ дѣлѣ, начиная съ 880-го года до Р. Х., карреагеняне въ теченіе слишкомъ шести столѣтій господствовали въ странѣ, открывая по берегамъ свои факторіи, созидавая города, строя водопроводы и другія зданія, необходимыя для удобнаго житія ихъ колонистовъ. Это были цвѣтушія коммерческія колоніи. Когда же затѣмъ римляне, разрушивъ Карреагенъ, овладѣли краемъ, то имѣли уже въ виду воспользоваться плодородною страной и обратили ее въ жит-

нипу Рима. Какъ образцовые колонизаторы, они развели по всѣмъ областямъ земледѣльческія колоніи, пролагали удобныя дороги, создавали гидравлическія постройки и довели свои поселенія до весьма цвѣтущаго состоянія. Сохранившіеся слѣды ихъ колоній до сихъ поръ служатъ самыми надежными примѣтами здоровой и плодородной мѣстности. Пользуясь этимъ, французскіе переселенцы и въ настоящее даже время при выборѣ участковъ водворяются предпочтительно въ мѣстахъ, гдѣ попадаются римскія развалины и нерѣдко строятъ даже свои дома на римскихъ пелищахъ.

Однако, въ пятomъ столѣтіи уже вандалы, переправившись черезъ Геркулесовы столбы, нагрянули на этотъ край и произвели въ немъ страшныя опустошенія. Сооруженія карагенянъ и римлянъ безошадно преданы были разрушенію. Хотя Велизарію по прошествіи одного столѣтія и удалось сокрушить владычество вандаловъ и подчинить эти сѣверныя окраины Африки Византіи, однако, возстанія и смуты продолжали опустошать край, такъ что онъ сильно обезлюдѣлъ и въ немъ воцарилась тишина кладбища. Въ исходѣ седьмого столѣтія арабы разлились по всему краю и обратили жителей его въ магометанство. Какъ кочевники, эти новые пришельцы занимались преимущественно скотоводствомъ и еще сильнѣе способствовали распаденію древней цивилизаціи въ Африкѣ. Послѣ злополучнаго крестоваго похода Людовика Святого, павшаго жертвою чумы, Карлъ V съ испанскими войсками овладѣлъ, правда, Тунисомъ и освободилъ до 20.000 христіанъ, томившихся въ неволѣ; но тѣмъ и ограничились подвиги европейцевъ въ Африкѣ, оставшейся подъ властью мусульманъ. А когда въ XVI столѣтіи турки покорили сѣверныя области ея, то Алжиръ и Тунисъ сдѣлались притонами морскихъ разбойниковъ, которые въ теченіе трехъ столѣтій, на позоръ европейскихъ державъ, господствовали надъ Средиземнымъ моремъ, грабили города и села по южнымъ берегамъ Европы и уводили жителей ихъ въ неволю. Разбои продолжались до тѣхъ поръ, пока французскія войска въ 1830-мъ году не завладѣли Алжиріей. Съ этой поры и началась собственно французская колонизація. Успѣхъ ея зависитъ, конечно, отъ многихъ условій; во всякомъ случаѣ, однако, надо надѣяться, что она будетъ по крайней мѣрѣ прочтѣе колониальныхъ попытокъ карагенянъ и римлянъ.

Посѣщая окрестности Суэзь-Араса, я какъ-то разъ среди виноградниковъ увидѣлъ странную палатку: грубая шерстяная полость темно-бурого цвѣта вытянута была шаговъ на двадцать

въ длину; по серединѣ она подпиралась жердями, а концы ея прикрѣплялись къ землѣ по обоимъ концамъ кольями. Иадали эта палатка походила на холмикъ съ отлогими боками. Подъ навѣсомъ полости лежало два мѣшка съ пшеницей и финиками, бараній бурдюкъ, наполненный водой, нѣсколько деревянныхъ посуды въ валялись на разостланной по землѣ циновкѣ изъ альфы. Среди этого скарба сидѣла немолодая смуглая женщина, а возлѣ нея гомозились двое полунагихъ мальчиковъ съ черными исключенными волосами. Палатка служила жилищемъ для прибывшаго сюда издалева кабила съ его семьей и служившаго работникомъ у владѣльца здѣшнихъ виноградниковъ.

Здѣсь попадались тѣ же туземные типы, съ какими я ознакомился въ Тунисіи; но между ними меня особенно поразили новаго рода личности, отличавшіяся бѣлымъ цвѣтомъ кожи. Эти люди, одѣтые такъ же, какъ кабилы, отличаются сверхъ того голубыми глазами съ кроткимъ взглядомъ и свѣтлыми волосами. Когда ихъ видишь рядомъ съ смуглыми арабами, то такъ и кажется, что передъ вами стоятъ альбиносы. Не потому ли это тѣхъ блондурихъ вандаловъ, которые разрушили римскую культуру въ областяхъ сѣверной Африки? Мнѣ сказали, что этихъ альбиносовъ зовутъ мозабитами и они прибыли сюда съ одного изъ оазисовъ Сахары. Въ городахъ они занимаются вообще торговыми промыслами и пользуются нѣкоторымъ довольствомъ.

IV.—Отъ Суэъ-Араса до Константины.

Пробывъ дня три въ Суэъ-Арасѣ, я затѣмъ раннимъ утромъ направился по желѣзной дорогѣ далѣе на западъ. Мѣстность становилась все болѣе гористою. Пройдя нѣсколько туннелей, нашъ поѣздъ, огибая крутыми поворотами горы, несся то по южному, то по сѣверному направленію. Глубоко внизу подъ нами раскинулась прекрасная долина, по которой здѣсь и тамъ показывались окруженные виноградниками селенія, какихъ намъ не приходилось встрѣчать въ Тунисіи съ ея одинокими фермами, повинуемыми среди пустынной мѣстности. Далѣе по пути стали попадаться мѣстечки съ кирпичными заводами и мельницами. Край казался весьма населеннымъ. Вскорѣ поѣздъ сталъ спускаться съ возвышенностей и, переѣхавъ по мосту черезъ бурный и многоводный въ настоящую зимнюю пору ручей, несся далѣе то по лѣвому, то по правому берегу горнаго потока. Возвышенности покрыты густыми лѣсами и кое-гдѣ показывается

снѣгъ на вершинахъ Атласа. Вообще, гористая дорога отъ Сувъ-Араса до Константины представляетъ своеобразныя, единственныя въ своемъ родѣ картины; но то, что увидѣлъ я, подѣхавъ подъ вечеръ къ самому городу, превзошло всякія встрѣчавшіеся до сихъ поръ виды. Передъ нами поднималась голая скала съ крупными изборозженными боками, а на вершинѣ лѣпились дома города, живописно раскинувшись амфитеатромъ по покатости, отлого спускавшейся съ сѣвера къ югу. Направо отъ насъ горбомъ возвышался холмъ, на которомъ сохранились остатки римскаго форта.

Покинувъ станцію, я пѣшкомъ направился въ городъ и, свернувъ по дорогѣ влѣво, подошелъ къ краю обрыва, который въ видѣ глубокой, не очень широкой щели отдѣляетъ скалу съ раскнутымъ на ней городомъ отъ рельсоваго пути. Въ глубинѣ этого ущелья бурлитъ и влопочетъ омывающій крутые скаты потокъ Румель. Пробираясь по перекинутому черезъ него новому желѣзному мосту, я замѣтилъ подъ нимъ внизу остатки другого, недавно лишь развалившагося каменнаго римскаго моста. Пройдя затѣмъ подъ аркой простыхъ триумфальныхъ воротъ изъ бѣлаго камня, я, слѣдуя за кабиломъ, который несъ мой чемоданъ, поднялся по довольно крутому скату въ городъ и направился по главной, такъ-называемой Національной улицѣ къ гостинницѣ.

Когда слуга внесъ мой багажъ въ назначенный номеръ, то при входѣ меня пріятно поразилъ предметъ, какового я не видѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ покинулъ Европу; а именно, въ комнатѣ оказался каминъ, чего никакъ не ожидаешь застать на почвѣ чернаго материка, съ мыслью о которомъ у насъ связано понятіе о тропической жарѣ и о нагихъ чернокожихъ туземцахъ. На дворѣ, правда, было довольно свѣжо, всего градусовъ 7 тепла по Реомюру, а сверхъ того моросилъ дождь, который въ ночи смѣнился сильнымъ туманомъ. Хотя Константина лежитъ южнѣ Италіи, въ которой тоже не всегда встрѣчаются каминны, но надо замѣтить, что здѣшній городъ расположенъ на довольно значительной возвышенности, а потому и неудивительно, что здѣсь бываетъ холоднѣе, чѣмъ даже въ Сициліи. Я прозябъ таки порядочно и попросилъ тотчасъ же затопить каминъ. Когда, выспавшись въ теплѣ, утромъ я вышелъ въ общую столовую, то увидѣлъ тамъ большой валориферъ, который хорошо согрѣвалъ обширную комнату. Позавтракавъ, я отправился осматривать городъ.

Обозрѣвая со всѣхъ сторонъ скалу, на которой расположена Константина, всякій долженъ убѣдиться въ томъ, что по-

добные города строились встарь исключительно съ тѣмъ, чтобы служить спасительнымъ убѣжищемъ отъ нападающихъ враговъ. И въ самомъ дѣлѣ, почти всѣ племена, какія въ разные эпохи наводняли край, нѣсколько разъ осаждали и брали приступомъ Константину. Этотъ единственный въ своемъ родѣ городъ по своему положенію въ скалистой мѣстности представляетъ естественную крѣпость, едва доступную, и то только въ одномъ мѣстѣ. И дѣйствительно, протекая, какъ мы видѣли, въ узкомъ ущельѣ, Румель дѣлаетъ городъ съ трехъ сторонъ рѣшительно недосыгаемымъ, такъ что если исключить тотъ мостъ, по которому я перешелъ со станціи, то выбраться изъ города въ предмѣстье можно только по площади на западномъ скатѣ. Эта, такъ называемая площадь бреши (La place de la Breche) представляетъ единственный проходъ, которымъ можно проникнуть въ крѣпость, а потому мнѣ всякій разъ приходилось встрѣчать здѣсь толпы пѣшеходовъ и разнаго рода экипажи, Миновавъ стоящій на площади довольно обширный хлѣбный рынокъ, я увидѣлъ небольшую пирамиду съ надписью, гласящею, что на этомъ мѣстѣ, наканунѣ взятія Константины, при обзорѣ батареи бреши, 12-го октября 1837 года, убитъ пушечнымъ ядромъ генералъ Дамремонъ, командовавшій экспедиціонной арміей.

Проходя затѣмъ по дорогѣ, проложенной къ сѣверу за крѣпостною стѣной, я любовался крутыми, тоже мало доступными подъемами, но покрытыми здѣсь зеленѣющимъ дерномъ. На самой верхней точкѣ скалы виднѣлось зданіе Касбы, которая въ свое время занята была римлянами, вандалами, арабами, турками, а теперѣ преобразована французами въ обширныя казармы. Вскорѣ я подошелъ къ уединенно стоящему дому, и увидѣвъ возлѣ него французскаго поселенца, обратился къ нему съ вопросомъ, какъ пройти къ каскадамъ? Объяснивъ, что къ нимъ трудно добраться, не зная мѣстности, онъ радушно предложилъ самъ проводить меня. Покинувъ дорогу и пройдя цѣлкомъ саженъ двѣсти, мы приблизились къ самому берегу протекающаго здѣсь Румеля. Выбравшись изъ-подъ скалъ, образовавшихъ здѣсь какъ бы естественный туннель, рѣка, разлившись по широкой, усыпанной камнями площади, брызжетъ бурными каскадами черезъ валы и, наконецъ, низвергается съ уступа въ пять саженъ вышиною пѣнистымъ водопадомъ. Въ пустынной, мало доступной мѣстности, среди желтобурыхъ скалистыхъ бугровъ, эти разбушевавшіяся воды являютъ величавое своеобразное зрѣлище.

Возвращаясь въ городъ черезъ ту же площадь бреши, я по-

нелъ бродить по закоулкамъ стараго туземнаго квартала. Хотя онъ и отдѣляется отъ европейскаго, но отличается отъ него не такъ рѣзко, не такъ своеобразно, какъ въ Тунисѣ; тѣмъ еще болѣе, что здѣсь главная Національная улица прошла вдоль всей туземной части города, такъ что въ ней встрѣчается не мало домовъ вполне европейскаго типа. Тутъ, между прочимъ, отличались лавки кожевниковъ и вообще кожевенныхъ мастеровъ, въ родѣ шерниковъ и въ особенности башмачниковъ, которые снабжаютъ своими разноцвѣтными туфлями жителей обширной области, примыкающей къ Константинолю. Шерстяныя издѣлія, какъ-то бурнусы, одѣяла, пестрые ковры, расходятся также въ значительномъ количествѣ.

Въ другой разъ я направился по южному бульвару (boulevard du Sud), разведенному у самаго края скалистой кручи, на днѣ которой, саженъ на сто въ глубь, въ ущельѣ стремится съ юга на сѣверъ Румель. Спустившись до южной, острымъ угломъ выдающейся оконечности города, я вышелъ затѣмъ по скалистой мѣстности, покрытой кое-гдѣ агавами и кактусами, къ здѣшнимъ бойнямъ. Онѣ состоятъ изъ трехъ особенныхъ отдѣленій: одно изъ нихъ отведено для христіанъ, другое для мусульманъ, а третье для евреевъ. Недалеко отсюда находятся почти покинутыя старыя казармы турецкой кавалеріи, а за ними въ пустынной мѣстности видѣются довольно хорошо сохранившіеся остатки римскихъ водопроводовъ. Выстроенные изъ плитняка, они высоко поднимаются на пяти аркахъ.

Потомъ я спустился къ перекинутому черезъ Румель Чортову мосту (Pont du Diable). Не болѣе двадцати шаговъ въ длину, этотъ мостикъ выстроенъ какъ разъ у того мѣста, гдѣ рѣка, протекая до сихъ поръ въ руслѣ отъ 20 до 25 саженъ въ ширину вдругъ вливается въ тѣсную щель между отвѣсными скалами; такъ что, стоя посреди моста, я съ одной южной стороны видѣлъ спокойно текуція во мнѣ широкія воды, а съ другой—стремительно прорывающіеся сквозь тѣснины потоки. Перешедши черезъ мостъ, я очутился подъ нависшими надъ головою скалами, образующими здѣсь нѣчто въ родѣ естественной арки. Влѣво отсюда, наверху въ самой скалѣ устроенъ домишко, а внизу оказалась дверь съ вывѣской виноторговли. Отворивъ дверь, я вошелъ въ довольно просторную нишу, образованную въ самой скалѣ. Французская торговка воспользовалась этимъ пустыннымъ притономъ и открыла здѣсь кабачекъ, торгую водкой, виномъ и табакомъ. Я присѣлъ къ столу, и хозяйка подала мнѣ чашку холоднаго кофе. При мнѣ въ этотъ

таинственный притонъ приходили рабочіе съ кожевенныхъ заводовъ по сосѣдству, выпивали по стакану излюбленнаго французами абсента и, побалагуривъ съ молодой еще хозяйкой, отправлялись опять къ своему дѣлу. Поднявшись отсюда на правый берегъ рѣки, я сталъ пробираться вдоль того обрыва, внизу котораго протекаетъ Румель. На противоположной сторонѣ его передо мной возвышались словно базальтовыя скалы, а тамъ, въ ущельѣ надъ стремительнымъ потокомъ носились коршунъ и вѣроны, подбирая падаль, кожаные обрѣзки и тому подобную гниль, которую жители выбрасываютъ сверху въ пропасть и которая безъ содѣйствія этого коршунья навѣрное сильно заражала бы воздухъ.

Свернувъ въ городъ по извѣстному уже намъ желѣзному мосту и проходя подъ аркой триумфальныхъ воротъ, я увидѣлъ приклеенную на стѣнѣ печатную публикацію съ заголовкомъ: „A tous les Français!“—Въ этомъ воззваніи къ французамъ заявлялось: „Не забывайте, что въ текущій годъ выборы вамъ предстоитъ избавиться отъ позорнаго ярма жидовства“. Сверхъ того подъ самый конецъ прибавлено: „A bas les juifs et les judaisants!“—За симъ значится подпись „Le Comité du Parti Français Anti-Juif“.

Антисемитская агитація, какъ видно, стала распространяться по краю. Коренная причина возникшей ненависти французскихъ колонистовъ противъ „жидовъ“ заключается, какъ здѣсь говорятъ, въ изданномъ въ 1871 году декретѣ, которымъ правительство даровало здѣшнимъ евреямъ права французскаго гражданства. Искони населявшіе этотъ край туземные евреи, находясь до сей поры въ угнетенномъ состояніи подъ господствомъ мусульманъ, этимъ декретомъ вдругъ обрѣли возможность захватить власть въ свои руки и съ свойственной этой расѣ настойчивостью, благодаря дружному, навѣрно сплоченному союзу одноплеменниковъ, они не только завладѣли коммерческими операціями, но заняли даже значительную часть административныхъ должностей по выборамъ въ области. Сами французы, впрочемъ, сознаются, что евреи своимъ умѣньемъ вести торговля дѣла, своимъ знакомствомъ съ туземцами и вообще съ условіями края, въ которомъ они промышляли еще задолго до пришествія европейскихъ переселенцевъ, много способствуютъ успѣшному развитію колоніи, въ которой недостаточно производить продукты, но необходимо также съ выгодой сбывать ихъ. Несмотря на несомнѣнную пользу, какую приносятъ евреи странѣ въ коммерческомъ отношеніи, ихъ покушеніе завладѣть админи-

страціей края приводитъ въ сильное негодованіе французовъ, и въ особенности чиновниковъ, которые нерѣдко переселяются въ Алжиръ въ надеждѣ занять тамъ теплое мѣстечко. А въ настоящее время возникшій во Франціи пересмотръ процесса Дрейфуса еще сильнѣе возбудилъ ненависть колонистовъ противъ семитскаго племени.

По этому поводу упомянемъ здѣсь вкратчѣ объ условіяхъ, какими вообще сопровождалось заселеніе сѣверныхъ окраинъ Африки. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что всякая колонизація успѣшнѣе всего совершается тамъ, гдѣ новымъ поселенцамъ не приходится имѣть дѣла съ старыми культурными элементами въ заселяемомъ краѣ. Такъ, между прочимъ, въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки европейскіе пришельцы застали одни дикія охотничьи племена краснокожихъ, которые вовсе не были способны приурочиться къ культурному быту проникавшихъ внутрь дѣвственной страны пионеровъ. По мѣрѣ сокращенія поприща охоты и исчезанія дичи туземцы сами стали неминуемо вымирать; а вслѣдствіе этого вся земля стала свободнымъ, ничѣмъ не стѣсняемымъ, поприщемъ для колонистовъ, которымъ не пришлось вести борьбу съ тормозящими ихъ земледѣльческія предпріятія условіями. Иное дѣло въ Алжиріи и Тунисіи. Здѣсь европейскимъ пришельцамъ прежде всего пришлось вступать въ столкновеніе съ мусульманскими племенами, которыя хотя и находятся на болѣе низкой степени цивилизаціи, но все-таки успѣли уже освоиться съ культурой, настолько по крайней мѣрѣ, что испоконъ вѣка промышляютъ земледѣліемъ и скотоводствомъ. Само собою разумѣется, что эти племена оказались устойчивѣе краснокожихъ охотниковъ, и хотя подчинились своимъ побѣдителямъ, а все-таки не такъ легко и неохотно уступаютъ издавна насиженные и воздѣланные ими участки новымъ пришельцамъ. Рѣзко отличаясь своими бытовыми условіями отъ европейцевъ, эти мусульманскіе туземцы продолжаютъ вести своеобразное хозяйство, почти ничего не заимствуя отъ новоприбывшихъ земледѣльцевъ. Поддерживая среди послѣднихъ свое существованіе, мусульмане все-таки неспособны слиться съ европейскими выходцами; а послѣдніе въ свою очередь также туго примѣняются къ туземному обиходу. Такимъ образомъ французскимъ колонистамъ неминуемо приходится считаться съ условіями, которыя сильно мѣшаютъ вполнѣ свободному и успѣшному развитію колонизаціи. Этотъ антагонизмъ между туземнымъ и европейскимъ населеніемъ обнаружился въ Алжиріи еще сильнѣе, нежели въ Тунисіи, оттого что, подчинивъ первую своей неограниченной

власти, правительство съ самаго начала имѣло въ виду сдѣлать изъ нея французскую провинцію. И дѣйствительно, въ Тунисѣ оно, какъ мы видѣли, предоставило туземцамъ пользоваться ихъ обычными административными учрежденіями, а въ Алжирѣ, наоборотъ, оно вздумало сразу приурочить туземцевъ къ французскому политическому и административному строю. Наведя въ Алжирію своими чиновниками, оно ввело въ странѣ свое французское судопроизводство со всѣми сложными, утомительными для туземцевъ процедурами, обременило народъ новыми, ненавистными для него налогами. А сверхъ того необразованные чиновники, не зная мѣстнаго языка, не знакомые ни съ нравами, ни съ обычаями туземцевъ, беспощадно стали гнуть ихъ на свой ладъ, стараясь пригонять все и всѣхъ на одну колоду. При такомъ управленіи французы не только не достигли своей цѣли, но вмѣсто желаемого сближенія съ туземцами возбуждали въ нихъ еще болѣе сильный антагонизмъ противъ европейской цивилизаціи вообще. Подобныя условія не могли, конечно, способствовать успѣхамъ французскихъ колонистовъ; тогда какъ евреи, издавна проживая въ краѣ и приноровившись къ нравамъ туземцевъ, пользуются довѣріемъ и отчасти даже симпатіями кабилевъ и арабовъ. Это преимущество евреевъ также не мало служитъ въ ущербъ французскимъ поселенцамъ и тѣмъ еще сильнѣе возбуждаетъ ихъ ненависть противъ семитскаго племени.

V.—Алжирь.

Обогнувъ съ юга скалистыя возвышенности города, поѣздъ, на которомъ я выѣхалъ изъ Константины, вскорѣ понесся по равнинѣ, частью тщательно воздѣланной, частью пустынной. Однако, по лѣвую сторону все еще высились горы, на вершинахъ которыхъ бѣлѣли снѣга. Чѣмъ далѣе на западъ, тѣмъ рельефы все болѣе и болѣе врѣзывались въ самый край Атласа, и передъ нами проносились живописные альпійскіе виды. Эта горная мѣстность называется Кабиліей. Въ здѣшнихъ горахъ до сихъ поръ проживаетъ много кабилевъ по деревнямъ. И здѣсь также на вершинахъ показывались иногда развалины, а одно селеніе, мимо котораго промчался поѣздъ, почти все, какъ говорили мнѣ, построено на древнемъ пепелищѣ и даже изъ оставшихся камней старыхъ руинъ. Мѣстами надъ уровнемъ воды въ рѣкахъ торчали каменные глыбы, остатки тѣхъ плотинъ, которыми римляне запружали воды въ руслахъ. Какъ видно, эти древніе вла-

дѣтели края много занимались здѣсь производительной культурой. Выбравшись, наконецъ, изъ-подъ туннеля, поѣздъ пошелъ по болѣе ровнымъ мѣстамъ и съ закатомъ солнца подкатилъ къ станціи Алжира. Справа синѣетъ гладь отлично прикрытой съ двухъ сторонъ молами гавани, въ которой виднѣется нѣсколько пароходовъ и разныхъ другихъ судовъ; слѣва тянется вдоль берега высокая стѣна словно виадукъ съ арками, подъ которыми устроены склады и конторы здѣшнихъ негоціантовъ, а надъ верхнею эспланадою виадука по террасамъ высоко поднимается амфитеатръ живописный городъ.

Захвативъ мой чемоданъ, смуглый туземецъ сказалъ по-французски, что гостинница, которую я ему назвалъ, находится тутъ очень близко и не стоить брать извозчика. Экипажи съ низкой набережной вѣзжаютъ наверхъ по отлогому свату, дѣлая притомъ большой кривой, а мы съ носильщикомъ поднялись прямо по каменной лѣстницѣ. Проходя наверху по улицѣ, мы услышали впереди ужасные крики и вопли, раздававшіеся въ кишмя кишѣвшей толпѣ народа. Мой туземецъ съ испуганнымъ лицомъ обратился ко мнѣ: „Уйдите скорѣй!—сказалъ онъ,—тамъ бьютъ жидовъ“! Какъ видно, антисемитская агитація здѣсь перешла уже въ рукопашную. Миновавъ обходомъ бушующую толпу, мы благополучно дошли до отеля, и я узналъ тамъ, что въ теченіе цѣлаго дня по улицамъ происходили жестокія драки французовъ съ евреями. Я засталъ только конецъ побоища.

Дѣло происходило какъ разъ въ воскресенье, 23-го января. Газеты своею пропагандою еще болѣе разжигали и безъ того сильно возбужденную ненависть христіанскихъ жителей противъ евреевъ. Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что въ настоящемъ случаѣ въ дѣло былъ замѣшанъ вопросъ не столько религіозный, а скорѣе расовый; и дѣйствительно, возбуждалось неумолимое гоненіе противъ племени, которое дружными искусными операціями успѣшно устраиваетъ свои дѣла въ ущербъ другимъ народностямъ. Въ городѣ на этотъ разъ ожидали уже предстоявшаго погрома. По воскресеньямъ христіанскіе жители не отерываютъ своихъ магазиновъ, а торгуютъ одни евреи; но на этотъ разъ ихъ магазины также были заперты. Мало того, евреи, какъ оказалось впоследствии, вооружились на всякій случай, кто винчаломъ, а кто револьверомъ. Утро прошло въ тишинѣ. Но вскорѣ послѣ полудня шайка французскихъ рабочихъ столнулась съ толпою жидовъ, и свалка началась. При этомъ нѣсколько человекъ было ранено, а одного работника еврей застрѣлилъ изъ револьвера. Унося убитого товарища, французы стали вопить по всему

городу: „A bas les juifs“! Затѣмъ буйныя толпы разсѣялись по главнымъ улицамъ и стали разбивать двери и окна еврейскихъ магазиновъ. Врываясь внутрь, они разносили шкафы и прилавки, а товаръ выбрасывали на мостовую. Христіанскіе торговцы успѣли заранѣе надписями отмѣтить свои магазины, такъ что ихъ никто не трогалъ. Полиція не въ силахъ была остановить этотъ разбушевавшійся въ разныхъ концахъ города погромъ, а войска слишкомъ поздно появились на мѣстѣ побоищъ. Подъ вечеръ лишь нѣсколько отрядовъ зуавовъ стали помогать полиціи, которая арестовала самыхъ буйныхъ драчуновъ. При помощи жандармовъ и африканскихъ стрѣлковъ удалось, наконецъ, очистить главныя улицы отъ шумныхъ сборищъ, но преслѣдованія евреевъ долго еще не прекращались.

На другой день, въ понедѣльникъ, городъ объявленъ былъ въ осадномъ положеніи. Пробродивъ съ утра по городу, я то-и-дѣло встрѣчалъ вооруженныхъ солдатъ по разнымъ перекресткамъ. Главныя улицы, по которымъ подъ вытянутыми вдоль аркадами большая часть магазиновъ принадлежала евреямъ, представляли видъ полного разрушенія. Пощажены были только лавки, на дверяхъ которыхъ начертано было крупными буквами: „Maison anti-juive“ или „Maison française et chrétienne“, а не то также: „La maison n'est pas juive“. Остальные магазины были окончательно разрушены и съ утра едва успѣли заволоотить входы въ нихъ досками.

Стоило только видѣть значительное количество разбитыхъ еврейскихъ лавокъ, чтобы убѣдиться, что торговля въ городѣ производится большею частью евреями. Мало того, заграничныя торговыя дѣла также въ значительной мѣрѣ находятся въ ихъ рукахъ, и еслибъ на самомъ дѣлѣ удалось изгнать евреевъ изъ Алжира, то настала бы сильная застой въ дѣлахъ.

Благодаря разставленнымъ по улицамъ солдатамъ, удалось наконецъ возстановить спокойствіе, и на четвертый день уже жители усмирились настолько, что даже въ возобновленныхъ еврейскихъ магазинахъ стали торговать по прежнему. А въ прекрасной просторной гавани коммерческая дѣятельность была живымъ ключомъ: пароходы и парусныя суда нагружались товарами. Въ особенности много бочекъ съ виномъ было наготовлено на набережной для отправки во Францію. Наверху, на открытой со стороны набережной эспланадѣ вытянулась самая длинная улица, прозванная Республиканскимъ бульваромъ (boulevard de la République). По одной сторонѣ его тѣснятся высокія стройныя зданія европейской архитектуры. Въ нижнихъ этажахъ подъ арками,

которыя составляютъ какъ бы неизбѣжную часть европейскихъ зданій въ африканскихъ городахъ, размѣстились рестораны, конторы пароходныхъ обществъ и разные магазины. Здѣсь, однако, не оказалось ни одной еврейской лавки, такъ что погромъ, который разразился надъ сосѣдними параллельными улицами, вовсе не коснулся этого бульвара. Подъ арками при ресторанахъ многочисленная публика сидѣла обыкновенно за столиками, распивая кофе или закусывая. Переѣхавъ въ однѣ сутки изъ Марселя въ Алжиръ и поднявшись съ набережной на эспланаду этого бульвара, французы чувствуютъ себя здѣсь совершенно какъ дома, вовсе не замѣчая, что очутились въ другой части свѣта. Они находятъ здѣсь тѣ же кофейни, съ тѣми же гарсонами, какія посѣщали еще наканунѣ въ Марсели; передъ ними мелькаетъ та же шумная, говорящая по-французски веселая толпа, какую покинули они не такъ еще давно на парижскихъ бульварахъ; тѣ же парижскія газеты предлагаются крикливыми гаменами, и мимо мчатся такіе же трамваи и omnibusъ какъ въ любомъ городѣ самой метрополи. Занимая почти середину Республиканскаго бульвара, раскинулась обширная губернаторская площадь (place du Gouvernement) съ бронзовымъ фонтаномъ и съ статуей герцога Орлеанскаго. По площади подъ тѣнью платановъ пріютились кіоски, въ которыхъ продаются какъ мѣстныя, такъ и только-что прибывшія изъ Франціи газеты. Сюда со всѣхъ сторонъ выходятъ главныя улицы, а потому на площади во всякое время дня толпится разнородная публика. Сюда обращены своими фасадами щегольскіе магазины, а впереди стоитъ дворецъ губернатора; противъ него возвышается величественный соборъ, воздвигнутый на мѣстѣ, которое прежде занято было туземной мечетью. Словомъ, куда ни обратится на первыхъ шагахъ только-что пріѣхавшій сюда французъ, ему вездѣ вѣжется, что онъ не покидалъ своей излюбленной Франціи.

Но ему стѣдуетъ только свернуть съ площади влѣво по одной изъ многочисленныхъ улицъ и изъ нея подняться по каменной лѣстницѣ на другую не столь обширную площадь, служащую овощнымъ рынкомъ, для того, чтобы сразу очутиться среди разноплеменнаго люда, каковаго онъ не встрѣчалъ ужъ нигдѣ въ своей метрополи. Здѣсь толчется пестрая, суетливая гурьба не только французовъ и итальянцевъ, но также арабовъ, кабилонъ и мавровъ, промышляющихъ огородными продуктами, фруктами и даже цвѣтами. Между этими разложенными по столамъ и наваленными на землѣ произведеніями снуютъ покупатели и просто гуляеть, любясь прекрасными цвѣтами, разноплеменная публика. Среди

нихъ появляются даже туземныя женщины, закутанныя, какъ вездѣ въ Африкѣ, съ головы до ногъ въ обычныя фаты, но здѣсь въ Алжирѣ онѣ не черныя, а сѣжно-бѣлаго цвѣта. Поднявшись отсюда еще немного выше, посѣтитель очутится какъ бы при входѣ запутаннаго лабиринта кривыхъ закоулковъ туземнаго или, какъ называютъ его французы, мавританскаго квартала. Раскинувшись по крутому скату горы, улицы поднимаются здѣсь уступами, а зачастую онѣ состоятъ даже изъ сплошной каменной лѣстницы. Взбираясь все выше, невысокіе выбѣленные известкой дома съ плоскими кровлями почти лишены оконъ со стороны улицы и снабжены снаружн лишь слуховыми отверстиями, а верхніе ярусы нерѣдко выступаютъ впередъ, такъ что эти надстройки съ двухъ сторонъ почти соприкасаются надъ неширокимъ переулкомъ, образуя какъ бы щель, сквозь которую едва можно видѣть узкую полосу неба. Несмотря на запутанность этихъ переходовъ, я не боялся здѣсь заблудиться, потому что во всякомъ случаѣ, еслибъ я вздумалъ вернуться въ гостинницу, то мнѣ стоило только спускаться постоянно внизъ и я навѣрное вышелъ бы на одну изъ прямолинейныхъ улицъ французскаго квартала. Надо, впрочемъ, замѣтить, что къ этой мавританской части города со всѣхъ сторонъ подступаютъ примыкающіе къ ней европейскіе закоулки съ ихъ новыми зданіями, такъ что съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе исчезаетъ типъ туземнаго стиля. И теперь даже здѣсь почти вовсе не видать такихъ оригинальныхъ и шумныхъ базаровъ, какими мы любовались въ Тунисѣ; тѣмъ еще болѣе, что крупныя туземныя торговцы стали уже переносить свои лавки подъ арки европейскаго квартала.

Взбираясь все выше то по лѣстницамъ, то по дурно мощенымъ переулкамъ, я дошелъ, наконецъ, до высшей точки города, гдѣ стоитъ полуразрушенная Касба. Отсюда открылся широкій кругозоръ на море, на окрестныя горы и на раскинувшійся по скату городъ, плоскія кровли котораго казались широкими ступенями спускающейся къ гавани лѣстницы. Потомъ я свернулъ въ находящійся по близости прекрасный садъ Маренго, составляющій излюбленную прогулку горожанъ, особенно въ знойные лѣтніе дни. Здѣсь увидѣлъ я небольшую, воздвигнутую изъ бѣлаго камня колонну. На трехъ сторонахъ ея начертаны имена мѣстъ, при которыхъ Наполеонъ I съ его такъ-называемой великой арміей одержалъ свои блистательныя побѣды, а на четвертой — сохранилась надпись: „Son génie avait rêvé cette conquête“.

Западные окраины города обведены высокимъ валомъ съ

бастіонами, которые, впрочемъ, въ случаѣ осады не могутъ служить надежнымъ укрѣпленіемъ. Я вышелъ черезъ открытыя ворота въ раскинувшееся по другую сторону крѣпостнаго вала предмѣстье, которое расположилось еще выше Касбы. Поднимаясь по скату горы, я дошелъ до вершины, гдѣ стоитъ величавый храмъ Богоматери (Notre Dame d'Afrique). Это оригинальное зданіе выстроено изъ свѣтло-бураго плитняка. Передъ куполомъ стоятъ статуи святыхъ, а надъ ними висятъ бронзовая фигура Богоматери. Позади храма словно минареты поднимаются колокольни. Все вмѣстѣ представляетъ своеобразное зрѣлище. На краю обрыва близъ храма посреди мраморныхъ статуй стоитъ гробница съ слѣдующею надписью на французскомъ языкѣ: „Въ память погибшихъ въ морѣ и похороненныхъ въ его волнахъ“. А на другой сторонѣ прибавлено сверхъ того: „Всякому, кто помолится за погибшихъ, отпустятся грѣхи на сто дней“. Это, какъ видно, особаго рода индульгенція. Съ края обрыва открылся видъ на сѣрѣющіе внизу дома города, на дальнее море и на окрестныя горы, а внизу, у подножія кручи виднѣлось кладбище, въ которомъ какъ разъ въ это время подвигалась по улицѣ процессія, сопровождавшая къ мѣсту упокоенія французскаго работника, убитаго на дняхъ евреемъ. Полиція, шедшая вслѣдъ за многолюдной процессіей, приняла на этотъ разъ мѣры, для того, чтобы предупредить новыя побоища.

Пользуясь трамваями, проходящими по Республиканскому бульвару, я часто посѣщалъ дальнія окрестности города, постоянно придерживаясь при этомъ побережныхъ, не прерываемыхъ горами долинъ. Однажды я поѣхалъ по направленію къ югу. При выѣздѣ изъ города открылось предмѣстье, въ которомъ богатые англійскіе негоціанты настроили много прекрасныхъ виллъ, частью въ мавританскомъ стилѣ. Это предмѣстье и служитъ какъ бы дачнымъ пріютомъ для наѣзжающихъ сюда англичанъ. Надо замѣтить, что за послѣднее время Алжиръ сталъ служить мѣстомъ для леченія больныхъ. Вслѣдъ за этими дачами показалось обширное поле, назначенное для военныхъ упражненій (champ de manoeuvres). Затѣмъ вправо раскинулось кладбище, надъ которымъ находится гротъ Сервантеса. Слишкомъ триста лѣтъ тому назадъ, какъ извѣстно, авторъ „Донъ-Кихота“, возвращаясь изъ Неаполя на галерѣ въ Испанію, былъ захваченъ корсарями и проданъ въ Алжиръ. Протомившись въ неволѣ безъ малаго шесть лѣтъ, онъ тѣмъ не менѣе пускался въ отважныя предпріятія, съ цѣлью освободить себя и своихъ земляковъ отъ рабства, и покушался даже завоевать Алжиръ для

Испаниі. Ему не удалась эта попытка, а то судьба сѣверныхъ окраинъ Африки сложилась бы навѣрное иначе. Друзья выкупили Сервантеса и, вернувшись въ Испанію, онъ написалъ сперва книгу подъ заглавіемъ: „Жизнь въ Алжирѣ“, а потомъ издалъ свое безсмертное произведеніе „Донъ-Кихоть“, въ которомъ въ главѣ „Плѣнникъ“ встрѣчаются намеки на его пребываніе въ Африкѣ.

Поѣздъ вскорѣ подкатилъ къ Ботаническому или такъ-называемому Опытному саду (Jardin d'essai). Повинувъ вагонъ, я вошелъ въ ворота этого обширнаго, занимающаго около 80 десятинъ, заведенія. Основанный въ тридцатыхъ годахъ, этотъ садъ былъ переданъ алжирскому обществу (Société générale algérienne), которому вмѣнялось между прочимъ въ обязанность поддерживать въ этомъ заведеніи тройное его назначеніе: мѣсто прогулки для публики, разсадникъ для производства и распространенія туземныхъ растений и, наконецъ, научный садъ для акклиматизаціи экзотической флоры. Стоитъ пройти по саду, для того, чтобы убѣдиться, какъ добросовѣстно исполняются садовниками возложенныя на нихъ обязательства. И дѣйствительно, по длиннымъ прекраснымъ аллеямъ, между которыми разведены питомники и оранжереи, отерывается обширное поприще не только для прогулокъ, но также для основательнаго изученія флоры разныхъ странъ. По одной изъ продольныхъ аллей по обѣ стороны тянутся великорослыя платаны, по другой—финиковыя и инныя пальмы, по третьей—магноліи и фікусы. Сверхъ того, по поперечнымъ аллеямъ растутъ хамерасы, латаніи, бананы, а по одной изъ нихъ бамбукъ поднимается съ обѣихъ сторонъ такую густою стѣной, что, слившись наверху вершинами, образуетъ надъ головой высочайшій естественный сводъ. Въ обширномъ пруду среди сада разводятся водяныя растенія, а въ питомникахъ я видѣлъ кофейныя и шоколадныя разсадники, также хлопчатъ и сахарный тростникъ, которые, впрочемъ, съ успѣхомъ могутъ воздѣлываться развѣ въ болѣе южныхъ тропическихъ областяхъ Алжира. Но для сѣверной окраины гораздо важнѣе высшая часть сада, разведенная по скатамъ примыкающихъ къ нему горъ. Тутъ попадаются разные виды лѣсныхъ породъ болѣе умѣреннаго климата. Въ особенности большое количество деревьевъ пересажено сюда изъ Австраліи и съ мыса Доброй Надежды. Между хвойными породами отличаются араукаріи, а въ числѣ лиственныхъ занимаютъ большое пространство эвкалипты, которые, какъ мы видѣли, за послѣднее время заботливо стали разводиться въ Африкѣ, какъ растеніе, служащее предохрани-

тельнымъ средствомъ отъ лихорадокъ. Вообще въ этомъ прекрасномъ саду со всѣхъ концовъ свѣта собрано свыше шести тысячъ видовъ изъ царства растений.

Посѣщая другія дальнія окрестности города, я успѣлъ ознакомиться нѣсколько съ сельскимъ хозяйствомъ здѣшнихъ колонистовъ. Однако, собранныя мною свѣдѣнія не говорятъ въ пользу рациональнаго развитія здѣшняго земледѣлія. Прежде всего слѣдуетъ напомнить, что культура по этимъ сѣвернымъ окраинамъ Африки вообще страдаетъ отъ недостатка атмосферной влаги. Въ Египтѣ, какъ извѣстно, разлитіе Нила спасаетъ страну отъ бездождія. Въ Тунисіи и Алжиріи, напротивъ того, обильные дожди выпадаютъ, правда, зимой, начиная съ октября и кончая въ маѣ. Тогда съ горъ устремляются шумные потоки и быстро разливаются по долинамъ. Въ это время растительность вообще оживаетъ: луга устилаются роскошною зеленью, деревья покрываются свѣжею густою листвою, скотъ въ избыткѣ пользуется подножнымъ кормомъ, поля и огороды сулятъ хозяину обильный урожай. Но съ іюня наступаетъ сухая пора и только-что распустившаяся роскошная растительность подвергается страшной засухѣ, составляющей грозное, роковое бѣдствіе здѣшнихъ хлѣбодашцевъ. Во время оно римляне, какъ мы видѣли, преодолевали отчасти этотъ недостатокъ влаги, прибѣгая мѣстами къ искусственному орошенію: они запружали для такой цѣли громадными плотинами рѣки, воздвигали водопроводы, строили цистерны и такимъ образомъ хоть сколько-нибудь успѣвали воспользоваться избыткомъ тѣхъ водъ, которыя въ настоящее время послѣ дождей безъ пользы уносятся въ море быстрыми потоками, совершенно высыхающими въ лѣтній зной. Вслѣдствіе такой засухи въ странѣ то-и-дѣло повторяются неурожаи, такъ что туземное населеніе массами вымираетъ съ голоду. Тѣмъ еще болѣе, что арабы не заготавливаютъ на это время никакого сѣна, и скотъ, не находя корма по иссохшимъ пастбищамъ, также издыхаетъ, если только туземцы не послѣдили заблаговременно его зарѣзать или сбыть за безцѣное болѣе запасливымъ хозяевамъ.

Однако, европейскіе фермеры также не мало страдаютъ отъ общаго бича африканской культуры, въ особенности тѣ, которые, не внемля никакимъ предостереженіямъ, въ погонѣ за быстрой наживой, большую часть своихъ полей засѣваютъ пшеницей и другими зерновыми хлѣбами, вовсе не заботясь о кормовыхъ продуктахъ. За недостаткомъ послѣднихъ, фермеру нечѣмъ прокормить коровъ и овецъ, и онъ сильно сокращаетъ свое скотоводство, вслѣдствіе чего лишается большой доли скотскаго на-

воза. А между тѣмъ, этотъ вложенный въ почву навозъ служить не только удобреніемъ, но, что гораздо важнѣе для здѣшнихъ земель, страдающихъ отъ бездождія, онъ также успѣшно противо-дѣйствуетъ засухѣ, задерживая въ почвѣ влагу. И дѣйствительно, по произведеннымъ здѣшними французскими агрономами опытамъ оказывается, что растеніе на неунавоженной почвѣ требуетъ втрое болѣе влаги извнѣ, чѣмъ на хорошо удобренной,—но не химическими солями, а именно хлѣбнымъ соломистымъ навозомъ. Въ окрестностяхъ Алжира мнѣ случилось у одного изъ колони-стовъ видѣть обширный участокъ, засѣянный травой, которая отчасти попадаетъ здѣсь въ дикомъ состояніи, а именно—эспар-цетой. Благодаря обильному корму, фермеръ поддерживаетъ значительное скотоводство и хорошо унавоживаетъ свои поля, на которыхъ пшеница, вопреки господствующей засухѣ, даетъ обиль-ный урожай. Замѣтимъ здѣсь кстати, что природа какъ бы сама даетъ въ руки мѣстныхъ фермеровъ средство избѣгать бѣдствія отъ недостатка влаги. Дѣло въ томъ, что въ странѣ нерѣдко попадаются сады и огороды, окруженные въ видѣ непроницае-мой изгороди лопатообразными кактусами, опунціями, носящими въ краѣ названіе индѣйской смоввы. Это растеніе, какъ вообще всѣ кактусы, не боится засухи и преуспѣваетъ даже на сухой песчаной почвѣ, а потому имъ нерѣдко пользуются колонисты какъ въ Тунисіи, такъ и въ Алжиріи. Плодъ опунціи, похожій по формѣ на огурецъ и желтобураго цвѣта, весьма питателенъ и служитъ отличнымъ подспорьемъ корму въ лѣтнюю пору, когда трава становится несъѣдобною.

Здѣшніе фермеры, какъ я замѣтилъ, въ значительномъ ко-личествѣ воздѣлываютъ артишоки, но не въ огородахъ, а прямо въ полѣ, гдѣ этотъ продуктъ разводится цѣлыми гектарами. Какъ артишоки, такъ точно фасоль и картофель вывозятся изъ Алжира во Францію и появляются ранней весной на рынкахъ Парижа въ качествѣ первой первинки, доставляя колонистамъ не малыя выгоды. Однако, самый большой доходъ алжирскіе фермеры все-таки извлекаютъ изъ своихъ виноградниковъ, которые разведены въ краѣ въ значительномъ количествѣ. Вообще здѣшніе коло-нисты съ самаго начала до такой степени увлеклись виноград-никами, что пренебрегли даже другимъ, тоже доходнымъ про-дуктомъ, а именно—оливою. Въ Алжиріи, правда, разведено нѣ-сколько оливковыхъ плантацій и онѣ отлично разрастаются; но ихъ вообще здѣсь меньше, чѣмъ въ Тунисіи, такъ что оливко-ваго масла едва хватаетъ на продовольствіе самихъ жителей.

Что же касается землевладѣнія, то въ Алжиріи такъ же,

какъ и въ Туниси преобладаютъ крупныя помѣстья, величиною въ тысячу и болѣе гектаровъ. Помѣщики, впрочемъ, не всегда сами занимаются сельскимъ хозяйствомъ, а напротивъ, зачастую отдаютъ свою землю въ аренду на разныхъ условіяхъ, нерѣдко даже съ извѣстной доли добываемыхъ продуктовъ. Арендаторами въ такомъ случаѣ являются обыкновенно туземцы, въ особенности отличающіеся своимъ трудолюбіемъ въ земледѣльческихъ работахъ кабилы. Въ настоящее время имѣется въ виду обязать крупныхъ землевладѣльцевъ, земли которыхъ отчасти пустуютъ, распродавать свои имѣнія съ молотка участками въ тридцать и пятьдесятъ гектаровъ. При этомъ имѣется, конечно, въ виду поощрить переселеніе въ край мелкихъ фермеровъ. Съ тою же цѣлью французское правительство предлагаетъ въ продажу свободныя земли не крупными участками. Однако, эти покупки съ аукціона связаны такими обязательствами для покупателя, что на приобрѣтеніе участка, вмѣстѣ съ обязательными постройками и вообще со всѣмъ первоначальнымъ обзаведеніемъ хозяйства, требуется по малой мѣрѣ капиталъ въ 10.000 франковъ. Такъ что при существующей въ край низкой задѣльной платѣ, для простого, не обладающаго никакими капиталами рабочаго, здѣсь нѣтъ никакой надежды сдѣлаться землевладѣльцемъ.

Вотъ одна изъ главныхъ причинъ, отчего переселеніе французовъ въ Алжирію совершается далеко не такъ успѣшно, какъ слѣдовало бы ожидать, принимая въ соображеніе всякія удобства, какими сопровождается близкое разстояніе колоніи отъ метрополи. Хотя колонизація по сѣвернымъ окраинамъ чернаго материка за послѣднія десятилѣтія совершалась гораздо успѣшнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другихъ областяхъ Африки; однако, она все-таки не можетъ идти въ сравненіе съ сильнымъ наплывомъ европейскихъ переселенцевъ въ Соединенные Штаты Сѣверной Америки. И въ самомъ дѣлѣ, въ теченіе безъ малаго семидесяти лѣтъ со времени покоренія Алжиріи въ ней водворилось около 260,000 французовъ и почти столько же иныхъ европейскихъ національностей, преимущественно испанцевъ, итальянцевъ и мальтійцевъ. Оказывается, что ежегодно среднимъ числомъ туда переселяется около 7000 человекъ; тогда какъ въ Соединенные Штаты за послѣдніе года, когда былъ, какъ говорятъ, застой колонизаціи, прибываетъ ежегодно болѣе чѣмъ по 200,000 человекъ. Мало того, изъ самой Франціи выселяется въ Америку каждый годъ втрое болѣе, нежели въ Африку, а именно по 20,000 человекъ слишкомъ; несмотря на то, что Алжирія находится какъ бы у порога своей метрополи и даже по климату

мало отличается отъ южной Франціи, а сверхъ того, въ административномъ отношеніи составляетъ какъ бы простой департаментъ республики.

Однако послѣднее обстоятельство въ свою очередь также служитъ немалымъ тормозомъ для болѣе успѣшной колонизаціи. И дѣйствительно, человекъ, покидающій свою родину съ тѣмъ, чтобы водвориться въ новомъ краѣ, рѣшается на такой подвигъ въ надеждѣ избавиться отъ тяготѣвшихъ надъ нимъ въ метрополиі условій, преимущественно отъ административныхъ путъ. Понятно, что переселенцу нѣтъ охоты водворяться въ краѣ, въ которомъ его на каждомъ шагѣ опутываютъ тѣ же бюрократическія процедуры съ ихъ многосложными актами, что и въ Европѣ, а пуще всего, въ которомъ ему угрожаетъ та же обязательная солдатская служба, отъ чего онъ стремился избавиться какъ себя, такъ въ особенности и дѣтей своихъ. Оттого-то многіе и не переселяются окончательно въ Алжирію, а отправляются туда лишь на время, съ цѣлью наживы, съ тѣмъ, чтобы, разбогатѣвъ, вновь вернуться въ свою милую Францію, которую считаютъ наилучшимъ краемъ въ мірѣ. Вообще всѣ свѣдѣнія по части колонизаціи приводятъ къ тому заключенію, что въ Алжиріи, такъ же какъ и въ Тунисіи, господствуетъ не столько земледѣльческая или коммерческая колоніальная система, а скорѣе бюрократическая или, выражаясь точнѣе, чиновничья. Тогда какъ Великобританія поддерживаетъ въ своихъ колоніяхъ систему самоуправления, французская республика, напротивъ, не только высылаетъ цѣлую ораву своихъ чиновниковъ въ чуждый для нихъ и мало знакомый имъ край, но пытается сверхъ того централизовать управленіе страной въ самомъ Парижѣ. Понятно, что власть, сосредоточенная въ рукахъ высокопоставленныхъ особъ во Франціи, не можетъ служить въ пользу колоніи. Не даромъ Бисмаркъ уже заявилъ, что съ генералами и тайными совѣтниками нельзя вести колоніальную политику. Къ этой алчной стаѣ чиновниковъ, наводняющихъ Алжирію, надо присоединить еще другого рода, но столь же мало производительныхъ пионеровъ колонизаціи, а именно—въ городахъ встрѣчается множество содержателей гостинницъ, кофеенъ, кабацковъ, не мало также парикмахеровъ, новомодныхъ портныхъ, модистокъ. Если изъ скуднаго числа 260,000 колонистовъ исключить всѣхъ этихъ пионеровъ, то окажется, что на долю дѣйствительно полезныхъ, продуктивныхъ переселенцевъ, которые на дѣлѣ извлекали бы выгоды изъ производительныхъ силъ страны, воздѣлывая ея почву, разводя скотъ, пользуясь лѣсами и рудниками, развивая промышленность

и торговлю,—на долю такихъ колонистовъ остается весьма ограниченное число.

Къ причинамъ, имѣющимъ вліяніе на слабые успѣха колонизаціи, сами французы относятъ, между прочимъ, пагубное пристрастіе родителей отдавать своихъ дѣтей въ классическія школы въ виду того, что классическое образованіе открываетъ путь къ государственной службѣ. И вотъ вмѣсто инженеровъ, техниковъ, агрономовъ, химиковъ, колонія наводняется классически образованными учеными, мало знакомыми съ производительными отраслями человѣческаго труда.

А между тѣмъ надо замѣтить, что Алжирія не только не доставляетъ никакой выгоды метрополи, но обходится ей даже весьма дорого. Уже гдѣтъ восемь тому назадъ министръ, давая отчетъ о бюджетѣ Алжиріи, заявилъ, что эта колонія тогда уже стоила французскому правительству 4 миллиарда 800 милліоновъ франковъ, и на нее до сихъ поръ приходится расходовать свыше 50 милліоновъ ежегодно. Несмотря на такіе значительные расходы, Франція все-таки по необходимости удерживаетъ за собой свои колоніи по сѣвернымъ окраинамъ Африки. Дѣло въ томъ, что обильныя произведенія фабрикъ и заводовъ въ республикѣ не находятъ себѣ достаточнаго сбыта въ Европѣ и нуждаются во внѣшнихъ рынкахъ, куда могли бы излить избытки продуктовъ своей промышленности. А изъ всѣхъ странъ, съ которыми Франція могла бы вступить въ болѣе тѣсныя комерческія сношенія, Алжирія и Тунисія по свѣдѣнію положенію представляютъ наиболѣе надежныя въ этомъ отношеніи внѣ-европейскія области. Франція не можетъ отказаться отъ нихъ тѣмъ еще болѣе, что въ случаѣ ея отказа другія средиземно-морскія державы, въ особенности Италия, при первой возможности неминуемо овладѣютъ покинутыми землями. Не даромъ колониальная политика въ нашу эпоху, при настоящемъ социальномъ настроеніи европейскихъ націй, сдѣлалась неизбѣжною необходимостью цивилизованныхъ странъ, и французское правительство смотритъ на свои громадныя затраты по поводу Алжиріи какъ на неизбѣжное зло, переносимое въ настоящее время Франціей въ виду будущихъ благъ. Тѣмъ еще болѣе, что, по расчету специалистовъ, Алжирія, въ которой теперь насчитывается около 4.000,000 жителей, можетъ содержать и пропитать до 15.000,000 человѣкъ. И вотъ нашлись французскіе патриоты, которые питаютъ уже надежду создать на почвѣ чернаго материка новую африканскую Францію! Однако, далеко еще то время, когда суждено осуществиться этимъ выпрененнымъ мечтамъ французскихъ патриотовъ. Въ на-

стоящее время они въ правѣ, по крайней мѣрѣ, гордиться тѣмъ, что, овладѣвъ Алжиріей, окончательно прекратили грабежи африканскихъ пиратовъ, увозившихъ беззащитныхъ жителей въ неволю, и такимъ образомъ оказали уже великую услугу европейскимъ націямъ. Какъ бы то ни было, но теперь не можетъ подлежать сомнѣнію, что эти возникающія французскія колоніи въ концѣ концовъ приурочатъ сѣверныя области чернаго материка къ европейской цивилизаціи.

Эд. Циммерманъ.



ПУШКИНСКОЕ ПРАЗДНЕСТВО

ВЪ

КАЛИФОРНИИ.

Слишкомъ три года тому назадъ, я, искренно удивленный тѣмъ пониманіемъ и знаніемъ русскихъ писателей, которыя проявили здѣшнія дамы въ своихъ рефератахъ на засѣданіи Лосъ-Анжелескаго женскаго „Friday Morning Club“, описалъ это засѣданіе въ особой статьѣ, появившейся въ мартовской книжкѣ „Вѣстника Европы“ подъ заглавіемъ „Американскій женскій клубъ о русскихъ писателяхъ“. Это безхитростное, но фотографически-точное описаніе было, очевидно, замѣчено въ свое время читающей публикой въ Россіи, и, какъ мнѣ лично извѣстно, и въ Америкѣ, и вызвало здѣсь у насъ совершенно для меня неожиданныя послѣдствія. „Friday Morning Club“ получилъ нѣсколько милыхъ, сочувственныхъ писемъ отъ русскихъ женщинъ, а два-три современныхъ русскихъ писателя и вдова одного изъ симпатичнѣйшихъ народниковъ прислали ему полныя собранія ихъ сочиненій. Все это, само собой разумѣется, сильно способствовало усиленію интереса къ изученію русской литературы и дальнѣйшему съ нею знакомству, уже болѣе или менѣе детальному; узнали наши дамы и о Пушкинѣ, который въ Америкѣ вообще все еще остается только энциклопедической знаменитостью, и о готовившемся по всей Россіи торжествѣ празднованія столѣтней годовщины его рожденія, добыли все то, что переведено изъ него на англійскій языкъ, и задумали оказать честь его памяти и русскому народу и въ далекой Калифорніи. Насколько мнѣ извѣстно—а я навелъ самыя тщательныя справки—

это первый случай публичнаго чествованія въ Америкѣ самими американцами памяти не только русскаго, но и каковаго бы то ни было другаго иностраннаго поэта,—и вашъ покорный слуга, на долю котораго выпало принять въ немъ посильное участіе произнесеніемъ рѣчи о дѣятельности Пушкина и его значенія для Россіи, былъ настолько потрясенъ этимъ необычнымъ событіемъ, что не безъ особеннаго волненія беретъ рука за перо для его описанія.

Оцѣнка извѣстныхъ общественныхъ явленій зависитъ прежде всего отъ общаго взгляда наблюдателя на вещи—одинъ пройдетъ мимо, не обративъ на нихъ никакого вниманія, другой склоненъ придать имъ же особенное значеніе, если онъ, въ общемъ строѣ его личнаго міровоззрѣнія, связаны почему-либо съ другими сторонами общественной жизни. Именно такую-то чрезвычайно существенную связь очевидныхъ, осязательныхъ успѣховъ русской литературы въ Америкѣ съ общимъ вопросомъ о сближеніи народовъ и ихъ лучшимъ знакомствѣ другъ съ другомъ я и вижу въ фактѣ празднованія памяти Пушкина. Западная Европа, а за нею и Америка, все еще смотрятъ на русскаго человѣка, какъ на припомаженнаго и одѣтаго въ модный костюмъ татарина. Въ свою очередь, и американская культура и цивилизація считаются той же западной Европой все еще стоящими на очень грубой, сравнительно, степени развитія. Это—понятія давно укоренившіяся и твердыя, борются съ которыми можно только съ самыми осязательными, съ самыми чувствительными доказательствами въ рукахъ. И пока они преобладаютъ въ общественномъ мнѣніи народовъ, нечего, по моему крайнему разумѣнію, и надѣяться на взаимное уваженіе, на возможность устраненія государственныхъ и даже личныхъ столкновеній, не прибѣгая къ силѣ въ той или другой формѣ. Война является въ этомъ случаѣ радикальной крайностью, но и въ повседневныхъ частныхъ международныхъ сношеніяхъ, торговыхъ и общественныхъ разнаго рода, эти взаимныя шаблонныя, такъ сказать, предубѣжденія обыкновенно чувствуются и нерѣдко осязаются самымъ неприятнымъ образомъ. Напомню читателю описанное мною въ вышеназванной статьѣ искреннее удивленіе американской референтки о Тургеневѣ, по тому поводу, что въ такой варварской странѣ, какъ Россія, она нашла такого тонкаго, такого безспорно великаго писателя. Близкое знакомство съ нимъ заставило ее отнестись совершенно иначе и къ производшей его странѣ, несмотря на казавшіяся такими законными предубѣжденія. Чѣмъ глубже идетъ такое знакомство, чѣмъ шире

и ослзательнѣе дѣлается сознаніе, что и другіе народы производятъ великіе таланты и умы, у которыхъ есть чему поучиться и даже позаимствоваться, тѣмъ легче оказывается взаимное пониманіе, тѣмъ больше утрачивается узкое, консервативное больше всѣхъ другихъ, чувство своего національнаго превосходства, тѣмъ доступнѣе становится понятіе о человѣчествѣ, какъ о чемъ-то нераздѣльномъ и дорогомъ, помимо наружныхъ различій, государственныхъ границъ, даже языка и цвѣта кожи. Въ общемъ строе народнои жизни любой націи, въ томъ вихрѣ злобы дня и безконечной массы другихъ вопросовъ, которые характеризуютъ разные періоды народнои исторіи, процессъ этотъ очень медленъ и едва замѣтенъ, — но я глубоко убѣжденъ, что только его эволюція и сведеть земные народы въ одну великую семью, что только она одна и способна уничтожить войну, какъ нѣчто необходимое и неизбежное, что только благодаря ей и можетъ осуществиться мечта Пушкина:

„ о временахъ грядущихъ,
 „ Когда народы, распри позабывъ,
 „ Въ великую семью соединятся...“

И потому-то я, старый и сѣдой идеалистъ-шестидесятникъ, увѣровавшій, благодаря долготѣйшей жизни въ Америкѣ, въ необходимость проведенія этихъ идеаловъ въ дѣйствительную жизнь, и въ цѣнность согласованія словъ съ дѣломъ, и придаю особенное значеніе незначительному, повидимому, самому по себѣ факту чествованія лосъ-анжелескими дамами памяти великаго русскаго поэта, усматривая въ немъ хотя, конечно, и частный, но тѣмъ не менѣе ослзательный шагъ впередъ въ необятной по своей общей важности программѣ... Уже самая возможность такого факта безконечно меня радуетъ... Свидѣтельствуя о немъ на страницахъ того органа русскои печати, который послѣдовательнѣе и энергичнѣе всѣхъ другихъ съ самаго своего основанія стоялъ именно за сближеніе Россіи съ западомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого понятія, я искренно надѣюсь, что это свидѣтельство поведетъ за собою дальнѣйшія сношенія и единеніе, дальнѣйшее взаимное знакомство между двумя самыми молодыми, но и самыми воспримчивыми народами, въ рукахъ которыхъ неизбежно и скоро будутъ находиться судьбы нашей планеты, всего человѣчества...

Женскій „Friday Morning Club“ города Лосъ-Анжелеса за послѣдніе три года очень окрѣпъ и расширился. Въ его кассѣ лежитъ теперь около сорока тысячъ долларовъ наличными, на

которыя онъ и строить роскошный, образцовый домъ, специально приспособленный для его постоянного помѣщенія. Само собой разумѣется, такой успѣхъ былъ бы немислимъ, еслибъ не существовало дѣйствительной, назрѣвшей потребности въ такихъ специально женскихъ организаціяхъ. Его учрежденіе не было результатомъ порыва, временнаго настроенія, мимолетнаго остраго теченія въ общественной мысли. Американская женщина давно пережила эти стадіи въ своей эволюціи. Ея требованія къ мужчинамъ давно оформлены, давно проводятся ею въ жизнь твердо и опредѣленно: — она уже не ищетъ, робко и безсознательно, новыхъ путей къ своей эмансипаціи, а нашла ихъ и съ энергіей стремится къ ея осуществленію. Женскіе клубы были признаны ею однимъ изъ главныхъ пособниковъ въ этой борьбѣ, и она пользуется ими умѣло и рѣшительно. Ихъ успѣхъ превзошелъ всякія ожиданія. Только очень немногія женщины, и то по какимъ-нибудь исключительнымъ условіямъ ихъ личной жизни, не принадлежатъ теперь въ нашемъ городѣ къ одному или нѣсколькимъ женскимъ клубамъ. Ихъ у насъ больше дюжины, въ томъ числѣ два или три для рабочихъ женщинъ и двѣушекъ, не потому, чтобы существовало стремленіе къ выдѣленію рабочаго отъ профессиональныхъ или дѣловыхъ элементовъ, а потому, что свободное время у нихъ распределено различно: тогда какъ у рабочихъ свободенъ вечеръ, у женъ, и дочерей купцовъ, адвокатовъ и докторовъ это, напротивъ, единственное время, когда дома ихъ мужья и братья, и онѣ свободны только днемъ. И всѣ эти клубы, какъ они ни многочисленны, преуспѣваютъ и благоденствуютъ, и все больше объединяютъ американскую женщину и поддерживаютъ и направляютъ ее къ достиженію того, что она считаетъ своимъ правомъ, отнятымъ у нея мужчиной, благодаря рабству древнихъ и среднихъ вѣговъ. Я не хочу этимъ сказать, что эта борьба составляетъ единственную или даже главную цѣль существованія этихъ клубовъ, — отнюдь нѣтъ. Многіе изъ нихъ упоминаютъ о ней только случайно и какъ бы мимоходомъ; но тѣмъ не менѣе она представляетъ собою невидимую между ними связь, ту живую струю, которая необходима во всякомъ подобномъ новомъ и сложномъ дѣлѣ — струю, за отсутствіемъ которой большинство ихъ давно бы распалось и исчезло.

Зала засѣданій клуба была биткомъ набита той нарядной, пестрой дамской толпой, которая всегда такъ оживляетъ и срашиваетъ американскія общественныя сборища. Эстрада и столыкъ президента украшены неподобными калифорнскими цвѣ-

тами, между ними стоялъ и небольшой, но довольно удачный бронзовый бюстъ Пушкина. Предсѣдательница клуба въ этомъ году—какъ разъ та самая лэди, которая три года тому назадъ читала рефератъ о Тургеневѣ, бойкая и привѣтливая и хорошо знакомая съ русской литературой вообще; открыла засѣданіе краткимъ изложеніемъ значенія этого „русскаго“ дня, и программа торжества началась piano-solo мазурки Чайковскаго изъ оперы „Евгеній Онѣгинъ“, блистательно сыграннмъ давно живущей въ нашемъ городѣ бывшей ученицей петербургской консерваторіи. Русская музыка даже болѣе извѣстна въ Америкѣ, чѣмъ русская литература. У американскаго народа до сихъ поръ совсѣмъ нѣтъ собственной музыки; если не считать нѣсколькихъ композиторовъ бравурныхъ маршей, въ родѣ Сузы, онъ не проявилъ никакихъ способностей къ музыкальному созиданію, и живетъ въ этомъ отношеніи исключительно на европейскій счетъ, и во всякомъ мало-мальски значительномъ сборникѣ музыкальныхъ пьесъ встрѣчаются имена Глинки, Даргомыжскаго, и въ особенности Рубинштейна и Чайковскаго. Этотъ послѣдній даже очень популяренъ, и его имя въ массахъ публики, конечно, извѣстнѣе имени Пушкина. Не имѣя собственной музыки и обладая только очень посредственно развитымъ музыкальнымъ ухомъ, американцы въ то же время очень любятъ музыку и очень много ею занимаются. Разнообразныя протестантскія церкви съ ихъ органами и церковными хорами чрезвычайно способствуютъ этому; музыка даже входитъ въ обязательный курсъ всѣхъ народныхъ школъ, и такая школа безъ фортепіано составляетъ рѣдкое исключеніе. Благодаря этому, хотя музыка, какъ и нѣкоторыя другія искусства и высшія отрасли человѣческой дѣятельности, и не имѣетъ въ Америкѣ сколько-нибудь видныхъ, выдающихся представителей, тѣмъ не менѣе элементарныя въ ней познанія распространены въ народныхъ массахъ очень широко, она давно сдѣлалась одной изъ существенныхъ потребностей всей общественной и частной жизни страны, и во время, напр., прогулки вечеромъ по резиденческимъ улицамъ хотя бы нашего города, на всякой улицѣ непременно услышишь въ нѣсколькихъ мѣстахъ и вокальныя, и инструментальныя упражненія. Въ Лосъ-Анжелесѣ, помимо цѣлаго десятка духовыхъ оркестровъ—brass bands, имѣются и нѣсколько струнныхъ, процвѣтаетъ множество музыкальных и пѣвческихъ клубовъ и обществъ, и даются регулярно трудныя и хорошо исполняемыя симфоническіе концерты, о которыхъ и мечтать не могутъ многіе очень большіе русскіе города. И въ этомъ отношеніи оказывается поразительно вѣр-

нымъ замѣчаніе Токвила, что хотя въ Америкѣ запасъ знаній и не великъ, онъ распространенъ равномерно по всѣмъ классамъ ея населенія. И благодаря этому, и русская музыка здѣсь и знакома, и популярна.

Затѣмъ, въ программѣ слѣдовала моя рѣчь, и я, вѣроятно, ощущаю весьма понятное смущеніе, дойдя до ея изложенія. Прежде всего необходимо замѣтить, что удачный рефератъ именно о Пушкинѣ и именно для американской аудиторіи, какъ бы она ни была подготовлена, представляетъ собою самыя существенныя трудности, которыя для меня лично, кромѣ того, были еще въ самой значительной степени увеличены, благодаря моему нѣсколько своеобразному, можетъ быть даже одностороннему, пониманію главныхъ элементовъ важности и значенія Пушкина для Россіи. По моему мнѣнію, Тургеневъ и Толстой должны быть легко и вполне понятны для всякаго интеллигентнаго человѣка любой націи, потому что они прежде всего реалисты-художники, въ громадномъ большинствѣ своихъ произведеній описывающіе страсти, чувства и поведенія интеллигентныхъ же людей, а развитая человѣческая натура почти совершенно одинакова во всѣхъ концахъ земного шара. Въ этихъ произведеніяхъ русскія національныя особенности не настолько рѣзки и существенны, чтобы хоть сколько-нибудь затемнить суть дѣла или затруднить полное и всестороннее пониманіе идей автора. Совсѣмъ не то я нахожу въ Пушкинѣ. Только очень немногія изъ его поэмъ могутъ быть вполне понятны иностранцу безъ самыхъ обширныхъ комментариевъ. Нѣкоторыя, и притомъ изъ лучшихъ, какъ, напр., „Русланъ и Людмила“ и его божественныя сказки навсегда должны остаться совершенно недоступными. Я объясняю это себѣ тѣмъ, что Пушкинъ, несмотря на свой французскій языкъ, камеръ-юнкерскій мундиръ и аристократическое воспитаніе и времяпрепровожденіе, былъ дѣйствительно великимъ русскимъ *народнымъ* писателемъ, понять котораго вполне можетъ только истинно русскій человѣкъ, выросшій и созрѣвшій въ тѣхъ же жизненныхъ условіяхъ. Какъ ни великъ онъ былъ, какъ и художникъ-реалистъ, этотъ послѣдній все-таки нерѣдко уступалъ въ немъ первенство чисто народному писателю, который приносилъ культурныя художественныя требованія интеллигентныхъ классовъ въ жертву своеобразнымъ вліяніямъ русскаго на роднаго эпоса, вдохновлявшимъ его могучее воображеніе сильнѣе и чаще, чѣмъ тогдашняя болѣе или менѣе наружная и напускная русская полувивилизація. Онъ былъ слишкомъ великъ, чтобы подражать кому бы то ни было, а русская литература того вре-

мени была именно въ самомъ рабскомъ ультра-подражательномъ періодѣ, и его геній гналъ его, можетъ быть, невольно для него самого, на оригинальный и богатый, хотя и позабытый его предшественниками чисто народный путь. По моему крайнему разумѣнію, Пушкинъ началъ было „Евгенія Онѣгина“ на байроновскій ладъ, но не выдержалъ подражанія и кончилъ совершенно своеобразно, чисто по-русски, въ самомъ положительномъ народномъ русскомъ духѣ. У Байрона Онѣгинъ непременно бы зарѣзалъ или Татьяну, или самого себя, или обоихъ вмѣстѣ—вообще учинилъ бы какое-нибудь вопіющее буйство, а у Пушкина онъ покорно выслушиваетъ признаніе Татьяны въ любви къ себѣ и рѣшеніе остаться вѣрной другому, которому она почти насильно отдана—и безропотно удаляется... Русскіе люди, какою бы иностранною немочъ въ родѣ байронизма они на себя ни напускали, не рѣжутся и не стрѣляются, и не рѣжутъ и не стрѣляютъ изъ любви:—вотъ ревность, „оскорбленіе чести“, это дѣло другое—и Пушкинъ отлично понималъ это различіе... Вотъ этой-то стороны громаднаго значенія Пушкина, вотъ этого-то принесеннаго исключительно его геніемъ возвращенія русской литературы въ здоровой самостоятельности и ко всему тому, что было дѣйствительно великимъ и привлекательнымъ въ русскомъ народномъ эпосѣ, вотъ этой-то ея эмансипаціи отъ рабскихъ подражаній и неувѣренности въ своихъ собственныхъ силахъ и ни за что не понять вполнѣ никакому иностранцу, а въ особенности коренному американцу. Для нихъ ясно значеніе реформаторской дѣятельности Петра Великаго, но то безпредѣльное подчиненіе русской мысли и творчества, до котораго они были доведены въ теченіе слѣдующаго за его смертью столѣтія его слабыми и слѣплыми преемниками-подражателями, едва ли можетъ быть имъ доступнымъ во всей своей цѣлостности, и потому правильная оцѣнка работы Пушкина въ обратномъ направленіи, конечно, оказывается для нихъ совершенно невозможной. Да и самое понятіе о „народномъ писателѣ“, какъ оно понимается въ Россіи въ примѣненіи, напр., къ Пушкину, не только ничего не говоритъ американцу, но и не можетъ быть имъ усвоено, такъ какъ онъ не знаетъ, что значить „оторванность“ русскихъ интеллигенціи и литературы отъ народа, и все то, что съ нею связано. Изъ „народнаго писателя“ онъ сдѣлаетъ просто „популярнаго писателя“, что, конечно, совершенно не соответствуетъ русскому пониманію этихъ понятій. Мнѣ не разъ приходилось пытаться выяснить значеніе „народническаго“ направленія извѣстной части русской литературы, и всегда безуспѣшно.

Не только тонкости, но и сущность разницы между „народнымъ писателемъ“, какъ Пушкинъ, и „народникомъ“, какъ Успенскій или Златовратскій, конечно, недоступны народу, у котораго нѣтъ ни прошлаго, ни будуща въ настоящемъ. А у американскаго народа нѣтъ ни древней, ни средней собственной исторіи, нѣтъ и народнаго эпоса, нѣтъ легендъ, балладъ, сагъ, сказокъ. Въ учебникахъ литературы другихъ націй, нѣмцевъ, скандинавовъ, онъ встрѣчается съ тѣмъ понятіемъ, которое на англійскомъ языкѣ означается словами folk lore—въ буквальномъ переводѣ народная мудрость, но онъ не имѣетъ никакихъ ея образчиковъ на своемъ собственномъ языкѣ, и понятіе это для него чуждо и неинтересно. „Русланъ и Людмила“ или „Сказка о царѣ Салтанѣ“ даже въ самомъ изящномъ переводѣ озажутся для него только скучной, смѣшной галиматьей, не имѣющей никакого смысла. Такой единственный въ своемъ родѣ перлъ, какъ прологъ къ „Руслану“, и перевести-то на англійскій языкъ совершенно невозможно, да еслибъ и можно было, онъ бы показался американцу пустымъ, безсодержательнымъ наборомъ словъ. Пришлось бы комментировать каждое слово, каждую строчку. Лермонтовскій Кирибѣевичъ, этотъ кумиръ всякаго бойкаго русскаго мальчугана, вызываетъ въ американцѣ только презрѣніе, даже отвращеніе, Калашниковъ кажется ему безнадежно спятившимъ съ ума Донъ-Кихотомъ, и его казнь—не извращенной прихотью озвѣрѣлаго деспота, а совершенно резоннымъ выходомъ, хотя, къ сожалѣнію, и безъ адвокатовъ и присяжныхъ.

Также неудобопонятной, хотя и въ нѣсколько меньшей степени, является для американца и роль Пушкина въ очищеніи и переработкѣ русскаго языка. Роль эта совершенно исключительная, и, насколько мнѣ извѣстно, подобнаго прецедента не было въ исторіи эволюціи какаго бы то ни было другого живого европейскаго языка. Эволюція эта—всегда процессъ крайне консервативный, медленный, почти незамѣтный. Языкъ европейскихъ современниковъ Кострова и Сумарокова, Вольтера, Лессинга, Роберта Бёрнса только очень мало отличается отъ современныхъ французскаго, нѣмецкаго, англійскаго—только очень рѣдко попадаетъ у нихъ непонятное, вышедшее изъ употребленія съ тѣхъ поръ слово, еще рѣже незнакомое построеніе рѣчи. Шекспиръ въ оригиналѣ читается и сегодня безъ всякаго труда; Спенсеръ, англійскій писатель XVI столѣтія, даже Чаусеръ, XIV-го, легко понимаются, и, читая ихъ, только изрѣдка приходится прибѣгать къ словарю. Даже ихъ языкъ, конечно, ближе къ современному англійскому, чѣмъ „чудище обло“

Тредьяковскаго и тяжелые стихи Ломоносова къ современному русскому, — чтобы найти что-либо равносильное русскимъ писателямъ даже половины XVIII столѣтія на англійскомъ языкѣ, придется обратиться къ оригиналамъ писателей XIII, даже XII столѣтій. А Пушкинъ продѣлалъ всю эту работу съ русскимъ языкомъ, несравненно болѣе богатымъ и сложнымъ, чѣмъ англійскій, — работу, на которую у англичанъ ушли многія столѣтія и десятки поколѣній, въ такой изумительно короткій срокъ, какъ 22 года активной литературной жизни! Какъ объяснить американцу возможность такого небывалаго, такого, если можно такъ выразиться, неестественнаго феномена? Онъ, конечно, подумаетъ: „не любо не слушай, вратъ не мѣшай“.

Вотъ въ виду этихъ-то, хорошо мнѣ извѣстныхъ особенностей, мой рефератъ о Пушкинѣ и былъ очень своеобразенъ, совсѣмъ не таковъ, какимъ бы я желалъ его сдѣлать и какимъ бы я его сдѣлалъ для русской аудиторіи. Цѣлыхъ три его первыхъ четверти ушли на общія мѣста, на удовлетвореніе стремленія сдѣлать понятною послѣднюю четверть, прямо касающуюся Пушкина. Американскія аудиторіи вообще очень требовательны. Онѣ привыкли къ толковымъ, дѣловитымъ лекціямъ — въ Америкѣ каждый интеллигентный человекъ умѣетъ болѣе или менѣе говорить въ публикѣ. Его приучаютъ къ этому еще въ народной школѣ. На однѣхъ громкихъ фразахъ здѣсь далеко не уѣдешь. Чтобы удовлетворить всѣмъ этимъ требованіямъ, мнѣ прежде всего пришлось дать краткую исторію церковно-славянскаго и русскаго языковъ, затѣмъ исторію русской до-пушкинской литературы, — понятіе о жизненныхъ русскихъ условіяхъ того времени, когда Пушкинъ началъ писать, характеристики императоровъ Александра I и Николая I — и только послѣ всего этого заговорить и о Пушкинѣ. На русскомъ языкѣ всего этого, по всей вѣроятности, не было бы возможности сдѣлать, но на англійскомъ, неподражаемомъ по своей сжатости и выразительности, это оказалось достижимымъ, хотя времени на все это у меня и было около часа съ четвертью, такъ что на долю самого Пушкина пришлось всего какихъ-нибудь полчаса. Зато я остался въ надеждѣ, что то, что я успѣлъ сказать о немъ, было и понятно, и усвоено моею далекою аудиторіей, и что она не нашла въ моемъ повѣствованіи ничего сказочнаго и невѣроятнаго, какъ ни энергично я выражался и какъ невольно не приняло оно форму восторженнаго панегирика. Музыкальная программа торжества дала мнѣ прекрасный предлогъ подчеркнуть значеніе Пушкина въ возрожденіи русскаго искусства вообще и особенно музыки.

Изъ отдѣльныхъ его произведеній я упомянулъ о стихотвореніяхъ „Воспоминанія о Царскомъ Селѣ“, „Пророкъ“ и „Анчаръ“, о поэмахъ „Мѣдный Всадникъ“ и „Полтава“, при чемъ выяснилъ громадную разницу въ пониманіи Мазепы и того времени Байрономъ, и остановился всего дольше на „Евгеніи Онѣгинѣ“, финалъ котораго былъ бы очень непопуляренъ и непонятенъ въ городѣ, въ которомъ женскій вопросъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ настолько подвинулся впередъ, что на каждые два съ половиною брака приходится аккуратно одинъ разводъ.

Моя рѣчь была построена такимъ образомъ, что должна была окончиться прочтеніемъ англійскаго перевода извѣстныхъ лермонтовскихъ стиховъ „На смерть Пушкина“. Надъ этимъ переводомъ одна талантливая мѣстная поэтесса, Mrs Annie-Elisabeth Cheney, жена судьи нашего окружного суда, нерѣдко помѣщающая свои оригинальныя стихотворенія въ нѣкоторыхъ изъ лучшихъ нашихъ беллетристическихъ журналовъ, работала самымъ добросовѣстнымъ образомъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, при моемъ, конечно, посредствѣ. Она просто безъ ума отъ Лермонтова, который всегда былъ и моимъ любимымъ русскимъ поэтомъ, и вотъ уже слишкомъ пять лѣтъ мы совмѣстно терпѣливо работаемъ надъ полнымъ переводомъ его произведеній—работа очень трудная, утомительная и неблагоприятная, которую богъ-вѣсть когда намъ удастся довести до конца ¹⁾. „На смерть Пушкина“ переведено ею превосходно, почти дословно, рѣчмовано очень удачно и звучно, и сохраненъ размѣръ оригинала. Переводъ этотъ уже напечатанъ и перепечатанъ цѣлой массой нашихъ литературныхъ изданій. Его прочитала дама—секретарь клуба, оказавшаяся очень искуснымъ декламаторомъ. Драматическая декламация, особенно поэтическихъ произведеній, доведена въ Америкѣ до высокой степени совершенства, какъ и ораторское искусство вообще—къ нимъ готовятъ цѣлыми годами, у специальныхъ учителей, которые имѣются въ каждомъ большомъ городѣ, и я самъ не рѣшился рискнуть успѣхомъ перевода неумѣлымъ прочтеніемъ его въ публикѣ.

Программа была закончена пѣніемъ знаменитой аріи Ратмира: „Чудный сонъ живой любви“ изъ оперы „Русланъ и Людмила“. Въ Америкѣ есть очень хорошіе, сильные сопрано и баритоны, но совсѣмъ нѣтъ басовъ, теноровъ, и, въ особенности,

¹⁾ Уже переведены вполнѣ „Герой нашего времени“ въ прозѣ; стихами „Демонъ“, „Мцыри“, „Хаджи Абрекъ“, „Пѣсня о царѣ Иванѣ Васильевичѣ“ и почти всѣ лучшія его мелкія произведенія. Нѣкоторые переводы уже были напечатаны въ журналахъ.

контральто. Мнѣ никогда не приходилось слышать здѣсь ничего подобнаго даже второстепеннымъ русскимъ опернымъ пѣвицамъ въ родѣ Шрёдеръ, не говоря уже о Леоновой или Лавровской. Да, другихъ такихъ бархатныхъ, „благоуханныхъ“ и въ то же время могучихъ контральто и нигдѣ, вѣроятно, не услышишь. Тридцать лѣтъ тому назадъ, будучи молоденькимъ петербургскимъ гвардейскимъ офицеромъ, я не пропускалъ ни одного спектакля, въ которомъ пѣла Лавровская, какія бы препятствія, въ видѣ карауловъ и дежурствъ, ни представлялись на пути, и какъ сейчасъ помню ея симпатичный, милый образъ въ дивной роли и поэтическомъ костюмѣ Ратмира—и теперь отдалъ бы почти все, чтобъ имѣть возможность опять пережить эти чудныя впечатлѣнія. А лосъ-анжелескій Ратмиръ былъ одѣтъ въ модное тяжелое шелковое платье, пѣлъ тѣмъ голосомъ, который въ Америкѣ сходить за контральто, а на петербургской сценѣ оказался бы низкимъ сопрано, и пѣлъ дубовыми стихами на англійскомъ языкѣ, стихами, переведенными съ нѣмецкаго переложения, такъ что „Любви роскошная звѣзда“ оказалась въ этой двойной метаморфозѣ чѣмъ-то совершенно чужимъ и неудобопонятнымъ. Чтобы понять и „по-русски“ исполнить арію Ратмира, нужно быть самому русскимъ человекомъ до мозга костей, и этого не достичь никакому иностранцу, какъ не понять ему и „народность“ Пушкина. Конечно, мои личные идеальныя требованія были и незаконны, и неосуществимы. Наша дамская аудиторія и не ставила ихъ, и не могла дѣлать, подобно мнѣ, какихъ-либо сравненій—а потому и отнеслась въ исполненію съ значительнымъ энтузіазмомъ, тѣмъ болѣе, что чисто-музыкальная его сторона была выполнена очень добросовѣстно и вполне удовлетворительно, а мелодія такъ прекрасна сама по себѣ и помимо усиливающихъ ее обаяніе сценическихъ атрибутовъ, что ихъ отсутствіе въ данномъ случаѣ имѣло значеніе только для меня и другихъ присутствовавшихъ русскихъ, которые привыкли не отдѣлять этой аріи отъ петербургской оперной сцены.

Вся программа прошла бойко и плавно, безъ малѣйшей заминки, и несомнѣнно произвела на мѣстное интеллигентное общество извѣстное впечатлѣніе, что ясно выразилось въ отзывахъ на другой день всѣхъ мѣстныхъ газетъ.

П. А. Тверской.

10 іюня 1899.

г. Лосъ-Анжелесъ, Калифорнія.



ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1899.

Законы о временно-заповѣдныхъ имѣніяхъ и о воспитаніи и образованіи дворянскаго юношества.—Законопроектъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ.—Десятилѣтіе института земскихъ начальниковъ.—Липецкій инцидентъ.—Законы о фабричномъ надзорѣ и о порядкѣ взиманія окладныхъ сборовъ.—Новые циркуляры министра народнаго просвѣщенія и временныя правила 29-го іюля.

Законъ о временно-заповѣдныхъ имѣніяхъ, Высочайше утвержденный 25-го мая нынѣшняго года, имѣетъ за собою довольно длинную исторію ¹⁾. Какъ только, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, усилилось, въ средѣ дворянства и въ правительственныхъ сферахъ, спеціально-сословное теченіе, на сцену былъ выдвинутъ вопросъ о предоставленіи дворянамъ большей свободы въ учрежденіи заповѣдныхъ имѣній. Пожеланія, направленные къ этой цѣли, высказывались уже въ 1885 г., по поводу столѣтней годовщины дворянской грамоты. Нѣсколько позже стали появляться цѣлые проекты, сначала отъ имени частныхъ лицъ, потомъ отъ имени дворянскихъ собраній. Частные прожектеры склонялись къ самому радикальному рѣшенію вопроса, т.-е. къ обязательному установленію заповѣдности для всѣхъ дворянскихъ имѣній (кромѣ самыхъ мелкихъ) или, по меньшей мѣрѣ, для имѣній вновь приобретаемыхъ. Дворянскія собранія не шли, болѣею частью, такъ далеко; за обязательную заповѣдность—и притомъ лишь для имѣній, переходящихъ, по наслѣдству, въ боковую линію—стояло, если мы не ошибаемся, только новгородское дворянство. Всѣ остальные собранія, возбуждавшія ходатайства по этому предмету, высказывались за заповѣдность *факультативную*, т.-е. устанавливаемую не иначе какъ по свободному желанію владѣльца. Расходились они между собою только въ деталяхъ, напр. относительно наименьшихъ размѣ-

¹⁾ Главные фазисы ея изложены нами въ внутреннихъ обозрѣніяхъ „Вѣстн. Европы“ 1887 г. № 12, 1892 г. №№ 4 и 6, 1893 г. № 3, 1894 г. № 4.

ровъ, которые должны имѣть заповѣдное имѣніе. Существенно отличилось отъ остальныхъ одно пензенское дворянство, пустившее въ оборотъ мысль о *временно-заповѣдныхъ* имѣніяхъ. На этой мысли, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, остановилась, въ 1892 г., особая коммиссія, учрежденная подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта Н. С. Абазы. Составленный ею проектъ не получилъ движенія, но къ нему весьма близко подходитъ законъ 25-го мая, вводящій въ жизнь именно *временно-заповѣдныя* имѣнія. Обязательною однажды установленная заповѣдность признается только для самого установившаго ее (развѣ если у него послѣ установленія заповѣдности родились дѣти) и для слѣдующаго за нимъ владѣльца; дальнѣйшіе владѣльцы могутъ отмѣнить, духовнымъ завѣщаніемъ, временную заповѣдность, если унаслѣдовали имѣніе отъ родственника по прямой восходящей линіи и имѣютъ нисходящее потомство. Помимо воли владѣльца заповѣдность прекращается въ случаѣ пресѣченія рода учредителя, а также при отсутствіи между ближайшими родственниками владѣльца потомственныхъ дворянъ. Итакъ, при нормальномъ ходѣ событій имѣніе, однажды объявленное заповѣднымъ, должно оставаться таковымъ при жизни *двухъ* ближайшихъ преемниковъ учредителя. Обращенію въ временно-заповѣдныя подлежатъ такія имѣнія, въ которыхъ количество земли не меньше дающаго право непосредственнаго участія въ дворянскихъ выборахъ, если, притомъ, цѣнность имѣнія составляетъ не менѣе пятнадцати тысячъ рублей и оно заключаетъ въ себѣ усадьбу, съ хозяйственными постройками. Выспій размѣръ временно-заповѣднаго имѣнія—десять тысячъ десятинъ. Имѣніе, обращаемое въ временно-заповѣдное, должно быть свободно отъ недоимокъ и отъ всякихъ запрещеній, кромѣ того, которое лежитъ на немъ въ обезпеченіе ссуды, выданной изъ Дворянскаго Банка или особаго его отдѣла, если непогашенная часть ссуды не превышаетъ шестидесяти процентовъ оцѣночной суммы и самое имѣніе владѣльцемъ не обезпечено. Владѣлецъ родового имѣнія, имѣющій нѣсколькихъ нисходящихъ потомковъ, можетъ учредить въ пользу одного изъ нихъ временно-заповѣдное имѣніе только подъ условіемъ согласія на то всѣхъ его наслѣдниковъ (если они достигли совершеннолѣтія) или удостовѣренія (выдаваемаго губернскимъ предводителемъ дворянства), что каждый изъ остальныхъ наслѣдниковъ обезпеченъ, въ размѣрѣ причитающейся ему въ томъ имѣніи доли, изъ другого имущества учредителя. Временно-заповѣдное имѣніе не можетъ быть ни отчуждаемо, ни подвергаемо раздѣлу, ни закладываемо или вообще обременяемо долгами (кромѣ особыхъ случаевъ, предусмотрѣнныхъ закономъ). Наслѣдовать временно-заповѣдныя имѣнія могутъ только потомственные дворяне. Выборъ наслѣдника зависитъ отъ владѣльца,

но съ тѣмъ, что при наличности нисходящихъ потомковъ избирается непремѣнно одинъ изъ нихъ (съ предпочтеніемъ мужескаго пола женскому), а при неимѣніи ихъ—одинъ изъ боковыхъ родственниковъ, преимущественно изъ того рода, къ которому принадлежалъ учредитель. Если владѣлецъ временно-заповѣднаго имѣнія, не бывшій его учредителемъ, оставилъ, кромѣ наследующаго ему въ этомъ имѣніи, еще нѣсколькихъ дѣтей, не объявивъ, что участь ихъ обезпечена, и если стоимость имѣнія (за вычетомъ банковаго долга) превышаетъ сто тысячъ рублей, братья и сестры наследника могутъ требовать составленія, для раздѣла между ними поровну, капитала, равняющагося двухлѣтнему чистому съ того имѣнія доходу. При стоимости имѣнія отъ 25 до 100 тысячъ рублей обезпеченіе, въ томъ же размѣрѣ, не наследующихъ имѣніе дѣтей можетъ быть возложено владѣльцемъ на наследующаго имѣніе, но такое распоряженіе обязательно къ исполненію лишь въ томъ случаѣ, если произведенный, въ видахъ обезпеченія, залогъ имѣнія, вмѣстѣ съ прежнимъ банковымъ долгомъ, не превыситъ 33% стоимости имѣнія. Льготы, предоставляемыя владѣльцамъ временно-заповѣдныхъ имѣній, заключаются въ слѣдующемъ: имѣнія эти освобождаются отъ взиманія пошлинъ съ имущества, переходящихъ безмездными способами; въ случаѣ неуплаты слѣдующихъ съ временно-заповѣднаго имѣнія двухъ полугодовыхъ банковыхъ платежей, оно берется въ опеку; если опека придетъ къ заключенію, что доходы съ имѣнія недостаточны для покрытія срочныхъ платежей и недоимокъ, имѣніе поступаетъ въ управленіе банка, и только въ случаѣ признанія этой мѣры бесполезною обращается въ продажу на общемъ основаніи; между взятіемъ имѣнія въ опеку и назначеніемъ его въ продажу должно пройти не менѣе трехъ лѣтъ. Дѣйствіе новаго закона не распространяется на Кавказскій край, губерніи прибалтійскія и царства польсваго, а также на губерніи и области, гдѣ не введены дворянскія учрежденія, кромѣ губерній пермской и ватской. Въ девяти западныхъ губерніяхъ учреждать временно-заповѣдныя имѣнія могутъ лишь тѣ владѣльцы, которые въ правѣ приобрѣтать тамъ покупкою земельную собственность. Помимо введенія новой категоріи имѣній—временно-заповѣдныхъ, законъ 25 мая облегчаетъ образованіе заповѣдныхъ имѣній прежняго типа, понижая минимальный ихъ размѣръ съ десяти тысячъ десятинъ до пяти и минимальную стоимость—съ двѣнадцати тысячъ рублей до шести; онъ отмѣняетъ также взиманіе крѣпостныхъ пошлинъ при выкупѣ потомственными дворянами родовыхъ земельныхъ имуществъ.

Представители ультра-дворянскихъ тенденцій привѣтствуютъ законъ 25-го мая только какъ переходную мѣру, какъ первый шагъ къ желанной цѣли: они выражаютъ убѣжденіе, что *временная* заповѣд-

ность уступить мѣсто *постоянной* ¹⁾. Въ специальной статьѣ, посвященной подробному развитію этой мысли, одинъ изъ сотрудниковъ „Московскихъ Вѣдомостей“ старается доказать, что самый простой и единственно справедливый способъ разрѣшенія вопроса—распространеніе стараго закона о заповѣдныхъ имѣніяхъ, на *всѣ* дворянскія имѣнія, *какихъ бы то ни было размѣровъ*. Мотивируетъ онъ свое мнѣніе, между прочимъ, тѣмъ, что въ послѣднее время установлена законодательнымъ путемъ неотчуждаемость крестьянскихъ земель и расширены кредиты крестьянскаго банка на пріобрѣтеніе дворянскихъ имѣній, остающихся за дворянскимъ банкомъ и иныхъ; одни эти обстоятельства, помимо всѣхъ ранѣе бывшихъ и нынѣ усилившихся „вручинъ дворянскаго обезземеленія“, вполне способны, по мнѣнію автора, „доканать дворянское землевладѣніе“. На самомъ дѣлѣ неотчуждаемыми признаны, какъ извѣстно, однѣ только *надѣльные* крестьянскія земли, которыя и прежде весьма рѣдко покупались дворянами или обычными покупателями дворянскихъ имѣній; крестьянскому банку предоставлено покупать, для послѣдующей распродажи крестьянамъ, не одни только дворянскія имѣнія, а всякія вообще земли, соотвѣтствующія этой цѣли. Ни та, ни другая мѣра не можетъ, слѣдовательно, ни „доканать“ дворянское землевладѣніе, ни даже существенно уменьшить его. Въ настоящее время—утверждаетъ, далѣе, усердный ревнитель дворянскихъ интересовъ—нѣтъ или почти нѣтъ никакихъ продажныхъ земель, кромѣ дворянскихъ. Масса земель (названныхъ, удѣльныхъ, церковныхъ, городскихъ, войсковыхъ и т. п.) не подлежатъ отчужденію; мелкіе крестьянскіе участки не годятся для дворянскихъ имѣній, да за нихъ, притомъ, вѣрнѣе держатся ихъ собственники; болѣе крупныя имѣнія, попавшія въ руки купцовъ и разночинцевъ, если и поступаютъ въ продажу, то покупаются почти всегда опять-таки купцами и разночинцами. Что же мѣшаетъ, однако, покупкѣ такихъ имѣній дворянами? Почему покупателями земли, продаваемой дворянами, являются, большею частью, не-дворяне? Вѣдь если явленія этого рода повторяются изъ года въ годъ, въ весьма крупныхъ размѣрахъ, то должны же они имѣть какую-нибудь причину, коренящуюся въ экономической жизни страны. Если многіе изъ числа дворянъ оказываются плохими хозяевами, то не пріобрѣтутъ же они недостающихъ имъ качествъ только вслѣдствіе того, что земля, которою они тяготеютъ и не умѣютъ пользоваться, будетъ удерживаема за ними велѣніемъ законодателя. Если гражданскій оборотъ, предоставленный самому себѣ, ведетъ къ все большому сосредоточенію

¹⁾ См. № 192 „Московскихъ Вѣдомостей“.

земли въ рукахъ, наиболѣе приспособленныхъ къ обладанію ею, то стѣсненіе такого перехода неизбежно уменьшить сумму производительнаго народнаго труда—или вызоветъ обходъ закона. Преимущество временной заповѣдности передъ постоянной заключается именно въ томъ, что она меньше идетъ въ разрѣзъ съ естественнымъ ходомъ вещей, связывая только ближайшее, а не отдаленное будущее. Учредитель временно-заповѣднаго имѣнія можетъ имѣть въ виду личныя качества своего непосредственнаго преемника, можетъ рассчитывать на его желаніе и умѣнье вести правильное хозяйство; учредитель имѣнія безусловно-заповѣднаго совершаетъ, наоборотъ, „скачокъ въ потемки“, не имѣя никакой возможности знать, въ какой степени заповѣдность имѣнія окажется соответствующей личнымъ качествамъ и способностямъ будущихъ его владѣльцевъ. Съ другой стороны, временный характеръ заповѣдности допускаетъ, до известной степени, приспособленіе къ новымъ условіямъ, которыхъ нельзя предвидѣть въ моментъ учрежденія заповѣднаго имѣнія; заповѣдность постоянная создаетъ или стремится создать нѣчто неподвижное среди непрерывнаго движенія, т.-е. идетъ въ разрѣзъ съ требованіями жизни. Мы говоримъ все это отнюдь не въ защиту временной заповѣдности, цѣлесообразность которой всегда казалась и теперь кажется намъ болѣе чѣмъ спорной, а лишь въ опроверженіе доводовъ, приводимыхъ въ пользу заповѣдности абсолютной. Ни изъ чего не видно, чтобы новый законъ имѣлъ характеръ переходной мѣры, подготовляющей другую, болѣе рѣшительную; напротивъ того, все заставляетъ думать, что *временная* заповѣдность—послѣдній, окончателный шагъ въ данномъ направленіи. Почти всѣ ходатайства дворянскихъ собраній, послужившія исходной точкой для закона 25-го мая, клонились къ предоставленію дворянамъ широкаго права учреждать безусловно-заповѣдныя имѣнія—и тѣмъ не менѣе составители закона не нашли возможнымъ пойти дальше заповѣдности временной. Что же можетъ, затѣмъ, вызвать перерѣшеніе вопроса? Допустимъ, вопреки вѣроятности, что временно-заповѣдныя имѣнія пустятъ глубокіе ростки на нашей почвѣ и будутъ учреждаться въ большомъ количествѣ; отсюда еще отнюдь не будетъ слѣдовать, что въ такихъ же размѣрахъ стали бы распространяться и имѣнія безусловно-заповѣдныя. Владѣлецъ, съ болѣе или менѣе легкимъ сердцемъ налагающій известныя ограниченія на двухъ своихъ ближайшихъ преемниковъ, поступилъ бы, быть можетъ, совершенно иначе, если бы рѣчь шла о предрѣшеніи судьбы отдаленнаго его потомства. Съ нашей точки зрѣнія временная заповѣдность, въ томъ видѣ, въ какомъ она установлена закономъ 25 мая, имѣетъ одинъ существенный недостатокъ: что она слишкомъ легко можетъ обратиться въ долгосрочную. Неудобно уже то,

что моментъ пребращенія заповѣдности отодвинуть до смерти второго владѣльца, который можетъ уничтожить заповѣдность только духовнымъ завѣщаніемъ, а не при жизни. Болѣе практично было рѣшеніе вопроса, проектированное пензенскимъ дворянствомъ: право отиѣнить заповѣдность предполагалось предоставить второму послѣ учредителя владѣльцу по истеченіи десяти лѣтъ со времени достиженія имъ совершеннолѣтія. Въ большинствѣ случаевъ свойства и способности второго владѣльца учредителю неизвѣстны вовсе или извѣстны очень мало; стѣсненіе воли второго владѣльца, продолжающееся до самой его смерти, можетъ, поэтому, привести къ результатамъ, совершенно несогласнымъ съ надеждами и желаніями учредителя. Еще менѣе гармонируетъ съ временнымъ характеромъ заповѣдности невозможность уничтоженія ея тѣми владѣльцами, которые унаслѣдовали имѣніе по боковой линіи и не имѣютъ нисходящаго потомства. Если условія, препятствующія отиѣнѣ заповѣдности, повторятся нѣсколько разъ сряду, то вмѣсто двухъ поколѣній обязательная заповѣдность можетъ охватить собою четыре, пять и болѣе, фактически теряя свой временной характеръ.

Вновь создаваемая временно-заповѣдная имѣнія отличаются отъ заповѣдныхъ имѣній, давно знакомыхъ нашему законодательству, еще и тѣмъ, что по отношенію къ послѣднимъ порядокъ наслѣдованія опредѣляется въ актѣ учрежденія имѣнія и слѣдуетъ, въ общемъ, началу первородства, а по отношенію къ первымъ онъ зависитъ, съ нѣкоторыми лишь ограниченіями, отъ усмотрѣнія владѣльца. Конечно, право выбрать наслѣдника увеличиваетъ, до нѣкоторой степени, шансы перехода имѣнія въ руки лица, способнаго вести хозяйство; но съ другой стороны оно возлагаетъ на отца семейства, все или почти все состояніе котораго заключается въ временно-заповѣдномъ имѣніи, чрезвычайно тягостную обязанность рѣшить, къ кому изъ дѣтей, въ ущербъ всѣмъ остальнымъ, должно перейти это состояніе. При существованіи маіората младшія дѣти являются обдѣленными въ силу самого закона, помимо воли отца; здѣсь немислимы интриги, происки, направленные къ захвату наслѣдства, и нѣтъ, слѣдовательно, особыхъ поводовъ ни къ раздраженію противъ счастливаго соперника-брата, ни къ неудовольствію противъ отца. И то, и другое почти неизбѣжно. Когда выборъ наслѣдника во временно-заповѣдномъ имѣніи предоставленъ отцу, а средствъ обезпечить остальныхъ дѣтей у него нѣтъ. Правда, обдѣленіе всѣхъ въ пользу одного *возможно* и при отсутствіи заповѣдности — но заповѣдность дѣлаетъ его *обязательнымъ*, неотвратимымъ. Обезпеченіе, устанавливаемое закономъ 25-го мая, во-первыхъ невѣрно, во-вторыхъ недостаточно: невѣрно — потому что оно во многихъ случаяхъ поставлено въ зависимость отъ степени задолженности

имѣнія; недостаточно—потому что оно составляетъ для всѣхъ братьевъ и сестеръ владѣльца, *амьсть взятыхъ*, менѣе $\frac{1}{10}$ стоимости имѣнія. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что уже это одно окажется на практикѣ существенно-важнымъ препятствіемъ къ учрежденію временно-заповѣдныхъ имѣній... Не вполне достигающими цѣли важутся намъ и тѣ гарантіи, которыми законъ обставляетъ учрежденіе временно-заповѣднаго имѣнія. Удостовереніе губернскаго предводителя о достаточномъ обезпеченіи дѣтей учредителя можетъ вполне соответствовать дѣйствительности въ моментъ его выдачи—и вовсе не соответствовать ей въ моментъ смерти учредителя, если обстоятельства его въ этотъ промежутокъ времени значительно измѣнились къ худшему. То же самое слѣдуетъ связать и объ „объявленіяхъ“, устранивающихъ право братьевъ и сестеръ на обезпеченіе изъ доходовъ временно-заповѣднаго имѣнія. Въ моментъ такого объявленія отецъ семейства можетъ быть совершенно спокоенъ на счетъ участи всѣхъ своихъ дѣтей—но черезъ нѣсколько лѣтъ могутъ паступить совершенно другія условія, а объявленіе, если объявитель не успѣлъ официально отмѣнить его, сохранить свою силу и дать владѣльцу временно-заповѣднаго имѣнія формальное право признать себя свободнымъ отъ какихъ бы то ни было обязательствъ передъ братьями и сестрами.

Въ нѣкоторыхъ проектахъ, исходившихъ какъ отъ частныхъ лицъ, такъ и отъ дворянскихъ собраний, владѣніе заповѣднымъ имѣніемъ предполагалось связать съ довольно значительными политическими правами. Новгородское дворянство, напримѣръ, предлагало предоставить владѣльцу заповѣднаго имѣнія два голоса на дворянскихъ и земскихъ выборахъ, если у него есть, кромѣ заповѣднаго, еще другое имѣніе, въ размѣрѣ земскаго ценза, а владѣльца заповѣднаго имѣнія, въ десять разъ превышающаго земскій цензъ, признавать, безъ избранія, гласнымъ того уѣзда, гдѣ у него усадьба. Еще дальше шель бывший магарьевскій (нижегородской губерніи) уѣздный предводитель дворянства, распространявшій право быть гласнымъ безъ избранія на *всѣхъ* владѣльцевъ заповѣдныхъ имѣній и проектировавшій обязательный выборъ изъ ихъ среды какъ предсѣдателя уѣздной земской управы, такъ и половины губернскихъ гласныхъ. Онъ говорилъ также о какомъ-то *кругѣ общегосударственныхъ обязанностей*, который долженъ быть выработанъ для владѣльцевъ заповѣдныхъ имѣній. Ничего подобнаго законъ 25-го мая, къ счастью, не устанавливаетъ. Льготы, которыя онъ даетъ владѣльцамъ временно-заповѣдныхъ имѣній, имѣютъ исключительно финансовый характеръ. Освобожденіе отъ наслѣдственныхъ пошлинъ не имѣетъ, въ данномъ случаѣ, особенно серьезнаго значенія, потому что земельныя имущества, при переходѣ къ нисходящимъ родственникамъ, уже съ 1895 г.

изъяты отъ платежа пошлинъ — а временно-заповѣдныя имѣнія будутъ переходить, въ большинствѣ случаевъ, именно отъ отца къ дѣтямъ. Льготы относительно взыскаія платежей по ссудамъ дворянскаго банка не обойдутся, по всей вѣроятности, безъ убытковъ для казны, но эти убытки едва-ли будутъ очень велики, если только оцѣнка имѣній будетъ производима съ должною осторожностью и самый размѣръ ссудъ не будетъ превышать нормъ, установленныхъ закономъ.

„Прекраснымъ“ въ новомъ законѣ „Московскія Вѣдомости“ находитъ ограниченіе его распространенія чисто русскими губерніями и изъятіе изъ его дѣйствія имѣній дворянства инородческаго. Мы продолжаемъ держаться противоположнаго мнѣнія. „Если бы заповѣдность, — говорили мы семь лѣтъ тому назадъ, по поводу работъ комиссіи Н. С. Абазы, — проектировалась *обязательная*, приуроченіе ея къ одной національности было бы болѣе понятно и менѣе обидно, потому что источникомъ ея и побудительною причиною являлись бы непосредственно и прямо интересы государственныя. Другое дѣло, если она будетъ провозглашена какъ *привилегія*, какъ *право*; тогда ограниченіе ея сферы дѣйствій будетъ почувствовано какъ лишеніе и какъ несправедливость... Въ среду дворянства, вмѣсто единенія, внесена будетъ рознь; рядомъ съ дворянами полноправными явятся дворяне неполноправныя — и въ послѣднюю категорію будутъ отнесены именно тѣ, для которыхъ, въ силу традиціонныхъ взглядовъ, идея заповѣдности гораздо симпатичнѣе, чѣмъ для коренныхъ русскихъ“. Вопросъ о заповѣдныхъ имѣніяхъ съ большимъ удобствомъ могъ бы быть замѣненъ вопросомъ о мелкихъ недѣлимыхъ участкахъ. Запрещеніе дробить поземельную собственность дальше извѣстной, *низкой* нормы вызывалось бы такими соображеніями, которыя одинаково примѣнимы ко всѣмъ классамъ общества. Не создавая никакихъ привилегій, не усиливая одной группы или категоріи лицъ, оно имѣло бы цѣлью единственно предупрежденіе невыгодныхъ послѣдствій, сопряженныхъ съ такъ называемою пульверизаціей земли, съ расщепленіемъ ея на ничтожныя, непроизводительныя кусочки, безсильныя обезпечить или хотя бы поддержать самое скромное хозяйство.

Въ одинъ день съ закономъ о временно-заповѣдныхъ имѣніяхъ Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта по вопросу о воспитаніи и образованіи дворянскаго юношества. Сущность его заключается въ слѣдующемъ: дворянскимъ обществамъ предоставляется учреждать пансіоны-пріюты для воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній гражданскаго вѣдомства. Эти пансіоны-пріюты устриваются

особо отъ учебныхъ заведеній, и въ каждый изъ нихъ могутъ быть принимаемы воспитанники различныхъ учебныхъ заведеній (гимназій, реального училища, прогимназій и т. п.). Молодые люди, принимаемые въ пансіонъ-пріютъ, получаютъ отъ него квартиру, столъ, одежду, бѣлье, обувь, учебныя книги и пособія. Они подчиняются воспитательному надзору начальника пансіона-пріюта и его помощниковъ и, въ случаѣ необходимости, пользуются содѣйствіемъ и указаніями этихъ лицъ въ своихъ учебныхъ виѣ-классныхъ занятіяхъ. Сыновья тѣхъ внесенныхъ въ дворянскую родословную книгу губерніи дворянъ, которые занимаютъ въ ней должности, замѣщаемыя по выборамъ дворянства или земства, а также по крестьянскимъ учрежденіямъ, или оставили указанныя должности, прослуживъ въ нихъ не менѣе девяти лѣтъ, принимаются въ пансіоны-пріюты преимущественно предъ дѣтьми другихъ потомственныхъ дворянъ и содержатся въ нихъ бесплатно. За удовлетвореніемъ потребности именованныхъ лицъ, означенное преимущество принадлежитъ сыновьямъ недостаточныхъ членовъ дворянскаго общества, проживающихъ въ своихъ имѣніяхъ и занимающихся сельскимъ хозяйствомъ. Дворянское общество, предполагающее учредить пансіонъ-пріютъ, составляетъ проектъ его устава, а также смету расходовъ: единовременнаго—на устройство, и ежегоднаго—на содержаніе пансіона-пріюта, и постановляетъ опредѣленіе о принятіи на свои средства не менѣе половины послѣдняго расхода. Проекты устава и сметы подлежатъ утвержденію министра народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ министрами внутреннихъ дѣлъ и финансовъ и государственнымъ контролеромъ. По воспослѣдованіи утвержденія, дворянскому обществу, учреждающему пріютъ, назначаются пособія изъ государственнаго казначейства: а) единовременное—въ полномъ размѣрѣ расходовъ на устройство пансіона-пріюта и б) ежегодное—въ суммѣ, недостающей для покрытія издержекъ по его содержанію, сверхъ расхода, принятаго на себя дворянствомъ, но не болѣе половины означенныхъ издержекъ. Дворянскимъ обществамъ, учредившимъ уже дворянскіе пансіоны-пріюты на свои сословныя средства, предоставляется расширить и преобразовать ихъ на основаніи вышеизложенныхъ правилъ. Дворянскимъ обществамъ предоставляется учреждать, съ пособіемъ отъ казны, равнымъ назначенной дворянствомъ суммѣ, сословныя стипендіи, въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ гражданскаго вѣдомства, для сыновей потомственныхъ дворянъ, въ особенности изъ числа тѣхъ, которые имѣютъ преимущественное право на опредѣленіе своихъ дѣтей въ дворянскіе пансіоны-пріюты. Послѣ учрежденія двухъ новыхъ кадетскихъ корпусовъ, изъ государственнаго казначейства будетъ отпускаемо ежегодно по ста восьмидесяти шести тысячъ семисотъ пятидесяти рублей на образо-

ваніе четырехсотъ пятнадцати бесплатныхъ вакансій въ кадетскихъ корпусахъ для сыновей потомственныхъ дворянъ, не могущихъ воспользоваться подобными вакансіями по праву военной службы. Преимущественное право на замѣщеніе этихъ вакансій предоставляется сыновьямъ лицъ, упомянутыхъ выше.

Вопросъ о государственной помощи дворянству въ воспитаніи и образованіи дѣтей возбужденъ, какъ и вопросъ о заповѣдныхъ имѣніяхъ, въ эпоху расцвѣта специально-дворянскихъ тенденцій и съ тѣхъ поръ не сходилъ со сцены, подвергаясь, отъ времени до времени, обсужденію въ дворянскихъ собраніяхъ. И здѣсь требовалось, во многихъ случаяхъ, гораздо больше, чѣмъ дано закономъ 25-го мая. Устюженское (новгородской губерніи) дворянство предлагало, напримѣръ, ходатайствовать о томъ, чтобы правительство приняло на себя попеченіе о воспитаніи дворянскихъ дѣтей, другими словами—чтобы за каждымъ дворяниномъ признано было право на матеріальное, въ этомъ отношеніи, содѣйствіе центральной власти. Меньшинство орловскаго дворянскаго собранія еще недавно настаивало на томъ, чтобы для дворянскихъ дѣтей были устроены особыя учебныя заведенія. Законъ 25-го мая не создаетъ никакихъ новыхъ, специально-дворянскихъ школъ: онъ предоставляетъ дворянскимъ дѣтямъ учиться, вмѣстѣ съ дѣтьми другихъ сословій, въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ, реальныхъ и другихъ училищахъ, облегчая только устройство для нихъ пансіоновъ-пріютовъ, т.-е. правильно организованныхъ ученическихъ квартиръ. Устройство такихъ пансіоновъ ставится, притомъ, въ зависимости отъ пожертвованій, которыя найдеть нужнымъ сдѣлать само дворянство: сумма, ассигнуемая на этотъ предметъ изъ государственной казны, не можетъ (помимо одновременнаго расхода на устройство пансіона) превышать ту, которая назначена дворянствомъ изъ собственныхъ средствъ его. Пансіоны-пріюты будутъ открываемы только тамъ, гдѣ дворянство будетъ чувствовать серьезную въ нихъ потребность и готово будетъ принести для нихъ серьезное пожертвованіе; въ дѣлѣ, касающемся, главнымъ образомъ, его самого, оно не будетъ рассчитывать исключительно на государственную помощь. Съ нашей точки зрѣнія существуетъ множество болѣе желательныхъ способовъ содѣйствія народному образованію; но если законъ 25-го мая увеличитъ число образованныхъ людей въ средѣ дворянства, то бесполезнымъ его, конечно, нельзя будетъ назвать. Преимущество, которое этотъ законъ даетъ дворянамъ служащимъ или служившимъ по выбору дворянства или земства, а также по крестьянскимъ учрежденіямъ, было бы, какъ намъ вѣжется, болѣе справедливо, если бы *бесплатное* содержаніе дѣтей въ пансіонѣ-пріютѣ обуславливалось, между прочимъ, недостаточностью средствъ родителей. Для освобо-

жденія отъ платы сыновей дворянина, живущаго исключительно на доходы съ своего небольшого хозяйства и обремененнаго многочисленною семьей, представляется гораздо больше оснований, чѣмъ для освобожденія отъ нея единственнаго сына предводителя дворянства или земскаго начальника, обладающаго хорошимъ состояніемъ.

Предоставленіе дворянамъ права учреждать временно-заповѣдныя имѣнія, какъ и предоставленіе дворянству права устраивать, съ субсидіей отъ казны, дворянскіе пансіоны-пріюты, не влечетъ за собою *непосредственнаго* умаленія или ограниченія чьихъ-либо личныхъ правъ, *непосредственнаго* ущерба для какого-либо общественнаго класса. Нельзя сказать того же самаго о другомъ объектѣ дворянскихъ пожеланій—о новомъ регламентированіи сельско-хозяйственнаго вольнонаемнаго труда. Съ исторіей этого вопроса наши читатели могли ознакомиться изъ статьи г. Бирюковича, напечатанной въ предыдущей книжкѣ „Вѣстника Европы“; намъ остается только сказать нѣсколько словъ о законопроектѣ, составленномъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, но еще не рассмотрѣнномъ въ Государственномъ Совѣтѣ. По словамъ „Вѣстника Права“ (№ 5), обязательной договорной книжки этотъ проектъ не вводитъ, но распространяетъ то специфическое значеніе, которое до сихъ поръ, по закону 12 іюня 1886 г., имѣлъ и имѣетъ договорный листъ, на всѣ формы срочнаго сельско-хозяйственнаго найма. За неявку на работу или самовольный уходъ съ работы проектъ грозитъ всякому нанятому на срокъ сельскому рабочему тѣмъ же наказаніемъ, которому теперь подлежитъ рабочій, нанятый по договорному листу. По дѣйствующему закону, — говорить „Вѣстникъ Права“, — „обращеніе къ уголовной карѣ обставлено такими условіями, которыя до нѣкоторой степени стѣсняють ея примѣненіе и стыдливо прикрываютъ ея дѣйствительный, одіозный характеръ. Уголовное преслѣдованіе, по положенію 1886-го года, возбуждается не за простое уклоненіе рабочаго отъ исполненія договора, а за ослушаніе требованію полиціи о возвращеніи къ хозяину. Правда, это требованіе предъявляется во имя частнаго, а не публичнаго интереса, и нѣтъ, поэтому, никакихъ оснований облагать его уголовной санкціей; но все-таки посредничество полицейской власти создаетъ формальный поводъ для уголовного вмѣшательства, если не замѣняющій, то прикрывающій совершенное отсутствіе юридическихъ оснований. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ можно было бы оправдать употребленіе уголовныхъ мѣръ для приданія силы гражданской сдѣлкѣ? Единственный аргументъ, который приводится обыкновенно поборниками этого исключительнаго порядка, состоитъ въ томъ, что имущественная

отвѣтственность для рабочихъ—пустое слово, такъ какъ имущества у нихъ нѣтъ или оно неприкосновенно для взысканій. Но, во-первыхъ, несостоятельность рабочаго къ уплатѣ убытковъ, да и самый фактъ понесенія убытковъ (отъ неисполненія договора найма), это—только предположеніи, которыя нуждаются въ провѣркѣ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ: въ уголовномъ правѣ нѣтъ мѣста неподвижнымъ презумпціямъ. Во-вторыхъ, если и допустить, что несостоятельный должникъ долженъ отвѣчать своей свободой, то остается совершенно необъяснимымъ, почему этотъ принципъ примѣняется исключительно къ нанявшимся на сельскохозяйственныя работы—почему не къ нанимателямъ, которые также не застрахованы отъ несостоятельности, почему не во всѣхъ родахъ и видахъ несостоятельныхъ должниковъ? Въ-третьихъ, сопряженный съ сдѣлкою, въ виду неимущества рабочихъ, рискъ заранѣе принимается въ расчетъ и страхуется нанимателемъ въ соответственномъ пониженіи средней цѣны покупаемаго имъ товара—труда“. Этотъ блестящій анализъ не оставляетъ камня на камнѣ въ аргументаціи, силищейся оправдать уголовную кару за чисто-гражданское правонарушеніе... Значеніе найма по договорной книгѣ проектъ обостряетъ тѣмъ, что дѣла по преслѣдованію нанявшихся, въ случаѣ неисполненія ими договора, подлежатъ разсмотрѣнію внѣ очереди, и состоявшійся приговоръ, если наказаніе не превышаетъ десяти дней ареста, не допускаетъ обжалованія въ апелляціонномъ порядкѣ. Это послѣднее правило—имѣющее цѣлью ускорить заключеніе виновнаго подъ стражу и помѣщать ему, тѣмъ самымъ, воспользоваться плодами его „проступка“ (т.-е. работой на болѣе выгодныхъ условіяхъ, въ горячую пору),—идетъ въ разрѣсъ со всѣми постановленіями объ арестѣ, дѣйствующими со времени изданія судебныхъ уставовъ; они всѣ допускаютъ апелляцію, какъ только продолжительность назначеннаго ареста превышаетъ три дня. Неужели проступокъ, въ сущности не составляющій проступка—т.-е. не соединяющій въ себѣ всѣхъ необходимыхъ условій уголовной отвѣтственности,—требуетъ болѣе неукоснительной кары, чѣмъ множество другихъ, несомнѣнно наказуемыхъ правонарушеній?

Что пересмотръ закона о наймѣ сельскихъ рабочихъ состоитъ въ тѣсной связи съ общимъ комплексомъ мѣръ, принимаемыхъ и проектируемыхъ въ интересахъ помѣстнаго дворянства—въ этомъ не позволяютъ сомнѣваться какъ вся исторія дѣла, изложенная въ статьѣ г. Бирюковича и въ нашихъ прежнихъ обзорѣніяхъ¹⁾, такъ и агитація въ печати, не прекращавшаяся съ тѣхъ поръ какъ у насъ возникъ, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, „дворянскій вопросъ“. За-

¹⁾ См. № 11 „Вѣсти. Европы“ за 1885-й и № 9 за 1888-й годъ.

конь 12 июня 1886 г., прямо направленный къ охранѣ нанимателей, т.-е. землевладѣльцевъ, и послужившій однимъ изъ первыхъ признаковъ побѣды, одержанной сословнымъ теченіемъ, ни на одну минуту не удовлетворилъ наиболѣе требовательныхъ партизановъ сословности, видѣвшихъ въ немъ только робкій, крайне недостаточный шагъ къ намѣченной цѣли. Отъ времени до времени они повторяли свое *setegum senso* и усиленно подчеркивали его при каждомъ сколько-нибудь благопріятномъ случаѣ. Понятно, что громче, чѣмъ когда-либо, оно раздастся въ настоящую минуту. Всего забавнѣе здѣсь то, что именно публицисты, выдающіе въ дисциплинированіи сельскихъ рабочихъ одно изъ главныхъ средствъ къ укрѣпленію дворянской позиціи, обвиняютъ своихъ противниковъ въ перенесеніи вопроса съ экономической почвы на политическую, съ цѣлью „дезорганизаціи“ земледѣльческаго труда и скорѣйшаго упраздненія дворянства. Не значить ли это, по извѣстному народному выраженію, валить съ большой головы на здоровую? Эпигоны вѣрности, сознательно или бессознательно вѣрные его традиціямъ, не хотятъ понять, что отношенія, возникающія изъ личнаго найма, входятъ въ область гражданскаго права и что къ нимъ, не менѣе чѣмъ ко всякимъ другимъ договорнымъ отношеніямъ, примѣнимы общія юридическія начала — равенство договаривающихся передъ закономъ, чисто имущественный характеръ отвѣтственности, возникающей изъ неисполненія договора. „Договоръ личнаго найма,—читаемъ мы въ той же статьѣ „Вѣстника Права“,—создаетъ обязательственное, а не вещное правоотношеніе; собственникомъ труда остается его носитель—свободный человѣкъ; наниматель приобретаетъ на этотъ трудъ только обязательственное право требованія, а не вещное право собственности“. Все это—юридическія аксіомы, въ которыхъ нѣтъ ровно ничего политическаго. Печать, возражающая противъ экстраординарной регламентаціи одного изъ видовъ личнаго найма, не сходитъ съ почвы права, общаго для всѣхъ: она не требуетъ для сельскихъ рабочихъ никакихъ привилегій или льготъ, не домогается уменьшенія суммы правъ, принадлежащихъ землевладѣльцамъ наравнѣ съ другими нанимателями. Несомнѣнно политическій отгѣнокъ имѣетъ, наоборотъ, слѣдующій рядъ мыслей, то подразумеваемыхъ, то высказываемыхъ прямо: помѣстное дворянство необходимо для государства; помѣстное дворянство „кормится отъ земли“; чтобы кормиться отъ земли, оно должно быть обеспечено достаточнымъ количествомъ рабочихъ силъ, фактически ему подвластныхъ и недорого стоящихъ; ergo—государство должно принять мѣры къ доставленію ему такого обезпеченія. На самомъ дѣлѣ „кормленіе отъ земли“ вполне возможно и при нынѣ дѣйствующихъ порядкахъ—возможно въ особенности для лучшихъ изъ числа хо-

злеть; но если бы даже трудность „кормиться“ и была такъ велика, какъ утверждаютъ газетные плакатчики, то это не могло бы служить основаніемъ для явно несправедливыхъ правоограниченій по отношенію къ цѣлому общественному классу, наиболѣе многочисленному и безъ того уже наименѣе полноправному.

Неполноправность крестьянскаго населенія, выражающаяся, между прочимъ, въ подчиненіи ихъ судебной-административной и дискреціонной власти земскихъ начальниковъ, составляетъ, въ нашихъ глазахъ, одинъ изъ самыхъ главныхъ аргументовъ противъ новой перемены въ худшему въ юридическомъ положеніи сельскихъ рабочихъ. Какое бы ни былъ законъ, чрезвычайно важенъ способъ его примѣненія, могущій либо смягчить, либо обострить его недостатки. Въ особенности это можно сказать о тѣхъ случаяхъ, когда исполненіе постановленій, охраняющихъ сословные интересы, находится въ рукахъ представителей даннаго сословія. Къ чему ведетъ такая комбинація— это выражено какъ нельзя ярче г. Новиковымъ, авторомъ извѣстныхъ „Записокъ земскаго начальника“¹⁾. „Мой опытъ,—говоритъ г. Новиковъ („Новое Время“ № 8409),— мое знакомство съ внутренними, неофициальными сторонами деревенской жизни— все побуждаетъ меня громко заявить, что нѣтъ того насилія, которое не можетъ быть учинено на рубежѣ двадцатаго столѣтія надъ русскимъ крестьяниномъ“.

Столь безотрадный выводъ не могъ не вызвать возраженій со стороны лицъ, прямо или косвенно имъ задѣтыхъ. Противъ него выступили въ печати одинъ изъ земскихъ начальниковъ ливенскаго уѣзда (орловской губ.), потомъ новгородскій губернский предводитель дворянства; но имъ едва-ли удалось поколебать впечатлѣніе, производимое рѣшительнымъ и мужественнымъ заявленіемъ г. Новикова. Въ особенности спорны оптимистическія положенія, выставляемыя кн. Васильчиковымъ (новгородскимъ губ. предводителемъ дворянства) въ видѣ противовѣса пессимизму г. Новикова. Безпристрастные свидѣтели спора едва-ли повѣрятъ, что „дворянъ-кулаковъ очень немного, что въ любой губерніи ихъ можно по пальцамъ пересчитать“, что земскіе начальники грѣшатъ скорѣе избыткомъ, чѣмъ недостаткомъ энергіи въ борьбѣ съ кулачествомъ, что „въ числѣ недовольныхъ положеніемъ о земскихъ начальникахъ кулаки занимаютъ видное мѣсто по своей численности и доставляютъ рядовыхъ въ эту армію, предводительствуемую другими“. Изъ всѣхъ доводовъ кн. Васильчикова только одинъ можетъ показаться, съ перваго взгляда, не лишеннымъ нѣкоторой силы. „Говоря, что крестьянину не найти правды,—воскликаетъ новгород-

¹⁾ Напоминаемъ, что г. Новиковъ, бывший сотрудникъ „Московскихъ Вѣдомостей“, поступилъ въ земскіе начальники съ глубокой вѣрой въ эту должность, занималъ ее нѣсколько лѣтъ и теперь состоитъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства.

скій губ. предводитель дворянства, обращаясь къ г. Новикову, — вы тѣмъ самымъ говорите, что всѣ тѣ лица и учрежденія, которымъ ввѣрено на мѣстахъ правосудіе, находятся въ постоянномъ сговорѣ для совершенія всевозможныхъ насилій надъ крестьянами“. Такого повсемѣстнаго и постояннаго сговора, конечно, нѣтъ и быть не можетъ— но не о немъ, безъ сомнѣнія, и говорилъ г. Новиковъ. Онъ имѣлъ въ виду, очевидно, ту бессознательную инстинктивную солидарность, которая устанавливается въ учрежденіяхъ, проникнутыхъ сословнымъ духомъ, и способствуетъ нарушенію правъ и интересовъ, не пользующихся спеціальной охраной. Нераскрытыми и безнаказанными такіа нарушенія остаются не всегда, но очень часто, уже потому, что для большинства крестьянъ обращеніе къ высшимъ инстанціямъ крайне затруднительно или, фактически, почти недоступно.

Полтора мѣсяца тому назадъ исполнилось десять лѣтъ со времени изданія положенія о земскихъ начальникахъ. Что „Московскія Вѣдомости“ отмѣтили день 12-го іюля ликующею и торжествующею статьею— это совершенно понятно; напрасно только онѣ позволяютъ себѣ утверждать, что „институтъ земскихъ начальниковъ своею дѣятельностью заставилъ замолчать принципиальныхъ враговъ мѣстной реформы“. Противники административнаго суда и неравенства сословій передъ закономъ никогда не измѣняли своимъ взглядамъ и не переставали, насколько это возможно, высказывать ихъ въ печати. Къ нимъ прикнули въ послѣднее время, подъ влияніемъ опыта, нѣкоторые изъ бывшихъ и настоящихъ дѣятелей мѣстнаго управленія ¹⁾. Если въ газетахъ и журналахъ рѣже, чѣмъ прежде, появляются статьи, посвященныя судебно-административнымъ учрежденіямъ, то это объясняется тѣмъ, что теоретическая сторона вопроса выяснена уже давно, а новыми фактами только подтверждаются раньше сдѣланные выводы. Мало фактическаго матеріала даетъ, притомъ, провинціальная печать, какъ вслѣдствіе особыхъ условий, въ которыя она поставлена, такъ и вслѣдствіе слабаго развитія гласности въ нашихъ „темныхъ селахъ, глухихъ деревняхъ“... Наиболѣе усердныхъ поклонниковъ опеки и „властной руки“ не удовлетворяетъ, впрочемъ, и то подневольное положеніе, въ которое мѣстная реформа поставила крестьянъ, какъ индивидуально, такъ и въ составѣ волостей и сельскихъ обществъ. Одинъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ „Московскихъ Вѣдомостей“ напечаталъ недавно въ этой газетѣ свой разговоръ съ „умнымъ хозяиномъ-мужикомъ“, жаловавшимся ему на крайнюю „разбалованность“ крестьянъ, на беспорядочность сельскихъ сходовъ, на противозаконныя

¹⁾ Кромѣ г. Новикова, можно указать на бывшаго предводителя дворянства барона Жоини, замѣчательная статья котораго: „Объ уѣздѣ и его властителяхъ“ напечатана въ № 113 „Спб. Вѣдомостей“.

дѣйствія волостного старшины, и обвинявшимъ „господь“ въ неумѣннѣ или нежеланіи придумать новыя мѣры строгости по отношенію къ мужику. Допустимъ, что всѣ эти неумныя рѣчи дѣйствительно держалъ „умный мужикъ“; оглашеніе ихъ въ печати, да еще съ похвальнымъ отзывомъ („много правды въ словахъ моего собесѣдника“), доказываетъ, во всякомъ случаѣ, что недостаткомъ строгости недовольны нѣкоторые изъ „господь“, пѣвшихъ и поющихъ хвалебныя гимны въ честь мѣстной реформы. Чего же они еще хотятъ, что могло бы положить конецъ ихъ сѣтованіямъ? Повидимому—только возстановленіе, въ той или другой формѣ, личной власти каждаго изъ „господь“, т.-е. каждаго помѣщика-дворянина, надъ сосѣдними съ нимъ крестьянами.

Предметомъ оживленнаго обсужденія въ печати служить, въ послѣднее время, дѣйствія липецкаго (тамбовской губерніи) уѣзднаго предводителя дворянства, г. Кожина, арендовавшаго въ своемъ уѣздѣ, по приговорамъ сельскихъ сходоу, значительное количество крестьянскихъ надѣльныхъ земель, для добыванія желѣзной руды, съ платоу по $\frac{1}{4}$ коп. съ пуда, и уступившаго затѣмъ это право, за 200 тыс. рублей, компаніи бельгійскихъ предпринимателей. Не имѣя достаточныхъ данныхъ для опредѣленія, были ли эти сдѣлки убыточны для крестьянъ, и если были, то въ какой степени, мы остановимся только на формальной сторонѣ дѣла, имѣющей, въ нашихъ глазахъ, весьма серьезное значеніе. Въ статьѣ г. Новикова, упомянутой нами выше (и вызванной именно липецкимъ инцидентомъ), мы встрѣчаемъ положительное увѣреніе, что „безъ одобренія начальства никогда ни одинъ приговоръ (сельскаго общества) не будетъ написанъ“. Въ основаніи этого увѣренія—если и допустить, что оно несвободно отъ нѣкотораго преувеличенія—лежитъ бесспорный фактъ крайней зависимости крестьянъ и крестьянскихъ обществъ отъ цѣлой іерархіи должностныхъ лицъ. Во главѣ этой іерархіи стоитъ въ уѣздѣ предводитель дворянства, не только какъ предсѣдатель уѣзднаго сѣзда, но и какъ лицо, имѣющее совѣщательный голосъ при назначеніи земскихъ начальниковъ и право ревизіи ихъ дѣйствій. И прямо, и косвенно онъ располагаетъ большимъ влияніемъ на крестьянъ, на сельскіе и волостныя сходы. Г. Новиковъ сравниваетъ отношеніе его къ крестьянамъ съ отношеніемъ опекуна къ опекаемымъ; г. Кожинъ возражаетъ на это, что предводитель ни по положенію о крестьянскихъ учрежденіяхъ, ни по бытовымъ условіямъ *непосредственныхъ* отношеній къ дѣламъ крестьянскихъ общинъ не имѣетъ, и влияніе его можетъ быть проявляемо *только* въ коллегіальныхъ засѣданіяхъ уѣзднаго сѣзда. Кому же неизвѣстно, однако, что у насъ въ Россіи источникомъ влияния бываютъ, сплошь и рядомъ, не одни только *непосред-*

ственныя отношенія? Если земскій начальникъ имѣть непосредственное отношеніе къ крестьянамъ, а уѣздный предводитель—къ земскому начальнику, то не игрой ли словъ является отрицаніе вліянія предводителя на крестьянъ? Кто знакомъ съ ролью предводителя—конечно, предводителя дѣятельнаго и энергичнаго—въ уѣздномъ сѣздѣ, тотъ, конечно, не станетъ утверждать, что коллегіальный составъ сѣзда устраняетъ возможность воздѣйствія его предсѣдателя на крестьянскія общины и общества. Не болѣе удачна и попытка г. Кожина свести ad absurdum аргументацію его противниковъ. „Если принять газетныя толкованія, — говоритъ г. Кожинъ, — то пришлось бы для всѣхъ должностныхъ лицъ, служащихъ по крестьянскимъ учрежденіямъ, установить ограниченіе даже въ правахъ распоряженія и пользованія собственными имѣніями, воспретивъ имъ сдавать крестьянамъ свои земли, равно нанимать крестьянъ на работы въ своихъ имѣніяхъ и вообще вступать съ ними въ какія бы то ни было сдѣлки, потому что злоупотребленія служебнымъ вліяніемъ возможны всегда и въ разныхъ видахъ“. Нѣтъ, одно вовсе не вытекаетъ изъ другого. Насколько предводитель дворянства или другое должностное лицо, облеченное властью надъ крестьянами, дѣйствуетъ въ качествѣ землевладѣльца, настолько онъ, конечно, можетъ вступать съ мѣстными крестьянами въ гражданскія сдѣлки, неизбѣжныя при управленіи имѣніемъ; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы онъ имѣлъ нравственное право заключать подобныя сдѣлки какъ *предприниматель*, особенно въ такихъ сферахъ промышленности, которыя только-что возникаютъ въ данной мѣстности и для которыхъ еще не выработались нормальныя цѣны. Мы говоримъ: *нравственное* право, потому что *юридическое* ограниченіе сдѣлокъ можетъ быть установлено только закономъ, не предусматривающимъ, до сихъ поръ, такой комбинаціи обстоятельствъ, каковая представилась въ липецкомъ уѣздѣ.. Замѣчательно, что г. Кожинъ не находитъ до сихъ поръ защитниковъ въ печати или, по крайней мѣрѣ, въ наиболѣе распространенныхъ ея органахъ. Чуть-ли не раньше всѣхъ другихъ газетъ выступили противъ него „Московскія Вѣдомости“. Оправданіе г. Кожина мы встрѣтили только въ запискѣ тамбовскаго губернатора, напечатанной въ разныхъ газетахъ на основаніи ст. 138 уст. о ценз. и печ.

Кромѣ законовъ 25 мая о временно-заповѣдныхъ имѣніяхъ и о воспитаніи и образованіи дворянскаго юношества, конецъ законодательной сессіи 1898-99 г. принесъ съ собою еще нѣсколько важныхъ узаконеній. Законъ 7-го іюня довершаетъ организацію фабричнаго надзора, подчиняя ему горные заводы, создавая главное по фа-

бричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствіе, раздѣляя всю Россію на шесть фабричныхъ округовъ, съ окружными инспекторами во главѣ, нѣсколько измѣняя функціи губернскихъ фабричныхъ присутствій (переименовываемыхъ въ присутствія по дѣламъ фабричнымъ и горнозаводскимъ), учреждая при департаментѣ торговли и мануфактуръ должности фабричныхъ ревизоровъ и значительно увеличивая (до 300 чел.) составъ фабричной инспекціи ¹⁾. Въ началѣ существованія фабричной инспекціи, т.-е. въ первой половинѣ восьмидесятихъ годовъ, она сдѣлала, несмотря на свою малочисленность, сдѣлать много полезнаго, выяснивъ настоящее положеніе фабричныхъ рабочихъ, намѣтивъ задачи ближайшаго будущаго. Первые отчеты фабричныхъ инспекторовъ, получившіе широкую гласность, сразу укрѣпили авторитетъ новаго учрежденія. Съ 1887-го г., т.-е. со времени замѣны Н. Х. Бунге И. А. Вышнеградскимъ, свѣдѣнія о дѣятельности фабричной инспекціи проникали въ печать лишь случайно и рѣдко. Нужно надѣяться, что теперь, когда такъ сильно увеличенъ составъ фабричной инспекціи и такъ широко раздвинуты ея функціи (повсемѣстнымъ введеніемъ въ дѣйствіе правилъ 3-го іюня 1886 г. и изданіемъ закона 2-го іюня 1896 г.), результаты ея работъ перестанутъ быть канцелярской тайной. Чѣмъ быстрее растетъ наша фабрично-заводская промышленность, тѣмъ важнѣе оглашеніе мѣръ, принимаемыхъ въ видахъ охраны фабричныхъ рабочихъ.

23-го іюня Высочайше утверждено положеніе о порядкѣ взиманія окладныхъ сборовъ (государственнаго поземельнаго налога, выкупныхъ платежей и земскихъ сборовъ), съ земель, поступившихъ въ надѣль крестьянъ. Полицейскіе чины устраняются новымъ закономъ отъ всякаго участія во взиманіи текущихъ окладныхъ сборовъ, возлагаемомъ на волостное и сельское общественное управленіе. При взисканіи недоимокъ роль полиціи ограничивается производствомъ, на основаніи списковъ, составленныхъ податнымъ инспекторомъ, описи, оцѣнки и продажи имущества, обращаемыхъ на пополненіе недоимокъ. Взиманіе текущихъ сборовъ происходитъ подъ руководствомъ земскаго начальника и податнаго инспектора: первый наблюдаетъ за разсылкой окладныхъ листовъ, раскладкой окладныхъ сборовъ, дѣйствіями сельскихъ и волостныхъ властей, а послѣдній слѣдитъ за поступленіемъ сборовъ, печется о правильномъ счетоводствѣ въ селеніяхъ и волостяхъ, повѣряетъ учетные приговоры волостныхъ и сельскихъ сходовъ, а также приговоры о разверсткѣ недобора между домохозяевами. При взиманіи недоимокъ главная роль принадлежитъ податному

¹⁾ Основательный и всесторонній разборъ закона 7-го іюня можно найти въ №№ 207 и 210 „Русскихъ Вѣдомостей“.

инспектору, соглашеніе котораго съ земскимъ начальникомъ требуется только при опредѣленіи имущества, подлежащаго продажѣ. При разсмотрѣніи закона въ Государственномъ Совѣтѣ вопросъ о томъ, на кого долженъ быть возложенъ надзоръ за взиманіемъ окладныхъ сборовъ, возбудилъ разномысліе, разрѣшенное Государемъ Императоромъ въ смыслѣ предоставленія дѣятельнаго участія въ этомъ надзорѣ, на ряду съ податными инспекторами, и земскимъ начальникамъ. И въ настоящемъ своемъ видѣ положеніе 23-го іюня не удовлетворяетъ, однако, тѣ органы печати, которымъ особенно дорого полновластіе земскихъ начальниковъ: имъ не нравится „нѣкоторая контрольная роль податныхъ инспекторовъ въ отношеніи къ земскимъ начальникамъ“. „Роль послѣднихъ, — восклицаютъ „Московскія Вѣдомости“, — чисто распорядительная и потому, конечно, наиболѣе тяжелая; податнымъ же инспекторамъ отведена роль инспекторская, контрольная, они обязаны все разузнавать и доносить“. Ядовитый намекъ, заключающійся въ послѣднихъ словахъ, лишенъ всякаго фактическаго основанія: податной инспекторъ обращается съ своими сообщеніями непосредственно къ земскому начальнику, и только въ случаѣ разногласія между ними дѣло получаетъ дальнѣйшій ходъ, направляясь въ уѣздный съѣздъ или къ управляющему казенною палатою. Столь же невѣрно и противопоставленіе распорядительной роли земскаго начальника контролирующей роли податного инспектора. Распорядительную роль новый законъ предоставляетъ преимущественно должностнымъ лицамъ волостного и сельскаго управления, а контроль надъ ними — какъ податному инспектору, такъ и земскому начальнику; въ фазисѣ взысканія недоимокъ податной инспекторъ облеченъ, притомъ, и нѣкоторою распорядительною властью. Что между земскими начальниками и податными инспекторами будутъ возникать недоразумѣнія — это весьма возможно; но мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что съ точки зрѣнія интересовъ крестьянской массы подобныя недоразумѣнія опасны гораздо меньше, чѣмъ единовластіе земскихъ начальниковъ, контролируемыхъ только ихъ непосредственнымъ начальствомъ... Кроме порядка взиманія окладныхъ сборовъ, законъ 23-го іюня опредѣляетъ точнѣе способъ ихъ раскладки и обязываетъ министра финансовъ, по истеченіи года со времени введенія въ дѣйствіе новыхъ правилъ, обсудить вопросъ о возможности отмены круговой поруки по уплатѣ окладныхъ сборовъ. Въ тѣсной связи съ положеніемъ о взиманіи окладныхъ сборовъ находится законъ 31-го мая, направленный къ болѣе широкому примѣненію тѣхъ льготъ по уплатѣ выкупныхъ платежей, которыя установлены законами 7-го февраля 1894 и 13-го мая 1896 г.

Во второй половинѣ іюля разсланы и оглашены путемъ печати три циркуляра министра народнаго просвѣщенія, довершающіе собою рядъ мѣръ по „упорядоченію“ университетовъ ¹⁾. Самый важный изъ нихъ примыкаетъ къ правительственному сообщенію 24-го мая, указавшему на разобщенность студентовъ между собою, съ профессорами и учебнымъ начальствомъ, какъ на одну изъ главныхъ причинъ возникновенія и распространенія студенческихъ безпорядковъ. „Общеніе между студентами и профессорами,—читаемъ мы въ циркулярѣ,—естественнымъ образомъ можетъ и должно происходить на почвѣ учебныхъ потребностей. Способствуя правильному развитію и образованію молодыхъ людей и поддерживая въ преподавателяхъ энергію и живой интересъ къ ихъ трудному и отвѣтственному дѣлу, такое общеніе облегчаетъ разрѣшеніе практическихъ вопросовъ, вызываемыхъ учебными потребностями, и устраняетъ, безъ осложненій и рѣзкихъ проявленій, различнаго рода недоразумѣнія, возникающія въ ходѣ учебной жизни. При близкихъ и добрыхъ отношеніяхъ между студентами и педагогическимъ составомъ учебнаго заведенія, всѣ такого рода вопросы и недоразумѣнія разрѣшаются непосредственными объясненіями профессора съ своею аудиторіею или, въ подлежащихъ случаяхъ, учебнаго начальства (ректора, директора, декана, инспектора или его помощника) съ отдѣльнымъ курсомъ или заинтересованною группою студентовъ, при чемъ регламентація этихъ естественныхъ взаимныхъ отношеній является совершенно излишнею“. Придавая, по указаннымъ основаніямъ, важное значеніе тѣсному общенію профессоровъ и студентовъ на почвѣ учебныхъ занятій, министръ призываетъ необходимымъ, чтобы учебное начальство содѣйствовало всѣми зависящими отъ него способами развитію и укрѣпленію такого рода общенія. Однимъ изъ лучшихъ способовъ для достиженія желаемой цѣли онъ считаетъ широкую организацію практическихъ занятій, насколько то позволяютъ существующія условія. Такъ какъ въ специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а равно на медицинскихъ, физико-математическихъ и историко-филологическихъ факультетахъ университетовъ, практическія занятія и до настоящаго времени были обязательны для всѣхъ студентовъ по самому существу изучаемыхъ ими отраслей знанія, то здѣсь необходимо лишь обратить вниманіе на возможное расширеніе и правильную постановку названныхъ занятій и на то, чтобы каждый учащійся принималъ въ нихъ дѣятельное участіе. Что же касается юридическихъ факультетовъ, то ихъ деканы, по обсужденіи вопроса въ факультетскихъ собраніяхъ, должны озаботиться введеніемъ практическихъ занятій на всѣхъ курсахъ, на коихъ они существовали ранѣе. Разу-

¹⁾ См. Общественную хронику въ предыдущей книжкѣ „Вѣстника Европы“.

мѣется, при началѣ дѣла слѣдуетъ соблюдать благоразумную постепенность, но, во всякомъ случаѣ, обязательныя для всѣхъ студентовъ практическія занятія должны быть организованы въ наступающемъ осеннемъ полугодіи. Съ своей стороны Министерство народнаго просвѣщенія озаботится доставленіемъ, по мѣрѣ возможности, необходимыхъ средствъ для веденія сихъ занятій. Не перечисляя другихъ способовъ взаимнаго общенія между учащими и учащимися, подсказываемыхъ ихъ вседневыми отношеніями, министръ выражаетъ увѣренность, что преподаватели высшихъ учебныхъ заведеній, принимая къ сердцу интересы своихъ слушателей, съ готовностью пойдутъ на встрѣчу къ сближенію съ ними, въ сознаніи, что тотъ преподаватель, который ограничиваетъ свою преподавательскую дѣятельность только чтеніемъ лекцій въ положенные часы, а не входитъ въ духовныя интересы и нужды учащихся, не сближается съ ними на этой почвѣ и не руководитъ ихъ неокрѣпшею мыслью, исполняетъ лишь малую долю обязанностей, возлагаемыхъ на него высокими призваніемъ профессора. Далѣе, для установленія желательнаго общенія между студентами и педагогическимъ составомъ высшихъ учебныхъ заведеній, министръ находитъ полезнымъ учрежденіе, подъ непремѣннымъ отвѣтственнымъ руководствомъ профессоровъ, научныхъ и литературныхъ студенческихъ кружковъ, въ засѣданіяхъ которыхъ могли бы читаться и обсуждаться студенческіе рефераты по научнымъ и литературнымъ вопросамъ. Точно такъ же онъ признаетъ допустимымъ, подъ отвѣтственностью избраннаго учебнымъ начальствомъ руководителя, учрежденіе студенческихъ хоровъ и оркестровъ для тѣхъ молодыхъ людей, которые интересуются пѣніемъ и музыкой. Учреждая студенческіе кружки, хоры и оркестры, необходимо, однако, дать имъ такое устройство, которое обезпечивало бы достиженіе ихъ непосредственныхъ цѣлей и не допускало бы ихъ вырождаться въ организаціи, нетерпимыя въ учебныхъ заведеніяхъ. Съ этою цѣлью, между прочимъ, численный составъ предположенныхъ студенческихъ обществъ долженъ быть строго соображенъ съ возможностью для каждаго члена принимать активное и серьезное участіе въ дѣятельности своего кружка, причѣмъ выборъ умѣлыхъ и твердыхъ руководителей, которые могли бы вдохнуть жизнь въ эти общества и удержать ихъ въ требуемыхъ границахъ, долженъ составлять предметъ особой заботливости учебнаго начальства. Въ виду ожидаемой пользы отъ устройства указанныхъ студенческихъ обществъ, нѣкоторая часть специальныхъ средствъ учебнаго заведенія могла бы быть удѣляема на ихъ поддержаніе. Наконецъ, наиболѣе цѣлесообразную мѣру для установленія желательнаго общенія студентовъ между собою, съ профессорами и учебнымъ начальствомъ, министръ видитъ въ устройствѣ правильно поставлен-

ныхъ студенческихъ общежитій. Избавляя молодыхъ людей, покидающихъ свои семьи, отъ заботъ о квартирѣ и столѣ и ограждая ихъ отъ вредныхъ внѣшнихъ вліяній и соблазновъ чужого города, эти общежитія, при надлежащей ихъ организаціи, даютъ широкій просторъ для взаимнаго сближенія учебнаго начальства, учащихся и учащихся и представляютъ наилучшія условія для научныхъ занятій, въ особенности если руководство этими занятіями принимаютъ на себя преподаватели. На устройство студенческихъ общежитій правительство имѣетъ въ виду отпустить весьма крупныя суммы; было бы желательно, чтобы и мѣстныя общества пришли на помощь благому дѣлу своими пожертвованіями. Съ этою цѣлью могли бы быть образованы особые комитеты изъ профессоровъ и представителей мѣстнаго общества, подъ предсѣдательствомъ попечителя учебнаго округа. Что касается курсовыхъ или иныхъ студенческихъ организацій, съ выборными представителями, депутатами и старостами, то, слѣдуя указаніямъ опыта и въ полномъ согласіи съ заключеніями совѣщанія (попечителей и ректоровъ), министръ признаетъ упомянутыя организаціи не только излишними, но и вредными для спокойнаго теченія академической жизни, составляющаго необходимое условіе успѣшнаго хода учебныхъ занятій. Въ другомъ циркулярѣ констатируется неудовлетворительность теперешняго положенія инспекціи надъ студентами. По словамъ министра, она не имѣетъ достаточнаго авторитета среди учащейся молодежи, чтобы оказывать на нее надлежащее вліяніе, какъ скоро мирное теченіе академической жизни чѣмъ-либо нарушено. Въ значительной мѣрѣ это происходитъ отъ причинъ, лежащихъ внѣ власти инспекціи, но отчасти и отъ того, что инспекція, ограничивая свою дѣятельность, главнымъ образомъ, наблюденіемъ за внѣшнимъ порядкомъ въ стѣнахъ заведенія, недостаточно входитъ въ разнообразныя потребности и нужды студентовъ и вообще мало заботится объ установленіи нравственной связи съ ними. Посему министръ находитъ желательнымъ, чтобы на будущее время представители инспекціи не ограничивались лишь заботами о сохраненіи внѣшняго порядка, но приняли на себя обязанности благожелательнаго попеченія объ учащихся, оказывая имъ помощь тѣми способами и средствами, какими можетъ располагать инспекція (присканіемъ занятій, указаніемъ удобныхъ квартиръ и подходящихъ столовыхъ, доставленіемъ врачебной помощи заболѣвшимъ и т. п.). Въ этихъ видахъ министръ признаетъ необходимымъ обратить особое вниманіе на осмотрительный выборъ помощниковъ инспектора и назначать на эти должности, по возможности, лицъ съ высшимъ университетскимъ образованіемъ, соответствующимъ специальности того факультета, на который данный помощникъ назначается, дабы онъ могъ сношаться со студентами и по вопросамъ научныхъ занятій. Не-

зависимо отъ изложеннаго, нельзя не обратить также вниманія на низшихъ служителей инспекціи, на которыхъ въ послѣднее время высказывались не всегда безосновательныя жалобы. По имѣющимся въ министерствѣ свѣдѣніямъ, въ нѣкоторыхъ университетахъ на этихъ служителей возлагаются инспекціею такія ответственныя и деликатныя порученія, которые, съ одной стороны, не соответствуютъ ихъ развитію и служебному положенію, а съ другой—даютъ поводы къ злоупотребленіямъ: сюда, на примѣръ, относятся надзоръ, въ промежутки между лекціями, за студентами, записи о посѣщеніи ими лекцій, замѣчанія относительно соблюденія формы и т. д. Не одобряя такого порядка, министръ воспрещаетъ на будущее время давать подобныя порученія низшимъ служителямъ инспекціи, которые ни въ какомъ случаѣ не должны исполнять обязанностей, лежащихъ, по существу дѣла, на помощникахъ инспектора. Третій циркуляръ, сравнительно мало важный, настаиваетъ на томъ, чтобы лекціи и вообще занятія въ университетахъ начинались въ назначенное для того время. Вслѣдъ за циркулярами министра народнаго просвѣщенія опубликованы Высочайше утвержденныя 29-го іюля временныя правила, выработанныя въ особомъ совѣщаніи министровъ внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія, земледѣлія и государственныхъ имуществъ, финансовъ, военнаго и управляющаго министерствомъ юстиціи. Правила эти опредѣляютъ отбываніе воинской повинности воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній, удаленными оттуда за учиненіе скопомъ безпорядковъ. Содержаніе ихъ слѣдующее: 1) Воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, за учиненіе скопомъ безпорядковъ въ учебныхъ заведеніяхъ или внѣ оныхъ, за возбужденіе къ такимъ безпорядкамъ, за упорное, по уговору, уклоненіе отъ учебныхъ занятій и за подстрекательство къ таковому уклоненію, подлежатъ, на основаніи изложенныхъ ниже правилъ, удаленію изъ учебныхъ заведеній и зачисленію въ войска для отбыванія воинской повинности, хотя бы они имѣли льготу по семейному положенію, либо по образованію, или не достигли призывнаго возраста, или же вынули по жеребью номеръ, освобождающій отъ службы въ войскахъ. *Примѣчаніе.* Мѣра сія не освобождаетъ виновныхъ въ совершеніи преступныхъ дѣяній, подлежащихъ преслѣдованію на основаніи существующихъ узаконеній, отъ ответственности въ установленномъ порядкѣ. 2) Для разсмотрѣнія дѣлъ о проступкахъ, указанныхъ въ предыдущей статьѣ, при каждомъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній учреждается особое совѣщаніе, въ составѣ предсѣдателя и членовъ педагогической коллегіи, коей дѣйствующимъ уставомъ учебнаго заведенія предоставлена дисциплинарная власть, и представителей отъ министерствъ военнаго, внутреннихъ дѣлъ и юстиціи. Въ совѣщаніяхъ, учрежденныхъ при высшихъ

учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, предсѣдательствуютъ попечители мѣстныхъ учебныхъ округовъ, а въ случаѣ необходимости одновременнаго, въ предѣлахъ того же округа, дѣйствія нѣсколькихъ совѣщаній—особо назначенныя для сего министромъ лица. Предсѣдательствованіе въ совѣщаніяхъ при высшихъ учебныхъ заведеніяхъ другихъ вѣдомствъ поручается подлежащими министрами особо назначеннымъ ими лицамъ. 3) Особые совѣщанія приступаютъ къ разбирательству дѣлъ, указанныхъ въ статьѣ 2, по непосредственнымъ распоряженіямъ подлежащихъ министровъ. 4) Особое совѣщаніе постановляетъ опредѣленіе по выслушаніи словесныхъ или по разсмотрѣніи представленныхъ, до открытія засѣданія, письменныхъ объясненій обвиняемаго. Неявка обвиняемаго по вызову и непредставленіе имъ своевременно письменныхъ объясненій не останавливаютъ постановленія о немъ опредѣленія совѣщанія. 5) Постановляя опредѣленіе объ удаленіи обвиняемаго изъ учебнаго заведенія, особое совѣщаніе, съ тѣмъ вмѣстѣ, указываетъ обязательный для удаляемаго срокъ службы въ войскахъ, въ размѣрѣ одного или двухъ лѣтъ. Совѣщанію предоставляется назначать срокъ службы въ размѣрѣ трехъ лѣтъ тѣмъ изъ удаляемыхъ, кои принимали особо вредное въ безпорядкахъ участіе. 6) Опредѣленіе особаго совѣщанія представляется подлежащему министру, коимъ постановляется окончательное по дѣлу рѣшеніе. Рѣшеніе министра обжалованію не подлежитъ. 7) Подлежащій, на основаніи рѣшенія министра, зачисленію въ войска для отбыванія воинской повинности передается немедленно въ распоряженіе военнаго начальства. 8) Подлежащій зачисленію въ войска, оказавшійся, по медицинскомъ освидѣтельствованіи, неспособнымъ къ службѣ въ строю, опредѣляется на должности нестроевныя. 9) Военному министру предоставляется всеподданнѣйше ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ объ освобожденіи отъ военной службы нижнихъ чиновъ, кои, будучи зачислены въ войска на основаніи настоящихъ правилъ, отбыли воинскую повинность въ теченіе не менѣе годичнаго срока и, по засвидѣтельствованію начальства, отличались, во время прохожденія службы, одобрительнымъ поведеніемъ и ревностнымъ исполненіемъ служебнаго долга. 10) Проступки исправно отбывшихъ службу въ войскахъ на основаніи настоящихъ правилъ предаются полному забвенію, и лицамъ этимъ предоставляется поступать въ учебныя заведенія и на государственную службу на общемъ основаніи.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1899.

Еще о Гаагской конференціи мира.—Правительственное сообщеніе.—Внутренняя борьба во Франціи.—„Патріоты“ и ихъ волненія.—Дѣятели французской арміи въ Реннѣ.—Процессъ Дрейфуса.—Политическія дѣла въ Германіи.

При закрытіи Гаагской конференціи мира обращало на себя вниманіе то обстоятельство, что принятыя ею конвенціи и деклараціи не были подписаны такими державами, какъ Англія, Германія, Австро-Венгерія и Италія. До конца текущаго года эти державы могутъ еще присоединить свои подписи, и ихъ воздержаніе имѣетъ пока только временный характеръ; но трудно разсчитывать на послѣдующее согласіе кабинетовъ, когда оно не могло быть достигнуто во время засѣданій конференціи. Политическія обстоятельства сложились теперь неблагопріятно для общаго мира: воинственныя чувства проявляются въ разнообразныхъ формахъ въ передовыхъ государствахъ Европы и даже Америки; британскіе министры все чаще и рѣзче ссылаются на право силы въ спорѣ съ Трансваалемъ; въ Германіи чувствуются непріятныя отголоски военно-патріотическихъ манифестацій, повторяющихся въ послѣднее время во Франціи, и затихшая-было вражда вновь оживляется съ обѣихъ сторонъ, наконецъ, въ Соединенныхъ Штатахъ готовятся дальнѣйшія мѣры для кроваваго завоеванія Филиппинъ, освобожденныхъ отъ испанскаго владычества. Нигдѣ не думаютъ ни о примѣненіи третейскаго суда, ни о сокращеніи вооруженій. При такихъ условіяхъ политической атмосферы надо еще удивляться относительному успѣху Гаагской конференціи.

О ходѣ занятій и результатахъ конференціи помѣщено было въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ (отъ 22 іюля) слѣдующее сообщеніе:

„По Высочайшему Государя Императора повелѣнію въ августѣ минувшаго года министръ иностранныхъ дѣлъ вручилъ пребывающимъ въ С.-Петербургѣ представителямъ государствъ циркулярное сообщеніе, въ коемъ заключалось предложеніе о созваніи международной конференціи для изысканія тѣхъ средствъ, которыя могли бы наиболѣе вѣрнымъ образомъ обезпечить всѣмъ народамъ блага дѣйствительнаго и прочнаго мира и, прежде всего, положить предѣлъ увеличивающемуся развитію современныхъ вооруженій.

„Предложеніе это встрѣчено было съ полнымъ сочувствіемъ всѣми иностранными государствами, изъявившими готовность оказать содѣй-

ствіе къ осуществленію великодушныхъ намѣреній нашего Августѣйшаго Государя.

„Помимо благоприятныхъ отзывовъ со стороны правительствъ, коимъ передано было сообщеніе 12-го августа,—мысль объ облегченіи тяжестей чрезмѣрныхъ вооруженій, на ряду съ изысканіемъ наиболѣе цѣлесообразныхъ способовъ охраненія всеобщаго мира, вызвала самый живой отголосокъ всѣхъ слоевъ общества въ разныхъ частяхъ свѣта.

„Принимая, однако, во вниманіе, что вслѣдъ за симъ, къ концу минувшаго года, въ общемъ политическомъ положеніи европейскихъ государствъ произошли перемены, побудившія нѣкоторые изъ нихъ прибѣгнуть къ усиленнымъ вооруженіямъ,—Императорское Правительство, предварительно принятія окончательнаго рѣшенія о созывѣ проектированной конференціи, сочло нужнымъ вновь освѣдомиться о намѣреніяхъ и взглядахъ иностранныхъ державъ относительно великой задачи, намѣченной Государемъ Императоромъ.

„Въ новомъ циркулярномъ сообщеніи, отъ 30-го декабря 1898 г., Императорское Правительство, выразивъ надежду, что возникшія въ политическихъ сферахъ разногласія улягутся и уступать болѣе спокойному настроенію—съ своей стороны высказалось за необходимость приступить къ предварительному обмѣну мыслей съ цѣлью:

1) Безъ замедленія изыскать средства, способныя положить предѣлъ дальнѣйшему развитію вооруженій, и 2) подготовить почву для обсужденія вопросовъ, касающихся возможнаго предупрежденія вооруженнаго столкновенія мирными способами.

„Въ означенномъ циркулярѣ заключался и краткій перечень специальныхъ вопросовъ и предположеній, которые могли бы быть, между прочимъ, включены въ программу будущихъ занятій конференціи.

„Второе сообщеніе Императорскаго правительства встрѣчено было иностранными государствами съ неменьшимъ сочувствіемъ, какъ и сообщеніе 12-го августа. Въ теченіе послѣдующихъ мѣсяцевъ между державами происходила переписка касательно болѣе точнаго опредѣленія характера и предѣловъ программы предстоящихъ работъ, выбора делегатовъ и, наконецъ, мѣста собранія конференціи. Благодаря въ высшей степени сочувственному вниманію ея величества королевы нидерландской къ человѣколюбивымъ намѣреніямъ Государя Императора, собраніе конференціи могло состояться въ Гаагѣ; официальное же открытіе ея занятій послѣдовало въ высокаторжественный день рожденія Государя Императора.

„Приступая къ созыву мирной конференціи, Императорское Правительство не обольщало себя преувеличенными надеждами каса-

тельно возможности немедленнаго выполненія задуманной задачи, одна постановка коей на совмѣстное обсужденіе всѣхъ иностранныхъ государствъ, озабоченныхъ уже въ теченіе многихъ лѣтъ исключительно совершенствованіемъ боевой готовности—представлялась дѣломъ почти неосуществимымъ.

„Чуждое какихъ бы то ни было своекорыстныхъ цѣлей, либо заглавныхъ политическихъ плановъ, Императорское Правительство заранее приготовлено было встрѣтиться на пути предстоящихъ конференцій работъ съ большими и разнообразными затрудненіями. Но оно въ то же время ни на минуту не теряло увѣренности, что чело-вѣколюбивыя намѣренія Государя Императора, положенныя въ основу циркулярныхъ сообщеній отъ 12-го августа и 30-го декабря 1898 г., будутъ по достоинству оцѣнены правительствами державъ, принявшихъ участіе въ конференціи; и что, несмотря на возможные съ ихъ стороны, подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ, возраженія противъ нѣкоторыхъ изъ предложеній, вошедшихъ въ программу занятій конференціи,—они не откажутъ въ своемъ посильномъ содѣйствіи къ осуществленію великаго и святаго дѣла.

„Результаты нынѣ закончившихся трудовъ гаагскаго собранія вполне оправдали наши ожиданія.

„Тщательное и всестороннее обсужденіе въ засѣданіяхъ конференціи отдѣльныхъ пунктовъ русской программы указываетъ на высокое значеніе поставленныхъ Императорскимъ Правительствомъ на очередь вопросовъ, затрагивающихъ столь близко интересы всего чело-вѣчества.

„Конференція сочла необходимымъ отложить окончательное рѣшеніе сложнаго вопроса о приостановкѣ вооруженій до полной, всесторонней его разработки отдѣльными правительствами, но уже теперь торжественной резолюціей единодушно признала облегченіе военнаго бремени въ высшей степени желательнымъ для блага всѣхъ народовъ.

„Съ другой стороны, труды конференціи несомнѣнно будутъ имѣть вліяніе на упорядоченіе войны и устраненіе всѣхъ жестокостей, безцѣльно увеличивавшихъ страданія воюющихъ. Гаагское собраніе выработало правила женевской конвенціи по отношенію къ морскимъ войнамъ; приняло конвенцію о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны. Отдѣльными декларациями конференціи воспрещено употребленіе расширяющихся пуль и удушливыхъ газовъ, а также бросаніе разрывныхъ снарядовъ съ воздушныхъ шаровъ. Важнѣйшимъ результатомъ является конвенція о миролюбивыхъ средствахъ разрѣшенія международныхъ несогласій. Конвенція эта не только сводитъ воедино уже существующія международныя договорныя постановленія, но указы-

васть и новыя средства, могущія привести къ упроченію мира, — средства, согласныя съ тѣми, которыя были указаны Россіей въ представленныхъ на конференціи проектахъ. Государства согласны употреблять всѣ усилія для сохраненія мира и предотвращенія войнъ. Для сего посредничество, добрыя услуги и третейское разбирательство получаютъ большее развитіе. Устанавливается, что посредничество, зависѣвшее прежде только отъ доброй воли заинтересованныхъ государствъ, можетъ быть предлагаемо по собственному почину третьей державы.

„Третейское разбирательство объявляется лучшимъ средствомъ разрѣшенія международныхъ споровъ: вводятся постоянныя слѣдственные коммиссіи для выясненія на мѣстѣ фактовъ, давшихъ поводъ къ недоразумѣніямъ; учреждается международный третейскій судъ съ постояннымъ бюро въ Гаагѣ, которое будетъ находиться подъ наблюденіемъ административнаго совѣта изъ представителей договаривающихся державъ при нидерландскомъ дворѣ.

„Совокупность этихъ постановленій, ничѣмъ не нарушая верховныхъ правъ государствъ, создаетъ новую прочную основу для международного мира.

„Таковы, въ общихъ чертахъ, основныя постановленія, принятыя частью единогласно, частью значительнымъ большинствомъ представителей державъ на конференціи въ Гаагѣ.

„Возбужденной по великодушному почину Государя Императора многосложной задачѣ, впервые подвергнувшейся международному обсужденію, положены твердыя основы, и всѣми державами единогласно признана возможность и необходимость ея всесторонняго разрѣшенія. Время и дальнѣйшій ходъ историческихъ событій уважутъ тѣ средства, которыя для блага всего человѣчества будутъ содѣйствовать полному достиженію намѣченной цѣли“.

Франція, подписавшая вмѣстѣ съ Россіей всѣ проекты и рѣшенія конференціи, далеко не находится въ состояніи мира; въ ней происходятъ событія, напоминающія военные нравы старины и идущія совершенно въ разрѣзъ съ идеями и надеждами, которыя столь краснорѣчиво высказывались и обсуждались въ Гаагѣ. Французское общество раскололось какъ будто на два лагеря, готовые вступить между собою въ открытую борьбу; передовые застрѣльщики начинаютъ по временамъ военныя дѣйствія, и оставалось бы только примѣнить къ воюющимъ сторонамъ правила женеvской конвенціи. Въ одной изъ улицъ Парижа образовался фортъ, въ которомъ заперлись вооруженные люди для защиты отъ государственныхъ властей, и этотъ не-

ожиданно возникшій „фортъ улицы Шаброль“ подвергнуть правильной осадѣ, что подаетъ поводъ къ сценамъ, которыя кажутся прямо выхваченными изъ „Трехъ мушкетеровъ“ Дюма. Правительство напало на слѣдъ заговора, въ которомъ одновременно замѣшаны лига патриотовъ, лига антисемитовъ и руководители роялистской молодежи; многіе участники, въ томъ числѣ Поль Деруледъ, были арестованы 12 августа, а председатель лиги антисемитовъ, Жюль Геренъ, заперся въ ея помѣщеніи вмѣстѣ съ своими единомышленниками и объявилъ войну правительству, предупредивъ о своемъ твердомъ намѣреніи оказать отчаянное сопротивленіе и не сдаться живымъ въ руки „враговъ“. Такъ какъ правительство съ самаго начала отказалось прибѣгнуть къ силѣ, для избѣжанія кровопролитія, то рыцари форта Шаброль лишились возможности показать себя героями и умереть съ оружіемъ въ рукахъ; война приняла болѣе скучный характеръ, и интересъ ея сосредоточился около попытокъ снабженія осажденных провизіей. Телеграммы изо дня въ день сообщаютъ во всѣ стороны свѣта о положеніи дѣлъ въ улицѣ Шаброль; извѣстія часто указываютъ только на отсутствіе перемѣнъ, въ родѣ того, какъ на Шипкѣ было „все спокойно“. Комическій элементъ занимаетъ много мѣста въ событіяхъ, волнующихъ Францію, и эта примѣсь забавнаго и веселаго несомнѣнно облегчаетъ жизнь французамъ при самыхъ серьезныхъ и трудныхъ обстоятельствахъ. Деруледъ и Жюль Геренъ, заодно съ роялистами, предаются суду по существующимъ законамъ, на основаніи фактовъ, которые выяснятся на публичномъ разбирательствѣ. Говорятъ, что извѣстная попытка Деруледа увлечь отрядъ генерала Роже къ Елисейскому дворцу въ день похоронъ Фора была задумана по соглашенію съ герцогомъ Орлеанскимъ, прибывшимъ тогда экстренно изъ Палермо въ Брюссель; съ нимъ состоялся обмѣнъ депешъ, копіи которыхъ имѣются въ рукахъ полиціи. Деруледъ протестуетъ противъ смѣшенія его съ монархистами; онъ стоитъ за „плебисцитарную республику“, т.-е. за такую, гдѣ и глава государства избирается непосредственно всеобщимъ народнымъ голосованіемъ и гдѣ всѣ важные вопросы отдаются на рѣшеніе народа, помимо парламента, тогда какъ для сторонниковъ герцога Орлеанскаго этотъ герцогъ есть единственный и прирожденный кандидатъ на постъ правителя.

Но различіе въ политическихъ цѣляхъ не исключаетъ солидарности и единодушія въ дѣйствіяхъ; ближайшая цѣль остается одна и та же—совершеніе насильственнаго переворота и ниспроверженіе нынѣшней республики. Во время буланжистской эпопеи монархисты также дѣйствовали совмѣстно съ лигою патриотовъ и ихъ предводителемъ Деруледомъ, такъ какъ личность генерала Буланже служила удобнымъ прикрытіемъ для всякихъ вообще революціонныхъ элемен-

товъ. Что касается антисемитовъ, то по своимъ общимъ взглядамъ и стремленіямъ они могутъ примкнуть къ какой угодно изъ антиреспубликанскихъ партій, хотя фактически они имѣютъ наибольше связей съ роялистами. Крайніе социалисты, въ свою очередь, чувствуютъ вражду къ затѣмъ патріотовъ, союзниковъ аристократіи и ея претендента: они выступили въ походъ противъ смѣлыхъ защитниковъ форта Шаброль и устроили 19 августа кровавыя беспорядки, сопровождавшіеся нападеніями на церкви и на частныя дома. Въмѣсто клерикаловъ и антисемитовъ, они наткнулись на полицейскія силы и, разсѣявшись въ разныя стороны, успѣли совершить разныя безчинства, при дѣятельномъ участіи подонковъ парижскаго населенія. Многіе пострадали въ этой неудачной уличной кампаніи; рождь ея, Себастьянъ Форъ, арестованъ. Междоусобная война парализуется или сдерживается вмѣшательствомъ полиціи; она ведется урывками и не производитъ цѣльнаго впечатлѣнія, но тѣмъ не менѣе она существуетъ хронически, если не на улицѣ, то въ умахъ и чувствахъ людей. Задержанные роялисты жалуются на произволъ и беззаконіе производимыхъ арестовъ; они утверждаютъ, что при республикѣ каждому принадлежитъ право добиваться переменъ правительства и всего государственнаго строя,—такъ что, будучи врагами республики, они желали бы безпрепятственно пользоваться ея принципами для созданія военно-аристократической диктатуры, какъ предварительной мѣры къ восстановленію монархіи. Понятія о произволѣ и беззаконіи утратили свой смыслъ въ современной Франціи; покушеніе на государственный переворотъ не произвольно и не беззаконно, а произвольно и незаконно примѣненіе законовъ къ участникамъ такого предпріятія; самыя законы произвольны и беззаконны, если они мѣшаютъ патріотамъ устроить или подготовить хорошую революцію. Уваженіе къ суду и закону считается наивностью; уважается только сила и ловкость. Жюль Геренъ заперся въ своемъ фортѣ только для того, чтобы избѣгнуть соприкосновенія съ публичнымъ и равнымъ для всѣхъ судомъ. Это отрицательное отношеніе къ законности сказывается и въ далекихъ французскихъ колоніяхъ. Начальники военной экспедиціи въ Суданѣ, капитаны Вулъ и Шануанъ, возбудившіе противъ себя неудовольствіе своими жестокостями по отношенію къ туземцамъ, не пожелали подчиниться отечественному правительству и встрѣтили выстрѣлами посланныхъ къ нимъ французскихъ офицеровъ, полковника Клобба и лейтенанта Мейнье, которые и пали жертвами отъ французскихъ пуль; сопровождавшій ихъ отрядъ подвергся затѣмъ нападенію въ штыки, при чемъ девять человѣкъ убито и восемь ранено. Эта исключительная въ своемъ родѣ битва между офицерами одной и той же арміи разыгралась 14 іюля въ Дамангарѣ, на полпути между

рѣкою Нигерь и оверомъ Чадъ. Возмутившіеся французскіе капитаны дѣйствовали въ глубинѣ Африки въ томъ же духѣ, какъ Деруледъ и Жюль Геренъ на родинѣ. Духъ междоусобія и вражды прочно овладѣлъ французами, и проникнутые злобою бойцы принадлежать уже не къ угнетенному рабочему классу, какъ въ былое время, а къ богатымъ и образованнымъ слоямъ общества.

Какъ это ни странно, но во Франціи возродился политическій романтизмъ, отвергающій мирное культурно-промышленное развитіе во имя военной славы и рыцарскихъ подвиговъ,—романтизмъ, связанный съ мечтаніями о далекомъ прошломъ, о кровавыхъ битвахъ и побѣдахъ, о блескѣ и величіи могущественныхъ властителей, о французскихъ салонахъ, гдѣ раздавалась изящная и остроумная французская рѣчь, безъ примѣси биржевой или парламентской дѣловитости. Патриоты этой категоріи хотѣли бы возстановить старую Францію, когда въ ней не господствовала еще тупая буржуазія и центромъ національной жизни и дѣятельности былъ безпечный и предприимчивый военный классъ; отсюда, съ одной стороны, непримиримая ненависть къ биржѣ, смѣшиваемой почему-то съ еврействомъ, а съ другой—восторженное преклоненіе предъ арміею, какъ единственныи оплотомъ и надеждою для достиженія желаннаго будущаго. Патриотизмъ во Франціи неизбѣжно принимаетъ военный характеръ, и вражда къ современной финансовой спекуляціи вырождается въ антисемитизмъ подъ вліяніемъ ложнаго убѣжденія, что разлагающее вліяніе биржи зависитъ отъ расовыхъ или племенныхъ свойствъ ея участниковъ и руководителей. Нельзя сомнѣваться въ искренности такихъ патриотовъ, какъ Поль Деруледъ, Жюль Леметръ, Франсуа Коппе; но идеалы ихъ неосуществимы и противорѣчатъ здравому смыслу. Страстное желаніе повернуть обратно колесо исторіи доводитъ ихъ до смѣшного и жалкаго донкихотства. Идеи о возвратѣ утраченныхъ юныхъ силъ можетъ возбудить энергію въ зрѣлые годы, но бесплодно раздражаетъ и ожесточаетъ въ старости; а французская нація—несомнѣнно старая и отчасти уже изжившаяся нація. Выразители этого романтическаго французскаго патриотизма всѣ являются поэтому злобными и ожесточенными; и ожесточеніе ихъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше надежды на очищеніе страны отъ засорившихъ ее (по ихъ мнѣнію) плебелъ. Патриоты, готовые пожертвовать собою для возрожденія прежней воинственной Франціи, объединяются культомъ арміи. Армія есть для нихъ святыня, которой обязательно поклоняться безъ критики. Военные начальники, генералы, олицетворяющіе собою армію и призванные вести ее къ побѣдамъ, должны стоять вышѣ и выше всякихъ властей и законовъ въ государствѣ. Такъ думаютъ и говорятъ французскіе патриоты, и такое же представленіе укоренилось,

повидимому, въ умахъ многихъ лицъ, принадлежащихъ къ составу высшаго французскаго офицерства. Общественные элементы, враждебно относящіеся къ республикѣ, группируются около арміи, которая служитъ для нихъ предметомъ вѣры; а передовыя республиканскія партіи свободно указываютъ на недостатки французскаго главнаго штаба и на злоупотребленія отдѣльныхъ его представителей, что считается уже посягательствомъ на авторитетъ арміи. Правительство съ своей стороны не можетъ ограничить право критики въ данномъ случаѣ; мало того, оно само вынуждено иногда принимать строгія мѣры противъ офицеровъ, вторгающихся въ область политики или виновныхъ въ нарушеніи дисциплины. Въ этомъ двусмысленномъ положеніи арміи, превозносимой одними до небесъ и свободно критикуемой другими, находится узелъ новѣйшихъ недоразумѣній и затрудненій во Франціи. Подъ влияніемъ льстивыхъ толковъ патристической печати, при настойчивой и горячей полемикѣ ея противъ правительства, военные начальники могутъ чувствовать себя призванными выйти изъ спеціальнаго круга своей компетенціи и взять на себя заботу о такъ-называемомъ спасеніи или возрожденіи Франціи. Такъ какъ правительству приходится подавлять малѣйшую попытку въ этомъ родѣ, то оно поневолѣ можетъ очутиться въ антагонизмъ съ арміею и съ поклоняющимся ей общественнымъ мнѣніемъ. Въ этомъ кроется великая опасность для арміи и республики. Недавно одинъ изъ самыхъ выдающихся французскихъ генераловъ, Негріе, сообщилъ своимъ подчиненнымъ, что высшій военный совѣтъ будетъ дѣйствовать самостоятельно, если не добьется отъ правительства надлежащей защиты арміи отъ неприязненной прессы. Вызванный военнымъ министромъ для объясненій, генераль Негріе подтвердилъ этотъ фактъ, послѣ чего онъ былъ немедленно уволенъ отъ должности члена высшаго военнаго совѣта. Большинство французскихъ газетъ рѣшительно заступилось за обиженнаго генерала и напало на правительство, которое будто бы сознательно обезсиливаетъ армію, лишая ее наиболѣе талантливыхъ дѣятелей въ угоду иностранцамъ и дрейфусарамъ. Даже академикъ Фердинандъ Брюнетьеръ въ своемъ „Revue des Deux Mondes“ (отъ 1 августа) нарушилъ свою сдержанность и обвинилъ правительство въ произволѣ и насиліи. Министры распоряжаются будто бы безъ достаточныхъ мотивовъ и безъ надлежащаго объясненія ихъ публикѣ; очевидно, обнародованныя свѣдѣнія о причинахъ отставки Негріе представляются Брюнетьеру мало убѣдительными или вовсе не существующими. По словамъ редактора „Revue des Deux Mondes“; „генераль Негріе, хотя и не замѣшанный ни прямо, ни косвенно въ дѣло Дрейфуса, является, однако, жертвою этого дѣла, подобно многимъ другимъ офицерамъ и чиновникамъ, которыхъ правительство на-

столько же быстро караетъ, когда отъ него требуютъ этого, насколько оно бессильно ихъ защищать, когда на нихъ нападаютъ“. Общество остается въ полномъ невѣдѣніи относительно причинъ принимаемыхъ мѣръ, и до созыва парламента нельзя отнять у министровъ возможность дѣйствовать по усмотрѣнію, не отдавая никому отчета. „Неужели,—продолжаетъ Брюнетьеръ,—это называется защищать интересы правды и правосудія? Или это называется парламентскимъ управленіемъ? Значить ли это управлять? Или скорѣе это значить пользоваться властью, какъ орудіемъ заговора одной партіи противъ общаго мнѣнія, противъ гласности, противъ свободы? Во всякомъ случаѣ, относительно генерала Негрідѣ правительство не имѣетъ никакого повода къ тому, чтобы не сказать отъ себя прямо и ясно, по какимъ мотивамъ оно разбило карьеру одного изъ лучшихъ офицеровъ арміи; а мы, если оно намъ не объяснитъ своихъ мотивовъ, будемъ имѣть право думать, что оно не можетъ гордиться дѣлами, которыя оно принуждено исполнять. Почему принуждено и кѣмъ?“ На этомъ коварномъ вопросѣ останавливаетъ свою замѣтку Брюнетьеръ, давая какъ будто понять, что правительство подчиняется Германіи, которая одна только заинтересована въ удаленіи со службы лучшихъ генераловъ французской арміи. Конечно, не Германія внушила генералу Негрідѣ странную мысль грозить правительству самостоятельными дѣйствіями для охраны интересовъ и чести арміи, ибо подобная мысль никакъ не могла бы родиться въ головѣ нѣмецкаго офицера, а если бы была высказана кѣмъ-нибудь, то повлекла бы за собою несравненно болѣе суровую кару, чѣмъ простая отставка. Генералъ, подготавливающий своихъ подчиненныхъ къ отказу отъ повинновенія законамъ, годится для какой угодно роли, но не для военно-служебной. Негрідѣ, сдѣлавъ эту роковую ошибку, самъ разбилъ свою карьеру, и никакое правительство въ мірѣ не могло бы сохранить его на службѣ при подобныхъ обстоятельствахъ. Слѣдовательно, тутъ виноваты не министры съ ихъ мнимымъ произволомъ, и не иностранцы, которые едва ли имѣютъ возможность или поводъ оказывать вліяніе на личный составъ французскаго высшаго военнаго совѣта; и если виновато здѣсь дѣло Дрейфуса, то развѣ только какъ предметъ долговременной агитаціи, спутавшей всѣ понятія во Франціи или, вѣрнѣе сказать, раскрывшей путаницу, которая раньше не замѣчалась:

Дѣло Дрейфуса наиболѣе любопытно съ той именно стороны, съ которой всего менѣе говорятъ о немъ газеты; оно разоблачаетъ предъ нами психологію французскаго патріотизма и даетъ яркую картину военно-политическихъ типовъ и настроеній, о которыхъ раньше можно было только смутно догадываться. Процессъ, начатый 7 августа въ Реннѣ, происходитъ на этотъ разъ публично, и отчеты объ его засѣ-

даніяхъ составлять единственное въ своемъ родѣ собраніе „человѣческихъ документовъ“, полныхъ иногда глубокаго интереса. Страсти были настолько возбуждены процессомъ, что нашелся безумецъ для покушенія на жизнь одного изъ адвокатовъ Дрейфуса, Лабори; къ счастью, выстрѣлъ, произведенный въ него 14 августа на улицѣ, не имѣлъ трагическихъ послѣдствій, и девять дней спустя Лабори могъ уже вновь приступить къ исполненію своихъ трудныхъ и щекотливыхъ обязанностей. Иностраннѣй наблюдатель прежде всего поражается въ этомъ процессѣ особымъ отношеніемъ французовъ къ иностранцамъ и главнымъ образомъ къ націямъ тройственнаго союза. Ненаскоренная вражда къ Германіи, непрерывно питаемая, къ сожалѣнію, неправильными дѣйствіями ея агентовъ; постоянная мысль о войнѣ и въ то же время боязнь войны, рѣшительное негодованіе при малѣйшемъ подобіи довѣрія къ категорическимъ заявленіямъ иностранныхъ дипломатовъ,—все это ясно сквозитъ въ показаніяхъ многочисленныхъ свидѣтелей по поводу военнаго шпіонства, практикуемаго иноземными агентами во Франціи. Бывшій президентъ республики, Казимиръ Перье, рассказалъ, какъ послѣ газетныхъ сообщеній объ арестѣ Дрейфуса за передачу секретныхъ документовъ германскому военному агенту графъ Мюнстеръ отъ имени императора потребовалъ обнародованія официальнаго удостовѣренія, что Германія не замѣшана въ этомъ дѣлѣ; однако черезъ нѣсколько дней германскій посоль прізналъ возникшій инцидентъ законченнымъ. По мнѣнію Казимира Перье, этотъ шагъ Германіи былъ „не обычный“ (insolite), такъ какъ надо было обратиться къ министру иностранныхъ дѣлъ, а не къ президенту республики; но угрозы для мира тутъ не было никакой. Совершенно въ другомъ тонѣ изложилъ этотъ эпизодъ въ томъ же засѣданіи суда (12 августа) генералъ Мерсье, бывшій тогда военнымъ министромъ. „Политическое положеніе,—говоритъ Мерсье,—было въ тотъ моментъ крайне опасное. Вечеромъ этого дня г. Шарль Дюлон (глава кабинета) и я оставались въ Елисейскомъ дворцѣ отъ восьми до перваго часа ночи, въ ожиданіи результата телеграфныхъ сообщеній, которыми обмѣнивались германскій императоръ и графъ Мюнстеръ. Рѣшался вопросъ о мирѣ или войнѣ, ибо Мюнстеръ получилъ предписаніе потребовать свои бумаги въ случаѣ отказа исполнить его желаніе. Предъ нами была близкая неизбежность войны; послы были извѣщены объ этомъ нотою“. И Мерсье объясняетъ далѣе, почему онъ не могъ желать этой войны. Разумѣется само собою, что Германія никогда не стала бы воевать по столь ничтожному поводу; а отъѣздъ посла, задѣятаго газетными извѣстіями, былъ бы только выраженіемъ неудовольствія, которое прошло бы черезъ нѣкоторое время. Съ другой стороны, требованіе Вильгельма II было вызвано очевидно не-

справедливыми, по его мнѣнію, нареканіями французской печати на германское посольство въ Парижѣ; онъ хотѣлъ официально возстановить то, что считалъ истиной, а именно, что представители Германіи не имѣли никакихъ сношеній съ Дрейфусомъ и что послѣдній совершилъ свою измѣну вѣроятно въ пользу какого-нибудь другого государства. Между тѣмъ, одна эта депеша германскаго императора уже поселила въ умѣ генерала Мерсье грозную мысль о неминуемой войнѣ. И въ то же время названный генералъ счелъ возможнымъ заявить на судѣ, что официальное опроверженіе Германіи ничего не доказываетъ, что нѣмцы обыкновенно заступаются за своихъ шпионовъ и что „самъ императоръ много и непосредственно занимается этими дѣлами“, такъ что имя Дрейфуса могло ему быть знакомо; а въ подтвержденіе послѣдняго обстоятельства два бывшихъ военныхъ министра, Мерсье и Кавеньякъ, серьезно повторили рассказъ нѣкоего Марціана де-Мюллера, который при посѣщеніи Потсдамскаго дворца въ ноябрѣ 1894 г. видѣлъ въ спальнѣ императора нумеръ газеты „Libre Parole“ съ написанными на поляхъ словами: „Дрейфусъ арестованъ“, когда во Франціи ничего еще не знали о Дрейфусѣ. Хотя этотъ посѣтитель Потсдама сознался потомъ въ незнаніи нѣмецкаго языка и не могъ припомнить въ точности, какое именно слово было написано послѣ имени Дрейфуса, но его показаніе поставлено какъ бы въ улику императору и его опроверженію; ребяческій рассказъ легкомысленнаго французскаго туриста заслуживаетъ большаго довѣрія и вниманія, чѣмъ слово императора Германіи, съ точки зрѣнія французскихъ военныхъ министровъ. И поразительнѣе всего, что это высказывается публично, на глазахъ всей Европы и слѣдовательно и Германіи,—и высказывается людьми, которые, судя по ихъ собственнымъ словамъ, ничего такъ не боятся на свѣтѣ, какъ несвоевременной войны. А императоръ Вильгельмъ II имѣлъ бы полное основаніе принять за грубую личную обиду то, что говорилъ о немъ и объ его словахъ генералъ Мерсье, и хотя изъ-за этого тоже не произошло бы нарушенія европейскаго мира, но могли бы возникнуть непріятности, которыя не остались бы безъ вліянія на отношенія Германіи къ Франціи.

О простыхъ дипломатахъ и военныхъ агентахъ отзывались въ Реннѣ такимъ образомъ, точно это люди опозоренные, лишенные чести; австрійскій полковникъ Шнайдеръ, напечатавшій въ газетахъ о подложности прочитаннаго отъ его имени письма, объявленъ чуть ли не прямо лжецомъ, и почти та же самая судьба постигла и итальянскаго посла, графа Торниелли; зато свидѣтели усиленно выгораживали какую-то дружественную дипломатическую особу, получавшую деньги отъ французскаго развѣдочнаго бюро за сообщаемыя свѣдѣнія. Замѣчательно вообще, что всѣ свидѣтели изъ военныхъ, кромѣ лишь

одного, давали свои показанія непоколебимо противъ Дрейфуса, съ отбѣнкомъ той безпощадной жестокости, которая обыкновенно соединяется съ исполненіемъ служебнаго долга; это не были обыкновенные свидѣтели, разъясняющіе по совѣсти и по данной присягѣ все известное имъ о подсудимомъ, какъ о живомъ человѣкѣ, а скорѣе это были обвинители, дѣйствовавшіе единодушно въ одномъ направленіи по заранѣ составленному общему плану. Секретъ этого единодушія выданъ полковникомъ Бертенъ-Муро, въ засѣданіи 22 августа. Когда въ печати и въ обществѣ стали говорить о возможной судебной ошибкѣ, полковникъ тотчасъ же понялъ, что „случилось что-то въ военномъ министерствѣ, что кто-нибудь вышелъ изъ рядовъ и не слѣдовалъ уже за своими начальниками“; позднѣе онъ узналъ о Пикарѣ. Свидѣтели-офицеры въ самомъ дѣлѣ какъ будто подчиняются командѣ и идутъ усердно за своими начальниками, генералами Мерсье и Роже; всякій диссонансъ немедленно заглушается, и на провинившагося обрушиваются негодующіе протесты, угрозы и оскорбленія, какъ это испыталъ на себѣ одинъ изъ бывшихъ судей перваго процесса Дрейфуса, капитанъ Фрейштетеръ. Съ этой стороны весь ходъ разбирательства производитъ крайне непріятное и тягостное впечатлѣніе. Незавидно, впрочемъ, и положеніе руководителей дѣла, особенно генерала Мерсье, который не могъ все предвидѣть и вслѣдствіе этого впасть въ явныя противорѣчія съ собою и съ другими, при чемъ долженъ былъ самъ признаться въ крупныхъ правонарушеніяхъ при процессѣ 1894 года; его уличали также въ передачу тогдашнимъ судьямъ завѣдомо ложнаго перевода телеграммы Паницарди, направленною къ обвиненію Дрейфуса. Но нарушенная дисциплина восстанавливается, и стройный хоръ военныхъ обвинителей продолжаетъ свое дѣло по прежнему. Многіе думаютъ, что страна успокоится послѣ произнесения окончательнаго приговора; но глубокой процессъ разложенія не можетъ остановиться изъ-за того, что измѣняется или скрываются его вѣщныя симптомы.

Германія не подписалась еще подъ актами Гаагской конференціи, и однако она несомнѣнно ближе къ истинному ея духу, чѣмъ Франція. Пруссія легко и спокойно пережила кризисъ, созданный столкновеніемъ между правительствомъ и парламентомъ по поводу проекта канала между Эльбою и Рейномъ. Консервативныя партіи рѣшительно встали противъ сооруженія, выгоднаго преимущественно для крупной промышленности, и личная воля императора, высказанная неоднократно и въ энергической формѣ въ пользу канала, не измѣнила рѣшеній оппозиціи. Прусская палата депутатовъ въ засѣданіи 19 августа

отвергла законопроектъ большинствомъ 235 голосовъ противъ 147. Ожидали послѣ этого серьезныхъ политическихъ мѣръ, въ виду познанаго раздраженія Вильгельма II противъ непокорныхъ консерваторовъ-аграріевъ; но раздраженіе улеглось, и сессія закрыта миролюбивою тронною рѣчью, въ которой выражается лишь надежда на перемѣну взглядовъ парламента въ будущемъ. Подобная развязка кризиса, казавшагося чрезвычайно серьезнымъ, представляется какою-то идилліею сравнительно съ ходомъ дѣлъ во Франціи.



ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1899.

— О. В. Благонидовъ. Оберъ-прокуроры святѣйшаго Синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія. (Развитіе оберъ-прокурорской власти въ синодальномъ вѣдомствѣ). Опытъ историческаго изслѣдованія. Казань, 1899.

Авторъ избралъ для изслѣдованія предметъ чрезвычайно интересный: исторія отношеній оберъ-прокурора къ св. Синоду есть весьма существенная доля всей внутренней исторіи за послѣдніе два вѣка, какъ опредѣленіе принципиальныхъ и бытовыхъ отношеній церкви и государства. Этотъ обширный вопросъ авторъ поставилъ въ болѣе тѣсныя, формальныя, рамки. „Предлагаемый опытъ историческаго изслѣдованія,—говоритъ онъ въ предисловіи,—не представляетъ собою полной исторіи оберъ-прокуроровъ св. Синода въ XVIII и первой половинѣ XIX столѣтія, а затрогиваетъ и стремится выяснитъ только одинъ изъ наиболѣе важныхъ и интересныхъ вопросовъ исторіи синодальной прокуратуры,—вопросъ объ отношеніяхъ оберъ-прокуроровъ къ св. Синоду и о постепенномъ развитіи оберъ-прокурорскаго вліанія на церковное управленіе“.

Основной вопросъ представлялся, конечно, самъ собой. „Общій ходъ преобразованій во всѣхъ частяхъ сложнаго государственнаго механизма, а также и особыя личныя и политическія соображенія побудили Петра ввести коллегіальныя начала и въ сферу высшаго церковнаго управленія“. „Государственная идея, настойчиво проводившаяся Петромъ въ его реформаторской дѣятельности, заставляла преобразователя смотрѣть на духовныхъ лицъ, стоявшихъ во главѣ церковнаго управленія, какъ на особыхъ государственныхъ чиновниковъ, выполнявшихъ свою специальную миссію. Такая политическая точка зрѣнія на высшую церковную власть должна была повести за собою превращеніе послѣдней въ новое учрежденіе, поставленное въ непосред-

ственную зависимость отъ верховной власти и тѣсно связанное съ общей системой государственной администраціи“ (стр. 2—3). Но вслѣдъ за этимъ выписка изъ „Духовнаго Регламента“ прямо указываетъ, въ чемъ была сущность дѣла: Петръ хотѣлъ уничтожить двоевластіе, которое истекало изъ патріаршества. Такимъ образомъ коллегіальное устройство церковнаго управленія было уже только средствомъ, а не какой-нибудь любимой формой, которую Петру хотѣлось во что бы ни стало примѣнить здѣсь, какъ во всѣхъ остальныхъ коллегіяхъ, и въ сенатѣ. Далѣе, авторъ цитируетъ замѣчаніе А. Д. Градовскаго, въ его изслѣдованіи о „Высшей администраціи“ XVIII вѣка, что „велико было довѣріе Петра къ коллегіальной формѣ, но еще больше было недоувѣріе его къ членамъ коллегій“. За ихъ дѣятельностью былъ установленъ надзоръ, и въ самомъ сенатѣ дѣйствія его подлежали контролю, который въ концѣ концовъ порученъ былъ „генераль-прокурору“. Такой же надзоръ учрежденъ былъ и въ Синодѣ. Здѣсь—„къ признанію значительныхъ недостатковъ въ дѣятельности Синода примѣшивалось еще у государя и недоувѣріе къ членамъ высшаго коллегіальнаго церковнаго учрежденія,—недоувѣріе даже болѣе сильное, чѣмъ къ членамъ Сената; послѣдніе, хотя и злоупотребляли своимъ положеніемъ, позволяя себѣ, напр., взяточничество, но во всякомъ случаѣ въ глазахъ Петра никогда не стояли на сторонѣ лицъ, не сочувственно относившихся къ его реформаторской дѣятельности, тогда какъ всѣ члены Синода принадлежали къ духовному сословію, а духовенство, по мнѣнію преобразователя, далеко не сочувственно относилось къ нему и даже находилось въ скрытой оппозиціи къ его реформамъ“ (стр. 22).

Самъ авторъ полагаетъ, что Петръ, „принадлежавшій къ передовой общественной группѣ“, въ своихъ реформахъ „удовлетворялъ запросамъ времени, вызваннымъ естественнымъ ходомъ развитія русской народнои и государственной жизни“; и что „личное начало, лежавшее въ основѣ старой центральной московской администраціи, еще задолго до Петра, подъ вліяніемъ нуждъ и потребностей развивавшагося государственнаго организма, уже стало постепенно замѣняться коллегіальнымъ“, что, напр., замѣна приказовъ коллегіями была только „завершеніемъ ранѣе начавшагося процесса постепеннаго преобразованія высшей центральной администраціи“. Но авторъ не думаетъ, чтобы такой же процессъ имѣлъ мѣсто въ администраціи церковной, гдѣ, напротивъ, твердо хранилось начало личнаго управленія (патріаршество). Въ литературѣ высказывалось и другое мнѣніе, а именно, что переимѣна высшаго церковнаго управленія (уничтоженіе патріаршества) „была не столько его личнымъ дѣломъ, сколько, совершеннымъ по разуму русскаго народа, выполненіемъ требованія

историческаго хода и силы вещей... гениальный государь только направилъ ходъ вещей въ данномъ направленіи" (статья „о нашемъ высшемъ церковномъ управленіи“, въ „Р. Вѣстникъ“, 1891). Нашъ авторъ съ этимъ не соглашается, но высказалъ свое несогласіе лишь въ неопредѣленномъ сомнѣніи (стр. 2, примѣч.); и далѣе, приводя объясненія „Духовнаго Регламента“, прямо направленныя противъ прежняго двоевластія, оставляетъ и ихъ безъ историческаго разбора, — между тѣмъ, это былъ вопросъ существенный. Дѣло шло вовсе не о простомъ удобствѣ коллегіальнаго управленія для исправленія „недостатковъ“ церковной жизни, а о томъ, кто рѣшаетъ церковныя дѣла—власть духовная или свѣтская. Въ этомъ было существо реформы, и по связи съ этимъ опредѣлялось бы все значеніе отношеній оберъ-прокуроровъ къ Синоду; въ связи съ этимъ опредѣлялись бы, положительно или отрицательно, цѣлесообразность нововведенія и весь внутренній смыслъ полутора-вѣковой исторіи, которую вознамѣрился излагать г. Благовидовъ. Авторъ ограничился только внѣшнимъ рассказомъ о томъ, какъ впервые, пока нескладно, устанавливалась синодальная прокуратура, какъ потомъ она постепенно развивалась и укрѣплялась, какія бывали столкновенія прокуратуры съ членами Синода, и какъ, наконецъ, оберъ-прокуроръ, во времена гр. Пратасова, сталъ всемогущимъ распорядителемъ синодскихъ дѣлъ. Но это не была, однако, только внѣшняя исторія личныхъ отношеній и канцелярскихъ разногласій: съ этимъ связывалась исторія русской церковной жизни, даже исторія русской церкви, въ ея широкихъ отношеніяхъ къ цѣлому положенію восточнаго православія и въ ближайшихъ вліяніяхъ на судьбы просвѣщенія, на жизнь общества и народа. Авторъ не касается этого широкаго значенія исторіи Синода, и изслѣдованіе остается безъ историческаго результата.

Вопросъ о введеніи синодальнаго управленія не однажды затрогивался въ нашей литературѣ, прямо и косвенно; та или другая точка зрѣнія даетъ совсѣмъ различное освѣщеніе цѣлаго историческаго явленія. Одни, какъ авторъ статьи „Р. Вѣстника“ 1891 (съ которой не соглашается и г. Благовидовъ), находили, что Петръ, уничтожая патріаршество, „только далъ опредѣленную форму и узаконилъ то, что существовало и до него (?) въ жизни нашего отечества“, — но другіе, и очень многіе, думаютъ какъ разъ наоборотъ. Если нѣкогда славянофильская точка зрѣнія отвергала законность Петровской реформы и видѣла въ ней измѣну основнымъ самобытнымъ началамъ русской національной жизни, то въ это отрицаніе вѣлючалась и реформа, произведенная Петромъ въ управленіи церкви: уничтоженіе патріаршества совершенно измѣняло роль церковной власти или совсѣмъ уничтожало ея самостоятельность. Когда позднѣе Ив. Акса-

ковъ звалъ насъ „назадъ“, „домой“, ему, конечно, мечталась Москва съ ея старой обстановкой и—съ патріархомъ (не ясно, какимъ—Никономъ, или Іоаннимомъ и Адріаномъ). Было, наконецъ, высказано въ литературѣ и прямое отрицаніе церковныхъ преобразованій Петра, какъ церковно незаконныхъ, противу-каноническихъ. Не касаясь этого послѣдняго вопроса, слишкомъ спеціальнаго и который еще не могъ быть поставленъ въ нашей литературѣ во всемъ его сложномъ объемѣ, можно было бы по крайней мѣрѣ начать изслѣдованіе его частныхъ сторонъ...

Какъ выше замѣчено, авторъ совсѣмъ уклонился отъ общаго историческаго вопроса, и, напр., читатель, находя на послѣднихъ страницахъ его книги рассказъ объ управленіи гр. Пратасова,—когда были „совершенно устранены отъ присутствованія въ высшемъ церковномъ управленіи не совсѣмъ удобные для прокуратуры синодальные члены, способные еще оказывать слабые признаки самостоятельности въ обсужденіи нѣкоторыхъ церковныхъ вопросовъ“, а именно, когда, въ 1842, наиболѣе видные и авторитетные іерархи, московскій и кievскій митрополиты, „были уволены въ свои епархіи съ тѣмъ, чтобы уже болѣе никогда не быть вызванными въ св. Синодъ“,—читатель не можетъ отдать себѣ отчета въ томъ, находить ли историкъ это положеніе вещей благопріятнымъ или неблагопріятнымъ для цѣлага положенія русской церкви, для религіознаго и общаго просвѣщенія русскаго народа.

Но, съузвивши свою задачу, авторъ положилъ не мало труда на изслѣдованіе формальныхъ отношеній оберъ-прокурорской власти къ св. Синоду. Для первыхъ десятилѣтій XVIII вѣка его источниками были Полное Собраніе Законовъ и новѣйшія изданія св. Синода: „Описание документовъ и дѣлъ“ синодальнаго архива, и „Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія“ (доведенное нынѣ до временъ имп. Анны Ивановны); для дальнѣйшаго изложенія авторъ пользовался, кромѣ Полнаго Собранія Законовъ, подлинными дѣлами архива св. Синода и архива канцеляріи синодальнаго оберъ-прокурора.

— Творенія Платона. Переводъ съ греческаго Владиміра Соловьева. Томъ первый. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 1899.

Друзья русской науки, безъ сомнѣнія, встрѣтятъ съ живѣйшимъ сочувствіемъ трудъ, предпринятый Влад. С. Соловьевымъ. Русская литература еще далека отъ того богатства содержанія и простора свободнаго изслѣдованія, какими подобало бы владѣть литературѣ ве-

ливаго народа; но если мы не ошибаемся, она стремится расширять свое содержаніе, чтобы не слишкомъ отстать отъ другихъ народовъ „на поприщѣ ума“, — къ сожалѣнію, въ большинствѣ у насъ еще мало понимаютъ, что отставать на этомъ поприщѣ не только унижительно для національнаго достоинства великаго народа, имѣющаго уже тысячелѣтнюю исторію, но даже не безопасно для его внѣшняго благосостоянія. Литература, сознающая свое просвѣтительное національное значеніе, естественно должна ставить себѣ задачей воспринять, сколько возможно шире, тѣ произведенія всемірной литературы, въ которыхъ совершилось развитіе общечеловѣческой мысли и поэтическаго творчества. Намъ не долженъ остаться чуждъ этотъ капиталъ, накопленный тысячелѣтіями человѣческой мысли, чтобы принять сознательное участіе въ ея современной работѣ.

Большую долю этого капитала составляетъ классическая древность, и въ этой древности однимъ изъ величайшихъ, центральныхъ дѣятелей былъ Платонъ. У насъ былъ уже переводъ Платона, сдѣланный давно Карповымъ; появлялись вновь отдѣльные „Разговоры“; но прежній переводъ устарѣлъ, и цѣлый вопросъ о Платонѣ долженъ былъ быть поставленъ вновь, соотвѣтственно съ современнымъ положеніемъ изслѣдованій. Новый переводъ Платона будетъ встрѣченъ тѣмъ съ большимъ интересомъ, что въ послѣднее время философскія изученія получаютъ у насъ особенное развитіе, становясь, почти впервые, на серьезную почву.

Г. Соловьевъ указываетъ въ предисловіи исторію своей работы. Въ первый разъ семнадцать лѣтъ назадъ А. А. Фетъ, въ послѣдніе годы жизни изучавшій и переводившій латинскихъ классиковъ, настаивалъ на необходимости этого труда и говорилъ Вл. С. Соловьеву что его патриотическій долгъ — „дать русской литературѣ Платона“. Его доводы казались г. Соловьеву „болѣе лестны, чѣмъ убѣдительны“, — тѣмъ больше, что его собственныя мысли были тогда обращены совсѣмъ въ другую сторону. Наконецъ, пришло время, когда старыя внушенія вспомнились.

„Съ нарастаніемъ жизненнаго опыта, безо всякой перемѣны въ существѣ своихъ убѣжденій, я все болѣе и болѣе сомнѣвался въ полезности и въ исполнимости тѣхъ внѣшнихъ замысловъ, которымъ были отданы мои такъ-называемые „лучшіе годы“. Разочаровавшись въ этомъ, значило вернуться къ философскимъ занятіямъ, которыя за то время отодвинулись — было на дальній планъ. Нравственная философія, съ которой я началъ эти возобновленныя занятія, неизбежно приводила меня къ основнымъ теоретическимъ вопросамъ знанія и бытія. И вотъ въ 1897 году, черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ того разговора о Платонѣ, я сталъ ощущать неодолимое влеченіе оку-

нуться снова и глубже прежнего въ этотъ вѣчно-свѣжій потокъ юной, впервые себя опознавшей философской мысли. Вѣдь кромѣ своего личнаго творчества, Платонъ есть для насъ первый живой сводъ того, что добыто болѣе ранними греческими мыслителями, отъ которыхъ сохранились одни безсвязные отрывки. Поэтому, кто хочетъ въ своемъ философскомъ трудѣ опереться твердо на цѣлый рядъ прямой исторической преемственности, тотъ прежде всего долженъ овладѣть Платономъ. А какой можетъ быть лучший способъ, чтобы вполне и прочно овладѣть философскими произведеніями, особенно древними, какъ не тотъ, чтобы перевести ихъ съ первоначальнаго языка на свой родной? И вотъ я какъ будто опять увидѣлъ передъ собою свѣтлую, рѣдкимъ пухомъ обрамленную голову съ грустнымъ и острымъ какъ у большой птицы взглядомъ и какъ будто услышалъ знакомый голосъ, зовущій къ „предназначенному“ мнѣ труду.

„Возникшее во мнѣ внутреннее побужденіе переводить Платона поддерживалось и перемѣною во вѣшнихъ условіяхъ для такого предпріятія. Теперь уже нельзя было говорить, что въ немъ нѣтъ надобности. За эти пятнадцать или двадцать лѣтъ философское образованіе стало пускать корни въ русскомъ обществѣ, народился, вѣ профессиональной ученой среды, хотя не очень обширный, но все-таки замѣтный кругъ людей съ дѣйствительною и постоянною любовью къ философскимъ трудамъ. Для нихъ *отрицать* переводъ всего Платона былъ, конечно, нуженъ. Но могъ ли я взять на себя такую задачу?

„Всего болѣе устрашала меня необходимость рѣшать такъ-называемый „платоническій вопросъ“ (die platonische Frage), по которому въ послѣднее время въ Европѣ (особенно въ Германіи) расплодился огромная литература, знакомая мнѣ до сихъ поръ лишь въ самомъ существенномъ. Я не могъ теперь упростить свою задачу такъ, какъ это еще было возможно для русскаго переводчика Платона сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда онъ могъ, не мудрствуя лукаво, принять и воспроизвести по-русски „послѣднее слово“ европейской науки, хотя бы въ видѣ тѣхъ критическихъ Prolegomena, которыми Штальбаумъ снабдилъ свое классическое изданіе Платона. Въ настоящее время выборъ между „послѣдними словами“ былъ бы слишкомъ затруднителенъ: такъ онѣ размножились. При томъ же самая способность чистосердечнаго къ нимъ довѣрія явно атрофируется въ современныхъ умахъ. И чѣмъ разрушительнѣе поступаетъ критика въ извѣстной области, тѣмъ болѣе обязательнымъ представляется критическое отношеніе къ этой критикѣ. Во всякомъ случаѣ приходится самостоятельно и разносторонне изучать литературу по платоновскому вопросу, обнимающему два предмета специаль-

ныхъ изслѣдованій: о подлинности діалоговъ и объ ихъ хронологіи— и въ связи съ этимъ, третій болѣе общій предметъ изслѣдованія—о характерѣ и ходѣ развитія платоновской мысли. И когда я думалъ объ этихъ сотняхъ томовъ и тысячахъ брошюръ и статей, у меня опускались руки, и я съ испугомъ спрашивалъ себя: когда же я успѣю все это одолѣть, чтобы съ спокойною совѣстью „дать русской литературѣ Платона“, какъ выражался Фетъ. И вотъ какъ будто подъ внушеніемъ какого-то ободряющаго и торопящаго голоса возникъ у меня общій планъ работы, согласно которому окончательное (т.-е. такое, на какомъ мнѣ можно будетъ съ спокойною совѣстью остановиться) рѣшеніе платоновскаго вопроса должно было не предварять, а заключать весь трудъ, при чемъ необходимое для этого подробное изученіе критической литературы можетъ идти параллельно главной работѣ перевода, применительно къ тѣмъ именно произведеніямъ Платона, которыя въ данное время будутъ переводиться.

„При такомъ порядкѣ мнѣ не было необходимости откладывать переводъ на неопредѣленное время, тѣмъ болѣе, что въ полномъ переводѣ должно во всякомъ случаѣ находиться все, что приписано Платону, къ какому бы мнѣнію ни пришелъ переводчикъ о подлинности и значеніи того или другого произведенія. Межъ тѣмъ, какъ я былъ занятъ подготовительною работою и готовился приступить къ переводу, почтенный К. Т. Солдатенковъ вознамѣрился восполнить свою многолѣтнюю и заслуженную издательскую дѣятельность какимъ-нибудь обширнымъ изданіемъ изъ области классической. Когда я сказалъ ему о своемъ Платонѣ, онъ сразу за него ухватился, и дѣло было рѣшено при первомъ же разговорѣ“.

Г. Соловьевъ указываетъ затѣмъ предложенный планъ изданія, гдѣ творенія Платона будутъ расположены по ихъ генетической и логической связи и послѣдовательности. Далѣе слѣдуетъ „предварительный“ очеркъ жизни и произведеній Платона (стр. 1—30), такъ какъ подробный разборъ и рѣшеніе „Платоновскаго вопроса“ съ различныхъ его сторонъ г. Соловьевъ предполагаетъ помѣстить въ концѣ изданія. Въ предварительномъ очеркѣ авторъ сообщаетъ основныя данныя біографіи Платона и сжатое указаніе главнѣйшихъ точекъ зрѣнія, выставленныхъ новѣйшими изслѣдователями, и тѣхъ основныхъ результатовъ, которые можно считать до сихъ поръ установленными. Впослѣдствіи авторъ думаетъ подробно изложить выводы, къ которымъ приводятъ его изученія Платона: „размышленія, явившіяся какъ умственная реакція на чтеніе новыхъ писателей по платоновскому вопросу, но питавшіяся перечитываніемъ самого Платона,— говоритъ авторъ,—привели меня къ собственному взгляду на общій характеръ и ходъ развитія платоновской мысли“. Критической про-

вѣркой своего взгляда г. Соловьевъ и занимается въ теченіе самаго перевода.

Въ первомъ томѣ помѣщено семь такъ-называемыхъ „софратическихъ“ діалоговъ (изъ нихъ три переведены М. С. Соловьевымъ). Къ каждому діалогу Вл. С. Соловьевъ присоединяетъ „разсужденіе“, и въ нихъ онъ даетъ критическія объясненія о существѣ содержанія діалога, о принадлежности или непринадлежности его Платону (упомянувъ и литературу предмета), о нѣкоторыхъ подробностяхъ текста, о русской передачѣ извѣстныхъ терминовъ и т. д., однимъ словомъ, сопровождаетъ переводъ постояннымъ комментариемъ.

Едва-ли не въ первый разъ является въ русской литературѣ такъ внимательно обставляемый переводъ классическаго писателя, и этотъ трудъ внушаетъ тѣмъ болѣе сочувствія, что передаваемый писатель есть одинъ изъ величайшихъ умовъ классической древности и всемірной литературы.

Надо надѣяться, что специальная критика, историко-философская и филологическая, выскажется о замѣчательномъ предпріятіи г. Соловьева; мы пожелаемъ ему благополучнаго продолженія и довершенія его труда.

— Пѣсни русскаго народа. Собранны въ губерніяхъ Вологодской, Вятской и Костромской въ 1893 году. Записали: слова—Ө. М. Истомина, напѣвы—С. М. Ляпуновъ. Издано Импер. Р. Географическимъ Обществомъ на средства Высочайше дарованія. Спб. 1899.

Мы имѣли случай говорить о счастливой мысли Географическаго Общества предпринять систематическое изученіе народной, собственно пѣсенной, поэзіи путемъ послѣдовательныхъ экспедицій, которыя изучали бы, одни за другими, разные края Россіи и собирали бы какъ пѣсни, такъ и напѣвы. Эта мысль, поддержанная въ особенности Т. И. Филипповымъ, приводится въ исполненіе, хотя, быть можетъ, нѣсколько медленно. Записываніе текстовъ исполнялось Ө. М. Истоминимъ; музыкальная сторона дѣла, записываніе напѣвовъ, начата была повойнымъ Дютшемъ; теперь спутникомъ г. Истомина былъ С. М. Ляпуновъ.

Въ настоящей книгѣ находятся результаты ихъ экспедиціи въ разныхъ уѣздахъ названныхъ губерній, лѣтомъ 1893 года. Въ объяснительномъ предисловіи подробно обозначены (и отмѣчены также на приложенной картѣ) путь экспедиціи, которая обслѣдовала, въ трехъ губерніяхъ, съ начала іюня до начала сентября, 28 волостей и 4 города, и всего—37 населенныхъ мѣстъ. Всего было записано

278 пѣсенъ и въ нимъ 265 напѣвовъ; изъ числа пѣсенъ 155 приходится на вологодскую губернію.

Кромѣ собранія любопытныхъ текстовъ и напѣвовъ, наши этнографы могли сдѣлать не мало бытовыхъ наблюдений въ области пѣсенной поэзіи. И здѣсь замѣчается упадокъ старины, составляющей всеобщее явленіе съ распространеніемъ новыхъ условій быта и нравовъ; но есть еще примѣры сохраненія обычая, въ другихъ мѣстахъ уже неизвѣстнаго. Нѣкоторыя подробности вѣроятно возвращаютъ насъ въ очень далекую до-Петровскую старину.

По поводу духовныхъ стиховъ, записанныхъ экспедиціей, въ предисловіи читаемъ: „Въ вологодской и костромской губерніяхъ этотъ родъ пѣснопѣній носитъ названіе *стиховъ*, въ вятской же называется *протвнами* и составляетъ специальность такъ называемыхъ *сунскихъ* (сунская волость нолинскаго уѣзда) или *вятскихъ нищихъ*, которые въ качествѣ калѣкъ: слѣпыхъ, хромыхъ, безрукихъ и безногихъ, образуютъ огромныя сборища и сопровождаютъ многочисленныя въ вятской епархіи хожденія съ иконами. Въ силу обычая, присутствіе нищихъ въ этомъ случаѣ признается настолько необходимымъ, что для передвиженія ихъ изъ села въ село слѣдомъ за иконами на мірской счетъ снаряжаются по нѣсколько подводъ. Вятскіе нищія отдѣльными партіями нерѣдко уходятъ и за предѣлы вятской епархіи, расцѣвая свои пропѣвы въ болѣе или менѣе извѣстныхъ обитателяхъ и пустыняхъ, привлекающихъ къ себѣ многочисленныхъ богомольцевъ“.

Въ 1892 г. Шляпкинъ указывалъ въ Этнографическомъ Отдѣленіи Геогр. Общества на былинку, слышанную имъ въ Устюгѣ, и которая, по словамъ пѣвца, въ прежнее время пѣвалась въ Устюгѣ какъ колядская пѣсня на Рождествѣ. Наши этнографы воспользовались этимъ указаніемъ, разыскали въ Устюгѣ самого пѣвца, кровельщика Говорова, и записали отъ него двѣ коляды, изъ которыхъ одна и представляла былинку, отмѣченную г. Шляпкинымъ. Въ одномъ селѣ, въ 120 верстахъ отъ Устюга, „наши пѣвцы, въ составѣ 14 человекъ, пропѣли одну изъ колядъ,—записанныхъ отъ Говорова,—которую они назвали *малымъ виноградьемъ*, и новую коляду — *великое виноградье*; тамъ же записаны двѣ колядныхъ припѣвки, вступительная и заключительная... При ближайшемъ ознакомленіи съ этими колядами нужно придти къ заключенію, что онѣ, лишь нѣкоторыми чертами своего содержанія напоминая былинку, составляютъ, однако, совершенно особый родъ великорусскихъ пѣснопѣній“.

„Судя по твердости, съ которой держится коляда въ памяти пѣвцовъ,—продолжаетъ предисловіе,—она еще не такъ давно была въ обычаѣ устюжанъ. Въ Никольскѣ колядуютъ теперь только мальчики

но въ устюжскомъ уѣздѣ, по рассказамъ нашихъ пѣвцовъ, колада въ прежнее время была достояніемъ и взрослыхъ людей.

„Съ Рождества до Крещенія, часу въ восьмомъ вечера, собиралась толпа взрослыхъ коладниковъ, въ городѣ и большихъ селахъ достигавшая иногда до 100 человекъ, и коладовала передъ окнами домовъ, возя съ собой на дровняхъ огромную звѣзду или вертепъ, сооруженный изъ дерева и разноцвѣтной слюды, освѣщаемой изнутри зажженною свѣчой. Послѣ вступительныхъ коладокъ, начинающихся словами: „Пришелъ еси къ воротамъ. Дома ли хозяинъ“, или: „Ты позволъ, позволъ, хозяинъ, коладу намъ рассказать“,—коладники исполняли *виноградья*: „ужъ мы ходимъ, мы ходимъ по Кремлю городу“ и т. д., или: „ужъ какъ по морю, морю, по синему“ и т. д. *Великое виноградье*: „Среди сильна царства Россійскаго, среди Кремля красна города“ и т. д. пѣлось только наканунѣ Новаго года. Колада исчерпывается этими виноградьями, распѣваемыми вездѣ на одинъ напѣвъ; другихъ коладокъ не существуетъ, за исключеніемъ лишь вступительныхъ припѣвокъ къ нимъ и заключительныхъ — на тотъ случай, когда не подадутъ коладникамъ, или „худо подадутъ“. Въ устюжскомъ уѣздѣ въ такихъ случаяхъ припѣвали „кота“, содержащаго въ себѣ нѣкоторую угрозу скупой хозяйкѣ; въ Никольскѣ же мальчики припѣваютъ „ерша“. Въ большинствѣ случаевъ, однако, коладниковъ въ старину щедро награждали: кромѣ пироговъ и прочаго съѣстнаго, раздаваемаго хозяйками, у оконъ домовъ выставялись цѣлыя ушаты съ пивомъ“.

И въ другихъ случаяхъ наши этнографы замѣчали паденіе старины или замѣну ея новыми приемами, напр., даже въ особенно любимыхъ и изобильныхъ пѣсняхъ и обрядахъ свадебныхъ; старые люди вспоминаютъ, какіе бывали въ прежнее время пѣсни и обычаи, которыхъ теперъ уже нѣтъ.

Между прочимъ, представился довольно рѣдкій случай записать пѣсни у старообрядцевъ. „Въ костромской губерніи,—говорится въ предисловіи,—намъ приходилось записывать пѣсни и отъ старообрядцевъ, при чемъ замѣчена та своеобразная особенность, что всѣ пѣсни извѣстнаго разряда въ данной мѣстности у нихъ поются только на одинъ напѣвъ, между тѣмъ какъ у православныхъ той же мѣстности для каждой пѣсни имѣется свой отдѣльный напѣвъ, а потому и происходитъ, что въ одной и той же деревнѣ напѣвы старообрядческіе въ огромной массѣ пѣсенъ совершенно отличаются отъ напѣвовъ православныхъ“.

Наконецъ, отмѣчены народныя выраженія, относящіяся къ пѣсенному искусству.

Къ книгѣ приложена карта трехъ упомянутыхъ губерній, гдѣ ука-

занявъ путь экспедиціи и замѣчены мѣстности остановокъ, гдѣ были собираемы пѣсни.

Нечего говорить, какого сочувствія заслуживаетъ это предпріятіе Географическаго Общества; жаль одно, что оно исполняется такъ медленно. По всей вѣроятности, болѣе успѣшному исполненію задачи мѣшаетъ обычное свойство нашихъ ученыхъ учреждений — скудость матеріальныхъ средствъ: иначе возможны были бы одновременныя экспедиціи въ разные края Россіи. Чѣмъ скорѣе была бы исполнена эта задача, тѣмъ было бы лучше. Во-первыхъ, новый любопытный матеріаль вступилъ бы въ научное обращеніе, гдѣ вопросы народной поэзіи опять возбуждаютъ теперь усиленный интересъ. Во-вторыхъ, съ каждымъ годомъ все больше теряется старина, и надо спѣшить, чтобы сберечь ускользящее наслѣдіе предковъ, въ которомъ можно еще находить столько любопытнаго и цѣннаго въ научномъ и поэтическомъ отношеніи.

— Иностранные университеты. Вып. II-й. Университеты Германіи и годы студенчества ея знаменитыхъ людей. Составлено подъ редакціей Л. А. Богдановича. М. 1899. (Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ).

Первый выпускъ этого изданія трактовалъ объ университетахъ Англіи. По словамъ предисловія, онъ имѣлъ „несомнѣнный успѣхъ“ и вызвалъ „лестные отзывы“ въ печати, признавшей изданіе „полезнымъ“ и „своевременнымъ“: это поощрило издателей, и за вторымъ выпускомъ послѣдуютъ еще третій и четвертый, посвященные университетамъ французскимъ и заатлантическимъ. Намѣреніе изданія выражено слѣдующимъ образомъ: въ русской литературѣ нѣтъ общаго и цѣльнаго сочиненія объ иностранныхъ университетахъ. „Лишь въ последнее время мы видимъ какъ бы пробужденіе интереса къ университетской жизни и, на ряду съ задачами просвѣщенія народа, условія постановки высшаго научнаго образованія начинаютъ привлекать къ себѣ общественное вниманіе. Для правильнаго же пониманія постановки высшаго образованія въ той или другой странѣ необходимо знакомство съ строемъ и характеромъ развитія университетовъ этой страны“. Цѣль высказана весьма неясно, а именно, не сказано, что изученіе постановки высшаго образованія *въ другихъ странахъ* можетъ, и должно, представлять высокій интересъ для насъ, когда въ нашей странѣ высшее общее образованіе, представляемое университетами, до сихъ поръ, съ половины XVIII вѣка, не можетъ установиться въ нормальный порядокъ, отвѣчающій безусловнымъ требованіямъ науки, и съ другой стороны прагматическимъ требованіямъ общественнымъ. Безъ этой мысли о своемъ, близкомъ и доро-

гомъ намъ дѣлѣ, изученіе постановки высшаго образованія „въ той или другой странѣ“ останется вопросомъ чисто научнымъ, безразличнымъ въ общественномъ смыслѣ. Безъ сомнѣнія, этой мыслью о своемъ высшемъ образованіи, о своихъ университетахъ, для которыхъ былъ бы важенъ примѣръ университетской жизни другихъ народовъ, объясняется успѣхъ книжки г. Богдановича, заговорившей объ иностранныхъ университетахъ. Какъ великъ можетъ быть интересъ изученія чужой жизни, въ данномъ случаѣ—чужихъ университетовъ, и какъ можетъ быть нравственной обязанностью указаніе чужого лучшаго, что можетъ быть примѣромъ, объ этомъ г. Богдановичъ могъ бы прочесть прекрасныя вводныя страницы въ книгѣ Дидона („Les Allemands“), которая была однимъ изъ его главныхъ источниковъ.

Дидонъ есть „père Didon, des frères grécheurs; книга его издана съ одобренія, т.-е. съ цензурой, отцовъ ордена; Дидонъ—французъ, патриотъ и ревностный католикъ, какъ явствуетъ изъ его званія, и однако мы читаемъ у него (въ 17-мъ изданіи, 1884) слѣдующее: „Германія въ своей печати, органѣ общественнаго мнѣнія, и еще болѣе въ своей иностранной политикѣ не скрываетъ своей непримиримой вражды къ Франціи: я буду, однако, говорить о Германіи безъ намѣренія очернять ее, безъ несправедливости, какъ я стараюсь судить о моемъ отечествѣ не льстя ему, и не ослѣпляя самого себя. Любя со страстью Францію, я хочу служить ей съ ясновающимъ сердцемъ“. Онъ считаетъ „патріотическимъ долгомъ“ указать все, заслуживающее уваженія, что онъ нашелъ въ Германіи.

Поводъ къ путешествію въ Германію былъ опять характерный для католическаго frère grécheur. „Въ 1881, живя въ полномъ уединеніи, я проводилъ долгіе дни въ изученіи происхожденія христіанства. Тотъ, кто приступаетъ теперь къ этому изученію, сразу бываетъ унесенъ въ новѣйшую критику, какъ въ бурное открытое море. Все увлекаетъ туда: законы исторической науки; изслѣдованіе преданій; повѣрка подлинныхъ документовъ. Но эта новѣйшая критика, относительно христіанства, въ теченіе послѣдняго вѣка ни въ какой странѣ не была разрабатываема съ такимъ терпѣніемъ и съ такимъ жаромъ, если не съ ясностью и успѣхомъ, какъ въ университетахъ Германіи. Это заставило меня подумать о чужой, анти-французской странѣ. Я, не колеблясь, отвергъ инстинктивное отвращеніе моего патріотизма, и отправился, рѣшивъ сѣсть на скамью нѣмецкихъ студентовъ, у ногъ каѳедры ихъ учителей, въ Лейпцигѣ, Гёттингенѣ, Берлинѣ... Мы, домохѣды, съ трудомъ выходимъ изъ дому. Иностранецъ, англичанинъ, русскій, итальянецъ, американецъ, нѣмецъ, странствуетъ по свѣту и старается узнать другіе народы; французъ, видя только себя, кончитъ тѣмъ, что самъ не будетъ себя знать“. Авторъ не

хочетъ настаивать на этомъ упрекѣ: онъ самъ испытывалъ, какъ тяжело переступать „нѣкоторыя границы“, и знаетъ долгъ патриотизма. „Я не скажу: будемъ дѣлать какъ нѣмцы; я говорю: сдѣлаемъ лучше. Я не скажу: будемъ подражать ихъ университетамъ, ихъ школамъ, ихъ войску, ихъ національному духу; я говорю: превзойдемъ ихъ“. Надо стремиться осуществлять свои идеалы, и „въ этомъ отношеніи, другіе народы—въ особенности, если это наши враги—иногда могутъ дать намъ полезныя уроки, потому что они лучше возбуждаютъ наше соревнованіе, задѣвая за живое наше національное самолюбіе. Такимъ образомъ, нашъ патриотическій интересъ и нашъ долгъ повелѣваютъ намъ смотрѣть, какъ живетъ Германія“.

Когда французскій писатель въ 1880-хъ годахъ, еще такъ близко отъ унизительнаго погрома, говоритъ съ этимъ уваженіемъ о Германіи и призываетъ соотечественниковъ къ изученію того, что есть замѣчательнаго и поучительнаго у „врага“, и когда онъ указываетъ соотечественникамъ ихъ односторонность, которая приведетъ къ тому, что они перестанутъ наконецъ понимать самихъ себя,—должно признать за нимъ большое патриотическое мужество. Авторъ или „редакторъ“ русской книжки, посвященной изученію иностранныхъ университетовъ,—интересъ котораго заключался бы именно въ освѣщеніи требованій высшаго образованія по отношенію къ *нашимъ* высшимъ учрежденіямъ этого рода,—даетъ намъ какой-то неясный лепетъ о пользѣ знакомства съ жизнью университетовъ „въ той или другой странѣ“.

Обращаемся къ самой книжкѣ.

Въ предисловіи указывается успѣхъ первой книжки „Иностранныхъ университетовъ“. Онъ, безъ сомнѣнія, объясняется упомянутымъ сейчасъ интересомъ къ общему вопросу высшаго образованія въ связи съ нашимъ высшимъ образованіемъ, въ практическихъ условіяхъ котораго оказывается, давно уже, столько прискорбныхъ явленій... Успѣхъ книги обязывалъ автора, или редактора, отнестись тѣмъ съ большимъ вниманіемъ къ выполненію дальнѣйшихъ частей изданія. На очереди стояли университеты нѣмецкіе. По этому предмету существуетъ, прежде всего конечно у самихъ нѣмцевъ, обширнѣйшая литература, изъ которой можно было почерпнуть и массу фактическихъ данныхъ объ ихъ исторіи и устройствѣ, и правильную точку зрѣнія на ихъ значеніе научное, политическое и общественное. Что почерпнула изъ этой литературы наша книжка? Въ предисловіи указаны сочиненія, которыми руководился составитель. Всего названо двѣнадцать книгъ (и статей). Выборъ „авторитетныхъ источниковъ“ довольно странный. *Четыре французскія* книги, изъ которыхъ двѣ, Гиппо и Дидона, посвящены нѣмецкимъ университетамъ, а двѣ дру-

гія, Эдуэна и Дюкро, представляютъ біографіи Гёте и Гейне,—по этимъ французскимъ книгамъ изображены „годы студенчества знаменитыхъ людей“ — нѣмецкихъ. *Девъ англійскія*, изъ которыхъ одна въ переводѣ: біографія Гёте, Льюиса. *Пять сочиненій русскихъ*—Кавелина и Паудльсона о нѣмецкихъ университетахъ, Герье—о Лейбницѣ, Холодковского о Гёте, Е. Соловьева—о Гегелѣ; послѣднія опять для „годовъ студенчества“ знаменитыхъ нѣмецкихъ людей. Наконецъ, одна книга *нѣмецкая*: Dollinger (читай: Döllinger), о нѣмецкихъ университетахъ; но повидимому и эта единственная книга названа только по указаніямъ Дидона. И дѣйствительно, въ книгѣ не видно знакомства съ подлинной нѣмецкой литературой объ университетахъ; мало того, встрѣчаются вопіющіе факты незнакомства—и въ общихъ положеніяхъ, и въ мелкихъ подробностяхъ.

На стр. 9, гдѣ говорится о томъ, что у нѣмцевъ мыслители и ученые „извѣстны народу (?) не только какъ писатели, по книжкамъ“, но какъ личные учителя, съ которыми они (кто?) сталкиваются (?) лицомъ въ лицу“, — нѣсколько рискованно замѣчаніе, что „люди, подобные Фихте, Шеллингу, Гегелю, Шлейермахеру дѣйствовали прежде всего, какъ преподаватели университетовъ; ихъ влияние въ качествѣ писателей не было такъ велико“. Вѣрнѣе наоборотъ: если ихъ профессорская дѣятельность, — каковъ бы ни былъ ея успѣхъ, — дѣйствовала лишь на университетскую аудиторію, ихъ сочиненія имѣли громадное распространеніе не только въ Германіи, но и за ея предѣлами. „Всѣмъ (?) извѣстно также влияние, котораго достигли своими семинаріями такіе историки, какъ Ранкъ и Байтцъ“, — но такихъ историковъ не существовало, а были Ранке и Вайцъ.

Стр. 21, упоминается университетъ въ городѣ Дюнбургѣ; такого нѣтъ, а есть Дуисбургъ. Стр. 39, упоминаются университеты Бреслаускій, Фрибургскій, Галлескій, Гессенскій—это: Бреславльскій, Фрейбургскій, Галльскій, Гиссенскій.

Стр. 30: „главою университета является ректоръ, ежегодно избираемый общимъ собраніемъ *ординариазъ профессоровъ*“. Стр. 60: „сенатъ (университетскій, т.-е. правленіе) и ректоръ избираются всеобщей подачею голосовъ профессоровъ“ (ординарныхъ только или всѣхъ?).

Стр. 34, опредѣленіе умственныхъ интересовъ нѣмецкаго юношества изложено крайне запутанно: „Въ общемъ надъ философскою мыслью Германіи доминируютъ (господствуютъ?) и опредѣляютъ ея направленіе три генія: Спиноза, Лейбницъ и Кантъ, и нынѣшняя молодежь университетская, будущій правящій классъ страны, подчиняется реализму, извѣстному безсознательному пантеизму, отъ котораго нѣмецкій умъ не освободился, и въ особенности эвлетизму,

основанному на серьезной эрудиціи“. Совсѣмъ невозможно понять, въ какомъ же направленіи идутъ умственные интересы.

Стр. 62: „Общественное почтеніе, которымъ пользуются университеты, распространяется и на бывшихъ студентовъ... Общественное мнѣніе въ университетахъ видитъ свѣтъ страны и громадному числу ихъ (кого?) даетъ мѣста въ верхней палатѣ среди представителей имперіи (?) и въ спискѣ депутатовъ рейхстага мы видимъ не менѣе 80 докторовъ изъ общаго числа 400 членовъ. Здѣсь въ парламентѣ они составляютъ аристократію ума“ и т. д. По всей вѣроятности, эти 80 „докторовъ“ попали въ парламентъ не потому, что ихъ избиратели хотѣли наградить ихъ за пребываніе въ университетѣ, а потому, что долго послѣ университета эти доктора внушили къ себѣ довѣріе своей общественной дѣятельностью. Надо замѣтить притомъ, что въ Германіи — множество людей, получившихъ университетское образованіе, и степень „доктора“ приобрѣтается безъ особеннаго труда.

Стр. 32, 66. О внутреннемъ бытѣ студентовъ читаемъ: „Правительство, считая университеты зависимыми отъ него, не вмѣшивается въ само преподаваніе, не заставляетъ ихъ подчиняться тѣмъ или другимъ идеямъ... и не предлагаетъ студентамъ воспитаніе, могущее шокировать (?) ихъ вѣрованія, убѣжденія и вкусы. Правительственный контроль и долженъ былъ ослабѣть, ибо *давно уже* политика не играетъ ни малѣйшей роли. Среди студентовъ нѣтъ ни социалистовъ, ни консерваторовъ, ни унитаріанцевъ (?), ни партикуляристовъ, ни либераловъ, ни клерикаловъ, и васъ не пойметъ нѣмецкій студентъ, если вы спросите, къ какой политической партіи принадлежитъ онъ. Студенты группируются не въ партіи, а въ свободныя ассоціаціи, которымъ политика чужда и которыя имѣютъ единственную цѣль — сближеніе разбросанныхъ сочленовъ... Нѣтъ, Германія, къ счастью, не знаетъ *еще* 20-лѣтнихъ политикановъ, но зато среди нѣмецкой молодежи по-истинѣ царитъ любовь къ родной землѣ, а нѣмецкое единство является настоящей страстью, оживляющей университетскій міръ“. Но если *давно уже* политика не играетъ роли въ университетской жизни, значить, когда-то играла, — и дѣйствительно въ другой главѣ (о студенческихъ обществахъ и корпораціяхъ) авторъ, слѣдуя своимъ источникамъ, рассказываетъ факты университетской жизни, не объясняя (вѣроятно, и не думая), что факты относятся именно къ политическимъ волненіямъ нѣмецкихъ университетовъ. „Буршеншафты образовались въ эпоху освободительныхъ войнъ. Возникнувъ въ качествѣ общей организаціи для борьбы съ землячествами (старыми корпораціями, служившими только буйству и кутежу), они въ началѣ не хотѣли быть замкнутымъ союзомъ въ узкомъ смыслѣ этого

слова,—напротивъ, они желали бороться съ бездушнѣмъ союзомъ и съ ихъ многочисленными уродливыми проявленіями и вселить нѣмецкому студенчеству новыя идеи о своемъ положеніи и задачахъ въ жизни народа, любовь къ народу и отечеству, одушевленіе къ его объединенію, силѣ и свободѣ: они не мало способствовали воплощенію идеи нѣмецкаго единства въ живую народную силу "... Не останавливаясь на этомъ мудреномъ „воплощеніи идеи въ силу“, скажемъ лишь, что авторъ, повидимому, не замѣчаетъ, что говоритъ именно о характерномъ политическомъ движеніи въ нѣмецкой университетской жизни. Если бы онъ нѣсколько расширилъ число „авторитетныхъ источниковъ“ и притомъ нѣмецкими книгами (назовемъ для примѣра давнишнюю *Geschichte der Pädagogik*, Карла Раумера, и какую-нибудь книгу по новѣйшей исторіи Германіи), авторъ увидѣлъ бы, въ чемъ состояло студенческое движеніе въ Германіи десятыхъ и двадцатыхъ годовъ. Довольно сказать, что „идея нѣмецкаго единства“, столь простая и похвальная въ настоящемъ положеніи вещей, въ то время была идея законопреступная и возмутительная,—потому что еще цѣлы были (хотя сильно сократившіяся въ числѣ послѣ вѣнскаго конгресса) десятки феодальныхъ княжествъ и ихъ правительствъ, которыя вовсе не были намѣрены исчезать съ лица земли для идеи нѣмецкаго единства; самая идея, какъ ни была, повидимому, естественна и благотворна для цѣлой германской національности, не находила себѣ опоры ни въ одномъ изъ сильныхъ государствъ,—она считалась революціонной и опасной:—впослѣдствіи она составила славу Бисмарка и императора Вильгельма. Молодые университетскія поколѣнія были возбуждены патріотическими надеждами, и когда по окончаніи войнъ за освобожденіе эти надежды были разрушены вѣнскимъ конгрессомъ, означавшимъ водвореніе реакціи, студенты негодовали на это направленіе нѣмецкой политики и доходили до нарушеній порядка, напр., въ извѣстномъ вартбургскомъ праздникѣ и т. п., чѣмъ вызвано было преслѣдованіе,—отозвавшееся даже у насъ, въ Магницкомъ и Руничѣ.

Въ числѣ странностей, къ какимъ ведетъ малое знакомство, или полное незнакомство, съ подлинными источниками, укажемъ еще одну. На стр. 67, авторъ, или редакторъ, упоминаетъ въ числѣ христіанскихъ студенческихъ союзовъ одинъ, который называется „Zuevia“: это—„Свевія“, отъ древняго германскаго племени „свевы“ (швабы).

Очень жаль, что работа по такому интересному предмету, какъ нѣмецкіе университеты, предпринята была лицомъ, повидимому незнакомымъ съ нѣмецкой литературой и исторіей. „Авторитетными источниками“ для подобной работы были бы именно нѣмецкіе: въ нихъ нашлось бы множество матеріала, который далъ бы возможность

представить гораздо болѣе обстоятельную картину жизни нѣмецкихъ университетовъ, и правильное пониманіе этой жизни, ея прошедшаго и ея современныхъ условій, доставило бы и больше, поучительнаго по цѣлому университетскому вопросу.—Т.

Мы должны исправить опіску, вкравшуюся въ „Литер. Обзорѣніе“ іюльской книги (стр. 424), гдѣ г. А. Александровъ названъ редакторомъ *журнала* „Новое Обзорѣніе“—вмѣсто: „Русское Обзорѣніе“. Тифлисская *газета* „Новое Обзорѣніе“ желаетъ, чтобы это смѣшеніе названій было устранено, что мы охотно и дѣлаемъ,—впрочемъ, опіску не трудно было предположить, такъ какъ говорилось о „журналѣ“, а не о „газетѣ“.

Въ августѣ мѣсяцѣ, поступили въ редакцію нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Бодановъ, А. (авторъ „Краткаго курса экономической науки“). Основные элементы историческаго взгляда на природу.—Природа.—Жизнь.—Психика.—Общество. Спб. 1899. 251 стр. Ц. 2 р.

Велецкій, С. Н., и *Чуровъ*, А. И., проф. Земская статистика. Справочная книга по земской статистикѣ. Въ двухъ частяхъ. Часть первая. Исторія и методологія. М. 1899. XL и 422 стр.

— Часть II. Программа изслѣдованій. Отдѣлъ 1-й программы изслѣдованій крестьянской жизни. М. 1899. 847 стр. Ц. съ подпиской на 3-ю и послѣднюю часть издаванія—6 р.

Гемфри Уордъ. Хельбекъ изъ Баннисталя. Романъ въ 5 книгахъ. Переводъ съ англійск. подъ редакціей Л. Я. Гуревичъ. Спб. 1899. 301 стр. (Библиотека „Жизнь“). Ц. 1 р.

Ельцовъ, К. Въ чужомъ гнѣздѣ. Романъ. Спб. 1899. 338 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Зиберъ, Н. И. Очерки первобытной экономической культуры. Изд. 2-е, исправленное. Спб. 1899. 574 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Каутскій, К. Аграрный вопросъ. Обзоръ тенденцій современнаго сельскаго хозяйства въ связи съ аграрною политикой. Изданіе В. Н. Головкина. Харьковъ, 1899. VI и 375 стр. (Вопросы современности, выпускъ II).

Климентъ, И. Среди патриарховъ земледѣлія народовъ ближняго и дальняго Востока. (Египетъ, Индія, Цейлонъ, Китай и Японія). Часть II. Индія. Цейлонъ. Съ 178 рисунками, 4 діаграммами и 1 картограммой. Спб. 1899. VII и 338 стр.

— Часть III. Китай. Съ 145 рисунками. Спб. 1899.

Кулишъ, П. А. Воспоминанія дѣтства. Повѣсти. Съ портретомъ автора и предисловіемъ В. И. Шенрова. Бахмутъ. 1899. II и 490 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Ле-Данткъ Ф. Индивидуальная эволюція, наследственность и неодарвинисты. Переводъ съ французскаго подъ ред. В. Н. Липда. М. 1899. XVI и 303 стр. Ц. 1 руб.

Масай. Разказы и очерки. Нижній-Новгородъ. 1899. 305 стр. Ц. 50 к.

Роджерсъ, Т. Исторія труда и заработной платы въ Англіи, съ XIII по

XIX вѣкъ Переводъ съ англійскаго В. Д. Каткова, магистранта политической экономіи. Спб. 1899. XVII и 476 стр. Ц. 3 р.

Спенсеръ, Гербертъ. Сочиненія. Полные переводы, проверенные по послѣднимъ англійскимъ изданіямъ. Подъ общей редакціей Н. А. Рубакина. Наученіе соціологін.—Воспитаніе умственное и физическое. Спб. 1899. 256 и 115 стр.

—— Основанія этики. Часть I.—Опыты научныя, политическіе и философскіе. Спб. 1899. 209, II, 128 стр. Подписная цѣна за семь томовъ 7 руб.

Flachs, Adolf. Ein gebeizter Schurke. Uebermüthige Geschichten. Berlin, s. a. 154 стр. Ц. 1. 50 марк.

Karéiev, N., prof. Les paysans et la question paysanne en France dans le dernier quart du XVIII-e siècle. Traduit du russe par m-lle C. W. Woynarowska, licenciée ès sciences sociales. Paris. 1899. XXVII, 635 стр. Ц. 12 франковъ.

— Гражданское уложеніе. Книга пятая. Обязательства. Проектъ Высочайше учрежденной Редакціонной Комиссіи по составленію Гражданскаго уложенія. Спб. 1899. 222 и 6 нумер. стр.

—— Томъ первый. Ст. 1—276 съ объясненіями. Спб. 1899. LVI и 615 стр.

—— Томъ второй. Ст. 277—504, и пр. 659 стр.

..... Томъ третій. Ст. 505—718, и пр. 568 стр.

—— Томъ четвертый. Ст. 719—921 (должно быть: 936).

—— Томъ пятый. Ст. 927—1106 съ объясненіями. Спб. 1899. 696 стр.

— Труды Комиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ, мѣрахъ борьбы съ нимъ и для выработки нормальнаго устава заведеній для алкоголиковъ. Журналы засѣданій и доклады. Выпускъ III. Спб. 1899. Стр. 113—224, 133—232. Ц. 1 р. 25 коп.

— 1898 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Выпускъ VI. (М. З. и Г. И. Отдѣлъ сельской экономіи и сельско-хозяйственной статистики). Спб. 1899. 370 стр.



НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Emile Fauguet. Flaubert (Les grands écrivains français). Paris, 1899. Стр. 191.

Книга Фагè, вошедшая въ серію „Grands écrivains français“, предназначена для большой публики, и это опредѣляетъ ея характеръ. Критикъ старается дать полное и цѣльное представленіе о личности и творчествѣ Флобера, выяснить его связь съ литературными теченіями, ему предшествовавшими, и тѣми, которыя онъ создалъ, а также опредѣлить его осязательныя достоинства, то, что неотъемлемо принадлежитъ Флоберу въ современномъ романѣ, т.-е. установленное имъ отношеніе художника къ дѣйствительности. Эту широкую задачу Фагè исполнилъ съ большимъ умѣньемъ. Книга написана интересно, сжато, умно,—и личность писателя вырисовывается въ ней съ большой отчетливостью. Имѣя въ виду кругъ своихъ читателей, Фагè намѣренно выдвигаетъ въ творчествѣ романиста то, что его дѣлаетъ „писателемъ для всѣхъ“, и оставляетъ въ тѣни болѣе глубокія черты его обособленности. Въ его изложеніи Флоберъ—великій писатель въѣка, обличавшій „срединное“ человѣчество со всѣми его слабостями—и преподававшій, безъ всякаго желанія быть моралистомъ, уроки нравственности. Съ большимъ литературнымъ и психологическимъ чутьемъ указаны источники пессимизма, или, вѣрнѣе, мизантропіи Флобера. Психологическая и историко-литературная сторона творчества Флобера разобрана Фагè съ большой правдой. Оцѣнка отдѣльныхъ романовъ Флобера даетъ критику случай высказать любопытныя мысли о задачахъ историческаго романа, о реализмѣ и о романтизмѣ. Типы Флобера поняты критикомъ очень оригинально и доведены до крайнихъ логическихъ выводовъ.

Но этимъ итогомъ творчества Флобера критикъ какъ бы намѣренно ограничиваетъ свой кругозоръ. Онъ старается не выйти изъ роли историка литературы, отмѣчающаго явленія литературы, т.-е. воплотившіяся намѣренія писателя, а не то, что даетъ пищу этимъ намѣреніямъ, его отношеніе къ жизни и къ своимъ собственнымъ душевнымъ силамъ, то идеализированнымъ въ образахъ фантазіи, то представленнымъ въ отрицательномъ свѣтѣ. Поступая такимъ образомъ, Фагè старается установить чисто литературную формулу творчества

Флобера, которая должна удовлетворить пониманію и вкусу массы, не оскорбляя цѣнителей Флобера. Послѣдніе не удовлетворяются психологической опѣнкою типовъ Флобера, и признаніемъ его реалистической силы и его „écriture artiste“. Все это составляетъ лишь средства художника, его языкъ, которымъ онъ выражаетъ свою, имъ самимъ найденную, отвлеченную истину,—и очевидно, что только эта внутренняя правда, преподанная въ образахъ, т.-е. только философское міросозерцаніе его, составляетъ его истинную силу. Литературныя достоинства—отраженіе внутренней силы.

По отношенію къ Флоберу пониманіе основныхъ идей его творчества особенно важно. Онъ былъ несомнѣннымъ романтикомъ, а романтизмъ—отжившее настроеніе умовъ. Онъ создалъ реализмъ во французскомъ романѣ,—и реализмъ его послѣдователей въ значительной степени отжилъ свое время во Франціи. Флоберъ же продолжаетъ отвѣчать духовнымъ потребностямъ новыхъ поколѣній. Его изучаютъ и углубляются въ значеніе его произведеній,—еще далеко не дойдя до полного пониманія его творчества (въ изученіи лучшихъ позднѣйшихъ реалистовъ и натуралистовъ—Зола, Гонкуровъ—предѣлы пониманія достигнуты, и горизонтъ этихъ писателей виденъ до самой отдаленной точки). Это значеніе Флобера зависитъ отъ того, что Флоберъ объединилъ романтизмъ и реализмъ въ новомъ сочетаніи. Онъ указалъ въ явленіяхъ ихъ непреходящую сущность. Жизненные явленія во всей ихъ трезвой правдѣ являются для него постояннымъ откровеніемъ типичной человѣческой души, того, что сознательно или безсознательно влечетъ духъ къ правдѣ безпредѣльной и заставляетъ его въ силу тѣхъ же роковыхъ законовъ падать въ ложь и условность жизни,—постоянно ощущая бездну между начинаніями и осуществленіями съ одной стороны и хотѣніями съ другой. Это философское настроеніе, освѣщающее реализмъ Флобера, дѣлаетъ образы, созданные имъ, вѣчными. Если не вникнуть въ основное міросозерцаніе художника, не увидѣть правды въ трагедіи духа, которую онъ раскрываетъ, рисуя жизнь и нравы „среднихъ людей“, то значеніе Флобера, какъ писателя вѣчнаго, а не временного, останется не выясненнымъ. Онъ окажется главой французскаго реализма,—но развѣ это все, чѣмъ былъ Флоберъ?

А между тѣмъ, Фагè рисуетъ его именно такимъ. Онъ беретъ два наслоенія въ личности и творествѣ Флобера: его натуру, свойства его ума и таланта,—и его психологическое пониманіе дѣйствительности. Глубже онъ не опускается, какъ бы считая, что этого достаточно для опредѣленія мѣста Флобера въ исторіи французской литературы. Онъ даже отрицаетъ необходимость понимать Флобера болѣе глубоко, настаивая на томъ, что Флоберъ—слабый мыслитель, и что

критическая мысль въ немъ не развита. Но въ художникѣ предполагается не мыслитель-догматикъ, проповѣдующій какое-либо метафизическое или этическое учение,—нѣтъ ничего условнѣе такого рода писанія,—а созерцатель, для котораго дѣйствительность подтверждаетъ необходимые роковые законы контрастовъ, управляющихъ жизнью человѣка и его непримиримыми съ жизнью стремленіями. Это философское созерцаніе наполняетъ собой все творчество Флобера, и не принимая его во вниманіе, Фагè лишаетъ свой очеркъ заключительнаго звена. Въ его характеристикѣ Флобера нѣтъ выводовъ. Усмотрѣвъ литературное значеніе романиста изъ объясненій критика, читатель все-таки остается въ недоумѣніи относительно роли Флобера въ развитіи идей XIX вѣка.

Краткій биографическій очеркъ, съ котораго начинается книга Фагè, справедливо отмѣчаетъ бѣдность событій въ жизни Флобера. Онъ былъ сыномъ доктора въ Руанѣ—и воспоминанія дѣтства о жизни въ госпиталѣ послужили ему впоследствии драгоцѣннымъ матеріаломъ для „М-мъ Бовари“. Въ 16 лѣтъ онъ былъ влюбленъ въ 28-лѣтнюю красавицу, несчастную въ замужествѣ. Онъ никогда не говорилъ ей о своихъ чувствахъ. Она впоследствии сошла съ ума. Этотъ эпизодъ послужилъ основой „Education Sentimentale“—любимой книги Флобера. Съ юности Флоберъ любилъ искусство безкорыстно, безъ всякой примѣси личнаго чувства, безъ всякой мысли о славѣ и выгодѣ. Онъ поражалъ, по свидѣтельствамъ знавшихъ его въ юности людей, отсутствіемъ всякаго интереса къ вѣншнимъ происшествіямъ, къ тому, что полезно и нужно въ жизни. Когда при немъ высказывали мнѣніе, что политика и прагматическія дѣла имѣютъ такое же значеніе, какъ литература и искусство,—онъ съ изумленіемъ и сожалѣніемъ глядѣлъ на говорящаго. Юридическія занятія въ Парижѣ усилили его природную замкнутость. Онъ уклонялся отъ общей студенческой жизни, жилъ одиноко въ своей комнатѣ и становился мрачнымъ. Только поѣздки въ Кореиву и краткія посѣщенія Руана оживляли его. Потерявъ отца и сестру, онъ поселился съ матерью въ Круассэ близъ Руана. Это было въ 1846 г.; Флоберу было тогда 25 лѣтъ, и съ тѣхъ поръ до самой смерти онъ прожилъ 34 года на одномъ мѣстѣ, среди неустанной тяжелой литературной работы. Единственными перерывами были путешествіе въ Бретань съ Максимомъ Дюканомъ (Maxime Ducamp) въ 1846, путешествіе съ нимъ же на Востокъ въ 1849 и изрѣдка поѣздки въ Парижъ. Единственная романтическая исторія въ жизни Флобера—его любовь къ Луизѣ Колэ, длившаяся съ разными разрывами и примиреніями восемь лѣтъ. Начиная съ 1850 г., вся жизнь Флобера становится исключительно литературной. Единственными событіями ея являются замыслы лите-

ратурныхъ произведеній, работа надъ ними и печатаніе ихъ. Конецъ его жизни былъ мрачный. Литературный неуспѣхъ послѣднихъ романовъ, недовольство собой, мучительная нервная болѣзнь, ссора съ Максимомъ Дюканомъ, смерть матери, потеря значительной части состоянія,—все это омрачило одинокою и грустною старостью Флобера. Его утѣшительницами были только его племянница, м-мъ Комманвиль, которая нѣжно заботилась о немъ, и Жоржъ Сандъ. Изъ молодыхъ онъ привязанъ былъ только къ Гюи-де-Мопассану; онъ готовилъ его въ преемники себѣ, обучая его искусству съ трудомъ созидать легкія и простыя произведенія искусства.

Жизнь Флобера чрезвычайно поучительна. Она дѣлаетъ его исключеніемъ изъ числа почти всѣхъ французскихъ писателей, жившихъ прежде всего „для жизни“. Флоберъ—истинный монахъ въ литературѣ. Для него творчество—величайшій подвигъ, мучительный какъ пытка. Каждая страница ему стоила страданій и физическаго труда, отъ котораго онъ изнемогалъ. Въ литературы для него ничего не существовало: всѣ чувства и привязанности его были обращены мыслью о тягостномъ и роковомъ крестѣ творчества, подъ которымъ онъ добровольно сгнбался—никогда не зная удовлетвореній, не желая ничего для себя, и находя все, что онъ дѣлалъ, недостаточнымъ для служенія единственному грозному божеству, которому онъ поклонялся, т.-е. искусству. Принято считать братьевъ Гонкуровъ идеальными „gens de lettres“ (по выраженію Бальзака), но они—скорѣе болѣзненное уклоненіе отъ основного типа. Ихъ психологія сводилась къ тщеславію; они были безучастны къ общей жизни во имя личныхъ интересовъ,—у нихъ литературское „я“ затемняло пониманіе жизни и людей. Совсѣмъ другое—Флоберъ. Онъ самъ исчезалъ въ безличномъ служеніи искусству. Его мучило осужденіе его произведеній, но не изъ личнаго тщеславія, а какъ оскорбленіе его Богу. Отрады и сознанія счастья творчество ему не давало. Онъ показалъ всей своей жизнью, что избранники духа платятъ за даръ божій счастьемъ жизни, и что искреннее и полное служеніе искусству—величайшее подвижничество, самое безкорыстное, потому что оно недоступно наградамъ.

Изъ жизни Флобера Фагè извлекаетъ матеріалъ для очень мѣткихъ опредѣленій его характера, отразившагося на всемъ его творествѣ. Основныя черты Флобера—робость и гордыня, странно уживавшіяся въ этой исключительной натурѣ. Онъ не выносилъ противорѣчій себѣ, былъ крайне властнымъ и непримиримымъ. „То, что меня не интересуетъ, не имѣетъ никакого значенія“—таково было его глубокое убѣжденіе. вмѣстѣ съ тѣмъ Флоберъ былъ робокъ, не имѣлъ вѣры въ себя, боялся высказывать свои чувства. До 22 лѣтъ онъ любилъ и страдалъ—но глубоко тая свои чувства, жилъ въ полной мо-

напеской чистотѣ. Онъ изобразилъ въслѣдствіи свою тогдашнюю психологію въ Фредерикъ Моро, героѣ Education Sentimentale. Смѣсь робости и гордыни въ характерѣ Флобера объясняетъ его раздражительность. Максимъ Дюканъ совѣтовалъ ему кончить скорѣе свой первый романъ и поскорѣе выпустить въ свѣтъ, потому что въ литературѣ „открылось мѣсто, которое нужно поспѣшить захватить“, и Флобера этотъ совѣтъ вывелъ изъ себя, задѣвъ въ немъ святость его призванія. „Слова „спѣшить“, „теперь время“, „захватить мѣсто“—лишены для меня всякаго смысла“, съ раздраженіемъ отвѣчалъ онъ своему другу. „Я не ищу пристани, а сплыву въ открытое море. Если я тамъ погибну, позволяю тебѣ не носить по мнѣ траура“.

Гордость, робость и чувствительность Флобера сдѣлали его мрачнымъ, утрюмымъ, одинокимъ человѣкомъ и мизантропомъ. Живя въ своемъ тихомъ Круасѣ, онъ всею своимъ существомъ противился сближенію съ другими людьми. „Я иногда такъ глубоко погружаюсь въ себя, что совершенно исчезаю, и все, что меня отвлекаетъ, доставляетъ мнѣ глубокое страданіе“. Отчужденность отъ людей развила у Флобера самую характерную черту его отношеній къ людямъ—злону, даже ненависть къ человѣчеству и ко всему человѣческому: „мнѣ нравится—писалъ онъ,—когда все, что дорого людямъ, подвергается поношенію и осмѣянію—и вотъ почему у меня есть нѣкоторое уваженіе къ аскетамъ“. Отсюда явилась у него своего рода манія: ненависть и въ то же время своеобразная любовь къ глупости, любовь и ненависть къ буржуа. Ненависть къ глупости превратилась въ страстное выскливаніе ея для того, чтобы иллить свою ненависть, въ любованіе ею для того, чтобы питать свою злобу. Ненависть къ буржуа обратилась въ безконечное стремленіе разглядывать его, проникать до глубинъ его существа, чтобы насладиться упоеніемъ злобы при созерцаніи его тупости. „Глупцы, — писалъ онъ, — существуютъ для нашихъ самыхъ глубокихъ и острыхъ наслажденій. Они очень почтенны и достойны вѣчной благодарности за то, что даютъ столь широкую возможность царственно презирать ихъ. Они—естественные и наивные шуты царей духа и философовъ, ненавидящихъ людей. Они созданы для мрачныхъ наслажденій меланхолическихъ сердецъ“. Ненавидя буржуа, т.-е. „людей съ низкими чувствованіями“, Флоберъ жилъ цѣлую жизнь въ созерцаніи и размысленіи. Монахъ думаетъ только о томъ, что Богъ великъ, а люди малы; Флоберъ провѣлъ цѣлую жизнь, повторяя себѣ, что люди малы, а искусство велико, презирая людей и поклоняясь искусству съ одинаковой силой.

Въ этихъ чертахъ характера Фагѣ видятъ психологическую основу всего творчества Флобера. Это несправедливо. Чтобы вполнѣ понять духъ, проникающій всѣ произведенія Флобера и объединяющій ихъ

въ одно цѣлое, необходимо пойти дальше и прослѣдить связь между характеромъ писателя и его міросозерцаніемъ. Флоберъ ненавидѣлъ людей, и это стало у него чертой характера, отразившейся на всей его жизни. Но источникъ ненависти не въ характерѣ, а въ томъ, что Флоберъ тяготѣлъ къ высочайшему, невоплотимому въ жизни, совершенству. Флоберъ—идеалистъ, и потому жизнь его оскорбляетъ. Онъ—жрецъ истинныхъ святынь, и кумиры человѣчества, то, что въ жизни считается добрымъ, честнымъ и прекраснымъ, ненавистны ему. Для него нѣтъ различія между тѣмъ, что люди называютъ добромъ, и тѣмъ, что они называютъ зломъ: и то и другое—одинаковое зло въ его глазахъ, потому что истинное добро внѣ человѣческихъ осуществленій—къ нему душа человѣка только стремится, и путь ея обозначенъ разрушеніемъ человѣческихъ мнимыхъ святынь. Флоберъ—мизантропъ въ лучшемъ смыслѣ слова, т. е. ненавистникъ человѣческаго и несовершеннаго изъ любви къ совершенному и божественному. Искусство для него—не цѣль, какъ это полагаетъ Фагѣ, а средство, или, вѣрнѣе, путь; слѣдуя ему, онъ свергаетъ человѣческое, опускаясь въ глубины человѣческихъ святынь и находя тамъ—пустоту. Но презирая человѣческое, онъ видитъ въ людяхъ то, что ихъ ведетъ къ пониманію неосуществимыхъ цѣлей жизни; люди инстинктивно стремятся къ совершенному, каждый по-своему, согласно съ горизонтомъ своей жизни—и это влеченіе сказывается въ ихъ страстяхъ и чувствахъ, какъ бы узки ни были рамки этихъ страстей и чувствъ. Судьба ихъ желаній—не что иное какъ мѣняющіеся образы вѣчнаго разлада смутно угадываемыхъ святынь и человѣческихъ достижений. Эту трагедію разлада воплотилъ Флоберъ во всемъ своемъ творчествѣ, обличая не только „низко чувствующаго“ буржуа, а самую жизнь, и возвеличивая лишь то, что священно въ жизни, порывы къ недосыгаемому и муки паденія—въ области нравственности, муки познания—въ области мысли. Трагедія души, искавшей въ любви совершенства, и павшей въ борьбѣ за любовь, на дно жизненной пошлости—представлена въ г-жѣ Бовари; трагедія вѣры, утратившей силу и покоренной жизнью—идея Саламбо; добродѣтель, развѣчванная вытекающей изъ нея скукой и пошлостью существованія—представлена въ „Education Sentimentale“; наконецъ усилія науки, ведущія къ грустному торжеству глупости, составляютъ идею „Bouvard et Pécuchet“. Каждая изъ этихъ книгъ развѣчиваетъ одинъ изъ человѣческихъ кумировъ—не развѣчивая его, указываетъ путь къ святынѣ, будучи проникнута не только ненавистью къ человѣческому, но еще гораздо болѣе любовью къ божескому, высокимъ идеалистическимъ настроеніемъ. Идеальная основа Флобера—его идеализмъ, и уже на ней выросла мизантропія психолога, мучительно „ищущаго гангрены“.

Везъ святыни въ душѣ Флоберъ не былъ бы великъ въ своемъ обличеніи, и его маниакальное исканіе зла было бы чудачествомъ, а не силой.

Оставаясь исключительно въ области „литературныхъ теченій“ въ своемъ очеркѣ Флобера и не заглядывая въ отвлеченную правду его замысловъ, Фагѣ занять вопросомъ, какимъ образомъ объединился романтизмъ и реализмъ въ его творчествѣ. „Флоберъ, — говоритъ онъ, — былъ романтикомъ и реалистомъ, какъ будто бы, выступивъ въ литературѣ въ срединѣ XIX в., онъ хотѣлъ совмѣстить въ себѣ стремленія сорока предшествовавшихъ ему лѣтъ и сорока послѣ него“. Въ натурѣ и въ талантѣ Флобера много романтизма. Онъ съ дѣтства любилъ сильныя впечатлѣнія; въ госпиталѣ, гдѣ онъ выросъ, онъ карабкался по стѣнѣ, чтобы заглянуть въ анатомическій театр; въ юности ему казалось, что идиоты и сумасшедшіе особенно его любить. Онъ съ юности грезилъ востокомъ, опянялся мечтами о яркихъ краскахъ, о жизни въ пустынѣ. Это увлеченіе востокомъ было у него не меньшимъ, чѣмъ у Шатобриана, съ которымъ Флоберъ имѣлъ много общаго во вкусахъ и настроеніяхъ. Чувство грусти, очень частое у Флобера, тоже выдаетъ въ немъ романтика. „Я никогда не могъ глядѣть на ребенка, — говорилъ онъ, — не думая о томъ, что онъ превратится въ старца, не могъ видѣть колыбели, не думая о могилѣ. Видъ женщины возбуждаетъ во мнѣ мысль объ ея скелетѣ“. Грусть, тяготѣніе къ таинственному, любовь къ мрачному и замогильному, къ востоку и къ яркимъ краскамъ, все это чисто романтическія черты. Но при всей наличности романтическихъ вкусовъ, Флоберъ ничуть не питалъ отвращенія къ реальному, а напротивъ того, любилъ дѣйствительность и наблюдалъ ее съ величайшей тщательностью.

Фагѣ приходитъ къ заключенію, что основа натуры Флобера все-таки романтическая. Когда онъ отдается вполне стихійному ходу мыслей и настроеній, какъ, напр., въ своихъ письмахъ, онъ вполне романтикъ. Участіе воли въ литературномъ творчествѣ направляетъ его въ сторону реализма. Въ произведеніяхъ Флобера романтическіе романы чередуются съ реалистическими, при чемъ такъ, что послѣ реалистическаго Флоберъ какъ бы отпускаетъ себя на волю и отдыхаетъ на романтическомъ замыслѣ. „Саламбо“ написана послѣ „М-мъ Бовари“, „Искушенія св. Антонія“ послѣ „Education Sentimentale“, а послѣ „Искушенія“ — „Буваръ и Пекюшѣ“.

Разсматривая отдѣльно романтическія произведенія Флобера, Фагѣ съ особымъ вниманіемъ останавливается на „Саламбо“, гдѣ сказалась любовь Флобера къ таинственному и своего рода „описательный романтизмъ“, сложившійся изъ красокъ и ритма и вдохновен-

ный востокѣмъ. Главный недостатокъ Саламбо, по мнѣнію Фагѣ, въ неудачномъ выборѣ сюжета. Историческій романъ интересенъ, когда историческая эпоха, представленная въ немъ, хорошо извѣстна, и когда разсказанныя событія вызваны какой-нибудь понятной и волнующей насъ страстью. Когда эпоха слишкомъ мало извѣстна, романъ становится слишкомъ поучительнымъ, и усвоивая себѣ новыя факты, мы уже не можемъ увлечься заключенными въ фактахъ страстями и чувствами. Если же сущность событій извѣстна, то новыя подробности уже не поглощаютъ нашего вниманія, а только интересуютъ и содѣйствуютъ художественному впечатлѣнію. Основной интересъ романа тоже долженъ необходимо волновать насъ, какъ нѣчто мировое, имѣющее значеніе для судебъ человѣчества. Иначе борьба, лежащая въ основѣ дѣйствія, не возбудитъ нашего участія. Когда въ историческомъ романѣ рѣчь идетъ о Клеопатрѣ, то это интересно, потому что поднимается вопросъ о борьбѣ двухъ цивилизацій — римской и восточной. Если бы въ романѣ Флобера дѣйствіе сосредоточено было на дуэли Рима и Карфагена, онъ былъ бы крайне увлекательнымъ, но въ Саламбо борьба происходитъ между Карфагеномъ и наемниками варварами, возмущившимися противъ своихъ нанимателей. Ни одна изъ двухъ партій не имѣетъ преимуществъ въ глазахъ читателя. Побѣдитъ ли жестокость варваровъ, или жестокость карфагенянъ — вопросъ недостаточно волнующій, и читатель Саламбо въ сущности гораздо болѣе интересуется тѣмъ, что въ романѣ имѣетъ второстепенное значеніе — вѣщательствомъ Рима. Кромѣ того, въ романѣ нѣтъ героя, на которомъ дѣйствіе было бы сосредоточено. Не Саламбо, а жрецъ Мато управляетъ дѣйствіемъ, и рядомъ съ нимъ при загроможденности сюжета картинными сраженіями, процессіями и т. д. сама Саламбо теряется. „Пьедесталъ слишкомъ великъ для статуи“, какъ сказалъ самъ Флоберъ. При неудачномъ выборѣ сюжета, нехороша и композиція романа. То, что дѣлаетъ Саламбо все-таки великимъ произведеніемъ, это — описанія, ставшія классическими въ литературѣ.

Изъ реалистическихъ романовъ Флобера, Фагѣ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на М-мъ Бовари и посвящаетъ разбору этого гениальнаго произведенія блестяще написанную главу своей книги. Онъ отмѣчаетъ особенность Флобера — описывать предметы и зрѣлища такъ, что они сливаются съ описаніемъ людей; люди начинаютъ дѣйствовать съ перваго момента своего появленія, и все, что ихъ окружаетъ, одновременно съ ними запечатлѣвается въ нашемъ взорѣ. Описанія соотвѣтствуютъ именно тому, что видитъ данное лицо, и ни что другое, чего оно не могло бы замѣтить при данныхъ условіяхъ, не входитъ въ описаніе. Когда Эмма получаетъ письмо роковое для нея, и идетъ его читать на чердакъ, то описывается видъ изъ окна;

Флоберъ перечисляетъ массу подробностей, но только такихъ, какія Эмма всегда видѣла изъ этого окна—а, очевидно, быстрымъ взглядомъ увидѣла и теперь. Ни одной случайной черты—пролетѣвшей птицы или чего-нибудь другого нѣтъ въ картинѣ; она бы все испортила, внося психологическую фальшь. Ничего новаго Эмма не могла увидѣть въ эту минуту и, значитъ, въ описаніи его и не должно быть. Эта психологичность описаній—величайшее торжество реалистическаго творчества. Насколько Флоберъ въ этомъ отношеніи выше Балзака, забывающаго своихъ героевъ для рассказовъ объ ихъ предкахъ! Реализмъ дѣйствующихъ лицъ въ „М-мъ Бовари“ дѣлаетъ ихъ совершенно живыми людьми, при чемъ это не типы, а вполне обособленныя личности. Фагè даетъ чрезвычайно мѣткія характеристики отдѣльныхъ дѣйствующихъ лицъ романа двухъ возлюбленныхъ Эммы, изъ которыхъ одинъ—дополненіе другого, самодовольнаго аптекаря Гомма, мужа Эммы—Шарля Бовари, типичнаго въ своемъ безличіи; въ немъ преобладаютъ исполнительныя функціи; онъ способенъ чувствовать, но только такъ, какъ его настроить другіе. Бовари—растеніе, но растеніе, имѣющее индивидуальную фізіономію. М-мъ Бовари—„безсмертной м-мъ Бовари“, Фагè, посвящаетъ самую обстоятельную и восторженную характеристику. Сущность этой женщины—романтизмъ, т. е. потребность жить „за горизонтомъ доступнаго существованія“, увѣренность, что счастье и поэзія ожидаютъ человѣка тамъ, гдѣ его нѣтъ. Отсюда у романтическихъ натуръ страсть въ перемѣнамъ мѣста, въ путешествіямъ. Тщеславный и ограниченный человѣкъ, который далъ бы ей иллюзію „высшей природы“, составилъ бы ея счастье, но Бовари—который живетъ въ настоящемъ—ей глубоко чуждъ. Отсюда ея скука и начало ея увлеченій. Ея первый возлюбленный привлекаетъ ее тѣмъ, что весь онъ—это ея стремленій и чувствъ; второй ее увлекаетъ неожиданностями положенія, созданнаго ихъ связью. Но при всей запутанности и лжи, въ которую она завлекается, она держится, пока остается пища для ея романтическаго воображенія. Когда наступаетъ денежная грязь и она, чтобы спастись, должна стать куртизанкой, она умираетъ. Романтизмъ, погубившій ее, спасаетъ ее отъ послѣдняго униженія.

Отмѣтимъ еще въ книгѣ Фагè страницы, посвященныя дѣйствующимъ лицамъ „Education Sentimentale“, и очень интересныя мысли о внутренней связи Флобера съ его собственными героями, а также сужденія о его языкѣ и стилѣ. Повторяемъ, книга Фагè чрезвычайно интересна и полна новыхъ взглядовъ и обобщеній. Ей недостаетъ только разбора философскихъ замысловъ великаго романиста.

II.

Guy de Maupassant. Le Père Milon. Contes inédits. Paris, 1899. Стр. 289.

По небольшому предисловію издателей видно, что готовится цѣлый рядъ прибавленій въ извѣстнымъ до сихъ поръ произведеніямъ Гюи де-Мопассана. Въ бумагахъ Мопассана найдены законченныя повѣдлы, короткіе рассказы, литературные очерки, которые онъ не успѣлъ напечатать при жизни. Въ настоящее время изданъ первый сборникъ посмертныхъ „contes“, названный, по заглавію перваго рассказа— *Le Père Milon*. Не все въ этомъ сборникѣ совершенно ново. Есть нѣсколько набросковъ и цѣльныхъ рассказовъ, вошедшихъ позже въ крупныя произведенія Мопассана. Это большей частью или этюды, въ которыхъ точность наблюденія преобладаетъ надъ психологическимъ освѣщеніемъ, или же отрывки настроеній, намѣченныхъ со всей ихъ непосредственностью, но еще не приведенныхъ въ связь съ явленіями, предшествовавшими имъ и вытекающими изъ нихъ.

Эти рассказы очень характерны для Мопассана; въ нихъ мы видимъ доказательство его необычайной добросовѣстности. Онъ былъ достойнымъ ученикомъ Флобера въ своемъ благоговѣйномъ отношеніи къ литературѣ, и предпринималъ множество этюдовъ, прежде чѣмъ обобщить ихъ въ готовомъ художественномъ произведеніи. Тѣ изъ цѣвителей Мопассана, которые видать въ „*Une Vie*“ одно изъ самыхъ глубокихъ его произведеній, съ удовольствіемъ прочтутъ нѣсколько очерковъ, совершенно законченныхъ, но включенныхъ Мопассаномъ въ „*Une Vie*“. Тамъ они—эпизоды, развивающіе основную мысль романа: Мопассанъ изобразилъ въ немъ уродство и безысходную пошлость страстей, въ которыхъ чистыя и грустныя души напрасно ищутъ исхода и удовлетворенія своимъ неисполнимымъ желаніямъ полноты и гармоніи. „*Le Saut du berger*“—одинъ изъ такихъ рассказовъ: молодой священникъ—эротоманъ, мѣсто которому въ сущности не во главѣ паствы, а въ клиникѣ для душевно-больныхъ—удовлетворяетъ своему маниакальному чувству тѣмъ, что ожесточенно преслѣдуетъ въ другихъ все, что имѣетъ отношеніе къ любви. Немилосердный къ своимъ собственнымъ грѣховнымъ желаніямъ, онъ хочетъ искоренить и въ окружающихъ его людяхъ всякое „служеніе цѣлямъ природы“. Даже видя собаку, производящую на свѣтъ многочисленное потомство, онъ въ ярости давитъ новорожденныхъ щенятъ и бросившись на испуганную собаку, топчетъ ее ногами до смерти. Въ ненастную погоду онъ ищетъ убѣжища въ передвижной кибиткѣ, которая попадаетъ ему на пути. Нормандскіе пастухи живутъ лѣтомъ въ такого рода

неприхотливых жилищах на колесах, перевоза их как телѣжку съ мѣста на мѣсто. Заглянувъ въ пріотворенную дверь, священникъ видитъ передъ собой обнявшуюся чету—пастуха и его подругу. Онъ захлопываетъ дверь, схватываетъ оглобли телѣжки, впрягается въ нее и съ неимоверной силой бѣжитъ, таща за собой кибитку къ крутому обрыву. Тамъ онъ толкаетъ внизъ легкую постройку съ запертыми въ ней людьми—и когда кибитку поднимаютъ въ одномъ изъ глубокихъ овраговъ, въ ней находятъ два изуродованныхъ до неузнаваемости трупа. Священника судятъ и приговариваютъ къ каторжнымъ работамъ. Но крестьяне вспоминали о немъ съ уваженіемъ, какъ о человѣкѣ, „qui n'aimait pas la bagatelle“. — Рассказъ имѣетъ вполне законченный и обособленный характеръ, — но все-таки есть большой смыслъ въ томъ, что Мопассанъ обратилъ его въ эпизодъ болѣе широкаго замысла. Психологія безумствующаго аббата кажется патологической и не художественной, своего рода анекдотомъ во французскомъ вкусѣ. Нужно связать частный случай съ множествомъ различныхъ, но по существу однородныхъ явленій, чтобы получилась серьезная оцѣнка жизни. Такъ это и дѣлаетъ Мопассанъ въ „Une Vie“, гдѣ происшествія въ родѣ „Saut du berger“ становятся важными, нужными и понятными эпизодами. Тоскливо сентиментальная картинка „Un soir de printemps“, болѣе драматичная „La Veillée“ — избитый во французской беллетристичѣй рассказъ о томъ, какъ послѣ смерти „святой женщины“ находятъ компрометирующія ее письма, — и другіе тоже, за немногими исключеніями, вошли въ „Une Vie“. Для этого, быть можетъ, лучшаго изъ своихъ романовъ Мопассанъ дѣлалъ болѣе всего этюдовъ, какъ художникъ для любимой и наиболѣе обдуманной изъ своихъ картинъ.

Въ сборникѣ „Père Milon“ есть вмѣстѣ съ эпизодическими очерками изъ позднѣйшихъ повѣстей и совершенно самостоятельные, впервые напечатанные рассказы. Объ нихъ можно въ общемъ сказать, что они вполне въ духѣ Мопассана, но не могутъ быть отнесены къ его глубокимъ произведеніямъ. Есть нѣсколько Мопассановъ: есть Мопассанъ натуралистической школы—обличитель крестьянской грубости и жадности, есть Мопассанъ—бытописатель праздної парижской mondaine съ ея малосложными, хотя и разнообразными трагикомическими сердечными тревогами. Но есть Мопассанъ иной—провидецъ грусти, таящейся въ процессѣ жизни, психологъ, для котораго скорбь человѣка—единственный залогъ его духовнаго совершенствованія. Онъ не судитъ и не жалѣетъ людей, а раскрываетъ источники страданій во всемъ, къ чему безотчетно влекутъ чувства и желанія. Таковыиъ Мопассанъ является въ „Solitude“, въ „Sur l'Eau“.

Рассказы „Père Milon“ и другіе въ сборникѣ принадлежать пре-

имущественно къ первымъ двумъ категоріямъ, варьируя знакомыя темы о безсердечіи французскаго мужика, о фривольности парижской дамы. Очень сгущены краски въ разсказъ „Aveugle“. Слепной юноша становится жертвой не только своей семьи, которая мститъ ему безжалостнымъ преслѣдованіемъ за его неспособность къ работѣ, но и всей деревни, сдѣлавшей изъ его безпомощности источникъ неистощимой забавы. Въ часъ обѣда всѣ сосѣди собираются смотрѣть, какъ у миски слѣпного устраивается копка и безнаказанно отнимаетъ у него почти всю его скудную пищу. Всѣ въ домѣ — хозяйка и работники — потѣшаются тѣмъ, что осыпаютъ несчастнаго пощечинами; это называется у нихъ „le jeu des claques“. Слепной юноша всегда ожидаетъ нападеній и ходитъ, вытянувъ передъ собой руки и моргая глазами. Это почему-то кажется всѣмъ необычайно смѣшнымъ. Наконецъ онъ замерзаетъ на большой дорогѣ — его отвезли туда и оставили просить милостыню, не позаботясь о томъ, какъ ему вернуться изъ незнакомаго мѣста. Во всемъ разсказѣ чувствуется тенденціозная преувеличенность: онъ относится къ обличительной литературѣ, которая видитъ зло во вѣншемъ нарушеніи элементарныхъ правилъ гуманности. Мопассанъ умѣлъ подниматься выше близорукой морали и отличать роковое зло и тамъ, гдѣ оно радится добромъ и возбуждаетъ въ людяхъ сочувствіе. Поэтому такіе разсказы, какъ Aveugle, характерны лишь для исторіи его развитія. Это ступень, на которой онъ стоялъ — недолго впрочемъ — и по которой поднялся вверхъ, отъ обличенія нравовъ къ пониманію жизни.

Такая же пройденная ступень въ его творчествѣ — разсказы о коварныхъ и легкомысленныхъ женщинахъ. Ихъ нѣсколько въ сборникѣ. Одинъ изъ нихъ — Le Gateau, написанъ съ шаловливымъ юморомъ; но его могъ бы написать — Катюль Мендесъ. Молодая красивая женщина постепенно увядаетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается и кругъ ея поклонниковъ. Этому нисколько не удивительному и малоинтересному событію приданъ для пикантности юмористическій оттънокъ. На журфиксахъ красавицы установилась традиція: когда къ чаю подавали пирожное, то разрѣзывать его на куски полагалось всегда избраннику хозяйки. Чести „de souper la brioche“ добивались всѣ посетители, и когда происходила смѣна фаворитовъ, и хозяйка какъ бы не вначай обращалась къ кому-нибудь другому съ просьбой разрѣзать пирогъ, то это становилось событіемъ. Имъ интересовались не только въ салонѣ хозяйки, но и въ кабинетѣ хозяина, гдѣ собирались болѣе серьезные и солидные гости для разговоровъ о сельскомъ хозяйствѣ. Съ годами „привилегія пирога“ все долѣе сосредоточивалась въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ и все меньше являлось охотниковъ оспаривать честь. Случайно въ салонѣ уже увядшей красавицы

попалъ молодой человекъ. Внесли пирогъ къ чаю—и хозяйка съ привѣтливой улыбкой передала новому гостю ножъ для разрѣзыванія. Юноша съ готовностью взялся за порученную ему обязанность, не замѣчая всеобщаго изумленія. На слѣдующемъ журфиксѣ, однако, онъ былъ въ роковую минуту въ кабинетѣ хозяйна дома и настойчиво говорилъ съ нимъ о сельскомъ хозяйствѣ. Напрасно явилась въ кабинетъ хозяйка, призывая его къ исполненію его обязанности. Онъ былъ такъ увлеченъ сельско-хозяйственными интересами, что хозяйинъ дома почувствовалъ къ нему симпатію. Онъ деликатно замѣтилъ женѣ, что она прервала ихъ поучительную бесѣду. Бывшая побѣдительница вышла изъ кабинета—съ пирогомъ въ рукахъ—, и никто съ тѣхъ поръ не разрѣзывалъ пирога въ дни пріемовъ *м-ше Ансеръ*. Въ томъ же легкомысленно обличительномъ тонѣ выдержанъ рассказъ о женскомъ коварствѣ въ „*Rouerie*“; въ „*Clair de Lune*“ подобный же сюжетъ подернутъ слоемъ сентиментальности, которая дѣлаетъ его нестерпимо фальшивымъ. Двѣ сестры встрѣчаются послѣ продолжительной разлуки. Одна замѣчаетъ у другой прядь преждевременно посѣдѣвшихъ волосъ. „*Qu'as tu?*“—спрашиваетъ она. Отвѣтъ: „*J'ai... j'ai un amant*“. И за этимъ слѣдуетъ признаніе въ пошловатомъ увлеченіи.

Одинъ рассказъ въ сборникѣ принадлежитъ къ болѣе тонкимъ психологическимъ этюдамъ Мопассана. Онъ озаглавленъ „*Une passion*“, и написанъ на вопросъ о нравахъ страсти. Конечно, Мопассанъ не морализируетъ и не дѣлаетъ никакихъ практическихъ правоучительныхъ выводовъ изъ рассказанныхъ событій: Но вопросъ освѣщенъ очень ярко, и безвыходность положенія, созданная безъ чьей-либо вины, является сама по себѣ грустнымъ отвѣтомъ на поставленный вопросъ. Страсть, какъ законъ жизни, даже если она смѣла, беззавѣтна и цѣльна, источникъ рабства, и покоряя своей силой другихъ, уродуетъ самую жизнь. Героиня сжатаго рассказа всѣмъ пожертвовала для любимаго человека—мужемъ, дѣтьми, положеніемъ въ свѣтѣ,—и она вполне убѣждена, что купила себѣ этими жертвами право навсегда располагать душой и жизнью своего избранника. Но онъ ее не любитъ, и не любилъ, когда поддался ея бурному чувству—признаться въ этомъ онъ не можетъ, изъ уваженія къ женщинѣ, принесшей ему столь великую и столь ненужную жертву. Онъ надѣется на то, что обстоятельства жизни создадутъ возможность освободиться отъ невыносимой тяжести чужой страсти. Его полкъ перемѣщенъ—и онъ въ восторгѣ. Но она приходитъ къ нему и въ упоеніи сообщаетъ, что рѣшилась принести величайшую жертву. Она бросаетъ семью и слѣдуетъ за своимъ возлюбленнымъ. Напрасны всѣ его увѣщанія: „мы любимъ другъ друга—и что за дѣло до остальныхъ!..“ Наконецъ выведенный изъ себя, онъ говоритъ ей правду. „Пора перестать лю-

бить меня противъ моей воли". Она отравляется, чуть не умираетъ, и всѣ—даже военное начальство несчастной жертвы чужой любви—осуждаютъ его поведение, убѣждаютъ его сжалиться. Разыгрываются чувствительныя сцены, и борясь съ внутреннимъ негодованіемъ, несчастный увѣряетъ больную женщину, что любить ее, что изъ-за нея дрался на дуэли съ однимъ товарищемъ. Она счастлива, болѣзнь ея принимаетъ благопріятный оборотъ, и шесть недѣль послѣ его отъѣзда, она пріѣзжаетъ къ нему постарѣвшая, неузнаваемая—и еще болѣе влюбленная. Онъ долженъ выйти въ отставку,—строгіе нравы полка не позволяютъ вольнаго союза,—хотя прежде самъ же полковникъ возмущался безжалостнымъ отношеніемъ къ умиравшей отъ любви женщинѣ, Проходятъ три года ихъ совмѣстной жизни. Ренальди—такъ зовутъ жертву любви—покорился судьбѣ, побѣжденный ею, и привыкъ къ неослабѣвающей страсти своей совершенно посядѣвшей подруги. Онъ смотрѣлъ на себя какъ на человѣка совершенно погибшаго, утонувшаго, лишеннаго всякой надежды сдѣлать карьеру, всякихъ видовъ на возможныя радости въ жизни. Вдругъ на его горизонтѣ мелькнула надежда. Явился мужъ его подруги, объясняя ему, что нужно уговорить его бывшую жену вернуться домой—хоть на время, изъ-за дочерей, которыхъ иначе нельзя выдать замужъ. Обрадованный Ренальди видитъ спасеніе въ этомъ планѣ. Онъ вызываетъ свою подругу и вмѣстѣ съ ея мужемъ начинаетъ убѣждать ее вернуться домой. „Подумай о твоихъ дочеряхъ“, говоритъ ей прежній мужъ, обращаясь къ ней по прежней привычкѣ на ты. Но она съ глубокимъ презрѣніемъ смотритъ на обоихъ мужчинъ, молящихъ ее объ одномъ и томъ же, и убѣгаетъ изъ комнаты съ возгласомъ: „Вы оба негодяи“. — Оставшись наединѣ, они взглянули другъ на друга, совершенно уничтоженные. М-г Пуансо поднялъ шляпу, упавшую около него на полъ, почистилъ рукой колѣна, заплывшіяся, когда онъ стоялъ на колѣняхъ передъ своей бывшей женой. Онъ сдѣлалъ отчаянный жестъ рукой, и прощаясь у дверей съ Ренальди, сказалъ: „мы оба очень несчастны, г. Ренальди“. Трудно представить съ большей простотой и драматической сжатостью опустошеніе, создаваемое страстью, которая, будучи сама отрицаніемъ свободы, уничтожаетъ свободу и вокругъ себя.

Слѣдуетъ отмѣтить еще первый рассказъ сборника „Père Milon“, относящійся къ типу патріотическихъ рассказовъ Мопассана о столкновеніи пруссаковъ съ живымъ національнымъ чувствомъ, столь сильно развитымъ во французскомъ народѣ. Даже жадный и грубый крестьянинъ становится героемъ, когда въ его домѣ поселяются пруссаки, убиваетъ враговъ совершенно хладнокровно и оскорбляетъ нѣмецкаго полковника, зная, что это поведетъ къ немедленной казни.

III.

August Strindberg. Legenden. Dresden, 1899. Стр. 236.

Нѣтъ писателя, у котораго бы жизнь и литературное творчество были такъ тѣсно связаны, какъ у знаменитаго шведскаго романиста и драматурга—Августа Стриндберга. Всѣ его произведенія носятъ столь яркую индивидуалистическую окраску, что кажутся какъ бы духовной исповѣдью автора, привыкшаго жить вслухъ и повѣдывать міру о всѣхъ своихъ ошибкахъ, испытаніяхъ и нравственныхъ рѣшеніяхъ. Въ искренности и страстности его исповѣдей—подчасъ чрезвычайно злыхъ и человѣконенавистническихъ—главное достоинство шведскаго романиста. Его романы и повѣсти составляютъ въ общей сложности своеобразную исторію „сына вѣка“, безконечно болѣе искреннюю и мучительную, чѣмъ сентиментально манерная, искусственная исповѣдь самолюбиваго *enfant du siècle* — Мюссэ. Какъ психологическій документъ, духовная біографія Стриндберга, изложенная въ его книгахъ, имѣетъ чрезвычайно важное значеніе. Онъ прошелъ рядъ состояній духа, типичныхъ для современнаго человѣка. Былъ у него періодъ романтизма, когда властные запросы страстей казались закономъ жизни. Это—періодъ то боготворенія женщины, то страстнаго ея осужденія изъ ревности. Тогда были написаны „Исповѣдь безумца“, новеллы изъ семейной жизни, полу-юмористическія, полу-грустныя, нѣкоторыя драмы, „*Fraülein Julie*“ и другіе. Слѣдующій періодъ въ жизни и творчествѣ Стриндберга болѣе мрачный. Разочарованный въ людяхъ, считая ихъ неспособными къ свободѣ (въ періодъ романтизма Стриндбергъ былъ также радикаломъ въ политикѣ и поборникомъ гражданской свободы), Стриндбергъ выработалъ строго индивидуалистическое міросозерцаніе. Это—самая свѣтлая и плодотворная пора его творчества. Изображая свою собственную психологію въ лицѣ своего героя, д-ра Акселя Борга, Стриндбергъ горячо отстаивалъ возможность нравственнаго совершенствованія путемъ самоуглубленія; онъ требовалъ отъ человѣка, искренно стремящагося къ добру, чтобы онъ подавлялъ въ себѣ все инстинктивное, и развивалъ индивидуальныя наклонности, чтобы путемъ просвѣтленнаго сознанія онъ сталъ личностью, живущей внѣ вліянія массовыхъ инстинктовъ, интересовъ и желаній. Индивидуалистическая теорія очень сильно и художественно воплощена Стриндбергомъ,—это то, что онъ создалъ положительнаго въ литературѣ. Къ проповѣди индивидуализма относится и объективное творчество Стриндберга—его драмы, создавшія ему громкое европейское имя.

Все остальное въ произведеніяхъ Стриндберга имѣеть разрушительный характеръ — и въ художественномъ отношеніи стоитъ несравненно ниже. Уже обличенія женщины въ „Исповѣди безумца“ производили скорѣе отталкивающее впечатлѣніе своей фанатической слѣпотой. Съ годами же у Стриндберга разумный разладъ со вкусами толпы превратился въ глухую ненависть къ людямъ; философскій скептицизмъ привелъ его къ отрицанію смысла жизни, къ безысходному пессимизму. Это было реакціей противъ его бодрого индивидуализма, реакціей чисто болѣзненной. Къ чему она привела, мы ясно видимъ изъ его новой книги—„Legenden“.

Нельзя будетъ въ послѣдствіи говорить о Стриндбергѣ, не принимая во вниманія этой его книги — свидѣтельствующей о новомъ, какъ будто бы заключительномъ фазисѣ его душевной драмы. Художественнаго интереса „Legenden“ не представляютъ. Подъ этимъ неподходящимъ заглавіемъ собраны записи человѣка явно больного, серьезно рассказывающаго о томъ, какъ враги преслѣдуютъ его повсюду, не давая покоя стуками и шумомъ, и какъ онъ спасается только при помощи охраняющихъ его духовъ. Все это рассказывается не въ видѣ сказки, не въ видѣ символическаго происшествія, а какъ факты, подтверждающіе общеніе съ міромъ незримыхъ духовъ. Чтобы убѣдить читателя въ достовѣрности своихъ показаній, Стриндбергъ приводитъ еще множество другихъ фактовъ—о своихъ пріятеляхъ, изъ которыхъ одинъ при жизни превратился въ явно разлагающійся трупъ, другой исправился отъ привычки пить много вина и курить тѣмъ, что „кто-то“ постоянно толкалъ его руку, такъ что сигара и стаканы вина падали и т. п. Эти рассказы о неизвѣстныхъ друзьяхъ Стриндбергъ считаетъ весьма убѣдительными; но, очевидно, читатель не можетъ отнести къ нимъ болѣе серьезно, чѣмъ къ „чертовщинѣ“ самыхъ заурядныхъ спиритовъ.

Интересна въ книгѣ Стриндберга не чертовщина, на которой успокоился прежній непримиримый скептикъ, а путь, приведшій его къ самому жалкому изъ компромиссовъ. Въ „Legenden“ обращаетъ на себя вниманіе все, что характерно для общаго настроенія умовъ. Себя, т.-е. героя повѣствованія, Стриндбергъ выставляетъ трагической жертвой судьбы. Ненавидимый всѣми—за то, что онъ совращалъ молодежь въ свое ученіе о безнадежности—онъ принужденъ жить въ непріятельской атмосферѣ и вѣчно остерегаться козней враговъ. Въ этомъ положеніи человѣка, поставившаго законы личности выше нуждъ общества, есть несомнѣнная психологическая правда. Болѣзненная фантазія художника только придала этой правдѣ чудовищную форму матеріальнаго преслѣдованія.

Есть правда и въ той картинѣ современности, которую рисуетъ

Стриндбергъ. „Грустная и безплодная тишина наступила въ жизни университета (описывается одинъ шведскій, университетскій городъ— типичный и для, всѣхъ другихъ въ Швеции и въ ея). Ни одной обновляющей идеи, никакого броженія, никакого движенія впередъ. Естественныя науки отказались отъ теоріи эволюціи и очутились на канути банкротства и смерти. Молодежь ждетъ новаго, не давая себѣ яснаго отчета въ томъ, чего она собственно хочетъ. Ей нужна новизна во что бы то ни стало; она согласна на все, лишь бы не возвращаться съ поканіемъ назадъ. Впередъ къ невѣдомому, все равно, въ чемъ бы оно ни состояло. Возвратъ къ божественному принимается, но пониманіе божественнаго должно стать другимъ, болѣе широкимъ и современнымъ, свободнымъ отъ предрасудковъ, проникнутымъ радостью жизни... Прошла пора экспериментальнаго духа, эксперименты дали отрицательные выводы. Тѣмъ лучше для людей будущихъ поколѣній; они извлекутъ пользу изъ нашего пораженія, изъ нашей безсильной борьбы противъ высшихъ силъ“.

Пессимистически настроенный Стриндбергъ преувеличиваетъ очевидно банкротство науки. Нелѣпа и проповѣдь вѣры въ его незримыхъ духовъ. Но онъ правъ, говоря о жаднѣ духовнаго обновленія. Онъ самъ въ „Legenden“ одинъ изъ жаждущихъ, попавшій на ложный путь суевѣрія. Ясно, что это уклоненіе имѣетъ чисто физическія причины— тяжкій нервный недугъ, сказывающійся въ маніи преслѣдованія, въ боязни пространства и въ галлюцинаціяхъ. У Стриндберга хватило силы на разрушеніе. Онъ былъ силенъ въ своемъ разочарованіи, силенъ пока уходилъ отъ людей и воспитывалъ въ себѣ одинокую и сильную индивидуальность; создать же метафизическое ученіе для опоры индивидуалистической этики онъ не смогъ. Утративъ почву подъ ногами, ужаснувшись пропасти, созданной его скептицизмомъ, онъ рѣшился увѣровать— во что бы то ни стало. Болѣзненное воображеніе помогло ему исполнить намѣреніе— и онъ сталъ увѣжденнымъ ученикомъ Алланъ-Кардека, Блаватской и разныхъ спиритовъ и оккультистовъ. Любопытная судьба пытливаго духа, не выдержавшаго тяжести сложныхъ задачъ вѣка.

Въ болѣзненномъ увлеченіи Стриндберга ученіемъ о духахъ есть этическая сторона. Если онъ отказался отъ „единовластиа воли“, если отдалъ свою строго воспитанную индивидуальность во власть духовъ,— то побудительной причиной для этого было желаніе жить въ правдѣ“ и неумѣніе справиться съ своими инстинктами. Привлекая на помощь „Арханы“ Сведенборга, онъ увѣровалъ въ „Zuchtgeister“, духовъ воспитателей, которые содѣйствуютъ развитію и совершенствованію человѣка, его приближенію къ идеалу. Они караютъ за грѣхи и проступки разными тягостными ощущеніями, мѣшаютъ исполненію

не хорошихъ поступковъ, предупреждаютъ зло и т. д. Всегда, когда духи устраивали ему какія-нибудь неприятности, Стриндбергъ зналъ, что стоитъ ему удержаться отъ какаго-нибудь предполагаемаго дѣйствія, чтобы прекратились преслѣдованія. Въ такомъ, въ сущности, невинномъ видѣ духи Стриндберга являются знаками естественныхъ влеченій души. Съ другой стороны, они удовлетворяютъ его жаждѣ таинственнаго. Наивность Стриндберга—въ томъ, что онъ ищетъ тайну въ нарушеніи физическихъ законовъ, хотя гораздо таинственнѣе сами физическіе законы—и все, что происходитъ не въ сферѣ явленій, а въ душевномъ мірѣ человѣка.—З. В.



НЕКРОЛОГЪ.

АЛЕКСАНДРЪ ДМИТРИЕВИЧЪ ПОВАЛИШИНЪ

† 17-го іюля 1899 года.

17-го іюля 1899 года Рязань понесла тяжелую утрату: умеръ Александръ Дмитріевичъ Повалишинъ. Съ именемъ его тѣсно связано почти все, что было сдѣлано дѣльнаго, успѣшнаго въ мѣстной земской, общественной и городской жизни въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, благодаря искреннему убѣжденному труду которыхъ современная намъ Россія,—Россія, какою она стала послѣ великихъ реформъ царствованія императора Александра II, стала отличною отъ того, чѣмъ она была до того времени, и которые сами стали возможны у насъ благодаря этимъ реформамъ. Рожденный въ коренной рязанской дворянской семьѣ въ 1844 году, Александръ Дмитріевичъ получилъ первое образованіе въ рязанской губернской гимназій и былъ въ числѣ воспитанниковъ Александровскаго дворянскаго заведенія. Отсюда по окончаніи курса гимназій и существовавшихъ въ то время при ней таксаторскихъ классовъ онъ перешелъ въ с.-петербургскій университетъ, въ которомъ и окончилъ курсъ юридическаго факультета въ 1868 году. Вся остальная его жизнь прошла въ Рязани, общественнымъ нуждамъ которой была посвящена вся его дѣятельность, такъ что его можно назвать рязанцемъ по преимуществу. И дѣятельность эта была рѣдкая по силѣ и энергіи труда, по качеству произведенной работы. Работалъ ли онъ въ качествѣ члена нашей молодой адвокатуры, однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей которой онъ сталъ тотчасъ по вступленіи своемъ въ сословіе почти прямо съ университетской скамьи, въ такое время, когда нашъ обновленный судъ впервые знакомилъ населеніе съ приемами правосудія; въ качествѣ ли гласнаго земскихъ собраній, энергическаго участника въ коллективныхъ усиліяхъ лучшихъ представителей населенія создать лучшія условія общественной жизни; въ качествѣ ли управляющаго рязанскимъ отдѣленіемъ дворянскаго и крестьянскаго банковъ, должность, которую онъ занялъ по выходѣ изъ сословія при-

сѣжныхъ повѣренныхъ въ 1890 году: вездѣ тотъ же упорный продуманный трудъ, поглощавшій всю душу человѣка, сопровождалъ его обильную результатами дѣятельность. Съ 10-лѣтняго возраста начался этотъ трудъ; съ 14-лѣтняго онъ уже долженъ былъ давать средства для матеріальной поддержки семьи, съ 26-лѣтняго, при благопріятныхъ условіяхъ ранняго брака, трудъ этотъ рано окончательно установился, принявъ трезвое дѣловое направленіе и окончился лишь за нѣсколько минутъ до послѣдняго кровоизліанія, положившаго конецъ и работѣ, и жизни этого человѣка. Представить себѣ Александра Дмитріевича безъ работы было рѣшительно невозможно.

Главная часть этой работы была посвящена земству и его интересамъ, среди дѣятелей котораго въ рязанской губерніи Александру Дмитріевичу принадлежитъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Немногіе гласные теперешняго рязанскаго губернскаго земскаго собранія помнятъ, какъ Повалишинъ въ первый разъ, поступивъ въ 1874 г. въ составъ этого собранія, сидѣлъ цѣлое трехлѣтіе молча, прислушиваясь къ происходившимъ преніямъ, мастерски излагая ихъ ходъ въ тѣ многочисленныя засѣданія, когда ему случалось быть секретаремъ собранія, всегда твердо, рѣшительно подавая голосъ, но рѣдко, почти никогда не высказываясь, и какъ затѣмъ, когда, наконецъ, нѣмой гласный заговорилъ, его сразу же пришлось признать однимъ изъ лучшихъ знатоковъ земскаго дѣла въ губерніи, ставшимъ своро единственнымъ въ этомъ отношеніи, съ которымъ почти спорить не приходилось, ибо всякій вопросъ послѣ рѣчи Повалишина оказывался настолько выясненнымъ, что оставалось только голосовать его. Можно сказать, что съ тѣхъ поръ было мало вопросовъ въ губерніи и, если не ошибаюсь, ни одного въ рязанскомъ уѣздѣ, къ которому принадлежалъ покойный, которые бы получали постановку безъ его дѣятельнаго участія. Послѣ преобразования земскихъ учрежденій по положенію 1890 г., Александръ Дмитріевичъ былъ избранъ членомъ въ губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіе, въ которомъ и оставался до смерти. Земская дѣятельность его прерывалась только разъ въ 1877 г., когда, по случаю войны, онъ принялъ участіе въ занятіяхъ Краснаго Креста въ качествѣ секретаря главноуполномоченнаго въ тылу арміи, когда онъ на короткое время бросилъ и свои, и земскія дѣла.

Среди своихъ обычныхъ занятій Александръ Дмитріевичъ Повалишинъ не мало писалъ и много работалъ надъ архивнымъ матеріаломъ по выясненію различныхъ вопросовъ нашей общественной жизни. По самому складу ума, вдумчиваго и пытливаго, наклоннаго къ обобщеніямъ, его должно было тянуть къ занятіямъ научнаго характера,

по вопросамъ, на которые наталкивала его мысль дѣйствительность, и въ самомъ дѣлѣ онъ отдавалъ такимъ занятіямъ почти все свое свободное время. Въ печати въ разное время появилось нѣсколько изъ его трудовъ: всѣ они посвящены вопросамъ, имѣющимъ связь съ земскою жизнью. Упомянемъ его трудъ надъ архивнымъ матеріаломъ по удовлетворенію земскихъ нуждъ въ до-реформенное время; два выпуска этой работы напечатаны подъ заглавіемъ: „Опытъ разработки матеріаловъ для исторіи рязанскаго губернскаго земства“, составленный по порученію рязанскаго губернскаго земскаго собранія, „Сводъ дѣйствующихъ постановленій рязанскаго губернскаго земскаго собранія“ съ 4 дополненіями къ нему и „Обозрѣніе двадцатипятилѣтней дѣятельности земства рязанской губерніи“, изъ которыхъ „Сводъ“ даетъ практически совершенно необходимую книгу такого достоинства, какою, насколько мнѣ извѣстно, не располагаетъ ни одна губернія. „Обозрѣніе“ же содержитъ много очень цѣннаго матеріала для сопоставленія того, что дѣлалось по различнымъ отраслямъ земскаго хозяйства въ рязанской губерніи до введенія земскихъ учрежденій и что сдѣлано земствомъ.

Послѣдніе годы своей жизни Александръ Дмитриевичъ былъ занятъ обширнымъ изслѣдованіемъ по матеріаламъ рязанскаго архива надъ условіями вѣрнопостного быта въ рязанской губерніи въ концѣ прошлаго и началъ нынѣшняго вѣка. Трудъ этотъ, на который покойный затратилъ досуги не менѣе 10 лѣтъ, напечатанъ только отчасти подъ разными заглавіями въ „Трудахъ рязанской ученой архивной коммиссіи“, прекрасное изданіе которой много обязано ему своимъ оживленіемъ. Въ связи съ этимъ трудомъ, которому покойный придавалъ большое значеніе, въ разное время были напечатаны рядъ отдѣльныхъ изслѣдованій, какъ, напр.: „о роли рязанскаго дворянства въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ“ и другіе. Покойный занимался этими работами съ увлеченіемъ, почти со страстью, которая, казалось, съ годами становилась все сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ становилось труднѣе проводить желанныя идеалы въ жизнь; неудовлетворенная мысль точно искала утѣшенія въ вѣчныхъ законахъ исторіи, если не измѣнявшихъ, то объяснявшихъ дѣйствительность. Дай Богъ, чтобы такіе люди на Руси не переводились.

Рязань, іюль 1899.

Князь Н. С. Волконскій.



ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 сентября 1899.

Можно ли назвать Россію „страною личнаго почина по преимуществу“?—Значеніе свободной инициативы въ основаніи и дѣятельности обществъ.—Московскія юридическія общества—прежнее и вновь проектируемое.—Общедоступные систематическіе курсы.—Практическія занятія студентовъ и студенческіе научные и литературные кружки.—Дискреціонная власть и печать.—Отвѣтъ на возраженія.

Намъ случилось недавно прочесть въ одной изъ столичныхъ газетъ слѣдующія удивительныя слова: „Россія—страна личнаго почина по преимуществу во всѣхъ отрасляхъ ея бытія“... Въ какой степени способенъ и склоненъ къ личному почину русскій человѣкъ, представленный самому себѣ—это вопросъ спорный и сложный. Не подлежитъ сомнѣнію только одно: для почина нужна свобода дѣйствій, которая, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, на русской почвѣ не существуетъ вовсе или подвергается самымъ серьезнымъ ограниченіямъ. Въ особенности велики эти ограниченія въ сферѣ умственной жизни. Было время, когда они постепенно, хотя и медленно, уменьшались; теперь замѣтно обратное движеніе. Возьмемъ, для примѣра, такую область, въ которой все зависитъ отъ личнаго почина—область совмѣстной работы, совершаемой учеными, литературными, благотворительными обществами. Мысль объ устройствѣ общества зарождается въ головѣ одного или немногихъ лицъ и осуществляется ихъ усиліями. Дальнѣйшая дѣятельность общества требуетъ постоянного, добровольнаго труда, нигдѣ не предписываемаго, внушаемаго исключительно интересомъ къ излюбленнымъ задачамъ. Замѣнить эту дѣятельность другою можетъ, съ шансами успѣха, опять-таки только личный починъ, свободный и непринужденный. Каждое общество, успѣвшее пустить корни и принести плоды, соединяетъ въ себѣ и вокругъ себя большее или меньшее количество живыхъ силъ, служащихъ залогомъ его развитія и преуспѣянія. Внезапно разъединенныя, эти силы лишаются того импульса къ личному почину, который давало имъ именно ихъ соединеніе. Происходящая отсюда потеря трудно вознагражима, въ особенности въ Россіи, гдѣ еще мало людей, готовыхъ работать на общую пользу. Прошло почти двадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ было закрыто, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія (гр. Д. А. Толстого), существовавшее въ Петербургѣ педагогическое общество, и образовавшійся такимъ образомъ

пробѣль до сихъ поръ остается не совсѣмъ восполненнымъ ¹⁾. Что учрежденныя въ 1896 г. общества грамотности (петербургское и московское) не замѣнили собой закрытыхъ тогда же комитетовъ грамотности—это слишкомъ хорошо извѣстно. Совершенно понятно, въ виду этихъ примѣровъ, тяжелое впечатлѣніе, произведенное упомянутымъ въ нашей предыдущей хроникѣ закрытіемъ московскаго юридическаго общества, по распоряженію министра народнаго просвѣщенія. Остановимся, прежде всего, на формальной сторонѣ этого распоряженія. Въ уставѣ общества, утвержденномъ министромъ народнаго просвѣщенія 16 октября 1871 и 20 октября 1883 г. (въ замѣнъ перваго устава, утвержденного 17 февраля 1865 г.), ничего не говорится о порядкѣ его закрытія, регулируемомъ, слѣдовательно, общими постановленіями по этому предмету. Въ пун. 12 ст. 26 т. I св. зак. учрежд. комит. министровъ, перечисляющей дѣла, „въ особенности подлежащія разсмотрѣнію комитета“, упомянуты дѣла *о воспрещеніи сообществъ*, съ ссылкой на ст. 118 уст. о пред. и пресѣч. прест. (изд. 1890 г.), а пун. 3-ій этой послѣдней статьи запрещаетъ, въ числѣ другихъ „противозаконныхъ сообществъ“, „всѣ тѣ общества, которыя по исходайствованію надлежащаго на оныя разрѣшенія, уклонятся отъ дѣли ихъ учрежденія, или стануть прикрывать благовидными дѣйствіями такое направленіе, которое въ какомъ-либо отношеніи вредно для государственнаго благоустройства или общественной нравственности“. Изъ сопоставленія этихъ узаконеній съ примѣчаніемъ къ ст. 177 Учрежденія Министерствъ („подробное означеніе дѣлъ, вносимыхъ министрами и главноуправляющими на Высочайшее разрѣшеніе чрезъ Комитетъ Министровъ, находится въ учрежденіи сего Комитета“) слѣдуетъ, какъ намъ кажется, заключить, что закрытіе московскаго юридическаго общества могло воспослѣдовать только на основаніи Высочайше утвержденного положенія комитета министровъ. *Мотивы* закрытія общества официально не оглашены; они указаны только въ чередовой статьѣ, которою „Московскія Вѣдомости“ (№ 190) „привѣтствовали“ распоряженіе министра—но такъ какъ опроверженія этой статьи до сихъ поръ не появлялось, то приходится признать, что она болѣе или менѣе соответствуетъ дѣйствительности. „Рядомъ съ почтенною и плодотворною дѣятельностью юридическаго общества,—такъ выражается московская газета,—въ это общество давно уже, къ сожалѣнію, проникли совершенно чуждыя науцѣ тенденціозныя политическія направленія, систематически поддерживавшія въ его членахъ, а черезъ нихъ и въ общественныхъ сферахъ, духъ оппозиціи

¹⁾ Учрежденное въ 1893 г. педагогическое общество взаимной помощи преслѣдуетъ, отчасти, другія дѣли и не играетъ той роли, которая принадлежала преждему педагогическому обществу.

правительству и недовольство неудобными известными проявлениями правительственной власти. Это вредное направление общества, неоднократно проявлявшееся уже в прежнее время, обнаружилось еще недавно, когда, на посвященном Пушкину торжественномъ зазданіи совѣта императорскаго московскаго университета и общества любителей російской словесности, въ стѣнахъ старѣйшаго университета, юридическое общество фигурировало съ своимъ хлесткимъ адресомъ, прочитаннымъ самимъ предсѣдателемъ, С. А. Муромцевымъ, торжествуя какую-то побѣду, одержанную русскою личностью надъ *рутиною властной опеки*“. Единственнымъ *фактомъ*, прямо указаннымъ въ статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей“, является, такимъ образомъ, адресъ юридическаго общества по поводу пушкинскихъ празднествъ—адресъ, напечатанный въ двухъ московскихъ газетахъ (изъ которыхъ одна издается подъ *предварительной* цензурой). Чтобы составить себѣ правильное понятіе о значеніи и смыслѣ этого адреса, необходимо воспроизвести его буквально, а не ограничиваться, какъ сдѣлали „Московскія Вѣдомости“, одной фразой, выдернутой изъ контекста. „Московское юридическое общество,—таковы подлинныя слова адреса,— въ настоящій торжественный день присоединяетъ свой голосъ къ общему хору привѣтствій. Въ исторію гражданскаго развитія нашего отечества неизгладимыми чертами вписано, какъ среди общества, печально поражающаго чуткою совѣсть великаго народнаго поэта своимъ презрѣніемъ къ мысли и равнодушіемъ ко всякому долгу, справедливости и правдѣ, звучалъ героическій гимнь, посвященный красотѣ и человѣческому достоинству. Проникнувший съ юности мечтами о просвѣщенной свободѣ и законности, какъ лучшихъ опорахъ государственнаго порядка, не щадилъ поэтъ своихъ гигантскихъ усилій пробудить современную ему толпу отъ позорнаго сна, ударяя съ невѣдомою силой выстрадавшимъ стихомъ по людскимъ сердцамъ, хотя и безъ надежды найти въ нихъ немедленный откликъ своему тяжкому сердечному стону. Но этотъ стонъ былъ стономъ почуввшей свою силу русской личности. Борьба, вынесенная Пушкинымъ, была борьбой личности за независимость и свободное развитіе. Великій поэтъ былъ провозвѣстникомъ русскаго возрожденія. Празднуя нынѣ память поэта, мы торжествуемъ вмѣстѣ съ тѣмъ побѣду, одержанную русскою личностью надъ рутинною жизнью и властной опеки“. Кто прочтетъ безъ предвзятой мысли двѣ послѣднія фразы, тотъ несомнѣнно придетъ къ убѣжденію, что *побѣда*, которую онѣ чествуютъ, есть *русское возрожденіе*—а русское возрожденіе совершилось слишкомъ треть вѣка тому назадъ. „Рутину жизни и властной опеки“ сломили преобразованія шестидесятихъ годовъ; провозвѣстникомъ которыхъ С. А. Муромцевъ совершенно правильно называетъ Пушкина. Понимать эти слова иначе, относить ихъ ко вре-

мени болѣе близкому или къ настоящей минутѣ, значить идти въ разрѣвъ и съ яснымъ ихъ смысломъ, и съ фактами, свидѣтельствующими о томъ, что никакихъ новыхъ побѣдъ на долю „русской личности“, послѣ эпохи великихъ реформъ, не доставалось. Еще меньше оснований предполагать, что въ адресѣ идетъ рѣчь объ ожидаемой, *будущей* побѣдѣ; всякому, даже не учившемуся въ семинарии, известно, что *одержанная*—причастіе *прошедшаго* времени... Въ адресѣ московскаго юридическаго общества выражена, въ сущности, та же мысль, которую мы встрѣчаемъ въ рѣчи А. О. Кони, произнесенной въ торжественномъ засѣданіи академіи наукъ¹⁾. Пушкинъ „желалъ видѣть мысль—свободною, законъ—примиреннымъ съ житейскою правдою и свободою, человѣка—не рабомъ непонятнаго ему принудительнаго приказа, а слугою разумныхъ требованій общежитія“!.. Когда и въ чемъ именно, кромя адреса, прочитаннаго на пушкинскомъ празднествѣ, проявилось „вредное направленіе“ московскаго юридическаго общества—на это мы въ статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ не находимъ никакихъ указаній. Что это за „известная партія“, органомъ которой служило, будто бы, общество; какими „проявленіями правительственной власти“ оно было недовольно, какія тенденціи „систематически поддерживало“ въ своихъ членахъ—газета не объясняетъ. Мы вынуждены, поэтому, ограничиться двумя общими замѣчаніями. Изъ числа „проявленій правительственной власти“ въ кругъ занятій общества, по самому ихъ свойству, могли входить одни *законы*—а критика законовъ, не только въ деталяхъ, но и въ основныхъ чертахъ, не представляетъ собою ничего запрещеннаго или предосудительнаго. Если она разрѣшена печати, то тѣмъ болѣе она допустима въ средѣ ученаго общества, призваннаго къ „обсужденію теоретическихъ и практическихъ вопросовъ права“ (уст. моск. юрид. общ. ст. 2). Въ интересахъ самой власти желательны не только похвалы ея мѣропріятіямъ—похвалы, сплошь и рядомъ играющія роль простого эхо,—но и откровенныя указанія на ихъ недостатки. Что московское юридическое общество не выскивало однѣ лишь слабыя стороны законодательныхъ мѣръ, не посвящало себя ихъ дискредитированію во что бы то ни стало—это видно какъ изъ того, что даже „Московскія Вѣдомости“ признаютъ его дѣятельность, въ нѣкоторыхъ ея частяхъ, „полезною и плодотворною“, такъ и изъ длиннаго списка его работъ, напечатаннаго въ № 220 „Русскихъ Вѣдомостей“. Характеристичны, съ этой точки зрѣнія, самыя имена докладчиковъ, выступавшихъ въ публичныхъ засѣданіяхъ общества; мы встрѣчаемъ между ними, на примѣръ, проф. Алексѣева, Гамбарова, Звѣрева, гр. Комаровскаго, Ми-

¹⁾ См. июньскую „Книжку Недѣли“, стр. 225—6.

квашевскаго, Фортунатова, члена судебной палаты Вербловскаго, судебного слѣдователя по особенно важнымъ дѣламъ Малченко, присоветника министерства юстиціи Дриля.

Закрывая московское юридическое общество, министр народнаго просвѣщенія предоставилъ совѣту московскаго университета войти съ ходатайствомъ объ учрежденіи новаго юридическаго общества, но не иначе, какъ на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) всѣ профессора юридическаго факультета состоятъ его членами по своей должности и 2) предсѣдатели общества и его отдѣленій должны быть избираемы изъ профессоровъ юридическаго факультета и утверждаются въ должностяхъ министромъ народнаго просвѣщенія. Само собою разумѣется, что къ „привѣтствію“ по поводу закрытія стараго общества „Московскія Вѣдомости“ успѣшили присоединить „выраженіе сочувствія“ основаніямъ, на которыхъ предполагается создать новое общество—основаніямъ, которыя „слѣдовало бы сдѣлать обязательными и для всѣхъ остальныхъ университетскихъ обществъ“. Ученыхъ обществъ, состоящихъ при университетахъ, у насъ не мало, но поддержка живой связи между ними и университетами всегда, если мы не ошибаемся, предоставлялась ихъ собственному усмотрѣнію. Это вытекало изъ самаго понятія объ обществѣ, предполагающаго, какъ мы уже говорили, *добрую волю и свободу дѣйствій*. Въ составъ присутственныхъ мѣстъ, съ ихъ обязательной работой и строго очерченными функциями, члены по должности могутъ входить безъ всякаго неудобства; но едва ли можно сказать то же самое о корпораціи, принадлежность къ которой обусловливается интересомъ къ ея задачамъ и желаніемъ принять участіе въ ея трудахъ. Ни того, ни другого самый фактъ занятія должности не внушаетъ и не гарантируетъ. Для самого члена ех *officio* званіе, къ которому онъ равнодушенъ, можетъ быть только въ тягость,—а для общества такіе члены по меньшей мѣрѣ бесполезны. Или, можетъ быть, профессорамъ университета не всегда открытъ доступъ въ общества, состоящія при университетѣ? Ихъ не принимаетъ въ члены большинство, если оно не симпатизируетъ ихъ образу мыслей? По отношенію къ московскому юридическому обществу нельзя, повидимому, сказать ничего подобнаго; въ списокъ его членовъ мы видимъ почти всѣхъ настоящихъ и бывшихъ профессоровъ мѣстнаго юридическаго факультета, представляющихъ собою самыя различныя мнѣнія и направленія. Точки соприкосновенія между университетомъ и состоящимъ при немъ обществомъ вовсе, притомъ, не такъ многочисленны, чтобы отсутствіе въ послѣднемъ того или другаго изъ профессоровъ могло быть признано чѣмъ-то ненормальнымъ. Засѣданія московскаго юридическаго общества происходили въ зданіи университета; никакихъ другихъ привилегій

близость къ университету ему не доставляла ¹⁾. Объединить общество съ университетомъ можетъ только сама жизнь: обязательный выборъ председателей общества и его отдѣленій изъ среды профессоровъ установить между ними только внѣшнюю связь, бессильную создать что-либо прочное и цѣнное. Въ особенности это примѣнимо къ обществу юридическому, призваніе котораго на половину чуждо университету: на ряду съ теоретической, общество можетъ и должно вести *практическую* разработку права, которую профессора, въ большинствѣ случаевъ, не занимаютъ вовсе. Никогда нельзя предвидѣть заранѣе, какую изъ этихъ задачъ данное юридическое общество поставить на первый планъ. Въ московскомъ обществѣ преобладала теоретическая разработка юридическихъ вопросовъ и сообразно съ этимъ, безъ всякаго понужденія, въ председатели общества и состоящаго при немъ статистическаго отдѣленія постоянно избирались профессора, настоящіе или бывшіе (С. И. Баршевъ, В. Н. Лешковъ, С. А. Муромцевъ, А. И. Чупровъ). Наоборотъ, въ с.-петербургскомъ юридическомъ обществѣ господствовала практическая разработка права—и во главѣ его стоялъ восемнадцать лѣтъ сряду юристъ-практикъ, И. Н. Стояновскій (теперь одинъ изъ *двухъ* его почетныхъ членовъ), очень много потрудившійся на его пользу. Мѣсто И. И. Стояновскаго занялъ не профессоръ, а сенаторъ; не профессора стояли и стоятъ, болѣею частью, и во главѣ отдѣленій общества. Къ чему же ставить преграды естественному ходу вещей? Къ чему подводить подъ одинъ знаменатель общества одинаковыя по внѣшнему своему положенію, но существенно различныя по характеру и роду дѣятельности? Изъ числа обществъ, состоящихъ при университетахъ, общества, посвященныя точнымъ наукамъ, и теперь, безъ всякой регламентаціи, избираютъ своими руководителями преимущественно профессоровъ, потому что именно между послѣдними всего легче найти глубокихъ знатоковъ предмета. Общества, посвященныя наукамъ государственнымъ и социальнымъ, стоятъ ближе къ практической жизни—и, понятно, отводятъ болѣе видное мѣсто практическимъ дѣятелямъ... Съ обязательнымъ выборомъ профессоровъ въ председатели общества и его отдѣленій мало гармонируетъ, во всякомъ случаѣ, допущеніе ихъ къ этимъ званіямъ не иначе какъ съ утвержденія министра народнаго просвѣщенія. По справедливому замѣчанію „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (№ 209, статья г. Панкратѣева), „всякій профессоръ есть въ то же время правительственный чиновникъ. Ни одно лицо, съ самымъ богатымъ и разнообразнымъ запасомъ научныхъ свѣдѣній,

¹⁾ С.-петербургское юридическое общество, также состоящее при университетѣ съ самаго своего основанія, почти постоянно собирается въ помѣщеніи столичнаго мирового съѣзда.

не можетъ быть профессоромъ безъ утвержденія въ этой должности со стороны министерства народнаго просвѣщенія. Несмотря на это, профессора-члены могущаго возникнуть при московскомъ университетѣ юридическаго общества, избранные предсѣдателями общества или его отдѣленій, должны быть утверждены,—а, слѣдовательно, могутъ и не быть утверждены, въ этихъ должностяхъ. Повидимому, отъ профессора-должностнаго лица университетскаго юридическаго общества будетъ требоваться что-то такое, чего можетъ и не быть у профессора юридическаго факультета“...

Однимъ изъ рѣдкихъ у насъ проявленій личнаго и общественнаго почина были систематическіе курсы университетскихъ предметовъ, устроенные, въ 1897 г., въ Петербургѣ и сразу привлекшіе многочисленныхъ слушателей ¹⁾. Возобновленіе ихъ осенью 1898 г. встрѣтило непредвидѣнныя препятствія, сначала, впрочемъ, не казавшіяся непреодолимыми. Теперь, если вѣрить „Московскимъ Вѣдомостямъ“, о подобныхъ курсахъ не будетъ болѣе и рѣчи. Министерство народнаго просвѣщенія рѣшило допускать только такіе общедоступные курсы, которые имѣютъ цѣлю сообщеніе систематическихъ знаній по отдѣльнымъ предметамъ общихъ и специальныхъ *среднихъ* учебныхъ заведеній, по древнимъ и новымъ языкамъ, графическимъ искусствамъ, коммерческимъ и техническимъ предметамъ,—а также приготовленіе къ разнаго рода экзаменамъ (на первый чинъ, на вольноопредѣляющагося и т. п.). Само собою разумѣется, что къ этому рѣшенію, какъ и ко всѣмъ официальнымъ мѣропріятіямъ послѣдняго времени московская газета относится съ „сочувствіемъ“ и „благодарностью“. Это ея безспорное право; жаль только, что она мотивируетъ свои изліянія отчасти вымышленными фактами. „Затѣи въ родѣ популярныхъ чтеній и общедоступныхъ лекцій, до пресловутой University Extension включительно,—читаемъ мы въ № 203 „Московскихъ Вѣдомостей“,—въ громадномъ большинствѣ случаевъ, какъ *известно*, ни мало не соотвѣтствовали своему назначенію, за отсутствіемъ правильной системы и необходимаго контроля со стороны правительственныхъ учреждений, и, благодаря общему своему направленію и дилеттантскому характеру, вносили гораздо болѣе путаницы и смуты въ довѣрчивые, мало развитые или незрѣлые умы своихъ слушателей, нежели сообщали имъ нужныя имъ научныя свѣдѣнія“. Дальше слѣдуетъ обычный наборъ „страшныхъ“ словъ, пускаемыхъ въ оборотъ за отсутствіемъ

¹⁾ Однородныя предпріятія возникали, кажется, и въ другихъ городахъ, напр., въ Москвѣ.

серьезныхъ аргументовъ: „ядъ пропаганды“, „тенденціозные выводы“, „ложное освѣщеніе фактовъ“, „открытая проповѣдь антирелигіозныхъ или противогосударственныхъ ученій“, „публичныя каедры, *захваченныя* интеллигентными ораторами“ и т. п. Спрашивается, однако, откуда *известно* московской газетѣ все то, что она утверждаетъ съ такимъ апломбомъ? Общедоступные курсы, противъ которыхъ она возстаетъ, существовали всего одну зиму и были прекращены не потому, чтобы въ содержаніи ихъ было усмотрѣно что-либо предосудительное, а по чисто-формальной причинѣ: они были открыты педагогическимъ обществомъ взаимной помощи, уставъ котораго не заключалъ въ себѣ прямого уполномочія на ихъ устройство. Ни одна каедра не была *захвачена*; всѣ были заняты, съ вѣдома и согласія учебной администраціи—имѣвшей, слѣдовательно, и полнѣйшую возможность контроля надъ преподаваніемъ,—преподавателями высшихъ и среднихъ школъ. Гарантіи противъ „пропаганды“, противъ „проповѣди вредныхъ ученій“ были здѣсь, такимъ образомъ, отнюдь не меньше, чѣмъ въ самыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Остается, затѣмъ, только одинъ доводъ, формулируемый „Московскими Вѣдомостями“ въ слѣдующихъ словахъ: „наука, какъ и *служенье музъ, не терпитъ суеты*; отворять широко двери въ храмъ науки людямъ неспособнымъ, по своей умственной темнотѣ, переступить и начальнаго порога этого храма, значитъ не *читать*, а *оскорблять* науку“. На Западѣ почитаніе науки поискрелѣе и поглубже, чѣмъ въ средѣ нашихъ газетныхъ обскурантовъ; нѣкто, однако, не видитъ тамъ въ свободныхъ университетскихъ курсахъ оскорбленія науки. На чемъ, вдобавокъ, основано предположеніе, что слушателями общедоступныхъ курсовъ въ размѣрѣ университетскихъ программъ были бы у насъ только или преимущественно люди „умственно темные“? Гораздо вѣроятнѣе, наоборотъ, что главный контингентъ слушателей эти курсы нашли бы между лицами, получившими среднее образованіе и тѣмъ живѣе чувствующими пробѣлы своихъ свѣдѣній. „Начальный порогъ храма науки“ они переступили; почему же отказывать имъ въ возможности дальнѣйшаго шага, хотя бы и запоздалаго, хотя бы и нерѣшительнаго? Число лицъ, снабженныхъ дипломами, отъ этого бы не увеличилось; никакихъ вѣншихъ преимуществъ слушаніе общедоступныхъ курсовъ никому бы не предоставляло, единственнымъ побужденіемъ къ нему служила бы жажда знаній. Драгоценными подобныя курсы являлись бы, притомъ, не только для тѣхъ, кто видѣлъ бы въ нихъ средство пріобрѣсти болѣе или менѣе законченное высшее образованіе, но и для тѣхъ, кто хотѣлъ бы овладѣть одной наукой или группой наукъ, особенно ему необходимой. Почему бы, на примѣръ, служащему въ банкѣ или въ купеческой конторѣ не

прослушать общедоступный курсъ политической экономіи, нотаріусу—курсъ гражданскаго права, землевладѣльцу, будущему мѣстному дѣятелю—курсъ государственнаго и административнаго права? Зачѣмъ затруднять, вообще, изученіе юридическихъ наукъ, столь близко соприкасающихся съ самыми различными отраслями общественной дѣятельности, изученіе исторіи, знаніе которой столь важно для всякаго мыслящаго человѣка?... Кто боится такъ-называемаго полу-образованія, тотъ долженъ помнить, что предупредить распространеніе его совершенно невозможно: для всякаго желающаго остаются доступными книги, чтеніе которыхъ всегда можетъ замѣнить собою слушаніе курсовъ. Вся разница въ томъ, что послѣдній способъ приобрѣтенія знаній представляетъ больше гарантій противъ неправильнаго пониманія фактовъ, противъ извлеченія изъ нихъ ошибочныхъ или одностороннихъ выводовъ... Мы не теряемъ надежды, что сообщеніе „Московскихъ Вѣдомостей“ окажется преждевременнымъ или невѣрнымъ и что общедоступные курсы не будутъ ограничены предѣлами, установленными для средней школы.

На вопросъ о личномъ починѣ наводитъ насъ и самый важный изъ недавнихъ циркуляровъ министра народнаго просвѣщенія ¹⁾. Настаивая съ полнымъ основаніемъ на большемъ общеніи между профессорами и студентами, циркуляръ указываетъ два главныхъ къ тому средства: лучшую организацію практическихъ занятій и устройство научныхъ и литературныхъ студенческихъ кружковъ. Между тѣмъ и другимъ существуетъ, очевидно, весьма глубокое различіе. Практическія занятія, какъ непосредственное дополненіе къ слушанію лекцій, могутъ и должны быть обязательны для студентовъ; организація ихъ должна зависѣть всецѣло отъ профессоровъ и преподавателей, объединенныхъ въ факультетъ. Другое дѣло—студенческіе кружки: здѣсь обязательность, все равно, въ чемъ бы она ни проявлялась, могла бы только помѣшать достиженію цѣли, да и самая регламентація должна быть сведена къ минимуму, обусловливаемому требованіями надзора. Участіе въ кружкѣ, активное или пассивное, должно быть предоставлено доброй волѣ студентовъ; руководство кружкомъ можетъ быть исполнѣ успешно только тогда, когда профессоръ приметъ его на себя по своей собственной инициативѣ и по желанію или съ согласія членовъ кружка. Вышею властью руководитель кружка можетъ быть *утверждаемъ*, но едва-ли долженъ быть *назначаемъ*. Практическія занятія всего удобнѣе вести съ небольшими группами, потому что въ нихъ *долженъ* активно участвовать каждый студентъ; но для студенческаго кружка малочисленность едва-ли полезна, потому что съ ре-

¹⁾ См. выше, Внутреннее обозрѣніе.

фератами и возраженіями будутъ выступать далеко не всѣ члены кружка. Кто принадлежалъ когда-либо къ научному или литературному кружку, тотъ очень хорошо знаетъ, что работа никогда не распределяется здѣсь равномерно: одни берутъ на себя, главнымъ образомъ, постановку вопросовъ, другіе—ихъ обсужденіе, третьи ограничиваются ролью слушателей, безмолвныхъ, хотя и далеко не равнодушныхъ. Скажемъ болѣе: то же самое замѣчается даже въ ученыхъ обществахъ, члены которыхъ—всѣ болѣе или менѣе специалисты въ данной отрасли знаній. Тѣмъ менѣе можно требовать или ожидать активнаго участія отъ всѣхъ членовъ студенческаго кружка, людей молодыхъ, неопытныхъ, еще не избравшихъ опредѣленной специальности, не привыкшихъ говорить публично. Понуждать или хотя бы только побуждать ихъ къ дѣятельной работѣ въ кружкѣ, значило бы обратить кружокъ въ аудиторію, гдѣ ведутся практическія занятія—т.-е. удвоить послѣднія безъ всякой пользы для кого бы то ни было. Референты или оппоненты ихъ оффиціо ни въ комъ не возбуждали бы интереса; однажды охладѣвшее вниманіе трудно было бы оживить даже появленіемъ никѣмъ не внушенныхъ, добровольно написанныхъ докладовъ. Въ недавнемъ прошломъ петербургскаго университета есть примѣръ, достойный подражанія: это—научно-литературное студенческое общество, существовавшее въ восьмидесятыхъ годахъ и закрытое лишь вслѣдствіе недоразумѣнія. О немъ до сихъ поръ вспоминаютъ съ благодарностью бывшіе его участники—и особенно дорогою остается для нихъ имя его основателя и руководителя, покойнаго О. Э. Миллера. Въ видахъ общенія между студентами желательно существованіе именно такого центра, около котораго могли бы сходиться всѣ курсы, всѣ факультеты. Рядомъ съ нимъ осталось бы мѣсто и для множества другихъ кружковъ, болѣе или менѣе специальныхъ по своему характеру и назначенію.

Нигдѣ, быть можетъ, личный починъ не стѣсненъ у насъ въ такой степени, какъ въ области печати. Мы убѣждались въ этомъ каждый разъ, когда намъ приходилось говорить о законодательствѣ по дѣламъ печати и въ особенности о его примѣненіи въ послѣднее время. Дополнительные подтвержденія стараго тезиса приносить съ собою почти каждый мѣсяць. Къ чему сводится, на примѣръ, значеніе личнаго почина въ основаніи новаго или приобрѣтеніи уже существующаго періодическаго изданія, если возможность осуществленія его парализуется не только дискреціоннымъ правомъ отказа въ утвержденіи редакторовъ, предлагаемыхъ издателемъ, но и признаніемъ права на изданіе прекратившимся, какъ только въ такихъ бесплод-

ныхъ попыткахъ прошелъ цѣлый годъ? На этотъ вопросъ наводитъ насъ любопытное дѣло, возбужденное недавно разногласіе между сенаторами. Сущность дѣла, подробно изложенная въ „Вѣстникъ Права“ (№ 6), заключается въ томъ, что въ 1894 г. министерство внутреннихъ дѣлъ признало прекратившимся изданіе „Московской Газеты“, какъ не выходящей въ свѣтъ въ теченіе одного года. На это принесъ жалобу издатель, объясняя, что ст. 121 уст. о ценз. и печ. предусматриваетъ только такіе случаи, когда журналъ или газета не выходитъ въ свѣтъ по обстоятельствамъ, зависящимъ отъ издателя ¹⁾, а выходу „Московской Газеты“ препятствовало исключительно неутвержденіе редакторомъ ни одного изъ лицъ, которыхъ представлялъ издатель. Изъ числа сенаторовъ, разсматривавшихъ эту жалобу, одни нашли, что хотя ст. 121 и относится только къ тѣмъ причинамъ неоявленія изданія, возникновеніе которыхъ находится внѣ зависимости отъ министра внутреннихъ дѣлъ, но именно таковая причина и имѣется налицо въ данномъ случаѣ: пользованіе дискреціонною властью всегда предполагается основательнымъ и, слѣдовательно, неутвержденіе редакторомъ ни одного изъ лицъ, представленныхъ со стороны издателя, свидѣтельствуетъ о томъ, что ни одно изъ нихъ не обладало необходимыми для этого званія качествами. Иными словами, виноватъ издатель, неосмотрительно выбиравшій кандидатовъ въ редакторы. Другіе сенаторы пришли къ заключенію, что такъ какъ наличность редактора — необходимое условіе для выхода въ свѣтъ журнала или газеты, то отсутствіе редактора, вызванное рядомъ отказовъ въ утвержденіи, не можетъ считаться одною изъ причинъ, предусмотрѣнныхъ въ ст. 121. Неоявленіе въ свѣтъ, въ продолженіе года, изданія, находившагося все это время въ напрасныхъ поискахъ редактора, не служить, поѣтому, поводомъ къ признанію изданія прекратившимся, тѣмъ болѣе, что никакихъ презумпцій о характерѣ пользованія дискреціонною властью дѣлать нельзя. Чѣмъ разрѣшено это разномысліе—„Вѣстникъ Права“ не сообщаетъ. Допустимъ, что состоялось или состоится рѣшеніе благоприятное для печати—и вмѣстѣ съ тѣмъ, по нашему убѣжденію, вполне согласное съ смысломъ закона: какъ мало выиграетъ отъ этого издатель! Изданіе не будетъ объявлено прекратившимся, но фактически оно существовать все-таки не будетъ, пока не измѣнится либо настроеніе издателя, либо настроеніе министерства внутреннихъ дѣлъ. Случай съ „Московской Газетой“ интересенъ въ особенности потому, что онъ бросаетъ яркій свѣтъ на значеніе дискреціонной власти въ дѣлахъ печати.

¹⁾ Ст. 121-ая изложена такъ: „всякое повременное изданіе, уже выходящее въ свѣтъ, но по какому-либо причинамъ не появлявшееся въ теченіе года, считается прекратившимся, и на возобновленіе оного требуется новое разрѣшеніе“.

Мѣсяць тому назадъ два органа печати подверглись одновременно административнымъ карамъ: газетѣ „Сынъ Отечества“ дано второе предостереженіе, въ виду продолжающагося вреднаго направленія ея и допущеннаго въ статьѣ: „Безпорядки въ Сормовѣ“ нарушенія распоряженій главнаго управленія по дѣламъ печати отъ 8-го іюня 1896-го и 4-го января 1897-го года—и, въ виду нарушенія тѣхъ же распоряженій, приостановлено на два мѣсяца изданіе газеты „Нижегородскій Листокъ“. Распоряженія 8-го іюня 1896-го и 4-го января 1897-го года принадлежать, безъ сомнѣнія, къ числу тѣхъ, которыми, за силой ст. 140 уст. о печ., запрещается на нѣкоторое время оглашеніе или обсужденіе въ печати какаго-либо вопроса государственной важности ¹⁾. Кому же, однако, объявляются подобныя распоряженія? Исключительно редакторамъ повременныхъ изданій, *изъятымъ отъ предварительной цензуры*. Это явствуется какъ изъ буквального смысла ст. 140-ой и 156-ой (послѣдняя изъ нихъ предоставляетъ министру внутреннихъ дѣлъ, въ случаѣ неисполненія редакторомъ повременнаго изданія, *выходящаю безъ предварительной цензуры*, распоряженія о неоглашеніи или необсужденіи какаго-либо вопроса государственной важности, приостановлять выпускъ въ свѣтъ такого изданія на срокъ не свыше трехъ мѣсяцевъ), такъ и изъ самаго положенія подцензурной печати. Редакторамъ подцензурныхъ изданій нѣтъ надобности знать, о чемъ имъ нельзя говорить, чего нельзя касаться: это знаютъ или обязаны знать тѣ должностныя лица, которымъ вѣрена цензура. Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что нѣкоторыя распоряженія главнаго управленія по дѣламъ печати, основанныя на ст. 140-ой, сообщаются цензорамъ (или чиновникамъ, облеченнымъ цензорскими функциями) *секретно*, вслѣдствіе чего редакторамъ подцензурныхъ изданій содержаніе такихъ распоряженій даже *не можетъ быть извѣстно*. Что ст. 156-ая непримѣнима къ подцензурнымъ изданіямъ—это видно и изъ того, что въ ст. 154-ой единственнымъ поводомъ къ временной приостановкѣ подцензурныхъ изданій указано „вредное направленіе“ ихъ, о которомъ по отношенію къ „Нижегородскому Листку“ въ настоящемъ случаѣ нѣтъ и рѣчи. Весьма можетъ быть, что для предупрежденія административной кары, постигшей „Нижегородскій Листокъ“, вполне достаточно было бы истребованіе отъ него объясненія—т. е. такая мѣра, на которую имѣть или долженъ имѣть право всякій обвиняемый. Что значить для нижегородской газеты приостановка на время ярмарки—это не требуетъ объясненій.

¹⁾ Мы говоримъ здѣсь словами закона: на практикѣ, какъ извѣстно, подобныя запрещенія не ограничиваются „нѣкоторымъ временемъ“ и касаются далеко не однихъ только „вопросовъ государственной важности“.

Возражая противъ сказаннаго нами, два мѣсяца тому назадъ, о земскихъ ходатайствахъ, кн. Цертелевъ („Моск. Вѣдомости“ № 213) обвиняетъ насъ въ умолчаніи о главномъ предметѣ спора и въ оставленіи безъ отвѣта относящихся къ нему вопросовъ. Въ прежней статьѣ кн. Цертелева эти вопросы были сформулированы такъ: „можно ли сомнѣваться въ томъ, что десятки ходатайствъ, почти одновременно возникающихъ по одному и тому же предмету, составляютъ уже не ходатайство, а демонстрацію? Можно ли объяснить такое совпаденіе простою случайностью? Можно ли предположить, что въ одной губерніи совсѣмъ не подозрѣваютъ о томъ, что дѣлается въ сосѣдней? А если нѣтъ, то какой смыслъ повторять правительству сорокъ разъ то, что ему самому давно извѣстно, и просить его о томъ, что оно, разумѣется, сдѣлало бы, если бы считало возможнымъ“? Въ основаніи всѣхъ этихъ вопросовъ лежитъ убѣжденіе въ противозаконности ходатайствъ, клонящихся къ измѣненію дѣйствующаго или къ изданію новаго закона. Противъ такого убѣжденія мы возставали много разъ и не считали нужнымъ повторять доводы, достаточно, повидимому, выясненные. Настойчивость кн. Цертелева заставляетъ насъ, однако, возвратиться къ старой темѣ: мы не можемъ допустить, чтобы наше молчаніе было толкуемо какъ согласіе съ тезисомъ безусловно ошибочнымъ и крайне вреднымъ. Не признавать за земствомъ права ходатайства объ измѣненіи или дополненіи закона, значить идти въ разрѣзъ съ тридцатипятилѣтней исторіей земства и съ прямымъ смысломъ закона. Земскими ходатайствами возбуждены впервые вопросы о лѣсоохраненіи, о долгосрочномъ поземельномъ кредитѣ для крестьянъ, о разсрочкѣ выкупныхъ платежей, объ обязательномъ страхованіи скота и многіе другіе, имѣвшіе общегосударственное значеніе и получившіе разрѣшеніе въ законодательномъ порядкѣ. Ограниченіе ходатайствъ *мѣстными* нуждами и пользами указываетъ лишь на то, что каждое ходатайство должно быть обосновано потребностями данной мѣстности, фактами, почерпнутыми изъ мѣстной жизни. Отсюда вовсе не вытекаетъ обязательно-мѣстный характеръ *самаго предмета*, котораго касается ходатайство. Если бы ходатайствовать можно было только о томъ, въ чемъ заинтересована исключительно одна губернія, то земству оставалось бы только просить объ оказаніи ему тѣхъ или другихъ матеріальныхъ льготъ—напр., объ отводѣ участка казенной земли, о пособіи на ту или другую школу или больницу,—и цѣлая масса земскихъ ходатайствъ подлежала бы отклоненію по чисто формальной причинѣ. Не такъ смотрѣли на дѣло комитетъ министровъ и министерство внутреннихъ дѣлъ; земству было объявляемо много разъ, что ходатайство его будетъ принято во вниманіе при пересмотрѣ соответствующаго закона, да и самыя отказы сплошь и ря-

домъ мотивировались соображеніями, почерпнутыми изъ существа дѣла. Еще недавно, если мы не ошибаемся, именно такимъ образомъ были отклонены ходатайства объ увеличеніи числа земскихъ членовъ въ училищныхъ совѣтахъ, хотя они, безъ сомнѣнія, были направлены къ измѣненію дѣйствующаго закона. Не было усматриваемо ничего противозаконнаго или антиправительственнаго и въ одновременномъ возбужденіи однородныхъ ходатайствъ нѣсколькими земскими собраніями; мы даже помнимъ случай, когда ходатайство было отклонено именно вслѣдствіе своей единичности, т.-е. вслѣдствіе невыраженія такихъ же желаній со стороны другихъ земскихъ собраній. Во всемъ сказанномъ до сихъ поръ заключается уже отвѣтъ на вопросы кн. Цертелева. Ходатайство объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній возбуждалось одновременно или послѣдовательно многими земствами именно потому, что каждое изъ нихъ мотивировало его своими, мѣстными данными. Для каждаго земства общій вопросъ являлся, вмѣстѣ съ тѣмъ, и мѣстнымъ; оно поднимало его потому, что считало его назрѣвшимъ именно на *своей* почвѣ. Если петербургское губернское земское собраніе—беремъ его въ видѣ примѣра—удостоверяло, что въ петербургской губерніи порядокъ и благоустройство могутъ быть поддержаны и безъ тѣлесныхъ наказаній, не соотвѣтствующихъ болѣе степени развитія мѣстнаго населенія, то отсюда, очевидно, еще не слѣдовало, что въ томъ же положеніи находится губерніи тамбовская или курская, и съ земскихъ собраній этихъ губерній не снималась нравственная обязанность возбудить аналогичныя ходатайства, разъ что они приходили къ аналогичному заключенію. Конечно, земства, позже поднимавшія вопросъ, знали о способѣ разрѣшенія его другими земствами; конечно, совпаденіе ходатайствъ, съ этой точки зрѣнія, не было случайно; но это еще не даетъ права видѣть въ немъ *демонстрацію* или „предлогъ для политическихъ цѣлей“. Только для тѣхъ, кто продолжаетъ исповѣдывать теорію „ограниченнаго ума подданныхъ“ (*beschränkter Unterthanen-verstand*), можетъ казаться непозволительнымъ и страннымъ *мнѣніе*, высказанное невластнымъ собраніемъ относительно одной изъ задачъ правительственной власти. Въ кругъ этихъ задачъ входитъ рѣшительно все, могущее способствовать благосостоянію народа. Какой бы мѣстной нужды ни коснулось земство, его всегда можно обвинить, съ точки зрѣнія кн. Цертелева, въ выходѣ за предѣлы предоставленныхъ ему правъ, если только та же самая нужда ощущается и другими мѣстностями... Возбуждая ходатайство, земское собраніе не можетъ и не должно задаваться вопросомъ, имѣетъ ли оно, въ данную минуту, шансы успѣха. Для отвѣта на этотъ вопросъ у земства нѣтъ надежныхъ данныхъ, да и условія, отъ которыхъ зависитъ судьба

ходатайства, подлежатъ постояннымъ видоизмѣненіямъ. Сегодня известная мѣра кажется невозможной—завтра она признается цѣлесообразной и проводится въ жизнь. Отсюда возможность и законность *повторенія* ходатайствъ, однажды отклоненныхъ—повторенія, въ которомъ только привычка „не разсуждать, повиноваться“, можетъ усматривать дерзновенное вторженіе въ запретную политическую область.

По поводу той части нашего іюльскаго внутренняго обозрѣнія, которая касается книги г. Глинки-Янчевскаго, мы получили любопытное письмо ¹⁾,—любопытное, въ особенности, какъ признакъ путаницы понятій, господствующей, повидимому, въ нѣкоторой части нашего общества. Отправляясь отъ несомнѣнныхъ фактовъ—упадка судебныхъ нравовъ и чрезмѣрно усилившагося вліянія судебной администраціи,—поверхностные наблюдатели, въ особенности, если у нихъ есть поводы къ личному неудовольствію противъ судебного вѣдомства, сгѣшнать предложить способы врачеванія, несравненно болѣе опасные, чѣмъ самая болѣзнь. Провозглашая себя приверженцами основныхъ началъ судебной реформы, они хотятъ ниспровергнуть такіе ея устои, какъ несмѣняемость судей и безповоротность окончательныхъ судебныхъ рѣшеній. Приводимые въ негодованіе громадностью власти, принадлежащей, фактически, одному должностному лицу, они думаютъ поправить дѣло предоставленіемъ, также *de facto*, такой же или еще болѣе власти другому должностному лицу, иначе лишь именуемому. Они ожидаютъ спасенія отъ порядка, давно осужденнаго и нашимъ, и западно-европейскимъ опытомъ. Подобные друзья судебныхъ уставовъ могутъ, пожалуй, оказаться худшими ихъ врагами. До чего доходитъ ослѣпленіе нашего корреспондента—это видно изъ того, что значительную часть вины за настоящее положеніе дѣлъ онъ возлагаетъ на Сенатъ, будто бы утратившій свою независимость. Что новыя вѣянія проникли и въ Сенатъ—этого мы не отрицаемъ, какъ не отрицаемъ и возможности дальнѣйшаго ихъ распространенія; но что онѣ до сихъ поръ здѣсь не побѣдили—это знаетъ всякій, для кого общая картина важнѣе отдѣльныхъ штриховъ, вдобавокъ, можетъ быть, невѣрныхъ ²⁾. Съ гораздо болѣе широкимъ правомъ можно утвер-

¹⁾ Подпись автора письма неразборчива, адресъ его не указанъ, вслѣдствіе чего мы не можемъ отвѣчать на тѣ части письма, которыя неудобны для обсужденія въ печати.

²⁾ Припомнимъ, что однимъ изъ главныхъ боевыхъ орудій служить для г. Глинки дѣло г. М. К. и З., въ которомъ многіе, очень многіе не видятъ и признаковъ судебной ошибки. Нашъ корреспондентъ приводитъ противъ сената только одинъ фактъ: „утвержденіе жидъ въ дворянскомъ достоинствѣ“, несмотря на протестъ смоленскаго дворянскаго собранія.

ждать, что именно Сенатъ является, во многихъ случаяхъ, хранителемъ лучшихъ преданій судебного вѣдомства: укажемъ, для примѣра, на разъясненія перваго департамента по многимъ земскимъ вопросамъ, толкованіе вторымъ департаментомъ (и большинствомъ общаго собранія) ст. 61-ой положенія о земскихъ начальникахъ, рѣшенія уголовного кассационнаго департамента по нѣкоторымъ раскольническимъ дѣламъ... Въ заключеніе не можемъ не выразить пожеланія, чтобы лица, удостоивающія насъ своими возраженіями, нѣсколько внимательнѣе читали нами написанное. Говоря, что „нѣсколько судебныхъ ошибокъ, остающихся неисправленными—меньшее зло, чѣмъ постоянныя колебанія авторитета окончательныхъ судебныхъ рѣшеній“, мы оговорились, что не подводимъ здѣсь подъ понятіе о судебной ошибкѣ осужденіе невинныхъ, „такъ какъ оно всегда можетъ быть отмѣнено если не въ порядкѣ возобновленія дѣла, то въ порядкѣ помилованія“ (іюль, стр. 389); между тѣмъ, нашъ корреспондентъ обвиняетъ насъ въ готовности жертвовать, изъ-за принципа, „человѣческими жизнями“. Мы замѣтили, что эпиграфъ книги г. Глинки-Янчевскаго: *Caveant consules* (въ вольномъ переводѣ: „чего смотреть власть“?) довольно вѣрно передаетъ общее ея направленіе (іюль, 390)—а нашъ корреспондентъ находитъ, что въ этихъ словахъ мы призываемъ противъ г. Глинки бдительность властей!...



ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Императорскаго Казанскаго Университета.

Къ столѣтнему юбилею, наступающему въ 1904 г., Совѣтъ Казанскаго Университета постановилъ выпустить въ свѣтъ исторію Университета и біографическій словарь его профессоровъ и преподавателей, и въ видахъ достиженія возможной полноты изданій обращается ко всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которыя располагаютъ соотвѣствующими матеріалами, съ покорнѣйшей просьбой не отказать въ заблаговременной доставкѣ таковыхъ въ Казанскій Университетъ на имя г. Ректора. Все доставленное будетъ принято Университетомъ съ глубокой благодарностью и сохранено въ цѣлости до востребованія.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

В. Барк. Важные сельскохозяйственные работы в жизни и в законодательствѣ. Общественно-аграрическіе очерки. Сиб., 1899. Стр. XIV+219. Ц. 1 р. 50 к.

Какъ видно изъ вступленія, помѣщенного во главѣ этой книжки, авторъ ея, И. Оса. Барк, писавшій подъ псевдонимомъ „Е. Варбъ“, умеръ въ февралѣ текущего года, на 39-мъ году жизни; онъ заваялъ литературными работами сравнительно поздно, въ 1896 году, и въ короткое время успѣлъ написать нѣблизко рядъ серьезныхъ статей, помѣщенныхъ въ „Русской Мысли“, „Русскомъ Богатствѣ“, „Жизни“, „Журналѣ министерства юстиціи“, „Истиннѣ воспитанія“ и др., главнымъ образомъ по вопросамъ земско-хозяйственнымъ. Главнѣйшія изъ этихъ статей касаются вопросовъ нашихъ земледѣльческихъ работъ и составляютъ отдѣльные главы обширнаго труда, задуманнаго покойнымъ; онъ писалъ дѣловымъ или въ извѣстномъ видѣ въ составѣ настоящей книги, печатаніе которой началось еще при жизни автора, и только послѣдніе листы не были просмотрѣны и исправлены имъ самимъ. Вслѣдъ за этимъ, вышесказанному, должны быть упомянуты второй, посвященный характеристикѣ условій сельскохозяйственнаго нѣмца въ нѣкѣйшихъ районахъ Европейской Россіи; затѣмъ, предпологалась еще вторая часть, въ которой была бы изложена исторія русскаго землереформеннаго законодательства о нѣмцѣ на сельской работѣ. Къ сожалѣнію, автору не удалось осуществить свое намѣреніе; но намеченная нинѣ часть работы можетъ быть разсматриваемъ, какъ самостоятельное дѣло, и по важности затронутыхъ въ ней предметовъ заслуживаетъ большого вниманія читателей, интересующихся экономическимъ положеніемъ нашего крестьянства.

Т. Роджерсъ. Исторія труда и заработной платы въ Англіи съ XIII по XIX вѣкъ. Переводъ съ англійскаго В. Д. Каткова, магистранта доктинической экономіи. Сиб., 99. Сиб. XX+476. Ц. 3 р.

Сочиненіе Роджерса, переведенное на русскій языкъ г. Катковымъ, носитъ въ подлинникѣ другое названіе: „Шестъ вѣковъ труда и заработной платы“, и имѣетъ характеръ собранія спеціальныхъ свидѣній и цифровыхъ данныхъ, сгруппированныхъ къ экономическому прошлому Англіи, при темъ замѣчаніи и разъясненіи автора имѣютъ отчасти характеръ комментариевъ, болѣе или менѣе отрывочныхъ; болѣе широкая картина англійской экономической исторіи дается въ лекціяхъ, изданныхъ послѣ его смерти съимомъ въ 1892 году („The industrial and commercial history of England“). Быть можетъ, эта послѣдняя книга представляла бы болѣе интереса для русскаго читателя, чѣмъ первая; но обѣ онѣ достаточно поучительны, и выборы, сдѣланный переводчикомъ, вѣроятно, тоже имѣютъ свои основанія. „По духу своему, — говорить г. Катковъ, — сочиненіе это одинаково чуждо какъ тенденціозныхъ взглядовъ старой экономической школы, такъ и крайнихъ узевій, намеченныхъ собою предшественнику почтеннаго континентѣ. Объективности и симпатія къ „меньшому брату“, вотъ характеристика труда покойнаго профессора Роджерса. Нельзя, однако, отрицать, что онъ своимъ теоретическимъ идеямъ авторъ при-

надлежитъ именно къ старой экономической школѣ, господствовавшей до послѣдняго времени въ Англіи; онъ приноситъ къ доктринѣ только нѣкоторыя историческія поправки, заваяшія отъ общаго историческаго взгляда его на экономическія дѣленія.

Записки земскаго начальника. Александра Николаева. Сиб. 99. Стр. 240. Ц. 1 р. 50 к.

Авторъ, въ виду противорѣчивыхъ взглядовъ на ту роль, какую заняли земскіе начальники въ судьбахъ нашего многомилліоннаго земледѣльческаго сословія, задаетъ мысль: отнестись къ предмету своихъ наблюденій совершенно объективно. Онъ соглашается съ тѣмъ, что отдѣльныя личності, какъ правило, занимающія свои обязанности, такъ и тѣ, которыя, кромѣ власти, не имѣютъ въ себѣ никакихъ другихъ ресурсовъ, не могутъ служить правды самымъ основаніемъ для общихъ сужденій о значеніи земскихъ начальниковъ въ судьбѣ крестьянства. Семилѣтній опытъ автора привелъ его къ убѣжденію, что, сколько бы мы ни спорили и ни расходились во взглядахъ, назначенія земскихъ начальниковъ, вѣрнымъ остается одно, а именно, что и „при земскихъ начальникахъ, какъ и при крестьянскихъ присутствіяхъ и при мировыхъ посредникахъ, положеніе сельскаго общества одинаково шло, неустремленность у крестьянина въ исходѣ любого дѣла одинаково велика“... Собственная же практика убѣдила автора, что „подтачиваешь ничего не добьешься, а что народъ нуждается не въ подтачиваніи, а въ воспитаніи — задача, увы! гораздо болѣе трудная, чѣмъ подтачиваніе“.

Земская статистика. Справочная книга по земской статистикѣ въ двухъ частяхъ. Ч. I. Исторія и методологія. Часть II. Программы исследований. Составилъ С. Н. Велецкій. Съ предисловіемъ проф. А. П. Чурова. Москва, 1899. Изд. Сабашниковыхъ. Стр. XL+422+846. Ц. за три выд. 6 р.

Какъ справочная книга, трудъ г. Велецкаго принесетъ большую пользу всемъ интересующимся и занимающимся у насъ земской статистикой. По свидѣтельству проф. А. П. Чурова, авторъ исполнилъ свою задачу съ исчерпывающимъ полнотой и добросовѣстностью; онъ знакомитъ съ организациею статистическихъ учрежденій, какъ она сложилась въ разнообразныхъ мѣстностяхъ нашей страны, и съ приемами исследования и разработки, применявшимися и применяемыми нинѣ во всѣхъ отрасляхъ и отдѣлахъ земской статистики, даетъ „полную вышедшую программу, инструкцій, бланковъ и формуларовъ, употребленныхъ при собраніи и сводѣ статистическихъ данныхъ въ разныхъ губерніяхъ“, преимущественно въ вопросѣ крестьянскаго хозяйства; приводитъ библиографическія свидѣнія о земско-статистическихъ изданіяхъ по губерніямъ, разъясняетъ способы устройства текущей статистики, приема общечисленныхъ работъ, ихъ организацию и т. п. Книга г. Велецкаго можетъ служить пособіемъ и для практическихъ занятій статистикомъ въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ преподается статистика.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ вѣждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ
отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:				
	Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь	
Вѣтъ доставке, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 60 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ „	8 „ „	8 „ „	4 „ „	4 „ „	4 „ „	4 „ „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ пересл.	17 „ „	9 „ „	8 „ „	5 „ „	4 „ „	4 „ „	4 „ „
За границей, въ госуд. почтов. союзѣ	18 „ „	10 „ „	9 „ „	5 „ „	5 „ „	5 „ „	4 „ „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается—безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычнымъ уступкамъ.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полугодіе и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

- въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
- въ отдѣльныхъ Конторахъ: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цивермина, Невскій пр., 20, и товарищества „Издатель“, Невск. пр., 68—40.

ВЪ КІЕВѢ:

- въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

- въ книжныхъ магазинахъ: Н. Н. Мамонтова, на Кузнец.-Мосту; П. П. Карбасникова, на Моховой; въ магаз. „Русск. Мысли“ и въ Конторѣ П. Печковской, въ Петровскихъ ливняхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

- въ книжн. магаз. „Образованіе“, Гринельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

- въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Связь“ и Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (ЖВ) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ таковаго учрежденія въ самомъ мѣстожителейъ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть *сообщена* Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ переписка заднимъ числомъ, переходя въ иностранные, доставлять 1 руб., а иностранные, переходя въ города — 40 коп. — 3) *Платить* за несправность доставки сохраняется исключительно въ Россіи журналъ, если подписка была сдѣлана въ вѣдомственныхъ мѣстахъ и согласно обязательству изъ Почтоваго Департамента, не *возвратъ* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Платить* за полученіе журнала высчитываютъ Конторахъ только тѣмъ изъ иностранныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые прикладываютъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовой марками.

Печатать и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Сиб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Агадеи, пер., 7.



ВЪСТАНКЪЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

HARVARD LIBRARY
OCT 30 1899
CAMBRIDGE MASS

ИСТОРИЯ ПУЛИТИКИ

ЛЮБОВЬ



ТРИДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ. — КН. 10-я.



ОКТАБРЬ, 1899.

ПЕТЕРБУРГЪ.

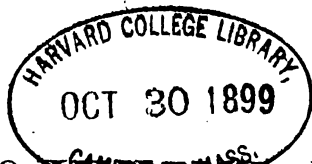
В. В. Востанковъ

1899

КНИГА 10-я. — ОКТЯБРЬ, 1899.

Стр.

I.—ПОДЪ СОЛНЦЕМЪ ЮГА.—Повѣсть.—XVI—XXIII.—Обоичаніе.—В. Г. Димитріевъ	437
II.—ПРАВСТВЕННЫЙ ОБЛИКЪ ПУШКИНА.—26 мая 1899 г.—А. О. Копп	401
III.—ПКАТЬ.—С. Фругъ	526
IV.—ЛІЧНОСТЬ В. Г. БЪЛІНСКАГО, какъ литературнаго дѣятеля.—Е. Будде	527
V.—ПОМЪШАННЫЙ.—Разсказъ изъ швейцарскихъ нравовъ.—Н. Сѣлорова	556
VI.—ЖАПЪ РАСИНГЪ.—Критико-биографическій очеркъ.—Олоичаніе.—Ю. А. Веселовскаго	578
VII.—ПО СИЦИЛИИ.—Путевые очерки.—I. Палермо.—II. Мессина.—III. Таоринна и Каталиа.—IV. Сиракузи и Джирженті.—Эд. Циммермана	627
VIII.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Довольно.—II. Природа и женщина.—III. Пѣсня ко-сара.—В. П. Маркова	678
IX.—АМЕРИКАНЕЦЪ.—Романъ „David Harum“, a story of american Life, by E. Westcott.—I—VI.—Стъ англ.—А. В—г—	677
X.—НА ЗАКАТЪ.—Стихъ В. Никонова	729
XI.—ПАРИЖСКІЙ АРХИВЪ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА.—Е. Орлова	730
XII.—„ЛЮБОВЬ—МОЙ ГРѢХЪ“.—Этюдъ изъ романа: „L'amour est mon péché“.—I—XII.—Ю. З—а	739
XIII.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Законопроектъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ и постановленія о личномъ наймѣ въ проектѣ новаго гражданскаго уложенія.—Общія начала, положенія проекта изъ основаніе обязательственнаго права.—Минимая лѣность крестьянъ.—Еще о заледкомъ инцидентѣ.—Проектъ продовольственнаго устава.—Продовольственное дѣло, земство и частная помощь.—Продовольственный вопросъ на югѣ Россіи.—Наше правительственное изданіе	798
XIV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Бѣградскій процессъ и сербскія дѣла.—Роль дипломатіи и вопросъ о империализмѣ.—Отношеніе нашей печати къ сербскимъ событіямъ.—Параллель между дѣломъ Дрейфуса и процессомъ Памича съ товарищами.—Дрейфусъ и „шла печатъ“.—Французскія дѣла	820
XV.—СЕРБСКІЯ ДѢЛА.—Письмо изъ Бѣграда.—Z	832
XVI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Э. Гроссе, Происхожденіе искусства.—М. Сталеровъ, Этюды о декадентствѣ.—Т.—Новая книга и брошюры	838
XVII.—ПРОТИВЪ ИСПОЛНИТЕЛЬНАГО ЛИСТА.—Письмо въ Редакцію.—Вл. С. Соловьева	848
XVIII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. A. Moeller-Bruck: Die moderne Litteratur in Gruppen und Einzeldarstellungen.—II. Edm. Barthélemy, Thomas Carlyle, essai biographique et critique.—З. В.	888
XIX.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Преобразованіе средней школы циркуляръ министра народнаго просвѣщенія, авіанска бар. А. П. Писемна и рѣчь Н. П. Петрова.—Новый уставъ общества по устройству народныхъ учителей въ тамбовской губерніи.—Еще о личномъ почтѣ.— Два вида авіатури.—Особый сортъ корреспонденцій	866
XX.—БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛІСТОКЪ.—Исторія русской литературы. Т. IV. А. Н. Писанна.—Очерки русскаго прогресса. Статьи историческія, по общественнымъ вопросамъ, и критико-биографическія. В. В. Глинскаго.—Сборникъ журнала „Русское Богатство“. Подъ редакціи Н. К. Михайловскаго и В. Г. Короленко.—Торсовъ, А. Исторія нашего столѣтія. Т. I. 1816—1863. Т. II. 1863—1899. Переводъ съ датскаго М. В. Луцкиной.—Энциклопедическій Словарь. Изд. Ф. Павленкова	
XXI.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I—IV; I—XVI стр.	



ПОДЪ СОЛНЦЕМЪ ЮГА.

ПОВѢСТЬ.

Окончаніе.

XVI *).

Сестры въ этотъ день встали поздно. Послѣ чаю Маша сѣла писать письмо своей любимой подругѣ, съ которой онѣ вмѣстѣ мечтали „работать“, а Анна Павловна, скучная, бродила по комнатѣ и то принималась играть на пѣянино, напѣвая серенаду Чайковскаго, то подходила къ окну и, заломивъ руки надъ головой, безцѣльно смотрѣла въ садъ.

— Господи, какая скука!—вздыхала она. — Я замѣтила, когда бываетъ очень весело, на другой день всегда становится скучно. Вчера мнѣ было весело... Маша, о чемъ это вчера съ тобою разговаривалъ Максютинъ?

— Ни о чемъ,—отозвалась Маша, не отрываясь отъ письма.

— Вотъ еще дѣтище! Вѣчно молчить, слова отъ нея не добьешься! И какъ это глупо: ни о чемъ! Развѣ „ни о чемъ“ разговариваютъ?

— Чего ты злишься?—спросила Маша и положила перо.

— Я вовсе не злюсь. Мнѣ просто скучно.

— Это на тебя непохоже.

— Ты знаешь, я не могу жить безъ общества. Это тебѣ равно, хоть на необитаемомъ островѣ жить, а я не могу.

* См. выше: сент., 5 стр.

— Оттого, что у тебя нѣтъ никакого дѣла. Найди себѣ дѣло, и не будетъ скучно.

— Какое это дѣло? Логику Милля, что-ли, читать?

— Ну что-жъ, хоть логику.

— Ну, ужъ за это благодарю! Читать и ничего не понимать. Вѣдь ты и сама, я думаю, ничего не понимаешь въ этой логикѣ?

— Стараюсь понять,—сказала Маша, запечатывая письмо.

— Ну и старайся, а я не хочу. Господи, хоть бы пришелъ кто-нибудь... Хоть бы Гришка твой пришелъ. Когда не нужно, шлются; когда нужно,—нѣтъ никого...

Въ эту минуту за стѣной послышался какой-то грохотъ, женскій визгъ и затѣмъ оглушительный ревъ. Маша вздрогнула и выронила письмо.

— Опять начинается! И что это они съ нимъ дѣлаютъ?

Ревъ усиливался. Слышалась какая-то возня и дѣтскій голосъ кричалъ: „Ай, не буду, не буду, мамочка, не буду“!

— Это, наконецъ, Богъ знаетъ что!—проговорила Маша, блѣднѣя.—Они его изуродуютъ. Я пойду туда.

— Ну, вотъ еще глупости, нарываться на скандалъ. Скверный мальчишка вчера швырнулъ камнемъ въ кошку и чуть ее не убилъ. Скамейку въ саду измазалъ какой-то гадостью,—я себѣ все платье испортила. Его слѣдуетъ наказывать.

— Нѣтъ, я пойду!..—рѣшительно сказала Маша и побѣжала къ сосѣдямъ.

На ихъ террасѣ было пусто, но дверь въ комнаты была полурасстворена, и Маша торопливо распахнула ее, пылая негодованіемъ и совершенно не думая о томъ, что она дѣлаетъ неловкость, врываясь въ чужую квартиру. То, что она увидѣла, заставило ее на минуту остановиться. На полу, распростертый, лежалъ мальчикъ лѣтъ восьми и отчаянно барахтался руками и ногами; студентъ старался его удержать, а молодая, болѣзненнаго вида, дама въ кружевномъ капотѣ, съ растрепанной прической, стоя на колѣняхъ, бинтовала мальчика длиннымъ мохнатымъ полотенцемъ.

— Что вы съ нимъ дѣлаете? Что вы дѣлаете?—сказала Маша.

Мальчикъ пересталъ визжать и брыкаться—и съ раскрытымъ ртомъ глядѣлъ на Машу; студентъ проворно поднялся и сталъ отряхивать пыль съ панталонъ, а дама бросилась въ кресло и залилась горькими слезами.

— Вотъ до чего ты меня довелъ, отвратительный мальчишка!..—воскликнула она.—Извергъ, злодѣй!.. Ты меня убьешь...

— Ma sœur, не волнуйтесь, успокойтесь! — обратился къ ней студентъ.—Mademoiselle...—началь онъ съ достоинствомъ, но взглянулъ на Машу, умоля, и по его лицу разлилась пріятная улыбка.

Между тѣмъ Маша наклонилась надъ мальчуганомъ въ пеленкахъ и принялась неловко его разбинтовывать, путаясь въ длинныхъ концахъ полотенца. Студентъ бросился ей помогать.

— Не беспокойтесь, m-lle... я самъ... Вы напрасно беспокоитесь,—любезно говорилъ онъ.

Маша встала.

— Что это вы... зачѣмъ вы его мучаете?—обратилась она къ рыдающей дамѣ.

— Ахъ, Боже мой...—слезливо говорила дама.—Я мучаю!.. Онъ меня мучаетъ, а не я... Это такой ужасный мальчишка... вы не знаете! Я умираю отъ него!.. Умираю...

Она забилась въ истерикѣ. Маша совсѣмъ растерялась и, увидѣвъ на столикѣ графинъ съ водою, начала приводить чувствительную даму въ себя.

— Merci... ахъ, merci...—бормотала она, судорожно глотая воду.—Вы очень добры, m-lle... Вотъ смотри, негодный мальчишка...—отнеслась она къ сыну.—Чужіе жалѣютъ твою маму, а ты... злой этакій...

Мальчикъ, освобожденный отъ полотенца, стоялъ посреди комнаты и исподлобья смотрѣлъ на Машу.

— Ты врешь, мама!—возразилъ онъ.—Ты злая, а не я... Ты сама постоянно меня раздражаешь, и Сережка тоже... Зачѣмъ ты позволяешь Сережкѣ меня бить? Меня папа никогда не бьетъ, а онъ бьетъ...

Студентъ, улыбаясь, сдѣлалъ движеніе къ мальчику, но тотъ послѣшно отбѣжалъ въ уголь, показалъ ему языкъ и продолжалъ:

— А что? Не смѣешь при чужихъ драться... Мясникъ, живодерь! Самъ на экзаменѣ провалился, а туда же важничаетъ!..

— Володька, замолчи!—простонала дама.—Сержъ, вели ему замолчать!..

Сержъ, не переставая пріятно улыбаться, приблизился къ мальчику, но тотъ выскользнулъ изъ своего угла и исчезъ въ отворенную дверь. Маша послѣдовала за нимъ.

— Сержъ, проводи барышню!..—услышала она за собою томный голосъ барыни.

Студентъ побѣжалъ за Машей.

— Извините, m-lle,—сказалъ онъ, отворяя передъ ней

дверь и ласково глядя на нее своими влажными голубыми глазами.—Вы такъ добры... я очень радъ, что имѣлъ честь съ вами познакомиться.

Но Маша строго взглянула на него и, не отвѣчая, вышла.

— „Какая хорошенькая!—думалъ студентъ, провожая ее глазами.—Какъ это я раньше не замѣчалъ? Надо будетъ познакомиться поближе... а то эта полковница начинаетъ надоѣдать. Женщины, какъ и шампанское, хороши только, когда свѣжи... Потомъ онѣ закисаютъ и никуда не годятся“...

Въ саду къ Машѣ подбѣжалъ мальчикъ.

— Вы имъ не вѣрьте!—запепталъ онъ.—Они все врутъ. Сережка—это такая дрянь... а мама—тряпка, и во всемъ его слушается. Чтò онъ ей скажетъ, то она и дѣлаетъ. Это онъ думалъ меня связать, потому что я утромъ началъ одѣваться сверху, а не снизу.

— А зачѣмъ вы шалите?—сказала Маша.—Вѣдь это вы вчера кошку хотѣли камнемъ убить?

— Я...—потупившись, отвѣчалъ мальчикъ.

— Это гадко. Вѣдь ей тоже больно. Вотъ вы же жалуетесь, что васъ бьютъ, а сами зачѣмъ деретесь?

— Я не буду... Только вы приходите къ намъ каждый день,—при васъ Сережка не будетъ драться. Онъ всегда при другихъ представляется добрымъ, а послушали бы вы, какъ онъ ругается, когда мы одни! Такъ придете?

— Нѣтъ, лучше вы къ намъ приходите. Вы читать любите?

Продувное личико мальчугана съ вздернутымъ носикомъ и крупными веснушками при этомъ вопросѣ омрачилось.

— Нѣтъ, я не люблю читать,—откровенно сознался онъ.— Да вы чтò читать-то будете? Илиаду?

— Зачѣмъ Илиаду?

— То-то, я ее терпѣть не могу,—меня Сережка ее наизусть учить заставляетъ. Онъ говорить, что всѣ порядочные люди должны знать Илиаду наизусть.

Маша улыбнулась.

— Нѣтъ, я не буду Илиаду вамъ читать. У меня другія книжки есть, хорошія.

— А мыльные пузыри вы умѣете пускать?

— И мыльные пузыри умѣю пускать.

— Ну, такъ я къ вамъ приду!..

— Ну, чтò?—насмѣшливо сказала Анна Павловна, когда Маша вернулась.—Умиротворила? Какъ это тебя не прогнали,—удивительно! И что за донъ-кихотство! Скоро изъ-за тебя по

Балаклавѣ нельзя будетъ пройти, всѣ начнутъ пальцами показывать. То съ татарами возится, то съ мальчишками...

Маша молчала и, выдвинувъ изъ-подъ кровати корзину, начала разбираться въ книгахъ, которыми она была набита.

— Нѣтъ, мнѣ надоѣло съ тобой няньчиться!—продолжала Анна Павловна.—Вотъ напишу сегодня мамѣ обо всѣхъ твоихъ подвигахъ, пусть сама приѣзжаетъ. А мнѣ надоѣло! Я не хочу быть посмѣшищемъ. И наконецъ—это вѣчное молчаніе раздражаетъ. Мнѣ скучно, я хотъ умри,—а тебѣ рѣшительно все равно, ты будешь молчать...

На террасѣ слышались шаги и голоса; Анна Павловна вздрогнула, покраснѣла... бросилась къ дверямъ и отошла съ разочарованнымъ видомъ. Въ комнату входила Марья Васильевна,—а за нею слѣдовала Клавдія Юрьевна, болѣе обыкновеннаго блѣдная и съ глубоко запавшими глазами, въ которыхъ свѣтилось безпокойство.

Она не спала всю ночь,—Юрій Александровичъ не приходилъ домой. Вчера, когда на его приглашеніе къ сестрамъ она отвѣтила отказомъ и, измѣнивъ своей обычной сдержанности, замѣтила, что не желаетъ знакомиться со всякимъ сбродомъ,—онъ ушелъ, не простясь, и болѣе не возвращался. Все утро она провела въ безпокойствѣ, и наконецъ не выдержала,—рѣшила выйти изъ своего затворничества и узнать что-нибудь о сынѣ. На набережной она встрѣтилась съ Марьей Васильевной, и та предложила ей пойти къ сестрамъ, увѣряя, что навѣрное вся молодежь уже сидитъ у нихъ. Клавдія Юрьевна не раздумывала: ей теперь было все равно, куда ни идти, только бы отыскать Юрія, и она пошла...

— Здравствуйте, барышни!—возгласила толстуха.—Вотъ, знакомьтесь, гостью вамъ привела... Ухъ, да какъ у васъ славно, прохладно!

— Садитесь, пожалуйста,—сказала Анна Павловна привѣтливо, пожимая холодную руку Клавдіи Юрьевны и смущаясь подъ ея пристальнымъ взглядомъ, въ которомъ ей почуялось что-то враждебное.

Между тѣмъ Клавдія Юрьевна уже впилась тѣмъ же пристальнымъ и враждебнымъ взглядомъ въ Машу. Маша не встала при ея входѣ и, бивнувъ ей издали головой, продолжала рыться въ корзинахъ.

— „Которая... та или эта“?—мелькнуло въ головѣ Клавдіи Юрьевны.

— Что это вы—уладываетесь?—спросила Марья Васильевна, глядя на Машу.—Развѣ уѣзжать собираетесь?

— Нѣтъ, это она библиотеку свою разбираетъ,—за Машу отвѣтила Анна Павловна.—Мы съ ней все ссоримся, Марья Васильевна.

— Изъ-за чего это?

— Да чудить она у меня! Сегодня, напримѣръ...

И Анна Павловна въ смѣшномъ видѣ стала рассказывать о Машинной выходкѣ. Маша вдругъ вспыхнула и подняла голову.

— Тутъ ничего смѣшного нѣтъ,—сказала она рѣзко.—Человѣкъ истязаютъ, а ты смѣешься. Это безсердечно!..

— Ну, ужъ и истязаютъ!—примирительно замѣтила Марья Васильевна.—Просто посѣли баловника, вотъ и все. Вамъ-то что?

— Какъ что? — воскликнула Маша и, какъ ужаленная, вскочила на ноги.—У насъ на глазахъ человѣка будутъ калѣчить, а намъ все равно? Изъ ребенка систематически дѣлаютъ негодяя, эгоиста, а мы будемъ равнодушно смотрѣть? Нѣтъ, я такъ не могу...

— А что вы сдѣлаете? Ничего и не сдѣлаете.

— Я попробую сдѣлать!—запальчиво возразила Маша, и ея плающіе глаза на минуту встрѣтились съ холодными глазами Клавдіи Юрьевны, которая внимательно на нее смотрѣла.

— Ну, ну, посмотримъ! — добродушно сказала Марья Васильевна.—Критиковать-то вы всѣ умѣете, а вотъ своихъ-то дѣтей какъ вы будете воспитывать, это мы поглядимъ.

— Ну, ужъ пеленать и калѣчить мы ихъ не будемъ!—отвѣчала Маша и опять бросила взглядъ на Клавдію Юрьевну, которая почему-то сразу ей стала непріятна и раздражала ее всѣмъ своимъ видомъ, холоднымъ и недоступнымъ.

Клавдія Юрьевна вздрогнула и смутилась. Въ открытомъ и смѣломъ взглядѣ этой дѣвочки она прочла какъ будто упрекъ и вызовъ... „Эта“...—подумала она и почувствовала вражду.—„Вотъ какія рѣчи онъ теперь слушаетъ, вотъ къ чему его тянетъ. Надо уходить“...

Она поднялась, заставила себя любезно улыбнуться и стала прощаться. Она даже не спросила ничего о сынѣ, и Марья Васильевна уже ей напомнила объ этомъ. Анна Павловна удивилась и отвѣчала, что не видѣла еще сегодня Юрія Александровича... Клавдія Юрьевна еще разъ заставила себя улыбнуться и ушла.

— Какая непріятная особа!—воскликнула Анна Павловна.—И зачѣмъ она приходила?

— Ну, ужъ вы, пошли разбирать!—возразила Марья Васильевна.—Ну, чѣмъ неприятная? Премилая дама, любезная такая, скромная.

— Вы, Марья Васильевна, божья-коровка какая-то! У васъ всѣ хороши.

— Ну, ужъ нѣтъ, не всѣ! Не люблю грековъ здѣшнихъ,—такіе противные! Втридорога за все лупить, да еще деревяннымъ масломъ кормятъ! Представьте, сегодня утромъ иду я мимо Гиноли...

Но Анна Павловна, предвидя „желудочную эпопею“, постѣшила ее перебить и спросила:

— Но зачѣмъ же все-таки эта барыня сюда приходила?

— Да вотъ же узнать, не здѣсь ли ея сынъ.

— Ну, знаете, это даже обидно!—возмутилась Анна Павловна.—Точно мы Богъ-знаетъ кто... и прячемъ ея сына гдѣ-нибудь въ шкафу. То-то она и взирала на насъ съ высоты величія, точно она—царица, а мы—такъ себѣ, какія-то... Даже разговоромъ не удостоила. Вотъ какія эти аристократки противныя: о себѣ воображаютъ Богъ-знаетъ что, а другихъ—въ грошъ не ставятъ...

— А какое тебѣ дѣло до ея мнѣнія?—отозвалась Маша.—Пусть себѣ думаетъ, что хочетъ! Не понимаю, какъ это можно дорожить мнѣніемъ людей, которые не симпатичны тебѣ.

— Ну, мало ли чего ты не понимаешь. А гдѣ же, однако, Юрій Александровичъ? Куда онъ дѣвался?

— Да, должно быть, тамъ же, гдѣ и мой Гриша. Нынче ни свѣтъ ни заря вскочилъ, перерылъ всѣ свои книжки и полетѣлъ къ этому... какъ его... который поетъ-то.

— Къ Максютину?—сказала Анна Павловна и покраснѣла.

— Да, да... А вы, я посмотрю, тоже... Охъ, сбиль васъ съ толку всѣхъ этотъ художникъ! И что вы въ немъ нашли, не понимаю! Поетъ, правда, хорошо, да вѣдь мало ли кто не поетъ? И пѣтухъ поетъ...

— Ну, что вы, — „пѣтухъ“! Какой же онъ пѣтухъ, Марья Васильевна? — смѣясь, воскликнула Анна Павловна и бросилась цѣловать толстуху.—Милая вы, Марья Васильевна, и добрая, а ничего-ничего не понимаете!..

— Э, матушка, все понимаю...—со вздохомъ сказала Марья Васильевна и, погрозивъ пальцемъ Аннѣ Павловнѣ, ушла.

Анна Павловна прошлась по комнатѣ, чему-то сама съ собою улыбаясь, потомъ подошла сзади къ Машѣ и вдругъ обняла ее.

— Машура, милая, прости, что я тебя давеча пилила... — говорила она, цѣлуя сестру въ затылокъ. — Это я такъ... не знаю что... и я мамѣ не буду ничего писать.. и ты у меня умница... и прелесть...

— Ну, что это за глупости? — недовольно сказала Маша, освобождаясь отъ ея объятій. — У тебя все крайности... то злишься, то цѣловаться лѣзешь. Не понимаю!

— Ну, ну, будетъ! Ты что ищешь? Давай, я тебѣ помогу...

Она сѣла на полъ рядомъ съ Машей, заглянула ей въ глаза и звонко разсмѣялась.

XVII.

Вечеромъ Маша сидѣла на ступенькахъ террасы и показывала своему новому пріятелю картинки изъ очерковъ по зоологій Вагнера, стараясь заинтересовать его разсказами о жизни разныхъ животныхъ; но избалованный мальчуганъ слушалъ ее плохо, шалилъ и безпрестанно перебивалъ Машу своими собственными замѣчаніями, не имѣющими никакого отношенія къ зоологій. Маша сердилась, ей было скучно, но, рѣшивъ серьезно заняться исправленіемъ мальчика, она подавляла въ себѣ досаду и терпѣливо переносила всѣ его шаловливыя выходки. „Нужно привыкать, — думала она. — Вѣдь я буду учительницей въ сельской школѣ, — тамъ еще труднѣе. И должно-быть я не умѣю его заинтересовать; эта книжка черезчуръ серьезна для него“.

— Ну, будетъ, Володя! — сказала она, закрывая книжку. — Я вижу, тебѣ немножко скучно, правда? (Они уже были на „ты“).

— Да, — сказалъ Володя. (Машѣ нравилось, что онъ всегда говорилъ правду). — Сегодня мнѣ не хочется читать, прочитаемъ завтра, а теперь давай поиграемъ. Ты вѣдь умѣешь играть въ мячъ?

Маша затруднилась. Ей было немножко стыдно играть въ мячъ, но она хотѣла пріучить къ себѣ мальчика и, послѣ нѣкотораго размышленія, согласилась. Володя испустилъ радостное восклицаніе и помчался за мячомъ домой. Черезъ минуту онъ летѣлъ уже обратно, высоко подбрасывая мячъ.

— Держи! — крикнулъ онъ на бѣгу.

Маша поймала мячикъ и неловко отбросила его назадъ къ Володѣ.

— Bravo, Марья Павловна! — слышалось позади нея.

Маша вспыхнула и оглянулась. Передъ нею стоялъ Зорницкій съ демоническою улыбкой на губахъ.

— Прекрасно, прекрасно, Марья Павловна! Продолжайте, я вамъ не мѣшаю...

Маша разсердилась и хотѣла-было сказать Зорницкому что-нибудь неприятное, но въ эту минуту мячъ уже летѣлъ къ ней, и она, принужденно смѣясь и съ преувеличеннымъ оживленіемъ (на зло Зорницкому), бросилась его ловить.

На террасу вышла Анна Павловна и смѣялась, глядя на эту сцену.

— Идите сюда, Зорницкій!—крикнула она.—Видите, тамъ не до васъ!..

— Что это съ Марьей Павловной?—сказала Зорницкій, подходя къ ней.—И что это за ристанія такія?

— Это у насъ новая пассія!—отвѣчала Анна Павловна, смѣясь.—Мы теперь занимаемся исправленіемъ испорченныхъ младенцевъ.

— Но чей же это мальчикъ?

— Нашихъ сосѣдей, знаете, вотъ здѣсь, рядомъ.

— Ахъ, это гдѣ красавчикъ-студентъ? Ну, теперь мнѣ все понятно!..—воскликнулъ Зорницкій ядовито.—У него такіе прелестные голубые глаза... и, вѣроятно, въ недалекомъ будущемъ Марья Павловна перейдетъ отъ исправленія младенцевъ къ дрессировкѣ очаровательнаго юноши и вмѣсто мячика начнетъ играть... въ поцѣлуи...

Анна Павловна перестала смѣяться.

— Что съ вами, Зорницкій?—сказала она серьезно.—Вы Богъ-знаетъ что говорите... мы вамъ не подавали никакого повода къ подобному... оскорбительному отношенію.

Зорницкій смутился.

— Простите, Анна Павловна,—поспѣшно заговорилъ онъ.—Я вовсе не хотѣлъ оскорбить... я хотѣлъ сказать, что женщины вообще... что часто онѣ ищутъ не столько дѣла, сколько героя... и у каждой женщины непременно есть свой Инсаровъ.

— Вы очень дурного мнѣнія о женщинахъ. Вѣроятно, вы никогда не встрѣчались съ хорошими женщинами... или у васъ была очень дурная мать.

Зорницкій совсѣмъ сконфузился и замолчалъ. Его мать была добрѣйшее существо, обожавшая своего ненагляднаго „Коккошеньку“; она жила на жалкую пенсію въ глухой провинціи и отказывала себѣ во всемъ, посылая послѣдніе гроши Коккошенькѣ для того, чтобы онъ свободно могъ заниматься живописью. Она глубоко вѣрила въ его талантъ и надѣялась, что онъ сдѣлается знаменитостью... А Коккошенька ничего не дѣлалъ, жуировалъ

на материнскія крохи, драпировался въ Онѣгинскіе плащи и до сихъ поръ ничего еще не сдѣлалъ... да врядъ ли и сдѣлаеть что-нибудь. Онъ даже часто забывалъ о матери и не писалъ ей по полугоду; бѣдная старушка изнывала въ одиночествѣ, томилась и ждала...

Анна Павловна взглянула на убитое лицо Зорницкаго, и ей стало его жаль.

— Ну... довольно объ этомъ, — сказала она весело. — На этотъ разъ я васъ прощаю, „принимая во вниманіе смягчающія обстоятельства“, какъ говорятъ юристы. Лучше расскажите мнѣ что-нибудь... Расскажите о Максютинѣ.

— Что вамъ Максютинъ?—уныло отозвался Зорницкій.

— Какъ что? Онъ интересный человѣкъ...

— Не знаю, что въ немъ васъ можетъ интересовать? Вы такая положительная особа, а онъ... совсѣмъ онъ для васъ неподходящій человѣкъ. Въ герои романа не годится.

— Вы, кажется, опять?—грозя ему пальцемъ, сказала Анна Павловна.—Вы, вѣроятно, думаете, что мы съ Машей пріѣхали сюда специально для того, чтобы ловить жениховъ. Успокойтесь, этого у насъ и дома довольно. Ну, рассказывайте же!

— Да что рассказывать? Я и самъ ничего не знаю. Знакомы мы съ нимъ уже десять лѣтъ, учились когда-то вмѣстѣ въ академіи, и онъ тогда усердно занимался живописью, подавалъ большія надежды. Потомъ мы съ нимъ какъ-то разошлись... у него было странное знакомство. Потомъ онъ исчезъ, и я совершенно потерялъ его изъ виду. Нынѣшней весной случайно встрѣтился съ нимъ на дорогѣ сюда. Онъ умиралъ отъ лихорадки и показался мнѣ ужасно жалкимъ: жилъ въ какомъ-то углу вмѣстѣ съ рабочими, писалъ съ нихъ портреты, питался гаранью. Я уговорилъ его поѣхать вмѣстѣ со мною сюда, ну, и... и вотъ и все...

Анна Павловна слушала его внимательно, и въ ея глазахъ то загорались, то потухали огоньки.

— А онъ, вы говорите... очень талантливый?—спросила она.

— Да, когда-то его называли вторымъ Рѣпинымъ. Ну, теперь, конечно, онъ все это бросилъ, кисть у него закрубилъ, и пишетъ онъ, самъ говоритъ, больше по привычкѣ, да еще потому, что это все-таки даетъ средства къ существованію. Разиѣняся на мелочи, однимъ словомъ. Портреты пишетъ на заказъ, ну, картиночку какую-нибудь продасть...

Анна Павловна задумалась, подперевъ подбородокъ ладонью; Зорницкій смотрѣлъ на нее и думалъ: „Ну вотъ, поди, пойми

этихъ женщинъ, что имъ нужно... странный народъ! Одна тамъ возится съ какимъ-то сквернымъ мальчишкой и воображаетъ, что дѣло дѣлаетъ; эта мечтаетъ о Максютинѣ и намѣрена, кажется, „возродить его въ новой жизни“... Ну, хочется любить, такъ и люби просто: нѣтъ, непременно надо съ вывертами...“ И Зорницкому почему-то стало обидно и скучно.

Въ комнату вошелъ Гриша. Онъ былъ въ какомъ-то возбужденномъ состояннн, махалъ руками, дѣлалъ гримасы и беззвучно хохоталъ, отчего лицо его сдѣлалось удивительно старообразнымъ.

— Что случилось?—съ удивленіемъ спросила Анна Павловна, которая никогда не видѣла Гришу хохочущимъ.

— Анна Павловна, приведите скорѣе въ порядокъ свои папильотки!—зашепталъ Гриша, даваясь отъ смѣха.—Къ вамъ сейчасъ гость придетъ...

— Какой гость?

— Господинъ студентъ... Мы тамъ съ Марьей Павловной въ бесѣдѣ сидѣли, а онъ вдругъ подошелъ и представился... Мы было-хотѣли отъ него подъ столъ спрятаться, да не успѣли... Онъ намъ про какую-то гонку рассказывалъ... а потомъ Марья Павловна его къ вамъ послала. Сейчасъ придетъ.

— Ну, вотъ, Маша всегда такъ!—сказала Анна Павловна съ неудовольствіемъ.—Сама тамъ начудить, а я раздѣлывайся за нее. Ну, на что мнѣ нуженъ этотъ студентъ?

— Идетъ, идетъ!..—проговорилъ Гриша, зажимая ротъ, чтобы не смѣяться.

На порогѣ показалась изящная и стройная фигура „Сержа“. Онъ вошелъ съ своей обычной ласковой улыбкой и съ фуражкой австрійскаго образца въ рукѣ; тонкій запахъ какихъ-то необыкновенныхъ духовъ наполнилъ комнату.

— Pardon...—заговорилъ онъ, сдвинувъ каблуки и наклонивъ одну голову, безъ стибанія всего стана.—Можетъ быть, это черезчуръ смѣло съ моей стороны, но ваша сестра оказала намъ честь сегодня утромъ, посѣтивъ насъ, и я счелъ своимъ долгомъ...

— Садитесь, пожалуйста,—вѣжливо сказала Анна Павловна, указывая ему на стулъ. Изъ Гришина угла послышалось сдержанное фырканье.

Студентъ выпрямилъ голову, сѣлъ и, улыбаясь, сталъ глядѣть на Анну Павловну. „Да эта, кажется, еще красивѣе!—подумалъ онъ съ удивленіемъ и удовольствіемъ.—Какой, однако, я былъ оселъ (про себя онъ выражался не такъ изящно, какъ вслухъ), что возился все время съ этой кислой полковницей, когда у меня подъ бокомъ жили такія жалишки“...

Прошло нѣсколько тягостныхъ минутъ. Студентъ улыбался и молчалъ; Зорницкій молчалъ и дулся, чувствуя себя оскорбленнымъ тѣмъ, что студентъ ему не представился; Анна Павловна находилась въ большомъ затрудненіи и совершенно не знала, о чемъ говорить. Ее выручилъ Гриша. Онъ вышелъ изъ своего угла, принявъ глубокомысленный видъ и усѣлся противъ студента.

— Анна Павловна! — заговорилъ онъ неестественнымъ басомъ:—Могу сообщить вамъ интересную новость: завтра у насъ состоится велосипедная гонка.

— Да,—сказалъ студентъ съ свѣтлою улыбкой, переложивъ свою австрійскую фуражку съ одного колѣна на другое.—Дистанція четырнадцать верстъ отъ шоссеиной казармы и до значка у въѣзда въ Балаклаву. Будутъ принимать участіе лучшіе мѣстные и прїѣзжіе велосипедисты.

— Конечно, и вы также?—спросила Анна Павловна.

— О, нѣтъ! Я еще недостаточно тренированъ для гонки.

— А позвольте васъ спросить,—началъ опять Гриша:—это очень трудная наука—велосипедія?

— Что вы за глупости говорите, Гриша? — сказала Анна Павловна, едва удерживаясь отъ смѣха.—Какая же это наука—„велосипедія“?

— Конечно, наука, — возразилъ Гриша серьезно. — Вѣдь есть же энциклопедія; отчего же не быть велосипедія?

Студентъ благосклонно улыбнулся, давая понять, что онъ нисколько не сердится на шутку Гриши.

— Вы, конечно, шутите, — сказалъ онъ. — Но я долженъ замѣтить, что въ нашемъ обществѣ совершенно напрасно существуетъ предубѣжденіе противъ спорта. Отсутствие физическихъ упражненій—большой пробѣлъ въ нашемъ воспитаніи. Возьмите, на примѣръ, Англію,—тамъ это дѣло поставлено серьезно, а у насъ всякая попытка въ этомъ родѣ вызываетъ смѣхъ. Къ счастью, въ послѣднее время замѣчается движеніе въ пользу физическаго воспитанія молодежи. Недавно въ печати заговорили даже о возобновеніи Олимпійскихъ игръ...

— Неужели?—воскликнулъ Гриша съ комическимъ сочувствіемъ.—Какой отраднѣйшій фактъ! Да, да, намъ именно недостаётъ Олимпійскихъ игръ... Мы ужасно отстали. У насъ черезчуръ много школъ и библиотекъ, и совершенно нѣтъ Олимпійскихъ игръ... Какое варварство!

Но на этотъ разъ студентъ даже не удостоилъ Гришу отвѣтомъ и, находя, вѣроятно, что первый визитъ продолжался достаточно, поднялся со стула.

— Вы уже уходите?—сказала Анна Павловна.

— Да... но, если позволите, я не ограничусь однимъ этимъ посѣщеніемъ,—произнесъ Сержъ, задерживая въ своей рукѣ руку Анны Павловны и лаская ее взглядомъ.—Мы съ сестрой такъ рады... здѣсь, въ Балаклавѣ, ужасно скучно, и совершенно нѣтъ порядочнаго общества. Какіе-то купцы, евреи, Богъ-знаетъ кто... Но сестра пожелала купаться здѣсь, потому что ее раздражаетъ прибой... а вы знаете—*que la femme veut, Dieu le veut*...

Онъ опять сдвинулъ каблуки, наклонилъ голову, какъ будто собирался боднуть Анну Павловну, и, выгибая икры, обтянутыя узкими, на манеръ гусарскихъ рейтузъ, брюками, пошелъ къ двери.

— Фу, слава Богу!—воскликнула Анна Павловна съ облегченіемъ, едва только дверь за нимъ затворилась.—Точно гора съ плечъ свалилась! Гриша, да что это съ вами, несносный мальчишка?

Гриша совершенно сползъ на полъ, схватился руками за животъ и корчился въ припадкѣ неудержимаго хохота.

— Ну, чего вы покатываетесь? И совсѣмъ это къ вамъ не идетъ. Изъ-за вашихъ гримасъ я сама давеча чуть не расхохоталась при этомъ господинѣ. Да перестаньте же, наконецъ!

Но Гриша хохоталъ такъ заразительно, что Анна Павловна не выдержала и сама равсмѣялась; даже Зорницѣй, котораго студентъ такъ-таки и не замѣтилъ во все время своего визита, и тотъ не могъ удержаться отъ улыбки, несмотря на страшное бѣшенство, влоковавшее въ его душѣ.

Дверь пріотворилась, и въ комнату осторожно заглянула Маша.

— Ушелъ?—спросила она, сконфуженно улыбаясь.

— Ну ужъ, матушка, удружила знакомствомъ!—накинулась на нее Анна Павловна.—Саша спряталась тамъ гдѣ-то, а я тутъ сида, занимай...

— Нѣтъ, каковъ экземпляръ-то, а? Охо-хо-хо!—проговорилъ Гриша, затихая и вытирая слезы, выступившія на глазахъ.—„Я недостаточно тренированъ“!.. точно онъ—скаковая лошадь, ха-ха-ха...

— А духи-то какіе!—сказала Анна Павловна, нюхая свою руку.—Я даже и не знаю, что это такое... Прелесть! Намъ сегодня вообще везетъ на новыя знакомства: утромъ была m-me Щигровская; теперь—вотъ этотъ...

— Какъ, у васъ была мать Юрія Александровича?—пере-

билъ ее Зорницкѣй и, вспомнивъ свой визитъ къ ней, какъ-то машинально схватился за воротъ сорочки.

— Да, была, и все время сидѣла молча, какъ англійская королева Елизавета, подавляя насъ своимъ величіемъ.

— Ну, ужъ если васъ стали посѣщать такія особы, намъ, простымъ смертнымъ, остается удалиться!—сказала Зорницкѣй и взялся за фуражку.

— Посидите, куда вы? Будемъ сейчасъ чай пить, потомъ на мысокъ пойдемъ, вы намъ новые стихи свои прочтете...

— О, нѣтъ, я теперь не пишу стиховъ...—съ горькимъ смѣхомъ воскликнула Зорницкѣй.—Да и зачѣмъ вамъ стихи, когда у васъ есть... велосипедъ!—закончилъ онъ неожиданно и исчезъ.

XVIII.

Клавдія Юрьевна вышла отъ сестеръ еще болѣе разстроенная, чѣмъ пришла. Въ головѣ у нея стоялъ какой-то сухой и горячій туманъ, въ ушахъ шумѣло, руки то холодѣли, какъ ледъ, то горѣли огнемъ. Ей хотѣлось бы лечь и заснуть... но мысль о возвращеніи въ пустую и мрачную комнату съ спущенными занавѣсками наполняла ее отвращеніемъ и ужасомъ одиночества. Она пошла на набережную и стала прохаживаться взадъ и впередъ. На набережной было пусто; всѣ сидѣли по домамъ, прячась отъ полуденнаго зноя и ожидая обѣда, который въ судахъ разносили дѣвочки-гречанки. Только на пристани сидѣлъ съ мертвеннымъ лицомъ пожилой военный, окутанный, несмотря на сорокаградусную жару, въ шинель, и подставлялъ подъ солнце свою ревматическую спину, да на верандѣ гостиницы закусывали какіе-то пріѣзжіе съ биноклями и красными внижечками путеводаителя Москвича въ рукахъ. Они громко разговаривали и смѣялись; Клавдія Юрьевна тупо посматрѣла на нихъ, и ей показалось страннымъ, что люди могутъ смѣяться и закусывать въ то время, какъ въ двухъ шагахъ отъ нихъ разыгрывается драма. Драма!.. эта мысль такъ поразила ее, что она даже оставилась. Но что же такое случилось? Вѣдь ничего еще не случилось... Почему же ей такъ тяжело и... страшно? Юрій не ночевалъ дома... Но вѣдь пора привыкнуть къ тому, что онъ уже не маленькій и можетъ распоряжаться собой, какъ ему угодно. Тутъ ей вспомнились слова блѣдной дѣвочки,—„мы никого не будемъ пеленать и калѣчить“. „Это она на мой счетъ сказала“, подумала Клавдія Юрьевна. Но неужели она дѣйствительно ка-

лѣчила своего сына? Она его только любила и берегла. Она не виновата... это въ немъ отцовская кровь связывается,—безпорочная, беспорядочная, разрушительная натура авантюриста, потомка Рудиныхъ. Она хотѣла сдѣлать изъ него мыслителя, разумнаго работника... ей не удалось. И эта дѣвочка не права; она не знаетъ, сколько страданій, усилій и тяжелаго труда стоило Клавдіи Юрьевнѣ воспитаніе ея сына. „Лучше бы онъ умеръ тогда“, подумала она, и горькія, злыя слезы обиды закипѣли на ея глазахъ.

Но вѣдь ничего же не случилось и, можетъ быть, всѣ ея страхи напрасны? Можетъ быть, онъ давно сидитъ дома и ждетъ ее? Клавдія Юрьевна почти бѣгомъ побѣжала домой. Но сознаніе угрожающей бѣды не повидало ея, и, войдя въ свою душную и сумрачную квартиру и убѣдившись, что Юрій Александровичъ еще не вернулся, она отнеслась къ этому почти равнодушно, и опѣпенѣніе отчаянія овладѣло ею.

Быль уже поздній вечеръ; въ комнатѣ стало еще душнѣе и темнѣе; съ сѣверо-востока надвигалась тяжелая, синія туча, и воды въ бухтѣ беспокойно плескались, хотя въ воздухѣ не было ни малѣйшаго вѣтерка. Клавдія Юрьевна не зажигала огня и сидѣла въ углу дивана; на столѣ стояли холодные судьи съ нетронутымъ обѣдомъ. Вдругъ на балконѣ послышались шаги; дверь стукнула. Клавдія Юрьевна встрепенулась.

— Это ты, Юрій?—спросила она, и сама не узнала своего голоса.

Юрій-Александровичъ не отвѣчалъ, и она, вся похолодѣвъ отъ этого молчанія, слышала, какъ онъ шарилъ что-то на столѣ.

— Ты ищешь спички? Онѣ тамъ, на этажеркѣ. Пстой, я зажгу...

Она разыскала спички и дрожащими руками, едва держась на ногахъ отъ слабости, зажгла лампу. Комната освѣтилась, и она увидѣла, что Юрій Александровичъ стоитъ въ углу и смотритъ на нее странными, сухими и красными глазами. „Не... пьянъ ли онъ?“—пронеслось у нея въ головѣ.—„Можетъ быть, эти художники затащили его куда-нибудь... и напоили... отъ этихъ господъ все становится“... Эта мысль сразу ободрила ее и подняла ея упавшія силы.

— Гдѣ ты былъ, Юрій?—сказала она строго.—Что ты дѣлаешь со мною? Я измучилась... Богъ знаетъ, что передумала... Вотъ до чего доводятъ дурныя знакомства. Ты на себя сталъ непохожъ... пропадаешь по ночамъ, книги въ руки не берешь, ходишь къ какимъ-то подозрительнымъ барышнямъ, которыя жи-

вуть однѣ, безъ матери, безъ гувернантки... Я была у нихъ сегодня и видѣла... Это еще хуже тѣхъ гимназистовъ!

Юрій Александровичъ молчалъ и продолжалъ смотрѣть на нее тѣмъ же страннымъ, воспаленнымъ взглядомъ. Онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ похожъ на пьянаго...

— Что же ты молчишь?—произнесла Клавдія Юрьевна мягче. — Ну... поди сюда, скажи, гдѣ былъ, что дѣлалъ... Помнишь, какъ бывало? Вѣдь прежде у тебя не было отъ меня никакихъ тайнъ,—эти художники и барышни совсѣмъ тебя испортили. Я тебя не узнаю. Можетъ быть, ты сдѣлалъ что-нибудь дурное? Ничего... можетъ быть, можно поправить. Только не скрывай отъ меня ничего; вѣдь ты никогда не лгалъ прежде.

Юрій Александровичъ пошевелился въ своемъ углу.

— Да, я никогда не лгалъ,—сказалъ онъ тихо и печально. —А вотъ вы-то... лгали...

Клавдія Юрьевна вздрогнула, и спички, которыя она держала въ рукахъ, упали на полъ.

— Это что значитъ?—вымолвила она твердо и властно.— Кто научилъ тебя такъ говорить со мною... съ твоей матерью, которой ты всѣмъ обязанъ?

— Мама, не говори такъ... теперь уже нечего притворяться. Я все теперь знаю... и объ отцѣ знаю.

Клавдія Юрьевна сѣла на стулъ и широко открытыми глазами посмотрѣла на сына.

— Вотъ какъ...—проговорила она поблѣдвшими губами.— Ну, что-жь... и ты меня обвиняешь?..

— Не обвиняю... а не могу больше жить по прежнему. Понимаешь, не могу? Все, все рухнуло... Зачѣмъ ты скрывала отъ меня про отца? Онъ тамъ жилъ въ пицетѣ, всѣми покинутый, одинокій... и я ничего не зналъ, ты мнѣ ничего не говорила...

— Я тебя любила...—прошептала Клавдія Юрьевна.

— А я-то?—воскликнулъ Юрій Александровичъ.—Я обо-жалъ тебя, я молился на тебя, я думалъ, что на свѣтѣ нѣтъ человѣка лучше тебя, а ты меня обманывала! Ты хотѣла сдѣлать изъ меня какого-то самодовольнаго, тупого фарисея, ты увѣряла меня, что на свѣтѣ все прекрасно, а въ это время тамъ, въ глухомъ городишкѣ, изнывалъ мой отецъ, который... Нѣтъ, я не могу больше говорить... Все, все рухнуло!

— Я тебя любила...—повторила Клавдія Юрьевна и тихо заплакала.

Юрію Александровичу стало ее жаль... Все прошлое, вся его жизнь, неразрывно связанная съ ея жизнью, всѣ свѣтлыя

минуты, проведенныя съ нею вмѣстѣ,—ея ласки, ея заботы, ея слезы о немъ, когда онъ болѣлъ—все это вспомнилось ему съ мучительною болью.

— Мама!..—сказалъ онъ, дѣлая къ ней шагъ.

Она протянула къ нему руки. Если бы она сказала въ эту минуту, что виновата передъ нимъ, что жизнь ихъ пойдетъ по новому, что они вмѣстѣ пойдутъ къ тому, забытому, покинутому, измученному,—онъ бы остался. Но Клавдія Юрьевна этого не сказала.

— Я тебя любила, Юрій...—проговорила она съвозъ слезы. — Вспомни, сколько я для тебя сдѣлала... Я отъ всего отказалась, отрелась ради тебя; все, что въ тебѣ—это все мое, ты мой, и ты хочешь уйти отъ меня къ отцу, который никогда насъ не любилъ, никогда ничего не сдѣлалъ для семьи и мою любовь, мое спокойствіе, мое здоровье приносилъ въ жертву какому-то бессмысленному идолу...

Старая ненависть проснулась въ ней; она встала, выпрямилась; глаза ея высохли и загорѣлись.

— Да, я тебя обманывала, Юрій, но я дѣлала это для тебя же. Я не хотѣла, чтобы ты зналъ о немъ, потому что онъ ничего не сдѣлалъ для меня, кромѣ зла. Я не хотѣла, чтобы ты любилъ его и былъ похожъ на него... я его ненавижу... Онъ отнял у меня все... а теперь отнимаетъ и тебя. Ради меня, Юрій, ради моей загубленной молодости, ради моихъ страданій—ты не смѣешь, ты не долженъ покидать меня и идти къ нему... И если такъ, то я жалѣю, что ты не умеръ...

Юрій Александровичъ повернулся и пошелъ къ двери. Она бросилась за нимъ.

— Юрій, остановись... Или я прокляну тебя!..

Онъ вышелъ. Клавдія Юрьевна оглянулась вокругъ себя, въ глазахъ ея все завружилось и потемнѣло, и она въ полуобморочномъ состояніи опустилась на диванъ. Одна... совѣтъ одна,— всегда одна, всю жизнь...

Въ комнатѣ воцарилось безмолвіе. Лампа коптила на столѣ; тысячи ночныхъ мотыльковъ кружились надъ нею, съ шипѣніемъ сгорали и падали на скатерть; глухой шумъ прибоя доносился съ набережной.

Между тѣмъ Юрій Александровичъ, выйдя изъ дома, торопливо пошелъ по набережной. Онъ не зналъ, куда идетъ и зачѣмъ; ему хотѣлось только не слышать гнѣвныхъ рѣчей, не видѣть странно чужого лица матери, искаженнаго злобой и не-

ненавистью; онъ хотѣлъ остаться совсѣмъ одинъ, хотѣлъ тишины и покоя. Набережная была пуста; городокъ уже спалъ, — не спало только море, шумѣвшее за скалами, да волны тревожно плескались въ бухтѣ, набѣгая на камни и рассыпаясь фосфорическими брызгами. Ночь была страшно тиха и душна; фонари, сверкающею цѣпочкой обогнувшіе набережную, не разсѣивали мрака; тяжелыя, черныя тучи низко нависли надъ городомъ. Юрій Александровичъ миновалъ рядъ безмолвныхъ домовъ, гостиницу съ двумя фонарями у подъѣзда, аптеку и вышелъ за городъ. Здѣсь было еще темнѣе и душнѣе; въ сумракѣ чуть-чуть бѣлѣла дорога, развѣтвлившаяся на двѣ вѣтви: одна круто сворачивала влѣво, на Севастополь, а другая бѣжала къ хуторамъ, разсѣянными въ долину. Юрій Александровичъ пошелъ по ней между каменными оградами садовъ и виноградниковъ, за которыми пѣли сверчки. Долина спала, придавленная теплыми тучами; изрѣдка только въ тишинѣ и мракѣ раскатывался выстрѣлъ сторожа въ какомъ-нибудь виноградникѣ, и собаки съ хуторовъ отвѣчали на него дружнымъ лаемъ, да зарницы вспыхивали на горизонтѣ, на мгновеніе выхватывая изъ мрака то бѣлую стѣну, то величественный силуэтъ горы. Наконецъ, Юрій Александровичъ уперся въ кающую колючую изгородь, испарпалъ себѣ всѣ руки и остановился. Дорога исчезла; онъ не зналъ, куда идти дальше, легъ на сухую землю и сталъ думать. Что теперь дѣлать? Возвращаться домой... но у него теперь нѣтъ дома, нѣтъ матери. Та озлобленная женщина, кричавшая тамъ, въ душевной комнатѣ со спущенными занавѣсками, — ему чужая; онъ совсѣмъ не зналъ ея и не понималъ. И прежняя жизнь невозможна... Что же дѣлать? И какъ рабъ, внезапно выпущенный на свободу, Юрій Александровичъ не зналъ, что ему дѣлать съ своей свободой. Вся его жизнь вдругъ переломилась пополамъ: до сихъ поръ за него думали и дѣлали другіе; онъ читалъ то, что ему давали, дѣлалъ то, что приказывали; послали его держать экзаменъ, — онъ выдержалъ, — потомъ привезли сюда, потомъ повезли бы за границу, и тамъ онъ поступилъ бы такъ, какъ ему указывали. Все шло ровно и гладко. . и вдругъ онъ одинъ, ночью, въ полѣ, лежитъ подъ заборомъ, и всѣ дороги открыты передъ нимъ — выбирай самъ и иди... Куда? Юрію Александровичу вспомнился царевичъ Сиддорта, который когда-то, тоже въ глухую ночь, вышелъ изъ своего великолѣпнаго дворца, и ворота навсегда закрылись за нимъ. „Но вѣдь онъ зналъ, зачѣмъ идетъ, а я“? — вслухъ произнесъ Юрій Александровичъ и оглянулся. Нѣмая ночь молчала; зар-

ницы безмолвно вспыхивали и погасали; смутныя очертанія отдаленныхъ горъ грозно темнѣли.

„Я пойду къ отцу. Можетъ быть, и тамъ я не найду того, что мнѣ нужно, но я попробую. А потомъ... буду жить и работать... Неужели двадцатилѣтнее рабство такъ меня искалѣчило, что я никуда не пожу? Вѣдь работы много, и люди вездѣ нужны; можетъ быть, понадобится и я. А если пѣтъ? Если жизнь выброситъ меня, какъ ненужную щепку, и я погибну? Что же, значить—такъ и нужно“...

Ночь проходила, зарницы потухли, на востокѣ забѣлѣло, и тучи уползли за море, а Юрій Александровичъ все лежалъ на землѣ и думалъ. За горами взошло солнце, и нѣжный румянецъ разлился по вершинамъ холмовъ; остатки ночныхъ тучъ хлопьями лежали на горахъ; долина просыпалась, и голубыя тѣни подымались къ высокому небу и сливались съ его бездонною синевой. Неясный гулъ жизни разливался надъ землею; гдѣ-то далеко слышались голоса, мычанье коровъ, скрипъ моджары; еще мгновеніе,—и огненные потоки свѣта хлынули въ долину, за-сверкали на черепичныхъ крышахъ хуторовъ, въ брызгахъ росы на травѣ и деревьяхъ, въ осколкахъ камней на дорогѣ. Свѣжій вѣтерокъ примчался съ горъ и зашелестѣлъ въ листьяхъ старыхъ вѣтвистыхъ орѣховъ, точно хотѣлъ сказать имъ: „здравствуй“. Легкая дрожь пронизала тѣло Юрія Александровича. Онъ всталъ, потянулся и съ свѣтлымъ чувствомъ свободы посмотрѣлъ вокругъ. Голова его, несмотря на бессонную ночь, была свѣжа; онъ чувствовалъ себя здоровымъ, бодрымъ и готовымъ на все.

„А мама“? — подумалъ онъ по привычкѣ, но сейчасъ же передъ его глазами встало злое лицо, освѣщенное желтымъ свѣтомъ лампы, злыя рѣчи ударили въ уши, и эта ненавистная, мрачная комната съ закрытыми окнами, и весь этотъ ужасный ночной кошмаръ, и вся его жизнь вспомнились ему и наполнили его душу отвращеніемъ и ужасомъ. Такъ человѣкъ, только-что вышедшій изъ долгаго заключенія, вспоминаетъ о своей одиночной кельѣ съ рѣшетчатымъ окномъ, съ тяжелой дверью, за которой звучатъ шаги тюремщиковъ, съ угрюмыми стѣнами, на которыхъ ему знакомо всякое пятнышко...

Юрій Александровичъ нетерпѣливо тряхнулъ головой, какъ бы отгоняя отъ себя мрачное воспоминаніе, выбрался на дорогу и пошелъ на встрѣчу солнцу, оставляя за собою навсегда душный мракъ прошедшей ночи.

XIX.

Наканунѣ Максютинъ легъ очень поздно. Его взволноваль разговоръ съ Юріемъ Александровичемъ, и онъ думаль, хорошо ли онъ сдѣлаль, рассказавъ юношѣ о его отцѣ. Можетъ быть, молодой человекъ всю жизнь свою проведеть бы въ блаженномъ невѣдѣніи, подѣ крылышкомъ матери, и былъ бы счастливъ, а вотъ онъ пришелъ и все разрушилъ и внесъ смуту въ молодую душу. Максютинъ почти испугаль взрывъ страстнаго отчаянія и негодованія противъ матери, вызванный внезапнымъ открытіемъ; онъ и не подозрѣваль, что этотъ застѣнчивый, робкій и, повидимому, безхарактерный юноша способенъ такъ сильно чувствовать. Но въ большинствѣ случаевъ именно такіе-то мягкіе, тихіе и съ виду податливые люди и обнаруживаютъ необычайную силу чувства. Если они вѣрятъ, то безъ сомнѣній; если разочаровываются, то безъ примиренія; полюбивъ, они отдаются всей душой, до полной потери своей личности, а ненависть ихъ доходить до жестокости. Максютину пришелъ на память другой, подобный же случай изъ его жизни. Работая въ шахтахъ, онъ познакомился съ однимъ рабочимъ, немудрящимъ, смиреннымъ паренкомъ изъ самой глухой, черноземной тамбовской деревушки. Онъ былъ робокъ до трусости, едва-едва умѣлъ читать, держался особнякомъ и казался совсѣмъ дурачкомъ. Много было смѣху надъ нимъ, когда онъ въ первый разъ спускался въ шахту, дрожа какъ листъ и вслухъ читая всѣ молитвы, какія зналъ. Съ этихъ поръ онъ сдѣлался всеобщимъ посмѣшищемъ; надъ нимъ издѣвались, продѣлывали всякія, иногда жестокія, шутки и помыкали имъ, какъ тряпкой, а онъ въ отвѣтъ только глупо улыбался, отмалчивался и жался куда-нибудь къ сторонкѣ. Максютину стало его жаль, и онъ принялъ его подѣ свое покровительство. Паренекъ привязался къ нему. Максютинъ часто разговариваль съ нимъ, рассказываль ему сказки, а когда увидѣлъ, что паренекъ обнаруживаетъ интересъ къ его рассказамъ, то началъ учить его грамотѣ и читать кое-какія книжки. И тутъ глупый паренекъ представился ему съ совершенно новой, неожиданной стороны. Онъ набрасывался на каждую книжку съ какой-то жадностью, читаль и перечитываль ее по нѣскольку разъ и старался выискнуть въ самую суть ея. Лежа въ забой, подѣ глыбою каменноугольнаго пласта, онъ забываль про „урки“ и, придвинувшись къ Максютину, страстнымъ шопотомъ допытывался у него, какъ надо понимать то или это мѣсто въ про-

читанной имъ книгѣ. Максютинъ едва успѣвалъ ему разъяснять непонятныя мѣста, а иногда просто даже затруднялся отвѣчать на его вопросы,—такъ они были щекотливы и опредѣленны... Малый требовалъ прямыхъ и ясныхъ отвѣтовъ, а Максютинъ не рѣшался давать ихъ, боясь, чтобы черезчуръ яркій свѣтъ не ослѣпилъ бѣднаго, темнаго паренька. Его опасенія сбылись. Паренекъ вдругъ преобразился: сначала онъ ходилъ по рудникамъ съ такимъ серьезнымъ и таинственнымъ видомъ, какъ будто онъ носилъ въ себѣ какое-то сокровище, и на обычныя шутки товарищей уже не отвѣчалъ прежнею глупою и робкою улыбкой; потомъ заговорилъ... Его рѣчи поразили рабочихъ, и они, вѣроятно, были удивлены гораздо больше, чѣмъ Валаамъ, когда заговорила его ослица. Первое время они встрѣчали ихъ дружнымъ хохотомъ и насмѣшками, потомъ стали прислушиваться. Правда, эти рѣчи были довольно безсвязны, но смыслъ ихъ былъ ясенъ, а главное, на слушателей дѣйствовала пламенная увѣренность, съ какою онѣ произносились. Кто самъ вѣритъ, тотъ и другихъ заставить вѣрить. По рудникамъ пошли разговоры; дошло дѣло и до управляющаго. Паренька позвали къ нему и попробовали пригрозить ему расчетомъ, но онъ такъ себя повелъ, что тутъ же ему выдали деньги и велѣли немедленно уходить на всѣ четыре стороны. Пришлось уходить и Максютину. Они ушли вмѣстѣ, и Максютинъ никогда не могъ забыть того радостнаго и торжественнаго вида, съ какимъ его спутникъ шагалъ по знойной, раскаленной степи, изрытой черными ямами шахтъ. Когда Максютинъ попробовалъ упрекнуть его за неосторожность, паренекъ повернулъ къ нему свое возбужденное лицо и съ сіяющими глазами сказалъ: „А правда-то, правда-то, Егорычъ? Вѣдь за правду и помереть можно“... Они вмѣстѣ дошли до города и нанялись на пристань таскать кули, но и отсюда имъ скоро пришлось уходить, да еще со скандаломъ, который, только благодаря добродушію пристава, привыкшаго имѣть дѣло съ рабочимъ людомъ и предпочитавшаго всякія щекотливыя дѣла рѣшать семейнымъ образомъ, при помощи непечатныхъ словесъ, а иногда зуботычины,—не кончился кутузкой. Послѣ этого случая Максютинъ понялъ, что съ такимъ товарищемъ оставаться неудобно, и рѣшилъ отъ него отдѣлаться. Онъ пристроилъ паренька на желѣзную дорогу смазчикомъ, а самъ съ первымъ же пароходомъ уѣхалъ на Кавказъ. Больше они не встрѣчались, но Максютинъ не сомнѣвался, что пріятель его еще напомнитъ ему о себѣ и доставитъ въ будущемъ не мало хлопотъ съ своей „правдой“, которую онъ такъ наивно и довѣрчиво предъявлялъ

всему свѣту, думая, что и всѣ увѣруютъ въ нее такъ же беззавѣтно, какъ увѣровалъ онъ.

Да, эти наивные, глубоко чувствующіе люди опасны, и Максютинъ, возвратившись домой послѣ бесѣды съ Юріемъ Александровичемъ, весь вечеръ не могъ отдѣлаться отъ какого-то смутнаго безпокойства и ожиданія. Такъ чувствуютъ себя люди передъ грозой... и Максютинъ не развеселилъ даже Зорницкій, который вернулся откуда-то мрачный, раздраженный, и объявилъ, что женщины ему надоѣли, что съ завтрашняго дня онъ серьезно засядетъ за работу, и что Маша—пустая дѣвчонка, у которой нѣтъ никакого чувства эстетики. Несмотря на этотъ мрачный тонъ разочарованія, Зорницкій съ аппетитомъ уничтожилъ все, что было съѣстного въ квартирѣ, и, сидя за самоваромъ, посвятилъ Максютинъ въ планъ поэмы, которую онъ задумалъ сегодня подъ влияніемъ своего неудачнаго ухаживанія. Въ поэмѣ этой онъ хотѣлъ изобразить женщину въ видѣ прелестнаго цвѣтка, но съ отвратительнымъ ядовитымъ запахомъ, одуряющимъ всякаго, кто приблизится къ цвѣтку, чтобы насладиться его красотой, и въ концѣ концовъ доводящаго неосторожнаго до безумія и до самоубійства. Максютинъ увѣрялъ Зорницкаго, что онъ уже читалъ гдѣ-то нѣчто подобное, и предостерегалъ его отъ плагіата, но Зорницкій ни за что не хотѣлъ разстаться съ своей, какъ онъ говорилъ, „идеей“, и уже заранѣе мечталъ, какой фуроръ произведетъ его поэма, изданная на черной бумагѣ съ красными буквами и съ фантастическими виньетками, изображающими женщинъ въ видѣ цвѣтовъ и цвѣты въ видѣ женщинъ. Онъ рѣшилъ даже, что недурно бы пропитать листы книги какимъ-нибудь необыкновеннымъ ароматомъ, который дѣйствовалъ бы какъ гашишъ, вызывая головокруженіе и странныя видѣнія, но потомъ самъ понялъ, что, кажется, уже слишкомъ заврался, и легъ спать. Черезъ минуту онъ уже храпѣлъ самымъ прозаическимъ образомъ, но Максютинъ долго не могъ заснуть. Его раздражалъ храпъ Зорницкаго, но больше всего томили собственные тревожныя думы. Наконецъ онъ забылся, но и во снѣ странное безпокойство его не покидало. Ему казалось, что опять онъ идетъ по безбрежной, выжженной солнцемъ степи, надъ которою дрожить горячее сизое марево и носится свистъ сурковъ, сидящихъ на курганахъ. Рядомъ съ нимъ идетъ Юрій Александровичъ, но съ лицомъ того паренька изъ тамбовской деревни. Они идутъ-идутъ, а конца все нѣтъ, и все такъ же жжетъ сухое марево, и свистятъ сурки и во всѣ стороны разстилается голая, пустынная степь. Безпокойство и досада мучаютъ Максютинъ, и онъ думаетъ—когда же

конецъ? И куда они идутъ? Онъ хочетъ остановиться, но Юрій Александровичъ все шатаетъ впередъ и увлекаетъ его за собою. „Я не хочу“, говоритъ Максютинъ, но его спутникъ оборачиваетъ въ нему свое курносое, веснучатое лицо и шепчетъ: „а правда-то, правда-то, Егорычъ“?.. И они опять идутъ...

Вдругъ Максютинъ точно толкнулъ что-то, и онъ очнулся. Яркое солнце било ему прямо въ глаза; Зорницкій спалъ на своей кровати, а у окна смиренненько сидѣлъ Юрій Александровичъ и осторожно, чтобы никого не разбудить, перелистывалъ какую-то книгу. Максютинъ поднялся и протеръ глаза.

— Юрій Александровичъ, это вы, или я васъ во снѣ вижу?— спросилъ онъ.

Молодой человекъ вздрогнулъ, положилъ книгу и робко улыбнулся.

— Это я... Простите, я васъ разбудилъ.

— Нѣтъ, ничего, но... какъ это вы такъ?

— Я ушелъ отъ матери, — сказалъ Юрій Александровичъ.

— Вы ушли отъ матери... — повторилъ Максютинъ и еще разъ протеръ себѣ глаза.

— Ушелъ совсѣмъ, — сказалъ Юрій Александровичъ и, присѣвъ на край постели Максютинъ, вполголоса, путаясь и волнуясь, сталъ рассказывать ему все, что произошло вчера.

Максютинъ всталъ и началъ поспѣшно одѣваться.

— Но, можетъ быть, это просто недоразумѣннѣе... и все еще уладится?—говорилъ онъ.—Можетъ быть, вы примиритесь?

— Нѣтъ, я не могу...—возразилъ Юрій Александровичъ, и его лицо приняло выраженіе угрюмаго упорства.

— Но вѣдь она васъ любитъ... Она будетъ страдать, да и вы тоже. Вы думали объ этомъ?

— Я думалъ... Я всю ночь думалъ... (Юрію Александровичу вспомнились безмолвныя голубыя зарницы и удушливый мракъ прошедшей ночи). — Она не любитъ меня. Она желала мнѣ умереть... Я не знаю, но если бы я любилъ кого-нибудь, я бы не могъ такъ. Я бы лучше самъ умеръ...

— Ну, мало ли что говорится въ раздраженіи!—примирительно замѣтилъ Максютинъ.—Смотрите, Юрій Александровичъ, вы дѣлаете важный шагъ. Ссоры и недоразумѣннѣя бываютъ постоянно между близкими людьми, но не все же кончается такъ, сразу.

— Я не ссорился. Это совсѣмъ не ссора. Я вдругъ понялъ, что не могу жить по прежнему и что между мной и... мамой нѣтъ ничего общаго. Я не могу теперь жить такъ, какъ она

хочетъ, а она... нѣтъ, что объ этомъ говорить! Я рѣшилъ уѣхать къ отцу. И я попрошу васъ сегодня пойти къ моей матери и взять у нея мой паспортъ. А пока я побуду у васъ... Вѣдь вы меня не прогоните?

— Объ этомъ нечего и спрашивать! Такъ вы желаете, чтобы я сходилъ къ вашей матери?

— Да. Помогите мнѣ и посовѣтуйте, что дѣлать.

Максютинъ озабоченно прошелся по комнатѣ, потомъ остановился передъ Юріемъ Александровичемъ и взглянулъ на него. И теперь только онъ увидѣлъ, какъ юноша былъ измученъ... Острая жалость наполнила его душу. Бѣдныя дѣти, сколько приходится имъ страдать изъ-за безмысленной и бесполезной лжи, которою ихъ опутываютъ съ дѣтства, и изъ которой имъ приходится освобождаться собственными слабыми силами...

— Хорошо, — сказала онъ, протягивая юношѣ руку. — По рукамъ, — я иду къ вашей матери и все сдѣлаю, что могу. Но вѣдь еще рано теперь, какъ вы думаете? Не напьемся ли мы чаю прежде? — прибавилъ онъ, замѣтивъ, что Юрій Александровичъ какъ-то вдругъ ослабѣлъ и едва удерживается отъ слезъ.

— Ахъ, да, да... — поспѣшно воскликнулъ тотъ, подавляя готовыя вырваться наружу рыданія. Конечно, чаю... и давайте, я вамъ помогу. Я не умѣю ставить самоваръ, но, можетъ быть, щепки...

— Отлично, пойдемте, я вамъ покажу, какъ это дѣлается. Начнемъ самостоятельную жизнь! — улыбаясь, проговорилъ Максютинъ.

Черезъ минуту Юрій Александровичъ на стеклянной галерейкѣ неумѣло возился съ самоваромъ, безпрестанно смигивая застилавшія ему глаза слезы и радуясь, что никто его не видитъ, а Максютинъ серьезный и задумчивый ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

Проснулся Зорницкій и недовольнымъ окомъ взглянулъ на товарища.

— Чего это тебя подняло такую рань? — проворчалъ онъ соннымъ голосомъ. — Я не спалъ всю ночь... только-что началъ дремать, а ты будишь...

— Ну, не ври, пожалуйста! Великолѣпно храпѣлъ всю ночь, какъ пожарный, и отлично выспался. Вставай-ка; встать, ты сегодня вѣдь хотѣлъ работать, такъ теперь самое время для работы.

Зорницкій сдѣлалъ кислое лицо и нѣхота началъ одѣваться. Послѣ чаю, за которымъ разговоръ какъ-то не клеился,

Максютинъ собрался уходить. Зорницкій тоже поднялся и съ озабоченнымъ видомъ сталъ шарить по всѣмъ угламъ комнаты.

— Ты не знаешь, гдѣ мои краски?—спросилъ онъ.—Чортъ ихъ знаетъ, куда онѣ запропастились...

Краски отыскались за кроватью, наступила очередь зонтика. Наконецъ всѣ рабочія принадлежности были найдены; Зорницкій повѣсилъ черезъ плечо ящикъ съ красками, надѣлъ для чего-то широкополую шляпу, взялъ подъ мышку зонтикъ, складной стулъ и, бросивъ послѣдній взглядъ въ зеркало, объявилъ, что онъ готовъ.

— Ну, ты куда же теперь?—спросилъ его Максютинъ уже на улицѣ.

— Возьму лодку и уѣду подальше въ море. Хочу погрузиться въ природу, хочу купаться въ солнечныхъ лучахъ, хочу тишины и свободы! — съ пафосомъ воскликнулъ Зорницкій.— Надоѣли мнѣ люди... особенно женщины, — эти хитрыя кошки съ бархатной шерстью и острыми когтями...

— Экъ тебя фраза-то заѣла!—насмѣшливо замѣтилъ Максютинъ.—Ну, такъ до свиданія,—мнѣ сюда.

— А ты куда же это?

— Ни за что не угадаешь. Я иду къ госпожѣ Шигровской.

— Ты? Къ этой мраморной Ниобеѣ? Это зачѣмъ?

— Съ порученіемъ. Юрій Александровичъ отъ нея ушелъ.

Зорницкій во всѣ глаза смотрѣлъ на Максютина.

— Ну, не желалъ бы я быть на твоёмъ мѣстѣ...—сказалъ онъ наконецъ!—Это, братъ... Но какъ, почему и зачѣмъ онъ ушелъ? Это все твой штуки, Максютинъ. Ты какой-то демонъ-искуситель; я бы тебя на пушечный выстрѣлъ не подпускалъ къ молодежи.

— Такъ же, какъ и я тебя. Оба мы съ тобой, голубчикъ, хороши, только каждый по-своему. Ну, иди же, купайся въ солнечныхъ лучахъ.

— А мнѣ ее жаль... все-таки жаль...—бормоталъ Зорницкій.—Бѣдная мать... бѣдная Ниобея!

Но тутъ онъ вспомнилъ свою собственную мать, изнывающую въ тоскѣ по немъ, и прикусилъ языкъ. Надо написать ей... Непременно сегодня же вечеромъ онъ напишетъ. Эта праздная жизнь, эти вѣчныя исторіи съ женщинами совсѣмъ выбили его изъ колеи. Но теперь все кончено; онъ засядетъ за работу, онъ напишетъ наконецъ картину, которая сразу дастъ ему имя и положеніе... И Зорницкій бодро зашагалъ впередъ.

Между тѣмъ Максютинъ былъ уже на балконѣ квартиры

Щигровскихъ. Окна были закрыты, дверь заперта; онъ въ нерѣшительности постучалъ тихонько въ стекло. Отвѣта не было. Максютинъ раза два прошелся по балкону, обдумывая, что онъ скажетъ, и постучался еще разъ уже погромче. На этотъ разъ дверь безшумно отворилась, и на порогѣ показалась Клавдія Юрьевна. Она была блѣднѣе обыкновеннаго, но такъ же тщательно одѣта, какъ всегда, и ея пышныя сѣдыя косы были причесаны волосомъ къ волоску.

Увидѣвъ незнакомаго человѣка въ блузѣ и высокихъ сапогахъ, она окинула его своимъ холоднымъ взглядомъ и спросила, что ему нужно?

— Вы госпожа Щигровская?—не безъ смущенія заговорилъ Максютинъ.—Я къ вамъ по просьбѣ вашего сына...

Какая-то неуловимая тѣнь пробѣжала по блѣдному лицу Клавдіи Юрьевны, и, отступивъ въ глубь комнаты, она молча позволила Максютину войти.

Нѣсколько минутъ они стояли другъ противъ друга, не говоря ни слова. Максютинъ ждалъ, когда она заговоритъ, но она молчала, не сводя съ него своихъ стальныхъ глазъ, и только легкое дрожаніе около губъ выдавало ея внутреннее волненіе, которое она страшнымъ усиліемъ воли старалась подавить въ себѣ. „Такъ вотъ ты какая“!..—думалъ Максютинъ.

— Юрій Александровичъ, — заговорилъ онъ наконецъ, поборовъ въ себѣ смущеніе, — просилъ меня передать вамъ, что онъ желаетъ уѣхать къ отцу.

Онъ подождалъ, ожидая, что она что-нибудь скажетъ, но Клавдія Юрьевна продолжала молчать.

— Онъ пока поселился у меня, — началъ опять Максютинъ.—На дняхъ я отсюда уѣзжаю и провожу его до Москвы. Тамъ у меня есть знакомые, люди надежныя, которые помогутъ ему добраться до Александра Ивановича (при этомъ имени Клавдія Юрьевна слегка вздрогнула). Будьте увѣрены, что съ нимъ ничего дурного не случится. О немъ будутъ заботиться, какъ о родномъ...

Клавдія Юрьевна сдѣлала движеніе рукой, какъ будто хотѣла дать понять, что ей до всего этого нѣтъ никакого дѣла. Максютинъ такъ и понялъ.

— Ну, простите, если я сказалъ что-нибудь лишнее,—добродушно проговорилъ онъ.—Но я думалъ, что вы будете безпокоиться, и хотѣлъ...

— Такъ чего же онъ хочетъ? — перебила его Клавдія Юрьевна жестко.

— Ему нуженъ паспортъ.

Клавдія Юрьевна пошла къ столу, отодвинула ящикъ и, доставъ оттуда паспортную книжку и еще что-то, завернутое въ бумагу, передала все это Максютину.

— Вотъ его бумаги,—сказала она глухо.—А вотъ это передайте ему деньги... Здѣсь немного, но я переведу на его имя въ Р—й банкъ, и онъ можетъ получать оттуда, когда захочетъ.

— О деньгахъ мнѣ Юрій Александровичъ ничего не говорилъ.

— Все равно,—сухо сказала Клавдія Юрьевна.—Переводъ будетъ сдѣланъ, а тамъ онъ можетъ поступать, какъ ему угодно.

Максютинъ поклонился и пошелъ-было къ дверямъ.

— Пойдите! — остановила его Клавдія Юрьевна, и въ ея глазахъ на минуту сверкнуло что-то, придавшее жизни ея овалъ лицамъ чертамъ.—Передайте ему еще, что я... не желаю никакого посредничества... И если онъ вздумаетъ прислать еще разъ ко мнѣ кого-нибудь изъ своихъ... новыхъ друзей,—я не приму никого...

Максютинъ молча поклонился и вышелъ съ чувствомъ невольнаго уваженія къ этой сильной женщинѣ, которая даже ради своей единственной привязанности не уступала ни юты своихъ убѣжденій.

А Клавдія Юрьевна, проводивъ его, тщательно заперла дверь и, съ нѣмымъ отчаяніемъ оглянувшись вокругъ своей опустѣвшей комнаты, безъ чувствъ упала на диванъ.

XX.

Около шести часовъ вечера шоссе на выѣздѣ изъ Балаклавы было усыяно любопытными, вышедшими посмотреть на необычное въ Балаклавѣ зрѣлище—гонку велосипедистовъ. Обширный пустырь, на которомъ обыкновенно мирно паслись стада гусей, пестрѣлъ теперь самыми разнообразными костюмами и гудѣлъ, какъ пчелиный улей; экспансивные, жадные до зрѣлищъ греки жестикулировали, спорили и волновались, потому что въ числѣ гонщиковъ былъ сынъ одного богатаго севастопольскаго грека; ихъ жены и дочери, обыкновенно растрепанныя и грязныя, для такого торжественнаго случая принарядились въ праздничныя, яркія кофточки, пригладили свои черныя косы и перекликались звонкими голосами; черные, какъ жуки, ребятишки прыгали вокругъ нихъ. Испуганные всей этой суматохой, гуси съ гоготаньемъ,

шлепая крыльями, спасались въ бухту, которая въ этомъ мѣстѣ превращалась уже въ грязное болото, насыщая воздухъ іодистыми испареніями разлагавшихся водорослей и соли. Изъ Севастополя безпрестанно приносились изящныя корзины-фятоны подъ бѣлыми парусиновыми балдахинами, наполненные разодѣтыми дамами, офицерами и штатскими; на двухъ линейкахъ прибылъ оркестръ полковой музыки и размѣстился на верандѣ гостиницы. Даже прїѣзжіе больные покинули свои душныя комнаты, пропитанныя запахомъ лекарствъ, и стремились на шоссе: тяжело опираясь на руку жены и еле передвигая больныя ноги, брелъ пожилой военный; чахоточный юноша въ бѣломъ фланелевомъ костюмѣ, кашляя и задыхаясь, плелся туда же; нѣкоторые несли въ рукахъ неизбѣжныя бумажныя фунтики и корзиночки, чтобы, не теряя времени даромъ, во время прогулки съѣсть лишнюю порцію опротивѣвшаго имъ винограда, отъ котораго у нихъ уже трескались губы и болѣли языки.

Анна Павловна и Маша тоже были здѣсь. Маша не хотѣла было идти, но Анна Павловна уговорила ее; на дорогѣ къ нимъ присоединился и Гриша, оставивъ свою мать въ обществѣ толстой, красивой еврейки, лечившейся морскими купаньями отъ какой-то странной болѣзни „въ середкѣ“.

— Ну, пойдемте, пойдемте, посмотримъ на современныя Олимпійскія игры! — говорилъ онъ, ковыляя своей неуклюжей походкой рядомъ съ сестрами.

— Не понимаю, что смотрѣть! — сказала Маша недовольно. — Все это ужасно глупо, и глупѣ всего то, что сами смѣемся, а идемъ.

— Ну и что-жъ такое, ну и идемъ! — возразила Анна Павловна. — Все-таки это любопытно, отчего не посмотрѣть. Все, что происходитъ на свѣтѣ, интересно, все нужно испытать!

— А если бы, напримѣръ, у насъ былъ бой быковъ, ты бы тоже пошла смотрѣть?

— Конечно, пошла бы. Я люблю сильныя ощущенія.

— Такъ ступай лучше на бойню!

— Ну, зачѣмъ на бойню, — бойня, это некрасиво, а бой быковъ — совсѣмъ другое дѣло. „Торреадоръ, смѣлѣ!“ — заплѣла она изъ „Карменъ“.

— Не понимаю! — пожимая плечами, проговорила Маша. — Девадентство какое-то...

— А кстати, что это Зорницкаго не видать? — спросила Анна Павловна, обрывая пѣніе. — Надулся вчера, ушелъ и не показывается.

— Нѣтъ, я его видѣлъ давеча,—сказалъ Гриша. — Отправился куда-то на лодкѣ и декламировалъ: „Дайте мнѣ челнокъ дощатый съ полусгнившею скамьей“.

Мимо нихъ промчался, быстро перебирая затынутыми въ темносиніе чулки ногами, Сержъ съ озабоченнымъ лицомъ, но, увидѣвъ сестеръ, онъ просіялъ, сдѣлавъ ручкой и исчезъ, вздымая за собою тоненькія струйки пыли.

— Очарователенъ! — сказалъ ему вслѣдъ Гриша. — И посмотрите, какое у него лицо: точно судьбы міра рѣшаются. На его улицѣ сегодня праздники.

Они вышли на шоссе, и Гриша, чтобы лучше видѣть, предложилъ взобраться на гору, по желтымъ уступамъ которой уже лѣпились группы зрителей, но въ эту минуту къ нимъ снова подлетѣлъ Сержъ, остановилъ велосипедъ и граціозно спрыгнулъ на землю.

— Простите пожалуйста...—сказалъ онъ, улыбаясь и прикладывая по военному два пальца къ козырьку своей австрийской фуражки.—Вѣроятно, они сейчасъ выйдутъ; получено уже извѣстіе. Пунктъ остановки вонъ тамъ, видите, гдѣ ставятъ значокъ...—объяснялъ онъ, лаская взглядомъ и улыбкой поочередно обѣихъ сестеръ. Но внезапно его личико омрачилось и, понизивъ голосъ, онъ прибавилъ:—Но представьте, какое ужасное несчастіе... одинъ изъ гонщиковъ вчера скончался отъ разрыва сердца по дорогѣ изъ Симферополя.

— Ай, Боже мой!—съ притворнымъ участіемъ воскликнула Анна Павловна.—Отчего же это?

— Вѣроятно, отъ напряженія... Онъ спѣшилъ,—серьезно и печально сказалъ студентъ, какъ будто рѣчь шла о воинѣ, павшемъ съ честью на полѣ битвы.—Что дѣлать!—прибавилъ онъ, и опять улыбнулся.—Но я спѣшу... радон! У васъ есть бинокль? Нѣтъ? Какъ жаль...

Онъ легко вспрыгнулъ на велосипедъ и, сдѣлавъ ручкой, умчался, а молодые люди стали взбираться на гору, откуда разстился видъ на всю балаклавскую равнину, съ извилистою, бѣлою лентою шоссе, съ зелеными квадратами виноградниковъ и садовъ, съ красными кровлями хуторовъ и дачъ, надъ которыми, точно стражи, недвижно вздымались стройныя силуэты пирамидальныхъ тополей. А по ту сторону шоссе, на склонѣ холма, за бѣлою каменною оградой, раскинулось кладбище и своими грустными крестами и памятниками, сверкавшими на солнцѣ, производило странное впечатлѣніе среди оживленной картины гонки.

Молодежь разбѣстилась на голыхъ, горячихъ камняхъ горы и стала ждать, всматриваясь въ блестящую ленту дороги. Снизу до нихъ доносился говоръ толпы и раскатистые взрывы смѣха; смуглые, босоногіе ребятишки съ ловкостью обезьянъ шныряли подъ ногами, перепрыгивая съ камня на камень; ихъ крикливые птячи голоса звонко разсыпались въ воздухѣ.

— Ъдутъ, ъдутъ!—закричалъ вдругъ одинъ мальчишка, забравшійся на гору выше всѣхъ.

Всѣ устремили глаза на дорогу, но ничего не было видно, и долина по прежнему сверкала въ горячихъ потокахъ солнечнаго свѣта. Но вотъ среди этого дрожащаго блесва мелькнула какая-то черная точка, за ней другая... третья... Зрители притаили дыханіе, вытягивали шеи, приподнимались на цыпочкахъ, чтобы лучше видѣть. Точки приближались, росли; уже можно было различить сверканіе стальныхъ спиць, согнутыя фигуры съ быстро мелькающими ногами, похожими издали на тоненькія черточки... Казалось, что какія-то странныя, большія насѣкомыя, извиваясь, несутся по дорогѣ. Все ближе, ближе... Толпа внизу заколебалась, кто-то замахалъ бѣлымъ платкомъ, и шедшій впереди велосипедистъ, согнувшись въ три-погибели и ожесточенно работая ногами, врѣзался въ публику, промчался мимо значая и остановился, съ облегченіемъ вытягивая усталыя ноги. Его бѣлая, сдвинутая на затылокъ шапочка и лицо были сѣры отъ пыли и пота; полосатая вязаная фуфайка промочла насквозь и прилипла къ тѣлу; онъ видимо нивагъ не могъ придти въ себя и смотрѣлъ вокругъ безмысленными, остановившимися глазами. Его окружали, жали ему руки, поздравляли, но онъ ничего не понималъ и, раскрывъ ротъ, тяжело дышалъ, такъ что его впадая грудь съ рѣзко обозначившимися ключицами ходила ходуномъ.

— Какая дичь! Какая гадость!—прошептала Маша, отворачиваясь съ отвращеніемъ. — И изъ-за чего все это? Зачѣмъ?

Пришелъ второй велосипедистъ, совсѣмъ молоденькій мальчишечка съ красивымъ личикомъ греческаго типа, такой же измученный и задыхающійся. При видѣ его греки заволновались, закричали, замахали руками и бросились къ нему съ привѣтствіями,—это и былъ синъ севастопольскаго богача. На остальныхъ велосипедистовъ уже никто не обращалъ вниманія, и вся толпа хлынула за побѣдителями въ Балаклаву. Оркестръ на верандѣ игралъ торжественный тушь, дамы въ боляскахъ махали платками, греки ревѣли, мальчишки кричали „ура“! Передъ гостинницей была давка, такъ что сестры съ Гришей принуждены были остановиться. Греки окружили мальчика-велосипедиста,

хлопали его по мокрой отъ пота спинѣ, а онъ, взволнованный, чуть не плача, что-то имъ рассказывалъ и вытирался платкомъ. Оказалось, что у него сломалась на дорогѣ педаль, и онъ больно ушибъ себѣ ногу, а то онъ непременно пришелъ бы первымъ, — и эта неудача такъ его огорчила, что онъ наконецъ не выдержалъ и расплакался. При общихъ вопросахъ и выраженіяхъ сочувствія, его повели въ гостиницу отпаивать водой, а греки, красные, возбужденные, съ налитыми кровью глазами, долго еще тѣснились у крыльца и кричали, что эта гонка не настоящая, что „нашъ Яни“ пришелъ бы первымъ, если бы у него не сломалась педаль, и что награду надо дать ему, потому что онъ — лучший гонщикъ во всемъ Крыму — да что въ Крыму! во всей Россіи... А оркестръ жарилъ тушъ за тушемъ, и на верандѣ уже захлопали пробки...

Сестры протолкались впередъ и пошли домой. Маша возмущалась.

— Гадость, гадость! — повторяла она. — Безуміе какое-то... противно смотрѣть. И вообще мнѣ все здѣсь надоѣло... пора домой. Надоѣла праздность, надоѣли эти люди, которые только и дѣлаютъ, что жууютъ виноградъ и трясутся надъ своимъ здоровьемъ, будто на свѣтѣ нѣтъ ничего болѣе интереснаго.

— Какая ты нетерпимая, Маша! — съ упрекомъ сказала Анна Павловна. — Понятно, люди больные, и вполне естественно, что они заняты своимъ здоровьемъ.

— Да не до такой же степени! Вѣдь только и слышишь: „вы сколько теперь съѣдаете винограду“? — „Пять фунтовъ“! — „А я до семи дошелъ, и уже во мнѣ три фунта вѣсу прибавилось“... Противные!

— Злючка ты, вотъ что! На словахъ-то вы съ Гришей добренькіе — „человѣчество, человѣчество“! — а на дѣлѣ у васъ совсѣмъ другое выходитъ. Человѣчеству вы сочувствуете, а человѣка вамъ не жаль. Не понимаю я этого!

— Что дѣлать, Анна Павловна! — иронически отозвался Гриша. — Многого вы не понимаете, потому что у васъ бабья логика, да и доброта ваша — бабья! Вѣдь вотъ вамъ, чего добраго, и этого велосипедиста жаль, который первымъ не пришелъ? Вѣдь жаль, а?

— Конечно, жаль.

— Ну, а намъ съ Марьей Павловной ничуть не жаль, и проливать слезъ надъ нимъ мы не намѣрены. Предоставляемъ это вамъ. Поплачьте, поплачьте... можетъ быть, вамъ платочекъ дать?

— Уйдите вы съ вашимъ платочкомъ... — сказала Анна Павловна—и вдругъ запнулась и покраснѣла. Изъ городского сада вышелъ Максютинъ и, увидѣвъ ихъ, остановился.

— Откуда это вы? Съ гонки?—спросилъ онъ.—А я только сейчасъ на почтѣ узналъ, что у насъ торжество. Слышу, гремитъ музыка, спрашиваю,—что такое? Ну, что же, интересно?

— Чрезвычайно!—насмѣшливо отвѣчалъ Гриша.—Вотъ Анна Павловна только огорчена,—оплакиваетъ одного гонщика, который не пришелъ первымъ.

— Ну, не клеветите, пожалуйста, совсѣмъ не оплакиваю. А вы куда?—обратилась Анна Павловна къ Максютину.—Пойдемте къ намъ чай пить.

— Хорошо,—подумавъ, сказалъ Максютинъ.—Только вы подождите меня немного, мнѣ нужно домой на минутку.

Онъ торопливо удалился, на ходу читая какое-то письмо. Анна Павловна смотрѣла ему вслѣдъ страннымъ взглядомъ.

— Ну, пойдете...—сказала она, встряхивая головой.

Когда они подходили къ дому, на встрѣчу имъ высочилъ Володя, весь красный, взъерошенный и безъ фуражки.

— Кончилась гонка?—спросилъ онъ.—Ну, я такъ и зналъ... Они меня нарочно заперли, а сами ушли... Я сломалъ задвижку и вылѣзъ въ окно. Ну, подожди, Сережка, я тебѣ оплачу за это!..

.. И сжавъ кулаки, онъ во весь духъ помчался туда, гдѣ слышались звуки музыки.

XXI.

Уже стемнѣло, и въ саду зашѣли сверчки. На чайномъ столѣ, который вытащили на террасу, тихо горѣла лампа подъ краснымъ абажуромъ; за самоваромъ сидѣла Маша и разливала чай по просьбѣ Анны Павловны, которая объявила, что она уступаетъ на сегодня „бразды правленія“ сестрѣ и хочетъ отдыхать. Но ей не сидѣлось на мѣстѣ: она безпрестанно вскакивала, убѣгала въ садъ, возвращалась и безпричинно хохотала, такъ что Гриша замѣтилъ, что у нея, должно быть, начинается истерика, и предложилъ заранѣе сходить въ аптеку за гофманскими каплями. Тогда она притихла, усѣлась на ступенькахъ террасы и задумалась. У сосѣдей было тихо,—всѣ ушли въ гостинницу, откуда, смягченные разстояніемъ, слабо доносились ласкающіе звуки какого-то томнаго вальса. Бархатное, совсѣмъ черное небо, осыпанное крупными звѣздами, дышало прокладой; тихіе шорохи ходили въ глубинѣ сада, скользили по дорожкамъ

и замирали въ вершинахъ деревь. И Анна Павловна вдругъ почувствовала, что глаза у нея мокры и по щекахъ льются тихія слезы...

— Боже, какъ это глупо!—прошептала она, поспѣшно вынимая платокъ и вытирая лицо.—Я, въ самомъ дѣлѣ, точно истерическая барышня... Гриша подумаетъ, что я о велосипедистѣ плачу,—сейчасъ на смѣхъ подыметъ.—Она усмѣхнулась и спрятала платокъ.—Глупо, глупо, Анна Павловна... зачѣмъ плакать? Ну что-жь... ну, если все это вышло такъ неожиданно—объяснись, скажи,—и кончено. Что-нибудь одно—панъ или пропаль... а плакать? фи!..

Хлопнула валивка, по дорожкѣ послышались торопливые шаги,—песокъ хрустѣлъ. Анна Павловна вздрогнула, встала и схватилась за грудь, стараясь сдержать громкіе удары сердца.

— Вотъ и я!—сказалъ Максютинъ, входя на террасу.— Ну что, есть еще чай?

— Какъ же, ждемъ, ждемъ!—проговорилъ Гриша.—Сегодня мы съ Марьей Павловной хозяйничаемъ; Анна Павловна что-то въ меланхолію погрузилась.

Максютинъ повернулся къ Аннѣ Павловнѣ, но она уже убѣжала въ комнату, и оттуда послышались бурные аккорды піанино.

— Какъ у васъ тутъ хорошо, господа!—сказалъ Максютинъ.—Свѣтло, уютно, музыка, самоварчикъ шумитъ,—настоящая семейная картина! Давно уже я не чувствовалъ себя такъ хорошо и спокойно.

Гриша переглянулся съ Машей.

— Что же тутъ хорошаго?—небрежно произнесъ онъ.— Самая обыкновенная буржуазная обстановка. Завидовать нечему; напротивъ, скорѣе вамъ можно позавидовать.

— Мнѣ?—воскликнулъ Максютинъ съ удивленіемъ.

— Да еще бы! Во-первыхъ, вы свободны, ни отъ кого не зависите, ничѣмъ не связаны, дѣлаете, что хотите. Я бы сейчасъ съ вами помѣнялся.

Максютинъ усмѣхнулся.

— Это оттого, что вы еще молоды,—возразилъ онъ.—А въ сущности завидовать нечему. Впрочемъ, человѣкъ всегда завидуетъ тому, чего у него нѣтъ,—говорятъ, какой-то царь даже нищему позавидовалъ. А я, сравнительно съ вами, господа, еще пожалуй бѣднѣе, чѣмъ нищій.

— Почему?—спросилъ Гриша и насторожился.

— Да хотя бы потому, что вы молоды, и у васъ есть будущее, а у меня его нѣтъ, т.-е., оно, конечно, есть, но я на-

передъ его знаю, и поэтому оно уже не имѣеть никакой цѣны. Что за интересъ жить, когда заранѣе знаешь, что будетъ?

— Ну, это невозможно, — возразилъ Гриша. — Никто не можетъ знать своего будущаго.

— Вы думаете? — сказала Максютинъ и снова усмѣхнулся. — Подождите, можетъ быть, когда-нибудь и для васъ придетъ минута, въ которую вы скажете себѣ: а что такое будущее? Сегодня какъ вчера, завтра какъ сегодня, вотъ и все, и ждать больше нечего. Человѣкъ живетъ ожиданіемъ; когда ему нечего ждать, — у него уже ничего нѣтъ; онъ не живетъ, а только „влачить существованіе“.

Бурные аккорды смолели, и на порогѣ появилась Анна Павловна.

— Я васъ не понимаю, — проговорилъ Гриша съ недоумѣніемъ. — Мнѣ кажется, если у человѣка есть какое-нибудь дѣло, которому онъ служить, — значить, есть и будущее. Будущаго нѣтъ развѣ только у какаго-нибудь Обломова.

— Вѣрно, вѣрно... — посмѣиваясь, вымолвилъ Максютинъ. — Дѣло себѣ всегда выдумать можно. Но вѣдь и дѣла бываютъ разные, и люди разные. Одни вѣрятъ въ пользу своего дѣла, а другіе постоянно сомнѣваются. Одни подадутъ грошикъ нищему и думаютъ: „ахъ, какъ мы хорошо сдѣлали, какіе мы хорошіе, бѣдняга осчастливили“, а другіе хотѣли бы и жизнь свою отдать, да сомнѣнье беретъ: — „а на кой чортъ нужна моя жизнь? И выйдетъ ли изъ этого какакой-нибудь толкъ?“

— Но есть и такіе вѣдь, которые отдаютъ свою жизнь? — вставилъ Гриша.

— Есть... — сказала Максютинъ серьезно. — Но объ этихъ и говорить нечего, — это ужъ святые люди, предъ которыми мы можемъ только преклониться, а судить ихъ нельзя. Они вѣрятъ, что жизнь ихъ нужна, и отдаютъ ее безъ колебаній; они счастливы своимъ самопожертвованіемъ и на гибель идутъ какъ на праздникъ...

— Вотъ такъ и нужно, такъ и слѣдуетъ! — воскликнулъ Гриша съ энтузіазмомъ, вскакивая съ мѣста и размахивая руками.

— Да, но не всегда такъ бываетъ. Человѣкъ слабъ, и въ каждомъ изъ насъ сидитъ червякъ сомнѣнія. Мы живемъ во времени и пространствѣ, и намъ желательно видѣть результаты своихъ трудовъ самимъ, вотъ сейчасъ; а если ихъ нѣтъ, то мы падаемъ духомъ и опускаемъ руки.

— Ну такъ и въ чорту этихъ нытиковъ, не нужно ихъ, — продолжалъ Гриша воинственно. — Пусть ихъ идутъ въ свои

теплыми конуры, зарываются въ грязь и наслаждаются свинской жизнью, или вончаютъ съ собою. Прочь ихъ съ дороги!

— Зачѣмъ вы такъ говорите, Гриша?—горячо вступилась Маша.—Это несправедливо,—вѣдь вы сами еще ничего не дѣлали и не знаете...

— Ну ужъ киснуть я во всякомъ случаѣ не стану!—возразилъ Гриша самонадѣянно.—Самъ первый пуцу себѣ пулю въ лобъ, если окажусь никуда негоднымъ.

И онъ гоголемъ прошелся по террасѣ. Мавсютинъ усмѣхнулся, а Маша недовѣрчиво покачала головой, и ея полудѣтское лицо приняло обычное выраженіе затаенной печали... Точно невѣдомое будущее уже наложило на него свою мрачную тѣнь.

Анна Павловна стремительно подошла къ столу и, нервно вертя въ рукахъ вѣеръ, остановилась передъ Максютинымъ.

— Я все слышала, что вы говорили, и мнѣ очень странно...—начала она, волнуясь и глядя на Мавсютина въ упоръ.—Мнѣ кажется, что вы не имѣете права говорить, что у васъ нѣтъ будущаго... Вамъ такъ много дано, почему же вы... Вы—художникъ; говорятъ, у васъ талантъ... Вы поете и могли бы поступить на сцену. Зачѣмъ же вы забросили все это и ставите надъ собою крестъ?

Максютинъ взглянулъ на нее, удивленный ея возбужденнымъ тономъ и настойчивостью ея вопроса.

— Это вопросъ рѣшенный, Анна Павловна,—сказалъ онъ неохотно.—Когда-то я самъ, дѣйствительно, рассчитывалъ сдѣлать употребленіе изъ своихъ, какъ вы громко выражаетесь, „талантовъ“, но жизнь сложилась иначе, и теперь все это давно покончено. Я пошелъ по другой дорогѣ, и артистическую карьеру начинать уже поздно... Да она меня и не привлекаетъ.

— Не привлекаетъ?—повторила Анна Павловна.—А я думаю, что вы это говорите неискренно. Вы себя стараетесь увѣрить въ этомъ... а я думаю, что вы именно созданы для артистической карьеры... и только по недоразумѣнію пошли по другой дорогѣ... я не знаю, по какой... но не по той, по какой вамъ слѣдовало бы идти.

— Не знаю... можетъ быть,—проговорилъ Максютинъ.—Но, право, не стоитъ обо мнѣ говорить, Анна Павловна, я вовсе не заслуживаю вашего вниманія. Вы смотрите на дѣло немножеко романтически, а оно обстоитъ гораздо проще. Артистомъ я не могу быть, потому что нѣтъ у меня ни вѣры въ себя, ни охоты работать для собственнаго удовольствія и для щекотанія нервовъ сытой публики. Чтѣ же мнѣ еще дѣлать? Служить? Или, какъ

у насъ любятъ выражаться, „приносить пользу обществу“, разумѣется, за приличное вознагражденіе, въ качествѣ какого-нибудь чиновника, земскаго дѣятеля, или кого-нибудь въ этомъ родѣ? Тоже нѣтъ охоты...

— Почему?

— Да потому, что это ужъ совсѣмъ будетъ ложь,—заниматься грошевой филантропіей и получать въ то же время крупный окладаецъ, этакъ тысячи въ полторы—въ три. Проценты хорошіе,—за ломаный грошъ брать цѣлковый... Нѣтъ, ужъ поворно благодарю; на это и безъ меня есть „тьма охотниковъ,—я не изъ ихъ числа“, какъ говорилъ Чацкій. Я ужъ лучше предпочитаю оставаться тѣмъ, чтò я есть... т.-е. бродягой „безъ опредѣленныхъ занятій“—есть у насъ на Руси и такая профессія.

Анна Павловна хотѣла что-то еще сказать, но промолчала и отошла въ сторону, обмахивая вѣеромъ свое пылающее лицо.

— Спасибо, Марья Павловна,—сказалъ Максютинъ, отодвигая свой пустой стаканъ.

Маша, конфузясь, съ неловкостью неопытной хозяйки, предложила ему еще чаю, но онъ отказался и продолжалъ:

— Я, кажется, опять навелъ на всѣхъ скуку,—такая ужъ моя участь. Хмурый я человѣкъ... потому что человѣкъ безъ будущаго,—шутливо добавилъ онъ.—Но довольно... чтò было вчера, чтò будетъ завтра,—это не интересно: долѣетъ дневи злоба его. А пока мнѣ хорошо,—такъ хорошо, какъ давно уже не бывало. Я чувствую себя какъ птица, которая въ бурную ночь сѣла отдохнуть на мачту корабля. Тамъ кругомъ мракъ и холодъ, буря и вѣтеръ, бушующія волны океана и длинная-длинная дорога... Но ей пока тепло, свѣтло, она слышитъ голоса жизни, чувствуетъ подъ собою твердую почву—и счастлива. Вотъ и я теперь также.

— А развѣ это не отъ васъ зависитъ... остаться всегда такъ?—глухо проговорила Анна Павловна изъ своего угла.

— На мачтѣ? Нѣтъ... Вѣдь это только станція, а дорога—впереді. Отдохнулъ, да и ступай опять туда, куда влечетъ тебя „невѣдомая сила“...

— Развѣ влечетъ?—спросила Анна Павловна.

— Должно быть, влечетъ, если птица не остается на кораблѣ, а продолжаетъ свой путь, не взирая ни на что.

— Да я не о птицѣ говорю,—нетерпѣливо перебила его Анна Павловна.—Я о васъ... Вамъ тоже нужно... летѣть куда-то?

— Нужно...—отвѣчалъ Максютинъ и подумалъ: „Что это съ нею? Она меня допрашиваетъ“...

Наступило неловкое молчаніе. Маша перемывала посуду, дѣлая это, съ непривычки, очень медленно и черезчуръ аккуратно. Гриша примостился къ лампѣ и что-то записывалъ въ свою записную книжку. Анна Павловна прошлась по террасѣ.

— Какъ здѣсь душно!..—сказала она.—Егоръ Егорычъ, пройдемте въ бесѣдку...

Она спустилась въ садъ. Максютинъ нервѣзительно послѣдовалъ за нею. Ея волненіе стало сообщаться и ему, и, самъ не зная почему, онъ подумалъ, что вотъ сейчасъ должно произойти что-то необыкновенное.

Анна Павловна шла быстро, и ея свѣтлое платье, какъ туманъ, волновалось въ сумракѣ аллеи. Войдя въ бесѣдку, она подвинула стулъ въ самый темный уголъ и сѣла; Максютинъ облокотился на балюстраду и сталъ смотрѣть на набережную. Тамъ въ темнотѣ слышались голоса, мелькали огоньки безшумно пронесившихся велосипедистовъ, мелодически позванивали ихъ предупредительные колокольчики. Свѣжій южный вѣтерокъ тянулъ съ бухты. Какіе-то люди, громко споря по-гречески, остановились у самой бесѣдки закуривать папиросы, и огонь спички на мгновеніе освѣтилъ лицо Анны Павловны; она была блѣдна, и ея большіе глаза горѣли. Люди закурили и ушли; бесѣдка снова погрузилась въ душный мракъ.

— Егоръ Егорычъ... сядьте!—сказала Анна Павловна.

Максютинъ покорно сѣлъ рядомъ съ нею. Ожиданіе чего-то неизбежнаго и необычайнаго не покидало его.

— Егоръ Егорычъ... — повторила Анна Павловна едва слышно.

— Что, Анна Павловна?—отозвался Максютинъ.

— Вамъ, можетъ быть, покажется страннымъ, что я... такъ интересуюсь вами,—не правда ли?

— Да, немножко...—не сразу отвѣтилъ Максютинъ.

— Ну да... я знаю. Можетъ быть, это странно... даже неприлично... Но это не мѣшаетъ мнѣ много думать о васъ.

— Не стоитъ думать обо мнѣ, Анна Павловна.

— Да?—сказала Анна Павловна съ короткимъ нервнымъ смѣхомъ.—Но вѣдь нельзя заставить себя думать по рецепту,—вотъ объ этомъ думай, а объ этомъ—нѣтъ. Я такъ не умѣю.... и поэтому думаю, какъ думается. Вы меня заинтересовали съ первой встрѣчи... нѣтъ, даже еще раньше, когда Зорницкій рассказывалъ о васъ. Хотите знать, почему?

Максютинъ не отвѣчалъ, и Анна Павловна продолжала:

— Потому что я не встрѣчала такихъ людей, какъ вы...

Зачѣмъ вы такой талантливый, таковой способный, и ведете такую... странную жизнь?..

— Вы не знаете моей жизни, Анна Павловна.

— Нѣтъ, я знаю... Зорницкій говорилъ, и вы сами кое-что разсказывали. Вы бросили академію, бросили живопись... а между тѣмъ вѣдь вы по натурѣ — художникъ, и никакая другая дѣятельность васъ не можетъ удовлетворить, я это вижу...

— Вы ошибаетесь, Анна Павловна, — заговорилъ Максютинъ. — Я именно потому и оставилъ живопись, что она, меня не удовлетворяла. И я много думалъ и много колебался прежде, чѣмъ сдѣлать это. Я рѣшилъ, что художниковъ и безъ меня довольно... и выбралъ себѣ другую дорогу.

— Какую?

— А вотъ эту, по которой я теперь иду... Меня еще давно, когда я былъ мальчуганомъ, тянуло къ простымъ, темнымъ людямъ, въ простую обстановку. Я жилъ у тетушки, которая воспитывала меня какъ барченка, учила музыкѣ, манерамъ и французскому разговору; и вотъ, бывало, когда она сидитъ съ гостями, я удеру въ поле, къ рабочимъ, валяюсь по травѣ, ѣмъ вмѣстѣ съ ними кашу, отъ которой пахнетъ дымомъ, весь испачкаюсь, изорвусь и въ такомъ видѣ возвращаюсь домой. А въ это время меня ищутъ по всему дому, тетушка ахаетъ, бранится, жалуется на меня гостямъ; но такъ какъ это повторялось каждый день, то она наконецъ рукой на меня махнула. Такъ я и выпелъ челоуѣкомъ „безъ опредѣленныхъ занятій“. До академіи все-таки кое-какъ дотянулъ, а потомъ не вытерпѣлъ. Старыя симпатіи проснулись, — поглядѣлъ я на себя, на свою мазню, — и стало мнѣ стыдно...

— Стыдно?

— Да. Развѣ вамъ не случалось испытывать это чувство, ну, хоть, на примѣръ, когда вы на прогулѣ встрѣчались съ нищимъ? Или еще примѣръ: живете вы въ деревнѣ, встаете въ десять часовъ, кушаете чай со сливками, читаете какой-нибудь занимательный романъ, потомъ идете гулять въ поле, рвете цвѣточки, восхищаетесь пѣніемъ жаворонковъ—и вдругъ вамъ на встрѣчу, верхомъ на ободранной лошаденѣ, болтая босыми ногами, съ опрокинутой косою тащится мужикъ, грязный, черный, весь въ поту... Не становилось вамъ какъ-то неловко въ эту минуту?

— Нѣтъ...—прошептала Анна Павловна.

— Ну, это оттого, что вы чересчуръ жизнерадостны. А я—челоуѣкъ хмурый, и меня такія встрѣчи всегда коробили.

Такъ случилось и въ академіи. Идешь, бывало, по пристани, гдѣ носильщики таскають огромные кули на плечахъ, и вдругъ такое почувствуешь отвращеніе и къ себѣ, и къ живописи, что даже до тошноты. Не вытерпѣлъ я, бросилъ все и ушелъ...

— Таскать кули?

— Въ этомъ родѣ...

— И вы думаете, что отъ этого всѣмъ этимъ вашимъ нищимъ и носильщикамъ лучше будетъ?

— Ну, имъ-то хоть и не лучше, зато самому легче... Совѣсть не мучаетъ.

— Но вѣдь пробуждается же въ васъ иногда сожалѣніе о прошломъ? Тянетъ васъ къ другому? Помните, птица-то на мачтѣ?

— Человѣкъ слабъ, Анна Павловна... Иногда и потянетъ, вотъ какъ теперь... Солнце здѣсь, что-ли, такое разнѣживающее, природа ли такая, музыка ли ваша,—ужь не знаю, но чувствую, что голова немножко кружится, и надо бѣжать.

Анна Павловна помолчала, и въ темнотѣ было слышно только ея неровное дыханіе. Потомъ она придвинулась ближе, и Максютинъ почувствовалъ, какъ на его руку легла ея горячая рука.

— А если бы...—начала она тихо.—А если бы какая-нибудь женщина... или дѣвушка... сказала бы вамъ: останьтесь?..

„Вотъ чтѣ!“—подумалъ Максютинъ, и вся кровь бросилась ему въ голову.

— Я не останусь...—выговорилъ онъ медленно.

— Почему?

— Потому что она была бы несчастна... да и я тоже...

— Какъ вы можете это знать?..

Максютину вспомнился его утренній визитъ къ Клавдіи Юрьевнѣ, и ея блѣдное лицо съ преждевременною сѣдиной въ волосахъ выплыло передъ нимъ.

— Я знаю это, Анна Павловна,—сказалъ онъ.—Измѣнить свою жизнь я не могу... и не хочу, а заставлять страдать другого человѣка—не имѣю права.

Анна Павловна отняла свою руку и отодвинулась. Наступило тяжелое молчаніе. Тьма еще болѣе сгустилась; казалось, мрачная пропасть легла между ними и навсегда раздѣлила ихъ: Максютину хотѣлось сказать Аннѣ Павловнѣ, что онъ виноватъ передъ ней, хотѣлось благодарить ее за что-то, взять ея руку и крѣпко, по-дружески, ее пожать; но онъ сознавалъ, что говорить уже больше ничего нельзя, поздно, минута прошла, и

онъ думалъ, что придетъ время, когда онъ съ горькимъ сожалѣніемъ будетъ вспоминать объ этой минутѣ...

— Пойдемте,—сказала Анна Павловна.

Максютинъ пропустилъ ее впередъ, и они, не сказавъ больше ни одного слова, вышли изъ бесѣдки.

XXII.

На террасѣ была все та же мирная картина: тихо горѣла лампа; Мама сидѣла у остывшаго самовара и шивала какую-то тетрадку. Гриша пѣтушными шагами расхаживалъ взадъ и впередъ. Анна Павловна сейчасъ же ушла въ свою комнату, а Максютинъ сталъ прощаться.

— Куда же это вы слѣшите? Еще рано,—сказалъ Гриша.

— Нѣтъ, пора. Надо укладываться; багажъ у меня хотя и не сложный, а все-таки лучше поскорѣе покончить съ этой ерундой.

— Какъ, развѣ вы уѣзжаете?—въ одинъ голосъ спросили Гриша и Мама.

— Да, ѣду. Хорошо здѣсь, но пора и честь знать. Поправился, отдохнулъ, и довольно. Я и то уже чувствую, что толстѣть начинаю.

— Ну, это что-то не замѣтно!—сказалъ Гриша и съ нескрываемымъ любопытствомъ спросилъ:—Куда же вы ѣдете?

— На сѣверъ... Заѣду въ деревню къ одному другу, который иногда для чего-то покупаетъ мою мазню, продамъ ему свои крымскіе этюды, и... А встаетъ, Марья Павловна, я помню, вамъ понравилась одна моя картинка,—я очень прошу васъ взять ее себѣ... на память.

— Мы и такъ будемъ о васъ помнить,—сказала Мама, вставая.

Максютинъ взглянулъ на нее, и ему стало грустно при мысли, что онъ никогда уже больше не увидитъ этого серьезнаго личика и большихъ печальныхъ глазъ.

— Ну, прощайте,—поспѣшно сказалъ онъ.

— Не прощайте, а до свиданія, мы еще провозать васъ придемъ. Аня, что же ты не идешь? Егоръ Егорычъ уходитъ.

Вышла Анна Павловна и, молча пожавъ руку Максютина, отошла въ полутемный уголокъ террасы. Максютинъ старался не глядѣть на нее, но чувствовалъ, какъ ее рука дрогнула въ его рукѣ, и взволнованный спустился въ садъ.

— Пойдите, я съ вами пойду!—крикнулъ ему Гриша, догоняя его.

„Чортъ бы тебя побралъ“!—подумалъ Максютинъ съ досадою.

Когда шаги ихъ затихли, Анна Павловна вернулась къ столу, опустилась на стулъ и начала хохотать. Маша глядѣла на нее съ удивленіемъ и безповойствомъ.

— Чтѣ это съ тобой? Чему ты смѣешься? — спросила она наконецъ.

Анна Павловна не отвѣчала и продолжала смѣяться; потомъ смѣхъ перешелъ въ рыданія, и, упавъ головою на столъ, она забилась. Испуганная Маша бросилась за водой.

— На, выпей,—сказала она, подавая сестрѣ стаканъ.—Чтѣ это за глупости? Надо мной смѣешься, когда я плачу, а сама... Вотъ ужъ не ожидала отъ тебя!

Анна Павловна жадно отпила нѣсколько глотковъ и, поднявъ къ Машѣ свое залитое слезами лицо, снова засмѣялась.

— Не ожидала, да? — проговорила она сквозь смѣхъ и слезы. — Я и сама не ожидала... ха-ха-ха... Какъ же, вѣдь я такая положительная особа... Марса... и вдругъ... ха-ха-ха!..

— Да перестань же!—сердито сказала Маша.—Ну, выпей еще. Ну же!

Анна Павловна пила, и зубы ея стучали о край стакана. Ее била нервная дрожь.

— Мнѣ холодно... — прошептала она.—Принеси мнѣ платокъ, Маша... Вотъ такъ. Сядь со мною. Ахъ, Маша, глупенькая ты моя, ничего ты не понимаешь, ничего не знаешь... Знаешь, чтѣ я сейчасъ сдѣлала? Я... предложила Максютину свою руку и сердце, а онъ... онъ мнѣ отказалъ...

Маша вскочила, и щеки ея вспыхнули.

— Ты?—воскликнула она съ негодованіемъ семнадцатилѣтняго цѣломудрія.—Зачѣмъ ты это сдѣлала?

— Зачѣмъ, зачѣмъ... Полюбила—и сказала...

— Какая гадость!.. — прошептала Маша и прошла въ комнату. — Какая пошлость! И какъ ты могла? Какъ у тебя хватило духу? Вѣдь ты его совсѣмъ не знаешь. Вѣдь онъ теперь Богъ-знаетъ чтѣ о насъ будетъ думать...

— Молчи, Маша, ничего онъ думать не будетъ. Онъ—хорошій, все-таки хорошій; хоть онъ и отказалъ мнѣ, а я его все-таки люблю... Ахъ, Маша!.. Онъ такой одинокій, такой несчастный, и я думала... Знаешь, чтѣ онъ сказалъ мнѣ? Онъ сказалъ, что не можетъ измѣнить своимъ убѣжденіямъ... Не-

правда! Если бы любить, не сказалъ бы этого. Ахъ, какъ больно... больно...

Она опять склонилась къ столу и заплакала. Машѣ стало жаль ее.

— Послушай, Аня, — прошептала она, подсаживаясь къ сестрѣ. — Не плачь... давай, уѣдемъ отсюда поскорѣе... Это все отъ бездѣлья... и все это пройдетъ... Можетъ быть, я не понимаю, но... Уѣдемъ домой! Онъ уѣдетъ, и мы уѣдемъ, и все будетъ по прежнему. Слышишь?

— Да, да, уѣдемъ, — вытирая слезы, вымолвила Анна Павловна. — Я не могу здѣсь оставаться... Эта комната, этотъ садъ... и какъ онъ глѣз, помнишь?.. Не могу я этого видѣть...

Максютинъ шелъ быстро, ему хотѣлось остаться одному съ своими мыслями, хотѣлось разобраться въ неожиданныхъ впечатлѣнннхъ этого вечера, но Гриша не отставалъ отъ него ни на шагъ. Его любопытство было возбуждено до крайней степени; онъ былъ заинтригованъ внезапнымъ отъѣздомъ Максютина и не терялъ надежды проникнуть наконецъ въ его замыслы и узнать, кто онъ такой. Ему мерещилась конспирація... и несмотря на то, что Максютинъ не обнаруживалъ никакого желанія бесѣдовать, Гриша упорно шагалъ за нимъ.

Они уже вышли на базарную площадь; едва освѣщенную тусклыми лампочками, мерцающими подъ навѣсами фруентовыхъ лавочекъ. Лавочники убирали свой товаръ и готовились отправляться на покой; музыка на верандѣ гостинницы давно смолкла, и городъ понемногу погружался въ сумракъ и безмолвіе.

— Я васъ еще немножко провожу, — сказалъ Гриша, когда Максютинъ свернулъ въ свой переулокъ.

— Сдѣлайте одолженіе, — сквозь зубы пробормоталъ Максютинъ.

— А у васъ огонь. Должно быть, Зорницкій дома.

— Вѣроятно.

— Мнѣ не нравится Зорницкій. Я удивляюсь вашей дружбѣ съ нимъ. Чтò можетъ быть между вами общаго?

— Онъ мой старинный товарищъ по академіи.

— Ну, мало ли какіе бываютъ товарищи! Иному и руку бываетъ стыдно подать. А этотъ Зорницкій какой-то пустой и даже пошлый человекъ. Никакихъ убѣжденій, рисуется, ломается, пишетъ о розахъ, о соловьяхъ и тому подобной ерундѣ. И вдругъ—вы и онъ!

Максютинъ наконецъ понялъ, чего добивается Гриша, и ему стало смѣшно. Вся его досада прошла.

— А что такое—я?—сказалъ онъ добродушно.

— Вы... Впрочемъ, скажу откровенно, я совершенно не знаю, кто вы.

— А хотѣлось бы узнать?

— Ну... да,—нерѣшительно вымолвилъ Гриша.—Признаюсь, вы меня занимаете. Иногда мнѣ кажется, что вы—современный Рудинъ, который бродитъ по свѣту, волнуешь сердца, но самъ еще не знаетъ, что ему дѣлать; а иногда я думаю совсѣмъ другое...

— Что я какой-нибудь заговорщикъ? — смѣясь, спросилъ Максютинъ.

— Не заговорщикъ, а... во всякомъ случаѣ человекъ не заурядный, и естественно, что когда встрѣчаешь такого человека, то хочется узнать его поближе.

— Зачѣмъ?

Гриша остановился и, оглянувшись по сторонамъ, сказалъ таинственно:

— Можетъ быть, намъ съ вами придется когда-нибудь встрѣтиться не въ такой обстановкѣ, не на каникулахъ и не подъ солнцемъ юга, а совсѣмъ въ другой средѣ и при другихъ обстоятельствахъ... Такъ надо знать, съ кѣмъ имѣешь дѣло!

— Ну, вотъ тогда и узнаете! Чорта узнать по копыту, а человека—по его дѣламъ. Встрѣтимся на работѣ, а не на отдыхѣ, тогда и познакомимся другъ съ другомъ покороче.

— Непремѣнно встрѣтимся!—значительно сказалъ Гриша.

— Тѣмъ лучше... А пока не заглядывайте очень далеко въ будущее, а штудируйте, штудируйте больше, потомъ и выходите старикамъ на смѣну... Ну, прощайте, я усталъ, спать хочу, а вѣдь мнѣ еще укладываться нужно.

„Отвертѣлся-таки!—думалъ разочарованный Гриша, спускаясь съ горы: — хитрый, бестія, и никакъ его не поймашь. Ну, да вѣдь меня не проведешь, — у меня нюхъ есть, я вижу, что ты за птица“...

Оставшись одинъ, Максютинъ почувствовалъ, что онъ дѣйствительно страшно усталъ, и, увидѣвъ у дороги большой, выдвинувшійся ребромъ камень, присѣлъ отдохнуть. Дома его ждалъ Юрій Александровичъ, но Максютину не хотѣлось никого видѣть въ эту минуту, и онъ рѣшилъ побыть немного въ одиночествѣ и поразмыслить. У ногъ его темнѣли груды домовъ; огоньки погасали одинъ за другимъ; городъ засыпалъ, завернув-

пись въ темно-синій бархатъ ночи. Только звѣзды бодрствовали, внимательно глядя на землю; серебряная паутина Млечнаго Пути разливала слабое сіяніе, и гдѣ-то далеко, точно повиснувъ въ воздухѣ, дрожалъ желтый огонекъ, похожій на тусклый старческій глазъ. Это горѣла неугасимая лампада въ старинной часовнѣ св. Ильи на горѣ за Балаклавой.

„Хорошій мальчуганъ!—думалъ Максютинъ, прислушиваясь къ замирающимъ внизу шагамъ Гриши. — Только очень любопытенъ, и голова набита разными возвышенными теоріями, „хорошими“ книжками и героическими романами. Литературой такъ и разить, и жизнь представляетъ себѣ въ видѣ огромнѣйшаго романа въ сорока частяхъ и съ самымъ феерическимъ эпилогомъ. Жаждетъ рыцарскаго посвященія—ха-ха!.. Подожди, милый мальчикъ, еще успеешь посвятиться и узнаешь въ свое время, что рыцарскіе доспѣхи не очень-то удобны. Я знаю, тебѣ все это рисуется въ самыхъ радужныхъ краскахъ... съ знаменами, съ побѣдной пѣснью на устахъ, съ звуками трубъ и громомъ литавровъ,—нѣтъ, голубчикъ, дѣло скучное, тяжелое и такое же будничное, какъ всякое другое, съ дразгами, съ мелочною возней, съ неудачами, обидами, клеветой, предательствомъ, а главное, съ собственнымъ червякомъ внутри, который неустанно гложетъ и сосетъ тебя, и шепчетъ: брось,—не стоить жертвовать собою ради несбыточной мечты... Брр!.. „А жить такъ хочется“!.. вдругъ пришли ему на память слова изъ какаго-то стихотворенія, и сцена въ бесѣдѣ воскресла передъ нимъ. „Бѣдная, милая дѣвушка!—съ грустной нѣжностью прошепталъ онъ.—Ну, за что она могла меня полюбить? Какая-то психологическая загадка... Она—красивая, жизнерадостная, изящная, а я—какой-то подозрительный субъектъ, съ сомнительнымъ прошлымъ, съ непривлекательнымъ настоящимъ и безъ всякаго будущаго... или, лучше сказать, съ очень сквернымъ будущимъ“. Мрачныя стѣны, покрытыя раздавленными клопами, представились ему, и онъ усмѣхнулся. „Вотъ мое будущее... а она признаётся мнѣ въ любви. Это въ своемъ изящномъ платьицѣ-то, съ своими бѣленькими ручками и хорошенькими глазками, съ цвѣтами въ волосахъ—и мнѣ, дикому, невзрачному бродягѣ. Ну что бы мы съ ней стали дѣлать? Тутъ — благоуханіе, музыка, чистенькая комнатка, коврики, цвѣточки, а тамъ—„глазокъ“ и раздавленные клопы“. Клавдія Юрьевна вспомнилась ему.—„Ну и вышло бы то же, что и съ той... блѣднѣла бы при одномъ воспоминаніи и проваливала бы всю свою жизнь за одну минуту увлеченія. Странный народъ женщины... А впрочемъ, серьезно ли

все это было? Просто женскій капризъ отъ скуки, отъ бездѣлья, а тутъ лунныя ночи, музыка, гѣніе, — вотъ и захотѣлось пошлать. А можетъ быть, это вспышка женской жалости въ бездомному горемыкѣ, — это тоже бываетъ. Осчастливитъ захотѣла, возвратитъ на истинный путь... Вѣдь всѣ мы русскіе — романтики, и никакого дѣла просто дѣлать не умѣемъ, а непременно въ приподнятомъ тонѣ и при бенгальскомъ освѣщеніи. Поглядишь, чиновникъ какой-нибудь, сидитъ весь вѣкъ на продавленномъ стулѣ въ департаментѣ, строчитъ бумаги, получаетъ двадцатого числа жалованье, — вы думаете, что это все такъ себѣ, просто дѣлается? Нѣтъ, онъ воображаетъ, что отъ его сидѣнья счастье Россіи зависить, и не подпиши онъ сегодня какую-нибудь бумажонку, — завтра же Россія погибнетъ... Да, романтики мы... „А жить такъ хочется!“ — вспомнилось ему опять, и онъ съ сожалѣніемъ подумалъ, что жизнь проходить... почти прошла... безъ радости побѣды, безъ счастья любви, въ разладѣ со всѣмъ окружающимъ и съ самимъ собою... а впереди все та же степь, и надо идти...

— Надо идти! — вслухъ сказалъ Максютинъ, и поглядѣлъ наверхъ, гдѣ мерцалъ огонекъ, у котораго ждалъ его Юрій Александровичъ.

Снизу слышались торопливые шаги: кто-то взбирался по тропинкѣ, и мелкіе камешки сыпались у него изъ-подъ ногъ. Максютинъ насторожился. Темная тѣнь вынырнула изъ сумрака и приблизилась къ нему.

— Зорницкій, это ты?

— Фу ты, чортъ, какъ ты меня испугалъ! Что ты здѣсь дѣлаешь?

— Вотъ видишь, сижу на камешкѣ и люблюсь видами.

— Какіе теперь виды, — ни зги не видно. Фу, усталъ. Подвинься, я сяду рядомъ съ тобой. Дома у насъ поѣсть нечего?

— Вѣчно голодень и вѣчно влюбленъ!

— И голодень, и влюбленъ, точно...

— Опять?

— Постой... Сейчасъ все тебѣ расскажу, дай развернуть колбасу. Смертельно ѣсть хочу, купилъ по дорогѣ, только, кажется, того... съ душкомъ. Ну, ничего... у тебя есть ножикъ? Вѣдь ты золоторотецъ. у золоторотцевъ всегда ножи въ карманѣ. Давай сюда. Тебѣ отрѣзать?

— Не хочу. Вижу, что ты дѣйствительно голодень, и изъ великодушія уступаю тебѣ всю твою колбасу и даже ея аромать. Но гдѣ же это ты пропадалъ?

— Пстой, пстой, сейчас... Ахъ, Максютинъ! Какое приключеніе! — говорилъ Зорницкій въ промежутокъ между глотками. — Съ какой очаровательной женщиной я сегодня познакомился... Очаровательна и несчастна... Обманута, понимаешь... Обманута и побинута, какъ Калипсо, брошенная вѣроломнымъ Одиссеемъ!..

— А какъ же твоя работа?

— Какая тамъ работа, развѣ можно было!.. Но ты слушай. Беру я сегодня утромъ лодку и ѣду въ море. Волненіе порядочное, вѣтеръ прямо въ носъ. Я все-таки плыву,—мнѣ хотѣлось пробраться къ Ай-мысу и тамъ пописать, знаешь, тѣ камни, гдѣ всегда бурунь.

— Ну, ну, знаю.

— Ну вотъ. Плыву. Лодку такъ и качаетъ, и несетъ прямо на камни. Но я думаю,—все равно, чортъ съ нимъ, разобьюсь, такъ разобьюсь. Я былъ северно настроенъ тогда.

— Помню, помню, храпѣлъ всю ночь и собирался писать поэму о коварствѣ женщинъ.

— Слушай, пожалуйста, а то я не стану рассказывать. Ну, мчусь я впередъ, и вдругъ слышу женскій крикъ. Оглядываюсь — и вижу лодку безъ гребца, а въ лодкѣ женщина, въ бѣломъ платьѣ, борется съ волнами. Шляпу у нея унесло вѣтромъ, волосы распущены, и ее несетъ, несетъ къ берегу—понимаешь, какая картина? Ну, я схватился за весла, налегъ и бросился на перерѣзъ, а дьявольскія волны такъ и подбрасываютъ меня, такъ и обдають брызгами... въ одну минуту я былъ весь мокрый, какъ губка. Ты слушаешь?

— Съ захватывающимъ интересомъ.

— Ты все смѣешься, но, увѣряю тебя, мнѣ угрожала серьезная опасность. Но странно, я совсѣмъ не думалъ о смерти и ничуть не боялся. Съ невѣроятными усилиями мнѣ удалось наконецъ приблизиться къ лодкѣ. А несчастная женщина отъ ужаса окаменѣла и ничего не понимаетъ. Я кричу ей, чтобы она подала мнѣ весло,—она молчитъ, сложила руки и не двигается. Чтѣ дѣлать? Тогда я поворачиваю лодку, схватываю багоръ, вцѣпляюсь въ бортъ и...

— Она падаетъ въ твои объятія,—подсказалъ Максютинъ.

— Тѣфу!—плюнулъ Зорницкій съ раздраженіемъ:—съ тобой совершенно нельзя говорить серьезно. Ты способенъ осмѣять все, самое святое...

— Ну, не буду, продолжай!—примирительно замѣтилъ Максютинъ.

Зорницкій снялъ фуражку и вытеръ лицо платкомъ.

— Да что продолжать?—недовольно проговорилъ онъ.— Конечно, она была безъ чувствъ... Я перешелъ въ ней въ лодку, свою взялъ на бусирь, и мы вышли на Мигало-Яло. Тамъ провели весь день... и я нисколько не сожалею объ этомъ. Это былъ одинъ изъ счастливѣйшихъ дней въ моей жизни...

— Но кто же она оказалась?

— Ахъ, какая прелестная женщина! — снова одушевляясь, заговорилъ Зорницкій.— Милая, простая и наивная, какъ ребенокъ. Она—вдова полковника, и еще носить трауръ. Мужъ ея былъ бурбонъ, пьяница, картежникъ, и она очень страдала съ нимъ... Приѣхала сюда отдохнуть и здѣсь увлеклась этимъ безмозглымъ студентомъ, знаешь, который все на велосипедѣ катается и своими играми увлекаетъ дамскія сердца. Этакая отвратительная смазливая рожа!

— А, знаю, знаю! — воскликнулъ Максютинъ, вспомнивъ вчерашнюю утреннюю встрѣчу.— И его, и ее видѣлъ.

— Видѣлъ? Не правда ли, очень мила... И совсѣмъ не знаетъ жизни, полюбила въ первый разъ, отдалась всей душой, а онъ... негодяй...

— Исторія извѣстная...—насмѣшливо вставилъ Максютинъ.

— Ну да! Онъ ее бросилъ и умчался на велосипедѣ увлекать другихъ, а она, бѣдная, въ отчаяннн взяла лодку и уплыла одна въ море, желая погибнуть. И погибла бы, если бы не встрѣтилась со мной. Боже, какъ она рыдала передо мной!

— И ты ее, конечно, утѣшилъ?

— Ты опять смѣешься?

— Я не смѣюсь, но... помилуй, голубчикъ, вѣдь ей за-сорокъ!

— Ну такъ что же? Она молода душой, и свѣжесть чувства у нея поразительная. Я еще не встрѣчалъ такихъ женщинъ. Сколько въ ней жизни, сколько огня, ты и представить себѣ не можешь. Я очарованъ.

— Надолго?

— Навсегда... Когда женщина оказываетъ мужчинѣ довѣрие, она связываетъ его этимъ на всю жизнь. И я связанъ.

Максютинъ махнулъ рукой.

— Нѣтъ, Зорницкій, тебѣ нужно жениться, — сказалъ онъ. Зорницкій загадочно усмѣхнулся.

— А что же... можетъ, я и женюсь. На дняхъ она уѣзжаетъ въ Ялту, и я съ ней.

— А студентъ?

— Не говори ты мнѣ о немъ, пожалуйста, — я его исколочу.

Максютинъ засмѣялся, но ему было не весело. „А что же, — думалъ онъ, — можетъ быть, такъ вотъ, попроче-то, и лучше. Пришло счастье, — бери его... А вотъ я не взялъ, и прошелъ мимо“...

— Ну, пойдемъ, — сказала онъ устало. — Тамъ вѣдь у насъ гость дожидается?

— Гость? Ахъ, да!.. А какъ же колбаса-то? Вѣдь я всю съѣлъ.

Это наивное восклицаніе снова развеселило Максютину.

— И на здоровье, братъ, — намъ не до колбасы. Вѣдь это только ты съ твоимъ счастливымъ характеромъ можешь совмѣстить и колбасу, и романъ на морѣ, и полковницу... Идемъ!

Они стали подниматься въ гору, гдѣ во мракѣ все еще свѣтился одинокій огонекъ, и Максютину показалось, что событія этого дня и эпизодъ съ Анной Павловной были не болѣе, какъ короткій сонъ, а вотъ теперь онъ проснулся, и передъ нимъ снова разстилается знакомая унылая степь безъ конца, и онъ, измученный, бредетъ по ней и не можетъ ни остановиться, ни вернуться назадъ.

XXIII.

Дни черезъ два въ квартирѣ сестеръ происходила суматоха. Онѣ собирались уѣзжать; коляска черезъ часъ должна была увезти ихъ въ Севастополь; вещи уже были уложены, и Маша съ озабоченнымъ видомъ ходила взадъ и впередъ по опустѣвшей комнатѣ, ища, не забыла ли она чего-нибудь. Анна Павловна, которая прежде принимала въ укладѣ самое дѣятельное участіе и всѣмъ распоряжалась, теперь предоставила дѣлать это Машѣ, а сама, безучастная и равнодушная, сидѣла у окна въ дорожномъ сѣренькомъ платьѣ и въ изящной шляпкѣ, съ дорожною сумочкою черезъ плечо. Она немножко осунулась и какъ будто постарѣла, яркія краски поблекли, и теперь въ ней трудно было узнать ту веселую хохотушку и шалунью, которая ссорилась съ Гришей, дразнила Зорницкаго и вѣчно затѣвала шумныя прогулки и катанья.

— Ну, кажется, все, — сказала Маша, окончивъ осмотръ комнаты. — Деньги за пианино я отдала, за обѣдъ хозяйкѣ тоже... что еще? Ты ничего не помнишь, Аня?

— Ничего, — отозвалась Анна Павловна равнодушно.

— Вотъ бы еще на мысокъ сбѣгать, проститься съ моремъ,

да не успѣемъ,—гляди на часы, сказала Маша.—Скоро линейка поидеть.

— Скоро?—спросила Анна Павловна, и лицо ея оживилось.

— Черезъ полчаса. Но ты не ходи, я тебя прощу...

Вдругъ дверь съ террасы шумно отворилась, и въ комнату ворвался Володя.

— Марья Павловна, вы уѣзжаете?—закричалъ онъ.—Какъ же это такъ, зачѣмъ же? Мы остаемся, а вы уѣзжаете... я не хочу! Я не пущу васъ.

— Нельзя, Володя, надо ѣхать.

Володя вцѣпился ей въ платье и заревѣлъ.

— А кто же мнѣ теперь зоологію будетъ разсказывать? Съ кѣмъ я буду въ мячикъ играть?—причиталъ онъ.—Марья Павловна, миленькая, не поѣзжайте, оста-аньтесь!.. Безъ васъ меня Сережка опять каждый день съчъ будетъ и Илиаду заставить наизусть учить...

— Не будетъ; я ему скажу и попрошу его за васъ. Ну, не плачьте же, Володя, стыдно. А вотъ я вамъ свой адресъ оставила, вы мнѣ пишите лучше почаще, какъ вы будете учиться, чтò дѣлаете, какъ живете. Будете писать?

Эта мысль заняла Володю, и онъ пересталъ плакать.

— Буду. У меня и конверты есть, такіе маленькіе, мнѣ папа подарилъ. И вы мнѣ будете писать?

— Непремѣнно. Какъ пріѣду, такъ и напишу, и книжку пришлю хорошую, съ картинками.

— Ну, хорошо,—сказалъ утѣшенный Володя.—Только вы смотрите, не обманите. Меня мама постоянно обманываетъ,—пообщаетъ и того, и сего, чтобы я не шалилъ; я стараюсь, не шалю, а она возьметъ и надуетъ.

— Я не надую, Володя. Я никогда никого не обманываю.

На улицѣ послышались унылые звуки кондукторскаго рожка и прогремѣла линейка. Маша вскочила и стала торопливо надѣвать старенькую коричневую, форменную шляпку, съ которой ни за что не хотѣла разстаться и по окончаніи курса въ гимназіи.

— Ну, Володя, вы теперь идите домой, а я на минутку сбѣгаю,—сказала она, идя къ дверямъ.

Анна Павловна встала и пошла за нею. Маша остановилась.

— Аня, не ходи...—строго проговорила она.—Ну, зачѣмъ это?.. Вѣдь ты мнѣ дала слово. Не дѣлай глупости!

— Не могу...—прошентала Анна Павловна съ слабой улыб-

кой.—Вѣдь это въ послѣдній разъ... пойми... вѣдь ужъ никогда больше...

Маша сердито нахлобучила свою шляпку и вышла. Анна Павловна постояла съ минуту въ нерѣшимости, теребя свои перчатки, потомъ стремительно рванулась впередъ и побѣжала за Машей.

У гостинницы ихъ нагналъ Гриша.

— Идете провожать Максютина?—спросилъ онъ.— Не торопитесь, линейка только-что проѣхала. Ахъ, не люблю я провожать,—уѣзжать самому лучше. Вотъ и вы уѣдете,—такая тоска будетъ. Я уже просилъ маму поскорѣе уѣхать,—не хочетъ, говоритъ, что мнѣ еще двѣ недѣли виноградъ нужно ѣсть, а этотъ виноградъ опротивѣлъ мнѣ хуже горькой рѣдьки... Анна Павловна, а вы все въ меланхолии? Это къ вамъ идетъ,—вы гораздо лучше, когда молчите.

— Оставьте ее!—шепнула ему Маша.—Ей нездоровится.

Гриша бросилъ на Анну Павловну быстрый взглядъ и, пораженный ея убитымъ видомъ, замолчалъ.

Когда они подошли къ линейкѣ, пассажиры уже сѣли, и рябой кондукторъ трубилъ во всю мочь, сзывая запоздавшихъ. Это дѣло, видимо, доставляло ему большое удовольствіе, и онъ трубилъ съ такимъ усердіемъ, что потъ лилъ съ него ручьями, а глаза вытѣзли совсѣмъ на лобъ. Пустивъ, наконецъ, оглушительную ругань, онъ умоля и самодовольно оглядѣлся по сторонамъ, какъ бы приглашая слушателей къ выраженію одобренія.

— А вонъ и Максютинъ,—сказалъ Гриша.

Максютинъ шелъ въ сопровожденіи Юрія Александровича, который сейчасъ же занялъ свое мѣсто на линейкѣ и застылъ въ молчаливой сосредоточенности. Гриша подбѣжалъ къ нему.

— Развѣ и вы тоже уѣзжаете?—спросилъ онъ съ удивленіемъ, оглядываясь и не видя Клавдіи Юрьевны.

— Да,—разсѣянно отвѣчалъ Юрій Александровичъ.

— Одинъ? Безъ матери?—продолжалъ Гриша съ любопытствомъ.

Но Юрій Александровичъ отвѣчалъ нѣхотя и односложно,—онъ уже весь былъ въ будущемъ, гдѣ его ждали или новая жизнь, или новыя разочарованія... и Гриша, ничего не добившись, въ смущеніи отошелъ отъ него.

Между тѣмъ Максютинъ приблизился къ сестрамъ. Анна Павловна покраснѣла, потомъ поблѣднѣла... закрыла глаза, и ей показалось, что земля уходитъ у нея изъ-подъ ногъ. Но она сдѣлала надъ собою усиліе и съ неестественною улыбкой про-

тянула руку Максютину. Максютинъ, избѣгая на нее смотрѣть, обмѣнялся съ Машей незначительными фразами, какъ это всегда бываетъ передъ разлукой. Кажется, что осталось еще сказать что-то нужное и важное, и въ то же время съ языка слетаютъ самыя пустыя слова, и ни о чемъ не говорится, и хочется, чтобы скорѣе кончилась эта минута...

— Кондукторъ, кого же мы ждемъ?—раздражительно крикнулъ кто-то съ линейки.

Кондукторъ засуетился.

— Сейчасъ, сейчасъ... еще двоихъ нѣтъ, — сказалъ онъ и прибавилъ успокоительно:— да вонъ они, уже идутъ!

— А ты все-таки труби, труби, Васильево!—произнесъ кучеръ, по обычаю всѣхъ кучеровъ уже успѣвшій подерѣвиться на дорогу солидной дозой водки.—Труби для порядку... ты отъ этого не лопнешь, а господа нехай поспѣшаютъ...

Васильево не заставилъ себя долго просить я, вынувъ свой рожокъ, приложилъ его къ губамъ, надулъ свои рыбащяи щеки и залялся такимъ соловьемъ, что у всѣхъ присутствующихъ зазвенѣло въ ушахъ.

Запоздавшіе „господа“ торопливо подходили къ линейкѣ. Это былъ Зорницкій съ полковницей подъ руку. Полковница нѣжно прижималась къ нему и была очень мила; лично ея было припудрено, волосы тщательно завиты (оттого и запоздали, что гадкіе щипцы долго не нагрѣвались!) и бѣлое платье съ черными мушками очень къ ней шло, придавая ей видъ совсѣмъ еще молоденькой женщины, не имѣвшей въ жизни никакихъ серьезныхъ огорченій. Зорницкій былъ великолѣпнъ въ онѣгинскомъ плащѣ и въ широкополой шляпѣ, и такъ бережно поддерживалъ подъ локоть свою даму, какъ будто это былъ драгоценный сосудъ, готовый каждую минуту разбиться въдребезги. Прибывъ на мѣсто, онъ сейчасъ же засуетился, попросилъ сосѣдей подвинуться, хотя въ этомъ не было никакой надобности, прикрикнулъ на кондуктора за неловко уложенную картонку, потомъ усадилъ полковницу, которая томно сказала ему: „merci!“, и самъ усѣлся около нея съ такимъ грознымъ видомъ, какъ будто готовъ былъ защищать ее до послѣдней капли крови.

— Готово!—крикнулъ кондукторъ.

Максютинъ поспѣшно сталъ прощаться съ сестрами и тутъ только въ первый разъ взглянулъ на Анну Павловну. Ихъ глаза на мгновеніе встрѣтились... „Останьтесь“!—казалось, говорилъ взглядъ Анны Павловны. Но Максютинъ тряхнулъ головой, въ

послѣдній разъ сжалъ руку Анны Павловны въ своей и торопливыми шагами пошелъ къ линейкѣ. Кондукторъ затрубилъ, кучеръ подобралъ возжи, и четверка лошадей дружно подхватила грузный экипажъ. Гриша еще съ минуту бѣжалъ рядомъ съ нимъ, махая фуражкой, наконецъ отсталъ, и линейка понеслась по шоссе, вздымая за собою клубы бѣлой пыли. Скоро топотъ копытъ и дребезжаніе колесъ смолели въ отдаленіи, — линейка исчезла, унося съ собою и людей, и всѣ ихъ маленькія радости, надежды, заботы, драмы и комедіи; осталось только одно маленькое облачко пыли; потомъ и оно расплылось и растаяло безслѣдно, какъ дымъ, какъ человѣческая жизнь. Провожавшіе еще нѣсколько минутъ смотрѣли на опустѣвшую дорогу и стали понемногу расходиться каждый къ своему будничному дѣлу.

Анна Павловна судорожно рыдала, зажимая лицо платкомъ; Маша сердито на нее ворчала.

— Я говорила, не надо ходить... Ахъ, какъ это глупо, какъ глупо!.. И что за сентиментальности?

Подошелъ Гриша, красный и запыхавшійся.

— Ну, вотъ и уѣхали...—началъ онъ и запнулся, услышавъ рыданья Анны Павловны. Постоявъ въ недоумѣніи, онъ вдругъ что-то сообразилъ, забежалъ въ аптеку и черезъ минуту вернулся со стаканомъ воды, распространяющимъ сильный запахъ валерьяновыхъ капель.

— Ну-ка, выпейте эту ерунду, Анна Павловна!

Анна Павловна залпомъ выпила стаканъ и съ благодарностью посмотрѣла на Гришу. Онъ отнесъ стаканъ обратно и предложилъ посидѣть немного на лавочкѣ у аптеки, обнаруживъ вдругъ необыкновенную услужливость и расторопность и даже смახнувъ для чего-то пыль съ лавочки своимъ носовымъ платкомъ. Когда они сѣли, мимо нихъ прошла женщина въ черномъ и въ густой вуали, прикрывавшей ея лицо. Она медленно, какъ старуха, передвигала ноги, опираясь на зонтикъ, и исчезла въ переулкѣ... Это была Клавдія Юрьевна, но ее никто не узналъ, и никто не замѣтилъ, что она все время передъ отходомъ линейки простояла тутъ, прижавшись къ стѣнѣ и не сводя отчаяннаго взгляда съ Юрія Александровича.

— Ну, что, лучше вамъ теперь, Анна Павловна!—съ участіемъ говорилъ Гриша.—Валерьянка—это самое лучшее дамское средство, и отлично помогаетъ!

— Да вы-то почему знаете?—смѣясь съвозъ слезы, спросила Анна Павловна.

— По опыту, Анна Павловна. У меня сестры чуть не каждый день въ истерикѣ. Пришьеть бантъ не такъ—истерика; шляпка не въ лицу—опять истерика! А у меня валерьянка постоянно подъ рукой,—всыплю имъ порцію, и какъ ни въ чемъ не бывало. А то, говорятъ, въ этихъ случаяхъ хорошо трѣпку маленькую задать,—тоже помогаетъ, но я ни разу не пробовалъ,—мамаша не позволяетъ.

— Да будетъ вамъ, Гриша... Это жестоко.

— Э, Анна Павловна, все пустяки, все проходитъ въ жизни! Сегодня мы плачемъ, завтра смѣемся. Плюньте лучше на все, да спойте эту вашу любимую—„лодка моя легка“ и какъ это тамъ дальше? „Ласточкой взовьемся“? Помните, какъ вы распѣвали?

— А помните, какъ Максютинъ пѣлъ въ Георгіевскомъ—„проводжали Ваню отецъ съ матерью“?...—сказала Анна Павловна, и глаза ея снова наполнились слезами.

— Ну, ну, будетъ, Анна Павловна, не надо, зачѣмъ это!.. —остановилъ ее Гриша.—Послушайте лучше, что я вамъ расскажу. У насъ въ прошломъ году Заньковецкая играла,—знаете Заньковецкую?—такъ одинъ разъ она такъ плакала на сценѣ, проводивъ своего возлюбленнаго, что рабочіе за кулисами стали ее утѣшать: „не плачь, не плачь, дивчина, винъ приде“... Ну, и я вамъ скажу:—винъ приде!

— Да почему вы знаете, что я „о немъ“ плачу?

— А о комъ же?

— О васъ, глупый старикашка!

— Ну ужъ, это вы врете!—возразилъ Гриша.

Черезъ полчаса по той же дорогѣ неслась коляска, въ которой сидѣли Анна Павловна и Маша. Кучеръ-грекъ покрикивалъ на лошадей: „бруста, бруста“! ¹⁾—копыта мѣрно стучали по камнямъ, высѣвая искры; бѣлая лента шоссе свертывалась и развертывалась, огибая виноградники, хутора и дачи, перекидываясь черезъ холмы и спускаясь въ долины. Вотъ мелькнуло грустное кладбище съ молчаливыми крестами и могильными насыпями... Вотъ въ послѣдній разъ свернула голубая бухта, но видны еще башни и стѣны генуэзскихъ развалинъ, усѣченный конусъ Дели-Кристо и коричневый горбъ Соленго, похожій на спину исполинскаго верблюда. Еще поворотъ—и

¹⁾ Впередъ.

Дели-Кристо скрылся, только изъ-за желтыхъ лысинъ Балаклавскихъ горъ синѣетъ величественная вершина Ай-мыса съ одинокимъ облачкомъ, повисшимъ на одномъ изъ его уступовъ. А впереди во всѣ стороны раскинулась холмистая равнина съ выжженными солнцемъ буграми, и далеко-далеко на горизонтѣ, позолоченные солнечными лучами, словно марево, бѣлѣются стѣны и куполь итальянскаго кладбища. Балаклава осталась позади...

— Бруста, бруста!..—прикрикивалъ кучеръ, и лошади бодро выносятъ воляску на вершину холма.

Проводивъ сестеръ, Гриша долго еще стоялъ на шоссе, потомъ махнулъ рукой и побрелъ назадъ въ городъ.—И такъ всѣ они, случайно встрѣтившись на дорогѣ жизни, разошлись въ разныя стороны... и кто знаетъ, встрѣтятся ли они еще когда-нибудь, а если и встрѣтятся, то, можетъ быть, и не узнаютъ другъ друга...

В. ДМИТРИЕВА.



ПРАВСТВЕННЫЙ ОБЛИКЪ ПУШКИНА

26 мая 1899 года.

Посвящается П. Н. Обнинскому.

I.

Поэтъ съ многогранною душою — Пушкинъ былъ не только гениальнымъ художникомъ, но и великимъ явленіемъ жизни русской. Въ признаніи именно такого его значенія сходятся между собою, — съ различныхъ точекъ зрѣнія, — Гоголь, Бѣлинскій и Достоевскій. Но великія явленія, какъ въ области нравственной природы, такъ и въ области природы физической, имѣютъ одно общее свойство: про нихъ никогда нельзя сказать, что они изучены окончательно. Ихъ глубокое значеніе, ихъ сила и воздѣйствіе на окружающее никогда не раскрываются вдругъ и сразу. Поэтому и Пушкинъ — несравненный выразитель коренныхъ началъ народнаго духа, могучій и вдохновенный ковачь роднаго языка, мыслитель и пѣвецъ, историкъ и гражданинъ — представляетъ неисчерпаемый ма'ериаль для изученія. Въ его духовной природѣ, по мѣрѣ созрѣванія и расширенія русской мысли, по мѣрѣ болѣе близкаго знакомства со всѣмъ, что къ нему относится, — открываются все новые горизонты. Этимъ онъ походитъ на своего любимаго историческаго героя, — на великаго Петра.

Съ него начинается у насъ литература въ ея настоящемъ значеніи — выразительницы свойствъ и потребностей общества и про-

возвѣстницы его упованій. Какую бы сторону ея ни изслѣдовать, приходится почти всегда подняться, вверхъ по теченію, къ Пушкину. Ему ничто не было чуждо; его трезвый, проникновенный и свободный отъ исключительности умъ, вооруженный геніальною силою выраженія, отзывался на всѣ проявленія и вопросы окружающей жизни и сыпалъ искры при каждомъ ея прикосновеніи, а его глубокая любовь къ родинѣ, исполненная чувства, но чуждая чувствительности, заставляла его вникать во всѣ условія ея быта и исторіи. Полонскій справедливо сказалъ о немъ: „Это геній— все любившій, все въ самомъ себѣ вмѣстившій...“. Поэтому, оставляя въ сторонѣ поучительные вопросы о творчествѣ Пушкина, о его безсмертныхъ заслугахъ для русскаго языка и словесности, о его художественномъ „сredo“, возможно остановиться на его правовыхъ взглядахъ и, пользуясь его сочиненіями, письмами, замѣтками, а также воспоминаніями о немъ Смирновой, князя Вяземскаго и др., попробовать взглянуть въ его отношеніе къ одной изъ важнѣйшихъ сторонъ жизни общества.

Пушкинъ былъ исполненъ чувства и исканія правды. Но въ жизни правда проявляется; прежде всего, въ искренности въ отношеніяхъ къ людямъ, въ справедливости при дѣйствіяхъ съ ними. Тамъ, гдѣ идетъ дѣло объ отношеніи цѣлаго общества къ своимъ сочленамъ, объ ограниченіи ихъ личной свободы во имя общаго блага и о защитѣ правъ отдѣльныхъ лицъ—эта справедливость должна находить себѣ выраженіе въ *законодательствѣ*, которое тѣмъ выше, чѣмъ глубже оно всматривается въ жизненную правду людскихъ потребностей и возможностей,—и въ *правосудіи*, осуществляемомъ судомъ, который тѣмъ выше, чѣмъ больше въ немъ живого, а не формальнаго отношенія къ личности человѣка. Вотъ почему—*justitia fundamentum reipublice*! Но право и нравственность не суть чуждые или противоположны одно другому понятія. Въ сущности источникъ у нихъ общій, и дѣйствительная ихъ разность должна состоять, главнымъ образомъ, въ принудительной обязательности права въ сравненіи съ свободною осуществимостью нравственности. Отсюда связь правовыхъ возрѣній съ нравственными идеалами. Чѣмъ она тѣснѣй, тѣмъ больше обезпечено разумное развитіе общества. Право имѣетъ однако свой писанный кодексъ, гдѣ указано, что *можно* и чего *нельзя*. У нравственности такого кодекса быть не можетъ—и отыскивая, что *надо* сдѣлать въ томъ или другомъ случаѣ, человѣку приходится вопрошать свою совѣсть. Внутренній голосъ, называемый совѣстью, истекаетъ у многихъ людей изъ началъ, невидимо, но неразрывно связанныхъ съ вѣрою, съ религіознымъ ихъ строемъ. Въ этомъ голосѣ

имъ слышится выраженіе воли высшаго существа, сознание связи съ которымъ и отвѣтственности предъ которымъ такъ поднимаетъ и укрѣпляетъ душу многихъ въ минуты житейскаго смятенія. Нравственныя начала, черпая свои силы въ религіи, проникаютъ съ разныхъ сторонъ и въ область права. Надпись на зданіи старинной ратуши въ Лугано: „Quod sunt leges sine moribus, quod sunt mores sine fide“—имѣетъ свое глубокое значеніе. Поэтому, говоря о правовыхъ воззрѣніяхъ Пушкина, трудно избѣжать необходимости ознакомиться съ его нравственными воззрѣніями и его отношеніемъ къ вопросамъ вѣры. Такимъ образомъ, самъ собою создается *нравственный обликъ Пушкина*. Изученію его слѣдуетъ посвятить глубочайшее вниманіе и тщательную разработку подробностей. Вѣроятно, такому труду и будутъ отданы чьи-либо талантливыя силы и ничѣмъ не стѣсненное время. Мы же ограничимся здѣсь, по поводу столѣтняго юбилея великаго поэта, лишь самыми краткими и бѣглыми начертаніями этого образа.

Недалновидные и поспѣшные на заключенія читатели юношескихъ произведеній Пушкина, писанныхъ въ „часы забавъ или праздной скуки“,—въ которыхъ, по его собственнымъ словамъ, „пѣлись порочныя забавы и славились сѣти сладострастья“—создали ему довольно прочно утвердившуюся репутацію не только эротическаго поэта, но и язвительнаго отрицателя вѣры.

Имъ помогли въ этомъ нѣкоторые высокодобродѣтельные друзья молодости поэта, чей „предательскій привѣтъ“ преслѣдовалъ его и за гробомъ,—въ забвеніи его словъ, что „судить взрослога человѣка за вину юноши есть дѣло ужасное“. Одинъ изъ нихъ, чью умѣренность и аккуратность, при воспоминаніяхъ объ угасшемъ уже поэтѣ, неприятно поразило отсутствіе у него не только „ровной, систематической бесѣды“, но даже и „порядочнаго фрака“—провозгласилъ, что Пушкинъ не имѣлъ „ни *внѣшней*, ни *внутренней* религіи и смѣялся надъ всѣми отношеніями“. Но въ этомъ представленіи о Пушкинѣ и въ вытекающихъ изъ него непродуманныхъ или лицемѣрныхъ упрекахъ—нѣтъ правды. Необходимо глубже всмотрѣться въ эту сторону личности Пушкина—и судить человѣка и писателя не по случайнымъ проявленіямъ, а по кореннымъ свойствамъ его природы. Беспорядочное домашнее воспитаніе въ довольно безалаберной семьѣ дало отроку раннюю возможность отравиться дурманомъ фривольныхъ произведеній французской литературы XVIII вѣка. Отголоскомъ этого было появленіе трехъ-четыреухъ подражательныхъ произведеній. Все остальное въ этомъ легкомысленномъ родѣ

лживо и безъ всякой критики писалось въ пассивъ поэзіи Пушкина. Да и эти немногія произведенія мутили его совѣсть, заставляли краснѣть за себя, негодуя „на *грѣшныи* свой языкъ, и празднословный, и лукавый“—и сжигать попадавшіеся ему ихъ рукописные списки. Какъ всякая сильная натура—онъ не могъ не пройти періода *скитанія мыслей*, прежде чѣмъ остановиться на болѣе или менѣе прочномъ міросозерпаніи.

Написанное Пушкинымъ 18-ти лѣтъ отъ роду „Безвѣріе“ содержитъ въ себѣ явныя указанія мучительныхъ сомнѣній, пережитыхъ имъ въ это время. Всѣ симпатіи его уже на сторонѣ вѣры и онъ желалъ бы, „забывъ о разумѣ и немоцномъ, и строгомъ, съ одной лишь вѣрою повергнуться предъ Богомъ“. Но самъ, еще не вѣруя вполне и колеблясь, онъ уже понимаетъ, что не слово осужденія, а слово состраданія надо обращать въ „слѣпому мудрецу“, въ которомъ „умъ ищетъ божества, а сердце не находитъ“. Притомъ, не надо забывать, что человѣкъ съ прозаической натурой легче и скорѣе становится законченнымъ цѣлымъ, чѣмъ имѣющимъ задатки гениальности. Истинное религиозное чувство есть прежде всего результатъ личныхъ житейскихъ испытаній. Только выдержавъ и переживъ ихъ, оно можетъ считаться прочнымъ.

Переломъ боровшихся сомнѣній въ сторону вѣры совершился у Пушкина на двадцать второмъ году жизни. „Съ измученной души его исчезли заблужденья“ подобно тому, „какъ краски чуждыя съ лѣтами спадаютъ ветхой чешуей“. Съ этого времени мы видимъ у него уже вполне сложившійся взглядъ, которому онъ остается вѣренъ до конца. Въ душѣ его блещитъ немеркнущимъ свѣтомъ не только вѣра въ высшій разумъ, управляющій вселенною, но и,—употребляя выраженіе Лермонтова,—„вѣра гордая въ людей и въ жизнь иную“, т.-е. въ возвышенныя стороны человѣческаго духа и въ его бессмертіе. Тотъ „чистый атеизмъ“, указаніе на уроки котораго въ перехваченномъ письмѣ сопровождалось для него тяжелою и рѣшительною карою,—никогда не овладевалъ имъ. Онъ претилъ его уму и сердцу. „Ты—*сердцу* непонятный мракъ, пріютъ отчаянья слѣпого, *ничтожество*—пустой призракъ—не жажду твоего порока“—восклицаетъ онъ, прибавляя: „ты чуждо мысли человѣка, тебя страшится гордый *умъ*“. Онъ говорилъ Хомякову, что вопросы вѣры *превосходятъ* разумъ, но не *противорѣчатъ* ему—и много думалъ о нихъ. „Я нашелъ Бога въ своей совѣсти и въ природѣ, которая говорила мнѣ о немъ“, объяснялъ онъ А. И. Тургеневу, сходясь въ этомъ съ Кантомъ, котораго, конечно, не

читалъ, когда въ садахъ лица „читалъ, охотно Апулея“. „Если человекъ нападаетъ на идею о Богѣ и находитъ Его въ душѣ своей—значитъ, Онъ существуетъ,—развивалъ Пушкинъ свой взглядъ въ бесѣдахъ у Смирновой;—нельзя найти то, чего нѣтъ, и самая сильная фантазія отправляется все-таки отъ существующихъ формъ“. Поэтому онъ подсмѣивался надъ упорными усилиями обширной аргументаціи отрицателей существованія Бога. Къ чему такія старанія, если Его дѣйствительно нѣтъ?—спрашивалъ онъ. Къ Библии и къ Евангелію Пушкинъ относился съ величайшимъ интересомъ. Онъ увлекался ими и глубоко вдумывался въ ихъ содержаніе. Рекомендуя сыну своего друга кн. Вяземскаго *притално и постоянно* читать книги Священнаго Писанія, Пушкинъ называлъ ихъ „ключомъ живой воды“. Замѣчая, что Евангеліе настолько истолковано, объяснено и проповѣдано повсюду, что не заключаетъ въ себѣ уже ничего для насъ неизвѣстнаго, — онъ указывалъ на его вѣчно новую прелесть для всѣхъ пресыщенныхъ міромъ или погруженныхъ въ уныніе... Въ разговорахъ съ Барантомъ, восторженно отзываясь о Библии и въ особенности о Евангеліи—онъ, по поводу стремленій подвести смыслъ святой и вѣчной книги подъ мѣрило временныхъ человѣческихъ различій и направленій, говорилъ: „Мы всѣ несемъ бремя нашей жизни, иго нашей человѣчности, столь подверженной заблужденію—и это иго уравниваетъ все; Христосъ велитъ взять Его иго и бремя, которыя помогутъ намъ донести наше собственное до конца, если мы будемъ помогать ближнему поднять и нести иго, подъ которыми онъ изнемогаетъ. Здѣсь нѣтъ мѣста ни для аристократіи, ни для демократіи. Весь законъ въ нѣсколькихъ словахъ. Здѣсь только одна, единственная великая сила—любовь!“ Такимъ образомъ онъ былъ не только вѣрующимъ, но и христіаниномъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Религіозность его проявлялась не только въ удивительныхъ по формѣ и силѣ отдѣльныхъ стихахъ и цѣлыхъ произведеніяхъ, какъ, напр., переложеніе молитвы св. Ефрема Сирина („Отцы-пустынники и жены непорочны“), не только въ изображеніи могучей вѣры Кочубея, не поколебленной и его горькимъ концомъ, но и въ формахъ, освященныхъ народнымъ чувствомъ. Въ тоскѣ своего принудительнаго уединенія въ Михайловскомъ, онъ вызывалъ предъ умственнымъ взоромъ образы тѣхъ, кого Господь надѣлилъ высокимъ творческимъ даромъ и „всеобъемлющею душою“. Онъ молился о нихъ и служилъ панихиды о рабахъ Божіихъ—Петрѣ и Георгіѣ. Этотъ Петръ былъ тотъ „вѣчный работникъ на тронѣ“, котораго онъ воспѣлъ съ такою силой, понялъ съ такою любовью,

—этотъ Георгій былъ „властитель думъ“ — лордъ Байронъ... Пушкинъ придавалъ огромное значеніе христіанству. Онъ считалъ его появленіе великимъ духовнымъ и политическимъ переворотомъ нашей планеты. „Въ этой священной стихіи, — говорилъ онъ, — исчезъ и обновился міръ, — древняя исторія кончилась съ ея появленіемъ“. Исторія внѣшняго выраженія христіанства — церкви, ея положеніе и задачи останавливали на себѣ думы Пушкина. Онъ цѣнилъ заслугу русскаго монашества, сохранившаго среди всеобщаго мрака историческіе памятники и ведшаго лѣтописи; онъ строго осуждалъ Екатерину II за „властолюбивое угожденіе духу времени“, выразившееся въ явномъ гоненіи на духовенство и лишеніи его независимаго состоянія, чѣмъ наносился ударъ его самостоятельности и его содѣйствию народному просвѣщенію.

Признавая одною изъ важнѣйшихъ задачъ церкви — проповѣдь ученія Христова, Пушкинъ видѣлъ въ послѣдней и одно изъ средствъ умиротворенія завоевываемаго нами въ то время Кавказа. Говоря, въ своемъ путешествіи въ Арзерумъ, объ укрощеніе ненависти къ намъ черкесовъ посредствомъ ихъ обезоруженія, или привитія къ нимъ болѣе утонченныхъ потребностей, онъ замѣчаетъ, что есть однако средство болѣе сильное, болѣе нравственное, болѣе сообразное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка — проповѣданіе Евангелія, о чемъ Россія до половины тридцатыхъ годовъ и не подумала. Онъ ставилъ очень высоко миссіонерство. „Надо препоясаться и идти съ миромъ и крестомъ“, восклицаетъ онъ, рисуя примѣръ святыхъ старцевъ, мужей вѣры и смиренія, скитающихся по пустынямъ въ рубищахъ, часто безъ обуви, крова и пищи, но оживленныхъ теплымъ усердіемъ. „Какая награда ожидаетъ ихъ?“ спрашиваетъ онъ: — обращеніе престарѣлаго рыбака, или странствующаго семейства дикихъ, или мальчика, — а затѣмъ нужда, голодъ, мученическая смерть“ ... „Кажется, — заключаетъ онъ, — для нашей холодной лѣности легче, взаимнѣе живого слова, выливать мертвыя буквы и посылать нѣмныя книги людямъ, не знающимъ грамоты, чѣмъ подвергаться трудамъ и опасностямъ, по примѣру древнихъ апостоловъ и новѣйшихъ римско-католическихъ миссіонеровъ“. Придавая высокое значеніе миссіонерству, Пушкинъ требовалъ однако, чтобы, идучи съ проповѣдью христіанства, оно было, вмѣстѣ съ тѣмъ, само исполнено христіанскаго духа любви и терпѣнія. „Терпимость вещь очень хорошая, — писалъ онъ, — но развѣ апостолство съ ней не совмѣстно?“ Указывая на необходимость идти съ миромъ, онъ клеймилъ мрачный образъ своеобразно-знаменитаго юрьевскаго архимандрита Фотія за то, что ему служили „орудіемъ

духовнымъ—проклятіе, и мечь, и крестъ, и кнутъ...“ И въ своихъ чудныхъ подражаніяхъ Корану совѣтовалъ: „свокойно возвѣщать Коранъ, не понуждая нечестивыхъ!“

Сознательная вѣра,—а таковая несомнѣнно жила въ душѣ Пушкина, — прониваетъ внутренней міръ чловѣка и отражается на отношеніяхъ его къ людямъ. Она, по глубокой мысли Хомякова, является однимъ изъ высшихъ общественныхъ началъ, ибо само общество есть не что иное, какъ видимое проявленіе нашихъ внутреннихъ отношеній къ другимъ людямъ и нашего союза съ ними. Поэтому, вѣрованія Пушкина и его взглядъ на смыслъ евангельскаго ученія должны были неминуемо выразиться въ отношеніяхъ его къ людямъ и въ требованіяхъ, предъявляемыхъ къ нимъ и къ самому себѣ. Въ душѣ его не было мѣста не только для грубаго себялюбія, приносящаго, по мѣрѣ силъ, въ жертву своимъ вождельніямъ все, что возможно, не брезгая никакимъ результатомъ,—но и для болѣе утонченнаго эгоизма, создающаго привычку всегда и при всякихъ впечатлѣніяхъ прежде всего думать исключительно о самомъ себѣ. Ив. Тургеневъ въ своихъ „Стихотвореніяхъ въ прозѣ“ оставилъ намъ образъ эгоиста, вооруженнаго самодовольствомъ легко доставшейся добродѣтели, которая „хуже откровеннаго безобразія порока“. Оттапливающія черты этого образа вѣютъ такимъ холодомъ, что убиваютъ возможность насмѣшки. Создавая его, художникъ слѣдовалъ мысли своего любимаго учителя Пушкина, который характеризовалъ эгоизмъ какъ явленіе чисто *отвратительное*, но отнюдь не *смѣшное*, ибо онъ „отмѣнно благоразуменъ“. Это послѣднее свойство требуетъ извѣстной сдержанности и самообладанія. Когда ихъ нѣтъ, эгоизмъ утрачиваетъ свою неуязвимость для смѣха. „Есть люди,—говоритъ Пушкинъ,—которые любятъ себя съ такою нѣжностью, удивляются своему генію съ такимъ восторгомъ, думаютъ о своемъ благосостояніи съ такимъ умиленіемъ, о своихъ неудовольствіяхъ съ такимъ состраданіемъ, что въ нихъ и эгоизмъ имѣетъ всю смѣшную сторону энтузіазма и чувствительности“.

Проповѣдь благороднаго альтруизма и нравственной обязанности въ отношеніяхъ съ окружающими думать о нихъ, о ихъ страданіяхъ и чловѣческомъ достоинствѣ внятно и опредѣленно слышится въ произведеніяхъ Пушкина, возмущеннаго высомѣрѣннымъ взглядомъ на людей, которыхъ „мы почитаемъ лишь нулями, а единицами—себя“. Жестокосердное „*seid hart!*“ Заратустры не нашло бы отклика въ поэтѣ, испытывавшемъ восхищеніе предъ исполненнымъ долгомъ, предъ подвигомъ, предъ

забвеніемъ себя ради другихъ. Сурово относясь къ Наполеону и примиренный съ нимъ лишь смертью, Пушкинъ тѣмъ не менѣе съ восторгомъ говоритъ о немъ, когда тотъ, чтобы оживить угасшій взоръ и родить бодрость въ погибающемъ умѣ, „играетъ жизнію своею предъ сумрачнымъ недугомъ и хладно руку жметъ чумѣ“. Въ противоположеніи долга эгоизму состоятъ и смыслъ заключительныхъ строфъ знаменитой его поэмы, гдѣ долгъ олицетворенъ глубокою внутреннею жертвою Татьяны, которую Пушкинъ называетъ своимъ „вѣрнымъ идеаломъ“, а представителемъ эгоизма является Онѣгинъ „съ его безнравственной душой, себялюбивою, сухой, съ его озлобленнымъ умомъ, кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ“...

Этотъ взглядъ на отношеніе къ людямъ отражается на всей личности Пушкина. Она дышетъ добротою и дѣятельною любовью. Голосъ „вроткой жалости“ слышится не только на страницахъ его произведеній, но и въ порывахъ его сердца, дѣлающихъ его вѣчнымъ заступникомъ за нуждающихся, за несчастныхъ. Гоголь оцѣнилъ въ немъ эту черту—и рассказываетъ, что Пушкинъ искалъ случаевъ быть кому-либо полезнымъ и пользовался каждой минутой благоволенія къ себѣ императора Николая, чтобы заикнуться—и никогда о себѣ, а всегда о другомъ несчастномъ, упадшемъ. Онъ самъ, однако, бывалъ несчастенъ и часто нуждался въ облегченіи своихъ житейскихъ и духовныхъ узъ. Намекъ на свое положеніе былъ бы естественъ и понятенъ, но Пушкинъ хватался за указываемые Гоголемъ благоприятные случаи исключительно съ мыслью о *другихъ*, какъ бы тяжело и оскорбительно ни жило въ это время ему самому. „Какъ весь оживлялся и вспыхивалъ онъ,—пишетъ Гоголь Жуковскому,—когда дѣло шло къ тому, чтобы облегчить участь какого либо изгнанника, или подать руку падшему“.

Можно привести множество примѣровъ его доброжелательныхъ хлопотъ и въ случаяхъ менѣе важныхъ. Такъ, напр., вынужденный принести повинную въ томъ, что былъ на балу французскаго посольства не въ мундирѣ, а во фракѣ, онъ заставляетъ умолкнуть свое законное самолюбіе, надменно уязвляемое Бенкендорфомъ, чтобы при этомъ случаѣ стать просителемъ и ходатайствовать предъ „своимъ Катонемъ“ о пенсіи для вдовы генерала Раевского;—такъ,—онъ проситъ Бенкендорфа о дозволении занятій въ государственныхъ архивахъ Погодину, не оберегая завистливо и жадно доступа къ открытымъ ему одному историческимъ союзицамъ, какъ сдѣлали бы многіе на его мѣстѣ. Онъ хлопочетъ предъ академіей наукъ объ изданіи въ

пользу семейства убитаго писателя Шишкова—сочиненій послѣд-
няго;—писатьъ князю Вяземскому, прося его *пожарче* похлопато-
тать о денежномъ пособіи молодому ученому, и поручаетъ брату
Льву, самъ находясь въ принудительномъ уединеніи села Ми-
хайловскаго и въ крайне стѣсненномъ денежномъ положеніи,
подписаться на нѣсколько экземпляровъ издаваемаго по подпискѣ
слѣпымъ священникомъ перевода книги Исуса сына Сирахова.
Когда „Нева, какъ звѣрь остервенясь, на городъ кинулась“
и „всплыль Петрополь, какъ Тритонъ, по поясъ въ воду погру-
жень“,—Пушкинъ пишетъ брату: „этотъ потопъ съ ума у меня
нейдетъ. Онъ вовсе не забавень. Если тебѣ вздумается помочь
какому-нибудь несчастному, помогай изъ *Отъинскихъ* денегъ,
но прошу—безъ всякаго шума, ни словесно, ни письменно“.

Строгий литературный цѣнитель и судья, требовавшій отъ
писателя серьезнаго и взвѣсиваго отношенія къ предмету сво-
его творчества, Пушкинъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ чуждъ мелоч-
ного чувства ревности къ успѣху собратьевъ по перу и недобро-
желательнаго къ нему отношенія. „Умѣя презирать, — умѣлъ
онъ ненавидѣть“, но *заигрывать* — не умѣлъ. Достаточно ука-
зать на его отношенія къ Мицкевичу, на его оцѣнку Козлова,
на переписку съ поэтомъ А. А. Шишковымъ,—наконецъ, на то,
съ какою искреннею радостью привѣтствовалъ онъ произведенія
Баратынскаго, какъ горячо защищалъ ихъ отъ равнодушія пуб-
лики и нападокъ рутинной критики, въ теплыхъ выраженіяхъ
отводя автору одно изъ первыхъ мѣстъ въ современной ему
литературѣ, на ряду съ Жуковскимъ и выше Батюшкова. „Свои
права передаю тебѣ съ поклономъ,—чтобъ на *волшебные напитки*—
переложилъ ты страстной дѣвы—иноплеменные слова“, провоз-
глашаетъ онъ, обращаясь къ „первому русскому элегическому
поэту“, чей каждый стихъ „звучить и блещетъ какъ черво-
нецъ“, и болѣе котораго „никто не имѣетъ чувства въ своихъ
мысляхъ и вкуса въ своихъ чувствахъ“.

Мицкевичъ, уже разорвавъ навсегда съ Россіею, все-таки съ
благодарнымъ чувствомъ вспоминалъ Пушкина и свою близость
съ нимъ. Ихъ думы, по словамъ польскаго поэта, возносясь надъ
землею, соединялись какъ двѣ скалы, которыя, будучи раздѣлены
силою потока, склоняются одна къ другой смѣлыми вершинами.
Пушкинъ въ глазахъ Мицкевича являлся олицетвореніемъ глубокаго
ума, тонкаго вкуса и государственной мудрости. Поэтическое без-
молвіе Пушкина, въ которомъ многіе видѣли признакъ истощенія
таланта, тѣло, по мнѣнію Мицкевича, великія предзнаменованія
для русской литературы, въ которой, по мнѣтвому и вѣрному

его замѣчанію, Пушкинъ никогда не былъ подражателемъ Байрона—*байронистомъ*, но былъ самостоятельною величиною, лишь временно чувствовавшею *притяженіе* къ великому британскому поэту—былъ *байроніакомъ*. Онъ сталъ на собственный путь, на которомъ умѣлъ, несмотря на краткую жизнь, сраженную пулею, — нанести ужасный ударъ не одной Россіи, — создать среди ряда выдающихся произведеній такую единственную, по своей самобытности и величію, въ европейской литературѣ вещь, какъ изумительной красоты сцену въ кельѣ Пимена въ „Борисѣ Годуновѣ“. Такому посмертному отзыву, дѣлающему великую честь безпристрастію Мицкевича къ памяти поэта изъ „племени ему чужого“, соотвѣтствовало и отношеніе Пушкина къ „вдохновенному свыше“ и „съ высоты взиравшему на жизнь“ пѣвцу. Онъ искренно восхищался его талантомъ, образованностью и многосторонними знаніями, съ увлеченіемъ говорилъ о немъ, переводилъ его произведенія („Воевода“, „Будрысь и его сыновья“), читалъ ему свои поэмы и посвящалъ его въ планы и идеи задуманныхъ твореній. Когда Жуковскій сказалъ ему однажды: „А знаешь, братъ, вѣдь со временемъ тебя, пожалуй, Мицкевичъ за поясъ заткнетъ“, — Пушкинъ отвѣчалъ ему: „Ты не такъ говоришь: онъ уже заткнулъ меня!..“ и самъ потомъ повторялъ это свое выраженіе. Не словами раздраженія отвѣчалъ онъ на доходившій издали знакомый голосъ ставшаго враждебнымъ поэта, а мольбою о ниспосланіи мира его душѣ...

Даже и къ людямъ ему несимпатичнымъ старался онъ относиться справедливо. Нельзя не указать на благородную защиту имъ въ 1830 году Полевого противъ „непростительнаго“ отношенія къ нему Погодина и „изступленной брани“ Каченовскаго по поводу „Исторіи русскаго народа“ — и если впослѣдствіи отзывы Пушкина о Полевомъ утратили необходимое спокойствіе безпристрастія, то это вызвано было нападеніями послѣдняго на его друзей и преимущественно на Дельвига.

Дружбѣ Пушкинъ придавалъ огромное значеніе, понималъ ее серьезно и вѣрилъ ей искренно. Онъ отличалъ эту, по выраженію Шербулье, „любовь безъ крыльевъ“ отъ тѣхъ отношеній, которыя возникаютъ въ „легкомъ пылу похмеля“, среди „обмѣна тщеславія и бездѣлья“ и, прикрываясь названіемъ дружбы, выражаются лишь въ фамильярности и безцеремонномъ залѣзаніи въ чужую душу или въ „позорѣ покровительства“. Та дружба, представленіе о которой разсыпано во множествѣ его произведеній, есть стойкое, неизмѣнное, самоотверженное чувство, „недремлющей рукою“ поддерживающее друга „въ

минуту гибели надъ бездною потаенной“, оживляющее его душу „совѣтомъ или укоромъ“, врачующее его раны и способное разбить „сосудъ клеветника презрѣнный“.

Этому представлению былъ онъ вѣренъ и въ жизни. Стоитъ указать на его отношенія къ Дельвигу и Кюхельбекеру, на его трогательныя обращенія къ Чаадаеву, къ Пушкину. Проявленія дружеской пріязни его глубоко трогали и оставляли неизгладимый слѣдъ въ его душѣ. „Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!“—пишетъ онъ въ Сибирь благороднѣйшему И. И. Пушкину, посѣтившему его „пріютъ опальный“ въ Михайловскомъ. „Какъ жаль, что нѣтъ теперь Пушкина!“—говоритъ онъ на смертномъ своемъ одрѣ. Въ минуты житейскихъ горестей, чуждый малѣйшей зависти, Пушкинъ умѣлъ утѣшаться „наслажденіемъ слезъ и счастіемъ друзей“ и не отрезался отъ послѣднихъ никогда и ни передъ кѣмъ, твердо и безбоязненно проявляя свое къ нимъ отношеніе, несмотря на то, что его привѣтамъ приходилось летѣть „во глубину сибирскихъ рудъ“ и въ „мрачныя пропасти земли“.

Если эти далекіе друзья и сберегли въ свое время для Россіи Пушкина, заботливо и предусмотрительно не пріобщивъ его къ своимъ планамъ, то между окружавшими его нашлись зато платившіе обидой за жаръ его души „довѣрчивой и нѣжной“. Ихъ „предательскій привѣтъ“ глубоко уязвлялъ его впечатлительное сердце. Онъ могъ повторить слова Саади въ „Гюлистанѣ“: „Врагъ бросилъ въ меня камнемъ, и я не огорчился,—другъ бросилъ цвѣткомъ—и мнѣ стало больно“. Рядомъ таковыхъ скрытыхъ обидъ и злоупотребленій „святою дружбы властью“, очевидно, вызваны выстраданные звуки негодованія въ его „Коварности“, когда ему довелось „своимъ печальнымъ взоромъ“—прочестъ все тайное въ нѣмой душѣ того, кого онъ считалъ другомъ—и осудить его „послѣднимъ приговоромъ“.

II.

Таково было *отношеніе* Пушкина къ людямъ. Посмотримъ на *нравственныя требованія*, которыя онъ предъявлялъ прежде всего къ самому себѣ. Эти требованія въ значительной мѣрѣ опредѣляются тѣмъ, что признаетъ человекъ необходимымъ для сохраненія въ себѣ самоуваженія. Чуткою душой своею Пушкинъ не могъ не сознавать, что лишь упорный и серьезный трудъ и полная правдивость съ собою и съ другими могутъ

поддержатъ въ человѣкѣ самоуваженіе и защитить его отъ кровавнаго самопрезрѣнія въ тѣ минуты, когда онъ не развлеченъ мелочною пестротою обыденной жизни.

Любовью къ труду и была проникнута вся его жизнь. Ему — „выискательному художнику“ — съ теплымъ чувствомъ вспоминается „живой и постоянный, хоть малый трудъ“, — „молчаливый спутникъ ночи, другъ Авроры златой“. Онъ ощущалъ *обязанность* трудиться и жадно ждалъ любимаго осенняго уединенія, когда „роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ“ и можно приняться съ обновленными силами за плодотворную работу. Недаромъ „въ шорохѣ ночи“ слышится ему „укоризна или ропотъ имъ утраченнаго дня“; — недаромъ съ горечью вспоминаетъ онъ „растраченные годы“, и его тревожитъ „призракъ невозвратимыхъ дней“ въ то время, когда „судьбой отсчитанные дни“ особенно дороги, чтобъ „мыслить и страдать“ и, слѣдовательно, работать умственно. Отсюда многочисленныя поправки въ его рукописяхъ и варианты его стиховъ, отсюда настойчивая работа надъ языкомъ, надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать его гибкимъ и сладкимъ, какъ сахарный тростникъ. Аллахъ говорить его пророку: „Не я-ль языкъ твой одарилъ могучей властью надъ умами“. Для этой власти нужна, однако, не одна форма, но и содержаніе, продуманное и прочувствованное, вылившееся изъ души и заключающее въ скупости словъ богатство мысли. Это содержаніе въ поэтическомъ произведеніи тогда лишь сильно и глубоко, когда оно явилось плодомъ вдохновенія, которое необходимо отличать отъ преходящаго настроенія. Пушкинъ самъ указалъ разницу между вдохновеніемъ и восторгомъ, объясняя первое — одухотворенною работою, а второе — мимолетнымъ порывомъ. Тотъ товарищъ по воспитанію, о лицемѣрномъ злословіи котораго мы уже говорили, ставитъ Пушкину въ вину то, что надъ стихами онъ „мучился по часамъ и суткамъ“, дѣлая въ каждомъ стихѣ безчисленное множество поправокъ, — что совершенно невѣрно и опровергается рукописями Пушкина. Такъ напримѣръ, въ рукописи извѣстнаго стихотворенія „19-ое октября“, состоящаго изъ 24 строкъ и 184 стиховъ — на 1.069 словъ исправлено всего 73. Этотъ же своеобразный поклонникъ „дивнаго таланта“ поэта признаетъ нужнымъ передать потомству, что „сверхъ того Пушкинъ писалъ лишь въ минуты *вдохновенія*, а такія заставляли себя ждать по цѣлымъ мѣсяцамъ“, не понимая, что онъ дѣлаетъ, противъ воли, драгоценное для Пушкина указаніе на возвышенный характеръ его творчества, и, очевидно, смѣшивая поэзію съ бюрократическою работою.

И любовь къ правдѣ царить въ Пушкинскомъ трудѣ, — къ той высшей правдѣ, которая ищетъ и рисуетъ идеаль дѣйствій человека, а не къ той низшей, которая изображаетъ все въ предѣлахъ факта, не устремляя взора вверху и вдаль, и „праздно угождая холодной посредственности, завистливой и жадной къ соблазну“.

Признавая обычнымъ явленіемъ связь гениальности съ простодушіемъ и величія характера съ откровенностью, Пушкинъ самъ являлъ примѣръ ихъ, слѣдуя совѣту своего „Подражанія Корану“: — „Мужайся! презирай обманъ, — стезею правды бодро слѣдуй!“ Ложь была ему ненавистна до забвенія собственной опасности. Смѣлое указаніе имъ генераль-губернатору Милорадовичу того, какія именно изъ ходящихъ въ рукописи „недозволительныхъ стихотвореній“ принадлежать ему, — остроумное замѣчаніе на запросъ Бенкендорфа о томъ, не Уваровъ ли имѣется въ виду въ „выздоровленіи Лукулла“ — и, наконецъ, прямодушный отвѣтъ императору Николѣю, въ 1826 году, въ Москвѣ — на вопросъ о томъ, участвовалъ ли бы онъ въ происшествіи 14 декабря — служить одними изъ многихъ примѣровъ его безусловной и безтрепетной правдивости. Эта любовь къ правдѣ и искренности заставляла его цѣнить цѣльныхъ людей, даже и не соглашаясь со всѣми ихъ взглядами, но уважая ихъ прямоту и отсутствіе въ нихъ двоедушія. Онъ не разъ ссылался въ бесѣдахъ на то мѣсто откровенія св. Іоанна, гдѣ ангелу Лаодикійской церкви говорится: „Знаю твои дѣла; ты ни холоденъ, ни горячъ; о, еслибъ ты былъ холоденъ или горячъ! но поелику ты теплъ, а не горячъ и не холоденъ — извергну тебя изъ устъ моихъ!“ Наравнѣ съ цѣльными людьми, цѣнилъ онъ и цѣльные чувства, которымъ человекъ отдается безъ расчетливой оглядки. Все показное въ этомъ отношеніи, какъ видно изъ его писемъ, его возмущало, — всякая огласка добраго дѣла ему претяла. „Торгуя совѣстью предъ блѣдной нищетой, — не сыпь своихъ даровъ расчетливой рукой“, не сжимай „завистливой длани“ — совѣтуетъ онъ. Какъ сурово отнесся бы онъ къ представителямъ столь развившагося въ современномъ обществѣ типа акробатовъ благотворительности, умбюющихъ присасываться къ живому и возвышенному дѣлу — и нерѣдко жертвить его! У него была, отмѣченная княземъ Вяземскимъ, ненависть къ поддѣльной наукѣ и къ лицемѣрной нравственности. Въ запискѣ о воспитаніи, представленной государю въ 1826 году, онъ возставалъ противъ преподаванія фальсифицированной исторіи и, вѣрный своей правдивости, — въ то время, когда воспитанникамъ принято было, на примѣръ, сообщать, что Наполеонъ

былъ просто возмущившійся противъ короля предприимчивый генералъ,—указывалъ на необходимость объяснять „разницу духа народовъ, источника нуждъ и требованій государственныхъ, не искажая республиканскихъ учреждений“, и дѣлать правильную оцѣнку историческимъ дѣятелямъ безъ официально-предназначеннаго на нихъ взгляда.

Здѣсь не мѣсто разбирать историческіе взгляды и труды Пушкина, но нельзя не замѣтить, что они проникнуты стремленіемъ къ отысканію правды и, въ виду крайне слабаго развитія современной ему русской исторической науки, представляютъ нерѣдко яркіе образчики, своего рода, ретроспективной интуиціи, благодаря которой Пушкинъ опредѣлялъ дѣятелей, событія и эпохи далекаго прошлаго съ вѣрностью и глубиною, возможными лишь для тѣхъ, кто основательно знакомъ съ матеріаломъ, всесторонне разработаннымъ въ теченіе полувѣка со времени его смерти. Это стремленіе къ правдѣ не давало внѣшнему блеску затемнить въ глазахъ Пушкина истину и въ то же время не допускало его забывать про культурныя условія—духовныя и матеріальныя—среди которыхъ приходилось жить и творить историческимъ дѣятелямъ,—впадать въ забвеніе про нравы и обычаи времени, столь часто заставлявшее у насъ дилеттантовъ-историковъ неправильно освѣщать, а затѣмъ и оцѣнивать тотъ или другой историческій образъ. Изслѣдованія Соловьева и Павлова о Борисѣ Годуновѣ;—всѣ главнѣйшіе труды о Петрѣ Великомъ,—почти всѣ богатые выводы нашей историко-литературной критики—явились послѣ Пушкина, а между тѣмъ сколь многое изъ *доказаннаго* и *установленнаго* ими *прочувствовано* Пушкинымъ и облечено въ дивныя художественныя образы и опредѣленія! Какъ тонки его замѣчанія объ отношеніи къ ученію энциклопедистовъ Екатерины II, ободрявшей сначала эти „игры искусныхъ борцовъ“ своимъ царскимъ рукоплесканіемъ и съ безпокойствомъ увидѣвшей ихъ торжество въ жизни;—какъ содержательна въ своей сжатости внутренняя картина Александровской Руси въ „Дубровскомъ“;—какъ справедливы, въ записанномъ Смирновомъ разговорѣ, сравнительныя оцѣнки Петра и Екатерины и указанія на національныя ошибки послѣдней и лицемѣріе ея знаменитаго Наказа... Красивыя декораціи царствованія Екатерины не вводили Пушкина въ заблужденіе о томъ, что за ними скрывалось. Его всецѣло привлекала къ себѣ та житейская и историческая правда, которою дышетъ личность Петра. „Онъ одна цѣлая всемірная исторія“,—пишетъ Пушкинъ Чаадаеву. Памятникъ Петра—современная Россія, которая „вошла въ Европу, какъ

спущенный ворабль“, — говоритъ онъ, указывая на безповоротность реформы Петра и рисуя его самого такъ, что онъ встаетъ предъ нами какъ живой, среди своихъ священныхъ трудовъ и заботъ. Мы видимъ его дома, на верфи, въ бою, на пиру. Образныя и глубоко продуманныя выраженія Пушкина, — его удивительныя по богатству мысли прилагательныя, — изображаютъ намъ въ незабвенныхъ чертахъ нравственный складъ, наружность и великія думы „славнаго кормчаго, кѣмъ наша *двинулась* земля“.

Но Пушкинъ не ослѣплялся чувствомъ привязанности къ Петру и къ Россіи. Горячая любовь къ Россіи и вѣра въ нее были у него неразлучны съ чувствомъ правды, которое не позволяло ему закрывать глаза на ея недостатки и на чужія достоинства. Онъ желалъ видѣть родину сроднившуюся съ Западомъ во всемъ лучшемъ, но сохранившею самобытныя формы, заключающія все хорошее *свое*. Гнѣвные подчасъ выраженія его писемъ, грустное восклицаніе при чтеніи Гоголемъ „Мертвыхъ душъ“: „не веселая штука Россія!“ — только на предвзятый взглядъ могутъ идти въ разрѣзъ съ этою любовью и съ вѣрою въ „высокій жребій“ русскаго народа. Недостатки любимаго существа всегда вызываютъ болѣе острые взрывы душевной боли, именно потому, что оно любимое и что его хочется видѣть лучше и выше всѣхъ. Гордясь скромностью русскаго человѣка и величіемъ всего, что совершено имъ по почину Петра, Пушкинъ тѣмъ не менѣе преклонялся предъ достоинствами общечеловѣческими. Ему былъ чуждъ узкій патріотизмъ, враждебно, надменно или косо смотрящій на все иноземное. Указывая на терпимость къ чужому, какъ на одну изъ прекрасныхъ сторонъ простаго русскаго человѣка, онъ говорилъ о необходимости уваженія къ *человѣчеству* и его благороднымъ стремленіямъ. „Недостаточно имѣть только мѣстныя чувства, — говорилъ онъ Хомякову, — есть мысли и чувства всеобщія, всемірныя“ ... Правдою, по мнѣнію Пушкина, должна быть проникнута не одна личная, но и вся государственная дѣятельность правителя. Въ правдѣ — великая притягательная сила, въ ней же и вѣрный критерій. Умѣнье понимать это составляетъ одно изъ свойствъ истинно великаго историческаго дѣятеля. Не даромъ Петръ „правдою привлекъ къ себѣ сердца“ — и, благодаря его умѣнью цѣнить ее, „былъ отъ буйнаго стрѣльца предъ нимъ отличенъ Долгорукій“ ... Но уравновѣшенность душевныхъ силъ и воспримчивое чувство живой дѣятельности заставляли Пушкина видѣть побужденіе для исканія правды въ чувствѣ любви, которому свойственно пониманіе и снисхожденіе. Поэтому онъ не считалъ возможнымъ найти

эту правду въ крайностяхъ. Если ея нѣтъ въ вѣнцахъ льстецовъ, то точно также нѣтъ ея и въ безусловныхъ отрицаніяхъ. „Нѣтъ убѣдительности, — пишетъ онъ, — въ поношеніяхъ, — и нѣтъ истины тамъ, гдѣ нѣтъ любви!“

Намѣчая такія требованія, Пушкинъ умѣлъ отличать существонное и вѣчное въ человѣкѣ отъ случайнаго и внѣшняго, высоко ставилъ свое призваніе и отдѣлялъ его задачи отъ неизбѣжныхъ условій своей личной жизни и отъ роковыхъ даровъ природы, называемыхъ страстями.

„Малодушное погруженіе“ въ заботы „суетнаго свѣта“ не заглушало для него „божественнаго глагола“, и онъ отряхалъ съ себя эти заботы подъ дуновеніемъ вдохновенія. Но онъ все-таки былъ потомокъ—и близкій—того, кто „думалъ въ охлажденны лѣта о знойной Африкѣ своей“. Этотъ зной жилъ въ его крови, давалъ себя чувствовать въ обыденные часы жизни, и въ молодости поэта, въ видѣ „алчнаго грѣха“, гнался за нимъ по пятамъ. Но и тогда онъ не утопалъ, самоулаждааясь, въ этомъ грѣхѣ, а „обѣжалъ къ Сіонскимъ высотамъ“, никогда не теряя ихъ изъ виду, не забывая о ихъ существованіи. Вѣрный народнымъ русскимъ свойствамъ, онъ относился къ себѣ, какъ къ человѣку—отрицательно и даже съ преувеличеннымъ самоосужденіемъ. „Презирать судъ людской не трудно, — пишетъ онъ; — презирать судъ собственный—невозможно“. Поэтому отношеніе его къ своему прошлому было иное, чѣмъ у большинства людей его общественнаго положенія. Въ годы наступавшаго успокоенія страстей, онъ не взиравъ съ тайно-завидующимъ снисхожденіемъ на увлеченія своихъ юныхъ дней. Карая себя за нихъ, въ „тоскѣ сердечныхъ угрызений“, онъ будилъ и вызывалъ тяжелыя воспоминанія, отравляя ими „видѣнія первоначальныхъ чистыхъ дней“. Рыдающіе звуки его „Воспоминанія“, когда онъ „съ отвращеніемъ читаетъ жизнь свою“ и горькими слезами не можетъ смыть „печальныхъ строкъ“—служать лучшимъ тому доказательствомъ. Но, беспощадно бичуя себя, онъ однако строго отдѣлялъ свою *личность* отъ своего *призванія*. „Воронцовъ думаетъ, что я коллежскій секретарь, — пишетъ онъ, — но я полагаю о себѣ нѣчто большее“... Это *большее* состояло въ призваніи быть пророкомъ своей родины, „глаголомъ жечь сердца людей“ и ударить по нимъ „съ невѣданною силой“. Онъ сознавалъ выпавшія на его долю роль и обязанность въ духовномъ развитіи Россіи, въ подготовкѣ ея свѣтлаго нравственнаго будущаго, въ которое онъ вѣрилъ горячо, подобно Петру, „зная предназначенье родной страны“. Когда изъ своего печальнаго уединенія онъ былъ, въ

1826 г., вызванъ въ Москву, гдѣ ждало его невѣдомое и тревожащее его разрѣшеніе его судьбы, онъ и тогда не усомнился въ своемъ призваніи и взялъ съ собою стихи, начинавшіеся словами: „Возстань, возстань, пророкъ Россіи,—позорной ризой облекись“. Отъ земной власти могли зависѣть многія существенныя условія его личной жизни и даже объемъ содержанія темъ для его творчества, но не его „предназначеніе“. Онъ былъ въ своихъ глазахъ „небомъ избранный пѣвецъ“, который, для блага страны, не можетъ и не долженъ „молчать, потупя очи долу“...

Отношеніе Пушкина къ требованіямъ своей совѣсти и его раннее, вдумчивое проникновеніе въ сущность разумныхъ условий человѣческаго существованія, въ потребности сердца, въ права мысли — опредѣлили и взглядъ его на главнѣйшія проявленія справедливости, какъ осуществленія общественной совѣсти, выражающіяся въ правосудіи и законодательствѣ.

Уже двадцатилѣтнимъ юношею онъ выражаетъ опредѣленный въ этомъ отношеніи взглядъ, которому оставался затѣмъ вѣренъ во всю свою остальную жизнь. Восхищаясь уединеніемъ, онъ учится „блаженство находить въ истинѣ,—свободною душой законъ боготворить, роптанью не внимать толмы непросвѣщенной и отвѣчать участіемъ застѣнчивой мольбѣ“. Это цѣлая программа, тѣмъ болѣе замѣчательная, чѣмъ менѣе она подходила къ рамкамъ, въ которыя тогда охотно укладывались личная и общественная жизнь на Руси. Движеніе законодательства и возбуждаемые при этомъ вопросы историческаго и общественнаго характера чрезвычайно интересовали Пушкина. Его записки и письма хранятъ несомнѣнныя доказательства глубины этого интереса. Въ нихъ содержится множество замѣчаній критическаго характера и указаній на бытовыя особенности, столь важныя для законодателя. Между ними есть опыты проектовъ различныхъ мѣръ, вызываемыхъ общественными потребностями. Изъ нихъ видно, что, относясь къ подобнымъ вопросамъ съ живѣйшимъ вниманіемъ, Пушкинъ желалъ видѣть законъ примиреннымъ съ житейской правдой и необходимою личною свободой, видѣть человѣка не рабомъ непонятнаго ему принудительнаго приказа, а слугою разумныхъ требованій общечеловѣческаго. „Мысль — великое слово,—говоритъ онъ,—что же и составляетъ величіе человѣка, какъ не мысль! Да будетъ же она свободна, какъ свободенъ человѣкъ: въ предѣлахъ закона, при полномъ соблюденіи условій, налагаемыхъ обществомъ“. Эта разумная свобода, построенная на уваженіи къ правамъ личности, на признаніи правъ организованной совокупности личностей—обще-

ства—и есть „святая вольность“, которую Пушкинъ противопоставляетъ тому, что онъ называетъ „безумствомъ гибельной свободы“. Несмотря на относительную близость французской революціи, картина которой въ большинствѣ оставляла еще смутное и слитное впечатлѣніе, онъ, со свойственнымъ ему пониманіемъ исторической перспективы и умѣнъ дать опредѣленіе въ двухъ словахъ, устанавливалъ, по отношенію къ политической свободѣ глубокую разницу между „львинымъ ревомъ колоссальнаго Мирабо“ и дѣйствіями „сентиментальнаго тигра“ — Робеспьера. Настоящая свобода не можетъ опираться на насилие,—она „богиня чистая“, и ея „цѣлебный сосудъ“ не долженъ быть „завѣшанъ пеленой кровавой“. Она погибаетъ, если, въ забвеніи ея истиннаго смысла, наступаютъ „порывы буйной слѣпоты“ и тогда надъ ея „безглавымъ трупомъ“ можетъ возникнуть палачъ „презрѣнный, мрачный и кровавый“.

III.

Рисуя себѣ идеалъ общественной жизни, „гдѣ твердо съ вольностью святой—законовъ мощныхъ сочетанье“, Пушкинъ именно въ этомъ сочетаніи видѣлъ необходимыя условія и залогъ спокойствія и дальнѣйшаго развитія общества. Мощный законъ долженъ являться покровителемъ слабыхъ,—разумною уздою для тѣхъ, кто, подобно Алеко, „для себя лишь хочетъ воли“—и выразителемъ пониманія законодателемъ прирожденныхъ правъ человѣческой души. Отсюда—требованія *строгой обдуманности* и *человѣчности* закона. Пушкинъ указываетъ на необходимость находить въ законѣ спокойствіе обдуманности и не встрѣчать въ немъ личныхъ вкусовъ и настроеній законодавца. „Достойна удивленія, — пишетъ онъ, — разность между государственными учрежденіями Петра Великаго и временными его указами. Первые суть плоды ума обширнаго, исполненнаго доброжелательства и мудрости; вторые—нерѣдко жестокіе, своенравные и, кажется, писаны кнутомъ. Первые были для вѣчности или, по крайней мѣрѣ, для будущаго;—вторые вырвались у нетерпѣливаго, самовластнаго помѣщика“. Требуя человѣчности въ законѣ, Пушкинъ уже въ ранней молодости умѣлъ проявить драгоцѣнное чувство истинной справедливости—равно нужное и для законодателя, и для судьи;—состоящее въ умѣніи поставить себя на мѣсто другого и понять его чувства въ томъ или другомъ положеніи. Его смущала отвлеченная отъ жизни, непреклонная жестокость нѣ-

которыхъ законовъ, поражающая неповинныхъ и гнетущая „природы голосъ нѣжный“. Въ томъ возрастѣ, когда менѣе всего думаютъ объ участи дѣтей, являющихся слѣдствіемъ осуждаемыхъ закономъ связей,—онъ былъ тронутъ ихъ злосчастною судьбою и съ удивительною для его лѣтъ глубиною описывалъ всѣ трагическіе моменты жизни ребенка, искунающаго „увлеченіе“ родителей: — его отчужденіе отъ всѣхъ, одиночество, томительныя, грустныя думы, проклятія судьбѣ, зависть къ тѣмъ, кто позналъ ласку матери, жестокіе упреки чужихъ людей и полное „неправедное и ужасное безправіе“. Чуткая душа поэта намѣчала законодателю высокую задачу, состоящую въ облегченіи судьбы такихъ дѣтей. Судьба не послала ему радости увидѣть осуществленіе своихъ идей. Онъ не дожилъ до сдѣланныхъ въ этомъ отношеніи въ послѣднее десятилѣтіе нашимъ законодательствомъ человѣколюбивыхъ шаговъ.

Дѣтство Пушкина прошло среди помѣщичьей обстановки, въ значительной мѣрѣ обусловленной ерѣвостнымъ правомъ, составлявшимъ одну изъ основъ тогдашняго общественнаго строя. Но облагораживающее вліяніе лицей, нравственная атмосфера, которою сталъ дышать Пушкинъ послѣ отцовскаго дома, и вліяніе такихъ людей, какъ Энгельгардтъ и Куницынъ, „воспитавшій пламень“ питомцевъ лицей, „создавшій ихъ и возжегшій чистук лампаду въ ихъ душѣ“ — сдѣлали свое дѣло. Благородныя сѣмена пали на благодарную почву. Вступивъ въ жизнь съ намѣреніемъ „отчизнѣ посвятить души высокіе порывы“, Пушкинъ долженъ былъ неминуемо и болѣзненно столкнуться съ различными проявленіями владѣнія „душами“, основанными на правѣ, закрѣпленномъ закономъ и поддерживаемомъ строгими карами.

Въ „пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья,—въ пустынный уголокъ, на лоно счастья и забвенья“,—гдѣ отдыхалъ двадцатилѣтній поэтъ, вторглись скорбные отголоски изъ другого, близкаго, окружающаго міра—и поэтъ не успѣшилъ уйти отъ нихъ, малодушно зажавъ себѣ уши и закрывъ глаза. Его сердце, вѣрное любви къ людямъ, встрепенулось и среди личнаго счастья воспѣло „стихомъ пронзительно-унылымъ“ несчастіе ближнихъ съ подавляющею силой:

Не видя слезъ, не внемля стона,
 На пагубу людей избранное судьбой,
 Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
 Присвоило себѣ насильственной лозой
 И трудъ, и собственность, и время земледѣла.
 Склоняся на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,

Здѣсь рабство тощее влечется по браздамъ
 Неумолимаго владѣльца.
 Здѣсь тягостный яремъ до гроба всё влекутъ,
 Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя.
 Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
 Для прихоти развратнаго злодѣя. |
 Опора милая старѣющихъ отцовъ,
 Младше сыновья, товарищи трудовъ,
 Изъ хижины родной идутъ собою множить
 Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ.

Картина мрачныхъ сторонъ крѣпостнаго быта, нарисованная Пушкинымъ, такъ полна, что ему нечего было въ ней болѣе потомъ добавить, хотя раскатовъ его негодованія хватило бы надолго. Мы уже указывали, что судьба была жестока въ лучшимъ упованіямъ его. Употребляя его собственныя выраженія, можно сказать, что, относительно многихъ улучшеній общественнаго быта, онъ былъ осужденъ на „безкрылое желанье“, что въ груди его „горѣлъ бесплодный жаръ“. Онъ не дожидъ до страстно желанной минуты увидѣть „рабство, падшее по манію Царя“, и не пережилъ со всѣми лучшими людьми земли русской великаго дня освобожденія крестьянъ, съ котораго его болѣе счастливый другъ, князь В. Ѡ. Одоевскій, предлагалъ начать считать въ Россіи новый годъ. А между тѣмъ освобожденіе крестьянъ было, какъ извѣстно, искреннимъ желаніемъ императора Николая. Онъ, въ разговорѣ съ Пушкинымъ, по разсказу Смирновой, упрекалъ Бориса Годунова за прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, и Лейбница за то, что, совѣщаясь съ Петромъ Великимъ относительно „табели о рангахъ“, нѣмецкій ученый не указалъ ему на несправедливость крѣпостнаго права. Бюрократическая и законодательная рутинна, опиравшаяся на упорную неподвижность общества и на страхи, создаваемые „пугливымъ воображеніемъ“, ставила постоянныя препятствія для рѣшительныхъ шаговъ государя. Онъ, въ отношеніи крестьянскаго вопроса, не находилъ въ себѣ сочувствія и честной поддержки и въ ближайшихъ исполнителяхъ своей воли. Даже такіе люди, какъ, напр., адмиралъ Мордвиновъ, „сіяющій, по выраженію Пушкина, и доблестью, и славой, и наукой“, про котораго во многихъ отношеніяхъ можно было сказать: „сей старецъ дорогъ намъ“, — оправдывали продажу людей въ одиночку, какъ способъ, „воимъ рабъ отъ лютаго помѣщика можетъ случайно перейти къ болѣе челоуѣколюбивому господину“. Подъ этимъ влияніемъ самодержавная воля ограничивалась поверхностными мѣрами и воздѣйствіемъ въ единичныхъ случаяхъ, — въ надеждѣ на личную доброту душевладѣльцевъ. На непригодность

всякихъ въ этомъ отношеніи полумѣръ неоднократно указывалъ Пушкинъ, то смѣясь надъ Наказомъ, основаннымъ на томъ, „чтобъ барской ягоды тайкомъ—уста лукавыя не ѣли—и пѣнемъ были заняты—затѣя сельской простоты“, и надъ великодушною замѣной „ярма отъ барщины старинной—оброкомъ легкимъ“;—то говоря о несчастіи семейственной жизни народа, вслѣдствіе насильственныхъ браковъ, —то рисуя образъ филантропическаго мучителя, желавшаго приучить крестьянъ ко всевозможнымъ страданіямъ, чтобы затѣмъ постепенно возвратить имъ собственность и даровать права. Вѣрный своему высокому призванію и любви къ родинѣ, Пушкинъ изображалъ съ разныхъ сторонъ то недостойное состояніе, въ которомъ держало крѣпостное право большинство русскаго народа. Въ обѣихъ историческихъ замѣткахъ 1822 года онъ говоритъ о великой опасности, которою грозило бы Россіи осуществленіе олигархическихъ замысловъ, главнымъ образомъ потому, что были бы затруднены или вовсе уничтожены способы освобожденія крѣпостныхъ людей, и одно лишь страшное потрясеніе могло бы уничтожить въ Россіи закорепѣлое рабство. Пушкинъ возвѣщалъ въ пламенныхъ стихахъ о своей жаждѣ увидѣть народъ неугнетеннымъ и живущимъ подъ покровомъ просвѣщенной свободы,—онъ звалъ, онъ торопилъ наступленіе этого времени... Съ этимъ наступленіемъ у него были связаны свѣтлыя надежды. „Послѣ освобожденія крестьянъ у насъ будутъ гласные процессы, присяжные, большая свобода печати, реформы въ общественномъ воспитаніи и въ народныхъ школахъ“,—говорилъ онъ Соболевскому. Крѣпостное право въ обыденной жизни опиралось на домашнюю, произвольную и часто ничѣмъ необузданную расправу. Свой взглядъ на „насильственную лозу“ Пушкинъ выразилъ въ запискѣ о народномъ воспитаніи, поданной императору Николаю, гдѣ говорилось о необходимости уничтоженія тѣлесныхъ наказаній для внушенія воспитанникамъ заранѣе правилъ чести и человеколюбія, чтобы слишкомъ жестокое воспитаніе не сдѣлало изъ нихъ впоследствии палачей, а не начальниковъ.

Общественная жизнь колеблется преступленіями. Карающій законъ необходимъ,—но очень важно, чтобы его удары не поражали человѣка напрасно, не стѣснили его личную жизнь, куда онъ не проявляетъ себя нарушеніями чужихъ правъ. Свѣтлому уму Пушкина эта истина—туманная подчасъ и для нѣкоторыхъ законодателей—представлялась ясно. „Законъ постигаетъ,—говоритъ онъ,—одни преступленія, а не личную жизнь

человѣка, оставляя пороки и слабости на совѣсть каждому“, — и тѣмъ ставитъ точное опредѣленіе границъ карающаго закона.

Придавая огромное значеніе голосу совѣсти въ человѣкѣ, Пушкинъ, какъ и Достоевскій, видѣлъ въ ней первое и самое сильное выраженіе внутренняго наказанія, отъ котораго не могутъ защитить ни разсѣяніе, ни „шумъ потѣхи боевой“, ни практическія „поговорки“, несмотря на то, что онѣ кажутся удивительно полезны, „когда мы ничего не можемъ выдумать въ свое оправданіе“. Вызванная разладомъ съ совѣстью, „внутренняя тревога“ замолкаетъ вообще не легко и шумъ ея можетъ стать оглушающимъ, когда къ нему присоединяется голосъ совѣсти, „нежданнаго гостя, докучнаго собесѣдника, жаднаго заимодавца“, — и когда этотъ „воггистый звѣрь“ начинаетъ „скрести сердце“. Голосъ возмущенной совѣсти отравляетъ жизнь днемъ, населяетъ ужасами ночь. Пушкинскій Борисъ удивительно характеризуетъ внутреннее состояніе человѣка съ нечистою совѣстью, такъ что „и радъ бѣжать — да некуда... ужасно!“ — „Я не злодѣй, — говоритъ Пушкинъ въ своемъ „Снѣ“, — съ волненіемъ и тоской не зрю во снѣ кровавыхъ привидѣній... и въ поздній часъ ужасный, блѣдный страхъ не хмурится угрюмо въ головахъ“. Изображая эти неподдающіяся опредѣленію закона *post mortem* преступленія, Пушкинъ вдумывался въ пути, которыми нерѣдко приводится человѣкъ къ злодѣянію, и въ развитіе въ немъ преступной идеи до окончательной рѣшимости. Въ „Братьяхъ-разбойникахъ“ прекрасно обрисовано происхожденіе преступленія. Сначала сиротство и одиночество, отсутствіе дѣтскихъ радостей, затѣмъ нужда, презрѣнныя окружающихъ, потомъ „зависти жестокое мученіе“, наконецъ, забвеніе робости и „...совѣсть отогнали прочь!“ Но ее можно отогнать, а уничтожить нельзя. Она, „докучная“, просветится въ тяжкій день. Оживленный ею образъ жертвы станетъ неотступно предъ глазами, и „драхлый крикъ“ ея можетъ стать ужасенъ... У Пушкина есть глубочайшія психологическія наблюденія относительно преступленія. Онъ отмѣчаетъ, напримѣръ, тѣ непостижимыя внутреннія противорѣчія захваченной губительною мыслью души, которыя такъ поражаютъ иногда юристовъ-практиковъ. Таковъ узонецъ Архипъ, запирающій людей въ поджигаемомъ домѣ, отвѣчающій на мольбы о ихъ спасеніи злобынымъ „какъ не такъ!“ и въ то же время съ опасностью жизни спасающій съ крыши пылающаго сарая котенка, чтобы „не дать погибнуть Божьей твари“. Пушкину извѣстны и тѣ болѣзненные настроенія, подъ вліяніемъ которыхъ совершеніе преступнаго дѣла разрѣшаетъ омраченные умъ и сердце отъ сдв-

вившей ихъ тяжести, вызывая собою ощущение облегченія и даже наслажденія. „Сердце мнѣ тѣснить какое-то невѣдомое чувство“—говоритъ Скупой рыцарь, отпирая сундукъ въ своемъ „подвалѣ вѣрномъ“ и, какъ всегда, „впадая въ жаръ и трепеть“... и объясняетъ, что чувствуетъ то же, что, по увѣреніямъ медиковъ, чувствуютъ люди—„въ убійствѣ находящіе пріятность,—когда вонзаютъ въ жертву ножъ:—пріятно и страшно вмѣстѣ“. Сальери, смертельно завидующій Моцарту, увидѣвъ, что онъ до вѣрчиво выпилъ поднесенный ему стаканъ съ ядомъ, плачетъ и говоритъ: „эти слезы я впервые лью: больно и пріятно, какъ будто ножъ цѣлебный мнѣ отсѣкъ страдавшій членъ!“...

Для восстановленія нарушеннаго права, для назначенія заслуженнаго наказанія—нуженъ судъ, обязанный стремиться къ возможной правдѣ, насколько она доступна на землѣ человѣку. Но способы отысканія и самое пониманіе этой правды различны въ зависимости отъ времени и отъ развитія общественной среды. Пушкинъ кратко, но мастерски набрасываетъ картины суда патриархальнаго и суда домашняго. „Оставь насъ, гордый человѣкъ! мы дики, нѣтъ у насъ законовъ,—мы не терзаемъ, не казимъ,—не нужно крови намъ и стонать,—но жить съ убійцей не хотимъ“,—говоритъ старикъ-цыганъ Алеко, убившему жену и соперника.—Иначе творится судъ въ крѣпости Озерной. „Иванъ Игнатьичъ,—поручаетъ капитанша Миронова,—разбери ты Прохорова съ Устиньей,—кто правъ, кто виноватъ. Да обоихъ и накажи“... Современный Пушкину русскій судъ его не удовлетворялъ. Еще въ стихотвореніяхъ своей молодости онъ выражалъ отвращеніе къ „крючковатому подъяческому народу, —лишь взятками богатаму и ябеды оплоту“, и находилъ, что въ судѣ гражданскомъ „здравый смыслъ—путеводитель рѣдко вѣрный и почти всегда недостаточный“. Въ виду того, что нашъ тогдашній храмъ правосудія постоянно осквернялся слишкомъ хорошо извѣстными злоупотребленіями,—бредъ Дубровскаго многозначителенъ. Когда ему предлагаютъ подписать „свое полное и совершенное удовольствіе“ подъ рѣшеніемъ, коимъ онъ ограбленъ въ пользу богатаго и сильнаго сосѣда, онъ молчитъ... и вдругъ придя въ ярость, во внезапно налетѣвшемъ припадкѣ безумія, дико кричитъ: „какъ! не почитать церковь Божию!—слыхано ли дѣло—псары вводятъ собакъ въ церковь! собаки бѣгаютъ по церкви“!.. Истинный судъ, по Пушкину, лишь тамъ, гдѣ онъ прежде всего равно примѣняетъ ко всѣмъ равный для всѣхъ законъ,—гдѣ „всѣмъ простертъ *законовъ* твердый щитъ, гдѣ, счастъ *отрыми* руками,—гражданъ надъ *равными* главами ихъ

мечъ безъ *выбора* скользить, — гдѣ преступленіе свысока разитса *праведнымъ* размахомъ“, — гдѣ, наконецъ, судьи не только честны, но и независимы, такъ что неподкупна ихъ рука „ни къ злату алчностью, ни страхомъ“.

Праведность размаха, о которой говорить поэтъ — несомнѣнно должна прежде всего выражаться въ живомъ отношеніи къ личности человѣка, не допускающемъ равнодушія къ его судьбѣ, требующемъ обдуманнхъ и справедливыхъ мѣръ изслѣдованія и разумныхъ мѣръ наказанія. Именно съ такой точки зрѣнія и смотрѣлъ Пушкинъ на отправленіе правосудія. Оно должно быть жизненно, а не отвлеченно, и не давать въ своемъ практическомъ осуществленіи поводовъ къ примѣненію словъ, влагаемыхъ Бомарше въ уста Фигаро: „я надѣюсь на вашу справедливость, *хотя* вы и представитель правосудія“. Поэтому онъ съ любовью останавливается не на дьякъ въ приказахъ поспѣдломъ, который „спокойно зреть на правыхъ и виновныхъ, добру и злу внимаая равнодушно, не вѣдая ни жалости, ни гнѣва“, — а на Беккари, котораго изучалъ и считалъ „величайшимъ филантропомъ своего времени“. Вопросы судопроизводства очень его интересовали. Онъ ясно понималъ, что истинная справедливость выше формальнаго закона и подчасъ ускользаетъ отъ однообразія механическихъ обрядовъ, — что судъ по предустановленнымъ доказательствамъ, безъ самодѣтельности судей, тревожно направленной на отысканіе правды, очень часто можетъ служить лишь доказательствомъ, что „*summius jus — summa injuria*“. Его смущало, на примѣръ, значеніе, которое формальный судъ придавалъ собственному сознанію подсудимаго. Онъ собирався писать повѣсть о двухъ казненныхъ въ Нюрнбергѣ женщинахъ — Маріи Шонингъ и Аннѣ Гарлинъ, невинно осужденныхъ по всѣмъ правиламъ искусства, на основаніи собственнаго сознанія, даннаго подъ угрозою пытки, въ порывѣ отчаянія и въ восторженной надеждѣ на менѣе тягостную жизнь за гробомъ, — сознанія, провѣрить которое судьи не потрудились. Рисуя въ „Капитанской дочкѣ“ приготовленія къ розыску и къ пыткѣ, онъ строго осуждаетъ *собственное признаніе*, которому нашъ дореформенный уголовный законъ придавалъ значеніе „*лучшаго доказательства всею свѣта*“. „Думать, что собственное признаніе преступника необходимо для его полнаго обличенія, — говорить Пушкинъ, — мысль не только неосновательная, но и совершенно противная здравому юридическому смыслу: ибо если отрицаніе подсудимаго не приѣмлетса въ доказательство его невинности,

признаніе его и того менѣе должно быть доказательствомъ его виновности“.

Въ то время, какъ, въ глазахъ большинства, наказаніе основывалось на началахъ, выражаемыхъ словами: „по дѣломъ вору и мука“ и „дабы, на то гляючи, и другимъ было то дѣлати не повадно“, — онъ смотрѣлъ на наказаніе за преступленіе, какъ на средство для исправленія, а не исключительно для причиненія страданія или даже гибели виновному. Карательныя мѣры, господствовавшія въ XVIII вѣкѣ, представлялись ему жестокими. „Вездѣ бичи, вездѣ желѣзы!“ — восклицаетъ онъ, характеризуя „законовъ гибельный позоръ“, исторгающій „неволи немощныя слезы“. Въ замѣчаніяхъ на *Анналы Тацита*, приводя разсказъ о присужденіи сенатомъ *Вабія Серена* къ заключенію на безлюдномъ островѣ, чему воспротивился *Тиберій* на томъ основаніи, что человѣка, коему дарована жизнь, не слѣдуетъ лишать способовъ для ея поддержанія, — Пушкинъ восклицаетъ: „слова, достойныя ума свѣтлаго и человѣколюбиваго!“

Одной справедливости, однако, мало для того, чтобы размахъ карающаго меча былъ праведнымъ. Истинное и широкое правосудіе должно выражаться и въ человѣчномъ отношеніи къ виновному. Еще никогда примѣръ такой человѣчности и состраданія не бывалъ вреденъ. Во взглядѣ на это свойство правосудія Пушкинъ вполне сходился съ своимъ знаменитымъ попомомъ, митрополитомъ *Филаретомъ*, который писалъ въ 1840 г.: „къ преступнику надо относиться съ христіанскою любовью, простотою и снисхожденіемъ, остерегаясь всего, что унижаетъ или оскорбляетъ. Низко преступленіе, а человѣкъ достоинъ сожалѣнія“. Идея вроткой жалости, милости и прощенія проникаетъ массу произведеній нашего поэта. Можно сказать, что это одна изъ основныхъ нотъ его творческой мысли. Уже его юношескому воображенію, — когда въ немъ еще кипѣлъ избытокъ жизненной энергіи и любви къ борьбѣ, — въ заманчивой нравственной красѣ рисуется картина побѣдителей, которые весело и грозно бились, — дѣлили дани и дары и съ *побѣжденными* сидѣли за *дружелюбные пиры* (1817 г.). Ему привлекателенъ *Петръ*, ласкающій „славныхъ плѣнниковъ своихъ“ и подымающій заздравный кубокъ за своихъ учителей (1828 г.). Но особенно дорогъ ему и понятенъ великій монархъ, когда онъ „съ подданнымъ мирится, — виноватому вину отпуская, веселится, и *прощенье торжествуетъ*, какъ *побѣду надъ врагомъ*“ (1835 г.). Пушкинъ глубоко понималъ громадное значеніе шаговъ къ примиренію съ оскорбленною и

страждущею душою и благотворное вліяніе великодушнаго и широкаго прощенія. Онъ испыталъ на себѣ, какъ подъ „таинственнымъ щитомъ святаго прощенья“ умоляютъ „бурныя чувства, кипящія въ сердцѣ—и ненависть, и грѣзы мести блѣдной“... Вотъ почему „лукавый льстецъ“ способенъ накликатъ бѣду, стремясь ограничить идущую съ высоты трона милость,—вотъ почему Пушкинскій патриархъ въ „Борисѣ Годуновѣ“ благословляетъ Всевышняго, поселившаго въ душѣ великаго государя „духъ милости и кроткаго терпѣнья“,—вотъ почему великій поэтъ нашъ всю жизнь свою „участіемъ отвѣчалъ застѣнчивой мольбѣ“, и имѣетъ гордое право на любовь народа уже за то, что воспѣвалъ своимъ чуднымъ, непревзойденнымъ даромъ—милосердіе, считая его призваніемъ царя, а своей задачей считая „милость къ падшимъ призывать“...

Въ этой его особенности могутъ увидѣть противорѣчіе съ воспѣваніемъ „славы бранной“. Но представленіе о немъ, какъ о пѣвцѣ этой мрачной славы, невѣрно, также какъ и многія другія о немъ представленія. Никогда поклонникомъ войны, какъ средства для добычи славы, онъ не былъ. Его разумъ и человечность возставали противъ лишенныхъ внутренняго содержанія понятій, столь дорого иногда обходящихся людямъ. Почти всѣ пѣсни его, посвященныя войнѣ, относятся къ началу двадцатыхъ годовъ, когда кругомъ все еще было полно „священной памятью двѣнадцатаго года“ и обаяніемъ только-что выдержанной борьбы за народную независимость, за положеніе, добытое вѣковыми усиліями и жертвами, давшее русскому народу испытать „высокій жребій“. Написанное позже было вызвано впечатлѣніями начавшагося возстанія грековъ противъ турецкаго ига и послѣдовавшей за тѣмъ борьбы, захватившей сердца народовъ и правительствъ. И въ обоихъ случаяхъ дѣло шло не о добываніи бранной славы, а о жизненныхъ условіяхъ существованія двухъ народовъ,—о родинѣ и о „странѣ героевъ и боговъ“. „Возстань, о, Греція! возстань,—восклицалъ Пушкинъ,—страна героевъ и боговъ,—расторгни рабскія вериги—при пѣньи пламенныхъ стиховъ—Тиртея, Байрона и Риги“. Картины битвы, нарисованныя имъ, также не могутъ свидѣтельствовать о его вкусѣ къ тому, что Пироговъ назвалъ „травматическою эпидеміею“. Не равнодушно и безразлично, съ холодной точностью опытнаго батальнаго художника рисуетъ онъ ужасную картину полтавскаго кровопролитія, когда сливаются „клики, скрежетъ, ржанье, стонъ и смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ“. Онъ видитъ въ немъ неизбежное жертвоприношеніе для выполненія предназначенія Рос-

си, грозный путь къ „гражданству сѣверной державы“, достигнутому побѣдой надъ сосѣдомъ, завистливо и надменно мѣшавшимъ ея развитію и внесшимъ войну въ ея внутреннія области. „Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ“ дороги ему, какъ указавшіе „повелительныя грани“ тѣмъ, кто хотѣлъ бы ограничить политическую самобытность Россіи, дороги, какъ вѣявшіе надъ русскимъ солдатомъ, на рѣду съ беззавѣтною храбростію котораго Пушкинъ съ восхищеніемъ отмѣчалъ отсутствіе ненависти къ врагу и тщеславія побѣдами. Его, по собственнымъ словамъ, не манила слава, грозящая „перстомъ окровавленнымъ“,—вовсе не плѣняла „бранная забава“, которую „любить нельзя“,—и если въ 1821 году у него и сказалось желаніе вырваться на войну, то лишь потому, что „въ смерти грозномъ ожиданьи“ онъ думалъ заглушить „тоску своихъ привычныхъ думъ“, отъ коихъ уядалъ „какъ жертва злой отравы“. Но и тутъ онъ чувствовалъ, что въ немъ не родится „стылая славы страсть—свирѣпый даръ героевъ“. Грозное ожиданье смерти и готовность умереть за родину, способны возбудить зависть къ тѣмъ, „кто умирать шель мимо насъ“,—представляются ему необходимымъ условіемъ войны, а вовсе не жажда чужой гибели. Наполеонъ, „царемъ возсѣвшій на гробахъ“, былъ ему ненавистенъ. Въ мысляхъ его о тяжелой долѣ войны у него слышатся не упоеніе побѣдою, разрѣшившею старый споръ, но звуки примиренія. „Въ бореньи надшій невредимъ“—ему не должно „узрѣть гнѣвнаго лица народной Немезиды“ и „услышать пѣснь обиды отъ лиры русскаго гѣвца“. Съ наступленіемъ зрѣлаго возраста, однѣ картины мира и внутренняя жизнь человѣка привовываютъ къ себѣ мысль поэта, и онъ „жадно внимаеть“ Мицкевичу, говорящему о „временахъ грядущихъ, когда народы, распри позабывъ, въ великую семью соединятся“. Знаменательно, что празднованіе дня рожденія Пушкина пришлось въ такое время, когда въ другой сторонѣ Европы, въ тихой столицѣ Голландіи, занималась заря осуществленія этой возвышенной надежды, по великодушному почину, идущему отъ его родины. Нужды нѣтъ, что раздаются скептическіе голоса, что небо надъ лучами этой зари еще покрыто облаками своекорыстнаго, жестокосердаго упорства и недоразумѣній. Достаточно, что лучи эти блеснули... Разъ занялась заря—солнце взойдетъ непремѣнно! Таковъ законъ физической природы,—таковъ и законъ природы нравственной. Пускай же и въ этомъ отношеніи нашъ поэтъ, восторженно восклицавшій: „ты, солнце святое,—гори!“—будетъ пророкомъ!

IV.

Въ нравственно-жизнейскую формулу Пушкина входила очень труднѣ исполнимая часть: „роптаныю не внимать толпы непросвѣщенной“. Самъ поэтъ находилъ, что „конечно презирать не трудно отдѣльно каждаго глупца,—но чудно!—всѣхъ вмѣстѣ презирать ихъ трудно“... Ему тяжело жилось въ современномъ ему обществѣ, гдѣ приходилось нести свою любовь къ правдѣ, свое „роптаные вѣчное души“ въ бездушную среду „злыхъ безъ ума, безъ гордости спѣсивыхъ“, влачащихъ скузу „какъ скованный невольникъ мертвеца“ и отдыхающихъ на чувствѣ недоброжелательства и на виртуозности клеветы по отношенію ко всякому, кто умственно или нравственно возвышается надъ ихъ уровнемъ. Въ то время, когда поэту базалось невозможнымъ считать, что „добро, законъ, любовь къ отечеству, права—лишь только звучныя слова“, ему же приходилось, въ письмѣ къ Чаадаеву, съ душевной болью отмѣчать у насъ „отсутствіе общественнаго мнѣнія, равнодушіе къ долгу, правосудію и правдѣ“, благодаря чему создаются такія условія жизни, при которыхъ отдѣльныя личности,—какъ писалъ онъ князю Вяземскому,—„у насъ не зрѣютъ,—а сохнутъ иль гніютъ“.

Глубокое отвращеніе къ этой средѣ, обнимавшей его со всѣхъ сторонъ, почти во всѣхъ проявленіяхъ тогдашней скудной общественной жизни,—жило въ душѣ Пушкина. „Подите прочь! какое дѣло поэту мирному до васъ!“—говорилъ онъ людямъ этой среды, считая ихъ входящими въ составъ „толпы“ и вовсе не обозначая этимъ именемъ народа, въ презрѣніи къ которому его силились упрекнуть умышленно не хотѣвшіе его понимать люди. Вся творческая его жизнь, посвященная духовному служенію народу, громко вопіетъ противъ такого обвиненія! Не могъ презирать народъ тотъ, который написалъ: „*мстецъ* скажетъ—*презираи* народъ!“ Подъ толпою онъ разумѣлъ все низменное, къ какому бы слою общества оно ни принадлежало,—всѣхъ, читающихъ жадно мемуары и записки выдающихся людей, съ цѣлью найти щекотливыя разоблаченія или признанія—и въ низости своей радующихся униженію высокаго, слабостямъ могучаго потому, что „онъ малъ и мерзокъ, какъ мы“! „Врете, подлецы!—воскликаетъ Пушкинъ:—онъ и малъ, и мерзокъ, но не такъ, какъ вы—иначе!“

Есть, однако, большая разница между теоретическимъ отрицаніемъ и практическимъ отреченіемъ. Оцѣнивая эту толпу по

достоинству, признавая, что „достойны равнаго презрѣнья—ея тщеславная любовь и лицемѣрная говенья“, Пушкинъ, казалось бы, логически долженъ былъ дойти до неуязвимости по отношенію къ ней. Но въ дѣйствительности, среди житейскихъ условий, въ которыя онъ былъ почти безвыходно поставленъ, его душа, довѣрчивая и нѣжная, была открыта злобному шипѣнію и изощреннѣйшимъ надругательствамъ свѣтской толпы. Воспріимчивая натура поэта и его чуткое чувство собственнаго достоинства открывали этой „хладной“ толпѣ возможность постоянно наносить его сердцу „неотразимыя обиды“ клеветническими легендами, построенными на вымыслахъ, направленныхъ именно на оскорбленіе его человѣческаго достоинства,—доводить Пушкина до мыслей о самоубійствѣ и о просьбѣ о ссылке въ Сибирь или заточеніи въ крѣпости. Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что императоръ Николай Павловичъ высоко цѣнилъ поэтическій даръ Пушкина. Онъ, по прекрасному выраженію послѣдняго, „почтилъ его вдохновеніе и освободилъ его мысль“,—и записки Смирновой, помимо различныхъ другихъ данныхъ, содержатъ въ себѣ интересныя указанія на сочувственное и внимательное отношеніе государя къ великому русскому поэту. Возвышенная душа Пушкина не стыдилась чувства благодарности и умѣла его испытывать, тѣмъ болѣе, что, руководясь своимъ свѣтлымъ умомъ и любовью къ правдѣ, онъ умѣлъ отдѣлять великодушныя намѣренія русскаго царя отъ практическаго ихъ осуществленія послѣ того, какъ они прошли сквозь враждебную поэту среду лубавыхъ совѣтниковъ и исполнителей. Слова нелицемѣрной признательности государю звучать въ устахъ Пушкина до послѣднихъ минутъ его жизни. Но такое отношеніе къ нему императора Николая было не по плечу, или, вѣрнѣе,—не по душѣ свѣтской толпѣ и ея вліятельнымъ представителямъ. Его умъ, „любя просторъ“, тѣснилъ всѣхъ, кому не страшна одна лишь посредственность. Его независимость и самостоятельность раздражали носителей противоположныхъ свойствъ и „мозолили“ имъ глаза. Въ средѣ, гдѣ искательство и покровительство составляли могучіе рычаги успѣха, личность человѣка, который явно тяготился своимъ официальнымъ и столь вождѣльнымъ для многихъ званіемъ и говорилъ: „rien que je sache ne dégrade plus que le patronage“—не могла не возбуждать завистливой злобы. Если бы Пушкинъ желалъ насладиться благами жизни въ томъ видѣ, какъ ихъ понимало большинство окружающихъ, ему слѣдовало бы, подобно Мирабо, воскликнуть: „Mon Dieu, donnez moi la médiocrité“! Но сознаніе своего призванія не давало ему склонить гордое чело

ни предъ толпою, ни предъ отдѣльными нравственными ничтожествами „въ величїи неправомъ“ или даже предъ умными неужностями. Научившись не завидовать этому величїю, онъ вооружалъ его носителей противъ себя — то бичуя ихъ „пламенной сатирой“, то, по выраженїю Баратынскаго, „вѣпляясь имъ въ глаза“ мѣткими эпитафиями. При этомъ, въ личныхъ сношенїяхъ, благодаря своей страстной искренности, онъ, конечно, забывалъ правило житейской осторожности, совѣтующее не относиться съ презрѣніемъ во всякому, кого невозможно уважать и не разглашать о своихъ личныхъ недостаткахъ (всегда притомъ преувеличивая ихъ, какъ это было въ его обычаѣ), въ забвенїи, что для этого, во всякомъ случаѣ, существуютъ друзья, и что люди рѣдко понимаютъ существованіе слабостей, доступныхъ только сильному. Поэтому усталость отъ условїй своего существованїа и дѣятельности была въ немъ совершенно законна и естественна. Онъ былъ до того стѣсненъ въ своемъ творчествѣ посредниками между нимъ и его вѣнчаннымъ цензоромъ, что получилъ замѣчанїе Бенкендорфа за напечатанїе „Анчара“ съ *цензурнаго* разрѣшенїа, и въ 1835 г. долженъ былъ въ прошенїи, исполненномъ иронїи и подавленнаго гнѣва, *всеуниженно* просить цензурный комитетъ урегулировать его отношенїа къ цензурѣ. Дошло до того, что ему приходилось скрывать имя автора при печатанїи „Капитанской дочки“, — а „Мѣдный всадникъ“ былъ запрещенъ.

Все глубже и глубже вдумываясь въ задачи жизни и въ свое призванїе, не находя подчасъ правильной оцѣнки и пониманїа своихъ побужденїй даже у друзей и оскорбляемый двучливыми, приправленными пошлостью похвалами и худо скрытою злобою современной ему критики, — Пушкинъ думалъ найти отдыхъ и обновленїе въ семейной жизни. Онъ смотрѣлъ серьезно на положенїе женщины въ обществѣ. Женщина — игрушка страстей, ограниченная въ гражданскихъ правахъ, поставленная въ положенїе взрослого ребенка, не другъ и товарищъ, не „служебница“ въ жизни мужа — явленїе, пагубно отражающееся на всемъ общественномъ организмѣ. Пушкинъ ясно сознавалъ это и не разъ, въ разной формѣ преслѣдовалъ пустоту женской жизни въ свѣтскомъ обществѣ, указывая въ своихъ замѣткахъ, письмахъ и „Рославлевѣ“ на полное духовное равенство женщины съ мужчиною, требующее серьезнаго къ ней отношенїа. Онъ былъ проникнутъ глубокимъ уваженїемъ къ семейной жизни и къ браку. „Зависимость жизни семейственной дѣлаетъ человека болѣе нравственнымъ“, — писалъ онъ. Слишкомъ наивно было бы,

по справедливому мнѣнію профессора Кирпичникова; защищать молодого поэта отъ проповѣдниковъ прописной морали, которые, гордясь своей дешевой добродѣтелью трусости и безстрастія, обвиняли его въ томъ, что онъ находилъ поэзію въ дружеской трапезѣ или поддавался обаянію женской красоты. „Сіонскія высоты“ всегда стояли передъ нимъ. Русланъ и Ратмиръ его юности, Татьяна его зрѣлыхъ лѣтъ показываютъ, что это обаяніе не затемняло въ немъ семейнаго идеала. „Храните вѣрные сердца — для нѣтъ законныхъ и стыдливыхъ“, — говоритъ онъ 24-хъ лѣтъ отъ роду, и жадное желаніе семейнаго счастья звучитъ во всей его перепискѣ со второй половины 20-хъ годовъ. Созданный имъ въ 1833 г. образъ капитанши Мироновой и ея трогательныя слова предъ приступомъ Пугачова обрисовываютъ возвышенный взглядъ Пушкина на „consortium omnis vitae“. Если его сознательный и обдуманый выборъ былъ неудаченъ въ томъ смыслѣ, что еще крѣпче привязывалъ его къ свѣтскому обществу и „впрягалъ въ одну телѣгу коня и трепетную лань“ — и если поэтому онъ не нашелъ полного отзывчивой гармоніи домашняго счастья, то можно лишь жалѣть объ этомъ, но несправедливо пылать дешевымъ негодованіемъ противъ той, которую онъ самъ называлъ „чистѣйшей прелести чистѣйшимъ образцомъ“ и право которой на свою нѣжную, довѣрчивую любовь торжественно засвидѣтельствовалъ предъ лицомъ смерти.

Въ отравѣ послѣднихъ лѣтъ его жизни виновна все та же клевета, которая, притаясь на время и мѣняя цвѣта, какъ хамелеонъ, нашла въ самомъ образѣ жизни семьи, принадлежащей свѣту и подчиненной его условностямъ и суетнымъ обычаямъ, новую для себя пищу. Въ одной изъ своихъ боевыхъ рѣчей знаменитый Брайтъ сказалъ: „могутъ ли оставаться спокойными честное сердце и возвышенный умъ, чувствуя, что они ненавидимы, когда хотѣлось бы пользоваться заслуженною любовью — и внимая вокругъ себя тонкой свистѣ клеветы, ползущей, подобно змѣѣ, во тѣмъ, такъ что нѣтъ возможности поразить ее!“. Такая именно клевета направленная на Пушкина, вползла въ семейную жизнь его и обвилась вокругъ него нерасторжимымъ кольцомъ. Отравляя его сердце, смущая его умъ, она предала его тяжкимъ мукамъ подавленнаго гнѣва и сознанія своей беспомощности противъ грязнаго вторженія празднаго злорѣчія въ „святая святыхъ“ его души. Разорвать это кольцо и вернуть необходимое спокойствіе могъ бы одинъ лишь отъѣздъ изъ Петербурга и связанная съ этимъ новыя впечатлѣнія. Его манили Римъ, Византія и Іерусалимъ, — о которыхъ онъ хотѣлъ бы написать поэму, — онъ порывался даже въ

далекій Китай, но человекъ, коварной и лицемерной „дружбѣ“ котораго былъ довѣрчиво порученъ государемъ Россіи ея первый поэтъ, держалъ его, какъ Прометей, прикованнымъ къ сѣрой и холодной петербургской скалѣ и предоставлялъ воршунамъ злобно терзать то сердце, о которомъ уже самъ Пушкинъ говорилъ: „пора! пора! покоя сердце просить!“

Нечистыя руки вооружили противъ него клеветническое перо, и участь его была рѣшена. Развязка не могла быть иною. Пушкинъ былъ слишкомъ цѣльною натурою, чтобы продолжать жить въ сумеркахъ подвергнутаго сомнѣнію семейнаго счастья, чтобы примириться съ положеніемъ, которое могло казаться двусмысленнымъ. Онъ принадлежалъ къ людямъ, слѣдующимъ совѣту французскаго мыслителя: „on traverse une position équivoque—on ne reste pas dans“. По условіямъ современной ему общественной жизни—поединокъ былъ, къ сожалѣнію, единственнымъ выходомъ такого рода. Тѣ, которые осуждаютъ Пушкина за это и желали бы видѣть его „не мячикомъ предразсужденій“, повидимому не представляютъ себѣ ясно послѣдующей картины жизни „мужа чести и ума“, малодушно затыкающаго себѣ уши среди возрастающаго нагло презрѣнія общества, вырваться изъ котораго по первому желанію зависѣло не отъ него. Но и тутъ нравственный образъ Пушкина ярко вспыхнулъ въ послѣдній разъ. Угасая, онъ не раздѣлилъ скорби Кочубея, которому пришлось „смерти кинуться въ объятія, не завѣщая никому вражды къ злодѣю своему“—и потребовалъ отъ своего друга и секунданта Данзаса обѣщанія не мстить Дантесу, прощенному умирающимъ.

У.

Вдумчиво касаясь общественныхъ язвъ и раскрывая ихъ, Пушкинъ искалъ и исцѣленія ихъ. Онъ сознавалъ, что не только карающаго, но и созидающаго закона для этого недостаточно. Необходимо свободное развитіе духовныхъ силъ народа путемъ общественнаго воспитанія и истиннаго просвѣщенія. Отсутствіе воспитанія воли, ума, характера всегда служитъ корнемъ многихъ золъ въ жизни личной;—отсутствіе просвѣщенія народа—источникъ зла въ жизни государственной. Чѣмъ шире будетъ разливаться послѣднее, тѣмъ лучше. Лишь лукавый льстецъ, по словамъ поэта, можетъ говорить, что „просвѣщенія плодъ—развратъ и нѣкій духъ мятежный“. Напрасно относить какія бы то ни было людскія безумства къ избытку просвѣщенія. Напро-

тивъ, одно просвѣщеніе способно оградить отъ общественныхъ бѣдствій, — думалъ Пушкинъ, — и ссылаясь на многозначительныя слова манифеста 1826 года о гибельномъ вліяніи не просвѣщенія, а *праздности ума*, болѣе вредной, чѣмъ праздность тѣлесныхъ силъ. Эта праздность ума и то, что „мы учились повемногу — чему-нибудь и какъ-нибудь“, т.-е. безъ всякой системы и определенной цѣли, — смущали его, такъ какъ, не давая прочныхъ основъ для житейскаго труда, положились въ основу „тоскующей лѣтні“, для которой такъ часто единственнымъ занятіемъ въ бездѣльѣ „жизни праздной, какъ пѣснь рабовъ однообразной“, являются карты — „однообразная семья — все праздной скуки сыновья“. Еще болѣе, чѣмъ несовершенство законовъ или отчужденность ихъ отъ жизни, пугали его „сгущенная тѣма предразсужденій“ и поддерживающій ее „невѣжества губительный позоръ“, не только владущій постыдную тѣнь на общество, мирящееся съ нимъ, но зачистую и ведущій его къ гибели. Отсюда удивленіе Пушкина предъ Ломоносовымъ, этимъ „единнымъ самобытнымъ подвижникомъ русскаго просвѣщенія между Петромъ и Еватериною II; — отсюда его восхищеніе Петромъ, „самодержавною рукою, смѣло сбывшимъ просвѣщеніе“; — отсюда увлекательная его картина торжества, когда „раздался въ честь науки пѣсенъ хоръ и пушекъ громъ!“.

Смерть рано похитила Пушкина. Онъ раздѣлилъ судьбу Рафаэля и Байрона, тоже скончавшихся на 37 году жизни. Онъ только больше ихъ выстрадалъ, прежде чѣмъ сомкнулъ глаза на вѣки. Страдальческая кончина его почти обрадовала тѣхъ, кого онъ называлъ *толпою*, — повергла въ глубокую скорбь тѣхъ, кто понималъ, чего лишилась Россія въ Пушкинѣ. Вотъ какъ описывалъ намъ въ 1880 г., въ одну изъ долгихъ вечернихъ прогулокъ по морскому берегу въ Дуббельнѣ, впечатлѣніе, произведенное на него смертью Пушкина, покойный Иванъ Александровичъ Гончаровъ.

„Пушкина я увидалъ впервые въ Москвѣ, въ церкви Никитскаго монастыря. Я только-что начиналъ читать его — и смотрѣлъ на него болѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ другимъ чувствомъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, живя въ Петербургѣ, я встрѣтилъ его у Смирдина, книгопродавца. Онъ говорилъ съ нимъ серьезно, не улыбаясь, съ дѣловымъ видомъ. Лицо его — матовое, сжуженное внизу, съ русыми бакенами и обильными кудрями волосъ — врѣзалось въ мою память и доказало мнѣ впоследствии, какъ вѣрно изобразилъ его Кипренскій на известномъ портретѣ. Пушкинъ былъ въ это время для молодежи все. Всѣ ея упованія, сокро-

венныя чувства, честиѣйшія побужденія, всѣ гармоническія струны души, вся поэзія мыслей и ощущеній—все сводилось къ нему, все исходило отъ него... Я помню извѣстіе о его кончинѣ. Я былъ маленькимъ чиновникомъ, „переводчикомъ“ при министерствѣ финансовъ. Работы было немного—и я для себя, безъ всякихъ цѣлей, писалъ, сочинялъ, переводилъ, изучалъ поэтовъ и эстетиковъ. Особенно меня интересовалъ Винкельманъ. Но надо всѣмъ господствовалъ онъ. Въ моей скромной чиновничьей комнатѣ, на полочкѣ, на первомъ мѣстѣ, стояли его сочиненія, гдѣ все было изучено, гдѣ всякая строка была прочувствована, продумана... И вдругъ пришли и сказали, что онъ убитъ, что его болѣе нѣтъ... Это было въ департаментѣ. Я вышелъ изъ канцеляріи въ корридоръ—и горько, горько, не владѣя собой, отвернувшись къ стѣнѣ и закрывая лицо руками, заплакалъ. Тоска ножомъ рѣзала сердце—и слезы лились въ то время, когда все еще не хотѣлось вѣрить, что его уже нѣтъ, что Пушкина нѣтъ! Я не могъ понять, чтобы тотъ, предъ кѣмъ я склонялъ мысленно колѣна, лежалъ бездыханнымъ... И я плакалъ горько и неутѣшно, какъ плачутъ по полученіи извѣстія о смерти любимой женщины... Нѣтъ, это не вѣрно,—по смерти матери,—да, матери. Черезъ три дня появился портретъ Пушкина съ подписью: „Погасъ огонь на алтарѣ“... но цензура и полиція успѣшили его запретить и уничтожить“...

Пушкинъ погибъ, но онъ не умеръ. Можно было разрушить его тѣлесную оболочку, но плоды его духа, его творческаго генія не поддаются смерти. Онъ самъ зналъ это, говоря, въ пророческомъ предвидѣніи: „нѣтъ! весь я не умру! Душа въ завѣтной лирѣ мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ“... Звонъ его душевныхъ струнъ стоялъ надъ русскою землею непрерывно, то густѣя, то временно ослабѣвая, подъ вліяніемъ злости дня. Но взгляды односторонней оцѣнки и юношескаго задора, пробовавшаго колебать тревожникъ „маленькаго, миленькаго Пушкина“, прошли, „спадая ветхой чешуей“, и восьмидесятый годъ соединилъ у памятника въ Москвѣ, въ одномъ общемъ чувствѣ благодарнаго умиленія, просвѣщенныхъ русскихъ людей самыхъ различныхъ направленій. Тогда, казалось, безвременно погибшій поэтъ простилъ русскому обществу съ высоты своего пьедестала его вольныя и невольныя по отношенію къ себѣ прегрѣшенія... Въ забытій послѣднихъ тѣлесныхъ мукъ своихъ, свѣтлѣя и прозрѣвая духовно, онъ говорилъ Далю: „Ну, подымай же! пойдемъ же выше!.. выше“!.. И онъ идетъ все выше и выше въ русскомъ самосознаніи, поднимая его за собою, облагораживая

его. Гремящій и чистый ключъ его поэзіи разлился по русской землѣ въ многоводную и широкую рѣку. Своимъ нравственнымъ обликомъ Пушкинъ вѣщаетъ намъ о вѣчной красотѣ, о любви къ правдѣ, о милости къ падшимъ, о состраданіи. Онъ сказалъ: „есть избранные судьбами—людей священные друзья—ихъ безсмертная семья неотразимыми лучами когда-нибудь насъ озаритъ“... Но кто же, если не онъ, принадлежитъ къ этой семьѣ? Его неотразимые лучи свѣтятъ надъ нами: онъ на школьной скамьѣ и въ тишинѣ семьи встрѣчаетъ нашу молодежь и учитъ ее, посвящая въ тайны русскаго языка, въ его невыразимую прелесть,—онъ будитъ въ устающемъ сердцѣ старика вѣчныя чувства и память о лучшихъ порывахъ его молодой когда-то души! Недаромъ сказалъ ему Тютчевъ: „Тебя, какъ первую любовь, Россіи сердце не забудетъ“. А кого нельзя забыть, тотъ не умираетъ.

Такъ отдаленная звѣзда, уже прекративъ свое существованіе, продолжаетъ лить на землю свои чистые, свои плѣнительные лучи...

А. Ѡ. Кони.



Т К А Ч Ъ

Изъ колыбели Эдема въ земныя селеня
Юную душу принесь радостный богъ пѣснопѣня.
Мимо божницъ и дворцовъ, тонущихъ въ пышномъ сіяньѣ,
Путь свой незримый держа въ многодумномъ молчаньѣ,
Предъ мастерскою ткача сталъ онъ, и вѣжной струною
Голосъ его зазвучалъ надъ юдолюю земною:

„Струны на арфѣ—основа божественной ткани,
Гдѣ, подбирая узоръ звуковыхъ сочетаній,
Муза перстами проводитъ; утѣкъ налагая,
Тянется стройно гармоніи нить золотая,
И сладкозвучная тканьъ въ неруководномъ узорѣ
Стелется вдаль пеленой на воздушномъ просторѣ“...

—Ткачъ-пѣснопѣвецъ! Гляди: въ безднахъ печали исонной
Мерзнуть и слѣпнуть отъ стужи и тьмы миллионы—
Къ рокоту струнъ боязливымъ приняшіе слухомъ,
Нищѣ мысляю и чувствомъ, убогіе духомъ.
Ткань развернувъ, какъ сіянье ливущій день,
Въ чистыя ризы ихъ душу нагую одѣнь!..

С. Фрутъ.



ЛИЧНОСТЬ В. Г. БѢЛИНСКАГО

КАЕЪ

ЛИТЕРАТУРНАГО ДѢЯТЕЛЯ

I.

Когда БѢлинскому пришлось въ 1846 году писать о литературномъ и общественномъ значеніи только-что умершаго тогда извѣстнаго журналиста и историка Н. А. Полевого, съ которымъ БѢлинскій при жизни его совершенно разошелся въ основныхъ вопросахъ пониманія нравственныхъ задачъ всякаго общественнаго дѣятеля, — онъ въ статьѣ своей, посвященной Полевому, выразился такъ: „Истина выше людей и не должна бояться ихъ, особенно—истина объ умершемъ человѣкѣ, могила котораго требуетъ суда, а не осужденія, должной справедливости, а не восторженныхъ похвалъ ложныхъ друзей или пристрастнаго ропота раненныхъ самолюбій“. Эти же самыя слова БѢлинскаго мы можемъ и должны примѣнить и къ нему, выступая съ оцѣнкою его литературной дѣятельности послѣ того, какъ и самъ БѢлинскій отошелъ отъ насъ въ вѣчность; онъ оставилъ намъ для нашего суда свои труды, въ которыхъ, вмѣстѣ съ его перепиской, такъ цѣльно и полно выразилась вся его личность. Но прежде всего намъ необходимо припомнить внутреннее состояніе той эпохи, когда жилъ и дѣйствовалъ Виссаріонъ Григорьевичъ.

Эпоха 20-хъ и 30-хъ годовъ истекающаго нынѣ столѣтія, когда пришлось учиться БѢлинскому, можетъ по справедливости назваться эпохой полной безпринципности. Среднія школы и универ-

ситеты стояли такъ далеко отъ жизни, что учащая молодежь не могла вынести изъ школы никакихъ руководящихъ началъ для жизни, а между тѣмъ жизнь требовала отъ молодыхъ людей не только научныхъ знаній, но и опредѣленныхъ убѣжденій, которыя могли бы руководить всякаго вступающаго въ жизнь дѣятеля. Молодежь на примѣрахъ старыхъ общественныхъ дѣятелей видѣла результаты этой безпринципности и предъявляла запросы къ школѣ и ея представителямъ. Но школы не содѣйствовали выработкѣ опредѣленнаго міросозерцанія, по причинѣ самой постановки преподаванія; а общество, какъ группа лицъ, не вынесшихъ опредѣленныхъ взглядовъ на задачи жизни, точно такъ же недоумѣвало въ самыхъ жгучихъ вопросахъ, предъявляемыхъ жизнью. Приходилось рѣшать вопросы: какое отношеніе имѣетъ искусство въ дѣйствительности; должно ли искусство быть реальнымъ по своей задачѣ; необходимо ли имѣть журналу опредѣленное направленіе, или всякій журналъ могъ быть складочнымъ мѣстомъ противоположныхъ мнѣній и взглядовъ; долженъ ли писатель быть человекомъ искреннимъ, или можетъ спекулировать на свои убѣжденія; въ какомъ отношеніи должна стоять литература въ народу и проч. Всѣ эти и подобные вопросы стояли на очереди, но не получали опредѣленнаго рѣшенія. А между тѣмъ школа не общала, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, положительныхъ наставленій своимъ питомцамъ въ этой сферѣ вопросовъ. Общество, сознавая непригодность тогдашней школы для жизни, тѣмъ не менѣе отдавало молодыхъ людей въ эти школы; ученики, студенты, изъ малодушія и общаго страха не получивъ дипломовъ, дающихъ право занять извѣстное служебное мѣсто и положеніе, продолжали учиться такимъ предметамъ и у такихъ наставниковъ, которые не могли удовлетворить поставленнымъ и сознаннымъ требованіямъ со стороны жаждущей положительнаго знанія молодежи. Совершался, такимъ образомъ, какой-то общій обманъ: молодежь надѣялась на помощь школы и университетовъ въ выработкѣ опредѣленныхъ нравственныхъ началъ для жизни, а школы и университеты, по своему тогдашнему состоянію, не могли дать этой помощи и, тѣмъ не менѣе, выпускали въ жизнь людей съ дипломами, свидѣтельствующими о ихъ будто бы подготовленности къ жизни. Бѣлинскій одинъ рѣшился, въ силу своей душевной потребности, обнаружить этотъ самообманъ, и въ этомъ отношеніи нашелъ себѣ поддержку въ тѣхъ кружкахъ учащейся молодежи, которая сознавала этотъ самообманъ и жаждала его разрѣшенія, но не имѣла мужества таковаго, каковымъ обладалъ Бѣлинскій. Пришлось помимо школы и всякаго уни-

верситетскаго преподаванія выработывать свое міросозерцаніе, воспитывать свою душу, пришлось идти по безбрежному морю мысли, предавшись собственнымъ силамъ,—а такой самостоятельный путь всегда полонъ зигзаговъ, всегда труденъ потому, что ведетъ не прямо къ опредѣленному знанію, а черезъ всевозможныя уклоненія въ крайности. Этому труда Бѣлинскій не испугался и рѣшился или сломиться, или добиться опредѣленныхъ руководящихъ началъ и дать эти начала въ наслѣдство обществу. Послѣ его трудовъ, измѣнилось и общество, и школа, применувъ къ его принципамъ.

II.

Изученіе личности Бѣлинскаго представляетъ потому для его потомства большой интересъ. Такой дѣятель общественной мысли и слова, съ именемъ котораго мы встрѣчаемся чуть не на каждомъ шагу въ разговорахъ на общественныя темы, въ литературѣ, при чтеніи образцовыхъ нашихъ писателей, даже въ учебникахъ, при критическомъ анализѣ произведеній русской поэзіи, — такой дѣятель невольно обращаетъ на себя вниманіе наше и возбуждаетъ въ насъ интересъ къ себѣ. Навязывается самъ собою цѣлый рядъ вопросовъ, которые собственно группируются около одного: въ чемъ же заключается значеніе Бѣлинскаго для его потомства? Какой смыслъ имѣла его дѣятельность при его жизни, и какой смыслъ содержится въ его литературной дѣятельности для насъ, отдѣленныхъ полувѣковымъ пространствомъ времени отъ его послѣднихъ моментовъ земного существованія? Изученіемъ произведеній Бѣлинскаго, собранныхъ въ 12-ти большихъ томахъ, эти вопросы не устраняются; послѣ каждой статьи Бѣлинскаго, невольно спрашиваешь себя: что же въ этой статьѣ вѣрнаго? что положительнаго даетъ или давала она? что можно считать приобрѣтеніемъ для исторіи литературы, для исторіи критики, для нашего общаго міросозерцанія?—Научныхъ приобрѣтеній и завоеваній мы не должны искуать въ дѣятельности Бѣлинскаго: онъ—критикъ, публицистъ, журналистъ,—а слѣдовательно, къ нему нельзя и относиться, какъ къ дѣятелю науки. Если же это такъ, то Бѣлинскій, для того, чтобы помнило о немъ потомство съ благодарностью, долженъ быть замѣчательнъ своей общественной дѣятельностью; дѣйствительно, онъ имѣлъ крупное вліяніе на выработку общественнаго міросозерцанія, онъ поднялъ нравственное развитіе личности, онъ

содѣйствовать развитію гуманнѣхъ взглядовъ въ обществѣ, онъ указалъ современному обществу тѣ идеалы, которые, разоблачивъ безотраднѣ дѣйствительность того времени, повели за собою общество къ свѣту честнаго труда и совѣсти... Можно сказать, онъ былъ настоящимъ „учителемъ жизни“, жизни честной, труженнической, — жизни, при которой человекъ единственно сохраняетъ свое человеческое достоинство. Но какъ убѣдиться въ томъ, что Бѣлинскій училъ насъ такой жизни? Въ этомъ мы можемъ убѣдиться лишь только посредствомъ изученія именно *его личности*. Онъ для насъ поучителенъ своимъ примѣромъ, а не своими отдѣльными статьями и мыслями. Онъ поучителенъ для насъ и будетъ *свѣточемъ* даже надолго и послѣ насъ, не столько тѣмъ, что онъ писалъ, сколько тѣмъ своимъ душевнымъ складомъ, тѣмъ нравственнымъ обликомъ, тѣмъ характеромъ, тѣми своими качествами, которыя составляютъ его натуру, *его личность*. Все его значеніе мы признаемъ въ томъ, что онъ былъ „рыцаремъ общественной мысли“, онъ былъ самоотверженнымъ борцомъ за правду въ дѣйствіяхъ и мысляхъ, онъ сгоралъ, какъ огонь, за искренность въ мнѣніяхъ и преждевременно сгорѣлъ, согрѣвъ, однако, своимъ пламенемъ всѣ сколько-нибудь чувствующія сердца и способныя къ прогрессу мысли... Однимъ словомъ, Бѣлинскій воспиталъ въ насъ гражданское мужество и общественныя стремленія на счетъ личныхъ, эгоистическихъ инстинктовъ... Правда, насъ могутъ спросить, — гдѣ же это воспитанное имъ въ насъ гражданское мужество? Гдѣ наши общественныя стремленія? Гдѣ побѣда надъ стремленіемъ къ личному благу, къ личному эгоизму? Дѣйствительность и до сихъ поръ въ изобиліи предлагаетъ намъ примѣры личныхъ счетовъ на аренѣ общественной дѣятельности, — примѣры эксплуатаціи общественныхъ симпатій въ пользу личныхъ цѣлей, примѣры хищеній, взятокъ и тонкихъ обмановъ на поприщѣ разнаго рода служебной и общественной дѣятельности! Это все такъ! Но не надо забывать, что мы и не можемъ задаваться несбыточными желаніями—водворить въ жизни общій рай, искоренивъ совершенно зло. Возможность зла всегда остается; всегда, при всякомъ воспитаніи найдутся и болѣе или менѣе предприимчивыя натуры, и индивидуализмъ человеческой личности не уничтожается никакими примѣрами. Достаточно, если мы можемъ вести свое общественное самосознаніе отъ Бѣлинскаго; достаточно, если мы знаемъ, чѣмъ двигается впередъ наша жизнь, при какихъ условіяхъ она оберегается отъ мертвящаго душу застоя, отъ нравственнаго упадка. Достаточно, если, наконецъ, люди

наиболѣе просвѣщенные духовно, поймутъ, какъ они должны дѣйствовать въ интересахъ массы, въ интересахъ прогрессивной нравственности.

III.

Всѣмъ вышесказаннымъ мы отнюдь не желали бы уменьшить значеніе нѣкоторыхъ положительныхъ заслугъ БѢлинскаго въ области развитія нашихъ научныхъ взглядовъ, нашихъ критическихъ воззрѣній, наконецъ, въ области нашего общаго развитія мысли. Мы хотимъ только указать на то, что не эти заслуги должны вызывать въ насъ чувство признательности, глубокой благодарности и полнаго довѣрія къ БѢлинскому. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и помимо БѢлинскаго нами были бы завоеваны тѣ области положительнаго знанія, которыя завоевалъ онъ у тогдашняго, можно сказать, полудняго въ своихъ воззрѣніяхъ общества; но реальное направленіе нашего искусства, такъ-называемая „натуральная школа“, все-таки навсегда останется нашей собственностью, благодаря мужественной защитѣ и литературной борьбѣ высоко-талантливаго БѢлинскаго противъ людей, менѣе его понимавшихъ задачи искусства.

Мы можемъ не признавать взглядовъ БѢлинскаго на искусство вообще, не раздѣлять его мнѣній о поэзій и красотѣ, не исповѣдывать его доктрины философской или эстетической критики, не заимствовать у него теперь его тогдашнихъ воззрѣній на нѣмецкую и французскую науку и критику, можемъ не пожелать вмѣстѣ съ тѣмъ смотрѣть его глазами и на дѣйствительность сквозь очки „Егора Федоровича“ Гегеля, отъ котораго, впрочемъ, и самъ БѢлинскій впоследствии сталъ отерещиваться. Но мы навсегда останемся его сторонниками въ тѣхъ вопросахъ, рѣшеніемъ которыхъ руководили въ немъ его природное эстетическое чувство и критическій талантъ; мы отдадимъ ему должную дань за его оцѣнку произведеній Гоголя и Кольцова, за его толкованіе поэзій Пушкина и за разъясненія Лермонтова. Мы всегда будемъ удивляться его тонкому художественному чутью и считать его за крупное дарованіе, такъ какъ онъ указалъ намъ впервые *народность* въ искусствѣ и разъяснилъ намъ наши требованія отъ національнаго писателя и художника. Мы, наконецъ, не забудемъ его уничтожающаго, критическаго отношенія ко всей нашей литературѣ до Пушкина,—его скептицизма и требованій отъ литературы, чтобы она была *народнымъ*

самосознаніемъ. Все это обнаружилось передъ нами его по преимуществу *критическій* талантъ и публицистическія способности. Конечно, мы не во всемъ согласимся съ Бѣлинскимъ и относительно Гоголя, и относительно тѣхъ опредѣленій народной литературы, которыя даны имъ въ разборѣ „Очерковъ Бородинскаго сраженія“, и относительно сужденій его о древней литературѣ, о Петрѣ и Карамзинѣ... Теперь, полагаемъ, не многіе признаютъ *чѣмъ-то* вѣрность взглядовъ Бѣлинскаго на эти вопросы. Но—повторяемъ—не этимъ онъ двинулъ русское общество впередъ; не познаніями вообще обогатился нашъ кругозоръ послѣ Бѣлинскаго, да и вообще не познаніями и совершенствуется человѣческая натура: нравственный подъемъ, въ которомъ всѣ мы нуждались во время Бѣлинскаго, нуждаемся и теперь отчасти,—подъемъ безкорыстныхъ стремленій и идеальныхъ интересовъ,—совершается дружными примѣрами такихъ личностей, какою былъ Бѣлинскій. У насъ въ распоряженіи остались теперь его сочиненія—цѣлый рядъ статей по поводу различныхъ литературныхъ произведеній, помѣщавшихся въ тогдашнихъ крупныхъ журналахъ: „Телескопъ“, „Молвъ“, „Московск. Наблюдатель“, „Отеч. Запискахъ“ и „Современникъ“ за время его четырнадцатилѣтней литературной дѣятельности (1834—1836 „Молва“ и „Телескопъ“; 1838—39 „Моск. Наблюдатель“; 1840—46 „Отеч. Записки“; 1847—48 „Современникъ“). Кромѣ этого матеріала, передъ нами переписка Бѣлинскаго съ его друзьями и родственниками,—переписка, правда, не въ полномъ объемѣ, но въ достаточномъ количествѣ для оцѣнки его личности.

Нѣтъ надобности говорить о томъ, что всѣмъ этимъ матеріаломъ вполнѣ уже пользовались многіе представители нашей литературы и науки; можно сказать, что со времени смерти Бѣлинскаго, съ 1848 года, по настоящее время исчерпанъ уже весь доступный матеріалъ для характеристики общественныхъ взглядовъ и литературной дѣятельности Виссаріона Григорьевича, несмотря на то, что появленію такихъ обстоятельныхъ работъ препятствовало еще довольно долго послѣ смерти Бѣлинскаго то обстоятельство, что, по условіямъ времени, нельзя было съ достаточной полнотой выяснить въ печати всѣ стороны воззрѣній и вліяній Бѣлинскаго и его кружка на общество той эпохи. Съ теченіемъ годовъ сдѣлалось многое болѣе понятнымъ и доступнымъ для всесторонняго обсужденія. Теперь образовалась уже цѣлая литература о Бѣлинскомъ: писали о немъ какъ о публицистѣ, какъ о моралистѣ, какъ о критикѣ,—о его общественныхъ взглядахъ, о его историческомъ зна-

ченіи, его философіи и эстетической доктринѣ и т. д. Въ самое послѣднее время русское общество, въ виду приближенія пятидесятой годовщины со дня смерти Бѣлинскаго, отозвалось, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, и снова вспомнило о немъ въ различныхъ печатныхъ органахъ цѣлымъ рядомъ статей, посвященныхъ обзору дѣятельности Бѣлинскаго...

Однимъ изъ крупныхъ представителей современной нашей литературы очерчена недавно вся жизнь и дѣятельность Бѣлинскаго въ цѣломъ рядѣ журнальныхъ статей подъ заглавіемъ: „Великое сердце“, и такимъ сердцемъ авторъ по справедливости признаетъ сердце Бѣлинскаго. Пятидесятая годовщина смерти Бѣлинскаго достойнымъ образомъ вспоминаута и многими обществами: торжественныя ученныя собранія съ рѣчами о Бѣлинскомъ, открытіе памятника ему на мѣстѣ его родины, учрежденіе школъ его имени, капиталы и стипендіи его имени, — все это напоминало живо о „великомъ сердцѣ“ тѣмъ, которые сами не принимаютъ дѣятельнаго участія въ литературѣ; все это оживило завѣты Бѣлинскаго потомству и содѣйствовало пересмотру дѣятельности Бѣлинскаго въ его сочиненіяхъ и письмахъ съ цѣлью окончательнаго и искренняго признанія за нимъ тѣхъ заслугъ, въ которыхъ онъ проявилъ себя дѣйствительно какъ „великое сердце“. Все это, наконецъ, содѣйствовало тому, чтобы снять съ Бѣлинскаго тѣ упреки, которыхъ онъ не заслужилъ, и отвѣтить на тѣ вопросы, которые нами поставлены въ началѣ статьи и которые невольно овладѣваютъ всякимъ, кто теперь читаетъ его произведенія.

IV.

Мы предположили остановиться особенно на слѣдующихъ, глубоко интересныхъ вопросахъ: въ какомъ отношеніи находится переписка Бѣлинскаго къ его сочиненіямъ и обратно? Одинъ ли и тотъ же человекъ стоитъ передъ нами въ письмахъ, не предназначавшихся къ печати, и въ сочиненіяхъ, напечатанныхъ для чтенія и обсужденія въ публикѣ? Эти вопросы кажутся намъ далеко не мелкими для уясненія личности Бѣлинскаго, для пониманія его психологій. вмѣстѣ съ этимъ, только обстоятельное выясненіе этихъ вопросовъ, только опредѣленное рѣшеніе ихъ, именно, даетъ намъ, по нашему мнѣнію, возможность отвѣтить позже и на другой основной вопросъ

II. В. Анненковъ, составляя біографическій очеркъ Н. В.

Станкевича, который не известенъ потомству никакими своими крупными литературными или научными трудами, но который, тѣмъ не менѣе, былъ вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ двигателемъ и насадителемъ нашихъ общественныхъ идеаловъ, — совершенно справедливо замѣчаетъ: „На высокой степени нравственнаго развитія личность и характеръ человѣка равняются положительному труду, и послѣдствіями своими ему нисколько не уступаютъ“. Совершенно то же самое мы можемъ сказать и о другѣ Станкевича—Бѣлинскомъ, все значеніе котораго сохраняется для потомства именно въ его личности. Основнымъ качествомъ дѣятельности Бѣлинскаго было то, что, по своему душевному складу, онъ не могъ отдѣлять въ себѣ мысли и слова отъ чувства и поступка: въ его натурѣ всякій поступокъ согласовался съ мыслью и чувствомъ, а всякая мысль переходила въ чувство и дѣйствіе... Сдѣловъ съ совѣстью, съ убѣжденіями, Бѣлинскій не терпѣлъ: онъ гадливо отвращался отъ такихъ сдѣлокъ не вслѣдствіе теоретическихъ правилъ для своей жизни, но по органической ненависти къ двоедушію и по цѣльности или полному согласію между нравственными побужденіями, мыслями и дѣйствіями...

V.

Мы думаемъ, что сама по себѣ литературная дѣятельность Бѣлинскаго, его критическія статьи, своимъ содержаніемъ, не могли бы еще играть сильной роли въ распространеніи нравственныхъ началъ, какъ основы всякой дѣятельности, не могли бы имѣть того значенія культурнаго двигателя нашей общественности, несмотря на его критическій талантъ, на его природное эстетическое чутье, на его развитой вкусъ, несмотря на его заслуги по отношенію къ Гоголю, Пушкину, Лермонтову, Кольцову, — если бы всѣ его сочиненія не разоблачали въ то же время, въ страстной и правдивой формѣ, того низкаго уровня прежнихъ основъ жизни русскаго общества, который становился очевиднымъ въ статьяхъ Бѣлинскаго.

Въ самомъ дѣлѣ, Бѣлинскій представляетъ изъ себя въ этомъ именно отношеніи глубоко интересный и поучительный примѣръ изъ исторіи нашего просвѣщенія. Онъ *сталъ необходимымъ для насъ вслѣдъ*; онъ явился выразителемъ тѣхъ началъ, которыя единственно могли быть руководительными въ прогрессивномъ движеніи нашего общества; онъ достигъ этого положенія и заслужилъ полное довѣріе въ потомствѣ, но все это онъ сдѣлалъ

самъ, помимо официальной науки и поддержки; всего этого онъ достигъ *въ лазахъ общества* и только съ помощью такихъ же людей, своихъ товарищей по стремленіямъ и идеаламъ, какъ и онъ самъ. Общество въ концѣ концовъ было-таки увлечено идеалами БѢлинскаго и его кружка, а потому БѢлинскому и его кружку принадлежитъ честь разрыва съ рутиной и застоємъ...

Факты нашей прошлой общественной жизни и факты изъ жизни БѢлинскаго подтверждаютъ на каждомъ шагу всѣ вышеизложенные выводы. Въ самомъ дѣлѣ: первый вопросъ—откуда возникло научное движеніе русскаго общества, движеніе, продолжающееся и до сихъ поръ, движеніе, поставившее русскіе университеты и русскую науку на высокомъ уровнѣ современнаго состоянія? Оно возникло въ тѣхъ кружкахъ русской интеллигентной молодежи, которые въ 30-хъ и 40-хъ годахъ дали существенный толчокъ русской мысли своими литературными вечерами, своими просвѣтительными стремленіями, дали толчокъ тѣмъ двумъ направленіямъ русской мысли, которыя до сихъ поръ еще не потеряли окончательно значенія,—именно, направленію западничества и славянофильства. Самый расколъ мысли произошелъ въ тѣхъ столкновеніяхъ мнѣній, которыя возникали въ шумныхъ научныхъ бесѣдахъ... Нѣтъ никакой необходимости приводить общеизвѣстныя данныя относительно состоянія образованія и воспитанія въ учебныхъ заведеніяхъ временъ БѢлинскаго: въ различныхъ воспоминаніяхъ, очеркахъ прошлаго и историческихъ запискахъ учебныхъ заведеній и университетовъ (не включая московскаго) всякій можетъ найти доказательство того, что БѢлинскій, не тратившій ни одной минуты дома безъ того, чтобы не выучиться чему-нибудь, не прочесть чего-нибудь и проч., едва ли бы могъ подвигаться далеко впередъ въ своемъ умственномъ развитіи, если бы ограничился одною официальной школою того времени.

VI.

Оставивъ пензенскую гимназію и своихъ сверстниковъ далеко за собой по познаніямъ (свидѣтельство учителя М. Попова), БѢлинскій стремится въ московскій университетъ, сдаетъ экзамень на званіе студента, поступаетъ въ университетъ, и съ 3-го курса перестаетъ находить удовлетвореніе въ лекціяхъ профессоровъ; не желая кривить душой и наружно поучаться отъ школяровъ и педантовъ, БѢлинскій перестаетъ посѣщать университетъ, откуда его выключаютъ „за неспособность“, и рѣшается

войти въ жизнь съ вличкой „недоучившагося студента“; жизнь его бьетъ, гнетъ, но не ломаетъ: онъ ищетъ занятій въ канцеляріи, мечется изъ стороны въ сторону въ поискахъ за частными уроками, за какой-нибудь работой для насущнаго куска хлѣба ¹⁾. Вынужденный, еще въ отроческихъ годахъ гимназиста, сидѣть на квасныхъ боченкахъ вмѣсто обычной мебели ²⁾, ходить въ костюмахъ съ прорѣхами, онъ въ то же время живетъ полною жизнью духа, углубляется въ занятія по русской словесности и своими познаніями и любознательностью побуждаетъ своего любимаго преподавателя на урокахъ и внѣ класснаго занятія къ болѣе глубокому и широкому преподаванію, къ научнымъ бесѣдамъ съ учениками и проч. Помѣщаясь гдѣ-то въ чуланѣ надъ кузницей и рядомъ съ прачешной въ студенческую пору жизни ³⁾, не имѣя приличнаго платья для того, чтобы выйти изъ дому и представиться одной дамѣ, которая должна была передать рубль денегъ Бѣлинскому отъ его родныхъ изъ Чембаръ, онъ въ это же время спасается бѣгствомъ изъ дома одного богача, куда его пристроилъ искренній его доброжелатель, И. И. Лажечниковъ, въ качествѣ домашняго секретаря къ этой богатой особѣ. Несмотря на великолѣпіе покоевъ богача-генерала, несмотря на роскошь обстановки и тѣ удобства, которыя могли бы дать Бѣлинскому, истомленному нуждой со времени выхода изъ университета въ 1831—32 году и до конца 1834 года, необходимый для здоровья отдыхъ, Бѣлинскій исчезаетъ изъ дома этого генерала, какъ только овозалось, что за всѣ эти земныя блага въ его апартаментѣхъ необходимо Бѣлинскому подчасъ, жертвовать своими убѣжденіями и дѣйствовать противъ совѣсти... Бѣлинскій завязываетъ въ носовой платокъ все свое добро и оставивъ записку съ извиненіемъ въ томъ, что онъ не пригоденъ для должности домашняго секретаря, покидаетъ этотъ дворецъ богача для своихъ мансардовъ и чуланчиковъ. Подобныя невзгоды, періоды крайней матеріальной нужды, нищету въ полномъ смыслѣ слова Бѣлинскій мужественно переносилъ и позже, не поступаясь своимъ нравственнымъ достоинствомъ, своими убѣжденіями. Жизнь Бѣлинскаго почти постоянно бросала его въ крайности стѣсненныхъ обстоятельствъ во все время его непродолжительнаго существованія, во все время его быстрого „горѣнія“ за достоинства и высокое призваніе человѣка мысли; его переписка переполнена изложеніемъ подробностей его тяжелой борьбы съ

¹⁾ Пынинъ. „Бѣлинскій“, I, стр. 75—79, 80.

²⁾ Ibid., 23.

³⁾ Ibid., 83—84.

обстоятельствами, борьбы съ голодомъ и холодомъ, но замѣчательно то, что во всей этой перепискѣ, какъ и въ его статьяхъ, передъ нами встаетъ во всей силѣ образъ человѣка-мученика не этой борьбы, но борьбы внутренней, происходившей отъ „стремительнаго домогательства истины“, отъ распадѣнія между отвлеченностью философскаго идеала жизни и дѣйствительности, отъ внутренняго душевнаго разлада, посяяннаго страстью къ выработкѣ прочнаго міровоззрѣнія. Желаніе найти прочное основаніе для нашихъ наслажденій, ощущеній, понятій и представленій, въ тогдашней философіи и эстетикѣ, непреодолимое стремленіе къ объясненію жизни и ея цѣли, постепенная выработка убѣжденія—цѣликомъ отразились въ письмахъ и сочиненіяхъ Бѣлинскаго со всей искренностью и безпощаднымъ самообличеніемъ себя самого въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Бѣлинскій слѣдующаго момента своего развитія являлся критикомъ Бѣлинскаго же предъидущей стадіи своей умственной жизни. Вотъ почему мы въ Бѣлинскомъ имѣемъ полную живую характеристику не одной его личности, а цѣлаго литературнаго направленія, цѣлой эпохи нашей умственной жизни, нашего общественнаго самосознанія, выразителемъ котораго лучше и полнѣе всего явился самъ Бѣлинскій; вслѣдствіе вышеуказанныхъ особенностей своей природы. Боль сердца, которою онъ жилъ всю свою жизнь, душевная мука, какою онъ испытывалъ все время своей сознательной дѣятельности, начала вырваться и проситься наружу у него уже съ юношескаго возраста, когда онъ написалъ свою трагедію „Дмитрій Калининъ“. Въ этой трагедіи передъ нами является 19-лѣтній авторъ, который безъ всякихъ опредѣленныхъ теорій, безъ всякаго обдуманнаго и рассчитаннаго плана дѣйствій въ намѣченномъ заранѣе направленіи, единственно по чувствости и впечатлительности своего сердца, горящаго любовью къ свободѣ и общему благу,—переживаетъ на себѣ и въ себѣ всѣ событія окружавшей его жизни, искренно скорбитъ душой при видѣ зла и радуется минутамъ счастья, отдается безотчетно овладѣвавшимъ его чувствамъ и „отъ избытка сердца“ говоритъ страстно и увлечательно о томъ, что у него болитъ.

VII.

Когда перемѣнился составъ инспекціи московскаго университета и начались новые порядки, Бѣлинскому стало особенно тяжело, и вотъ, 24 сент. 1830 г., онъ пишетъ роднымъ: „Если бы

я прежде зналъ, каковъ онъ (газетный коштъ), то лучше бы согласился наняться къ кому-нибудь въ лакеи и чищеніемъ сапогъ и платья содержать себя, нежели жить въ немъ". Проведя еще два года въ бѣдственномъ положеніи и въ поискахъ работы, послѣ запрещенія журнала „Телескопъ“ въ 1836 году, Бѣлинскій очутился „нищимъ“, ходилъ „въ рублищѣ“, какъ самъ онъ пишетъ, могъ существовать только поддержкою друзей своего кружка и, наконецъ, получилъ черезъ нихъ приглашеніе отъ Краевского участвовать въ петербургскомъ журналѣ „Литер. Прибавленія къ Русскому Инвалиду“. Интересно письмо Бѣлинскаго, написанное имъ въ періодъ такой крайней нужды редактору Краевскому въ 1837 году:

„...Я отъ души готовъ принять участіе во всякомъ благородномъ предпріятіи и содѣйствовать, сколько позволяютъ мнѣ мои слабыя силы, успѣхамъ отечественной литературы; но я желаю сохранить вполнѣ свободу моихъ мнѣній и ни за что на свѣтѣ не рѣшусь стѣснять себя какими бы то ни было личными или житейскими отношеніями“... „Еще одно, — говоритъ онъ далѣе: — если я буду вашимъ рецензентомъ, я готовъ преслѣдовать при каждомъ удобномъ случаѣ Сенковского, Греча и Булгарина, но только какъ людей вредныхъ для успѣховъ образованія нашего отечества, а не какъ литературную партію; короче, — такъ, какъ я преслѣдовалъ въ „Телескопѣ“ и „Молвѣ“ г-дъ Наблюдателей, которыхъ ненавижу и презираю отъ всей души, какъ людей ограниченныхъ и недобросовѣстныхъ“... Подъ „Наблюдателями“ разумѣются писатели „Москов. Наблюдателя“ при первой его редакціи, до перехода въ руки Бѣлинскаго. Итакъ, значитъ, это — борьба по существу, за взгляды и дѣйствія, а не по партійнымъ пристрастіямъ, на которыхъ основывалась, можно сказать, вся журнальная полемика того времени. Здѣсь, слѣдовательно, мы опять видимъ прекрасную душу Бѣлинскаго, его высокой нравственный уровень, который и содѣйствовалъ измѣненію направленія русской журналистики, облагородилъ и очистилъ нравственно русскую публицистическую дѣятельность и отвоевалъ ей извѣстную долю довѣрія и общаго уваженія. Въ этой же перепискѣ съ Краевскимъ, Бѣлинскій далѣе говоритъ: „по моему мнѣнію, не только лучше молчать и нуждаться, но даже и сгинуть со свѣту, нежели говорить не то, что думаешь, и спекулировать на свое убѣжденіе“. Булгаринъ, Сенковский и Гречъ особенно были грѣшны въ послѣднемъ отношеніи, и Бѣлинскій, конечно, по своему складу душевному, не могъ не клеймить ихъ, не могъ не говорить во всеуслышаніе о томъ, что

это—зло нашей общественности, что это—литературная промышленность, которая какъ чума заражаетъ собой все наше общество и удаляетъ его отъ нравственнаго совершенствованія. Такія мысли объ органахъ подобныхъ дѣятелей литературы и журналистики Бѣлинскій высказывалъ постоянно не только въ своей перепискѣ съ друзьями, но и въ своихъ журнальныхъ статьяхъ.

Уважая въ Шевыревѣ его талантъ, знанія и профессорскую дѣятельность, Бѣлинскій порицаетъ его направленіе и открыто возстаетъ противъ него, когда онъ неудачно сталъ выступать въ печати съ своими статьями по искусству, на которое Бѣлинскій смотрѣлъ съ совершенно другой точки зрѣнія. Правда, Бѣлинскій не могъ оградить себя отъ постоянныхъ и иногда справедливыхъ нападокъ на его эстетическую теорію искусства, какъ высшаго проявленія человѣческаго духа, не имѣющаго никакого отношенія къ дѣйствительной жизни, къ обществу и его интересамъ, и не могъ установить свою теорію, какъ руководство для будущаго времени; правда, Бѣлинскій и самъ не былъ правъ, когда отстаивалъ теорію самоопредѣленія искусства, его цѣль въ самомъ себѣ и безсознательное творчество, высшая степень котораго состояла въ отсутствіи всякой тенденціи; но, увлекаясь въ каждый данный періодъ своей жизни извѣстной теоріей, которая, въ силу тогдашняго состоянія самой науки, господствовала въ лучшихъ умахъ, а въ умѣ Бѣлинскаго еще и получала значеніе его собственнаго убѣжденія, и переходила у него въ мотивы его практической дѣятельности,—онъ все-таки въ общихъ вопросахъ искусства былъ правъ и чутьемъ своимъ постигалъ художественность. Несмотря на все это, и благодаря замѣчательному природному дарованію эстетическаго чутья и критическаго пониманія, онъ въ своихъ нападкахъ на художественные вкусы Шевырева былъ и остался до сихъ поръ глубоко правъ, и послѣ ожесточенной литературной борьбы они съ Шевыревымъ и его послѣдователями въ „Москвитинѣ“ навсегда сдѣлались врагами. „Московский Наблюдатель“ перешелъ отъ враговъ въ руки Бѣлинскаго на два года, но тогда, конечно, этотъ журналъ дѣлается органомъ мнѣній кружка Бѣлинскаго, и самъ Бѣлинскій уже не считаетъ для себя возможнымъ принимать участіе въ журналѣ другого направленія, такъ какъ для него, чуждаго всякихъ компромиссовъ даже на порогѣ у могилы или въ виду опасности для жизни, участіе въ журналѣ, къ которому онъ не питаетъ сочувствія, было равносильно продажѣ своей совѣсти. И вотъ онъ пишетъ къ одному изъ своихъ друзей, въ ноябрѣ 1837 года, по поводу намѣренія ре-

дакторовъ новаго журнала, „Москвитянина“, возникшаго вмѣсто „Моск. Наблюдателя“, подъ редакціей тѣхъ же лицъ—Погодина и Шевырева, слѣдующее: „Можешь представить, что это такое? Мнѣ стороною предлагали сотрудничество... Не надо мнѣ ихъ денегъ, хоть осыпь они меня золотомъ съ головы до ногъ“.

VIII.

То же было и съ Н. Полевымъ у Бѣлинскаго: глубоко преданный дѣятельности и направленію Полевого въ эпоху „Телеграфа“, глубоко благодарный ему за его направленіе, искренно сочувствовавшій Полевому въ его московскій періодъ журнальной дѣятельности, Бѣлинскій становится его жестокимъ преслѣдователемъ, когда Полевой, по переѣздѣ своемъ въ Петербургъ, не могъ устоять противъ общаго теченія, противъ силы связей и обстоятельствъ, и примкнулъ къ господствовавшей партіи литературныхъ промышленниковъ и обскурантовъ. Бѣлинскій ждетъ статей Полевого, какъ своей законной жертвы, и является укоромъ совѣсти для малодушнаго Полевого. Въ письмѣ къ Панаеву, отъ 22-го февр. 1839 года, когда Бѣлинскій нашелъ для себя уже невозможнымъ продолжать редактированіе „Московского Наблюдателя“, несмотря на то, что прекращеніе работы грозило Бѣлинскому опять страшной нуждой и голодомъ, онъ пишетъ изъ Москвы: „Если я буду *крѣпко* (курсивъ подлинника) участвовать въ „От. Зап.“, то уговоръ лучше денегъ. Полевой—да не прикасается къ нему никто, кромѣ меня! Это моя собственность, собственность по праву... У меня уже готова въ головѣ статья. Люблю и уважаю Полевого, высоко цѣню заслуги его, почитаю его лицомъ историческимъ, но тѣмъ не менѣе постараюсь сказать и доказать, что онъ отсталъ отъ вѣка, не понимаетъ современности и сдѣлался тѣмъ Каченовскимъ, котораго онъ засталъ при своемъ выступленіи на литературное поприще. *Ужасное несчастіе пережить самого себя: это все равно, что сойти съ ума!*“ Изъ этого вполне ясно, что Бѣлинскій своимъ „ненстовымъ“ характеромъ, своимъ жестокимъ нападеніемъ на все, что останавливало и тормазило прогрессивный ходъ и движеніе общественнаго организма по пути къ нравственной чистотѣ и благородству, былъ дѣйствительно страшенъ и служилъ укоромъ всякой нечистой совѣсти. Онъ самъ говоритъ о себѣ: „Отвлеченіе—не моя сфера, и мнѣ душно и гадко въ этой сферѣ, и въ мысли, какъ

мысли собственно, я играю роль слишком не блестящую; моя сфера—огненные слова и живые образы; тутъ только мнѣ и просторно, и хорошо. Моя сила, мощь—въ моемъ непосредственномъ чувствѣ, и потому никогда не откажусь я отъ него, потому что не имѣю охоты отказаться отъ самого себя“. Приведенныя только-что слова Бѣлинскаго изъ переписки его съ друзьями въ 1837 году объясняютъ намъ то обстоятельство, почему онъ, измѣняя постоянно свои теоретическія воззрѣнія, переходя отъ одного мнѣнія къ другому въ вопросахъ теоріи искусства, во взглядахъ на поэзію, на художественность, на назначеніе поэта, на общество, на окружающую дѣйствительность, переживая душевныя муки отъ борьбы отживавшаго въ немъ міровоззрѣнія съ нарождающимся, никогда,—въ отдѣльные періоды своей жизни,—не впадалъ ни въ какое противорѣчіе съ самимъ собой, такъ какъ его мысли согласовались съ его чувствомъ, съ его натурой, его поступки были выраженіемъ его чувствъ и обнаруженіемъ его характера. Въ этомъ человѣкѣ всегда можно было замѣтить полную гармонию между его убѣжденіемъ и дѣйствіемъ. Эта гармонія была принадлежностью его души, его натуры, и мы можемъ назвать эту гармонию *искренностью* въ самой высокой степени. Бѣлинскаго можно было потому убѣдить въ несправедливости его теоретическихъ разсужденій, можно было надѣяться на то, что онъ самъ переимѣнитъ свое мнѣніе, когда убѣдится въ ошибочности его, и такъ это и бывало съ нимъ почти всю жизнь: онъ переходилъ отъ одной теоріи къ другой; заключая въ своей натурѣ съ дѣтства стремленія къ усовершенствованію себя и окружающей жизни, онъ то протестуетъ противъ злоупотребленій всякаго рода, выражая свои протесты и въ письмахъ къ роднымъ по поводу домашнихъ непріятностей, и по поводу пошлости нравовъ чембарскихъ жителей, то заявляетъ о своихъ мнѣніяхъ въ юношеской трагедіи, то, вскорѣ за этимъ, уходитъ отъ окружающей его жизни въ скорлупу философскихъ отвлеченностей, увлекшись ученіями Шеллинга и Фихте, признаетъ единственнымъ и высшимъ назначеніемъ человѣка философское пареніе надъ пошлой жизнью своей не-философствующей братіи, довольствуется метафизическими объясненіями жизненныхъ вопросовъ и радуется „абсолюту“. Затѣмъ, увлекшись со всей страстью своихъ чувствъ философіей Гегеля, онъ переживаетъ новый періодъ своего внутренняго развитія, покидаетъ романтическое отношеніе къ жизни, перестаетъ смотрѣть на міръ глазами Шеллинга и Фихте, не отыскиваетъ болѣе въ каждомъ явленіи нравственнаго и физическаго порядка одного лишь

частнаго обнаруженія міровой и всеобъемлющей идеи и начинает оправдывать все существующее, все дѣйствительное, его разумностью и необходимостью, а потому защищает всякій существующій порядокъ вещей. Поддаваясь со всею силой своей увлекающейся природы ученію Гегеля и толкованію этого ученія въ лицѣ М. Бакунина, онъ доводитъ путемъ логическихъ построеній ученіе Гегеля до конца, самъ переживаетъ внутри себя мучительное раздвоеніе, въ которому неизбѣжно, въ силу логическихъ приѣмовъ философской діалектики, приводятъ его собственныя же его заключенія относительно окружающей дѣйствительности, и, наконецъ, дѣлаетъ выводъ, что или вся философія Гегеля есть чепуха, или она должна оправдывать всѣ логическія заключенія, къ которымъ необходимо сама привела его.

Въ это время Бѣлинскій, какъ въ героическомъ бреду, мечется въ кругѣ гегельянскихъ положеній, заставляетъ себя вѣровать въ непреложность идей новой философіи, подвергаетъ себя добровольной пыткѣ отъ мученій и запросовъ собственнаго разсудка и раздражается въ своихъ письмахъ и статьяхъ ужасными проклятіями по адресу всякой борьбы съ существующимъ зломъ. Къ этому времени относятся его „Бородинскія статьи“, какъ profession de foi, какъ выводъ изъ всей его работы надъ собой и надъ философіей Гегеля подъ руководствомъ Бакунина. Въ это время, съ 1837 по 1840 годъ, Бѣлинскій проповѣдуетъ разумность существующаго порядка вещей, зоветъ на бой всѣ идеи просвѣтительнаго вѣка, защищаетъ святость преданія, проповѣдуетъ не борьбу съ обществомъ, а примиреніе съ нимъ, проклинаетъ французовъ, ихъ критику и искусство, впадаетъ въ мистицизмъ, усматривая въ Бородинской битвѣ откровеніе воли Божіей и, наконецъ, является передъ нами поклонникомъ чистаго искусства, безъ отношенія къ дѣйствительности. Вотъ слова самого Бѣлинскаго, въ которыхъ онъ исповѣдуетъ передъ нами свои взгляды того времени увлеченія философіей Гегеля. Онъ говоритъ: „Явилось множество маленькихъ великихъ людей и, съ школьными тетрадами въ рукахъ, стало около машинки, названной ими la sainte guillotine, и начали они всѣхъ передѣлывать въ римлянъ... Мыслителямъ повелѣли, тоже во имя свободы, доказывать равенство правъ... Къ числу такихъ-то маленькихъ великихъ людей принадлежатъ и Менцель. Ему не нравятся порядковъ дѣлъ въ Германіи... Философія Гегеля признала монархизмъ высшею разумною формою государства, и монархія, съ утвержденными основаніями, изъ исторической жизни народа развившимися, была для великаго мыслителя идеаломъ государ-

ства. Менцель думаетъ объ этомъ совершенно иначе, и потому онъ объявилъ, что Гегель—сумасбродъ, дикій фанатикъ, и его философія—объснованіе полоумнаго человѣка“. Еще большому ожесточенію съ его стороны подвергся Гёте“. У искусства есть свои законы, на основаніи которыхъ и должно разсматривать его произведенія... Поэтъ, какъ органъ общаго и мірового духа, какъ непосредственное его проявленіе, не можетъ ошибаться и говорить ложь... Чтобы узнать, вѣрна ли мысль, выраженная поэтомъ въ его произведеніи, должно сперва узнать, дѣйствительно ли художественно его созданіе. Но этотъ вопросъ рѣшается непосредственнымъ впечатлѣніемъ созданія на непосредственное чувство критика... Основная идея критики Менцеля есть та, что искусство должно служить обществу... Но оно служить обществу не какъ что-нибудь для него существующее, а какъ нѣчто существующее по себѣ и для себя, въ самомъ себѣ имѣющее свою цѣль и свою причину... Произведенія нынѣшней французской литературы—буйное безуміе... Жоржъ-Зандъ пишетъ цѣлый рядъ романовъ, одинъ другого неглѣше и возмутительнѣе, чтобы приложить къ практикѣ идеи сенъ-симонизма объ обществѣ“... и проч. Гёте Бѣлинскимъ того времени гегельянскихъ симпатій былъ признанъ міровымъ гениемъ и настоящимъ художникомъ за его индифферентизмъ къ общественнымъ вопросамъ; онъ—выше Шиллера, произведенія котораго: „Разбойники“ и „Коварство и любовь“—„въ отношеніи къ безусловной истинѣ и высшей нравственности—рѣшительно безнравственны“... Въ концѣ своей статьи по поводу практическихъ взглядовъ Менцеля Бѣлинскій, высказавъ всѣ свои взгляды этого періода, не забылъ сказать намъ и о томъ, какими дарованіями долженъ обладать самъ критикъ, чтобы разбирать произведенія литературы и судить о вопросахъ общественныхъ. „Чтобы быть критикомъ,—говоритъ Бѣлинскій,—надо родиться критикомъ, надо получить отъ природы обширное и глубокое созерцаніе, или внутреннее ясновидѣніе всего, что составляетъ содержаніе искусства, надо получить инстинктъ и тактъ для пониманія изящнаго“. Вглядитесь попристальнѣе, и вы найдете въ послѣднихъ его словахъ много вѣрнаго: въ опредѣленіи изящнаго элемента въ произведеніи искусства, Бѣлинскій никогда не ошибался; онъ всегда чутьемъ своей изящной природы признавалъ изящнымъ то произведеніе, которое и послѣ него считается изящнымъ. Но, съ другой стороны, мы видимъ, какъ впечатлѣвалось всякое увлеченіе Бѣлинскаго новымъ ученіемъ того времени—въ натурѣ и душѣ его, какъ онъ послѣдовательно шелъ

до конца во всѣхъ логическихъ построенияхъ, и какъ эта его деспотическая послѣдовательность приводила его самого впоследствии къ отреченію отъ своихъ мыслей и проклятію своихъ прежнихъ убѣжденій, когда послѣднія разбивались о факты, не находившіе объясненія для себя въ философскихъ и логическихъ принципахъ. Около этого же времени Бѣлинскій пишетъ изъ Пятигорска къ своему пріятелю, въ 1837 году: „Пуще всего оставь политику и бойся всякаго политическаго вліянія на свой образъ мыслей. Политика у насъ въ Россіи не имѣетъ смысла, и ею могутъ заниматься только пустыя головы... Правда, мы еще не имѣемъ правъ, мы еще рабы, если угодно, но это оттого, что мы еще должны быть рабами. Россія еще дитя, для котораго нужна нянька, въ груди которой билось бы сердце, полное любви къ своему питомцу, а въ рукѣ которой была бы лоза, готовая наказывать за шалости. Дать дитяти полную свободу—значитъ погубить его... Истинная, безусловная свобода настаетъ въ государствѣ съ успѣхами просвѣщенія, основаннаго на философіи, на философіи умозрительной, а не эмпирической, на царствѣ чистаго разума, а не пошлаго здраваго смысла... Наше правительство не позволяетъ писать противъ крѣпостнаго права, а между тѣмъ исподволь освобождаетъ крестьянъ... Самодержавная власть даетъ намъ полную свободу думать и мыслить, но ограничиваетъ свободу громко говорить и вмѣшиваться въ ея дѣла. Въ моихъ глазахъ эта мѣра превосходна и похвальна... Итакъ, оставимъ идти дѣламъ, какъ они идутъ, и будемъ вѣрить свято и непреложно, что все идетъ къ лучшему, что существуетъ одно добро, что зло есть понятіе отрицательное и существуетъ только для добра, а сами обратимъ вниманіе на себя, возлюбимъ добро и истину, путемъ науки будемъ стремиться къ тому и другому“...

„*Опытъ* ведетъ не къ истинѣ, а къ заблужденію... Слѣдовательно, философія, основанная на опытѣ, есть нелѣпость. Новѣйшіе французы хватились за нѣмцевъ, но не поняли ихъ, потому что французъ никогда не можетъ возвыситься до всеобщности... Итакъ, къ чорту французовъ; ихъ вліяніе, кромѣ вреда, никогда ничего не приносило намъ!.. Германія—вотъ Іерусалимъ новѣйшаго человѣчества“!..

IX.

Таковы были воззрѣнія Бѣлинскаго, когда онъ редактировалъ журналъ „Московскій Наблюдатель“ и въ первые мѣсяцы по переѣздѣ его въ Петербургъ; таковы были основы воззрѣнія и самого журнала, сдѣлавшагося органомъ кружка Бѣлинскаго.

Бѣлинскій не одинъ исповѣдывалъ вышеприведенные взгляды и убѣжденія, но другіе не переносили цѣликомъ въ практическую жизнь своихъ философскихъ познаній и не доводили до крайности своихъ теорій; внимательное разсмотрѣніе внутреннихъ отношеній между членами кружка Бѣлинскаго обнаружить передъ нами то, что Бѣлинскій былъ самымъ полнымъ и послѣдовательнымъ выразителемъ и пропагандистомъ тѣхъ началъ жизни, морали и философіи, которыя добывались кружкомъ изъ изученій германской философіи того времени. Судьба намъ оставила, именно въ лицѣ Бѣлинскаго, всѣ стадіи развитія духовныхъ силъ лучшей части тогдашняго нашего общества, и, благодаря свойствамъ натуры Бѣлинскаго, *въ немъ мы имѣемъ какъ бы въ скрытомъ состояніи цѣлую исторію нашего умственнаго движенія, а его личная исторія есть исторія внутренняго развитія цѣлаго поколѣнія.* Вотъ почему, слѣдя за переходомъ мыслей Бѣлинскаго, за его увлеченіями, мы въ то же время изучаемъ не только личность Бѣлинскаго, но и господствовавшія вѣянія и направленія русской мысли. Мы видимъ, чрезъ какія сферы проходила русская мысль, чтобы потомъ окрѣпнуть и выйти на новый путь. Итакъ, значить, простившись съ частнымъ во имя общаго, презрѣвъ личность и поставивъ надъ ней общество съ его традиціями, провозгласивъ чистое искусство и признавъ въ общественномъ движеніи французовъ „буйство“ пошлаго здраваго смысла противъ непреложныхъ законовъ разума, проявляющагося въ дѣйствительномъ, существующемъ порядкѣ вещей, Бѣлинскій какъ бы впадаетъ въ противорѣчіе съ своимъ прежнимъ образомъ мыслей, котораго онъ держался въ юношескомъ возрастѣ и въ статьяхъ до наступленія гегельянской полосы. То, чему онъ поклонялся, въ 1834—35 годахъ, какъ сотрудникъ и редакторъ „Телескопа“, онъ теперь ругаетъ и ругаетъ искренно и страстно, какъ показываютъ намъ его статьи и письма, въ которыхъ онъ не рисуется намъ двойственнымъ человѣкомъ, а все тѣмъ же пропагандистомъ своихъ вѣрованій даннаго момента. Но изученіе самой переписки его обнаруживаетъ передъ нами, что

онъ и въ это время не стоитъ на одномъ мѣстѣ: онъ все время работаетъ своей мыслью, все время двигается впередъ и старается примирить отвлеченныя и умозрительныя истины съ данными опыта отъ жизни, которая ему не даетъ покоя. И въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ его друзья подшучиваютъ надъ его крайностями, успокаиваются на полъ-пути или сбрасываютъ съ себя цѣпи философскихъ заключеній, по приемамъ и правиламъ мудраго Гегеля, во имя здраваго смысла, тамъ Бѣлинскій только пачинаетъ свою внутреннюю борьбу и идетъ въ своихъ мысляхъ до конца, хотя и вызываетъ протестъ со стороны болѣе разборчиваго ума, напр. Станкевича, Грановскаго, Герцена и другихъ. Если Бѣлинскій самъ убѣдится въ ошибочности своихъ мнѣній, онъ пишетъ и говоритъ открыто объ этомъ друзьямъ своимъ, но надъ нимъ нѣтъ никакой силы выше силы его собственнаго убѣжденія, собственной мысли. И вотъ его собственная мысль довела его, въ 1841 году, до того, что онъ посылаетъ вновь проклетія всему тому, чему только недавно молился, какъ мы видѣли,—отрекается отъ Гегеля, превозноситъ французовъ и Жоржъ-Зандъ, признаетъ опытъ выше умозрѣнія, вступаетъ въ борьбу съ дѣйствительностью и сходится во всемъ съ Герценомъ ¹⁾, который не раздѣляетъ мнѣній кружка Бѣлинскаго и Станкевича въ періодъ ихъ философствованія.

X.

Вступая въ новый фазисъ развитія своего міросозерцанія, основные элементы котораго уже начали опредѣляться въ послѣдніе мѣсяцы пребыванія въ Москвѣ, Бѣлинскій, съ переездомъ въ Петербургъ, разстался съ московскими друзьями и, подъ влияніемъ новой обстановки и новыхъ столеновеній съ петербургской дѣйствительностью, приходитъ къ заключенію, что въ немъ прежде было недостаточно житейской опытности, что любить дѣйствительность и примиряться съ грустными обстоятельствами, въ которыхъ онъ становился лицомъ къ лицу въ Петербургѣ, уже болѣе невозможно; съ его стороны было ребячествомъ оправдывать зло его случайностью, подыскивая основанія для него въ разумности всего существующаго, согласно съ той философіей, до которой онъ самъ дошелъ, несмотря на освобожденіе отъ

¹⁾ Анненковъ, „Воспоминанія“, III, стр. 18. „Замѣчательное Десятилѣтіе“. Спб., 1881 г.

ея принциповъ у другихъ лицъ, съ которыми онъ ожесточенно спорилъ и ссорился. Оглядываясь на свое прошлое, онъ пишетъ Кудрявцеву письмо съ слѣдующими строками: „Судьба сдѣлала меня мокрою курицею, — я принадлежу къ несчастному поколѣнью, на которомъ отяжелѣло проклятіе времени, дурного времени!.. Да, меня радуетъ новое поколѣніе—въ немъ полнота жизни и отсутствіе гнилой рефлексіи“. Бѣлинскій почувствовалъ полное неудовлетворенное состояніе отъ занятій философій, которая доставляла его цѣльной натурѣ больше тягости, чѣмъ облегченія въ жизни. Въ письмѣ, отъ 13 іюня 1840 г., къ В. П. Боткину мы находимъ опять отчетъ Бѣлинскаго о своемъ прошломъ московскомъ пребываніи: „На насъ обрушилось безалаберное состояніе общества, въ насъ отразился одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ моментовъ общества, силою отторгнутаго отъ своей непосредственности и *принужденнаго тернистымъ путемъ идти къ приобретению разумной непосредственности, къ очеловѣченію*. Далѣе: „*Воспитаніе лишило насъ религіи; обстоятельства жизни (причина которыхъ въ состояніи общества) не дали намъ положительнаго образованія и лишили всякой возможности сродниться съ наукою; съ дѣйствительностью мы въ ссорѣ и по праву ненавидимъ и презираемъ ее, какъ и она по праву ненавидитъ и презираетъ насъ*. Гдѣ-жъ убѣжище намъ?—На необитаемомъ островѣ, которымъ и былъ нашъ кружокъ... Меня убило это зрѣлище общества, въ которомъ властвуютъ и играютъ роли подлецы и дюжинныя посредственности, а все благородное и даровитое лежитъ въ позорномъ бездѣйствіи на необитаемомъ островѣ... Отчего же европеецъ въ страданіи бросается въ общественную дѣятельность и находитъ въ ней выходъ изъ самаго страданія?..“ (Пыпинъ, II, 47).

Изъ этого письма намъ ясно, гдѣ кроется основная причина того, что Бѣлинскій оставался всю свою жизнь ожесточеннымъ борцомъ противъ пошлости и челоуѣкомъ съ опредѣленнымъ честнымъ направленіемъ, которое во всеуслышаніе проповѣдывало и возбуждало общую ненависть ко всему пошлomu, низменному и лицемерному. Бѣлинскій не могъ принадлежать къ тому обществу, которое онъ самъ охарактеризовалъ выше изложеннымъ образомъ; то общество, которое поддерживало Булгариныхъ, игравшихъ „тройной измѣной“, и имъ подобныхъ, не могло, въ свою очередь, сочувствовать въ то же время и Бѣлинскому; тамъ, гдѣ находили поддержку люди съ репутаціей Булгарина, Сенковскаго и Греча, тамъ не было мѣста Бѣлинскому, и основная его заслуга передъ потомствомъ въ томъ и заключается, что онъ не срывалъ своего положенія и отноше-

нiя въ обществу, какъ мы видѣли выше; онъ говоритъ: „для меня дышать однимъ воздухомъ съ пошлякомъ и бездушникомъ — все равно, что лежать съ связанными руками и ногами“ (Пыпинъ, I, 185). „Я презираю и ненавижу добродѣтель безъ любви, и скорѣе рѣшусь стремглавъ броситься въ бездну порока и разврата, съ ножомъ въ рукахъ на большихъ дорогахъ добывать свой насущный кусокъ хлѣба, нежели, затоптавъ свое чувство и разумъ ногами въ грязь, быть добрымъ квалеромъ, пошлымъ резонеромъ, пуританиномъ, раскольникомъ, добрымъ по расчету, честнымъ по эгоизму, не воровать у другихъ, чтобы другимъ не дать права воровать у себя, не рѣзать ближняго, чтобы ближнiй не рѣзалъ меня“ (ib., 186). Мы видимъ, такимъ образомъ, что всѣ поступки Бѣлинскаго выходили изъ потребностей его натуры, изъ его великаго сердца и благороднаго ума, а не изъ расчета и не изъ выгоды. Въ минуты самыхъ ужасныхъ нуждъ и бѣдствiй мы видимъ въ Бѣлинскомъ настоящаго рыцаря по чувствамъ и мыслямъ: не имѣя куска хлѣба на завтрашнiй день, онъ не заикается о литературномъ гонорарѣ Краевскому, когда тотъ предлагаетъ ему сотрудничество въ „Отеч. Зап.“; испытывая самую крайнюю нужду въ пищѣ и одеждѣ, онъ бѣжитъ отъ сокровищъ своего патрона, чтобы не кривить душой и не торговать своими убѣжденiями; въ минуты самаго жалкаго положенiя, въ 1836—37 гг., Бѣлинскiй, вмѣсто озлобленiя на общество и на судьбу, которая выбросила его изъ рядовъ дѣйствующей во славу отечества армiи тружениковъ мысли, находитъ возможность уйти въ самоуглубленiе и работать надъ своимъ самообразованiемъ; онъ видитъ одновременно съ этимъ впереди себя идеалы лучшаго нравственнаго бытiя и пребыванiя въ свѣтѣ разума и высшаго пониманiя, которое въ то же время примиряетъ его великое сердце съ губящей его дѣйствительностью... Вотъ какимъ передъ нами возстаетъ идеалистъ 30-хъ годовъ, который сжегъ всю свою жизнь добровольно для того, чтобы провести свои идеалы въ общество, въ окружающую его жизнь!..

И при всемъ этомъ онъ на пути своемъ ломалъ все, что сбивало его съ пути, которымъ шла его собственная мысль; въ 1838 году онъ пишетъ Станкевичу: „Съ Шиллеромъ я совсемъ рассорился. Вообще, какъ поэтъ, — онъ потерялъ для меня всякое значенiе. Можетъ быть, тутъ проявляется дикость моей натуры, — такъ и быть: *буду самъ по себѣ*“. И дѣйствительно, несмотря на тѣсную свою дружескую связь съ кружкомъ просвѣщенной молодежи 30-хъ годовъ, Бѣлинскiй все-таки оставался всегда „самъ по себѣ“ въ вопросахъ, гдѣ онъ не

сходился съ друзьями: Станкевичъ, руководитель кружка въ его философскихъ занятіяхъ, не одобрялъ рѣзкихъ выходокъ Бѣлинскаго, не одобрялъ его примиренія съ дѣйствительностью; Грановскій въ самыхъ основныхъ пунктахъ опровергалъ Бѣлинскаго; Пушкинъ смѣялся надъ увлеченіями германской философіей; Кавелинъ на урокахъ у себя дома не удовлетворялся Бѣлинскимъ; Герценъ совсѣмъ съ нимъ разошелся въ 1839 г.; отъ Бакунина Бѣлинскій самъ отвернулся,—а все-таки всѣ эти лица, а равно и другіе современники, признавали въ Бѣлинскомъ громадную нравственную силу и вліяніе на общество. Между тѣмъ, Бѣлинскій открыто заявлялъ: „Я жидъ по натурѣ, и съ филистимлянами за однимъ столомъ ѣсть не могу“. Однако эта черта не должна быть названа у Бѣлинскаго нетерпимостью, хотя въ пылу своихъ споровъ онъ и бывалъ часто нетерпимымъ къ чужимъ мнѣніямъ, но это не нетерпимость, а глубокая *искренность*. Въ статьѣ своей о Пушкинѣ (Соч., т. VIII., стр. 461) онъ проводитъ мысль, что *убѣжденіе должно быть руководителемъ въ практической жизни личности*, и таковъ онъ и былъ до самой смерти! Подъ вліяніемъ душевной муки отъ своего прошлаго, переживая съ каждымъ новымъ моментомъ своего духовнаго развитія глубокія страданія отъ прежняго своего образа мыслей, не находя себѣ покоя въ поступательномъ движеніи отъ одного убѣжденія къ другому, Бѣлинскій какъ бы прозрѣваетъ въ Петербургѣ и, наталкиваясь на факты, не согласующіеся съ его прежними теоріями, посылаетъ къ чорту эти теоріи, подыскивая *новое опредѣленіе* для своего настоящаго міровоззрѣнія. Мы сейчасъ увидимъ, что въ вопросахъ *практической* нравственности Бѣлинскій *всегда* былъ *одинаково* нравственнымъ и честнымъ человекомъ, но *теоретически* опредѣлялъ нравственность совершенно различно въ разное время, смотря по тому, какими ученіями онъ проникался и на какой ступени своего развитія онъ стоялъ. Вотъ что онъ говоритъ въ 1844 г. въ „От. Зап.“ по поводу характера Алеко о „нравственно развитомъ человѣкѣ“: „Теоретическая нравственность, открывающаяся въ однѣхъ системахъ и словахъ, но не говорящая за себя, какъ *дѣло*, какъ *фактъ*, выходящая только изъ созерцаній ума, но не имѣющая глубокихъ корней въ почвѣ сердца,—такая нравственность стоитъ безнравственности и должна называться китайскою или фарисейскою“ (Соч., VIII., 461). Сравните его слова о добродѣтели безъ любви—выше, въ письмѣ къ другу 1837 года, когда онъ былъ еще полонъ теоріи Гегеля, и вы увидите, что у Бѣлинскаго всѣ элементы его нравственнаго вліянія и силы были

всегда на-лицо, а между тѣмъ онъ все работаетъ надъ собой, все мечется изъ стороны въ сторону, все мучится и скорбитъ душой. Отчего это? Конечно, отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ томъ же состояніи нашего образованія и нашей общественности, которое заставило Бѣлинскаго пройти цѣлыя тридцать лѣтъ непрерывнаго искуса и тяжелой борьбы, чтобы добиться опредѣленныхъ положеній, внести въ жизнь новые идеалы и облегчить жизнь внукамъ... Тотъ „тернистый путь“, о которомъ онъ упоминаетъ въ письмахъ, и которымъ пла его мысль, чтобы или добиться согласованія идеаловъ съ жизнью, или отречься отъ идеаловъ и признать силу жизни надъ ними, или, наконецъ, возвысить жизнь до идеала,—было путемъ, по которому идти тогда едва ли согласился бы кто-нибудь, вромѣ Бѣлинскаго, а теперь, благодаря ему, идти легче... Подвергнуть себя добровольному испытанію въ теченіе цѣлой жизни, продѣлать на себѣ опытъ вліянія различныхъ системъ образованія и ученія, господствовавшего въ то время въ русскомъ обществѣ, только для того, чтобы показать, что эти системы никуда не годятся, что надо искать новыхъ путей жизни и образованія, надо строить свое міросозерцаніе не такъ, какъ строили его тогда, это—задача высоко культурная!

Бѣлинскій пишетъ В. П. Боткину въ 1840 году: „Вру я, рѣжусь, не понимаю: положимъ, такъ, но моя ли то вина?! Говорю, какъ вижу, а вижу, какъ говорю“. Сколько въ этихъ словахъ поучительнаго для нашего времени, и сколько матеріала для задачъ нашей жизни! Посмотрите, какъ Бѣлинскій отрешивается отъ философіи Гегеля, которая съѣла столько лѣтъ его жизни, чтобы привести къ выводу о томъ, что она не можетъ стать руководителемъ жизни. Вслушайтесь, какъ Бѣлинскій въ Петербургѣ въ 40-хъ годахъ говоритъ о французахъ и ихъ умственномъ движеніи, о значеніи опыта въ жизни, о личности и обществѣ, о дѣйствительности, о Гёте, Шиллерѣ и объ общественномъ направленіи поэзіи... и сравните эти его мысли въ письмахъ и статьяхъ петербургскаго періода—съ мыслями о тѣхъ же вопросахъ, высказанныхъ ранѣе, для того, чтобы посмотреть, что человекъ этотъ пережилъ на себѣ и въ себѣ, и какъ онъ своей жизнью, своимъ опытомъ указалъ намъ всѣмъ новые пути къ общему благу тѣмъ, что разоблачилъ несостоятельность старыхъ путей и идеаловъ. Само собой разумѣется, что въ наше время молодые люди избавлены отъ необходимости проходить школу самопожертвованія Бѣлинскаго во имя общаго блага: имъ нѣтъ надобности прокладывать путь, такъ какъ онъ

уже проложенъ, но мы видѣли, что во времена Вѣлинскаго эти пути къ разработкѣ понятій, ставшихъ нынѣ, благодаря Вѣлинскому и его друзьямъ 40-хъ годовъ, уже общими понятіями мыслящаго человѣчества, пути къ защитѣ человѣческаго достоинства противъ грубыхъ нарушеній правъ личности на независимость мнѣній, пути честнаго служенія обществу на поприщѣ литератора, наконецъ, самое опредѣленіе цѣлей и задачъ нашего образованія и осмысленнаго существованія—еще не были проложены и тѣмъ болѣе выяснены, а потому Вѣлинскій въ правѣ былъ сказать: „Мы живемъ въ страшное время; судьба налагаетъ на насъ схику; мы должны страдать, чтобы нашимъ внукамъ было легче жить!“... (Письмо къ В. П. Боткину, отъ 14 марта 1840 г.—Пыпинъ, II, 31).

Какой рѣзкій поворотъ во всѣхъ его мнѣніяхъ по тѣмъ вопросамъ, которые мы перечисляли выше, и о которыхъ онъ говорилъ ранѣе въ идеально-консервативномъ тонѣ въ бородинскихъ статьяхъ своихъ, въ статьѣ о Менцелѣ, въ статьѣ о „Горѣ отъ ума“ (Соч., т. II и III), а также въ письмахъ московскаго періода своей жизни!

Посмотрите, какъ подвижнически-настойчиво онъ домогается *устоевъ* нравственной и умственной жизни общества! Теперь мы отъ него слышимъ: „Къ Питеру притерпѣлся. Спасибо ему. Я уже не узнаю себя и *вижу* ясно, что надо въ себѣ быть: это его дѣло... Больше всего меня радуетъ, что я узналъ, наконецъ, что *чужія мысли*, какъ бы ни противорѣчили нашимъ, должно *выслушивать съ уваженіемъ* и любопытствомъ, если только говорящій ихъ понимаетъ самъ себя... *Съ французами я помирился совершенно*: не люблю ихъ, но уважаю. Ихъ *всемирно-историческое значеніе велико*“ (Письмо къ Боткину, 13 іюня 1840 г.—Пыпинъ, II, 49).

А вѣдь только годъ тому назадъ Вѣлинскій называлъ французовъ „пустыми ерикунами“, „школьниками“ и смѣялся надъ „буйствомъ“ ихъ разсудка. 16 января 1841 г., онъ пишетъ тому же Боткину: „Гейне весь отдался идеѣ достоинства личности, и неудивительно, что видитъ во Франціи цвѣтъ человѣчества“ (Пыпинъ, II, 89). А нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Вѣлинскій посылалъ къ чорту французовъ, указывая на Германию, какъ на Іерусалимъ человѣчества. Въ письмѣ къ Ефремову, въ 1840 г., по поводу смерти Станкевича, Вѣлинскій пишетъ: „Я все думалъ, что горе и страданіе даны человѣку для того, чтобы онъ лучше зналъ радость и блаженство; но теперь, какъ *опытъ заставилъ меня глубже заглянуть въ жизнь*, я вижу, что

радость и блаженство даны человѣку для того, чтобы онъ сильнѣе страдалъ, жесточѣе мучился“... (Пыпинъ, II, 51). А недавно Бѣлинскій признавалъ философію, основанную *на опытѣ, нелѣпостю*. Далѣе Бѣлинскій пишетъ: „вѣры нѣтъ, знанія и не бывало, а сомнѣнія превратились въ убѣжденія“. Это въ 1840 г., а еще наканунѣ этихъ мыслей, можно сказать, Бѣлинскій былъ, какъ мы видѣли, величайшимъ *оптимистомъ*, находилъ и въ „Фаустѣ“, и въ „Гамлетѣ“, и въ Пушкинѣ съ его великими твореніями все ту же величайшую идею—примиреніе съ дѣйствительностью и успокоеніе на лонѣ объективнаго созерцанія жизни. Въ томъ же 1840 году онъ пишетъ опять Боткину: „Ты переживаешь себя, заживо умираешь, а все по старой привычкѣ кричишь о разумности жизни. Если какой-нибудь гегельянецъ... доходить до результата, что мысль насъ надуваетъ, надѣвая на наши глаза очки, сквозь которые мы видимъ все, какъ ей угодно, а не какъ должно, — и восклицаетъ съ отчаяніемъ: „спасите меня, погибаю!“ — такъ намъ ли, о, Боткинъ, не вопить или, по крайней мѣрѣ, *намъ ли защищать дѣйствительность*, если она, столь безконечно могущественнѣйшая насъ, такъ плохо защищаетъ сама себя?“ (ib., 57). А въ прошломъ, 1839 году онъ въ бородинскихъ статьяхъ и въ статьѣ о Менцелѣ, какъ мы видѣли, признавалъ Гегеля единственнымъ выразителемъ истины...

Теперь, наведенный на размышленія смертью друга Станкевича, умершаго во цвѣтѣ лѣтъ, подавшись силѣ *опытнаго знанія*, Бѣлинскій пишетъ: „Проклинаю мое гнусное стремленіе къ примиренію съ гнусною дѣйствительностью! Да здравствуетъ великій Шиллеръ, благородный адвокатъ человѣчества, яркая звѣзда спасенія, эманципаторъ общества отъ кровавыхъ предразсудковъ преданія!“... „Для меня теперь *человѣческая личность* выше исторіи, выше общества, выше человѣчества... Боже мой, страшно подумать, что со мною было—горячка или помѣшательство ума — я словно выздоравливающій“... (ib., 58). Въ декабрьскомъ письмѣ того же 1840 г., къ Боткину, онъ вновь говоритъ о восторгахъ своихъ отъ Шиллера и заявляетъ уже о ненависти къ Гёте, кончая письмо словами: „Боже мой, какіе прыжки, какіе зигзаги въ развитіи! Страшно подумать!“ (ib., 87). А вѣдь такъ недавно онъ признавалъ Шиллера ничтожествомъ и возвышалъ Гёте до мірового генія, примирялся съ дѣйствительностью и, какъ мы видѣли, подавлялъ личность во имя общества, которое онъ признавалъ высшей субстанціей. Теперь Бѣлинскому жгутъ глаза его прежнія статьи, и онъ, увидѣвъ у Панаева старую книжку „От. Зап.“ 1840 года, гдѣ была статья

„о Менцель, критикъ Гёте“, восклицаетъ: „Что, вы это нарочно хотите поддразнивать меня, подсовывая мнѣ на глаза эту статью? Вы знаете, что я не могу безъ негодованія вспоминать о моихъ статьяхъ этого времени! Сдѣлайте одолженіе, я прошу васъ не дѣлать со мной такихъ вещей“... (ib., 95). Въ январѣ 1841 г., Бѣлинскій пишетъ Боткину: „Вообще, всѣ общественныя основанія нашего времени требуютъ строжайшаго пересмотра и коренной перестройки, что и будетъ рано или поздно. Пора освободиться личности человѣческой, и безъ того несчастной, отъ гнусныхъ оковъ неразумной дѣйствительности—мнѣнія черни и преданія варварскихъ вѣровъ. Ахъ, Боткинъ, чувствую, что при свиданіи мы подеремся: письма мои не могутъ дать тебѣ и слабаго намева на то, какъ ужасно перемѣнился я (ib., 88). Теперь для Бѣлинскаго дѣйствительность не разумна, теперь, какъ видимъ мы, онъ борется за освобожденіе личности отъ оковъ преданія, передъ которымъ онъ ранѣе преклонился, и которое находило въ немъ себѣ горячаго защитника. Теперь онъ устанавливается уже прочно до самой своей смерти, на 8 лѣтъ, въ своихъ воззрѣніяхъ и во всей перепискѣ съ Боткинымъ высказываетъ глубокія сожалѣнія о тѣхъ зигзагахъ въ своемъ развитіи, которыми ему пришлось достигать до настоящаго своего образа мыслей. Онъ признаетъ теперь общественное направленіе искусства необходимымъ и защищаетъ Жоржъ-Зандъ, между тѣмъ какъ недавно онъ защищалъ чистое, не рефлектированное искусство и обличалъ нелѣпости Жоржъ-Зандъ за ея идеи сен-симонизма.

XI.

Раздѣлавшись окончательно съ тѣмъ состояніемъ, которое, какъ кошмаръ, мучило Бѣлинскаго и было наслѣдіемъ его гегельянскихъ увлеченій, онъ, 1-го марта 1841 г., въ письмѣ къ Боткину, подводитъ итогъ всему прошлому: „Я давно уже подозрѣвалъ, что философія Гегеля—только моментъ, хотя и великій, но что абсолютность ея результатовъ нигуда не годится, что лучше умереть, чѣмъ помириться съ ними... Онъ изъ явленій жизни сдѣлалъ тѣни... Я имѣю особенно важныя причины злиться на Гегеля, ибо чувствую, что былъ вѣренъ ему, мирясь съ расейскою дѣйствительностью, хваля Загосвина и подобныя гнусности, и ненавидя Шиллера... Всѣ толки Гегеля о нравственности—вздоръ сущій... Смѣйся, какъ хочешь, а я свое... судьба субъекта, индивидуума, личности, важнѣе судьбы всего міра и

здравія китайскаго императора (т.-е. гегелевской Allgemeinheit)... Благодарю покорно, Егоръ Федорычъ (Гегель), кланяюсь вашему философскому колпаку... Честь имѣю донести вамъ, что если бы мнѣ и удалось влѣзть на верхнюю ступень лѣствицы развитія,—я и тамъ попросилъ бы васъ отдать мнѣ отчетъ во всѣхъ жертвахъ условій жизни и исторіи, во всѣхъ жертвахъ случайностей, суевѣрія, инквизиціи, Филиппа II и проч. и проч.; *иначе я съ верхней ступени бросаюсь внизъ головою...* Я изъ числа людей, которые на всѣхъ вещахъ видятъ хвостъ дьявола,—и это, кажется, *мое послѣднее міросозерцаніе*, съ которымъ я и умру. Впрочемъ, я отъ этого страдаю, но не стыжусь этого... Годъ назадъ я думалъ діаметрально-противоположно тому, какъ думаю теперь,—и, право, я не знаю, счастье или несчастье для меня то, что *для меня думать и чувствовать, понимать и страдать — одно и то же*" (Пыпинъ, *ib.*, 105—106). Чтобы убѣдиться, что то же самое міросозерцаніе Бѣлинскаго этого періода высказывается имъ не только въ дружескихъ письмахъ, но и въ статьяхъ петербургскаго періода его жизни, стѣнитъ только прочесть его статьи: „Парижскія Тайны“—1844 года (Соч. IX, 32), о соч. Державина—1843 г. (VII, 99), о Соч. Зинаиды Р.—1843 г. (VII, 152, IX, 18), „Взглядъ на русскую литерат.“ въ 1846 г. (XI, 41) и многія другія статьи его о вопросахъ общественной нравственности въ VIII томѣ и послѣднихъ томахъ его сочиненій.

Передъ нами прошло цѣлое *самообученіе* Бѣлинскаго, сказанное имъ съ полной откровенностью, съ цѣлой вереницей раскаяній и самообличеній въ прошлыхъ своихъ заблужденіяхъ. Мы видѣли тутъ всѣ зигзаги развитія Бѣлинскаго и могли убѣдиться въ томъ, какъ трудно ему было добиваться истины собственными усиліями, переходя отъ крайности къ крайности, отъ одного взгляда къ другому... Однако онъ этимъ труднымъ путемъ добился истины, которая теперь стала общимъ достояніемъ, установилъ наши общественные взгляды и понятія на вещи, установилъ литературные вкусы и самъ своими статьями содѣйствовалъ рожденію и развитію той литературы, которой мы теперь гордимся по праву передъ Европою; рядомъ съ этими культурными задачами онъ рѣшилъ и еще важнѣйшую задачу—опредѣлилъ значеніе критики и публицистики для нравственнаго развитія общества. Въ его дѣятельности коренятся труды позднѣйшихъ критиковъ, публицистовъ и современное направленіе русской литературы. Правда, что такой человекъ, какой прошелъ передъ нашими глазами, съ его противорѣчіями по однимъ и

тѣмъ же вопросамъ, съ его неустойчивыми взглядами, не могъ бы сдѣлаться среди потомства руководителемъ мысли, не могъ бы вести своими мнѣніями человѣчество или общество, если бы онъ не отыскалъ къ концу своей жизни тѣхъ началъ, которыя привились и пустили прочные ростки въ его литературномъ потомствѣ; но не слѣдуетъ забывать, что главное значеніе Бѣлинскаго, все-таки, не въ этихъ положительныхъ началахъ, до которыхъ мы могли бы дойти и сами; не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ лицѣ Бѣлинскаго передъ потомствомъ возникаетъ могущественный образъ человѣка, одареннаго такой нравственной энергіей и такимъ сильнымъ стремленіемъ къ добру, какія обнаруживаются, именно, во всей его дѣятельности, именно, во всѣхъ „зигзагахъ“ его развитія и во всѣхъ его ошибкахъ. Если бы Бѣлинскій не исповѣдовался предъ нами такъ искренно во всѣхъ своихъ статьяхъ и перепискѣ, мы не знали бы той степени труда, положеннаго лучшими людьми сороковыхъ годовъ на выработку догматовъ общественной морали, которая выяснилась намъ, благодаря Бѣлинскому. Этотъ человѣкъ не боялся никакихъ ошибокъ, никакихъ заблужденій, лишь бы послѣднія привели его къ истинѣ; говорилъ громогласно о томъ, что онъ думалъ, лишь бы его обличали; разбивался о факты, лишь бы оставить себя цѣльнымъ для потомства... И этого достигъ онъ! Конечно, и безъ Бѣлинскаго мы оцѣнили бы со временемъ Гоголя, Лермонтова, Кольцова, и безъ Бѣлинскаго мы могли бы перейти къ реальному направленію искусства, развязавшись съ заволованнымъ кругомъ метафизическихъ отвлеченностей,—наконецъ, и безъ Бѣлинскаго мы выработали бы интересъ къ общественнымъ вопросамъ; но *одного* безъ Бѣлинскаго мы не могли бы сдѣлать: для того, чтобы раздѣлываться съ темными сторонами нашей общественности, намъ нужны такіе характеры и такое сердце, какъ у Бѣлинскаго.

Е. Будде.



ПОМЪШАННЫЙ

РАЗСКАЗЪ

ИЗЪ ШВЕЙЦАРСКИХЪ ПРАВОВЪ.

Сумерки только-что спустились надъ Женевою. Послѣдній отблескъ заката, догоравшаго гдѣ-то за темными отрогами Юры, рдѣлъ мѣстами на вершинахъ, озаряя уцѣлѣвшія узкія полосы снѣговъ. Въ воздухѣ пахло весной. Набухшія почки платановъ уже лопнули и выбросили изъ себя пучки нѣжныхъ блѣдно-зеленыхъ листьевъ. Съ площадей и перекрестковъ, мѣшаясь съ меланхолическимъ звономъ арфъ, съ визгами дешевыхъ скрипокъ, доносились голоса бродячихъ пѣвцовъ, — этихъ неизмѣнныхъ „ласточекъ“ Женевы, стекающихъ каждую весну къ берегамъ Лемана изъ-за дальняго Сень-Готарда, изъ сосѣдней, бѣдной Савойи...

Я и мой сосѣдъ по квартирѣ — „профессоръ“, какъ всѣ называли его, а на самомъ дѣлѣ скромный *gentier*-эльзасецъ, привязавшійся къ Женевѣ и собиравшій швейцарскія древности, — мы сидѣли за однимъ изъ безчисленныхъ столиковъ подъ длиннымъ стекляннымъ навѣсомъ Сѣвернаго-кафе. Вокругъ гудѣлъ разноязычный говоръ иностранцевъ, шмыгали гарсоны въ черныхъ курткахъ по поясъ, въ бѣлыхъ фартукахъ до полу. Въ двухъ шагахъ отъ кафе, за окаямляющимъ набережную простенькимъ чугуннымъ парапетомъ, тихо струилась Рона, запертая плотинами и обязанная вырабатывать электричество... Немного ниже, въ правомъ рукавѣ своемъ, она бѣшено рвалась въ открытые шлюзы машиннаго моста, наполняя вечерній воздухъ глухимъ, жалобнымъ шумомъ...

Передъ кафе остановились бѣдно одѣтые дѣвушка-савоярка со скрипкой и мальчикъ съ бубномъ. Они сыграли сперва польку, потомъ галопъ, собрали съ публики дань въ деревянную чашечку и поплелись дальше.

Ихъ мѣсто занялъ пожилой мужчина, съ огненными спокойными глазами, съ смуглымъ характернымъ профилемъ и съ черными кудрями до плечъ. Одѣтъ онъ былъ очень причудливо: стройный станъ его охватывала зеленая бархатная куртка, расшитая галунами; сѣрые широкіе панталоны уходили въ голенища средневѣковыхъ сапоговъ изъ желтой кожи, а отъ талии низко спускались концы разноцвѣтнаго пояса. На головѣ была у него соломенная широкополая шляпа, убранная лентами, концы которыхъ развѣвались по воздуху. Онъ отдалъ поклонъ публикѣ и взялся за гитару, на шнурѣ, закинутомъ на шею.

— А, и Луи появился!—проговорилъ мой „профессоръ“.

— Кто это такой?—спросилъ я.

— Итальянецъ—бродячій пѣвецъ. Прекрасный голосъ.

Луи приятнымъ обработаннымъ теноромъ запѣлъ какой-то печальный венеціанскій романсъ, гдѣ были черная гондола, блѣдный мѣсяцъ, нѣмой, безжизненный ликъ красавицы... Голосъ его страстно вибрировалъ, самъ онъ подергивался, точно въ судорогахъ, руки у него дрожали.

Шумныя рукоплесканія раздались за столиками, когда Луи кончилъ пѣть. Онъ точно не слышалъ ихъ и, опустивъ голову, стоялъ, переводя тяжело духъ и бормоча что-то самъ про себя. Потомъ онъ вынулъ изъ кармана красную морскую раковину и сталъ обходить столики.

— Здравствуйте, Луи. Вы весну принесли намъ?—сказалъ „профессоръ“, опуская въ раковину никкелевую монету въ два су.

Луи улыбнулся какою-то грустною улыбкой, поднявъ руку къ шляпѣ, и продвинулся дальше.

— Что это за костюмъ на немъ?—полюбопытствовалъ я.

— Такъ, фантазія... Это помѣшанный. Онъ и поетъ не отъ нужды. Въ Италиі и домъ, и земля у него...

Луи снова взялся за гитару, чтобы отблагодарить, по обыкновенію, публику. На этотъ разъ онъ выбралъ уличную неаполитанскую пѣсенку,—надо полагать, очень забавную для знающихъ нарѣчіе, потому что гитара то вертѣлась въ рукахъ у него, какъ рапира, то онъ прицѣплялся ею въ небо и стрѣлялъ аккордами, а гримасы такъ и перебѣгали молніями по его лицу. Закончивъ пѣсенку тихимъ длительнымъ смѣхомъ и приложивъ,

въ знакъ чего-то, указательный палецъ къ носу, Луи поднялъ высоко надъ головой свою разукрашенную шляпу и двинулся дальше важными, медленными шагами.

Нашъ путь лежалъ въ нагорную, старинную часть города, окружающую соборъ св. Петра. Въ одной изъ улицъ, неподалеку отъ собора, спутникъ мой пріостановился и сказалъ:

— Видите этотъ домъ?

Онъ указалъ на большой, многоэтажный домъ, некрасивой, казарменной наружности, низъ котораго занимали склады бакалейной лавки.

— Въ этомъ домѣ,—продолжалъ онъ,—то-есть, не въ этомъ собственно, а въ прежнемъ, на мѣстѣ котораго выстроенъ этотъ, случилось то, что довело Луи до помѣшательства... Цѣлая драма... Какъ-нибудь я расскажу вамъ...

Я не хотѣлъ отгадывать. Уступая моей просьбѣ, добродушный „профессоръ“ зашелъ ко мнѣ на стаканъ любимаго имъ русскаго чаю и повелъ рассказъ...

Вотъ что услышалъ я.

Лѣтъ двадцать тому назадъ, а пожалуй и больше, на мѣстѣ, гдѣ высилось теперь принадлежавшее бакалейщику некрасивое подобіе казармы, былъ старинный барскій домъ, въ готическомъ стилѣ, съ стрѣльчатыми окнами, съ крутою аспидною крышей и со шпиремъ на ней; домъ стоялъ въ глубинѣ обширнаго мощнаго двора и былъ осѣненъ по бокамъ вѣковыми развѣсистыми липами. Верхній этажъ дома занимали супруги Бастаръ, а въ нижнемъ помѣщалась вдова Гертруда Дюнанъ, съ двумя дочерьми своими,—перезрѣвшими невѣстами, Кларой и Евой. Мать и дочери, какъ истинныя кальвинистки, вели жизнь замкнутую, не знали ни веселья, ни удовольствій, и весь досугъ свой отдавали распѣванію кантовъ да слушанію проповѣдей.

Несмотря, однако, на такое благочестіе, расположеніемъ въ околотеѣ семья Дюнанъ не пользовалась. Когда мать и дочери, одѣтыя въ темное и съ молитвенниками въ рукахъ, проходили по улицѣ, потупивъ смиренно глаза, каждый изъ сосѣдей если не говорилъ, то думалъ:—„Вотъ онѣ, наши „момьѣ“, шествуютъ“!..

Слово „momier“ непереводимо. Его нѣтъ въ академическомъ языкѣ, оно не находитъ себѣ мѣста и въ лексиконахъ. Въ раз-

говорной рѣчи оно означаетъ ханжу, Тартюфа, лицебѣра,—безнравственность, прикрытую видомъ высокой добродѣтели... Имъ клеймятъ тупыхъ, упорныхъ послѣдователей Кальвина. Родилось и укоренилось оно, вѣроятно, въ тѣ еще времена, когда взявшіе верхъ скуные богатые женевскіе буржуа засѣдали съ Кальвиномъ въ созданной имъ „смѣшанной“ консисторіи и утверждали „чистоту ученія и добрыхъ нравовъ“, снимая головы съ вольнодумныхъ стихотворцевъ, въ родѣ Грюэ, воздвигая костры для сомнѣвающихся ученыхъ, подобныхъ Михайлу Серве.

Былъ у Гертруды Дюнанъ еще сынъ, Поль.

Воспитанный въ обычныхъ правилахъ кальвинистской морали,—что искренность, проблески чувства—порокъ, что откровенность смѣшна (ridicule), Поль Дюнанъ рано научился носить личину благочестія, въ тайнѣ желать запретнаго, въ тайнѣ пользоваться имъ и невозмутимо сохранять видъ благонаправнаго юноши. Школу, въ отличіе отъ дѣтей толпы, Поль проходилъ дома, появляясь въ классахъ лишь для сдачи экзамена, при чемъ всегда случалось какъ-то такъ, что, первенствуя среди учениковъ только новенькою курткой да завитыми, напомаженными волосами, Поль схватывалъ первый и награды, и похвальные листы. Для довершенія образованія и полученія „лоска“—Поля, по обычаю богатыхъ женевцевъ, отправили въ Парижъ.

Въ Парижѣ Поль, фланируя въ качествѣ студента-словесника и не получая отъ тщеславнаго, но скупого отца достаточно денегъ на штудированіе бульварныхъ кафе, запутался не на шутку въ долгахъ. Въ Женеву вернулся онъ по прежнему недалекимъ, грубоватымъ швейцарцемъ, нахватавшимся больше дурного, чѣмъ хорошаго, и вынесшимъ странную увѣренность: стоитъ лишь надѣть цилиндръ набекрень да воткнуть розанъ въ петлицу—и будешь, какъ есть, парижаинъ...

Когда умеръ отецъ, Поль сталъ главою въ семьѣ. Съ кружкомъ такихъ же сиромолотныхъ парижанъ, какъ и онъ самъ, Поль повелъ образъ жизни богатаго свѣтскаго человѣка, стремись, вмѣстѣ съ тѣмъ, наживать и деньги. Для послѣдняго избралъ онъ биржевую игру—въ то время модную страсть женевскихъ капиталистовъ, ставшую потомъ истинной маніей среди нихъ.

Результаты не заставили себя ждать. Однимъ утромъ, на столбѣ у воротъ стариннаго внушительнаго зданія присутственныхъ мѣстъ, на взгорьѣ, рядомъ съ соборомъ св. Петра, появилось объявленіе, возвѣщавшее, что сынъ Жака Дюнана, Поль-Марія-Франсуа Дюнанъ, признается банкротомъ.

Поль Дюнанъ разорился и разорилъ семью. Вѣрная, въ свою очередь, правила, что любовь, жалость, чувствительность — *tout cela est bel et bon, mais de l'argent vaut mieux*, мать прогнала сына съ глазъ долой и принялась сама выпутываться изъ бѣды. Грязныя, темныя лѣстницы адвокатскихъ конторъ, наскокъ пропитанныхъ алчностью и недобросовѣстностью, темный, кляузный языкъ чиновниковъ и бумагъ, совсѣмъ, было, обезкуражили Гертруду Дюнанъ, но вдругъ она почувствовала почву подъ ногами.

Главнымъ кредиторомъ, державшимъ въ рукахъ всѣ нити, оказался Иеремія Бастаръ—примѣрный сeryга, богатъ и старый холостякъ. Человѣкъ совершенно грубый, разжившійся на поставкѣ строительныхъ матеріаловъ, Бастаръ, въ мечтахъ о довершеніи своего благополучія, былъ не прочь отъ молодой, послушной жены изъ высшаго круга, а упавшая съ высоты Гертруда Дюнанъ не знала, что дѣлать съ своими дочерьми-безприданницами. Дѣло сладилось: со стороны старухи Дюнанъ на покрытие всякихъ „камбій“ и „рекамбій“ поступила старшая дочь, Аделина, а Бастаръ обезпечилъ за тещей пожизненно квартиру въ доставшемся ему, за долги, готическомъ домѣ и триста франковъ ежемѣсячной ренты.

Выйдя такъ блистательно изъ бѣды и зная, что въ дальнѣйшемъ уже не на что больше надѣяться, старуха Дюнанъ сжалась въ комочекъ. Она вся ушла въ столь свойственную швейцаркамъ расчетливую хозяйственность, стараясь, однако, поддерживать, по возможности, свои связи среди кальвинистовъ и не теряя надежды сбыть съ рукъ и двухъ остальныхъ дочерей, какъ бравый солдатъ не теряетъ надежды стать генераломъ... Время, между тѣмъ, шло; женевская жизнь, съ ея простотой, торговой честностью и дешевизной, все больше и быстрѣе мѣнялась въ худшему: парижскіе лавочники проторяли себѣ дорогу въ Швейцарію, внося пагубную фальсификацію, обмѣръ, обвѣсъ... Рента въ триста франковъ становилась недостаточной, и старуха Дюнанъ дрожала надъ каждымъ сантимомъ, тянулась изо всѣхъ силъ держать себя на приличной высотѣ въ глазахъ околотка.

Въ тѣ времена, въ другой части города,—по ту сторону Роны — въ скромной, небогатой улицѣ Вильгельма Теля, жилъ нѣкто Федерико Конти, родомъ итальянецъ, граверь-художникъ,—извѣстный больше подъ именемъ просто Федерико.

Приземистый, вудравый крѣпышъ, съ смуглымъ выразитель-

нымъ лицомъ и умными карими глазами, Федерико всю недѣлю корпѣлъ надъ работой въ своей мастерской, распѣвая итальянскія аріи. Въ воскресенье, надѣвъ вѣчно новенькій, праздничный костюмъ и повязавъ красный полковный платокъ, вмѣсто галстука, онъ отправлялся съ женою въ театръ, на утренній спектакль, гдѣ, по своей итальянской манерѣ, оцѣнивалъ вслухъ игру актеровъ, выказывая при этомъ не мало вкуса и остроумія. Сумерки заставали Федерико въ восточномъ концѣ такъ-называемыхъ Нижнихъ-улицъ. Тутъ, стоя на перекресткѣ и стиснувъ въ зубахъ свою дешевую корневую трубочку, Федерико шумѣлъ и ораторствовалъ среди воскреснаго собранія итальянскихъ рабочихъ.

Нижнія-улицы (Rues basses)—вѣрнѣе сказать, улица, только съ различными названіями чуть не черезъ домъ,—огібають подошву холма, на которомъ раскинутъ старый городъ съ соборомъ св. Петра. Теперь онѣ начинаютъ щеголять многоэтажными домами и роскошными магазинами, а въ тѣ времена ихъ наполняли лавочки зеленщиковъ и старьевщиковъ; въ древнихъ неопрятныхъ домахъ, съ цѣлыми лабиринтами странныхъ галерей и проходовъ, тѣснились семьи бѣдняковъ, ютились, сохранившіеся отчасти и понинѣ, дешевые трактирчики, подъ средне-вѣковыми характерными вывѣсками „Loge à pied“, означающими, что ночлегъ дается только пѣшеходамъ, а не прїѣзжимъ. На этихъ улицахъ—въ восточномъ концѣ ихъ, носящемъ названіе улицы Золотого-Креста,—издавна отвоевали себѣ перекрестокъ стекающіеся въ Женеву итальянскіе рабочіе. Толпа своеобразныхъ, живописныхъ фигуръ, въ курткахъ, широкополыхъ шляпахъ и съ цвѣтными кушаками вокругъ животовъ, собиралась тутъ каждый вечеръ—какъ собирается и теперь—пошумѣть, покричать (безъ чего итальянцы, какъ извѣстно, жить не могутъ), обмѣняться новостями, обсудить свои артельные дѣла. Федерико былъ душою этой толпы, ея трибуномъ, судьей, руководителемъ. Тутъ же, у самаго перекрестка, какъ неизбѣжное добавленіе къ такому клубу подъ открытымъ небомъ, помѣщался въ аркадѣ сѣраго обветшалаго дома типичный итальянскій кабачокъ, или „тратторія“, какъ величали его посѣтителі. Туда кричавшіе и шумѣвшіе отправлялись промачивать горло; тамъ обыкновенно короталъ вечера Федерико, за блюдомъ ризотто и бутылкой родного вїанти.

Однажды, славнымъ весеннимъ утромъ, когда Федерико, одѣтый въ бѣлую, измазанную красками блузу и съ лупой въ глазу, трудился въ мастерской, согнувшись надъ камнемъ, къ нему во-

шелъ каковой-то незнакомый, стройный и красивый юноша. Черные кудрявые волосы, орлиный носъ и большіе каріе глаза, вмѣстѣ съ смугловатымъ цвѣтомъ кожи, обличали въ немъ южанина. Онъ заговорилъ по-итальянски и пожелалъ узнать отъ Федерико—не онъ ли Федерико Конти, съ фермы Бьянка, близъ Левко, на озерѣ Комо? Федерико отвѣтилъ, что онъ есть именно тотъ самый Федерико Конти, и освѣдомился, чѣмъ можетъ онъ служить молодому человѣку?

Молодой человѣкъ расхохотался, хлопнулъ объ полъ свою пуховую шляпу съ огромными полями и воскликнулъ:

— Дядя, ты не узнаешь меня?

— Луиджи!—съ удивленіемъ отвѣчалъ Федерико.

Дядя и племянникъ обнялись, и Луиджи рассказалъ, что такъ какъ старшіе братья, Рико и Алесси, занимаются хозяйствомъ на фермѣ, то отецъ рѣшилъ пустить его, Луиджи, въ науку; поэтому онъ, Луиджи, побывалъ въ Падуѣ, готовясь быть юристомъ. но никакъ не могъ освоиться съ туманными отвлеченностями и предпочелъ сдѣлаться пѣвцомъ или музыкантомъ; для этого отецъ переправилъ его въ Миланъ и помѣстилъ къ лучшему профессору пѣнія, который открылъ у Луиджи замѣчательный голосъ... А такъ какъ—слѣдовало дальше изъ словъ Луиджи—въ Миланѣ онъ, кромѣ пѣнія въ классѣ, распѣвалъ еще съ товарищами по ночамъ на улицахъ и за всякими пирושками, то и очутился скоро въ миланской больницѣ. Тамъ доктора нашли, что Луиджи слишкомъ нервенъ и впечатлителенъ, что грудь у него утомлена и прописали ему повой и горный воздухъ.

— Ну, и добрый же шелопай вышелъ изъ тебя! — рѣшилъ Федерико, выслушавъ племянника.

— Ха, ха, ха!—залился тотъ въ отвѣтъ.

— Чѣмъ же ты думаешь заняться здѣсь?

— Да ничѣмъ! — весело воскликнулъ Луиджи.—Мать такъ и сказала мнѣ, чтобы я ничѣмъ не занимался, отдыхалъ бы до осени, гулялъ да тебя слушался. Впрочемъ, тутъ виды прекрасные: я рисованьемъ займусь.

— Ты развѣ и въ художникахъ побывалъ?

— Мажу давно, да такъ, между дѣломъ...

— По-французски говоришь?

— Болтаю.

— Изучай языкъ, пользуйся случаемъ,—посоветовалъ Федерико.—А то мы, итальянцы, сколько ни живемъ въ странѣ, все больше двухъ словъ заучить не умудряемся.

Луиджи согласенъ былъ на все. Дядѣ нравился онъ своею прямою, своимъ юношескимъ энтузіазмомъ; нравился, пожалуй, и самою беспорядочностью, горячностью порывовъ... Федерико какъ бы узнавалъ въ этомъ свое собственное, подобное же прошлое, свои дорогіе, хотя и обманувшіе, порывы и мечты...

Федерико принялся хлопотать объ устройствѣ племянника въ Женевѣ. Онъ рѣшилъ помѣстить его пансіонеромъ въ какое-нибудь почтенное семейство, гдѣ онъ былъ бы на правахъ своего человѣка, имѣлъ бы возможность просвѣтиться и практиковаться во французскомъ языкѣ. Изъ всѣхъ пересмотрѣнныхъ по этому случаю газетныхъ объявленій болѣе подходящимъ оказывалось появившееся объявленіе вдовы Дюнанъ. Она желала имѣть „единственнымъ пансіонеромъ преимущественно иностранца“, предоставляла ему пользованіе фортепіано, общала разговоры на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Дядя и племянникъ отправились по адресу.

Поблещая роскошь обстановки, скрашенная всякими ковриками и салфеточками, „салонъ“, съ старомоднымъ фортепіано и съ вышитымъ фамилінымъ гербомъ, въ рамкѣ, на стѣнѣ, — сразу показали смѣтливому Федерико, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Старуха Дюнанъ, съ вставными зубами и съ чернымъ кружевнымъ токомъ на полулысой головѣ, держала себя такъ, какъ будто оказывала милость отдачею комнаты. По швейцарскому обыкновению, она потребовала отъ Федерико ручательства, что племянникъ его — человѣкъ доброй нравственности, не знающійся съ дурными людьми, и, прежде чѣмъ вступить въ переговоры, принялась изливаться въ жалобахъ на обуявшія челоѵчество козни суетности и грѣха...

Появились, успѣвшія пріодѣться, и дѣвицы Дюнанъ — скромныя, молчаливыя, съ постными лицами и опущенными глазами. Клара — малорослая и черноватая, напоминавшая ухватками обезьянку, отправилась знакомить Луиджи съ расположеніемъ квартиры, а Ева — худощавая, анемичная блондинка съ длиннымъ носомъ и оттѣнкомъ чего-то журавлинаго въ поступи и манерахъ — стала хлопотать по части угощенія, состоявшаго, правда, лишь изъ малиноваго сиропа съ водою, но поданнаго по всѣмъ правиламъ — въ столовой и на мельхіоровомъ подносѣ...

На слѣдующій день Луиджи перебрался въ готическій домъ.

Въ его комнатѣ — просторной и чистой, съ большимъ окномъ, въ которое глядѣли свѣжія зеленныя вѣтви тѣнистой липы, было

ему хорошо и уютно. И скучая о томъ, что осталось по ту сторону темно-синихъ Савойскихъ горъ, и радостно отдаваясь новымъ для него впечатлѣніямъ одиночества, Луиджи принялся утверждать французскія фразы, вникать въ женевскіе обычаи.

Дни тянулись тихо и вяло. Отхлопотавшись по хозяйству, семья Дюнанъ усаживалась обыкновенно за какое-нибудь рукодѣлье и проводила за нимъ время, распѣвая тихими, тоскливыми голосами канты. Иногда мать и дочери собирались вокругъ стола и начинали гадать. Но благочестію оставались онѣ вѣрны и тутъ, предпочитая слова отцовъ церкви кофѣйной гушѣ и избитымъ отвѣтамъ сонниковъ... Онѣ брали толстенную, истрепанную книжечку псалмовъ, пропускали на удачу между ея листьями длинную булавку, потомъ раскрывали и торжественно, нараспѣвъ, прочитывали отмѣченную булавкой строчку...

По воскресеньямъ таковой порядою дня разнообразили своими церемонными визитами какая-нибудь престарѣлая дѣвица, помѣшавшаяся на краснорѣчій излюбленнаго пастора, или сѣдой и глухой скряга-*gentier*—завзятые кальвинисты, да забѣгаль учитель сосѣдней школы, холостякъ среднихъ лѣтъ,—недалекій и наивный, франтившій галстухами самыхъ отчаянныхъ цѣтвъ.

Съ Луиджи хозяйки были любезны и исправно упражняли его французскими разговорами, хотя и въ мало понятномъ для него духѣ протестантскаго благочестія. Онъ, съ чистосердечностью пылаго, неопытнаго юноши, искалъ ихъ дружескаго расположенія, старался всячески веселить ихъ, пѣлъ имъ, подъ аккомпаниментъ старенькаго піанино, звучаваго точно гусли, граціозныя итальянскія пѣсенки. Ихъ особенно любила слушать Аделина Бастаръ, часто бывавшая у матери и поражавшая Луиджи странною красотой своего неподвижнаго правильнаго лица, напоминаваго мраморныя статуи...

— Ну, какъ живется тебѣ?—спросилъ однажды Федерико, навѣстивъ племянника.

— Да что, дядя, скука нестерпимая съ этими Дюнанъ...—отвѣтилъ горестно Луиджи.

— На этомъ ужъ не взыщи, братъ! Скука—богиня швейцарцевъ, они поклоняются ей. За возможнымъ гонись: наслаждайся природой, въ ней да въ самомъ себѣ веселье отыскивай.

— Странныя какія-то онѣ,—продолжалъ Луиджи,—точно манекены, а не люди... ни чувствъ, ни души въ нихъ. Во всемъ осторожность, скрытность безпричинная... правды не добьешься ни въ чемъ... И эти маски на лицѣ, это выраженіе иконописное,

точно проповѣдь слушаютъ онѣ вѣчно, или къ отвѣту предстали предъ кѣмъ...

Федерико размѣялся.

— А то какъ же? — сказалъ онъ. — Кальвинистъ долженъ быть невиненъ, скромнень, благочестивъ... Словомъ, онъ составленъ изъ добродѣтелей... А попробуй-ка на дѣлѣ исполнять все это! По неволѣ маску надѣнешь...

— Но вѣдь такъ жить нельзя, дядя: человекъ засохнетъ, въ мумію обратится! — возразилъ Луиджи.

— Кому какъ, — отвѣтила Федерико. — Тебѣ нельзя, а тому, кто не боится стать муміей, у кого въ почетѣ онѣ, — иначе и жить не полагается... Да и что тебѣ до хозяекъ? Живи какъ знаешь... И еще вотъ чтѣ я скажу тебѣ: деликатничать, стараться располагать къ себѣ — какъ у насъ водится — ты и не думай: ничего этого не поймутъ твои хозяйки и лишь за простака примутъ тебя... Хочешь заслужить уваженіе, такъ будь холоденъ, *требуи*, а не проси того, чтѣ по праву тебѣ слѣдуетъ. Таковы ужъ швейцарцы!

Луиджи соглашался съ практической мудростью дяди, но скуки не убывало отъ этого. Чтобы развлечься хоть чѣмъ-нибудь, онъ запасся парусинною курткой, складнымъ стуломъ, огромнымъ зонтикомъ и, превратившись въ форменнаго художника-туриста, принялся скитаться по берегамъ Лемана, пытая свои силы по части увѣковѣченія красотъ природы... Прославленный Леманъ, то голубой и улыбающійся, то сумрачный и бурный, будилъ въ душѣ Луиджи порывы самаго пылкаго вдохновенія, открывалъ, рѣзвую и безъ того, его фантазію, но въ руки, какъ говорится, не давался... Приютившись гдѣ-нибудь подъ выступомъ скалы пустыннаго савойскаго побережья или на прибрежной грудѣ камней, проросшей зеленью, Луиджи улавливалъ восхищеннымъ глазомъ самыя тонкіе, самыя сокровенныя эффекты свѣта и тѣней, и принимался набрасывать ихъ лихорадочно на полотно... Копія получалась вѣрная, но живая, измѣнчивая, сверкающія краски природы умирали подъ кистью, и Луиджи смущенно опускалъ руку, переживая то трагическое положеніе гётевскаго художника, когда —

„Ошибки ясны всѣ, какъ свѣтъ,
А ихъ исправить силы нѣтъ“...

Борьба эта заинтересовала Луиджи. Онъ увлекся художествомъ чуть не до самозабвенія, и совсѣмъ пересталъ скучать.

Однажды Аделина сказала Луиджи:

— Завтра, въ воскресенье, monsieur Конти, въ намъ соберутся знакомые провести вечеръ. Будутъ пѣвцы, музыканты... Приходите и вы... Мужу очень пріятно будетъ познакомиться съ вами...

Луиджи не отказался.

Салонъ Іереміа Бастаръ, какъ это водится у богатыхъ женеццевъ, представлялъ собою сколокъ съ парижскаго буржуазнаго салона средней руки. Онъ походилъ на выставку мебели и всякихъ бесполезныхъ бездѣлушекъ, изобиловалъ драпировками, японскими вѣрами и дешевыми картинами на стѣнахъ—и не имѣлъ ни одного уютнаго уголка, ни одного удобнаго стула. Гости были уже въ сборѣ, когда Луиджи, предшествуемый старухой и дѣвцами Дюнанъ, вступилъ въ салонъ. Одѣтый во фракъ и въ бѣломъ галстухѣ, Луиджи казался особенно стройнымъ и красивымъ, а длинныя, расчесанныя вудри придавали ему совсѣмъ поэтическій видъ. Хозяинъ—раздобывшій, сѣдой, мѣшковатый человекъ, съ плутовато-прищуренными мутными глазами—пожалъ руку Луиджи и сказалъ, что очень любитъ Италію. Изъ всѣхъ словъ, наговоренныхъ на своемъ вѣку Іереміей Бастаромъ, это были самыя правдивыя: онъ не только любилъ, но даже обожалъ Италію... потому что за безцѣнокъ получалъ оттуда мраморъ, а непереводившіеся въ Женевѣ обездоленные итальянцы-работчіе обходились ему вдвое дешевле и трудились вдвое больше, чѣмъ швейцарцы... Аделина произвела на Луиджи совсѣмъ странное и невыгодное для нея впечатлѣніе: причесанная съ претензіей на моду, но несовсѣмъ искусно одѣтая въ новенькое платье, каждая складочка котораго лежала точно по приказу, и съ застывшимъ на лицѣ выраженіемъ официальной любезности, она показала Луиджи самую заурядную, тщеславною женецкою, не знающею другого удовольствія, какъ разодѣться въ воскресенье по праздничному и прогуляться подъ ручку съ мужемъ по Ронской улицѣ...

Гости размѣщались въ центрѣ салона двумя правильными полувружіями и сидѣли не снимая перчатокъ. Разговоръ шелъ объ ожидавшемся сборѣ винограда, о возроставшемъ сезонномъ наплывѣ иностранцевъ, о цѣнахъ на зелень и фрукты. Луиджи, впервые очутившійся среди женевскаго „общества“, не безъ любопытства оглядывалъ гостей. Всѣ они—и мужчины, и дамы—были плотные, сутуловатые, съ черезчуръ полными и румяными щеками; мужчины отличались пристрастіемъ къ усамъ, а женщины—къ цѣннымъ украшениямъ. Мѣшковатость была общимъ

качествомъ. Не мало удивляло Луиджи отсутствіе живыхъ челоуѣческихъ лицъ: на всѣхъ видѣлись такія же, какъ у Дюнанъ, маски—однообразныя, скучныя, съ заученнымъ выраженіемъ сдержанности и благочестія... Особенно непріятною казалась безжизненность глазъ,—лишенныхъ всякаго выраженія, холодныхъ, какъ бы остановившихся; даже самыя красивыя глаза были только красивы...

Подали сиропъ съ водой, и гости стали снимать перчатки. Прислуживали сами хозяева. Горничная въ бѣлоснѣжномъ воздушномъ чепчикѣ только приносила, что требовалось.

Начался музыкальный отдѣлъ вечера.

Дамы и кавалеры пѣли соло и дуэты, играли на фортепіано. Господинъ въ сѣромъ пиджакѣ сыгралъ на скрипкѣ нешуточную вещь—концертъ Раффа. Былъ также артистъ на флейтѣ... Всѣ они—не исключая и Аделины, отличавшейся на фортепіано,—исполняли до точности то, что стояло въ ихъ нотныхъ тетрадяхъ, даже фальшивили мало; но именно этимъ рабски точнымъ, бездушнымъ и безцвѣтнымъ исполненіемъ и наводили скуку... Артистическая натура Луиджи возмущалась; усовершенствованными манекенами казались ему исполнители,—довольные, принимавшіе осанку при щедрыхъ аплодисментахъ гостей... Но въ то же время онъ начиналъ понимать, что виноваты въ своемъ манекенствѣ не сами исполнители, что надъ ними господствуетъ что-то общее, мѣшающее *жить*, чувствовать...

Предъ нимъ остановились супруги Бастаръ, и Аделина сказала:

— Вы должны спѣть намъ что-нибудь, monsieur Кюнти. Я буду аккомпанировать вамъ.

Послѣднее не очень обрадовало Луиджи, но дѣлать было нечего, и онъ, вслѣдъ за хозяйкой, направился къ фортепіано. Перебирая тетради нотъ, онъ увидѣлъ романсъ „Voi che sapete“, для тенора, изъ партіи Керубино въ Моцартовской „Свадьбѣ Фигаро“. Онъ зналъ хорошо этотъ романсъ, гдѣ влюбленный юноша Керубино выражаетъ передъ графиней чувства впервые просыпающейся въ немъ страсти,—восторгаясь его прелестною мелодіей, чудною музыкой. Не безъ сожалѣнія взглянулъ онъ на Аделину, передавая ей ноты, и не могъ не поморщиться, услышавъ, какіе вялые, безжизненные звуки раздались изъ-подъ ея красивыхъ рукъ.

Охваченный артистическою злостью на нее, обязанный полагаться лишь на свои силы, Луиджи воодушевился, отдался

нахлынувшему на него поэтическому чувству, и молодой, страстный голосъ его зазвенѣлъ... Точно лучъ свѣта блеснулъ въ сумномъ, чинномъ салонѣ,—гости зашептали, справляясь другъ у друга о незнакомомъ пѣвцѣ.

Не успѣлъ замереть въ воздухѣ послѣдній звукъ пѣсни, а Аделина, поспѣшно и дрожащей рукой, снова развернула ноты.

— Повторимте, повторимте!—проговорила она неровнымъ голосомъ.

Луиджи посмотрѣлъ и не узналъ ее: неподвижное лицо ея сіяло оживленіемъ, глаза горѣли страстью, огнемъ... Восхищенный, онъ какъ бы замеръ подъ охватившимъ его чувствомъ... Аделина быстро остановила на немъ взглядъ, и онъ прочелъ въ этомъ взглядѣ мольбу, любовь.

Живые, ярвіе звуки вспыхнули подъ пальцами Аделины. Луиджи увидѣлъ, что въ эту минуту она понимаетъ Моцарта, что въ ней проснулась артистка.

Гости заканчивали вечеринку, прихлебывая церемонно изъ стаканчиковъ мѣстное бѣлое вино.

Въ отдаленіи, въ амбразурѣ стрѣльчатого окна, помѣщались Луиджи и Аделина. Они сидѣли рядомъ; ея рука лежала на рукѣ Луиджи,—спущенная съ плечъ кружевная косынка прикрывала это отъ постороннихъ... Окружающее мелькало предъ Луиджи будто въ туманѣ, въ его ухахъ звучали слова Аделины: „Да, я никогда не забуду этого вечера... Я такъ счастлива!“... Она говорила это, сжимая подъ кружевомъ руку Луиджи, но голосомъ спокойнымъ и негромкимъ; ея матовое, снова безстрастное лицо не выражало ничего, ея по прежнему холодные глаза слѣдили внимательно за лицами гостей.

На утро Луиджи проснулся съ замиравшимъ сердцемъ и смутно-радостной тревогой въ душѣ. Первая мысль его была объ Аделинѣ, и первое желаніе—увидѣть ее.

Но онъ напрасно прождалъ почти до самаго вечера,—Аделина не пришла къ матери. Не зная, что дѣлать съ собою, онъ отправился погулять. Въ Англійскомъ саду, на набережной Лемана, пестрѣла нарядная толпа иностранцевъ; избалованные подачками, ручные лебеди были всѣ въ сборѣ и красовались на голубой неподвижной водѣ. Бродя безцѣльно по аллеямъ, Луиджи почти столкнулся съ Аделиной: она шла на встрѣчу съ нѣсколь-

кими дамами. Онъ вспыхнулъ и конфузливо поклонился. Аделина едва бивнула головой, точно не узнавая его, и прошла мимо. Совсѣмъ злой и растерянный вернулся Луиджи домой. Шагая изъ угла въ уголь въ своей комнатѣ, онъ и недоумѣвалъ, и терзался, чуть не плакалъ... Раздраженная препятствіемъ, южная натура его кипѣла. Разгоряченное воображеніе все настойчивѣй и живѣй рисовало черты, отъ которыхъ не было силъ оторваться...

Дверь тихо отворилась и затворилась. Жившее въ фантазіи стало дѣйствительностью: въ комнатѣ была Аделина. Быстрыми, неспокойными шагами приблизилась она къ Луиджи, замерла на мгновеніе въ нерѣшительности и упала къ нему на грудь.

— Ты странная, удивительная женщина!—сказалъ Луиджи, когда они сидѣли на кушеткѣ.—Почему ты такъ отнеслась ко мнѣ въ саду? Хотѣ бы взглянула, слово сказала...

— На улицѣ? при другихъ? Да ты съ ума сошелъ!—воскликнула чуть не съ испугомъ Аделина.

Они стали видѣться.

Въ женевскомъ „Feuille d’Avis“, городскомъ листкѣ объявленій, въ отдѣлѣ объ отдачѣ комнатъ въ семействахъ, можно встрѣтить порой объявленіе съ прибавкой, что комната отдается какъ „pied-à-terre“... Для посвященныхъ, это значить, что нанимающій можетъ располагать комнатою, не стѣсняясь „чистою нравомъ“. Такое пристанище для свиданій нашли себѣ и Луиджи съ Аделиной.

Луиджи отдался вспыхнувшей страсти со всѣмъ увлеченіемъ итальянца, сросшагося съ понятіями, что любовь—высшее счастье, что любимая женщина—бумирь. Онъ забылъ о живописи, о всемъ на свѣтѣ, пересталъ даже навѣщать дядю.

Въ одно изъ воскресеній Федерико собирался по обыкновенію въ театръ. Жена его Эмилиа, стройная и хорошенькая, несмотря на свои тридцать лѣтъ и троихъ дѣтей, изъ которыхъ старшій былъ уже въ высшемъ классѣ коллежа, надѣвала передъ зеркаломъ шляпку, и Федерико не безъ гордости ожидалъ момента показаться съ нею на улицѣ подъ-ручку.

— Что это Луиджи глазъ не кажетъ?—сказала Эмилиа.

— Да въ живопись ударился! Странствуетъ, надо полагать, —рѣшилъ Федерико.

Театръ въ тѣ времена былъ еще старый, помѣщавшійся въ городскомъ Бастіонномъ саду; въ антрактахъ публика гуляла,

вмѣсто фойе, на вольномъ воздухѣ, а въ сосѣдней каштановой аллеѣ находилась пивная-павильонъ.

Когда кончился спектакль, Федерико направился съ женою въ пивную, но Эмилию окружили повстрѣчавшіяся знакомыя, и у нихъ завязался разговоръ.

— Иди, Федерико,—сказала она,—и займи столикъ, пока народъ не набрался. Я потомъ приду.

Это были знакомыя по церкви, единственному общественному мѣсту швейцарки, обреченной на домосѣдство, принимающей у себя разъ въ годъ, не участвующей ни въ какихъ публичныхъ собраніяхъ мужчинъ. Федерико зналъ, что когда сойдутся такія знакомыя, то разговорамъ у нихъ бываетъ не скоро вонецъ. Онъ занялъ столикъ, набилъ поплотнѣе свою трубочку и принялся ждать, попивая пиво и покуривая.

Но вѣроятно на этотъ разъ Эмилиа уже слишкомъ заговорила, потому что когда она пришла, Федерико сказалъ почти съ неудовольствіемъ:

— Что это ты запропастилась!

Эмилиа ничего не отвѣтила ему. Она сняла и аккуратно свернула свои перчатки, отпила изъ кружки, утоляя жажду, и уже потомъ обратилась къ мужу:

— Знаешь, чтò я слышала?

И она рассказала Федерико объ отношеніяхъ Луиджи къ Аделинѣ, назвала даже мѣсто, гдѣ они видятся, сообщила, что Аделина, кромѣ того, давно уже живетъ съ учителемъ, съ которымъ видится у матери, что учитель этотъ ревнуетъ Аделину къ Луиджи, и что надо ожидать какой-нибудь исторіи.

— Вотъ отчего и пропала Луиджи!—заключила Эмилиа. —Ахъ, эти момѣ! Все у нихъ и чинно, и благочестиво, никого достойнѣе ихъ нѣтъ... а копни, такъ и не знаю, на чтò натвнешься!..

Федерико встревожили эти извѣстія. Онъ тутъ же, въ пивной, спросилъ бумагу и написалъ Луиджи, что завтра, передъ вечеромъ, будетъ ждать его въ итальянской тратторіи, по очень важному дѣлу.

Тратторія, тускло освѣщенная керосиновою лампочкой, привѣшенной къ потолку, была уже набита итальянцами, когда явился Федерико. Смуглый красивый мальчикъ, съ огромными карими глазами и съ прядями черныхъ кудрей, похожихъ на перепутанныя гроздья,—точно сорвавшійся съ картины Тиціана—

встрѣтилъ Федерико, озарившись самою радостною улыбкой, и живо выставилъ ему на столѣ въ уголѣ бутылку вианти и два стакана.

Явился Луиджи.

— Что случилось, дядя? Какое важное дѣло?—спросилъ онъ.

— А это неважно по-твоему?—отвѣтилъ Федерико, вивнувъ на бутылку.—Живутъ дядя съ племянникомъ въ одномъ городѣ и никакъ не удосужатся вечеръ скоротать! Садись, побесѣдуемъ.

Федерико налилъ стаканы и чокнулся съ племянникомъ.

Раскуривъ затѣмъ, не спѣша, трубочку и глубокомысленно пыхнувъ нѣсколько разъ, онъ сказалъ:

— На этой недѣлѣ, послѣ школьнаго акта, Эмилия съ дѣтьми отправляется въ горы. Поѣзжай и ты съ ней... воздухомъ подышать...

Луиджи оторопѣлъ.

— У меня картина не кончена,—отвѣтилъ онъ, не зная, что сказать.

— Ты ради здоровья, а не ради картинъ пріѣхалъ.

— Да... Но какъ же такъ... вдругъ?..

— Развѣ тебѣ долго чемоданъ уложить?

Луиджи молчалъ.

— Слушай, Луиджи, — заговорилъ, хмурясь, Федерико.— Вертѣться ты вертись, сколько хочешь, но изъ рукъ у меня не вывернешься!.. Братъ прислалъ тебя ко мнѣ, и, значить, на мнѣ лежитъ—знать, что съ тобой дѣлается... Не желаешь ты быть откровеннымъ со мной,—я отпа выпишу...

— Я не понимаю тебя, дядя,—глухо проговорилъ Луиджи.

— Не понимаешь, такъ я выражусь яснѣе. Что у тебя за связи съ той... съ madame Бастаръ?

Луиджи такъ былъ пораженъ, что у него невольно вырвалось:

— Ты почему знаешь?!

— Въ Женевѣ не укроешься, братъ! Она только на видъ большой городъ, а въ ней все такъ по-деревенски сплетено, что на одномъ концѣ чихнуть, а на другомъ слышно... Ну, да былъ молодцу не укоръ! Дѣло въ томъ, что кончить это надо, и съ теткой ѣхать...

— Дядя, не принуждай меня!—почти простоналъ Луиджи.

— Но вѣдь чрезъ какой-нибудь мѣсяць долженъ же ты будешь уѣхать!

— Я въ Женевѣ останусь, художникомъ буду... — промолвилъ Луиджи, не поднимая глазъ.

Федерико даже кулакомъ по столу пристуѣнулъ.

— Послѣ Италіи въ Женевѣ художество изучать!—воскликнулъ онъ.—Чему же ты научишься тутъ? Благочестивые кальвинистскіе сюжеты малевать, по сту франковъ за штуку? Сами швейцарскіе художники бѣгутъ отсюда, ищутъ на чужбинѣ идей и вдохновенія!.. А что до Аделины,—ты думаешь, она вѣкъ будетъ няньчиться съ тобой, артистическія мытарства твои дѣлать станетъ?..

— Я увѣренъ въ этомъ! — отвѣтилъ Луиджи, тряхнувъ кудрями.

— Напрасно! Она потому и вышла за Бастара, что онъ богатъ и... простъ... Любовь твоя только въ придачу годна, а безъ этого она въ сантимъ не оцѣнится!.. Швейцарки, другъ мой, не то, что наши женщины, по которымъ хочешь ты судить обо всѣхъ... Наша женщина можетъ вспыхнуть, увлечься, поставить все на карту, махнуть на все рукой... Швейцарка все перетерпитъ, все вынесетъ; на все будетъ готова втайнѣ, но явно поступить не такъ, какъ чувства или темпераментъ велятъ ей, а какъ расчетъ требуетъ...

Луиджи задумчиво попивалъ изъ стакана. Слова дяди были отголоскомъ того, что смутно чувствовалъ онъ самъ. Но страсть брала верхъ надъ всѣмъ...

— Тамъ видно будетъ!—сказалъ онъ съ какою-то отчаянною рѣшимостью.

Федерико сумрачно запустилъ палецъ въ свою потухшую трубку, потомъ выбилъ ее о каблукъ бапмака, окунулъ въ вязанный гарусный кисетъ и долго тискалъ въ нее табакъ, глядя куда-то въ сторону. Какъ осторожный врачъ у постели больного раскидываетъ умомъ, надобно ли пустить въ ходъ сильно дѣйствующее средство, или обойдется и такъ?—раскидывалъ теперь умомъ и Федерико. Рѣшивъ, что такъ не обойдется, онъ что есть силы пыхнулъ закуренною трубкой, отмахнулъ рукой заволновавшійся предъ его глазами клубъ дыма и спросилъ:

— Ну, а учителя какъ же? по шапкѣ?

— Какого учителя?—И Луиджи вскинулъ голову.

— А который къ Дюнанъ ходитъ.

— При чемъ же тутъ учитель?

— Вотъ тебѣ разъ! — какъ бы удивился Федерико.—Всея Женевѣ извѣстно, что Аделина живетъ съ нимъ... жила, по крайней мѣрѣ...

— Дядя! Ты не шутишь?—выговорилъ помертвѣвшій Луиджи.

— Нисколько...

Лицо Луиджи изъ блѣднаго стало багровымъ, жилы на вискахъ у него налились. Онъ хотѣлъ сказать что-то, но вдругъ уронилъ годовую на столъ и истерически зарыдалъ.. Федерико самъ испугался дѣйствія своего средства, и принялся утѣшать племянника...

Часы на башнѣ собора св. Петра пробили одиннадцать, а дядя и племянникъ все оставались за столикомъ. Луиджи исповѣдывался предъ дядей и пилъ стаканъ за стаканомъ... Ночной дозоръ, въ лицѣ двухъ полицейскихъ съ потайными фонарями у пояса, вошелъ въ тратторию и напомнилъ объ урочномъ часѣ. Хозяинъ,—воинственнаго вида неаполитанецъ съ сережками въ ушахъ, отлично знавшій порядки,—наполнилъ виномъ два огромныхъ ставана. Полицейскіе опорожнили ихъ, обтерли усы и удалились. Хозяинъ притворилъ наружную дверь и выставилъ на столъ Федерико еще бутылку.

Блѣдный, съ горѣвшими, точно уголья, глазами, съ шапкой перепутанныхъ, нерасчесанныхъ кудрей, сидѣлъ наутро Луиджи въ своей комнатѣ, когда вошла Аделина, напрасно ждавшая его вчера на мѣстѣ свиданья.

— Луи! Чтѣ съ тобою? Ты боленъ?.. Отчего ты не пришелъ вчера?.. Гдѣ ты былъ?.. — заговорила она безпокойно и схвативъ его за руку.

Она хотѣла обнять его. Луиджи отстранился, весь дрожа, и сказалъ сухо:

— Къ чему это притворство?

Аделина пристально посмотрѣла на него.

— Луи, ты обижаешь меня,—промолвила она кротко.

Луиджи засмѣялся рѣзкимъ, нехорошимъ смѣхомъ и всталъ, не спуская съ Аделины своихъ сверкавшихъ глазъ.

— Чтѣ же? все это искренно?—спросилъ онъ.—Ты страдаешь.. ты любишь меня и никого больше... Правда все это? Да?

— Клянусь тебѣ! — воскликнула она, сложивъ умоляюще руки.

Желчь совсѣмъ поднялась въ Луиджи, въ глазахъ у него потемнѣло.

— Нѣтъ, это невыносимо!—крикнулъ онъ, схватившись за голову.—Это съ ума свести можетъ! Ни стыда, ни раскаянія!.. Ложь, обдуманная, холодная ложь всегда и во всемъ!.. Учителю ты то же самое говоришь?—спросилъ онъ злобно и свергнувъ

глазами. — Ты отъ него ко мнѣ, отъ меня къ нему... и... все съ тѣми же словами?..

Онъ отвернулся презрительно. Аделина схватила его за руки и заговорила прерывисто:

— Тебя восстановили противъ меня, Луи... Я вижу... Тебѣ рассказали... Выслушай же меня... Все это—прошлое, вѣрь мнѣ... Предъ тобой я ни въ чемъ, ни въ чемъ невиновна!.. Я люблю тебя, съ первой встрѣчи нашей люблю... Только ты—мое счастье!.. Ахъ, если бы ты могъ понять меня!..

Луиджи дрогнувъ, пораженный искренностью, звучавшею въ ея голосѣ. На мгновенье у него просвѣтлѣло на душѣ, сердце стукнуло въ груди ровнѣе и спокойнѣе... Но это было только мгновенье... Онъ вспыхнулъ снова, и крикнувъ, уже не владея собой:

— Нѣтъ, ты лжешь! Всѣ вы лжете... всѣ вы такъ умѣете хитрить, притворяться!..

Онъ схватилъ шляпу и надвинувъ ее себѣ на самыя брови. Подвернувшійся стулъ онъ отшвырнулъ ногою, и тотъ повалился со стукомъ; полетѣла на полъ и попавшаяся подъ руку художническая сумка съ красками...

— Я уѣзжаю... За вещами пришлетъ дядя... передайте мадамѣ Дюнанъ...—говорилъ онъ, засовывая въ карманы табакъ, спички, кошелекъ съ деньгами.

Онъ повернулся къ двери. Аделина упала на колѣни передъ нимъ.

— Луи, пожалѣй меня! — вырвалось у нея мучительнымъ стономъ.

Луиджи еще ниже нахлобучилъ шляпу и исчезъ за дверью.

Вмѣсто того, чтобы идти къ дядѣ, какъ онъ думалъ, Луиджи направился самъ не зная куда, минуя безотчетно улицу за улицей, пока не пахнуло живительной свѣжестью на него и не открылся предъ глазами зеленый просторъ виноградниковъ и полей... Онъ увидѣлъ себя за городомъ, въ южномъ концѣ Женевы, на такъ-называемомъ Каружскомъ шоссе; предъ нимъ шумѣла бурливая Арва, мчащая съ ронскихъ ледниковъ свои холодныя, мутныя волны. Натянутые нервы давали избытокъ силъ; хотѣлось движенія, усталости... Луиджи миновалъ мостъ и пошелъ дальше... Впереди, подернутой легко лиловатою дымкою, высился Салевъ, у подошвы котораго шла дорога. Луиджи прибавилъ шагъ, охваченный внезапно желаніемъ затеряться въ

горныхъ, лѣсистыхъ ущельяхъ, въ царствѣ безлюдья и мертвой тиши.

Теперь, по крутымъ каменнымъ бокамъ Салева брячатъ и гудятъ поѣзда электрической дороги, на вершинѣ его воздвиглись роскошные отели; а въ тѣ времена поднимавшіеся на него туристы знали только одинъ, хотя и не легкій путь—чрезъ ущелья, и довольствовались наверху простенькимъ одинокимъ трактирчикомъ.

Ночь Луиджи провелъ на вершинѣ Салева, а утромъ спустился по другую его сторону, къ озеру Аннеси, во Францію. Эмилія отправлялась въ горы только въ концѣ недѣли, и Луиджи хотѣлъ воспользоваться нѣсколькими днями, чтобы разсѣяться, вырвать, если возможно, изъ сердца все, все... Но чѣмъ больше вдумывался онъ въ вынесенныя имъ впечатлѣнія, тѣмъ больше слабѣла въ немъ рѣшимость... Въ непроглядномъ кальвинистскомъ мракѣ жи и лицемѣрія Аделина казалась ему свѣтлою искоркой, и послѣднія слова ея продолжали неотступно звучать у него въ ухахъ... Послѣ четырехъ дней, проведенныхъ въ непрерывномъ скитальчествѣ, онъ вернулся въ Женеву, томимый однимъ неодолимымъ желаніемъ, въ которомъ сливались всѣ его мысли, всѣ чувства,—желаніемъ увидѣть Аделину, услышать звукъ ея голоса...

Съ бьющимся сердцемъ поднялся онъ на взгорье, миновалъ площадку соборнаго двора и бросилъ нетерпѣливый взглядъ предъ собою: стоявшій предъ рѣшеткой готическаго дома рядъ экипажей, переминавшаяся у воротъ толпа мужчинъ, въ черныхъ скуртувахъ, черныхъ шляпахъ, и зловѣщее отсутствіе въ ней женщинъ, точно при похоронахъ¹⁾, удивили Луиджи.

Во дворѣ, передъ подъездомъ, затынутымъ чернымъ сукномъ, стояли пышныя погребальныя дроги перваго разряда. Въ'вучкѣ мужчинъ—когда поровнялся съ нею Луиджи—шелъ сдержанный говоръ. Буржуа, съ забавно торчавшими усиками на красномъ, широкомъ лицѣ, утверждалъ авторитетно:

— Да, да, отравилась. У матери цѣлый флаконъ акониту выпила, насилу наверхъ довели...

— Кто отравился?—спросилъ Луиджи.

Буржуа прикусилъ языкъ и грубо отвернулся. Луиджи прошелъ за ворота. Факельщикъ, въ вытертомъ фракѣ, отороченномъ затасканною бѣлою тесьмой, прилаживалъ перекосившуюся

¹⁾ Въ Швейцаріи женщины не могутъ присутствовать при похоронахъ не только знакомыхъ и родныхъ, но даже мужа и дѣтей.

дверцу четвероимѣстной траурной кареты. Луиджи спросилъ, кого хоронять.

— Madame Бастаръ,—не отрываясь, отвѣтилъ факельщикъ.

Къ Луиджи подошелъ, глазѣвшій безцѣльно по сторонамъ, молодой, рослый итальянецъ и спросилъ:

— Не вы ли синьоръ Луиджи?

— Да.

— Синьоръ Федерико зоветъ васъ.

— Что? дядя?.. Гдѣ онъ?—проговорилъ, озираясь, Луиджи.

— Да тамъ, у насъ, въ тратторіи. Я уже который день жду васъ здѣсь. Безъ васъ синьоръ Федерико не велѣлъ и придти...

Луиджи машинально двинулся за итальянцемъ. Тотъ продолжалъ:

— Синьоръ Федерико, какъ узналъ, что здѣсь синьора умерла и что васъ нѣтъ, такъ въ ту же ночь разослалъ насъ всѣхъ отыскивать васъ... Ни днемъ, ни ночью не выходитъ онъ изъ тратторіи—все вѣстей о васъ ждетъ...

Федерико, осунувшійся, съ всклооченной бородой, бросился какъ безумный къ племяннику и обнялъ его.

— Дядя!—простоналъ Луиджи, припавъ къ его плечу.—Это я убилъ ее... я убійца...

— Ну, полно, полно... успокойся. Пойдемъ ко мнѣ,—сказалъ Федерико, страдавшій не меньше племянника.

Они вышли на улицу.

— Она любила меня, дядя...—снова заговорилъ Луиджи.—И я не повѣрилъ ей... не понималъ ее, оттолкнулъ... убилъ!..

Лицо у него вдругъ исказилось, онъ судорожно искривился весь и съ пронзительнымъ крикомъ упалъ навзничь на мостовую.

Его подняли окровавленнаго, съ разбитою головою, и отвезли въ больницу. Тамъ открылось у него воспаленіе мозга... потомъ спячка. Поправиться онъ поправился, но разсудокъ вернулся къ нему не вполне.

— Вотъ вамъ и драма!—обратился ко мнѣ, въ заключеніе, „профессоръ“.—Впрочемъ, кое-о-чемъ изъ дальнѣйшаго упомянуть еще слѣдуетъ,—прибавилъ онъ.—Федерико такъ и не ужился въ Женевѣ: очень ужъ она въ глаза была ему своими добродѣтелями, а послѣ случая съ племянникомъ и совѣтъ сдѣлалась невыносимой. Продавъ, не безъ выгоды, заведеніе, онъ перебрался въ итальянскій кантонъ Тессно, за Сень-Готардомъ. Иеремія Бастадъ какъ

ни былъ заваленъ въ безчувствіи, но смерти жены не перенесъ равнодушно: спился втихомолку абсентомъ, протянувъ всего какой-нибудь годъ. Наслѣдниковъ въ Швейцаріи не было у него, и все перешло въ Савойю, къ дальнимъ его родственникамъ по матери—простымъ крестьянамъ. Имъ было не до готическаго дома, и они поспѣшили сбыть его съ рукъ. Тутъ встаетъ надо сказать вамъ, что по части юстиціи, въ Швейцаріи вообще, а въ Женевѣ въ особенности, до сихъ поръ держится такой винегретъ изъ всякихъ римскихъ да германскихъ правъ и феодальнаго безправія, что юристамъ и помирать не надо... Когда домъ былъ проданъ наслѣдниками Бастара, то законники нашли, что новый хозяинъ не обязанъ держать старуху Дюнанъ... потому что, видите ли, какъ это называется у нихъ, *impossibile nulla est obligatio*... Словомъ, старуху вытурили изъ дому!.. Но надо полагать, дѣйствительно, за примѣрную нравственность судьба и тутъ выручила ее: какъ разъ въ это время Поль Дюнанъ объявился въ Америкѣ чуть не милліонеромъ, и выписалъ туда семью.

Н. СЪВЕРОВЪ.



ЖАНЪ РАСИНЪ

КРИТИКО-БИОГРАФИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.

Окончаніе ¹⁾.

Мы остановились такъ долго на разборѣ „Андромахи“ прежде всего потому, что это—одно изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній французскаго драматурга, какъ по внутреннему содержанию, такъ и по формѣ. Оно писалось непосредственно послѣ „Thébaïde“ и „Alexandre le Grand“—и это одно говорить, какими быстрыми шагами шло впередъ постепенное развитіе дарованія Расина; если же сравнить эту пьесу съ другими трагедіями, которыя ставились въ ту пору на французской сценѣ, не исключая и блѣдныхъ, безцвѣтныхъ продуктовъ творчества пережившаго свою славу Корнеля, то будетъ ясно, почему на долю „Андромахи“ выпалъ успѣхъ, напоминающій развѣ только успѣхъ „Сиды“. Съ нею, какъ справедливо указываетъ и Брюнетьеръ, впервые проникло во французскій репертуаръ художественное изображеніе женской психологій, бурной страсти и нѣжной материнской любви. Въ противоположность Корнелю, который къ концу своей литературной дѣятельности старался производить впечатлѣніе на зрителей сложною, запутанною фавбулою своихъ пьесъ, и Кино, который не пошелъ дальше приторной чувствительности, Расинъ положилъ основаніе чисто психологической трагедіи, обрисовывая малѣйшіе отгѣвныя настроенія и чувства своихъ героевъ и особенно своихъ героинь. Посмотрите, какъ правдиво изображены въ „Андромахѣ“ различные аффекты, поочередно

¹⁾ См. выше: сентябрь, стр. 57.

овладѣвшіе душою Герміоны, которая отъ горячей любви переходитъ къ ненависти, отъ надежды на счастье—къ разочарованію и унынію, отъ безумной ревности—къ мукамъ раскаянія и мыслямъ о смерти. Съ такимъ же искусствомъ обрисованъ внутренній міръ Андромахи, ея любовь къ ребенку, грустныя думы о прошломъ, терпѣніе и готовность къ самопожертвованію, привязанность къ угнетенной родинѣ, преданность памяти мужа, спокойное отношеніе къ смерти. Поль Жанэ, изучавшій „Андромаху“ съ точки зрѣнія научной психологіи, призналъ изображеніе внутренняго міра этихъ двухъ женщинъ, со всѣми его разнообразными оттѣнками, вполне вѣрнымъ дѣйствительности и правдивымъ. Характеръ Пирра обрисованъ менѣе удачно, его личность далеко не такъ ясна и понятна для насъ; Орестъ, съ его страстною, неукротимою, но порядочною, въ основѣ своей, натурою, удовлетворяетъ насъ гораздо больше, хотя мѣстами въ его рѣчахъ слышатся отголоски романовъ Скюдери и любовныхъ стихотвореній того времени. Необыкновенно подкупаетъ въ пользу „Андромахи“ языкъ трагедіи, благозвучный, поэтический и выразительный. Тяжеловѣсныхъ или шероховатыхъ выраженій, въ родѣ тѣхъ, которыя мы встрѣчали въ его первой трагедіи, здѣсь болѣе не попадается. Впечатлѣніе, произведенное „Андромахой“ на современниковъ, было громадное; публика жадно накинулась на эту пьесу, смутно угадывая въ ней что-то новое, свѣжее, раньше неизвѣстное. Конечно, не всѣ держались такого взгляда; сторонники Корнеля склонны были относиться къ ней критически, предпочитая ей такую неудачную вещь своего любимаго писателя, какъ „Attila“, ставя ей въ упрекъ отсутствіе мощныхъ образовъ и благороднаго героизма, слишкомъ важную роль, отведенную, по ихъ мнѣнію, элементу чувства и страсти, слишкомъ детальную обрисовку женской психологіи. Нашлись, съ другой стороны, критики, которые называли Пирра черезчуръ грубымъ, суровымъ и невоспитаннымъ, обвиняя его въ недостаточно галантномъ обращеніи съ Андромахою... „Пирръ не читалъ нашихъ романовъ, онъ былъ неистовъ по натурѣ; не всѣ герои рождены быть селадонами“,—иронически отвѣчаетъ Расинь подобнымъ критикамъ въ предисловіи къ трагедіи. На самомъ дѣлѣ онъ далеко не такъ равнодушно относился къ нападкамъ на свои трагедіи; каждая выходка враговъ оставляла глубокой слѣдъ въ его чувствительномъ сердцѣ. Въ довершеніе всего, на сценѣ Палэ-Рояля поставлена была довольно плоская пародія на „Андромаху“, написанная Сюблиныи и названная „La folle querelle“. Расинь присутствовалъ на представленіи

этой пародіи и дѣлалъ видъ, что смѣется вмѣстѣ со всею публикою.

Но эти мелкія интриги и проявленія зависти не могли серьезно повредить успѣху трагедіи, выдержавшей длинный рядъ представлений и занявшей съ этого времени почетное мѣсто во французскомъ репертуарѣ. Тѣмъ не менѣе, Расину вскорѣ послѣ этого захотѣлось, очевидно, сдѣлать извѣстный перерывъ въ своей дѣятельности, какъ автора серьезныхъ, содержательныхъ драматическихъ произведеній, отдохнуть отъ напряженной работы и попробовать свои силы на поприщѣ веселой и бойкой комедіи. Этимъ желаніемъ объясняется тотъ фактъ, что слѣдующимъ продуктомъ творчества Расина явилась его извѣстная трехъ-актная комедія „Les plaideurs“, стоящая совершенно особнякомъ, такъ какъ онъ никогда болѣе не выступалъ въ роли комическаго писателя. „Сутяги“ Расина—весьма остроумная, отчасти испорченная только неумѣстнымъ вторженіемъ любовнаго элемента, передѣлка на французскіе нравы „Ось“ Аристофана, задуманная сперва авторомъ въ формѣ беззаботнаго фарса для игравшей въ Парижѣ итальянской труппы, и только потомъ болѣе отдѣланная, подробнѣе развитая и приспособленная къ исполненію на французской сценѣ. Расинъ многое заимствовалъ у греческаго драматурга; въ предисловіи къ комедіи онъ употребляетъ даже фразу: „je traduis Aristophane“; его судья Дандэнъ соотвѣтствуетъ Филоклеону, его сынъ Леандръ—Бдэликлеону; совершенно такъ же Дандэнъ, помѣшавшійся на желаніи судить, вылѣзаетъ черезъ слуховое окно, когда его запираютъ, съ тѣмъ, чтобы помѣшать ему выйти изъ дому. Какъ и въ греческой комедіи, сынъ устраиваетъ для него въ самомъ домѣ забавную поддѣлку подъ настоящий процессъ, при чемъ обвиняемымъ является домашняя собака Citron, съѣвшая каплуна, а въ концѣ разбирательства къ Дандэну приводятся маленькіе щенки, которые, по увѣренію напускающаго на себя серьезный видъ „адвоката“, пришли его просить „за своего несчастнаго отца“... Заимствуя всѣ подобныя детали изъ комедіи Аристофана, Расинъ не могъ, конечно, перенести въ своихъ „Plaideurs“ тѣхъ политическихъ намековъ, которыми такъ дорожилъ афинскій драматургъ, той смѣлой сатиры нравовъ, которая была его любимой областью. Онъ сознательно сѣзнулъ и ограничилъ сферу своихъ наблюденій, коснулся только тѣхъ вопросовъ и фактовъ дѣйствительности, которые при Лудовикѣ XIV, когда общественной жизни въ современномъ или древне-греческомъ смыслѣ слова во Франціи не существовало, могли подлежать обсужденію литераторовъ. Но вза-

мѣнь этого онъ ввелъ въ свою комедію много мастерски подмѣченныхъ французскихъ бытовыхъ чертъ, подвергъ осмѣянію дореформенный французскій судъ, съ его устарѣвшею процедурою, врючкотворствомъ, сутяжничествомъ, латинскими терминами и тяжеловѣснымъ жаргономъ,—этотъ судъ, въ разное время осмѣянный Виллономъ, Раблэ или Бомаршэ. Мы едва ли станемъ сожалѣть о томъ, что онъ недостаточно придерживался прототипа своей комедіи и мѣстами превратилъ обработку античной пьесы въ самостоятельную, яркую картину родной жизни. Самъ Дандэнъ вышелъ необыкновенно живою и реальною личностью; какъ онъ забавенъ, напримѣръ, когда на вопросъ, гдѣ же онъ будетъ спать, разъ онъ хочетъ совсѣмъ выселиться изъ своего дома и всецѣло посвятить себя судейской дѣятельности,—упрямецъ отвѣчаетъ: „въ залѣ суда“, а на просьбы побережь свое здоровье, не надрываться и не утомлять себя чрезмѣрно,—„je veux être malade!“ Еще лучше охарактеризованы двое сутягъ, Шиканэ и графиня де-Пэнбешъ, которые могутъ жить только въ атмосферѣ прошеній, вляузъ, судебныхъ разбирательствъ, вѣчно ведутъ какіе-то процессы, тратятъ на нихъ послѣднія деньги, придираются къ каждому случаю, чтобы начать тяжбу, и, сойдясь передъ домомъ Дандэна, заводятъ ссору между собою, при чемъ графиня съ отчаяніемъ въ голосъ восклицаетъ, слыша оскорбительныя, по ея мнѣнію, рѣчи Шивано: „Ахъ, зачѣмъ у меня нѣтъ сейчасъ свидѣтелей!“ Но въ комедіи Расина осмѣяны не только отрицательныя стороны судейскихъ нравовъ,—въ ней обличаются иногда и общечеловѣческіе недостатки или слабости. Насмѣшки драматурга надъ многословіемъ и пустымъ фразерствомъ (въ 3-мъ актѣ) вполне понятны и въ наши дни. Когда, во время комическаго суда надъ виновною собакою, одинъ изъ „адвокатовъ“, слуга Дандэна, Petit-Jean, произноситъ заученную на память рѣчь, не имѣющую въ началѣ никакого отношенія къ разбираемому дѣлу, переполненную такими громкими фразами, какъ: „quand je vois les Césars“, „quand je vois les Romains“, „quand je vois le Japon“ и т. д., секретарь Дандэна, L'Intimé, восклицаетъ съ нетерпѣніемъ: „Quand aura-t-il tout vu?“ Но когда самъ L'Intimé начинаетъ свою защитительную рѣчь, онъ показываетъ себя еще большимъ фразеромъ, чѣмъ Petit-Jean. Ни съ того, ни съ сего, онъ принимается говорить о „Политикѣ“ Аристотеля („Aristote, primo, peri Politicon, dit fort bien“), при чемъ даже Дандэнъ считаетъ нужнымъ остановить потокъ его краснорѣчія этою въ своемъ родѣ классическою фразою: „Avocat, il s'agit d'un charon!“ Но L'Intimé не уни-

мается и неожиданно, отдаляясь все больше от своей темы, начинает ораторствовать относительно того, что было в незапамятные времена, еще до сотворения міра... „Ахъ, перейдемте, пожалуйста, хоть къ потоку“, — зѣвая, останавливаетъ его совершенно разбитый Дандэнъ. Подобные сатирическіе штрихи невольно вызываютъ смѣхъ и теперь, — да и вообще комедія Расина съ удовольствіемъ смотрится въ наши дни. Оставляя въ сторонѣ праздный вопросъ о томъ, можетъ ли она быть сопоставлена съ Мольеровскими комедіями, нельзя не признать, что у Расина были извѣстные задатки комическаго писателя и сатирика, которые проявились до „Plaideurs“ въ его письмахъ, направленныхъ противъ Портъ-Рояля, особенно во второмъ изъ нихъ. Если Расинъ ограничился этимъ первымъ опытомъ и никогда болѣе не написалъ ни одной комедіи, главною причиною этого, вѣроятно, былъ холодный пріемъ, оказанный на первыхъ порахъ „Сутягамъ“. Пьеса не имѣла особеннаго успѣха; по словамъ самого драматурга, одна часть публики предъявила къ его веселой и остроумной вещицѣ такія же требованія, какъ если бы это была трагедія; другая часть отъ души смѣялась во время представленія, но потомъ ее стала тяготить мысль, что она, быть можетъ, „смѣялась не по правиламъ“. Только послѣ того, какъ Лудовикъ XIV и его свита посѣтили одно изъ представлений „Plaideurs“ и нашли пьесу веселою, произошелъ крутой поворотъ во взглядахъ публики, для которой мнѣніе двора было закономъ, и съ этихъ поръ эта комедія Расина стала пользоваться значительною популярностью.

Не имѣла въ началѣ особенно выдающагося успѣха и слѣдующая пьеса Расина: „Britannicus“ (первое представленіе ея состоялось 13-го декабря 1669 года), принадлежащая къ лучшимъ его трагедіямъ, но не сразу оцѣненная публикою. Эту пьесу онъ какъ будто хотѣлъ отвѣтить на распространенное въ лагерѣ приверженцевъ Корнеля мнѣніе, будто онъ неспособенъ создать „политическую трагедію“, въ родѣ тѣхъ, какими прославился авторъ „Сиппа“. Въ „Британнікѣ“ любовный элементъ и изображеніе особенностей женской психологіи идутъ рука объ руку съ яркою и блестящею характеристикою извѣстнаго историческаго періода, перемѣшаны съ навѣянными Тацитомъ картинами жизни испорченнаго, деморализованнаго римскаго общества эпохи имперіи. Въ противоположность нѣкоторымъ другимъ писателямъ, выведившимъ на сцену Нерона и останавливающимъ свое вниманіе на той порѣ, когда его дурные инстинкты одержали верхъ надъ добрыми задатками, и онъ уже совершилъ

рядъ гнусныхъ преступленій, Расинъ возсоздаетъ нравственный обликъ юноши—Нерона, еще не вступившаго окончательно на путь порока, но уже замѣтно поддающагося вліянію такихъ коварныхъ и вредныхъ совѣтниковъ, какъ беззащитчивый льстецъ Нарциссъ. Показать, какъ въ душѣ сына властолюбивой и неразборчивой на средства Агриппины съ ужасающей быстротою развиваются и крѣпнютъ тиранническіе инстинкты, предвѣщающіе будущаго убійцу своей матери, своего воспитателя и ряда другихъ лицъ, гонителя христіанъ, развратнаго и циничнаго человѣка, который игралъ жизнью своихъ подданныхъ, воображая себя въ то же время замѣчательнымъ артистомъ и поэтомъ,—вотъ что было главною задачею Расина. Дѣйствительно, проникательному драматургу-психологу, какимъ постепенно сдѣлался авторъ „Андромахи“, внутренний міръ Нерона въ эту переходную пору долженъ былъ показаться особенно интереснымъ и представить богатый матеріалъ для художественнаго воспроизведенія. Расинъ останавливаетъ главное вниманіе на первомъ преступленіи, которое, по словамъ Тацита, совершилъ начинавшій уже себя показывать съ дурной стороны императоръ,—на убійствѣ молодого Британника, сына Клавдія и Мессалины, которому въ это время по исторіи было пятнадцать лѣтъ (у Расина—семнадцать). Британникъ имѣлъ всѣ права на престолъ послѣ Клавдія, но Агриппина, ставъ женой послѣдняго, искусно повліяла на мужа въ томъ смыслѣ, чтобы онъ завѣщалъ престолъ ея сыну отъ перваго брака, Нерону, лишивъ Британника его законныхъ правъ; въ послѣдствіи она не остановилась передъ гнуснымъ преступленіемъ, чтобы избавиться отъ Клавдія и поскорѣе доставить власть Нерону. Британникъ остался, однако, при дворѣ, въ роли опальнаго и обездоленнаго родственника императора. Нерона вскорѣ сталъ раздражать вѣчно пасмурный и грустный видъ юноши; по мѣрѣ того, какъ преступныя наклонности начинали торжествовать въ его душѣ, постоянное присутствіе этого человѣка, мѣсто котораго онъ занялъ, казалось ему все болѣе неприятнымъ и тягостнымъ; подозрительная натура его незамѣтно внушала ему недовѣріе къ Британнику, боязнь измѣны и мести со стороны этого молчаливаго юноши, который могъ сдѣлаться, какъ ему иногда представлялось, его соперникомъ и врагомъ. Наконецъ, онъ не въ силахъ былъ долѣе сдерживать свою ненависть къ Британнику и отдалъ приказъ отравить его во время шумнаго пира, на которомъ присутствовали члены императорской семьи и многочисленные придворные. У Расина враждебное отношеніе Нерона къ Британнику мотивировано иначе: глав-

ную роль въ этомъ случаѣ играетъ у него ревность, такъ какъ Неронъ влюбляется со всею бурною страстью, на которую онъ былъ способенъ, въ прекрасную, кроткую Юнію, отдавшую уже свое сердце Британнику. Онъ приказываетъ арестовать и привести ее, противъ ея воли, въ его дворецъ, окружаетъ стражею отведенную ей комнату, наконецъ выражаетъ желаніе видѣть ее и побесѣдовать съ нею съ глаза на глазъ, въ твердой увѣренности, что она сочтетъ его благосклонность за честь для себя, такъ какъ до этихъ поръ ни одна женщина не осмѣлилась отвѣтить ему отказомъ. Но Юнія любитъ Британника и ни на кого не промѣняетъ своего возлюбленнаго; угрозы и страстные признанія не могутъ поколебать ея вѣрность. Неронъ не ожидалъ подобнаго отпора; онъ разгнѣванъ и взбѣшенъ холодною дѣвушкой, и, видя, что она остается непреклонною, прибѣгаетъ къ послѣдному средству: онъ заявляетъ, что немедленно погубитъ любимаго ею человѣка, если она не перестанетъ его любить и мечтать о бракѣ съ нимъ. Всѣ угрозы, направленныя противъ нея самой, Юнія выносила спокойно и съ достоинствомъ; но мысль о томъ, что Британнику грозитъ опасность, приводитъ ее въ ужасъ. Неронъ видитъ ея смущеніе, онъ уже торжествуетъ побѣду и предписываетъ Юніи, — если она хочетъ спасти своего возлюбленнаго, который вскорѣ долженъ придти во дворецъ по его вызову, — дать ему понять, что она его разлюбила, что между ними все кончено. Забывая свое императорское достоинство, онъ прячется въ сосѣдней комнатѣ, чтобы подслушать разговоръ двухъ влюбленныхъ и увидать, въ точности ли исполнила Юнія его порученіе. Дѣвушка не имѣетъ все же такой власти надъ собою, чтобы открыто сказать Британнику завѣдомую ложь; но ея недомолвки, смущенный видъ, попытки оправдать Нерона, наконецъ, отсутствіе въ ея рѣчахъ сердечной теплоты и нѣжности, — все это наводитъ юношу на мысль, что онъ забытъ и отвергнутъ, что Неронъ, быть можетъ, является его счастливымъ соперникомъ. Слышавшій весь этотъ разговоръ изъ своей засады императоръ имѣетъ, повидимому, всѣ основанія, чтобы быть довольнымъ достигнутыми имъ результатами, такъ какъ Британникъ уже усомнился въ вѣрности своей невѣсты. По уходѣ огорченнаго и взволнованнаго юноши, игравшая по принужденію эту недостойную комедію дѣвушка раздражается горькими рыданіями; она не хочетъ слушать любовныхъ изліяній Нерона и спѣшитъ удалиться къ себѣ въ комнату, чтобы тамъ, въ тишинѣ и уединеніи, оплакать свое горе. Но мы чувствуемъ, что она не оставитъ любимаго человѣка въ

заблужденіи, что, рано или поздно, она откроетъ ему всю истину. И дѣйствительно, вскорѣ Неронъ застаётъ Британника у ногъ Юніи, слышитъ пламенные признанія въ любви, убѣждается въ томъ, что его замысль—разъединить влюбленныхъ и овладѣть Юніей—потерпѣлъ неудачу. Мстительные и деспотическіе инстинкты съ особенною силою вспыхиваютъ въ его душѣ; послѣ бурной, полной драматизма сцены между нимъ и Британникомъ онъ велитъ заключить подъ стражу своего ненавистнаго соперника.

Но въ то время, какъ льстецы и наушники въ родѣ Нарцисса, готовые одобрять и поддерживать всѣ недостойные поступки и влеченія Нерона, въ томъ же дворцѣ, какъ мы видимъ, есть люди, осуждающіе его образъ дѣйствій. Честные и правдивые вельможи, въ родѣ Сенеки или Бурра, прекрасно обрисованнаго Расиномъ, еще осмѣливаются высказывать свое неодобреніе тѣмъ или другимъ отрицательнымъ дѣяніямъ молодого императора. Но главнымъ цензоромъ и судьей всѣхъ его поступковъ является суровая, гордая и властная Агриппина. На ея совѣсти, правда, лежитъ не мало порочныхъ дѣлъ, ей не къ лицу, повидимому, выступать въ роли защитницы правосудія и гуманности, возмущаться дурными или преступными задатками, которые обнаруживаетъ ея сынъ, въ значительной степени получившій ихъ по наслѣдству отъ своей безчеловѣчной матери. Если она дѣлается антагонисткою Нерона, такъ прежде всего изъ чувства оскорбленнаго самолюбія; она сознаетъ, что онъ ей всѣмъ обязанъ, что именно она сама, а не кто другой, возвела его на престолъ и отстранила законнаго наслѣдника; между тѣмъ, она начинаетъ замѣчать, что онъ тяготится ея совѣтами, хочетъ страхнуть съ себя ея вліяніе, избѣгаетъ ея присутствія. Въ началѣ трагедіи она тщетно добивается доступа въ комнату сына, чтобы потребовать отъ него отчета въ похищеніи Юніи и въ его намѣреніи развестись съ Октавіей, которую она сама предложила ему въ супруги. Гнѣвъ на сына заставляетъ ее съ большимъ сочувствіемъ отнестись теперь даже къ Британику, котораго она когда-то лишила престола. Ее не допускаютъ до Нерона, но то, что ей не удалось въ эту минуту, удастся ей впоследствии; въ четвертомъ актѣ мы находимъ прекрасно задуманную сцену между Нерономъ и Агриппиною, которая держитъ себя съ нимъ какъ госпожа и повелительница. „*Approchez-vous, Néron, et prenez votre place*“,—говоритъ она ему, садясь съ большимъ достоинствомъ и горделивою осанкою въ его присутствіи и указывая ему рукою то мѣсто, гдѣ онъ самъ долженъ

сѣсть. Слѣдующій затѣмъ эффектный и весьма обширный монологъ Агриппины (свыше ста стиховъ) кажется выхваченнымъ изъ какой-нибудь трагедіи Корнеля, который болѣе, чѣмъ кто-либо другой, обладалъ способностью обрисовывать такіе сильные, гордые, почти демоническіе женскіе образы. Агриппина напоминаетъ Нерону обо всѣхъ услугахъ, которыя она ему оказала, упрекаетъ его въ черной неблагодарности, громитъ его совѣтниковъ, которые стараются оттѣснить ее на второй планъ, наконецъ, переходитъ къ похищенію Юніа, требуя, чтобы онъ пустилъ дѣвушку на свободу и позволилъ ей соединиться съ любимымъ человѣкомъ. Неронъ уже настолько эмансипировался отъ вліянія матери, что ея слова не могутъ заставить его измѣнить свой образъ дѣйствій; но ея гордый и властный видъ, въ соединеніи съ авторитетнымъ тономъ, все же нѣсколько смущаютъ его; онъ не имѣетъ мужества прямо отказать ей и даетъ ей слово освободить Юніа, примириться съ Британникомъ и относиться къ ней самой какъ любящій сынъ. Въ дѣйствительности онъ задумалъ совершенно другое; онъ, правда, рѣшилъ призвать въ свой дворецъ Британника, но только для того, чтобы, подъ личиною дружбы и великодушія, тѣмъ вѣрнѣе погубить его. „J'em-brasse mon rival, mais c'est pour l'étouffer“. Услужливый, испорченный до мозга костей, Нарциссъ доставляетъ Нерону страшный ядъ, приготовленный волшебницей Локустой; нѣсколько минутъ тотъ колеблется, потому что его душа еще не огрубѣла совершенно, но Нарциссъ, не разъ напоминающій намъ Шекспировскаго Яго, умѣетъ такъ искусно повліять на него, разжигая его ревность, выставя простымъ предразсудкомъ боязнь общественнаго мнѣнія и приговора толпы, которая позволяетъ себѣ критиковать его дѣйствія и, главное, смѣяться надъ его артистическими вкусами, что Неронъ на нашихъ глазахъ окончательно поддается его коварнымъ напештываніямъ. Въ пятомъ актѣ Британникъ погибаетъ отъ поднесенной ему отравы, — погибаетъ за вулисами, такъ какъ французскій зритель эпохи Лудовика XIV не могъ допустить изображенія на сценѣ смерти отъ яда, да къ тому же необходимость соблюдать знаменитыя „единства“ не давала драматургу возможности перенести мѣсто дѣйствія въ залу, гдѣ происходитъ пиршество. Юніа, лишившись горячо любимого человѣка, дѣлается весталкою (Расину вполнѣ справедливо замѣчали, что онъ въ данномъ случаѣ погрѣшилъ противъ исторіи, такъ какъ въ весталки могли поступать только дѣвочки не старѣе десяти лѣтъ). Агриппина въ рѣзкихъ и суровыхъ выраженіяхъ заявляетъ въ лицо Нерону всю низость его поступка,

предсказываетъ, что постепенно онъ сдѣлается безжалостнымъ тираномъ и затѣмъ съ презрѣніемъ отсылаетъ его отъ себя, съ словами: „adieu, tu reux sortir!“ — „Да будетъ угодно богамъ, чтобы это было его послѣднее преступленіе!“ — и этими словами заканчиваетъ трагедію потрясенный всѣмъ происшедшимъ Бурръ; мы чувствуемъ, что въ глубинѣ души честный и безкорыстный вельможа сильно сомнѣвается въ исполненіи своего желанія.

Въ „Британникѣ“ есть, конечно, слабыя стороны; политическій элементъ мѣстами слишкомъ отодвинутъ на второй планъ въ угоду любовному; главный герой недостаточно типиченъ и интересенъ; Юнія съ ея горячею, беззавѣтною любовью къ несчастному юношѣ охарактеризована съ гораздо большимъ талантомъ, но она все же уступаетъ другимъ героинямъ Расина, въ родѣ Андромахи, Монины или Ифигеніи. Недостатки трагедіи искупаются, однако, ея художественными и психологическими достоинствами. Несмотря на отдѣльныя отступленія отъ исторіи, Расинъ сумѣлъ набросать правдивую, яркую картину привлекшей его вниманіе мрачной эпохи. Личность Нерона очень удалась ему; даже нѣсколько изысканныя, цвѣтистыя фразы, въ духѣ мадригаловъ и сонетовъ, которыя произноситъ въ любовныхъ сценахъ сынъ Агриппины, на этотъ разъ не производятъ страннаго впечатлѣнія, такъ какъ онѣ вполне умѣстны въ устахъ человѣка, соединявшаго низшіе инстинкты съ утонченною образованностью, мнившаго себя поэтомъ и актеромъ. О личности Агриппины было достаточно сказано выше; Расину никогда болѣе не удалось создать такого властнаго и цѣльнаго женскаго образа; только Говелія отчасти приближается къ нему. Представляютъ интересъ и совѣтники Нерона, изъ которыхъ одинъ является его добрымъ геніемъ; другой—его искусителемъ и главнымъ виновникомъ его постепеннаго паденія. Благородныя рѣчи Бурра, напоминающаго Нерону объ его обязанностяхъ, о необходимости бояться лести и ставить выше всего добродѣтель, запрашиваются на сравненіе съ идейными монологами на тему о призваніи идеальнаго монарха, которые занимаютъ почетное мѣсто въ трагедіяхъ XVIII вѣка. Мы всѣ хорошо знаемъ и высоко цѣнимъ замѣчательную сцену между Филиппомъ и Позою въ „Донъ-Карлосѣ“ Шиллера, но намъ не придетъ въ голову сравнить ее съ тѣмъ мѣстомъ въ „Британникѣ“, когда Бурръ приходитъ сказать горькую правду своему повелителю и, бросившись къ его ногамъ, подобно Позѣ, умоляетъ его не становиться тираномъ, падить своихъ подданныхъ, какъ онъ это дѣлалъ въ ранней

молодости, думать прежде всего объ ихъ благѣ. Нарциссъ легко могъ превратиться въ мелодраматическаго злодѣя, но Расинъ съумѣлъ сдѣлать изъ него живую, реальную фигуру, а не только олицетвореніе порочности и коварства.

Въ своемъ второмъ предисловіи къ трагедіи драматургъ заявляетъ, что надъ этою пьесою онъ поработалъ болѣе, чѣмъ надъ какою-либо другою. Дѣйствительно, и по слогу, и по детальной обрисовкѣ психологіи героевъ, и по тому искусству, съ которымъ въ ней охарактеризована цѣлая эпоха, эта пьеса принадлежитъ къ наиболѣе зрѣлымъ произведеніямъ Расина. Любопытно, что, несмотря на то, критическіе отзывы о „Британникѣ“ опять оказались очень суровыми и безпощадными. Стоитъ ознакомиться съ разборами трагедіи, сдѣланными послѣ ея постановки, Робинэ, Бурсо или Сентъ-Эвремонъ (ихъ содержаніе изложено въ извѣстной книгѣ Дельтура), чтобы поразиться тѣми мелкими придирками и педантическими замѣчаніями, въ которыхъ изошрялись тогдашніе критики, вмѣсто того, чтобы отмѣтить несомнѣнные достоинства пьесы, а также и дѣйствительно присущіе ей недостатки. Одни упрекали, напримѣръ, Расина въ мелкихъ отступленіяхъ отъ исторической правды, въ неумѣннн передавать то, что теперь называется *couleur locale*, закрывая глаза на то искусство, съ которымъ онъ возсоздалъ духъ и міросозерцаніе извѣстной эпохи. Другіе находили, что Неронъ въ изображеніи драматурга вышелъ слишкомъ порочнымъ, жестокимъ и коварнымъ; третьи, наоборотъ, утверждали, что онъ выведенъ въ трагедіи черезчуръ мягкимъ и слабымъ. Раздавались голоса въ томъ смыслѣ, что судьба „Британника“ вообще не годится какъ сюжетъ для драмы; одинъ изъ критиковъ, Робинэ, самъ написавшій трагедію на тотъ же сюжетъ, напротивъ того, доказывалъ, что дѣло не въ фабулѣ пьесы, а въ качествѣ ея обработки, и очень развязно расхваливалъ свою собственную пьесу, ставя ее выше трагедіи Расина. Поклонники Корнеля, какъ всегда, старались унижать и дискредитировать новое произведеніе Расина; по видимому, неодобрительно отнесся въ нему и самъ Корнель, по свидѣтельству Бурсо, присутствовавшій на первомъ представленіи въ отдѣльной ложѣ, между тѣмъ какъ въ партерѣ можно было различить фигуру Буало, съ сочувствіемъ и живымъ интересомъ слѣдившаго за всѣми перипетіями трагедіи. Нападки и придирчивыя замѣчанія, обрушившіяся на „Британника“, мучили и волновали Расина, который слишкомъ ясно показывалъ свое неудовольствіе и огорченіе, чѣмъ доставлялъ своимъ врагамъ и завистникамъ полное удовлетвореніе. Постояннымъ желаніемъ враж-

дебной партіи уколоть его самолюбіе объясняется тотъ необычайно рѣзкій тонъ, въ которомъ написано первое предисловіе къ „Британнику“. Здѣсь Расинъ очень прозрачно намекаетъ на Корнеля, говоря о старомъ, злобствующемъ поэтѣ, который осуждаетъ своихъ младшихъ собратьевъ по перу и старается вредить имъ, а самъ допускаетъ въ своихъ пьесахъ рядъ промаховъ, грубыхъ погрѣшностей противъ требованій художественнаго вкуса, безцеременныхъ отступленій отъ исторіи. Во всемъ этомъ была доля правды,—по крайней мѣрѣ, что касается позднѣйшихъ произведеній Корнеля; несомнѣнно, съ другой стороны, что, утомленный происками приверженцевъ стараго драматурга, иногда злоупотреблявшихъ его именемъ, тогда какъ онъ самъ не вмѣшивался въ борьбу литературныхъ партій,—Расинъ могъ почувствовать желаніе излить въ своемъ предисловіи всю желчь, которая накопилась въ его груди. Но рѣзкій тонъ, преобладающій въ этомъ предисловіи, снисходительно-покровительственное отношеніе Расина къ тому, кто все же былъ авторомъ „Сиды“, „Цинны“ и „Полюевкта“, не дѣлаетъ ему чести, какъ и нѣкоторые другіе его поступки. Такъ, онъ не долженъ былъ писать объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ французскихъ драматурговъ, которому онъ самъ былъ многимъ обязанъ.

Менѣе, чѣмъ черезъ годъ послѣ перваго представленія „Britannicus“, соперничество между Расиномъ и Корнелемъ проявилось въ еще болѣе рѣзкой и осязательной формѣ,—хотя и не по винѣ того или другаго драматурга. Дѣло въ томъ, что герцогиня Генріетта Орлеанская, свояченица Лудовика XIV, вызывавшая живой интересъ къ литературнымъ вопросамъ, покровительствовавшая Расину (ей онъ посвятилъ свою „Андромаху“) и довольно скептически относившаяся къ драматургамъ старой школы, съ Корнелемъ во главѣ, рѣшила устроить своеобразный турниръ между представителями двухъ враждующихъ теченій въ области французской драмы, поручивъ Корнелю и Расину написать одновременно двѣ трагедіи на одинъ и тотъ же сюжетъ, съ тѣмъ чтобы дворъ и публика рѣшили, которой изъ двухъ должно быть отдано предпочтеніе. Драматурги обязаны были работать вполнѣ самостоятельно и независимо одинъ отъ другаго, каждый по своему особому плану, сохраняя, однако, неизмѣнными основныя черты общей для нихъ обоихъ фабулы. Герцогиня указала и тотъ сюжетъ, который ей хотѣлось видѣть развитымъ и приспособленнымъ къ требованіямъ сцены: ея вниманіе привлекла исторія несчастной любви императора Тита къ дочери царя Агриппы іудейскаго, Береникѣ, освѣщенная въ па-

мнѣ французскаго общества XVII вѣка романомъ Сегрэ: „Bé-génice“. Страстно любя все трогательное, нѣжное, изящное, меланхолическое, герцогиня увлеклась рассказомъ объ участи прекрасной еврейки, которая не могла стать женою любимаго человека, уже считавшаго ее своею невѣстою, только потому, что римляне, съ давнихъ поръ привыкшіе относиться враждебно, даже съ отвращеніемъ, ко всѣмъ иноземнымъ царямъ и ихъ власти, не могли допустить мысли, что супругою ихъ императора сдѣлается дочь азіатскаго царя. Уступая желанію своего народа, ставя долгъ выше заботы о личномъ счастіи, Титъ принужденъ былъ противъ своей воли отослать глубоко огорченную, убитую разлукою съ нимъ Беренику на ея родину, — „invitus invitam“, читаемъ мы у Светонія, — и остался одиновимъ, несчастнымъ, съ неизлечимою раною въ сердцѣ. Помимо своего увлеченія этою незатѣливою, но трогательною фавулою, герцогиня Орлеанская остановила на ней свой выборъ еще и потому, что въ судьбѣ прекрасной Береники она находила черты сходства съ своею собственною участію; для придворныхъ не было тайною, что, не найдя счастья въ бракѣ и мечтая о сильной, неподдѣльной привязанности, она искренно полюбила Лудовика XIV, но впослѣдствіи сумѣла подавить въ себѣ это чувство, встрѣтившее съ его стороны взаимность, боясь, чтобы оно не сдѣлалось источникомъ семейныхъ распрей и осложненій всякаго рода. Теперь она смутно надѣялась, что драматурги сумѣютъ ввести въ свои трагедіи нѣкоторые отголоски ея собственнаго романа, съ которыми легко было сопоставить другую любовную исторію короля—его отношенія къ Маріи Манчини, едва не приведшія къ браку, но кончившіяся такимъ же грустнымъ, вынужденнымъ разрывомъ и томительною разлукою, какъ и любовь Тита къ Береникѣ, или того же Лудовика къ Генріэттѣ. Можно съ увѣренностью сказать, что больше надеждъ герцогиня возлагала въ данномъ случаѣ на Расина, зная его за талантливаго изобразителя женской психологіи, дѣня въ немъ драматурга съ гораздо болѣе мягкимъ, чувствительнымъ и нѣжнымъ колоритомъ таланта, чѣмъ у Корнеля.

Въ концѣ 1670 года обѣ пьесы были готовы; 21-го ноября въ Hôtel de Bourgogne поставлена была трагедія Расина „Bé-génice“; недѣлю спустя, въ „Палé-Роялѣ“ состоялось первое представленіе трагедіи Корнеля — „Tite et Bé-génice“. Герцогиня Орлеанской уже не пришлось присутствовать на этихъ спектакляхъ, осуществившихъ ея мечту о состязаніи между двумя замѣчательными французскими драматургами XVII вѣка: она умерла скоро-

постижно 30-го іюня того же года, всего 26-ти лѣтъ отъ роду. Понятно, какой интересъ должны были возбуждать эти спектакли въ кругу сторонниковъ старой и новой школы; и тѣ, и другіе надѣялись одержать побѣду, и партія Корнеля, напимѣрь, заранѣе рекламировала его пьесу, предсказывая ей блестящій успѣхъ. Побѣдителемъ изъ этого состязанія вышелъ, однако, Расинь, потому что его пьеса произвела гораздо болѣе сильное впечатлѣніе на публику, чѣмъ лишенный непосредственнаго чувства, истинной поэзіи и тонкихъ психологическихъ наблюденій продуктъ творчества Корнеля, съ его запутанною интригою, чрезмѣрнымъ количествомъ дѣйствующихъ лицъ и холоднымъ, разсудочнымъ колоритомъ. Герцогиня Орлеанская, если бы ей удалось дожить до этихъ двухъ представленій, конечно, была бы довольна исходомъ организованнаго ею состязанія! Лудовикъ XIV, кажется, узнавшій себя въ образѣ Тита, Кондэ и многія другія лица, не исключая, на этотъ разъ, и г-жи Севиньё, убѣжденной сторонницы старой школы, нѣсколько скептически относившейся всегда къ Расину и его трагедіямъ, высказались въ очень сочувственномъ смыслѣ о „Bérénice“. Партія Корнеля, конечно, не хотѣла признать себя побѣжденною; она утверждала, что успѣхъ трагедіи Расина объясняется только тѣмъ обстоятельствомъ, что труппа Hôtel de Bourgogne лучше играетъ пьесы трагическаго репертуара, чѣмъ труппа Мольера, и главная роль была исполнена на этотъ разъ даровитою Шанмелэ. Критическіе отзывы о „Bérénice“ (аббата Дювилльера, Шапелля и др.) носятъ не менѣе враждебный и рѣзкій характеръ, чѣмъ разборы предъидущихъ пьесъ Расина,—и опять драматургъ, въ сожалѣнію, не скрылъ въ своемъ предисловіи вполне понятной, конечно, досады, вызванной въ его душѣ нападками противниковъ и особенно Дювилльера, котораго онъ обвиняетъ въ невѣжествѣ и отсутствіи вкуса. Споры о томъ, какая изъ двухъ трагедій написана съ большимъ талантомъ, довольно долго занимали парижскіе литературные круги, являясь своего рода „злобою дня“. Даже въ 1673 году вопросъ еще не считался окончательно рѣшеннымъ, о чемъ свидѣтельствуетъ изданная въ Утрехтѣ пьеса „Tite et Titus ou les Bérénice“; это незамысловатый фарсъ, въ которомъ дѣйствіе происходитъ на Парнассѣ, при чемъ Аполлонъ и музы обсуждаютъ въ легкой формѣ достоинства и недостатки обѣихъ трагедій, Талія высказывается за пьесу Корнеля, Мельпомена защищаетъ Расина, появляются и самыя дѣйствующія лица той и другой пьесы, а въ концѣ Аполлонъ произноситъ свой окончательный приговоръ,—въ общемъ, скорѣе благопріят-

ный Расину. Нельзя не согласиться, однако, съ тѣмъ, что отдѣльныя замѣчанія, высказанныя критикою XVII столѣтїя, несмотря на всю ея придирчивость и мелочность, — на примѣръ, относительно отсутствїя настоящаго дѣйствїя въ трагедїи, — все же заключали въ себѣ извѣстную долю правды.

„Bérénice“ часто сравнивали съ драматическою элегіею или поэмою („Bérénice—la plus délicieuse, mais aussi la plus noble élégie qu'il y ait dans la langue française“, — говоритъ Брюнетьеръ), и дѣйствительно, къ ней нельзя предъявлять такихъ требованій, какія обыкновенно предъявляются къ трагедїямъ. Дѣйствїя въ пьесѣ нѣтъ почти никакого, и можно только удивляться тому, что Расинъ сумѣлъ занять пять актовъ развитіемъ такой простой, несложной фабулы. Главный элементъ въ „Bérénice“ — чисто психологическій; драматургъ сознательно не ввелъ въ свое произведеніе эффектныхъ, сильныхъ сценъ, неожиданныхъ осложненій или конфликта между двумя дѣйствующими лицами, каковой изобразилъ Корнель въ „Tite et Bérénice“, противопоставляя честолюбивую и гордую Домицію благородной, способной на самоотверженіе Беренигѣ. Расинъ хотѣлъ только воссоздать нравственныя терзанія двухъ несчастныхъ людей, которые, горячо и нѣжно любя другъ друга, все же должны разстаться, онъ — чтобы не сдѣлаться нарушителемъ законовъ и врагомъ своихъ подданныхъ, она — чтобы не разбить жизнь любимаго человѣка. Но въ пьесѣ Расина есть еще третій скорбный, страдальческій образъ, — мы говоримъ о комагенскомъ царѣ Антиохѣ, давно уже тайнѣ безнадежно любящемъ Беренику, то предающемуся смутнымъ надеждамъ, то впадающему въ мрачное отчаяніе. На этихъ трехъ лицахъ сосредоточивается весь интересъ трагедїи. Съ самаго же начала Расинъ позволяетъ намъ заглянуть въ душу Тита, который уже сознаетъ, что онъ долженъ уступить желанію римскаго народа и отослать отъ себя Беренику, но чувствуетъ, что не въ силахъ разстаться съ нею и объявить ей, что ихъ бракъ никогда не состоится. Онъ пробуетъ хоть нѣсколько подготовить ее, сіяющую, полную свѣтлыхъ грезъ о любви, къ тому удару, который ее ожидаетъ, — но онъ не кончаетъ начатой фразы, языкъ отказывается ему служить, смущеніе выдаетъ его, и онъ поспѣшно уходитъ со сцены, такъ какъ не можетъ произнести роковыхъ словъ. Береника начинаетъ смутно догадываться о томъ, что ей грозитъ какая-то бѣда; вскорѣ она узнаетъ всю правду отъ Антиоха, которому Титъ, не зная объ его чувствахъ по отношенію къ іудейской царицѣ, самъ поручилъ повидаться съ нею и раскрыть ей причину той грусти, которою томится

за послѣднее время ея возлюбленный. Впечатлѣніе, которое слова Антіоха производятъ на страстную, живущую только своею любовью женщину, мастерски передано Расиномъ. Конечно, Береника не повинетъ Рима, не повидавшись въ послѣдній разъ съ любимымъ человѣкомъ; въ четвертомъ актѣ трагедіи мы находимъ сцену рѣшительнаго объясненія между нею и Титомъ; императоръ старается хоть сколько-нибудь оправдать свой поступокъ государственною необходимостью, ссылается на свою зависимость отъ мнѣнія сената и римскаго народа, говоритъ о подчиненіи законамъ,—но мы чувствуемъ, что онъ все время глубоко страдаетъ, что его доводы не кажутся убѣдительными ему самому, что еще немного,—и онъ забудетъ все на свѣтѣ, скорѣе откажется отъ власти и могущества, чѣмъ лишится любви Береники. Когда же она напоминаетъ ему о той любви, которую она ему выказывала, упрекаетъ его въ неблагодарности, говоритъ о своей близкой смерти, о томъ, что она не станетъ думать о мести, что единственными мстителями за ея слезы и отчаяніе будутъ угрызенія его совѣсти, мы ясно видимъ, что его рѣшимость колебалась, и онъ готовъ снова поддаться внушенію своего сердца. Въ это самое время приходитъ ему сказать, что сенатъ, трибуны и консулы хотятъ его видѣть; онъ сразу понимаетъ, о чемъ идетъ рѣчь, догадывается, что его будутъ просить разстаться съ Береникой. Соблюденіе единства мѣста не позволило Расину показать зрителю ту залу, гдѣ собрались представители римскаго народа, и вывести Тита,—говорящимъ рѣчь, которая вызываетъ общій восторгъ и энтузіазмъ. Только изъ словъ наперсника Антіоха, Арзаса, мы узнаемъ о томъ, что Титъ далъ сенату обѣщаніе отпустить Беренику на ея родину. Но когда Титъ снова появляется въ концѣ пятаго акта, и между нимъ и царицей происходитъ послѣднее объясненіе, мы узнаемъ, наконецъ, всю правду, узнаемъ, что онъ не все сказалъ сенату, что, отказавшись отъ надеждъ на бракъ съ любимой женщиною, онъ въ ту же самую минуту рѣшилъ покончить съ собою, слѣдуя примѣру столькихъ славныхъ римлянъ. Береника поражена силою и непосредственностью его чувства; еще недавно она готова была сомнѣваться въ немъ, допускала мысль, что онъ ее разлюбилъ, разъ онъ можетъ требовать, чтобы она его покинула навсегда; она сдѣлала нарочно видъ, будто хочетъ лишиться себя жизни,—чтобы только испытать, дѣйствительно ли онъ дорожитъ ею. Теперь она вполне вѣритъ ему, знаетъ, что онъ не охладѣлъ къ ней,—и съ нею этого довольно; она сумѣла одержать трудно ей доставшуюся побѣду надъ собою, отказалась отъ свѣт-

лыхъ грезъ о счастьѣ; она безропотно покинетъ Римъ, съ тяжелою раною въ сердцѣ, обрекая себя на грустную, одинокую жизнь вдаль отъ любимаго человѣка. Пусть же и онъ сдѣлаетъ надъ собою усиліе, поборетъ свое чувство къ ней, пожертвуетъ своимъ личнымъ счастьемъ, разъ этого требуютъ его призваніе и санъ, принудить себя жить, вѣчно страдая, и не станетъ болѣе думать о самоубійствѣ. Несчастливымъ, одинокимъ остается и Антиохъ, не менѣе искренно, чѣмъ Титъ, любившій Беренику; одно время, когда до него дошла вѣсть, что она собирается покинуть Римъ, огорченная и разгнѣванная поступкомъ императора, въ его душѣ ожила надежда на то, что его чувство встрѣтитъ, наконецъ, взаимность со стороны одинокой, страдающей женщины; когда же онъ видитъ, что, несмотря на свое намѣреніе разстаться съ Титомъ, она продолжаетъ любить его, отчаянне овладѣваетъ душою Антиоха, и онъ также хочетъ положить на себя руки. Но Береника останавливаетъ его въ то время, какъ онъ собирается привести въ исполненіе свой замыселъ; она проситъ его, если онъ дѣйствительно ее любитъ, послѣдовать ихъ примѣру, покориться судьбѣ, остаться жить, несмотря на тоску, терзающую его сердце. Пусть они трое покажутъ міру образецъ самой несчастной любви, какая только была на свѣтѣ, — „Servons tous trois d'exemple à l'univers—De l'amour la plus tendre et la plus malheureuse — Dont il puisse garder la mémoire douloureuse“.

Если вообще можно говорить о „романтизмѣ классиговъ“, — одною изъ наиболѣе пронизанныхъ романтическимъ духомъ пьесъ слѣдуетъ признать „Bérénice“. Это—трагедія томной грусти, меланхолиі, мечтательности, неумовимыхъ сердечныхъ порывовъ, обманутыхъ надеждъ, самоотреченія. Общій характеръ эпохи, которую затрогиваетъ пьеса, переданъ на этотъ разъ очень слабо: передъ нами, конечно, не настоящіе римляне, съ ихъ характерными особенностями, столь ярко обрисованными въ предъидущей трагедіи Расина. Титъ мало напоминаетъ того монарха-филантропа, друга своихъ подданныхъ, какимъ его знаетъ и цѣнитъ потомство, или какимъ его возвеличили писатели XVIII вѣка, видѣвшіе въ немъ олицетвореніе идеи просвѣщеннаго абсолютизма; у Расина онъ выведенъ только *человѣкомъ*, способнымъ на искреннее и горячее чувство, не свободнымъ отъ колебаній и слабостей, въ концѣ допускающимъ мысль о самоубійствѣ, которая никогда не пришла бы въ голову настоящему Титу. Но достоинство „Bérénice“ именно и состоитъ въ томъ, что это вполне современная, по общему духу, пьеса, несмотря на попа-

дающіяся въ ней римскія имена и ссылке драматурга на авторитет Светонія. Наименѣе сценичная трагедія Расина ближе и понятнѣе для насъ многихъ другихъ его произведеній. Детальный анализъ душевныхъ настроеній и аффектовъ, который мы находимъ въ „Bérénice“, предвѣщаетъ психологическую трагедію новѣйшаго времени. Наконецъ, языкъ пьесы отличается на этотъ разъ особымъ изяществомъ, благозвучностью и поэтическимъ колоритомъ; даже въ чтеніи красоты слога невольно бросаются въ глаза всякому непредубѣжденному человѣку.

Послѣ неудачнаго для старой школы исхода состязанія между двумя драматургами, организованнаго герцогинею Орлеанскою, отношеніе Корнеля къ его даровитому сопернику не могло, конечно, стать болѣе сочувственнымъ и благосклоннымъ. Когда, въ январѣ 1672 года, на сценѣ Hôtel de Bourgogne поставлена была новая трагедія Расина, „Bajazet“, стоящая совершенно особнякомъ среди его произведеній и переносящая мѣсто дѣйствія въ Турцію XVII вѣка, Корнель, присутствовавшій на спектаклѣ, по преданію, замѣтилъ, обращаясь къ сидѣвшему рядомъ съ нимъ Сегрэ, что въ трагедіи дѣйствующими лицами являются не турки, а французы, одѣтые въ турецкіе востюмы. Подобный упрекъ производитъ нѣсколько странное впечатлѣніе въ устахъ Корнеля; правда, его поклонники старались доказать, что онъ соблюдалъ, какъ никто, вѣрность исторіи, воссоздавалъ въ точности національныя и племенные особенности своихъ героевъ, высоко ставилъ то, что мы теперь назвали бы мѣстнымъ колоритомъ. Это мнѣніе можетъ быть, однако, принято лишь съ весьма существенными оговорками, потому что, напримѣръ, римляне Корнеля, какъ справедливо замѣтилъ Дешанель, представляютъ собою все же нѣсколько условныя, хотя и замѣчательно талантливо обрисованныя образы, слишкомъ ясно выдающіе иногда свое родство съ героями испанскихъ трагедій или вліяніе на нихъ теоретическихъ сочиненій, посвященныхъ римскому народу, въ родѣ извѣстнаго разсужденія Бальзака. Что касается „Баязета“, то, разумѣется, нельзя считать эту трагедію вполне точною картиною турецкой жизни, яркимъ и разностороннимъ воспроизведеніемъ мусульманскаго востока, — какъ это утверждалъ еще недавно Жюль Лемэтръ (rien n'est plus turc, que „Bajazet“, говоритъ онъ, между прочимъ); драматургу пришлось многое сгладить и смягчить, чтобы не возмутить нравственнаго и художественнаго вкуса французскихъ зрителей, ко-

торые были бы неприятно поражены неприкрашенною картиною порочныхъ и жестокихъ турецкихъ нравовъ. Тѣмъ не менѣе, въ свое время пьеса Расина явилась доказательствомъ его значительной смѣлости и предприимчивости.

Правда, до „Баязета“ существовало уже шесть или семь французскихъ пьесъ изъ турецкой исторіи,—но постепенно въ кругу драматурговъ возобладало мнѣніе, что сюжетомъ для трагедіи можетъ послужить только событіе, относящееся къ отдаленному прошлому, а отнюдь не современное; между тѣмъ, въ „Баязетѣ“ изображаются факты, случившіеся, сравнительно, незадолго передъ тѣмъ; въ предисловіи къ трагедіи Расинъ ссылается не на какіе-нибудь историческіе труды, какъ обыкновенно, а на слова французскаго посланника въ Константинополь, лично видѣвшаго Баязета и знавшаго его исторію (онъ могъ бы сослаться вкстати на повѣсть Сегрэ, гдѣ также излагалась трагическая участь несчастнаго принца). Когда пьеса была поставлена въ Hôtel de Bourgogne, актеры, въ видѣ исключенія, появились одѣтыми не во французскіе или испанскіе, а въ непривычныя для зрителей турецкіе костюмы. Единственная трагедія Расина, затрогивающая современную жизнь, занимаетъ такое же исключительное положеніе въ его творествѣ, какъ и его единственная комедія,—но она представляетъ все же безспорный интересъ. Даже съ современной точки зрѣнія, отдѣльныя детали турецкихъ нравовъ и мусульманскаго міросозерцанія переданы имъ вполне вѣрно. Любопытно, что Расинъ счелъ все же нужнымъ какъ бы оправдаться передъ своими читателями и зрителями въ томъ, что онъ отважился обработать современный сюжетъ; онъ доказываетъ въ своемъ второмъ предисловіи, что отдаленіе въ пространствѣ равносильно отдаленію во времени, что внутренній строй Турціи кажется отдѣленнымъ отъ французскаго нѣсколькими вѣками, наконецъ, ссылается на примѣръ Эсхила, воссоздавшаго въ трагедіи „Персы“ современный ему востокъ и сдѣлавшаго однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ мать Ксеркса, тогда еще не умершую.

„Вајазет“ переноситъ насъ въ міръ придворныхъ интригъ, дворцовыхъ революцій и тайныхъ преступленій, въ деморализованную, отсталую среду, которая очень мало совершенствуется и поддается культурѣ, несмотря на то, что вѣка проносятся, одинъ за другимъ, надъ мрачными, неприступными стѣнами сералей и гаремовъ. Общій характеръ того замкнутаго, всегда нѣсколько таинственнаго міра, какой представляютъ собою дворы восточныхъ государей, переданъ вѣрно въ трагедіи Расина, несмотря

на смягченіе и ретушовку отдѣльныхъ деталей. Самый сюжетъ сохраняетъ нѣкоторыя типично восточныя черты; что сказать, напримѣръ, объ этомъ султанѣ Амуратѣ (Мурадѣ), который, отправляясь въ походъ противъ Персіи, даетъ своей любимой подругѣ Роксанѣ порученіе избавить его, рукою убійцы, отъ его родного брата, Баязета,—только потому, что тотъ можетъ когда-нибудь стать его соперникомъ и предъявить права на престолъ! Роксана не исполняетъ тотчасъ же этого призыванія, такъ какъ она полна дикой, неукротимой, вполне чувственной любви къ прекрасному юношѣ, хочетъ спасти его, помочь ему взойти на престолъ, сдѣлать его своимъ супругомъ, свергнуть Амурата и повончить съ нимъ. Но она видитъ съ его стороны только холодность и равнодушіе, узнаетъ, что онъ любитъ другую, перехватываетъ случайно нѣжное письмо, написанное имъ его возлюбленной Аталидѣ (въ повѣсти Сегрѣ—Floridan),—и ея страсть быстро переходитъ въ непримиримую вражду и ненависть; она рѣшается воспользоваться властью надъ жизнью и смертю Баязета, которую ей предоставилъ султанъ; сдѣлавъ послѣднюю попытку склонить юношу на свою сторону, прельстивъ его заманчивою перспективою блеска и почета, пробудить и въ его сердцѣ хоть нѣкоторый отблескъ ея страстному, бурному влеченію, и видя, что онъ остается непреклоннымъ, Роксана произноситъ холоднымъ и коварнымъ тономъ свое знаменитое: „Sortez!“—хорошо зная, что тутъ же, за дверями, стоятъ получившіе отъ нея опредѣленную инструкцію люди, которые должны немедленно повончить съ нимъ. Но вскорѣ она сама дѣлается жертвою крутой и мстительной турецкой политики,—она погибаетъ отъ руки убійцы, Орвана, тайно присланнаго Амуратомъ, который узналъ, что Роксана замедлила съ исполненіемъ его призыванія и стала покровительствовать Баязету, и велѣлъ Орвану избавить его одновременно и отъ нея, и отъ брата. Послѣдняго, впрочемъ, уже не оказалось въ живыхъ,—онъ былъ ранѣе этого убитъ по повелѣнію разгнѣванной Роксаны. Узнавъ о гибели любимаго человѣка, Аталида лишаетъ себя жизни. Ни въ одной пьесѣ Расина нѣтъ такого количества смертей, какъ въ „Bajazet“.

Въ дѣлѣ оцѣнки художественныхъ достоинствъ этой, во всякомъ случаѣ, своеобразной трагедіи—критики не отличались до сихъ поръ полнымъ единодушіемъ. Между тѣмъ какъ нѣкоторые ставятъ ее очень высоко, другіе относятъ ее къ болѣе слабымъ продуктамъ творчества Расина; въ прошломъ столѣтіи Лагаршъ прямо назвалъ ее второстепеннымъ произведеніемъ. Несомнѣнно, что характеръ главнаго героя въ общемъ не

удался драматургу; это — довольно блѣдная и безжизненная личность, въ которой турецкія и французскія черты соединены не всегда искусно. Не удовлетворяетъ насъ и Аталида, которая, не обладая сильною и неукротимою натурою Герміоны или Агриппины, лишена, вмѣстѣ съ тѣмъ, идеальной чистоты и чарующей прелести Андромахи или Береники. Намъ нѣсколько странно видѣть ее, напримѣръ, соглашающуюся на бракъ Баязета съ немилой ему Роксаною, даже умоляющею его вступить въ этотъ бракъ, — только съ тѣмъ, чтобы не лишиться любимаго человѣка и спасти его отъ гнѣва и мести разъяренной женщины. Но характеристика самой Роксаны вышла у Расина необыкновенно яркой; передъ нами дѣйствительно страстная, полудикая турчанка, понимающая любовь въ самомъ грубомъ, животномъ смыслѣ, проводящая свои дни въ душевной, растлѣвающей атмосферѣ гарема, воспитанная въ мѣрѣ интригъ и преступленій. Ее никакъ нельзя принять за французенку изъ высшаго парижскаго общества эпохи Людовика XIV. Конечно, драматургъ реалистической школы обрисовалъ бы еще болѣе рѣзкими штрихами жестокость, грубую чувственность и властолюбивые инстинкты Роксаны; но все же Расинъ съумѣлъ въ значительной степени, отрѣшиться на этотъ разъ отъ міросозерцанія француза и христіанина, перенестись въ душу уроженки не затронутой культурою востока, возсоздать послѣдовательные моменты въ развитіи ея страсти, переходящей отъ нѣжныхъ, ласкающихъ рѣчей (вспомнимъ знаменитую фразу: „*Vaizet, écoutez, — je sens que je vous aime*“) къ угрозамъ покончить съ юношею и погубить его, если онъ осмѣлится не отвѣчать на ея любовь, и вспыхкамъ дикой ревности, когда она узнаетъ объ его любви къ Аталидѣ. Удачно обрисованъ и старый визирь Авоматъ; это типичный азіатскій вельможа и политикъ, изощрившійся въ борьбѣ съ придворными интригами и самъ, если это ему нужно, не брезгающій ими, прекрасно изучившій людей, прислушивающійся только къ голосу своего разсудка, храбрый на войнѣ, остроумный, настойчивый и честолюбивый. Онъ первый обращаетъ вниманіе Роксаны на красоту Баязета, и становится затѣмъ ея союзникомъ и душою того заговора, который долженъ свергнуть съ престола Амурата и сдѣлать Баязета султаномъ.

На востокъ переносить насъ и слѣдующая трагедія Расина, воспроизводящая, однако, уже не современную автору дѣйствительность, а историческія событія, эпоху борьбы римлянъ съ

азиатскими властителями, въ родѣ Митридата Понтійскаго или Тиграна Армянскаго, которые не разъ давали отпоръ римскому могуществу и временно приобрѣтали сами большую силу, объединяя свои земли или расширяя границы своихъ государствъ. Впрочемъ, какъ справедливо замѣчаютъ Дешанель и Робэръ, востокъ мѣняется очень медленно, и тѣ нравы, порядки, деспотическія замашки и проявленія жестокости, которые мы находимъ въ „Bajazet“, напоминаютъ нѣкоторыя детали въ „Mithridate“, несмотря на то, что на этотъ разъ дѣйствіе происходитъ въ первомъ вѣкѣ до Р. X. Центральною фігурою въ трагедіи является знаменитый властитель Понта, проведеній всю жизнь въ походахъ и ожесточенной борьбѣ съ врагами, особенно съ римлянами, которыхъ онъ ненавидитъ всею душою. Въ началѣ мы видимъ его побѣжденнымъ, разбитымъ и обезсиленнымъ, но его неукротимый духъ не можетъ примириться съ крушеніемъ его грандіозныхъ плановъ, смѣлые замыслы по прежнему бродятъ въ его умѣ, и въ знаменитой сценѣ третьяго акта онъ произноситъ, въ присутствіи своихъ сыновей, Ксифареса и Фарнава, блестящую, эффектную рѣчь въ духѣ лучшихъ трагедій Корнеля, въ которой развиваетъ свой новый проектъ собрать громадныя силы, перейти отъ оборонительной войны къ наступательной и предпринять смѣлый походъ въ Европу, чтобы разрушить и унижить ненавистный ему Римъ. Митридату больно видѣть, что одинъ изъ его сыновей, Фарнакъ, относится совершенно равнодушно къ его планамъ, считаетъ сопротивленіе бесполезнымъ, открыто держитъ сторону враговъ. Зато Ксифаресъ унаслѣдовалъ отъ отца геройскій духъ, любовь къ родинѣ, жажду славы; онъ съ радостью готовъ принять участіе въ походѣ на римлянъ и высказываетъ полное сочувствіе отцу, въ то время, какъ Фарнакъ говоритъ о необходимости покориться, а затѣмъ уже открыто становится на сторону римлянъ, вступаетъ въ союзъ съ ними, коварно приводитъ ихъ отряды въ столицу Митридата; Нимфею, и окружаетъ ими дворецъ въ то самое время, какъ понтійскій царь мечтаетъ о своемъ грандіозномъ походѣ и завоеваніи Италиі. Митридатъ погибаетъ въ стычкѣ съ врагами смертью героя; Ксифаресъ также борется, какъ достойный сынъ своего отца, съ римскими отрядами, пока они не обращаются въ бѣгство (конечно, все это происходитъ за сценою) и даетъ умирающему царю клятву—продолжать начатую имъ борьбу съ врагомъ и жестоко отомстить за его смерть.

Личность Митридата-бойца, заваленнаго въ сраженіяхъ, неутомимаго и горделиваго, очень удалась Расину. Но понтійскій

царь обрисованъ въ трагедіи не только какъ полководецъ и патриотъ,—онъ выступаетъ и въ роли частнаго лица, съ извѣстными слабостями, недостатками, вспышками ревности, проявленіями эгоизма. Въ этомъ случаѣ не всегда можно согласиться съ драматургомъ, который мѣстами приписываетъ геніальному человѣку недостойныя его славы поступки, мелкія уловки, беззащитное притворство, хотя, въ общемъ, характеристика чувствъ и порывовъ стараго, но еще не охладѣвшаго въ житейскимъ благамъ человѣка, дѣлающагося соперникомъ своего родного сына (какъ часто будетъ со временемъ затрогиваться подобная ситуація въ литературныхъ произведеніяхъ всѣхъ стран!), представляетъ извѣстный интересъ и выдѣляетъ „Mithridate“ изъ числа трагедій Расина. Въ самомъ началѣ пьесы мы знакомимся съ характеромъ невѣсты Митридата, Монины,—одной изъ наиболѣе симпатичныхъ, женственно-прекрасныхъ героинь французскаго драматурга. Еще до того времени, какъ она встрѣтилась въ первый разъ съ Митридатомъ, она узнала его сына, Ксифареса, и чувство искренней любви вспыхнуло въ сердцахъ молодыхъ людей. Судьба не благопріятствовала имъ, они не имѣли даже случая открыть другъ другу свою любовь; тѣмъ временемъ, могущественный Митридатъ, ничего не знавшій о чувствахъ своего сына, плѣнился ея красотою и пожелалъ сдѣлать ее своею супругою, твердо увѣренный, что его желаніе будетъ исполнено, и никто не осмѣлится противорѣчить его волѣ. Онъ не ошибся въ этомъ; вроткая, безответная Монима дала себя убѣдить и направилась въ Нимфею, уже въ качествѣ невѣсты властителя Понта, хотя тайная любовь въ Ксифаресу не умерла въ ея сердцѣ. Но въ ея судьбѣ вскорѣ начинаетъ играть роль и третье лицо,—неистовый Фарнакъ, пораженный ея красотою, также влюбляется въ нее до безумія и хочетъ, во что бы то ни стало, покорить ея сердце. Въ началѣ трагедіи всѣ считаютъ Митридата погибшимъ въ борьбѣ съ римлянами, вопросъ о наследникѣ престола невольно привлекаетъ общее вниманіе, но Ксифаресъ и Фарнакъ соперничаютъ не только изъ-за правъ на корону,—мы чувствуемъ, что между ними должно вскорѣ произойти столкновеніе изъ-за прекрасной Монины, которая теперь оказывается свободною, не связанною болѣе никакими обязательствами. Ксифаресъ чтитъ память отца, но, зная, что Монима должна была выйти замужъ безъ любви, изъ одной только покорности, не считаетъ долге нужнымъ скрывать отъ нея свое чувство; мы видимъ, однако, что онъ отнюдь не хочетъ стѣснять ея свободу, преслѣдовать ее своею любовью, торопить съ заключеніемъ брака,

хотя и узнаетъ отъ нея самой, въ своей великой радости, что пользуется взаимностью. Совсѣмъ не то Фарнакъ: слыша о гибели Митридата, онъ тотчасъ же рѣшаетъ завладѣть плѣнницей его женщиною, въ настойчивой, не терпящей возраженій формѣ излагаетъ ей свои намѣренія насчетъ будущаго, раскрываетъ свою грубую, неукротимую страсть, готовъ прибѣгнуть къ насилію, лишь бы только заставить ее стать его женою.

Но вотъ приходитъ вѣсть о томъ, что Митридатъ живъ и возвращается въ Нимфею, — вѣсть, какъ громомъ поражающая Монию, Ксифареса и Фарнака. Разбитому римлянами полководцу приходится, вернувшись на родину, не только убѣдиться въ томъ, что одинъ изъ его сыновей не сочувствуетъ его взглядамъ и замышляетъ измѣну, но еще узнать отъ довѣреннаго лица о томъ, что этотъ же сынъ осмѣлился грозить Мониѣ и преслѣдовать ее своими страстными признаніями. Ксифареса онъ, наоборотъ, продолжаетъ считать какъ надежнымъ союзникомъ и единомышленникомъ, такъ и преданнымъ, почтительнымъ сыномъ. Но когда онъ приказываетъ схватить и бросить въ тюрьму Фарнака за его желаніе овладѣть Мониюю, тотъ, не отрицая болѣе своей вины, заявляетъ, однако, въ то время, когда стража уже ведетъ его въ темницу, что если онъ виновень, то и Ксифаресъ заслуживаетъ наказанія, такъ какъ онъ тоже любитъ Монию и признавался ей въ своемъ чувствѣ. Митридатъ сначала не хочетъ вѣрить этимъ словамъ, принимаетъ ихъ за клевету или извѣтъ озлобленнаго Фарнака, завидующаго своему брату; постепенно чувство ревности закрадывается, однако, въ его душу; мысль о томъ, что Монию, быть можетъ, и теперь отдаетъ втайнѣ предпочтеніе молодому, красивому Ксифаресу, а его любовь выносить только какъ неизбежное зло, начинаетъ мучить и терзать его. Тогда онъ прибѣгаетъ къ недостойному маневру: бесѣдуя съ Мониюю, онъ дѣлаетъ видъ, будто находитъ себя уже слишкомъ старымъ, чтобы жениться на ней, возвращаетъ ей данное ею слово и предлагаетъ ей стать женою Ксифареса, который лучше его сумѣетъ доставить ей истинное счастье. Привыкшая до сихъ поръ только повиноваться, мало испытавшая въ своей жизни счастливыхъ минутъ, женщина не хочетъ вѣрить своимъ ушамъ, и радость, отражающаяся на ея лицѣ, даже раньше ея откровеннаго признанія, выдаетъ Митридату завѣтную тайну ея души. Узнавъ такимъ неблаговиднымъ путемъ всю правду, Митридатъ рѣшаетъ отомстить Ксифаресу, который, вѣроятно, былъ бы заключенъ въ темницу или даже лишенъ жизни, если бы внезапное нападеніе римлянъ не заста-

вило царя нуждаться въ помощи юнаго героя и сдѣлать его своимъ союзникомъ въ борьбѣ съ ненавистными врагами. Но онъ рѣшилъ погубить Монику, мстя ей въ своемъ ослѣпленіи за то чувство, которое зародилось въ ея душѣ еще до встрѣчи съ нимъ и осталось бы навсегда скороненнымъ тамъ, еслибы не его коварный и недостойный образъ дѣйствій. Негодование и горе несчастной женщины, когда она узнаетъ о томъ, что она сдѣлала помимо своей воли, не разгадавъ во-время хитрости Митридата, не поддаются описанію. „Quoi, seigneur! vous m'auriez donc trompée?“ — восклицаетъ она, и мы чувствуемъ, что она еще не хочетъ вѣрить въ справедливость своего предположенія. Когда же Митридатъ признается, что хотѣлъ ее испытать и принудить сказать всю правду, когда онъ заявляетъ ей, что готовъ ее „простить“ и сдѣлать все же своею женою, потому что онъ продолжаетъ ее любить, — въ кроткой и покорной душѣ Моники неожиданно пробуждается чувство оскорбленной гордости и несвойственной ей раньше рѣшительности; она не хочетъ добровольно соглашаться на бракъ съ человѣкомъ, такъ безжалостно посмѣявшимся надъ нею, вырвавшимъ у нея признаніе въ любви къ другому, и заявляетъ, что покорится только силѣ и принужденію. Митридатъ умѣетъ мстить своимъ врагамъ, какъ настоящій азіатскій правитель; объятый ревностью и злобой, онъ присылаетъ отвергшей его женщины черезъ своего наперсника кубокъ съ ядомъ, требуя, чтобы она немедленно осушила его. Моника съ радостью готова выпить этотъ кубокъ, потому что жизнь давно утратила для нея всякую прелесть, но въ это время прибѣгаютъ сказать, что Митридатъ, только-что смертельно раненный въ стычкѣ съ римлянами, отмѣнилъ свое приказаніе и хочетъ въ послѣдній разъ увидѣть Монику и высказать ей свою волю. Когда его приносятъ на сцену, слабого, умирающаго, онъ дѣлаетъ надъ собою усиліе, преодолагаетъ свою неукротимую ревность и завѣщаетъ любимую дѣвушку Ксифаресу, вмѣстѣ съ своимъ престоломъ и патриотическою миссіею.

Поставленная 13-го января 1673 года, трагедія имѣла шумный успѣхъ, произвела громадное впечатлѣніе на зрителей, вызвала у многихъ на глазахъ слезы. Даже враги Расина на этотъ разъ какъ-то притихли и не рѣшались открыто развѣнчивать пьесу, въ виду ея безусловнаго успѣха. Два критическихъ отзыва Де-Визэ, отмѣчавшихъ, иногда справедливо, иногда съ явною натяжкой, отдѣльные промахи драматурга, не произвели особеннаго впечатлѣнія на публику, хотя Расинъ и счелъ нужнымъ

намекнуть на нихъ въ своемъ предисловіи. Любопытно, что эта пьеса надолго заняла почетное мѣсто во французскомъ репертуарѣ, отодвигая на второй планъ даже „Британника“ или „Андромаху“, воодушевляя публику и въ XVII-мъ, и въ началѣ XVIII-го столѣтія. Мы не можемъ присоединиться къ такому безусловному преклоненію передъ этою трагедіею, которую едва ли есть основаніе ставить выше другихъ произведеній Расина, но нельзя отрицать, что въ ней есть много сценъ, написанныхъ рукою первокласснаго художника. Характеръ Монины, съ ея грустными думами, покорностью судьбѣ и душевнымъ благородствомъ, долженъ былъ естественно привлечь симпатію публики, уже охладѣвшей къ героинямъ старика Корнеля, которыя своимъ величіемъ, мужествомъ и силою воли слишкомъ уже отличались отъ обыкновенныхъ женщинъ, подходя къ типу „Ueberweib“, созданному новѣйшею литературою. Нельзя только не замѣтить, что нѣжная и мечтательная невѣста понтійскаго царя не вполне годилась въ героини трагедіи, какъ слишкомъ пассивная, безответная, хотя и высоко-симпатичная личность. Большое впечатлѣніе произвелъ на публику того времени и самъ Митридатъ, характеристика котораго могла мѣстами удовлетворить и приверженцевъ старой школы. Наканунѣ перваго представленія трагедіи, сопровождавшагося оваціями по адресу драматурга и артистовъ, Расинъ пережилъ другой триумфъ, на который онъ собственно не могъ рассчитывать, принимая въ соображеніе интриги и соперничество другихъ писателей: онъ былъ торжественно введенъ во Французскую Академію и произнесъ обычную вступительную рѣчь, которая, однако, не отличалась особыми достоинствами и, кажется, не произвела впечатлѣнія на присутствовавшихъ. Но враги драматурга отнюдь не думали оставить его окончательно въ покоѣ,—они только временно немного притаились, чтобы вскорѣ нанести ему нѣсколько чувствительныхъ ударовъ.

Черезъ 1½ года послѣ постановки „Митридата“ въ Версаль, въ присутствіи короля и придворныхъ, разыграна была новая трагедія Расина, „Iphigénie en Aulide“, которая въ январѣ 1675 года поставлена была и въ Парижѣ, при чемъ игра даровитой Шаниелэ, увѣковѣченная въ одномъ изъ посланій Буало, привела зрителей въ восторгъ и вызвала у нихъ обильныя слезы. Завзятые противники Расина, конечно, и на этотъ разъ злобствовали, видя блестящій успѣхъ трагедіи ненавистнаго имъ драматурга; они не рѣшались открыто порицать или осмѣивать ее,

боясь пойти въ разрѣзъ съ мнѣніемъ большей части публики, и прибѣгли поэтому къ довольно неискусному и странному маневру. Въ маѣ того же 1675 года, на сценѣ театра, находившагося на Rue Guénégaud, поставлена была другая „Ифигенія“, принадлежавшая перу двухъ бездарныхъ писателей, Le Clerc и Coqas, которые давно завидовали Расину и думали затмить успѣхъ его трагедіи своимъ нескладнымъ произведеніемъ, полнымъ заимствованій, какъ изъ его собственной пьесы, такъ и изъ трагедіи Ротру, „Iphigénie en Aulide“ (1640 г.). Ихъ планъ потерпѣлъ неудачу, потому что симпатіи публики остались на сторонѣ Расина, но исторія возникновенія второй „Ифигеніи“ представляла собою весьма плохой прецедентъ, уже предвѣщавшій гнусную интригу, направленную, полтора года спустя, противъ „Федры“.

Судьба Ифигеніи, составляющая главное содержаніе трагедіи Расина, конечно, слишкомъ общезвѣстна, чтобы ее нужно было подробно излагать здѣсь. Любопытно только, что Расинъ, касаясь вопроса о принесеніи дѣвушки въ жертву для спасенія Греціи, не воспользовался ни одной изъ двухъ наиболѣе распространенныхъ въ древности версій. Первая изъ нихъ, принятая на вѣру Эсхиломъ, Софокломъ, Горациемъ, Лукреціемъ, гласила, что Ифигенія была, дѣйствительно, принесена въ жертву; вторая, отразившаяся въ произведеніяхъ Эврипида и Овидія, наоборотъ, утверждала, что Ифигенія была спасена богинею Діаной, которая перенесла ее по воздуху въ Тавриду, подмѣнивъ ее во время жертвоприношенія козю, и сдѣлала жрицею своего храма. Существовала, однако, и третья версія, по которой человѣческое жертвоприношеніе дѣйствительно состоялось, но погибла не дочь Агамемнона и Клитемнестры, а другая Ифигенія, не знавшая своихъ отца и матери, а также и своего настоящаго имени и происходившая отъ тайнаго брака Елены съ Тезеемъ. Расинъ воспользовался этимъ послѣднимъ рассказомъ и, придавъ сравнительно больше значенія роли Эрифилы, заставилъ ее погибнуть вмѣсто Ифигеніи, между тѣмъ какъ Ротру счелъ нужнымъ сохранить ту развязку, которую мы находимъ въ первой трагедіи Эврипида: у него богиня, не желая смерти дѣвушки, освобождаетъ ее и скрываетъ отъ глазъ собравшагося народа. Расинъ не счелъ возможнымъ сохранить подобную развязку, потому что она не удовлетворила бы французскихъ зрителей второй половины XVII вѣка, показала бы имъ невѣроятною и неестественною; они привыкли относиться къ мифологіи нѣсколько скептически, допуская пользованіе ею только какъ художественный приемъ и украшеніе слога, но отнюдь не соглашаясь на то,

чтобы ей отводилось важное мѣсто въ фабулѣ трагедіи. Руководясь подобными соображеніями, Расинъ долженъ былъ вообще многое измѣнить въ томъ сюжетѣ, который онъ, за исключеніемъ развязки, заимствовалъ у Эврипида. Онъ нѣсколько смягчилъ характеры Агамемнона и Клитемнестры, совершенно устранилъ роль Менелая, придавъ характеру Ифигеніи болѣе нѣжный и трогательный колоритъ, заставилъ Ахилла чувствовать горячую любовь къ несчастной дѣвушкѣ, — мотивъ, котораго мы не находимъ въ трагедіи Эврипида, гдѣ предполагаемый бракъ съ Ахилломъ является только вымысломъ, предлогомъ, чтобы завлечь Ифигенію и привести ее къ алтарю.

Много разъ высказывалось мнѣніе, что героиня Эврипида, съ ея непосредственною, страстною молодою натурою, любовью къ жизни и ея благамъ, отдѣльными вспышками непокорнаго духа, — гораздо болѣе живое и реальное лицо, чѣмъ Ифигенія Расина. Въ этомъ есть доля истины, но не нужно и слишкомъ слушать въ этомъ случаѣ краски; пусть французская героиня, какъ уже было указано Патэномъ, Лотгейсеномъ и др., имѣетъ мало сходныхъ чертъ съ греческою, пусть она разсуждаетъ, мѣстами, какъ дѣвушка изъ придворныхъ круговъ эпохи Людовика XIV, а инныя черты ея характера носятъ современную христіанскую окраску, плохо гармонирующую съ челоувѣческимъ жертвоприношеніемъ, которое играетъ первостепенную роль въ трагедіи, — передъ нами все же одинъ изъ наиболѣе свѣтлыхъ, полныхъ жизни, художественно обрисованныхъ женскихъ образовъ Расина. Ея любовь къ родителямъ, увѣренность въ томъ, что отецъ не можетъ желать ей ничего, кромѣ добра, невольное содроганіе при первомъ извѣстіи о томъ, что ее скорѣй ожидаетъ смерть, быстро смѣняющееся безропотною покорностью своей судьбѣ и геройскою рѣшимостью пожертвовать собою для общаго блага, искренняя и горячая, но все же скромная и стыдливая любовь къ Ахиллу, мольба о томъ, чтобы онъ пощадилъ ее отца и не мстилъ ему за его готовность исполнить требованіе Калхаса и принести свою дочь въ жертву, грустныя думы о промелькнувшей навсегда молодости, которыя, противъ ея воли, все же на время овладѣваютъ ею, — все это обрисовано очень яркими и сильными штрихами. Можно было бы только пожелать, чтобы Ифигенія Расина не подчинялась такъ безропотно и легко волѣ отца, разъ дѣло идетъ объ ея предстоящей гибели подъ жертвеннымъ ножомъ; ея послушаніе такъ велико и безгранично, что становится мало вѣроятнымъ, а ея поразительное душевное равновѣсіе передъ жертвоприношеніемъ и свѣтлый

взглядъ на разставаніе съ жизнью дѣйствительно напоминаютъ порою безмятежное спокойствіе христіанской мученицы. Шанмелэ заставляла когда-то посѣтителей Hôtel de Bourgogne проливать слезы умиленія и грусти при видѣ тяжелаго испытанія, выпадающаго на долю молодой, цвѣтущей дѣвушки; на насъ трагедія не произведетъ, быть можетъ, теперь такого сильнаго, потрясающаго впечатлѣнія, — но едва ли она оставитъ насъ холодными и безучастными, потому что героиня Расина, подобно героинѣ трагедіи Гёте, многими сторонами своего характера близка и симпатична намъ, и уже во всякомъ случаѣ стоитъ къ намъ ближе подлинной античной Ифигеніи. Любопытно, что Расинъ одно время имѣлъ въ виду написать трагедію „Ифигенія въ Тавридѣ“; сохранился даже прозаическій набросокъ содержанія перваго акта этой пьесы. Подобный замыселъ, конечно, могъ зародиться въ умѣ Расина только въ эпоху, предшествовавшую появленію его „Iphigénie en Aulide“, потому что, разъ онъ отвергъ тотъ вариантъ, по которому дѣвушка была спасена Діаной, не могло быть и рѣчи объ ея пребываніи въ Тавридѣ.

Личность Эрифилы, съ ея несчастною любовью къ Ахиллу, вспышками ревности и мстительными наклонностями, не вполне удалась Расину, вышла нѣсколько блѣдною и шаблонною, а контрастъ между нею и Ифигеніей, на который, вѣроятно, очень рассчитывалъ драматургъ, не производитъ такого впечатлѣнія, какъ антагонизмъ Герміоны и Андромахи или даже Роксаны и Аталиды. Зато Клитемнестра принадлежитъ къ лучшимъ женскимъ образамъ, созданнымъ Расиномъ; если ея дурныя, порочныя наклонности намѣренно оставлены драматургомъ въ тѣни, то ея горячая, безумная любовь къ дочери, жизнь которой она охраняетъ до послѣдней возможности, негодуя при видѣ готовности Агамемнона исполнить безчеловѣчное требованіе Калхаса, очерчена весьма правдиво. Что касается Агамемнона, то его характеръ представляетъ безспорный интересъ, хотя драматургъ придалъ ему нѣсколько одностороннее освѣщеніе: онъ сдѣлалъ его прежде всего эгоистомъ и честолюбцемъ, который необыкновенно высоко ставитъ свою власть и первенство въ кругу греческихъ царей и, чтобы не потерять своего почетнаго положенія, соглашается даже на гибель дочери, разъ этого требуетъ отъ него Улиссъ, какъ представитель остальныхъ царей, слѣпо вѣрящихъ Калхасу. Къ концу пьесы, въ его душѣ пробуждается съ особенною силою любовь къ дочери, и раньше таившаяся въ его душѣ; онъ хочетъ спасти ее, помочь ей бѣжать, — но эта запоздалая привязанность не производитъ на насъ

впечатлѣнія. Въ этомъ отношеніи Агамемнонъ Эврипида стоитъ выше. Безусловнымъ достоинствомъ „Iphigénie“ долженъ быть признанъ сильный, захватывающій драматизмъ, которымъ отличаются многія мѣста трагедіи; если у Расина герои иногда болѣе говорятъ и разсуждаютъ, чѣмъ дѣйствуютъ, этого нельзя сказать относительно предпоследней „свѣтской“ его трагедіи. Вопросъ о томъ, состоится или нѣтъ возмутительное жертвоприношеніе, съ самаго начала приковываетъ вниманіе зрителя, который слѣдитъ съ нетерпѣніемъ за постепеннымъ развитіемъ фабулы, переживаетъ вмѣстѣ съ Ифигеніей и ея матерью послѣдовательныя перипетіи этой мрачной исторіи, принимаетъ участіе въ судьбѣ несчастной дѣвушки, повидимому обреченной на вѣрную гибель. Такія мѣста въ трагедіи, какъ бурное объясненіе между Клитемнестрою и Агамемнономъ, или между этимъ послѣднимъ и Ахилломъ, нельзя не признать въ высшей степени сценичными.

Мы видѣли, что постановка „Iphigénie“ была встрѣчена врагами Расина съ плохо скрытою завистью и озлобленіемъ и вызвала къ жизни такую бездарно написанную пьесу, какъ пресловутая трагедія Le Clegs'a и Согас. Но что такое вся эта интрига по сравненію съ тѣмъ недостойнымъ заговоромъ, которымъ сопровождались первыя представленія „Федры“, состоявшіяся въ январѣ 1677 года! Одна изъ лучшихъ трагедій Расина, донинѣ популярная не только во Франціи, но—что еще болѣе знаменательно—и за ея предѣлами, напримѣръ въ Германіи или Россіи (существуетъ семь русскихъ переводовъ „Федры“), какъ нарочно, сдѣлалась, тотчасъ послѣ своего появленія на театральныхъ подмосткахъ, мишенью беззастѣнчивой травли, не брезгавшей никакими средствами. Вся та злоба, которая накопилась въ душѣ завистниковъ и соперниковъ Расина и раньше сказывалась въ мелкихъ нападкахъ и придиракахъ, получила на этотъ разъ свое полное выраженіе въ формѣ правильно организованной демонстраціи. Едва ли есть необходимость вспоминать детали того плана—унизить и дискредитировать новое произведеніе Расина,—иниціаторами котораго были герцогиня Бульонская, герцогъ Неверскій и г-жа Дезульеръ. Къ этимъ тремъ лицамъ присоединилось еще четвертое, на которое они возлагали большія надежды, — посредственнѣйшій драматургъ Падонъ, авторъ одиннадцати трагедій, въ родѣ „Pygame et Thisbé“ (1674 г.), „Tamerlan ou la mort de Bajazet“ (1676) и др., впоследствии ставшій ожесточеннымъ противникомъ Буало и осыпавшій его

насмѣшками и ругательствами въ такихъ памфлетахъ, какъ „Le satyrique français exipant“. Услугами этого безпринципнаго человѣка рѣшила воспользоваться коалиція враговъ Расина, предложившая ему написать пьесу на тотъ же сюжетъ, который, какъ всѣ говорили кругомъ, былъ избранъ Расиномъ для обработки въ драматической формѣ. Прадонъ, всегда отличавшійся самоувѣренностью, охотно взялъ на себя это порученіе и принялся за созданіе своей болѣе чѣмъ слабой трагедіи: „Phèdre et Hippolyte“; его новые друзья и покровители сдѣлали все, что могли, чтобы облегчить ему возложенную на него задачу; какими-то не вполне ясными для насъ путями они получили и тотчасъ передали Прадону нѣкоторыя свѣдѣнія относительно плана и общаго характера „Федры“ Расина,—быть можетъ, даже сообщили ему содержаніе отдѣльныхъ сценъ трагедіи, которую авторъ читалъ нѣкоторымъ лицамъ, до ея исполненія трупною Hôtel de Bourgogne. Такъ или иначе, два дня спустя послѣ перваго представленія „Федры“ Расина, театръ Guénégaud поставилъ трагедію Прадона, для характеристики которой достаточно указать на тотъ фактъ, что, боясь въ чемъ-либо нарушить строгія предписанія морали, авторъ сдѣлалъ Федру не женою, а только невѣстою Тезея, превративъ, такимъ образомъ, ея преступленіе во что-то совершенно фиветивное и лишивъ пьесу всякаго смысла. Слишкомъ очевидныя заимствованія изъ отдѣльныхъ пьесъ Корнеля и Расина также должны были броситься въ глаза публикѣ. Можно съ увѣренностью сказать, что трагедія Прадона потерпѣла бы полное фіаско, если бы герцогиня Бульонская и ея партія не приняли своихъ мѣръ. Они скупили большую часть ложъ на шесть первыхъ представленій какъ трагедіи Прадона, такъ и „Федры“ Расина; этимъ путемъ они получили возможность подсаживать своихъ людей въ оба театра, или оставлять мѣста въ Hôtel de Bourgogne пустыми, если это имъ было нужно. Какъ бы то ни было, благодаря этому маневру, „Федра“ прошла на первыхъ представленіяхъ безъ всякаго успѣха, между тѣмъ какъ въ театрѣ Guénégaud пьеса Прадона вызывала каждый разъ искусно подстроенныя оваціи. Правда, со временемъ расчетъ завистниковъ Расина долженъ былъ кончиться, и дѣйствительно кончился неудачей, такъ какъ настоящая, не подкупленная публика сразу оцѣнила художественныя достоинства пьесы Расина и громко шивала бездарному произведенію его соперника. Но эти шесть спектаклей, во время которыхъ его пьеса втаптывалась въ грязь,—при чемъ онъ былъ совершенно безсиленъ въ этомъ случаѣ и не могъ бороться съ

негласными кознями враждебной партіи,—болѣзненно отозвались въ душѣ утомленнаго и разочарованнаго поэта. Постепенно отношенія между сторонниками и противниками Расина, съ его неразлучнымъ другомъ Буало, все болѣе обострялись, а послѣ такъ-называемой „исторіи съ сонетами“ они получили такой характеръ, что авторъ „Андромахи“, „Британника“, могъ опасаться одно время за свою жизнь и цѣлость, такъ какъ герцогъ Неверскій сдѣлался заявлымъ врагомъ Буало и всѣхъ солидарныхъ съ нимъ писателей и грозилъ имъ крутою расправою за насмѣшки надъ его личностью въ одномъ изъ сонетовъ. Но этого было мало,—Расину пришлось еще вынести придирчивую критику Сюблины, въ его „Dissertation sur les tragédies de Phèdre et Hippolyte“, гдѣ героиня трагедіи называется „odieuse criminelle“, указывается на безнравственную, будто бы, окраску всей пьесы, многія изъ лучшихъ сценъ провозглашаются неудачными или фальшивыми. Къ чести Сюблины можно только сказать, что онъ не пощадилъ въ своемъ критическомъ разборѣ и пьесу Падона. Но на Расина должно было удручающимъ образомъ дѣйствовать поведеніе самого Падона, который, въ предисловіи къ своей злосчастной трагедіи, счелъ возможнымъ говорить объ интригахъ, мѣшавшихъ ея успѣху, о проискахъ Расина и Буало, обвиняемыхъ имъ въ томъ, что они будто бы отговорили лучшихъ актрисъ играть въ его пьесѣ, и т. д. Не довольствуясь этимъ, Падонъ выпустилъ черезъ нѣсколько времени сатирическую комедію: „Le jugement d'Apollon sur la Phèdre des anciens“, направленную противъ Расина. Такое озлобленіе могло навести Расина на мысль о непрочности литературной славы и тяжелой участи писателей, которые, создавъ рядъ образцовыхъ произведеній, все же не могутъ считать себя гарантированными отъ нападокъ, интригъ и проявленій низкой зависти.

„Федра“ принадлежитъ, безспорно, къ лучшимъ трагедіямъ Расина, представляя собою блестящее торжество психологическаго жанра, — хотя, вполне признавая справедливость того успѣха, которымъ она пользуется, нельзя все же не замѣтить, что „Andromaque“, „Britannicus“ или „Bérénice“ съ меньшимъ правомъ могли бы рассчитывать на такое же сочувственное отношеніе со стороны потомства. И на этотъ разъ, какъ и при созданіи „Ифигеніи“, Расинъ многое заимствовалъ у Эврипида, видоизмѣняя, однако, его пьесы въ духѣ требованій современной ему французской сцены и новаго, христіанскаго міросозерцанія. У Эврипида центръ тяжести лежитъ на личности и судьбѣ Ипполита; у Расина, какъ раньше у Сенеки,

на первомъ планѣ стоитъ Федра. Французскій драматургъ нѣсколько измѣнилъ и нравственный обликъ сына Тезея, заставивъ его полюбить прекрасную Арисю, между тѣмъ какъ герой Эврипида чуждается любви и хочетъ остаться всю жизнь цѣломудреннымъ. Въ зависимости отъ этого измѣнилось и общее освѣщеніе трагической гибели Ипполита, который у греческаго драматурга дѣлается жертвою мести богини Афродиты, разгнѣванной тѣмъ, что, упорно не поддаваясь чарамъ любви, онъ обращался съ мольбами исключительно къ богинѣ Діанѣ или Артемидѣ. Сама Федра также во многихъ отношеніяхъ совсѣмъ напоминаетъ греческую героиню; переживаемая ею внутренняя борьба, взглядъ на грѣховность чувства, которое она не можетъ побороть въ своей груди, чистосердечное раскаяніе въ концѣ трагедіи,—все это имѣетъ христіанскую окраску, и вся пьеса, которую, какъ это ни странно, нѣкоторые противники Расина, особенно іезуиты, старались представить глубоко безнравственною, получаетъ отъ этого нѣсколько морализирующій характеръ, дѣлается своего рода *pièce à thèse*, наглядно показывая, какъ искушеніе овладѣваетъ человѣкомъ и заставляетъ его покинуть прямой и честный путь. Нельзя не замѣтить также, что у Эврипида сама Федра, передъ тѣмъ, какъ повѣсится, клеветаетъ на Ипполита, боясь за участь своихъ дѣтей, и излагаетъ свои измышленія на двухъ дощечкахъ, которыя Тезей находитъ послѣ ея смерти; между тѣмъ у Расина клевета исходитъ отъ Эноны, а царица только своимъ молчаніемъ какъ бы подтверждаетъ въ началѣ справедливость ея обвиненія, которое влечетъ за собою гнѣвъ Тезея и заставляетъ его проклясть сына. Слѣдуетъ замѣтить, что, расходясь во многихъ деталяхъ съ Эврипидомъ, Расинъ нѣкоторые мотивы заимствовалъ у другихъ писателей, работавшихъ тотъ же сюжетъ: у Сенеки,—хотя латинскій авторъ придалъ своей героинѣ крайне безстыдный, чувственный характеръ, и чего мы не находимъ въ трагедіи Расина,—у французскихъ драматурговъ Роб. Гарнье и Жильбера, и т. д.

Болѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ пьесахъ Расина, въ „Федрѣ“ интересъ сосредоточивается всецѣло на личности главной героини. Ипполитъ лучше обрисованъ, чѣмъ Британникъ или Баязетъ, но все же онъ вышелъ нѣсколько блѣдною фигурою, съ недостаточно очерченною индивидуальностью, съ далекими отголосками галантныхъ романовъ въ его любовныхъ рѣчахъ. Тезей также представляетъ мало интересныхъ и типичныхъ чертъ,—оттѣнено только его старческое легкомысліе и довѣрчивость,—а предметъ любви и тайныхъ вздоховъ Ипполита, прекрасная

Арсія, кажется необыкновенно безцвѣтною, рядомъ съ такимъ лицомъ, какъ Федра, уступаетъ даже Аталидѣ и Юніи. Двое „confidens“ на этотъ разъ скорѣе заслуживаютъ вниманія; Энона гораздо типичнѣе всѣхъ этихъ Цефизъ, Альбинъ, Федимъ, Дорисъ и другихъ наперсницъ, которыми изобилуютъ трагедіи Расина; въ роли Терамена мы находимъ знаменитый монологъ пятаго акта, повѣствующій о страшной гибели Ипполита и представляющій собою замѣчательный, въ художественномъ отношеніи, образчикъ стили французскаго драматурга. Кстати объ этомъ монолгѣ; не разъ высказывалось мнѣніе, что онъ слишкомъ длиненъ, что истинное горе не выражается въ такой пространный и законченной формѣ. „Разсказъ Тераменовъ достоинъ Расина“,—писалъ когда-то Сумароковъ;—„жалъ только, что не перехваченъ такъ, какъ у Эврипида,—а здѣсь того больше требовалось!“ Вполнѣ признавая, въ принципѣ, справедливость подобныхъ замѣчаній, можно только подивиться тому, что они высказываются съ особенною настойчивостію лишь по поводу монолога Терамена, между тѣмъ какъ во всѣхъ трагедіяхъ французскихъ драматурговъ XVII вѣка, въ угоду единству мѣста, болѣе или менѣе подробный и всегда мало сценичный, хотя и облеченный въ прекрасную форму разсказъ о происшедшихъ за сценою событіяхъ влагается въ уста наперсникамъ и наперсницамъ.

Въ „Федрѣ“ есть недочеты, есть лишеныя настоящаго драматизма мѣста,—но всѣ сцены, гдѣ появляется сама героиня, принадлежатъ къ лучшимъ продуктамъ творчества Расина. Обрисовка психологіи несчастной женщины, ставшей жертвой своей страсти, доведена авторомъ до высокой степени совершенства; ея поступки и противорѣчивыя рѣшенія строго мотивированы и по новому освѣщены; малѣйшіе отгѣвныя настроенія и самые неуловимые симптомы переживаемаго ею мучительнаго душевнаго процесса прослѣжены съ замѣчательнымъ искусствомъ и проницательностью. Въ началѣ трагедіи Федра борется сама съ собою, вынося тяжелыя нравственныя страданія, стараясь подавить зародившееся въ ея груди чувство преступной любви къ ея пасынку Ипполиту. Въ это время приходитъ ложное извѣстіе о смерти Тезея; положеніе дѣлъ сразу мѣняется: страсть Федры почти утрачиваетъ свой преступный характеръ и уже не является измѣной живому супругу, котораго она когда-то горячо любила. Раньше она, вѣроятно, ни за что не открыла бы Ипполиту тайну своего сердца; теперь, подъ влияніемъ слуха о кончинѣ Тезея, она забываетъ прежнюю сдержанность, и слова

признанія точно противъ ея воли срываются съ ея усть. Когда неосторожный шагъ уже сдѣланъ, и она ничѣмъ не можетъ его исправить, приходитъ новая вѣсть, гласящая, что Тезей живъ и вскорѣ вернется на родину. Эта вѣсть, какъ громомъ, поражаетъ Федру; ею овладѣваетъ паническій страхъ, ей начинаетъ казаться, что Ипполитъ непременно раскроетъ отцу тайну ея грѣховной любви; она боится за себя и за своего ребенка, приходитъ въ ужасъ отъ одной мысли, что она должна будетъ встрѣтиться и съ Тезеемъ, и съ Ипполитомъ, послѣ того, какъ объ ея винѣ станетъ извѣстно ея супругу. Не вполнѣ владѣя собою, не сознавая, что она дѣлаетъ, она поддается совѣтамъ и увѣщаніямъ Эноны, которая, желая спасти любимую госпожу, вызывается очернить въ глазахъ Тезея его сына, увѣрить цари въ томъ, что Ипполитъ самъ хотѣлъ посягнуть на честь царицы и былъ отвергнутъ ею. Федра соглашается на этотъ недостойный маневръ,—но вскорѣ ее начинаютъ терзать муки совѣсти; ее преслѣдуетъ мысль, что Тезей можетъ жестоко покарать сына за его мнимую вину. Она приходитъ къ нему съ цѣлью раскрыть всю правду, доказать невинность Ипполита, сознаться въ той винѣ, которая давно тяготитъ ея душу. Въ эту минуту она слышитъ, что юноша, котораго она считала совершенно незнающимъ чувства любви, объясняя тѣмъ и его холодность къ ней, отдалъ свое сердце юной Арисіи. Жгучая ревность и злоба снова овладѣваютъ ею; мысль, что у нея была все время соперница, слишкомъ ужасна для нея, ея доброе рѣшеніе высказать всю истину поколеблено,—теперь она ничего не скажетъ Тезею! Это—одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ, въ психологическомъ отношеніи, моментовъ трагедіи. Ипполитъ погибаетъ, пролятый отцомъ; Федра снова начинаетъ испытывать раскаяніе, такъ какъ вспышка раздраженія и ненависти, вызванная въ ней извѣстіемъ о любви Ипполита къ Арисіи, уже улеглась, и весь ужасъ того, что она сдѣлала, съ прежнею ясностью представляется теперь ея уму. Она принимаетъ медленно дѣйствующій ядъ и передъ смертью кается въ своемъ преступленіи, открывая, наконецъ, Тезею, что его сынъ былъ невиновенъ, что это она погубила его, не воспротивившись во время гнусному замыслу Эноны.

Въ предисловіи къ печатному изданію трагедіи мы находимъ указанія на безусловно нравственный, поучительный характеръ, который Расинъ хотѣлъ придать своей пьесѣ. Онъ настаиваетъ на томъ, что трагедія можетъ преслѣдовать моральныя задачи, что театръ подъ рукою благочестиваго и добродѣтельнаго чело-

вѣва можетъ сдѣлаться шеолою нравовъ, между тѣмъ какъ люди легкомысленные и суетные придаютъ ему иногда безнравственный характеръ, и тѣмъ подрываютъ его значеніе. Эти взгляды, вѣкогда не высказывавшіеся Расиномъ въ такой формѣ, были симптомомъ того внутренняго перелома, который около этого времени пережилъ поэтъ. Не прекращавшіяся нападки враговъ, которыя дошли до своего апогея во время постановки „Федры“, измѣна Шанмелъ, игравшей такую важную роль въ его личной жизни, извѣстное утомленіе, вызванное усиленною литературною дѣятельностью въ теченіе значительнаго промежутка времени, оживленіе дремавшихъ въ его сердцѣ отголосковъ доктрины Портъ-Рояля,—все это соединилось, чтобы заставить его охладѣть къ театру, оглянуться на свою жизнь, подумать о томъ, что теперь слѣдовало дѣлать. Расиномъ овладѣло что-то въ родѣ раскаянія, ему стало какъ-то стыдно тѣхъ лѣтъ, которыя онъ провелъ вдали отъ церкви, въ ссорѣ съ любимыми когда-то наставниками, создавая произведенія, которыя теперь ему казались грѣховными, легкомысленными, безнравственными. Вынесенныя имъ неудачи и оскорбленія представлялись ему заслуженнымъ наказаніемъ за неправильно избранный жизненный путь. Его снова потянуло къ портъ-рояльскимъ отшельникамъ, которые постепенно всѣ раскрыли снова свои объятія тому, кого они когда-то искренно и отечески любили: сперва онъ помирился съ незлобивымъ Николеиъ, тотчасъ же простившимъ ему рѣзкій и насмѣшливый топъ его знаменитаго „Письма“, направленнаго противъ Портъ-Рояля, потомъ съ Арно, который въ началѣ не хотѣлъ снова вступать въ какія либо сношенія съ Расиномъ, но потомъ, отчасти подъ влияніемъ чтенія „Федры“,—ему рекомендовали эту пьесу, какъ безусловно нравственную, свидѣтельствующую о духовномъ перерожденіи автора,—смягчился и принялъ его, какъ родного. Желаніе порвать съ недавнимъ прошлымъ было въ эту пору такъ сильно у Расина, что онъ хотѣлъ даже поступить въ монастырь; его отговорили отъ этого, и посоветовали лучше жениться на благочестивой и степенной дѣвушкѣ. Расинъ послушался этого совѣта, и въ іюнѣ 1677 года мы его видимъ супругомъ Catherine de Romanet, происходившей изъ буржуазной семьи и принесшей ему значительное состояніе. Все, что мы знаемъ объ его семейной жизни, показываетъ, что съ внѣшней стороны она доставила ему счастье и миръ; жена сдѣлалась его вѣрною и преданною подругой, принимавшей въ сердцу его личные интересы, усердно заботившейся объ его хозяйствѣ, и впоследствии—о воспитаніи многочисленныхъ дѣтей, всѣхъ этихъ

Nanette, Fanchon, Babet, Lionval, въ кругу которыхъ старѣвшій Расинъ иногда съ большимъ удовольствіемъ проводилъ время, слушая ихъ беззаботную, невинную болтовню, вспоминая свои собственные дѣтскіе годы. Но дѣятельность мужа на пользу французской словесности совсѣмъ не интересовала г-жу Расинъ и поддержки его культурнымъ вкусомъ отъ нея нельзя было ожидать. Напротивъ, она способствовала тому, что онъ окончательно отказался отъ призванія свѣтскаго писателя, хотя въ началѣ, вскорѣ послѣ исторіи съ „Федрою“, въ его умѣ носились планы новыхъ трагедій („Alceste“, „Oedipe“), которыя онъ хотѣлъ, однако, написать въ совершенно иномъ духѣ, исключивъ изъ нихъ любовный элементъ, придавъ имъ строгій, величавый, глубоко нравственный характеръ.

Двадцать-два года, протекшіе отъ вступленія Расина въ бракъ до его смерти, представляютъ мало интереснаго для исторіи литературы, хотя и заслуживаютъ вниманія біографа, потому что за это время Расинъ продолжалъ, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, идти въ гору, приобрѣлъ въ еще большей степени, чѣмъ прежде, расположеніе Лудовика XIV, сблизился съ придворными кругами, безъ особыхъ усилій съ своей стороны расположилъ въ свою пользу г-жу Монтеспанъ, а затѣмъ и могущественную *marquise de Maintenon*. Осенью 1677 года Расинъ и Буало получили званіе историографовъ короля и съ большимъ усердіемъ принялись за возложенную на нихъ задачу. Они собирали нужные матеріалы, чтобы затѣмъ написать обстоятельную исторію „*Roi-soleil*“; въ бумагахъ Расина сохранились отдѣльные наброски и записи, которыми онъ думалъ потомъ воспользоваться. Чтобы сдѣлаться очевидцами происходившихъ въ ихъ время военныхъ событій и описать ихъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, Расинъ и Буало принуждены бывали иногда покидать Парижъ и отправляться на театръ военныхъ дѣйствій (мы застаемъ ихъ, напримѣръ, въ Гентѣ, потомъ въ Эльзасѣ), — что едва ли было особенно по сердцу Расину, не любившему путешествовать, мечтавшему проводить все свободное время въ кругу своей семьи. Та часть исторіи, которую успѣли написать два друга, не сохранилась; она сгорѣла во время одного пожара, случившагося въ XVIII столѣтіи. Кромѣ званія историографа, Расинъ получилъ съ теченіемъ времени почетный титулъ „*gentilhomme du roi*“ и личнаго секретаря Лудовика XIV. Много разъ затрогивался вопросъ о томъ, былъ ли онъ настоящимъ царедворцемъ, можно ли его обвинять въ лести и угодничествѣ. Несомнѣнно, что доведенная до крайнихъ предѣловъ лояльность

была однимъ изъ отличительныхъ свойствъ Расина, что въ Людовикѣ XIV онъ видѣлъ воплощеніе счастья и могущества Франціи. Но онъ никогда не кривилъ душою и не сдѣлался беззастѣнчивымъ карьеристомъ; это видно, напримѣръ, изъ того, что онъ не считалъ нужнымъ скрывать при дворѣ своихъ яansenистскихъ симпатій и сношеній съ Портъ-Роялемъ, — хотя зналъ, что его старинные наставники и друзья находятся въ опалѣ, — мало того, повинувшись благородному импульсу, онъ составилъ даже сокращенную исторію обители (*Abrégé de l'histoire de Port-Royal*), имѣвшую цѣлью защитить гонимыхъ людей отъ возведенныхъ на нихъ обвиненій. Сохранился также одинъ рассказъ, достоверность котораго не можетъ быть прочно установлена, но который во всякомъ случаѣ любопытенъ, какъ показатель мнѣній современниковъ Расина объ его роли при дворѣ: мы имѣемъ въ виду преданіе о запискѣ, подавннй, будто бы, повѣтомъ г-жѣ Ментэнонъ и заключавшей въ себѣ разсужденія о причинахъ бѣдственнаго положенія народа. Не слѣдуетъ забывать, что къ самому концу своей жизни Расинъ впалъ въ немилость у короля, вызванную, по всей вѣроятности, главнымъ образомъ, его симпатіями яansenизму и происками враговъ и завистниковъ, въ которыхъ у него не было недостатка и теперь, когда онъ дѣйствовалъ уже на совершенно иномъ поприщѣ. Эта немилость, крайне чувствительная для такого горячаго почитателя короля, какъ Расинъ, несомнѣнно, пошатнула его здоровье и силы и ускорила его смерть, завершивъ собою длинный рядъ неудачъ и обидъ, которыя встрѣтилъ на своемъ жизненномъ пути авторъ „Федры“.

Изъ всего послѣдняго періода жизни Расина только два года — 1689-й и 1691-й — выдѣляются, какъ свѣтлыя точки на тускломъ и сѣроватомъ фонѣ, показывая, что и въ эту пору талантъ драматурга не покинулъ Расина, несмотря на его разрывъ съ свѣтскимъ театромъ, и ждалъ только случая, чтобы проявиться снова, хотя и не въ такой формѣ, какъ прежде. Это — годы постановки въ Сенъ-Сирскомъ институтѣ трагедій „*Esther*“ и „*Athalie*“. Расинъ съ негодованіемъ отвергъ бы въ эту пору всякое предложеніе написать пьесу въ духѣ „*Andromaque*“ или „*Vajazet*“, — но онъ не могъ отвѣтить отказомъ на просьбу г-жи Ментэнонъ — создать такую трагедію, сюжетъ которой былъ бы взятъ изъ Священнаго Писанія, а общій характеръ, строго нравственный, совершенно свободный отъ сколько-нибудь легкомысленнаго элемента, сдѣлать бы возможнымъ ея исполненіе

въ залѣ Сень-Сира, при чемъ всѣ роли, даже мужскія, могли бы быть поручены молодымъ дѣвушкамъ, воспитывавшимся подъ непосредственнымъ наблюдениемъ Ментэнонъ. Едва ли стоитъ долго останавливаться на содержаніи трагедіи „Esther“, написанной Расиномъ специально для этой пѣли, и только въ XVIII столѣтіи поставленной на обыкновенной сценѣ; драматургъ придерживался, въ общихъ чертахъ, разсказа Библии объ Эсѣири и Мардохеѣ, объ истребленіи еврейскаго народа, задуманномъ злымъ и мстительнымъ Аманомъ, о неожиданномъ возвеличеніи Мардохея по волѣ царя за его прежнія заслуги престолу, о находчивости и мужествѣ Эсѣири, посрамленіи и смерти Амана и спасеніи евреевъ отъ угрожавшей имъ опасности. Но трагедія представляетъ безусловный интересъ, какъ доказательство того, что Расинъ могъ, при желаніи, писать—и не соблюдая знаменитыхъ единствъ, употребляя болѣе разнообразныя и оригинальныя стихотворныя размѣры. Въ ней всего три акта съ небольшимъ прологомъ, при чемъ первый актъ разыгрывается въ комнатѣ Эсѣири, второй—у Артаксеркса, третій—въ саду, гдѣ Эсѣирь даетъ пиръ въ честь царя. Каждое дѣйствіе заканчивается хорами еврейскихъ дѣвушекъ, изливающихъ свои чувства по отношенію къ Творцу, умоляющихъ его о пощадѣ или прославляющихъ его попеченіи объ еврейскомъ народѣ. Эти хоры, которые во время представленія должны были сопровождаться музыкою, и чередовались съ проникнутыми все тѣмъ же религіозно-нравственнымъ духомъ изліаніями отдѣльныхъ дѣвушекъ-солистокъ, высоко любопытны, прежде всего, со стороны языка и стихосложенія. Короткіе, изящные стихи, неодинаковой длины, рѣдующіеся не подъ рядъ, а черезъ строчку, и напоминающіе, отчасти, „Гимны“ или „Cantiques spirituels“ того же Расина, совершенно не походятъ на обыкновенный, пластически законченный, но иногда слишкомъ ужъ правильный, нѣсколько монотонный складъ рѣчи героевъ французской трагедіи. Изъ числа дѣйствующихъ лицъ „Esther“ особенно удачно обрисованы представители еврейскаго народа—Эсѣирь и Мардохей, съ ихъ горячею любовью къ родному краю и твердою вѣрою въ Бога. Въ наши дни характеристикю Эсѣири у Расина восторгался, между прочимъ, Верлэнъ, называвшій эту трагедію—„la création maîtresse de Racine“, ставившій съ нею рядомъ только „Bérénice“. Но Аманъ вышелъ чѣмъ-то въ родѣ мелодраматическаго злодѣя, коварные замыслы котораго не производятъ на насъ впечатлѣнія, потому что мы отказываемся видѣть въ немъ вполнѣ реальное, живое лицо. Неудовлетворительно обрисованъ и самъ царь, характеръ котораго

очерченъ крайне слабо; послѣ Нерона, Митридата, даже Агамемнона, онъ кажется особенно безцвѣтнымъ и незначительнымъ; раньше мы никогда не повѣрили бы, чтобы Расинъ могъ создать такой безжизненный и туманный образъ. Отчасти въ этомъ случаѣ помѣшали дѣлу ограниченные размѣры пьесы, не давшіе автору возможности подробнѣе развить характеры своихъ героевъ, а также слишкомъ большое мѣсто, отведенное хорамъ. На современную Расину публику, по крайней мѣрѣ на ту избранную часть ея, съ кородемъ во главѣ, которая присутствовала на одномъ изъ представлений „Esther“, пьеса произвела громадное впечатлѣніе. Отчасти тутъ играло роль желаніе найти въ ней намеки на современные событія и отдѣльныхъ лицъ, — на основаніе Сенъ-Сирскаго института, на Лудовика XIV, Лувуа, г-жу Монтэспанъ, г-жу Ментэнонь, — и въ этомъ случаѣ публика едва ли ошибалась; но главною причиною успѣха была красота слога трагедіи, ея непривычная, своеобразная форма, наконецъ, непосредственное религиозное воодушевленіе, которымъ она пронизана, подобно „Polyeucte“ Корнеля, или послѣдней части „Saint-Genest“ Ротру. Роскопная постановка, торжественная музыка, прекрасные костюмы, — все это еще увеличивало силу впечатлѣнія, произведеннаго трагедіей.

Далеко не при такихъ благоприятныхъ условіяхъ состоялось первое представленіе другой духовной трагедіи Расина — „Athalie“, стоящей неизмѣримо выше „Esther“. Нашлись люди, которые повліяли на г-жу Ментэнонь въ томъ смыслѣ, что устройство настоящихъ спектаклей, съ болѣе или менѣе многочисленными зрителями, богатою обстановкою, музыкою, выраженіями одобренія и т. д., не соответствуетъ серьезному и степенному характеру учебнаго заведенія для дѣвицъ, пробуждаетъ въ ихъ умахъ суетныя мысли, вызываетъ нежелательное соперничество, честолюбіе и т. д. Вслѣдствіе этого новая трагедія Расина была исполнена въ домѣ г-жи Ментэнонь, въ Версалѣ, безъ всякой торжественности, при чемъ не было даже устроено настоящей сцены, и воспитанницы Сенъ-Сира декламировали свои роли, оставаясь въ своихъ обыкновенныхъ платьяхъ. Но даже въ такомъ несовершенномъ исполненіи пьеса очаровала тотъ небольшой кругъ лицъ, который имѣлъ возможность съ нею познакомиться. Большой публикѣ пьеса эта осталась чуждою при жизни Расина; она впервые появилась на сценѣ настоящаго театра только въ 1716 году, а ея печатное изданіе (1691 года), какъ это ни

странно, не произвело впечатлѣнія на читателей и прошло почти незамѣченнымъ. Съ тѣмъ болѣе энтузіазмомъ отнеслось къ трагедіи потомство; въ настоящее время она единогласно признается однимъ изъ лучшихъ произведеній Расина, а иные французскіе критики считаютъ даже возможнымъ провозгласить ее наиболѣе законченнымъ, сильнымъ и вдохновеннымъ созданиемъ славнаго драматурга (у Сентъ-Бѣва мы читаемъ: „*Athalie, comme art, égale tout*“). Подобныя похвалы должны быть, конечно, признаны, въ общемъ, преувеличенными, скорѣе бьющими на оригинальность; „Гоэолія“ не превосходитъ своими художественными красотою ни „Андромаху“, ни „Британника“, ни „Федру“, но это все же одна изъ лучшихъ трагедій Расина, изобилующая сильными и эффектнымъ сценами, полная захватывающаго драматизма. Авторъ хотѣлъ, еще приступая къ созданію „*Esther*“, доказать, что трагедія съ сюжетомъ, взятымъ изъ Священной Истории, лишенная романической завязки, можетъ произвести гораздо болѣе впечатлѣніе, чѣмъ неимѣющія нравственной основы пьесы модныхъ авторовъ, — „*vaines fictions*“, „*spectacles frivoles*“, какъ говорится въ прологѣ къ „*Esther*“. Первый опытъ его въ этомъ направленіи нельзя было, однако, признать вполне удачнымъ; мѣстами чувствовалось, что авторъ какъ будто еще стѣсненъ отсутствіемъ любовной завязки, игравшей обыкновенно такую большую роль въ его пьесахъ, испытываетъ затрудненія, характеризуя своихъ героевъ и не отводя даже самаго незначительнаго мѣста элементу чувства и страсти... „*Athalie*“ явилась, наоборотъ, блестящимъ доказательствомъ того, что Расинъ былъ въ состояніи создавать трагедіи, гдѣ бы любовный элементъ отсутствовалъ, но сюжетъ былъ самъ по себѣ такъ интересенъ, что зритель могъ слѣдить съ неослабѣвающимъ вниманіемъ за его постепеннымъ развитіемъ. Можно даже сказать, что это одна изъ самыхъ сценичныхъ, полныхъ захватывающаго драматизма пьесъ французскаго писателя. Столкновеніе двухъ міровъ — языческаго, олицетвореннаго въ Гоэолію и Матеанѣ, и іудейскаго, свято хранящаго вѣрованія отцовъ (его главными представителями въ трагедіи являются первосвященникъ Іоадъ, его жена *Josabeth*, отрокъ Іоасъ, — будущій царь Іудеи, — военачальникъ Абнеръ и др.) — обрисовано сильными, яркими штрихами, напоминающими порою манеру Корнеля или отдѣльными сценами изъ „Британника“ и „Митридата“. Нѣкоторые мѣста въ трагедіи должны быть признаны особенно сценичными, эффектными и благодарными, съ точки зрѣнія актеровъ, — напримѣръ,

прекрасно задуманный рассказъ Гоэолиа о видѣнномъ ею страшномъ снѣ, ея встрѣча и бесѣда съ юнымъ Іоасомъ, клятва послѣдняго въ вѣрности Богу и Его установленіямъ въ присутствіи первосвященника и левитовъ; наконецъ, послѣднія явленія пятаго акта, изображающія торжество іудейской религіи и національности, низложеніе царицы и провозглашеніе Іоаса царемъ. Драматургъ сумѣлъ добиться того, что мы начинаемъ вскорѣ живо интересоваться судьбою этого отрока, спасеннаго первосвященникомъ и его супругою во время избіенія сыновей и внуковъ Охозіи въ Іерусалимѣ, проведеннаго все свое дѣтство при храмѣ, гдѣ его почти никто не видѣлъ, и гдѣ Іоадъ могъ воспитать его въ правилахъ религіи и нравственности, долгое время не знавшаго, кто были его родители, пока первосвященникъ не счелъ нужнымъ раскрыть ему, наконецъ, всю истину, объяснить, какое великое призваніе выпало ему на долю.

Первосвященникъ Іоадъ—одна изъ лучшихъ, наиболѣе реальныхъ фигуръ во всей трагедіи. Это человѣкъ безстрашный, готовый пострадать за вѣру (онъ самъ говоритъ въ 1-мъ актѣ: „*Soumis avec respect à Sa volonté sainte, je crains Dieu, cher Abner,—et n'ai point d'autre crainte!*“), презирающій язычество и идолопоклонство, преданный своему законному царю,—котораго онъ въ годы его дѣтства воспитывалъ съ любовью и стараніемъ, какъ своего ребенка, и передъ которымъ онъ все же преклоняетъ колѣно, когда настало время провозгласить его повелителемъ іудеевъ,—энергичный и даровитый. Онъ считаетъ своимъ назначеніемъ—истребить распространившееся по родной землѣ нечестіе, низложить царицу и закончить съ нею, возвести на престолъ законнаго наследника; вслѣдствіе этого, онъ группируетъ вокругъ себя левитовъ, становится душою заговора, руководитъ имъ, какъ опытный политикъ и убѣжденный человѣкъ. Чѣмъ-то суровымъ, неумолимымъ, непреклоннымъ и все же величественнымъ вѣетъ отъ этого борца за правую вѣру и защитника старыхъ традицій. Антагонистка Іоада въ трагедіи, Гоэолиа, появляется въ очень немногихъ сценахъ, но ея индивидуальность все же прекрасно очерчена: это женщина подозрительная, суевѣрная, мстительная, коварная, надменная, которая не гнушается никакими средствами для достиженія своихъ цѣлей, дрожить за свою власть, ненавидитъ и презираетъ іудейскую религію. Талантливо обрисованъ и ея сподвижникъ, Матванъ, жрецъ Ваала, когда-то бывший іудейскимъ священникомъ, соединяющій свойства типичнаго ренегата съ наклонностями

льстеца и низкаго угодника, лишенный какой-либо вѣры въ того бога, которому онъ теперь служить, но, какъ ловкій карьеристъ, прокладывающій себѣ дорогу въ власти и могуществу путемъ потворства безразличнымъ для него вѣрованіямъ царипы. Полнымъ контрастомъ Матеану является честный и доблестный Абнеръ, воинъ, закаленный въ бояхъ, готовый стоять за всякое правое дѣло, любящій дѣйствовать, а не разсуждать.

Въ хорахъ, которые мы здѣсь опять находимъ, какъ и въ „Esther“, въ рѣчахъ первосвященника, его супруги, Иоаса, Абнера, ярко отразился духъ стараго іудейства, сказалось неподдѣльное религиозное воодушевленіе минувшихъ вѣковъ. Расинъ сгумѣлъ на этотъ разъ болѣе, чѣмъ во многихъ другихъ своихъ пьесахъ, отрѣшиться отъ окружающей дѣйствительности, съ ея особымъ міросозерцаніемъ, и перенестись въ отдаленную старину, въ міръ суровыхъ, убѣжденныхъ людей и безстрашной борьбы за вѣру. Онъ закончилъ свою литературную дѣятельность не рядомъ слабыхъ и безцвѣтныхъ созданій, какъ Корнель, а одною изъ наиболѣе интересныхъ и сильныхъ своихъ пьесъ, прекрасною по языку, полною внутренняго содержанія, богатою потрясающими сценами...

Передъ нами только-что прошли въ хронологическомъ порядкѣ продукты творчества знаменитаго французскаго драматурга, по большей части, давно забытые нашею публикою; мы видѣли, какіе сюжеты преимущественно привлекали его вниманіе, какіе душевные аффекты получили яркое, художественное освѣщеніе въ его трагедіяхъ; мы познакомились съ тѣми разнообразными героями и героинями; страстные ихъ порывы, грезы о счастьѣ и пагубныя заблужденія воссозданы имъ иногда съ такимъ мастерствомъ. Мы отнюдь не хотѣли съ самаго начала и не хотимъ теперь, во что бы то ни стало, оправдывать всѣ особенности его творчества, доказывать, что оно можетъ быть принято современною публикою за предѣлами Франціи безъ всякихъ возраженій и вполнѣ удовлетворить тѣмъ требованіямъ, которыя мы теперь предъявляемъ къ драмѣ. Многое въ такъ-называемой „лже-классической“ теоріи слишкомъ чуждо намъ: единство мѣста и времени давно уже сдано въ архивъ; требованіе, чтобы героями трагедіи были только цари, полководцы и лица изъ высшаго общества представляется намъ теперь необыкновенно стѣснительнымъ и лишеннымъ разумнаго основанія; роли преслову-

тѣхъ наперсниковъ кажутся скучными и безцвѣтными, а когда герои французскихъ драматурговъ обращаются къ греческимъ или восточнымъ царицамъ, иногда даже къ своимъ роднымъ матерямъ съ словами „vous“ и „madame“, мы окончательно теряемъ всякую иллюзію, и готовы обвинять Расина и современныхъ ему драматурговъ въ небрежномъ отношеніи къ исторической правдѣ и соблюденію мѣстнаго колорита. Все это такъ, но, отмѣчая подобные промахи и нежелательныя особенности отдѣленнаго отъ насъ двумя вѣками творчества, мы иногда склонны осуждать огульно всё произведенія такого безусловно даровитаго писателя, какъ Расинъ, и, увлекаясь Шекспиромъ, являясь сторонниками болѣе реальной, близкой къ жизни, не стѣсненной никакими правилами драмы, смотримъ иногда свысока на произведенія забытаго „псевдо-классика“, ошибки и заблужденія котораго краснорѣчиво изложены даже на страницахъ школьнаго учебника по исторіи литературы... Никому не приходитъ только въ голову обратить вниманіе на то, что если „Расинъ и соблюдалъ въ точности знаменитыя „règles et unités“, — а иначе онъ поступить не могъ, такъ какъ онъ были тогда единогласно признаны всѣми и считались послѣднимъ словомъ художественнаго вкуса и разумной критики, — то все же онъ употребилъ всё усилія, чтобы сдѣлать примѣненіе этихъ правилъ возможно менѣе стѣснительнымъ. Разъ признавалось, что всё событія, изображенныя въ трагедіи, въ дѣйствительности должны были совершаться въ теченіе однѣхъ только сутокъ, онъ принялъ всё мѣры, чтобы сюжеты его пьесъ подходили къ подобному требованію, старался сдѣлать ихъ возможно болѣе простыми, устранить всё эпизоды, изображать всегда только одинъ критическій моментъ въ послѣдовательномъ развитіи извѣстной страсти, чтобы зритель могъ хоть сколько-нибудь повѣрить, что всё воспроизведенныя въ трагедіи факты, дѣйствительно, произошли въ теченіе двадцати-четырехъ часовъ. „Только то, что правдоподобно, можетъ въ трагедіи растрогать зрителя“, — читаемъ мы въ предисловіи къ „Bérénice“, — „а покажется ли намъ правдоподобнымъ, если въ продолженіе одного дня по пьесѣ происходятъ событія, которыя въ дѣйствительности едва ли могли бы совершиться даже въ нѣсколько недѣль?“ Это стремленіе осмыслить единство и нѣсколько облегчить его примѣненіе на практикѣ, обыкновенно упускается изъ виду строгими критиками Расина, какъ „псевдо-классика“.

Многіе отрицательныя приговоры надъ творчествомъ талант-

ливаго драматурга перешли къ современнымъ читателямъ и зрителямъ отъ предыдущихъ поколѣній, восприняты безъ всякаго возраженія, усвоены по традиціи, не подвергнуты провѣркѣ. Мало кто потрудится въ наши дни, и у насъ, и въ Германіи, перечестъ трагедіи Расина и составить свое независимое мнѣніе объ ихъ достоинствахъ и недостаткахъ. Отсюда—рядъ ошибочныхъ утвержденій, поверхностныхъ оцѣнокъ, явно пристрастныхъ и не вполне мотивированныхъ выводовъ. Говорятъ, на примѣръ, что Расинъ умѣлъ изображать только все нѣжное и чувствительное, забывая, какъ справедливо указываютъ Сентъ-Бёвъ, Дельтуръ и др., что онъ былъ авторомъ „Athalie“, создалъ мрачный образъ Агриппины, что изъ-подъ его пера вышла знаменитая рѣчь Митридата къ сыновьямъ, развивающая его грандіозные политическіе замыслы. Говорятъ, что слогъ героевъ Расина имѣетъ часто условный, слишкомъ утонченный, далекий отъ жизни характеръ, что онъ не походитъ на подлинный языкъ любви и страсти; если подобное утвержденіе можетъ быть подтверждено отдѣльными примѣрами, ссылкою на роли Гэмона, Александра, Британника, Баязета, Ксифареса, то для чего же закрывать глаза на примѣры противоположнаго характера и не упомянуть о томъ, что ревность Герміоны и Федры, чувственная любовь Роксаны или материнская нѣжность Андромахи и Клитемнестры отразились у Расина въ непринужденной, безусловно правдивой формѣ? Что французскій драматургъ не считалъ нужнымъ строго придерживаться тѣхъ возрѣній и художественныхъ приѣмовъ, которые онъ находилъ въ произведеніяхъ античной литературы, служившихъ ему образцами; что онъ переименовывалъ заимствованные у греческихъ и латинскихъ писателей сюжеты, приспосабливая ихъ къ требованіямъ своего времени и понятіямъ окружающаго общества, конечно,—безспорный фактъ. Но странно обвинять въ незнаніи античной жизни и словесности писателя, обладавшаго громадною эрудиціею по этой части, хорошо знакомаго съ произведеніями Софокла, Эврипида, Аристофана, Плуларха, Сенеки, Виргилія, Овидія, Тацита, Квинта-Курція и другихъ. Отступленія отъ исторіи, нерѣдко попадающіяся у Расина, французскія черты, неожиданно соединяющіяся въ его пьесахъ съ древне-греческими или римскими, съ легкой руки Лессинга и Шлегеля, вызываютъ обыкновенно самую строгую и беспощадную критику; но развѣ „Донъ-Карлосъ“ Шиллера даетъ точное понятіе объ эпохѣ Филиппа II, и рѣчи маркиза Позы не полны отголосковъ просвѣтительной философіи XVIII вѣка! Развѣ

Гётевская Ифигенія, какъ справедливо замѣтилъ Ларрумэ, болѣе гречанка, чѣмъ героиня Расина? Развѣ, наконецъ, въ трагедіи Шекспира изъ римской исторіи не врываюся англійскія бытовыя черты? Мы хорошо знаемъ всѣ эти промахи и анахронизмы, но это не мѣшаетъ намъ восторгаться художественными красотоми тѣхъ пьесъ, въ которыхъ они попадаются. Почему же такая немилость по отношенію къ Расину?.. Можно даже сказать больше: пониженіе французскихъ національных и бытовыхъ особенностей въ трагедіи Расина, въ родѣ „Андромахи“ „Британика“ или „Береники“, даже придають этимъ произведеніямъ своеобразный интересъ въ глазахъ историка литературы и общественной жизни. Какъ справедливо замѣтилъ Тэнъ, творчество Расина въ сущности было весьма прозрачнымъ, нагляднымъ отраженіемъ французской дѣйствительности, хотя онъ дѣлалъ видъ, а можетъ быть и самъ былъ убѣжденъ въ томъ, что въ точности воспроизводитъ древне-греческіе или римскіе нравы, и только „Баязета“ считалъ пьесою изъ современной жизни. Принято смѣяться надъ тѣмъ, что Ахиллъ, Орестъ или Титъ выходили въ XVII вѣкѣ на сцену въ „испанскомъ“ костюмѣ, со шпагою и въ шляпѣ съ перомъ; но, быть можетъ, это было не такъ нелѣпо, какъ теперь кажется, и актеры того времени были ближе къ дѣйствительности, играя свои роли въ тѣхъ костюмахъ, которые всѣ носили вокругъ нихъ, чѣмъ новѣйшіе исполнители тѣхъ же ролей, облекшіеся въ греческіе хитоны или римскія тоги. Бытъ высшихъ слоевъ французскаго общества въ эпоху Лудовика XIV становится намъ болѣе понятнымъ и знакомымъ при чтеніи трагедій Расина, хотя съ виду онѣ не имѣютъ никакого отношенія къ французской дѣйствительности. Правители въ родѣ Тита, Митридата или Агамемнона, отдѣльными чертами своего характера и своимъ обращеніемъ съ приближенными напоминають порою Лудовика XIV; Орестъ ведетъ переговоры съ Пирромъ о выдачѣ Астіанакса въ такомъ же тонѣ, какого придерживался бы посланникъ союзнаго съ Франціей государства, явившійся съ дипломатическою миссіей во дворецъ къ „roi soleil“. У Иоада, какъ замѣчаетъ Тэнъ, есть черты сходства съ католическими прелатами того времени, въ родѣ Боссюэта, съ его глубоко религіозною натурою и суровостью по отношенію къ новѣрцамъ. Такія молодыя дѣвушки, какъ Юнія, Аталида или Арисія, несмотря на ихъ римскія, мнимо-турецкія или греческія имена, — кажутся дочерьми придворныхъ Лудовика XIV или принцессами королевской крови, которыя хорошо знаютъ утон-

ченный языкъ модныхъ салоновъ, зачитываются литературными произведеніями новой школы, изучили въ совершенствѣ требованія приличія и правила этикета... Если цари и полководцы у Расина излагаютъ иногда свои мысли и ощущенія въ слишкомъ сдержанной и правильной, съ современной точки зрѣнія, формѣ, это объясняется тѣмъ, что французскій король и его семейство проводили, въ силу требованій этикета, большую часть дня въ присутствіи постороннихъ людей и, естественно, не могли давать воли проявленію своихъ чувствъ, желаній и надеждъ. Значило ли это, однако, что они были неспособны на искреннее, непосредственное чувство, и, въ зависимости отъ этого, можемъ ли мы называть героевъ Расина безжизненными олицетвореніями отдѣльныхъ страстей, потому только, что ихъ рѣчи лишены иногда желательной простоты и непринужденности?..

Не преклоняться безусловно должны мы въ наши дни передъ Расиномъ, но вполне безпристрастно и сповойно оцѣнивать его творчество. Многое устарѣло въ его произведеніяхъ, вслѣдствіе того, что отжила свой вѣкъ та теорія драмы, которую онъ исповѣдывалъ, и объясняющіяся духомъ времени условности поражаютъ иногда непривычнаго читателя или зрителя. Но въ его творествѣ есть все же нѣчто переживающее вѣкъ, трогающее человѣческое сердце даже теперь, несмотря на то, что современная драма далеко ушла отъ завѣтовъ и традицій „классической“ эпохи. Являясь сыномъ своего времени и своей націи, отражая міросозерцаніе, художественные и нравственные идеалы извѣстнаго періода, Расинъ сумѣлъ все же придать лучшимъ своимъ трагедіямъ общечеловѣчскій характеръ, изображая тѣ страсти, которыя волнуютъ, терзаютъ и доводятъ иногда до гибели представителей всѣхъ эпохъ и всѣхъ націй. Безпристрастный изслѣдователь, который сумѣетъ что-нибудь увидѣть дальше внѣшней формы трагедій Расина, отведетъ ему почетное мѣсто въ кругу выдающихся европейскихъ писателей, какъ драматургу-психологу, изображавшему такіе конфликты, которые, какъ справедливо замѣчаетъ Робертъ и Брюнетьеръ, повторяются и въ современной жизни, не представляютъ собою ничего исключительнаго или необычайнаго. Ревность Герміоны или Федры, материнская любовь Андромахи, честолюбіе Акомата и Агамемнона, нивость и безпринципность Нарцисса и Матеоана,—всѣ эти чувства и душевныя свойства вполне возможны и въ наши дни. За Расиномъ всегда останется та заслуга, что онъ ввелъ во французскую трагедію элементъ страсти, уравновѣсивъ и смяг-

чивъ этимъ путемъ разсудочный, трезвый характеръ этой трагедіи, предохранивъ ее, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ вліянія приторнаго и манернаго творчества такихъ писателей, какъ Кюно. Мы не станемъ сравнивать его съ Шекспиромъ, потому что это не можетъ привести ни къ какимъ существеннымъ и плодотворнымъ результатамъ, подобно разсужденіямъ Фонтенелля и Сентъ-Эврмонна о превосходствѣ Корнеля или Расина, пресловутому противопоставленію именъ Шиллера и Гёте и т. д.,—потому что у каждаго изъ этихъ двухъ драматурговъ есть особая, вполне подходящая къ его дарованію сфера, въ которой онъ чувствуетъ себя хозяиномъ и не знаетъ соперниковъ, потому, наконецъ, что они были представителями двухъ различныхъ націй, эпохъ, міросозерцаній, эстетическихъ теорій. Творчество каждаго изъ нихъ хорошо въ своемъ родѣ, у нихъ почти нѣтъ точекъ соприкосновенія; они создавали свои произведенія, руководствуясь совершенно несходными идеалами, симпатіями и вкусами. Намъ, конечно, ближе и понятнѣе геній Шекспира,—но не будемъ относиться пренебрежительно къ дарованію славнаго французскаго драматурга, только потому, что оно не подходитъ къ нашимъ возрѣніямъ на искусство и задачи драмы. Быть можетъ, придетъ день, когда начнется извѣстная реабилитація творчества Расина на русской почвѣ, когда, несмотря на всѣ условности и чуждыя намъ типично-національныя особенности, которыми отличаются иные его трагедіи, образы Герміоны, Андромахи, Береницы, Роксаны, Мопимы, Ифигеніи станутъ почти такими же близкими нашей публикѣ, какъ Шекспировскія или Шиллеровскія героини. Вѣдь могла же „Федра“ снова увлечь на нашихъ глазахъ русскую публику и послѣ значительнаго перерыва занять извѣстное мѣсто въ нашемъ современномъ репертуарѣ! Теперь, когда психологическая драма начинаетъ пользоваться и у насъ, и на Западѣ, все большею популярностью, невольно опять приходитъ на память творчество Расина, такъ мастерски изображавшаго матѣйшіе, самые неуловимые отгѣнки душевнаго настроенія своихъ героевъ и героинь... Слишкомъ два столѣтія протекли уже со времени появленія трагедій Расина, многое успѣло перемѣниться за этотъ продолжительный срокъ: оба единства давно забыты; свободный и непринужденный тонъ царитъ въ драмѣ; разнообразныя явленія, прежде не изображавшіяся на сценѣ, вошли теперь въ сферу наблюденій драматурговъ; безусловное преклоненіе передъ старыми литературными авторитетами пошатнулось даже во Франціи,—но авторъ „Андромахи“

и „Федры“, самъ бывший когда-то литературнымъ новаторомъ, выносившій упорную борьбу со старою школою и сторонниками рутины, не такъ уже чуждъ современнымъ теченіямъ въ области драмы, какъ это принято думать; онъ несомнѣнно является однимъ изъ родоначальниковъ и главныхъ предшественниковъ той плеяды драматурговъ новѣйшаго времени, которая сдѣлала своею главною задачею психологическій анализъ, избрала объектомъ своихъ наблюденій человѣческое сердце, съ его безконечно-разнообразными измѣненіями и загадочною внутреннею жизнью.

Юрій Веселовскій.

Москва.



ПО СИЦИЛИИ

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРЕИ.

I.—Палермо.

Много приморскихъ городовъ въ разныхъ частяхъ свѣта приходилось мнѣ видѣть, но ни одинъ изъ нихъ не произвелъ на меня такого обаятельнаго впечатлѣнія, какъ Палермо. И въ самомъ дѣлѣ, выѣхавъ въ дождливую погоду изъ Неаполя и подъѣзжая на слѣдующее затѣмъ утро къ берегамъ Сициліи при ясномъ небѣ, я съ палубы парохода увидѣлъ чудную картину: справа надъ самымъ уровнемъ моря высится обнаженная скала Монте-Пеллегрино; слѣва, какъ разъ насупротивъ, по другую сторону залива, выступаетъ мысомъ такая же высокая, но покрытая зеленью гора. Отъ одной возвышенности къ другой полу-кругомъ во внутрь материка тянутся высокія гряды, охвативъ собою обширную равнину, на которой у самаго залива и пріютился городъ съ его свѣтлыми домами и триумфальными арками, съ его храмами и башнями. А тамъ, далѣе, за городомъ, по той же равнинѣ, взбираясь все выше по скатамъ горъ, зеленеютъ лимонныя и апельсинныя рощи, виноградники, оливковыя и миндальныя деревья, подъ кущею которыхъ раскинулись пестрыя виллы горожанъ, церкви и колокольни. Не даромъ эту живописную ложбину, охваченную высотами, прозвали „Золотымъ Раздольемъ“ (Il Conco d'Oro). Эта привлекательная картина поражаетъ тѣмъ еще сильнѣе, что она раскинулась здѣсь въ такихъ обширныхъ размѣрахъ.

Какъ ни извилисты и ни перепутаны улицы древняго города, однако въ немъ не трудно ориентироваться. Дѣло въ томъ,

что двѣ главныя его артеріи пересѣкаются почти въ средоточіи города подь прямымъ угломъ. Одна изъ нихъ, подь названіемъ „Корсо Виктора-Эммануила“, или просто Корсо (Il Corso), какъ говорятъ горожане, тянется отъ стоящей у набережной арки, называемой „Счастливыми воротами“ (Porta Felice), и прилегаеть по прямой линіи почти съ востока на западъ до другой арки, до „Новыхъ-воротъ“ (Porta Nuova); а другая—подь названіемъ „Віа-Макведа“, или, короче, Віа (Via Macqueda) тянется съ юга на сѣверь. Перекрестокъ, образуемый пересѣченіемъ этихъ двухъ главныхъ артерій, составляетъ знаменательную для города площадь „Четырехъ-Угловъ“ (Quattro Canti). Четыре угла этого своеобразнаго перекрестка отсѣчены, такъ что площадь образуетъ правильный осьмиугольникъ. По четыремъ его сторонамъ надъ широкими троттуарами устроены бассейны въ родѣ обширныхъ раковинъ, въ которыя изъ пастей бронзовыхъ животныхъ безостановочно плещеть студеная вода. Надъ каждымъ изъ бассейновъ воздвигнуты бронзовыя группы, состоящія изъ статуй испанскихъ королей и святыхъ женъ; тутъ же сверхъ того стоятъ символическія фигуры, представляющія Четыре времени года. Какъ видно, эти фонтаны служатъ нагляднымъ воспоминаніемъ объ испанскомъ владычествѣ надъ островомъ. Не даромъ это мѣсто признается настоящимъ средоточіемъ Палермо. И точно, здѣсь постоянно, съ утра до вечера по четыремъ сторонамъ на троттуарахъ толчется публика, состоящая большею частью изъ средняго класса населенія. Стоя плечомъ къ плечу, горожане переговариваютъ тутъ о своихъ дѣлахъ или о политическихъ новостяхъ. А иные просто глазѣютъ на катящіяся мимо, какъ по Корсо, такъ и по Віа, коляски, omnibusы, а не то и простыя фуры съ разной кладью. Въ этой толкотнѣ шныряютъ мальчишки, выкрикивая названіе только-что вышедшей изъ типографіи газеты, а также продавцы спичекъ, почтовой бумаги, стеариновыхъ свѣчей и тому подобныхъ мелкихъ предметовъ, разносимыхъ на лоткахъ. Эти товары назойливо, съ крикомъ, чуть не съ визгомъ, навязываются публикѣ.

Недалеко отсюда, въ южномъ направленіи по улицѣ Макведа, тотчасъ налѣво за угломъ возвышается зданіе городской думы, перестроенное изъ бывшаго дворца римскаго претора, управлявшаго во время-оно островомъ. Довольно обширное мѣсто, одну сторону котораго занимаетъ дума, такъ и называется площадью Преторіи. По срединѣ этой площади стоитъ обширный фонтанъ, замѣчательный по своимъ крайне сложнымъ, оригинальнымъ, впрочемъ мало-изящнымъ украшениямъ: вокругъ мраморнаго бассейна

раскнуты фигуры странных звѣрей и около двухъ десятковъ статуй въ такомъ безпорядкѣ, что все въ совокупности не представляетъ никакого стройнаго цѣлаго. Далѣе по той же улицѣ, но на другой ея сторонѣ, надъ порталомъ обширнаго зданія начертана надпись: Regia studiorum Universitas. Просторный внутренний дворъ этого университета изобилуетъ красивыми колоннами. Такія колоннады, какъ мнѣ пришлось убѣдиться впоследствии, составляютъ вообще отличительную черту всѣхъ значительныхъ зданій не только въ Палермо, но также въ другихъ городахъ Сициліи. Университетскій дворъ со всѣхъ сторонъ окруженъ аудиториями, при входѣ въ которыя наружу вывѣшены объявленія профессоровъ, которымъ предстоитъ читать лекціи.

Въ своихъ походахъ по городу я обыкновенно пользовался площадью Четырехъ-Угловъ, какъ исходнымъ пунктомъ. Проходя отсюда по Віа-Мавведа, легко убѣдиться въ томъ, что эта длинная улица служитъ какъ бы аристократическимъ авеню, тогда какъ Корсо Виктора-Эммануила, напротивъ того, слѣдуетъ признать коммерческою улицей. И въ самомъ дѣлѣ, галантерейные, модные, гастрономическіе, кондитерскіе и тому подобные магазины по Віа—роскошнѣе и изящнѣе. Сверхъ того, по той же улицѣ находятся два большихъ театра, передъ фасадами которыхъ троттуары освѣщаются электричествомъ, тогда какъ въ городѣ вообще горятъ газовые фонари. Но аристократическій пошибъ этой Віа ярче всего проявляется подъ вечеръ, когда фешенебельная знать совершаетъ свои поѣздки за городъ. При этомъ болѣе или менѣе богатые синьоры стараются перещегоолять другъ друга своими экипажами и лошадьми въ щегольской упряжи. Тутъ же мчатся спортсмены на легкихъ сѣльки, уносимыхъ быстрыми рысаками. То-и-дѣло проносятся веселыя кавалькады, а между экипажами ловко шмыгаютъ велосипедисты, среди которыхъ часто щеголяютъ своею отвагой молодыя дамы. Сидя на гранитныхъ скамьяхъ, разставленныхъ по широкимъ троттуарамъ, болѣе скромная публика любитъ эту подвижную картину. Вся масса проѣзжихъ несется по прямому направленію на сѣверъ къ загороднымъ вилламъ, которыя составляютъ какъ бы продолженіе города. Доѣхавъ до подножія поднимающихся вдали горъ, гуляющіе тѣмъ же путемъ возвращаются вспять.

Между экипажами, въ извѣстные часы дня, встрѣчаются между прочимъ омнибусы, занимаемые исключительно одними мальчиками и дѣвочками. Эти экипажи назначены собственно для школь. Утромъ, разѣзжая по извѣстнымъ имъ улицамъ, они собираютъ учениковъ и ученицъ и отвозятъ ихъ въ извѣстную

школу, а затѣмъ, по окончаніи ученья, подѣзжаютъ къ школѣ и развозятъ тѣхъ же учащихся по домамъ, получая, конечно, за это довольно умѣренную плату.

На Корсо не встрѣчается такого множества щегольскихъ экипажей, какъ на Віа; тутъ толпится обыкновенно дѣловой коммерческой людъ. На восточномъ краю этой улицы, тотчасъ же за аркой Счастливыхъ-воротъ, открывается единственная въ своемъ родѣ широкая эспланада, отдѣленная отъ залива прекрасной гранитной оградой. Эта набережная, такъ называемая „Итальянская площадь“ (Il Fogo Italico), представляетъ широкій просторный променады, который въ лѣтнюю пору служитъ такимъ же излюбленнымъ сборищемъ для горожанъ, какъ въ зимніе мѣсяцы Віа-Макведа: въ знойные дни, морскіе бризы навѣиваютъ здѣсь пріятную свѣжесть, а разведенный на южномъ краю площади прекрасный садъ, извѣстный подъ именемъ Ла-Флора, питаетъ воздухъ чудными ароматами своихъ неувядаемыхъ въ теченіе круглаго года цвѣтовъ.

Несмотря, однако, на господствующій по обѣимъ главнымъ улицамъ чисто европейскій слядъ, мнѣ странно показалось, что здѣсь на троттуарахъ, по которымъ прохаживаются и даже просто стоятъ толпы празднаго люда, нигдѣ не видать публички, распивающей кофе или иные напитки за разставленными наружу столиками, какіе приходилось встрѣчать даже въ Африкѣ, въ Каирѣ, Тунисѣ и Алжирѣ. Вообще, кофеенъ въ Палермо весьма ограниченное количество. Это, какъ мнѣ говорили, объясняется бѣдностью горожанъ въ среднемъ классѣ вообще. Зато здѣсь часто попадаются такъ-называемые „салоны“, въ которыхъ брѣютъ и стригутъ. Не успѣешь пройти нѣсколько шаговъ безъ того, чтобы не увидѣть парикмахерскій салонъ. Съ улицы въ окна и стеклянныя двери можно даже любоваться зрѣлищемъ процедуры бритья или стрижки, и при этомъ мнѣ всегда казалось, что такіе салоны, вѣроятно, служатъ отчасти замѣною кофеенъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ таковой парикмахерской, особенно по вечерамъ, находилось обыкновенно цѣлое общество особъ, спокойно сидѣвшихъ на диванахъ и въ креслахъ, и пока мѣстный фигаро стрижетъ или брѣетъ одного, — въ то время остальные гости пробавляются интересными разговорами. Брѣются здѣсь чуть ли не всѣ, такъ что крайне рѣдко можно встрѣтить бородатаго горожанина, и казалось даже, что нныя личности подвергаются этой операциі скорѣе для препровожденія времени, чѣмъ по крайней необходимости; многіе жители даже абонируются обыкно-

венно на цѣлый годъ въ парикмахерской, и такой абонементъ за бритье и стрижку обходится весьма недорого.

Какъ бы то ни было, а все-таки, какъ Корсо, такъ и Виа, по наружному складу напоминаютъ собою улицы большихъ европейскихъ городовъ. Но стоитъ только свернуть куда-нибудь въ сторону и побродить по извилинамъ, узкимъ переулкамъ въ старомъ многолюдномъ кварталѣ,—и по неволѣ вспомнишь объ африканскихъ городахъ съ ихъ шумными базарами. Въ этихъ запутанныхъ переулкахъ производится бойкій торгъ по преимуществу разными съѣстными припасами. Лавки по обѣ стороны мостовой завалены хлѣбами, мясомъ, птицей, рыбой, овощами и фруктами, болѣе всего, конечно, апельсинами и лимонами; а въ иныхъ, также открытыхъ лавочкахъ предлагаются на дымлящихся сковородахъ совсѣмъ готовые снѣди: макароны, жареная колбаса, вареная зелень и овощъ. Торговцы на весь рынокъ выкрикиваютъ свой товаръ съ такимъ азартомъ, что среди неумолкаемаго гула толпы то-и-дѣло разносится ихъ звонкій голосъ, предлагающій публикѣ свои горячія яства. На тѣхъ же улицахъ въ иныхъ лавкахъ торгуютъ готовымъ дешевымъ платьемъ, также сапогами и вообще всякою обувью. Зачастую передъ дверьми, надъ самымъ троттуаромъ, на длинныхъ жердяхъ развѣшиваются для просушки изготовляемыя тутъ же макароны, какъ бы напоминающія собой о близкомъ сосѣдствѣ Италіи, этой коренной ихъ родины. Въ толпѣ не безъ труда пробираются двухколесныя тачки, влекомыя осликами и до верху нагруженныя артишоками, а не то цвѣтною капустой, каждый кочанъ которой величиной съ голову взрослога человѣка, и притомъ не только бѣлаго, а также фіолетоваго, палеваго и желтаго цвѣтовъ. Эти тачки, впрочемъ, и сами по себѣ привлекаютъ вниманіе своими причудливыми иллюстраціями, которыми изукрашены ихъ прямыя стѣнки со всѣхъ четырехъ сторонъ. Нельзя не полюбоваться пестрыми картинами, этими затѣйливыми произведеніями туземныхъ живописцевъ. Вотъ, на примѣръ, на одной изъ досокъ изображена страшная битва рыцарей съ обнаженными мечами, а на другой — торжественная процессія или коронація. Въ такихъ картинахъ представляются большею частью историческія событія, а не то также эпизодъ изъ Ветхаго и Новаго Заветовъ. Иллюстрація обыкновенно вся сплошь наполняется человѣческими фигурами, пѣшими и конными, которыя отличаются вообще яркими красками съ преобладающими синими, желтыми и красными цвѣтами. Упряжь самого ослика

тоже щеголяетъ пунцовою бахромой на хомутѣ и яркочернымъ султаномъ надъ черезсѣдельникомъ.

Въ одномъ изъ закоулковъ города я случайно наткнулся на воздвигнутое душой весьма солидное зданіе для рынка. Однако, оно никѣмъ не было занято, такъ что отличные мраморные столы, точно ни на что негодные, красовались въ покинутомъ рыноѣ. Жители какъ будто предпочитаютъ торговать въ своихъ открытыхъ лавчонкахъ или просто на улицѣ. Мнѣ говорили, что торговцамъ не хочется платить за мѣста въ воздвигнутомъ дуемой крытомъ рыноѣ. Но скорѣе надо предполагать, что въ этомъ случаѣ преобладаетъ перенесенная сюда африканцами изъ Туниса привычка торговать на уличномъ базарѣ.

Погода въ Палермо въ началѣ февраля была вообще неприглядная: то-и-дѣло выпадали дожди, воздухъ былъ довольно свѣжій; среди дня термометръ показывалъ 10—12° по Реомюру въ тѣни. Зато послѣ 5-го наступила погода, какая въ Москвѣ бываетъ развѣ въ маѣ. Воспользовавшись яснымъ днемъ, я отправился на Монте-Пеллегрино, на ту скалистую гору, что такимъ живописнымъ мысомъ выдается въ море съ сѣверной стороны палермской гавани. Главная цѣль такого похода состоитъ въ посѣщеніи грота св. Розаліи, признаваемой покровительницей города. Пройдя берегомъ на сѣверъ и миновавъ гавань, я въ предмѣстьѣ вышелъ на обширную площадь, раскинутую у самаго подножія горы. На этой равнинѣ солдаты упражнялись въ стрѣльбѣ въ цѣль. Пробивая мишень, пули послѣ каждаго выстрѣла съ гулкимъ стукомъ ударялись въ скалу. Выходъ по крутымъ скатамъ былъ бы крайне затруднителенъ, еслибъ администрація города не позаботилась устроить болѣе удобный подъемъ. Снизу издали уже видно, какъ искусно вылѣбленные изъ камня виадукты, перекинутые черезъ рывины, зигзагами взбираются вверхъ. Въ полтора часа безъ особеннаго труда достигъ я стоящей на высотѣ шестисотъ метровъ надъ моремъ церкви весьма скромной архитектуры. На каменной лѣстницѣ тутъ же встрѣтилъ меня монахъ и, отерывъ большую дверь, пригласилъ войти въ капеллу. Внутри я убѣдился, что церковь сооружена въ самой скалѣ, такъ что, вступивъ туда, я въ полумракѣ успѣлъ различить высокій гротъ, стѣны котораго покрыты сыростью. Въ глубинѣ сумрачнаго грота стоитъ алтарь, а подъ нимъ, за мѣдной рѣшеткой, съ полдюжины восковыхъ свѣчей освѣщаютъ мраморную фигуру спящей дѣвушки, склонившей бѣло-

курую головку на правую руку. Два съ половиной вѣка тому назадъ, какъ гласитъ преданіе, дочь норманскаго герцога, Розалія, шестнадцати лѣтъ отъ роду, уходила изъ дома своего отца въ горы и, предаваясь благочестивымъ созерцаніямъ, проводила тамъ дни и ночи. Впослѣдствіи въ гротѣ открыли ея останки. Когда перенесли ихъ въ городъ, то свирѣпствовавшая тамъ чума тотчасъ прекратилась. Съ этой поры Розалія и почитается святой покровительницей города. Походятъ ли высѣченныя изъ мрамора черты лежащей статуи на ликъ святой дѣвы и дѣйствительно ли она лежала въ этомъ гротѣ,—объ этомъ преданіе умалчиваетъ. Во всякомъ случаѣ, однако, не можетъ подлежать сомнѣнію, что, спасаясь въ горахъ, святая Розалія никогда не облекалась въ такія одежды, въ какихъ ея личность изображена въ спящей статуѣ: не только пальцы правой руки разукрашены дорогими перетнями, но и все вообще облаченіе, сдѣланное какъ бы изъ позолоченнаго металла, походитъ на пышную парчу, покрытую позументами. Признаюсь, все вмѣстѣ,—положеніе статуи за мѣдной рѣшеткой подъ алтаремъ, освѣщеніе восковыми свѣчами, пышное облаченіе,—показалось мнѣ чрезчуръ театральнымъ, мишурнымъ, лишеннымъ вкуса изображеніемъ.

Покинувъ мрачный гротъ, я поднялся по каменистой тропѣ на самую вершину горы, гдѣ стоитъ бѣлый домикъ, служащій телеграфомъ. Съ этой возвышенности открывается широкой кругозоръ: вдаль на востокъ виднѣются Липарскіе острова съ крохотнымъ Стримболи; а на югъ, надъ горами, сквозь сизую дымку бѣлѣетъ снѣжная вершина Этны; внизу, у подножія Пеллегринна, въ лоцинѣ, обведенной съ трехъ сторонъ горами, видны ярко освѣщенные солнцемъ дома города Палермо, который недаромъ прозванъ бѣлокаменной столицей (La Bianca).

Интересно было обойти Монте-Пеллегринно со всѣхъ сторонъ у ея подножія. Съ этою цѣлью я на другое утро направился по Віа-Макведа и вскорѣ достигъ предмѣстья, извѣстнаго подъ именемъ Ла-Фаворита, гдѣ находится дворецъ того же имени. Въ это предмѣстье и направляются обыкновенно экипажи съ праздною публикой на гулянье. Миновавъ по шоссе выстроенный въ китайскомъ вкусѣ дворецъ, я долго шелъ по долинѣ между двумя горами. По обѣ стороны дороги тянутся каменные ограды, надъ которыми торчатъ вершины лимонныхъ деревьевъ, увѣшенныхъ золотистыми плодами. Въ этомъ краѣ лимонные сады, которые со всѣхъ сторонъ раскинулись подъ городомъ, ограждены довольно высокими каменными стѣнами. Неужели все еще опа-

саются нападеній? Неужели здѣсь, въ предмѣстьяхъ Палермо, совершаются еще грабежи и разбой? Меня, напротивъ, увѣрили, что въ окрестностяхъ города нечего опасаться, тѣмъ болѣе, что онѣ охраняются конными карабинерами, разтѣвжающими по всѣмъ направленіямъ. Мнѣ не разъ случалось встрѣчаться съ этой стражей. Вообще, я могъ убѣдиться, что во всей Сициліи, которая въ былое время славилась своими бандитами, нынѣ туристу не угрожаетъ встрѣча съ ними. Что же касается пресловутой „мафіи“, то это таинственное общество, вызванное скорѣе всего правительственными неурядицами, преслѣдовало, какъ увѣряютъ, преимущественно социалистическія цѣли и направляло свои нападенія главнѣйше на богатыхъ землевладѣльцевъ. Въ настоящее время даже это общество повидимому прекратило свои подвиги. А потому высокія каменные ограды слѣдуетъ скорѣе признать остатками минувшихъ временъ, когда страна дѣйствительно подвергалась частымъ нападкамъ и грабежамъ.

Миновавъ Монте-Пеллегрино со стороны материка, я собиравался обойти подножіе горы со стороны моря. Кстаті, по тропинкѣ, которая сворачивала вправо съ моей дороги, шелъ на встрѣчу рыбаекъ, несшій въ корзинѣ мелкую рыбу на продажу въ городъ. Я обратился къ нему съ вопросомъ: „можно ли здѣсь пройти къ морю“? Онъ отвѣтилъ утвердительно, и я пустился на удачу по тропинкѣ впередъ. Вскорѣ, однако, я очутился въ густой лимонной рощѣ, въ которой пропалъ всякій слѣдъ тропы. Пробираясь подъ нависшими надъ моей головой вѣтвями съ золотистыми лимонами, я, къ счастью, замѣтилъ въ чащѣ женщину, пасшую тутъ индѣекъ. На мой вопросъ: „какъ пройти къ морю?“—она услужливо провела меня до едва замѣтной тропинки и указала по направленію къ востоку. Минуть черезъ пять я нагналъ фермера, который, на мой вопросъ о дорогѣ къ берегу, сказалъ, чтобы я послѣдовалъ за нимъ. Дойдя до калитки, пробитой въ стѣнѣ сосѣдняго сада, онъ вынулъ изъ кармана ключъ, отперъ дверцы и пригласилъ меня войти въ садъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ вывелъ меня на каменистую дорогу и сказалъ, что по ней я выйду какъ разъ къ морю. Пожавъ руку предупредительному фермеру, я дружески простился съ нимъ. Такимъ путемъ мнѣ пришлось версты двѣ пробродить по лимоннымъ садамъ, и козлева весьма радушнымъ образомъ указывали мнѣ дорогу по своимъ плантаціямъ. Впослѣдствіи мнѣ не разъ приходилось пользоваться такимъ любезнымъ обращеніемъ туземцевъ, съ которыми случалось встрѣчаться въ предмѣстьяхъ.

Пробираясь по усыпанной валунами морской окраинѣ, я опять

увидѣлъ передъ собою справа скалистые бока Монте-Пеллегрино. Я шелъ у его подножія съ восточной стороны, а слѣва у моихъ ногъ морскіе валы съ пѣной разбивались о каменистый берегъ. Сѣрыя скалы, кое-гдѣ покрытыя мхомъ и скудною зеленью, здѣсь почти непосредственно спускаются въ море, такъ что для прохода едва остается узкая каменистая полоса у подножія. А въ одномъ мѣстѣ наверху въ скалѣ темнѣеть глубокій гротъ, подобный тому, въ которомъ почила благочестивая Розалія. Мѣстами меня орошали брызги разбивавшихся о высокіе камни волнъ. Пройдя около трехъ верстъ, я не видѣлъ ничего, кромѣ сѣрыхъ, обнаженныхъ скалъ справа, моря подъ ногами и неба надъ головой. Царившая вокругъ тишина нарушалась лишь морскимъ буруномъ. Съ часъ времени я не встрѣтилъ ни одного живого существа; не было даже птицъ ни на скалахъ, ни на морѣ; только вдали, чуть ли не на самомъ горизонтѣ, виднѣлись лодки рыбаковъ. Наконецъ, поднявшись на каменистый взлобокъ, я увидѣлъ передъ собою полуразвалившуюся башню, слѣпленную изъ диваго камня. Отсюда открылся видъ на бѣлокаменную столицу и на гавань, въ которой между черными трубами пароходовъ торчали мачты парусныхъ судовъ. Тутъ по сѣрымъ скаламъ стали показываться козы: прыгая съ камня на камень, онѣ пощипываютъ скудную травку, какая кое-гдѣ показывается въ щеляхъ горы.

Миновавъ затѣмъ селеніе Аввасанта, которое лѣтомъ много посѣщается горожанами ради морскихъ купаній, я подошелъ къ самой гавани. Въ ней, помимо крупныхъ судовъ, пріютилось множество рыбацкихъ лодокъ. По набережной здѣсь тянется рынокъ, на которомъ торгуютъ преимущественно съѣстными припасами. Рыбаки привозятъ сюда наловленную ими рыбу, которая тутъ же въ плоскихъ корзинахъ лежала на троттуарѣ. По рынку кишмя кишитъ толпа, состоящая изъ сброда самыхъ разнородныхъ племенъ: тутъ съ личностями испанскаго или греческаго типа сталкиваются смуглыя арабскія фізіономіи, которымъ недостаетъ только бѣлага бурнуса и чалмы для того, чтобы вполнѣ походить на тунисскихъ туземцевъ.

Это сборище разноплеменныхъ расъ служитъ какъ бы нагляднымъ указаніемъ на тѣ народности, которыя въ разныя эпохи наводняли собою островъ. И въ самомъ дѣлѣ, Сицилія испоконъ вѣка считалась проходною страной для населявшихъ три древніе материка средиземно-морскихъ націй. Иноземные пришельцы появлялись тамъ со всѣхъ четырехъ странъ свѣта. Подобно Америкѣ, въ наше время эта „Тринакрія“ древнихъ, какъ

назывался самый островъ, считалась искони обѣтованною стра-ною въ тѣ времена, когда мореплаватели не пускались еще вдаль, за предѣлы Средиземнаго моря. На привлекательный островъ переселенцы стремились въ погонѣ за живою и за всякими жизненными благами. Финикіянне открыли здѣсь свои торговыя факторіи и, какъ гласитъ преданіе, очарованные прекраснымъ заливомъ, основали Панормъ, нынѣшнее Палермо. Вслѣдъ за ними по восточному побережью острова явились греки, которые устойчивѣе финикіянъ водворились на немъ, залагая болѣе цвѣтушія земледѣльческія колоніи. Съ юга изъ Африки впослѣдствіи нахлынули карфагеняне, а съ сѣвера—римляне. Потомъ на островѣ побывали даже остъ-готы, изгнанные Велисаріемъ. Послѣ того въ Сициліи господствовали арабы до тѣхъ поръ, пока ихъ владычество не было сокрушено нагрянувшими съ сѣвера норманнами. Когда, послѣ цвѣтущаго норманскаго періода, независимая Сицилія перешла во власть Франціи, а вслѣдъ затѣмъ Испаніи, то островъ навсегда утратилъ свою самостоятельность, и съ этой поры онъ считался лишь составною частью болѣе обширной державы. Прибавимъ еще, что въ пестрой смѣси разнообразныхъ племенъ въ Сициліи затерялось даже коренное туземное населеніе, давшее острову свое имя—сикелы или сикюлы,—племя, какъ бы совсѣмъ забытое исторіей.

Едва ли въ Европѣ найдется другая такая область, которая въ теченіе вѣковъ населялась бы такими разнохарактерными національностями и въ которой совершалась бы вмѣстѣ съ тѣмъ такая крупная и частая смѣна разноплеменныхъ владителей. Однако, для того, чтобы обстоятельнѣе и, такъ сказать, нагляднѣе ознакомиться съ минувшими судьбами Сициліи, лучше всего совершить круговую поѣздку по острову, тѣмъ болѣе, что только при такомъ знакомствѣ съ исторіей Тринакрии мы въ состояніи будемъ уяснить себѣ современное политическое и социальное состояніе испытывающаго такіе крутые перевороты острова.

II.—Мессина.

Прежде всего отправимся по желѣзной дорогѣ на востокъ, въ Мессину. Поѣздъ несется по сѣверной окраинѣ острова. Съ одной стороны передъ нами стелется гладь синяго моря, а съ другой—высятся гряды горъ. Скаты ихъ мѣстами покрыты виноградниками, а по долинамъ зеленѣютъ пшеничныя поля и огороды, по которымъ растутъ цвѣтная капуста, артишоки, фасоль.

Оградой нерѣдко служатъ кактусы-опунціи. Часто попадаются также лимонныя и апельсинныя рощи, а изрѣдка—оливковыя плантаціи. На горныхъ вершинахъ здѣсь и тамъ появляются потемнѣвшіе отъ непогодъ остатки полуразвалившихся крѣпостей, въ которыя спасались жители въ тѣ опасныя времена, когда сарацинскіе корсары то-и-дѣло угрожали нападеніемъ островитянамъ. Не доѣзжая Мессины, на сѣверѣ увидѣли мы Липарскіе острова и между ними вдаль ясно обрисовалась коническая вершина Стромболи. Пройдя, наконецъ, нѣсколько туннелей, поѣздъ подкатилъ къ станціи. Передъ нами одинъ изъ знатнѣйшихъ портовъ Сициліи, защищаемый крѣпкою цитаделью, воздвигнутый у самой гавани на серпообразной косѣ.

Надо, однако, замѣтить, что ни антикварій, ни художникъ, не найдутъ ничего достойнаго ихъ вниманія въ Мессинѣ. А между тѣмъ это одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ въ Сициліи. Въ восьмомъ столѣтіи до Рождества Христова уже туземцы, сикелы, основали у пролива мѣстечко Зангле, которое впоследствии было занято мессинскими выходцами изъ Пелопоннеса, отъ которыхъ и получило свое настоящее имя. Такимъ образомъ, вскорѣ вслѣдъ за финиціянами, основавшими Панормъ и другіе торговые порты, по восточнымъ окраинамъ острова стали появляться греческіе переселенцы, поработавъ туземныхъ сикеловъ. Послѣдніе, въ свою очередь, не были въ состояніи противостать новымъ пришельцамъ, а потому обратились за помощью къ другимъ иноземцамъ и положили такимъ образомъ починъ тѣмъ враждебнымъ столкновеніямъ между разноплеменными, водворявшимися на островѣ колонистами, которыя оказались, можно сказать, роковыми для будущаго развитія Сициліи вообще. Эта расовая борьба между разноплеменными переселенцами проходитъ какъ бы красною нитью по всей исторіи городовъ на островѣ. Слѣдствіемъ такого разлада и было то, что каждый изъ нихъ переживалъ, такъ сказать, свою отдѣльную, особую исторію, никакими обязательными условіями не связанную съ судьбою остальныхъ областей. Словомъ, на островѣ преобладало господство совершенной розни, какъ бы раздробленнаго сепаратизма. Подробная лѣтопись самой Мессины могла бы послужить въ этомъ отношеніи типичнымъ образцомъ для исторіи другихъ значительныхъ городовъ на островѣ, но мы ограничимся здѣсь лишь наиболѣе характерными эпизодами изъ пережитыхъ городомъ переворотовъ.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что съ самаго начала и до тѣхъ поръ, пока въ греческой метрополіи не возгорѣлась

еще племенная вражда между Спартою и Аѳинами, греческія колоніи въ Сициліи, дѣйствуя единодушно, успѣли вытѣснить не только финикянъ изъ занятыхъ ими мѣстъ, но подчинили также своей власти сивулъ. Въ борьбѣ съ возставшими туземцами Мессина дѣйствовала въ связи съ Сиракузами и Агригентомъ. Вскорѣ послѣ того, однако, она соединилась съ послѣднимъ городомъ противъ Сиракузъ, а вслѣдъ затѣмъ перешла опять на сторону Сиракузъ противъ аѳинянъ. Однако аѳинскій флотъ принудилъ городъ покориться и присоединиться къ іонійскому союзу противъ дорійскаго. Такимъ-то образомъ пылавшія въ самой метрополиі междоусобія крайне пагубно повліяли на сицилійскія колоніи, такъ что прониешимъ на островъ карфагенянамъ уже не трудно было овладѣть Мессиною и совершенно разрушить ее. Однако Діонисій I Сиракузскій, захвативъ городъ, вновь обстроилъ его и возстановилъ широкую торговлю въ его портѣ. Впослѣдствіи въ Мессинѣ водворились мамертинцы, и когда Аннибалъ завладѣлъ ея цитаделью, то они обратились съ жалобой къ римлянамъ, что, какъ извѣстно, и послужило поводомъ къ возникновенію пуническихъ войнъ. По ихъ окончаніи, римляне подчинили своей власти всю Сицилію и преобразовали ее въ римскую провинцію. Съ этой поры Мессина навсегда утратила свою самостоятельность, и участь ея слилась, такъ сказать, съ судьбою всего острова, который впослѣдствіи сталъ переходить отъ однихъ властителей къ другимъ. Замѣтимъ еще, что Мессина не разъ подвергалась разрушенію не только отъ вражескихъ нападений, но сверхъ того также отъ землетрясеній, изъ которыхъ послѣднее, крайне гибельное, случилось всего года четыре тому назадъ. А потому и не удивительно, что въ много пострадавшемъ городѣ не сохранилось почти никакихъ памятниковъ старины.

Населеніе Мессины испоконъ вѣва почти исключительно занято было коммерческими операціями, и, благодаря чрезвычайно выгодному положенію при Мессинскомъ проливѣ, притомъ обширной и наиболѣе благонадежной гавани, торговля города, несмотря даже на постигшія его бѣдствія, во всѣ эпохи процвѣтала. Палермо издавна признается столицей Сициліи, а потому служить мѣстопробываніемъ фешенебельной знати, тогда какъ Мессина по преимуществу городъ негоціантовъ. Въ его превосходной гавани во всякое время можно встрѣтить торговыя суда какъ съ дальняго востока, такъ и изъ европейскихъ западныхъ портовъ. Коммерческая жизнь здѣсь бьетъ живымъ ключомъ. Поднимаясь по скату горы амфитеатромъ, городъ застроенъ

солидными домами, при постройкѣ которыхъ, какъ видно, имѣлись преимущественно въ виду коммерческія условія. Нельзя не замѣтить также, что здѣсь чуть ли не всѣ дома снабжены балконами по верхнимъ этажамъ.

Несмотря, впрочемъ, на отсутствіе антикварныхъ рѣдкостей, меня заинтересовалъ стоящій на площади передъ старымъ храмомъ среди города бѣлый мраморный фонтанъ. На немъ стоятъ животныя изъ чернаго мрамора въ родѣ сивучей, а по четыремъ сторонамъ представлены аллегорическія фигуры, изображающія рѣчныя божества Нила, Тибра, Эбро и Камара, потока близъ Мессины. Судя по обветшавшей, трудно разборчивой надписи по четыремъ сторонамъ, эти символическія изображенія четырехъ рѣкъ служатъ какъ бы нагляднымъ знаменіемъ той роли, какую испоконъ вѣка суждено занимать Мессинѣ. И дѣйствительно, она, можно сказать, всегда служила связующимъ звеномъ въ сношеніяхъ разныхъ странъ, въ которыхъ протекають означенныя рѣки. А потому, поддерживая постоянныя связи съ иноземными краями, Мессина болѣе другихъ городовъ на островѣ развита также и въ политическомъ отношеніи. Вслѣдствіе этого и населеніе ея всегда оказывалось вольнолюбивѣе остальныхъ жителей острова. Обратимъ еще вниманіе на то, что, окруженная обнаженными горами, мессинская область пользуется весьма скуднымъ производствомъ зерна со всякихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ вообще. Несмотря на то, рабочіе и поденщики въ городѣ, особенно при гавани, потребляютъ больше мясной пищи и вообще пользуются болѣе солиднымъ содержаніемъ, чѣмъ народъ въ другихъ городахъ Сициліи. Благодаря торговымъ оборотамъ и капиталамъ, которые стекаются въ городъ, онъ снабжается изъ близкихъ и дальнихъ мѣстъ всякими продуктами обильнѣе и выгоднѣе, чѣмъ другія мѣста на островѣ. Прибавимъ еще, что, помимо коммерческихъ операцій, въ Мессинѣ процвѣтають также шелковыя фабрики.

Для того, чтобы проникнуть внутрь города, необходимо подняться вверхъ по скатамъ. Чѣмъ выше, тѣмъ зданія кажутся болѣе ветхими, грязноватыми: ихъ, какъ видно, не перекрашивали со дня постройки. Во многихъ домахъ штукатурка почти совсѣмъ обвалилась. Въ зимнее время между строеніями здѣсь и тамъ низвергаются сильныя горныя потоки. Лѣтомъ эти такъ называемыя фіумары совершенно высыхаютъ, и дно широкаго, мелкаго русла покрыто гальками и пескомъ. Несмотря на то, городъ мѣстами представляетъ живописныя, своеобразныя виды, особенно тамъ, гдѣ по скатамъ раскинуты лимонныя и апель-

синные сады съ ихъ золотистыми и пунцовыми плодами. Нерѣдко встрѣчаются чрезвычайно картинныя зрѣлища. Какъ-то разъ я остановился передъ ветхимъ храмомъ, бѣлыя мраморныя колонны котораго покрыты черными жилками. Передъ порталомъ выступаетъ полукругомъ желѣзная рѣшетка, на которой хозяйка сосѣдняго дома развѣсила для просушки только-что выстиранное бѣлье: между рубахами и юбками торчатъ штаны съ растопыренными кверху половинками, а на ступеняхъ широкой каменной лѣстницы, спускающейся отъ рѣшетки къ мостовой, въ живописной группѣ разлеглись козы—бѣлыя, чернопѣгя, смуропѣгя, рыжія—и всѣ увѣнчанныя большими спиралевидными рогами. Не мѣшаетъ замѣтить, что эти животныя попали въ городъ ради хозяйственныхъ потребностей горожанъ. Дѣло въ томъ, что владѣлецъ этого стада каждый день пригоняетъ его съ горныхъ пастбищъ въ городъ. Подойдя къ воротамъ дома, хозяинъ выбираетъ одну изъ козъ, поднимается съ нею по лѣстницѣ во второй, даже въ третій этажъ, выдаиваетъ тамъ, сколько потребуется кухаркѣ, и, получивъ за молоко деньги, спускается внизъ къ своему стаду, которое терпѣливо поджидаетъ своего хозяина. Совершивъ затѣмъ обыденный обходъ по извѣстнымъ ему домамъ, продавецъ козьяго молока гонитъ наконецъ свое стадо изъ города прямо въ горы, предоставляя козамъ отыскивать себѣ скудный кормъ въ скалистыхъ ущельяхъ.

Въ одно прекрасное утро я направился изъ города вдоль берега къ сѣверовосточной оконечности острова, къ мысу, гдѣ стоитъ маякъ (Punta del Faro) у самаго входа въ Мессинскій заливъ. Миновавъ гавань съ ея старою цитаделью, я прошелъ по прекрасной набережной. Затѣмъ вдоль берега, по одной сторонѣ дрянной мостовой, потянулись грязноватыя дома предмѣстья, а по другой сторонѣ пролива все живописнѣе развертывались дальніе виды на гористый берегъ Калабріи. Пройдя около восьми верстъ, я достигъ мыса тамъ, гдѣ находятся Сцилла и Харибда, которыя въ древности, по словамъ Страбона, „были въ рукахъ разбойниковъ“. Эти послѣдніе и наводили, вѣроятно, страхъ на проѣзжавшія суда, такъ что пройти между Сциллою и Харибдой считалось, по преданію, чрезвычайною опасностью. Сцилла сама по себѣ представляетъ просто невысокую скалу, торчащую надъ уровнемъ моря близъ противоположнаго калабрійскаго берега, а Харибдой признается нѣчто въ родѣ едва замѣтнаго, вовсе неопаснаго водоворота у сицилійскаго берега. При мнѣ въ проливъ входилъ на парусахъ трехмачтовый фрегатъ и спокойно

пронесся между столь страшными для древних мореплавателей Сицилией и Харибдой.

III.—Таормина и Катанія.

Въ Сицилии не мало такихъ мѣстностей, которыя посѣщаются исключительно ради остатковъ древнихъ, преимущественно эллинскихъ развалинъ. Къ такимъ мѣстамъ слѣдуетъ отнести между прочимъ и Таормину, куда наѣзжаютъ туристы съ цѣлью полюбоваться руинами греческаго театра. А впрочемъ переѣздъ по желѣзной дорогѣ изъ Мессины вдоль восточной окраины острова и самъ по себѣ представляетъ много привлекательнаго. Поѣздъ мѣстами мчится по самому береговому краю, такъ что слѣва стелется передъ нами синяя гладь Ионическаго моря, а справа насъ тѣснятъ крутыя горы. По ихъ скатамъ тутъ и тамъ раскинуты виноградники. На вершинахъ виднѣются изрѣдка старыя замки и башни, возлѣ которыхъ разрослись лопатообразныя опунціи и агавы съ высокими цвѣтовыми стержнями. Нерѣдко горы выступаютъ мысами въ море, такъ что пришлось проложить сѣвозъ нихъ туннели. А въ иныхъ мѣстахъ путь прерывается высохшими горными потоками, фіумарами; черезъ ихъ усыпанныя мелкою галькой русла перекинута длинныя мосты. Любуясь этими новыми для меня видами, я и не замѣтилъ, какъ поѣздъ подкатилъ къ станціи Жіардини въ то самое время, какъ по росписанію желѣзнодорожнаго путеводителя значилось какъ разъ 14 часовъ. Въ Италіи росписаніе желѣзныхъ дорогъ и счетъ часовъ, начинаясь съ полуночи, продолжается непрерывно до 24-го часа, который совпадаетъ опять съ полуночью. Такимъ порядкомъ, 14 часовъ по нашему счету означаетъ 2 часа пополудни. Благодаря такому счету часовъ, въ здѣшнихъ путеводителяхъ нѣтъ надобности отмѣчать особыми знаками время дня и ночи: всякій знаетъ, что 13, 14 и т. д. часовъ означаютъ время послѣ полудня.

Когда поѣздъ остановился, кондукторъ пригласилъ меня выйти изъ вагона.— „Но мнѣ слѣдуетъ не въ Жіардини, а въ Таормину!“—возразилъ я.— „Да, да, въ Таормину“,—повторилъ онъ:— „вотъ этотъ веттурино и доведетъ васъ туда“.—Недоумѣвая, я повиновался кондуктору и сѣлъ въ коляску, куда свалили уже мой чемоданъ. Оказалось, сама Таормина находится высоко на горѣ. И вотъ экипажъ, влекомый парой добрыхъ лошадей, сталъ медленно подниматься по проложенному отъ станціи зигзагомъ

шоссе. Передо мной все шире и шире развѣтывались живописные виды на Ионическое море, съ разсыпанными по немъ островками въ видѣ валуновъ, и на дальніе берега гористой Калабріи.

Черезъ часъ съ небольшимъ мы вѣхали въ скромное мѣстечко Таормину, обитатели котораго своими фізіономіями напоминаютъ потомковъ древнихъ грековъ, основавшихъ городовъ, отчасти—смуглыхъ сарацинъ, не разъ нападавшихъ на эти мѣста съ цѣлю грабежа. Мой веттурино подвезъ меня къ гостинницѣ, расположенной на самомъ краю города, близъ входа въ древній греческій театръ, куда я тотчасъ же и направился.

Отворивъ желѣзную рѣшетчатую дверь и поднявшись на нѣсколько ступеней по широкой каменистой лѣстницѣ на площадку, я прошелъ подъ сводами полуразвалившейся арки и вскорѣ очутился на раскинувшейся полукругомъ обширной сценѣ, обнесенной вывѣтрившимися высокими желтобурыми стѣнами и колоннами съ обвалившимися капителями, потомъ еще мраморными орнаментами, покрытыми отчасти мхомъ и плесенью. Приминая къ этой аренѣ, поднимаются полукруглымъ амфитеатромъ высѣченныя частью въ самой скалѣ сидѣнья для зрителей. Я пробрался по каменнымъ ступенямъ на самую верхнюю галерею. Бросивъ оттуда взглядъ на только-что повинутую сцену, я остановился, пораженный раскинувшейся передо мною широкой картиной. За ареной, далеко внизу сияло Ионическое море, незамѣтно сливаясь на горизонтѣ съ небесной лазурью. Надъ во взоръ по берегамъ Калабріи достигалъ до того мѣста, гдѣ стояла скала Сцилла, мимо которой Мессинскій проливъ, словно широкая рѣка, выступаетъ въ Тиренское море; за этой рѣкой сквозъ сизую дымку едва видѣлись высоты Апеннинъ. Направо высокіе береговые скаты по острову покрыты свѣтлыми лимонными садами, тусклыми оливковыми рощами; а тамъ далеко видѣется городъ на берегу, тогда какъ внутри острова громоздятся вершины надъ вершинами, и надъ ними, много превышая ихъ, раскинулся бѣлоснѣжнымъ шатромъ величавый вулканъ Этны. Впечатлѣніе, произведенное этимъ зрѣлищемъ, могу сравнить развѣ съ тѣмъ, какое произвелъ на меня видъ Ніагарскаго водопада, когда я смотрѣлъ на него въ первый разъ. Никакая живопись не въ состояніи передать подобную картину: на ограниченномъ рамкою полотнѣ не хватитъ мѣста для такого изображенія. Такъ-то въ тѣ давно минувшія времена зрители, наслаждаясь созерцаніемъ этого дивнаго вида, увлекались вмѣстѣ

съ тѣмъ представляемою на сценѣ трагедіею Эсхила или комедіею Аристофана.

Когда на другой день я пришелъ въ театръ рано утромъ, то засталъ тамъ нѣсколько туристовъ, мужчинъ и женщинъ, нарочно вставшихъ такъ рано, съ тѣмъ, чтобы полюбоваться величественнымъ зрѣлищемъ на утренней зарѣ. Солнце не успѣло еще показаться надъ морскою гладью, а лучи его освѣтили уже вершину сосѣдней скалы: высоко надъ Таорминой, позади театра поднимается крутая гора, вершина которой увѣнчана развалинами сарацинскаго замка; а еще выше надъ этой вершиной, чуть ли не въ облакахъ, примостился городокъ Мола. На такія-то высоты забирались въ древности поселенцы, лишь бы избавиться отъ нападений морскихъ разбойниковъ. Часа полтора поднимался я туда по каменистой тропѣ. На верхней площадкѣ за грязноватыми домами показалась покрытая дерномъ луговая равнина; тутъ разведены были небольшіе сады, даже виноградники. По лугу паслись не только козы, но также коровы, молоко которыхъ жители сбываютъ въ отеляхъ Таормины.

Вернувшись въ гостинницу, я попросилъ хозяина избавить меня отъ ѣзды въ коляскѣ, а добыть мнѣ проводника до станціи, куда я вскорѣ и направился вмѣстѣ съ нимъ. Правильныя, красивыя черты лица провожавшаго меня подростка, живые, умные глаза, стройный станъ, темнорусые волосы,—все изобличало въ немъ потомка классическаго элина. Миновавъ городокъ, мы стали спускаться внизъ, но не по шоссе, а по усыпанной камнями тропинкѣ, пролегающей между голыми скалами, въ которыхъ изъ щелей тутъ и тамъ торчатъ колючіе кактусы и агавы. Прибывъ въ Жіардини, я опять занялъ мѣсто въ вагонѣ подошваго туда поѣзда и поѣхалъ далѣе къ югу. Рельсы все еще пролегали по береговому краю. По скатамъ горъ стало показываться еще болѣе виноградниковъ, которые, какъ видно, на этой восточной окраинѣ острова отчасти замѣняютъ собою обширныя лимонныя рощи сѣвернаго побережья. По мѣрѣ того какъ поѣздъ приближался къ Катаніи, въ поляхъ все чаще стала показываться черная лава, разлившаяся изъ Этны послѣ сильнаго изверженія 1886-го года и успѣвшая съ тѣхъ поръ совершенно отвердѣть.

Въ самомъ городѣ слѣды ея попадаютъ на каждомъ шагѣ. Посреди не очень обширной площади передъ храмомъ стоитъ мраморный бассейнъ, въ центрѣ котораго на омываемомъ водою подножьи воздвигнута изъ той же черной лавы фигура слона съ

бивнями изъ бѣлаго мрамора; а на хребтѣ его поставленъ обелискъ изъ сіенита. Многіе дома въ городѣ построены прямо на холмикахъ застывшей здѣсь лавы, а мѣстами ею вымощены даже улицы. Сверхъ того, на постройку триумфальныхъ воротъ, которыми заканчивается улица Гарибальди, тоже воспользовались—въ перемежку съ желтобурнымъ камнемъ—черною лавой. Несмотря, впрочемъ, на обильную примѣсь ея въ постройкахъ, Катанія вообще оказалась довольно чистымъ, вполне отвѣчающимъ современнымъ условіямъ, благоустроеннымъ городомъ. И дѣйствительно, если въ немъ нѣтъ такихъ щегольскихъ улицъ, какъ въ Палермо, зато и не видать такихъ грязныхъ, тѣсноватыхъ, извилистыхъ переулковъ и закоулковъ, какъ тамъ. Это объясняется отчасти тѣмъ, что Катанія не разъ суждено было подвергаться разлитіямъ лавы, которая и разрушала значительную часть города, такъ что ему зачастую приходилось вновь обстраиваться. Отъ того-то древнихъ построекъ и памятниковъ въ городѣ осталось немного на лицо.

Въ средѣ населенія здѣсь чаще, чѣмъ въ другихъ городахъ, встрѣчаются весьма приглядные типы древнихъ эллиновъ, основателей города. Вообще, жители Катаніи считаются наиболѣе интеллигентными на островѣ. Пользуясь выгоднымъ положеніемъ посреди восточнаго побережья и составляя узелъ желѣзныхъ дорогъ, городъ сталъ съ успѣхомъ соперничать какъ съ Мессиной, такъ и съ Палермо. Благодаря проложенной недавно круговой желѣзной дорогѣ у подножія Этны, всякіе продукты, которые въ чрезвычайномъ изобиліи производятся по скатамъ горы, доставляются въ настоящее время прямо въ Катанію. Сверхъ того, городъ пользуется близостью сѣрныхъ рудниковъ, такъ что за послѣднее десятилѣтіе въ немъ стала широко развиваться коммерческая дѣятельность.

Однако Катанія находится постоянно подъ страхомъ со стороны Этны, которая то-и-дѣло грозитъ ей новыми потоками лавы. И въ самомъ дѣлѣ, судя по предшествовавшимъ фактамъ, слѣдуетъ предполагать, что между двумя сильными изверженіями вулкана проходитъ, среднимъ числомъ, около десяти лѣтъ; а послѣднее такое изверженіе произошло въ 1886-мъ году, такъ что роковой срокъ давно миновалъ, и надо опасаться, какъ бы лава изъ Этны не хлынула на городъ такъ же неожиданно, какъ то случилось въ послѣдній разъ. А впрочемъ жители по-видимому не очень-то беспокоятся на этотъ счетъ, хотя грозная гора у нихъ постоянно на виду. Несмотря на то, что до горы больше двадцати верстъ разстоянія, однако городъ расположенъ,

можно сказать, у самого подножия и некоторыя изъ улицъ пролегають, какъ кажется, чуть ли не по скату ея. Такъ называемая улица Этны, начиная отъ площади передъ храмомъ, поднимается понемногу въ прямомъ направленіи какъ бы къ самой вершинѣ горы. Мѣстная фешенебельная знать, преимущественно богатые землевладѣльцы, послѣ обѣда проѣзжаютъ обыкновенно въ роскошныхъ экипажахъ по этой улицѣ. Тамъ же по тротуарамъ прогуливаются мужья съ своими женами, щеголяющими, подобно испанскимъ дамамъ, въ черныхъ мантильяхъ. Совершая эту прогулку, публика постоянно видитъ передъ собою какъ бы на заднемъ фонѣ улицы бѣлоснѣжную главу великана, изъ конической вершины котораго струится сѣроватый дымокъ, исподволь расплываясь въ воздухѣ. Но это величавое и вмѣстѣ съ тѣмъ грозное зрѣлище повидимому нисколько не тревожитъ привычныхъ къ нему горожанъ.

Поднимаясь по этой улицѣ и минуя затѣмъ университетскую площадь, я попалъ на другую, болѣе обширную площадь, среди которой стоитъ мраморный памятникъ Беллини, уроженца Катаніи. Онъ изображенъ въ сидячемъ положеніи, а вокругъ него четыре аллегорическія фигуры представляютъ его оперы: „Норму“, „Пирата“, „Сомнамбулу“ и „Пуританъ“. Далѣе, оставивъ влѣвѣ отъ дороги садъ Беллини, я на самой верхней площадкѣ города прошелъ черезъ прекрасную рошу и затѣмъ очутился въ странной съ виду мѣстности: по ней изъ-подъ густой зеленѣющей растительности всюду чернѣла лава, застывшая здѣсь наплывами въ самыхъ причудливыхъ формахъ. Кое-гдѣ по скату между черными глыбами разведены виноградники, а не то растутъ опунціи, которыя, какъ вообще всякіе кактусы, отлично прозябають даже на самой лавѣ. Послѣ трехъ часовъ ходьбы, я достигъ селенія Николози, служащаго главнымъ мѣстомъ управленія для туристовъ, имѣющихъ въ виду взойти на самую вершину. Въ настоящее время, однако, нечего было и думать подниматься далѣе въ гору, такъ какъ въ февралѣ снѣга спускаются слишкомъ низко по скату и такъ глубоки, что въ нихъ можно увязнуть. Недалекѣ отъ Николози видны двѣ Красныя горы (Monti Rossi), прозванныя такъ по ихъ красному цвѣту. Происхожденіе такихъ холмиковъ объясняется тѣмъ, что вулканическія массы, порываясь наружу, пробиваются въ разныхъ мѣстахъ сквозь бока вулкана и образуютъ по скатамъ его небольшіе конусы; — это сыновья Этны, какъ называетъ ихъ народъ.

Вернувшись изъ Николози въ Катанію, я на другой день

по желѣзной дорогѣ направился въ Сиракузы. На этотъ разъ нашъ поѣздъ все болѣе и болѣе удалялся отъ моря. Горы отступили довольно далеко на западъ и отъ ихъ подножія до берега раскинулась обширная равнина. Мы проѣзжаемъ теперь по области, которая славится своими пшеничными полями и до сихъ поръ признается житницей Сициліи. Доѣхавъ до станціи Лентини, я покинулъ вагонъ, съ тѣмъ, чтобы здѣсь ознакомиться нѣсколько съ мѣстнымъ сельскимъ хозяйствомъ.

Однако, нельзя не замѣтить вообще, что здѣшнее земледѣліе представляетъ мало поучительнаго. Поляна воздѣлывается довольно небрежно простыми плугами. Земля почти вовсе не удобряется. Несмотря на то, она все еще настолько плодородна, что трудъ пахаря могъ бы достаточно вознаградиться, еслибы не пагубная система латифундій, водворившаяся въ Сициліи со временъ римскаго владычества. Овладевъ плодороднымъ островомъ, римляне разбили его на крупныя владѣнія, перешедшія въ собственность римскихъ патриціевъ, которые и заставили своихъ рабовъ воздѣлывать землю. Потомъ, когда островъ перешелъ во власть другихъ націй, сарациновъ и норманновъ, къ этимъ латифундіямъ присоединилась еще ленная система со всѣми ея пагубными послѣдствіями. А сверхъ того, папы, въ силу своей духовной власти, отвели обширныя участки монастырямъ. Нельзя, впрочемъ, не удивляться тому обстоятельству, что Сицилія нѣкогда слыла житницей Рима, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время, какъ оказывается на самомъ дѣлѣ, воздѣлывается немногимъ развѣ болѣе одной десятой части всей земли на островѣ. И дѣйствительно, внутренній край состоитъ большею частью изъ обнаженныхъ скалистыхъ возвышенностей, скаты которыхъ служатъ лишь скуднымъ пастбищемъ скоту, притомъ преимущественно козамъ, замѣняющимъ собою отчасти коровъ. Плодородныя воздѣланныя поля расположены по побережьямъ, тамъ, гдѣ горы, отступивъ отъ моря, оставили у своего подножія свободную, болѣе или менѣе широкую полосу земли, занимаемую большею частью пшеничными полями. По отлогимъ скатамъ возвышенностей разводятся обыкновенно виноградники, также лимонныя и апельсинныя сады, оливковыя и миндальныя рощи. Эти плантаціи роскошнѣе всего преуспѣваютъ вокругъ Этны по скатамъ вулкана, благодаря именно остывшей лавѣ, которая въ теченіе долгаго времени подъ вліяніемъ сырости превращается въ чрезвычайно плодородную почву.

Въ области Лентини обширныя пшеничныя поля раскинуты по всѣмъ направленіямъ вокругъ озера того же имени. Большая

часть этихъ полей входитъ въ составъ крупныхъ землевладѣній. Однако, гдѣ же скрываются пахари, воздѣлавшіе эти пашни? Гдѣ ихъ жилища? Близъ самихъ полей не видать ни фермъ, ни хуторовъ, ни даже барачковъ, въ которыхъ рабочіе могли бы пріютиться! Пахари, какъ оказывается, живутъ обыкновенно въ городахъ, которые гнѣздятся большею частью на горахъ. По утрамъ эти наемники ватагами отправляются изъ города съ своими мулами и земледѣльческими снарядами иной разъ вереть за десять къ назначеннымъ мѣстамъ. Воздѣлавъ почву, они, по окончаніи дневного труда, возвращаются въ городъ, а на другое утро опять отправляются на ту же работу.

Крупные землевладѣльцы почти вовсе не посѣщаютъ своихъ владѣній. Они сдаютъ ихъ въ аренду какому-нибудь предпринимателю, который, впрочемъ, тоже самъ не занимается сельскимъ хозяйствомъ, а, разбивъ все арендованное владѣніе на мелкіе участки, въ свою очередь раздаетъ ихъ другимъ мелкимъ арендаторамъ. Послѣдніе нанимаютъ въ городахъ рабочихъ и при ихъ содѣйствіи стараются извлечь изъ почвы по возможности наибольшія выгоды, вовсе не заботясь объ ея удобреніи. Иногда мелкіе арендаторы сдаютъ свои участки пахарямъ съ извѣстной доли урожая. Такимъ-то порядкомъ земля, переходя черезъ столько рукъ, не въ состояніи, конечно, вознаграждать надлежащимъ образомъ трудъ самого земледѣльца. Не удивительно поэтому, что сельское хозяйство на островѣ оказывается въ такомъ неудовлетворительномъ состояніи.

Послѣ Лентини поѣздъ сталъ приближаться къ морю. По сторонамъ рельсъ стали часто показываться неглубокіе четырехугольные бассейны, наполняемые морскою водою. Испаряясь подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, она оставляетъ на днѣ порядочный слой соли. На островѣ, сверхъ того, имѣются еще обильныя соляныя копи въ горахъ. Сверхъ того, надо замѣтить, что въ Сициліи соль свободна отъ налога, а потому она чрезвычайно дешева.

IV.—Сиракузы и Джирженти.

Описавъ широкую дугу у самаго берегового края, поѣздъ подкатилъ къ станціи, расположенной среди пустынной мѣстности, на которой нѣкогда раскинутъ былъ древній городъ. Отсюда извозчикъ перевезъ меня по мостамъ на островъ Ортигію, гдѣ, по словамъ Пиндара, находилась колыбель славныхъ Сиракузъ.

Страбонъ повѣствуетъ: „Архія и Мискелль спрашивали оракула въ Дельфахъ, который отвѣчалъ вопросомъ: богатство ли предпочитаютъ они, или здоровье? Архій избралъ богатство, а Мискелль—здоровье; первому богъ поручилъ основать Сиракузы, а второму—Кротонъ (въ южной Италиі). Дѣйствительно, кротонцы населяли городъ здоровый, а Сиракузы отличались богатством“. Это совершилось въ восьмомъ столѣтіи до Рождества Христова. Впослѣдствіи даже Цицеронъ въ рѣчи противъ Верреса заявилъ: „Сиракузы—самый большой изъ греческихъ городовъ и наиболѣе красивый“. Городъ не только по богатству, но и въ другихъ отношеніяхъ соперничалъ съ Аѳинами и Римомъ. При такихъ воспоминаніяхъ о минувшемъ величіи Сиракузъ всякаго крайне непріятно поразитъ грустный видъ довольно невзрачныхъ улицъ съ ихъ неприглядными домами въ современномъ городѣ. Несмотря на электрическое освѣщеніе по вечерамъ, онъ вообще производитъ на посѣтителя мрачное впечатлѣніе. Пріютившись на островѣ Ортигіи, городъ занимаетъ нынѣ едва десятую часть того пространства, какое занималъ въ древности, и въ немъ теперь едва нашлось мѣста для 24.000 жителей, тогда какъ въ былое время населеніе Сиракузъ превышало полмилліона душъ. Обратимъ, кстати, вниманіе на то, что здѣсь долѣе всего держался эллинскій элементъ на островѣ. Во время цвѣтушаго состоянія города, греческій языкъ и греческая литература господствовали по всей древней Тринакриі, а съ гибелью его—эллинизмъ почти совсѣмъ исчезъ изъ Сициліи.

На одной изъ главныхъ улицъ стоитъ храмъ довольно мрачной наружности, извѣстный подъ названіемъ Santa Maria delle Colonne. Онъ прозванъ такъ оттого, что перестроенъ изъ древняго языческаго храма, посвященнаго богинѣ Аѳинѣ, и въ перестройкѣ его дорическія старыя колонны вошли въ составъ стѣнъ новаго зданія, такъ что и теперь еще можно отличить остатки греческаго зодчества. Надо замѣтить, что въ здѣшнихъ городахъ попадается не мало такихъ церквей, которыя перестроены изъ языческихъ зданій, служа какъ бы нагляднымъ знаменіемъ того, что господствующее въ Сициліи католическое вѣроисповѣданіе—не чтѣ иное, какъ преобразованная на новый ладъ языческая религія; вѣра у туземнаго люда осталась та же, чтѣ была прежде, только названіе божества измѣнилось: то, чтѣ прежде посвящалось Аѳинѣ, въ настоящее время посвящается Святой Маріи. Здѣсь нерѣдко приходится видѣть также, что изображеніе Юпитера преобразовано въ ликъ Іисуса. Напомнимъ, что Сиракузы всегда пользовались двумя гаванями: одна—на за-

падѣ отъ острова называется Большимъ-портомъ, а другая—на востокѣ—Малымъ. Проходя отъ цитадели, стоящей на южной оконечности острова, по набережной вдоль Большого-порта, я дошелъ до бассейна, до такъ-называемаго ключа Аретузы. Пробиваясь изъ скалы, ключъ вливается въ бассейнъ, кругомъ котораго обведена возвышенная каменная ограда. Надъ уровнемъ воды въ бассейнѣ торчатъ высокіе бамбукообразные папирусы, увѣнчанные пучками травы на подобіе султановъ. Стоя на оградѣ, я смотрѣлъ сверху, какъ внизу, за желѣзной рѣшеткой, садовникъ срѣзывалъ ножомъ эти высокіе зеленые тростники и бросалъ ихъ за рѣшетку, а швольники, подхвативъ ихъ, уносили съ собою, съ торжествомъ размахивая султанообразной верхушкой. Вода изъ бассейна протекаетъ подъ наведенной плотиной и вливается въ заливъ.

Недалеко отъ ключа Аретузы красуются два довольно простые съ виду, но замѣчательные по своему значенію памятника. На одномъ пьедесталѣ стоитъ мраморный бюстъ Гарибальди. Подъ нимъ на камнѣ высѣчена слѣдующая надпись: „I due mondi Te salutano, eroe!“ На другой сторонѣ значится: „Siracusa concorrente la provincia iniziatori i superstiti dalle patrie Battaglie“. А на третьей: „Debelasti i Tiranni la conscenza del popolo Sollevando“. По близости на другомъ подножій стоитъ бюстъ Архимеда.

Миновавъ памятники, я вышелъ на широкую набережную Большого порта. Подъ вечеръ горожане въ экипажахъ, а не то верхами или пѣшкомъ, прогуливаются по макадаму этой прибрежной эспланады, на которой въ то же время играетъ обыкновенно военная музыка. Въ городѣ это единственное пріятное мѣсто, съ которымъ можно еще примириться.

Какъ бы то ни было, но для современнаго жалкаго города на островѣ не стоило бы и заѣзжать сюда. Туристы посѣщаютъ эти мѣста единственно ради древнихъ Сиракузъ, остатки которыхъ до сихъ поръ возбуждаютъ въ посѣтителѣ воспоминанія о минувшей славѣ древняго города. Но главная и самая важная часть его находилась на материкѣ, куда я на другое утро и перешелъ съ острова по мостамъ и по плотинѣ. Тутъ прежде всего представлялась мнѣ обширная площадь, на которой расположена была такъ называемая греческая „агора“. Здѣсь во время-оно совершались народныя совѣщанія. Въ особомъ зданіи на площади стоялъ портикъ съ колоннами; а въ настоящее время посреди пустынной луговины одиноко торчитъ неввысокій столпъ, лишенный верхушки. Когда я проходилъ по

луговинѣ, то на ней производилось ученіе пѣхоты. Далѣе, въ сѣверу отъ Малаго порта, раскинулась та наибольшая часть древняго города, которая называлась Ахрадиной. Здѣсь на каждомъ шагу попадаются слѣды, напоминающіе о минувшихъ подвигахъ Сиракузъ.

Развитіемъ своего могущества, какъ извѣстно, городъ былъ обязанъ преимущественно Гелону. Захвативъ власть въ Сиракузахъ и убѣдившись въ чрезвычайно выгодномъ положеніи двухъ портовъ, онъ всѣми мѣрами старался расширить и усилить городъ. Однако вскорѣ кареагеняне предприняли грозный походъ противъ Сициліи, съ тѣмъ, чтобы сокрушить распространявшееся могущество грековъ на островѣ. Соединившись съ другими греческими колоніями, Гелонъ, какъ извѣстно, нанесъ кареагенянамъ рѣшительное пораженіе при Гимерѣ. Эта битва, спасающая сицилійскихъ грековъ отъ африканскихъ завоевателей, происходила, какъ гласитъ преданіе, въ одинъ и тотъ же день съ морскою битвою при Саламинѣ, въ которой эллины разгромили азіатскій флотъ. При преемникахъ Гелона, Сиракузы продолжали процвѣтать и усиливаться, такъ что городу удалось даже захватить власть надъ большею частью сицилійскихъ колоній. Надо вспомнить, однако, что въ то же время въ самой Греціи возникла непримиримая вражда между Аѣнинами и Спартою. Эта племенная усобица гибельно отразилась на сицилійскихъ колоніяхъ, и когда Сиракузы стали расширять свою гегемонію на островѣ, то іонійскіе колонисты обратились за помощью къ Аѣнинамъ. Несмотря на сильную эскадру, отправленную къ берегамъ Сициліи, аѣинянамъ все-таки не удалось захватить власть на островѣ. На ихъ бѣду, въ это самое время уполномоченные отъ сицилійскихъ городовъ собрались на конгрессъ въ Гелѣ, и тутъ-то сиракузскій гражданинъ Гермократь убѣдилъ сицилійскихъ грековъ устранить съ острова какаго бы то ни было рода вмѣшательство постороннихъ пришельцевъ, доказавъ, что аѣиняне подъ личиною посредничества скрываютъ покушеніе завладѣть Сициліей для самихъ себя. Водворившіеся на островѣ греки,—прибавилъ Гермократь,—должны признавать себя не дорійцами, не іонійцами, а исключительно сицилійцами, считая Сицилію своимъ общимъ отечествомъ. Такимъ образомъ этотъ сицилійскій патріотъ въ то время уже указалъ на пагубныя послѣдствія сепаратизма, который съ самаго начала воспрепятствовалъ эллинскому владычеству утвердиться на островѣ. На этотъ разъ аѣиняне, лишившись своихъ союзниковъ въ Си-

цилии, вынуждены были съ своею эскадрой воротиться во-свои, ничего не достигнувъ.

А все-таки, вопреки убѣдительнымъ рѣчамъ Гермократа, вражда между греческими городами вскорѣ опять возгорѣлась. Граждане города Эгесты поссорились съ колонистами Семмунта изъ-за права владѣнія пограничнымъ округомъ. Послѣдніе, при посредствѣ сиракузанцевъ, одержали верхъ. Тогда эгестяне вновь обратились за помощью къ аеинянамъ. Это и послужило поводомъ къ знаменитой осадѣ Сиракузъ аеинскимъ флотомъ. Осажденные были уже доведены до крайняго изнеможенія, такъ что готовились даже сдаться. Но, къ счастью, на берегъ высадилось присланное на ихъ помощь спартанское войско. Сиракузанцы ободрились, и соединенными силами имъ удалось наконецъ разгромить стоявшій въ Большомъ-портѣ аеинскій флотъ. Когда вслѣдъ затѣмъ аеинскія войска высадились на берегъ, имѣя въ виду отступить сухимъ путемъ, то Гермократь съ войскомъ настигъ ихъ и взялъ въ плѣнъ до 6.000 человекъ. Казнивъ аеинскихъ полководцевъ, сиракузанцы засадили плѣнныхъ аеинянъ въ каменоломни, въ такъ-называемыя „латоміи“, которыя и составляютъ нынѣ главное привлекательное зрѣлище для посѣщающихъ Сиракузы туристовъ. О нихъ, впрочемъ, рѣчь впереди.

Возгордясь одержанными успѣхами, сиракузанцы, наперекоръ совѣтамъ Гермократа, стали пуще прежняго угнетать мелкіе города въ Сициліи. На этотъ разъ эгестяне призвали на помощь кареагенянъ, которые и осадили Сиракузы, гдѣ въ то время властвовалъ пресловутый тиранъ Діонисій I. Благодаря разившей осаждающія войска чумѣ, онъ легко поразилъ кареагенянъ и вновь избавилъ отъ нихъ островъ. Покоривъ затѣмъ ихъ союзниковъ, Діонисій занялся укрѣпленіемъ города и украсилъ его великолѣпными зданіями. Подчинивъ своей власти большую часть острова, онъ сверхъ того распространилъ свое вліяніе даже на области Великой Греціи. Впрочемъ, послѣ его смерти возобновились распри между разными партіями, и тираны то-и-дѣло смѣняли одинъ другого. Однако, при Пьеронѣ II, заключившемъ союзъ съ римлянами, Сиракузы въ теченіе долгаго времени опять пользовались значительнымъ благосостояніемъ. Но преемникъ его въ первую пуническую войну перешелъ на сторону кареагенянъ. А потому, по окончаніи борьбы между обоими народами, римляне рѣшились наказать сиракузанцевъ и осадили городъ. Овладевъ имъ послѣ трехлѣтней осады, они предали городъ разрушенію. Вслѣдъ затѣмъ вся Сицилія обра-

щена была въ римскую провинцію. За-одно съ паденіемъ Сиракузъ на островѣ навсегда померкла славная эллинская эпоха.

Въ настоящее время въ разрушенномъ городѣ на нѣскольکو возвышенной площади можно еще видѣть остатки древняго водопровода, а по окраинамъ тянутся полуразвалившіяся крѣпостныя стѣны, воздвигнутыя Діонисіемъ. Проходя по этой пустынѣ на западъ отъ Ахрадины, я вскорѣ набрелъ на греческій театръ. Отъ древняго зданія лучше всего сохранились мѣста для зрителей, которыя амфитеатромъ высѣчены въ самой скалѣ. Какъ въ Таорминѣ, такъ и здѣсь, греки помѣстили свой театръ на возвышеніи, съ котораго зрители могли бы любоваться обширною панорамой. Иначе поступали въ этомъ случаѣ римляне, въ чемъ можно тутъ же убѣдиться, пройдя въ ихъ амфитеатръ. Это зданіе помѣщено, напротивъ, въ низменности, такъ что зрителямъ нельзя было видѣть ничего помимо арены, на которой совершались кровопролитныя гладіаторскія побоища и свирѣпая травля хищныхъ звѣрей. Наслаждаясь, въ противность гуманнымъ грекамъ, такими суровыми кровавыми зрѣлищами, войнолюбивые римляне всячески пытались пріохотить къ нимъ болѣе просвѣщенныхъ и болѣе человѣчныхъ эллиновъ.

Недалеко отъ театра, по другую его сторону, я попалъ въ такъ-называемую Улицу-Могилъ (Via delle Tombe). Это не что иное какъ пробитая въ скалѣ извилистая галерея, стѣны которой состоятъ изъ буро-желтаго камня. Въ этихъ стѣнахъ вырублены ниши для гробовъ. Но всѣ ниши давно опустошены; дверцы и пластинки съ бывшими на нихъ надписями тоже исчезли, и ничего болѣе не осталось въ этой галереѣ гробницъ, служившей во время-оно кладбищемъ для Сиракузъ. А теперь и весь древній городъ казался обширнымъ кладбищемъ, въ которомъ также все до тла расхищено.

На этомъ знаменательномъ историческомъ кладбищѣ самое интересное явленіе представляютъ бывшія каменоломни, такъ-называемыя „латоміи“, въ которыхъ, какъ было уже упомянуто, томились плѣнные аѳинскіе воины. Числомъ всего шесть, эти каменоломни раскинуты въ разныхъ мѣстахъ древняго города на материкѣ. Одна изъ латомій находится недалеко отъ греческаго театра. Остановившись на окраинѣ бывшей каменоломни, я увидѣлъ на днѣ ея, глубоко внизу, густую рощу, состоящую изъ лимонныхъ и апельсинныхъ деревьевъ съ золотистыми и ярко красными плодами, изъ кипарисовъ и высокихъ лавровъ, изъ старыхъ оливковыхъ и фіговыхъ деревьевъ; и вся эта подземная плантація переплетается, сверхъ того, вьющимися

растениями въ родѣ бегоній и клематисовъ; ихъ ярвіе голубые и пунцовые цвѣты то пристають къ сучьямъ, то висятъ съ вѣтвей въ видѣ гирляндъ. Съ четырехъ сторонъ глубокая яма ограничена отвѣсными желто-бурыми стѣнами, по которымъ цѣпляется густой темно-зеленый плющъ. Внизу, въ частой рощѣ паритъ пріятная свѣжесть: туда не проникають солнечные лучи. А вмѣстѣ съ тѣмъ тамъ господствуетъ невозмутимая тишь: никогда вѣтеръ не шелеститъ листьями.

Эта такъ-называемая „райская латомія“ (*Latomia del Paradiso*) прославилась сверхъ того извѣстнымъ по преданію „Діонисовымъ ухомъ“. Дѣло въ томъ, что здѣсь въ скалѣ пробилась страннаго рода щель, которая, проходя снизу до верху, отличается замѣчательными акустическими особенностями, такъ что всякій производимый внизу у отверстія звукъ или стукъ раздается наверху гораздо сильнѣе и громче. Остальныя латоміи тоже снабжены пышною растительностью. Эти подземныя рощи разведены, конечно, искусственно и, какъ предполагають, служили въ нѣкоторомъ родѣ гульбищами, увеселительными садами для жаждавшихъ прохлады горожанъ.

Въ противоположность этимъ животворнымъ рощамъ, подземныя кладбища, катакомбы, производятъ удручающее впечатлѣніе. Въ эти мрачныя подземелья проникають близъ одной изъ церквей въ Ахрадинѣ. Вотъ какіе слѣды на поверхности и въ нѣдрахъ земли остались отъ одного изъ важнѣйшихъ нѣкогда городовъ, основанныхъ эллинскою націей на островѣ. Иного рода развалины сохранились отъ другого, столь же богатаго въ древности города, отъ Агригента или Джирженти, какъ называется онъ въ настоящее время.

Для того, чтобы прѣхать туда, мнѣ пришлось изъ Сиракузъ вернуться въ Катанію, станція которой служить узломъ пересѣзающихся тутъ желѣзныхъ дорогъ. Отсюда уже я направился по рельсовому пути, пролегающему на юго-западъ, отчасти по внутреннимъ областямъ острова. Сначала по обѣ стороны рельсъ все еще виднѣлись зеленѣющія пшеничныя поля, прерываемыя иногда оливковыми и миндальными рощами. На вершинахъ дальнихъ горъ показывались то одинокіе замки, то старыя городишки. По мѣрѣ того, какъ поѣздъ, удаляясь отъ бережья, прониваль все далѣе внутрь острова, мѣстность становилась гористѣе и пустыньѣе. А между тѣмъ этотъ внутренній край въ древности назывался сердцемъ Сициліи: въ тѣ давно прошедшія времена горы были еще покрыты лѣсами и,

благодаря сохраняемой ими влагѣ, почва была настолько плодородна, что этотъ край признавался даже житницей. А въ настоящее время такъ и кажется, будто по этимъ мѣстамъ прошли губительные стихійные перевороты въ родѣ изверженій и землетрясеній. Хотя здѣсь и не видать болѣе черной лавы, какъ въ окрестностяхъ Катани, но горы вздымаются надъ горами, и надъ ними вдали бѣлѣетъ снѣжная вершина грозной Этны. Въ этихъ горахъ пріютились болшею частью коренные туземцы острова, сикелы, промышляя отчасти охотой, а не то свотоводствомъ.

Вотъ и станція Кастрожіованни; самъ городъ уgnѣдился на верхушкѣ скалы, чуть ли не на три тысячи футовъ надъ поверхностью моря. Это считается высшимъ обитаемымъ мѣстомъ на островѣ. Тутъ собственно начинается область сѣры, самаго важнаго въ торговомъ отношеніи продукта Сициліи. И дѣйствительно, она чуть ли не полсвѣта снабжаетъ своей сѣрой. Несмотря, однако, на такой значительный предметъ вывоза, добываніе и разработка сѣры до сихъ поръ производится самымъ первобытнымъ способомъ. Въ рудники саженей въ полтораста глубины спускаются по неровнымъ, кое-какъ пробитымъ каменнымъ ступенямъ.

Вырубаемая внизу работниками, болшею частью сикелами, сѣра втаскивается по этимъ ступенямъ дѣтьми отъ двѣнадцати до четырнадцатилѣтняго возраста. Они по пятнадцати разъ на дню спускаются внизъ и поднимаются наверхъ съ своей ношей, получая за каждый разъ по одному сольдо (5 сантимовъ) платы. Можно себѣ представить, какъ вредно дѣйствуетъ на мальчиковъ такое передвиженіе въ воздухѣ, напоенномъ сѣрными душными парами. А между тѣмъ сооружать машины для подъема сѣры оказывается невыгодно для предпринимателя, такъ какъ эти рудники отдаются владѣльцами въ аренду лишь на весьма ограниченный срокъ. Тутъ, какъ видно, господствуютъ тѣ же пагубные порядки, что и при латифундіяхъ на островѣ.

Отъ Кастрожіованни поѣздъ шель по такой же гористой мѣстности, представлявшей, правда, весьма картинныя очертанія, но крайне пустынные, унылыя виды. Извиваясь между высокими грядями, поѣздъ то-и-дѣло проходилъ туннелями.

По сватамъ горъ кое-гдѣ показывались стада возъ; а иногда по горнымъ тропамъ пробирались мулы съ владью сѣры. На товарныхъ станціяхъ горами лежали свѣтло-желтыя четырехугольныя сѣрныя плиты. Послѣ четырехъ часовъ ѣзды отъ Кастрожіованни, поѣздъ подкатилъ въ станцію Джирженти.

Этотъ пресловутый въ древности Агригентъ, гдѣ разбогатѣвшіе негоціанты гордились нажитыми богатствами, этотъ, по словамъ Пиндара, „прекраснѣйшій городъ смертныхъ“ въ настоящее время, подобно Сиракузамъ, представляетъ лишь слабую тѣнь прежняго величія. Туристы, пожалуй, и не заглядывали бы сюда, еслибъ ихъ не привлекали развалины величавыхъ греческихъ храмовъ. Теперешній городъ Джирженти приютился лишь на верхней площадѣ прибрежной горы, тогда какъ древній Агригентъ, раскинувшись по скату этой возвышенности, занималъ обширное пространство, простираясь съ самаго верха и почти до гавани Эмпедокла. Вообще, этотъ городъ, не только по богатству жителей, но также во многихъ другихъ отношеніяхъ, напоминаетъ собою Сиракузы. Благодаря коммерческимъ сношеніямъ съ Африкой, въ особенности съ Карфагеномъ, и отличному порту Эмпедокла, Агригентъ занималъ на южномъ берегу Сициліи такое же положеніе, какъ Сиракузы на восточномъ. Потомъ его постигла такая же участь, какъ и послѣдній городъ. И дѣйствительно, вскорѣ послѣ осады Сиракуз аѳинянами, карфагеняне напали на Агригентъ. Когда въ городѣ истощились продовольственные запасы, то жители малодушно покинули его, оставивъ въ немъ стариковъ, увѣчныхъ и больныхъ. Ворвавшись въ городъ, карфагеняне разграбили его, разрушили зданія и храмы, перебили беззащитныхъ жителей, повинутыхъ въ городѣ, и отправили въ Карфагенъ значительное количество художественныхъ произведеній, которыми славился Агригентъ. Послѣ этого, городъ успѣлъ, правда, вновь оправиться; но во время пуническихъ войнъ римляне, захвативъ Агригентъ, опять подвергли его разрушенію. Наконецъ, когда норманны совершенно изгнали сарацинъ съ острова, и сѣверные берега Африки, по разрушеніи Карфагена, утратили свое прежнее коммерческое значеніе, то и Агригентъ, за-одно со всѣмъ южнымъ берегомъ Сициліи, подвергся окончательному запустѣнію, и отъ древняго города сохранились лишь—какъ нѣмые свидѣтели минувшаго величія его—развалины чудесныхъ храмовъ.

Для того, чтобы осмотрѣть ихъ, я спустился изъ верхняго города по покатою дорогѣ и перешелъ черезъ такъ-называемый Греческій-мостъ (Ponte Greci), близъ котораго засталъ толпу водовозовъ у ключа, снабжаемаго водой при посредствѣ древняго водопровода. 'Своротивъ отсюда вправо, я вскорѣ подошелъ къ стоящей среди пустыни церкви Св. Николая, позади которой раскинулась площадь, древняя „агора“ грековъ. Сторожъ отворилъ калитку и радушно пригласилъ меня войти. Въ самой церкви

не оказалось ничего замѣчательнаго. Когда я спросилъ, какъ пройти къ развалинамъ, то сторожъ предложилъ мнѣ въ проводники своего сына, симпатичнаго и толковаго мальчика лѣтъ двѣнадцати отъ роду. Мы вдвоемъ и стали спускаться по отлогому свату въ раскинувшуюся внизу пустынную покатую площадь.

Однако, безъ моего юнаго проводника мнѣ, пожалуй, и не удалось бы ориентироваться, какъ слѣдуетъ, среди поросшей кое-гдѣ высокою травой и чапыжникомъ, а не то покрытой безпорядочными грудями валуновъ и скалистыхъ глыбъ обширной мѣстности. И дѣйствительно, трудно было бы разобраться среди поверженныхъ каменныхъ столбовъ и иныхъ частей развалившихся зданій въ родѣ громадныхъ храмовъ Зевса или Геркулеса. При первомъ изъ нихъ на землѣ растянулась, покрытая пескомъ и частью даже плесенью, громадная каріатида, напомнившая мнѣ статую Рамзеса въ Египтѣ. Однако, я и не обратилъ бы вниманія на этого лежащаго среди груды камней скалистаго гиганта, еслибы мой мальчикъ не указалъ на него.

Недалеко отсюда на каменномъ фундаментѣ сохранились четыре колонны, поддерживающія архитравъ развалившагося храма Кастора и Поллука. Отъ другого зданія, посвященнаго Юнонѣ, остались на своихъ мѣстахъ шесть колоннъ во фронтѣ и тринадцать по бокамъ. Замѣчательнѣе всего, конечно, храмъ Конкордія, который сохранился лучше всѣхъ и, по увѣренію знатоковъ, признается однимъ изъ самыхъ изящныхъ греческихъ храмовъ. Простота и при всемъ томъ величавый видъ его желто-бурыхъ колоннъ, на которыхъ покоится архитравъ, поражаютъ зрителя тѣмъ еще сильнѣе, что зданіе стоитъ одиноко среди каменной пустыни. Въ виду этого строгаго произведенія греческаго зодчества невольно спрашиваешь: отчего современные архитекторы, созидая новые, зачастую вовсе неизящныя храмы съ куполами и со шпицами, не воспользуются этими простыми и въ то же время высоко-художественными произведеніями древняго искусства?

На другой день я поднялся на гору близъ Джирженти, на такъ-называемую Аѳинскую-скалу (Kure Atenea). Сверху открывается обширный кругозоръ на современный жалкій городъ, на развалины храмовъ, раскинутыя по покатоности, которую занималъ древній Агригентъ, на гавань Эмпедокла и на синѣющую морскую гладь, подступающую на югъ къ берегамъ Африки, тогда какъ на сѣверѣ, внутри острова, взору представляются пустынные горныя вершины.

Изъ Джирженти мнѣ предстояло по желѣзной дорогѣ пере-

рѣзать островъ съ юга на сѣверъ. По обѣимъ сторонамъ опять стали показываться слѣды сѣрной области. Мѣстами поднимались почти отвѣсныя скалы; всюду громоздились пустынные возвышенности. Прокативъ туннелемъ подъ вершиной, составляющей линію раздѣла водъ на островѣ, поѣздъ сталъ спускаться въ долину, по которой протекаетъ Извилистая-Фиума (Fiume Torto). Переѣзжая по мостамъ то на правый, то на лѣвый берегъ, мы достигли наконецъ сѣверной окраины Сициліи. Своротивъ затѣмъ круто на западъ, поѣздъ вскорѣ по знакомому уже намъ цвѣтущему побережью подѣхалъ къ станціи въ Палермо. Прочавшись такимъ образомъ въ теченіе пяти часовъ изъ Джирженти, гдѣ лишь утромъ повинулъ остатки развалившихся греческихъ храмовъ, я точно изъ тѣмъ глубокой древности сразу очутился вновь въ средѣ развивающейся современной жизни. Этотъ переходъ былъ особенно поразителенъ, когда я вышелъ на извѣстную уже намъ площадь Четырехъ-Угловъ въ средоточіи города, гдѣ, какъ всегда, толпилась многочисленная публика, глаза на проѣзжающіе по перекрестку щегольскіе и простые экипажи.

Прибывъ въ городъ, я отъ площади Четырехъ-Угловъ направился по Корсо къ Новой-аржѣ (Porto Nuovo). Не доходя этихъ воротъ, всякій новоприбывшій туристъ невольно остановится передъ раскинутымъ по правой сторонѣ, за каменной оградой, дивнымъ храмомъ Санта Маріи Ассунты. Даже профана должно поразить это зданіе норманскаго стиля величавымъ, гармоничнымъ строенъ. Красивыя четырехугольныя башни по угламъ, высокая волокольня съ аркою подъ нею, портомъ съ заостренными сводами, — все вмѣстѣ, воздвигнутое изъ желтобураго камня и разведенное мелкими узорами въ родѣ арабесковъ по карнизамъ продолговатаго зданія, производитъ пріятное впечатлѣніе, не оскорбляя взора никакими цвѣтными пестрыми украшеніями. Этотъ храмъ замѣчателенъ еще въ томъ отношеніи, что онъ вмѣщаетъ въ себѣ какъ бы слѣды разныхъ эпохъ, какія приходилось переживать Палермо, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Сициліи. И дѣйствительно, въ древности, быть можетъ, даже при финиціанцахъ, основавшихъ здѣсь свою факторію, а не то при замѣнившихъ ихъ карфагенянахъ, на этомъ мѣстѣ стоялъ языческій храмъ. Впослѣдствіи римляне, какъ извѣстно, овладѣли всѣмъ островомъ. Когда готы нагрянули на римскую имперію, то они наводнили своими ордами тоже Сицилію. Векорѣ, однако, Велисарій прогналъ готовъ, и островъ въ шестомъ вѣкѣ подчи-

вился на короткое время власти Византии. Тогда на основѣ бывшаго языческаго храма и была построена христіанская церковь. Пытаясь избавиться отъ тяжкаго византийскаго ига, сицилійцы обратились за помощью къ арабамъ. Перебравшись изъ Африки и овладѣвъ, въ 827-мъ году, островомъ, послѣдніе преобразили христіанскій храмъ въ мечеть. Потомъ Сицилія перешла сперва во власть Туниса, а впослѣдствіи также Египта. Однако, въ одиннадцатомъ столѣтіи, норманны вытѣснили арабовъ и заняли Палермо, сдѣлавъ этотъ городъ столицею учрежденнаго ими самостоятельнаго сицилійскаго королевства. Съ этихъ поръ Сицилія, можно сказать, окончательно была приурочена къ Европѣ: и дѣйствительно, вмѣсто господствовавшихъ доселѣ на островѣ арабскихъ обычаевъ, нравовъ и языка, здѣсь навсегда водворились европейскія условія. Важнѣе всего для народнаго блага было то обстоятельство, что норманнскіе короли и преемники ихъ, Гогенштауфены, сами жили въ странѣ, избравъ Палермо своей резиденціей. Во время норманнскаго господства мечеть была вновь превращена въ христіанскую церковь, и тогда-то окончательно сооружено было величавое зданіе храма для поклоненія Богородицѣ. Въ этой церкви, провозгласивъ себя королемъ Сициліи, короновался норманнскій вождь Роджеръ II. Когда же, со смертью двухъ преемниковъ его, прекратился родъ норманнскихъ королей, то въ томъ же храмѣ короновался императоръ Генрихъ VI Гогенштауфенъ, женатый на дочери Роджера. Въ царствованіе его наслѣдника, Фридриха, Сицилія пользовалась наиболѣе цвѣтущимъ состояніемъ и народъ благоденствовалъ. Но, по смерти короля Фридриха, его наслѣдники не сумѣли поддержать славу своихъ предковъ, и съ этой поры благодатная звѣзда Сициліи, можно сказать, навсегда закатилась. О дальнѣйшихъ событіяхъ на островѣ упомянемъ еще въ своемъ мѣстѣ, а здѣсь прибавимъ только, что въ самомъ храмѣ, въ порфировыхъ саркофагахъ, покоятся останки королей Роджера, Генриха, Фридриха и другихъ родственныхъ имъ особъ. Замѣтимъ также, что впослѣдствіи были учиняемы незначительныя поправки и пристройки къ храму, но первоначальный норманнскій стиль сохранился до тѣхъ поръ, пока въ XVII столѣтіи какому-то благочестивому тосканскому архитектору не вздумалась увѣнчать или, выражаясь вѣрнѣе, обезобразить зданіе высокимъ куполомъ. Сначала я и не обратилъ-было вниманія на этотъ куполь, предполагая, что онъ составляетъ верхъ другого отдѣльнаго зданія, стоящаго позади норманнскаго храма. Не имѣя ничего общаго съ послѣднимъ, куполь только нарушаетъ гармонію цѣлаго.

Внутри храма неутомимый итальянский художник тоже многое изменил: сарацинские орнаменты перекрыты темной краской, своды и колонны преобразованы на новый лад, так что внутренность храма производит на посетителя мрачное впечатление.

Изъ норманнской эпохи въ Палермо сохранилось еще нѣсколько замѣчательныхъ зданій. И дѣйствительно, недалеко отъ храма по лѣвую сторону Корсо, на заднемъ планѣ обширной площади (Piazza della Vittoria), раскинулось почти до самыхъ Новыхъ-воротъ пространное зданіе королевскаго дворца. Основаніемъ для него послужили построенныя арабами укрѣпленія. Преобразивъ ихъ въ дворецъ, норманнскіе короли расширили и дополнили пристройками эти сооруженія. Самую интересную часть пристроекъ составляетъ, конечно, капелла Палатина. Она находится внутри самаго дворца, во второмъ его ярусѣ. Что-то какъ бы сказочное, таинственное представляется вамъ при входѣ въ эту небольшую, скудно освѣщаемую сквозъ окрашенные стекла часовню, переполненную внутри, въ полумракѣ, блестящими арабесками, гранитными колоннами и мозаиками на золотомъ фонѣ. Еслибы не лики Христа, Богоматери и апостоловъ, изображенные по стѣнамъ, то можно бы подумать, что вы очутились не въ церкви, предназначенной для богослуженія, а скорѣе въ баснословномъ покоѣ какого-нибудь очарованнаго замка. Знатоки увѣряютъ, что это самая красивая капелла на свѣтѣ.

Въ одной изъ башенъ при королевскомъ дворцѣ устроена обсерваторія, въ которой совершались свои наблюденія Піацци. Упомянемъ здѣсь кстати, что гробница знаменитаго астронома находится въ церкви св. Доминика. Тамъ же на пьедесталѣ стоитъ его мраморный бюстъ, и при немъ на плитѣ начертана надпись, поясняющая, что І. Піацци, дѣлая наблюденія надъ неподвижными звѣздами, открылъ первый изъ планетонидовъ—Цереру.

Къ норманнскимъ произведеніямъ зодчества слѣдуетъ отнести также величественный храмъ въ Монреаль. Этотъ городокъ расположенъ на горѣ въ юго-западномъ направленіи отъ города. Дорога туда пролегаетъ по тому же Корсо и, продолжаясь за Новыми-воротами, тянется въ прямомъ направленіи версты на четыре до самаго подножія горы. Туда, впрочемъ, ходитъ даже конка изъ города. Самый подъемъ на гору по хорошему шоссе легко совершается въ три-четверти часа. Какъ повсюду въ окрестностяхъ Палермо, такъ и по дорогѣ въ Монреаль, попадаетъ много садовъ, изобилующихъ лимонными и апельсинными плантаціями. Самъ городокъ наверху представляется не

въ привлекательномъ видѣ. Въ его не совсѣмъ чистыхъ, хотя и каменныхъ двухэтажныхъ домахъ помѣщаются дрянныя лавки, въ которыхъ торгуютъ съѣстными припасами, готовымъ платьемъ, сапогами и всякою обувью, а въ иныхъ продается также вино и пиво; но кофейной ни одной не оказалось; зато здѣсь открытъ неизбѣжный даже въ такихъ мѣстечкахъ салонъ, въ которомъ стригутъ и брѣютъ мѣстныхъ обывателей.

При самомъ входѣ въ селеніе, какъ разъ надъ кручею, стоитъ обширный храмъ, наружность котораго не обѣщаетъ, впрочемъ, ничего особеннаго: простыя арки поддерживаются четырьмя дорическими колоннами. Зато, вступивъ внутрь, я былъ пораженъ величественнымъ зрѣлищемъ: два ряда стройныхъ гранитныхъ колоннъ поддерживаютъ высокой, готическій,верху заостренный сводъ. Въ какую сторону ни посмотришь въ этомъ обширномъ просторѣ, всюду взоръ пріятно поражается орнаментами въ арабскомъ вкусѣ, византійскими мозаиками, греческими ваяніями, такъ что внутренность храма представляетъ дивное сочетаніе стилей разныхъ эпохъ, какія пришлось пережить Сициліи, переходя отъ однихъ властителей къ другимъ. Стѣны мѣстами покрыты бѣлымъ мраморомъ, перерѣзаннымъ цвѣтными ваймами, а не то золотыми арабесками. Надъ алтаремъ изображенъ въ необычайно большихъ размѣрахъ ликъ Иисуса Христа, благословляющаго толпу. Храмъ славится въ особенности своими мозаиками. Онѣ красуются по всѣмъ стѣнамъ подъ карнизами и изображаютъ важнѣйшіе эпизоды изъ Ветхаго и Новаго Заветовъ, начиная отъ сотворенія міра и кончая дѣяніями апостоловъ. Въ южномъ придѣлѣ обширной церкви стоятъ два порфировыхъ саркофага, въ которыхъ покоятся останки двухъ послѣднихъ норманнскихъ королей, Вильгельма I и Вильгельма II, самого основателя этого зданія.

За-одно съ храмомъ, тутъ же возлѣ него основанъ былъ монастырь; но отъ него въ настоящее время остался небольшой четырехугольный дворъ, окруженный со всѣхъ сторонъ крытою сверху галереей съ арками, которыя поддерживаются небольшими, но красивыми колоннами. Общій видъ двора съ окружающею его колоннадой подъ изящными арками производитъ весьма пріятное впечатлѣніе. Но тутъ мало ограничиться однимъ поверхностнымъ взглядомъ, общимъ обзоромъ, — необходимо внимательнѣе осмотрѣть каждую изъ колоннъ, которыхъ оказывается сто паръ. Каждая колонна отличается особымъ, своеобразнымъ, сверху до низу высѣченнымъ по бѣлому мрамору орнаментомъ, а капители точно также представляютъ разнообразныя рельеф-

ныя изображенія, свидѣтельствующія о чрезвычайно плодovitой изобрѣтательности и о мастерствѣ художника. Тутъ передъ вами является прекрасное сочетаніе арабесковъ, листьевъ и цвѣтовъ, птицъ, звѣрей и людей въ разныхъ видахъ. Такъ, между прочимъ, на одной изъ капителей изображена въ мелкихъ рельефныхъ фигурахъ Богоматерь съ Младенцемъ на рукахъ, на другой—рыцарскій турниръ и т. д.

Пройдя по улицѣ до конца города, я попалъ на тропинку, которая вела вверхъ по крутому скату. По обѣ стороны тропинки бѣлѣли обнаженные известковыя скалы, покрытыя кое-гдѣ мхомъ и плесенью. Поднявшись до вершины, я увидѣлъ передъ собою голыя, мрачныя гряды горъ, раскинутыя внутри острова. По скату, между обнаженными камнями паслась корова, пощипывая траву на этомъ скудномъ нагорномъ пастбищѣ. Поворотивъ назадъ и спускаясь внизъ, я увидѣлъ передъ собою другую картину, и этотъ контрастъ былъ поразителенъ: вмѣсто только-что покинутого пустыннаго вида горъ передо мною внизу раскинулось во всей своей красѣ знакомое уже намъ Золотое-Раздолье съ разбѣянными по немъ вилами, лимонными и апельсиновыми рощами при нихъ, съ бѣлѣющими домами въ Палермо, съ стаей судовъ въ гавани и синѣющею морскою гладью до самаго горизонта.

Возвращаясь въ городъ между непрерывными рядами цвѣтущихъ садовъ, я невольно вспомнилъ пѣснь Миньоны:

„Ты знаешь ли край, гдѣ лимонныя рощи цвѣтуть,
Гдѣ въ темныхъ листахъ померанецъ, какъ золото, рдѣеть“...

И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ болѣе знакомишься съ природой острова, тѣмъ сильнѣе проникаешься убѣжденіемъ, что эти стихи Гёте скорѣе всего слѣдуетъ отнести въ Сицилію: нигдѣ въ Италіи не приходится видѣть такого обилія лимонныхъ и померанцевыхъ рощъ, какъ по прибрежнымъ мѣстностямъ острова. Мало того, все стихотвореніе отъ начала до конца носить на себѣ яркія черты, составляющія отличительныя свойства Сициліи по преимуществу.

„Ты знаешь ли домъ? Позолотою яркой блестя,
На стройныхъ колоннахъ вздымается пышная арка“...

И дѣйствительно, колоннады, какъ было уже упомянуто выше, составляютъ отличительную черту болѣе крупныхъ сооружений какъ въ Палермо, такъ и въ другихъ городахъ на островѣ: не только въ храмахъ, но также во многихъ дворахъ, особенно

при домахъ богатыхъ синьоровъ, всюду красуются стройныя колонны. Наконѣцъ, въ пѣснѣ еще упоминается:

„Ты знаешь ли гору? Тамъ въ тучахъ тропинка видна,
Тамъ мулъ себѣ путь пробиваетъ въ туманахъ нагорныхъ“...

Эта картина также скорѣе всего свойственна пустынной природѣ внутренней горной мѣстности Сициліи.

Гёте, судя по его письмамъ, былъ очарованъ природой острова: не даромъ онъ высказалъ мнѣніе, что „Италія, помимо Сициліи, не оставляетъ никакой картины въ душѣ, тутъ — ключъ ко всему“. Къ этому заявленію можно бы еще прибавить: для того, чтобы лучше постичь Сицилію, слѣдуетъ ознакомиться съ сѣвернымъ побережьемъ Африки, особенно съ Тунисіей: арабы не безслѣдно въ теченіе двухъ съ половиной вѣковъ владѣли островомъ.

Посѣщая окрестности на югѣ отъ города, я разъ попалъ на старое кладбище близъ городскихъ воротъ. Въ стѣнѣ здѣшней церкви Св. Духа вставлена мраморная доска съ начертанною на ней надписью, въ память разразившейся здѣсь въ 1282 году „сицилійской вечерни“. Это былъ одинъ изъ наиболѣе знаменательныхъ эпизодовъ въ исторіи Сициліи, который притомъ можетъ служить яркой характеристикой ея жителей.

По смерти короля Фридриха и двухъ его сыновей, папа, не имѣя на то никакого права, предложилъ Сицилію, въ качествѣ лена, Карлу Анжуйскому. Тогда послѣдній потомокъ Гогенштауфеновъ, юный Конрадинъ, внукъ Фридриха, объявилъ войну Карлу. Послѣ неудачнаго похода въ Сицилію, онъ, какъ извѣстно, былъ взятъ въ плѣнъ и, по приказанію Карла Анжу, казненъ въ Неаполѣ. Затѣмъ въ теченіе четырнадцати лѣтъ длилось пагубное господство французовъ въ Сициліи. Народъ хорошо еще помнилъ благодатное правленіе Гогенштауфеновъ и съ негодованіемъ подчинялся власти французскихъ правителей, тѣмъ болѣе, что самъ Карлъ, проживая въ Неаполѣ, не показывался въ Палермо, и островъ былъ обращенъ въ простую провинцію. Въ народѣ все сильнѣе набиала злоба противъ французскихъ властителей, а аристократія еще болѣе возбуждала населеніе противъ иноземнаго ига. Однако жожакамъ возстанія не такъ еще скоро удалось бы заставить народъ взяться за оружіе, еслибъ неожиданный случай не ускорилъ исполненіе задуманнаго ими предпріятія. На третій день праздника пасхи горожане изъ Палермо вышли, по обыкновенію, погулять на луга передъ церковью Св. Духа. Къ гуляющимъ

применули также французы. Сицилийцы съ негодованіемъ сторонились отъ нихъ. По этому поводу возникли перебранки. Французы стали кричать: „Вы бунтовщики! у васъ спрятаны ножи!“ По приказанію одного изъ офицеровъ, гуляющихъ стали подвергать обыску, но никакихъ ножей не оказалось. При этомъ одинъ изъ французовъ подошелъ къ дѣвицѣ, проходившей подъ-руку съ своимъ женихомъ, и, воскликнувъ: „У васъ спрятанъ винжалъ!“, хотѣлъ схватить ее за грудь. Тутъ молодой человѣкъ бросился на обидчика, выхватилъ саблю изъ его же ноженъ и съ крикомъ: „Смерть французамъ!“ повергъ его на землю.— „Смерть французамъ!“ подхватили его товарищи, и кровавая свалка началась. Будучи лучше вооружены, французы покушались пробиться сквозь толпу; однако народъ дружнымъ натискомъ, не щадя своей жизни, напиралъ на врага, и всѣ французы, числомъ до двухъ сотъ человѣкъ, остались мертвыми на лугу. Столько же пало и горожанъ. Какъ разъ въ это время раздался звонъ къ вечернѣ. Люди бросились на колокольню и ударили въ набатъ. По городу быстро разнеслась вѣсть о побойцѣ, и жители стали безъ пощады всюду преслѣдовать и убивать враговъ. Слухъ о возстаніи въ Палермо скоро разнесся по всему острову. Во всѣхъ городахъ и селахъ народъ сталъ дружно преслѣдовать и избивать своихъ притѣснителей, такъ что недѣли черезъ четыре на островѣ не осталось въ живыхъ ни одного француза. А тѣмъ временемъ вожаки народа призвали на помощь Петра Аррагонскаго, женатаго на внучкѣ покойнаго короля Фридриха. Сицилийцы провозгласили прибывшаго въ Палермо съ флотомъ Петра своимъ королемъ. Такъ разрѣшилась окончательно „сицилійская вечерня“. Въ ней обнаружилась необузданная страсти разъярившейся толпы, порывистый духъ народа, въ которомъ кипѣла отчасти сарацинская кровь, и стремленіе къ независимости. Такимъ же залогомъ всегдашней готовности населенія къ возстаніямъ можетъ быть признана такъ-называемая Площадь Революціи (La Piazza Rivoluzione) въ Палермо, служившая въ 1848 г., а потомъ также въ 1850 г., ареною возстанія противъ деспотизма неаполитанскаго короля. Къ сожалѣнію, однако, всѣ эти возстанія лишены были систематической организаціи, и оттого не достигали своей цѣли: вмѣсто того, чтобы учредить самостоятельное правленіе, народъ передавалъ всякій разъ власть надъ собою чужеземнымъ властелинамъ. Такъ и послѣ вечерни Сицилія сдѣлалась достояніемъ аррагонскихъ князей, а потомъ перешла во власть испанскихъ королей, и опять сдѣлалась пренебрегаемою провинціей чуждаго

ей королевства. Но наиболѣе бѣдственную эпоху островъ переживалъ при Бурбонахъ, во власть которыхъ онъ перешелъ въ 1735 году, какъ составная часть королевства Обвѣихъ-Сицилій. Отъ ига Бурбоновъ Сицилію, какъ извѣстно, освободилъ Гарибальди смѣлымъ походомъ во главѣ тысячнаго отряда добровольцевъ. Объ этомъ славномъ подвигѣ упоминается, между прочимъ, въ надписи, начертанной на одной изъ мраморныхъ досокъ, вставленныхъ въ стѣну при городской думѣ. Извѣщая о томъ, что Гарибальди, 27-го мая 1860 г., въ Палермо ниспровергъ тиранію Бурбоновъ, надпись заканчивается слѣдующимъ возгласомъ: „Солнце 30-го марта 1282 года (день вечерни) и 12-го января 1848 г. (день возстанія) вновь озарило возставшій и побѣдоносный городъ!“ А на другой доскѣ значится, что 21-го октября 1860 г., изъ 432.720 имѣющихъ право голоса сицильцевъ 432.053 человекъ подали голосъ въ пользу единой нераздѣльной Италіи.

Какъ бы то ни было, но не подлежитъ спору, что Италія своимъ объединеніемъ въ значительной мѣрѣ обязана Сициліи. Какъ отблагодарила Италія островъ за оказанныя имъ услуги, и насколько это объединеніе пошло въ прокъ Сициліи?—это вопросъ, можно сказать, открытый. Въ народѣ, по крайней мѣрѣ, не обнаруживается, повидимому, ни малѣйшаго сочувствія къ столь важному для него событію—къ объединенію. Въ этомъ не трудно было убѣдиться особенно 4-го марта, когда наступилъ самый праздникъ объединенія Италіи. Въ этотъ торжественный день главныя улицы съ ранняго утра разукрашены были національными флагами, состоящими изъ красныхъ, бѣлыхъ и зеленыхъ полосъ. Вечеромъ устроено было что-то въ родѣ иллюминаціи: площадь передъ театромъ Виттора-Эммануила была ярко освѣщена электричествомъ, а по главнымъ улицамъ удвоили число газовыхъ рожковъ на фонаряхъ. Этими какъ бы полицейскими мѣрами и ограничилось торжество знаменательнаго дня. Такое индифферентное отношеніе горожанъ къ великому событію какъ-то даже неприятно поражаетъ посторонняго наблюдателя, у котораго невольно возникаетъ убѣжденіе, что народъ въ разныхъ областяхъ Италіи лишенъ того единодушія, какое могло бы служить самымъ вѣрнымъ залогомъ всеобщаго объединенія. А самолюбивые островитяне, сверхъ того, никакъ не могутъ примириться съ мыслью, что ихъ островъ составляетъ лишь незначительную провинцію Италіи, какъ бы маловажный осколокъ цѣлага. Они всегда были довольны и спокойны тогда, когда у нихъ былъ свой, хотя бы даже чужеземный король, который съ

своимъ дворомъ проживаль въ самой Сициліи и властной рукой поддерживалъ общее согласіе между разноплеменными подданными, такъ что ихъ островъ составлялъ благоустроенную самостоятельную державу.

Итальянское правительство вообще не пользуется симпатіями на островѣ. Въ этомъ можно было отчасти убѣдиться также по тому равнодушію, съ какимъ жители отнеслись къ другому итальянскому празднику, а именно, ко дню рожденія короля Гумберта, 14-го марта. По поводу такого торжества назначенъ былъ большой парадъ. На обширной итальянской набережной я засталъ полки инфантеріи и кавалеріи въ блестящихъ мундирахъ, также бригаду артиллеріи. Но посторонней публики было очень немного. Церемониальнымъ маршемъ всѣхъ отрядовъ по площади и ограничилось торжество этого дня.

Да и то сказать, ради чего народъ сталъ бы питать сочувствіе къ правительству, которое нисколько не облегчило тягости, угнетавшія его въ эпоху бурбонскаго ярма, и которое, повидимому, мало заботится объ исправленіи его аграрныхъ неурядицъ. Какъ бы то ни было, но коренная причина бѣдственнаго состоянія острова, богато одареннаго отъ природы, заключается въ ненормальномъ распредѣленіи земельной собственности, укоренившемся на основѣ римскаго права. Выше было уже упомянуто о томъ, что вслѣдствіе господствующей въ Сициліи системы латифундій, связанной сверхъ того съ приуроченными къ краю при норманскихъ ввязяхъ феодальными порядками, земля переходитъ на короткій срокъ отъ владѣльца къ крупнымъ и мелкимъ арендаторамъ, и въ концѣ концовъ орошается трудовымъ потомъ пахаря, который отъ продуктивности ея не ожидаетъ никакихъ выгодъ для самого себя. Даже землевладѣльцы сознаютъ зло, проистекающее отъ такихъ превратныхъ аграрныхъ условій. Въ мѣстныхъ органахъ печати не разъ уже предлагалось примѣнить къ Сициліи теорію извѣстнаго американскаго политико-эконома, Генри Джоржа, по которой вся земля должна перейти въ собственность государства и отдаваться въ аренду настоящимъ сельскимъ хозяевамъ съ обязательствомъ необходимой воздѣлки почвы. Даже въ министерствѣ заявлялись требованія, чтобы правительство своею властью преобразовало аграрные порядки на островѣ. Въ этомъ отношеніи было выражено между прочимъ, что правительство не должно стѣсняться никакими издавна укоренившимися уставами, которыми поддерживается институтъ частной земельной собственности. Всякія мѣропріятія въ такомъ

случаѣ должны подчиняться преобладающимъ интересамъ населенія во всей его совокупности.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ правительство приступило было къ распродажѣ секуляризованныхъ монастырскихъ земель. Но и въ этомъ случаѣ имѣлось въ виду скорѣе наполнить оскудѣвшую государственную кассу, чѣмъ оказать помощь недостаточнымъ земледѣльцамъ. Такъ, между прочимъ, въ самой Сициліи свыше 200.000 гектаровъ земли были разбиты на 20.000 участковъ, по 10 гектаровъ каждый, и предлагались въ продажу съ молотка. Казалось бы, не могло быть лучшей мѣры для распространенія въ краѣ мелкаго землевладѣнія. Однако, на самомъ дѣлѣ, такимъ образомъ удалось пристроить всего лишь десятую часть всѣхъ участковъ. Крестьяне, конечно, охотно стали бы приобретать эти земли, но у нихъ отчасти не хватило на то капиталовъ, а отчасти они иногда не рѣшались вступать въ конкуренцію съ богатыми синьорами, которые зачастую скупаютъ земли при посредствѣ своихъ подставныхъ агентовъ. А потому участки лишь въ ограниченномъ количествѣ перешли въ руки дѣйствительныхъ земледѣльцевъ.

Недостаточно, впрочемъ, какъ справедливо замѣтилъ одинъ изъ здѣшнихъ политико-экономовъ, снабдить пахаря участкомъ земли и надѣлать его необходимыми средствами для обзаведенія. Необходимо сообщить ему надлежащее образованіе. Лишенный такого образованія, крестьянинъ по неволѣ долженъ будетъ подчиниться образованному земледѣльцу: неучъ не въ состояніи будетъ изъ доставшейся ему земельной собственности извлечь тѣхъ выгодъ, какія извлечетъ изъ нея послѣдній. Но надлежащее для земледѣльца образованіе вообще достигается лишь въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній. А потому, неучъ-крестьянинъ какъ бы роковымъ образомъ осужденъ оставаться рабочею силою, подчиненною интеллигентнымъ сельскимъ хозяевамъ.

Нельзя, однако, сказать, чтобы просвѣщенные патріоты въ стравѣ не пытались поднять по возможности агрономическое развитіе въ Сициліи. Въ подобныхъ попыткахъ здѣшнихъ патріотовъ мнѣ пришлось убѣдиться на самомъ дѣлѣ. И дѣйствительно, когда я посѣщала известное предмѣстье Ла-Фаворита, то по дорогѣ туда мое вниманіе привлечено было оригинальнаго вида чугунными рѣшетчатыми воротами. На одномъ изъ столбовъ съ правой стороны представленъ, сдѣланный изъ алебаstra, бѣлый рогъ изобилія, а возлѣ него раскинуты также бѣлые плугъ, лопата и цѣпъ; на другомъ столбѣ слѣва изображены таковаго же вида рогъ изобилія, трехзубая вила, коса и борона. Надъ воро-

тами начертана надпись: „E proprio delicio publica utilitas“. Зная по опыту, какъ радушно здѣсь вообще принимаютъ посѣтителей, я подошелъ къ воротамъ и спросилъ привратника, можно ли войти? Онъ предупредительно отворилъ ворота и пригласилъ меня пройти далѣе по аллеѣ, съ обѣихъ сторонъ которой возвышались могучіе кипарисы. Въ концѣ аллеи показалось зданіе, состоящее изъ крытой возвышенной площадки съ колоннами по серединѣ и изъ двухъ флигелей по обѣимъ сторонамъ. Надъ зданіемъ большими буквами начертано: „Istituto Castellnuovo“. На противоположной сторонѣ зданія стоитъ другая надпись: „Alla Sicilia Agricoltura“. На площадѣ я засталъ двухъ наставниковъ этого земледѣльческаго заведенія и одного аббата, а около нихъ до двадцати школьнико́въ отъ двѣнадцати- до шестнадцатилѣтняго возраста. Я обратился къ наставникамъ съ просьбой позволить мнѣ осмотрѣть заведеніе. Аббатъ тотчасъ же подозвалъ одного изъ мальчи́ковъ и любезно предложилъ мнѣ слѣдовать за нимъ. Мой путеводитель былъ, какъ видно, хорошо знакомъ со всѣми отдѣлами заведенія. Прежде всего я осмотрѣлъ обширный, отлично устроенный скотный дворъ, гдѣ находилось около двухъ дюжи́нъ коровъ мѣстной породы. Въ другомъ отдѣленіи тутъ же содержатся овцы и козы, а въ третьемъ—съ десятокъ іоркширскихъ свиней. Потомъ мы прошли по полямъ, на которыхъ росли артишоки, пшеница и посажены были виноградныя лозы. Въ другомъ мѣстѣ разведена школа разныхъ древесныхъ породъ, преимущественно лимоновъ и апельсина́въ. Судя по выставленнымъ надписямъ на дощечкахъ, на одномъ изъ полей пользовались химическимъ удобреніемъ, а на другомъ—хлѣвнымъ. Въ особомъ помѣщеніи за желѣзной рѣшеткой содержатся куры и утки разныхъ породъ, а въ обширномъ сараѣ хранятся сельскохозяйственныя машины и орудія. Какъ видно, заведеніе обставлено съ достаточною полнотою для изученія сельскаго хозяйства.

Осмотрѣвъ всѣ отдѣлы, мы вернулись къ площадѣ, съ которой начали свой обходъ. Тутъ въ одномъ изъ флигелей оказались дортуары ученико́въ, а въ другомъ—библіотека и музей, въ которомъ собраны чучела птицъ и насѣкомыхъ, имѣющія какое-нибудь отношеніе къ сельскому хозяйству. Недалеко отъ этого зданія стоитъ особнякомъ домъ съ надписью надъ дверью: „Scuole“. Помимо обычныхъ классовъ со скамьями для учащихся, въ школѣ имѣется еще особая химическая лабораторія. Въ ней на столахъ и по шкафамъ размѣщены въ довольно полномъ составѣ снаряды для производства опытовъ. Въ другой аудиторіи

находятся физическіе приборы. Такимъ образомъ, ученики въ теченіе пяти или шести лѣтъ проходятъ въ заведеніи основательный агрономическій курсъ.

Этимъ устроеннымъ на иждивеніе одного изъ богатыхъ землевладѣльцевъ институтомъ не ограничиваются, впрочемъ, заботы интеллигентныхъ патріотовъ о средствахъ, способствующихъ улучшенію сельскаго хозяйства. Такъ, между прочимъ, въ предмѣстьѣ, которое тянется за Новыми-воротами, по дорогѣ къ Монреалу я посѣтилъ еще садъ Акклиматизаціи (*Giardino d'Acclimazione*), который имѣетъ главною цѣлью содѣйствовать сельскохозяйственному развитію. Въ саду преимущественно пытаются пріурочить къ климату Сициліи такія растенія, которыя до сихъ поръ въ ней почему либо не разводились. Здѣсь устроена также, снабженная хорошими приборами, метеорологическая обсерваторія.

Рядомъ съ этимъ садомъ находится образцовая ферма, учрежденная однимъ изъ богатыхъ сельскихъ хозяевъ. Когда я остановился у воротъ и любовался домикомъ въ швейцарскомъ вкусѣ, — оттуда вышла привратница и пригласила войти. Обширное поле занято было пшепидей, а другое — виноградникомъ. На третьемъ полѣ разведена лимонная роща, въ которой промежъ деревьевъ росла люцерна. Работники срѣзали ее серпами. Не могу, впрочемъ, судить, насколько эта ферма по своей доходности можетъ считаться образцовой; надо скорѣе полагать, что владѣлецъ мало заботится даже о доходахъ съ фермы. Его повидимому гораздо болѣе интересуеетъ обширный садъ, который примыкаетъ къ фермѣ и въ которомъ стоитъ его лѣтній дворецъ. При входѣ въ этотъ садъ, я обязанъ былъ расписаться въ книгѣ посѣтителей. Онъ на самомъ дѣлѣ оказался великолѣпнымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Упомяну здѣсь кстати о Ботаническомъ садѣ, который находится въ самомъ городѣ. Здѣсь пышно разрослись самыя разнообразныя экзотическія растенія. По широкой аллеѣ стоятъ кокосовыя и финиковыя пальмы, латанія и хамеропсы, фикусы всѣхъ родовъ. Въ обширномъ бассейнѣ разведены водяныя растенія и между прочимъ бамбукообразный папирусъ. Въ саду оказалось также богатое собраніе кактусовъ, агавъ и алоэ. Директоръ сада, нѣмецъ родомъ, увѣрялъ, что у нихъ насчитывается слишкомъ тысяча разныхъ видовъ кактусовъ. Для естествоиспытателей и для агрономовъ здѣсь открывается обширное поприще для изученія ботаники.

Всякія подобнаго рода заведенія могли бы, конечно, оказать

значительную пользу при болѣе нормальныхъ условіяхъ въ странѣ. При существующихъ же обстоятельствахъ невольно возникаетъ вопросъ, какой успѣхъ можно ожидать отъ подобныхъ агрономическихъ заведеній, когда интеллигентные землевладѣльцы вовсе не занимаютъ сельскимъ хозяйствомъ, а земледѣльцы, т.-е. рабочій людъ, сами не пользуются, какъ мы видѣли, получаемымъ съ земли урожаемъ. Къ тому же надо еще прибавить, что подобные институты и безъ того не могутъ оказать плодотворнаго вліянія въ странѣ, въ которой господствуетъ крайнее невѣжество. И дѣйствительно, по увѣренію мѣстныхъ статистиковъ, болѣе половины населенія въ Палермо и вообще въ Сициліи не умѣютъ ни читать, ни писать. Понятно, что въ такомъ краѣ нельзя ожидать надлежащаго развитія въ народѣ агрономическаго образованія.

А потому, принявъ въ соображеніе мѣстныя условія, мы должны признать болѣе цѣлесообразнымъ другого рода земледѣльческое учрежденіе, которое находится также недалеко отъ Палермо. И въ самомъ дѣлѣ, выходя изъ города въ тѣ же Новыя ворота, я посѣтилъ расположенный на горѣ, близъ селенія Санъ-Мартино, бывшій бенедиктинскій монастырь, обращенный въ настоящее время въ Земледѣльческую Колонію (La Colonia Agricola di San Martino). Около двухъ сотъ мальчиковъ, подобранныхъ на улицахъ Палермо и не имѣющихъ сколько-нибудь сноснаго пристанища, приучаются здѣсь къ полевымъ работамъ, а сверхъ того упражняются въ разныхъ ремеслахъ. Такимъ образомъ, благодаря заботамъ здѣшнихъ монаховъ, бездомные бродяги выходятъ отсюда опытными полевыми работниками и отчасти также ремесленниками.

Къ недостаткамъ аграрныхъ условій въ странѣ примѣшивается еще тяготящее надъ населеніемъ двойное бремя клерикализма и милитаризма. Какъ ни склоненъ народъ къ суевѣрію, какъ ни потѣшаютъ его разнаго рода процессія, однако онъ все-таки сознаетъ, что эти утѣхи обходятся ему не дешево: не только значительное количество священниковъ и аббатовъ, но такое же множество монаховъ и монахинь, ничего не производя, какъ тунеядцы, словно паразиты питаются на счетъ и безъ того мало-производительнаго народнаго труда. Монаховъ вообще не мало встрѣчается по улицамъ города; но еще болѣе попадаетъ аббатовъ. Въ этомъ отношеніи меня особенно поражали проходившіе по троттуарамъ стройною толпой, числомъ до двухъ дюжинъ, подростки, одѣтые аббатами. Нельзя было безъ

грусти смотрѣть на молодых, пока еще свѣжія лица подъ широко-полыми шляпами этихъ учениковъ: имъ, повидимому, суждено въ послѣдствіи сдѣлаться настоящими аббатами, которые по большей части отличаются тупыми, какъ бы безжизненными фізіономіями. Иной подростокъ, пожалуй, и радъ былъ бы вырваться изъ стѣсняющихъ его путъ, но его сдерживаетъ непреклонная воля родителей, которые всячески стараются пристроить своихъ дѣтей въ духовенству, считая такую карьеру за великое благо.

Насколько самъ народъ сочувствуетъ религіознымъ процессіямъ, объ этомъ можно судить по тому энтузіазму, съ какимъ онъ сопровождаетъ подобнаго рода церемоніи. Мнѣ случилось быть свидѣтелемъ такого религіознаго торжества. Въ праздникъ св. Іосифа, въ ясную погоду, изъ церкви, стоящей у самаго перекрестка Четырехъ-Угловъ, прозванной по имени этого святого, вынесли на улицу статую его. Человѣкъ тридцать поддерживали на плечахъ обширную платформу, на которую поставлена была бронзовая фигура, величиною съ рослаго человѣка, облеченная въ блестящую ризу. Впереди шли священники, а за фигурой святого слѣдовалъ отрядъ музыкантовъ съ барабаникомъ во главѣ; потомъ потянулась несмѣтная толпа народа. При веселыхъ звукахъ трескучей музыки, фигуру святого пронесли по улицамъ города, и шумная толпа все болѣе и болѣе нарастала, восторгаясь при видѣ бронзовой фигуры. Со всѣхъ балконовъ на процессію смотрѣли кавалеры и щегольски разряженные дамы. Ни въ одинъ изъ національныхъ праздниковъ, въ родѣ объединенія Италіи, народъ не принималъ такого восторженнаго участія.

Надъ страной тяготѣетъ еще другое роковое бремя—милитаризмъ. Поражая народъ болѣе непосредственно, оно чувствуется имъ сильнѣе и тѣмъ еще тягостнѣе отзывается на его участи, что поддерживается итальянскимъ правительствомъ въ угоду трѣхстороннему союзу съ такими державами, до которыхъ самой Сициліи не только нѣтъ никакого дѣла, но на которыхъ населеніе ея привыкло взирать какъ на исконныхъ враговъ своихъ. Сицилійцы, безъ сомнѣнія, скорѣе согласились бы присоединиться къ Франціи, чѣмъ къ Австріи. А сверхъ того, доведенный до крайнихъ предѣловъ солдатскій наборъ влечетъ за собой также усиленіе и безъ того обременительныхъ налоговъ, которые тяжкимъ гнетомъ ложатся въ особенности на бѣдные классы населенія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что жители единодушно негодуютъ противъ итальянскаго правительства за то, что оно какъ бы забываетъ, насколько Италія обязана Сициліи своимъ объеди-

неніемъ, и въ благодарность за оказанныя услуги преобразило островъ въ незначительную провинцію. А между тѣмъ эта гордая Тринаврія, памятуя свои минувшія славныя эпохи, вполне сознаетъ свою способность къ самостоятельному существованію. И въ самомъ дѣлѣ, судя по довольно прозрачнымъ намекамъ въ мѣстной печати, мысль о сепаратизмѣ сильно гнѣздится особенно въ умахъ интеллигентныхъ классовъ. Въ газетахъ не разъ высказывалась въ видѣ предостереженія такая угроза: если правительство не удовлетворитъ справедливымъ требованіямъ островитянъ, то они сами, путемъ революціи, добьются своей самостоятельности. Сицилійцы нисколько не сомнѣваются въ возможности отстоять свою независимость вопреки даже тройственному союзу, тѣмъ болѣе, что если Сицилія совершенно отдѣлится отъ Италіи, то навѣрное можетъ рассчитывать на поддержку со стороны Франціи.

Такой господствующій между материкомъ Италіи и островомъ антагонизмъ еще болѣе усиливается вслѣдствіе протекціонной системы, которая упорно поддерживается правительствомъ. Если эта система и можетъ способствовать успѣшному развитію промышленности въ Сѣверной Италіи, то, съ другой стороны, она наноситъ двойной ущербъ Сициліи. И дѣйствительно, вслѣдствіе возникшей такимъ образомъ таможенной борьбы съ Франціей, послѣдняя въ свою очередь увеличила пошлину на вино и другіе земледѣльческіе продукты; такъ что сельскіе хозяева, съ одной стороны, несутъ убытки отъ упадка цѣнъ на ихъ произведенія, а съ другой—на нихъ же тяжкимъ гнетомъ ложится дороговизна мануфактурныхъ издѣлій, порождаемая высокимъ тарифомъ. А между тѣмъ на самомъ островѣ до сихъ поръ не положено даже почина для основанія промышленныхъ заведеній. Вслѣдствіе такихъ порядковъ, и безъ того бѣдная Сицилія вноситъ прямыхъ и косвенныхъ пошлинъ чуть ли не втрое болѣе, чѣмъ области Сѣверной Италіи. Нельзя поэтому не согласиться съ мѣстными патріотами, которые единственнымъ средствомъ для того, чтобы избавиться отъ такого антагонизма и отъ возрастающихъ бѣдствій, признаютъ дарованіе острову самой широкой автономіи. По ихъ мнѣнію, другого исхода не предвидится. Только въ такомъ случаѣ Сицилія въ состояніи будетъ занять подобающее ей мѣсто среди государствъ Европы. Не надо забывать при этомъ, что населеніе острова, простираясь до 3.500.000 душъ, много превышаетъ численностью населеніе Греціи, Сербіи и даже Швейцаріи. Сверхъ того, слѣдуетъ

вспомнить чрезвычайно выгодное положеніе острова въ Средиземномъ морѣ, его превосходныя гавани, богатые сѣрные рудники внутри и плодородную почву особенно по окраинамъ. Не даромъ патриоты, памятуя славную эпоху норманнскихъ королей и Гогенштауфеновъ, питаютъ надежду добиться болѣе благоприятныхъ условій для своей, пережившей такъ много переворотовъ, отчизны...

Э. Циммерманъ.



СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ДОВОЛЬНО.

Въ минуты скорби и несчастья,
Когда взволнованная грудь
Такъ жаждетъ теплаго участя
И ищетъ встрѣтить въ комъ-нибудь
Сердечный, искренній приѣтъ...
Какъ тяжело тогда и больно
На это получить въ отвѣтъ—
Довольно!

Когда минуютъ дни разлуки,
Когда свиданья часъ пробьетъ,
И всѣ сомнѣнія и муки
Душа забвенью предастъ,
Когда тревожныя мечты
Чего-то жаждутъ, ждуть невольно,
Съ какою болью слышишь ты—
Довольно!

Иль если сердце страстно бьется,
И, вся любовію дыша,
Къ другой родной душѣ несется
Твоя горячая душа,
И кровь ключомъ въ тебѣ кипитъ,

Ростутъ желанья своевольно,
А тутъ въ отвѣтъ тебѣ звучить:—
Довольно!

Такъ дико, холодно, сурово
На душу дѣйствуетъ всегда
То непривѣтливое слово,
Что ты,—желая иногда
Обычный обойти отвѣтъ,—
Самъ умолкаешь добровольно
И говоришь:—Оставь, поэтъ!
Довольно!

II.

ПРИРОДА И ЖЕНЩИНА.

Сбѣжала шумно съ горъ потоками вода,
Роскошной зеленью луга уже покрылись,
Беззвучные лѣса вдругъ шумно оживились,
На свѣжихъ пастбищахъ нестрѣются стада.
Знать, то она,
Она—весна!

Дождемъ живительнымъ земля освѣжена,
Подъ солнечнымъ лучомъ просохла, отогрѣлась,
Въ нарядъ роскошный свой, душистый приодѣлась,
Здоровьемъ, свѣжестью и жизнію полна.
Знать, то—она,
Она—весна!

Надеждой свѣтятся прелестныя черты;
Любовь, довѣріе и искренность—во взорѣ;
Въ движеньяхъ—простота, горячность—въ разговорѣ,
И свѣтлыя, какъ день, невинныя мечты.
Знать, то—она,
Она—весна!

Улыбка на устахъ, а глазки полны слезъ...
Обидѣлъ кто-нибудь прелестную малютку,

И первый нѣжный взоръ твой приняли за шутку,
Разбивъ безъ жалости картину первыхъ грѣзъ.

Знать, то—она,
Она—весна!

Томительная тишь, палящій солнца зной
Заставили уснуть роскошную природу:
Лѣнливо дерево, склонивши вѣтви въ воду,
Листомъ не шелохнетъ надъ дремлющей волной.

Она—прошла,
Прошла весна!

Но вотъ раздался громъ, промчался вѣтра свистъ...

Блестая золотомъ, поля волной покрылись,
Въ лѣсную чашу звѣрь и птица притаились,
Испуганно дрожить на гибкихъ стебляхъ листь.

Она—прошла,
Прошла весна!

Какъ чудно хороша, но холодно-умно
Глядятъ ея глаза, спокойны рѣчь, движенья,
Не видно искры въ ней былого увлеченья,—
Огонь былыхъ страстей угасъ уже давно.

Она—прошла,
Прошла весна!

III.

ПѢСНЯ КОСАРЯ.

Съ рѣчки и луга туманъ поднимается;
Лѣсъ весь окутала мгла сѣроватая;
Свѣтлой полоской заря занимается;
Спать вся окрестность, сномъ утра объята.

Толькъ косарь-поблуочникъ не спитъ,
Косу къ разсвѣту направить спѣшитъ;
Звонко стучитъ по зарѣ молотокъ:
Чики-чокъ-чокъ, чики-чокъ-чокъ.

Сномъ лишь богатый да праздный балуется;
Бѣднымъ лишь время, какъ слѣдуетъ, цѣнится.
Радъ ли не радъ, онъ до свѣта пробудится,
Добрый работникъ не спитъ и не лѣнится.

Сгладить зазубрины надо въ косѣ;
Косится легче по влажной росѣ,—
Вотъ и стучить по косѣ мужичокъ:
Чики-чокъ-чокъ, чики-чокъ-чокъ.

Чу! уже ранняя птичка чиликаетъ,
Стукомъ и говоромъ люда встревожена;
Вторить косарь ей и подъ носъ мурлыкаетъ
Пѣсню, что горемъ и страдою сложена.
Звонко желѣзо въ желѣзо стучить,
Мѣрно подъ стукъ его пѣсня звучить,
Брезжетъ лѣниво въ кострѣ огонекъ...
Чики-чокъ-чокъ, чики-чокъ-чокъ.

Эхъ, полоса ты, стальная полоснышка;
Стань ты подъ молотомъ острая, ровная,
Ярче блести, разогрѣтая косынька,—
Куплена ты вѣдь на денежки кровныя!
Надо бы косыньку было отбить
Тако, чтобъ могла она травку косить
Чисто, подъ самый ея корешокъ...
Чики-чокъ-чокъ, чики-чокъ-чокъ.

Время покосное, времячко страдное,
Кормишь ты людъ и скотину голодную;
Отдыхъ тутъ—дѣло совсѣмъ не повадное,
Выспаться можно и въ зиму холодную.
Если въ покосъ прозѣваль припасти,
Нечего будетъ и въ подать внести.
Ну-ка! еще приударить разокъ:
Чики-чокъ-чокъ, чики-чокъ-чокъ.

Вѣтромъ пахнуло; рѣдѣетъ, колыхнется
Сѣрый туманъ, до земли опускается.
Звуки за звуками изъ лѣсу слышатся,
Все понемногу встаетъ, просыпается.
Скоро и косу косарь отобьетъ,—
Тише и рѣже онъ полосу бьетъ;
Поднялъ въ послѣдній ужъ разъ молотокъ...
Чики-чокъ-чокъ, чики-чокъ-чокъ.

В. П. Марковъ.



АМЕРИКАНЕЦЪ

„David Harum“, a story of american Life, by E. Noyes Westcott *).

I.

Давидъ вылилъ на блюдечко остальные полъ-чашки чаю, чтобы остудить его, отрѣзалъ себѣ кусокъ ветчины и захватилъ—третье яйцо. Очевидно, обстоятельства, вызвавшія на его лбу морщины и необычную для него за ужиномъ молчаливость, хотя и указывали на его озабоченное настроеніе, однако не вредили его аппетиту. Онъ любилъ, повидимому, покушать.

Для всѣхъ знавшихъ его сестру, м-съ Биксби, эта почтенная особа была по-просту „тетя Полли“, хотя во всемъ мѣстечкѣ Гомвилѣ, графства Фрилэндъ, у нея не было ни души родныхъ племянниковъ или племянницъ. Придя къ заключенію, что нельзя дольше ограничиваться вопросительными взглядами, которые она видала на брата, тетя Полли все свое любопытство ограничила вопросомъ:

— Мнѣ кажется, что у тебя есть что-то на умѣ? Ты не сказалъ ни слова съ тѣхъ поръ, какъ сѣлъ за столъ. Что-нибудь у тебя да приключилось?

*) Эта „повѣсть“ изъ американской жизни—*первое* и въ то же время—*единственное* произведеніе молодого автора, Е. Н. Уэсткотта. Онъ скончался за нѣсколько дней до появленія въ свѣтъ ея перваго изданія, которое быстро разошлось въ нѣсколькихъ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Въ Соединенныхъ-Штатахъ не запомнятъ такого быстрого и единодушнаго успѣха, какой выпалъ на долю молодого автора, еще недавно никому неизвѣстнаго въ литературномъ мѣрѣ и въ кругу его соотечественниковъ вообще.

Давидъ поднесъ блюдечко къ губамъ, дунулъ изъ предосторожности еще разъ и осушилъ его, громко отпыхиваясь.

— Нѣтъ, ничего,—возразилъ онъ;—собственно говоря, ничего не приключилось... или, вѣрнѣе,—*пока* все еще обстоитъ благополучно. Но я сдѣлалъ то, про что я тебѣ говорилъ сегодня...

— То-есть, что же именно? — спросила м-съ Биксби, недоумѣвая.

— Я телеграфировалъ въ Нью-Йоркъ тому молодому человѣку, про котораго писалъ мнѣ генералъ Вульсей. Я получилъ сегодня отъ него письмо, рѣшилъ, что „чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!“ — и телеграфировалъ, чтобы онъ прїѣзжалъ, какъ можно скорѣе.

— Я что-то не припомню, какъ его фамилія? — замѣтила тетя Полли.

— Вотъ его письмо; прочитай вслухъ.

Она пошарила у себя въ карманѣ и возвратила письмо брату.

— Нѣтъ, ужъ лучше ты самъ прочти! Должно быть, я оставила свои очки въ гостиной.

Письмо состояло въ слѣдующемъ:

„Милостивый Государь! Беру на себя смѣлость обратиться къ вамъ по порученію генерала Вульсея, который мнѣ сказалъ, о чемъ вы ему сообщили, и былъ такъ добръ, что самъ написалъ вамъ обо мнѣ. Мое знакомство съ нимъ носить исключительно общественный, но отнюдь не дѣловой характеръ, и мнѣ кажется, что онъ можетъ рекомендовать меня, какъ человѣка вообще. Поэтому мнѣ бы хотѣлось васъ предупредить, что я приобрѣлъ нѣкоторую опытность въ счетоводствѣ, но мало имѣлъ практики за послѣдніе три года. Тѣмъ не менѣе, если работа, которую вы пожелали бы поручить мнѣ, не особенно сложнаго характера,—я полагаю, что буду въ состояніи выполнить ее, не требуя для этого особыхъ указаній. Генералъ Вульсей мнѣ передавалъ, что вамъ необходимъ служащій какъ можно скорѣе. Ничто не можетъ помѣшать мнѣ выѣхать тотчасъ же, если вамъ будетъ угодно меня вызвать. Скорѣе всего дойдетъ до меня телеграмма на мое имя въ Кредитное Общество. Съ истиннымъ почтеніемъ—Джонъ К. Леновъ“.

— Ну, что ты объ этомъ думаешь? — спросилъ сестру Давидъ, поглядывая на нее поверхъ своихъ очковъ.

— Что же? излишней болтовни я тутъ не вижу,—сосредоточенно замѣтила та.

— Да, тутъ нѣтъ ни хвастовства, ни обѣщаній. Онъ даже не говорить, что приложить всѣ старанія служить какъ можно лучше; онъ, очевидно, считаетъ, что это подразумѣвается само собою, и я самъ долженъ подразумѣвать то же. Вотъ это-то мнѣ въ немъ и нравится,—говорилъ Давидъ, опуская очки въ карманъ.— Ну, дѣло сдѣлано, и завтра утромъ, или, самое позднее, завтра вечеромъ, я иду его встрѣчать.

Съ минуту м-съ Биксби посмотрѣла на брата своими большими свѣтлоглубыми глазами, немного на выкатъ, и затѣмъ сказала съ отѣнкомъ затаенной тревоги:

— Развѣ ты рассчитываешь, чтобы этотъ молодой человѣкъ изъ Нью-Йорка остановился у насъ?

— И въ мысляхъ не имѣю,—возразилъ братъ, слегка улыбаясь; онъ угадалъ ея тревогу.— И что это тебѣ въ голову пришло?

— Ну, ты самъ вѣдь знаешь, что врядъ ли найдется у насъ въ мѣстечкѣ кто-нибудь, кто пожелалъ бы взять къ себѣ на зиму квартиранта. Вотъ мнѣ и пришло въ голову: что же онъ будетъ дѣлать?

— Вѣроятно, остановится въ „Орлѣ“. Больше негдѣ; развѣ что еще въ „Озерной Гостинницѣ“.

— Въ „Орлѣ“? — воскликнула съ презрѣнiемъ тетя Полли: — Послѣ Нью-Йорка-то? Да онъ не выживетъ тамъ и недѣли.

— Ну, что-жь? Можетъ быть, выживетъ, а можетъ быть— и нѣтъ. Но я не думаю, чтобы это могло его убить. Дѣло въ томъ...

— Мнѣ кажется, намъ лучше перейти въ гостиную и дать Сарѣ здѣсь прибраться,—перебила его сестра, уходя въ кухню за прислугой.

— Ну, такъ на чемъ же ты остановился?—продолжала она уже въ гостиной, усаживаясь въ кресло и придерживая на коленяхъ корзинку, въ которой лежало бѣлье для починки.

— Я, видишь ли, хотѣлъ тебѣ сказать, что сперва я намеревался поселить его у насъ, но, пораздумавъ, перемѣнилъ рѣшенiе. Во-первыхъ, какъ его ни рекомендуютъ, а все-таки я про него ровно ничего не знаю. Во-вторыхъ, у насъ съ тобою ужъ установились свои порядки и привычки; намъ вмѣстѣ жить удобно, хорошо. Пожалуй, я могу послѣ захотѣть, чтобы онъ жилъ съ нами, но могу и не захотѣть; ну, да тамъ увидимъ! Гораздо легче закинуть удочку, чѣмъ вытаскать ее. Я такъ и ожидаю, что сначала ему круто придется здѣсь; но если для него могутъ служить серьезною помѣхой неудобства „Орловской“ харчевни,—

значить, онъ не такой человѣкъ, каковаго я ищу... Если же мнѣ придется нѣсколько времени спустя сказать ему, что мы другъ къ другу не подходимъ, это все-таки будетъ легче сдѣлать, если мы не будемъ жить въ одномъ и томъ же домѣ... Теперь я взгляну въ „Трибуну“,—заклучилъ Давидъ, развертывая свою газету.

М-съ Бисби продолжала шить, изрѣдка поглядывая искоса на брата, который съ благоговѣніемъ погрузился въ изученіе политическихъ новостей. Два-три раза она ужъ раскрывала ротъ, чтобы его окликнуть, но какая-то другая мысль удерживала ее; наконецъ, порывъ высказаться все побѣдилъ.

— А знаешь, Давъ, что про тебя говорить дьяконъ Первинсъ?

Давидъ приподнял и раскрылъ газету такъ, чтобы сестрѣ не видно было, какъ губы у него подергиваются въ уголкахъ, и отвѣтилъ вопросомъ:

— Ну, что-жъ онъ говорить такого?

— Онъ говорить, что ты ему продалъ лошадь съ порокомъ, и что онъ будетъ преслѣдовать тебя по закону,—возразила она съ негодованіемъ.

Плечи Давида вздрагивали отъ смѣха, подъ защитой благотельной газеты; губы его ухмылялись.

— Что-жъ? — говорилъ онъ, опуская газету и серьезнымъ взглядомъ уставившись на свою собесѣдницу поверхъ очковъ:— что-жъ? Послѣ духовной премудрости, онъ ближе всего знакомъ съ барышничествомъ и съ судебной волокитой, а нерѣдко ему случается соединять и то, и другое.

Такая уклончивость не ускользнула отъ м-съ Бисби, и она принялась еще больше приставать къ Давиду:

— Ты, значить, продалъ, продалъ?.. Онъ будетъ жаловаться?..

— И да, и нѣтъ. Можетъ быть, будетъ, а можетъ быть, и не будетъ...—былъ категорическій отвѣтъ.

— Ну, „можетъ быть“, для тебя это отвѣтъ,—замѣтила она недовольно,—а для меня нѣтъ. Я думаю, что если тебѣ нужно было непременно кому-нибудь да сбыть свою норовистую лошадь, ты могъ бы выбрать для этого кого-нибудь другого...

— Если у тебя лошадь съ норовомъ,—съ невозмутимой серьезностью изрекъ Давидъ,—ты не всегда имѣешь возможность выбирать. Кто первый подоспѣлъ, тотъ первый и успѣлъ. Вотъ я тебѣ что скажу,—продолжалъ онъ еще серьезнѣе.—Дѣйствительно, вскорѣ послѣ того, какъ я имѣлъ счастье познакомиться

съ Перкинсомъ, мнѣ пришлось имѣть съ нимъ дѣло. Я не особенно былъ остороженъ, полагая, что онъ духовная особа, ну, и такъ далѣе... А онъ—надулъ меня, да такъ чудесно...

— На чемъ? На лошади надулъ?—перебила м-съ Бисси.

— Гм! Лошадь-то она, можетъ быть, когда-нибудь была, да только не тогда; а тогда ее можно было такъ назвать только потому, что она не могла быть ничѣмъ другимъ.

— Ну, вотъ еще?—воскликнула м-съ Бисси, повидимому, не столько удивляясь плутовству Перкинса, сколько промаху со стороны Давида, котораго она считала человѣкомъ тонкимъ и проницательнымъ.—Право, удивляюсь я нашему дякону!

— Да-съ, сударыня!—ухмыльнулся Давидъ.—Я и самъ мастеръ порядочный, когда дѣло касается лошадей; но дяконъ меня стѣбитъ. Онъ такъ ловко меня обошелъ, что мнѣ волей-неволей пришлось посмѣяться надъ собой, когда припомнилось мнѣ все, какъ было. Положимъ, у меня были свидѣтели, я могъ бы доказать... еслибъ захотѣлъ...

— Такъ почему же ты не захотѣлъ?—спросила тетя Полли.

— Правду сказать, онъ все это подстроилъ такъ проворно, что я былъ обобранъ, какъ липка, прежде чѣмъ успѣлъ проронить хотъ слово...

— Ты бы преслѣдовалъ его законнымъ порядкомъ,—окончательно убѣдившись, замѣтила сестра.

— Н-ну... я вообще предпочитаю устраивать свои дѣла помимо суда; а тутъ мнѣ еще подумалось: можетъ быть, будетъ время, когда придетъ и мой чередъ потѣшиться надъ нимъ немножко. Вотъ, я и дождался, и мы съ нимъ, все равно,—квиты.

— Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ ты не ходилъ кругомъ да около, а рассказалъ мнѣ толкомъ все, какъ было.

— Ну, такъ вотъ какъ это все случилось. Былъ я какъ-то въ Уайтборо, и на дворѣ, въ харчевнѣ, вижу—парочка молодцовъ проваживаетъ лошадь. Посмотрѣлъ я это, и понравилась мнѣ лошадка, первый сортъ!—Продается?—говорю.—Отчего-жъ бы и не продать, если цѣна была бы настоящая,—отвѣчаетъ тотъ, чтѣ водить подъ уздцы.—Она ваша?—спрашиваю я.—Моя и его,—живая на товарища, говоритъ онъ.—Сколько вы за нее хотите?—Сто пятьдесятъ долларовъ.—Я посмотрѣлъ попристальнѣе, качнулъ головой разъ-другой, будто мнѣ лошадь не совсемъ по вкусу, и отвернулся, не говоря ни слова.—На ней вѣдь ни прыща, ни ссадинки,—обидчиво возразилъ на мое молчанье одинъ изъ хозяевъ:—она лошадь крѣпкая и добрая, и стоитъ такъ стоитъ, какъ вкопанная; подъ дамскимъ сѣдломъ

ходить, все равно, какъ подъ мужскимъ.—Что-жъ (говорю), я противъ нея ничего не имѣю, только дорога она, по нынѣшнимъ цѣнамъ. Да у меня своихъ двѣ на продажу.—Наша-то стоитъ двѣсти, вѣрно говорю,—возразилъ одинъ изъ продавцовъ:—и ходить...—Ну, чѣмъ я больше старался приглядѣться къ ней,—тѣмъ больше мнѣ нравилась лошадка.—Что-жъ, можетъ быть, она и больше стоитъ, да только ужъ не для меня,—говорю имъ.—Небось, въ подарокъ взяли бы сейчасъ?—съ усмѣшкой говорить одинъ.—Еслибъ еще вы дали на придачу хоть фунтъ чаю да поводья,—возразилъ я. Тотъ расхохотался.—Ну, это что-жъ за торгъ! Мы, видно, не сойдемся; а только такъ, для любопытства, скажите вашу цѣну?—Я, видите (говорю имъ), сюда прѣхалъ за получкой и, кромѣ мелочи, у меня всего-на-все въ карманѣ сто двадцать-пять долларовъ; такъ если вамъ пріятнѣе остаться при своей лошади и при поводьяхъ,—честь имѣю кланяться!—Вы, значитъ, предлагаете мнѣ сто-двадцать-пять за лошадь съ поводомъ?—говорить.—Такъ точно,—отвѣчаю я.—Съ покупкой!—говорить онъ, а самъ протягиваетъ руку, чтобы получить деньги, другой рукою подаетъ поводья...

— И что-жъ? Тебѣ не показалось подозрительно, что онъ тебя такъ поймалъ на-словѣ?—перебивая брата, спросила м-съ Биксби.

— Мнѣ и почуялось что-то нечистое,—согласился Давидъ,—но было уже поздно: у нихъ въ рукахъ были мои деньги, а у меня ихъ лошадь. И какъ я ни прикину, не могу не признаться, что каждое слово продавца было чистѣйшая правда-истина. Положимъ,—прибавилъ онъ, кротко засмѣявшись,—истина не евангельская, а судейская... Впрочемъ, я думаю, это для тебя не очень интересно?

— Напротивъ! Я все поджидаю, когда же явится на сцену дьяконъ?

— Явится въ свое время, погоди!

— Погодить, сколько тебѣ угодно, мнѣ не трудно; разговаривать тебя было куда труднѣе.

— Такъ, вотъ, я и пошелъ, и спросилъ у буфетчика, что это за люди? А онъ и говоритъ:—Увидалъ ихъ, говоритъ, позавчера первый разъ въ жизни. Они привели съ собой двухъ лошадей, одну въ упряжкѣ, другую (это мою-то!) подъ уздцы.—А знаютъ ли они, кто я такой?—Какъ вы подѣхали, они меня спросили, а я и говорю: „Давъ Гарумъ изъ Гомвиля,—большой любитель лошадей“, — отвѣтилъ мнѣ буфетчикъ. Тутъ я убѣдился, что дѣло подозрительно; но моя лошадка бѣжала такъ,

что чудо! Мой старый Джинни не поспѣвалъ за нею, особенно на ровномъ мѣстѣ... Я не добрался еще до-дому, какъ уже увидалъ, что если прогадалъ, то прогадалъ совсѣмъ немного.

— Значить, за нею не было порока?..—возразила разочарованная м-съ Биксби.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что былъ! Но я это узналъ только на другой день,—продолжалъ Давидъ.—Запрягъ я ее въ свою одноколку и поѣхалъ себѣ большой дорогой въ объѣздъ,—тамъ меньше ѣздить, — а лошадку свою пустилъ шагомъ... Ну ужъ мое почтение! Не прошла она и двухъ шаговъ, какъ стала, да и стоитъ, какъ вкопанная. Я давай ее и понукать, и подстегивать—ничего не беретъ! Стоитъ—точно вросла въ землю.

— Вотъ оно чтò!—воскликнула м-съ Биксби.

— Да, сударыня! Меня надули въ полномъ смыслѣ слова!

— И... чтò-же ты сдѣлалъ?

— Да все, чтò только могъ! Ничто не помогало.—Возьму и поведу я ее подъ уздцы—идеть прекрасно; сажусь въ повозку, она — ни съ мѣста... пока ей не придетъ самой мысль двинуться впередъ, а тогда она бѣжитъ такъ, что просто чудо! А тамъ—новая остановка—и конецъ!

— Я думаю, ты бы готовъ ее убить?—вставила свое замѣчаніе сестра.

— Еще бы! И съ продавцами на придачу, — согласился Давидъ, кивнувъ головой въ подтвержденіе.—Только съ лошадьми вѣдь горячиться бесполезно; каждый разъ, какъ она станеть, я и вспоминаю, что тотъ мошенникъ не солгалъ: „И станеть, говорить, такъ стоитъ, какъ вкопанная“. Ха-ха-ха!..

— Ну, не казалось бы тебѣ все это такъ смѣшно, еслибъ тебѣ не удалось всучить эту самую лошадь нашему дьякону!

— Чтò-жъ, очень можетъ быть, — согласился братъ. — Только всю эту куплю и продажу Перкинсъ произвелъ, такъ сказать, самъ собой.

— Какъ это такъ?

— А вотъ какъ. Завладѣвъ этой лошадыю, я сталъ подумывать, что хорошо бы дать другому испытать то, чтò произошло со мною, и вотъ,—тому назадъ съ недѣлю, помнится, во вторникъ,—въ чудное ясное утро, когда чувствуешь себя особенно привольно, я далъ милой лошадыѣ пробѣжаться передъ домомъ Перкинса, туда и назадъ... Такъ и есть! Онъ вышелъ изъ дому, я какъ намъ пробѣжать назадъ, сталъ у забора и кричить, чтобы я попридержалъ. Я придержалъ. — Здравствуйте, м-ръ Гарумъ, говорить.

— Здравствуйте, м-ръ Перкинсъ. Какъ ваше здоровье и здоровье м-съ Перкинсъ?

— Благодарю; мое — посредственно, а м-съ Перкинсъ все прихварываетъ, какъ обыкновенно.

— Говорятъ, — вставила свое словечко м-съ Бивсби, — что для м-съ Перкинсъ веселья мало...

— Сколько ни есть, все же оно ея, — возразилъ философски Давидъ. — Ну, мы поговорили о погодѣ и обо всемъ такомъ... Я потянулъ возжи, будто собираюсь ѣхать, и проговорилъ: — Ахъ, встаети: хорошо, что вспомнилъ! Я слышалъ, что у васъ его преподобіе ищетъ себѣ лошадку... — Нѣтъ, говорить, я что-то не слышалъ (а я прекрасно вижу, что онъ слышалъ!) — У меня, говорю, есть какъ-разъ пятифутовый молодой жеребчикъ; я его взялъ за долгъ, и онъ мнѣ, собственно, не нуженъ. Я дешево продамъ. По-моему, этотъ жеребчикъ какъ-разъ подойдетъ отцу-Уайту. Такъ вотъ, если бы вы ему замолвили словечко, — вы вѣдь у него служите, — что вы, молъ, можете достать для него подходящую лошадку... Его преподобіе — человекъ съ средствами и можетъ себѣ позволить прокатиться на красивенькой лошаждѣ.

— Ну, что же онъ сказалъ? — спросила тети Полли, пока Давидъ остановился перевести духъ.

— Я и не ожидалъ, что онъ ко мнѣ пристанетъ съ ножомъ въ горлу; но я замѣтилъ, что онъ наострилъ уши, и все время, пока я говорилъ, съ головы до ногъ оглядывалъ мою лошадку. — Да, да! я какъ будто припоминаю, — согласился онъ: — только сегодня я не собирался быть въ Гомервилѣ. А такъ, дня черезъ два, заѣду заглянуть на жеребца. — Вы можете не застать меня дома, а мнѣ хотѣлось самому показать вамъ его. Поѣдемъ сейчасъ вмѣстѣ, а назадъ я васъ уже доставлю, — это какихъ-нибудь три-четверти часа, не больше.

— И что-жъ? Поѣхалъ? — перебила м-съ Бивсби.

— Конечно, — глубокомысленно подтвердилъ Давидъ; — я такъ и думалъ. Вижу, что нравится ему моя лошадка, только онъ что-то нерѣшительно поглядываетъ на нее. — Вы сколько просите? — Да полтораста, — отвѣчаю. Скажи я тысячу, ему было бы все равно: я зналъ, что въ это утро онъ ничего не купитъ. — Ну, а та, на которой мы приѣхали сюда? Какъ будто она больше подойдетъ нашему отцу-Уайту? — предложилъ онъ. Я велѣлъ вывести и ту; и вижу — Перкинсъ глазъ отъ нея не можетъ отвести: влюбился съ перваго же взгляда, какъ въ романахъ. — Повидимому, лошада какъ и подобаеъ быть, — говорить онъ. — Я вамъ повторю слово въ слово, что мнѣ сказалъ тотъ, отъ котораго

я ее приобрѣлъ (говорю ему): — „На ней нѣтъ ни прыща, ни ссадинки. Она лошадь крѣпкая и добрая, а станеть, такъ стоитъ какъ вкопанная; подъ дамскимъ сѣдломъ ходитъ все равно, что подъ мужскимъ“... Вотъ что онъ мнѣ сказалъ (говорю) и все это — настоящая правда-истина. — Вы не хотѣли бы ее продать? — спрашиваетъ онъ. — Нѣтъ, говорю: она у меня не продажная. Брату родному не уступилъ бы меньше, какъ за двѣсти, наличными, конечно.

— Господи! — воскликнула тетя Полли. — И что же? Онъ тебя поймалъ на-словѣ?

— Я, говорить, давно не плачивалъ за лошадь такихъ денегъ; да, боюсь, у меня и не найдется ихъ такъ много. — Майгъ, заложите жеребца (говорю я слугѣ), м-ръ Перкинсъ собирается домой. — Это ваше послѣднее слово? — спрашиваетъ онъ. — Такъ точно! — говорю: — двѣсти наличными.

— Развѣ ты боялся ему повѣрить? — спросила м-съ Биксби.

— Полли! Въ десяти-футовой лѣстницѣ не одна дыра, — многозначительно изрекъ Давидъ; и сестра, повидимому, поняла это не совсѣмъ ясное изреченіе.

— Да! — продолжалъ онъ: — дьяконъ не привыкъ платить, сколько съ него запросятъ, и для него это было все равно, что вырвать зубъ; но его потянуло къ этой лошади сильнѣе, чѣмъ корову къ теленку, и, поломавшись немножко, онъ позвалъ своего слугу и наострилъ лыжи. Майгъ вывелъ жеребца, и дьяконъ уѣхалъ, уводя съ собой свою новую поушку.

— Но я еще не вижу, чтобы Перкинсъ могъ придратъся къ тому, что ты ему сказалъ.

— И не къ чему было придираться, — согласился Давидъ. — Развѣ къ тому, чего я ему не сказалъ... Хе-хе-хе!

— Онъ такъ и промолчалъ?

— Нѣтъ; онъ сказалъ, но только разъ, да и то немного. Дня два спустя послѣ того, какъ онъ самъ себя продалъ моего жеребца, былъ сильнѣйшій дождь. Я ѣхалъ по дѣламъ и шри-пустилъ свою старую кобылку что было мочи; ливень лилъ точно изъ ведра, и даже большой зонтикъ не помѣшалъ мнѣ промокнуть до костей. Смотрю, а на дорогѣ стоитъ мой дьяконъ, и что есть силъ тужить свою новую лошадь. Кнутъ, видно, онъ забылъ прихватить съ собой и пробавляется кончиками возжей. Впрочемъ, и кнутъ ему бы не помогъ. Хе-хе-хе-хе!.. Я подѣхалъ поближе. — Эй! — кричу, — что у васъ тамъ случилось? — Не могу сказать, чтобы онъ поглядѣлъ на меня какъ сумасшедшій, но что онъ былъ похожъ на сумасшедшаго, такъ это вѣрно!

Онъ только погрозилъ мнѣ кулакомъ и говорить:—Давидъ Гарумъ! Я тебя упеку подь судъ!—Это за что же? (говорю). Дождь-то не я наслалъ.—Ты самъ прекрасно знаешь, что ты продалъ мнѣ эту проклятую скотину! Она вотъ такъ-то останавливается *девятымъ* разъ подь-рядъ...—Такъ лучше вамъ поторопиться,—говорю:—контора закроеся, прежде чѣмъ вы доберетесь до города. Хотите, я за васъ исполню порученіе?.. Вѣдь я же вамъ говорилъ, что она—какъ станетъ, такъ и стоитъ, словно веопанная!—На это онъ только забормоталъ что-то такое непонятное и подавился. А я стегнулъ свою кобылку и поватилъ прочь... Проѣхавъ саженой сорокъ, я не вытерпѣлъ и оглянулся: наступивъ на глаза, какъ только могъ пониже, свою шировополую шляпу, мой дьяконъ, шлепая немилосердно по грязи, велъ подь уздцы своего красавца-жеребца... Ха-ха-ха-ха!.. Вотъ стоило-то поглядѣть! Эта картина способна была меня примирить съ моимъ пребываніемъ въ „сей юдоли слезъ“...

Но Поли уже сама терла себѣ глаза кончикомъ передника.

— Неужели онъ влялся и божился? — спросила она, нѣсколько передохнувъ.

— Не могу ручаться; но то, что до меня, по крайней мѣрѣ, долетѣло, было самое чудесное подражаніе божьѣ, какое мнѣ когда-либо доводилось слышать.

— Давидъ! Развѣ это по-твоему не подлость: довести духовное лицо до того, чтобы оно имя Господне поминало всеу, да еще надъ нимъ же издѣваться?

— М-съ Биксби! — возразилъ внушительно ея братецъ:— если я заплатилъ хорошія деньги за то, чтобы посмотриѣть на забавное представленіе, я былъ бы дуракомъ, еслибъ я не далъ себѣ волю посмѣяться! А? Какъ вамъ кажется? Это представленіе съ м-ромъ Первинсомъ стоило мнѣ такихъ денегъ, что я имѣлъ полное право посмѣяться... И въ концѣ концовъ я все-таки не въ проигрышѣ.

М-съ Биксби вопросительно взглянула на брата.

— Ты знаешь Дика Ларраби? Такъ вотъ, дня три-четыре послѣ того ливня (тѣмъ временемъ эта исторія уже успѣла разгласиться: ты знаешь, вѣдь самъ Перкинсъ—страшная болтушка!)—поймалъ я Дика да и говорю ему (я оказалъ ему не мало одолженій, и онъ ждалъ еще большихъ):—Дикъ, говорю, я слышалъ, что у дьякона Перкинса есть лошадь, которая какъ будто не очень-то ему годится; такъ не продасть ли онъ ее за сходную цѣну? — Да и я кой-что слышалъ (говорить, а самъ смѣется). Она такой породы, что ея хозяину непоздоровится

подъ проливнымъ дождемъ.—Вотъ именно!—подхватилъ я.—Такъ мнѣ, видишь ли, вздумалось опять заполучить ее обратно за недорогую цѣну, и мнѣ кажется, что я съумѣлъ бы на ней доѣхать до дому даже подъ дождемъ. Вотъ тебѣ сто-десять долларовъ: можешь не отдавать мнѣ сдачи ни пенса, если ты раздобудешь мнѣ назадъ мою лошадку. Хочешь попытаться?—Хорошо, говорить: только Первинсъ развѣ не догадается, что я отъ васъ пришелъ?—Ну, будь покоенъ! Моего портрета нѣтъ на кредитныхъ билетахъ, а ты, я полагаю, самъ ему не скажешь!—И Дикъ ушелъ; а вчера вдругъ приходитъ.—Лошадь у васъ въ конюшнѣ, говорить.—Съ чѣмъ тебя поздравляю! Выгадалъ что-нибудь?—Съ меня довольно: десять долларовъ!—говорить Дикъ... И вотъ какіе въ заключеніе результаты (прибавилъ уже отъ себя рассказчикъ): — У меня на конюшнѣ прибавилась еще лошадь, а обошлась она мнѣ дешево...

II.

Джэки Карлинъ былъ славный мальчикъ, но въ тѣ времена онъ все-таки былъ не настолько положительнаго нрава, чтобъ ему можно было довѣрить письмо, которое необходимо было отправить по адресу возможно скорѣе и вѣрнѣе. Къ сожалѣнію, его тетка, ближайшій его другъ и совѣтникъ, миссъ Мэри Блэкъ, написала весьма важное для нея письмо, запечатала, дала его племяннику, чтобъ онъ тотчасъ же бросилъ его въ почтовый ящикъ—и—на томъ успокоилась. На бѣду, ночной морозъ смѣнился почти лѣтнимъ, теплымъ утромъ. Когда Джэки распахнулъ двери, мимо проходили его товарищи и позвали его съ собой гулять.

— Сейчасъ, только скину куртку (всѣ мальчишки ненавидятъ теплыя куртки)!—крикнулъ онъ имъ и бросился на одинъ шагъ обратно домой.

Если бы Джонъ Ноксъ-Леноксъ получилъ въ-время то письмо, все было бы иначе.

Онъ сообщалъ Мэри о смерти отца и намекнулъ на необходимость нѣсколько измѣнить на время свои планы въ жизни; вотъ этому-то извѣщенію письмо Мэри и служило сочувственнымъ отвѣтомъ, въ которомъ между строкъ онъ легко могъ прочесть нѣчто большее, нежели изъявленіе добраго и лишь дружескаго участія. А если бы, нѣсколько дней спустя, онъ получилъ отъ нея еще записку, въ которой она его извѣщала, что они уѣзжаютъ на

нѣсколько мѣсяцевъ, и что она и ея родные просятъ его навѣстить ихъ передъ отъѣздомъ, то, конечно, многого бы не случилось.

До сихъ поръ жизнь не была бременемъ для Джона Ленокса, а его темпераментъ былъ не изъ такихъ, чтобы мѣшать ея ровному теченію. Онъ прошелъ курсъ ученія въ Андоверѣ, два года пробылъ въ Принстонѣ, и подъ конецъ второго года ему вдругъ пришло въ голову, что пора бы приняться за настоящее, практическое дѣло. Онъ такъ и сдѣлалъ, ставя себѣ отчасти въ заслугу желаніе трудиться. Въ конторѣ „Решъ и К^о“ онъ основательно познакомился со счетоводствомъ, и только года полтора спустя пришелъ въ сомнѣніе: стоило ли изъ-за этого знанія забрасывать свою гимназическую карьеру? Надумавъ, что ему не мѣшало бы приобрести нѣкоторый лоскъ, а кстати и знаніе языковъ, въ Европѣ, Джонъ предложилъ эту мысль на обсужденіе отцу, который, къ великому его удивленію (а отчасти и къ огорченію), слишкомъ охотно согласился.

Изъ двухлѣтняго пребыванія въ Гейдельбергѣ и прочихъ европейскихъ городахъ Джонъ Леноксъ вынесъ весьма порядочное практическое знакомство съ нѣмецкимъ и французскимъ языкомъ, и на придачу—шрамъ надъ лѣвой бровью, который очень былъ замѣтенъ, если на него обращали вниманіе.

Въ обратный путь онъ собрался безъ особаго повода; просто, прошло два года съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ, а уѣзжалъ онъ именно на два года. За это время, переписка его съ отцомъ не прекращалась, хоть и не отличалась особенной пространностью. Только впоследствии припомнилъ Джонъ, что, несмотря на ласковый тонъ писемъ, старикъ ни разу не сдѣлалъ и намека на его возвращеніе.

Въ списокъ пассажировъ „Альтрури“ Джонъ прочелъ имена м-ра и м-съ Карлинь и миссъ Блэкъ.

— Блэкъ... Блэкъ... Карлинь?.. Я что-то припоминаю. Да, это вѣрно та малютка Мэри Блэкъ, которую я зналъ давнымъ давно, а Карлинь — кажется, фамилія того господина, за котораго вышла ея старшая сестра. Положимъ, теперь я не отличилъ бы ея отъ праматери нашей Евы, или она меня—отъ Адама. Я только и помню, что пару тонкихъ и проворныхъ ножекъ, массу развѣвающихся по вѣтру волосъ, изсѣра-карие или каре-сѣроватенькіе глазки; помню еще, что считалъ ее очень милой дѣвочкой,—насколько дѣвочка можетъ быть мила, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы я могъ то же самое подумать и те-

перь, а близость на пароходѣ цѣлыхъ восемь дней — довольно тѣсное сосѣдство!

Конечно, больше всего сближаются пассажиры за обѣдомъ: онъ, такъ сказать, является главнѣйшимъ событіемъ повседневною жизни на морѣ. Зыбъ была тихая, и почти всѣ мѣста за столомъ были заняты. Джонъ усѣлся за боковой столикъ, и лишь къ самому супу подоспѣли туда же еще трое пассажировъ: мужчина (повидимому, нервно-больной), худенькая дама съ просѣдкою въ гладко-причесанныхъ волосахъ и молодая дѣвушка въ войлочной шляпѣ, изъ-подъ которой видѣлась масса густыхъ каштановыхъ волосъ. Несмотря на то, что ихъ лица съ годами до неузнаваемости измѣнились, Джонъ тотчасъ же убѣдился, что это они и есть.

— Какой мнѣ выбрать супъ?—спросилъ мужчина, указывая женѣ на карту.

— Я выбрала бы „сopsonné“,—предложила она.

— Я думаю, протертый супъ покажется мнѣ все-таки вкуснѣе,—возразилъ онъ.

— Конечно, и онъ, мнѣ кажется, не можетъ тебѣ повредить.

— Нѣтъ, я, пожалуй, возьму лучше сopsonné, — нерѣшительно говорилъ больной, поглядывая сначала на жену, а потомъ и на молодую дѣвушку. — А ты, Мэри, какой супъ выберешь себѣ?

— Я? У меня аппетитъ теперь такой, что я возьму и того, и другого. Гарсонъ! мнѣ—два супа. А какого, Юліусъ, тебѣ вина? Я закажу себѣ шампанскаго и тебѣ пропишу его же. Послѣ твоихъ усилій рѣшить „суповой“ вопросъ, тебѣ необходимо возбуждающее средство.

— Развѣ красное вино не будетъ мнѣ полезнѣе? А? какъ ты думаешь? Или немножечко сотерна? Пожалуй, послѣ шампанскаго я спать не буду... Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, не надо мнѣ вина; лучше легкаго пива или воды Apollinaris!

— Нѣтъ! — возразила Мэри твердо. — Ты знаешь, что бы ты ни заказалъ, тебѣ всегда покажется, что мое кушанье вкуснѣе, а я собираюсь выпить больше, чѣмъ стаканъ шампанскаго; Алиса также немножечко, пожалуй. О, да! Конечно, и ты захочешь... Гарсонъ! Бутылку шампанскаго и—какъ можно живѣе!

Этотъ разговоръ, изъ котораго, съ вариантами, и состояла обѣденная бесѣда, совершенно подтвердилъ предположенія Леннокса. Когда онъ всталъ изъ-за стола, м-ръ Карлинъ еще не совсѣмъ сдался на энергичные доводы Мэри относительно послѣдняго кушанья.

На слѣдующее утро была небольшая качка, грозившая лишить и Джона аппетита; но послѣ ванны онъ почувствовалъ себя бодрѣе; въ немъ даже шевельнулось желаніе закусить ветчиной съ яичкомъ. Выйдя къ раннему завтраку, онъ удивился, замѣтивъ, что его опередила тамъ миссъ Блэкъ, свѣжая и красивая, какъ только можетъ быть красива и свѣжа дѣвушка девятнадцати—двадцати лѣтъ.

На его поклонъ она отвѣтила довольно гордымъ наклоненіемъ головы; но въ теченіе завтрака, когда Джонъ передалъ ей разъ или два кое-что на столъ, онъ удостоился даже цѣлыхъ двухъ словъ: „Благодарю васъ!“ И какъ это естественно случается съ людьми молодыми и привлекательными,—къ концу завтрака они успѣли ужъ вести хотя пустой, но все же оживленный разговоръ.

Бурная погода продолжалась еще два-три дня, и миссъ Блэкъ не выходила къ столу; наконецъ утро встало ясное, и ровныя волны, мѣрно покачивая пароходъ, не мѣшали Джону наслаждаться прогулкой по палубѣ. Вдругъ онъ наткнулся какъ разъ на ту, о которой были его думы, и въ безсвязныхъ, смиренныхъ выраженіяхъ сталъ извиняться за свою невольную неосторожность. Считая своимъ долгомъ сказать Мэри, какъ онъ случайно узналъ ея имя, Джонъ въ то же время просилъ у нея позволенія назвать ей свое, какъ вдругъ она его прервала съ открытою улыбкой:

— Совершенно лишнее, м-ръ Леноксъ! Я васъ узнала съ перваго же раза, но ваша память,—прибавила она лукаво,—не такъ вѣрна, какъ моя.

— Но и вы должны согласиться, что переимѣна, которая происходитъ въ маленькой дѣвочкѣ съ короткими юбочками, когда она дѣлается взрослой дѣвушкой въ длинномъ платьѣ,—гораздо рѣзче, нежели переходъ отъ юноши къ молодому человѣку. Я въ тотъ же вечеръ убѣдился, что это вы, когда услышалъ за столомъ, что вы зовете зятя „Юліусъ“, а онъ васъ—„Мэри“; но еслибъ я даже рѣшился смѣлѣе заглянуть вамъ въ лицо, и все равно не узналъ бы въ немъ лица маленькой Мэри.

— Ну, все равно, мы оба теперь знаемъ, кто мы такіе, и этого довольно.

— Да; и я счастливъ, что на этомъ пунктѣ мы вполне сошлись. Но какъ это случилось, что ни вы обо мнѣ, ни я о васъ,—мы ничего не слышали столько лѣтъ?

— Карлинъ велъ дѣла въ Чикаго, и мы только два-три года, какъ вернулись въ Нью-Йоркъ.

— Можетъ быть, такъ намъ уже суждено, чтобы мы встрѣтились именно здѣсь?.. Вы сколько времени пробыли въ Европѣ?

— Мѣсяцевъ шесть; большую часть времени мы провели то на однихъ, то на другихъ нѣмецкихъ водахъ. Мы ѣздили вѣдь для здоровья моего зятя, и теперь, ради той же цѣли, возвращаемся домой: Юліусъ думаетъ, что на родинѣ ему будетъ лучше.

— Я думаю, вамъ было мало удовольствія въ этой поѣздкѣ.

— Мало удовольствія?! — воскликнула горячо Мэри. — Да если когда вы видѣли на свѣтѣ человѣка, который счастливъ, что ѣдетъ на родину—такъ это я! Мнѣ кажется, что одно изъ самыхъ тяжелыхъ испытаній, на какія осуждено человѣчество, — это необходимость непрерывно разрѣшать колебанія—и даже не свои, а чужія...

Небо синее, какъ сапфиръ, освѣняло между тѣмъ тихо волнующуюся поверхность моря; воздухъ теплый, какъ нѣжная ласка, день ясный и красивый—были полны неизъяснимой прелести и красоты.

— А знаете, мнѣ кажется, въ такой день какъ разъ м-ру Карлину хорошо бы прогуляться по палубѣ,—перемѣнилъ тему разговора Джонъ.—Что ему помѣшало выйти на палубу?

— Башмаки!.. — со смѣхомъ отвѣчала Мэри.— Да, башмаки. Не удивляйтесь, я правду говорю. Сестрѣ, повидимому, удалось побѣдить всѣ препятствія, но одинъ вопросъ она оставила открытымъ: башмаки! И въ результатѣ оказалось, что Юліусъ надѣлъ на одну ногу рыжій, а на другую—черный зашнурованный башмакъ. Опять недоумѣніе: который сапогъ снять, а который оставить? Ему не нравились рыжія ботинки съ темными брюками; но ему показалось, что черныя давятъ...— Не лучше ли перемѣнить брюки?—допрашивалъ онъ меня.— А какъ на палубѣ носятъ мужчины? Ты не замѣтила?—Наконецъ, промучивъ насъ съ Алисой Богъ знаетъ сколько, онъ принялся высовывать впередъ то одну, то другую ногу, перерѣшая свое намѣреніе каждую минуту.— Да полно, Юліусъ, послушай: свими рыжій башмакъ, онъ слишкомъ тонокъ, и мужчины всѣ носятъ черныя; надѣнь другой черный и выйдемъ на палубу скорѣе, а то такъ и не попадемъ туда сегодня! — говорю я подъ конецъ.— Выйти на палубу?!—восклицаетъ онъ въ испугѣ.— На палубу? Мнѣ, кажется, сегодня полезнѣе совсѣмъ не выходить.

— Ну, чѣмъ же кончилось?

— Я взглянула на Алису, а она на меня, и я... давай Богъ ноги! Повѣрите ли, мы одинъ разъ на поѣздѣ опоздали

только потому, что Юліусъ не могъ рѣшить, какого цвѣта куртка подходитъ къ его темному плащу? Мнѣ удалось помочь ему рѣшить этотъ вопросъ, но было уже поздно!

— Да вы, должно быть, очень милая дѣвушка, — замѣтилъ Джонъ.

— Нѣтъ, это Юліусъ милый! — возразила она. — Съ нимъ почти невозможно выйти изъ себя, особенно когда видишь, въ какомъ онъ состояніи. И онъ съ такою кротостью переноситъ мое пристаиванье, что даже мое нетерпѣнье пропадаетъ.

— Вы съ нимъ одинъ все время? Другого общества у него нѣтъ, какъ только вы и м-съ Карлинъ?.. Позвольте мнѣ закурить?

— Пожалуйста; мнѣ это не мѣшаетъ.

— Кстати, куритъ м-ръ Карлинъ?

— Курить, пова Ноллисы были съ нами; а тамъ опять по старому вообразилъ, что это ему вредно.

Джонъ молча набилъ и зажегъ свою трубку; пыхнулъ разъ другой и проговорилъ:

— А выйдетъ онъ сегодня къ обѣду?

— Да, если море будетъ такъ же спокойно, какъ теперь.

— По всей вѣроятности, оно будетъ еще спокойнѣе...

Представьте меня ему непременно.

— Да это и не нужно; мы съ Алисой такъ часто о васъ ему говорили...

— Я вамъ хотѣлъ сказать, — продолжалъ Джонъ, — что мнѣ хотѣлось бы немного облегчить вашу задачу. Я думаю, еслибы мнѣ удалось послѣ обѣда — самая удобная минута! — завлечь его въ курительную и вмѣстѣ выпить коньяку съ лимономъ, онъ, можетъ быть, и самъ иной разъ пожелалъ бы заглянуть ко мнѣ.

— Да вы хотите быть просто ангеломъ небеснымъ! — воскликнула Мэри. — О, какъ я... какъ мы вамъ будемъ благодарны! Я знаю, что ему только того и не хватаетъ, чтобы *мужчина* забралъ его въ руки.

— Я не особенно тороплюсь на небо, — смѣясь, замѣтилъ Джонъ. — Иной разъ пріятнѣе ощущать близость розы, чѣмъ самому быть розой, а вдобавокъ, вы собираетесь вознаградить меня съ избыткомъ. Для меня будетъ удовольствіемъ, если удастся мнѣ осуществить то, что я хочу.

Бесѣда ихъ продлилась вплоть до звонка къ завтраку; Мэри вернулась къ своимъ, а Джонъ пошелъ завтракать одинъ. Среди дня больной, закутанный въ нѣсколько платковъ, въ нахлобученной шапкѣ съ наушниками, вышелъ, однако, на палубу; на

ногахъ у него были рыжіе башмаки; Джонъ мысленно почему-то пожелалъ, чтобъ они ему жали ноги; онъ сочувствовалъ нервному состоянію больного ровно настолько, насколько мыслимо сочувствіе между людьми пятидесяти-двухъ и двадцати-пяти лѣтъ.

Послѣ обѣда, въ которомъ принималъ участіе и м-ръ Карлинъ, Джонъ предложилъ ему вмѣстѣ пойти покурить за чашвой кофе. Юліусъ, по обыкновенію, предоставилъ женщинамъ разрѣшить его колебаніе; противу ожиданія Алисы, благодаря Мэри и шампанскому, которое она ему подливала, Джону удалось быстро одержать побѣду и онъ увелъ съ собой больного.

— Надѣюсь, Юліусъ не слишкомъ утомился, — тревожно замѣтила м-съ Карлинъ.

— Ничуть, конечно... И если м-ръ Леноксъ будетъ имѣть успѣхъ, ты не увидишь мужа часовъ до десяти или даже позже. Только не забудь: когда онъ вернется, не говори ни слова, брѣйво спи! Можешь даже храпѣть немножко, если представится необходимость.

— Почему ты сказала: „если м-ръ Леноксъ будетъ имѣть успѣхъ“?

— А потому, что это было его предположеніе. Мы говорили съ нимъ о болѣзни Юліуса, и онъ высказалъ мнѣніе, что иногда общество мужичинъ могло бы ему быть полезно. Помнишь, насколько ему было лучше, когда съ нами встрѣтились Поллисы?

— Это правда, — согласилась м-съ Карлинъ.

— А помнишь, когда онъ опять остался съ нами, какъ онъ завапризначалъ и заломался? Мнѣ кажется, м-ръ Леноксъ правъ, что Юліусъ слишкомъ пристегнуть къ нашимъ юбкамъ, и это на него наводитъ скуку.

— М-ръ Леноксъ развѣ такъ и сказалъ? — усомнилась Алиса.

— Конечно, нѣтъ! — разсмѣялась Мэри; но онъ это далъ понять, хотя и въ другихъ выраженіяхъ; а что онъ такъ думаетъ, это очевидно!

— Какъ ты его находишь, м-ра Ленокса? Мнѣ показалось, что онъ очень восторженно поглядывалъ на тебя сегодня за обѣдомъ.

— Ну, вотъ еще! — возразила сестра, досадливо качнувъ головою: — Я съ нимъ только поговорила съ полчаса, да въ дѣствѣ мы играли вмѣстѣ — вотъ и все знакомство. Во всемъ остальномъ онъ для меня чужой, и я бы желала, чтобы ты бросила свою привычку въ каждомъ непремѣнно заподозривать, что онъ... что онъ...

— Онъ, кажется, премилый, — еротно замѣтила Алиса, не возражая на нападки.

— О, да! Конечно, онъ премилый, — согласилась равнодушно Мэри. — Пойдемъ на палубу и погуляемъ; мнѣ хочется, чтобъ ты спала покрѣпче, когда вернется мужъ.

III.

Джонъ Ленокъ удивился, что его первый опытъ давался ему такъ легко. Сначала м-ръ Карлинь нѣсколько заставлялъ себя упрашивать за чашкой кофе и за первой сигареткой; но, видя, что онѣ ему не вредятъ, онъ уже самъ, по своей доброй волѣ, закурилъ сигару, а хлебнувъ нѣсколько позднѣе соды съ коньякомъ, — вдругъ развернулся и оказался приятнымъ и остроумнымъ собесѣдникомъ, — къ великому удивленію Джона. Сценки изъ жизни, картинки путешествій и анекдоты — все было интересно; и въ то же время онъ проявлялъ значительную начитанность, что не мѣшало ему быть природнымъ юмористомъ.

Вечеръ промелькнулъ незамѣтно, и, простившись съ м-ромъ Карлиномъ на палубѣ, Джонъ ясно слышалъ, какъ его собесѣдникъ, удаляясь, насвистывалъ себѣ подъ носъ какую-то нѣсенгу.

На утро море было довольно неспокойно, и Джонъ лишь послѣ завтрака встрѣтилъ на палубѣ миссъ Блэкъ. Они поздоровались и пошли рядомъ.

— Какъ чувствуетъ себя вашъ зять сегодня? — спросилъ Джонъ.

— О, этого онъ и самъ не знаетъ, — со смѣхомъ отвѣчала Мэри. — Онъ чувствуетъ себя прекрасно, но ему кажется, что онъ *не долженъ* чувствовать себя прекрасно... Когда онъ съ вами распрощался, онъ засталъ сестру уже въ постели; она притворилась, будто спитъ, и онъ тотчасъ же легъ и проспалъ ерѣшко до утра. Нѣсколько разъ она за нимъ наблюдала ночью, но онъ спалъ, какъ убитый. Онъ даже дошелъ до того, что теперь говоритъ про васъ: — „Приятный молодой человекъ“. — Ну, вотъ вамъ! Я не собиралась вамъ это говорить, но... вы были такъ добры, что комплиментъ изъ третьихъ ругъ для васъ, пожалуй, не слишкомъ крупная награда.

— Благодарю васъ; но, право же, скорѣе м-ръ Карлинь занималъ меня, чѣмъ я его, и вся заслуга — на его сторонѣ; онъ очень интересный собесѣдникъ: я получилъ о немъ теперь совсѣмъ иное понятіе.

— Я вѣрю, — согласилась Мэри. — А какъ онъ хорошо ведетъ дѣла; какъ онъ умѣетъ все устроить! Онъ уже много лѣтъ завѣдуетъ всѣмъ нашимъ состояніемъ, и еслибы не онъ, я была бы нищая. Положимъ, это касается также Алисы, но все-таки нашъ отецъ умеръ скоропостижно, — и все распуталъ, все привелъ въ порядокъ и даже увеличилъ наши средства все тотъ же Юліусъ! Меня дрожь беретъ при мысли, что бы я дѣлала, еслибы мнѣ пришлось „пробивать себѣ дорогу“, или жить въ зависимости отъ другихъ.

— Да! вы врядъ ли оказались бы способной подчиниться! — вывелъ заключение Леновъ, глядя на ея отчетливый профиль.

— Конечно; и я благодарю Бога за то, что мнѣ этого не случилось испытать. Но я способна цѣнить больше то, отъ чего деньги избавляютъ насъ, нежели то, что онѣ намъ даютъ.

— Я думаю, вы правы, — согласился Джонъ. — Имѣть состояніе — это значить быть свободнымъ отъ нѣкоторыхъ, самыхъ неприятныхъ превратностей и заботъ; но я лично, — етъ стыду моему или нѣтъ, не знаю, — никогда не задумывался надъ этимъ вопросомъ. Конечно, я не могу, собственно, назвать себя богатымъ, но я никогда не испытывалъ нужды, и еслибы мнѣ пришлось работать самому, — я, право, затрудняюсь, какія у меня оказались бы данныя, чтобы трудиться. Желаете слышать перечень моихъ талантовъ?

— О, чрезвычайно!.. Только я жду, что каждую минуту могутъ явиться сюда наши; тогда мы можемъ прервать нашъ перечень и продолжить его послѣ.

— Нѣтъ, все равно, онъ слишкомъ длиненъ.

— Послушайте! — замоленувъ на минуту, начала снова Мэри: — Я вовсе и не ожидала, чтобы вы захотѣли раскрыть мнѣ свои карты; но, говоря серьезно, я у насъ, въ Америкѣ, не знаю никого изъ людей дѣловыхъ — промышленниковъ или финансистовъ, или незанятыхъ ничѣмъ (а такихъ очень мало), которые имѣли бы образованіе одностороннее, и я какъ разъ сама задавала себѣ тотъ же вопросъ: что могъ бы предпринять таковой человекъ, какъ вы, еслибы ему случилось рассчитывать только на свой личный трудъ?.. Немножко дерзко съ моей стороны такъ говорить послѣ такого кратковременнаго знакомства?.. — прибавила она, краснѣя.

— Добрѣйшая миссъ Блэкъ! нашему знакомству уже десять лѣтъ, и я васъ прошу придавать этому факту нѣкоторое значеніе. Говоря откровенно, я самъ не желалъ бы очутиться въ такихъ условіяхъ, потому что мои итоги далеко не блестящи. Латыни я

знаю мало, а греческаго еще меньше; французскій и нѣмецкій—ровно настолько, чтобы умѣть читать, болтать и понимать другихъ; чему меня успѣли научить по математикѣ, исторіи, и т. д., и т. д., я еще не забылъ. Фортепианную музыку я настолько знаю, что могу читать ноты и проаккомпанировать что-нибудь несложное; для голоса я прошелъ хорошую школу, и мнѣ случалось пѣть на родинѣ и за границей, дома и въ гостяхъ. Въ этомъ отношеніи я, пожалуй, больше всего подготовленъ. Удѣлялъ я время и на фехтованье въ разныхъ школахъ, и, передъ моимъ отъѣздомъ въ Европу, Билли Уильямсъ иной разъ отыгрывался съ похвалою о моихъ успѣхахъ. Ну, вотъ вамъ и всѣ мои совершенства... не Богъ знаетъ какія?

— А это такой этотъ вашъ Билли?

— Онъ самый милый, самый ловкій изъ премированныхъ борцовъ, самый горячій поклонникъ искусства фехтованья; онъ готовъ смять и вышвырнуть каждаго, кто съ недостаточнымъ почтеніемъ отнесется къ таинству, совершаемому почитателями его таланта...

Мэри слушала, но повидимому не особенно сочувствовала совершенствамъ знаменитаго Уильямса.

— А вы забыли включить въ перечень—познанія, которыя вы приобрѣли, служа въ конторѣ?—замѣтила она.

— И въ самомъ дѣлѣ позабылъ! А въ сущности, это вѣдь единственное, что мнѣ можетъ пригодиться. Если бы такъ сложилось, я, пожалуй, могъ бы заработать полсотни долларовъ въ мѣсяць въ чинѣ приказчика, секретаря или курьера, или тому подобнаго... А! вотъ и ваши!

Юліусъ Карлинъ привѣтствовалъ молодого человѣка слабою улыбкой, и далъ убѣдить себя пойти прогуляться съ нимъ по палубѣ,—послѣ завтрака, понятно. Такимъ образомъ, дамы провели все время до обѣда одиѣ, и, какъ это ни было для Джона тяжело, онъ былъ зато вознагражденъ (положимъ, лишь на половину) тѣмъ, что Мэри подарила его одобрительной улыбкой и замѣчаніемъ, что онъ—настоящій „милосердый самаритянинъ“. Во все остальное время переѣзда Карлинъ уже самъ предпочиталъ общество Джона, къ которому онъ дѣйствительно успѣлъ привязаться, даже больше, чѣмъ ему того хотѣлось. Впрочемъ, утѣшеніемъ для Джона служили его утреннія свиданія съ Мэри Блэкъ, и онъ находилъ такое наслажденіе въ бесѣдахъ съ нею, что радъ былъ, когда въ машинѣ что-то поломалось, и это замедлило переправу еще на два, на три дня.

Кто-то сказалъ, что всему земному рано или поздно долженъ

придти конецъ, и, насколько всё мы знаемъ по собственному опыту, — сказать совершенно вѣрно. Машину благополучно починили, и пароходъ наканунѣ своего прибытія, въ одиннадцать часовъ вечера, уже сталъ на якорь у входа въ бухту. Мэри и Джонъ прислонились у борта. Якорныя цѣпи зазвенѣли.

— Вотъ и конецъ всему!—вырвалось у Джона.

— То-есть, чему конецъ?—переспросила Мэри.

— И путешествію, и удовольствіямъ, и эпизоду, и... и всему остальному. Мы стали на якорь!

— Да, — проговорила Мэри: — путешествіе кончено, это правда, но что касается меня, то *удовольствій* за послѣдніе полгода я видѣла такъ мало, что рада ихъ концу... да и вы тоже. Но я совсѣмъ не понимаю, что вы хотите сказать выраженіемъ: *эпизодъ*? Какой эпизодъ?

Въ голосѣ ея, почему-то негромкомъ, Джонъ слышалъ какой-то отгѣнокъ, несовсѣмъ понятный для него.

— Эпизодъ нашей дружбы, если осмѣлюсь такъ выразиться.

— Но я *такъ* ее и называю!—твердо сказала она.— Конечно, вы *всѣмъ* намъ были другомъ. Положимъ, этотъ эпизодъ дѣйствительно оконченъ, но развѣ больше ничего не осталось?

— Кто-то сказалъ: „Дружба бѣльшею частью дѣло улицы“, —возразилъ мрачно молодой Леноксъ:—завтра вы пойдете своей дорогой, я—своей.

— Да, — отвѣтила она довольно рѣзко, — это, пожалуй, правда. Но если это грубоватое изреченіе имѣетъ смыслъ, то почему бы не сказать, что дружба—дѣло пролетовъ, наемныхъ экипажей и воздушныхъ желѣзныхъ дорогъ? Конечно, вы врядъ ли можете ожидать, чтобы мы заглянули къ вамъ, но 69-я улица— не такая даль, какъ Калифорнія, и весь вопросъ только въ васъ самомъ. Не знаю, можетъ быть, вамъ это все равно, но Юліусъ и Алиса васъ очень полюбили и будутъ всегда рады вамъ.

— Весьма вамъ благодаренъ!—проговорилъ Джонъ, уставившись прямо передъ собою и въ умѣ рѣшая, что на 69-й улицѣ его врядъ ли будутъ часто видѣть.

Онъ вдругъ умолкъ. Мэри искоса взглянула на него.

Было еще настолько свѣтло, что она могла разглядѣть выраженіе его сомкнутыхъ губъ, и поняла, что зашла слишкомъ далеко въ своемъ желаніи не подавать ему повода къ сентиментальничанью. Ей не хотѣлось, чтобы онъ подумалъ, что она отвѣчаетъ на его чувство, и потому она обошлась съ нимъ даже слишкомъ холодно, но сердце у нея слегка заныло, когда она замѣтила, что причинила ему боль. Вѣдь понимала же она пре-

красно, что онъ все это дѣлалъ ради нея одной, и ей даже приятно было это сознавать. Не сводя глазъ съ его лица, она могла убѣдиться, что первый шагъ къ примиренію придется сдѣлать ей самой.

— „Весьма вамъ благодаренъ!“ — это, конечно, вполне вѣжливый отвѣтъ, — проговорила она. — Но онъ не совсѣмъ соответствуетъ...

— Мнѣ кажется, что онъ, напротивъ, вполне соответствуетъ вашему радушію, — возразилъ Леноксъ. — Конечно, мнѣ приятно, что мнѣ будутъ рады м-ръ и м-съ Карлингъ, но я думаю, что съ вашей стороны я, пожалуй, могъ бы рассчитывать на нѣчто большее? А? какъ вамъ кажется?

Джонъ взглянулъ на нее, но Мэри къ нему не повернулась и только тихо-тихо сказала, какъ будто взвѣшивая каждое свое слово:

— Довольно пока съ васъ, если я вамъ скажу, что для меня будетъ большимъ огорченіемъ, если вы къ намъ не придете.

Онъ положилъ свою руку на ея ручку, лежавшую на борту, и она высвободила ее не сразу.

— Да? — проговорилъ онъ: — Очень вамъ благодаренъ!

— Ну, а затѣмъ, мнѣ пора. Покойной ночи! — И заглянувъ прямо Джону въ глаза пытливымъ взглядомъ, Мэри пожала ему руку.

Джонъ смотрѣлъ ей вслѣдъ и думалъ, что теперь, кажется, онъ понимаетъ, что съ нимъ творится.

На утро онъ встрѣтился съ Мэри въ таможенной залѣ. Само собою подразумѣвалось, что нервы Юліуса не могли вынести хлопотъ съ таможеней, и онъ выпали на долю Мэри. Они опять столкнулись, когда Джону пришлось получать багажъ и сдавать его носильщику; онъ предложилъ свои услуги, но Мэри отказалась, потому что объ этомъ уже пошелъ хлопотать ея слуга.

— А вотъ, если хотите, — прибавила она, — мы можемъ предложить вамъ мѣсто у насъ въ каретѣ.

— Я васъ навѣрное не стѣсню? Мнѣ надо на уголь Бульвара Мадисонъ и 33-й улицы; я думаю, вамъ это будетъ по дорогѣ.

— Конечно, — подтвердила Мэри, и ее поддержали зять съ сестрой.

Такимъ образомъ, вмѣсто конторы отца, Джонъ Леноксъ попалъ прямо домой, и былъ радъ, что ему не пришлось шлепать по грязи подъ частымъ, пронизывающимъ дождемъ.

Дорогой всё молчали, если не считать споровъ и сомнѣній, которое окно спустить, и спустить ли его вообще и на сколько спустить, что, впрочемъ, было, по обыкновенію, рѣшено самой миссъ Мэри. Она смотрѣла въ окно, задумавшись, и только изрѣдка отвѣчала на отрывочныя замѣчанія Джона. Его высадили на углу 33-й улицы, и м-съ Карлинъ просила его къ нимъ зайти возможно скорѣе, а миссъ Влэкъ просто сказала:—До свиданія!—и подала ему руку.

Домой Джонъ вошелъ безъ звонка: во все время своего отсутствія, онъ носилъ свой ключъ при себѣ. Но тутъ его сейчасъ же встрѣтилъ старикъ Джеффри, который вмѣстѣ съ женой своей, Анной, составлялъ весь домашній штатъ Леноксовъ.

— Ну, что, Джефъ?—здороваясь съ нимъ радушно за руку, говорилъ Джонъ:—какъ поживаешь? Что подѣлываетъ Анна? Ты все такой же, ни чуточки не постарѣлъ. Вѣрно, тебѣ на пользу здѣшній климатъ.

— Съ прїѣздомъ! — отвѣтилъ тотъ: — благодарю васъ, я и Анна совершенно здоровы. Очень рады видѣть, что вы вернулись домой; очень прїятно.

— Благодарю, Джефъ. Домой всегда вернуться прїятно. Комната мнѣ готова?

— Да, сэръ; только мы ожидали, что вы сперва заѣдете въ контору.

— Я такъ и хотѣлъ; но при таковой ужасной погодѣ я былъ радъ, что знакомые предложили меня подвезти. А что отецъ?

— Да что, сэръ, все такъ же, и въ то же время будто бы не такъ. Я его вижу каждый день, и мнѣ потому не такъ замѣтно; а только онъ какъ будто сталъ потише, будто присмирѣлъ.

— Ну!—улыбаясь, возразилъ молодой Леноксъ:—и безъ того отецъ былъ всегда смиренный человѣкъ... Неужели онъ еще могъ присмирѣть?

— Видите, сэръ, бывало, онъ за столомъ что-нибудь скажетъ мнѣ, такъ ласково, слова два-три, или, бывало, спроситъ кой о чемъ... Теперь онъ ужъ давно молчитъ со мною... Положимъ, и говорить-то не о чемъ: я ему столько лѣтъ служу, что знаю и безъ словъ все, что ему надо... И въ клубъ бросилъ ходить по вечерамъ. Все больше заберется въ свою комнату, наверхъ, и ну себѣ шагать взадъ да впередъ, взадъ да впередъ... Бывало, онъ иногда звалъ къ себѣ знакомыхъ отобѣдать, а теперь—мы все одни, одни... вотъ уже больше года.

— Что-жъ, развѣ что-нибудь неладно? — вдругъ встревоженный, спросилъ Леноксъ.

— То-есть, въ дѣлахъ, сэръ, или что-нибудь въ этомъ родѣ?.. Нѣтъ, сколько мнѣ извѣстно, ничего. Я вѣдь веду всѣ счета въ домѣ и ничего не замѣчалъ: нигдѣ ни въ чемъ нѣтъ ни записки: все платится исправно... Только скромнѣе, проще мы живемъ, гостей не принимаемъ,—вотъ и все. Можетъ быть, старится м-ръ Леноксъ, и ему теперь все равно, а только я замѣтилъ, что онъ давненько не заказывалъ ничего своему портному. Я, можетъ быть, не долженъ бы такъ говорить, а только... очень ужъ его платье все поизносилось... Прежде онъ такъ слѣдилъ за этимъ...

Джонъ отошелъ къ окну и, безцѣльно глядя на дворъ, чувствовалъ, что имъ овладѣваетъ тревога, хотя въ словахъ старика-Джефа не было ничего такого, что могло бы дать опредѣленный поводъ къ беспокойству.

— Могу я чѣмъ-нибудь вамъ служить?—олигнувъ его старый слуга.

— Нѣтъ, благодарю; мнѣ ничего не надо. Завтракать вы мнѣ подадите сюда, а я пойду, посмотрю на Анну..

— Благодарю васъ, сэръ!—отвѣтилъ тотъ и удалился.

Джонъ оглянулся, и его поразило, до какой степени все въ его комнатѣ осталось неприкосновенно за послѣдніе два года. Вотъ знакомая мебель, полки съ его отроческими книгами и коллекціями, портретъ матери надъ каминомъ, старый коверъ съ знакомымъ узоромъ, обои—и все, все какъ было. Онъ какъ во снѣ припомнилъ свою жизнь и впечатлѣнія за истекшіе два года. Что они принесли ему? Ему вдругъ показалось, что до этой минуты онъ былъ мальчишкой, и теперь пора начать самостоятельную трудовую жизнь. Отчего онъ, проживъ двадцать пять лѣтъ на свѣтѣ, ни разу прежде не подумалъ задать себѣ вопросъ: не пора ли перестать зависѣть отъ щедротъ отца,—отца, который для него единственный источникъ къ существованію?!

Можетъ быть потому, что онъ всегда и во всемъ на него полагался?

Сколько онъ себя помнилъ, никогда и ни въ чемъ Джонъ не встрѣчалъ себѣ отказа,—даже и тогда, если ему случалось истратить лишнее противъ его обычнаго мѣсячнаго „содержанія“. Разъ, помнится, ему случилось черезчуръ неосторожно распорядиться съ деньгами и не въ мѣру превысить „передержку“. Отецъ все заплатилъ сполна, замѣтивъ только сыну:

— Надѣюсь, это больше нивогда не повторится!

Особыхъ нѣжностей или желанія поболтать между Ленок-

сами никогда не бывало, но старикъ всегда былъ полонъ вниманія къ сыну, а сынъ зналъ, что отецъ, много читавшій на своемъ вѣку, умѣлъ и любилъ поговорить о прочитанномъ, и имъ случалось иной разъ уютно засидѣться за столомъ послѣ обѣда. Особой роскоши въ домѣ не замѣчалось, но все въ немъ было прочно, красиво—и самое лучшее. Когда бывали гости, на столѣ появлялись бутылки стараго вина, хранившагося въ погребахъ, и пріятели старика Ленокса только поглядывали другъ на друга, прихлебывая съ наслажденіемъ изъ хрустальныхъ стакановъ. Но теперь...

Теперь Джонъ пришелъ къ заключенію, что онъ могъ бы провести эти два года съ болѣею пользою, работая въ помощь отцу, и рѣшилъ тотчасъ же приняться за дѣло.

Ему казалось, что день тянется невыносимо длинно. Онъ ждалъ и не могъ дожидаться отца; онъ думалъ о немъ, а спрашивалъ себя, такъ же ли тоскливо проводить этотъ день миссъ Блэзъ, какъ онъ? Вспоминаетъ ли она про него?

Чтобъ убить время, Джонъ заглянулъ къ себѣ въ клубъ, и когда вернулся, отецъ былъ уже дома.

— Ну, отецъ, вотъ и твой блудный сынъ!

— Добро пожаловать!—отвѣтилъ старикъ и, взявъ сына за обѣ руки, пріятливо и ласково посмотрѣлъ на него.—Ты, кажется, здоровъ?

— Да; а твое здоровье какъ?

— Да какъ всегда, мнѣ кажется,—отвѣтилъ м-ръ Леноксъ, и оба пристально вглядѣлись одинъ въ другого. Джонъ подумалъ про себя, что отецъ похудѣлъ, а на гладко выбритомъ подбородкѣ бѣлѣла новая, сѣдая борода; но онъ не высказалъ вслухъ своей мысли и только замѣтилъ:

— А кажется, у насъ здѣсь все по старому? Ничто не измѣнилось; Джефъ и Анна все тѣ же.

— Да, въ старикахъ, конечно, мало перемѣны, но ты за два года, вѣрно, успѣлъ больше измѣниться...

— Будемъ мы къ обѣду одѣваться?—спросилъ Джонъ.

— Въ честь твоего пріѣзда—непремѣнно. За послѣднее время я не имѣлъ этой привычки... — усталымъ голосомъ прибавилъ Леноксъ-старшій.

За стаканомъ хорошаго вина „почти послѣдняя бутылка!“—говорилъ старикъ) оба разговорились, но сначала бесѣда ихъ шла о ничтожныхъ предметахъ; наконецъ Джонъ рѣшился сказать отцу, неопредѣленно поглядывая на скатерть:

— Знаешь, я о многомъ о чемъ думалъ за послѣднее время

и пришелъ къ заключенію, что каковы бы ни были мои виды на будущее (онъ не замѣтилъ, какъ на лобъ отца на мигъ набѣжали морщины),—мнѣ пора серьезно подумать о своей карьерѣ. Боюсь, что я былъ слишкомъ легкомысленъ до сихъ поръ и непроизводительно потратилъ на поѣзду за границу то время, которое могъ бы употребить съ болѣею пользою какъ для тебя, такъ и для самого себя.

— Ну, несовсѣмъ же непроизводительно, надѣюсь?—возразилъ отецъ.

— Пожалуй; но все же съ меньшей пользою, нежели можно было ожидать отъ такихъ затратъ...

— Ну, не все же измѣряется деньгами,—возразилъ отецъ;— и я былъ бы доволенъ, еслибъ мнѣ въ молодости удалось такъ же ознакомиться съ французскимъ и нѣмецкимъ языкомъ, какъ пришлось тебѣ. Но, несмотря на это, ты еще очень молодъ, и, будь повоенъ, тебѣ еще не поздно начать жизнь съ начала.

— Я этого только и хочу,—вставилъ Джонъ.

— Чѣмъ ты желалъ бы заниматься?

— Я думаю, самое подходящее было бы — у тебя въ конторѣ...

М-ръ Леновъ протянулъ руку къ ящику сигаръ, выbralъ одну, зажегъ ее... Рука его дрожала. Онъ отвѣчалъ не сразу.

— Что это самое подходящее для тебя дѣло, я вполне согласенъ,—началъ онъ;—но мѣста заняты, и не могу же я, ни съ того, ни съ сего, отказать, напримѣръ, своему помощнику, Меллигу, а его дѣло передать тебѣ?

— Нѣтъ, я былъ бы плохимъ замѣстителемъ старика Мелига...

— Я думалъ бы, скорѣе, чтобы ты изучилъ... ну, хотя бы законы. Въ жизни скорѣе могутъ пробить себѣ дорогу люди, у которыхъ есть какая-нибудь опредѣленная профессія: законы, или медицина... или тамъ еще что-нибудь такое, что поможетъ не остаться безъ заработка въ тяжелую минуту... Таковъ мой совѣтъ...

Джонъ не особенно былъ расположенъ въ этимъ отраслямъ труда; онъ зналъ, что много лѣтъ пройдетъ, пока юристъ будетъ способенъ что-либо заработать... года три, по крайней мѣрѣ.

— Ты имѣешь что-либо возразить?—спросилъ отецъ.

— Это скорѣе касается тебя,—замѣтилъ Джонъ:—я считаю, что пора бы мнѣ уже теперь вносить въ домъ побольше; я всю

жизнь прожилъ на твой счетъ, если не считать тѣхъ пенсовъ, которые я зарабатывалъ въ конторѣ „Решъ и К^о“.

— Ты жилъ такъ съ моего согласія, мой милый юноша,— нѣжно проговорилъ отецъ.— Въ этомъ я, можетъ быть, самъ былъ неправъ; но это фактъ. Мнѣ ужъ и то отрадно, что ты это чувствуешь... хотя я никогда и не могъ ожидать отъ тебя ничего другого. Ты никогда не причинялъ мнѣ ни особенныхъ тревогъ, ни огорченій!

Часто впослѣдствіи Джонъ вспоминалъ эти слова, и благодарилъ Бога за то.

— Благодарю тебя, отецъ!— сказалъ онъ просто, протягивая руку черезъ столъ. Глаза Джона подернулись слезами, когда старикъ положилъ въ нее свою руку и отвѣтилъ долгимъ, сердечнымъ пожатіемъ.

— Завтра же утромъ пойду въ „Кэри и Кэри“, и если они согласятся, то ты самъ уже пойдешь въ нимъ переговорить. Ихъ фирма не изъ самыхъ крупныхъ, но у нихъ практикн довольно, и они со мной дружны... Такъ что-жь, пойти?— спросилъ отецъ.

— Да. Будьте такъ добры!— отвѣтилъ Джонъ.

IV.

Джону не разъ пришлось преодолевать въ себѣ стремленіе провѣдать м-ра и м-съ Карлинъ, прежде чѣмъ онъ самъ счелъ это приличнымъ. Но его встрѣтили такъ просто, такъ радушно, а м-съ Карлинъ такъ мило попеняла ему за то, что онъ ихъ забылъ, что его оправданія совсѣмъ не удались, и онъ окончательно бы растерялся, еслибъ его не выручила Мэри Блэкъ.

Сперва ему пришлось бесѣдовать почти исключительно съ Юліусомъ; м-съ Карлинъ, по обыкновенію, больше молчала; Мэри, какъ всегда, вставляла свое мѣткое словечко... Но вотъ Юліусъ всталъ и простился съ гостемъ, говоря:

— Надѣюсь, вы меня извините? Мнѣ пришлось ѣздить сегодня по городу, и я утомился...

Жена послѣдовала за нимъ, но успѣла сказать привѣтливо Леноксу:

— Пожалуйста, заходите, когда вамъ вздумается. Мы люди тихіе и почти всегда дома.

— Благодарю васъ, съ удовольствіемъ!— искренно отвѣтилъ Джонъ:— я и самъ тихаго нрава и вообще не изъ шумливыхъ.

Оставшись съ нимъ вдвоемъ, миссъ Мэри сѣла за маленькія кругленькія пальцы, а онъ помѣстился сбоку, у камина. Мэри вообще не любила руководѣля, но въ домѣ у Карлиновъ такъ ужъ полагалось, чтобы въ извѣстный періодъ времени была вышита извѣстная порція салфеточекъ пестрыми шелками—и Мэри покорялась.

— Я тоже долженъ пожелать вамъ спокойной ночи? — съ улыбкой спросилъ Джонъ, усаживаясь у камина.

— Не вижу въ этомъ никакой необходимости, — возразила Мэри. — Юліусъ теперь увѣрилъ себя, что ему полезнѣе ложиться до двѣнадцати часовъ; но придетъ время, и онъ будетъ вполнѣ убѣжденъ, что самый лучший сонъ — послѣ полуночи.

— А какъ онъ себя чувствовалъ по возвращеніи домой?

— Пожалуй, въ нѣкоторомъ отношеніи лучше, чѣмъ обыкновенно. Повидимому, жизнь дома ему пріятнѣе теперь, послѣ странствія по отелямъ, а сверхъ того, ему приходится иногда заниматься дѣлами и сталкиваться съ людьми...

— А вы-то сами? Вы рады, что вернулись?

— О, да! Какъ говоритъ Алиса, мы — люди тихіе; если она выходитъ изъ дому, то по необходимости; если же мнѣ случится, то я никуда и никогда одна не двинусь. Мы родомъ изъ Нью-Йорка и бываемъ здѣсь только у тѣхъ знакомыхъ, которые помнятъ еще отца... Для меня лично ужъ и то пріятно, что нѣтъ необходимости смотрѣть за багажомъ и за прислугой: наша Элиза — тоже своего рода багажъ!.. Я иной разъ жалѣла, что ее нельзя отмѣтить, какъ настоящій тюкъ, и отправить съ товаромъ... Ну, а вы какъ? Что подѣлывали до сихъ поръ? Мнѣ вспоминалось кое-что, о чемъ вы говорили со мной на „Альтруриѣ“. Вы помните?

— Прекрасно помню! Мнѣ кажется, я не забылъ ни слова изъ нашихъ разговоровъ и часто съ тѣхъ поръ думалъ о многомъ, что вы мнѣ говорили. Ваши слова имѣли на меня больше вліянія, нежели вы можете себѣ представить.

Мэри повернула свою работу такъ, чтобы свѣтъ прѣмѣе на нее ложился.

— Въ самомъ дѣлѣ? — спросила она. — Въ какомъ же отношеніи?

— Ваши слова, какъ капли, помогли кристаллизироваться всему препарату.

Она вопросительно взглянула на него.

— Да, — продолжалъ Леноксъ. — Я и самъ чувствовалъ, что мнѣ когда-нибудь придется сложить паруса; но все казалось, что

еще не цора. Кое-что изъ того, что вы мнѣ говорили, опредѣлило эту пору и... въ лицѣ моемъ,—прибавилъ онъ торжественно, указывая на грудь свою,—вы видите будущаго главу Верховнаго Суда Соединенныхъ-Штатовъ; придетъ время, когда вы — въ теченіе краткаго періода лѣтъ въ сорокъ, пятьдесятъ—иной разъ скажете:—„Я его знавала еще юношей, которому никто тогда не могъ бы предсказать такой высокой карьеры!“—и, можетъ быть, прибавите еще:—„Этимъ онъ исключительно обязанъ мнѣ“!

Мэри взглянула на него шутливо, но въ то же время съ любопытствомъ.

— Ну, поздравляю васъ съ карьерой, на которую, повидимому, я имѣла честь васъ натолкнуть!—смѣясь, проговорила она.—Должна ли я понять, что вы избрали карьеру юриста?

— Пока я еще не выполнѣ юристъ; но надѣюсь, въ теченіе послѣдующихъ десяти-двѣнадцати лѣтъ, преуспѣть настолько, чтобы достигнуть болѣе интересныхъ ступеней.

— Чистое наслажденіе—видѣть въ человѣкѣ такую восторженную преданность своему дѣлу!—замѣтила она, пристально разглядывая свой рисунокъ.

— Не правда ли?—подхватилъ Джонъ, не обижаясь на ѣдкость ея замѣчанія.

— Конечно. Но мнѣ всегда казалось, что большое неудобство быть сангвиникомъ.

— Что-жъ, лѣтъ черезъ пятнадцать (можетъ быть, этотъ срокъ будетъ вѣрнѣе), у меня явится возможность выбирать. Знаете нашу поговорку: „въ сорокъ лѣтъ мужчина носить званіе или доктора, или дурака“. Такъ и я.

Миссъ Блэкъ немного усмѣхнулась, но промолчала.

— Нѣтъ, серьезно! Я и самъ знаю, что всего, стоящаго вниманія, можно добиться лишь пройдя черезъ цѣлую массу докучливыхъ испытаній; и, можетъ быть, они мнѣ покажутся тѣмъ тяжелѣе, что я слишкомъ долго бездѣльничалъ. Но постепенно я къ этому привыкну... По крайней мѣрѣ, я имѣю намѣреніе привыкнуть.

— Не думаю, чтобы мнѣ *всегда* хотѣлось быть мужчиной,—тихо сказала Мэри:—но я всегда завидовала тому, что мужчины имѣютъ случай выдвигаться.

— А женщины развѣ не имѣютъ? Онѣ, конечно, обладаютъ большимъ вліяніемъ на ходъ дѣла.

— О, да! Это общее мѣсто: „вліяніе женщины“, и т. д., и т. д. Но въ ея личной жизни ей приходится довольствоваться тѣмъ, что ей достается по волѣ другихъ.

— А между тѣмъ, мнѣ кажется, ни одна блестящая карьера не сложилась безъ помощи или безъ вліянія женщины.

— Допустимъ, что это такъ; а все-таки мужчинѣ принадлежитъ вся карьера, слава и осязательная, видимая награда за труды. Случится, что мужчина скажетъ: — „Своимъ успѣхомъ я обязанъ своей женѣ, матери, сестрѣ“... но, въ сущности, онъ самъ въ это не вѣритъ,—да этому не вѣритъ и никто другой. Вѣдь въ концѣ концовъ это *его* успѣхъ; а вліяніе и помощь женщины для него лишь одно изъ побочныхъ обстоятельствъ. Мнѣ даже думается: не преувеличено ли это такъ-называемое „вліяніе женщины“? Женщинамъ нравится воображать, что оно есть, а мужчинамъ, въ такихъ вопросахъ, на которые они смотрятъ легко, ничего не стоитъ сдѣлать имъ поблажку. Я, лично, сомнѣваюсь, можетъ ли дѣйствительно мужчина придти къ какому-нибудь твердому убѣжденію или отречься отъ него подъ вліяніемъ женщины, какъ бы горячо она его ни убѣждала.

— Я думаю, что вы неправы,—возразилъ Джонъ.—Я твердо вѣрю, что мужчина часто можетъ ради женщины сдѣлать что-либо или самъ сдѣлаться тѣмъ, на чтò онъ никогда бы не рѣшился ради самого себя или самого дѣла.

— Это совсѣмъ другое дѣло! Тутъ нѣтъ вопроса о вліяніи: это—дѣло порыва и побужденія.

— Я вамъ только-что говорилъ, что ваши слова имѣли на меня большое вліяніе.

— Простите! но вы только-что сами употребили выраженіе, которое болѣе точно опредѣлило ваше личное состояніе. Вы сказали, что мои слова были той каплей, которая повлекла кристаллизацію всего состава;—значить, онъ былъ предварительно насыщенъ вашими собственными намѣреніями и убѣжденіями.

— Я сказалъ вамъ также, что вы опредѣлили мнѣ настоящую пору для труда. Развѣ вамъ непріятна эта мысль?

Мэри отвѣтила не сразу и, зарумянившись слегка, проговорила, какъ бы игнорируя его вопросъ:

— А чтò вамъ было бы пріятнѣе: думать, что вы такъ (а не иначе) поступили, потому что считали это справедливымъ, или потому, что кто-нибудь другой хотѣлъ, чтобъ вы именно такъ, а не иначе поступили? Или... я бы такъ, пожалуй, поставила вопросъ: развѣ вы предпочли бы, напримѣръ, чтобы правильное побужденіе исходило не отъ васъ самого, а отъ кого-нибудь другого?

Джонъ усмѣхнулся и уклончиво замѣтилъ:

— Вамъ бы, миссъ Блэкъ, надлежало быть юристомъ! Мнѣ бы

навѣрное не понравилось давать вамъ показанія, еслибъ я не былъ твердо увѣренъ въ истинѣ моего свидѣтельства...

Она немного подернула плечами и обратила все свое вниманіе на вышивку. Они еще немного поболтали, но вопросъ о влияніи женщины былъ оставленъ открытымъ по обоюдному, хотя и нѣмому соглашенію.

Послѣ ухода Джона, миссъ Блэкъ долго сидѣла одна, задумчиво вглядываясь въ огонь. Она была дѣвушка прямая и откровенная, — какъ съ другими, такъ и сама съ собой; но, несмотря на свой напускной скептицизмъ, она была довольна увѣреніями Джона, что она повліяла на его жизненный путь. Она говорила съ нимъ искренно, въ то же время убѣжденная, что онъ и безъ ея вмѣшательства поступилъ бы такъ же точно; но она вѣрила въ его искренность, и ей было пріятно слышать, что онъ думаетъ именно такъ, а не иначе.

Для миссъ Блэкъ было не новостью вниманіе молодыхъ и дѣйствительно милыхъ мужчинъ; но никогда ни съ однимъ чувство ея не заходило за предѣлы добраго знакомства. Она не разъ думала о замужествѣ; но условія, которыя она считала при этомъ необходимыми, дѣлали его совершенно неосуществимымъ. Джонъ Леноксъ, котораго она сама не считала ни особенно умнымъ, ни особенно изящнымъ, былъ для нея болѣе пріятнымъ собесѣдникомъ, нежели кто-либо другой; подъ его нѣсколько юной, безпечной оболочкой она угадывала чутьемъ силу и твердость характера, на которыя, въ случаѣ необходимости, можно было положиться. Она не скрыла отъ себя, что въ первые десять дней по пріѣздѣ, хотя она и подшучивала надъ своей сестрой, удивлявшейся, почему къ нимъ не идетъ Леноксъ, ей все-таки хотѣлось, чтобы онъ пришелъ; она рассчитывала, что онъ придетъ непременно... И ей досадно было за эту увѣренность; досадно на него и на себя!

Лицо ея запылало, когда она припомнила минутное пожатіе его руки на палубѣ въ тотъ послѣдній вечеръ наканунѣ пріѣзда... Она позвонила прислугѣ и пошла къ себѣ наверхъ.

Не будемъ передавать подробно всѣ событія, совершившіяся за послѣдующіе нѣсколько мѣсяцевъ; да, въ сущности, нивакихъ событій, заслуживающихъ вниманія, за это время и не произошло, если не считать, что съ каждымъ днемъ Джонъ все больше сближался съ семействомъ Карлиновъ и считалъ тотъ день поте-

ряннымъ, въ который передъ нимъ не раскрывались ихъ гостеприимныя двери.

Юліусъ замѣтилъ это и обратился къ женѣ съ вопросомъ: не замѣтила ли она чего-либо между Мэри и Леноксомъ?

— Нѣтъ, кажется, ничего такого; но ты самъ знаешь, что онъ остается бесѣдовать съ нею послѣ того, какъ мы уходимъ, — отвѣтила Алиса.

Мужъ ничего не возразилъ; но, помолчавъ немного, спросилъ, что она считаетъ лучше: прибавить температуру въ комнату или убавить?

Ночь была холодная, и этотъ важный вопросъ, конечно, не допускалъ возможности думать о чемъ-либо другомъ въ данную минуту...

Миссисъ Карлинъ ничего не сказала сестрѣ, которая, какъ говорилъ Юліусъ, „имѣла всѣ данныя для того, чтобы самой вести свои дѣла“; но мало-по-малу, когда частыя посѣщенія Джона вошли въ привычку, она почувствовала не то чтобы тревогу, но нѣкоторую неловкость и, наконецъ, рѣшилась преодолѣть свою обычную застѣнчивость.

На дворѣ завывала буря. Сама Алиса что-то шила, а Мэри писала письмо къ подругѣ, разложивъ на колѣняхъ бюваръ.

— Что за погода! — воскликнула она, отложивъ въ сторону письмо и подходя къ окну. — Черезъ улицу и то ничего не видно.

— Да, да, — согласилась сестра и, подчиняясь порыву мысли, которая за послѣднее время была съ нею неразлучно, прибавила: — Я думаю, намъ, пожалуй, придется провести вечеръ однимъ.

— Развѣ это такъ ужъ необычно? Мы, кажется, всегда одни? — не оглядываясь на сестру, возразила Мэри. — Отчего ты такъ выдѣляешь именно *этотъ* вечеръ?

— Я только подумала, — еще ниже склоняясь надъ работой, тихо продолжала м-съ Карлинъ, — что даже м-ръ Леноксъ не рѣшился бы выйти на улицу въ такую бурю...

— О, да, конечно... М-ръ Леноксъ?.. Да, наврядъ! — отозвалась Мэри такимъ тономъ, какъ будто бы она напоминаетъ нѣчто для нея безразличное.

— Онъ къ намъ часто ходитъ... почти каждый вечеръ, — искоса поглядывая на спину сестры, говорила Алиса.

— И въ самомъ дѣлѣ! вотъ когда ты мнѣ на это указала, я, кажется, теперь и сама это замѣчаю, — сухо сказала Мэри.

— А какъ ты думаешь: слѣдуетъ ли ему такъ часто ходить?

— А почему же нѣтъ? — повернувшись лицомъ къ сестрѣ,

возразила молодая дѣвушка.—И почему это именно я обязана думать о томъ, что ему слѣдуетъ дѣлать и что—нѣтъ? Развѣ не къ Юліусу онъ приходитъ? Развѣ не Юліусъ самъ его приглашалъ бывать? Я никогда его не приглашала... Нѣтъ, впрочемъ, одинъ только разъ,—немного покраснѣвъ, прибавила она.

— Развѣ ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что онъ приходитъ только ради Юліуса, и что онъ ходилъ бы къ намъ такъ часто, еслибъ не было на это никакой другой причины? Наконецъ, онъ всегда остается и послѣ того, какъ мы уходимъ...

— Мнѣ кажется, это только прилично съ его стороны. Слишкомъ ли часто онъ приходитъ или нѣтъ, не мнѣ судить. Только, надо же отдать ему полную справедливость, онъ не такой человекъ, который сталъ бы дожидать, пока его безъ словъ попросятъ удалиться, или который заставилъ бы васъ, ради простой вѣжливости къ нему, стѣсняться и мѣнять свои привычки. Онъ слишкомъ деликатенъ, слишкомъ благовоспитанъ, чтобы все-таки остаться, если бы... когда бы... то-есть, я хочу сказать...

Мэри загнулась, а м-съ Карлинъ хотъ и могла бы ей подсказать, но благоразумно воздержалась.

Младшая сестра молча отвернулась къ окну; но, погодя немного, заговорила совершенно ровнымъ, спокойнымъ голосомъ:

— Ты меня спрашиваешь, сталъ ли бы м-ръ Левоксъ ходить такъ часто, еслибъ онъ имѣлъ цѣлью только навѣщать Юліуса? Я могу сказать одно, что не будь Юліуса, онъ, вѣроятно, только изрѣдка заглядывалъ бы къ намъ... Впрочемъ,—прибавила она, отходя отъ окна и садясь ближе къ сестрѣ:—я даже не вижу, о чемъ намъ спорить? Ты что-нибудь имѣешь противъ его посѣщеній; но, въ такомъ случаѣ, что именно и почему? И если дѣйствительно имѣешь что-нибудь, то что тутъ дѣлать? Хочешь, я дамъ ему понять, что это неприлично, или ты сдѣлаешь это сама? Или мы предоставимъ это сдѣлать Юліусу?

М-съ Карлинъ взглянула на сестру и по улыбкѣ, разлитой у нея на лицѣ, догадалась, что ее поняли; она смущенно потупилась.

— Ахъ ты! Вижу тебя насквозь!—воскликнула молодая дѣвушка и погрозила пальчикомъ сестрѣ.—Ну, говори: что онъ сказалъ?

— Да кто сказалъ-то?

— Ну,—Юліусъ, конечно!—И Мэри подняла голову сестры за подбородокъ.—Признавайся, что вы съ нимъ говорили? Я настаиваю на томъ, чтобы знать правду,—чистую правду... ничего, кромѣ правды... Вотъ тебѣ!

— Ну,—запинаясь, начала Алиса:—я ему сказала почти то же, что сейчасъ тебѣ: м-ръ Леноксъ ходитъ очень часто и, по всей вѣроятности, не ради него, Юліуса, одного... а онъ, т.-е. Леноксъ, всегда сидитъ съ тобой (если ты дома), послѣ того, какъ мы уйдемъ наверхъ...

— И...—продолжала за нее сестра,—что ты боишься за мое юное сердечко... что, въ сущности, мы ничего не знаемъ объ этомъ молодомъ человѣкѣ, или что онъ, можетъ быть, самъ отдался безнадежному чувству, и т. п.

— Но я вѣдь... я этого не говорила...

— Въ самомъ дѣлѣ?—подразнивая сестру, возразила Мэри.—Но въ подобныхъ случаяхъ ясность необходима. Ну, что же Юліусъ сказалъ? Очень онъ принялъ все это къ сердцу?

М-съ Карлинъ зардѣлась подъ пристальнымъ взглядомъ насмѣшницы и смущенно засмѣялась.

— Ну! Ну же, говори скорѣй, что онъ сказалъ?—безпощадно донимала ее Мэри.

— Должна признаться, что онъ сказалъ:—„Фу! вздоръ какой!“—а потомъ:—„Она сама себѣ госпожа и имѣетъ всѣ данныя къ тому, чтобы самой вести свои дѣла!“

Миссъ Блэкъ всплеснула руками:

— Неслыханное поношеніе! Небывалое „во Израилѣ“!..—воскликнула она и драматическимъ жестомъ заключила свой вопросъ:—Ну, что же онъ еще сказалъ? Выслушаемъ самое худшее!

М-съ Карлинъ разсмѣялась.

— Не помню. Кажется, больше ничего... на эту тему. Онъ потомъ долго еще не могъ рѣшить, надо ли прибавить температуру въ комнатѣ или убавить; порѣшивъ съ этимъ вопросомъ, мы пошли спать.

Тутъ уже Мэри громко расхохоталась.

— Такъ, значить, Юліусъ считаетъ, что за мной нечего смотрѣть?

— Мэри! Надѣюсь, ты не думаешь, что я подсматриваю за тобой?—обиженно воскликнула сестра, и слезы свергнули у нея въ глазахъ.—Я, право, не хочу вмѣшиваться въ твои тайны, моя милая!..

Въ мигъ Мэри очутилась передъ нею на колѣняхъ и обхватила ее за шею обѣими руками.

— Ахъ ты, овечка моя старенькая, дорогая! Я знаю, что ты этого не дѣлаешь, и никогда не сдѣлаешь... да и не станешь дѣлать... Если бы даже и попробовала, такъ не сдумѣла бы! Да нѣтъ, ты и пробовать бы не стала! Но у меня нѣтъ

тайнъ. А чтобы не видать слезинки въ твоихъ милыхъ глазкахъ, я хоть сейчасъ готова сказать м-ру Джону Леноксу, что видѣть его больше не желаю! Не знаю, что тебѣ показалось, что я думала, только, право, никогда я этого не думала!..

Это послѣднее завѣреніе заставило м-съ Карлинъ разсмѣяться.

— Я знаю,—продолжала Мэри,—что я была противная, упрямая, несносная дѣвчонка; но если ты мнѣ общаешь не сажать меня въ чуланъ, я буду умницей и, какъ добрая дѣвчонка, буду отвѣчать на всѣ твои разспросы.

Мэри звонко поцѣловала Алису и вернулась на свое мѣсто, принявъ позу виноватой и кающейся смиренницы. Потому она разсмѣялась, и глаза ея блеснули влагой...

Сестра смотрѣла на нее взглядомъ, полнымъ любви и восхищенія.

— Мнѣ не слѣдовало бы вызывать разговоръ на эту тему, — замѣтила она: — я знаю, ты не любишь такихъ споровъ, но я тебя такъ горячо люблю, что иной разъ не могу удержаться...

— Алиса! — воскликнула миссъ Блэкъ. — Будь такъ добра, назови меня прямо эгоисткой и чѣмъ хочешь... Это мнѣ будетъ утѣшеніемъ.

— Но я вѣдь тебя не считаю...

— Все равно! Я вѣдь бываю... несносной иногда; а ты вполне заслуживаешь, чтобы я тебѣ оказывала всю любовь, все довѣріе, какое только я могу къ тебѣ питать. Дѣло въ томъ, что твоя заботливость рисуетъ тебѣ иногда такія вещи, которыхъ вовсе нѣтъ...

— Но... онъ тебѣ нравится? — перебила сестра.

— Да; онъ мнѣ очень нравится, чистосердечно проговорила Мэри. — У насъ съ нимъ столько общаго, и мы сочувствуемъ другъ другу, а въ то же время мы не настолько одинаковы, чтобъ другъ на друга скуку навѣвать; мы съ нимъ прекрасно ладимъ. Но мнѣ кажется, что мое чувство къ нему такое же, какъ къ старшему брату, если бы онъ у меня былъ.

— Такъ, значитъ, ты не думаешь, что можешь къ нему привязаться?

— Въ твоемъ смыслѣ? Нѣтъ!

— А какъ онъ самъ?..

Мэри не отвѣтила ни слова.

— Ты не замѣтила, чтобы онъ, съ своей стороны, началъ о тебѣ думать?

Мэри нахмурилась и шевельнулась на стулѣ.

— Онъ мнѣ объ этомъ ничего не говорилъ.

— А развѣ это было бы необходимо?
 — Можетъ быть, и нѣтъ; если бы это было очевидно.
 — Развѣ это не очевидно?—съ непривычной для нея настойчивостью добивалась сестра.

— Ну, знаешь, откровенно говоря,—начала Мэри:—я сама такъ подумала... разъ или два... то-есть, я собственно не то хочу сказать... Разъ или два случилось такъ, что я имѣла поводъ думать... Кажется, не особенно гладко сказано? Впрочемъ, мнѣ все равно... И къ чему это надо, и зачѣмъ? Чтò я могу тутъ сдѣлать?.. Не могу же я такъ прямо и сказать ему:—Не приходите къ намъ, чтобы въ меня не влюбиться!?

— Я тоже думаю, что нѣтъ,—слабо возразила м-съ Карлинъ.

— А самъ онъ никогда не объяснится мнѣ въ любви... я это знаю...

— Да почему же? Почему?

— Я ему не позволю; да онъ и самъ себя не позволить... и одна изъ причинъ—его зависимость отъ отца, котораго онъ до сихъ поръ считалъ богатымъ...

— Почему онъ не спроситъ его прямо: какъ его дѣла?

— Ты, кажется, гораздо больше моего интересуешься его положеніемъ?.. Такъ почему же ты сама не спросишь?

— Не понимаю, почему онъ, какъ сынъ, не можетъ вмѣшаться...

— До сихъ поръ между ними было самое полное довѣріе, и Леновъ съ нею не такой человѣкъ, который сталъ бы приставать съ подобными разспросами къ отцу...

— Это ужъ чересчуръ большая деликатность...

— Что-жъ, можетъ быть! Но, мнѣ кажется, я его понимаю и сочувствую ему.

М-съ Карлинъ замолкла, и вдругъ, какъ бы думая вслухъ, проговорила:

— Но у тебя денегъ сколько угодно...—и невольно покраснѣла за свою смѣлость. Сестра посмотрѣла на нее съ добродушной улыбкой и, прикасаясь къ пуговкѣ звонка, замѣтила:

— Вотъ тебѣ и еще причина...

V.

Собственно говоря, врядъ ли можно было поставить въ вину Джону, что онъ мало заботился о дѣлахъ отца. Правда, онъ замѣтилъ кое-какія незначительныя перемѣны, но въ общемъ

все шло по старому, и своего образа жизни они оба не мѣняли. Старикъ не препятствовалъ сыну бывать гдѣ угодно, встрѣчаясь съ нимъ дома только поутру и за обѣдомъ, послѣ чего отецъ рано уходилъ въ себѣ наверхъ. Съ дѣтства Джону пришлось много жить внѣ дома, и тѣсной близости съ отцомъ у него не было, да онъ и не чувствовалъ въ ней необходимости, привыкнувъ считать, что, кромѣ взаимной привязанности, въ которой оба не сомнѣвались, между ними мало общихъ интересовъ. Отецъ не подавалъ виду, что ему большее сближеніе было бы пріятно, и только молча исполнялъ всѣ его желанія, а сынъ не совался съ разспросами, и не мало времени прошло, пока даже невнимательному глазу Джона сдѣлалось замѣтно, что съ отцомъ его творится что-то неладное.

На его тихомъ, осунувшемся лицѣ глубже прошли борозды морщинъ; онъ не поддавался усиліямъ Джона завязать разговоръ хотя бы за обѣдомъ, послѣ котораго онъ часто тотчасъ же уходилъ наверхъ. Кушанье оставалось почти нетронутымъ, а вина старикъ пилъ больше обыкновеннаго. Возвращаясь домой поздно ночью, Джонъ слышалъ, что отецъ еще шевелится безпокойно у себя въ спальнѣ. Разъ какъ-то утромъ онъ посовѣтовалъ отцу не ходить въ контору, но его слова были встрѣчены такимъ гнѣвнымъ отказомъ, что сынъ не могъ не удивиться.

Какъ-то однажды въ концѣ марта, особенно холоднаго, Джонъ вернулся домой въ блестящемъ настроеніи духа. Сегодня управляющій конторой, гдѣ онъ служилъ, кратко, но благосклонно похвалилъ его работу, что вообще было не въ его привычкахъ. Джону улыбалась перспектива вечеромъ побывать на 69-й улицѣ, гдѣ ему уже съ недѣлю не случилось быть. Кстати и отецъ его былъ какъ будто въ болѣе разговорчивомъ настроеніи, чѣмъ обыкновенно, и обѣдъ прошелъ сравнительно весело и уютно. Посидѣвъ довольно долго надъ своимъ кофе и сигарой, м-ръ Леновъ поднялся и ласково замѣтилъ сыну:

— Ты, вѣрно, вечеромъ куда-нибудь пойдешь?

— Нѣтъ, не пойду, если тебѣ захотѣлось бы, чтобы я остался. У меня нѣтъ въ виду ничего опредѣленнаго.

— О, нѣтъ, нѣтъ! Не надо. Право, не надо!..—возразилъ старикъ и, пожавъ руку сыну, прибавилъ, уходя:—покойной ночи!

Опять какое-то смутное ощущеніе закралось въ душу Джона, въ то время, какъ онъ прислушивался къ шагамъ отца, удалявшагося вверхъ по лѣстницѣ; въ сущности, ничего же особенно тревожнаго не случилось, и не было въ ихъ краткомъ разговорѣ ничего такого...

На 69-й улицѣ Джонъ засталъ внизу одну только миссъ Блэкъ.

— Юліусъ совсѣмъ сегодня не спускался,—замѣтила она:— и если вы не захотите довольствоваться моимъ обществомъ, мнѣ придется пригласить сюда Алису.

— Позвольте васъ просить ее не беспокоить! — отвѣтилъ Джонъ, смѣясь и удивляясь легкой тѣни кокетства, которой онъ прежде въ ней не замѣчалъ.—Если только вы сами захотите довольствоваться моимъ обществомъ, конечно. Надѣюсь, м-ръ Карлинь не очень боленъ?

— Нѣтъ; кажется, легкій насморкъ... а главное — теперь весна, и надобно рѣшить вопросъ: куда на лѣто? Еслибъ онъ былъ уже рѣшенъ, мы вѣроятно уѣхали бы завтра.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ?—огорченно спросилъ Джонъ.

— Непремѣнно,—утвердительно вивнувъ, отвѣчала Мэри.— Мы ужъ съ недѣлю какъ перебираемъ (но, увы! безуспѣшно!) всѣ мѣстности, куда можно уѣхать: Флориду, Калифорнію, Виргинію и т. д.—вдоль и поперекъ; Санта-Барбару, Ашвилъ, Горячіе-Ключи, Бермудскіе острова и т. д.... Оставили въ покоѣ только Сандвичевы и Барбадосскіе, потому что о нихъ мы почему-то позабыли. Но и о нихъ Юліусъ, вѣроятно, принялся бы разсуждать съ одинаковой охотой.

— Не можете ли вы ему втолковать, что теперь и здѣсь тепло?—съ натянутой усмѣшкой проговорилъ Ленокъ.

— Нѣтъ, наврядъ! Если чтò ему въ голову засѣло, какъ, напримѣръ, безпрестанное передвиженіе, то его ничѣмъ не разубѣдишь... Если бы мнѣ пришлось сочинять какое-нибудь проклятіе, я, кажется, сложила бы его въ одну минуту: „Странствія тебя да погубять!“

— Или: „непосѣдство“?—предложилъ Джонъ.

— Пожалуй; это даже ближе по смыслу, но только звучитъ не такъ красиво.

— Что-жъ, вамъ придется ѣхать,—мрачно замѣтилъ онъ.

— И даже, пожалуй, рѣшать еще вопросъ: куда? Но ужъ куда-нибудь придется непременно, и я могу хоть сейчасъ начать укладываться...

— И сколько вы пробудете въ отлучѣ—неизвѣстно?..

— Конечно, неизвѣстно.

— Ахъ, Боже мой!—вырвалось у него, а Мэри молча сдѣлала нѣсколько стежковъ.

— Безъ васъ мнѣ будетъ очень грустно, право!—продол-

жалъ молодой Ленокъ, поставивъ локти на колѣни въ позѣ искренняго огорченія и глядя въ огонь.

— Мнѣ самой тоже очень грустно; я предпочитаю жизнь въ Нью-Йоркѣ.

— Мнѣ будетъ васъ недоставать... ужасно! — повторилъ онъ, обернувшись къ ней лицомъ.

— Но у васъ много есть другихъ друзей, и я иногда думаю, что вы, пожалуй, съ большимъ удовольствіемъ куда-нибудь пошли бы, чѣмъ играть въ карты съ м-ромъ Карлиномъ.

— Неужели вы это думаете?.. — горячо воскликнулъ онъ, но тотчасъ же сдержался. — Нѣтъ, я къ вамъ ходилъ вообще... вообще потому, что для меня это было большой отрадой, и, наконецъ, это вошло въ привычку... Видите, мнѣ не приходилось до сихъ поръ бывать въ такомъ домѣ, какъ вашъ; я до сихъ поръ не зналъ семейной жизни, и вы себѣ не можете представить, какъ дорого мнѣ было, что мнѣ позволяли у васъ бывать... О, вы должны же знать!.. — И онъ опять запнулся.

Щеки Мэри нѣсколько поблѣднѣли, и вышивая немного дрогнула у нея на колѣняхъ, но она возразила спокойнымъ голосомъ:

— Для насъ, для всѣхъ это было большое удовольствіе, и я искренно сожалѣю, что на время все это прервется. Но въ октябрѣ мы, вѣроятно, будемъ ужъ обратно, и тогда вы можете опять возобновить ваши бесѣды съ Юдіусомъ, а со мною — споры!

Въ голосѣ ея ужъ были снова нотки, напомнившія тотъ послѣдній вечеръ на морѣ, и Джону стало ясно, что онъ чуть не признался ей въ любви, а Мэри угадала и не допустила его до того.

Миссъ Блэкъ нѣсколько разъ пыталась воткнуть иголку въ надлежащее мѣсто своей вѣчной вышивки... но это долго ей не удавалось. Наконецъ, она прервала молчаніе.

— Кстати, читали вы новый романъ: „Октябрь“? Кажется, романъ очень милъ.

— Да, онъ очень мнѣ понравился. Только я не особенно сочувствовалъ герою, который, будучи уже сорока лѣтъ, влюбился; а героиня, молодая дѣвушка... говоря на чистѣйшемъ англійскомъ языкѣ, — ну, она просто дура!

Мэри усмѣхнулась, но голосъ ея все-таки еще слегка дрожалъ.

— Вы знаете, мнѣ иногда сдается, что я гораздо старше васъ?

— Я только знаю, что вы страшно умны!—возразилъ Джонъ, смѣясь, и разговоръ ихъ перешелъ на болѣе безобидныя темы.

— Конечно, мы еще увидимся передъ отбѣздомъ?—сказала Мэри, когда онъ всталъ, чтобы проститься.

— О, я намѣреваюсь аккуратно посѣщать ваши края...

Сойдя внизъ на другое утро, Джонъ Леноксъ удивился, что отца его не было въ столовой. Онъ развернулъ газету и сталъ ожидать.

Прошло минутъ пять... десять... двадцать. Онъ позвонилъ и спросилъ Джефа, не знаетъ ли онъ, проснулся ли отецъ?

— Нѣтъ, сэръ! Онъ всегда кашляетъ немного по утрамъ. Сегодня было тихо.

— Поди и посмотри, чтó это значить?—приказалъ Джонъ. Джеффри остановился передъ запертою дверью; на лицѣ его отразился ужасъ.

— Онъ, вѣрно, очень крѣпко спитъ; я звалъ, стучалъ, а онъ не отвѣчаетъ, — доложилъ слуга: — я толкнулъ дверь; она приотворилась, но цѣпь была надѣта изнутри.

— Отецъ! — окликнулъ Джонъ, подойдя къ двери, и крикнулъ еще разъ, погромче.

Пришлось выломать дверь. М-ръ Леноксъ лежалъ спойно, будто спалъ.

— За докторомъ живѣе! Ну, бѣги же! — крикнулъ Джонъ старому слугѣ, но онъ зналъ, что никакія средства не подѣйствуютъ на тѣло, неподвижно распростертое на постели; у сына духа не хватало на него взглянуть... Нѣсколько минутъ спустя, явился докторъ, старый другъ дома, принимавшій Джона при его появленіи на свѣтъ; эти минуты показались Джону цѣлыми часами.

Докторъ Уиллисъ поспѣшно подошелъ къ постели и тщательно осмотрѣлъ своего стараго друга; когда онъ кончилъ, Джонъ упалъ на колѣни у постели безмолвно и понижъ головою. Докторъ шепнулъ Джеффри какое-то приказаніе, и тотъ вышелъ вонъ; тогда Уиллисъ проворно сталъ искать по комнатамъ чего-то, но никакъ не могъ найти, чего искалъ. Наконецъ, подойдя къ камину, онъ помѣшалъ въ золѣ щипцами и вынулъ пузырекъ въ три-четыре унца...

Онъ нашелъ то, чего искалъ.

Не стоить рассказывать пространно, какъ прошли для Джона послѣдующіе дни, недѣли, мѣсяцы... Сперва ему казалось, что отъ него отнято вдругъ все, чтó ему было всего дороже въ

миръ; потомъ, если онъ хоть на мигъ думалъ о чемъ-нибудь другомъ, такъ это только о своемъ письмѣ, на которое ему не отвѣчала Мэри. Мы уже знаемъ, что Джэки Карлингъ его не отправилъ; а сама тетя Мэри, много, много мѣсяцевъ спустя, случайно нашла его въ карманѣ куртки мальчугана. Она писала вторично Джону, передъ своимъ отъѣздомъ изъ Нью-Йорка, прося его придти проститься; но и это письмо не дошло до него. Джонъ радъ былъ продать домъ и переѣхать въ скромную квартиру.

Служа по прежнему въ своей конторѣ, молодой Леноксъ однажды, въ воскресенье, рискнулъ пойти къ Карлинамъ; но домъ былъ запертъ, слуги не оказалось дома, а господа — дней десять какъ уже въ отъѣздѣ...

Такъ Джонъ больше туда и не ходилъ.

Разъ какъ-то, въ концѣ октября, онъ пошелъ съ порученіемъ отъ своей конторы къ генералу Вулсею, члену Общества взаимнаго кредита, — старому другу его покойнаго отца. Покончивъ съ порученіемъ, Джонъ откланялся.

— Постойте на минутку, если вамъ не слишкомъ надо торопиться, — остановилъ его старикъ. — Мнѣ бы хотѣлось съ вами потолковать немножко. Вотъ, садитесь. Какіе у васъ планы въ будущемъ? Вы все еще у Кэри; но, помнится, вы лѣтомъ говорили, что вы тамъ остаетесь, за неимѣніемъ ничего лучшаго?

— Да такъ оно и есть, сэръ! Бездѣлничать я не могу, но я не знаю, что буду дѣлать дальше? Придется много лѣтъ еще служить, пока удастся хоть чего-нибудь добиться, и врядъ ли я чего добьюсь на этой дорогѣ.

— Если васъ это не стѣснить, скажите мнѣ: есть у васъ средства и какія?

— Нисколько. Я съ удовольствіемъ скажу вамъ откровенно, и отъ души вамъ благодаренъ за участіе. У меня капиталъ въ двѣ тысячи долларовъ, и еще кой-какая мелочь, да то, что можно выручить, если продать тѣ вещи, которыя сложены въ складѣ... и, думаю, выручить много не придется; есть еще гдѣ-то въ Пенсильваніи клочокъ земли, почти пустынный. Въ немъ, кажется, есть залежи угля и строевой лѣсъ; но Мелигъ говоритъ, что всѣ крупныя деревья уничтожены, а оставшіяся — ничего не стоятъ. Въ сущности, эта земля, въ смыслѣ доходности, не представляетъ никакой цѣны, и вдобавокъ меня же вынуждаютъ уплачивать лишніе налоги.

— Гм!.. Гм!.. — произнесъ генераль. — Я думаю, если жить экономно, вамъ все-таки можно было бы какъ-нибудь дотянуть,

пока вы превзойдете всю эту премудрость... если законы васъ особенно прельщаютъ... если это ваше призваніе...

— Это было желаніе отца, и если бы мои условія были иныя, я могъ бы продолжать; но я не чувствую въ себѣ способностей къ юридической карьерѣ и не считаю возможнымъ тратить свои послѣднія крохи въ ожиданіи выгодъ отъ такого дѣла, въ успѣхѣ котораго я сомнѣваюсь.

— Ну, такъ вотъ, — началъ генераль, — еслибъ вамъ такъ хотѣлось продолжать вашу карьеру, я первый посовѣтовалъ бы вамъ ея держаться и помочь бы даже матеріально; но теперь... Я только-что думалъ о васъ и даже намѣревался самъ послать за вами... Вчера я получилъ письмо отъ моего стараго знакомаго, который живетъ въ графствѣ Фрилэндъ, Гомвилѣ; а зовутъ его Давидъ Гарумъ. Онъ проситъ меня рекомендовать ему кого-нибудь вмѣсто его кассира, которымъ онъ недоволенъ. Онъ вообще странный человѣкъ... Да вотъ его письмо, — прочтите!

Прежде всего, этотъ „странный человѣкъ“ писалъ, что ему хотѣлось бы имѣть служащаго, не причастнаго къ мѣстнымъ деревенскимъ интересамъ, т.-е. такого, чтобъ онъ не зналъ всѣхъ и каждаго на деревнѣ, отъ мала до велика, и не „резвонилъ бы направо и налево“. — „Мнѣ надо бы такого человѣка, который зналъ бы кое-что по счетоводству, но я не буду настаивать на томъ, чтобы за нимъ былъ долгодѣтній опытъ и строгая выучка. Я, въ сущности, предпочитаю, чтобы онъ всему научился прямо отъ меня; а если онъ будетъ молодой, старательный, положительный и безъ пороковъ, — я могу вывести его въ люди. Для начала я дамъ ему тысячу долларовъ; а если окажется, что онъ хорошо считаетъ и успѣшно исполняетъ порученія и разъѣзды, — можетъ быть, дамъ и больше, постепенно“.

Джонъ Леноксъ возвратилъ генералу письмо Давида, и его улыбка отразилась на лицѣ у Вульсея.

— Ну, какъ вамъ кажется? — спросилъ послѣдній.

— Мнѣ кажется, это чрезвычайно характерно.

— Да; какъ видите, онъ пишетъ хорошо и на правильномъ англійскомъ языкѣ; а говорить обыкновенно, по привычкѣ, или по своей доброй волѣ, на самомъ грубомъ нарѣчій... Но я хотѣлъ бы знать, что вы думаете объ этомъ предложеніи?

— Какъ о мѣстѣ для меня?

— Да; я сразу же о васъ подумалъ.

— Весьма вамъ благодаренъ. Но какъ вы посовѣтуете поступить?

— Я бы на вашемъ мѣстѣ тотчасъ написалъ ему; и отъ

себя я тоже напишу, если вы такъ рѣшите. Опытность у васъ нѣкоторая есть, и этого довольно для начала; а его счета и книги вести, я думаю, не слишкомъ сложное дѣло... Конечно, для васъ будетъ чувствительна переѣзна города на деревню; вамъ покажется сначала тяжело и скучно, но зато—вознагражденіе для такой мѣстности, гдѣ вамъ придется мало тратить, весьма значительное. Гомвиль разрастается, а Давидъ Гарумъ—человѣкъ основательный и зажиточный, и если вы съ нимъ поладите,—вамъ будетъ хорошо.

— Не думаю, чтобы мнѣ было хуже тамъ, чѣмъ здѣсь. Но уѣхать—будетъ для меня то же, что сжечь за собою корабли.

— А если бы вамъ этотъ опытъ не удался, рассчитывайте на меня: я сдѣлаю для васъ все, что могу, и постараюсь прискаты вамъ что-нибудь другое.

— Вы чрезвычайно добры, сэръ!—съ глубокимъ чувствомъ проговорилъ Джонъ и, помолчавъ съ минуту, прибавилъ:—Да, я попробую и—еще разъ, благодарю.

— Васъ никакія обязательства не связываютъ съ конторой?

— Нѣтъ, сэръ; не думаю!—засмѣялся Джонъ.—И безъ меня, пожалуй, они ваъ-нибудь обойдутся.

VI.

Итакъ, послѣ обмѣна письмами, о которыхъ говорилось въ самомъ началѣ нашего разсказа, въ дождливый день въ первыхъ числахъ ноября, послѣ девятичасового путешествія въ вагонѣ, Джонъ Леноксъ очутился на платформѣ станціи Гомвиль.

Онъ стоялъ подъ дождемъ, не выпуская изъ рукъ своего сага и зонтика, и недоумѣвалъ:—что дальше предпринять? Вдругъ въ нему подошелъ какой-то приземистый, черноглазый субъектъ съ нетвердой походкой и съ круглымъ лицомъ, которое было бы безбородымъ, если бы оно было выбрито дня два тому назадъ.

— Ъдете въ деревню?

— Да; я дѣйствительно туда собрался, но не знаю, какъ я доберусь туда?

— Я васъ свезу за десять центовъ. А багажъ есть?

— Два мѣста.

— Все вмѣстѣ—тридцать центовъ. Квитанціи? А, вотъ онѣ... Можете идти и садиться. Мой рыдванъ—единственный, который выѣхалъ сегодня на станцію.

Этотъ рыдванъ былъ продолговатое, неуклюжее сооруженіе съ окнами и дверью на одномъ, съ козлами на другомъ концѣ. По бокамъ оно было бы совсѣмъ открыто, еслибы не занавѣски изъ синяго холста, которыя пристегивались въ подпоркамъ, поддерживавшимъ верхъ экипажа; въ свою очередь, этотъ верхъ выступалъ надъ отверстіями и предохранялъ пассажировъ отъ дождя и солнца.

Багажъ подняли наверхъ. Джонъ вошелъ въ рыдванъ и сѣлъ у одного изъ лицевыхъ оконъ. Лошади тронулись шагкомъ. Скорѣе нельзя было ѣхать по неровной и болотистой дорогѣ, которая мѣстами была тѣмъ хуже, чѣмъ усерднѣе ее чинили. Эта починка выражалась въ первобытномъ способѣ моченія дороги: наваливали кучу мусора и щебня и предоставляли лошадямъ и экипажамъ до тѣхъ поръ укатывать ее, куда она не сравняется съ землею. Надо замѣтить, впрочемъ, что если ширина дороги позволяла, экипажъ объѣзжалъ злополучную кучу, предоставляя ей самой умяться.

Когда, наконецъ, трудная часть дороги миновала, возница воспользовался первымъ же случаемъ, чтобы оглянуться на своего пассажира и проговорить:

— Я вѣдь пожалуй, въ первый разъ васъ вижу?

— Весьма возможно,—согласился Джонъ, не распространяясь, и м-ръ Робинсонъ вывелъ заключеніе, что онъ вѣрно— „выскачка“. Но это его не смутило.

— Мнѣ Тимсонъ говорилъ, что изъ Нью-Йорка прійдетъ господинъ служить у Дава, въ банкѣ. Вѣрно, этотъ самый господинъ вы и есть?

На этотъ разъ—усталый и голодный, Джонъ вовсе не отвѣтилъ. Догадка возницы подтвердилась.

— А мое имя—Робинсонъ!—сообщилъ онъ, не смущаясь.— Мой *выздѣ* самый лучший въ Гомвилѣ.

— А!..—отозвался пассажиръ.

— Какъ, вы сказали, васъ зовутъ?

— Леноксъ,—произнесъ Джонъ:—но я не помню, —развѣ я вамъ себя еще не назвалъ?

— Теперь-то, какъ подумаю, я тоже не припомню; и врядъ ли я знавалъ кого другого изъ однофамильцевъ вашихъ. Прежде я зналъ когда-то господъ Линчъ, но они, я думаю, не могли быть вамъ сродни... Ну ты, подымайся! чортъ тебя подери! —крикнулъ онъ вдругъ на лошадь, которая спотынулась, дернулъ ее посылнѣе и вытянулъ бичомъ.—Давъ Гарумъ продалъ мнѣ ее. И другую тоже. Ну, и попался же я съ ними!

— Вы, значить, знаете м-ра Гарума? — спросил Леноксъ съ нѣкоторымъ любопытствомъ. — Развѣ онъ торгуетъ лошадьми?

— Ну, еще бы мнѣ его не знать? Да онъ вамъ ночью каждую минуту готовъ вскочить съ постели, лишь бы повыгоднѣе купить или продать лошадку. А вы что? Будете на него работать? Вы, значить, на мѣсто Тимсона?

— Я никакого Тимсона не знаю! — возразилъ Джонъ, да такимъ тономъ, который окончательно убѣдилъ Робинсона въ справедливости его предположенія, что онъ имѣетъ дѣло съ „высочкой“.

— Это тотъ, котораго Давъ отпускаетъ; онъ служилъ въ банкѣ лѣтъ пять или шесть, но Давъ набросился на него за какіе-то пустяки и отпустилъ на всѣ четыре стороны! Онъ говоритъ: — „Если, говорить, тотъ, что прійдетъ изъ Нью-Йорка (или откуда тамъ ни на есть!) — воображаетъ, что онъ можетъ работой своей угодить Давиду, — онъ самъ себя надуваетъ! Лучше ужъ онъ пусть, говорить, не распаковываетъ чемодана, а держитъ его наготовѣ“, — это Тимсонъ говоритъ.

Не особенно ободрительно подѣйствовали такіа слова на нашего друга Джона, который невольно подумалъ: „Можетъ быть, Тимсонъ и не совсѣмъ неправъ“?

— А гдѣ вы остановитесь? — не дождавшись ни слова отъ своего пассажира, проговорилъ словоохотливый возница.

— А развѣ у васъ много гостинницъ?

— У насъ есть гостинница „Орель“, „Озерная“ и „Смитова“, — возразилъ тотъ.

— Которую же изъ нихъ вы мнѣ рекомендуете?

— Ну, я обыкновенно не хвалю ни ту, ни другую. Мнѣ, видите ли, приходится съ ними со всѣми имѣть дѣло.

— Весьма дипломатично съ вашей стороны, — замѣтилъ Джонъ. — Я думаю отправиться въ „Орель“.

Джонъ отодвинулся въ глубь экипажа, въ дальній его конецъ, и, безъ дальнѣйшихъ разглагольствованій Робинсона, экипажъ доватился до крыльца гостинницы „Орель“.

Это было деревянное трехэтажное строеніе, во всю длину котораго по фасаду тянулась крытая веранда, откуда двѣ двери вели внутрь дома: одна — въ большую залу, другая — въ ресторанъ съ конторой. Сваливъ багажъ своего пассажира, м-ръ Робинсонъ получилъ, сколько полагалось, и удалился, а вновь прибывшій вошелъ въ контору.

За прилавкомъ противъ двери возвышалась высокая и узкая конторка, а на противоположномъ концѣ — стеклянный ящикъ,

въ которомъ, какъ потерянные, лежали три-четыре неполныхъ ящика сигаръ съ откинутыми крышками, пестро украшенными внутри. За конторкой стоялъ самъ хозяинъ,—онъ же и буфетчикъ, и управляющій, и кассиръ... и все на свѣтѣ. Звали его Амось Эльрайтъ; онъ разговаривалъ съ тремя или четырьмя лѣнтями, которые небрежно развалились на своихъ стульяхъ, откинутыхъ назадъ къ стѣнѣ.

Если взятъ описывать наружность м-ра Эльрайта, его пришлось бы величать лысымъ толстякомъ; его унылому лицу прибавляли уныніа бакенбарды, а рубашка и воротнички ясно указывали на то, что на ночь онъ не имѣлъ обыкновенія мѣнять бѣлье. Куртка его была безпощадно замазана, а въ грязный и весь жирный галстухъ въ видѣ украшенія была воткнута булавка съ драгоценнымъ камнемъ, который не имѣлъ даже претензіи казаться настоящимъ. Въ тотъ моментъ, когда Джонъ вошелъ, одинъ изъ присутствующихъ говорилъ хозяину:

— Знаешь что, Амъ? Въ этой послѣдней партіи сигаръ, больше подожжено капустнаго листа, чѣмъ въ прежнихъ.

Появленіе незнакомца помогло Эльрайту избѣжать отвѣта.

— Комнату? Комнату мы, пожалуй, вамъ дадимъ,—сказалъ онъ Леноксу.—А пока, если угодно, можете расписаться въ книгѣ. Куда это она, дурацкая, запропастилась? Я ее видѣлъ на прошлой недѣлѣ. Ахъ, вотъ она!—воскликнулъ онъ, вытаскивая книгу изъ-подъ конторки и раскрывая ее; она была разлинована, какъ для счетовъ.—Мы ее не всегда употребляемъ,—прибавилъ хозяинъ.

Впрочемъ, это поясненіе было излишне въ виду того, что послѣдняя запись была сдѣлана мѣсяць тому назадъ,—изъ чего Джонъ и заключилъ, что ему не было совершенно никакой необходимости расписываться.

— Мнѣ бы хотѣлось чего-нибудь поѣсть,—замѣтилъ онъ:—а пока я пойду къ себѣ въ комнату. Нельзя ли вещи мои свести наверхъ?

— Да,—проговорилъ м-ръ Эльрайтъ, поглядывая на часы, которые показывали половину десятаго, и почесывая смущенно подбородокъ:—вѣдь ужинать кончили довольно ужъ давно.

— Мнѣ многого не надо,—возразилъ пріѣзжій.—Только бы кусочекъ мяса съ картофелемъ, да парочку яицъ, да кофе...

— Боюсь, что не могу предложить вамъ мяса,—признался хозяинъ.—Послѣ обѣда мы не много стряпаемъ, да и огня ужъ вѣрно больше нѣтъ. Можетъ быть, я вамъ гдѣ-нибудь откопаю кусокъ пирога... или... или чего-нибудь такого...—говорилъ онъ,

повидимому, сомнѣваясь въ успѣхѣ, но все-таки потянулся за влючомъ, висѣвшимъ на крючкѣ на стѣнкѣ, зажегъ небольшую керосиновую лампочку и, волоча ноги, выползъ изъ-за своей засады.

— А ну-ка, Биль, не можешь ли ты, вмѣстѣ съ Дикомъ, снести наверхъ чемоданы въ номеръ тринадцатый?—Тѣ согласились, и, передавъ имъ ключъ и лампочку, хозяинъ удалился.

Биль и Дикъ взялись по концамъ за одинъ изъ чемодановъ и двинулись вверхъ по лѣстницѣ; Джонъ послѣдовалъ за ними.

Когда второй сундукъ былъ водворенъ на мѣстѣ, онъ запустилъ пальцы въ жилетный карманъ...

— Нѣтъ, не надо! — остановилъ его Дикъ. — Мы сдѣлали это въ любезность Аму.

— Но все-таки я вамъ очень благодаренъ.

— Ничего, ничего, — повторилъ Дикъ, и они удалились.

Оставшись одинъ, Джонъ оглядѣлся.

На улицу выходили два небольшихъ окна съ мелкими стеклами и съ огнецвѣтными ситцевыми занавѣсками. Близъ одного изъ нихъ — печка и ящикъ для дровъ, въ которомъ валялись какія-то щепки и обломки и куски коры; маленький комодъ, исправляющій должность умывальника; простой деревянный стулъ, желтая деревянная кровать, снабженная тюфякомъ „эксельсиоръ“, рассчитаннымъ на то, чтобы приучать жильца вставать пораньше. На тюфякѣ — грязноватое покрывало, грубое сѣрое шерстяное одѣяло и пара бумажныхъ простынь, которыя, очевидно, уже были въ употребленіи послѣ того, какъ вышли изъ рукъ прачки; парочка такихъ же неопрятныхъ, плоскихъ подушекъ. На узкой сосновой дощечкѣ торчали шесть или семь деревянныхъ крюковъ, которые должны были замѣнять платяной швафъ; два короткихъ полотенца съ красными каймами висѣли надъ помятымъ жестянымъ рукомойникомъ безъ крышки... Вотъ и все убранство.

— Ну, ужъ трущоба, нечего сказать! — воскликнулъ Джонъ, умываясь, но не дотрогиваясь до мыла подозрительнаго вида.

Въ дверь постучали. Хозяинъ доложилъ, что все готово, и просилъ гостя перейти въ „столовую“, довольно большую, но узкую комнату, съ длиннымъ столомъ, выступавшимъ на середину. На немъ была скатерть, служившая уже не разъ; на другомъ столѣ, стоявшемъ вдоль стѣны, не было ничего.

Нападенія м-ра Эльрайта на буфетъ дали въ результатѣ трехугольный кусокъ очень древняго пирога съ яблоками, три пышки, нѣсколько обломковъ мягкаго бѣлаго сыра и такъ-называемыхъ „устрицъ“ или „сушекъ“.

— Чаю я вамъ не могъ достать, — объявилъ онъ. — Дѣвушки-подоенницы разошлись по домамъ, жена легла спать, и нигдѣ нѣтъ огня.

— Я полагаю, можно достать пива? — несовсѣмъ увѣренно предложилъ Джонъ.

— Мы не держимъ элю, — сказала владѣлецъ „Орла“. — Я какъ разъ собираюсь выписать его.

— Ну, стаканъ молова? — съ возрастающимъ сомнѣніемъ сказалъ пріѣзжій.

— Молочникъ сегодня не былъ.

Джонъ попробовалъ проглотить пару пышекъ, нѣсколько сухекъ и немножко сыру; затѣмъ забралъ съ собой наверхъ кувшинъ съ водою, оставшійся на столѣ послѣ ужина, и приготовился лечь спать. Но, приподнявъ простыни, которыя онъ хотѣлъ замѣнить своими, увидаль, что лучше вовсе ихъ не трогать съ мѣста, и твердо рѣшилъ, что на вторую ночь „Орелъ“ не увидитъ его и слѣда.

Послѣ того, какъ Диеъ и Биль „оказали услугу“ Аму, они оба подошли къ конторкѣ и заглянули въ книгу.

— Чортъ возьми! Онъ вѣдь такъ и не росписался! — вскричалъ Биль.

— Да, но все-таки довольно легко догадаться, что онъ за штука.

— Что-жъ, какой-нибудь вербовщикъ...

— Нѣтъ! Что ему тутъ дѣлать въ это время года? Это тотъ самый Ленесъ или Линксъ (что-то не припомню!), который займетъ мѣсто Тимсона... Мнѣ самъ Давъ сказалъ.

— А! Такъ это онъ и есть? Недолго погостить онъ здѣсь, надо полагать; а Давъ ужъ постарается устроить такъ, что ему будетъ хорошо... Замѣтилъ ты, какую рожу скорчилъ Амъ, когда тотъ объявилъ, что многого ему не надо? Только кусочекъ мяса, да картофелю, яицъ да чаю, да кофе! Я думалъ, что лопну отъ смѣха.

— Да, — смѣясь, подхватилъ Диеъ. — Эй, Амъ! — окликнулъ онъ пріятеля: — устроилъ ты своего принца Валлійскаго на славу? Небось, зарѣзалъ для него соленого слона, котораго ты получилъ на прошлой недѣлѣ!

— Вотъ еще! Ни слона, ни коровы я не рѣзалъ, не обижалъ и насѣдки; но до утра, пожалуй, онъ съ голоду не умретъ... — пробурчалъ Амосъ и въ то же время закрылъ печи и отдушины.

— Я полагаю, это должно значить: — „Убирайтесь!“? — слѣдя за нимъ глазами, говорилъ Биль.

— Ну, я вижу, у васъ, друзья, есть время разсѣживать тутъ и болтать,—а я съ своей стороны уйду спать!

Такая не деликатная и обидная выходка не была принята въ обиду. Дивъ даже разсмѣялся.

— Ну-ка, Амъ! Дай намъ выпить, прежде чѣмъ мы успѣемъ пролить слезы разлуки!

Это предложеніе не было отвергнуто м-ромъ Эльрайтомъ; но онъ все-таки считалъ своимъ долгомъ поддаться не сразу:

— Ну, хорошо!... На этотъ разъ,—возразилъ онъ, уходя за прилавокъ и вынося оттуда стаканы и бутылку:—я ничего вамъ не скажу... А только я вообще замѣтилъ, что людямъ куда какъ легче и пріятнѣе „тянуть“ что-либо изъ другихъ, чѣмъ дать изъ себя „вытянуть“ хоть что-нибудь.

Въ девять часовъ утра Джонъ явился въ контору банка, хозяиномъ котораго былъ Давидъ Гарумъ. Банкъ занималъ нижній этажъ и состоялъ, собственно говоря, изъ самой конторы и такъ-называемой „пріемной“, то-есть второй комнаты, гдѣ вмѣсто большихъ конторокъ и кассъ была только одна собственная конторка Давида и небольшой несгораемый шкафъ, нѣсколько стульевъ, кушетка и большая „франклинова“ печь.

Входя, Джонъ тотчасъ же увидалъ за открытой большой конторкой, прямо противъ двери, нѣкоего господина, въ которомъ тотчасъ же призналъ Честера Тимсона. Эта замѣчательная личность не тотчасъ отвѣчала на привѣтствіе вошедшаго: — „здравствуйте“,—а вмѣсто того спросила, предупреждая его вопросъ:

— Вы къ Даву?

— Да, я къ м-ру Гаруму. Онъ въ конторѣ?

— Нѣтъ, еще не пришелъ, но скоро будетъ... съ минуты на минуту!

Дѣла еще не совсѣмъ бойко шли, несмотря на то, что банкъ уже былъ открытъ; но не успѣлъ Джонъ усѣсться въ „пріемной“, какъ Тимсонъ ужъ опять вернулся къ нему и, поставивъ себѣ стулъ передъ дверью, чтобъ ему видно было, если кто войдетъ въ контору, молча окинулъ Джона проницательнымъ взглядомъ.

— Я думаю, вы тотъ новый служащій, котораго Давъ написалъ изъ Нью-Йорка?

— Я пріѣхалъ вчера.

— Моя фамилія Тимсонъ,—объявилъ Честеръ.

— Очень радъ васъ видѣть,—проговорилъ Джонъ, вставая

и пожимая ему руку.—А моя—Леноксъ...—Собственно, Джонъ пожалъ сунутые ему четыре пальца. Усѣвшись по мѣстамъ, оба умогли, и Тимсонъ, поводя своими свинцовыми глазами, продолжалъ допросъ:

— Вы жили всегда въ столицѣ?

— Тамъ я былъ у себя дома.

— И какъ это вамъ въ голову пришло сюда прїѣхать?

— Я здѣсь по предложенію м-ра Гарума.

— Вы знаете Дава?

— Никогда съ нимъ не встрѣчался...

М-ръ Тимсонъ окончательно изумился.

— А вы когда-нибудь занимались счетоводнымъ дѣломъ?

— Мнѣ приходилось имѣть дѣло съ такими счетами вообще.

— И вели книги?

— Лишь въ той мѣрѣ, какъ я вамъ уже говорилъ.

— Имѣете какое-либо представленіе о томъ, что вамъ придется дѣлать здѣсь?

— Такъ только, вообще.

— Ну, такъ вотъ что я вамъ скажу и—что еще важнѣе—это я вамъ скажу: вы и вообразить себѣ не можете, молодой человѣкъ, что вы берете на себя, и—вотъ увидите!—не я буду, если вы не захотите тотчасъ же опять въ Нью-Йоркъ.

— Весьма возможно,—согласился Джонъ, припоминая свое пребываніе въ „Орлѣ“.

— Да, сэръ! Если вамъ придется дѣлать то, что *мнѣ* приходилось, значитъ, вамъ придется дѣлать *тщательно все!* И на помощь вамъ не будетъ никого, кромѣ Пила Гопкинса; а тотъ не стоитъ пригоршни изломанныхъ булавокъ. Что же касается самого Давида, — сдѣлавъ выразительное движеніе рукою, прибавилъ Тимсонъ, — онъ знаетъ столько же толку въ счетоводствѣ, сколько любой котъ: ему до тысячи въ цѣлый часъ не счесть, а подвести итоги—для него дѣло недостижимое...

— Долженъ же онъ понимать содержаніе своихъ книгъ и счетовъ?—замѣтилъ Джонъ.

— Ну, этого кто не сдумаетъ? Это еще легко; но все остальное,—какъ говорится, *настоящее* дѣло—лежало на мнѣ. Минутки роздыха не было у меня! Нѣтъ, сэръ! Давъ не даетъ себѣ труда позаботиться о своемъ же дѣлѣ; единственно, за чѣмъ онъ смотритъ, такъ это еще за тѣмъ, чтобъ его должники выплачивали ему аккуратно. Ну, а я человѣкъ такой, что люблю, чтобы мнѣ отвѣчали, если я спрашиваю: „Такъ ли мнѣ это надо сдѣлать, или этакъ? Надо ли что сдѣлать, или нѣтъ?“ Тогда на

него, одинаково со мною, падаетъ отвѣтственность, если что у меня неудачно выйдетъ.

— Вѣроятно, вамъ же приходилось вести и его личные расходы?—спросилъ Ленокъ.

— Ну, нѣтъ,—нѣсколько смущенно возразилъ Четь.—Онъ, вѣроятно, уже самъ какъ-нибудь справляется. Хотите, вѣрите мнѣ, хотите—нѣтъ, а только я не знаю ничего про его личные дѣла. Знаю, напримѣръ, что у него въ этомъ шкафу есть книги, а въ этомъ углубленіи—несгораемый шкафъ въ стѣнѣ; но что тамъ есть дѣйствительно внутри,—мнѣ никогда не удавалось видѣть. А скрытенъ онъ до того, что нѣтъ его скрытнѣе. Вѣчно ротъ у него на запорѣ, и, вѣжета, молнія въ нему въ ротъ влети, такъ и та далеко не уйдетъ. А между тѣмъ, захочетъ, такъ наговорить сколько угодно.

— Да, съ такимъ человѣкомъ должно быть трудно ладить,—сухо подтвердилъ Джонъ.

— Силъ моихъ не было долше терпѣть!—продолжалъ м-ръ Тимсонъ съ такимъ видомъ, словно добродѣтелями его слишкомъ злоупотребляли.—Вотъ я и говорю ему на дняхъ:—„Ну, знаете, если я не могу вамъ угодить, такъ, можетъ быть, вы сами себѣ лучше угодите?“

— А!.. Ну, и что же онъ сказалъ на это?

— Онъ спросилъ меня, не означаютъ ли мои слова, что я хочу бросить его мѣсто?—„Что-жъ, отвѣчалъ я:—мнѣ ужъ давно пора бросить. Усталъ я терпѣть и во всемъ всегда быть виноватымъ“.

— Ну, и что же?—спросилъ Джонъ, хорошо зная, что желаніе разстаться явилось не съ его стороны.

— Н-ну...—уже не такъ увѣренно продолжалъ Четь:—онъ мнѣ сказалъ что-то такое... въ родѣ того, что мнѣ, „конечно, необходимо болѣе широкое поле дѣятельности“, и что, по его мнѣнію, мнѣ будетъ лучше служить въ болѣе обширной мѣстности... Ну, словомъ, нѣчто въ духѣ его „лошадиныхъ“ разговоровъ. Онъ, знаете, увлекается лошадьми, и съ большимъ удовольствіемъ наживетъ десять долларовъ на конскомъ торгѣ, чѣмъ тысячу—на своихъ банковыхъ дѣлахъ. Часто, бывало, спросишь у него что-нибудь нужное, а онъ и не отвѣтитъ,—будто меня совсѣмъ не существуетъ,—и будетъ продолжать свое болтанье о лошадяхъ...

— Очень радъ, что вы не можете питать ко мнѣ враждебнаго чувства,—замѣтилъ Джонъ:—вы сами пожелали оставить это мѣсто.

— Да, да! И не могу питать, и не питаю,—довольно смущенно согласился Тимсонъ.—Все равно, не вы, такъ кто-нибудь другой. А узнавъ васъ... Впрочемъ, мнѣ, кажется, пора: Давъ можетъ сюда явиться съ минуты на минуту. Только позвольте на прощанье дать вамъ добрый совѣтъ, — отложите деньги на обратный путь: онѣ вамъ могутъ пригодиться и даже очень скоро!

Израсходовавъ свой послѣдній зарядъ, Тимсонъ счелъ благо-разумнымъ удалиться.

А. Б—г—.



НА ЗАКАТѢ

Моя душа спокойна и ясна—
Отражены въ ней образы былые,
Живыя тѣни, лица дорогія...
Такъ отражаетъ свѣтлая волна
Въ сіяніи зеркальнаго разлива
Склонившіяся къ ней родныя ивы...

И шелестъ волнъ, и трепетъ лозняка—
Затихло все вечернею порою...
Подъ темною прибрежною горою—
Вся свѣтлая—раскинулась рѣва...
Въ ней всплески рыбъ на солнцѣ серебрятся,
И вѣтки ивъ въ просторъ ея глядятся.

О, вѣтки кроткія!.. Лишь въ этотъ часъ
Васъ пожалѣло бурное теченье—
Въ часы заката вспомнило о васъ,
О позабытыхъ въ суетѣ волненья—
И лишь теперь разливъ спокойныхъ водъ
Вамъ свой привѣтъ и отзывъ мирный шлетъ.

Б. Никоновъ.



ПАРИЖСКИЙ АРХИВЪ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА

Война представляет грозное явление, могущественно влияющее на жизнь страны; историкъ не можетъ не удѣлить значительной части своего труда на изслѣдованіе какъ самаго факта войны, такъ и его послѣдствій.

Но если и нѣтъ войны, то все-таки постоянно существуютъ различныя явленія, неразрывно связанныя съ нею: государство содержитъ крѣпости, армію и т. под.; народонаселеніе несетъ воинскую повинность въ томъ или иномъ видѣ. Такимъ образомъ, и въ мирное время все-таки чувствуется, и при томъ весьма сильно, вліяніе военнаго дѣла на жизнь государства: такъ что историкъ, изображающій картину общества въ какой-либо періодъ времени, долженъ непременно изслѣдовать состояніе военнаго дѣла, хотя бы въ данное время и не происходило военныхъ дѣйствій.

Военные архивы даютъ для указанной цѣли богатый матеріаль.

Въ Петербургѣ въ Главномъ Штабѣ существуютъ два архива: Общій и Военно-Ученый. Первый содержитъ, преимущественно, свѣдѣнія по наличному составу войскъ съ начала прошлаго столѣтія: такъ называемыя полковыя сказки, послужные списки, разные отчеты, вѣдомости, представляемыя войсками, и т. п. Въ военно-ученомъ архивѣ хранятся матеріалы, имѣющіе специальное значеніе для военной исторіи: съемки, карты, планы, письменные документы, какъ русскіе, такъ и на иностранныхъ языкахъ. Всѣ эти документы, сообразно съ своимъ внутреннимъ

содержаніемъ, раздѣлены на отдѣлы; въ каждомъ отдѣлѣ имѣется особая опись и нумерація. Для занимающихся отечественной исторіей много интересныхъ матеріаловъ представляетъ 1-й отдѣлъ; напр., подлинный дневникъ Патрика Гордона; собственноручныя письма Петра Великаго къ Колычеву; свѣдѣнія о Пугачевскомъ бунтѣ; дѣла архива графа Румянцева-Задунайскаго; собственноручныя и другія бумаги великаго князя Павла Петровича; разные указы и рескрипты за подписью особъ императорской фамиліи; подлинныя письма императоровъ Александра I и Николая I къ разнымъ лицамъ и мн. др.

Второй отдѣлъ, наиболѣе богатый, содержитъ свѣдѣнія о войнахъ, въ которыхъ принимали участіе русскія войска, начиная съ царствованія Петра Великаго и до послѣдней русско-турецкой войны 1877—78 г. включительно; донесенія главнокомандовавшихъ, рапорты и записки частныхъ начальниковъ, планы военныхъ дѣйствій, реляціи, военные журналы, инструкціи и т. п. Прочіе отдѣлы содержатъ тоже множество разнообразныхъ свѣдѣній, какъ о Россіи, такъ и объ иностранныхъ государствахъ. Кромѣ того, въ Военно-Ученомъ архивѣ имѣется особый отдѣлъ, называемый *секретнымъ*.

Занятія въ архивѣ допускаются съ разрѣшенія начальника Главнаго Штаба.

Въ Москвѣ, въ Лефортовскомъ дворцѣ, находится отдѣленіе архива Главнаго Штаба, заключающее въ себѣ настоящія сокровища для русскаго историка.

Высокій интересъ имѣютъ матеріалы, хранящіеся въ архивѣ канцеляріи военнаго министерства.

Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы наши архивы содержались въ удовлетворительномъ порядкѣ: не только матеріалъ не вполне описанъ, но даже частью и не разобранъ, такъ что во многихъ связкахъ неизвѣстно, что именно тамъ находится.

По исторіи нашего флота важнѣйшія свѣдѣнія находятся въ архивѣ морского министерства, помѣщаемомъ въ зданіи с.-петербургскаго Адмиралтейства.

Несмотря на богатства петербургскихъ и московскихъ архивовъ, нельзя по однимъ находящимся тамъ матеріаламъ изслѣдовать войны русскихъ или состояніе военнаго дѣла въ Россіи въ данное время, потому что изслѣдованіе это будетъ односторонне. Чтобы освѣтить вполне военныя дѣйствія, надо ознакомиться также и съ дѣйствіями противной стороны, т.-е. надо разобрать и архивы противника.

Для русскихъ очень важно знакомство съ французскими

архивами. Если иногда французы и не были нашими противниками во время войны, то во всякомъ случаѣ въ ихъ архивахъ есть данныя, или вообще извѣстія, о русской жизни, русской политикѣ и даже о военныхъ дѣйствіяхъ.

Въ Парижѣ въ обширныхъ хранилищахъ — „Bibliothèque Nationale“ (rue Richelieu, 58) и Archives Nationales—всегда работаетъ довольно много русскихъ ученыхъ. Нѣкоторые русскіе работники увлекаются французскими архивами до такой степени, что изслѣдуютъ не только архивы парижскіе, но даже провинціальныя. Правда, работы ихъ не относятся къ русской исторіи. Напр., одинъ кievскій профессоръ ѣздилъ по провинціальнымъ архивамъ и производилъ изслѣдованія—о мелкой земельной собственности во Франціи.

Въ парижскомъ архивѣ Генеральнаго Штаба (помѣщается въ военномъ министерствѣ, Boulevard St. Germain) русскіе еще почти не работали; а между тѣмъ тамъ находятся настоящія сокровища XIX и XVIII столѣтія въ полномъ порядкѣ, и много есть еще матеріаловъ, относящихся и къ XVII-му столѣтію. Забѣдующій архивомъ прямо заявляетъ, что, начиная съ Людовика XIV-го, они могутъ дать свѣдѣнія чуть не о каждомъ солдатѣ французской арміи. Многіе французскіе писатели постоянно посѣщаютъ архивъ Генеральнаго Штаба и извлекаютъ оттуда разные документы. Такъ, Вандаль и Анри Уссе (Henry Houssaye) нерѣдко свои поэтическія произведенія черпаютъ изъ документовъ парижскаго архива Генеральнаго Штаба. Капитальный трудъ Шюкэ (Chuquet), относящійся ко временамъ французской революціи, также вынесенъ изъ документовъ этого архива.

Въ 1898 году, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, мнѣ пришлось работать въ парижскомъ архивѣ Генеральнаго Штаба по матеріаламъ о военныхъ дѣйствіяхъ Суворова въ Италіи и Швейцаріи въ 1799 г., и мнѣ хотѣлось бы подѣлиться тѣми впечатлѣніями, которыя я вынесъ оттуда.

Залы хотя не велики, но расположены очень удобно. Въ нихъ—этажерки для дѣлъ. Этажерки эти не представляютъ никакой роскоши, даже не покрашены; но на нихъ всѣ картонны размѣщены чрезвычайно удобно. Въ архивѣ имѣются документы о всѣхъ войнахъ, веденныхъ Франціей, начиная съ Людовика XIV. Кромѣ того, отдѣльно собраны документы по разнымъ предметамъ. Особые картонны относятся къ крѣпостямъ, къ администраціи, къ жандармеріи; отдѣльно переплетены королевскія письма и прочіе матеріалы въ такомъ родѣ.

Типъ распредѣленія матеріаловъ слѣдующій: прежде всего, они распредѣляются по полкамъ. Такимъ образомъ, напр., отдѣльная полка относится къ кампаніи 1799 г. Затѣмъ, въ каждой войнѣ документы распредѣляются по арміямъ, если ихъ было нѣсколько. Такъ, въ кампаніи 1799 г., отдѣльные картонны относятся къ арміямъ итальянской и неаполитанской, документы войскъ соединены вмѣстѣ, такъ какъ въ іюлѣ 1799 г. и самыя арміи соединились въ одно цѣлое; отдѣльные картонны—къ арміи альпійской, дунайской, рейнской и батавской.

Кромѣ такого распредѣленія, имѣются еще отдѣльные такъ называемыя *регистры* (*régistres*) съ документами, относящимися къ какому-нибудь лицу, гдѣ собрана переписка этого историческаго дѣятеля.

Во французскомъ военномъ архивѣ различаются три рода документовъ: 1) *Correspondences*, 2) *Mémoires*, и затѣмъ 3) *Situations*.

Correspondences—заключаютъ въ себѣ различныя предписанія, реляціи, донесенія, приказы, диспозиціи. Все это распределено по мѣсяцамъ. На каждый мѣсяць полагается отдѣльный картонъ. Въ каждомъ картонѣ всякому дню соотвѣтствуетъ отдѣльная папка, въ которую подложены документы, помѣченные этимъ числомъ. Такимъ образомъ, пользованіе подобными папками очень удобно. Пересмотрѣвъ цѣлый картонъ, вы желаете, напр., снять копіи съ нѣсколькихъ документовъ—вы можете выбрать эти документы изъ множества папокъ, сложить ихъ въ отдѣльную кучку и тогда приступить къ перепискѣ. Разложить ихъ назадъ по папкамъ также очень легко и просто. Нѣкоторые документы заключены въ переплеты, и тогда пользованіе ими менѣе удобно. То обстоятельство, что документы разложены по соотвѣтствующимъ числамъ—очень выгодно для отыскиванія ихъ; но нужно сказать, что оно нѣсколько нарушаетъ цѣльность впечатлѣнія, потому что въ папкѣ помѣщены документы, которые были въ рукахъ у историческаго дѣятеля въ разное время. Напр., положимъ, какой-нибудь приказъ директоріи, посланный изъ Парижа такого-то числа, приходитъ къ главнокомандующему арміей значительно позже. Между тѣмъ, онъ помѣщенъ въ ту папку, въ которой заключены документы, относящіеся къ этому дѣятелю, и къ числу которыхъ помѣчена бумага директоріи. Выходитъ, что документъ въ это число какъ будто бы уже былъ у полководца, тогда какъ бумага только-что еще отправлялась изъ Парижа. Историкъ можетъ получить такое впечатлѣніе, какъ будто полководецъ дѣлалъ свои распоря-

женія, уже имѣя въ рукахъ предписаніе директоріи, и распоряженія эти, весьма возможно, не согласуются съ предписаніемъ директоріи, которое на самомъ дѣлѣ было получено имъ значительно позже.

Въ папкахъ заключаются частью—и даже большей частью—подлинныя документы, а частью копии. Если подлинники хранятся въ другихъ архивахъ, то французы заботливо сняли копии и подложили въ свои мѣста. Каждому документу имѣются объяснительные бюллетени, въ которыхъ описано содержаніе документовъ и сдѣланы различныя помѣтки,—такъ, напр., даты революціоннаго календаря переведены на календарь общій. Документы почти исключительно французскіе; но вмѣстѣ съ тѣмъ попадаются иногда и иностранныя. Такъ мнѣ попались документы, взятые французами въ канцеляріи русскаго главнокомандующаго въ Швейцаріи—Римскаго-Корсакова. Во время пораженія его войскъ, 14-го и 15-го сентября 1799 г., подъ Цюрихомъ, русская канцелярія была захвачена, и документы оказались въ рукахъ французовъ. Документы эти очень любопытны. Хотя въ нихъ собственно мало относящагося до военныхъ дѣйствій, но есть много писемъ разныхъ вліятельныхъ дамъ къ Римскому-Корсакову относительно ихъ родственниковъ, молодыхъ людей, которыхъ надо было такъ или иначе устроить. Любопытны также письма Костюшки, который занимался организаціей польскихъ вспомогательныхъ легионовъ для французской арміи, несмотря на то, что выпущенъ былъ изъ Петропавловской крѣпости императоромъ Павломъ на слово—не дѣйствовать противъ русскихъ. Всѣ эти документы сохраняются очень тщательно, и я не слышалъ, чтобы они когда-либо пропадали. Разъ только мнѣ встрѣтилась интересная помѣтка на бюллетенѣ (при которомъ не было документа), гласящая, что здѣсь долженъ лежать документъ, имѣющій отношеніе къ генералу Шереру, но бумага исчезла въ 1846 г., когда этотъ картонъ былъ переданъ на домъ сыну генерала. Изъ этого можно заключить, что, вѣроятно, сынъ генерала Шерера и похитилъ этотъ документъ. Когда я началъ разсматривать различныя документы, лежавшіе рядомъ, то увидалъ, что это было простое письмо, пасевилъ на генерала Шерера. Вотъ причина, почему его сынъ, вѣроятно, и похитилъ письмо.

Я обрисовалъ характеръ тѣхъ документовъ, которые лежатъ въ „Correspondences“.

Mémoires—это документы особаго типа. Мы можемъ ихъ назвать источниками второго сорта, потому что это не подлинныя документы, относящіеся къ такому-то времени, а здѣсь нахо-

дятся описанія событій, составленныя позднѣе, или рассказы о какихъ-нибудь эпизодахъ изъ войны, или переводы статей. Пользуясь подобными матеріалами, уже приходится положиться на добросовѣстность автора и вообще относиться къ нимъ—какъ къ какому-нибудь печатному сочиненію, какъ къ сводѣ документовъ, а не къ самымъ документамъ.

Что касается третьяго рода документовъ—Situations—то они представляютъ собою чрезвычайную важность. Это—то, что мы теперь называемъ мѣсячные рапорты. Они подавались отдѣльными начальниками по командѣ высшему начальству или отсылались въ директорію; въ 1799 г.—въ Парижъ. Это донесенія о состояніи армій. Тутъ можно узнать и численность арміи, потому что цифры приведены съ точностью до послѣдняго солдата. Тутъ же мы узнаемъ составъ арміи по полкамъ; узнаемъ личный составъ начальствующаго персонала. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ такомъ рапорту прикладываются еще рассказы о всѣхъ передвиженіяхъ, которыя производили войска, иногда цѣлыя реляціи о сраженіяхъ. Такъ что эти описанія, составленныя самими дѣйствующими лицами, хотя и послѣ совершенія событій, являются первоисточниками для изученія фактовъ.

Парижскій архивъ Генеральнаго Штаба не особенно великъ, но содержится въ очень хорошемъ порядкѣ; полагаю, что не описаннаго матеріала тамъ вовсе не существуетъ. Конечно, можетъ оказаться одна, другая тетрадь, завалившаяся гдѣ-нибудь, но это—чистая случайность. Въ этомъ отношеніи парижскій архивъ Генеральнаго Штаба имѣетъ большое преимущество передъ другими, гораздо болѣе обширными архивами, напр. венеціанскимъ и ватиканскимъ, превосходя устроенными, но гдѣ все-таки остается еще много матеріала неизвѣстнаго.

Точно такъ же, мнѣ вѣжется, въ парижскомъ архивѣ Генеральнаго Штаба нѣтъ дурной привычки другихъ архивовъ—скрывать нѣкоторые матеріалы, дѣлать ихъ доступными далеко не всѣмъ. Искусившіяся въ архивной работѣ лица рассказываютъ, что не только въ ватиканскомъ архивѣ, гдѣ для доступа къ сокровищамъ надо обладать особой протекціей, но даже въ венеціанскомъ часто утаиваютъ документы отъ ученыхъ изслѣдователей. Такъ, однажды въ венеціанскомъ архивѣ открыли одну любопытную рукопись, касающуюся исторіи церкви въ XVIII столѣтіи. Въ это время въ архивѣ работалъ одинъ ученый изъ католическаго духовенства. Архивный чиновникъ, изъ мелкихъ, который кое-что переписывалъ ученому и зарабатывалъ отъ него порядочныя деньги, по секрету сообщилъ ему о рукописи. Не-

медленно тотъ далъ знать въ Римъ одному профессору, который сейчасъ же пріѣхалъ разработать находку. Подобныя уловки въ парижскомъ архивѣ Генеральнаго Штаба немислимы.

Отдѣльно отъ этого архива, но въ томъ же зданіи Главнаго Штаба находится бюро историческихъ картъ и плановъ, относящихся къ различнымъ войнамъ.

Карты и планы—тоже документы большой важности. Между прочимъ, тамъ я встрѣтилъ подлинную карту Наполеона I-го, по которой онъ работалъ во время своего похода въ 1812 г. въ Россію. Разумѣется, имѣя у себя ту карту, по которой дѣйствовалъ полководецъ, можно придти къ очень многимъ заключеніямъ по такимъ вопросамъ, какіе ускользаютъ при изученіи ихъ по другимъ документамъ.

Затѣмъ, въ этомъ же зданіи французскаго Главнаго Штаба находится очень много картинъ—всего тамъ до тысячи картинъ. Ихъ можно считать тоже за источники для военной исторіи, потому что картины писались такимъ образомъ: посылались офицеры генеральнаго штаба, вмѣстѣ съ художниками, на поля сраженій, чтобы художники могли снять именно ту самую мѣстность, на которой происходило дѣло, и уже послѣ этого живописцы рисовали картины, по указаніямъ изучившихъ событіе по документамъ и ознакомившихся съ дѣйствительной мѣстностью. Ясно, что, по крайней мѣрѣ относительно мѣстности, такая картина является документомъ. Впрочемъ, по справедливости слѣдуетъ сказать, что хотя французы выбирали для картинъ сюжеты, наиболѣе драгоцѣнныя для славы ихъ оружія, но противъ истины они не грѣшили, и картины не носятъ на себѣ характера той грубой тенденціозности, какую представляютъ нѣмецкія картины въ берлинскомъ цейхгаузѣ.

Французскія картины относятся ко времени революціонныхъ войнъ, ко времени наполеоновской имперіи, къ дѣйствіямъ въ Алжиріи, подъ Севастополемъ, въ Италіи въ 1859 г., въ Китаѣ въ 1860 г. Масса картинъ изъ времени войны съ нѣмцами въ 1870 г. и нѣсколько изображеній военныхъ дѣйствій въ Тунисѣ въ 1881-мъ году.

Кромѣ этихъ батальныхъ картинъ, есть виды монастырей, типы солдатъ и пр. Все это приведено въ порядке и занесено въ систематическій каталогъ, такъ что каждую картину отыскать очень легко.

Въ этомъ же зданіи помѣщается превосходнѣйшая военная бібліотека. Насколько она велика—можно судить по тому, что каталогъ состоитъ изъ трехъ довольно толстыхъ томовъ, по

600 страницъ, напечатанныхъ весьма убористо и заключающихъ только заглавія. Въ этой библиотекѣ находится масса весьма рѣдкихъ изданій. Въ особенности цѣнны изданія съ рисунками, по которымъ можно судить о формѣ одежды, вооруженіи, бытѣ и пр. войскъ въ разные эпохи.

Въ распоряженіи историческаго отдѣленія Главнаго Штаба, къ которому принадлежитъ и архивъ, имѣется фотографическій павильонъ, принадлежащій собственно топографической части Главнаго Штаба. Для историка, работающаго по документамъ, это также можетъ имѣть значеніе. Еслибъ, напр., онъ пожелалъ имѣть снимокъ съ какой-нибудь картины или плана, то фотографическій павильонъ—къ его услугамъ. Затѣмъ, иному можетъ быть интересно снять фотографію съ самаго документа, почему-нибудь особенно важнаго или оригинальнаго. Такъ, напр., мнѣ попались документы польскаго легіона, входившаго въ составъ французской арміи въ 1799 г. Въ заголовкѣ каждаго документа были очень оригинальные рисунки, и, конечно, ихъ было бы очень интересно снять фотографическимъ способомъ. Фотографическій павильонъ сдѣлалъ для меня нѣсколько превосходныхъ снимковъ картинъ изъ войны 1799 г.; работа истинно художественная съ точки зрѣнія искусства фотографіи.

Историческимъ отдѣленіемъ, входящимъ въ составъ Главнаго Штаба, завѣдываетъ подполковникъ Кребсъ—очень предприимчивый, энергичный и начитанный человекъ, притомъ весьма любезный, всегда готовый придти на помощь, если встрѣчается надобность.

Историческое отдѣленіе имѣетъ свою специальную задачу—занятія по историческимъ справкамъ, нужнымъ для военнаго министерства, но, кромѣ того, тамъ разрабатываются исторіи нѣкоторыхъ кампаній. Въ распоряженіи подполковника Кребса имѣется пять капитановъ, отлично образованныхъ, настоящихъ ученыхъ историковъ, которымъ онъ даетъ соотвѣтствующія занятія. Въ настоящее время они особенно заняты разработкой кампаніи перваго консула Бонапарта, 1800 г.; повидимому, ее готовятъ къ столѣтнему юбилею этого событія. Надо думать, что трудъ будетъ замѣчательный въ научномъ отношеніи.

Обыкновенно въ архивѣ Генеральнаго Штаба занимается очень много офицеровъ французскихъ войскъ; здѣсь они собираютъ свѣдѣнія, относящіяся до исторіи ихъ полковъ. Но, кромѣ того, французскіе ученые посѣщаютъ охотно архивъ для своихъ историческихъ трудовъ.

Собственно архивомъ завѣдываетъ французъ, m-r Martinien,—

человѣкъ, обладающій феноменальной памятью. Это—настоящая справочная книжка. Къ нему можно обратиться за разъясненіемъ любого вопроса, конечно соответствующаго уровню его познаній. Онъ можетъ доставить изумительные матеріалы—биографическіе, цифровые, относительно организаціи армии и пр. Все это сидитъ у него въ головѣ, и онъ безошибочно говоритъ всѣ цифры безъ какихъ-либо справокъ. Принимая въ соображеніе, что это человѣкъ очень точный и любознательный, онъ можетъ оказывать большую помощь изслѣдователю, занимающемуся въ архивѣ Генеральнаго Штаба.

Архивъ открытъ для занятій отъ 11-ти до 4-хъ часовъ дня. Въ этихъ часовъ—въ немъ заниматься нельзя. Залъ для занятій очень удобный, но не очень большой. Онъ сплошь заставленъ небольшими столами. Если мало посѣтителей, то въ распоряженіи каждаго отдѣльный столъ, чернила и перья. Упоминаю объ этомъ потому, что, напр., въ „Bibliothèque Nationale“ перьевъ не полагается, и каждый долженъ приносить свои.

Выдаютъ карточки, можно сказать, моментально. Лишь только скажешь, какого года и что именно,—минуты не пройдетъ, какъ сейчасъ же несутъ, обтираютъ пыль и предоставляютъ карточку въ ваше распоряженіе. Документовъ на домъ безусловно не позволяютъ брать; о чемъ на дверяхъ и вывѣшено соответствующее объявленіе.

Чтобы пользоваться этимъ архивомъ, надо имѣть специальное разрѣшеніе. Для русскихъ порядокъ таковъ: надо обратиться въ посольство. Въ архивѣ лучше всего заниматься лѣтомъ. Хотя лѣто и считается въ Парижѣ мертвымъ сезономъ (всѣ стремятся изъ него уѣхать на дачу, на берегъ моря, и если кто остается, то только по обязанностямъ службы), тѣмъ не менѣе для занятій это время самое удобное: посѣтителей почти нѣтъ, все—къ вашимъ услугамъ.

Проф. Н. Орловъ.



„ЛЮБОВЬ—МОЙ ГРѢХЪ“...

Э Т Ю Д Ъ

изъ романа: „L'amour est mon péché“, par l'auteur d' „Amitié amoureuse“.

I.

„Лондонъ, 16 августа 1895 г.

„Дорогая мадемуазель Христіана!

„Благодарю васъ за то, что вы подумали обо мнѣ въ трудную минуту. Вы разорились, остались круглой сиротой и не имѣете никого близкихъ, кромѣ весьма дальнихъ родственниковъ, нимаго о васъ не заботящихся; обращаться за помощью къ тому блестящему свѣту, въ которомъ вы жили прежде, вы не хотите, и, не желая занимать на родинѣ положеніе, уступающее вашему прежнему положенію, вы просите меня найти вамъ мѣсто въ Англии. Я васъ и понимаю, и одобряю.

„Я слишкомъ хорошо помню вашего милаго отца, его радужное гостепріимство, дни, проведенные мною въ Нерансѣ, чтобы не оказать вамъ нужную помощь. А потому, какъ только я получилъ ваше письмо, я немедленно приступилъ къ исполненію возложенной вами на меня миссіи. Но все, что мнѣ предлагали, долго меня не удовлетворяло, потому что я искалъ для васъ чего-нибудь исключительнаго. Но, наконецъ, мнѣ посчастливилось встрѣтить въ Карльтонъ-Клубѣ одного моего друга, искавшаго въ компаньонки для своей дочери благовоспитанную, изящную особу.

„Другъ мой, герцогъ Сѣрри, предлагаетъ вамъ заняться усовершенствованіемъ познаній его дочери во французскомъ языкѣ,

а также заниматься съ нею музыкой и сопровождать ее на прогулки. Лэди Винифредъ 18-ти лѣтъ; она не крѣпкаго сложенія и немного прихрамываетъ. Въ свѣтъ ходять слухи, что, вслѣдствіе этого послѣдняго обстоятельства, мать ея, герцогиня Сѣрри, любитъ ее менѣе, чѣмъ остальныхъ своихъ дѣтей.

„Я помнилъ тѣ рисунки, которые вы мнѣ показывали когда-то въ Нерансѣ, и сообщилъ лорду Сѣрри, что вы прекрасно рисуете. Все, что я сказалъ ему про васъ, ему понравилось, и герцогиня поручила мнѣ переговорить съ вами насчетъ вопроса о вознагражденіи.

„Такъ какъ вы предоставили это моему усмотрѣнію, то я потребовалъ 12 фунтовъ стерлинговъ въ мѣсяцъ, да еще выговорилъ 15 фунтовъ вамъ на дорогу и такую же сумму на тотъ случай, еслибы васъ вздумали внезапно разлучить съ вашей ученицей.

„Вы будете раздѣлять ея образъ жизни; обращаться съ вами будутъ какъ съ особой своего круга, къ которому вы принадлежите по своему происхожденію отъ рода графовъ де-Нерансѣ.

„Итакъ, если вы найдете условія эти подходящими для себя, то васъ будутъ ждать въ Аддингтонъ-Паркъ въ первой половинѣ сентября. Семья Сѣрри принадлежитъ къ католической церкви, и я думаю, что вамъ это будетъ пріятно.

„Я былъ бы радъ, если бы вы успѣли пріѣхать къ 10-му сентября, потому что самъ я приглашенъ къ этому числу на охоту въ Аддингтонъ-Паркъ, и это позволило бы мнѣ облегчить вамъ первое знакомство съ семьей герцога.

„Примите, дорогая мадемуазель Христіана, увѣреніе въ глубочайшемъ моемъ уваженіи и искренней преданности къ вамъ.—Чарльзъ Стэндингетъ“.

Получивъ это письмо, Христіана де-Нерансѣ, для которой эти 300 франковъ въ мѣсяцъ представлялись цѣлымъ состояніемъ, и которая была рада покинуть Францію, гдѣ она испытала столько горя со смерти своихъ отца и матери, отвѣчала, что принимаетъ это предложеніе и будетъ въ Аддингтонъ-Паркъ 6-го сентября. Герцогиня Сѣрри прислала ей тогда чекъ на 15 фунтовъ и краткую записку съ извѣщеніемъ, что ее ждутъ къ назначенному ею сроку.

Послѣ смерти стараго графа де-Нерансѣ, состояніе его оказалось сильно распатаннымъ, благодаря его сельско-хозяйственнымъ затѣямъ и любви къ карточной игрѣ; когда же умерла и графиня, то нотаріусъ семьи де-Нерансѣ, пользуясь неопытностью

осиротѣвшей Христіаны, не разъяснить ей правъ, какъ наслѣдницы.

Ему, снабжавшему покойнаго графа деньгами на чисто ростовщическихъ условіяхъ, было выгодно не предупредить ее, что она можетъ отказаться отъ наслѣдства; ей не пришлось бы тогда платить отцовскихъ долговъ, и она сохранила бы хоть часть уже значительно уменьшеннаго платежами тому же нота-ріусу состоянія матери. Но нота-ріусъ промолчалъ, — и резуль-татомъ было полное разореніе Христіаны.

Лишившись всего, молодая дѣвушка мужественно вступила въ борьбу съ жизнью. У нея былъ талантъ къ живописи и къ музыкѣ, но ея своеобразныя дилеттантскія манеры и пониманіе не годились для преподавательской рутинны. Образование она получила превосходное, но дипломовъ не имѣла, и это являлось помѣхой для учительства. Два года прошли въ бесплодныхъ уси-ліяхъ получить постоянное мѣсто, и Христіана прошла черезъ тяжелую нужду. Она до того за это время настрадалась, что извѣрилась въ возможность чего-нибудь хорошаго, и когда она рѣшилась написать Стэндингету, другу покойнаго отца, она не рассчитывала на успѣхъ. Получивъ вышеприведенное письмо, она даже испугалась, — полно, хорошо ли она сдѣлала, что рѣ-шилась на такой шагъ? Что-то готовить ей будущее?

Съ тяжелымъ чувствомъ отплыла Христіана въ Англію изъ Гавра. Она не оставляла за собой ни родныхъ, ни друзей, и такой мракъ царилъ въ ея душѣ, что она невольно спрашивала себя, къ чему жить? какія радости заключаетъ въ себѣ жизнь?.. До сихъ поръ, что принесла она ей?—смерть близкихъ людей, одиночество, бѣдность... И ее невольно манило въ пучину бур-лившей внизу парохода воды.

Неожиданная качка вывела ее изъ тяжелаго раздумья. Вѣ-теръ переимѣнился, море волновалось, пароходъ стало качать, и на палубу поминутно взлетала желтоватая пѣна, обрызгивая пассажировъ. У многихъ началась морская болѣзнь, и вскорѣ вниманіе Христіаны, совершенно нечувствительной къ качкѣ, было привлечено небольшой сценкой: какой-то весьма коррект-ный молодой человѣкъ поддерживалъ молодую дѣвушку, являв-шую всѣ признаки неприятнаго недуга. Онъ уговаривалъ ее спуститься въ каюту, но она только вздыхала, возражая, что у нея нѣтъ на это ни силъ, ни мужества. Говорили они по-англійски. У молодого человѣка видъ былъ огорченный и рас-терянный; онъ явно не зналъ, чѣмъ помочь бѣдѣ. Молодая же дѣвушка была блѣдна какъ полотно, и Христіанѣ стало такъ

жалъ ея, что она пришла на помощь незнакому джентльмену. Вдвоемъ имъ удалось уговорить ея; они проводили ея въ каюту и сдали на руки горничной, которой Христіана осталась помогать, тогда какъ незнакомецъ вернулся на палубу. Когда больная задремала, Христіана поднялась снова на палубу, и молодой человекъ подошелъ поблагодарить ея за оказанное содѣйствіе. Онъ незнакомъ съ больной дѣвушкой, и Христіана весьма встаети вывела его изъ затруднительнаго положенія. Онъ спросилъ ея: не французенка ли она? Да! И онъ добавилъ, что она весьма недурно владѣетъ англійскимъ языкомъ, хотя и не безъ акцента.

Замѣтивъ, что она не намѣревается продолжать разговоръ, онъ сказалъ совершенно просто, безъ малѣйшаго признака той британской ледяной спѣси, что такъ присуща многимъ англичанамъ, черезчуръ преисполненнымъ сознаниемъ своего воображаемаго превосходства.

— Такъ какъ мы съ вами самые здоровые люди на этомъ суднѣ, и намъ суждено, быть можетъ, не разъ еще оказать помощь другимъ, то позвольте представиться вамъ: Эдвардъ Стэнли!

Христіана назвала себя, и между ними завязалась товарищеская бесѣда. И она пожелала въ душѣ, чтобы герцогъ и герцогиня Сѣрри, а также и ея будущая ученица, оказались похожими на ея милаго спутника.

Въ Лондонѣ они разстались. Когда Христіана вышла изъ вагона на границѣ графства Сѣрри, она нашла во дворѣ желѣзнодорожной станціи экипажъ, запряженный парой великолѣпныхъ коней, быстро домчавшихъ ея до Аддингтонъ-Парка. Экипажъ остановился передъ монументальнымъ крыльцомъ величественнаго замка. Два рослыхъ лакея взяли ея небольшой багажъ, и подъ невозмутимымъ взоромъ другихъ, напудренныхъ лакеевъ Христіана поднялась по шести ступенькамъ розоваго мрамора. Она была теперь въ Аддингтонъ-Паркѣ...

Рослые лакеи провели ея по обширному залу, меблированному съ роскошью и вкусомъ. На встрѣчу ей вышла маленькая, худощавая старушка въ темно-коричневомъ шолковомъ платьѣ и въ маленькомъ чепчикѣ изъ бѣлыхъ кружевъ. Это была миссисъ Дроммль, старшая горничная герцогини. Она сама представилась Христіанѣ и радушно провела ея въ первый этажъ, гдѣ для нея было приготовлено помѣщеніе между апартаментомъ старой лэди Ричмондъ, матери герцогини Сѣрри, и лэди Винифредъ. Войдя въ свое помѣщеніе, состоявшее изъ четырехъ комнатъ: гостиной, спальни, уборной и гардеробной, Христіана осмотрѣлась. Всѣ комнаты были отдѣланы однимъ и тѣмъ же

глазировааннымъ кретономъ съ бѣлыми и свѣтло-желтыми лиліями на длинныхъ стебляхъ и съ сѣровато-зелеными листьями на блѣдно-голубомъ фонѣ. Блѣдно-зеленый лакъ мебели прекрасно гармонировалъ съ этими нѣжными тонами, и все вмѣстѣ производило необыкновенно пріятное впечатлѣніе.

Совершенно неожиданно для самой Христіаны, быть можетъ, утомленной путешествіемъ и вообще взволнованной всей новой обстановкой чужого дома, гдѣ отнынѣ ей было суждено жить, слезы навернулись ей на глаза. Добродушная Дроммль, не перестававшая съ первой минуты болтать съ нею, — замѣтила это и сказала неодобрительно:

— Однако, миссъ де-Нерансъ, вы невесело вступаете въ свою новую должность. Не слѣдуетъ плавать, когда живешь у другихъ; имъ рѣшительно непріятны наши слезы, рѣшительно! Я такая же подчиненная, какъ и вы, и смѣю сказать, что могу удостовѣрить личнымъ опытомъ: слѣдуетъ улыбаться, миссъ, отъ насъ требуется улыбка, а не слезы, положительно такъ.

Несмотря на комичность формы, слова миссисъ Дроммль были полны такого тяжелого смысла, что Христіана окончательно расплакалась, стараясь кое-какъ объяснить причину своихъ слезъ. — О, да, миссисъ Дроммль понимаетъ: тяжело потерять свое богатство и поступить въ услуженіе къ другимъ, когда носишь знатное имя. Но все-таки лучше не выказывать свое горе... Видя, что она права, Христіана постаралась успокоиться. Миссисъ Дроммль ушла, а Христіана принялась за свой туалетъ и задумалась. Да, эта женщина права, и ей не слѣдуетъ вовсе поддаваться подобной слабости. Вѣдь она хочетъ жить собственнымъ трудомъ, а въ Парижѣ она успѣла убѣдиться, что это возможно только служа у другихъ. Вспомнились ей тогдашнія мытарства, бѣготня по дешевымъ урокамъ, или по объявленіямъ, обѣщавшимъ честный заработокъ; на дѣлѣ же эти обѣщанія прикрывали весьма недвусмысленныя предложенія. Припомнились ей нужда, голодъ, холодъ, повседневныя унизительныя дразги, черная работа, убивающая женщину и превращающая ее чуть не въ поденщицу. Пришелъ ей на память и одинъ эпизодъ изъ этого прошлаго: отъ истощенія съ нею сдѣлался разъ на улицѣ обморокъ; ее подняли, перенесли въ какую-то аптеку, привели въ чувство, и вотъ, не смѣя признаться, что она просто голодна, она вышла и еле доплелась до отдаленнаго квартала, гдѣ занимала настоящій чердакъ. Доведенная до отчаянія, она прибѣгла къ послѣднему средству: написала своей бывшей кормилицѣ Маринѣ, простой крестьянкѣ. Та пріѣхала и увезла ее

съ собою въ деревню, гдѣ Христіана провела полгода и оправилась физически и нравственно; и снова въ ней проснулись жажда жизни и свойственная ей энергія. Вотъ тогда-то она и рѣшилась обратиться къ лорду Стэндингету. Да, унывать ей теперь не слѣдъ и не время...

Когда въ пять часовъ явилась за нею миссисъ Дроммль, она тщательно осмотрѣла ея туалетъ, оправила на ней платье и вызвала у нея невольную улыбку замѣчаніемъ:

— Ну, теперь все въ порядкѣ, миссъ де-Нерансъ. Но признайтесь, что эти косыя юбки черезчуръ плотно облегаютъ фигуру, особенно на бедрахъ!.. А тутъ еще ваша тонкая талія, перетянутая муаровымъ кушакомъ... Пожалуй, это красиво, только наврядъ-ли оно совсѣмъ прилично!

— Такъ не переодѣться ли мнѣ?

— Ну, вотъ! вамъ смѣшно, и вы считаете меня старой, отсталой болтуньей! Нѣтъ, миссъ, ужъ вы ничего не мѣняйте; талія-то вѣдь ваша собственная, и не моего ума это дѣло.

Но Христіана понимала, что та по-своему заботится о ней, и благодарно пожала ей руку. Съ бьющимся сердцемъ послѣдовала она за нею черезъ длинную вереницу роскошныхъ, огромныхъ комнатъ до большой гостиной, гдѣ ярко топились каминъ, и гдѣ находились три дамы.

Первая изъ нихъ, лэди Гвендолина Ричмондъ, довольно полная старушка 75-ти лѣтъ, одѣтая въ черное атласное платье и вдовій чепецъ съ чернымъ вуалемъ изъ китайскаго крепа, обрамлявшій ея сѣдые волосы, читала „Таймсъ“, усѣвшись у самаго камина. Она не снимала траура съ самой смерти своего мужа, случившейся 25 лѣтъ тому назадъ. У нея были румяныя щеки и немного толстый, округленный носъ, но красиво очерченный ротъ тонко улыбался, все лицо ея дышало добротой и благородствомъ, и кроткій взглядъ ея свѣтлыхъ глазъ вопросительно остановился на входившей Христіанѣ.

Герцогиня Сѣрри было лѣтъ подъ пятьдесятъ. То была худощавая дама съ изжелта-блѣднымъ лицомъ, съ холоднымъ, жесткимъ видомъ и странно-музыкальнымъ голосомъ. Въ молодости она была, вѣроятно, красива. Лэди Винифредъ, ея дочь, была тоненькая, хрупкая дѣвушка лѣтъ 18-ти, съ большими голубыми глазами, замѣчательно похожими на глаза бабушки, съ пушистыми, вьющимися бѣлокурыми волосами и чистымъ, гладкимъ, яснымъ лбомъ. Полуоткрытыя губы слегка треугольнаго рта открывали удивительно бѣлые зубы, а носикъ былъ вздернутъ вверхъ самымъ прелестно-шаловливымъ, веселымъ и остроум-

нымъ образомъ, тогда какъ на подбородкѣ выступала очаровательнѣйшая ямочка. Она встала и быстро подошла пожать руку Христіанѣ, при чемъ та замѣтила, что хорошенькая дѣвушка чуть-чуть прихрамывала, но такъ немного, что это только дѣлало ее похожей на порхающую по травѣ птичку. Стройная и удивительно граціозная, она была почти одного роста съ высокой Христіаной.

— Мадмуазель де-Нерансъ,—привѣтствовала она ее,—надѣюсь, что вамъ будетъ хорошо у насъ, и я очень бы этого желала.

Тронутая Христіана могла только молча пожать ей руку, но герцогиня проговорила:

— Да дайте же хоть войти, Винни,—вѣчно вы съ своими глупыми изліяніями.—И, обращаясь къ Христіанѣ, она продолжала:—Лордъ Стэндигетъ очень хвалилъ мнѣ васъ, мадмуазель де-Нерансъ. Я думаю, что вы сумѣете заслужить наши симпатіи. Мы къ вамъ расположены заранѣе, и мнѣ пріятно, что около моей дочери будетъ дѣвушка хорошаго общества. — Христіана, конечно, отвѣчала, что постарается оправдать возлагаемыя на нее надежды и т. д., но старая лэди Ричмондъ прервала ее:

— Да, да, мадмуазель де-Нерансъ, мы въ этомъ и не сомнѣваемся. Для начала вы останетесь тутъ пить съ нами чай, *ma chère*. Я увѣрена, что наши строго выдрессированные слуги не догадались предложить вамъ подкрѣпиться послѣ дороги. А? вы улыбаются, я угадала. Нѣтъ нивого глупѣе этой Дроммль! Потерпите еще немножко, *ma chère*, въ Аддингтонѣ иногда и закусываютъ, право...

Скоро герцогиня зачѣмъ-то вышла, и старая лэди снова обратилась къ Христіанѣ:

— Мадмуазель де-Нерансъ, я рада вамъ; моя внучка—такое вроткое дитя, и съ перваго взгляда на васъ я поняла, что ей будетъ хорошо съ вами. Ну, садитесь обѣ подлѣ меня и по-толкуемъ; я такъ люблю молодость! Я думаю, что съ нами вамъ будетъ пріятно; да, да, вамъ придется повозиться иногда и со старой лэди. А знаете ли вы, что вы очаровательны, *ma chère*? Вѣдь я знаю толкъ. Вы прехорошенькая съ этими черными волосами, золотистыми глазами и длинными рѣсницами; *ma chère*, глаза ваши хоть кого околдуютъ, именно!

Она принялась разсматривать ее въ длинный лорнетъ и добавила:

— Смотрите, Винни, у мадмуазель де-Нерансъ именно такой ность, о кабомъ вы всегда мечтаете, — греческій, и притомъ

чрезвычайно красивый. Ничего, увѣряю, нѣтъ рѣже, какъ встрѣтить красивый носъ; прекрасныхъ глазъ—сколько угодно; попадаются частенько и прелестныя губки, но носы почти всегда уступаютъ остальнымъ чертамъ лица. И талія у васъ элегантная, гибкая, тонкая! Вы совершенная парижанка, а я ихъ очень люблю, да! Мать моя была французенка, а отецъ англичанинъ, и женился онъ на ней по страстной любви; я вамъ расскажу какъ-нибудь эту исторію. А потому вы здѣсь не совсѣмъ на чужбинѣ, видите, видите!

Христіана нагнулась и почтительно поцѣловала руку старой лэди, державшей ее за руку, и невольныя слезы закапали у нея изъ глазъ. Лэди Ричмондъ взяла ее обѣими руками за голову и поцѣловала въ лобъ. Наступило взволнованное молчаніе...

Герцогиня вернулась разливать чай, и за этимъ чаемъ Христіана узнала кое-какія подробности объ отсутствующихъ членахъ семьи. Герцогъ Сѣрри былъ на охотѣ со старшимъ сыномъ, маркизомъ Гильдфордъ, и его женой, лэди Гладисъ; а второй сынъ, котораго Винифредъ называла Эдди, офицеръ, былъ въ Виндзорѣ; скоро долженъ былъ окончиться годъ его службы тамъ, и его возвращеніе въ Лондонъ заранѣе приводило Винни въ восторгъ. Повидимому, она особенно любила этого брата, у котораго, благодаря системѣ майората, имѣлся лишь капиталъ въ 600 тысячъ франковъ. У маркиза Герберта Гильдфордъ было двое дѣтей, пятилѣтній сынъ Ричардъ, котораго прислуга пресерьезно величала лордомъ Беркли, и трехлѣтняя дочь, лэди Флоренсъ Беркли.

Въ заключеніе, лэди Сѣрри попросила Христіану сыграть имъ что-нибудь. Христіана исполнила *impromptu* Шопена и рапсодію Листа, а также спѣла нѣсколько старинныхъ балладъ, чрезвычайно заинтересовавшихъ ее слушательницъ. Тутъ же было рѣшено, что Винни будетъ брать у Христіаны уроки музыки. Въ семь часовъ обѣ молодыя дѣвушки ушли наверхъ переодѣваться къ обѣду. Онѣ чувствовали уже живѣйшую симпатію другъ къ другу, и Христіана была тронута до глубины души ласковымъ вниманіемъ своей ученицы. Винни заботливо осмотрѣла съ Христіаной ея скромный гардеробъ, похвалила ея вкусъ и изящество и ушла къ себѣ. Отнынѣ онѣ были друзьями...

Христіана облеклась въ единственное, заготовленное ею, декольтированное платье и задумчиво остановилась у окна, всматриваясь въ паркъ. Въ этой позѣ ее застала Винни и нѣжно обняла за талію, прося не предаваться мечтамъ, а то ей пригрезятся милыя картины прошлаго—и Аддингтонъ станетъ немилъ. А ей

тавъ хочется, чтобы Христіанѣ понравилось у нихъ. И пусть Христіана зоветъ ее не Винифредъ, а Винни. И Винни тавъ забавно болтала по-французски, съ такимъ милымъ акцентомъ, замѣняя англійскими затруднявшіе ее французскія выраженія, что Христіана невольно разсмѣялась, къ полному восторгу своей ученицы. Раздался звукъ гонга, призывающій къ обѣду, и онѣ сошли внизъ.

Всѣ члены семьи были въ сборѣ въ гостиной. Герцогиня представила Христіану. У герцога было такое же доброе лицо, какъ у Винни, и онъ радушно протянулъ руку Христіанѣ, но красивый маркизъ Гильдфордъ, сильно похожій на мать, серьезный и холодный, ограничился однимъ поклономъ и съ очевиднымъ усиленіемъ произнесъ странную фразу:

— Лордъ Стэндитетъ говорилъ мнѣ, что отецъ вашъ былъ страстнымъ охотникомъ, мадмуазель де-Нерансъ.

Это курьезное привѣтствіе до того поразило Христіану, что она было-смѣшалась, но, замѣтивъ презрительную усмѣшку на губахъ маркизы Гладисъ, она оправилась и отвѣтила хладнокровно:

— У насъ въ Нерансѣ имѣлась, дѣйствительно, превосходная охота, и отецъ мой соблюдалъ старинныя преданія предковъ.

Сама Христіана отлично сознавала всю суетность подобнаго тщеславія, но на маркизу это подѣйствовало, и когда герцогиня представила ихъ другъ другу, она поклонилась Христіанѣ довольно любезно. Маркиза представляла собою излюбленный типъ красавицы иллюстрированныхъ журналовъ: здоровая, свѣжая, высокая, пышная, розовая, бѣлокурая, съ чистѣйшимъ оваломъ лица, голубыми глазами и ничего не говорящей улыбкой, безъ малѣйшаго признака ума.

Обѣдъ прошелъ пріятно для Христіаны, благодаря дружеской болтовнѣ съ нею Винни. Но, слушая эту 18-лѣтнюю дѣвушку, совершенно нетронутую жизнью, съ такими чистыми сердцемъ и умомъ, Христіана, чувствуя, что ее неотразимо влечетъ къ ней, сознавала, однако, какъ она, въ свои 25 лѣтъ и съ своимъ тяжелымъ прошлымъ, далека отъ нея. Къ концу обѣда ею овладѣла глубокая грусть. Вся эта поразительно роскошная и изящная обстановка, ослѣпившая ее при входѣ въ столовую, пропала теперь для нея: она видѣла отнынѣ только горечь своего подчиненнаго положенія.

Послѣ обѣда дамы перешли въ гостиную, и Винни пропѣла съ Христіаной нѣсколько дуэтовъ Мендельсона; потомъ къ дамамъ присоединились и мужчины, пить вечерній чай, а въ полночь всѣ разошлись.

Таъ прошелъ первый день Христіаны въ этомъ чужомъ домѣ. Когда она осталась одна, она не почувствовала ни радости, ни печали: въ душѣ было только какое-то смутное ожиданіе. Ожиданіе? Но чего же?..

II.

Дня черезъ два Христіана ознакомилась съ порядкомъ жизни въ замкѣ.

Въ 10 часовъ утра, а въ дни охоты въ 9 часовъ, подавался первый завтракъ, состоявшій изъ поджареннаго свиного сала, копченой лососины, яицъ, холоднаго мяса, паштета изъ дичи, апельсиннаго мармелада, и т. д., подъ надзоромъ самой хозяйки и безъ помощи слугъ: каждый бралъ съ буфета—чего ему хотѣлось. Въ два часа подавался полный завтракъ, въ 5—чай съ сэндвичами, разными печеньями и пирожками, въ 8^{1/2}—обѣдъ и въ 11—снова чай. Сообразуясь съ этими часами, Винни и Христіана намѣтили себѣ часы занятій. Когда онѣ сообщили свой планъ герцогинѣ, та сказала:—Рвенію Винни скоро помѣшаютъ гости, и вамъ будетъ трудно заниматься правильно. Уже сегодня прѣѣзжаютъ лордъ Стэндигетъ и ваши пріятельницы О'Рельи, Винни. Впрочемъ, я непременно хочу, чтобы вы знали, мадмуазель де-Нерансъ, что я пригласила васъ къ дочери главнымъ образомъ въ качествѣ подруги. Винни немного слаба здоровьемъ, чтобы постоянно раздѣлять шумную жизнь нашихъ гостей, одной ей скучно, а теперь подлѣ нея будетъ не горничная, а приличная особа.

Итакъ, положеніе Христіаны опредѣлилось: она призвана занимать и развлекать Винни. Но съ такою милою и кроткою дѣвушкой, какъ Винни, подобная задача только пріятна.

Винни повела Христіану осматривать замокъ, гдѣ все представляло изъ себя образецъ роскоши, изящества и удобства. Въ саду, на поворотѣ аллеи, на молодыхъ дѣвушекъ налетѣлъ мальчикъ лѣтъ пяти, за которымъ гналась здоровая дѣвушка. Издали она крикнула, вся запыхавшись:

— Милэди, милэди, остановите лорда Ричарда, прошу васъ!

Но лордъ Ричардъ уже остановился самъ.

— Здравствуйте, *тэти* ¹⁾. Какъ зовутъ эту даму, тэти?

— Вы дурной мальчикъ, Дикъ; смотрите, какой вы потный!

¹⁾ Уменьшительное тетки.

Нельзя такъ ѡбгаты. Мѣстечка сухого нѣтъ, чтобы я могла васъ поцѣловать.

— Тѣти, какъ зовутъ эту даму?

— Дикъ, вы не слушаетесь, а потому я вамъ этого не скажу,—вы не стойте.

— Тѣти, вы тоже станете строгой? Бѣдный Дикъ, всѣ тѣти къ нему строги. Но Дикъ самъ знаетъ имя лэди: маленькая птичка сказала его Дикю!—это черная фея; она — красавица, и любить маленькихъ мальчиковъ.

Ребенокъ глядѣлъ на Христіану такими восхищенными глазами, что обѣ дѣвушки расхохотались. Винни схватила Дика на руки и передала Христіанѣ, поздравляя ее съ побѣдой. Христіана спросила его, хочетъ ли онъ ее поцѣловать?

— Да, только вотъ туда...—И онъ указалъ на ея шею. Дѣвушки снова залились хохотомъ. Никогда Дикъ не вель себя такъ, утверждала Винни. Ребенокъ обнялъ Христіану обѣими руками, поцѣловалъ и прижался къ ея щекѣ своей нѣжною щечкой. Сладко и больно дрогнуло сердце у Христіаны; она крѣпко поцѣловала Дика и обѣщала любить его и рассказывать ему сказки, если онъ „будетъ пай“. О, да, онъ будетъ пай! И мальчикъ соскочилъ съ руки Христіаны и умненько пошелъ рядомъ съ нею. Тѣмъ временемъ подоспѣла Мэй съ старшей няней, миссисъ Джоффри. Мэй вела за руку трехлѣтнюю лэди Флоренсъ, прелестную блондинку и розовую дѣвочку. Винни объяснила, что это дѣти ея брата Герберта. Какъ хорошо, что они нравятся Христіанѣ,—онѣ теперь займутся обѣ этими малютками, всецѣло предоставленными попеченіямъ нянекъ. Къ матери ихъ приводятъ только разъ въ день.

Дѣти спрятались въ платье Винни, и началась игра въ прятки. Христіана притворилась, что не видитъ ихъ и восклицала: „Куда дѣвались Дикъ и Флорри?—не за тѣмъ ли они деревомъ?—Нѣтъ! Не въ этомъ ли орѣшникѣ?—Нѣтъ! Не въ орѣшкѣ ли?—Тоже нѣтъ! Господи, да гдѣ же они?—Увы! заблудились въ лѣсу или улетѣли на облакъ! Бѣдныя дѣти, мнѣ жаль ихъ! Я заплачу!“ Но Дикъ не выдержалъ и подалъ голосъ, прося черную фею не плавать.

— Мы были за платьемъ тѣти; никогда Дикъ и Фло не спрячутся въ облака, Дикъ это обѣщаетъ!

Когда же Христіана спросила его, почему онъ зоветъ ее черной феей, ребенокъ отвѣчалъ:

— Потому что у васъ много черныхъ волосъ, какъ у чер-

ной феи въ сказкѣ, и черное платье. Я сейчасъ подумалъ, что это пришла за мною сама черная фея...

Въ этотъ же день вечеромъ пріѣхалъ лордъ Стэндингетъ, и его почтительно галантное обращеніе съ Христіаной видимо по-дѣйствовало на леди Сѣрри, которая стала менѣе церемонна съ нею. Стэндингетъ принялся тщательно наблюдать за Христіаной и спросилъ ее черезъ нѣсколько дней, довольна ли она?—О, да, она довольна; герцогиня обращается съ нею хорошо, леди Ричмондъ и Винифредъ очаровательно добры, герцогъ и маркизъ Гильдфордъ корректны,—чего же больше?—Тѣмъ лучше, а то онъ было-опасался за нее... На свѣтѣ такъ много ревнивыхъ и вздорныхъ женщинъ и легкомысленныхъ мужчинъ!

— О, что вы, вѣдь мнѣ уже 25 лѣтъ!—я отцвѣла.

— Напротивъ, милое дитя...

Грусть закралась въ душу Христіаны отъ серьезнаго тона его словъ. Неужели ей придется считаться съ непредвидѣнными осложнениями? Чтобы отогнать отъ себя мрачныя мысли, она не сидѣла ни минуты безъ дѣла: учила Дива французской азбуки, играла и пѣла съ Винни, часами читала вслухъ леди Ричмондъ, гуляла съ пятью сестрами О'Релли и развлекала ихъ. Старшая изъ нихъ, Мэдъ, была прелестна; Алиса, Сюзи и Беатриче были не болѣе какъ хорошенькія пустышки, и всѣ онѣ вели себя съ нею премило, за исключеніемъ второй—Эмили, напускавшей на себя прекомичное чванство. А гости все прибывали. Въ числѣ ихъ была семья Клозбѣрнъ, состоявшая изъ матери и трехъ сыновей, Вилліама, Пирта и Чарльза Клозбѣрнъ. Старшій,—Вилліамъ былъ поразительный красавецъ, сильный, ловкій и умный. Остальные были тоже красивые, рослые молодцы, и всѣ трое обожали свою болѣзненную, слабую мать, которую окружали трогательнѣйшей заботливостью.

Въ самый день пріѣзда, Вилліамъ подошелъ къ Винифредъ, гулявшей съ Христіаной, взялъ ее подъ-руку и развязно произнесъ:

— Я вижу, Винни, что вы обрѣли себѣ подругу по душѣ; прошу васъ, представьте меня.

— Представляю вамъ лорда Вилліама Клозбѣрнъ, моего друга, который страшно любитъ всѣхъ дразнить. Мадмуазель Христіана де-Нерансъ, Вилліамъ.

— Винни преувеличиваетъ, мадмуазель де-Нерансъ. Но когда передо мною является красота и пламень ума въ очахъ,—я никого не дразню, а могу только молча восхищаться.

И онъ почтительно склонилъ голову, но отъ его дерзкаго комплимента Христіана вся вспыхнула и даже, къ своему удив-

ленію, смѣшалась. Винни же была въ восторгѣ и принялась подливать масла въ огонь. Она рассказала Клозбёрну, что не дагѣ какъ утромъ отецъ ея сказалъ ей: „Постарайтесь быть точной копіей мадмуазель де-Нерансъ, darling, и я буду доволенъ“. Христіана пыталась остановить ее, но лордъ Клозбёрнъ сказалъ:

— То, что я вижу, превосходитъ всё слова Винни...

Положеніе становилось щекотливымъ. Обижаться было невысказано, приходилось только разсмѣяться, что Христіана и сдѣлала.

— Оставайтесь же при своихъ иллюзіяхъ, милордъ,—возразила она.—Но мнѣ теперь остается только избѣгать васъ, чтобы не нарушить ихъ,—вѣдь частое общеніе влечетъ за собою разочарованіе!

Затѣмъ она серьезно и рѣшительно поклонилась ему, и увлекла за собою Винни, говоря:

— Не говорите болѣе такъ обо мнѣ другимъ, моя милочка; во-первыхъ потому, что вы преувеличиваете мои достоинства изъ любви ко мнѣ, а во-вторыхъ, потому, что вы можете подвергнуть меня выходкамъ въ родѣ этой. Въ моемъ положеніи, дорогая моя, такіе преувеличенные комплименты, какъ комплименты этого господина, почти оскорбленіе. Я не хотѣла бы давать вновь поводъ къ подобному неуваженію ко мнѣ.

— Что вы хотите сказать?

— А вотъ что: я не принадлежу болѣе къ вашему кругу, и ни одинъ изъ этихъ господъ не можетъ видѣть во мнѣ невѣсты для себя, а я не хочу, чтобы мнѣ дѣлали комплименты какъ женщинѣ, на которой думаютъ жениться. Если бы васъ не было съ нами, слова лорда Клозбёрна были бы прямо оскорбительны для меня. А потому, дорогая Винифредъ, присутствие ваше должно быть для меня оплотомъ, а не предлогомъ для непочтительнаго поведенія мужчинъ.

— О, миссъ Христіана, я поняла теперь! Но, видите ли, съ Вилли я могу быть почти совсѣмъ откровенна, потому что...

Она слегка покраснѣла и остановилась.

— Потому что?

— Развѣ вы не догадываетесь?.. Потому что Вилль и я, мы будемъ, кажется, скоро помолвлены. Недавно папа, которому очень этого хочется,—спросилъ меня, нравится ли мнѣ Вилли, и когда я отвѣчала утвердительно, онъ поцѣловалъ меня такъ нѣжно, такъ нѣжно... и я заплакала. Какъ странно, что слезы могутъ быть такъ сладки!..

Въ порывѣ тревожной нѣжности Христіана обняла молодую дѣвушку. Этотъ Клозбёрнъ казался ей такимъ легкомысленнымъ!..

Въ послѣдующіе дни тревога эта становилась все сильнѣе. Каждый разъ какъ Клозбёрнъ оставался случайно вдвоемъ съ Христианой, — а онъ какъ будто искалъ этого, — онъ говорилъ такія вещи, что будущее счастье Винни съ нимъ представлялось весьма гадательнымъ. А двусмысленность его поведенія съ нею только увеличивала ея безповойство.

Смуцалъ ее и лордъ Стэндингетъ. Подсѣвши какъ-то къ ней послѣ обѣда, онъ спросилъ ее, почему она такъ часто сторонится отъ оживленнаго кружка молодежи? Она возразила, что ей, какъ компаньонѣ, не приличествуетъ раздѣлять подобныя забавы. — Напрасно, она теряетъ случай изучать всѣ эти разнообразныя типы. — Чего стоятъ, напримѣръ, эти Клозбёрнъ, олицетворяющіе собою шотландскій типъ! Если бы вы видѣли какъ хороши собою эти молодые люди въ своемъ національномъ костюмѣ! Если ваши соотечественники слыбуть повсюду какъ люди съ живымъ умомъ, веселые и съ блестящими способностями, то про англичанина можно сказать, что онъ честенъ, холоденъ, корректенъ, а про ирландца — что онъ лстивъ и вкрадчивъ. Но шотландецъ изъ хорошаго рода обладаетъ особеннымъ, неотразимымъ и несравненнымъ обаяніемъ; онъ нѣженъ и мужественъ какъ романическій герой, и прелесть его одинаково побѣждаетъ мужчинъ и женщинъ. Шотландцы, въ полномъ смыслѣ слова, — чародѣи. Байронъ былъ шотландцемъ по отцу, Марія Стюартъ была шотландкой. Но эти блестящія натуры не всегда — какъ бы это сказать? — не всегда честны.

— Будьте спокойны, дорогой лордъ; я не только не намѣрена познакомиться ближе съ этими чарами, а постараюсь даже держаться подальше отъ этихъ обаятельныхъ людей. Мерси за мудрое предостереженіе.

— Вы чрезвычайно чутки, но что гораздо серьезнѣе въ вашемъ положеніи, такъ это то, что вы — красавица.

— Вы преувеличиваете.

— Нѣтъ, дитя мое. Вы надѣлены такой граціей, изяществомъ и прелестью, которыя особенно притягательны для этихъ сыновъ Великобританіи. — Позвольте же предупредить васъ, что я не разъ подмѣтилъ не въ мѣру выразительныя по вашему адресу взгляды Вилліама Клозбёрна! Опасность существуетъ, быть можетъ, только въ моемъ воображеніи, но мнѣ не хотѣлось бы видѣть васъ несчастною здѣсь, куда вы попали изъ-за меня же. Вы же такъ одиноки, что я счелъ своимъ правомъ предупредить васъ.

Я понимаю васъ и благодарна вамъ. Слова ваши я приму

къ свѣдѣнію, только я не привыкла еще ступевываться до такой степени. Не позволила ли я себѣ чего-нибудь лишняго?

— Нѣтъ, нѣтъ, *ma chère*, вы ровно ничего не сдѣлали, чтобы привлечь вниманіе Клозбёрна, но тѣмъ не менѣе вы дѣйствуете на него неотразимо. Вы обаятельны помимо вашей воли. Я самъ чувствую на себѣ это обаяніе, и Клозбёрнъ тоже, да и многіе другіе. Ни вы, ни я, ничего тутъ не можемъ поддѣлать. Я только хотѣлъ сказать вамъ, что если вамъ понадобится когда-нибудь помощь,—обратитесь ко мнѣ.

Христіана была тронута, но не успѣла еще сказать ни слова, какъ за нею прибѣжала Винни, звать ее аккомпанировать гѣнію. И обращаясь къ кому-то, невидимому Христіанѣ, она добавила:

— Идите и вы, нашъ неподражаемый теноръ!

Христіана вздрогнула и обернулась: за нею стоялъ Вилліамъ Клозбёрнъ. Она надѣялась, что онъ только-что подошелъ и не слышалъ словъ лорда Стэндингета; но въ тотъ же вечеръ ей пришлось въ этомъ разубѣдиться. Вышло такъ, что, вслѣдствіе капризовъ Эмили О’Рельи, Христіанѣ выпало на долю спѣть дуэтъ изъ „Mireille“ съ Вилліамомъ Клозбёрномъ. Сошелъ дуэтъ прекрасно, и даже сама герцогиня подошла сказать ей нѣсколько любезныхъ словъ, что чрезвычайно обрадовало Христіану. Привыкнувъ къ независимой жизни, она все боялась за себя, опасаясь дать поводъ къ осужденію. Любезность герцогини успокоила ее.

Когда всѣ перешли въ залу, пить чай, лордъ Клозбёрнъ обратился къ Христіанѣ, намѣревавшейся послѣдовать за дамами.

— Не позволите ли предложить вамъ руку?

Ей вспомнились слова Стэндингета, и она впервые почувала заднюю мысль подъ мягкостью его тона. Смѣло взглянула она прямо въ глаза высокомернаго красавца, сердце такъ и колотилось у нея въ груди, и секунда показалась ей вѣчностью. Лицо ея выражало такое омерзѣніе къ нему, что онъ растерялся и счумѣлъ только преглупо повторить свое предложеніе, на которое она отвѣчала отказомъ.

— Позвольте спросить, почему вы отказываете мнѣ?

— *Because...* По-французски это словечко очень много значитъ, и вамъ предоставляется самому разгадать его смыслъ.

Она говорила шутливо, чтобы не придавать всему этому слишкомъ большое значеніе.

— Надѣюсь быть счастливѣе въ другой разъ. Это „because“, очаровательное въ вашихъ устахъ, останется надолго у меня въ памяти, окрашенное яркимъ пурпуромъ вашихъ губовъ; по-

тому что!.. васъ только-что пугали мною, не правда ли? Все же я, знаете, не людоедъ, и никого еще не пожралъ.

— Современные людоеды никого не пожираютъ, но могутъ сдѣлать много зла...

— Не думаю, чтобы можно было сдѣлать зло женщинѣ, — восхищаясь ею, и...

— Но эта женщина, милордъ, требуетъ поменьше восхищенія и побольше уваженія.

— Въ такомъ случаѣ, мадемуазель, владу къ вашимъ ногамъ и мое восхищеніе, и мое уваженіе..

Въ другой разъ, встрѣтивъ ее на лѣстницѣ, онъ спросилъ, куда она такъ торопится, когда стоитъ такая чудная погода и всѣ собираются кататься. Она отвѣчала, что спѣшить къ своимъ обязанностямъ. — А именно? — Читать Шекспира или Лонгфелло лэди Ричмондъ. Онъ сталъ убѣждать ее присоединиться ко всему обществу, но напрасно. Нельзя ли, по крайней мѣрѣ, надѣяться, что въ другой разъ? — Нѣтъ, рассчитывать на нее никогда не надо, — она себѣ не принадлежитъ.

— Значить, васъ придется взять силой.

— Достойны ли слова эти джентльмена, лордъ Клозбёрнъ?

Онъ извинился и пропустилъ ее, но она была до того поражена и встревожена, что рѣшилась постучаться въ дверь къ самой суровой герцогинѣ. И когда та спросила ее, въ чемъ дѣло, Христіана сказала:

— Я пришла спросить васъ, милэди, не замѣтили ли вы до сихъ поръ въ моихъ манерахъ чего-нибудь неумѣстнаго?

— Ни разу, мадемуазель де-Нерансъ. Но почему вы дѣлаете такой вопросъ?

— Изъ добросовѣстности, милэди; я боюсь иногда, что держусь черезчуръ на равной ногѣ съ лэди Винифредъ. Принадлежа по своему рожденію къ вашему кругу, я боюсь, что не всегда помню о своемъ новомъ положеніи. Къ тому же, въ нашемъ домѣ я такъ мало чувствую свою подчиненность и такъ искренно предана вамъ, что боюсь иногда забыть совсѣмъ приличествующую мнѣ сдержанность. А потому я пришла попросить васъ предупредить меня, если мнѣ случится нечаянно преступить границы.

— Можете быть спокойны, вы держите себя безукоризненно. Охотно обѣщаю предупредить васъ, если мнѣ что-либо покажется не такъ, но думаю, что этого не случится.

Она улыбалась, и Христіана ушла успокоенная. Но на другой же день небольшой эпизодъ опять смутилъ ее. Шелъ дождь, и

молодежь затѣяла *petits jeux*. И вотъ Христіану и лорда Клозбёрна отправили въ бібліотеку, пока остальные совѣщались о загадкѣ, которую предполагалось загадать имъ. Оставшіеся съ нею вдвоемъ, Клозбёрнъ заговорилъ о *флёртъ*, спрашивая, сильно ли онъ распространенъ во Франціи?—Ей это неизвѣстно, потому что въ извѣстномъ кругу *флёртъ* не практикуется.—Какъ! неужели она никогда не флёртировала? Никогда!

— Это удивительно! Вы такая... иквантная.

Желая положить конецъ его дерзостямъ, она возразила очень высококомѣрно:

— Если васъ интересуютъ французскіе нравы, милордъ, то я готова отвѣчать на ваши вопросы, но съ тѣмъ условіемъ, что о моей личности рѣчи не будетъ. Постигшее меня несчастье не должно служить поводомъ къ двусмысленному обращенію со мною. Я прежде всего дорожу честью своего незапятнаннаго имени. „Не сдастся“,—вотъ девизъ графовъ де-Нерансъ. Говорю вамъ это не изъ гордости, а для того, чтобы вы знали, что извѣстныя вещи, бывшія для меня позволительными, когда я была равна вамъ и по положенію, а не только по рожденію, совершенно неумѣстны теперь, когда я только компаньонка Винифредъ.

— Но почему вы согласились на то?

— А что же, по вашему, было мнѣ дѣлать?

Онъ смутился подъ ея прямымъ и пристальнымъ взглядомъ, и пробормоталъ:

— Простите меня; самъ не знаю, какъ я увлекся, но я велъ себя какъ грубое животное...

— Теперь вы черезчуръ къ себѣ строги...

И Христіана обратила его вниманіе на то, что ихъ что-то долго не вовутъ обратно.—Правда, что это значить?—Они вышли изъ бібліотеки, но никого не нашли въ сосѣдней комнатѣ и прошли въ гостиную. Входя туда, Христіана невольно поблѣднѣла, замѣтя, что леди Гильдфордъ и Эмилиа О’Рельи шепчутся въ углу, поглядывая на нее и ея спутника. Ее выручилъ Клозбёрнъ, хладнокровно заявивъ, что они догадались о продолжкѣ веселой компаніи и занялись въ бібліотекѣ осмотромъ богатой орнитологической коллекціи леди Сёрри. И онъ обратился съ комплиментами къ герцогинѣ, что дало Христіанѣ время оправиться. Но она осталась подъ впечатлѣніемъ этого небольшого инцидента, доказавшаго ей, что есть люди, связывающіе ея имя съ именемъ Клозбёрна и позволяющіе себѣ избирать ее мишенью для недоброжелательныхъ шутокъ.

III.

Жизнь въ замѣѣ шла своимъ чередомъ. Хотя Христіана ни мало не старалась выдвигаться впередъ, случай упорно выдвигалъ ея личность, а лордъ Клозбёрнъ упорно ее преслѣдовагъ. Какъ-то въ октябрѣ всѣ собирались отправиться на слѣдующій день на охоту, но Винифредъ заявила, что не будетъ участвовать въ этой охотѣ, если Христіана не будетъ ее сопровождать. Христіана сослалась на неимѣніе охотничьяго костюма и на невозможность сшить его въ одну ночь. Винни обратилась за совѣтомъ къ матери, а герцогиня была согласна съ Христіаной. Но тутъ совершенно неожиданно и любезно лэди Гладисъ предложила подарить Христіанѣ свой прошлогодній костюмъ, и всѣ нашли, что это—самый подходящій выходъ. Когда всѣ разошлись по своимъ комнатамъ, лэди Гладисъ принесла сама Христіанѣ этотъ костюмъ, и Христіана примѣрила его, но она поняла смыслъ любезности лэди Гильдфордъ. Костюмъ былъ ей впору въ длину, но сидѣлъ какъ мѣшокъ и до смѣшного портилъ фигуру. Христіана не пожелала служить посмѣшищемъ надменной Гладисъ и энергически принялась за работу съ помощью горничной, прислуживавшей Винифредъ и ей. Онѣ провозились до трехъ часовъ ночи, и на утро Винифредъ только ахнула при видѣ стройной, изящной фигуры Христіаны.—Какъ! это тотъ вчерашній мѣшокъ? Она—просто волшебница! Сама Винни была очаровательна въ своемъ темно-зеленомъ костюмѣ и собольей шапочкѣ. Полюбовавшись другъ другомъ, онѣ весело сошли внизъ, гдѣ появленіе ихъ вызвало всеобщіе комплименты. Лордъ Стэндингетъ, увидивъ удобную минутку, шепнулъ Христіанѣ самымъ серьезнымъ тономъ: „Вы положительно прелестны“, и вся веселость съ нея мигомъ соскочила. Не лучше ли было ей отказать отъ этихъ удовольствій, которыя теперь не для нея созданы!—О, нѣтъ, пока это еще безопасно, но ее страшить ея будущее...

На охотѣ Христіана старалась держаться все время подлѣ своего стараго друга, но цѣлая цѣпь мелкихъ обстоятельствъ не только разъединила ихъ, но еще свела Христіану лицомъ къ лицу съ Вилліамомъ Клозбёрномъ въ самой глѣсной чашѣ. Клозбёрнъ воспользовался этимъ, чтобы самымъ недвусмысленнымъ образомъ предложить Христіанѣ бѣжать изъ дома Серри и стать его любовницей. Слова этого онъ, конечно, не произнесъ, но смыслъ его рѣчей былъ такъ ясенъ, что буря негодованія под-

нялась въ душѣ Христіаны. Но онъ не далъ ей высказать это негодованіе, внезапно перешелъ съ дерзкаго тона на мягкій, попросилъ ее подумать о его предложеніи, указалъ ей дорогу къ сборному пункту и скрылся въ лѣсу, говоря, что не сопровождаетъ ее, чтобы не подвергать ее злословію. Первымъ движеніемъ Христіаны было рассказать все герцогу и герцогинѣ, но потомъ она разсудила, что между давнишнимъ другомъ и гостемъ и наемной компаньонкой колебаться не станутъ. Ее же обвинять въ кокетствѣ и отказать отъ мѣста. А тогда что?

Прошло четыре дня. Клозбёрнъ оставлялъ ее въ покоѣ, но она все не могла оправиться. Ее угнетала невозможность высказаться, излить свою душу. Даже лорду Стэндингету она не могла признаться, потому что чувствовала огромную разницу между своей французской, экспансивной натурой и всѣми этими холодными, эгоистичными англичанами. Ее подавляло тяжело глубокое различіе между ея расой и— британской. Въ этомъ обществѣ постоянно ей чужалась скрытая жестокость; ей казалось, что нѣжность не существуетъ для англичанъ вовсе. Никакъ не могла она помириться, между прочимъ, съ отношеніемъ матерей къ дѣтямъ. Винни разсказала ей, что большинство англичановъ любятъ своихъ дѣтей, пока они грудные младенцы, пока у нихъ на волѣнкахъ воношится тепленькое, розовое тѣльце, точно домашній звѣрокъ. Но какъ только ребенокъ немного подрастетъ, онъ теряютъ къ нему интересъ и забываютъ его въ дѣтской. Какъ-то разъ вечеромъ лэди Гильдфордъ закричала при ней, обращаясь къ миссисъ Джоффри:

— Но скажите, ради Бога, почему лордъ Беркли картавитъ, произноситъ *татъ*, вмѣсто *такъ*? Это нелѣпо; съ какихъ поръ онъ такъ говорить?

— У лорда Беркли былъ всегда этотъ недостатокъ произношенія, милэди.

— Непонятно; я никогда этого не замѣчала. Это надо исправить, миссисъ Джоффри.

Тѣмъ и ограничивалась, повидимому, материнская заботливость лэди Гильдфордъ, уѣзжавшей каждую зиму на три мѣсяца во Францію, при чемъ дѣти оставались на рукахъ прислуги. Герцогиня Сёрри поступала такъ же, и хромота Винни была послѣдствіемъ подобныхъ отлучекъ ея матери. Заигрывая съ нянькой Винни, кто-то изъ прислуги такъ толкнулъ ее, что та упала на постель, гдѣ лежала дѣвочка, и переломила ей волѣнную чашку.

Если у Христіаны было смутно на душѣ, то на душѣ у

Винни тоже не было спокойно. Но она повѣряла все своей дорогой *Нэнз*, какъ часто звала ее, въ подражаніе крошкѣ Флорри, которая нивакъ не могла выговорить: *Христіана*, и передѣлала это имя въ *Нэнз*. Винни сомнѣвалась въ любви Клозбёрна къ ней. Братъ ея Эдди пишетъ ей, правда, изъ Лондона, что видѣлъ Вилліама передъ его отъѣздомъ въ Аддингтонъ, и понялъ изъ его словъ, что онъ ѣдетъ туда съ намѣреніемъ жениться на Винни. Но ей что-то не вѣрилось; она чувствовала, что онъ далеко отъ нея; онъ милъ и прелестенъ только тогда, когда Христіана съ ними, только тогда онъ нѣженъ съ нею, и только тогда бракъ этотъ представляется ей осуществимымъ... Всею душой жалѣла Христіана бѣдняжку, такъ беззавѣтно полюбившую Клозбёрна. Она отлично замѣчала, что за послѣдніе дни онъ расточаетъ имъ обѣимъ свои чары. Въ такія минуты онъ бывалъ неотразимъ, и несмотря на все свое негодованіе, не смѣя признаться въ этомъ самой себѣ, Христіана чувствовала, что невольно поддается этимъ чарамъ. Какъ знать, сдумѣла ли бы она устоять передъ ними, если бы не узнала съ самаго его пріѣзда тайну Винни и не смотрѣла бы на него какъ на ея жениха!? И тѣмъ не менѣе она чувствовала, что его присутствіе волнуетъ ее, что оно безусловно опасно для нея...

Отдыхала она душой только въ обществѣ нѣжно привязавшейся къ ней Винни, да старой лэди Ричмондъ, обращавшейся съ нею съ необыкновенной добротой. Обширный умъ старой лэди и большая доза невозмутимаго юмора, придавали большую прелесть бесѣдѣ съ нею, и Христіана очень любила оставаться вдвоемъ съ нею.

Она стала какъ-то болѣзненно недовѣрчива и боязлива, сама не зная, чего она боится. Какъ-то разъ случилось, что лэди Сѣрри ни разу не заговорила съ нею во время завтрака, и Христіана встревожилась и мучилась внутренно до тѣхъ поръ, пока герцогиня не отвѣтила ей любезно на какой-то вопросъ; тогда только она убѣдилась, что есть другая причина видимаго неудовольствія герцогини. Слѣдила она за собою неустанно и до мелочей. Пылкая и порывистая по натурѣ, она постоянно сдерживала себя въ границахъ, приличествующихъ ея подчиненному положенію. Особенно удивлялась она, замѣчая, что ей приходится пускаться въ ходъ тончайшую дипломатію, чтобы не привлекать симпатій рѣшительно всѣхъ мужчинъ замка. Всѣ они, безъ исключенія, выказывали ей особенное, покровительственное вниманіе, начиная съ стараго герцога, обращавшагося съ ней совсѣмъ по-отечески и почти не дѣлавшаго различія между нею и Винни.

Даже холодный, точно накрахмаленный лордъ Гильдфордъ, почти не обращавшій вниманія на житейскія мелочи, не разъ давалъ ей понять, словомъ или жестомъ, когда лэди Гладисъ старалась уязвить ее чѣмъ-нибудь, что онъ на ея сторонѣ противъ жены. Да, не трудно ей было бы внести смуту въ эту семью.

Въ концѣ октября лэди Ричмондъ сильно расхворалась. Ночью у нея сбѣлся острый припадокъ астмы, и горничная ея прибѣжала разбудить Христіану, комнаты которой были смежны съ апартаментами старой лэди. Больная задыхалась. Христіана послала за герцогиней, и вдвоемъ онѣ просидѣли до утра у постели больной, что сблизило ихъ нравственно. Къ несчастію, въ этотъ же самый день въ замокъ наѣхала масса гостей, и пока надъ этимъ домомъ витала смерть, за столомъ приходилось угощать цѣлыя десятки! Христіана не отходила отъ больной, и герцогиня могла такимъ образомъ спокойно отправлять свои обязанности хозяйки. Гости должны были остаться до самаго Рождества, и возни было не мало. Христіана приказала для большаго удобства открыть заколоченную дверь изъ ея гостиной въ гостиную лэди Ричмондъ. Дней черезъ десять больная поправилась и сердечно благодарила свою милую сидѣлку. Она привлекла ее къ себѣ и обняла съ такою материнскою лаской, что тронутая Христіана прослезилась.

Сама чопорная, сухая лэди Сёрри въ то утро, когда лэди Ричмондъ встала впервые съ постели, вошла сама въ комнату Христіаны и поблагодарила ее въ самыхъ дружескихъ выраженіяхъ. И это появленіе у нея герцогини, и ея слова, и крѣпкое рукопожатіе, все это было до того необычайно, что Христіана порывисто заговорила о своей преданности всему ея дому и о своемъ желаніи доказать, что она не считаетъ себя замкнутой въ пріятной, но ограниченной обязанности компаньонки Винифредъ. И она докончила, улыбаясь:

— У меня тоже есть сердце, милэди; близкихъ людей у меня не осталось, любить некого, а вѣдь не „хлѣбомъ единымъ живъ будетъ человѣкъ“.

— Я очень тронута, *ma chère*. Въ случаѣ горя или вообще нравственной нужды, прошу васъ обращаться ко мнѣ, какъ... къ другу, Христіана!

Какъ *къ матери* она не могла выговорить, но и то уже было много, что она не называла ее болѣе „*mademoiselle*“ Христіаной. И впервые за два мѣсяца своего пребыванія въ замкѣ Христіана почувствовала себя счастливой; она завоевала себѣ уголокъ въ этомъ холодномъ сердцѣ.

На другой день было воскресенье. Не найдя Винни, должно было ушедшую гулять съ гостями, Христiana поднялась въ дѣтскую и попросила миссисъ Джоффри доверить ей дѣтей до завтрака.

— Съ удовольствіемъ, миссъ Нэнъ. Только сегодня въ нихъ вселился какой-то бѣсъ, и они, осмѣлюсь доложить, просто невыносимы. Лордъ Беркли свачетъ по комнатамъ и кричитъ такъ, что можно оглохнуть: „Я мужчина, я мужчина!“—точно самое главное въ жизни—быть мужчиной! Сладу съ ними нѣтъ.

— Дѣти, будете вы со мною пай?

— Совсѣмъ пай будемъ, миссъ Нэнъ.

— И слушаться станете?

— Yes, enorgmously!

Улыбнувшись этому „безмѣрно“, Христiana увела дѣтей. Они болтали безъ умолку, особенно Дикъ, который все спрашивалъ у „черной феи“, что принесетъ имъ на Рождество младенецъ Іисусъ. Въ качествѣ феи—знать это она должна была несомнѣнно; немного подумавъ, она объявила, что Фло получитъ нарядную французскую куклу, а Дикъ—цѣлый поѣздъ, который будетъ самъ катиться по рельсамъ. Дѣти запрыгали какъ безумныя отъ восторга и распалились до того, что Дикъ обхватилъ сзади за шею присѣвшую на скамейку Христianу, пригнувъ ея голову назадъ и сталъ покрывать ея поцѣлуями. Въ самую критическую минуту, когда ребенокъ растрепалъ ее до того, что гребень и шпильки выскочили изъ ея волосъ и роскошныя волны ихъ покрыли ея плечи и спину, Христiana замѣтила, къ своему смущенію, какого-то мужчину, стоявшаго въ саду противъ нихъ и наблюдавшаго съ улыбкой всю эту сцену. Она сконфуженно встала, незнакомецъ подошелъ... и Христiana узнала въ немъ своего симпатичнаго товарища по плаванію, Эдварда Стэнли. Онъ спокойно заявилъ, что весьма радъ этой новой встрѣчѣ, но она страшно растерялась, ничего не понимая, а дѣти подняли невѣроятный гвалтъ.

— Дядя, дядя! Дядя Эдди знакомъ съ миссъ Нэнъ! Ура!—кричалъ Дикъ, и оба прыгали, какъ сумасшедшіе.

Когда вся эта суматоха улеглась, Христiana узнала, что дядя Эдди и есть лордъ Эдвардъ Стэнли, второй сынъ герцога, служившій въ Виндзорѣ, и о которомъ такъ часто говорила ей Винни. Ей не пришлось рассказывать ему свою исторію, потому что Винни уже все ему написала; только ему и въ голову не приходило, что эта Христiana, компаньонка его сестры, и есть та самая путешественница, съ которой онъ случайно

познакомился на пароходѣ, но имя которой онъ, впрочемъ, забылъ. Пока дѣти возились подлѣ нихъ, они спокойно и дружески бесѣдовали. Онъ нашелъ ее гребень и помогъ ей привести въ порядокъ прическу, при чемъ простота его манеръ наглядно объяснила Христіанѣ, почему въ Англіи молодыя дѣвушки свободно гуляютъ и даже путешествуютъ съ молодыми людьми, что немислимо во Франціи.

Съ минуты приѣзда лорда Стэнли, Христіанѣ стало какъ-то легче. Присутствіе его служило ей какъ бы оплотомъ, и она бессознательно чувствовала себя въ безопасности со стороны Клозбёрна. Когда же черезъ нѣсколько дней старый Стэндигетъ уѣхалъ, она превратилась въ тѣнь лорда Стэнли, къ которому ее тѣмъ болѣе влекло, что она не чувствовала особенно большой разницы между этимъ вторымъ, небогатымъ сыномъ, и ею, наемной компаньонкой. Клозбёрнъ скоро замѣтилъ ее поведеніе и спросилъ, почему это она не отходитъ отъ лорда Стэнли?—А очень ему хочется это знать? Хорошо. Дѣло очень просто: ей это позволяетъ не встрѣчаться съ нимъ съ глазу на глазъ, а его лишаетъ предлога обходиться съ нею неуважительно.—И это все?—Все.

Но и Стэнли, въ свою очередь, многое замѣчалъ. Какъ-то разъ вечеромъ, несмотря на отнѣвиванья, Христіану принудили спѣть дуэтъ съ Клозбёрномъ. Герцогиня настаивала тономъ, сильно походившимъ на приказаніе, и Христіанѣ пришлось покориться. Своимъ прекраснымъ голосомъ, съ одушевленіемъ и артистичностью, она заглѣла съ Клозбёрномъ дуэтъ изъ „Лоэнгина“. Партнеръ ея обладалъ великолѣпнымъ теноромъ, мягкимъ, бархатнымъ, проникающимъ въ душу. Они имѣли такой успѣхъ, что ихъ окружили, прося спѣть еще. Пользуясь шумомъ и тѣсотой, онъ придвинулся къ ней слишкомъ близко, такъ, что она пригрозила ему, что встанетъ и уйдетъ, если онъ не отодвинется. Онъ прошепталъ:—Неужели вы не видите, что я васъ безумно люблю?—но все же отстранился настолько, что она могла продолжать играть. Вся кровь выпѣла въ ней отъ негодованія и ненависти къ этому человѣку.

Серьезный и наблюдательный, Стэнли скоро разгадалъ маневры Клозбёрна и въ тотъ же вечеръ предостерегъ Христіану довольно-таки своеобразно. Началъ онъ съ вопроса: находитъ ли она Вилліама Клозбёрна симпатичнымъ?—Нѣтъ?—Вотъ это удивительно! Всѣ здѣшнія дамы считаютъ его въ одинъ голосъ очаровательнымъ.—Да, конечно, у него много обаянія, но онъ фатъ, и его излишняя увѣренность въ себѣ претитъ ей. Что онъ

красивъ, это тоже несомнѣнно. Не отрицаетъ она и того, что онъ можетъ быть интересенъ, хотя она часто находитъ его неприятнымъ. Къ тому же она смотритъ на нѣкоторыя вещи вовсе не такъ, какъ всѣ „здѣшнія дамы“.

— О, да, и это знаю. Я только хотѣлъ предостеречь васъ: это — компрометирующій господинъ. Къ тому же я узналъ отъ миссъ Эмили, что онъ желалъ бы стать вашимъ „флёртомъ“.

— Благодарю васъ, лордъ Стэнли.

— Онъ говорилъ съ вами про это?

— Да.

Стэнли принялъ до того изумленный и мрачный видъ, что Христиана невольно улыбнулась. Эдвардъ Стэнли былъ некрасивъ, и въ лицѣ его имѣлось не мало крупныхъ недостатковъ, портившихъ его прекрасный овалъ. Но у него были красивые глаза, высокій ростъ, элегантная и сильная фигура, блестящіе зубы и изящныя, бѣлыя, породистыя руки. Христиана смотрѣла на него съ нескрываемой симпатіей. Она понимала и цѣнила его душевныя качества, и когда онъ попросилъ ее пѣть болѣе дуэтовъ съ Клозбёрномъ, она охотно это ему общала.

Несмотря, однакоже, на все свое презрѣніе къ Клозбёрну, она чувствовала какое-то влеченіе къ этому испорченному чловѣку. Ее интересовала борьба, въ которую она вступила съ нимъ, и она никогда не умѣла оставаться равнодушной къ его присутствію. Между тѣмъ, ея дружба со Стэнли становилась все тѣснѣе и тѣснѣе. Отпускъ его близился къ концу, и незадолго до отъѣзда онъ прямо высказалъ Христианѣ свою дружбу. Оба они какъ-то заброшены и одиноки въ жизни, и сердца ихъ нуждаются въ дружеской опорѣ и сочувствіи. Задушевный тонъ его словъ былъ въ то же время такъ поучителенъ и серьезенъ, что Христиана могла отвѣтить ему только сочувственно; только оставшись наединѣ, она почувствовала, что между ними исчезла какая-то преграда, уступивъ мѣсто чему-то неосознаемому, но сердечному. Ее влекло къ нему, и забота его о ней радовала ее несказанно... Мысленно она называла уже его просто Эдвардомъ, но тутъ же спрашивала себя, не заходить ли она дальше, чѣмъ хотѣлъ того самъ ея новый другъ?..

IV.

Время шло, а положеніе вещей было все то же. Клозбёрнъ преслѣдовалъ ее по прежнему своими ухаживаніями, и послѣ его дерзкихъ выходокъ молодая дѣвушка отдыхала душой только въ

обществѣ лэди Ричмондъ и Винни. Нерѣдко къ нимъ присоеди- нялся и лордъ Стэнли, и тогда часы проходили незамѣтно въ дружеской бесѣдѣ. Послѣ такихъ прелестныхъ часовъ, горечь поднималась иногда еще сильнѣе въ сердцѣ Христіаны. Она спрашивала себя, способна ли она будетъ прожить цѣлую жизнь, держась вѣчно въ тѣни и стараясь обезличиться, тогда какъ на дѣлѣ она равна всѣмъ этимъ людямъ и создана для того, чтобы всецѣло раздѣлять ихъ образъ жизни. И смятеніе все росло и росло въ ея душѣ...

Сидя какъ-то съ Винни и Христіаной, Эдвардъ Стэнли спросилъ Христіану сколько ей лѣтъ?—Двадцать-пять! вотъ какая она старая компаньонка!—Старая?! Ни онъ, ни Винни, съ этимъ не согласны. Но что удивляетъ Эдварда, такъ это то, что она, прирожденная аристократка, выбрала себѣ такого рода занятіе.— Что же дѣлать? Для дѣвушекъ въ ея положеніи это—единственный выходъ. Самое ихъ рожденіе и воспитаніе дѣлаютъ ихъ неспособными къ простой работѣ. Къ тому же, независимая работа влечетъ за собою одиночество, а мало ли что можетъ случиться? А захворай она—что ждетъ ее?.. больница!.. А здѣсь она знаетъ, что Винни не броситъ ее, здѣсь она не одна... Винни крѣпко обняла ее:—О, да, она понимаетъ, что тяжело лишиться всего и зависть отъ другихъ.

Черезъ минуту Винни зачѣмъ-то вышла. Эдвардъ подвинулся къ Христіанѣ, взялъ ее за руку и сказалъ задушевно:

— Какъ много вы уже выстрадали, дорогая мадмуазель де-Нерансъ! Но стоитъ вамъ захотѣть,—вы вернете себѣ и свободу, и общественное положеніе.

— Какимъ образомъ?

— Стоитъ вамъ позволить любить себя...

Голосъ его проникъ ей въ самое сердце, но отвѣтить она не успѣла, потому что Винни вернулась. А потомъ опять въ ней шевельнулось сомнѣніе. Не предлагалъ ли ей Стэнли въ другой формѣ то же самое, что и лордъ Клозбёрнъ? Можетъ ли онъ полюбить ее настолько серьезно, чтобы жениться на ней?

Скоро новый и курьезный эпизодъ внесъ еще новое смятеніе въ ея душу. Въ числѣ гостей, собравшихся въ Аддингтонъ-Паркъ, находился одинъ старый холостякъ и оригиналь, лордъ Браунтонъ, появленіе котораго вызвало такую кислую мину на лицѣ герцогини, что Христіана тотчасъ же заинтересовалась новымъ гостемъ. Винни пояснила ей, что этотъ господинъ—политическій противникъ ея отца; будучи пятымъ сыномъ, онъ жилъ въ бѣдности, пока смерть не похитила его старшихъ четырехъ братьевъ,

одного за другимъ, вслѣдствіе чего онъ очутился единственнымъ наслѣдникомъ имени и огромнаго состоянія лордовъ Браутонъ. Лэди Ричмондъ приняла его привѣтливо, но, по своей привычкѣ добродушно подшучивать надъ старыми друзьями, спросила его, не пріѣхалъ ли онъ извѣстить ихъ со воей свадьбѣ?—Зачѣмъ она его дразнить! Вѣдь ему уже перевалило за пятьдесятъ, молодыя дѣвушки за него не идутъ, а старыхъ дѣвъ онъ боится пуще огня. Къ тому же онъ не желаетъ плодить сыновей, такъ какъ живетъ хорошо только старшему, а остальные бѣдствуютъ.

За обѣдомъ Христіана имѣла случай убѣдиться, что онъ дѣйствительно большой оригиналъ. Зычнымъ голосомъ онъ все время говорилъ такія вещи, что всѣ чуть-чуть не перессорились. Христіана сидѣла рядомъ съ нимъ и не утерпѣла, чтобы не возразить на какое-то, показавшееся ей чудовищнымъ, его замѣчаніе. Онъ немедленно обратилъ на нее вниманіе, и кончилось тѣмъ, что ей пришлось отдѣлаться отъ него съ помощью хитрости,—до того онъ сталъ внезапно любезенъ. Недѣли черезъ двѣ послѣ своего пріѣзда, встрѣтившись случайно съ нею утромъ въ саду, онъ обратился къ ней съ такою рѣчью.

— Здравствуйте, мадмуазель де-Нерансъ. Меня чрезвычайно радуетъ эта неожиданная встрѣча. Я считаю себя обязаннымъ извиниться передъ вами за свое поведеніе, въ первый вечеръ нашего знакомства. Надо вамъ сказать, что я до того привыкъ къ нашимъ глупымъ англійскимъ индюшкамъ и къ лестн мамашѣ, имѣющихъ дочекъ на шеѣ, что забываю иногда, что съ молодой дѣвушкой необходима извѣстнаго рода деликатность. Отъ лэди Ричмондъ я узналъ вашу исторію, и она описала мнѣ вашъ характеръ. Когда мнѣ пришло на умъ, что вамъ придется, пожалуй, прожить всю жизнь въ чужихъ людяхъ,—мнѣ это просто всю душу перевернуло. Мысль эта преслѣдуетъ меня теперь, какъ кошмаръ. Вотъ я и подумалъ... я предполагалъ... что можетъ быть... словомъ...

Онъ былъ красенъ какъ ракъ, потъ струился по его лицу, онъ заикался и путался.

— Что вы хотите сказать, милордъ?

— Поразсудимте немного: скажите, мадмуазель де-Нерансъ, неужели вы думаете, что богатство имѣетъ смыслъ, если подлѣ тебя нѣтъ существа, т.-е. красивой жены, на которую можно тратить свои деньги?.. Вы смѣтаетесь? Ну, вотъ, я страшно радъ, что вамъ весело! Вы, пожалуй, подумаете про себя, что старый лордъ несетъ чепуху, заговаривается! Ну, не такъ же вѣдь я еще старъ: мнѣ пятьдесятъ-пять лѣтъ, и до дряхлости еще да-

леко; но когда живешь въ одиночествѣ,—дѣлаешься эгоистомъ, выпиваешь лишнюю рюмку портвейну...

— Ну, такъ женитесь, милордъ.

— Жениться? Вотъ именно, къ тому-то я и велъ. Вѣдь я—хорошая партія: у меня болѣе полмилліона франковъ годового дохода. Но я хотѣлъ бы, чтобы моя жена не была похожа на другихъ женщинъ; онѣ вѣдь всѣ только и умѣютъ, что опускать глаза, тараторить вздоръ и притворяться необычайно невинными, какъ только дотронешься до нихъ пальцемъ, да еще стараться убѣдить меня, что я—молодъ и красивъ. Вы смѣтаетесь... вѣдь я некрасивъ, а? скажите?

— Но...

— Ну, вотъ, bravo! Я безобразенъ и старъ...

— Вы, конечно, не молоды, но...

— Bravo, bravo! и въ тому же глупецъ, а?

— Вотъ ужъ это нѣтъ!

— И это вы искренно? Я не глупецъ, нѣтъ?

— Разумѣется, нѣтъ.

— А чтò же я такое?

— Оригиналъ...

— Ну, вотъ, megci. Послушайте, мадмуазель: оригиналу этому приспичило сообщить вамъ, что онъ обладаетъ замкомъ въ тѣни вѣковыхъ дубовъ; въ замкѣ этомъ—тъма художественныхъ рѣдкостей, въ которыхъ онъ, впрочемъ, ничего не смыслить. Но все это требуетъ хозяйки; я нашелъ ее, эту идеальную хозяйку, и умоляю васъ не разрушать тѣхъ чудныхъ плановъ, которые я строю съ тѣхъ поръ, какъ встрѣтилъ васъ, и не превращать ихъ въ груды развалинъ.

Съ послѣднимъ словомъ онъ поспѣшно поклонился ей и убѣждалъ. Ошеломленная этимъ неожиданнымъ приключеніемъ, она поспѣшила пойти рассказать все это лэди Ричмондъ, прося ее отказать отъ ея имени лорду Браутону. Старая лэди уговаривала ее принять это предложеніе, но Христіана и слышать объ этомъ не хотѣла: не продастъ она себя этому каррикатурному чудаку. Въ тотъ же вечеръ лэди Ричмондъ такъ повѣствовала ей о впечатлѣніи, произведенномъ ея отказомъ на лорда Браутона.

— Если бы вы поговорили съ нимъ лично, мое милое дитя, вы были бы теперь невѣстой. Онъ глубоко опечалился, а его страстные рѣчи совсѣмъ меня разстроили. Онъ человѣкъ не глупый, и любилъ васъ искренно. Отказъ вашъ подавилъ его, и завтра же онъ уйдетъ. „А я-то собирался уже произвести у себя столько улучшеній,—сказалъ онъ,—а теперь бесполезно. Какъ

это жестоко, лэди Ричмондъ, что молодая дѣвушка можетъ такъ отвергнуть честное сердце и такія великолѣпныя конюшни! Есть отъ чего голову потерять. Я вовсе не ждалъ отказа... Все дѣло въ томъ, что она меня не любитъ, а польститься на одно мое богатство она неспособна. Тѣмъ болѣе я огорченъ. Скажите ей, что мнѣ очень больно, но что ея благородное поведеніе внушаетъ мнѣ глубокую симпатію къ ней: съ такой натурой она можетъ быть только несчастна въ жизни. Бѣдняжка, она даже не рассчитала, что скоро могла бы остаться богатой вдовой. Я не такъ взялся за дѣло: вздумалъ пропѣть ей чувствительный романсъ голосомъ охрипшаго ворона, и только насмѣшилъ ее, а это никуда не годится. Теперь она считаетъ меня неспособнымъ понять, что такое любовь. Она меня такъ околдовала, что я поступилъ безсмысленно. Когда человѣкъ не любитъ самъ, онъ не можетъ понять того, кто любитъ. Она не могла раздѣлять моей горячки, а я не понималъ ея духовной тонкости... Я вообразилъ, что довольно сказать ей, какъ всѣмъ остальнымъ: *я богатъ*... Да, я глупецъ, если могъ воображать это! Вотъ его слова, Христіана,—и эти слова меня тронули.

Инцидентъ этотъ сильно взволновалъ Христіану. Неужели жизнь никогда не оставитъ ея въ покоѣ, и она будетъ постоянно игрушкой печальныхъ или нелѣпыхъ случайностей?

Въ началѣ декабря Эдвардъ Стэнли вернулся въ полкъ. Прощаясь наканунѣ отъѣзда съ Христіаной, онъ особенно нѣжно поручалъ ея заботамъ лэди Ричмондъ, которую очень любилъ. Бабушка очень привязалась къ ней. Впрочемъ, кто же относится тутъ къ ней равнодушно? Въ ней есть что-то особенное,—онъ замѣтилъ это еще тогда, на пароходѣ.

— Вы обладаете какой-то притягательной силой, поработившей уже здѣсь всѣхъ: отца, брата, даже отчасти мою мать. Не говорю уже ни о бабушкѣ, ни о сестрѣ, ни о себѣ самомъ, ни о другихъ... И стоитъ вамъ захотѣть...

— Я хочу только жить честно и мирно подъ этой кровлей и стараться, чтобы къ моей личности относились съ почтеніемъ и уваженіемъ,—больше ничего!

— Со мною вы болѣе чѣмъ достигли своей цѣли, ибо я васъ чту, уважаю и...

Онъ не договорилъ, потому что у нея вырвался немного высокомерный жестъ. Онъ почтительно поцѣловалъ ея руку и вышелъ. Отъ него Христіана ничего подобнаго не ожидала. Если

онъ дѣйствительно любить ее, почему же онъ не договорилъ? а если нѣтъ, то зачѣмъ онъ сказалъ такъ много? Любить! Почему всѣ мужчины твердили ей это слово, суля ей свободу, богатство и счастье? Неужели внѣ любви—радости въ самомъ дѣлѣ невозможны на землѣ! Неужели ревностное исполненіе долга не дастъ ей настоящаго удовлетворенія? Имѣетъ ли она даже право любить въ ея положеніи? И всѣ эти мужчины, говорящіе ей на всѣ лады о любви, любятъ ли они ее на дѣлѣ? Вѣдь все это—не болѣе какъ страсть, раздраженная ея сопротивленіемъ.

Всѣ эти мысли дали ей заснуть не болѣе, какъ до пяти часовъ утра. Она встала, накинула бѣлый пеньюаръ, прошла въ зало и распахнула окно, выходящее на залитый луннымъ свѣтомъ дворъ, гдѣ слышалась возня. Это снаряжали въ путь лорда Стэнли. Христіана постояла у окна и вернулась въ себѣ, но въ корридорѣ она столелулась съ миссъ Эмилией, которая заявила, что ее тоже мучитъ бессонница, и она идетъ въ зало за оставленной тамъ книгой. Она не преминула намекнуть что-то по поводу трогательныхъ утреннихъ проводовъ и со смѣхомъ убѣжала. Тутъ только сообразила Христіана, какія неприятныя послѣдствія можетъ имѣть ея невольная оплошность, а потому весь день потомъ ей было не по себѣ, тѣмъ болѣе, что она видѣла, какъ миссъ Эмилиа что-то съ жаромъ рассказывала Клозбѣрну, а тотъ бросалъ на нее издали насмѣшливо-презрительные взоры.

Натянутые, какъ струны, нервы ея, наконецъ, не выдержали. Черезъ день послѣ этого, утомленная продолжительной верховой ѣздой на охотѣ, она чувствовала себя ослабѣвшей и за обѣдомъ сидѣла какъ въ туманѣ. Не удалось ей отдохнуть и послѣ обѣда, потому что молодежи захотѣлось потанцовать, и ей пришлось сѣсть за рояль. Сначала она играла въ четыре руки съ Винни, но ту увлекли танцовать, и она осталась одна. Она продолжала машинально играть, опустила глаза на клавиши, убаюкиваемая ритмомъ музыки. Внезапно между нею и стѣною что-то проскользнуло на мѣсто Винни. Она сейчасъ же догадалась, что это Клозбѣрнъ, но не повернула головы и не отвѣчала на его привѣтствіе. Но онъ невозмутимо продолжалъ:

— Вы, должно быть, страшно утомлены, вы такъ блѣдны! Мнѣ жаль смотрѣть, какъ вы выбиваетесь изъ силъ изъ-за прихоти этой молодежи.

Какъ можно тише и ровнѣе, она поблагодарила его за вниманіе:—Вы слишкомъ добры, я не устала.

— Къ хорошенькой женщинѣ нельзя быть достаточно добрымъ; не принимайте такого грознаго вида, прошу васъ. Я

знаю теперь, что таится подъ вашими суровыми взглядами; признайтесь, что я, какъ первый, отъ кого вы услышали слова симпатіи, заслуживалъ бы лучшей награды, и весьма не хорошо съ вашей стороны приносить въ даръ другимъ то волненіе, которое я первый пробудилъ въ васъ.

— Милордъ!

— Вы немножко неблагодарны, мадмуазель Христіана! Неужели я не удостоюсь также ранняго свиданія? Неужели для этого необходимо уѣхать въ пять часовъ утра?..

— Васъ ввели въ заблужденіе, милордъ; меня привела туда одна случайность.

— Буду рассчитывать на вторичную случайность, — вотъ и все!

— Никогда!

— Никогда? берегитесь... Да играйте же, мадмуазель, а то другіе замѣтятъ... Неужели вы воображаете, что я оставлю васъ въ покоѣ теперь, когда я знаю, что вы гуляете по ночамъ по замку въ бѣломъ пеньюарѣ? И онъ уѣхалъ, глупецъ! Однако, шутки въ сторону, слушайте: несмотря на ваше ночное похождение, я до того люблю васъ, что предлагаю слѣдующее: вы скажете, что вамъ нужно съѣздить во Францію, я уѣду тоже отсюда, и мы съѣдемся въ Лондонѣ, а оттуда на континентъ, въ Каннъ, Ниццу...

Но тутъ уже нервы Христіаны не выдержали, и она безшумно соскользнула на полъ. Она была въ обморокѣ. Произошелъ переполохъ. Лэди Ричмондъ и Винни привели ее въ чувство и уложили въ постель. Этотъ внезапный обморокъ былъ всѣми приписанъ чрезмѣрной усталости.

На другой день, въ часъ прогулки, предполагая, что никого нѣтъ дома, Христіана читала внизу въ гостиной, когда къ ней подошелъ лордъ Клозбѣрнъ. Она поблѣднѣла, но онъ извинился передъ нею въ мягкихъ выраженіяхъ за свою вчерашнюю грубую выходку. Онъ понялъ всю свою жестокость, когда увидалъ ее въ обморокѣ. Но Христіана не подала ему руки.

— Развѣ вы не хотите помириться со мной?

— Никогда! вы отлично знаете, что вамъ наггали; впрочемъ, я не намѣрена оправдываться, — все это слова и слова. И даже еслибы вамъ вздумалось предложить мнѣ свою руку и состояніе, я отказала бы вамъ, — слышите, лордъ Клозбѣрнъ, взглянуть честью.

И она встала; онъ тоже всталъ.

— Берегитесь. Я буду стеречь васъ какъ сокровище. Позвольте мнѣ надѣяться, что часъ мой пробѣдетъ!

— Никогда.

— Видите, я не сержусь. Но тронетъ ли васъ когда-нибудь мое смиреніе?

— Никогда.

— Увидимъ...

И онъ внезапно схватилъ ее, поцѣловалъ въ лобъ, и скрылся. Христіана задыхалась отъ неожиданности и негодованія...

V.

Христіана была воспитана глубоко вѣровавшими родителями въ религіозномъ духѣ и была весьма благочестива. Она аккуратно бывала у обѣдни по воскресеньямъ и часто заходила къ старому, достойному капеллану излить предъ нимъ свою смятенную душу. Но его простыя, прекрасныя слова не всегда или не надолго успокаивали ее, и миръ души ея быстро нарушался вновь. Забыться ей все не удавалось... Поэтому она очень обрадовалась, когда, дней за пять до Рождества, герцогиня попросила ее ознакомиться съ сложнымъ хозяйствомъ дома, чтобы быть въ состояніи замѣнить ее, если она отлучится на время послѣ праздниковъ. Христіана охотно согласилась. Машина оказалась весьма сложною; кромѣ управляющаго, по имени Лэнъ Гриффитъ, да главной экономки, миссисъ Дроммль, наблюдавшей за всей прислугой, въ замкѣ имѣлось шестьдесятъ слугъ. Порядокъ во всемъ былъ образцовый, и герцогиня вела строгій счетъ всему, не исключая и бутылокъ о-де-колона и зубного эликсира, отпускавшихся въ уборныя гостей. Христіана поняла, что дѣла ей будетъ не мало. Герцогиня попросила ее еще присмотрѣть и за убранствомъ огромной елки, для чего ей будетъ дано достаточно слугъ.

Христіана отлично разгадала намѣреніе герцогини: лэди Сѣрри видѣла, что миссисъ Дроммль старѣетъ, а Винни скоро выйдетъ замужъ. Вотъ ей и было бы пріятно удержать Христіану въ домѣ и превратить ее мало-по-малу въ экономку. Въ данную минуту, впрочемъ, Христіана была очень рада всему этому дѣлу и съ удовольствіемъ принялась за устройство, дѣйствительно, великолѣпной елки. Она была одна въ гостиной, занятая осмотромъ этой елки, поставленной посреди комнаты, когда туда вошелъ Клозбѣрнъ и пришелъ въ негодованіе.—Нѣтъ,

это уже черезчуръ, — чего тутъ только на нее не взваливаютъ! Она и компаньонка, и сидѣлка, и тапёръ. Довольно съ нею и этого. Пусть она броситъ эту елку. Но Христіана спокойно возразила, что она обѣщала заняться этой елкой, и сдержитъ свое обѣщаніе. — Вотъ какъ! а она всегда держитъ свои обѣщанія? — Всегда... Такъ пусть же она общается ему не сердиться болѣе на него. — Да, если въ свою очередь онъ общается забыть ее. — Можетъ ли онъ забыть ее, когда только и мечтаетъ о ней? — Опять оскорбительныя выраженія!..

Онъ заговорилъ теперь тѣмъ тихимъ, нѣжнымъ, проникающимъ голосомъ, отъ котораго сердце ея безумно билось, а кровь влокотала въ жилахъ. Ею овладѣвала какая-то мучительная истома, и ей казалось, что она сейчасъ обомретъ. Пользуясь ея слабостью, онъ вѣршею обнялъ ее и, бережно опустивъ ее въ кресло, быстро ушелъ. Онъ ее точно околдовалъ, усыпилъ ея волю. Ей было и больно, и ужасно, что она не имѣла силъ оттолкнуть его. И, смятенная, она снова прибѣгла къ помощи свыше...

Въ сочельникъ Христіана и Винни причастились, и Христіана вышла изъ церкви съ яснымъ духомъ и умиротвореннымъ сердцемъ. Но не надолго. Только-что онѣ вернулись въ замокъ, какъ Винни обратилась къ ней съ неожиданнымъ вопросомъ:

— Мнѣ надо предложить вамъ одинъ вопросъ, Христіана. Я все колебалась, боясь, что ваше мнѣніе не сойдется съ моимъ желаніемъ, но болѣе молчать я не могу. Скажите, пошли ли бы вы охотно замужь за Вилліама Клозбёрна на моемъ мѣстѣ?

— Вы предлагаете мнѣ чрезвычайно трудный вопросъ, Винни. Прежде всего, мнѣ нужно знать, любите ли вы дѣйствительно лорда Клозбёрна, или просто соглашаетесь на этотъ бракъ, потому что обѣ ваши семьи желаютъ этого?

— Сначала—да, миссъ Нэнъ,—я хотѣла угодить отцу. Но съ тѣхъ поръ я привязалась къ Вилли и чувствую, что люблю его. Да, я люблю его всей душой. Онъ такъ красивъ, такъ обаятеленъ... Вы не согласны со мной, Христіана?

— Да, онъ чрезвычайно красивъ и уменъ.

— Скажите, милая Христіана, полюбили ли бы вы его, если бы вы были на моемъ мѣстѣ?

— Сказать вамъ, что бы я чувствовала къ нему, если бы я была на вашемъ мѣстѣ, Винни,—невозможно. Но если вы просто хотите знать, что думаю я, то я отвѣчу вамъ откровенно: нѣтъ, мнѣ не хотѣлось бы быть женой лорда Клозбёрна. Но онъ такъ богатъ, а я такъ бѣдна, — читаю я въ вашихъ глазахъ. Нѣтъ,

несмотря ни на что. Я не пошла бы за него замужъ, потому что онъ мнѣ не нравится; я его не могла бы полюбить.

— И это правда, правда?

— Я только-что причастилась, Винни. Клянусь вамъ, что я не лгу.

— Простите меня, Христiana, дорогая моя, я.. я думала... мнѣ казалось...

Она не договорила, порывисто обняла Христiana и спрятала лицо на ея груди. Но Христiana поняла и поспѣшила успокоить ее. Христiana не сердится и отлично понимает, почему въ ней зародилась подобная мысль: они такъ часто бывали втроемъ, и Винни замѣтила, что лордъ Клозбернъ охотно разговариваетъ съ нею. Но это потому, что онъ видитъ въ ней развитую женщину, прошедшую уже суровую школу бѣдности и жизненныхъ превратностей. Но въ глубинѣ души онъ несомнѣнно остается женихомъ Винни и ни минуты не допускаетъ, чтобы благородный шотландскій лордъ могъ жениться на компаньонкѣ. И онъ любитъ Винни, разумѣется, любить... Но сама-то Винни чувствуетъ ли себя любимой?

— Кажется... Ахъ! милая Нэнъ, какъ меня радуютъ ваши слова! Да, я думаю, что онъ меня любитъ, потому что когда вы поете, онъ садится подлѣ меня и говоритъ такъ мило со мною. Разъ я замѣтила ему, что у васъ прекрасный голосъ. „Да, сказалъ онъ, прекрасный голосъ, страстный такой... Когда она поетъ, такъ и хочется слушать, не двигаясь, этотъ бьющій по нервамъ голосъ“. И онъ не выпускалъ моей руки, и мы просидѣли такъ все время, пока вы пѣли. Онъ безконечно милъ и предупредителенъ со мною,—какъ же мнѣ не любить его?

— И продолжайте любить его, Винни! Какъ знать! быть можетъ, и онъ будетъ не менѣе нѣжнымъ мужемъ, чѣмъ другіе.

— О, навѣрное! Сейчасъ я васъ сконфужу, Нэнъ, однимъ вопросомъ: замѣтили ли вы, какъ онъ горячо цѣлуетъ руку и какіе у него мягкіе, шелковистые усы?.. Вы отворачиваетесь? Такъ говорить неприлично?

— Нѣтъ, нѣтъ, моя Ненни... Выходите за него,—вы его любите. *Любить* — это и есть, можетъ быть, высшая радость, потому что это—активное чувство. *Быть любимой*—не то, и менѣе согрѣваетъ душу, потому что любовь другого не можетъ такъ же сильно владѣть нашей душой, какъ наше собственное чувство...

Вечеромъ неожиданно пріѣхалъ лордъ Стэнли, только еще недавно написавпій Винни, что ему не удастся вырваться къ

Рождеству. Христіана очень ему обрадовалась. За обѣдомъ онъ оказалъся ея сосѣдомъ, и они все время весело бесѣдовали. Его честность и прямота благотворно повліяли на нее, разгоняя тревожный туманъ, обволакивавшій ея душу въ присутствіи Клозбёрна. Одинъ наполнялъ ея сердце миромъ, другой—смятеніемъ. Вечеромъ зажгли елву, и веселью дѣтей не было конца.

На другое утро въ Христіанѣ ворвались Дикъ и Флорри. Дикъ восторженно кричалъ:

— Смотрите, смотрите, миссъ Нэнъ... Младенецъ Іисусъ прибылъ изъ Франціи и положилъ въ мой башмакъ великолѣпную желѣзную дорогу! А Флорри—большую куклу!

Малютки подняли такую кутерьму, что Христіана и не замѣтила, какъ въ ея гостиную вошли Винни и Эдвардъ Стэнли.

— Поблагодарили ли вы, по крайней мѣрѣ, миссъ Нэнъ, дѣтки?

— А зачѣмъ благодарить Нэнъ?

— Но...

— О, Эдди, вы все испортите! — вскричала Винни. — Слушайте, мальчижи: младенецъ Іисусъ не прибылъ бы изъ Франціи, если бы миссъ Нэнъ ему не написала. А потому поцѣлуйте ее, поблагодарите ее за то, что она послала ему письмо, и передайте ей то, что англійскій младенецъ Іисусъ положилъ для нея въ мой башмакъ.

— А! хорошо! Черная фея, вотъ и вамъ подарочекъ...

И Дикъ подаль Христіанѣ маленькой футляръ, въ которомъ оказалось широкое золотое кольцо, украшенное двойнымъ вѣнкомъ рельефныхъ незабудокъ изъ свѣтло-голубой эмали. Внутри кольца была вырѣзана по-англійски надпись: „*Не забудьте меня.*“ Когда Христіана подняла глаза отъ этой символической, трогательно-безвкусной бездѣлки, она встрѣтила устремленные на нее взгляды Винни и Эдварда. У нихъ былъ такой счастливый видъ, что она была тронута и сказала отъ всей души:

— Никогда не забуду я васъ, дорогая моя Винни...

— А его?—спросила она, указывая на Эдварда.

— Какой вы ребенокъ!—отвѣтила Христіана.

— Совсѣмъ не такой ужъ ребенокъ,—не такъ ли, Эдди? Знайте же, ма снѣге, что кольцо было заказано имъ, и ему же принадлежитъ честь идеи этой двойной гирлянды. Чтò же вы ему-то скажете?

— Да то же самое, что и вамъ! Я не позабуду и васъ, лордъ Стэнли...

Онъ уѣхалъ на другой же день, заронивъ, однако, пред-

варительно смутную надежду въ душу Христіаны. Онъ гулялъ въ паркѣ съ нею, съ сестрой и дѣтьми. Случайно оставшись съ ними немного позади, Христіана, которой онъ говорилъ что-то о жизни богатыхъ людей, замѣтила, что она любитъ роскошь, потому что та доставляетъ много пищи и даже радостей уму. Развѣ женщина не становится красивѣе отъ изящнаго туалета? Развѣ Винни, въ своемъ элегантномъ костюмѣ изъ темно-зеленаго бархата, отороченнаго дорогимъ мѣхомъ chinchilla, не интереснѣе ея, Христіаны, въ этой суконной пелеринкѣ и простомъ шерстяномъ платьѣ!—Нѣтъ, онъ находитъ ее изящной и прекрасной и въ этомъ нарядѣ, да и не онъ одинъ, повидимому, находитъ это... Но, значить, она не согласится пойти замужъ за человѣка безъ средствъ?

— Нѣтъ, я вышла бы за него, если бы любила его, а онъ меня. Не думайте, что я корыстолюбива; деньги доставляютъ, однако, много умственныхъ наслажденій, на которыя я очень падка. Напримѣръ, я очень рада, что могу покупать себѣ книги, съ тѣхъ поръ, какъ я поступила сюда. Но я отлично знаю, что радости сердца стоятъ выше матеріальныхъ благъ. И я, какъ, вѣроятно, и всякая, мечтаю быть и богатой, и любимой. Но кто же можетъ полюбить меня настолько серьезно, чтобы жениться на таковой безприданницѣ, какъ я?

— Не безпокойтесь, найдется...

И онъ бросилъ на нее таковой взглядъ, отъ котораго дрогнуло ея сердце.

VI.

Черезъ два дня послѣ отъѣзда Эдварда, въ два часа ночи, постучалась къ Христіанѣ молодая няня дѣтей, прося ее придти въ дѣтскую, потому что лордъ Беркли очень боленъ и зоветъ ее въ бреду. Наскоро одѣвшись, Христіана бросилась въ дѣтскую, гдѣ миссисъ Джоффри съ трудомъ удерживала въ постели Дика, звавшаго черную фею и просившаго снять съ него нитки, тянущія его за волоса. Онъ не узналъ Христіаны. Завернувъ его въ одѣяло, она взяла его на руки и принялась ходить взадъ и впередъ по комнатамъ, разспрашивая шопотомъ миссисъ Джоффри. Уже наканунѣ ребенокъ былъ блѣденъ и вялъ, а часъ тому назадъ проснулся, жалуясь на боль въ поясницѣ. Когда въ ея объятіяхъ ребенокъ затихъ, Христіана присѣла, а миссисъ Джоффри задремала у камина. Тѣло мальчика пылало сухимъ

жаромъ. Въ пять часовъ утра съ нимъ началась рвота, и встревоженная Христiana послала разбудить отца и мать. Первымъ явился лордъ Гильдфордъ, полуодѣтый, разспросилъ, въ чемъ дѣло, и немедленно приказалъ ѣхать за докторомъ; лэди Гладисъ появилась гораздо позднѣе, и объявила, что все это глупости, небольшая лихорадка, и не къ чему было волноваться и держать ребенка на рукахъ. Но когда Христiana попробовала опустить осторожно ребенка въ постель, онъ такъ застоналъ, бредъ и рвота возобновились съ такой силой, что мать растерялась. А когда пріѣхалъ докторъ и тщательно освидѣтельствовалъ мальчика, то онъ прямо заявилъ, что это скарлатина и притомъ въ злѣйшей формѣ. Фло сейчасъ же перевели подальше отъ брата. Узнавъ печальную новость, гости разѣхались, остальныхъ членовъ семьи изолировали, а во второмъ этажѣ, гдѣ была дѣтская, остались лордъ и лэди Гильдфордъ, миссисъ Джоффри, подручная служанка и Христiana. Докторъ хотѣлъ удалить и ее, но она не согласилась оставить больного ребенка, къ которому она привязалась всей душой и который только ее одну и слушался. Докторъ уступилъ, но предупредилъ ее шопотомъ, что болѣзнь имѣетъ самый злобщій характеръ. Лэди Гладисъ хотѣла-было пригласить сестру милосердія, но ее мужъ воспротивился.

— Я полагаю, что вы можете помогать сами другимъ ухаживать за вашимъ сыномъ. Ребенокъ никого не зоветъ, кромѣ нашей милой мадмуазель де-Нерансъ... Благодарю васъ за ваше самоотверженіе, мадмуазель, благодарю отъ всего сердца.

Въ рѣдкіе промежутки между бредомъ Дикъ говорилъ слабымъ голосомъ Христiанъ:

— Я бредилъ, да, Нэнъ? Ахъ, какъ мнѣ больно!..

Сердце разрывалось у нея при видѣ мученій ребенка. Въ ночь на новый годъ онъ бредилъ непрерывно, и лордъ Гербертъ, миссисъ Джоффри и она не отходили отъ него. Процессъ болѣзни былъ тяжелый; сыпь мало выступала и опять пропадала; дыханіе было крайне затрудненное.

Изъ Лондона были вызваны двѣ знаменитости. Они сказали, что надежда еще есть, потому что не было еще кровотеченій, но они появились въ ночь на новый годъ. Шагъ за шагомъ отецъ и Христiana слѣдили за этой агоніей, вида, что всѣ усилія ихъ бесполезны. У нихъ была теперь одна дума, одна воля; они не думали ни о чемъ другомъ, кромѣ спасенія ребенка, и жили тутъ, какъ бы оторванные отъ всего міра; а потому Христiana была совершенно озадачена, получивъ отъ герцогини Сѣрри одинъ

изъ ея пеньюаровъ взамѣнъ ея пеньюара, запачканнаго кровью ребенка, и слѣдующую записку:

„Дорогая Христіана! Мнѣ запрещаютъ навѣщать моего милаго внука, чтобы не занести заразы моей матери и Винни. Несмотря на свою тревогу, я все же не теряю надежды, потому что вы подлѣ него. Благодарю васъ за ваше самоотверженіе; семья Сѣрри этого не забудетъ.—Діана, герцогиня Сѣрри“.

Даже передъ лицомъ смерти она не забывала, что она—герцогиня!

А лэди Гладисъ умѣла только трусить и помощи отъ нея не было никакой. Мужъ ея понималъ это отлично и не разъ говорилъ Христіанѣ: „Что бы я сталъ дѣлать, если бы не вы!“

Дни шли за днями, а положеніе больного все ухудшалось. Свойственная скарлатинѣ ангина приняла гнилостный характеръ; все горло было затянато зловѣщими перепонками, а языкъ былъ черенъ и покрытъ струпомъ. Докторъ прибѣгалъ къ самымъ энергическимъ средствамъ, но все было напрасно; всякая надежда пропала. Маркиза Гладисъ, повидимому, не сознавала правды, и все не теряла надежды на выздоровленіе. Но она почти не сидѣла въ комнатѣ больного, очевидно, боясь заразиться, и не выпускала изъ руки флакона съ антисептическими солями. Мужъ ея почти не скрывалъ своего презрѣнія къ ея малодушію.

Наконецъ, въ ночь на 21-е января, докторъ сказалъ Христіанѣ:

— Отца я отправилъ отдохнуть, а лордъ Стэнли, котораго онъ сегодня вызвалъ по телефону, къ сожалѣнію, еще не пріѣхалъ. Можете ли вы остаться одна при ребенкѣ? Миссисъ Джоффри выбилась изъ силъ, я тоже утомленъ и прилягу въ сосѣдней комнатѣ. Не понимаю, какъ вы еще на ногахъ!.. Дѣлать, впрочемъ, вамъ будетъ нечего,—остается ждать развязки.

И Христіана осталась одна съ ребенкомъ, погруженнымъ въ глубокое коматозное состояніе. Онъ хрипѣлъ, а руки его уже почернѣли. Христіана взяла въ свою руку одну изъ этихъ конвульсивно сжатыхъ, покрытыхъ потомъ ручекъ. Въ эту минуту открылась дверь и вошелъ Эдвардъ Стэнли. Подойдя къ постелькѣ, онъ нагнулся, прикоснулся губами ко лбу ребенка и прошепталъ:

— О! этотъ потъ! Отпустите его руку, Христіана, прошу васъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, пока я держу его за руку, мнѣ все кажется, что смерть его не отниметъ.

- Но болѣзнь такъ прилипчива!
 — Все равно!
 — Мнѣ не все равно! Я не хочу, чтобы вы захворали; кто
 будетъ ходить за вами?
 — Въ Лондонѣ есть больницы.
 — О! вы не хотите послушаться меня! Развѣ вы не по-
 нимаете, до чего вы меня огорчаете? Христіана, я люблю васъ...
 Развѣ вы хотите умереть раньше, чѣмъ станете моей женой?

Онъ опустился подлѣ нея на колѣни... Глубокая радость ше-
 вельнулась въ ея душѣ, тогда какъ сердце ея разрывалось отъ
 вида этой агоніи. Не выпуская руки ребенка, она опустила го-
 лову на плечо Эдварду и заплакала. Вдругъ ручка ребенка су-
 дорожно дрогнула, и онъ заметался въ страшныхъ конвульсіяхъ,
 задыхаясь, весь черный. Христіана вскрикнула. Эдвардъ бро-
 сился изъ комнаты и тотчасъ же вернулся съ братомъ, докто-
 ромъ и капелланомъ. Гербертъ бросился на грудь къ Эдварду,
 докторъ наклонился къ ребенку...

— Мужайтесь, милордъ, все кончено...

Покрывая рыданія присутствующихъ, спокойный голосъ ка-
 пеллана произнесъ:

— Sursum corda!

VII.

На похоронахъ Христіана не присутствовала, потому что
 захворала лихорадкой. Пролежала она нѣсколько дней, и всѣ
 выказывали живѣйшее участіе къ ней; герцогиня навѣщала ее,
 а герцогъ все твердилъ похвалы ея самоотверженію, добавляя,
 что считаетъ ее отнынѣ членомъ семьи. Гербертъ относился къ
 ней съ трогательной нѣжностью; а когда она оправилась, ей
 былъ оказанъ самый задушевный приѣмъ. Но, изъ деликатности
 къ семейному горю, Эдвардъ уѣхалъ, не заявивъ о своемъ пред-
 ложеніи Христіанѣ, отложивъ это сообщеніе до своего возвра-
 щенія, которое должно было состояться черезъ три недѣли. Онъ
 былъ увѣренъ въ согласіи родителей, но Христіана не раздѣляла
 его увѣренности, ожидая сопротивленія со стороны герцогини,
 мечтавшей для сына о богатой партіи.

Послѣ отъѣзда Эдварда, для Христіаны потянулись однообраз-
 ные дни. Смерть Дика наполнила ея душу такою печалью, что не
 порадовало ее даже и длинное, пламенно-краснорѣчивое письмо
 отъ жениха; къ тому же она получила изъ Франціи извѣстіе о
 смерти своей кормилицы Марины... Порвалась послѣдняя связь

съ дорогимъ прошлымъ, и Христіана почувствовала себя какъ бы вновь осиротѣвшею.

Между тѣмъ, Клозбѣрнъ продолжалъ ее всячески преслѣдовать... Христіана написала жениху, прося его только ускорить свой прїѣздъ; но такъ какъ она не приводила ему истинной причины своей просьбы, то онъ отвѣтилъ ей, что надѣется прїѣхать скоро. Ей не оставалось ничего другого, какъ сообщить ему о гнусномъ поведеніи Клозбѣрна, и на этотъ разъ Эдвардъ написалъ, что подалъ прошеніе о суточномъ отпускѣ, и сейчасъ же прїѣдетъ, какъ только отпускъ этотъ будетъ ему разрѣшенъ. Христіана немного успокоилась.

Но дни черезъ три, возвращаясь въ замокъ съ могилы Дива, она вдругъ очутилась лицомъ къ лицу съ Клозбѣрнымъ, вышедшимъ изъ лѣсной чащи. Христіана остолбенѣла. Въ гостиной, откуда она только-что ушла, обсуждался всей семьей планъ поѣздки въ Каннъ. Маркиза Гильдфордъ была беременна, потрясена смертью сына, и мужъ рѣшилъ увезти ее и Флорри въ Каннъ. Лэди Ричмондъ и Винифредъ собирались ѣхать съ ними. Клозбѣрнъ принималъ горячее участіе въ этомъ разговорѣ, и Христіана была увѣрена, что онъ остался въ гостиной.

— О, нѣтъ, я послѣдовалъ за вами, потому что къ вамъ меня влечетъ неотразимая сила... Вы теперь въ моей власти, но я не употреблю насилія. Неужели же вы не признаетесь, что вы любите меня? Вѣдь вы же любите меня! Скажите только: „Вилли, я люблю васъ“,—и я васъ оставлю. Но я хочу хоть разъ услышать эти слова.

— Никогда, никогда, никогда!

Онъ сдѣлалъ попытку обнять ее, но она отчаянно закричала:

— Помогите, помогите!

Клозбѣрнъ схватилъ ее, заглушая ея крики, но внезапно выпустилъ, потому что на него кто-то яростно бросился. То былъ Эдвардъ Стэнли. Послѣ непродолжительной борьбы, Эдвардъ сказалъ ему:

— Вы негодяй! я вызываю васъ на дуэль.

— Извольте. Но по какому праву вы вступились?

— Она моя невѣста.

Клозбѣрнъ злобно засмѣялся и скрылся въ чащѣ. Эдвардъ прижалъ Христіану къ груди, стараясь ее успокоить. Но Христіана плакала, смѣялась, дрожала и была до того потрясена, что ласки жениха только раздражали ее. Онъ говорилъ ей, что знаетъ, что она невиновна, потому что видѣлъ всю сцену. Случилось это такъ: онъ только-что прїѣхалъ и сейчасъ же освѣдомился о

ней. Ему указали, въ какую сторону она ушла, и онъ догадался, что она пошла на могилу Дива. Заслыша издали ея крикъ, онъ бросился къ ней на помощь, и видѣлъ, какъ она боролась противъ нахала. Тотчасъ же онъ пойдетъ разсказать отцу про гнусность Клозбёрна и сообщить о своей помолвкѣ съ нею... Пусть же она забудетъ объ этой тяжелой сценѣ и думаетъ только объ ожидающемъ ихъ счастьи...

Добравшись до замка, Христиана убѣждала къ себѣ, а Эдвардъ пошелъ разыскивать отца, котораго и нашель въ залѣ гуляющимъ подъ-руку съ Винифредъ. При видѣ сына, герцогъ вскричалъ:

— Ты, Эдвардъ! вотъ кстати. Узнай же большую и радостную новость: полчаса тому назадъ, Клозбёрнъ попросилъ у меня руки твоей сестры. И какова неблагодарность! Когда я передалъ объ этомъ нашей дѣвочкѣ, она вскричала: „Какое счастье!“ Она рада насъ покинуть! Таковъ законъ жизни, мой сынъ.

Эдвардъ молчалъ, ошеломленный. Винни кинулась ему на шею, восклицая: „О, Эдди, я такъ его люблю!“

Что имъ теперь дѣлать?! Правду сказать было невысказано! Винни не вынесетъ этого удара, и кто же повѣритъ въ возможность подобнаго вѣроломства?

Оставалось предоставить все судьбѣ. Но въ тотъ же вечеръ Эдвардъ повѣрилъ отцу о своей помолвкѣ. Сначала старый лордъ все спрашивалъ его, достаточно ли онъ увѣренъ въ своей любви къ невѣстѣ и не страшится ли перспективы небогатой жизни? Онъ зналъ, что жена его мечтала о блестящей партіи для Эдварда.

Убѣдившись, что его рѣшеніе непоколебимо и чувствуя въ сущности слабость къ Христианѣ, онъ взялъ на себя переговорить объ этомъ съ женой. Тѣмъ временемъ Клозбёрнъ игралъ подлѣ Винни роль нѣжнаго жениха, а бѣдная дѣвушка, ослѣпленная любовью къ нему, вовсе не замѣчала, что онъ слѣдитъ украдкой за Христианой и Эдвардомъ.

Между тѣмъ, Христиана тревожилась. Она замѣтила, что герцогиня обращается съ нею какъ-то сухо, хотя отъ Эдварда она знала, что герцогиня ничего еще не знаетъ о ихъ помолвкѣ. Старый герцогъ, всю жизнь какъ-то трепетавшій передъ женой, не рѣшился еще сказать ей объ этомъ.

Въ одно прекрасное утро Христиана получила слѣдующую записку:

„Униженно прошу у васъ прощенія за недавнюю сцену, дорогая мадамъзель де-Нерансъ. Не могу понять, какъ могъ я

допустить себя до этого поступка, за который Эдвардъ справедливо наказалъ меня. Не могу также понять той низкой мстительности, которая побудила меня такъ поспѣшно сдѣлать предложеніе Винни. Все дѣло въ томъ, что я люблю васъ, Христіана, а къ Винни чувствую лишь братскую нѣжность. Дѣлая свое предложеніе герцогу, я преслѣдовалъ, клянусь вамъ, лишь одну цѣль: не уѣзжать изъ Аддингтона, не терять васъ. Я не могу жить безъ васъ... Хотите быть моей женой? Напишите мнѣ: „Я васъ прощаю“,—и я порву съ семьей Сэрри. Винни—ребенокъ и скоро утѣшится; я же чувствую, что никогда ничто не заставить меня разлюбить васъ.—Вилліамъ Клозбѣрнъ“.

„P. S. Если вы согласны, то откажитесь ѣхать въ Каннъ и поѣзжайте къ моей теткѣ, лэди Арбротъ, живущей въ своемъ замкѣ въ Валлисѣ. Вамъ будетъ оказанъ самый сердечный пріемъ. Тетка очень меня любитъ и приметъ васъ какъ мою невѣсту, а я приѣду къ вамъ, какъ только все здѣсь повончу, и мы обвѣчаемся!“

Христіана отвѣчала немедленно: „Я могу только презирать васъ, милордъ“.

Она послала копии съ этихъ двухъ записокъ Эдварду, вернувшемуся въ Лондонъ. Семья Гильдфордъ, лэди Ричмондъ и Винни, уѣхали въ Каннъ, а Христіану герцогиня задержала еще на время въ Аддингтонѣ. На другой день этого отъѣзда, она попросила ее къ себѣ, и Христіана поняла, что судьба ея должна сейчасъ рѣшиться. Герцогиня заговорила первая, но Христіана, конечно, уже замѣтила, что она перемѣнилась къ ней за эти дни. А случилось это потому, что она видѣла случайно на дняхъ, какъ Эдвардъ вошелъ въ ея комнату и пробылъ тамъ довольно долго. Теперь, впрочемъ, она уже знаетъ, что Эдвардъ имѣлъ право входить къ ней, и вотъ она проситъ Христіану оставить ея домъ... Она, повидимому, умѣла не терять здѣсь своего времени, и съ ея стороны было довольно ловко втереться въ богатую семью, чтобы выбрать себѣ мужа...—Христіана съ негодованіемъ защищалась: она не старалась внушить ея сыну любви къ себѣ, а если бы ее прельщало богатство, то она выбрала бы себѣ человека богаче Эдварда.—Вотъ это мило! Интересно знать, кого она могла бы выбрать!—возразила герцогиня.

— Не требуйте имени, милэди...

— Потому, что вамъ трудно было бы назвать какое-нибудь имя. Вы—хитрая и ловкая интригантка, и мнѣ тѣмъ пріятнѣе выгнать васъ.

— Вы оскорбляете меня, милэди,—это жестоко.

— Я не оскорбляю васъ, а прошу сообщить имя столь же наивнаго человѣка, какъ мой сынъ. За исключеніемъ этого сумасброда Браутона, я не вижу никого, способнаго жениться на васъ.

— Прочтите же это письмо, милэди.

Герцогиня прочла и поблѣднѣла. Какой негодяй! Она сейчасъ предупредить мужа! Его надо прогнать.

— Вы убьете Винни, милэди...

— Да, это правда...—Христіана мягко убѣждала ее не смущать душевнаго мира Винни, которая такъ страстно любитъ лорда Клозбёрна и такъ гордится его любовью.

— Моя бѣдная Винни! Какой ужасъ! Этотъ человѣкъ любитъ васъ...

Христіана рассказала ей вкратцѣ, въ чемъ дѣло, а когда герцогиня спросила, не любитъ ли она Клозбёрна, она показала ей копію съ своего отвѣта. Тѣмъ болѣе Христіана должна оставить этотъ домъ. Возмущенная несправедливой сухостью герцогини, Христіана возразила, что ей остается обратиться къ лорду Гильдфорду съ вопросомъ, согласенъ ли онъ дать пріютъ бѣдной сиротѣ, выгнанной его матерью за то, что братъ его хочетъ жениться на ней, и готовой также преданно ухаживать за его Флорри, какъ она ходила за Дикомъ... — О, да, вы прекрасно умѣете играть на струнѣ своего самоотверженія, вами же названнаго. Точно любая сестра милосердія не сдѣлала бы того же самаго, и безъ всякихъ фразъ!..

Это было такъ безсердечно, что Христіана разрыдалась. Ее выручилъ вошедшій герцогъ. Онъ мягко попросилъ ее оставить его съ женой, и скоро пришелъ предупредить ее, что убѣдилъ жену примириться съ женитьбой сына. Но Христіана такъ страдалась, что извѣстіе это не порадовало ее. Не радовали ее и письма жениха. Дни шли за днями, а герцогиня держалась такъ, точно не замѣчала ея присутствія.

Всему этому положилъ вонецъ пріѣздъ Эдварда. Къ удовольствію Христіаны, съ нимъ пріѣхалъ лордъ Стэндингетъ.

Эдвардъ увелъ ее къ могилѣ Дика, гдѣ Христіана стала на колѣни помолиться. Но молитва не шла ей на умъ. Это мѣсто слишкомъ напоминало ей недавнюю ужасную сцену. Эдвардъ прикоснулся къ ея плечу. Она такъ вздрогнула, что онъ удивился, взявъ ее обѣими руками за голову, взглянулъ ей въ глаза и попялъ все. И онъ произнесъ серьезнымъ тономъ:

— Моя Христіана, я хочу, чтобы ты все забыла!

Это ты, этотъ нѣжный тонъ тронули ее до глубины души.

Они пошли къ замку. Дойдя до того мѣста, гдѣ Эдвардъ спасъ ее отъ Клозберна, онъ молча прижалъ ее къ себѣ и нѣжно поцѣловалъ. Въ эту минуту она забыла все и впервые сказала:

— Эдвардъ, я люблю васъ.

Лордъ Стэндингетъ внимательно наблюдалъ за нею. Наконецъ, онъ увелъ ее въ ея комнату и поразилъ вопросомъ: — увѣрена ли она, что любить лорда Стэнли? — Конечно, любить, и онъ любить ее...—Что Стэнли ее любитъ, это несомнѣнно, объ этомъ и говорить не стоитъ. Но дѣло въ томъ, что когда мы допускаемъ другого любить насъ, какъ вотъ она теперь, то и намъ такъ хочется быть любимыми, что кажется, будто мы и сами любимъ. Онъ знаетъ отъ Эдварда все, что тутъ случилось. И онъ боится вотъ чего: властная, бурная любовь того, перваго, всколыхнула въ ней все существо ея, но прямая, честная натура ея оттолкнула ту любовь, какъ позорную, —но все же пробудила потребность любви, —такъ не воображаетъ ли она просто теперь, что любить Эдварда? Въ смятеніи души своей, не любила ли она Эдварда потому, что любить Вилліама? Пусть она не пугается, —онъ только пытается освѣтить ей потемки ея собственной души. Онъ видитъ, что она блѣдна, грустна и сильно измѣнилась. Несомнѣнно, что поведеніе лэди Сѣрри враждебно, но въ 25 лѣтъ красивая и любимая женщина обыкновенно весела и доврчива въ жизни. А съ нею не то. Между тѣмъ, свойство ея темперамента таково, что ей нужнѣе *обожать* самой, чѣмъ *быть обожасмой*. И онъ страшится, что она создала себѣ неумолимаго Ваала и приноситъ ему въ даръ свои слезы и жертвы...

Христіана разубѣждала его: ей просто тяжело въ этомъ домѣ, гдѣ мать ея будущаго мужа ненавидитъ ее, и вся ея грусть пройдетъ, когда она вырвется изъ его стѣнъ. Онъ напрасно тревожится! Эдварда она любитъ, а Клозберна ненавидитъ...— Ну, что-жъ! тѣмъ лучше! —проговорилъ ея покровитель.

VIII.

Въ началѣ марта Христіана получила письмо изъ Канны, отъ Винни, выразившей ей самую искреннюю и горячую радость по поводу помолвки „ея дорогой Христіаны“ съ ея братомъ. Она рада, что Христіана знаетъ теперь счастье быть любимой; сама она такъ счастлива любовью своего Вилли. Бабушка получила письмо отъ Эдварда и говоритъ, что бѣдной

Христіанѣ придется пережить много тяжелаго, потому что лэди Сѣрри противъ этого брака. Но пусть „черная фея“ не терять надежды: лэди Ричмондъ продиговала ей, Винни, длинное письмо герцогинѣ, въ которомъ *бранитъ* ее за то, что она не раскрыла сразу своихъ объятій мадмузели де-Нерансъ: *происхождение ея отнюдь не уступаетъ происхожденію ихъ рода*. Надо радоваться, что такая благородная дѣвушка станетъ членомъ ихъ семьи. Жить же имъ будетъ на что: Эдвардъ имѣетъ 600 тысячъ франковъ и свое офицерское жалованье, а невѣста его серьезна и благоразумна. Къ тому же она подаритъ Эдварду къ свадьбѣ 100 тысячъ франковъ, какъ и Винни...

Сердечное письмо Винни глубоко обрадовало Христіану, тѣмъ болѣе, что въ немъ упоминалось о скоромъ возвращеніи. Скоро выяснился результатъ письма лэди Ричмондъ: лэди Сѣрри потребовала къ себѣ Христіану, заявила ей холодно, но корректно, что и она согласна, и предложила выбрать день свадьбы. Тутъ же было рѣшено, что эта свадьба состоится въ концѣ апрѣля, а пока Христіана съѣздитъ въ Лондонъ подыскать квартиру и заказать подвѣнчное платье и приданое, — подарки герцогини. Въ заключеніе, она передала Христіанѣ чековую книжку на 600 фунтовъ стерлинговъ, предназначавшихся для устройства обстановки. Но Христіана не взяла этихъ денегъ: она только-что получила изъ Франціи извѣстіе, что ея покойная кормилица завѣщала ей все, что имѣла, — 20 тысячъ франковъ, которые и пойдутъ на обстановку. — Значитъ, она пренебрегаетъ ея подаркомъ? — Нѣтъ, она съ радостью приметъ небольшую вещицу на память, но денегъ не возьметъ... Герцогиня промолчала и отвернулась, и Христіана вышла.

Когда герцогъ Сѣрри узналъ обо всемъ этомъ, онъ разсердился. Чековую книжку онъ намѣревался передать сыну, и не понимаетъ, почему герцогиня поступила такъ некорректно. Ну, все равно, — все устроится понемногу. — И такъ, они ѣдутъ въ Лондонъ? Когда? — Было рѣшено, что они уѣдутъ втроемъ съ Эдвардомъ черезъ день, потому что это былъ послѣдній день его отпуска.

Старога герцога забавляла эта экскурсія въ Лондонъ, и всѣ трое весело принялись за приготовленія къ отъѣзду. Передъ отъѣздомъ, Христіана зашла проститься къ герцогинѣ; та протянула ей довольно радушно руку и спросила, не получала ли она другихъ писемъ отъ Клозбёрна. — Нѣтъ, она не получала никакихъ писемъ, кромѣ письма Винни. Впрочемъ, она убѣждена, что все это кончено, и что со стороны лорда Клозбёрнъ

это была лишь капризная вспышка, а не серьезная любовь. — Герцогиня попросила ее тогда предупредить ее, если случится что-нибудь новое; Христиана обѣщала, и онѣ расстались дружелюбно.

Въ Лондонѣ Эдвардъ вернулся въ казармы, а герцогъ и Христиана остановились въ Бристольской гостинницѣ. Старый лордъ окружалъ ее нѣжнѣйшими попеченіями, и душа Христианы довѣрчиво шла на встрѣчу этой, новой для нея, отеческой ласкѣ. Онѣ принялись за дѣло, и скоро домъ для будущей молодой четы былъ подысканъ неподалеку отъ казармъ Эдварда, которому герцогъ передалъ двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ на устройство квартиры. Когда Эдвардъ сообщилъ объ этомъ подаркѣ невѣстѣ, онъ добавилъ, что отецъ сказалъ при этомъ:—Я думаю, что этого хватитъ, а если останется что, то пусть оно пойдетъ на...—На что-же? почему онъ не договариваетъ?—Крѣпко прижимая ее къ себѣ, Эдвардъ прошепталъ:—Отецъ сказалъ, моя милая... „на колыбель“... „Материнство! да, это—высшая радость и счастье супружеской жизни“, подумала она.

Сейчасъ же было приступлено къ устройству будущаго гнѣздышка, и Христиану заранѣе радовала мысль, что она будетъ „у себя“, въ своемъ уголкѣ. Хлопотъ у нихъ было бездна; но какъ ни былъ занятъ Эдвардъ, а онъ не забылъ, что 17-ое марта былъ день рожденія его невѣсты. Войдя въ утро этого дня въ свою гостиную, Христиана нашла ее заставленною живыми цвѣтами. Сидѣвшій за газетой, лордъ Серри нѣжно поздравилъ ее и спросилъ, любить ли она *сухія* пожеланія?—Сухія?—Ну, да, безъ подарковъ?—Это ей все равно; она дорожитъ памятью и вниманіемъ, а не вещественными доказательствами.—Неужели? Такъ не вернуть ли ему эту вещицу въ магазинъ?—И онъ шутливо протянулъ ей футляръ, въ которомъ оказалась брошка изъ ряда семи крупныхъ брилліантовъ. Христиана была до того тронута, что не могла говорить, но герцогъ повялъ ее и нѣжно обнялъ, говоря:—Моя дочь, моя милая, милая дочь! — И увидавъ входящаго Эдварда, онъ обратился къ нему:

— Мы оба чуть не плачемъ, мой сынъ, и все это изъ-за какой-то блестящей вещицы! Боже милостивый, не вздумай достать изъ кармана второй футляръ, а то мы превратимъ эту гостиную въ озеро.

Всѣ трое неудержимо разсмѣялись, когда Эдвардъ досталъ изъ кармана футляръ съ кольцомъ, украшеннымъ одной крупной жемчужиной. Христиана плакала и смѣялась, ее обнимали

и цѣловали, брошку прикололи къ вѣроту, кольцо надѣли на палецъ. Это были счастливыя минуты!..

Приготовленія шли такъ быстро, что свадьбу рѣшили назначить на 10-е апрѣля, а Христіана съ герцогомъ вернулись въ Аддингтонъ. Черезъ три дня вернулись и путешественники изъ Канна. Винни была свѣжа какъ роза, но лэди Ричмондъ постарѣла и имѣла очень утомленный видъ, а лордъ Гильдфордъ былъ все такъ же грустенъ. Онъ отнесся къ Христіанѣ съ большою сердечностью, говоря, что считаетъ ее своей *сестрой* съ тѣхъ поръ, какъ пережилъ вмѣстѣ съ нею тѣ ужасныя часы у постели его незабвеннаго Дика.

Христіана грустила. Ее подавляла мысль, что въ день свадьбы подлѣ нея не будетъ ни одного родного, близкаго человѣка. Лэди Ричмондъ заботливо слѣдила за нею, и, заставши ее разъ въ слезахъ, спросила, о чемъ она плачетъ?

— Ни о чемъ! просто такъ...

— Такъ? Это знакомо мнѣ; когда я выходила замужъ, я была очень чувствительна и взволнована... тѣмъ болѣе, что я уже о многомъ догадывалась, ибо за мною не разъ уже ухаживали. Да и за вами тоже... Объяснять я вамъ всего не могу, ма сѣге, а только приведу вамъ въ примѣръ себя и мою дочь. Я была прехорошенькая, — кто повѣритъ теперь этому! А Діана была совершенная красавица. Но она не сумѣла сохранить любовь своего мужа, тогда какъ мой дорогой Ричардъ обожалъ меня до самой своей смерти, — а вѣдь этому счастью цѣны нѣтъ. Это потому, что я всегда старалась ему нравиться, а Діана, наоборотъ, была всегда до того важна и спокойна, что Сеймуръ не разъ увлекался другими женщинами. Такимъ образомъ супружеская гармонія была нарушена, и осталась одна показная внѣшность. Ну, скажите, любите вы Эдварда?

— Всей душой, бабушка.

— Онъ вамъ нравится?

— Нравится.

— И вы счастливы, когда онъ обнимаетъ васъ?

— Да, на его груди я чувствую себя спокойной и довольной...

— Такъ почему же вы такъ часто задумываетесь и такъ вздрагиваете, когда съ вами вдругъ заговариваютъ?

— Не знаю... А развѣ это случается?

— Не пугаетъ васъ мысль, что скоро вы останетесь вдвоемъ съ Эдвардомъ?

— Неможно, пожалуй, но... какъ бы это сказать? волне-

нѣ это имѣеть свою прелесть... И я люблю его... быть можетъ, даже слишкомъ люблю.

— Э! дочь моя, это доказываетъ только, что вы созданы для любви. Теперь мнѣ все понятно, и я болѣе не безпокоюсь, потому что Эдвардъ васъ обожаетъ. Я было-вообразила себѣ совсѣмъ другое... Вы будете такою же влюбленною женою, какою была я. Вы узнаете, ма снѣге, какъ сладко любить безъ памяти своего мужа, когда онъ васъ любитъ!

А Христіана, женихъ которой теперь пріѣхалъ, украдкой разсматривала его, съ смятеніемъ спрашивая себя, сѣумѣетъ ли и сможетъ ли его любовь убить въ ней навсегда проклятое воспоминаніе о страсти Клозбѣрна, какъ бы наложившей на нее какую-то загадочно-позорную печать... Какъ-то начнется ея супружеская жизнь?.. И она ждала дня свадьбы съ тревогой и трепетомъ.

IX.

И страненъ былъ этотъ свадебный день!..

Ночью Христіана почти не спала и на утро встала такою блѣдною, что когда она сошла въ зало въ своемъ бѣломъ подвѣчномъ нарядѣ, Гербертъ Гильдфордъ спросилъ ее съ тревогой, не больна ли она?

Послѣ завтрака, сервированнаго по окончаніи вѣнчанія, Христіанѣ удалось на минуту уединиться въ укромномъ уголѣ гостиной, за группой зеленыхъ растений. Она думала, что ей удастся оправиться, но судьба точно не хотѣла дать ей успокоиться... Не подозрѣвая ея присутствія, въ двухъ шагахъ отъ нея остановились, разговаривая, Гербертъ и лордъ Стэндигетъ. Говорили они о ней, наперерывъ восхищаясь ею. Счастливецъ Эдвардъ, котораго любить такая красавица!

— Я боюсь только, — сказалъ Стэндигетъ, — сѣумѣетъ ли онъ, такой холодный, понять, что подъ ея благородіемъ и сдержанностью кроется страстная натура. Сѣумѣетъ ли онъ любить ее? Эдвардъ скорѣе человѣкъ дѣятельный, чѣмъ вдумчивый, и мнѣ кажется, что ея смятенная душа будетъ ему не подъ стать. Я хорошо зналъ ея отца, одареннаго такою же страстной натурой. Онъ часто увлекался, и мать Христіаны, натура нѣжная и изящная, много изъ-за него выстрадала. Это-то и сблизило насъ... Старая это исторія, Гербертъ... Я былъ долго въ нее влюбленъ, и она, въ своей чистотѣ, этого даже и не подозрѣвала... Бѣдняжка умерла съ горя...

Глубоко потрясенная этимъ неожиданнымъ открытіемъ, Христіана съ трудомъ добралась украдкой до своей комнаты. На ея больные нервы это указаніе на наслѣдственность ея страстной природы произвело впечатлѣніе чего-то рокового... Незамѣтно для себя она отъ слабости заснула. Проснувшись, она увидала подлѣ себя Эдварда, нѣжно обнимавшаго ее... Они не уйдутъ сегодня въ Лондонъ, она слишкомъ слаба, ей надо отдохнуть. Онъ рачетъ ей нѣжныя ласки и только твердилъ прерывающимся отъ страсти голосомъ:—Я люблю тебя, дорогая, люблю...

На другой день послѣ свадьбы молодые уѣхали въ Лондонъ. Когда первые дни ея восхищенія своимъ наряднымъ гнѣздышкомъ прошли, Христіана стала скучать. Въ часы отсутствія Эдварда, занятаго службой, она часто не знала, что дѣлать, привыкнувъ, за свое пребываніе въ Аддингтонѣ, никогда не сидѣть безъ дѣла. Она призналась въ этомъ мужу, прося его положить конецъ ихъ заменутой жизни. Онъ уступилъ ея желанію, но скоро она убѣдилась, что ни визиты, ни выѣзды, ни осмотръ Лондона, ни экскурсіи тайкомъ въ бѣдные кварталы съ благотворительной цѣлью, ничто не заполняло пустоты ея души. Съ ужасомъ убѣждалась она, что Эдвардъ не все для нея, и что любовь его не даетъ ей ни блаженства, ни забвенія прошлаго. Она несомнѣнно любила мужа, но спокойной, братской любовью, а не со страстью. Неужели она ошиблась, надѣясь на счастье подлѣ этого беззавѣтно любящаго ее человѣка?.. Теперь она понимала, что принадлежитъ къ тѣмъ натурамъ, для которыхъ нѣтъ радости въ жизни, если онѣ не любятъ сами. Ей надо любить: „Love is my sin“.

Въ первыхъ числахъ мая вернулась въ Лондонъ семья Сѣрри, и Винни сейчасъ же увлекла Христіану въ водоворотъ свѣтской жизни. Винни сіяла: женихъ ея только-что вернулся изъ Шотландіи, куда ѣздилъ устроить свой замокъ для приѣма молодой жены, и свадьба ихъ состоится въ іюль. Ужаснувшись перспективѣ новыхъ встрѣчъ съ Клозбѣрномъ, Христіана попросила герцогиню не приглашать ее съ мужемъ въ одни дни съ Клозбѣрномъ, но та высокомерно отказала ей. Напрасно она безпокоится: Клозбѣрнъ все забылъ... Скоро состоится парадный обѣдъ въ честь Винни и ея жениха, и Христіана должна присутствовать на немъ съ мужемъ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что положить конецъ нелѣпымъ слухамъ, неизвѣстно кѣмъ распущеннымъ и дошедшимъ даже до двора ея королевскаго величества, будто Эдвардъ женился на какой-то гувернанткѣ. По счастью, Христіана—прирожденная аристократка, и торжествен-

ное представленіе ея всему кругу ихъ знакомыхъ сразу положить конецъ глупымъ сплетнямъ.

Разстроенная, вернулась Христіана домой послѣ этого разговора. Дома она узнала отъ мужа, что сейчасъ у него былъ Клозбернъ и убѣдилъ его помириться съ нимъ, утверждая, что оскорбилъ Христіану въ припадкѣ какого-то безумія, глубоко жалѣеть объ этомъ и просить Эдварда простить его. Вѣдь они скоро будутъ близкими родственниками, и эта обоюдная ненависть создастъ невозможное положеніе. Если Эдвардъ не согласится, ему придется порвать съ Винни,—а чѣмъ же она во всемъ этомъ виновата?.. Эдвардъ уступилъ: забыть прошлое онъ не общалъ, но можно жить не ссорясь. Одобрить этого примиренія Христіана не могла, но понимала, что мужъ ея не могъ поступить иначе.

Но съ этой минуты въ душѣ Эдварда зародилась какая-то смутная тревога, и его прежній миръ покинулъ его. Онъ сталъ подозрителенъ и слѣдилъ за женой ежечасно. Христіана видимо томилась, хотя старалась не выказывать этого. Замѣтила ея томленіе и вялость и пронипательная лэди Ричмондъ, но объясняла это по-своему: бѣдная Христіана столько уже испытала тяжелаго въ жизни, что еще не оправилась и не привыкла пока пользоваться своимъ счастьемъ. Одинъ Эдвардъ можетъ залечить раны этой больной души безконечной нѣжностью къ женѣ. Пусть онъ хорошенько бережетъ ее. Страшно пораженный этими словами, Эдвардъ началъ позволять себѣ бурныя выходки. Онъ сталъ безпричинно ревнивъ и дѣлалъ ей сцены изъ-за ничтожнѣйшихъ поводовъ. Въ день параднаго обѣда у его родителей, онъ не спускалъ глазъ съ Клозберна, хотя тотъ ограничился только вѣжливымъ поклономъ и не подходилъ къ Христіанѣ. Но Эдварда раздражало уже то, что они находились въ одной комнатѣ. Въ другой разъ онъ разсказалъ женѣ о томъ, что одинъ изъ его пріятелей уѣзжалъ въ Индію, а та позавидовала такой поѣздкѣ.— А! ей хотѣлось бы уѣхать въ изгнаніе.— Какое же это изгнаніе? вѣдь ея отчизна—мужъ, а онъ былъ бы съ нею.— Неужели она до того страшится Клозберна, что готова уѣхать въ Индію, лишь бы бѣжать отъ него?—раздраженно замѣтилъ Эдвардъ.

Но, терзая ее бессмысленными выходками и подозрѣніями, онъ проявлялъ въ то же время бѣшеную страсть къ ней. Все это стало отражаться на ея здоровьѣ, и она сильно похудѣла. Онъ замѣчалъ и ея грусть, и физическую перемѣну, но остановиться не могъ. Онъ ревновалъ ее ко всѣмъ и ко всему, даже къ ея раздумью.— О чемъ она задумывается? Зачѣмъ вздрагиваетъ, когда

къ ней внезапно подходить? Христіана была въ отчаяніи; всею душой жалѣла она мужа, не желавшаго понять, что нужны терпѣніе и нѣжность, и если, какъ онъ не разъ упрекалъ ее, въ ней нѣтъ страсти къ нему, зато есть глубокая привязанность. Но онъ безумствовалъ, а когда успевался, то приставалъ съ вопросомъ:—Любитъ ли она его?—Если бы она не любила его, зачѣмъ же она пошла за него?—былъ ея отвѣтъ.

Герцогъ Сѣрри, встревоженный дурнымъ видомъ Христіаны, предложилъ взять ее съ собой въ Брайтонъ, куда уѣзжалъ съ женою послѣ свадьбы Винни. Но Христіанѣ пришлось отказаться, потому что Эдвардъ не могъ уѣхать изъ Лондона. Герцогъ прислалъ къ Христіанѣ своего домашняго доктора, который тщательно осмотрѣлъ молодую женщину, нашелъ у нея малокровіе, нервность, утомленіе, общую слабость, ничего опредѣленнаго нѣтъ, но деревенскій воздухъ необходимъ. Тогда было рѣшено отправить Христіану съ лэди Ричмондъ въ Аддингтонъ, куда Эдварду было легко навѣзжать на день, на два, и перспектива эта весьма радовала Христіану. Она даже оживилась.

Х.

Черезъ нѣсколько дней, съ подобающей пышностью и при самой торжественной обстановкѣ, состоялась и самая свадьба Винни. Молодые не уѣхали тотчасъ въ Шотландію, а остались на нѣсколько дней въ Лондонѣ, и дней черезъ пять Христіана получила отъ Винни нѣжную записку съ просьбой навѣстить ее. Не зная, на что рѣшиться, она показала записку мужу. Онъ сказалъ, что ей не слѣдуетъ ѣхать въ Винни, и Христіана сѣла за отвѣтъ. Но тутъ пришелъ къ ней Эдвардъ, говоря, что передумалъ, и что самое лучшее—отправиться имъ къ Винни вдвоемъ. Но при этомъ онъ не вытерпѣлъ и забросалъ ее привычными оскорбительными вопросами: очень ли ее волнуетъ этотъ визитъ? да почему она покраснѣла? почему у нея на глазахъ слезы? Словомъ, началась обычная сцена... Христіана потеряла терпѣніе... Они оба не виноваты, что обстоятельства поставили ихъ въ такое безвыходное положеніе, пусть такъ, но зачѣмъ онъ-то терзаетъ ее? Она живетъ подъ вѣчнымъ гнетомъ, и хотя ни въ чемъ не виновна—трепететь передъ нимъ, лишь только онъ немного нахмурится. Ни одинъ день не проходитъ для нея безъ слезъ, и это изнуряетъ ее...

— Знайте, Эдвардъ, что я не хочу выносить болѣе ни вашихъ безпричинныхъ вспышекъ, ни вашихъ подозрѣній...

— Вотъ какъ!.. Значитъ, вы любите его?..

— Ничего я болѣе не знаю... Его я презираю, но вы своимъ

поведеніемъ со мною убиваете во мнѣ всякую любовь къ вамъ! Дѣлайте со мной, что хотите, прогоните, убейте, но положите конецъ этой агоніи. Ваша несправедливость до того возмущаетъ меня, что доведетъ пожалуй до...

— До измѣны мнѣ? Да, скажите это, будьте же искренни хоть разъ...

Рѣзкимъ движеніемъ руки онъ запрокинулъ ея голову назадъ, пытаясь прочесть правду въ этихъ прекрасныхъ глазахъ. Онъ былъ блѣденъ и страшенъ. Опасность и сознание близкой развязки опяняли ее, и она безбоязненно выдерживала его взглядъ. Въ себя отъ бѣшенства, онъ вскричалъ:

— Вы меня ненавидите, да?

— Ну, да, въ эту минуту я васъ ненавижу...

Онъ рѣзко выпустилъ ее изъ рукъ, такъ что она не устояла на ногахъ, упала, ударилась о край этажерки и лишилась чувствъ.

Скоро она пришла въ себя. Подлѣ нея были Эдвардъ и докторъ. Ничего,—говорилъ докторъ, все пройдетъ благополучно.— Дѣйствительно, она чувствовала себя настолько хорошо, что какъ только Эдвардъ ушелъ проводить доктора, она встала написать записку Винни. Она сообщала, что только-что ухитрилась такъ глупо упасть, что разбила себѣ лобъ, а потому и не можетъ навѣстить ее. Затѣмъ она сняла повязку и осмотрѣла свой ушибъ: около брови на вискѣ выступала опухоль, съ небольшой ранкой посреди, и глазъ покраснѣлъ.—Бѣдный Эдвардъ, какъ онъ долженъ жалѣть, что поддался вспышкѣ, повлекшей такія послѣдствія! Христіана прошла къ нему въ кабинетъ показать свою записку. Онъ прочелъ и сконфуженно предложилъ отнести лично записку жены.—Какъ ему угодно.

— Погодите уходить, Христіана... Почему вы сняли повязку?

— Ужъ очень некрасиво. Да и годы мои не тѣ, чтобы изображать амура.

— Какъ вы можете такъ шутить?

— Это не шутка, Эдвардъ, это—прощеніе.

— Дорогая моя жена!..—И онъ прижалъ ее къ сердцу.

Минуть черезъ двадцать послѣ его ухода, Христіанѣ доложили о приходѣ „брата милэди“. Вполнѣ убѣжденная, что дѣло идетъ о Гербертѣ, она поспѣшно спустилась въ гостиную и остолбенѣла: передъ нею стоялъ Вилліамъ Клозбѣрнъ! Да, это онъ! И удивительнѣе всего то, что послала его сюда сама Винни. Случилось же это такъ: самъ Эдвардъ рассказалъ сестрѣ, что Христіана ушиблась, потому что онъ толкнулъ ее! Винни

перепугалась, бросилась къ мужу, оставивъ брата въ своей комнатѣ, и упростила его поскорѣе пойти къ Христіану. Ему оставалось только уступить желанію жены... — Итакъ, вотъ какъ Эдвардъ обращается съ нею! Онъ ее просто бьетъ! Въ замѣшательствѣ, Христіана старалась представить сцену съ мужемъ совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, но Клозбёрнъ не повѣрилъ ей. Зачѣмъ она лжетъ, бѣдная, зачѣмъ она лжетъ?—И онъ протянулъ къ ней руки...

— Не бойтесь, Христіана. Я такъ люблю васъ, что сумѣю ждать вашей любви. Развѣ это не блаженство—чувствовать себя любимой?..

Но если онъ ее любить, то пусть исполнить ея просьбу: пусть не дѣлаетъ Винни несчастною, а ее, Христіану, вѣроломнымъ другомъ. Винни любить его, вѣрить ему, и ее обмануть—значить ее убить.—Нѣтъ, она заблуждается. Винни будетъ счастлива и такъ, онъ любить ее чистой любовью, тогда какъ Христіану принадлежитъ его страсть. Они вѣдь не герои романа, никуда не убѣгутъ и не разобьютъ ничьей жизни, какъ это бываетъ въ романахъ. Они будутъ счастливы въ тишинѣ, никто ничего не узнаетъ.—Но вѣдь это гнусно!..—Какое ребячество съ ея стороны! Свѣтъ не требуетъ ничего, кромѣ лицемѣрія. Стоитъ лишь соблюдать внѣшнія приличія, а до остального—свѣту нѣтъ никакого дѣла. Онъ долженъ заботиться только о томъ, чтобы не компрометтировать ее. Да какая же женщина не прошла черезъ это въ молодости! Даже сама лэди Сѣрри... И мужъ ея никогда ничего не зналъ... Въ жизни нѣтъ ничего невозможнаго. Вѣдь люди сами же и изобрѣли, и пустили въ обращеніе нравственность, а природа нисколько не заботится объ общественныхъ условностяхъ. Надо только сдѣлать такъ, чтобы не причинить никому страданія...

Онъ поцѣловалъ ея руку и вышелъ...

Эдвардъ на нѣкоторое время присмирѣлъ, но, по мѣрѣ приближенія дня отъѣзда жены, онъ становился опять раздражительнѣе и преслѣдовалъ ее своею ироніей. Онъ сообщилъ ей, что не часто будетъ навѣдываться въ Аддингтонъ, и добавилъ:— Вы отлично обойдетесь и безъ меня. Забудьте, что вы замужемъ, и тогда вы быстро поправитесь.

XI.

Въ Аддингтонѣ, на свѣжемъ воздухѣ и на свободѣ, вдвоемъ съ добрѣйшей лэди Ричмондъ, обращавшейся съ нею какъ съ нѣжно любимой дочерью, Христiana понемногу приходила въ себя. Цѣлые дни она проводила на воздухѣ и много ваталась верхомъ. Въ первый же день по своему пріѣздѣ, умиротворенная этой знакомой, близкой ея сердцу обстановкой, Христiana написала длинное и нѣжное письмо Эдварду, но отвѣта на него что-то не получала. И въ сердце ея закрадывалась смертная тревога. Зато лэди Ричмондъ получила отъ Винни письмо, дышавшее счастьемъ и заключавшее въ себѣ неожиданную вѣсть: новобрачные были не въ Шотландіи, а въ Брайтонѣ, потому что Винни упросила мужа сопровождать туда ея отца и мать. На праздники Рождества вся семья должна была съѣхаться въ Аддингтонъ, и только послѣ праздниковъ новобрачные уѣдутъ къ себѣ въ Шотландію.

Какъ-то послѣ обѣда Христiana уѣхала вататься верхомъ въ сопровожденіи стараго слуги, Даніэля, всегда сопровождавшаго ее въ этихъ случаяхъ. Вернулась она, когда уже совсѣмъ стемнѣло, и, войдя въ залу, увидала передъ собой Эдварда. Она радостно вскрикнула, но онъ рѣзко спросилъ ее, гдѣ она была?—Гдѣ? да ѣздила верхомъ въ лѣсу. — Одна, въ этотъ поздній часъ? Какой вздоръ!—Если онъ не вѣритъ, пусть спросить стараго Даніэля.—Этихъ людей не трудно и подкупить... — Ну, что жъ? пусть же онъ его и подкупаетъ. А когда онъ допроситъ его, тогда можно будетъ разговаривать...—Но Эдвардъ, точно не слушая ея, настойчиво повторялъ: гдѣ она была?—Сказано: въ лѣсу. Уѣхала она послѣ обѣда и вернулась въ условленный съ лэди Ричмондъ часъ.—Неправда. Онъ скажетъ ей, гдѣ она была! На свиданіи съ Клозбѣрномъ...

— Съ Клозбѣрномъ! Да онъ въ Брайтонѣ!

— Его нѣтъ ни въ Брайтонѣ, ни въ Лондонѣ, слышите!

— Да вы съума сошли, Эдвардъ!..

— Можетъ быть... Зато вы ужъ очень смѣлы!

— Довольно... Я запрещаю вамъ такъ говорить со мной! Мнѣ все равно, гдѣ Клозбѣрнъ. Я сказала вамъ правду, а вѣрите вы ей или нѣтъ, мнѣ тоже все равно. Прощайте.

— И вы воображаете, что я васъ такъ и оставлю? Конечно, вы желаете уединенія, чтобы мечтать спокойно о немъ...

— А вы достаточно низки, чтобы даже послѣ этого любить меня!

Она была до того возмущена, что сама не сознавала, что она отвѣчаетъ. Въ припадкѣ бѣшенства, Эдвардъ выхватилъ хлысть изъ ея руки и съ размаху хлестнулъ ее. Она бросилась бѣжать, но не успѣла плотно затворить дверь своей спальни, и Эдвардъ вломился въ ней съ хлыстомъ въ рукахъ. Что было дальшѣ, она не помнила...

Посреди ночи она проснулась отъ страннаго ощущенія: ей казалось, что руки ея опущены въ воду. Но это были слезы сълонившагося надъ ея руками Эдварда. Рядомъ съ нимъ въ креслѣ сидѣла лэди Ричмондъ. Еще сонная и слабая, Христиана машинально прислушивалась къ ихъ разговору, изъ котораго узнала, что на ея страшный крикъ сбѣжался весь домъ, что съ нею случилась истерика, кончившаяся тѣмъ, что она заснула.

— И къ чему вы плачете?— тихо говорила лэди Ричмондъ.— Слезами ничему не поможете, а вотъ чего не слѣдовало дѣлать, такъ это безумствовать. Выходитъ, что вы— просто грубое животное, мой милый. Вотъ вы твердите: „Христиана сторонится отъ меня, я не знаю, что у нея творится на душѣ, она таится отъ меня“. Я тоже, по правдѣ сказать, не знала до сегодня, что таится въ глубинѣ вашей души, мой сынъ, но мнѣ не пришло бы въ голову бить васъ, чтобы заставить васъ высказаться. Что за нравы, Эдвардъ! Если такова ваша манера доказывать ей свою великую любовь, то я полагаю, что она охотно ограничилась бы болѣе умѣренными чувствами... Стоило вамъ подняться прямо ко мнѣ и справиться о ней. Но вотъ вамъ говорятъ: „Милэди уѣхала верхомъ“, и вы моментально воображаете себѣ какую-то мерзость. А потомъ вы беретесь за хлысть!..

— Бабушка, если бы вы слышали, какъ она отвѣчала мнѣ! Она вывела меня изъ себя.

— Ну, а вы?! Боже правый, да куда же дѣла бы она Даниэля, если бы вздумала отправиться на свиданіе!.. Оправданій вамъ нѣтъ. Чѣмъ мучить ее, лучше разойдитесь съ нею.

— Но я люблю ее!

— Хороша любовь!.. Послушайте, Эдвардъ: докторъ сообщилъ мнѣ, что ваша пресловутая любовь убиваетъ ее... вотъ! Мнѣ сердечно жаль эту бѣдную сиротку... Я очень недовольна вами.

Эдвардъ зарыдалъ такъ горько, что Христианѣ стало его жаль, и она произнесла слабымъ голосомъ:

— Не браните его больше, бабушка, я его прощаю...

Черезъ два дня Эдвардъ вернулся, успокоенный, въ Лондонъ, но Христіану такъ сразила эта безобразная сцена, что она слабѣла со дня на день. Слабость ея дошла до того, что докторъ запретилъ ей ходить по лѣстницамъ, и лэди Ричмондъ перебралась съ нею въ апартаменты нижняго этажа, занимаемые обыкновенно супругами Гильдфордъ. И вотъ, когда Христіана какъ-то разъ засидѣлась у открытаго окна своей новой комнаты, наслаждаясь теплой августовской ночью, въ комнатѣ появилась мужская фигура, и прежде чѣмъ она успѣла вскрикнуть, тихій голосъ произнесъ:—Не пугайтесь, Христіана!

Это былъ Клозбёрнъ. Христіана была до того испугана, что не могла произнести ни слова. Опомившись, она съ ужасомъ стала умолять его уйти. Но онъ шепталъ ей нѣжныя рѣчи: бояться ей нечего, онъ только хочетъ взглянуть на нее, обмѣняться нѣсколькими словами... Они такъ давно не видались. Она поддавалась обаянію его вкрадчиваго голоса, и она слушала его... Онъ объяснялъ, что пріютился украдкой въ охотничьемъ павильонѣ, ключъ отъ котораго давно уже похитилъ... Уѣхалъ онъ подъ предлогомъ побывать въ своемъ шотландскомъ замкѣ; въ Шотландіи онъ побывалъ, чтобы сдать въ вѣрныя руки нѣсколько писемъ, которыя будутъ своевременно отправлены оттуда Винни...

Начиная съ этого вечера, Христіана стала жить какъ въ чадѣ, въ угарѣ. Клозбёрнъ являлся къ ней и послѣ не разъ, въ такую же пору... Страсть къ этому, въ сущности, давно любимому ею человѣку, страсть, противъ которой она боролась всѣми силами своей честной природы, вспыхнула теперь въ ней пожаромъ. Она не думала, не разсуждала,—она любила, любила безъ оглядки... Порою ей казалось, что до сихъ поръ она вовсе не жила... Эта бурная страсть смела все въ ея душѣ...

ХІІ.

Каждый день Христіана получала отъ Клозбёрна безумныя письма. Вернувшійся Эдвардъ поразился блѣдностью жены. Какъ мало поправилась она за цѣлый мѣсяцъ! Правда, онъ теперь берегъ и холилъ ее какъ ребенка, но она начинала испытывать новое чувство: отвращеніе къ себѣ... Она жила ложью и во лжи... Какъ это низко и гнусно!..

Въ концѣ сентября съѣхалась въ Аддингтонъ вся семья, и скоро лэди Гильдфордъ благополучно произвела на свѣтъ сына. Событіе это сильно потрясло Винни. Она сама была въ такомъ же

положеніи, и предстоящія муки материнства пугали ее. А если она не выживетъ? Она такъ молода, такъ недавно наслаждается счастьемъ. Слушая ее, Христіана терзалась: вѣдь она воруетъ у Винни ея счастье... Но какъ она ни терзалась, а противостоятъ Клозбѣрну не могла. То было какое-то навожденіе. Но на двѣ упительной чаши ея наслажденій таилась глубокая горечь. Когда она повѣряла свою тоску Клозбѣрну, тотъ только просилъ ее избавить его отъ напрасныхъ угрызений совѣсти!— О, нѣтъ, не угрызения совѣсти терзаютъ ее, а безграничное отвращеніе къ самой себѣ. Да, думалось ей, герцогиня имѣла право не любить ея: она принесла несчастье двумъ ея дѣтямъ. И было бы гораздо лучше, если бы она съ самаго начала бѣжала съ Клозбѣрномъ... Но судьба, очевидно, хотѣла заставить ее допить чашу горечи до дна: теперь, подъ вліяніемъ искренней вѣжности Эдварда, въ душѣ Христіаны просыпалась вся ея прежняя привязанность къ нему, и она была тѣмъ ласковѣе съ нимъ, чѣмъ виновнѣе сознавала себя. И вотъ теперь Клозбѣрнъ, въ свою очередь, терзалъ ее бѣшеной ревностью. Христіана изнывала отъ душевной муки и начинала призывать смерть, какъ единственный исходъ и избавленіе.

Въ ноябрѣ Эдвардъ вернулся въ поле, а Христіана скоро съ ужасомъ убѣдилась, что она погибла... Катастрофа совершилась: она готовилась быть матерью...

Клозбѣрнъ отнесся къ ея признанію съ такимъ жестоко-сердіемъ и эгоизмомъ, что она усомнилась въ его любви къ ней... Что она внушаетъ ему страсть, и страсть постыдную, это несомнѣнно, но въ любовь его она отнынѣ не вѣрила... Онъ совсѣмъ ея не понималъ... Къ чему она ему говоритъ объ Эдвардѣ и Винни, какъ о ея жертвахъ! Вѣдь они ничего не знаютъ, нечего о нихъ и заботиться.—Но они могутъ узнать, и тогда она этого не переживетъ!—Вздоръ! Какое ей до нихъ дѣло?

— Я люблю ихъ!—воскликнула она.

— Несмотря на всю вашу страстность, вы сантиментальны до глупости, *ma chère*... „Вы любите ихъ“! Особенно Эдварда и его грубые выходки,—не такъ ли? Утѣштесь: если бы Стэнли и его сестра знали все,—они выгнали бы васъ съ позоромъ.

— Великодушное замѣчаніе... Но я вамъ не вѣрю: я знаю ихъ сердце,—они простили бы меня.

— Не хотите ли сдѣлать этотъ опытъ, *ma chère*?

— Нѣтъ, потому что я не хочу мучить ихъ.

Ея угаръ проходилъ. Она понимала, что то была не любовь,

а одна страсть. Послѣ волшебнаго сна наступало мучительное пробужденіе...

Передъ Рождествомъ, Христіана ушла какъ-то вечеромъ на могилу Дика, воспоминанія о которомъ воскресли въ ней съ новою силой. Внезапно на ея плечо легла чья-то рука, и серьезный голосъ Герберта Гильдфорда произнесъ:

— Будьте осторожны, Христіана, не проявляйте своего отчаянія такъ открыто. Дѣйствительное горе глубже, нежели разбитыя мечты...

Онъ бросилъ на нее такой безгранично-грустный взглядъ, что она невольно спросила:

— Развѣ вы что-нибудь знаете?

— Я многое угадалъ.

— Что именно?.. О, скажите, Гербертъ, ибо я изнемогаю подъ тяжестью своего бремени. Скажите, что вы угадали, и поддержите меня. Будьте мнѣ опорой, братъ мой!..

— Могу ли, имѣю ли я право на это? Я открылъ въ себѣ такіе инстинкты, что я стыжусь самого себя... Попытаемся... Вы скажете мнѣ всю правду, Христіана?

— О, да, клянусь вамъ.

— Хорошо. Обопритесь на мою руку, сестра моя. Я знаю отъ бабушки о непостижимой выходкѣ Эдварда, и вотъ почему я оправдываю васъ. Видите, я не беру на себя роль судьи. Кто изъ насъ настолько чистъ и увѣренъ въ своей стойкости, чтобы судить другихъ? Христіана, съ какихъ поръ... Вилліамъ Клозбернъ... сталъ вамъ такъ дорогъ?..

Христіана затрепетала и чуть-было не возмутилась, но сдержалась и отвѣтила ему:

— О, что было бы, если бы я солгала вамъ, Гербертъ?

— Я предоставилъ бы васъ вашей судьбѣ... но вы не можете солгать.

— Что же мнѣ дѣлать?

— Порвать съ этимъ человекомъ.

— О, только не сейчасъ...

— Это необходимо.

— Если бы вы знали... если бы вы знали...

— Мнѣ жаль васъ, Христіана, но разрывъ этотъ необходимъ для брата.

— Гербертъ... Гербертъ!.. Я должна сдѣлать вамъ ужасное признаніе!—И она рассказала ему все.

— Негодай!..—воскликнулъ Гербертъ, и снова заговорилъ. — Часъ искупленія пробилъ. Она не должна болѣе видѣться съ

этимъ человѣкомъ. Она должна вернуться къ Эдварду. Будущее бѣдное существо ли въ чемъ неповинно! Надо дать ему отца и хорошее имя. Никто не можетъ желать ей болѣе добра, чѣмъ онъ,—пусть же она послушается его совѣта.

— Нѣтъ, нѣтъ, не разлучайте насъ еще! Этотъ человѣкъ—мое преступленіе, но вся жизнь моя—въ немъ... Если бы вы знали... я люблю его... мы забываемъ все въ объятіяхъ другъ друга. Поймите же меня, разъ вы сами любите меня!

— Замолчите... замолчите... пожалѣйте меня!—прошептала онъ, задыхаясь.

Да, что бы она ни дѣлала, она постоянно терзаетъ другихъ, она—вредное существо...

Христіана послушалась Герберта. Эдвардъ принялъ ее съ восторгомъ и нѣжностью. Разбитая и пристыженная, она рѣшила не противиться болѣе судьбѣ. Если Эдвардъ станетъ ее допрашивать, она признается ему во всемъ. Будь что будетъ...

Между тѣмъ, Клозбернъ прислалъ ей опять письмо:

„Сначала я васъ проклиналъ, думая, что вы отреклись отъ нашей любви, и чуть-было не бросился за вами, чтобы высказать вамъ свою ярость и презрѣніе. А тутъ еще привязался ко мнѣ этотъ несносный Гербертъ, и отвязаться отъ него невозможно.

„Неужели наше счастье уже кончилось? Впрочемъ, романы всегда сами по себѣ, а жизнь идетъ своимъ чередомъ. Своимъ возвращеніемъ на путь истинный вы доказали свой здравый смыслъ и прагматичность: это дастъ законное имя вашему дѣтищу. Но я не ожидалъ отъ васъ такого быстрого возвращенія на лоно дѣйствительности изъ пучины страсти.

„Эдвардъ и Винни были бы вамъ очень благодарны, но, къ сожалѣнію, они не знаютъ, чѣмъ обязаны вамъ. Я живу очень дружно съ Винни,—не ревнуете ли вы немножко? Я шучу, какъ видите, съ напускнымъ цинизмомъ, но поймете ли вы когда-нибудь, до чего мнѣ будетъ васъ недоставать?—Вашъ Вилліамсъ“.

Вотъ все, что онъ нашелъ ей сказать. Вотъ чѣмъ она была для него! Онъ смѣетъ называть ее прагматичной!.. И ни одного слова истинной любви...—Бѣдный Эдвардъ, какъ безконечно я виновата передъ нимъ!..

Выдержка изъ газеты „Times“ отъ 16 октября 189... года:

„Полгода тому назадъ, мы сообщали о смерти молодой и прекрасной лэди Стэнли, рожденной Христіаны де-Нерансъ, не-вѣстки герцога Сѣрри, скончавшейся послѣ тяжелой операціи.

„Новое несчастье постигло теперь эту благородную семью: страшная катастрофа произошла въ Аддингтонъ-Паркъ, имѣніи герцога Сѣрри.

„Лордъ Гербертъ Берли, маркизъ Гильдфордъ, опытный охотникъ, такъ неосторожно выстрѣлилъ изъ ружья на охотѣ, что убилъ наповаль своего зятя, лорда Вилліама Клозбѣрнъ.

„Послѣ лорда Клозбѣрна осталась юная вдова, лэди Клозбѣрнъ, дочь герцога Сѣрри, и новорожденная дочь“.

Ю. З—а.



ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1899.

Законопроектъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ и постановленія о личномъ наймѣ въ проектѣ новаго гражданскаго уложенія. — Общія начала, положенныя проектомъ въ основаніе обязательственнаго права. — Мнимая дѣльность крестьянъ. — Еще о липецкомъ инцидентѣ. — Проектъ продовольственнаго устава. — Продовольственное дѣло, земство и частная помощь. — Продовольственный вопросъ на югѣ Россіи. — Новое правительственное изданіе.

Безмѣрность, безпредѣльность притязаній составляетъ, какъ извѣстно, отличительную черту той небольшой группы, которая, считая себя солью русской земли, беззабѣчиво или наивно отождествляетъ свой собственный интересъ съ интересомъ государства. Только съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ отношеніе извѣстныхъ органовъ нашей печати къ законопроекту о наймѣ сельскихъ рабочихъ, составленному министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Сколько бы ни устанавливалось новыхъ правилъ, стѣснительныхъ для нанимаемыхъ и выгодныхъ для нанIMATEЛЕЙ¹⁾, ультра-сословникамъ этого мало: удовлетворить ихъ вождѣлнія, судя по словамъ „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 231), могло бы только введеніе *обязательной* рабочей книжки и усиленіе уголовной репрессіи за неисполненіе договора (конечно — со стороны рабочихъ). Ни того, ни другого имъ, по всей вѣроятности, не удастся достигнуть; но если бы, паче чаянія, законопроектъ и былъ измѣненъ согласно ихъ программѣ, это не положило бы конецъ ихъ домогательствамъ. Ненасытность ихъ аппетита растетъ въ прямой пропорціи къ количеству предоставляемой имъ пищи... Гражданскія отношенія, поддерживаемыя преимущественно или исключительно страхомъ уголовной кары — это, притомъ, явная аномалія, исключаящая возможность правильнаго развитія. Ненормальность такого порядка чувствуется обѣими сторонами, но приписывается одною изъ нихъ —

¹⁾ См. Внутреннее Обозрѣніе въ предыдущей книжкѣ „Вѣстника Европа“.

или, лучше сказать, тенденціозными и крайними ея защитниками,— не уклоненію отъ истинныхъ началъ права, а недостаточности уклоненія, т.-е. слабости карательныхъ мѣръ. Отсюда „порочный кругъ“ (cercle vicieux), изъ котораго только одинъ выходъ—возвращеніе къ гражданско-правовымъ нормамъ. Въ чемъ заключаются эти нормы— видно какъ нельзя лучше изъ проекта гражданского уложенія, составляемаго Высочайше учрежденною редакціонною комиссіею. Совершенно закончена та часть его (книга пятая), которая касается обязательствъ; первая ея половина напечатана въ № 6 „Вѣстника Права“. Въ первомъ раздѣлѣ пятой книги идетъ рѣчь объ обязательствахъ по договорамъ вообще, во второмъ—объ обязательствахъ по договорамъ въ особенности. Въ девятой главѣ второго раздѣла, посвященной личному найму, встрѣчается статья (402-я) слѣдующаго содержанія: „если нанявшійся не приступитъ къ исполненію своихъ обязанностей въ указанный въ договорѣ срокъ или, за отсутствіемъ такого указанія, по первому требованію нанимателя, то наниматель въ правѣ отказаться отъ договора и требовать вознагражденія за убытки, происшедшіе отъ просрочки нанявшагося“. Это постановленіе вполнѣ согласно съ общими правилами о послѣдствіяхъ неисполненія договоровъ. Должникъ отвѣчаетъ за убытки, причиненные вѣрителю ¹⁾ неисполненіемъ или ненадлежащимъ исполненіемъ обязательства (ст. 112). Вознагражденіе за убытки состоитъ въ возмѣщеніи какъ понесеннаго вѣрителемъ ущерба въ имущество, такъ и той прибыли, каковую вѣритель могъ бы получить въ обыкновенномъ порядкѣ вещей, если бы обязательство было надлежащимъ образомъ исполнено (ст. 116). Вѣрителю должны быть возмѣщены убытки, которые непосредственно вытекаютъ изъ неисполненія должникомъ обязательства и которые могли быть предвидѣны при заключеніи договора. Должникъ, *умышленно или по грубой неосторожности* не исполнившій обязательства, можетъ быть присужденъ къ возмѣщенію и другихъ, кромѣ указанныхъ выше, убытковъ, хотя бы они заключались не въ имущественномъ, а въ нравственномъ вредѣ, и не подлежали оцѣнкѣ (ст. 117). Итакъ, единственное возможное послѣдствіе неисполненія договоровъ вообще и договора личнаго найма въ особенности—это вознагражденіе за убытки, понимаемое проектомъ уложенія гораздо шире, чѣмъ дѣйствующимъ закономъ и судебною практикою; права вѣрителя обезпечиваются по возможности прочно, но не обнимаютъ собою ни принужденія къ исполненію договора, ни уголовнаго преслѣдованія за его неисполненіе. Гражданское уложеніе

¹⁾ По терминологіи проекта, *должникомъ* называется всякое лицо, обязанное къ чему-либо по договору, *вѣрителемъ*—всякое лицо, имѣющее на что-нибудь право въ силу договора.

не достигнетъ своей цѣли, если рядомъ съ нимъ будутъ существовать спеціальныя постановленія, прямо противныя его основнымъ началамъ. Разладъ, замѣтный уже теперь, при дѣйствіи крайне недостаточнаго, отрывочнаго, во многомъ случайнаго свода законовъ, сдѣлается поразительно яркимъ, когда мѣсто свода займетъ систематическое, стройное, глубоко обдуманное уложеніе.

Большой свѣтъ на занимающій насъ вопросъ бросаетъ не только текстъ проекта гражданскаго уложенія, но и объяснительная къ нему записка, часть которой (введеніе къ пятой книгѣ) напечатана въ томъ же № „Вѣстника Права“. Въ изложеніи началъ, которыми руководствовалась редакціонная коммиссія, мы читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: „Законъ, прежде всего, долженъ быть *справедливымъ*. Ограждая равноправность сторонъ въ обязательственныхъ отношеніяхъ, законъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, долженъ оградить интересы всѣхъ слабыхъ, безпомощныхъ—словомъ, всѣхъ тѣхъ, кто по своему личному или имущественному положенію нуждается въ особенной защитѣ закона, не будучи въ состояніи съ достаточною энергіею отстаивать свои права“. Къ этой категоріи составители проекта совершенно правильно отнесли нанимаемыхъ, возложивъ на нанимателя обязанность хорошо съ ними обращаться, ограждать ихъ жизнь и здоровье отъ опасности при производствѣ работъ, оказывать имъ помощь въ случаѣ болѣзни. Наниматели-землевладѣльцы находятся въ совершенно иномъ положеніи; они не нуждаются въ „особенной защитѣ“, которой для нихъ проектъ и не устанавливаетъ. „Слабыми, безпомощными, не имѣющими достаточной энергіи для отстаиванья своихъ правъ“ ихъ, очевидно, назвать нельзя—и предоставленіе имъ чрезвычайныхъ преимуществъ идетъ въ разрѣзъ съ справедливостью, единственнымъ прочнымъ фундаментомъ права... Составители проекта признаютъ необходимымъ принять мѣры „противъ эксплуатаціи нужды, легкомыслія, неопытности и несчастья“. Они расширяютъ съ этою цѣлью понятіе *обмана* (не наказуемаго въ уголовномъ порядкѣ), приравнивая къ нему и тѣ случаи, когда кто-либо, злоупотребляя оказываемымъ ему довѣріемъ или принадлежащею ему властью, или пользуясь легкомысліемъ, слабостью воли, нуждою либо несчастіемъ другого лица, заключить съ этимъ лицомъ явно невыгодный для него договоръ (ст. 31). Такой договоръ, какъ заключенный безъ свободнаго и сознательнаго согласія и служащій источникомъ несправедливой выгоды, можетъ быть признанъ, по просьбѣ заинтересованнаго лица, не дѣйствительнымъ (ст. 26, 27, 32). Если въ договорѣ назначена неустойка въ очевидно преувеличенномъ размѣрѣ, или если она представляется чрезмѣрною въ виду неисполненія должникомъ обязательства лишь въ незначительной части, должнику предоставляется право просить судъ объ уменьшеніи

неустойки (ст. 63). Область примѣненія всѣхъ этихъ постановленій, какъ нельзя болѣе разумныхъ и гуманныхъ, очень обширна, значеніе ихъ не исчерпывается какою-либо одною группою договоровъ¹⁾, но въ настоящую минуту насъ занимаетъ только договоръ личнаго найма и даже только одинъ видъ его: наемъ на сельскія работы, — и потому мы ограничимся двумя замѣчаніями. Злоупотребленіе, приравниваемое къ обману, гораздо ближе соприкасается съ областью уголовной репрессіи, чѣмъ простое неисполненіе договора — и однако послѣдствія его, на основаніи проекта уложенія, имѣютъ чисто гражданскій характеръ, именно потому, что гражданская вина не можетъ и не должна служить источникомъ уголовной кары. Какая сторона, затѣмъ, чаще терпитъ, *de facto*, отъ злоупотребленій, предусматриваемыхъ проектомъ — наниматели или нанимаемые? Безъ сомнѣнія — нанимаемые. Въ средѣ нанимателей, говоря вообще, больше опытности и обдуманности, меньше нужды и несчастій — больше того, что предохраняетъ отъ легкомысленныхъ обязательствъ, меньше того, что заставляетъ лѣзть въ петлю, принимать на себя непосильное бремя; въ средѣ нанимаемыхъ — наоборотъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоить только припомнить общеизвѣстное различіе между условіями найма сельскихъ рабочихъ, совершаемаго въ лѣтнее время, передъ самымъ началомъ работъ, и условіями найма, совершаемаго зимой, съ выдачей задатковъ (мы называемъ это различіе общеизвѣстнымъ, хотя его недавно отрицалъ, въ спорѣ съ г. Новиковымъ, одинъ изъ сотрудниковъ „Московскихъ Вѣдомостей“; слышномъ уже явно, въ данномъ случаѣ, противорѣчіе между дѣйствительностью и тенденціознымъ оптимизмомъ). Само собою разумѣется, что далеко не всѣ сдѣлки послѣдняго рода принадлежатъ къ числу тѣхъ, противъ которыхъ вооружаются составители проекта; но столь же несомнѣнно и то, что многія изъ нихъ продиктованы крайнею нуждою, парализующею свободу дѣйствій нанимаемаго и прямо эксплуатируемого нанимателемъ²⁾.

„Вполнѣ понятно и справедливо требованіе русскаго крестьянина, чтобы ему платили (за его наемный трудъ) настоящую цѣну, не эксплуатируя его безысходной нужды“. Такъ говорить не „либераль“ или „мужикофиль“, а кн. А. Г. Щербатовъ, авторъ „Писемъ объ

¹⁾ Еслибы у насъ существовало теперь постановленіе, аналогичное тому, которое намѣчено въ проектѣ, то уничтоженіе, по суду, договоровъ, заключенныхъ липецкимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства съ сельскими обществами липецкаго уѣзда, едва ли встрѣтило бы серьезныя затрудненія.

²⁾ „Въ настоящее время“ — читаемъ мы, напримѣръ, въ интересной статьѣ: „Изъ жизни“, напечатанной въ № 233 „Сиб. Вѣдомостей“, — „нѣтъ такого имѣнія, гдѣ бы въ большей или меньшей мѣрѣ не практиковалась выдача денегъ зимой подъ будущей лѣтней заработокъ. Цѣны, даваемые зимой, въ два-три раза дешевле лѣтнихъ“.

экономическомъ положеніи Россіи“, появившихся недавно въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Напечатавъ эти слова, газета, всегда и во всемъ держащая сторону землевладѣльцевъ, всегда и во всемъ обвиняющая крестьянъ, нанесла сама себѣ неизгладимый ударъ; она потеряла право твердить свою старую пѣсню о лѣности грубаго просто-народа. Въ томъ же письмѣ кн. Щербатова есть еще одно мѣсто, бьющее уже не въ бровь, а прямо въ глазъ. „Какъ составляются у насъ“—спрашиваетъ кн. Щербатовъ—„сужденія о русскомъ крестьянинѣ? Какой-нибудь отставшій отъ земли помѣщикъ, со словъ своего приказчика, или какой-нибудь борзописецъ, со словъ пойманныхъ гдѣ-нибудь на легу свѣденій, или же какое-нибудь управленіе желѣзныхъ дорогъ, чтобы свалить съ себя вину въ своихъ неурядкахъ,—пишутъ въ газетахъ, что ничего нельзя подѣлать съ русскими рабочими: они такіе лѣнтяи, что не хотятъ работать при такихъ-то и такихъ-то выгодныхъ условіяхъ. Изъ этихъ отрывочныхъ замѣчаній выводится обвиненіе на все русское крестьянство, на весь русскій народъ. Если же разобрать эти единичныя обвиненія, то оказывается обыкновенно, что или харчи отвратительны, или работа обставлена непосильными штрафами, или непривычными для русскаго рабочаго порядками“. Что же это за газеты, въ которыхъ пишутъ „отставшіе отъ земли помѣщики“, „борзописцы“ и другіе обличители крестьянскихъ пороковъ? Очевидно—„Московскія Вѣдомости“, съ своими подголосками. Публичнымъ покаянiемъ редакціи помѣщеніе письма кн. Щербатова признать, однако, нельзя: въ слѣдующемъ же номерѣ газеты мы встречаемъ передовую статью, помогающую въ сотый разъ новыхъ мѣръ для обузданія сельскихъ рабочихъ. Это не уменьшаетъ, конечно, важности показаній, заключающихся въ письмѣ кн. Щербатова: особенно достовѣрными признаются, какъ извѣстно, именно тѣ свидѣтели, которые показываютъ противъ вызвавшей ихъ стороны...

Обвиненіе крестьянъ въ нежеланіи работать имѣетъ цѣлью не только обостреніе правилъ, регулирующихъ отношенія между хозяевами и рабочими, но и возможно большее ограниченіе продовольственной помощи—государственной, общественной и частной,—оказываемой крестьянамъ въ неурожайные годы. Крестьяне—такова обычная тема обвинителей—жалуются на свое бѣдственное положеніе, а между тѣмъ отказываются отъ предлагаемой имъ работы или бросаютъ ее, едва за нее взявшись; не ясно ли, что ихъ нужда на самомъ дѣлѣ вовсе не такъ велика и потребность въ помощи вовсе не такъ настоятельна? Противъ этой аргументаціи, всего чаще и всего настойчивѣе повторяемой опять-таки „Московскими Вѣдомостями“, возстаетъ кн. Щербатовъ; онъ раскрываетъ истинныя причины отказовъ, возбуждающихъ „благородное негодованіе“ реакціонной прессы. „Самар-

скимъ голодающимъ“, — читаемъ мы въ томъ же письмѣ кн. Щербатова — „предложили въ нынѣшнемъ году забивать шпалы на желѣзныхъ дорогахъ, и они съ этой работы убѣжали. Дѣло въ томъ, что дома выгодно взять и 50 копѣекъ въ день, а на сторонѣ менѣе рубля нѣтъ расчета... Въ другомъ случаѣ отказъ крестьянъ выходить на расчистку линіи отъ снѣга вызывался недобросовѣстнымъ отношеніемъ желѣзнодорожнаго управленія. Хотя и объявлялась плата по рублю въ день, но расчетъ производился по часамъ работы, считая двѣнадцать часовъ въ рабочій день и исключая время, употребленное на проходъ изъ деревни. Въ концѣ концовъ получалось вознагражденіе за день въ 40—50 коп., которыя выдавались только черезъ недѣлю и версты за двадцать отъ производства работъ, на станціи, при извѣстномъ еще негласномъ вычетѣ въ пользу дорожнаго мастера“. Изъ личнаго опыта, „основаннаго на знакомствѣ съ мастерами всевозможныхъ специальностей, съ рабочими по сельскому хозяйству, съ общественными работами“, у кн. Щербатова „твердо опредѣлилось убѣжденіе, что упреки русскаго крестьянина въ лѣни возникаютъ или отъ неумѣнія распорядителей организовать дѣло, или отъ ихъ недобросовѣстности, или же, наконецъ, являются главнымъ аргументомъ русскихъ фабрикантовъ въ пользу покровительственной таможенной системы“. Эти слова кн. Щербатова надлежало бы принять „къ свѣденію и руководству“ не только профессиональнымъ „обличителямъ“ русскаго вѣстьянства, но и многимъ изъ числа тѣхъ, отъ кого зависитъ благосостояніе крестьянъ. Они подтверждаются со всѣхъ сторонъ безпристрастными наблюдателями, стоявшими, въ самые тяжелые мѣсяцы истекшаго голоднаго года, лицомъ къ лицу съ народною нуждою. Особенно характерна, съ этой точки зрѣнія, замѣчательная и въ другихъ отношеніяхъ статья госпожи Шахматовой („С.-Петербургскія Вѣдомости“ № 194), описывающая общественныя работы, устроенныя зимою нынѣшняго года, въ одной изъ голодавшихъ волостей саратовскаго уѣзда. Сами крестьяне просили госпожу Шахматову, стоявшую во главѣ мѣстнаго попечительства, не раздавать хлѣба даромъ, а устроить работы, за которыя они принялись съ большимъ усердіемъ и съ которыми справились весьма успѣшно. Впечатлѣніе, произведенное ими въ средѣ крестьянъ, выразилось всего ярче въ словахъ, съ которыми обратился къ госпожѣ Шахматовой, по окончаніи работъ, одинъ изъ мѣстныхъ „стариковъ“: „Благодарю васъ не за то, что вы прокормили народъ, а за то, что вы доказали, что русскій народъ совѣсти еще не потерялъ и работу предпочелъ даровому куску. Мы всѣ видѣли, какъ работали зимой, какъ бросались за работой, не справляясь съ цѣной, на перебой. Винить въ лѣни легко, когда работы нѣтъ и не даютъ работы“...

Возвращаемся къ объяснительной запискѣ редакціонной комиссіи. Второе начало, положенное ею въ основаніе своего труда, формулировано такъ: „законъ долженъ стремиться къ достиженію матеріальной, а не формальной правды“. Однимъ изъ существенныхъ недостатковъ дѣйствующаго закона, по справедливому замѣчанію комиссіи, является его крайній формализмъ. Проектъ старается смягчить его, упрощая порядокъ заключенія договоровъ и предоставляя возможно широкій просторъ усмотрѣнію суда. Суду дается, напримѣръ, право опредѣлять размѣръ убытковъ, хотя бы цифра ихъ и не была съ точностью доказана, и даже назначать вознагражденіе, когда убытковъ не было понесено. Онъ можетъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, прекратить до срока договоръ личнаго найма, освободить подрядчика отъ исполненія договора или увеличить установленную договоромъ цѣну подряда, отменить договоръ пожизненнаго содержанія или замѣнить содержаніе опредѣленными ежегодными денежными выдачами. Все это вполнѣ основательно, вполнѣ цѣлесообразно, но только подъ однимъ условіемъ: чтобы примѣненіе новаго гражданскаго кодекса было ввѣрено суду, соединяющему въ себѣ, и по составу, и по организаціи, и по способу дѣйствій, всѣ истинныя гарантіи правосудія. Въ проектѣ уложенія—читаемъ мы въ объяснительной запискѣ—, говорится вообще о судѣ, такъ какъ опредѣленіе подсудности дѣлъ, по роду и суммѣ, тѣмъ либо другимъ судамъ относится къ области судопроизводственныхъ законовъ“. Это совершенно вѣрно: комиссія, оставаясь въ предѣлахъ своей задачи, не могла разсуждать иначе—но когда настанетъ время для *исполненія* ея предначертаній, тогда неизбѣжно долженъ возникнуть вопросъ объ исполнителяхъ. Разумное и справедливое пользование судьейскимъ „усмотрѣніемъ“ возможно только при извѣстной степени образованія и независимости судей и при такомъ устройствѣ судебныхъ учреждений, которое соединяло бы ихъ въ одно стройное цѣлое, увѣнчанное и руководимое наиболѣе опытными членами судебного сословія. То ли мы видимъ у насъ въ настоящее время? Волостные суды, съ довольно обширной компетенціей, состоятъ изъ людей, незнакомыхъ съ юридической азбукой и подчиненныхъ, если не *de jure*, то *de facto*, земскому начальнику. Земскій начальникъ, въ большинствѣ случаевъ лишенный юридическаго и даже общаго (высшаго) образованія, подчиненъ администраціи и вмѣстѣ съ тѣмъ зависитъ, до извѣстной степени, отъ своего сословія, т.-е. отъ общественной группы, интересы которой во многомъ противоположны интересамъ массы населенія. Надъ волостными судами и земскими начальниками стоитъ уѣздный съѣздъ, въ которомъ судебный элементъ представленъ слабо, а по окончаніи пересмотра судебныхъ уставовъ вовсе, можетъ быть, не будетъ предста-

вленъ. Надъ уѣздными сѣздами поставлены губернскія присутствія, почти исключительно административныя по своему составу, но раздѣляющія между собою власть кассационнаго суда. Что при такомъ устройствѣ учреждений, сосредоточивающихъ въ своихъ рукахъ значительно большую часть судебныхъ дѣлъ, невозможно нормальное развитіе и объединеніе судебной практики, особенно важное при введеніи въ дѣйствіе новаго уложенія — это не подлежитъ никакому сомнѣнію; но еще серьезнѣе, въ нашихъ глазахъ, опасность, съ которою сопряжено расширеніе *судейскаго усмотрѣнія администрации*. Характерно уже самое сопоставленіе этихъ понятій — сопоставленіе, вытекающее, однако, изъ безспорныхъ фактическихъ данныхъ. Земскіе начальники, по своему положенію и призванію — прежде всего и больше всего администраторы; административными учрежденіями по преимуществу являются и уѣздные сѣзды, и губернскія присутствія. Когда одно и то же лицо или учрежденіе безпрестанно переходитъ отъ административныхъ функцій къ судебнымъ, отъ судебныхъ — къ административнымъ, единственное, что напоминаетъ ему о различіи между тѣми и другими, о необходимости измѣнять, вмѣстѣ съ родомъ дѣятельности, и ея характеръ — это строгость и опредѣленность закона, регулирующаго гражданскія правоотношенія. Чѣмъ больше слабѣетъ эта сдержка, тѣмъ больше стирается демаркаціонная черта, и безъ того уже слишкомъ часто игнорируемая или нарушаемая. Реформа, въ высшей степени благотворная при нормальныхъ условіяхъ, можетъ, такимъ образомъ, принести больше вреда, чѣмъ пользы, если примѣнять новое гражданское уложеніе будутъ, въ большинствѣ случаевъ, административныя должностныя лица и присутственныя мѣста, облеченныя, между прочимъ, судебною властью. Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. Судьѣ или суду, входящему въ составъ нормально организованной судебной іерархіи, право опредѣлять сумму убытковъ помимо точныхъ доказательствъ — и даже присуждать вознагражденіе, когда убытковъ не понесено вовсе, — можетъ быть дано безъ всякихъ опасеній, какъ потому, что нѣтъ причины ожидать тенденціознаго пользованія имъ, такъ и потому, что грубая ошибка или натяжка всегда можетъ быть исправлена высшею инстанціею. Иное дѣло — предоставленіе такого права земскому начальнику. Подсудные ему иски о вознагражденіи за убытки предъявляются, большею частью, землевладѣльцами, съ которыми земскій начальникъ чувствуетъ себя солидарнымъ — предъявляются противъ крестьянъ, которыхъ онъ считаетъ себя обязаннымъ подтянуть и обуздать. Отсюда вѣроятность присужденія убытковъ не только въ преувеличенномъ размѣрѣ, но даже и тогда, когда вовсе нѣтъ основанія къ вознагражденію (напримѣръ когда работа, неисполненная нанявшимся для нея крестьяни-

номъ, произведена другимъ на условіяхъ болѣе выгодныхъ для нанимателя). Столь же вѣроятно и утверждение подобнаго рѣшенія уѣзднымъ съѣздомъ, въ видахъ устрашенія сельскихъ рабочихъ... Нельзя не пожелать, поэтому, чтобы ко времени введенія въ дѣйствіе гражданскаго уложенія у насъ было повсемѣстно и всецѣло возстановлено разсмотрѣніе судебныхъ дѣлъ судебными учрежденіями — судебными не только по имени и безъ всякой чуждой примѣси. То же самое можно сказать, конечно, и по поводу новаго уголовнаго уложенія; но въ дѣлахъ гражданскихъ истинно-судебное производство представляетъ особенную важность, потому что самые тонкіе и сложные юридическіе вопросы возникаютъ одинаково легко и въ малоцѣнныхъ, и въ крупныхъ искахъ.

Мы упомянули, мѣсяцъ тому назадъ, о такъ называемомъ липецкомъ инцидентѣ, т.-е. о наймѣ уѣзднымъ предводителемъ дворянства крестьянскихъ земель, для разработки руды, на условіяхъ, повидимому, весьма невыгодныхъ для крестьянъ. Новыя свѣденія по этому дѣлу, сообщаемыя „Московскими Вѣдомостями“ (№№ 242 и 244), бросаютъ яркій свѣтъ на вопросъ, о которомъ мы только-что говорили. Вотъ что пишетъ, между прочимъ, корреспондентъ московской газеты: *„По распоряженію г. Кожина, во всѣхъ деревняхъ собирались сходы, которымъ предъявлялись для подписи готовые печатные приговоры на сдачу г. Кожину крестьянской земли. Всякій вопросъ на сходахъ предварительно обсуждается, тутъ же никакихъ обсуждений и разсуждений не требовалось, сходамъ надлежало только рѣшить вопросъ, и рѣшать его именно такъ, какъ это было желательно г. Кожину и какъ онъ того требовалъ черезъ своихъ агентовъ, блуждавшихъ по деревнямъ и обязательно присутствовавшихъ на сходахъ“*... Въ большинствѣ случаевъ, однако, „крестьяне словно чувствовали, что тутъ что-то неладно, и, несмотря на все обаяніе г. Кожина, какъ предводителя дворянства, рѣшительно отказались отъ сдачи своей земли. Не встрѣтъ г. Кожинъ такой дружной оппозиціи со стороны крестьянъ, ему принадлежала бы уже половина липецкаго уѣзда. Но и для тѣхъ двадцати тысячъ десятинъ, которыя г. Кожину удалось вырвать у крестьянъ, потребовались большія усилія и чрезвычайныя приемы. Можно положительно сказать, что не будь г. Кожинъ мѣстнымъ предводителемъ дворянства, т.-е. не будь онъ въ глазахъ крестьянъ начальствомъ, и не имѣй онъ въ своемъ распоряженіи этихъ чрезвычайныхъ приемовъ, ему бы не удалось заполучить и тѣхъ 17 тысячъ десятинъ, которыя онъ заполучилъ ¹⁾... Болѣе вліятельные

¹⁾ Обѣ эти цифры, 20 и 17 тысячъ десятинъ, повидимому, неточны; въ другомъ мѣстѣ корреспонденціи число сланныхъ г. Кожину десятинъ опредѣляется въ 18.958.

изъ крестьянъ требовались на домъ къ г. Кожину, который, отпуская ихъ, вручалъ имъ по десяти и двадцатипятирублевой бумажкѣ на угощеніе односельчанъ. Черезъ агентовъ своихъ г. Кожинъ производилъ это угощеніе и натурой, т.-е. водкой, которая выставялась обществу ведрами. Далѣе корреспондентъ указываетъ на тотъ „странный фактъ“, что г. Кожинъ „сдѣлалъ“ (кавычки въ подлинникѣ) своего лакея старшиной именно тогда, когда началъ снимать крестьянскія земли... Крестьяне тѣхъ сель, которыя не согласились на предложенія г. Кожина, *„систематически подвергаются всяческому притискиванію и даже формальнымъ преслѣдованіямъ“* (курсивъ въ подлинникѣ). Они какъ бы несутъ наказаніе за неповиновеніе, имъ какъ бы дается почувствовать невыгодность и даже опасность дальнѣйшей оппозиціи. Когда нѣкоторые изъ нихъ стали сами добывать руду и продавать ее по 4 и 5 коп. за пудъ, „сдѣлано было (кѣмъ?) распоряженіе прекратить добычу, объявленное земскимъ начальникомъ на сельскихъ сходахъ. Повинуясь этому распоряженію, крестьяне прекратили выемку руды (хотя окружной горный инженеръ и объяснилъ имъ, что они могутъ, по закону, рыть руду, но должны только выбрать изъ среды себя кого-либо въ качествѣ завѣдующаго работами). Начальство, однако, не удовольствовалося этимъ, и всѣ крестьяне сель, не сдавшихъ г. Кожину свои залежи и начавшихъ добывать руду, начали огульно привлекаться къ уголовной отвѣтственности за неисполненіе объявленнаго распоряженія начальства и приговариваться къ 15-рублевому штрафу или трехдневному аресту, при чемъ все дѣло отъ начала до конца производится необычайными способами и носить изумительно-баснословный характеръ“. Въ протоколахъ земскаго начальника, судя по жалобамъ крестьянъ ¹⁾, показаны присутствовавшими и даже сознавшимися такіе обвиняемые, которые вовсе не были при разборѣ дѣла, а въ число обвиняемыхъ включены лица вовсе не добывавшія руду или добывавшія ее до отобранія подписки о прекращеніи добычи. Акты, послужившіе основаніемъ преслѣдованій, составлялись волостнымъ старшиною-лакеемъ г. Кожина. Жалобы на приговоры земскаго начальника разсматривались уѣзднымъ съѣздомъ подъ предсѣдательствомъ г. Кожина, несмотря на обращенную къ нему губернаторомъ просьбу не предсѣдательствовать (а слѣдовательно, и не присутствовать) въ этомъ засѣданіи. Уважены ли жалобы уѣзднымъ

¹⁾ Вѣрно ли изложена въ жалобахъ фактическая сторона дѣла — этого корреспондентъ московской газеты не объясняетъ; должно быть — вѣрно, иначе онъ не сталъ бы утверждать, что дѣло „производится необычайными способами и носить изумительно-баснословный характеръ“.

съѣздомъ—корреспондентъ не сообщаетъ; общій тонъ его корреспонденці заставляеть предполагать, что не уважены ¹⁾).

Мы далеки отъ мысли, что г. Кожинъ — типичный предводитель дворянства, его ближайшіе сотрудники—типичные земскіе начальники, его лакей—типичный волостной старшина новой формаци; мы очень хорошо знаемъ, что по отдѣльнымъ лицамъ нельзя и не слѣдуетъ судить о цѣломъ учрежденіи. Липецкій инцидентъ кажется намъ характеристичнымъ съ другой точки зрѣнія: онъ показываетъ, какимъ орудіемъ притѣсненій и правонарушеній можетъ сдѣлаться нынѣшняя организація мѣстной судебной-административной власти, до какой степени безправнымъ и незащитнымъ можетъ оказаться, лицомъ къ лицу съ нею, крестьянское населеніе. Перенесемъ мысленно въ уѣздъ, какимъ онъ былъ лѣтъ 15—20 тому назадъ, при дѣйствіи прежнихъ порядковъ. Конечно, и тогда предводитель дворянства не былъ лишенъ вліянія на крестьянъ, въ особенности на должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія: онъ предсѣдательствовалъ въ уѣздномъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, составлявшемъ нѣчто въ родѣ кассационной инстанціи по отношенію къ волостнымъ судамъ, нѣчто въ родѣ дисциплинарнаго суда по отношенію къ волостнымъ старшинамъ, волостнымъ писарямъ и сельскимъ старостамъ. Сравнительно съ теперешнимъ уѣзднымъ съѣздомъ крестьянское присутствіе было облечено, однако, весьма ограниченными функціями и весьма небольшою властью, а главное—въ его составъ входили лица совершенно независимыя отъ предводителя, выбиравшіяся или назначавшіяся безъ всякаго его участія (непремѣнный членъ, предсѣдатель уѣздной земской управы, исправникъ, одинъ изъ почетныхъ мировыхъ судей). Столь же независимыми были и мировые судьи, какъ въ своей единоличной дѣятельности, такъ и въ коллегіальной (т.-е. въ качествѣ членовъ мирового съѣзда). Что могъ бы сдѣлать, при такихъ условіяхъ, предводитель дворянства, задумавшій нѣчто аналогичное предпріятію г. Кожина? Въ комъ онъ нашелъ бы союзниковъ и сотрудниковъ, какими путями сталъ бы дѣйствовать на крестьянъ, какія средства пустилъ бы въ ходъ, чтобы преодолѣть или покарать ихъ сопротивленіе? *Возможною* коалиція уѣздныхъ чиновъ была, безъ сомнѣнія, и тогда, но весьма невелика была ея *вѣроятность*.

¹⁾ Изъ позднѣйшихъ сообщений того же корреспондента („Московскія Вѣдомости“ № 250) видно, что не поддався вліянію г. Кожина только одинъ изъ земскихъ начальниковъ липецкаго уѣзда, г. Петровъ. Въ сосѣднемъ лебедянскомъ уѣздѣ земскіе начальники противодействовали заключенію договоровъ между г. Кожинимъ и крестьянами. Въ губ. орловской и воронежской аналогичные договоры не утверждены губернскими присутствіями (какъ отнеслись къ нимъ мѣстные земскіе начальники—изъ корреспонденціи не видно).

Соединить вокругъ себя представителей администраціи и суда, для дружнаго напора на крестьянъ, прежній предводитель могъ только силою своего *личнаго* значенія (энергіи или вкрадчивости, богатства или связей), путемъ уговора, посуловъ, общаній; теперь административная и судебная власть соединена въ рукахъ должностныхъ лицъ, во главѣ которыхъ, прямо и косвенно вліяя на ихъ служебное положеніе, стоитъ предводитель дворянства—а самая зависимость крестьянъ, крестьянскихъ властей, крестьянскихъ обществъ несравненно больше, чѣмъ прежде... Намъ могутъ возразить, что побѣда г. Кожина—далеко не полная: многія сельскія общества не поддались его настояніямъ, количество земли, перешедшей въ его распоряженіе, гораздо меньше того, на которое онъ рассчитывалъ первоначально; *ergo*—и при настоящемъ положеніи вещей самостоятельность крестьянъ ограждена достаточно. Это возраженіе неубѣдительно. Извѣстно, до какой степени крестьяне дорожатъ своею землею, какъ крѣпко держатся за нее и какъ недоувѣрчиво относятся къ предложеніямъ, идущимъ отъ *господъ*, въ особенности если эти предложенія касаются чего-нибудь неиспытаннаго и неизвѣданнаго. Удивляться нужно не тому, что кое-гдѣ г. Кожинъ встрѣтилъ отказъ, а тому, что нашлись, и не въ маломъ числѣ, общества, давшія свое согласіе: девятнадцать тысячъ десятинъ—цифра весьма крупная. Путемъ злоупотребленія властью гораздо труднѣе добиться чего-нибудь положительнаго, чѣмъ помѣшаты чему-нибудь, предупредить, остановить полезное дѣло; если г. Кожину удалось склонить нѣсколько крестьянскихъ обществъ къ заключенію невыгодныхъ для нихъ договоровъ, то это бросаетъ яркій свѣтъ на степень давленія, возможнаго въ другихъ, болѣе заурядныхъ случаяхъ крестьянской жизни... Уголовныя кары, постигающія непокорныхъ, свидѣлствуютъ о томъ, что отказомъ отъ заключенія договоровъ не прекратилось стремленіе къ однажды намѣченной цѣли: ея, очевидно, имѣлось въ виду достигнуть „не мытьемъ, такъ катаньемъ“. Въ настоящую минуту позволительно надѣяться, что походъ г. Кожина на крестьянскія земли не возобновится; весьма можетъ быть, что ему придется даже возвратитъ нѣкоторыя изъ его завоеваній; но почему? Только потому, что дѣло приняло уже слишкомъ большіе размѣры и получило слишкомъ большую огласку, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ пострадавшимъ оказался, между прочимъ, и городъ Липецкъ, болѣе способный къ самозащитѣ, чѣмъ крестьянскія общества. Та же самая исторія, если бы она не пахла сотнями тысячъ рублей, могла бы разыграться безъ шума и остаться неизвѣстной внѣ тѣснаго круга непосредственно соприкасающихся съ нею лицъ. Припомнимъ, что тамбовское губернское присутствіе не нашло ничего неправильнаго въ сдѣлкахъ, за-

включенныхъ липецкимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства сельскими обществами липецкаго уѣзда... Чѣмъ бы ни закончился липецкій инцидентъ, онъ останется, поэтому, предостереженіемъ, заслуживающимъ самаго серьезнаго вниманія.

Въ газетахъ продолжаютъ появляться свѣденія о содержаніи новаго продовольственнаго устава, составленнаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и внесеннаго или имѣющаго быть внесеннымъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Главнѣйшія отличія его отъ дѣйствующаго устава заключаются, по словамъ „Права“, въ слѣдующемъ: 1) къ существующимъ средствамъ для обезпеченія продовольствія населенія и обмѣненія полей (натуральные запасы и продовольственные капиталы) присоединяется особый поземельный продовольственный сборъ; 2) къ отбыванію продовольственной повинности привлекается не только крестьянское населеніе, но и лица другихъ сословій, живущія въ деревняхъ и занимающіяся сельскимъ хозяйствомъ, если хозяйство ихъ не превышаетъ средняго хозяйства крестьянскаго двора въ данной мѣстности; 3) въ случаѣ неурожая и недостатка хлѣбныхъ запасовъ въ одной губерніи, допускается позаймствование зерна изъ запасовъ другой губерніи; 4) право на полученіе продовольственныхъ и сѣмянныхъ ссудъ, а также безвозвратныхъ пособій, имѣютъ не только крестьяне, но и лица другихъ сословій, проживающія въ деревнѣ, занимающіяся земледѣіемъ, но не имѣющія средствъ къ пропитанію; 5) для облегченія отбыванія продовольственной повинности и уплаты недоимокъ допускается учрежденіе общественныхъ запасекъ; 6) общее попеченіе о продовольственномъ дѣлѣ возлагается на министерство внутреннихъ дѣлъ и на проектируемый въ составѣ министерства совѣтъ по дѣламъ о продовольствіи населенія; мѣстный надзоръ за исполненіемъ правилъ и попеченіе о продовольственныхъ нуждахъ населенія возлагается на генераль-губернаторовъ и губернаторовъ, на проектированныя губернскія и уѣздныя продовольственныя присутствія и, наконецъ, на земскихъ начальниковъ и участковыхъ попечителей. Та же газета сообщаетъ, что устраненіе земства отъ продовольственнаго дѣла не встрѣтило сочувствія со стороны министерствъ финансовъ и земледѣлія. Министерство внутреннихъ дѣлъ основываетъ проектируемую имъ мѣру на томъ обстоятельстве, что земства до сихъ поръ ничего не сдѣлали для улучшенія продовольственной организаціи: ни одно земство не издало ни одного обязательнаго постановленія по продовольственному вопросу, несмотря на то, что земское положеніе предоставляетъ ему право издавать подобныя постановленія. Весьма основательный

отвѣтъ на этотъ послѣдній упрекъ даетъ статья „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (№ 180): „Можно ли винить земство въ недостаткахъ продовольственнаго дѣла?“ Уставъ народнаго продовольствія уполномочиваетъ губернскія земскія собранія издавать обязательныя постановленія объ устройствѣ и содержаніи хлѣбныхъ общественныхъ магазиновъ, о порядкѣ засыпки туда хлѣба и объ освѣженіи его, объ отчетности по магазинамъ, о порядкѣ храненія и расходованія хлѣбныхъ общественныхъ запасовъ и замѣняющихъ ихъ общественныхъ капиталовъ и, наконецъ, о замѣнѣ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ хлѣбныхъ запасовъ денежными. Серьезное значеніе, изъ всего перечисленнаго, имѣетъ лишь замѣна хлѣбныхъ запасовъ денежными—но она во многихъ мѣстахъ и совершилась, при участіи земства, только не посредствомъ изданія обязательныхъ постановленій, а путемъ разрѣшенія отдѣльныхъ случаевъ (прибавимъ къ этому, что центральная администрація давно уже не благопріятствуетъ переходу отъ натуральныхъ запасовъ къ денежнымъ и едва ли можетъ претендовать на земство за бездѣйствіе, вполнѣ согласное съ ея видами). Остальные предметы, которыхъ могли коснуться обязательныя постановленія, совершенно маловажны, и регламентація ихъ земствомъ не предупредила бы ни одной изъ бѣдъ, вызванныхъ неустройствомъ продовольственной части. Какъ бы обстоятельны и подробны ни были правила о содержаніи магазиновъ, о засыпкѣ, освѣженіи и храненіи хлѣба, какъ бы точны ни были отчеты о его расходованіи, магазины все-таки засыпались бы не иначе, какъ при постоянномъ понужденіи со стороны *власти*—т.-е. не со стороны земства, никакою властью не облеченнаго,—и засыпанный хлѣбъ все-таки разсматривался бы крестьянами не какъ общественная собственность, а какъ личное достояніе домохозяевъ, его засыпавшихъ... Что магазины, даже полные, служатъ, притомъ, только второстепеннымъ, наліативнымъ средствомъ борьбы съ результатами неурожая—это показали съ достаточною ясностью опытъ послѣднихъ двухъ неурожайныхъ годовъ. Это сознаетъ и министерство внутреннихъ дѣлъ, проектирующее, независимо отъ магазиновъ, установленіе особаго поземельнаго продовольственнаго сбора. Къ сожалѣнію, во взиманію этого сбора предполагается привлечь, кромѣ крестьянъ, только такихъ сельскихъ жителей, которые отличаются отъ крестьянъ однимъ лишь названіемъ. Мы продолжаемъ думать, что дѣло народнаго продовольствія имѣетъ государственный характеръ и что продовольственныя нужды населенія должны быть удовлетворяемы главнымъ образомъ изъ государственныхъ средствъ, все равно, будутъ ли эти средства получаться изъ общихъ бюджетныхъ суммъ или изъ спеціальнаго, *ad hoc* установленнаго налога, не приуроченнаго къ одному сословію или общественному классу.

Возражая противъ незаслуженныхъ обвиненій, которымъ подвергается земство, мы не разъ указывали на то, что не лучше земскихъ губерній продовольственное дѣло было поставлено въ такихъ частяхъ имперіи, гдѣ не было и нѣтъ земскихъ учреждений. Яркое подтвержденіе этой мысли мы нашли недавно въ статьѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (№ 177): „Продовольственное дѣло безъ земства“. Рѣчь идетъ объ эриванской губерніи, которая въ 1892, 1893 и 1894 гг. серьезно пострадала отъ неурожаевъ: не хватало до нормы, въ эти годы, отъ 2½ до 6 пуд. на душу. Въ 1893 г. два пострадавшихъ уѣзда (новобаязетскій и александропольскій) получили помощь въ размѣрѣ 39 тыс. рублей, что составляетъ по 14½ коп. или *шесть фунтовъ* хлѣба на душу. Въ 1894 г. на 330 тысячъ душъ населенія постигнутой неурожаемъ части эриванской губерніи было отпущено 50 тыс. руб., т.-е. по 16 коп. или по 4 фунта пшеницы на душу; одинъ изъ пострадавшихъ уѣздовъ (александропольскій) не получилъ ничего. За недостаткомъ сѣмянъ, значительная часть семействъ (смотря по уѣздамъ—отъ 19 до 36%) вовсе не засѣяли свои поля. Бюрократическая продовольственная организація заявила себя не только крайней ничтожностью оказанной помощи: послѣдняя почти всегда запаздывала, сѣменные ссуды, напримѣръ, обыкновенно приходили послѣ посѣвовъ. Дѣйствительно нуждающимся досталось очень мало, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ ссуды распредѣлялись поровну между всеми односельчанами; между получающими было много такихъ, которые сами продавали хлѣбъ сотнями и даже тысячами пудовъ. Наконецъ, тяжелыя условія возврата ссудъ и связанныя съ ними *непріятности* (курсивъ въ подлинникѣ) повели къ тому, что духоборы с. Кириловки, вмѣстѣ съ нѣкоторыми сосѣдями, вовсе отказались отъ помощи. Въ сравненіи съ бюрократической, несравненно болѣе удовлетворительною во всѣхъ отношеніяхъ была помощь, оказанная населенію частными лицами и мѣстными общественными организаціями, въ особенности уѣздными отдѣленіями армянскаго благотворительнаго общества и эчміадзинскимъ (армянскимъ) монастыремъ. Въ конечномъ итогѣ и правительственной, и благотворительной помощью, вмѣстѣ, потребности населенія были удовлетворены не болѣе какъ въ одной десятой части; остальные 90% были покрыты распродажей свачала предметовъ домашняго обихода, затѣмъ скота. Число лошадей сократилось на 20%, мелкаго скота—на 70%, рабочаго—на 30%; лишенныхъ рабочаго скота домохозяевъ оказалось въ александропольскомъ уѣздѣ до 19%, въ новобаязетскомъ—до 29%, въ эриванскомъ—до 42%.

Исслѣдованіе, изъ котораго заимствованы всѣ эти данныя, произведено не администраціей, а частнымъ лицомъ (г. Зоваровымъ), по порученію частнаго учрежденія—кавказскаго общества сельскаго

хозяйства. „Въ Закавказьѣ“ — восклицаетъ г. Зоваровъ — „нѣтъ земства, слѣдовательно некому принимать близко къ сердцу интересы нуждающагося населенія, некому просить, убѣждать, доказывать и, въ концѣ-концовъ, хотя съ большимъ трудомъ, но все-таки чего-нибудь добиваться“. Въ этихъ словахъ затронута именно та сторона продовольственнаго дѣла, гдѣ участие земства является совершенно незамѣнимымъ. Исторія послѣднихъ неурожайныхъ годовъ — какъ 1891-го и 1892-го, такъ и 1897-го и 1898-го — показываетъ на каждомъ шагѣ, что земство всего раньше обнаруживаетъ размѣры продовольственной нужды и всего настойчивѣе заботится о ея удовлетвореніи. Отношеніе администраціи къ земскимъ ходатайствамъ сначала почти всегда отличается недовѣрчивостью; иногда — на примѣръ въ 1897-98 г. — существованіе крайней нужды признается только въ концѣ продовольственнаго періода. До извѣстной степени это понятно: на земствѣ, по самой силѣ вещей, лежала до сихъ поръ инициатива продовольственной помощи, на администраціи — контроль, неизбѣжно располагающій къ осторожности. Раздѣляя между собою попеченіе о народномъ продовольствіи, земство и администрація пополняли другъ друга: ихъ совмѣстная дѣятельность исключала или, по крайней мѣрѣ, смягчала обѣ крайности — увлеченіе въ сторону расточительности и увлеченіе въ сторону излишней бережливости. Сосредоточеніе продовольственнаго дѣла въ рукахъ одной администраціи нарушить это равновѣсіе, сдѣлаетъ невозможнымъ настоящій *контроль*, не имѣющій ничего общаго съ *надзоромъ* начальства надъ подчиненными... Во главу угла, при чисто бюрократическомъ устройствѣ продовольственнаго дѣла, будетъ положенъ, безъ сомнѣнія, институтъ земскихъ начальниковъ, меньше всего приспособленный къ тому, чтобы замѣнить собою земство. Вотъ что говоритъ по этому поводу одинъ изъ сотрудниковъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, — кн. Михаилъ Шаховской, едва ли навлекающій на себя подозрѣніе въ „либерализмѣ“: „земскіе начальники, за десятилѣтній періодъ ихъ существованія, доказали, что попеченіе о крестьянскомъ населеніи, имъ ввѣренное, обратилось въ стремленіе *подтянуть* крестьянина, по мнѣнію авторовъ закона 1889-го года слишкомъ распущеннаго и совсѣмъ не дисциплинированнаго. Правда, теперь крестьяне при встрѣчѣ съ барининомъ снимаютъ шапки, сворачиваютъ съ дороги попадающимъ на встрѣчу тройкамъ съ волоколычками; но какое отношеніе къ попеченію о крестьянствѣ имѣетъ эта воспитательная система — врядъ ли уразумѣть можно. Земскій начальникъ, въ глазахъ крестьянина — тотъ же чиновникъ, какъ становой и исправникъ. Онъ такъ же далеко стоитъ отъ дѣйствительной жизни крестьянина, отъ его нуждъ, какъ далеко всегда находилось такъ называемое непосредственное начальство. А въ виду

того, что должности земскихъ начальниковъ часто замѣщаются лицами нисколько не связанными съ интересами данной мѣстности, живого, энергичнаго отношенія къ мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ ожидать отъ нихъ трудно, особенно въ дѣлѣ для нихъ чуждомъ и имъ даже незнакомомъ". Правда, для ближайшаго завѣдыванія продовольственнымъ дѣломъ проектируются еще участковые попечители; но, при бюрократическомъ характерѣ всей новой организаціи, они будутъ не чѣмъ инымъ, какъ исполнителями приказаній земскаго начальника, во всемъ отъ него зависимыми и лишенными всякой инициативы. Дѣйствительно полезнымъ мѣстное попечительство можетъ стать только какъ одинъ изъ органовъ мелкой *самоуправляющейся* единицы.

Широкое и самостоятельное участіе земства въ продовольственномъ дѣлѣ незамѣнимо еще и потому, что только около него и рядомъ съ нимъ можетъ вполне успѣшно дѣйствовать частная помощь, значеніе которой еще разъ показала наглядно послѣдній неурожайный годъ. Къ детальному опредѣленію степени нужды, къ непосредственному участію въ раздачѣ ссудъ и пособій земство давно привыкло призывать мѣстныхъ жителей; уже въ 1880-81 г., на примѣръ, участковыя попечительства были открыты, по земскому почину, во многихъ уѣздахъ саратовской губерніи, пострадавшихъ отъ неурожая. Позже, когда поразительно увеличившіеся размѣры бѣдствія обратили на себя вниманіе всего русскаго общества, земскіе дѣятели радостно стали дѣлить свой трудъ съ добровольцами, стекавшимися въ неурожайныя губерніи изъ разныхъ концовъ Россіи. Далекое не таково, во многихъ случаяхъ, былъ пріемъ, сдѣланный имъ администраціей и въ особенности земскими начальниками. Бюрократическое всевластіе и личная инициатива—элементы до такой степени различные и даже противоположные, что столкновенія между ними совершенно неизбежны. Они бывали и прежде, бывали и въ нынѣшнемъ году. Вотъ, на примѣръ, что пишетъ г. Е. Шмурло ¹⁾, напечатавшій въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ цѣлый рядъ интереснѣйшихъ статей, подъ заглавіемъ „На исходѣ голоднаго года“: „въ одной изъ деревень чистопольскаго уѣзда открыта была столовая на средства, собираемыя для этого района г-жею Щепетильниковою, но черезъ нѣкоторое время земскій начальникъ закрылъ ее на основаніи того, что ему неизвѣстно было, дано ли губернскими властями дозволеніе на ея открытіе. Священникъ, завѣдывавшій столовою, получилъ отъ земскаго начальника формальное отношеніе съ требованіемъ или предъявить разрѣшеніе губернатора,

¹⁾ Г. Шмурло, профессоръ юрьевскаго университета, много потрудился, въ 1891-92 г., для голодавшаго населенія оренбургскаго края, а въ нынѣшнемъ году посѣтилъ наиболѣе пострадавшіе уѣзды уфимской и казанской губерній.

или немедленно прекратить свою дѣятельность подѣ угрозой уголовной отвѣтственности. Заявленіе о томъ, что казанскій губернаторъ далъ общее разрѣшеніе г-жѣ Щепетильниковой и что въ другихъ земскихъ участкахъ таковымъ вполне удовлетворяются, не подѣйствовало, и столовая была закрыта. Самое закрытіе произошло съ торжественной обстановкой—съ понатыми, волостнымъ старшиной и составленіемъ формальнаго акта. Возникла переписка, разрѣшеніе, разумѣется, было подтверждено—но время, между тѣмъ, ушло и деревня, кажется, такъ и осталась безъ столовой. А печальный инцидентъ въ томъ же чисто-польскомъ уѣздѣ съ благотворительницей, что, пріѣхавъ изъ Крыма, организовала такую щедрую помощь нуждающемуся населенію въ одномъ изъ большихъ селъ! Тоже недоразумѣніе, хотя подкладка здѣсь болѣе серьезная и болѣе печальная... Дѣло, говорятъ, вышло изъ-за самыхъ невиннѣйшихъ книжекъ (кажется, какого-то „Ходатая по крестьянскимъ дѣламъ“), не только дозволенныхъ цензурою, но и допущенныхъ въ сельскія школьныя бібліотеки. Можно было указать на нѣкоторую несвоевременность появленія этихъ книжекъ, посовѣтовать считаться съ извѣстными подозрѣніями, но... право, этимъ бы и ограничиться. Мысль эта особенно приходитъ на умъ, когда вспомнишь слышанные рассказы о подозрительныхъ личностяхъ, которыя шныряютъ по уѣзду, сегодня называясь студентами харьковского, а завтра московскаго университетовъ, и наводятъ разговоръ на темы, которыя обыкновенно принято обходить въ бесѣдѣ съ совершенно незнакомыми лицами“. Судя по письму врача Николаева („С.-Петерб. Вѣдомости“, № 236), организовавшаго помощь голодающимъ въ двухъ волостяхъ саратовскаго уѣзда, формальнымъ отношеніемъ къ дѣлу отличались даже члены формально учрежденныхъ попечительствъ. „Одинъ изъ попечителей“—говоритъ г. Николаевъ—„считаетъ излишними всякія столовыя, пшено, молоко, такъ какъ народъ и въ хорошіе годы привыкъ, будто бы, питаться однимъ хлѣбомъ. Другой находитъ непереносимой помощь лошадьми и коровами, такъ какъ-де отъ неурожая и града пострадалъ одинъ хлѣбъ, а не лошади и коровы... Третій, съ претензіей на тонкую и ѣдкую иронию, предлагаетъ поставить на обсужденіе вопросъ о снабженіи крестьянъ конфетами и т. д. Лѣнтяй, мошенникъ, дармоѣдъ, пьяница—вотъ, въ устахъ многихъ попечителей, огульная характеристика народа, того народа, горбомъ котораго устраиваютъ они свое собственное земное благополучіе“. Основываясь на „личномъ горькомъ опытѣ“, г. Николаевъ выражаетъ предположеніе, что „если въ настоящемъ году инициатива частныхъ лицъ не получила такого широкаго развитія, какъ раньше, то причины этого лежатъ въ тѣхъ препятствіяхъ, неприяностяхъ, а подчасъ и серьезномъ рискѣ, каковыхъ страннымъ образомъ могъ

ожидать всякій доброволецъ на этомъ поприщѣ“. Несмотря, однако, на всѣ преграды, частныя кружки и въ нынѣшнемъ году сдѣлали не мало. Таковъ, напримѣръ, кружокъ князя С. И. Шаховскаго, собравшій до 62 тысячъ рублей, устроившій (въ мензелинскомъ уѣздѣ, уфимской губерніи) до *трехсотъ* столовыхъ и кормившій до *шестнадцати тысячъ* человѣкъ ¹⁾. Нѣкоторые кружки и отдѣльныя лица доказали наглядно возможность и цѣлесообразность общественныхъ работъ, такъ рѣдко удающихся при официальной ихъ организаціи. Особенно поучителенъ въ этомъ отношеніи рассказъ госпожи Шахматовой, на который мы уже ссылались; у нея прекрасно шли даже зимою земляныя работы, прокормившія множество крестьянъ и вмѣстѣ съ тѣмъ принесли большую пользу цѣлой мѣстности. Болѣе убѣдительнаго доказательства тому, что могутъ сдѣлать мнимые лѣтяти-крестьяне, свободно слѣдуя указаніямъ добровольно руководящаго ими лица—нельзя себѣ и представить. Вообще, опытъ минувшаго года заключается въ себѣ, если только изучить его внимательно и безпристрастно, цѣлую программу дѣйствій для будущаго. Нужно надѣяться, поэтому, что не пройдетъ безслѣдно прекрасная мысль А. С. Пругавина (одного изъ организаторовъ извѣстнаго самарскаго кружка) и врача Павлова объ устройствѣ съѣзда участниковъ послѣдней „продовольственной кампаніи“, для совмѣстнаго обсужденія вопросовъ, относящихся къ помощи голодающимъ. Весьма желательны также мѣстныя изслѣдованія въ родѣ того, которое предпринято предсѣдателемъ чистопольской (казанской губерніи) уѣздной земскою управы, г. Рождественскимъ, совмѣстно съ земскимъ врачомъ Дерягинимъ ¹⁾. И тѣмъ, и другимъ путемъ можно было бы выяснитъ, между прочимъ, значеніе помощи Общества Краснаго Креста, сравнительно съ помощью частныхъ лицъ и организацій. Очень вѣроятно, что при этомъ подтвердилось бы всецѣло мнѣніе г. Шмурло ²⁾, который, отдавая полную справедливость заслугамъ Краснаго Креста, констатируетъ двѣ слабыя стороны его дѣятельности: недостатокъ людей (вслѣдствіе чего его агентами на мѣстахъ служатъ земскіе начальники, въ свою очередь передающіе свои функціи волостнымъ старшинамъ, сельскимъ старостамъ и т. д.) и избытокъ формализма (г. Шмурло насчитываетъ

¹⁾ Очень интересныя свѣденія о дѣятельности этого кружка сообщаетъ г. Шмурло („Спб. Вѣдомости“, № 245 и 247). Въ составъ кружка входило 37 человѣкъ (въ томъ числѣ 28 женщинъ), болѣею частью молодыхъ, самыхъ разнообразныхъ положеній и профессій: 1 земець, 3 статистика, 9 учительницъ, 2 врача, 4 фельдшерицы, 1 массажистка, 2 студента-медика, 2 слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ, 2 консерваторки, 3 лица, занимающіяся журнальнымъ трудомъ, жена профессора и т. д.

²⁾ Программа этого изслѣдованія напечатана въ № 225 „Русскихъ Вѣдомостей“.

³⁾ См. № 195 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“.

шестнадцать „моментовъ“ чисто канцелярской работы, сопровождающей раздачу помощи отъ Краснаго Креста). По расчету г. Шмурло, изъ 3½ миллионѣвъ рублей, собранныхъ Краснымъ Крестомъ на помощь голодающимъ, отъ частныхъ лицъ и учреждений поступило всего полмилліона. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что несравненно больше собрано путемъ частныхъ пожертвованій, значительная часть которыхъ остается никому неизвѣстной. А чего стоитъ безкорыстный и самоотверженный личный трудъ организаторовъ помощи на мѣстахъ бѣдствія?..

Систематизація результатовъ, достигнутыхъ въ борьбѣ съ послѣдствіями недавнихъ неурожаевъ, представляется тѣмъ болѣе необходимою, что изъ разныхъ концовъ Россіи вновь слышатся вѣсти неутѣшительнаго свойства. Въ губерніяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая 1898 г., есть мѣстности, которымъ вновь угрожаетъ продовольственная нужда. Таковъ, напримѣръ, мамадышскій уѣздъ (казанской губерніи)—„несчастнѣй, глухой уѣздъ, голодавшій этотъ годъ, недоѣдавшій, въ сущности, уже года 3-4 подъ рядъ и опять имѣющій голодать“ (такъ пишетъ о немъ „Русскимъ Вѣдомостямъ“ г. Нечаевъ, завѣдывавшій тамъ столовою, устроенною на средства консультаціи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ при московскомъ мировомъ съѣздѣ). Въ центральныхъ губерніяхъ Россіи—напр. тульской, орловской—хлѣба уродились превосходно, но сильно потерпѣли отъ дождей, лившихъ непрерывно въ іюль и августъ и мѣшавшихъ своевременной уборкѣ; весьма можетъ быть, что и здѣсь мѣстами явится потребность въ продовольственной помощи. Съ полною очевидностью эта потребность обнаружилась уже въ южныхъ губерніяхъ—бессарабской, херсонской, таврической. И вотъ, въ тѣхъ органахъ прессы, которые поставили себѣ задачей отрицать народную нужду и противоѣствовать всему, что клонится къ ея облегченію, началась уже обычная кампанія, старая по цѣлямъ, отчасти новая по средствамъ. Къ избитымъ аргументамъ о деморализующемъ значеніи даровой помощи, о тунеядствѣ и безпечности крестьянъ присоединяются указанія на тѣ особыя условія, въ которыхъ находится югъ Россіи и которыя позволяютъ ему, будто бы, обойтись безъ государственной и общественной помощи. Говорится о періодичности урожаевъ и неурожаевъ, съ которою давно должно было свыкнуться населеніе и противъ которой оно должно было принимать мѣры, заготовляя запасы въ урожайные годы; говорится о кукурузѣ, о виноградѣ, которые одни, помимо всего остального, могутъ выручить, напримѣръ, бессарабскихъ крестьянъ. Неосновательность этихъ толковъ обнаружена какъ нельзя лучше корреспондентами „Русскихъ Вѣдомостей“ (№ 232), и „Новаго Времени“ (№ 8448, фельетонъ). Отраднѣе было узнать, что въ Бессарабіи уже организуется частная помощь, по образцамъ, давно испы-

таннымъ въ центрѣ и на востокѣ Россіи. Обращаемъ особое вниманіе нашихъ читателей на письма гг. Карякина и Гриневича („Русскія Вѣдомости“, № 246), описывающія положеніе дѣлъ въ аккерманскомъ уѣздѣ. Недородъ былъ здѣсь уже два года сряду; теперь населенію угрожаетъ настоящій голодъ. Не уродилось ни хлѣба, ни травы; коровъ и свиней почти нѣтъ; овецъ осталось не болѣе 30%; лошади продаются по 2-3 рубля. Въ трехъ деревняхъ появилась эпидемія тифа. „Несчастье“—говоритъ г. Гриневичъ—„здѣсь нѣмое, молчаливое; здѣшній крестьянинъ, если мало-мальски есть возможность пробыть самому, ни за что не пойдетъ въ столовую“. Г. Гриневичемъ открыты двѣ столовыя, но какъ онъ, такъ и г. Карякинъ рекомендуютъ преимущественно трудовую помощь, напр. въ видѣ матеріаловъ для тканья ковровъ и другихъ издѣлій, которыя очень искусно выдѣлываетъ мѣстное женское населеніе. По словамъ г. Гриневича, у него и трехъ его товарищей по работѣ установилось полное согласіе съ земскою управою; предсѣдатель ея, человѣкъ полный энергии, душой боится за крестьянъ. „Нуждающіеся люди“,—пишетъ г. Карякинъ,—„готовые работать, ищущіе работы, есть; есть у нихъ и умѣнье работать; есть люди, готовые руководить работой и организовать сбытъ продуктовъ; нѣтъ только, почти совершенно нѣтъ средствъ; но неужели это остановить дѣло?“ Судя по опыту прошлаго года, можно сказать съ увѣренностью, что не остановить ¹⁾.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы говорили объ общеземскомъ періодическомъ органѣ, задуманномъ московскою губернскою земскою управою. Это изданіе не было разрѣшено министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, но, какъ бы взамѣнъ его, при хозяйственномъ департаментѣ министерства будетъ выходить съ будущаго года (одинъ разъ въ два мѣсяца) „Вѣстникъ земскаго и городского хозяйства“, состоящій изъ двухъ отдѣловъ—официальнаго и неофициальнаго. Въ послѣднемъ предполагается помѣщать, между прочимъ, статьи по вопросамъ городского и земскаго хозяйства и управленія, по общественному призрѣнію, по страховому, пожарному и продовольственному дѣлу ²⁾; очерки хозяйственнаго развитія и современнаго состоянія хо-

¹⁾ Г. Карякинъ проситъ направлять пожертвованія въ аккерманскую уѣздную земскую управу, г. Гриневичъ—секретарю консултанціи помощниковъ прис. повѣренныхъ, Л. С. Биску (Москва, Мясницкая, д. Воронина).

²⁾ Любопытно было бы знать, почему къ общей формулѣ: „вопросы городского и земскаго хозяйства и управленія“ присоединено специальное указаніе на четыре частныхъ вопроса (общественное призрѣніе, страхованіе, пожарная часть, продовольственное дѣло)? Имѣетъ ли это указаніе только значеніе примѣра, или имъ исчерпывается вся сфера дѣятельности новаго журнала? Нужно надѣяться, что перечень сдѣланъ лишь примѣрный—иначе журналъ не могъ бы касаться важнѣйшихъ вопро-

заяства отдѣльныхъ городовъ, губерній и уѣздовъ; свѣденія о положеніи и организаціи городского и земскаго хозяйства въ главнѣйшихъ западно-европейскихъ государствахъ; перечень новыхъ книгъ и статей по вопросамъ городского и земскаго хозяйства, съ краткимъ указаніемъ и оцѣнкой содержанія главнѣйшихъ изъ нихъ. Итакъ, работа земствъ, въ особенности московскаго, надъ мыслью объ общеземскомъ органѣ прошла не совсѣмъ безслѣдно: непосредственнымъ ея результатомъ является новое періодическое изданіе, которое несомнѣнно увеличитъ сумму обра- щающихся въ обществѣ свѣденій о земскомъ и городскомъ самоуправленіи (хотя самое слово: *самоуправленіе* и не встрѣчается въ программѣ „Вѣстника земскаго и городского хозяйства“). У насъ были и есть до сихъ поръ правительственныя изданія, приносившія и приносящія не мало пользы; назовемъ, для примѣра, „Морской Сборникъ“ и „Журналъ министерства юстиціи“. На страницахъ послѣдняго появлялось прежде (въ первый періодъ его существованія, съ 1859 по 1868 г.) и появляется теперь (послѣ возобновленія его въ 1895 г.) немало статей, которыя были бы совершенно умѣстны и въ независимомъ изданіи. Устроиться по этому образцу „Вѣстнику земскаго и городского хозяйства“ будетъ, правда, нелегко. Министерство юстиціи относится къ суду и ко всему его касающемуся съ большимъ довѣріемъ. А земству и городамъ безпрестанно напоминаютъ или готовы напомнить поговорки: „всякъ сверчокъ знай свой шестокъ“, „не въ свои сани не садись“; по отношенію къ судамъ эти поговорки пускаются въ ходъ гораздо рѣже уже потому, что сфера дѣятельности судебныхъ учреждений опредѣлена гораздо точнѣе, чѣмъ сфера дѣятельности учреждений городскихъ и земскихъ. Въ области суда есть, притомъ, много вопросовъ, по которымъ администрація можетъ, по крайней мѣрѣ до поры до времени, соблюдать строгій нейтралитетъ. Въ 1896 г., напримѣръ, въ „Журналѣ министерства юстиціи“ помѣщались статьи какъ противъ суда присяжныхъ, такъ и въ его защиту. Окажется ли возможнымъ такое безпристрастіе для редакціи „Вѣстника земскаго и городского хозяйства“ — это покажетъ время. Замѣнить вполнѣ свободный общеземскій органъ оффиціальному „Вѣстнику“ навѣрное не будетъ подѣ силу — но это не мѣшаетъ намъ привѣтствовать его основаніе, въ силу правила: лучше что-нибудь, чѣмъ ничего.

совъ городского и земскаго самоуправления: устройства начальной школы, медицин- ской и санитарной части, читальнъ, театровъ и другихъ народныхъ развлеченій, избирательной системы, избирательныхъ порядковъ и т. п.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1899.

Бѣлградскій процессъ и сербскія дѣла. — Роль дипломатіи и вопросъ о вмѣшательствѣ. — Отношеніе нашей печати къ сербскимъ событіямъ. — Параллель между дѣломъ Дрейфуса и процессомъ Пашича съ товарищами. — Дрейфусъ и наша печать. — Французскія дѣла.

Происходившій въ Бѣлградѣ шемякинъ судъ надъ противниками эскъ-короля Милана окончился 25 (13) сентября приговоромъ завѣдомо лживымъ и жестокимъ, хотя и не столь кровавымъ, какъ ожидали многіе въ Сербіи. Опасенія искреннихъ сербскихъ патріотовъ—и въ томъ числѣ автора письма, помѣщаемого ниже въ настоящей книгѣ нашего журнала,—вполнѣ оправдались: общественное мнѣніе Европы съ замѣчательнымъ единодушіемъ отвернулось отъ представителей и мнимыхъ защитниковъ династіи Обреновичей, доведшихъ Сербію до нынѣшняго ея печальнаго состоянія. Настойчивые совѣты дипломатіи побудили короля Александра и его министровъ отказаться отъ первоначальнаго намѣренія—судить арестованныхъ „радикаловъ“ скорымъ военнымъ судомъ, безъ публичнаго разбирательства и безъ защитниковъ; но нѣкоторое подобіе правильнаго судебного процесса, допущенное правительствомъ, еще ярче отбѣсило произволь и беззаконіе состоявшагося приговора. Адвокаты подсудимыхъ лишены были права предлагать свидѣтелямъ вопросы, которые могли бы способствовать выясненію истины; допросъ производился однимъ предсѣдателемъ, исключительно въ интересахъ обвиненія, и явные противорѣчія и несообразности въ показаніяхъ оставались неразслѣдованными. Виновики покушенія, Кнежевичъ, сначала оговорилъ разныхъ дѣателей радикальныхъ партій и путался въ разсказахъ объ ихъ соучастіи, потомъ признался предъ судомъ, что оговорилъ ихъ ложно, въ надеждѣ на смягченіе своей участи, затѣмъ опять взялъ назадъ свое отреченіе, и наконецъ, въ своемъ послѣднемъ словѣ, снова торжественно поклялся передъ евангелиемъ, что взвелъ напраслину на невинныхъ людей. Другой обвиняемый, Кресовичъ, старался выгородить себя какими-то небылицами о сношеніяхъ радикаловъ съ черногорскимъ княземъ и его зятемъ Петромъ Карагеоргиевичемъ, причемъ называлъ имена радикальныхъ вождей, которые при немъ, будто бы, говорили о предстоящемъ государственномъ переворотѣ; но на судѣ онъ не могъ съ точностью указать ни одного изъ этихъ воображаемыхъ

заговорщиковъ между лицами, сидѣвшими на скамьѣ подсудимыхъ. Доносы Кнежевича и Кресовича были, очевидно, внушены имъ при производствѣ слѣдствія, такъ какъ съ самаго начала отъ нихъ требовали какихъ-либо указаній относительно сообщничества извѣстныхъ личностей оппозиціоннаго лагеря; но Кнежевичъ въ концѣ концовъ не выдержалъ и отрекся отъ навязанной ему роли, а Кресовичъ косвенно самъ уличилъ себя въ неумѣломъ сочинительствѣ. На основаніи подобнаго матеріала судъ присудилъ десять человѣкъ, въ томъ числѣ полковника Николіча и протоіерея Джурича, къ тяжкому тюремному заключенію въ оковахъ на двадцать лѣтъ; восемь человѣкъ, и между прочимъ бывшаго министра-президента Пашича,—къ тюрьмѣ на пять лѣтъ, и одного, — бывшаго министра Таушановича,—на девять лѣтъ; самъ Кнежевичъ, несомнѣнно стрѣлявшій въ Милана, присужденъ, вмѣстѣ съ отсутствующимъ Ранкой Тайсичемъ, къ смертной казни. Обвиненіе въ государственной измѣнѣ мотивировано тѣмъ обстоятельствомъ, что отецъ короля есть, будто бы, законный наследникъ престола, и что нападеніе на его личность составляетъ поэтому измѣну. За-одно съ дѣломъ Кнежевича разбирались несочувственные отзывы о Миланѣ, которые почему-то отнесены къ категоріи тяжкихъ преступленій, подъ видомъ оскорбленій величества; по такому именно обвиненію осужденъ Таушановичъ.

Оказывается, что Миланъ, будучи официально только главнокомандующимъ, пользуется одновременно привилегіями царствующаго короля, правами наследника престола и положеніемъ всемогущаго руководителя и опекуна короля Александра,—хотя онъ самъ долженъ былъ уступить свой престолъ сыну послѣ неудачнаго и разорительнаго для страны управленія. По его желанію закованы въ кандалы нѣкоторые изъ лучшихъ и передовыхъ людей Сербіи, бывшіе министры и чиновники, адвокаты и журналисты; а сербская тюрьма, сохранившая понынѣ свои турецкія особенности, дѣйствуетъ какъ могила,—она доводитъ до самоубійства физическаго, какое случилось съ однимъ изъ арестованныхъ, Анджеличемъ, или до душевнаго разстройства и упадка, какому, вѣроятно, подвергся Пашичъ. Анджеличъ повѣсилъ, не дождавшись суда,—онъ зналъ, что значить сербскій судъ при господствѣ Милана. Пашичъ, подъ вліяніемъ страха тюрьмы и казни, поваялся на судѣ передъ эксъ-королемъ, заявилъ о своихъ благоговѣйныхъ къ нему чувствахъ преданности и благодарности, просилъ прощенія за свои бывшіе и невольные грѣхи и обѣщалъ посвятить остатокъ своей жизни усердной борьбѣ съ противниками славной династіи Обреновичей. Это заявленіе Пашича не помѣшало суду приговорить его къ пятилѣтнему заключенію въ тюрьмѣ; но оно дало поводъ королю помиловать осужденнаго вождя радикальной партіи, и Пашичъ отвѣ-

чалъ восторженнымъ выраженіемъ своей признательности за этотъ актъ милосердія, чѣмъ призналъ за собою вину, которой въ дѣйствительности не существовало. Нельзя было доказать и нелѣпо было предположить, что Пашичъ, только-что отсидѣвшій девять мѣсяцевъ въ Пожаревацкой тюрьмѣ за мнимое оскорбленіе величества имѣлъ какія либо свѣдѣнія о рѣшимости Княжевича стрѣлять въ Милана на одной изъ бѣлградскихъ улицъ. Для всѣхъ было ясно, что Пашичъ невиновенъ въ томъ, въ чемъ его обвиняли, и тѣмъ не менѣе онъ ожидалъ своего спасенія только отъ акта королевской милости, къ которому и взывалъ въ тонѣ отчаяннаго самоуничженія,—ибо онъ чувствовалъ, что его судятъ и осуждаютъ не какъ виновнаго въ чемъ либо, а какъ чловека, издавна непріятнаго Милану. Злосчастный узникъ, приговоренный уже когда-то къ смертой казни и испытавшій на себѣ всѣ ужасы сербской тюрьмы, зная по опыту, что бесполезно доказывать свою невинность въ подобныхъ случаяхъ; онъ даже не упомянулъ объ этомъ въ своей благодарственной телеграммѣ—и принялъ прощеніе не какъ актъ справедливости, давно упраздненной въ Сербіи, а какъ особую милость, на которую можно рассчитывать только въ видѣ рѣдкаго исключенія. И этотъ раскаявшійся и великодушно помилованный „преступникъ“—не какой-нибудь заурядный подданный короля Александра, а бывший его министр-президентъ, затѣмъ посланный въ Петербургъ, глава наиболѣе вліятельной и популярной политической партіи! Выпущенный на свободу, онъ удостоился аудіенціи у обомъ королей, и очень возможно, что онъ опять еще будетъ министромъ, такъ какъ переходъ отъ тюрьмы къ министерскому посту и обратно—не представляетъ ничего необыкновеннаго въ Сербіи. Помилowanіе Пашича подъ условіемъ его публичнаго раскаянія было результатомъ сдѣлки, устроенной однимъ изъ министровъ, Генчичемъ; это считалось ловкимъ ходомъ, убійственнымъ для такъ называемыхъ радикаловъ и въ то же время способнымъ произвести благопріятное впечатлѣніе въ народѣ и за границей. Но осужденіе цѣлаго ряда и въ чемъ неповинныхъ лицъ остается въ своей силѣ; Таушановичъ, также бывший министръ, сидитъ въ оковахъ въ тюрьмѣ; протоіерей Джуричъ, по газетнымъ извѣстіямъ, успѣлъ уже сойти съума; полковнику Николичу и его товарищамъ по несчастью предстоитъ медленная смерть, а эксъ-король Миланъ, напустивъ паническій страхъ на оппозицію, свободно занялся своими обычными проектами извлеченія изъ страны дальнѣйшихъ милліоновъ при помощи австрійскихъ банковъ.

Что же дѣлаютъ представители великихъ державъ въ Бѣлградѣ? Говорятъ, что они старались смягчить обомъ королей послѣ поушенія Кнежевича и давали въ этомъ смыслѣ хорошіе, благоразумные совѣты; но роль дипломатіи относительно Сербіи не должна бы за-

включаться въ простыхъ закулисныхъ ходатайствахъ, болѣе или менѣе бесплодныхъ и безсильныхъ. Послѣдній процессъ имѣлъ и политическую подкладку. Миланъ, со свойственною ему безцеремонностью, вступавъ въ дѣло Черногорію и Россію, приписывая имъ враждебные замыслы относительно династіи Обреновичей; онъ прямо обвинялъ черногорскаго князя въ стремленіи доставить сербскій престолъ своему зятю Петру Карагеоргиевичу при помощи сербскихъ радикаловъ и родственно-политическихъ связей съ Россією. Въ сущности не было бы ничего дурного въ замѣнѣ Обреновичей Карагеоргиевичами, такъ какъ нельзя себѣ представить болѣе жалкой и вредной правительственной системы, чѣмъ нынѣшняя сербская, олицетворяемая людьми съ хищными наклонностями и съ весьма смутными понятіями о честности. Династія, во главѣ которой стоитъ Миланъ, и вся будущность которой держится на его слѣпомъ орудіи, королѣ Александрѣ, сама уничтожаетъ для себя шансы прочности и подготавливаетъ свое паденіе. Сербія могла бы только выиграть, если бы на мѣсто выродившихся Обреновичей утвердилась болѣе здоровая царствующая фамилія, связанная родствомъ съ Черногорією и Россією;—и, вѣроятно, къ этой развязкѣ приведутъ событія въ Сербіи, при угнетающемъ и разорительномъ режимѣ Милана и его безвольнаго сына. Карагеоргиевичи могутъ спокойно ожидать своей очереди; для нихъ работаютъ и о нихъ хлопочутъ Обреновичи, съ своимъ безмысленнымъ терроромъ. Но если бы было кому-нибудь желательно произвести эту перемену насильственно, то всего менѣе понадобилось бы для этого покушеніе на жизнь Милана, смерть котораго вовсе не устранила бы династіи, а только поправила бы ея положеніе въ лицѣ короля Александра. Въ дѣйствительности Кнежевичъ, какъ видно и изъ его объясненій, руководствовался лишь распространеннымъ въ народѣ взглядомъ, приписывающимъ всѣ бѣдствія страны бывшему королю; онъ проникся къ нему чувствомъ личной злобы и рѣшился на преступленіе безъ всякой сознательной цѣли и безъ опредѣленнаго политическаго плана. Миланъ придавъ этому дѣлу характеръ опаснаго заговора и сразу усмотрѣлъ въ немъ участіе не только сербскихъ радикаловъ, но и Черногоріи и Россіи; съ этой точки зрѣнія онъ отыскивалъ признаки измѣны въ существованіи какихъ бы то ни было сношеній съ названными государствами. Руссофильскія связи и симпатіи сами по себѣ объявлены преступными, и заподозрѣнные въ нихъ сербы рассматривались какъ измѣнники. Русская дипломатія должна была бы немедленно и энергически протестовать противъ подобнаго отношенія къ державѣ, которой Сербія обязана своею независимостью. Дипломатическіе представители въ Бѣлградѣ имѣли право и обязанность заявить съ самаго начала, что не допустить дѣйствій и распоряженій,

могущихъ вызвать какія-либо замѣшательства въ Сербіи или поспорить ее съ Черногорією и прямо или косвенно нарушить миръ на Востокѣ. Задуманная Миланомъ расправа съ непріязненною ему политическою партією была тѣмъ болѣе незаконна, что онъ не имѣлъ вовсе права распоряжаться въ странѣ послѣ своего отказа отъ престола, и что пребываніе его въ королевствѣ служить постояннымъ источникомъ безпокойства, несомнѣнимаго съ общими интересами. Дипломатія могла бы потребовать удаленія Милана или приостановки крутыхъ и произвольныхъ мѣръ партійнаго преслѣдованія, и это требованіе вполне соответствовало бы задачамъ великихъ державъ, озабоченныхъ сохраненіемъ прочнаго мира въ балканскихъ земляхъ. Не трудно было достигнуть соглашенія съ Австро-Венгрією для своевременныхъ совмѣстныхъ дѣйствій въ этомъ дѣлѣ.

На Западѣ говорятъ, что Россія пользуется теперь необыкновеннымъ политическимъ вліяніемъ и авторитетомъ въ Европѣ; въ чемъ же выражается это вліяніе и этотъ авторитетъ въ области наиболѣе близкихъ намъ восточныхъ дѣлъ—напр., по отношенію къ Сербіи и Болгаріи? Въ Сербіи мы всецѣло уступили мѣсто австрійцамъ и дошли до того, что пассивно смотримъ на возмутительныя насилія надъ приверженцами политическаго сближенія съ Россією. Въ Болгаріи мы довольствуемся чисто внѣшнимъ почетомъ, и наши дипломатическіе агенты далеко отстаютъ отъ своихъ западныхъ коллегъ по части знакомства съ ходомъ дѣлъ княжества и по искусству завязыванія хорошихъ отношеній съ мѣстными дѣятелями. Защита русскихъ подданныхъ и русскихъ интересовъ какъ будто совершенно не входитъ въ кругъ обязанностей нашей дипломатіи за границею. Нельзя сказать, чтобы чувствовался недостатокъ энергіи и настойчивости со стороны нашихъ заграничныхъ представителей; напротивъ, энергія и настойчивость имѣются на лицо, но онѣ направлены большею частью не въ ту сторону, куда слѣдовало бы, и нерѣдко обрушиваются именно на русскихъ поселенцевъ и путешественниковъ. Напр., въ Софіи мы хлопотали объ удаленіи со службы русскаго ученаго, преподавателя русской исторіи въ болгарской высшей школѣ и автора талантливыхъ книгъ, свободно печатаемыхъ и продаваемыхъ въ Россіи; и это странное желаніе причинить вредъ соотечественнику высказывалось въ видѣ категорическаго и рѣзкаго домогательства, которое по неволѣ пришлось исполнить мѣстному правительству. Казалось бы, что широкій успѣхъ русскихъ лекцій г. Милюкова передъ болгарскою аудиторією долженъ былъ бы только радовать оффиціальнаго представителя Россіи въ княжествѣ, и всякій другой иноземный агентъ отнесся бы къ такому факту съ безусловнымъ сочувствіемъ и одобреніемъ; однако наша дипломатія нашла въ этомъ какую-то обиду и

ущербъ для русскихъ интересовъ, въ виду того обстоятельства, что за названнымъ ученымъ числились давно законченные и забытые цензурно-полицейскіе счета, не имѣющіе абсолютно никакого отношенія къ его дѣятельности въ Болгаріи. Малая полицейская точка зрѣнія слишкомъ часто подавляетъ у насъ пониманіе истинныхъ интересовъ Россіи и русскаго общества, и эта особенность наша отражается также въ дѣйствіяхъ нашихъ агентовъ за границею. Дипломатическое представительство обходится настолько дорого, что существованіе его не можетъ оправдываться одними парадными приѣмами и официальными отписками; этотъ сложный, много стоющій аппаратъ долженъ употребляться для извѣстныхъ реальныхъ цѣлей и приносить положительную пользу; — необходимо извлекать изъ него то, что онъ можетъ дать при современныхъ условіяхъ, безъ риска для общаго мира. Такъ понимаютъ назначеніе дипломатіи другія великія державы, особенно Германія, Англія и отчасти Австро-Венгерія, охраняющія повсюду свои національные интересы, равно какъ и выгоды своихъ подданныхъ, съ замѣчательною послѣдовательностью и твердостью; пора и намъ усвоить такой же взглядъ и отказаться отъ системы молчаливаго бездѣйствія въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется поднять свой голосъ въ защиту справедливости. Если мы почему либо воздерживались отъ вмѣшательства въ сербскія дѣла до послѣдняго времени, то окончаніе бѣлградскаго процесса обязываетъ насъ заступиться за пострадавшихъ отъ неправаго суда и ясно поставить вопросъ о роли Милана въ королевствѣ, гдѣ онъ формально пересталъ быть королемъ. Наше дипломатическое вмѣшательство, не переходя извѣстныхъ границъ, могло бы облегчить для Сербіи выходъ изъ нынѣшняго кризиса и, быть можетъ, также восстановило бы утраченное нами вліяніе въ дѣлахъ Балканскаго полуострова.

Нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ, и въ томъ числѣ спеціально „Новое Время“, обращались съ ядовитыми упреками къ западно-европейской печати по поводу ея равнодушія къ жертвамъ бѣлградскаго процесса при общемъ страстномъ вниманіи къ герою другого судебнаго дѣла, Дрейфусу. Почему обвиняемый въ измѣнѣ французскій капитанъ-еврей важнѣе и интереснѣе цѣлага ряда сербскихъ дѣятелей, обреченныхъ на гибель неправеднымъ судомъ Милана? „Новое Время“ находило для этого готовое объясненіе: дѣло, будто бы, въ томъ, что интересъ къ судьбѣ Дрейфуса поддерживался могущественнымъ и тѣсно сплоченнымъ еврействомъ, господствующимъ надъ печатью и общественнымъ мнѣніемъ всего міра, тогда какъ сербскіе дѣятели не имѣли за собою подобныхъ покровителей и заступниковъ. Прежде всего надо

замѣтить, что иностранная журналистика съ большимъ вниманіемъ слѣдила за событіями въ Сербіи и давала подробные отчеты и корреспонденціи о ходѣ бѣлградскаго процесса, причемъ единодушно высказывала свое негодованіе противъ незаконныхъ мѣръ бывшаго короля и его влечетовъ; упрекъ могъ быть обращенъ только къ русской печати и особенно къ „Новому Времени“, которое удѣляетъ очень мало мѣста сербскимъ и вообще балканскимъ дѣламъ, довольствуясь лишь скудными свѣдѣніями и перепечатками, большею частью изъ нѣмецкихъ газетъ, тогда какъ дѣлу Дрейфуса ежедневно посвящались цѣлые столбцы. Можно спросить „Новое Время“: почему оно такъ много и настойчиво занималось постороннимъ для насъ вопросомъ о виновности французскаго офицера-еврея, наполняя разсужденіями по этому предмету и передовыя статьи, и телеграммы, и корреспонденціи, а для болѣе важныхъ сербскихъ событій находило достаточнымъ тотъ скудный матеріалъ, который доставлялся иногда случайными сотрудниками или заимствовался изъ иностранныхъ газетъ? „Новое Время“ могло имѣть такихъ же усердныхъ корреспондентовъ въ Землинѣ или въ другомъ австрійскомъ городѣ около Бѣлграда, какъ и въ Реннѣ и въ Парижѣ; читатели были бы несомнѣнно довольны, еслибъ хоть часть столбцовъ этой газеты, занятыхъ доказательствами преступности Дрейфуса, была посвящена фактическому разъясненію дѣла, происходящихъ въ Сербіи и Болгаріи. Если газета неправильно понимала въ этомъ отношеніи свою задачу, то, значитъ, и она, по ея же теоріи, увлекалась специфически-еврейскимъ характеромъ дѣла Дрейфуса?

Въ сущности, параллель, проводимая между двумя недавними процессами—французскимъ и сербскимъ—не выдерживаетъ самой снисходительной критики. Разница между ними уже та, что одно дѣло касалось Франціи, а другое—Сербіи; одно волновало всю французскую націю и обсуждалось въ странѣ съ полною свободою и въ малѣйшихъ подробностяхъ, со всевозможныхъ и даже невозможныхъ точекъ зрѣнія, а другое разыгрывалось въ небольшомъ мало-культурномъ государствѣ, при обязательномъ молчаніи бессильныхъ общественныхъ партій, среди напуганнаго населенія, не вышедшаго еще изъ традицій турецкаго режима. То, что волнуетъ Францію, интересуетъ и весь культурный міръ: этотъ элементарный фактъ не нуждается въ разъясненіи или оправданіи. А дѣло Дрейфуса, по тѣмъ или другимъ причинамъ, поглощало собою французское общество, вызвало страстную партійную борьбу, ниспровергало министерства и служило источникомъ остраго политическаго кризиса, отражавшагося и на положеніи Франціи, какъ великой державы: это тоже фактъ безспорный, не подлежащій сомнѣнію. Отсюда и исключительный всеоб-

щій интересъ въ дѣлу, получившему столь исключительное значеніе для французовъ. Сербія съ ея двумя ничтожными королями мало занимаетъ даже Россію, принимавшую неоднократно ближайшее участіе въ устройствѣ ея судьбы; чего же требовать отъ другихъ народовъ, болѣе равнодушныхъ къ далекимъ балканскимъ распрямъ? Сербы никогда не привлекутъ къ себѣ общаго вниманія Европы, даже если бы они управлялись не двумя, а десяткомъ королей. Не только Пашичи, Таушановичи, но и Обреновичи и Карагеоргиевичи—что бы ни случилось съ ними—не возбуждаютъ страстей въ культурномъ мірѣ. Смѣшно объяснять какими-то искусственными и злокачественными причинами эту естественную разницу между французскими и сербскими дѣлами по значенію и важности ихъ для иностранной публики. Въ частности, бѣлградскій процессъ не заключалъ въ себѣ ничего загадочнаго или любопытнаго и не давалъ пищи воображенію; это былъ завѣдомо лживый судъ, устроенный по волѣ одного человѣка, репутація котораго издавна и вполне установилась. Тутъ не было мѣста судебнымъ ошибкамъ, таинственнымъ уликамъ и догадкамъ;—просто схватили неприятныхъ людей, чтобы казнить ихъ или сгноить въ тюрьмѣ, въ угоду полновластному „королю-отцу“. При первомъ извѣстіи объ арестахъ радикальныхъ дѣятелей по распоряженію разсвирѣпѣвшаго Милана, всѣ знали и видѣли, что совершается грубое и явное беззаконіе; съ самаго начала никто на минуту не сомнѣвался въ характерѣ предположеннаго чрезвычайнаго суда надъ мнимыми участниками заговора. Совершенно другое замѣчается въ дѣлѣ Дрейфуса; здѣсь правосудіе добросовѣстно попало на ложную дорогу и запуталось въ лабиринтѣ противорѣчивыхъ свѣдѣній и доказательствъ, послѣ чего присоединились уже сложныя и тонкія интриги для сознательнаго прикрытія и оправданія первоначальной ошибки. Между дѣломъ Пашича съ компаніей и дѣломъ Дрейфуса столь же мало общаго, какъ между полицейскимъ протоколомъ о дневномъ грабежѣ и романомъ Габорио или Понсонъ-дю-Террайля. И какъ искусно задуманный романъ можетъ читаться повсюду съ захватывающимъ интересомъ, хотя бы герой его оказался евреемъ,—такъ и дѣло Дрейфуса съ своими многочисленными тайнами, съ своею массою разнородныхъ участниковъ и съ своими драматическими подробностями и эпизодами, могло занимать общественное мнѣніе во всемъ культурномъ мірѣ, хотя бы еврейство не играло въ дѣлѣ никакой роли.

Разсужденія о силѣ и вліяніи еврейства связываются съ дѣломъ Дрейфуса при помощи аргументаціи, которая многимъ должна казаться вполне убѣдительною. Во Франціи и въ другихъ странахъ бывали не разъ процессы о шпіонствѣ; обвиняемые присуждались къ суровымъ карамъ, и никакого шума изъ-за этого не происходило;

вездѣ случались прискорбныя судебныя ошибки, и жертвы ихъ не удостоивались общественнаго сочувствія или же достигали восстановленія своей чести мирнымъ способомъ, среди общаго равнодушія и спокойствія. Почему же изъ-за одного Дрейфуса велась такая энергическая и безошадная агитація, подвергавшая опасности самыя жизненные интересы Франціи? Очевидно, только потому, —отвѣчаетъ „Новое Время“, —что за Дрейфусомъ стояло еврейство всего міра, не щадившее средствъ для избавленія своего соплеменника отъ заслуженной имъ кары. Не будь Дрейфусъ евреемъ, дѣло его никогда не разрослось бы на степень всемірнаго скандала. Замѣчаніе это само по себѣ вполнѣ основательно. Но оно имѣетъ въ дѣйствительности не тотъ смыслъ, какой предполагается газетою. Если бы осужденный въ 1894 году офицеръ назывался не Дрейфусомъ, а Дюбуа или Бурдоннэ, то дѣло не давало бы матеріала для злобной антисемитической травли со стороны „Libre Parole“ Дрюмона, „Intransigeant“ Рошфора и ихъ многочисленныхъ подражателей во Франціи и у насъ. Противъ чистокровнаго француза, въ родѣ Дюбуа или Бурдоннэ, нельзя было бы изощряться въ аргументахъ, примѣнимыхъ лишь къ еврею Дрейфусу; не было бы также повода во что бы то ни стало доказывать виновность заподозрѣннаго офицера и съ ожесточеніемъ возставать противъ пересмотра процесса, если бы возбуждены были серьезныя сомнѣнія въ правильности состоявшагося приговора. Само „Новое Время“, по всей вѣроятности, не стало бы такъ горячо убѣждать читателей въ несомнѣнной преступности разжалованнаго за государственную измѣну офицера-католика или протестанта, не увлекалось бы ежедневной полемикой противъ всѣхъ, считающихъ этого Дюбуа или Бурдоннэ жертвою судебной ошибки, и не говорило бы заранѣе объ ихъ продажности, злонамѣренности или глупости. Дѣло утратило бы весь свой специфическій интересъ для газеты, весь свой особый запахъ, и читателей не угощали бы ежедневно передовыми статьями по этому предмету. Къ возникшему спору не примѣшивались бы ядовитыя чувства племенной и религіозной ненависти; защитники Дюбуа не составили бы особой породы людей — „дюбуаровъ“, и ихъ не смѣшивали бы съ грязью въ сотняхъ газетъ. Антисемитизмъ игралъ большую роль въ дѣлѣ Дрейфуса, извращая самую постановку вопроса: личность осужденнаго превратилась въ какой-то символъ, около котораго боролись враждующія партіи, и вмѣсто обсужденія невинности или виновности Дрейфуса выступилъ на первый планъ вопросъ объ еврействѣ, которое виновно уже тѣмъ, что существуетъ. Газеты, поставившія себѣ цѣлью возбуждать въ людяхъ злобныя инстинкты, сдѣлали изъ пересмотра процесса 1894 года какое-то страшное пу- гало, предметъ жестокой борьбы, отъ исхода которой зависѣла, будто

бы, судьба Франціи. Это отчаянное антисемитическое фантазерство нашло себѣ отголосокъ и въ нашей печати, хотя оно, очевидно, было болѣзненнымъ продуктомъ чуждыхъ намъ условій и настроеній.

Спокойная оцѣнка обстоятельствъ, при которыхъ возникло и выросло дѣло Дрейфуса, приводитъ къ выводу, что всѣ предположенія и рассказы о роли еврейства въ этомъ дѣлѣ принадлежать къ области вымысла. Первый обвинительный приговоръ надъ Дрейфусомъ, въ 1894 году, не вызвалъ никакой агитации и не поднялъ на ноги никакого еврейскаго синдиката, хотя семья осужденнаго и его адвокатъ Деманжъ были тогда убѣждены въ его невинности. Три года прошло спокойно, и никто во Франціи не думалъ объ узникѣ Чортова острова, — потому что не было еще мысли о возможной судебной ошибкѣ. Гдѣ же было тогда „всемогущее“ еврейство и отчего оно не интересовалось Дрейфусомъ? По здравому смыслу, оно не имѣло никакого мотива къ тому, чтобы напоминать о немъ, и должно было быть довольно, что дѣло его забыто. Первые сомнѣнія въ правильности приговора появились въ замкнутой средѣ французскаго генеральнаго штаба и служили предметомъ разоблаченной впоследствии секретной служебной переписки между полковникомъ Пикаромъ и генераломъ Гонзомъ; въ министерствѣ напали на слѣдъ какихъ-то сношеній Шварцкопфена съ маіоромъ Эстергази, а почеркъ писемъ послѣдняго, поразительно сходный съ почеркомъ документа, поставленнаго въ улику Дрейфусу, убѣдилъ Пикара въ существованіи судебной ошибки. Никакое еврейство не участвовало и не могло участвовать въ этихъ секретныхъ открытіяхъ и разслѣдованіяхъ. Полковникъ Пикаръ присутствовалъ на процессѣ 1894 года, какъ делегатъ военнаго министра, и имѣлъ потому возможность ознакомиться со всѣми документами и подробностями дѣла; случайно онъ оказался человѣкомъ, неспособнымъ дѣйствовать противъ совѣсти, изъ-за соображеній о варьерѣ, и его несогласіе скрыть роковую ошибку было истинною причиною того, что дѣло Дрейфуса выплыло наружу и сдѣлалось предметомъ толковъ въ печати и въ обществѣ. Не будь Пикара, не было бы и рѣчи о пересмотрѣ процесса 1894 года: дѣло было бы потушено въ самомъ зародышѣ и осталось бы навсегда похороненнымъ въ архивахъ военнаго министерства, какъ того желали и требовали заинтересованные генералы. Только осенью 1897 года, когда дѣло взялъ въ свои руки сенаторъ Шереръ-Кестнеръ, былъ прямо возбужденъ вопросъ о пересмотрѣ, и затѣмъ, послѣ рѣшительнаго отказа правительства и въ виду энергическихъ протестовъ официальныхъ и газетныхъ органовъ военнаго вѣдомства, началось въ пользу „ревізій“ общественное движеніе, въ которое успѣшилъ внести свой ядъ антисемитизмъ. Ни Пикаръ, ни умершій недавно Шереръ-Кестнеръ, не были евреями и не вы-

звали противъ себя подозрѣнія въ подкупѣ. „Всемогущее“ еврейство опять-таки отсутствовало въ этой предварительной стадіи дѣла. Дальнѣйшее пошло уже обычнымъ стихійнымъ ходомъ, и среди выдающихся писателей и общественныхъ дѣятелей, хлопотавшихъ о пересмотрѣ, не встрѣчается ни одного еврея, хотя съ другой стороны въ противоположъ лагерѣ мы видимъ и семитовъ—напр., Артура Мейера, редактора „Gaulois“. Газеты много говорили о синдикатѣ, употреблявшемъ, будто бы, огромныя суммы въ пользу Дрейфуса, и отъ частаго повторенія эта сказка приобрѣла подобіе достовѣрности; но никто не могъ объяснить, на чтѣ именно потребовались эти милліоны,—такъ какъ за все время разбирательства дѣла въ Реннѣ не обнаружилось ни одной попытки подкупа относительно кого либо изъ свидѣтелей и журналистовъ. Милліоны не коснулись ни одного изъ враговъ и обличителей Дрейфуса въ печати; они обошли даже единственнаго чловека, который могъ бы своимъ признаніемъ спасти осужденнаго, и всякій понимаетъ, что Эстергази предпочелъ бы получить крупную денежную сумму и исчезнуть изъ Франціи, чѣмъ подвергнуться военному суду по доносу Матье Дрейфуса, безъ надежды на вознагражденіе въ случаѣ оправданія. Очевидно, еврейскіе милліоны отсутствовали въ этомъ дѣлѣ,—или они совершенно не исполняли своего назначенія. Капиталисты изъ евреевъ, какъ и изъ христіанъ,—слишкомъ прагматичны и дѣловой народъ, чтобы тратить деньги на дѣло, не обѣщающее ни выгоды, ни почета. Къ счастью, деньги далеко не всемогущи въ вопросахъ, затрагивающихъ чувство справедливости: панамское дѣло въ свое время развивалось и росло вопреки вліянію крупныхъ финансовыхъ тузовъ, и такъ же точно дѣло Дрейфуса овладѣло умами безъ помощи милліоновъ. Странное утвержденіе, что одно лишь еврейство повсюду стояло горой за Дрейфуса и „бичевало“ Францію своимъ единодушнымъ напоромъ, представляется просто бессмыслицей. Тайна вины или невинности Дрейфуса была хорошо извѣстна только правительствамъ тѣхъ державъ, которымъ онъ, будто бы, продавалъ французскіе военные секреты,—Германіи и Италіи, и первымъ и наиболѣе авторитетнымъ свидѣтелемъ въ пользу его невинности былъ самъ императоръ Вильгельмъ II, стоящій, конечно, вышѣ даже и „всемогущаго еврейства“. Можно предоставить французскимъ патріотамъ относиться недовѣрчиво къ категорическимъ заявленіямъ Вильгельма II и его министровъ, равно какъ и къ увѣреніямъ представителей Италіи; но со стороны русской газеты, и притомъ такой распространенной, какъ „Новое Время“, совершенно непонятно это настойчивое желаніе ввести публику въ заблужденіе по поводу спеціальнаго французскаго дѣла, не касающагося Россіи ни прямо, ни косвенно.

Впрочемъ, Франція покончила съ дѣломъ Дрейфуса, и оно сошло уже со сцены, сохранивъ лишь интересъ историческій. Ренскій военный судъ, 9 сентября, большинствомъ пяти голосовъ противъ двухъ, призналъ Дрейфуса виновнымъ, но заслуживающимъ снисхожденія, и приговорилъ его къ заключенію въ тюрьмѣ на десять лѣтъ; а вслѣдъ затѣмъ военный министръ Галлифэ предложилъ президенту республики помиловать осужденнаго, и Дрейфусъ выпущенъ на свободу 20 сентября. Военные судьи считали себя обязанными удовлетворить домогательства цѣлаго ряда генераловъ, въ томъ числѣ четырехъ бывшихъ военныхъ министровъ (пятый, Кавеньякъ,—не принадлежитъ къ арміи), и въ то же время открывали путь къ помилованію признаніемъ „снисхожденія“, которое, по остроумной догадкѣ одной нѣмецкой газеты, могло бы относиться только къ самому суду. Послѣ этого двусмысленнаго приговора и послѣдовавшаго за нимъ помилованія установилось, повидимому, общее убѣжденіе въ безусловной невинности Дрейфуса, и это убѣжденіе высказывается даже среди недавнихъ злѣйшихъ его враговъ. Одновременно съ освобожденіемъ Дрейфуса освободили себя и добровольные арестанты „форта Шаброль“, который сдался наконецъ властямъ безъ сопротивленія.

Въ области внѣшней политики господствуетъ теперь печальный трансваальскій вопросъ, изъ-за котораго со дня на день ожидается война...



СЕРБСКІЯ ДѢЛА.

ПИСЬМО ИЗЪ БЪЛГРАДА.

28 августа 1899 г.

Шальной выстрѣлъ одной болѣе чѣмъ сомнительной и вполнѣ ничтожной личности въ короля Милана вызвалъ, какъ извѣстно, рядъ чрезвычайныхъ и крутыхъ мѣръ въ Сербіи, къ какимъ не прибѣгали и во время тончидерской катастрофы; тогда жертвою звѣрскаго убійства сдѣлался одинъ изъ благороднѣйшихъ государей Сербіи, Михаилъ Обреновичъ III. Реакціонныя похоти, съ которыми уже второй годъ ведется отчаянная борьба противъ народной—такъ-называемой радикальной партіи, появились во всей разнузданности, пользуясь этимъ какъ бы по заказу подвернувшимся случаемъ, чтобы окончательно уничтожить своихъ политическихъ враговъ. Король Миланъ, безъ всякаго слѣдствія, на мѣстѣ же покушенія обзываетъ радикаловъ своими убійцами, и въ ту же ночь арестуютъ лучшихъ ея людей. Въ подунайскомъ округѣ, съ Бѣлградомъ вмѣстѣ, тотчасъ же объявлено осадное положеніе съ „превимъ судомъ“, которому даются очень широкія полномочія ¹⁾. Бѣлградская тюрьма, черезъ нѣсколько дней была переполнена обвиняемыми въ покушеніи, но аресты не ограничивались Бѣлградомъ, гдѣ совершилось покушеніе, они дѣлались и внутри страны, и о нихъ имѣются смутныя свѣдѣнія, также какъ и о ходѣ слѣдствія надъ несчастными арестованными людьми. Извѣстно было только одно,—что съ арестованными обращаются очень сурово. Несмотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ, какъ Пашичъ, Таушановичъ и д-ръ Весничъ, были министрами и занимали высшія должности въ государствѣ, ихъ заковали въ кандалы, какъ простыхъ разбойниковъ; самыхъ близкихъ родныхъ къ нимъ не допускали. Чтò сдѣлали съ нашимъ посланникомъ при императорскомъ дворѣ, генераломъ Груичемъ—вамъ извѣстно; изъ-за одного частнаго письма, которое отобрали у арестованнаго д-ра Веснича, его лишили званія и хотѣли отдать подъ „прекій судъ“. Письмо это опубликовано впоследствии въ здѣшнихъ газетахъ, и теперь видно, что оно не имѣетъ никакого отношенія къ покушенію на короля

¹⁾ „Прекій“, т.-е. полевой судъ рѣшаетъ по „совѣсти и убѣжденію“, не стѣсняясь отсутствіемъ доказательствъ, и рѣшенія его исполняются въ 24 часа.

Милана. Въ немъ генераль Груичъ, на вопросъ д-ра Веснича, который былъ его же коллегой въ послѣднемъ радикальномъ кабинетѣ, — изложилъ свой взглядъ на политическія событія въ Сербіи послѣдняго времени. Хотя это письмо, — какъ и письмо доктора Веснича къ арестованному протоіерею Галичу, — имѣло чисто частный, интимный характеръ, тѣмъ не менѣе правительство воспользовалось случаемъ убрать изъ Петербурга представителя, къ которому, какъ къ бывшему вождю народной партіи, и безъ того не питали особеннаго довѣрія. Генераль Груичъ, который не испугался угрозъ явиться на „прекій судъ“, однако не былъ посаженъ въ тюрьму; его, какъ и бывшихъ его товарищей по министерству, д-ра Вуича и Андру Николаича, выпустили на время изъ Сербіи.

Преслѣдованіе, впрочемъ, не ограничилось только политическими людьми и народной партіей; преслѣдовали всѣхъ, кого подозрѣвали въ несочувствіи къ режиму террора. Каждый почти день публиковались указы объ увольненіи отъ службы самыхъ невинныхъ въ политикѣ людей, какъ-то профессоровъ „великой школы“: Ждѣевича, Недельковича, Стояновича и др. Черногорцевъ, пріѣхавшихъ въ Сербію учиться или честнымъ трудомъ зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба — массой прогоняли за границу. Даже присутствіе иностранныхъ корреспондентовъ, кромя извѣстныхъ своихъ „гостей“, — не могли терпѣть.

Въ виду всѣхъ этихъ безобразій, что теперь творятся и творились въ Сербіи, справедливо можно спросить: а какъ на это смотритъ народъ? Народъ со всѣхъ концовъ посылаетъ депутаціи поздравлять съ счастливымъ спасеніемъ дорогой Сербіи жизни „старого господара“. При режимѣ террора, это вполне понятно. Когда у сербовъ отнята была всякая возможность *легальнымъ* путемъ свободно высказать, что народъ думаетъ и чувствуетъ — тогда ему не оставалось другого, какъ протестовать грубой силой, или оказывать ту-пую покорность грубой реакціи, которая забрала въ руки всю власть и всю организованную силу государства.

Задача реакціоннаго кабинета д-ра Владана Джорджевича состояла именно въ томъ, чтобы изъ современнаго конституціоннаго государства, какимъ была Сербія до государственнаго переворота 1894 г., сдѣлать абсолютное ханство. Либеральная конституція 1888 г., которая могла бы быть лучшимъ украшеніемъ тревожнаго правленія короля Милана, и которая въ маѣ 1894 г. была только временно суспендирована, теперь окончательно похоронена. Общинное самоуправленіе, которое и при турецкомъ владычествѣ уцѣлѣло, теперь, при министерствѣ бывшаго социалиста, д-ра Владана, — уничтожено. Послѣдняя деревушка въ Сербіи теперь не имѣетъ права выбирать себѣ своихъ

кметовъ (старостъ). Въ городахъ назначаетъ ихъ король указомъ, какъ чиновниковъ, а въ деревняхъ назначаетъ полиція; и тѣмъ и другимъ правительство назначаетъ порядочный окладъ жалованья на счетъ общинъ. Кметскимъ званіемъ правительство теперь обыкновенно подкупаетъ болѣе видныхъ изъ депутатовъ скупщины. Отмѣнена также окружная и мѣстная (уѣздная) автономія — въ родѣ вашего земства; новымъ закономъ объ ассоціаціяхъ („удруженія“) закрыты всѣ политическія общества, а новымъ закономъ о печати прекратили свое существованіе всѣ отъ правительства независимыя газеты и журналы. При такомъ положеніи сербское общество въ королевствѣ лишено всякой возможности высказаться о настоящемъ положеніи страны свободно—ни дѣломъ, ни словомъ. Но, лишенное возможности самозащиты, сербское общество много обязано заступничеству иностранной печати, которая, за малыми изыятіями, почти вся заговорила противъ бѣлградскаго террора. Южно-славянская и русская печать, какъ и слѣдовало ожидать, горячо приняла наше дѣло къ сердцу. Конечно, за стѣной осаднаго положенія мы въ точности не знаемъ, что внѣ королевства творится; это мы угадываемъ только по отзывамъ подкупной газетки „Мале-Новине“, которая ведетъ неустанную борьбу то противъ заграничной славянской печати, то противъ печати европейской вообще, но особенно противъ русской. Противъ вашей печати вооружались даже—на русскія деньги въ Россіи воспитывавшіеся—наши руссоманы. Подъ предсѣдательствомъ профессора Сречковича, извѣстнаго клеветника короля Милана, созванъ былъ кружокъ бывшихъ русскихъ воспитанниковъ, въ которомъ, послѣ долгихъ и довольно пошлыхъ пререканій по адресу русской прессы и Россіи вообще, принята резолюція, составленная въ громкихъ, бессмысленныхъ фразахъ. Шарлатанъ-историкъ Сречковичъ думалъ, что этимъ путемъ онъ служитъ династіи—конечно, не даромъ, а за хорошиі бакшишъ; прочіе же бѣдные люди, подъ страхомъ потерять службу и насущный хлѣбъ, не осмѣлились поднять свой голосъ.

Все первое время отъ покушенія до сихъ поръ прошло въ приемахъ разныхъ депутацій и въ секретномъ веденіи слѣдствія надъ массою заключенныхъ. Полуофициальные органы сербскаго кабинета объявляли, что дѣло уже разслѣдовано, что процессъ скоро начнется, но „прекій“ судъ все еще занимался ничтожными дѣлами, за которыя иногда, однако, налагалъ строгія навазанія ¹⁾, а главное дѣло все откладывалось дальше и дальше. Хотя „прекій“ судъ имѣеть

¹⁾ Редакторъ газеты „Дневный Листъ“, Респеровичъ, присужденъ на два года заключенія за то, что напечаталъ замѣтку, что, рядомъ съ существующей скотобойней, проектируетъ правительство новую. Въ этой замѣткѣ заподозрѣли намекъ, что „прекій“ судъ устроить человѣческую бойню, а значить наносить обиду суду.

право произнести приговоръ безъ формальнаго доказательства дѣла, но, въ виду настроенія общественнаго мнѣнія въ Европѣ—такъ, по крайней мѣрѣ, мы полагаемъ—наши реакціонеры призадумались,—и постарались во что бы то ни стало добыть или просто придумать какіи-нибудь доказательства вины подсудимыхъ. Какъ вамъ извѣстно, и созывъ скупщины на чрезвычайную сессию 7-го августа отложенъ по тѣмъ же причинамъ на неизвѣстное время. А потомъ заговорили, что скупщина соберется въ очередную сессию въ сентябрѣ, и что къ тому времени и прекій судъ займется своимъ настоящимъ дѣломъ.

Съ напряженнымъ интересомъ ожидалось разбирательство главнаго дѣла. Вначалѣ правительство думало, подѣ предлогомъ покушенія, однимъ разомъ, въ 24 часа, покончить съ своими политическими врагами, но, охлажденное отъ перваго одурѣнія, стало убѣждаться, что такъ огуломъ нельзя судить даже и Кнежевича, стрѣлявшаго въ Милана, и главу радикальной партіи—Пашича, только-что выпущеннаго изъ тюрьмы на свободу. Такимъ образомъ, послѣ долгаго слѣдствія, открыли, что дѣло имѣеть двойкій характеръ: покушеніе на короля Милана и заговоръ противъ династіи. За первое дѣло обвинялся Кнежевичъ и соучастники, а за другое—вожди народной партіи. Главное любопытство возбуждалъ вопросъ, какимъ образомъ Пашичъ, сидя 9 мѣсяцевъ въ Пожаревацкой тюрьмѣ, успѣлъ организовать заговоръ противъ династіи, не говоря уже о томъ, что вся его политическая дѣятельность со времени его прежней амнистіи исключала всякую вѣроятность въ такихъ проискахъ съ его стороны.

Каждый разъ, въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, реакціоннымъ порывамъ сверху предшествовало запугиваніе мнимыми анти-династическими заговорами. „Династія въ опасности!“—это пароль всѣхъ нашихъ реакціонеровъ, которые, при новыхъ либеральныхъ учрежденіяхъ радикальнаго режима, потеряли вліяніе на ходъ политики страны. Такъ случилось въ 1888 г.,—когда ниспровергнуть былъ первый радикальный кабинетъ подѣ предсѣдательствомъ генерала Груича; такъ было съ его же кабинетомъ 1894 года, когда король Миланъ въ первый разъ по абдикаціи вторгнулся въ Сербію,—и то же самое повторилось съ послѣднимъ полурадикальнымъ кабинетомъ Симича. „Династія въ опасности!“—и теперь кричатъ наши реакціонеры, когда подѣ предлогомъ покушенія открыли настоящую травлю противъ самой популярной партіи въ народѣ. Подѣ благовиднымъ предлогомъ упроченія народной династіи, реакціонеры разрушали одну за другой либеральныя институціи, которыя служили самымъ надежнымъ оплотомъ престола Обреновичей. Шефъ реакціоннаго кабинета, д-ръ Владанъ, теперь открыто говорить, что суверенитетъ народа—это химера, и что либеральныя учрежденія,—которыхъ народъ добивался въ продолженіе

долгой парламентарной борьбы,—копія западныхъ порядковъ, „дѣло сербскихъ нигилистовъ“. Наши государственные люди, подъ шумокъ искусственныхъ овацій, устроенныхъ полиціей въ день покушенія на жизнь короля Милана, опираясь притомъ на осадное положеніе, не давали себѣ отчета въ томъ, что творять и что говорятъ; конечно, настоящій терроръ и охмельніе пройдетъ, но съ печальными послѣдствіями реакціи трудно будетъ потомъ справиться и королю, и народу.

Реакціонный режимъ отозвался пагубно не только на внутренней жизни Сербіи, но и на ея внѣшней политикѣ. Дружеское соглашеніе съ Болгаріей и Черногоріей, которое было достигнуто при Симицѣ, теперь совсѣмъ рухнуло. Отношенія наши къ Болгаріи стали опять недоувѣрчивыя, а къ Черногоріи они просто враждебны. Съ Турціей поддерживается лицемѣрная дружба, которая парализуетъ всякую энергію въ защитѣ нашихъ національныхъ интересовъ, какъ это оказалось недавно, по поводу кровавыхъ набѣговъ со стороны арнаутовъ на сербскую территорію. Какія теперь отношенія наши къ Россіи и Сербіи—это вы и сами очень хорошо знаете. Анти-національная политика кабинета д-ра Владана пользуется благоволеніемъ одной только Австро-Венгріи.

Конечно, сербскій народъ остается и теперь вѣренъ своимъ традиціоннымъ симпатіямъ къ Россіи и ея Государю. И въ настоящемъ переживаемомъ кризисѣ онъ обращаетъ свои взоры къ берегамъ Невы, откуда, во всѣ трудные моменты его возрожденія, неоднократно оказываема была ему братская помощь. Но какъ Россія можетъ намъ помочь во внутреннихъ нашихъ дѣлахъ?—Чужого вмѣшательства въ наши домашнія дѣла не можетъ у насъ желать ни одинъ патріотъ. Россія сама недавно—во время греко-турецкой войны—согласилась съ Австро-Венгріей не вмѣшиваться во внутреннія дѣла балканскихъ государствъ и строго соблюдать status quo на полуостровѣ. Вопросъ только въ томъ, насколько вѣнское правительство искренно держится этого соглашенія, и дѣйствительно ли оно не вмѣшивается въ наши дѣла, хотя бы и не прямыми путями?

Говорятъ, что, когда король Миланъ въ послѣдній разъ уѣзжалъ изъ Вѣны въ Бѣлградъ, чтобы прогнать Симича и водворить нынѣшній режимъ, тогда графъ Голуховскій сказалъ одному дипломату, что „Миланъ—единственный человѣкъ, который въ состояніи внушить сербамъ почтительный страхъ“. Если это правда, то какимъ образомъ австрійскій графъ могъ сказать это нѣсколько недѣль спустя послѣ того, какъ въ Петербургѣ,—бывъ въ свитѣ императора Франца-Иосифа,—онъ давалъ, какъ мы слышали, графу Муравьеву слово не вмѣшиваться во внутреннія балканскія дѣла?!

Оба наши короля ¹⁾ съ правительствомъ давно уже уѣхали отсюда въ градъ Нишъ,—далеко отъ нескромныхъ глазъ иностранныхъ представителей,—и тамъ должна собраться и „народная“ скупщина. Какіе законопроекты правительство готовить,—это тоже пока секретъ. Зная, какимъ образомъ скупщина выбрана,—какъ она подтасована—одно можно предугадать, что она одобрить все, что правительство предложить.

Возможны и такія неожиданности, что послѣ скупщины д-ръ Владанъ изъ Ниша не вернется больше съ своими „полномочіями на пять лѣтъ“. Его кабинетъ и безъ того теперь, за исключеніемъ министровъ народнаго просвѣщенія и военнаго, перемѣнилъ весь составъ. Если министръ внутреннихъ дѣлъ Андоновичъ—правая рука реакціоннаго режима—пришелъ къ сознанію, что дальше съ терроромъ нельзя идти, и что пора ему удалиться, то можно ожидать, что, покончивъ съ процессомъ, наши публичныя дѣла примутъ другой оборотъ. Преемниками кабинета Джорджевича могутъ явиться либералы. Либеральная партія сначала одной своей фракціей, а въ послѣднее время вся цѣликомъ—съ бывшимъ своимъ вождемъ Ристичемъ и его же *adlatus*’омъ Живановичемъ, сдѣлавшимся на-дняхъ министромъ земледѣлія,—поступила на службу реакціонному режиму. Рѣдкое явленіе! Политическая партія, которая именуется себя *либеральною*, оказалась настолько реакціонною, что пошла наперекоръ всѣмъ собственнымъ традиціямъ прежняго времени.

Послѣ всего совершившагося, трудно даже и гадать о томъ, что намъ сулитъ ближайшая будущность...

Z.

Бѣградъ.



¹⁾ Напрасно русская печать называетъ короля Милана *ex*-королемъ. Онъ у насъ настоящій король, съ полнымъ королевскимъ титуломъ и всѣми королевскими почестями. Онъ, правда, не подписываетъ указовъ, но безъ его вѣдома указы не пишутся и не подписываются.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1899.

—Эрнст Гроссе. Происхожденіе искусства. Съ 32 рисунками и 3 таблицами Перевелъ съ нѣмецкаго А. Е. Грузинскій. М. 1899.

За послѣднее время вопросы искусства становятся въ нашей литературѣ все болѣе развивающимся интересомъ. По обычаю, это сказывается не столько умноженіемъ самостоятельныхъ изученій, сколько умноженіемъ переводовъ иностранныхъ книгъ,—именно, и по общимъ предметамъ искусства, и по эстетикѣ, собственно литературной. Давно уже были переведены сочиненія по исторіи искусства Куглера и Морица Каррьера; „Лаокоонъ“, Лессинга; книги объ искусствѣ и литературной эстетикѣ Тэна, Прудона, Энкекена; появляются даже самостоятельныя работы, напримѣръ, по исторіи древняго христіанскаго искусства, итальянской живописи и пр.; въ связи съ древностями русскими возникаютъ, хотя еще только детальныя, изслѣдованія объ искусствѣ византійскомъ. Общій вопросъ объ искусствѣ былъ предметомъ книги гр. Л. Н. Толстого, которая вызвала немало возраженій и опроверженій,—но пока ей еще не противопоставлено болѣе положительнаго и отвѣчающаго требованіямъ науки труда.

Въ прежнія времена вопросъ о содержаніи и значеніи искусства считался чисто и исключительно философскимъ; исторія искусства должна была только поставлять матеріалъ, примѣры и практическія примѣненія для философскихъ умозрѣній. Но метафизическая эстетика господствовала недолго; расширеніе изученій историческихъ, развитіе самой современной литературы, смѣна умозрительной философіи натуралистическими изученіями отразились и на постановкѣ самаго вопроса объ искусствѣ: природа художественнаго чувства изучается психологіей, которая сама утверждаетъся на психо-физикѣ; дѣятельность художественныхъ силъ хотятъ изучать не только на высшихъ, произведеніяхъ искусства, у народовъ, достигшихъ до наиболѣе раз-

витой культуры, но въ цѣломъ человѣчествѣ, до самыхъ первобытныхъ ступеней цивилизаціи. Первыхъ источниковъ изученіе искусства ищетъ въ этнологіи.

Съ такой точки зрѣнія ставить вопросъ Эрнестъ Гроссе, книгу котораго перевелъ г. Грузинскій. Для Гроссе вопросъ о происхожденіи искусства является какъ бы еще нетронутымъ. Свой трудъ онъ считаетъ первымъ опытомъ. „Кто пускается въ область, никѣмъ еще серьезно не обследованную, не можетъ рассчитывать на многочисленныя цѣнные выводы; онъ можетъ быть доволенъ, если ему удастся открыть къ нимъ дорогу. Значеніе этой книги не столько въ отвѣтахъ, которые даны въ ней, сколько въ вопросахъ, которые она ставитъ“. Прежнія изслѣдованія въ этой области, и особливо „пустыя умозрѣнія“, очень мало удовлетворяютъ автора. „Ни философія искусства, ни критика, до сихъ поръ не въ состояніи дать удовлетворительное объясненіе фактамъ исторіи искусства... Нагромождаются горы свѣдѣній, и, въ концѣ концовъ, всѣ онѣ лишь загоразиваютъ для мысли свѣтъ и не даютъ ей простора. Только общіе законы могли бы внести порядокъ въ груды отдѣльныхъ фактовъ исторіи искусства и придать ей цѣнность,—но именно законовъ-то и не ищутъ“. Задача—очень трудная; если соціологическіе вопросы вообще чрезвычайно сложны, то наука объ искусствѣ особенно богата трудностями.

Естественно является вопросъ, какой же цѣли она должна служить?

„Въ данномъ случаѣ, можетъ быть, полезнѣе будетъ сперва уяснить себѣ, какимъ цѣлямъ изученіе искусства не можетъ служить. Поступивъ такъ, мы избавимъ себя отъ разочарованій, а науку—отъ несправедливыхъ обвиненій... Первое, чего, по всей вѣроятности, будутъ ожидать отъ науки объ искусствѣ, это—способа управлять по желанію развитіемъ искусства,—чего-нибудь въ родѣ магической формулы, при помощи которой въ бесплодную эпоху можно, какъ волшебствомъ, вызвать искусственный разивѣтъ художества. Къ сожалѣнію, весьма сомнительно, чтобы наука объ искусствѣ могла осуществить эти практическія ожиданія. Наоборотъ, если судить по результатамъ другихъ вѣтвей соціологіи, наша наука, вѣроятно, докажетъ, что факторы, управляющіе жизнью искусства, многообразны и неизслѣдимы, такъ что для искусства не было бы, повидимому, никакого ущерба, если бы мы совершенно о немъ не хлопотали.

„Ближайшая задача науки состоитъ не въ практическомъ воздѣйствіи, а въ теоретическомъ пониманіи, и ближайшею задачею науки объ искусствѣ является не примѣненіе, а уясненіе законовъ, управляющихъ жизнью и развитіемъ искусства. Но даже эта цѣль, въ которой должна стремиться наша наука, есть идеаль, въ полномъ видѣ

недостижимый. Желая, чтобы она объяснила вполне какое-либо явление своей сферы со всеми его особенностями, ей ставить требование, которому не в состоянии удовлетворить ни одна наука... Мы ни в какой вещи не можем дойти до ее конечной причины, потому что нѣтъ вещи, у которой была бы одна причина. Наука должна ограничиться изслѣдованіемъ законѣрности явленій въ ихъ общихъ чертахъ, и можетъ этимъ удовлетвориться...

„Наука объ искусствѣ скажетъ свое послѣднее слово, если раскроетъ, что между опредѣленными формами культуры и искусства существуетъ постоянное законѣрное отношеніе, и если философія искусства спроситъ ее о внутренней сущности этихъ формъ и соотношеній, о силахъ, которыя обнаруживаются въ явленіяхъ исторіи искусства, наша наука должна скромно признаться, что у нея нѣтъ на это отвѣта, и что она даже не можетъ понять самого вопроса“.

Изъ этихъ общихъ положеній видно, что авторъ — врагъ всякихъ произвольныхъ теоретическихъ построеній. Въ слѣдующей главѣ, о методѣ науки объ искусствѣ, онъ вспоминаетъ Гердера, который достигъ бы правильной постановки вопроса, если бы „научныя задачи можно было брать приступомъ“, но „огонь его рѣчей плохо зажигалъ въ данномъ случаѣ“; его еще не поняли, и въ Германіи „стали возводить до облаковъ воздушные замки умозрительной философіи искусства“; онъ говоритъ дальше о теоріи Тэна, къ которой относится отрицательно; объ Эннекенѣ и М. Гюйо; о задачѣ объясненія искусства индивидуальнаго и социальнаго („научныя проблемы искусства въ индивидуальной формѣ разрѣшима лишь въ очень ограниченномъ числѣ случаевъ, относящихся притомъ къ послѣднимъ столѣтіямъ“), и о настоятельной необходимости основать науку объ искусствѣ на данныхъ этнологіи.

„Научная разработка искусства должна быть распространена на всѣ народы; и прежде всего на тѣ группы народностей, которыя до сихъ поръ всего болѣе оставались безъ вниманія. Сами по себѣ всѣ формы искусства имѣютъ одинаковое право на наше вниманіе, но при данныхъ условіяхъ не всѣ общають одинаковую жатву. Наука объ искусствѣ сейчасъ еще не въ силахъ рѣшать свои задачи въ ихъ труднѣйшемъ видѣ. Если мы хотимъ когда-нибудь достигъ научнаго пониманія искусства культурныхъ народовъ, мы должны сперва проникнуть въ сущность и условія развитія первобытнаго искусства. Прежде, чѣмъ рѣшать проблемы высшей математики, надо выучить таблицу умноженія“...

Въ этой области и вращается изслѣдованіе Гроссе. Остановившись, въ одной главѣ, на объясненіи понятія о первобытномъ народѣ въ соціологіи и этнологіи, и въ другой—на сущности художественной

дѣятельности (искусство, игра, практическая работа; искусство, какъ социальное явленіе и социальная функція), авторъ собираетъ наблюденія изъ жизни первобытныхъ народовъ по разнымъ отраслямъ искусства: косметика, орнаментика, скульптура и живопись, танецъ, поэзія, музыка, — отсутствуетъ только архитектура, для развитія которой не было возможности при первобытной простотѣ жилищъ — изъ однихъ шалашей. Для своихъ наблюденій авторъ старается брать изъ „первобытныхъ“ народовъ самыя дичайшія, какіе въ настоящее время существуютъ, какъ австралійцы, бушмены, готтентоты, эскимосы („дѣтскій взглядъ, будто гомеровскіе греки или германцы времени Тацита — первобытные народы, не стоитъ даже опроверженія“), — и на самыхъ низменныхъ ступеняхъ культуры авторъ находитъ зачаточныя формы всѣхъ упомянутыхъ отраслей искусства, и старается опредѣлить ихъ психологическія побужденія и общественное значеніе; онъ объясняетъ, что искусство, между прочимъ, было и средствомъ борьбы за существованіе.

Въ послѣднее время былъ поднятъ вопросъ о первоначальной формѣ поэзіи, и Спенсеръ утверждаетъ, что на низшихъ ступеняхъ культуры поэзія является въ смутной зачаточной формѣ, гдѣ еще не опредѣлились и не выдѣлились элементы лирики, эпоса и драмы. Гроссе, напротивъ, настаиваетъ, что это дѣленіе поэтическихъ формъ не можетъ быть приписано только позднѣйшимъ эпохамъ развитія. „На самой низкой культурной ступени, какая только доступна изученію, мы находимъ главные виды поэзіи столь же ясно опредѣлившимися и отдѣлившимися, какъ въ наше время. Разумѣется, нельзя не признать, что лирика первобытныхъ народовъ содержитъ въ себѣ много эпическихъ элементовъ, а ихъ эпосъ очень часто принимаетъ лирической или драматической характеръ. Но если по этому поводу называть первобытную поэзію недифференцированной, то ей никоимъ образомъ нельзя противопоставлять культурную поэзію, какъ дифференцированную, такъ какъ чистая лирика, эпосъ или драма нигдѣ и никогда не существовали“...

Въ своихъ общихъ выводахъ авторъ приходитъ къ любопытнымъ положеніямъ: „Большая часть художественныхъ произведеній первобытныхъ народовъ возникаетъ вовсе не изъ чисто-эстетическихъ стремленій, но вмѣстѣ служитъ какой-нибудь практической цѣли; и часто эта послѣдняя является, несомнѣнно, первоначальнымъ мотивомъ, въ то время какъ эстетическія потребности удовлетворяются лишь попутно, на второмъ планѣ. Напримѣръ, первобытный орнаментъ первоначально и главнымъ образомъ былъ задуманъ и возникъ не какъ украшеніе, а какъ мѣтка, имѣющая практическое значеніе, и какъ символъ. Въ другихъ случаяхъ, правда, эстетическія цѣли выдвигаютъ

гаются на первое мѣсто, но какъ единственный мотивъ онѣ выступаютъ обыкновенно только въ музыкѣ...

„Однако, хотя художественная дѣятельность на низшихъ ступеняхъ культуры почти нигдѣ не является въ чистомъ видѣ, все-таки ее вездѣ можно ясно замѣтить, и въ сущности въ тѣхъ же самыхъ формахъ, которыя мы находимъ и на болѣе высочайшихъ ступеняхъ культуры...

„Соотвѣтствіе въ художественномъ творествѣ грубѣйшихъ и цивилизованныхъ народовъ простирается не только въ ширину, но и въ глубину. Какъ бы странны и анти-художественны ни казались на первый взглядъ формы первобытнаго искусства,—ислѣдуя ихъ ближе, мы всякій разъ открываемъ, что онѣ подчинены тѣмъ же самымъ законамъ, которые управляютъ и высшими твореніями искусства. И не только главнѣйшіе эстетическіе принципы ритмичности, симметрии, противоположенія, усиленія, гармоніи, осуществляются австралийцами и эскимосами, какъ и аеинянами и флорентійцами, но тотъ фактъ, что даже такіа детали, которыя обыкновенно приписываютъ игрѣ прихотливой фантазіи, принадлежать къ эстетическому достоинію малокультурныхъ народовъ. Это открытіе, конечно, имѣетъ значеніе для эстетики“.

Приведенныя указанія даютъ понятіе о содержаніи книги Гроссе. Авторъ считаетъ свой трудъ первымъ опытомъ и указываетъ на слишкомъ большую отрывочность и неполноту матеріала; исслѣдованіе можетъ и, вѣроятно, будетъ расширено и объясненія даны будутъ болѣе обстоятельно, но и въ этомъ видѣ книга даетъ важныя указанія, вводя элементарныя художественныя попытки первобытныхъ народовъ въ общую систему искусства. Переводъ съ пользой умножитъ нашу необширную литературу объ искусствѣ.

— Мих. Столяровъ. Этюды о декадентствѣ. (Новое вѣаніе въ современной литературѣ). Харьковъ, 1899.

Декадентство успѣло привести въ нашей литературѣ уже довольно своихъ извѣстнаго рода плодовъ, такъ что стоило заняться этимъ явленіемъ. Г. Столяровъ не думалъ въ своей книжкѣ дать его полное объясненіе или исторію, и ограничился только нѣкоторыми общими его сторонами. Въ его этюдахъ намѣчены слѣдующія темы: классицизмъ и романтизмъ, и ихъ отголоски въ литературѣ новѣйшаго времени—въ видѣ символизма и декадентства; Ницше и этика декадентовъ; Антонъ Чеховъ и декадентство; культъ формы; старый и новый символизмъ; любовь декадента; девизъ декадентовъ. Авторъ начинаетъ

съ классицизма и романтизма потому, что въ новѣйшихъ литературныхъ извращеніяхъ находятъ слѣды этихъ старыхъ школъ. Фридрихъ Ницше, кажется, не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ собственному декадентству въ литературѣ и искусствѣ; это—независимое и гораздо болѣе широкое философское отрицаніе современнаго и исканіе будущаго; но вѣрно то, что новѣйшее декадентство старается опереться на него въ оправданіе своихъ нравственныхъ и литературныхъ уродствъ. Далѣе, по Ибсену и Чехову авторъ приводитъ изображенія декадентскихъ характеровъ и „міровозрѣнія“ въ жизни, излагая содержаніе знаменитой „Гедды Габлеръ“ и „Чайки“. По поводу „Гедды“ авторъ останавливается на отъѣздѣ г. Минскаго объ этой пьесѣ, въ которой находится изображеніе „великаго (?) декаданса“.

„Г. Минскій, преклоняясь предъ декадентствомъ, помимо своей воли, ярко выставляетъ отрицательныя, безжизненныя черты его. Съ одной стороны, декадентство есть „упадокъ нравовъ нашего вѣка“. съ другой—онъ является для него „великимъ“; съ одной стороны, „формы жизни сдѣлались многообразнѣе и прекраснѣе, чѣмъ когда-либо“, а съ другой—„въ нихъ изсякло всякое содержаніе“. Разобраться въ такой мудрости обыкновенному смертному трудно. Она доступна лишь такимъ „аристократамъ мысли“, какъ г. Минскій, который видитъ дальше обыкновеннаго и въ этомъ таинственномъ далекѣ нащупываетъ многообразныя и прекрасныя формы жизни, въ которыхъ нѣтъ жизненнаго содержанія. Неудивительно, что ему доступно пониманіе тайнъ природы, потому что онъ дошелъ до такого провидѣнія, что единственно существующимъ считаетъ такъ называемый „мзонъ“, т.-е. „несуществующее“ (стр. 40).

„Любовь декадента“ авторъ находитъ представленною въ твореніяхъ поэта новой школы г. Аполлона Коринфскаго. Какъ Гедда Габлеръ, порожденіе „великаго декаданса“, есть въ сущности особа, вырвавшаяся изъ дома умалишенныхъ, такъ и любовь декадента, воспѣваемая въ азартныхъ стихахъ г. Коринфскимъ, по объясненію автора, не есть „священнѣйшее начало, лежащее въ основѣ семьи, ячейки и цемента общества“, а совершенно извращенное настроеніе нервно-больнаго человѣка, отравляющаго себя морфіемъ; выраженія декадентской любви—„безумный лепетъ больнаго, одержимаго такъ называемой эротоманіей“.

Философія російскаго декадентства, которая излагалась въ нынѣ кончившемъ свое существованіе „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, была исполнена величайшаго самоубійства, другими словами—нахальства, отвергала „буржуазію“, подъ которой разумѣлось что-то такое, что оскверняетъ святость идеализма и мѣшаетъ свободному полету индивидуаль-

ной мысли; эта философія, собственно говоря, шла по стопамъ Ницше. Главный проповѣдникъ этой философіи любилъ „при всякомъ удобномъ случаѣ жаловаться на то, что къ нему несправедливы, что онъ не виновать, если могъ глубже (чѣмъ остальная толпа) проникнуть въ сущность вещей. Онъ прикидывался мученикомъ за свои идеи. Но все это напускное, маскированное“. Въмѣстѣ съ тѣмъ, „въ этихъ защитахъ отъ невѣдомыхъ враговъ чувствовалось затаенное озлобленіе противъ кого-то“, и авторъ объясняетъ это поведеніе философа „особенною подозрительностью, свойственною людямъ, надѣвающимъ маску, но чувствующимъ, что ихъ комедія понятна болѣе или менѣе проницательнымъ людямъ“ (стр. 20).

Чтобы опредѣлить „девизъ декадентовъ“, авторъ беретъ стихотвореніе одного изъ самыхъ видныхъ поэтовъ новой школы и заключаетъ: „Цѣль поэта—разрушать и отрицать... И дѣйствительно, наши декаденты возмущены всѣмъ здоровымъ лишь потому, что оно сложилось вѣками. Имъ нѣтъ дѣла до того, что современные устои жизни испытаны цѣлымъ рядомъ поколѣній, пока не превратились въ необходимую жизненную потребность: имъ не даетъ покоя дерзновенность мысли. Не трудно догадаться, какого качества разрушеніе и отрицаніе декадентовъ. При холодѣ душевномъ, при дерзновенности мысли, при гордости языка, при опьянѣніи отравой и тому подобныхъ ненормальныхъ условіяхъ, человекъ не можетъ критически относиться къ окружающему“ (стр. 52).

То-есть, правильно критически. „Дерзновенность мысли“ сама по себѣ не бѣда; напротивъ она оказывала, человѣчеству великія благодѣянія, когда стремилась къ расширенію человѣческаго знанія и устройству общественныхъ отношеній; наша декадентская дерзновенность, перенятая у Ницше, совершенно бесплодна и въ томъ и въ другомъ отношеніи, потому уже, что была простымъ ребяческимъ копированьемъ, и въ примѣненіи къ фактамъ русской жизни и литературы не только не представляла какого-нибудь движенія впередъ, но была полнымъ непониманіемъ историческаго прошлаго, бездушнымъ отношеніемъ къ лучшимъ преданіямъ нашей литературы. „Дерзновенность мысли“ становилась простымъ нахальствомъ, и мнимый идеализмъ былъ мертвымъ фразерствомъ.

Изъ вышеприведенныхъ выписокъ видно, что авторъ правильно цѣнитъ компанію, которая въ послѣдніе годы занялась у насъ насажденіемъ декадентства. Но его замѣчанія остаются все-таки отрывочны, и для разъясненія дѣла нужны еще нѣкоторыя изслѣдованія, напр., прежде всего о томъ, откуда явилась эта „школа“. Что она берется изъ иностранныхъ источниковъ, это не подлежитъ сомнѣнію: авторъ указываетъ одинъ изъ такихъ источниковъ въ Ницше; у насъ отразилось

и французское декадентство въ стихотворствѣ, какъ напѣлись декаденты въ живописи, но естественно предположить, что въ самой русской жизни и литературѣ были условія, которые дѣлали возможнымъ этотъ наплывъ декадентской безсмыслицы. Въ самомъ дѣлѣ, немислимо представить себѣ подобныя явленія въ эпоху, когда господствовала дѣятельность писателей, воспитавшихся въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ, когда искусство понималось какъ жизненная задача, служило поэтическому идеализму и вмѣстѣ нравственнымъ запросамъ общества, и рядомъ съ этимъ выработывалась высокая художественная техника. Что же произошло въ нашей литературѣ, если послѣ стараго блестящаго развитія стали возможны эти, хотя единичныя, но уже довольно распространенныя извращенія здраваго художественнаго и общественнаго смысла, когда притомъ и въ остальной, не декадентской, беллетристикѣ старое художественное преданіе несомнѣнно ослабѣло? Вопросъ о происхожденіи нынѣшняго слада нашей художественной литературы и появленіи извращеній заслуживалъ бы изслѣдованія, — онъ исполненъ не только историко-литературнаго, но и серьезнаго соціологическаго значенія. — Т.

Въ теченіе сентября мѣсяца, въ Редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Арто, М. — Комедіи Аристофана. Перев. съ греческаго на франц. Перев. съ франц. В. Т. Спб. 97. Стр. 619.

Барсуковъ, Александръ. — Родъ Шереметевыхъ. Книга VII. Спб. 99. Стр. 470, in 4°.

Бертранъ, Жозефъ. — Алгебра. Ч. I. Переводъ съ нѣкоторыми дополненіями съ послѣдняго (16-го) изданія. М. В. Пирожкова. Спб. 99. Стр. 581.

Божеряновъ, И. Н. — Жизнеописаніе имп. Александры Феодоровны, супруги имп. Николая I. Вып. 1. Съ одною фототипіею и 60 рис. въ текстѣ. Спб. 99. Стр. 108. Ц. 2 р.

Битнеръ, В. В. — Вѣрять или не вѣрять? Экскурсія въ область таинственнаго. Съ 43 рис. въ текстѣ. Спб. 99. Стр. 404. Ц. 1 р. 50 к. Ц. 1 р. 50 к.

Вацверъ, Р. — Парсифаль, драма-мистерія. Перев. Вс. Чешихина. М. 99. Стр. 49. Ц. 40 к.

Гейне, Гейнрихъ. — Собраніе сочиненій. Редакція П. Вейнберга. Т. VI, съ биографіей и портретомъ автора. Спб. 99. Стр. 582. Ц. 1 р. 75 к.

Гейтбекъ, А. — Альбомъ картинъ по географіи вѣввропейскихъ странъ. Перев. съ нѣм. А. П. Нечаева, съ предисловіемъ Д. Корончевскаго. Съ 314 рисунками. Спб., 99. Стр. 254.

Гёксли-Розенталь. — Основы физиологіи. Съ 118 рисунками. Переводъ п. р. В. Н. Львова. М. 99. Стр. 515. Ц. 2 р.

Глинскій, В. Б. — Очерки русскаго прогресса. Статьи историческія, по общественнымъ вопросамъ и критико-біографическія. Съ 36 портретами и иллюстраціями. Спб. 1900. Стр. 578. Ц. 5 р.

- Градовскій, А. Д.*—Собрание сочиненій. Т. III. Спб. 99. Стр. 624. Ц. 3 р.
- Деберль, А.*—Исторія южной Африки отъ завоеванія до нашего времени. Перев. А. Милье, съ картой. Спб. 99. Стр. 548. Ц. 1 р. 50 к.
- Живковичъ, А. В.*—Разказы (1892—99 гг.). Спб. 1900. Стр. 533. Ц. 2 р.
- Ивановскій, В. В., проф.*—Вопросъ государствовѣднiя, соціологiи и политик. Каз. 99. Стр. 398. Ц. 2 р.
- Крестовскій, Всеволодъ.*—Собрание сочиненій. Т. V. Спб. 99. Столб. 580.
- Маршалль, В.*—Альбомъ картиць по зоологiи млекопитающихъ. Перев. съ нѣм. Г. Яеобсона и Н. Зубовскаго, съ предисловіемъ Ю. Н. Вагнера, и съ 258 рисунками. Спб. 99. Стр. 226.
- Мижуевъ, П.*—Народное образование во Франціи. Спб. 99. Стр. 155.
- Взгляды и дѣятельность національной ассоціаціи для распростра-
ненія технического и реформы средняго образованія въ Англіи. Спб. 97. Стр. 80. Ц. 40 к.
- Народное образование въ Сѣв.-Ам. Соединен.-Штатахъ. Спб. 97. Стр. 147.
- Моревъ, Д. Д.*—Очеркъ коммерческой географіи и хозяйственной статисти Россіи, сравнительно съ другими государствами. Вып. 1. Изд. 6-е. Спб. 99. Стр. 160. Ц. 1 р.
- Руководство политической экономіи. Изд. 5-е. Спб. 99. Стр. 316. Ц. 2 р.
- Павлицевъ, Левъ.*—Кончина Александра Сергѣевича Пушкина. Спб. 99. Стр. 103. Ц. 50 к.
- Павленковъ, Ф.*—Энциклопедическій Словарь, съ 2224 политипажами, въ томъ числѣ 813 портретовъ и 37 географическихъ картъ, гравированныхъ въ Парижѣ. Спб. 99. Столб. 2.920. Ц. 3 р. въ пер.
- Печковскій, И. И.*—Особенности новаго промысловаго налога. Ростовъ-на-Дону. 99. Стр. 150. Ц. 1 р.
- Почосскій, А. Ф.*—Полное собраніе сочиненій, въ четырехъ томахъ, съ портретомъ, біографіей автора и примѣчаніями. Т. I. Спб. 99. Стр. 566. Цѣна за 4 т.—6 р.
- Посадскій, И. В.*—Среднія учебныя заведенія Кіевского Учебнаго Округа за десятилѣтіе 1889—1898 г. Кіевъ. 99.
- Прусть, А., и Балле, Г.*—Гигіена нейрастеника. Перев. Г. Львовича. Спб. 99. Стр. 264. Ц. 1 р.
- Пытинъ, А. Н.*—Исторія русской литературы. Т. IV. Времена имп. Елизаветы II.—Деятельность въѣвъ.—Пушкинъ и Гоголь.—Утвержденіе національнаго значенія литературы. Спб. 99. Стр. 647. Ц. 3 руб.
- Рачинскій, С. А.*—Татевскій Сборникъ. Съ приложеніемъ портрета А. С. Хомякова. Спб. 99. Стр. 278. Ц. 1 р. 50 к.
- Розинъ, Н.*—О крайней необходимости. Уголовно-юридическое изслѣдованіе. Спб. 99. Стр. 250. Ц. 2 р.
- Соколовъ, В. П.*—Справочныя свѣдѣнія о дѣятельности земствъ по сельск. хозяйству (поданныя на 1898 г.). Годъ четвертый. Изд. М. З. и Г. И. Спб. 99, стр. 525.
- Соколовъ, В. М.*—Историческій обзоръ народнаго образованія въ Богородицкомъ уездѣ, Тульской губ. Тула. 98. Стр. 194.
- Соловьевъ, Владиміръ.*—Творенія Платона. Переводъ съ греческаго. Т. I. М. 99. Стр. 371. Ц. 1 р. 50 к.

Флери, М.—Патологія души. Популярныя бесѣды. Перев. съ 4 франц. изд. Спб. 99. Стр. 316. Ц. 1 р.

Хижняковъ, В. Н. Пришлые сельско-хоз. рабочіе въ Херсонской губ. Изд. Херсонской губ. зем. управы. Херсонъ. 1899. Стр. 145.

Чешингитъ, Всев.—„Парсиваль“. Драма-мистерія. Рих. Вагнера. Критическій этюдъ. Спб. 99. Стр. 17. Ц. 30 к.

Шмидтъ, П. Ю., и Палибинъ, И. В.—Естественно-историческій Атласъ. Зоологія, анатомія человѣка, ботаника и минералогія. Наглядное пособие для семьи и школы. Вып. II. Спб. 99. Ц. по подпискѣ 5 руб.

Штуммагенъ, Фр.—Одинъ въ полѣ не воинъ. Романъ. Перев. съ нѣм. М. Лихтенштадта. Спб. 99. Столбц. 780. Ц. 1 р. 25 к.

Эркманъ-Шатрианъ, Гаспаръ Фиксъ. Рассказъ. Перев. съ франц. Е. Джунковской, п. р. Д. Протопопова. Спб. 1900. Стр. 216. Ц. 65 к.



ПРОТИВЪ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЛИСТА...

Письмо въ Редакцію.

25-го августа сего года, предъявленъ мнѣ былъ исполнительный листъ отъ редакціи журнала „Миръ искусства“. Какъ исходящій отъ органа нашихъ „сверхъ-человѣковъ“, этотъ исполнительный листъ былъ, разумѣется, предъявленъ мнѣ въ сверхъ-полицейскомъ и въ сверхъ-судебномъ порядкѣ; составленъ же онъ былъ въ порядкѣ сверхъ-логическомъ. Это былъ корректурный оттискъ статьи, подписанной Д. Философовымъ и озаглавленной: „Серьезный разговоръ съ нитчеанцами“ („Отвѣтъ Вл. Соловьеву“). Сверхъ-логичность начинается съ заглавія. Чтò значить отвѣтъ Д. Философова Вл. Соловьеву, когда послѣдній къ первому никогда не обращался ни съ какимъ вопросомъ, кромѣ развѣ съ вопросомъ о добромъ здоровьѣ? При томъ, будучи по существу и назначенію своему исполнительнымъ листомъ, требующимъ *меня* къ отвѣту, статья Д. Философова никакъ не можетъ быть его отвѣтомъ *мнѣ*. Дѣло же вотъ въ чемъ: на основаніи того, что въ 9-мъ № „Мира искусства“, въ статьѣ „Идея сверхъ-человѣка“, я сказалъ, между прочимъ, что съ нитчеанцами логически возможенъ и требуется серьезный разговоръ, и при томъ о дѣлахъ сверхъ-человѣческихъ,—г. Философовъ, усмотрѣвъ въ этомъ прямое обѣщаніе, требуетъ отъ меня его исполненія. Онъ думалъ-было, что я началъ исполнять это обѣщаніе письмомъ въ редакцію „Вѣстника Европы“ объ особомъ чествованіи Пушкина (см. іюльскій №). Почему онъ могъ думать, что разговоръ съ нитчеанцами можетъ происходить въ формѣ письма въ редакцію „Вѣстника Европы“, которая не только не состоитъ изъ нитчеанцевъ, но самымъ существованіемъ такого народа едва ли особенно интересуется,—это остается тайной сверхъ-логичнаго автора. Какъ бы то ни было, по его словамъ, увидавъ это ни къ нему и ни къ кому изъ нитчеанцевъ не адресованное письмо, онъ почему-то невольно подумалъ: „вотъ онъ серьезный-то разговоръ“!..

Но, прочтя мою замѣтку, онъ убѣдился, что „въ сущности весь серьезный разговоръ г. Соловьева сводится къ вышучиванію статьи Розанова и къ двумъ-тремъ небрежнымъ щелчкамъ по адресу Мережковскаго и Минскаго“.

Вотъ чтò вѣрно, то вѣрно. Но вольно же было г. Философову шутку, обращенную къ людямъ, шутки понимающимъ, принять, безъ

малѣйшаго основанія и повода, за серьезный разговоръ, да еще съ нитчаанцами. Насколько моя замѣтка могла быть серьезнымъ разговоромъ, видно уже изъ того, что она болѣе, чѣмъ на половину, представляетъ выписку подлинныхъ словъ г. Розанова.

Да, я позволилъ себѣ выпучивать такимъ способомъ этого писателя, а если г. Философову угодно нѣсколько моихъ словъ о статьяхъ Мережковскаго и Минскаго называть „щелчками“, то я и противъ этого по существу спорить не буду.—Ну, такъ что же? Г. Философовъ, очевидно, ставить мнѣ это въ укоръ. Наставительнымъ, менторскимъ тономъ, столь идущимъ этому маститому писателю по отношенію къ такому птенцу, какъ я, онъ какъ будто внушаетъ мнѣ: „Не хорошо, не хорошо выпучивать ближняго своего и давать щелчки искреннему своему“.

Позвольте, почтеннѣйшій менторъ, почему не хорошо? И опять мнѣ слышится назидательно-внушительный голосъ г. Философова: „Такъ какъ вы сами, конечно, не желаете, чтобы васъ выпучивали и давали вамъ щелчки, то не должны этого дѣлать и другимъ“.

Ну, такого страннаго примѣненія нравственной истины я и отъ этого своего досточтимаго ментора вынести не въ состояніи. Неправда и тысячу разъ неправда! Рѣшительно и торжественно заявляю: если бы въ прочіе дни живота моего случилось мнѣ напечатать что-нибудь столь непроницаемо-туманное, какъ статья Мережковскаго, или столь нелѣпое по формѣ, какъ статья Розанова, или столь фальшивое по содержанію, какъ статья Минскаго, то я отъ души желаю и убѣдительноше прошу всякаго меня выпучивать и давать мнѣ щелчки, по мѣрѣ силъ своихъ, чтобы не пропадалъ здравый смыслъ и не гложло чувство писательскаго долга въ русской литературѣ.

И не призналъ бы я за собой смягчающаго обстоятельства даже въ томъ случаѣ, если бы такое мое писаніе заключало въ себѣ, подобно статьѣ Розанова, крупницу истины, или отличалось бы такимъ грустно-возвышеннымъ тономъ, какъ статья Мережковскаго, или было бы такъ красиво въ литературномъ смыслѣ, какъ статья Минскаго.

Итакъ, обвиненіе въ недолжномъ отношеніи къ этимъ тремъ писателямъ я рѣшительно отвергаю,—но какъ быть съ исполнительнымъ листомъ?

Вѣдь я дѣйствительно общалъ что-то относительно нитчаанцевъ.

Чтобы вы видѣли, что именно и въ какомъ смыслѣ общалъ, нужно васъ познакомить съ основаніемъ предъявленнаго мнѣ требованія. Въ статьѣ „Идея сверхъ-человѣка“ я говорю, въ сущности, слѣдующее.

Между различными теченіями мысли въ русской литературѣ и

обществѣ за послѣднее время выдѣляются три болѣе замѣтныхъ: экономическій материализмъ, связанный съ именемъ Маркса; отрицательный морализмъ, обозначаемый именемъ Толстого, и третье, еще только опредѣляющееся направленіе, которому можно пока дать условное названіе нитчеанства. Первое дѣлаетъ изъ человѣка ничтожное колесо огромной экономической машины; для второго—человѣкъ есть инструментъ, предназначенный къ осуществленію отрицательныхъ нравственныхъ правилъ, каковы: не кури, не пей вина, не женись или женись какъ можно меньше, а главное—не поступай на военную службу.

Что касается до третьяго умственного теченія, то, при своемъ еще неопредѣлившемся характерѣ, оно оставляетъ открытою логическую возможность настоящей нравственной свободы, какъ пути къ истинному человѣческому назначенію. При томъ, нѣкоторое, хотя и очень общее указаніе на это назначеніе уже заключается здѣсь, въ идеѣ сверхъ-человѣка. Объ этой идеѣ наши „нитчеанцы“ говорили и говорятъ безъ яснаго сознанія ея смысла, въ родѣ того, какъ аеняне перваго вѣка по Рождествѣ Христовѣ говорили, по свидѣтельству книги Дѣяній, о невѣдомомъ богѣ, которому посвящали алтарь.

Мнѣ захотѣлось указать на тѣ логическія условія, при которыхъ идея сверхъ-человѣка можетъ имѣть опредѣленный смыслъ.

Первое изъ этихъ условій заключается въ побѣдѣ человѣка, желающаго быть сверхъ-человѣкомъ, надъ владичествомъ смерти. Если человѣкъ фактически есть смертный, то сверхъ-человѣкъ логически долженъ быть бессмертнымъ. И вотъ точка зрѣнія, съ которой открывается поле для того серьезнаго разговора съ нитчеанцами, о которомъ твердить г. Философовъ. Но онъ слова „серьезный разговоръ“ запомнилъ, а о чемъ разговоръ—забылъ. Это не клевета и не шутка: въ самомъ дѣлѣ, г. Философовъ предлагаетъ мнѣ говорить о разныхъ предметахъ—о происхожденіи трагедіи по Нитче, о древне-греческихъ мистеріяхъ, о судьбѣ Пушкина и т. д. Не спору, что обо всемъ этомъ можно вести серьезные разговоры съ разными лицами, но съ нитчеанцами я вѣдь намѣревался говорить не объ этихъ предметахъ, въ которыхъ они, конечно, не болѣе свѣдущи, чѣмъ всякій другой, а о томъ, что, по-моему, прямо ихъ касается: о связи между фактомъ смерти и идеєю сверхъ-человѣка. Чтобы не оставлять никакого сомнѣнія насчетъ того, что именно такова была моя мысль, позвольте привести буквально мои заключительныя слова:

„Если бы даже и не вставалъ въ нашемъ воспоминаніи образъ подлиннаго „сверхъ-человѣка“, дѣйствительнаго побѣдителя смерти и „первенца изъ мертвыхъ“ (а не слишкомъ ли это была бы большая

забывчивость съ нашей стороны?); или, если бы даже этотъ образъ былъ такъ затемненъ и запутанъ разными наслоеніями, что ужъ не могъ бы ничего сказать нашему сознанию о своемъ значеніи для нашей жизненной задачи (почему же бы, однако, намъ не распутать и не прояснить его?);—если бы и не было передъ нами дѣйствительнаго сверхъ-человѣка, то во всякомъ случаѣ *есть сверхъ-человѣчскій путь*, которымъ шли, идутъ и будутъ идти многіе на благо всѣхъ, и, конечно, важнѣйшій нашъ жизненный интересъ—въ томъ, чтобы побольше людей на этотъ путь вступали, прямо и дальше по нему проходили,—потому что на концѣ его—полная и рѣшительная побѣда надъ смертью...

„И вотъ настоящее мѣрило для оцѣнки всѣхъ дѣлъ и явленій въ этомъ мірѣ: насколько каждый изъ нихъ соответствуетъ условіямъ, необходимымъ для перерожденія смертнаго и страдающаго человѣка въ безсмертнаго и блаженнаго сверхъ-человѣка? И если старая традиционная оболочка сверхъ-человѣческой идеи, окаменѣвшая въ школьныхъ умахъ, заслонила для множества людей живую сущность самой этой идеи, что привело къ ея забвенію,—къ забвенію человѣкомъ его истиннаго высокаго назначенія, къ примиренію его съ участью прочихъ тварей,—то не слѣдуетъ ли радоваться уже и простому факту, что это забвеніе и это малодушное примиреніе съ дѣйствительностью какъ будто приходитъ къ концу, что раздаются хотя бы и голословныя пока заявленія: „я—сверхъ-человѣкъ; мы—сверхъ-человѣки“. Такія заявленія, съ перваго раза возбуждающія досаду, въ сущности должны радовать уже потому, что они открываютъ возможность интереснаго разговора, чего никакъ нельзя сказать о нѣкоторыхъ иныхъ точкахъ зрѣнія.

„Въ ту пору, когда я рѣзалъ пивоевъ бритвою и зоолога Геккеля предпочиталъ философу Гегелю, мой отецъ разсказалъ мнѣ однажды довольно извѣстный анекдотъ, какъ отсталый московскій купецъ сразилъ передового естествознателя, обращавшаго его въ дарвинизмъ.

„Это ученіе, по тогдашней модѣ, и къ нѣкоторому несчастью для самого Дарвина, понималось какъ существенное приравненіе человѣка къ прочимъ животнымъ.

„Наговоривъ очень много на эту тему, передовой просвѣтитель спрашиваетъ слушателя: „Понялъ?“—„Понялъ“.—„Что жъ скажешь?“—„Да что сказать?—ежели, значить, я песь и ты, значить, песь, такъ у пса со псомъ какой же будетъ разговоръ?“

„Нынѣ, благодаря Нитче, передовые люди заявляютъ себя, напротивъ, такъ, что съ ними логически возможенъ и требуется серьезный разговоръ и при томъ о дѣлахъ сверхъ-человѣческихъ“...

Ясно теперь, что я былъ въ заблужденіи, предполагая въ своихъ

будущихъ собесѣдникахъ открытую возможность и склонность къ обсужденію такихъ вопросовъ по существу.

Пушкинскій № „Міра искусства“ открылъ мнѣ глаза. Никакого вопроса для нихъ нѣтъ, все уже рѣшено и подписано, и требуется только пропаганда. Есть въ человѣкѣ и мірѣ нѣчто кажущееся таинственнымъ, но все болѣе и болѣе раскрывающее свою тайну. Это нѣчто, подъ разными именами оргіазма, пионизма, демонизма и т. д., ужасно какъ нравится этимъ людямъ, они дѣлаютъ изъ него свое божество, свою религію, и за свое посильное служеніе этому „нѣчто“ считаютъ себя избранныками и сверхъ-человѣками. Хотя служеніе этому божеству прямо ведетъ къ немощи и безобразію, хотя его реальный символъ есть разлагающійся трущъ, они сговорились называть это „новой красотой“, которая должна замѣнить устарѣлыя идеи истины и добра. Они знаютъ, что логически это бессмыслица, но, объявивъ себя здорово-живешь сверхъ-человѣками, они тѣмъ самымъ признали себя существами и сверхъ-разумными, или сверхъ-логическими.

Никакого общаго принципиальнаго вопроса для нихъ не существуетъ, а развѣ только такіе частные вопросы, какъ напримѣръ: былъ ли Пушкинъ оргіастомъ, представителемъ пионизма, какъ утверждаетъ Минскій, или вовсе этимъ не былъ, какъ думаетъ Розановъ? А что пионизмъ, или оргіазмъ, или все то, чтò они подъ этимъ разумѣютъ, есть нѣчто въ высочайшей степени прекрасное и желательное—это для нихъ уже давно рѣшено. Они уже отдались ему, принадлежать ему всецѣло... А можетъ быть я и тутъ о нихъ слишкомъ высокаго мнѣнія? Я думалъ прежде (до Пушкинскаго №), что имѣю дѣло съ пытливыми и открытыми для истины умами, и несомнѣнно въ этомъ ошибался. Теперь я говорю о нихъ, какъ о душахъ, преданныхъ... „пионизму“. Но можетъ быть и это слишкомъ „серьезно“... да и можно ли говорить о нашихъ декадентахъ (это, кажется, будетъ самое подходящее по своей неопредѣленности общее названіе), какъ объ одномъ, солидарномъ въ себѣ цѣломъ? Вѣдь Мерещковскій очень не похожъ на Минскаго, оба они не похожи на Волынскаго, и еще меньше, я думаю, сходства между Д. Философовымъ и В. Розановымъ. Итакъ, чтобъ никого не обидѣть, воздержусь отъ всякаго общаго сужденія и ограничусь необходимымъ и совершенно серьезнымъ заявленіемъ: такъ какъ исполнительный листъ отъ редакціи „Міра искусства“ основанъ на явной ошибкѣ, то я его не принимаю, обѣщаніе же свое исполню неперемѣнно, какъ только встрѣчу *серьезныхъ* нитччанцевъ...

Владиміръ Соловьевъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Arthur Moeller-Bruck. Die Moderne Litteratur in Gruppen u. Einzeldarstellungen. Berlin, 1899.

Книгу Мёллеръ-Брука нельзя всецѣло отнести къ исторіи литературы; это скорѣе опытъ психологическаго освѣщенія современности по литературнымъ начинаніямъ новѣйшихъ писателей. Книга состоитъ изъ отдѣльныхъ небольшихъ томиковъ; въ каждомъ разбираются литературныя явленія, значительны не по своимъ безотнositельнымъ художественнымъ качествамъ, а по своей характерности. Изъ двѣнадцати предполагаемыхъ томиковъ вышло четыре подъ громкими и слишкомъ претенціозными заглавіями: „Tchandala-Nietzsche“; „Neutöner“; „Die Auferstehung des Lebens“; „Die Deutsche Nuance“. Какъ эти заглавія, такъ и самыя критическія разсужденія Мёллеръ-Брука не обнаруживаютъ особой глубины мысли или широты взглядовъ. Распределеніе матеріала — поверхностное и произвольное, а самыя характеристики писателей не даютъ о нихъ цѣльнаго представленія. Если, тѣмъ не менѣе, книга Мёллеръ-Брука заслуживаетъ вниманія и не можетъ быть пропущена при изученіи литературной физономіи нашего времени, то это зависитъ отъ интереса самаго матеріала и отъ психологическихъ сужденій автора. Въ четырехъ томикахъ „Современной литературы“ читатель не встрѣтитъ новыхъ взглядовъ на извѣстныхъ крупныхъ писателей, но познакомится зато съ мало извѣстными второстепенными литературными явленіями, — а въ нихъ еще съ большею наглядностью, тѣмъ въ писателяхъ съ крупнымъ индивидуализмомъ, отразился духъ времени.

Мёллеръ-Брукъ говоритъ исключительно о нѣмецкой литературѣ, хотя это не оговорено въ заглавіи. Говоритъ онъ къ тому же о самыхъ недавнихъ литературныхъ событіяхъ, о писателяхъ еще не выяснившихся. Въ этомъ особенность книги, и въ этомъ ея интересъ для иностранныхъ читателей. Въ Россіи новѣйшая нѣмецкая литература сравнительно очень мало извѣстна. Есть около десятка именъ — быть можетъ даже меньше, — пользующихся всеевропейскою извѣстностью, но далеко не исчерпывающихъ духовной жизни современной Германіи. Какова атмосфера, окружающая ихъ, по какимъ путямъ

идеть молодая Германія, среди какихъ начинаній падаютъ недостаточно яркіе таланты, силы которыхъ не соразмѣрены съ ихъ слишкомъ смѣлыми намѣреніями, каковъ ритмъ всей этой умственной жизни? Этого нельзя узнать, знакомясь съ Германіей только по сказочно-фантастическимъ и психологическимъ драмамъ Гауптмана, право-описательнымъ комедіямъ Зудермана и спокойно-эпическимъ повѣствованіямъ Теодора Фонтана и другихъ крупныхъ представителей уже сходящаго со сцены старшаго поколѣнія. Мѣллеръ-Брукъ говоритъ о менѣе значительныхъ писателяхъ, и только о тѣхъ, въ которыхъ воплотилась та или другая характерная черта, отличающая переживаемую теперь полосу въ литературѣ отъ всякой другой. Критикъ чувствуетъ обособленность нашего времени, и, не пытаясь дать ясное и вѣрное его опредѣленіе—это, очевидно, дѣло исторіи,—говоритъ только о подмѣченной имъ переменѣ „ритма жизни“. Ему кажется также, что современное человѣчество не должно предоставлять исключительно своимъ духовнымъ главарямъ создавать то новое, которое оцѣнится только въ будущемъ, а должно идти съ ними въ ногу, не отягчая ихъ задачи упрямой вѣрностью традиціямъ. „Жизнь, говоритъ онъ,—получила новый ритмъ. Человѣчество должно подчиниться этой переменѣ; нужно, чтобы не только духовные вожди и созидатели новаго почувствовали это, а вся совокупность человѣчества научилась жить и дѣйствовать согласно съ ними. Не такъ легко это исполнить; между задачей и ея осуществленіемъ лежитъ трудно преодолимое препятствіе — власть традиціи“. Меллеръ-Брукъ начинаетъ, такимъ образомъ, свое изученіе современности съ воззванія и проповѣди, съ борьбы противъ привычекъ ума и вкуса, препятствующихъ свободному исполненію культурныхъ задачъ современнаго человѣчества. Онъ требуетъ даже отъ новыхъ поколѣній, чтобы они жили тѣмъ новымъ, что создается вокругъ нихъ, не задаваясь на каждомъ шагѣ вопросомъ—составляетъ ли эта новизна нѣчто преходящее, или же вѣчное. Пусть будущее сдѣлаетъ оцѣнку настоящаго, живущіе же должны только создавать свое, не занимаясь преждевременно синтезомъ совершаемыхъ на всѣхъ поприщахъ попытокъ. Только такимъ образомъ осуществляется одинъ изъ основныхъ законовъ развитія, „законъ современности“ (Gegenwartsgesetz), и совершается переходъ активныхъ силъ прошлаго къ активнымъ силамъ будущаго при посредствѣ настоящаго. Этому закону и покоряются инстинктивно вожди современности, т.-е. новаторы съ уравновѣшенными силами хотѣнія и исполненія. Но отъ остального человѣчества, т.-е. отъ его болѣе „растительныхъ элементовъ“, критикъ требуетъ чуткости и пониманія культурной работы, которая не идетъ въ разрѣзъ съ духомъ времени, а напротивъ того, имъ же и питается.

Задача критики при изученіи новѣйшей нѣмецкой литературы заключается въ томъ, чтобы подглядѣть чувства и мысли, созидающія и отражающія духъ времени. Всякое звено имѣетъ свое значеніе въ цѣпи духовныхъ явленій,—и объ этихъ промежуточныхъ звеньяхъ Мёллеръ-Брукъ и ведетъ рѣчь въ отдѣльныхъ томикахъ своей книги. Одни писатели содѣйствовали выясненію идейныхъ стремленій современности; другіе дѣлали и дѣлаютъ попытки создать новыя формы для новаго содержанія. Говоря о тѣхъ и другихъ, критикъ обращаетъ вниманіе и на попытки, не давшія законченныхъ художественныхъ результатовъ. Но неудачныя попытки освѣщаютъ собою путь къ болѣе совершенному будущему, и писатели, ставшіе жертвой своего новаторства, свершили, тѣмъ не менѣе, свой долгъ передъ будущимъ—именно своей далеко не безцѣльной жертвой.

Исторію современнаго духа въ его хотѣніяхъ и еще недостаточно сильныхъ проявленіяхъ Мёллеръ-Брукъ начинаетъ съ одного изъ вождей—съ Фридриха Нитцше. Онъ говоритъ о немъ не какъ о философѣ, не входитъ и въ разсмотрѣніе его морали, а видитъ въ немъ только художника, создавшаго новое настроеніе, проникнутаго самой характерной особенностью современной культуры—индивидуализмомъ. Критикъ имѣетъ въ виду почти исключительно книгу: „Also sprach Zarathustra“ и стихи Нитцше—въ нихъ рѣзче и новѣе всего выразилась вѣра Нитцше въ человѣка, который найдетъ въ глубинѣ собственного сознанія силу возродиться и пересоздать для себя все мірозданіе. Мёллеръ-Брукъ дѣлаетъ при этомъ такое же невѣрное предположеніе, какъ и нѣкоторые другіе нѣмецкіе критики до него. Слѣбую вѣру Нитцше въ человѣка онъ приписываетъ въ значительной степени подъему духа въ Германіи послѣ франко-прусской войны. На самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего общаго между внутреннимъ самосовершенствованіемъ, самоувѣреннымъ сознаніемъ у Нитцше внутренней силы—и нѣкоторымъ самодовольствомъ торжествующей Германіи. Мёллеръ-Брука интересуетъ исключительно поэтическое творчество Нитцше; онъ отмѣчаетъ абсолютное тождество его художественнаго инстинкта съ духомъ времени, разрывъ Нитцше съ эпигонами Гётевскаго времени въ лирикѣ. Сочетая пластичность образовъ съ романтическими настроеніями, Нитцше создалъ новый стиль въ поэзіи, отразилъ мучительные контрасты современнаго человѣчества—его трагичное тяготѣніе къ вершинамъ духа, отрицающее все человѣчное. Считая поэзію Нитцше высоко созидательной и опредѣляющей собой дальнѣйшій ходъ новой поэзіи, Мёллеръ-Брукъ видитъ въ Заратустрѣ скорѣе отрицательныя стороны современности. Въ книгѣ этой отразилась болѣзненность цѣлой эпохи, которая пошла на самое себя и познала свою отщепенность отъ остальнаго человѣчества,—познавъ

же ее, стала неспособной къ пользованію жизнью, и прониклась недовольствомъ, безсиліемъ, возмущеніемъ и скрытымъ озлобленіемъ. Это особаго рода безсиліе, проистекающее отъ остроты сознанія и отъ болѣзненности духа, лежитъ въ основѣ духа современности, и поэтому эта черта Нитцше является для критика самой важной. Конечно, характеристика Нитцше лишается цѣльности и яркости при такомъ исключительномъ освѣщеніи одной только черты. Но Мёллеръ-Брукъ и не стремится давать портреты отдѣльных писателей; онъ хочетъ возсоздать атмосферу современности изъ отдѣльных явленій и чертъ. Нитцше нуженъ ему какъ выразитель отщепенности, уединенности нашего времени среди другихъ культурныхъ эпохъ. Онъ приводитъ Нитцше въ связь съ извѣстнымъ романомъ Стриндберга—„Чандала“. Герой романа—ненавистникъ рабскаго племени, среди котораго ему пришлось жить и дѣйствовать.

Отъ Нитцше-Чандалы Мёллеръ-Бруку приходится перейти во второй своей книжкѣ къ величинамъ безконечно меньшимъ, но тоже по-своему воплотившимъ новыя желанія, и тоже ставшимъ жертвами своей слишкомъ сосредоточенной нервной жизни, своего стремленія идти неизвѣданными путями. Второй томикъ Мёллеръ-Брука посвященъ нѣсколькимъ новымъ нѣмецкимъ писателямъ; идя главнымъ образомъ по слѣдамъ Достоевскаго, они предались „автопсихологіи“, и стали глубокими пессимистами. Самый талантливый представитель этого направленія—Германъ Конради, юноша съ необычайно яркимъ талантомъ, умершій настолько рано (онъ кончилъ самоубійствомъ), что не успѣлъ выполнить возлагаемыхъ на него надеждъ, и Мёллеръ-Брукъ называетъ его „кандидатомъ будущаго“. Онъ искалъ въ явленіяхъ современности ихъ отношенія къ идеалу будущаго, т.-е. къ тому времени, когда человѣчество станетъ общиной освобожденныхъ въ себѣ самихъ индивидуальныхъ личностей. Какъ осуществится этотъ идеалъ, какъ образуется поколѣніе, стоящее за предѣлами добра и зла и познавшее глубины свободы,—этого молодой писатель не могъ себѣ уяснить. Онъ полагалъ, что психологія—путь къ освобожденію отъ условной морали, и въ своихъ немногочисленныхъ произведеніяхъ, въ стихахъ и романахъ, погружался въ глубины психологіи—только недостаточно сильной и убѣдительной. Въ немъ столкнулись двѣ силы. Въ немъ жилъ свѣтлый образъ будущаго, и путь къ нему лежалъ черезъ отреченіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ глубоко ощущалъ силу настоящаго, силу жизни. Стремясь возвыситься надъ человѣческимъ, онъ самъ, однако, оставался въ глубинѣ человѣческихъ желаній, и потому его стремленія къ свободѣ были совершенно безысходны. Онъ—типъ переходнаго времени; въ немъ были живы всѣ инстинкты, унаслѣдованные отъ прошлаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ополчался на

самого себя во имя грядущаго. Отсюда раздвоенность Конради, ставшая темой его психологических романовъ: „Phrasen“ и „Adam-Mensch“. „Phrasen“ въ художественномъ отношеніи совершенно неудавшаяся вещь, бредъ человѣка, котораго мучить его неприуроченность къ своему времени. Гораздо ярче выступаетъ тотъ же замыселъ во второмъ романѣ—„Adam-Mensch“. Оба романа вмѣстѣ рисуютъ переходъ отъ идеологическаго альтруизма героя къ идеологическому эгоизму. Въ психологіи героя Конради отразилась въ самомъ дѣлѣ духовная жизнь новаго поколѣнія, и во всей новѣйшей нѣмецкой литературѣ нѣтъ болѣе современнаго романа, какъ этотъ безсильный, но искренно и серьезно задуманный трудъ молодого писателя. Слабости Конради—слабости его поколѣнія. Глубокое тяготѣніе къ красотѣ и свободѣ страннымъ образомъ сочетается у него съ тяготѣніемъ къ уродливому и грубому, съ неутолимой жаждой познать и понять свое время и съ инстинктивнымъ предвидѣніемъ еще непознанной истины; искусственно возбуждаемая, нездоровая чувственность соединена съ чистотой ощущенія, манія величія—съ пониманіемъ собственнаго безсилія. Такимъ образомъ, Конради создаетъ въ своемъ героѣ воплощеніе своего собственнаго переходнаго времени, образъ скорѣе отрицательный по своей неспособности къ тому, что лежитъ во времени. Герой Конради какъ бы приговоренъ къ жизни,—и этотъ приговоръ для него страшнѣе смертнаго. Единственный положительный элементъ, который онъ вноситъ въ современность—стремленіе къ свободѣ. Имъ опредѣляется его отношеніе къ жизни, и въ немъ залогъ его значенія для будущаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ стоитъ не какъ созидатель настоящаго, а какъ иронія этого самаго настоящаго. Въ художественномъ отношеніи романъ Конради несомнѣнно очень интересенъ, хотя авторъ и не додумался до конца въ оцѣнкѣ своего поколѣнія; въ сущности онъ и не могъ додуматься, такъ какъ это время еще далеко не осуществило своихъ инстинктивныхъ хотѣній. Зато Конради выказалъ большую силу какъ психологъ. Меллеръ-Брукъ, съ своей стороны, замѣчаетъ, что особенность молодого поколѣнія заключается въ тонкости его психологическаго чутья, въ умѣніи живописать внутреннюю скрытую работу душевныхъ силъ. Конради въ этомъ отношеніи былъ вполне на высотѣ этого новаго рода творчества. Онъ удивительно умѣлъ сосредоточить и обратить во внутрь все внѣшнія происшествія. Онъ изображалъ не то, что уже есть, а то, что дѣлается, и всей своею сложностью направляется къ будущему единству, т.-е. къ тому, что наступитъ, что, синтезируя сложныя движенія созиданія, станетъ единымъ и сущнымъ. Слѣдить за этимъ сложнымъ процессомъ созиданія и отражать его въ соответствующихъ формахъ—значитъ какъ нельзя болѣе сообразоваться съ

„ритмомъ времени“. Вотъ почему Мёллеръ-Брукъ отводитъ значительное мѣсто не всегда выдержаннымъ и законченнымъ произведеніямъ Конради, т.-е. его двумъ романамъ и лирикѣ, вошедшей въ сборникъ: „Lieder eines Sünders“.

Разобравъ въ третьемъ томикѣ, подъ заглавіемъ: „Die Auferstehung des Lebens“, жизнерадостную, всеобъемлющую поэзію Детлефа фонъ Лилленкрона, Мёллеръ-Брукъ переходитъ въ четвертой части къ поэтамъ „новѣйшаго отбѣика“ (Die deutsche Nuance), чрезвычайно мало извѣстнымъ за предѣлами Германіи. Таковъ лирикъ, прозаикъ и эстетикъ Арно Гольцъ (Arno Holz), имѣющій большое вліяніе на литературную молодежь. Мёллеръ-Брукъ разсматриваетъ его главнымъ образомъ какъ главу нѣмецкаго натурализма. Этотъ періодъ—уже отошедшій въ писательствѣ Арно Гольца; въ новѣйшихъ своихъ поэтическихъ сборникахъ Арно Гольцъ пошелъ совсѣмъ по иному пути. Для Мёллеръ-Брука важно то, что Арно Гольцъ слѣдуетъ ритму современности не идейными замыслами, а формой своихъ произведеній. Въ схему современности входитъ широкое и, главное, детальное познание жизни. Нѣтъ ничего маловажнаго, также какъ и нѣтъ ничего исключительно важнаго. Для синтеза нужно захватить все, что есть; тогда выводы будутъ достаточно широки, и множественность явленій полно отразитъ единство воплощенной въ нихъ идеи. Натурализмъ, съ его стремленіемъ къ подробностямъ повседневной жизни,—очень важное проявленіе „новаго ритма“. Гольцъ, который дошелъ до крайности въ этомъ преклоненіи передъ явленіями, заслуживаетъ особаго вниманія съ точки зрѣнія Мёллеръ-Брука. У Гольца есть особая область наблюденій—Берлинъ, тотъ новый Берлинъ, который стремится стать столицей міра, а между тѣмъ скорѣе всего напоминаетъ рядъ провинціальныхъ городковъ, приклеившихся одинъ къ другому. Берлинская мелкая буржуазія, семьи рабочихъ, мелкая жизнь на задворкахъ,—все это, переданное съ стенографическою точностью, составляетъ содержаніе рассказовъ, написанныхъ Гольцемъ и его сотрудникомъ Шлафомъ (Schlaf) въ сборникѣ подъ названіемъ: „Neue Gleise“. Книжка эта написана въ подтвержденіе теоретическихъ взглядовъ Гольца, изложенныхъ въ его книгѣ: „Искусство, его сущность и законы“. Мёллеръ-Брукъ справедливо критикуетъ эту книгу, доказывая на примѣрѣ самого Гольца, что художникъ не подчиняется, да и не можетъ подчиняться узкимъ требованіямъ теоретика. Арно Гольцъ видитъ въ искусствѣ только простое повтореніе жизни, и поэтому всѣ задачи искусства сводитъ къ наибольшему техническому развитію, къ придумыванію наибольшаго количества средствъ для повторенія жизни. Это исканіе формъ, звуковъ и красокъ—чрезвычайно важно, и Гольцъ своей проповѣдью и собственнымъ примѣромъ ока-

заль несомнѣнную пользу литературѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ внесъ и много индивидуальнаго въ свои произведенія. Онъ прибавляетъ къ повторяемой имъ жизни много своего и дѣлаетъ искусство тѣмъ, чѣмъ оно должно быть, т. е. выводомъ изъ жизни, отраженной въ созерцаніи художника. Мёллеръ-Брукъ указываетъ на цѣлую область, созданную Гольцемъ—онъ ввелъ въ литературу изученіе діалектовъ. Берлинскій говоръ въ его разсказахъ изученъ и переданъ съ необычайной виртуозностью и художественностью. Оттѣнки произношенія становятся у чуткаго художника способомъ отражать психологію. Критикъ приводитъ какъ доказательство одинъ короткій разсказъ: „Валли“, гдѣ въ разговорѣ матери съ маленькой дѣвочкой воспроизведенъ цѣлый міръ ощущеній и пониманій, воплощенныхъ въ грубоватомъ говорѣ столичнаго люда. Гольцъ первый сталъ придавать такое значеніе жизненной разговорной рѣчи въ различныхъ слояхъ, и за нимъ этимъ средствомъ для характеристики стали пользоваться многіе другіе. Между прочимъ одинъ изъ его извѣстнѣйшихъ учениковъ—Гергартъ Гауптманъ.

Мёллеръ-Брукъ не указываетъ на дальнѣйшее развитіе Арно Гольца. Отъ крайняго натурализма, связаннаго, между прочимъ, съ демократическими тенденціями (драма „Die Socialdemokraten“), Арно Гольцъ перешелъ къ особаго рода поэзіи; его соблазнилъ примѣръ американскаго поэта Вальта Витмана, пантеиста практической Америки, прославителя всѣхъ формъ жизни. Подобно ему, Арно Гольцъ сталъ воспѣвать „все“—большое и мелкое, возвышенное и тривиальное, смѣшивая все это въ странныхъ картинкахъ, гдѣ явленія чередуются съ настроеніями, гдѣ говорится о красотѣ Сиріуса и о послѣобѣденномъ кофе, о міровой жизни и о бантикѣ разряженной по воскресному работницы, о дѣтяхъ, мудрецахъ, о водахъ и горахъ,—и все это укладывается въ стихи, лишенные всякаго внѣшняго размѣра (какъ и у Вальта Витмана), но вмѣстѣ съ тѣмъ, по мнѣнію автора, обладающіе внутреннимъ ритмомъ. Эти стихи Гольца, собранные въ его небольшихъ книжкахъ „Phantasus“, очень характерныя произведенія новѣйшей нѣмецкой лирики, и странно, что Мёллеръ-Брукъ не говоритъ о нихъ, разбирая „Neutöner“ въ нѣмецкомъ творествѣ послѣдняго времени.

Слѣдующіе выпуски книги Мёллеръ-Брука должны, судя по заглавіямъ, намѣченными заранѣе, охватить еще цѣлый рядъ явленій нѣмецкой литературы, мало извѣстной за предѣлами Германіи. Если историко-литературное значеніе всего труда и страдаетъ отъ нѣкоторой произвольности темъ, то психологическое значеніе очерковъ, какъ документовъ для изученія современности, несомнѣнно.

II.

Edmond Barthélemy. Thomas Carlyle. Essai biographique et critique. Par. 99.

Книга Эдмонда Бартэлемы о Томасѣ Карлейлѣ обладаетъ всѣми хорошими качествами французской литературной критики. Говоря о мыслителѣ столь отвлеченномъ, какъ Карлейль, французскій писатель умѣетъ, однако, избѣгнуть педантизма. Онъ оговаривается въ предисловіи, что намѣренъ дать не изложеніе идей англійскаго философа, а психологическій очеркъ его творчества. „Намъ казалось чрезвычайно важнымъ, — говоритъ онъ, — описать прежде всего извѣстный родъ ума и показать, что можетъ онъ создать, и каковы преимущества извѣстнаго рода мысли“. Это въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно важно. Съ идеями Карлейля можно познакомиться изъ его произведеній. Если же биографъ-психологъ покажетъ, какъ развивалась, съ одной стороны, воспримчивость мыслителя, его отношеніе къ дѣйствительности, и какъ, съ другой стороны, развивался и кристаллизировался его умъ, уяснявшій воспринятое и создавшій такимъ образомъ свое міросозерданіе, — то эта картина созиданія мысли изъ глубины жизни станетъ источникомъ болѣе глубокаго пониманія отвлеченнаго ученія философа. Книга Бартэлемы состоитъ главнымъ образомъ изъ психологическаго матеріала и рисуетъ послѣдовательный ростъ мыслей и выводовъ Карлейля. Личность мыслителя освѣщена очень полно, и, читая очеркъ французскаго критика, мы снова имѣемъ случай убѣдиться, до чего близокъ нашему времени англійскій мыслитель, который, подобно Гёте, „работая надъ шумнымъ станкомъ времени, ткалъ живую мантію божества“.

Изучая жизнь Карлейля, Бартэлемы останавливается главнымъ образомъ на томъ, какъ воспитывалась съ самаго дѣтства его воспримчивость, какъ жизнь наполняла его преклоненіемъ передъ чудеснымъ. Первые впечатлѣнія дѣтства отзывались въ немъ глубокими потрясеніями, казались ему откровеніемъ какой-то невидимой силы, которая направляетъ все различіе и разнообразіе событій и явленій къ единой цѣли. Уже въ дѣтствѣ у него сложилась мысль, которую онъ позже нашель выраженной въ стихѣ Шиллера: „Denn jede Strasse führt ans End' der Welt“. Онъ воспринималъ событія драматически. Дилижансъ, проходящій въ извѣстные часы мимо дома и направляемый не законами бытія, а волей человѣка, и съ другой стороны, величавое повтореніе явленій природы, мысли о томъ, что мѣсто, въ которомъ онъ живетъ, маленькая шотландская деревушка, находится въ извѣстномъ соотношеніи съ какимъ-то невѣдомымъ міромъ за ея

предѣлами, — все это открывало будущему философу широкіе горизонты и внушало ему первыя мысли о вѣчной силѣ, создающей гармонию міра. Вѣсть съ тѣмъ, онъ сталъ понимать и важность времени, т.-е. того, что создаетъ непрерывное теченіе струи ручья, что заставляетъ жизнь длиться, мѣняя лишь формы: онъ сталъ понимать или, вѣрнѣе, чувствовать сначала, что всѣ переменны — ступени одного и того же безконечнаго протяженія во времени, необходимаго для вѣчнаго единства. Это — то, къ чему пришелъ впоследствии философъ Карлейль, что его примирило съ жизнью и заставило все принимать и понимать. Зачатки же этихъ мыслей — въ ощущеніяхъ юности. Психологическая задача, которую поставилъ себѣ критикъ, заключается въ томъ, чтобы показать, какъ превратились ощущенія въ мысли.

Понятіе о силѣ и углубленіе въ задачи совѣсти связаны у Карлейля, по мнѣнію его биографовъ, съ людьми и жизнью, окружавшими его въ дѣтствѣ. Карлейль въ своихъ „Мемуарахъ“ много говоритъ о религиозной обстановкѣ своего дѣтства, о суровыхъ шотландскихъ сектантахъ, о маленькой строгой церкви, куда онъ ходилъ слушать воскресную мессу, и гдѣ религиозныя поученія становились чѣмъ-то семейно-интимнымъ. Онъ научился въ этой средѣ улавливать паосъ и величіе въ обыденномъ, проникаться изумленіемъ среди самыхъ повседневныхъ событій. Дальнѣйшее развитіе этой черты привело Карлейля къ его ученію о герояхъ.

Переходъ отъ дѣтства къ юношеству, воспитаніе въ эдинбургскомъ университетѣ способствовало развитію другой характерной черты Карлейля — его юмора. Остро-впечатлительный юноша съ необыкновенно развитой фантазіей столкнулся въ университетѣ съ тѣмъ, что было наиболѣе чуждо его душѣ — съ утилитаризмомъ. Это столкновение вызвало въ немъ возмущеніе, нашедшее въ себѣ исходъ въ сарказмахъ. Онъ очутился среди молодежи, лишенной всякаго пониманія величія и глубины въ человѣческомъ и божественномъ, но зато чрезвычайно чуткой ко всему, что можетъ облегчить карьеру. Это послужило неистощимой пищею для насмѣшекъ въ его письмахъ, вызывающихъ бурный восторгъ у его товарищей. И все же рационализмъ университетскаго обученія не остался безъ вліянія на развитіе духа Карлейля; онъ временно омрачилъ его свѣтлый духъ. Представленія о жизни и о мірѣ какъ о неодухотворенной машинѣ, движимой одними матеріальными интересами, внушали Карлейлю полную апатію; онъ не могъ интересоваться мертвыми явленіями, не имѣющими внутренней цѣли. Въ эту эпоху сомнѣній онъ обдумывалъ три великія идеи, которыя должны были освѣтить для него міръ — это идеи силы, права и времени. Болѣе всего его смущала задача времени, которому подчиненъ человѣкъ, и отъ котораго онъ зависитъ. Чтобы осво-

бодиться отъ его власти, нужно было придти къ самоотреченію, къ независимости отъ случайнаго; Карлейль достигъ этого, но внутренняя побѣда досталась ему цѣною глубокой сердечной боли. Онъ пережилъ неудачную любовь. Страданіе не сдѣлалось для него литературнымъ матеріаломъ; онъ не писалъ о немъ, какъ это было въ обычаѣ у романтиковъ, но при его помощи пошелъ впередъ, проникся болѣе глубокимъ и терпѣливымъ пониманіемъ жизни. Побѣдой надъ роковою властью времени звучитъ слѣдующая вдохновенная страница его „Исторіи французской революціи“: „Событіе, т.-е. то, о чемъ можно говорить и что укладывается въ разсказъ, является всегда разрывомъ, нарушеніемъ протяженности времени. Будь это даже счастливое событіе—оно все-таки вызываетъ измѣненіе, потерю активной силы, и такимъ образомъ въ прошломъ и въ настоящемъ это всегда—неправильность и болѣзнь. Дубъ растетъ въ лѣсу тысячу лѣтъ въ глубокомъ молчаніи. Только на тысячномъ году, когда приходитъ дровосѣкъ съ топоромъ, молчаніе лѣса нарушается звуками эхо. Дубъ тогда заявляетъ о себѣ, когда съ грохотомъ, слышнымъ издалека, онъ падаетъ. А въ какомъ глубокомъ молчаніи происходило привитіе жолудя, принесеннаго заметнымъ вѣтромъ! И тогда, когда дубъ цвѣлъ и покрывался листьями (это счастливое событіе), обозначились ли эти происшествія какимъ-нибудь шумомъ? Эти событія не случаются, а дѣлаются медленно, не въ одинъ часъ, а въ множество дней, и каждый часъ, который истекаетъ, подобенъ часу, который наступаетъ“...

Такимъ образомъ, жизненные событія и внутренняя сила совершенствующейся совѣсти помогли Карлейлю стать человекомъ своихъ идей и осилить время отрѣшеніемъ, которое избавляетъ отъ всѣхъ страданій. Карлейль разсказываетъ, какъ онъ убѣдилъ себя ничего не бояться, ни смерти, ни мученій, ни чего-либо создаваемого духомъ зла; онъ почувствовалъ себя тогда безконечно свободнымъ и неподвластнымъ злу, которое онъ только ненавидѣлъ. Это онъ называлъ своимъ духовнымъ возрожденіемъ, своимъ крещеніемъ не водой, а огнемъ. Въ глубокихъ ощущеніяхъ совѣсти онъ дошелъ до освобожденія; время перестало быть его врагомъ, а слилось для него съ понятіемъ о силѣ и правѣ.

Путемъ отвлеченнаго размысленія въ Карлейлѣ утвердилась еще одна основная черта его творческой мысли—мистицизмъ. Онъ сталъ понимать сложность явленій и сталъ искать въ преходящемъ вѣчное—*transitoriis quae erge aeterna*. Это—время самой кипучей дѣятельности и жизни среди людей. Въ калейдоскопѣ событій онъ отыскивалъ проявленіе и примѣненіе своихъ основныхъ идей: „Потокъ жизни, который мчится по улицамъ и въ которомъ сливаются всѣ люди, всѣ возрасты—куда онъ идетъ и откуда?—отъ вѣчности къ вѣчности“.

Въ этихъ словахъ уже виденъ мыслитель, который знаетъ, почему жизнь и всѣ ея проявленія одинаково серьезны.

Въ его свободной душѣ развилась способность чувствовать жизнь мистически, т.-е. какъ нѣчто одновременно неуловимое и непредѣльное, частное и общее, обычное и чудесное, одинаково возбуждающее въ насъ пониманіе реальнаго и пониманіе божественнаго, практическую дѣятельность и отвлеченныя мысли. Жизнь кажется Карлейлю одухотворенной: все, что мы дѣлаемъ, исходитъ изъ таинственнаго начала, отъ невидимой силы; внѣшняя дѣйствительность—легкое воздушное видѣніе, идущее изъ мистической глубины. Мірѣ ему кажется героическимъ, и въ центрѣ міра великій духъ—вотъ еще одинъ шагъ далѣе, совершенный Карлейлемъ въ ученіи о герояхъ.

Бартелеми справедливо приписываетъ большое вліяніе на Карлейля его знакомству съ Германіей и германскою философіей. Въ ней онъ почерпнулъ двойную идею о единствѣ и о развитіи изъ единства общаго. Изъ всѣхъ нѣмецкихъ писателей наибольшее вліяніе имѣлъ на Карлейля Жанъ-Поль Рихтеръ, развившій въ немъ пониманіе непосредственной дѣйствительности; а также интересъ къ живописному въ уродствѣ. Благодаря этому, природный юморъ Карлейля сталъ совершенно инымъ, чѣмъ юморъ его англійскаго предшественника, Свифта. Юморъ Карлейля соотвѣтствуетъ характеру его восприимчивости и его идеализма. Въ основѣ его юмора—рѣзкость и искренность, унаследованныя Карлейлемъ отъ среды, гдѣ онъ выросъ. Тонкая впечатлительность, которая повліяла на силу отвлеченнаго мышленія Карлейля, отличаетъ и его юморъ. Среди постоянныхъ столкновеній въ жизни, среди отрицанія того, что должно было бы быть, среди жизни такой, какъ ее сдѣлали люди—юморъ Карлейля пробивается ежеминутно. Для него юморъ—неоцѣнимое оружіе. Оно спасаетъ отъ власти мелочей, даетъ возможность разрушить то, что оскорбляетъ его въ дѣйствительной жизни. Пошлость уже не тяготѣетъ надъ нимъ, а напротивъ, является для него желательнымъ матеріаломъ для борьбы противъ нея самой.

Изъ совокупности этихъ качествъ ума и души, изъ отношенія, которое Карлейль выработалъ въ себѣ къ міру явленій, изъ мистицизма и юмора, создавшихъ такой звучный аккордъ въ его творествѣ, создался весь писатель Карлейль.

Давъ психологическій очеркъ его развитія, Бартелеми провѣряетъ отдѣльные элементы его натуры на одномъ изъ главныхъ произведеній Карлейля—„Sartor Resartus“. Эта „философія платья“—своего рода живая драма совѣсти, которая ищетъ познать себя среди кажущагося, среди привычекъ и формулъ. Жизнь разсматривается только какъ кажущееся, потому что только кажущееся и есть. Все,

что даетъ жизнь, создано гардеробомъ. Вся жизнь исчезаетъ подъ маскарадными костюмами, и они не только рядятъ міръ по иному въ нашихъ глазахъ, а навсегда скрываютъ этотъ міръ. Жизнь и общество создаются портными. Извѣстное сочетаніе черного атласа создаетъ епископа. Все различіе между людьми заключается въ цвѣтѣ сукна, въ которое они одѣты. Пурпурное сукно называется судьями и палачами, и имѣетъ право казнить. Потертая синяя одежда безмолвно идетъ на висѣлицу, когда ей приказываютъ. Главной опорой общества Карлейль признаетъ—передники. Въ нихъ—доказываетъ онъ—вся наша защита. Они охраняютъ наше имущество, нашу безопасность, нашу скромность, а иногда наше лукавство. Героемъ такого міра внѣшнихъ одеждъ будетъ, конечно, дэнди, вдохновленный духомъ одежды. Такъ, становясь какъ бы защитникомъ міра, въ которомъ все построено на внѣшности, Карлейль создаетъ гениальную сатиру на матеріалистическое ученіе. Онъ доходитъ до послѣднихъ выводовъ. Доказавъ важность платья, онъ отрицаетъ необходимость того, чтобы въ платьѣ находился человекъ. Онъ отправляется къ ветошнику и тамъ преклоняется передъ старымъ платьемъ, освобожденнымъ наконецъ отъ своего ненужнаго и непріятнаго содержанія. Еще дальше доходитъ Карлейль въ своихъ насмѣшкахъ надъ утилитаріанцами, въ особенности надъ Бентамомъ,—въ своей знаменитой „Философіи свиней“.

Бартелеми даетъ болѣе точное опредѣленіе юмора Карлейля, сравнивая его съ Шекспиромъ въ Гамлетѣ и со Свифтомъ. У Гамлета, говоритъ онъ, душа загромождена слишкомъ тяжелымъ предпріятіемъ—и его безсиліе дѣлаетъ его комичнымъ. Свифтъ полонъ желанія мстить за личныя оскорбленія, и мстительность наложила свой особый отпечатокъ на его юморъ. Карлейль носился всю жизнь съ бременемъ тяжелыхъ мыслей, и это отразилось на его юморѣ. Гамлетъ—юмористъ отчаянія; Свифтъ—юмористъ ненависти; Карлейль—юмористъ отвлеченнаго мышленія,—и только у него одного юморъ содѣйствуетъ развитію мысли и укрѣпляетъ совѣсть.

Бартелеми разбираетъ также идеи Карлейля о нравственности и занимается также изученіемъ характерныхъ особенностей его стиля, давая такимъ образомъ цѣльное представленіе о нравственномъ и умственномъ обликѣ писателя.—З. В.



ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 октября 1899.

Преобразование средней школы: циркуляръ министра народнаго просвѣщенія, записка бар. А. П. Николая и рѣчь Н. П. Петрова.—Новый уставъ общества по устройству народныхъ чтеній въ тамбовской губерніи.—Еще о личномъ починѣ.—Два вида цензурн.—Особый сортъ корреспонденцій.

Два мѣсяца тому назадъ, мы занесли въ нашу хронику отрадный фактъ учрежденія при министерствѣ народнаго просвѣщенія комиссіи для всесторонней разработки вопроса объ улучшеніяхъ общеобразовательной средней школы. Теперь въ газетахъ появился полный текстъ циркуляра, обращеннаго по этому предмету къ попечителямъ учебныхъ округовъ.

„Среди педагоговъ и родителей учащихся въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, — говоритъ г. министр, — давно слышатся жалобы на разные недостатки этихъ учебныхъ заведеній. Указываютъ, напримѣръ, на отчужденность отъ семьи и бюрократическій характеръ средней школы, вносящей сухой формализмъ и мертвенность въ живое педагогическое дѣло и ставящей въ ложныя взаимныя отношенія преподавателей и учениковъ; на невниманіе къ личнымъ особенностямъ учащихся и пренебреженіе воспитаніемъ нравственнымъ и физическимъ; на нежелательную спеціализацію школы съ самыхъ младшихъ классовъ, обрекающую дѣтей на извѣстный родъ занятій, прежде чѣмъ выяснились ихъ природныя способности и склонности; на чрезмѣрность ежедневной умственной работы, возлагаемой на учениковъ, особенно въ низшихъ классахъ; на несогласованность программъ между собою и съ учебнымъ временемъ, и на значительное наполненіе ихъ требованіями второстепенными или даже излишними; на недостаточное преподаваніе русскаго языка, русской исторіи и русской литературы и слабое ознакомленіе съ окружающею природою, что, взятое вмѣстѣ, лишаетъ школу жизненнаго и національнаго характера; на излишнее преобладаніе древнихъ языковъ и неправильную постановку ихъ преподаванія, благодаря которой не достигается цѣль классическаго образованія, несмотря на отводимое этимъ языкамъ значительное количество часовъ; на недостаточную умственную зрѣлость оканчивающихъ курсъ гимназіи, что препятствуетъ успѣшному ходу ихъ университетскихъ занятій; на неудовлетворительную подготовку прошедшихъ курсъ реальныхъ училищъ для обученія въ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ и вообще на слабую постановку пре-

подаванія предметовъ въ этихъ училищахъ. Указываютъ и на многія другія слабыя стороны средней школы, но перечислять ихъ было бы излишне. Хотя въ жалобахъ на наши среднія учебныя заведенія многое преувеличивается, а многое вызывается ошибочнымъ представленіемъ о всесильномъ значеніи школы и невниманіемъ къ той совокупности жизненныхъ условий, въ какія она поставлена,—я тѣмъ не менѣе не могу не признать въ этихъ жалобахъ извѣстной доли справедливости. Однако, прежде принятія какихъ-либо мѣръ къ устраненію существующихъ недостатковъ средней школы, я считаю необходимымъ ознакомиться съ сужденіями по возбуждаемому вопросу наиболѣе опытныхъ и выдающихся педагоговъ. Съ этою цѣлью предполагаю зимой текущаго года созвать въ Петербургѣ особую комиссію. Желая имѣть въ ея средѣ представителей отъ всѣхъ учебныхъ округовъ, прошу васъ заблаговременно избрать по 2—4 лица изъ числа наиболѣе опытныхъ, образованныхъ и даровитыхъ руководителей и преподавателей средней школы, стараясь по возможности, чтобы они явились выразителями потребностей обѣихъ общеобразовательныхъ русскихъ школъ (гимназій и реального училища) и разныхъ направленій, господствующихъ среди педагоговъ вѣреннаго вамъ округа. Въ руководство этимъ избраннымъ лицамъ при ихъ подготовительныхъ работахъ покорнѣйше прошу ваше превосходительство сообщить слѣдующія указанія, которыя будутъ, между прочимъ, даны предполагаемой комиссіи: 1) Задача комиссіи должна будетъ состоять въ томъ, чтобы: а) обсудить всесторонне существующій строй средней школы, съ цѣлью выяснить его недостатки и указать мѣры къ ихъ устраненію при условіи сохраненія основъ классической гимназій и реального училища, какъ главныхъ типовъ этой школы въ Россіи, и б) если бы при обсужденіи перваго вопроса возникли предположенія о видоизмѣненіи существующихъ типовъ или о созданіи какого-либо новаго типа, то подвергнуть разсмотрѣнію и эти предположенія, но отдѣльно отъ перваго вопроса. 2) Заключенія комиссіи не только должны быть выражены въ формѣ общихъ положеній, основательно мотивированныхъ, но и соединены съ подробною разработкою этихъ положеній, которая давала бы ясное представленіе о возможномъ ихъ практическомъ осуществленіи. Необходимо при этомъ, чтобы ожидаемыя заключенія были основаны не столько на отвлеченныхъ разсужденіяхъ, сколько на наблюденіяхъ образованныхъ и опытныхъ педагоговъ надъ дѣйствительною жизнью нашей средней школы. 3) Обсуждая желательныя перемѣны въ существующемъ строѣ классической гимназій и реального училища, комиссія должна руководиться соображеніемъ, что къ этой цѣли нужно идти постепенно и осторожно, ибо учебное дѣло не терпитъ грубой ломки. Слѣдуя этой точкѣ зрѣнія, необходимо при этомъ

имѣть въ виду, что современныя условія русской жизни настоятельно требуютъ умноженія разнаго рода профессиональныхъ учебныхъ заведеній, приготовляющихъ своихъ воспитанниковъ непосредственно къ практической дѣятельности. Этотъ путь постепеннаго улучшенія классической и реальной школы и возможно большаго распространенія профессиональнаго образованія въ нашемъ отечествѣ откроетъ широкую возможность свободнаго и правильнаго распредѣленія учащихся, по ихъ призванію, подготовкѣ и условіямъ жизни, между различными видами учебныхъ заведеній и дать естественное направленіе тѣмъ молодымъ силамъ, которыя нынѣ, за отсутствіемъ или трудностью иного выхода, искусственно привлекаются въ среднія общеобразовательныя и высшія школы, не имѣя къ тому соответственныхъ склонностей.

4) Среди другихъ вопросовъ особенное вниманіе должно быть уделено комиссіею вопросу о физическомъ воспитаніи учащихся. Въ виду этого комиссіи предстоитъ обсудить, какія мѣры слѣдуетъ принять съ указанною цѣлью и, въ частности, какъ можно достигнуть такого распредѣленія занятій, которое давало бы возможность ученикамъ, смотря по ихъ возрасту, употреблять на отдыхъ между уроками, на физическія упражненія и игры большее время, чѣмъ это допускается теперь. Основательное выясненіе вопроса о физическомъ воспитаніи учащихся я считаю одной изъ самыхъ важныхъ задачъ комиссіи. Если бы было признано, что эту задачу нельзя разрѣшить безъ сокращенія учебныхъ программъ, то я нахожу такое сокращеніе меньшимъ зломъ, чѣмъ пренебреженіе физической стороной воспитанія, тѣмъ болѣе, что въ дѣйствующихъ нынѣ программахъ найдется немало второстепенныхъ вопросовъ, которыми можно пожертвовать ради сохраненія здоровья учащихся безъ ущерба для главной цѣли — достиженія извѣстной степени умственной зрѣлости и усвоенія основныхъ свѣдѣній по преподаваемымъ наукамъ. Необходимо только, чтобы вопросъ о сокращеніяхъ рѣшался не одними специалистами, которые естественно склонны придавать первостепенное значеніе такимъ свѣдѣніямъ, которыя съ педагогической точки зрѣнія нерѣдко оказываются второстепенными.

5) Еще большаго вниманія заслуживаетъ вопросъ о нравственномъ воспитаніи въ широкомъ смыслѣ. Хотя именно въ этой сторонѣ своей жизни школа больше всего находится въ зависимости отъ нравственнаго уровня семьи и общества, она тѣмъ не менѣе должна сдѣлать съ своей стороны все возможное, чтобы развивать въ своихъ воспитанникахъ волю, направляемую религіозными и нравственными началами. Поэтому комиссія должна обсудить, какія средства могли бы содѣйствовать развитію въ воспитанникахъ искренняго религіознаго чувства, искренней привязанности и преданности своему Государю и отечеству, чувства

долга, чести, правдивости, уваженія къ авторитетамъ и т. д., имѣя въ виду не одну систему формальныхъ предписаній, но и мѣры, проникающія въ повседневную жизнь школы“.

Итакъ, наболѣвшій вопросъ о реформѣ средней школы, вызывавшій до сихъ поръ только нерѣшительныя, робкія полу-мѣры, поставленъ, наконецъ, опредѣленно и прямо. Чрезвычайно важное значеніе имѣеть, съ этой точки зрѣнія, первый пунктъ циркуляра, предусматривающій возможность не только *умищенія* существующихъ типовъ средней школы, но и *видоизмѣненія* ихъ и даже *созданія новаго типа*. Чѣмъ шире, однако, поле дѣйствій, открывающееся передъ комиссіей, тѣмъ болѣе необходимъ такой ея составъ, которымъ обезпечивалось бы всесторонне обсужденіе ея задачи. Приглашеніе министра избирать въ комиссію, *по возможности*, представителей разныхъ направленій, господствующихъ въ учебномъ округѣ, можетъ не привести къ желанной цѣли, какъ потому, что господствующая надъ учителями среднихъ учебныхъ заведеній дисциплина не поощряла, до сихъ поръ, свободу мнѣній, не благопріятствовала открытому ихъ выраженію, такъ и потому, что на выборѣ членовъ комиссіи неизбѣжно отразится образъ мыслей избирателя, т.-е. попечителя учебнаго округа. Жалобы на недостатки средней школы, побудившія министра поставить на очередь ея преобразование, раздавались и раздаются, какъ видно изъ первыхъ словъ циркуляра, и въ средѣ педагоговъ, и въ средѣ родителей: не слѣдуетъ ли отсюда, что къ участію въ занятіяхъ комиссіи должны быть привлечены не одни педагоги? Со стороны многое виднѣе: если учащіе всего лучше знаютъ, какъ ведется ученіе въ средней школѣ, то для родителей учащихся яснѣе его результаты, яснѣе и цѣна, которою они добываются. Среди родителей есть, притомъ, немало такихъ, которые и сами прошли курсъ гимназій или реального училища при дѣйствіи уставовъ 1871 и 1872 гг. и, слѣдовательно, обладаютъ двойнымъ запасомъ опыта, позволяющимъ имъ, между прочимъ, дать себѣ точный отчетъ въ значеніи частныхъ пережвѣвъ, произведенныхъ въ эпоху управленія гр. И. Д. Делянова. Конечно, ничто не мѣшаетъ родителямъ учащихся, какъ и самимъ учившимся въ средней школѣ, высказывать свои мнѣнія въ печати; весьма вѣроятно, что они не будутъ оставлены безъ вниманія комиссіей,—но это не можетъ замѣнить собою присутствія въ комиссіи лицъ не принадлежащихъ къ учебному персоналу. Только непосредственное участіе въ комиссіи даетъ возможность знать всѣ возникающія въ ней предположенія, своевременно подтвердить ихъ или опровергнуть, подробно развить собственную мысль и отразить встрѣчаемыя ею возраженія. Выборъ членовъ не-педагоговъ могъ бы быть предоставленъ губернскимъ земскимъ и

дворянскимъ собраніямъ ¹⁾, или, въ крайнемъ случаѣ, произведенъ самимъ министромъ, съ соблюденіемъ того безпристрастія, которое онъ рекомендуетъ попечителямъ учебныхъ округовъ, т.-е. изъ среды представителей различныхъ взглядовъ на задачи и организацію средней школы.

Съ обнародованіемъ циркуляра министра народнаго просвѣщенія совпало, какъ нельзя болѣе кстати, напечатаніе въ „Русскомъ Архивѣ“ записки недавно скончавшагося барона А. П. Николаи, составленной въ 1893 г. и озаглавленной: „*Ris desideria*“. Бар. Николаи былъ попечителемъ въ двухъ учебныхъ округахъ (кавказскомъ и кievскомъ), товарищемъ министра и министромъ народнаго просвѣщенія; его компетентность въ вопросахъ учебнаго дѣла не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Между тѣмъ, заключительный его выводъ клонится къ коренному преобразованію нашей средней школы. Въ реформѣ семидесятыхъ годовъ онъ видитъ слѣдное подражаніе германскимъ образцамъ, мало примѣнимымъ къ Россіи, и считаетъ ее рѣшительно неудавшеюся. „Если спросить—говоритъ онъ,—возвысился ли общій уровень образованности, процвѣтаютъ ли болѣе прежняго науки вообще, а словесныя науки въ частности, приобрѣла ли учащаяся молодежь болѣе, сравнительно со своими предѣстниками, серьезное отношеніе къ знанію и къ жизни, болѣе любви къ труду,—то, думаю я, всякій безпристрастный наблюдатель будетъ склоненъ дать отвѣтъ скорѣе отрицательный“. Совершенно справедливы и слѣдующія замѣчанія: „Уставъ 1871 года составленъ былъ подъ прямымъ вліяніемъ мысли, что классицизмъ долженъ задержать у насъ ростъ идей либеральныхъ и содѣйствовать укрѣпленію идей охранительныхъ. Въ концѣ сороковыхъ годовъ, напротивъ, было поднято гоненіе на классицизмъ, какъ на нѣчто опасное въ политическомъ отношеніи. Можно смѣло утверждать, что оба эти противоположныя взгляда равно ошибочны, и система образованія должна выработываться внѣ подобныхъ ложныхъ соображеній. Далѣе, классическая система по уставу 1871 г. должна была затруднить доступъ въ университеты, закрывая аудиторіи для такъ-называемыхъ низшихъ классовъ. Но и это предположеніе не оправдалось: согласно условіямъ и требованіямъ времени, возросло количество гимназистовъ и студентовъ, причемъ вовсе не укрѣпилось въ обществѣ сочувствіе къ классицизму“. Переходя, затѣмъ, отъ критики къ созиданію, бар. Николаи находитъ, что древнимъ

¹⁾ Само собою разумѣется, что призвать въ комиссію представителей отъ естъ губ. земскихъ и дворянскихъ собраній, значило бы чрезмѣрно увеличить составъ комиссіи; но можно было бы избрать изъ нихъ известное число лицъ, посредствомъ жребія или инымъ путемъ.

языкамъ должно быть отведено въ гимназіи гораздо болѣе скромное мѣсто, чѣмъ въ настоящее время. Преподаваніе латинскаго языка должно начинаться со второго или даже съ третьяго класса и имѣть значительно меньшій объемъ. Всѣ письменные переводы съ русскаго языка на латинскій должны быть отброшены. Главною цѣлью должно быть ознакомленіе съ лучшими римскими писателями, причѣмъ изученіе латинской грамматики должно быть поставлено въ связь съ изученіемъ русской. Прогимназическій курсъ долженъ быть общій для классиковъ и реалистовъ; двухлѣтнее изученіе латинскаго языка, основанное на чтеніи текстовъ, не будетъ лишнимъ для реалистовъ, какъ нѣкоторое ознакомленіе съ элементами естественныхъ наукъ не будетъ лишнимъ для классиковъ. Изученіе греческаго языка начинается на классическомъ отдѣленіи средней школы съ пятаго класса и имѣетъ еще менѣе грамматическій характеръ, такъ какъ въ отношеніи грамматики довольно и одной латыни. Сохраненіе времени, посвящаемаго древнимъ языкамъ, дало бы возможность усилить преподаваніе русскаго языка и словесности, а также исторіи и географіи. Необходимость усиленія преподаванія отечественнаго языка очевидна. и это преподаваніе должно быть поставлено иначе. Курсъ долженъ быть не столько грамматически-теоретическимъ, сколько практическимъ. Изученіе церковно-славянскаго языка могло бы быть поставлено въ болѣе тѣсныя рамки. Исторія есть необходимый предметъ для образованнаго человѣка. А между тѣмъ у насъ, если откинуть элементарный эпизодическій курсъ III класса, да время, посвящаемое въ 4-мъ и въ 8-мъ классахъ исключительно древней исторіи,—на среднюю, новую и русскую исторію остается только семь уроковъ. Очевидно, этого крайне недостаточно. Курсъ исторіи долженъ быть поставленъ серьезно, и въ старшемъ классѣ должно изучать не древнюю, а русскую исторію двухъ послѣднихъ вѣковъ. Это особенно важно потому, что въ университетѣ теперь исторія читается только на одномъ историко-филологическомъ факультетѣ. Точно также соотвѣтственно современному положенію и значенію географической науки курсъ географіи долженъ быть обставленъ въ средней школѣ серьезно, и ему должно быть отведено гораздо болѣе времени. Гимназистъ долженъ проходить основательно географію физическую, политическую и этнографическую, и не въ младшихъ только классахъ. Реальныя училища или отдѣленія должны быть признаны равноправными съ гимназіями; реалисты должны быть принимаемы на медицинскій и физико-математическій факультеты университетовъ. При новомъ распредѣленіи программы средней школы надо поставить вообще дѣло такъ, чтобы при общеобразовательномъ ея характерѣ она не только подготовляла бы къ высшей школѣ, но и давала извѣстное закончен-

ное образованіе для тѣхъ, кто выйдѣтъ на практическую дорогу, минуя высшую школу. Несмотря на то, что „наша учебная атмосфера такъ сильно еще проникнута греко-латинскими бактеріями“, баронъ Николай надѣялся, что настанетъ день, когда русское образованіе пойдетъ своимъ путемъ, рациональнымъ и самостоятельнымъ...

Большое было счастье для Россіи, если бы разсвѣтомъ этого дня оказалась дѣятельность комиссіи, учрежденной министромъ народнаго просвѣщенія. Читая записку бар. Николаи, невольно сожалѣешь о томъ, что ему суждено было такъ недолго (всего одинъ годъ) стоять во главѣ министерства. Сколько поколѣній учащейся молодежи было бы освобождено отъ напрасной, иногда мучительной траты времени, если бы главныя начала системы, изложенной въ запискѣ, были осуществлены пятнадцать лѣтъ тому назадъ! Судя по извѣстному распоряженію относительно школъ грамотности, отъ бар. Николаи можно было ожидать многого и въ области начальной школы. Едва ли, наконецъ, при немъ могъ бы получить силу университетскій уставъ 1884 года. Имя бар. Николаи—одно изъ тѣхъ, надъ которыми задумается будущій историкъ Россіи, задавая себѣ вопросъ, почему столько замѣчательныхъ людей вовсе не достигали у насъ вліянія и власти или достигали ихъ на самое короткое время?

Къ существу реформы средняго образованія намъ придется возвратиться еще не разъ; ограничимся теперь только однимъ замѣчаніемъ. Въ интересной рѣчи Н. П. Петрова (товарища министра путей сообщенія), напечатанной сначала въ „Новомъ Времени“, потомъ отдѣльно, подъ заглавіемъ: „Образовательныя задачи Россіи“, совершенно вѣрно указана необходимость уменьшить, по возможности, школьный возрастъ, въ смыслѣ числа учебныхъ лѣтъ; среднимъ возрастомъ окончанія средней школы авторъ признаетъ 17—18 лѣтъ, высшей—21—22 года. Однимъ изъ средствъ къ достиженію этой цѣли представляется, по нашему мнѣнію, уничтоженіе въ гимназіяхъ восьмого класса, созданнаго при гр. Д. А. Толстомъ (сначала въ видѣ двухлѣтняго пребыванія въ седьмомъ классѣ) исключительно подъ вліяніемъ увлеченія древними языками. Съ введеніемъ послѣднихъ въ надлежащія рамки, исчезаетъ всякое основаніе для удлиненія гимназическаго курса. Въ лучшія эпохи жизни нашихъ гимназій—при гр. С. С. Уваровѣ и А. В. Головнинѣ—семи классовъ было вполне достаточно для основательнаго средняго образованія, при чемъ даже знаніе древнихъ языковъ едва-ли уступало (въ тѣхъ гимназіяхъ, гдѣ они преподавались оба) знанію ихъ нынѣшними абитуриентами восьмиклассныхъ гимназій. Восьмой классъ посвященъ преимущественно по-

вторенію пройденнаго, бесполезному для слабыхъ учениковъ, крайне скучному и тягостному для лучшихъ, отбивающему у нихъ охоту и ослабляющему привычку заниматься. Между тѣмъ, сокращеніе гимназическаго курса въ высшей степени желательно какъ по соображеніямъ чисто практическимъ (скорѣйшее достиженіе матеріальной независимости, освобожденіе семьи отъ бремени, которое она несетъ въ учебные годы своихъ младшихъ членовъ), такъ и по другимъ причинамъ, намѣченнымъ въ рѣчи генерала Петрова. „Средній уровень ума учащихся“—читаемъ мы здѣсь — „не долженъ вступать въ то состояніе, въ которомъ начинается исканіе интересовъ, не удовлетворяемыхъ учебными предметами... Всякое излишнее увеличеніе объема неприменимыхъ прямо и сознательно свѣдѣній для огромной массы учениковъ совершенно бесполезно, потому что такое увеличеніе не развиваетъ человѣка со средними умственными способностями сколько-нибудь замѣтно... Сокращеніе времени пребыванія въ школахъ полезно и для государства: времени на общепользную работу будетъ оставаться больше и содержаніе школы будетъ стоить дешевле“.

Авторъ стоитъ, повидимому, за сокращеніе учебнаго курса не только въ средней, но и въ высшей школѣ. Не беремся судить, насколько это возможно въ школахъ специальныхъ, которыя преимущественно имѣетъ въ виду ген. Петровъ; но къ университетамъ, или по крайней мѣрѣ къ факультетамъ юридическому и историко-филологическому, мысль автора кажется намъ вполне применимой. Въ ея пользу говорить какъ опытъ германскихъ университетовъ, такъ и примѣръ нѣкоторыхъ русскихъ учебныхъ заведеній—училища правовѣдѣнія, Александровскаго лицея, лицея цесаревича Николая. Оставить неприкосновеннымъ четырехлѣтній курсъ слѣдовало бы только въ такомъ случаѣ, если бы первый годъ ученія въ университетѣ посвящался общеобразовательнымъ предметамъ, общимъ для всѣхъ факультетовъ, напр. по программѣ, давно уже предложенной профессоромъ Н. П. Вагнеромъ ¹⁾... Сокращеніе числа лѣтъ, проводимыхъ въ высшей школѣ, предполагаетъ, по справедливому замѣчанію Н. П. Петрова, „болѣе соответствующую потребностямъ высшихъ школъ подготовку въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ“. Это возвращаетъ насъ къ вопросу о реформѣ средней школы. „Со многихъ сторонъ, заслуживающихъ большого довѣрія“, — говоритъ Н. П. Петровъ — „доносятся слухи, что вступающіе въ высшія школы ученики не обладаютъ достаточно ясными и твердыми знаніями, особенно необходимыми въ физико-математическихъ факультетахъ и въ инженерныхъ школахъ, и еще менѣе умѣютъ прилагать эти знанія“. Устранить этотъ недостатокъ мо-

¹⁾ См. Обществ. Хроникѣ въ № 9 „Вѣстника Европы“ за 1883 г.

зеть, очевидно, только измѣненіе роли, которую теперь играетъ въ гимназіяхъ изученіе древнихъ языковъ.

Съ тѣхъ поръ какъ, болѣе столѣтія тому назадъ, въ Россіи появились общества, созданныя и движимыя инициативою частныхъ лицъ—откуда и характеристичное названіе *вольныхъ*, данное первымъ изъ нихъ по времени (вольное экономическое общество, вольное российское собраніе)—отличительною ихъ чертою всегда была высокая степень самоуправленія, выражавшаяся и въ способъ ихъ пополненія, и въ способъ завѣдыванія ихъ дѣлами. Вступленіе въ составъ общества зависѣло, обыкновенно, отъ общаго собранія его членовъ; оно же избирало коллегію (совѣтъ, правленіе, комитетъ), стоящую во главѣ общества; этой коллегіи принадлежало всецѣло направленіе занятій общества, конечно—въ предѣлахъ, указанныхъ его уставомъ. Существованіе обществъ было, въ большинствѣ случаевъ, ограждено самымъ порядкомъ ихъ утвержденія и не предоставлялось усмотрѣнію второстепенныхъ органовъ власти. Чрезвычайнымъ мѣрамъ общества подвергались сравнительно рѣдко; для закрытія ихъ требовались исключительныя обстоятельства. Въ послѣднее время это положеніе вещей начинается, какъ будто, измѣняться. Процедура утвержденія новыхъ обществъ становится менѣе сложной и болѣе быстрой, но зато въ гораздо меньшей мѣрѣ обезпечивающей ихъ прочность; въ уставы обществъ нерѣдко включается статья, въ силу которой они могутъ быть уничтожены однимъ почеркомъ пера градоначальника. На мѣсто обществъ, уже существующихъ, иногда ставятся, распоряженіемъ извнѣ, другія, рѣзко отъ нихъ отличныя по своему устройству. Составъ управленія обществомъ предопредѣляется, въ той или другой степени, помимо его воли, или ставится въ зависимость отъ утвержденія власти; иногда утвержденіе требуется и для членовъ общества. Особенно замѣчательнымъ, съ этой точки зрѣнія, является новый уставъ общества по устройству народныхъ чтеній въ тамбовской губерніи, замѣнившій собою, вслѣдствіе представленія министра народнаго просвѣщенія и въ силу Высочайше утвержденнаго 18-го іюня положенія комитета министровъ, прежній уставъ общества, дѣйствовавшій съ 1893 года.

По новому уставу члены общества раздѣляются на почетныхъ, членовъ-учредителей и дѣйствительныхъ; членами-учредителями считаются лица, принимавшія непосредственное участіе въ веденіи народныхъ чтеній въ Тамбовѣ до утвержденія устава 1893 года. Первоначальный составъ преобразованнаго общества образуютъ только почетные члены и члены-учредители, состоявшіе въ обществѣ до 18-го іюня, т.-е. до утвержденія новаго устава; что касается до дѣйствительныхъ членовъ, то они сохраняютъ свое званіе не иначе какъ съ согласія

на то правленія (вновь сформированнаго) и наблюдателя со стороны учебнаго вѣдомства. Новыя лица, желающія вступить въ члены общества, подаютъ о томъ заявленіе въ правленіе, которое, по сношеніи съ вышеупомянутымъ наблюдателемъ и съ согласія губернатора, избираетъ ихъ закрытой баллотировкой. Правленіе общества состоитъ изъ двѣнадцати лицъ. Предсѣдатель его назначается министромъ народнаго просвѣщенія, по представленію попечителя учебнаго округа, изъ числа членовъ общества, принадлежащихъ къ учебному вѣдомству. Товарищъ предсѣдателя избирается правленіемъ изъ своей среды и утверждается попечителемъ на три года. Пять членовъ правленія избираются на три года общимъ собраніемъ. Непремѣнныхъ членовъ шесть: губернской предводитель дворянства, инспекторъ народныхъ училищъ, живущій въ Тамбовѣ, представитель министерства народнаго просвѣщенія по назначенію попечителя учебнаго округа, представитель духовнаго вѣдомства—по назначенію епархіальнаго начальства; представитель земства—по выбору тамбовскаго губернскаго земскаго собранія, и представитель города Тамбова—по выбору думы.

Ошибочно было бы думать, что такой составъ правленія и самого общества является источникомъ довѣрія къ обществу: напротивъ того, дѣятельность его обставлена весьма стѣснительными условіями. Надзоръ за народными чтеніями, устраиваемыми обществомъ, а равно и вообще за дѣятельностью общества, возлагается на директора народныхъ училищъ или на лицо, заступающее его мѣсто, въ качествѣ наблюдателя со стороны учебнаго вѣдомства. Къ публичному прочтенію для народа допускаются только сочиненія, одобренныя для этой цѣли въ установленномъ порядкѣ, при чемъ они не произносятся на память, а читаются безъ всякихъ измѣненій и дополненій; лишь при чтеніяхъ, сопровождаемыхъ картинами, разрѣшается объясненіе картинъ на словахъ, но въ предѣлахъ содержанія текста. Чтенія ведутся по особому распредѣленію (на каждыя два мѣсяца), утверждаемому наблюдателемъ; въ этомъ распредѣленіи должно быть подробно указывается, въ какой день и часъ, гдѣ, кто и о чемъ будетъ вести чтеніе, и по какому изданію. Постороннія лица могутъ присутствовать въ общихъ собраніяхъ общества не иначе какъ по особымъ именнымъ билетамъ, которые правленіе выдаетъ по своему усмотрѣнію. Министерство народнаго просвѣщенія можетъ измѣнить или дополнить уставъ общества, если признаетъ нужнымъ, безъ ходатайства о томъ общаго собранія... Отъ обычнаго типа обществъ, бывшаго до сихъ поръ преобладающимъ или даже господствующимъ, новое тамбовское общество уклоняется, такимъ образомъ, еще больше, чѣмъ общества грамотности, учрежденныя, въ 1895 г., взамѣнъ комитетовъ грамотности (петербургскаго и московскаго), или московское юридиче-

ское общество, имѣющее быть образованнымъ на основаніяхъ, о которыхъ мы упоминали въ предыдущей хроникѣ. Въ общества грамотности *назначается* только предсѣдатель, и въ члены принимаются всѣ желающіе, безъ контроля со стороны правленія и, тѣмъ менѣе, со стороны общей или специальной административной власти. Для будущаго московскаго юридическаго общества ограниченъ кругъ лицъ, изъ котораго могутъ быть избираемы предсѣдательствующіе, и установлено утвержденіе послѣднихъ министромъ народнаго просвѣщенія, но доступъ въ члены ничѣмъ не стѣсненъ и порядокъ принятія ихъ оставленъ прежній, съ тою только разницею, что профессора юридическаго факультета признаются членами общества въ силу самаго своего званія. Иное дѣло—новое тамбовское общество. Оно обращено на половину въ правительственное учрежденіе: предсѣдатель его и три члена правленія назначаются свѣтской или духовной администраціей, три члена являются выборными отъ постороннихъ обществу учреждений и только пять членовъ, т. е. меньшинство, избираются самимъ обществомъ, для участія въ которомъ требуется, притомъ, тройная апробація—правленія, губернатора и „наблюдателя учебнаго вѣдомства“ ¹⁾. Всѣ общества состоятъ, конечно, подъ наблюденіемъ администраціи; но специальный надзоръ, простирающійся, притомъ, на каждое проявленіе дѣятельности общества—ничто совершенно новое. Если устройство чтеній для народа, несмотря на крайне ограниченный ихъ составъ и крайне строгую ихъ регламентацію—такое дѣло, которое не можетъ быть довѣрено обыкновенному частному обществу, то гораздо проще было бы возложить его на то или другое присутственное мѣсто, дополненное ad hoc, по образцу столь многочисленныхъ у насъ смѣшанныхъ присутствій, немногими представителями дворянства, земства и города. *Обществомъ*, въ истинномъ смыслѣ этого слова, можетъ быть признаваемо только добровольный союзъ частныхъ лицъ, стремящійся къ достиженію свободно намѣченныхъ цѣлей свободно избранными средствами. Само собою разумѣется, что эти цѣли и средства не должны противорѣчить ни общимъ законамъ, ни уставу общества; но въ этихъ предѣлахъ оно должно дѣйствовать самостоятельно, въ лицѣ имъ же избранныхъ членовъ и уполномоченныхъ. Только при такихъ условіяхъ возможно нормальное развитіе общества, возможна широкая его инициатива—эта необходимая предпосылка всякой плодотворной дѣятельности, личной и коллективной.

¹⁾ Когда комитеты грамотности были замѣнены обществами грамотности, *все* члены первыхъ получили право войти въ составъ послѣднихъ; другими словами, лишиться своего званія они могли только по собственному желанію. Дѣйствительные члены тамбовскаго общества считаются, наоборотъ, потерявшими это званіе и могутъ приобрѣсти его вновь только съ согласія правленія и „наблюдателя“.

Мы остановились такъ подробно на новомъ уставѣ тамбовскаго общества между прочимъ потому, что это значительно упрощаетъ нашъ отвѣтъ на замѣчанія, сдѣланныя „Новымъ Временемъ“ (№ 8453) по поводу нашей предъидущей хроники. Аргументацію газеты въ защиту „личнаго почина“ мы оставляемъ въ сторонѣ, потому что она направлена противъ насъ только по явному недоразумѣнью: все сказанное нами клонилось именно къ огражденію личнаго и общественнаго почина отъ внѣшнихъ стѣсненій. Спорный вопросъ, требующій дальнѣйшаго разъясненія, возникаетъ изъ слѣдующаго мѣста нашей хроники: „для почина нужна свобода дѣйствія, которая въ огромномъ большинствѣ случаевъ на русской почвѣ не существуетъ вовсе, или подвергается самымъ серьезнымъ ограниченіямъ. Въ особенности велики эти ограниченія въ сферѣ умственной жизни. Было время, когда они постепенно, хотя и медленно уменьшались; теперь замѣтно обратное движеніе“. Эти слова кажутся „Новому Времени“ *прикровенными*. „Было бы очень хорошо“,—воскликаетъ газета—„если бы хроникеръ растолковалъ ихъ поопредѣленнѣе. Когда именно совершалось это постепенное и медленное уменьшеніе ограниченій? И сколько лѣтъ или десятилѣтій укладываетъ онъ между былымъ временемъ и настоящей минутой, когда ему вдругъ стало замѣтно обратное явленіе?.. Во всякомъ случаѣ, указываемое хроникеромъ ограниченіе свободы дѣйствія и обратное движеніе нисколько не противорѣчатъ нашему положенію о могуществѣ личнаго почина во всѣхъ областяхъ бытія нашей страны. Ограниченіе свободы дѣйствія однихъ личностей доказываетъ полную свободу почина другихъ личностей. Было время, когда торжествующій нынѣ починъ шелъ противъ течения, а ограниченный нынѣ—торжествовалъ; но и тогда, и теперь въ обществѣ происходила лишь борьба различно понимающихъ историческое призваніе Россіи личностей... Для примѣра невозможности ¹⁾ личнаго почина хроникеръ беретъ область совмѣстной работы, совершаемой учеными, литературными, благотворительными обществами. Намъ думается, что только многолѣтнимъ сидѣньемъ почтеннаго журнала *все въ той же позиціи* и можно объяснить то, что онъ привелъ для доказательства своего взгляда столь неподходящую область. Отдѣльные случаи закрытія обществъ ничего не доказываютъ, когда на-лицо фактъ небывалаго развитія у насъ всевозможныхъ обществъ, нарождающихся то-и-дѣло, частая организація всевозможныхъ съѣздовъ, обращеніе различныхъ вѣдомствъ къ свѣдущимъ и заинтересованнымъ въ дѣлѣ лицамъ и т. п. На глазахъ у насъ возникъ проектъ студенческихъ обществъ. Съ другой стороны, на практикѣ различныхъ учено-лите-

¹⁾ Мы говорили не о *невозможности* личнаго почина, а только о встрѣчаемыхъ имъ ограниченіяхъ и стѣсненіяхъ.

ратурныхъ и благотворительныхъ обществъ можно указывать какъ на неистощимый источникъ примѣровъ умѣнья русскихъ людей проваливать дѣло, компрометировать его и губить. Свары, счеты, контры и взаимные подлопы, а главное—неспособность видѣть дальше своего носа, дальше данной минуты—вотъ разлагающее начало, подобное грибку, превращающему въ труху бревно деревянныхъ построекъ, которое приводитъ къ тому, что дѣло валится отъ перваго щелчка не влюбившаго общество администратора“.

Итакъ, съ своеобразно-оптимистической точки зрѣнія „Новаго Времени“, слабость и непрочность нашихъ обществъ зависитъ отъ нихъ самихъ, а не отъ внѣшнихъ условій, въ которыя они поставлены. Прежде, чѣмъ разсмотрѣть этотъ по-истинѣ оригинальный тезисъ, пояснимъ тѣ будто бы „прикровенныя“ слова, которыхъ не понимаетъ нашъ противникъ. Уменьшеніе ограниченій, затруднявшихъ личную и общественную инициативу, началось вмѣстѣ съ общимъ возрожденіемъ Россіи и достигло своего кульминаціоннаго пункта въ „эпоху великихъ реформъ“. За нею послѣдовало переходное время, отличительною чертою котораго—въ области, насъ теперь занимающей, какъ и во всѣхъ другихъ,—было колебаніе между старымъ и новымъ. „Диктатура сердца“ склонила вѣсы на сторону послѣдняго, но не надолго. Съ первой половины восьмидесятыхъ годовъ и до настоящей минуты идетъ цѣлый рядъ мѣръ, общихъ и частныхъ, направленныхъ къ усиленію власти и къ соответствующему ослабленію независимыхъ отъ нея общественныхъ элементовъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стодитъ только сравнить университетскіе уставы 1863 и 1884 гг., земскія положенія 1864 и 1890 гг., городовыя положенія 1870 и 1892 гг., учрежденія мировыхъ судей и земскихъ начальниковъ, законъ о печати 1865 г. и временныя правила 1882 г., еще болѣе обостренныя позднѣйшими постановленіями. Съ нѣкоторыхъ поръ объектомъ аналогичныхъ мѣропріятій становятся, какъ мы видѣли выше, и общества; одни изъ нихъ исчезаютъ вовсе, другія точно замираютъ, по причинамъ, едва ли зависящимъ отъ нихъ самихъ (часто ли, напримѣръ, встрѣчались въ печати, за послѣдній годъ, свѣдѣнія о дѣятельности вольнаго экономическаго общества?). Безспорно, новыхъ обществъ открывается не мало — но это преимущественно общества крайне скромныя по своимъ задачамъ и кругу дѣйствій, напр. общества сельско-хозяйственныя, обнимающія собою одну губернію или даже одинъ уѣздъ; общества врачей, обнимающія собою одинъ городъ, общества для пособія нуждающимся ученикамъ нѣсколькихъ учебныхъ заведеній и т. п. ¹⁾ Они весьма полезны, но не даютъ боль-

¹⁾ Мы не говоримъ здѣсь объ обществахъ торговыхъ и промышленныхъ, такъ какъ насъ интересуютъ теперь только тѣ общества, которыя имѣютъ отношеніе къ умственной и нравственной жизни.

шого простора личному почину, не служатъ орудіями общественнаго развитія. То же самое слѣдуетъ сказать и о большинствѣ съѣздовъ, къ которымъ вовсе не подходитъ эпитетъ „всевозможныхъ“. Съѣзды естествоиспытателей и врачей, съѣзды дѣятелей по сельскому хозяйству и по техническому образованію—почти единственные, имѣющіе широкое общественное значеніе; нельзя же поставить на одинъ уровень съ ними съѣзды мукомоловъ, рыболововъ, маслодѣловъ, горныхъ заводчиковъ и другихъ представителей промышленности. Съѣзда историковъ или экономистовъ у насъ никогда не было; съѣздъ юристовъ состоялся только одинъ разъ, почти четверть вѣка тому назадъ, и мысль о новомъ его созывѣ, возбужденная, въ 1895 г., совѣтомъ с.-петербургскаго юридическаго общества, осталась безъ всякихъ результатовъ; недавно отклонено ходатайство союза взаимопомощи русскихъ писателей о созывѣ съѣзда писателей. „Обращеніе различныхъ вѣдомствъ къ свѣдущимъ и заинтересованнымъ лицамъ“ зависитъ исключительно отъ самихъ вѣдомствъ и не имѣетъ, очевидно, ничего общаго съ „личнымъ починомъ“, тѣмъ болѣе, что предметомъ его служатъ, обыкновенно, вопросы узко-спеціальнаго характера. Совершенно невѣрно, что борются между собою два противоположныхъ почина, изъ которыхъ каждому принадлежитъ, по очереди, то роль побѣдителя, то роль побѣжденнаго. Борьба—если только можетъ быть рѣчь о борьбѣ, когда силы до такой степени неравны,—идетъ между личнымъ и общественнымъ починомъ съ одной стороны, властнымъ усмотрѣніемъ—съ другой. Дѣйствительная свобода почина въ томъ-то и состоитъ, что ею одинаково пользуются самыя различныя стремленія; если починъ составляетъ привилегію одного изъ нихъ, о его свободѣ не можетъ быть и рѣчи. Желательно было бы знать, притомъ, когда именно „торжествовать ограниченный нынѣ починъ“, т.-е. починъ въ томъ направленіи, которое теперь обрѣтается не въ авантажѣ? Онъ всегда встрѣчалъ затрудненія, измѣнявшіяся только въ многочисленности и силѣ... Существованія въ средѣ нѣкоторыхъ обществъ „сварь, счетовъ и контрѣ“, конечно, отрицать нельзя, но они не играютъ почти никакой роли въ занимающемъ насъ вопросѣ. Намъ извѣстенъ только одинъ примѣръ, когда они вызвали вмѣшательство власти, коснувшееся, притомъ, не организаци и порядка дѣйствій общества, а только личнаго состава комитета, управляющаго его дѣлами: это—недавній примѣръ Славянскаго Благотворительнаго Общества. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ въ закрытыхъ или подвергшихся коренной передѣлкѣ обществахъ не было и слѣдствъ внутренней болѣзни, которою усиливалась бы восприимчивость къ внѣшнему удару—или, по изящному выраженію „Новаго Времени“, къ „щелчку“ невзлюбившаго общества администратора“. Въ петербургскомъ комитетѣ грамотности происходила, правда, борьба между

старыми и новыми членами, но она, во-первыхъ, велась вовсе не на почвѣ личныхъ „контръ и счетовъ“, и, во-вторыхъ, окончилась задолго до закрытія комитета. Въ московскомъ комитетѣ грамотности было, кажется, даже и таковой борьбы, и только одинъ членъ комитета печаталъ, отъ времени до времени, газетныя статейки, бросавшія тѣнь на „благонадежность“ дѣятельности комитета. Въ московскомъ юридическомъ обществѣ рѣшительно ничто не нарушало тишины и добрыхъ отношеній между членами. То же самое можно сказать и о множествѣ другихъ ученыхъ и литературныхъ обществъ. Что касается до „не-способности видѣть дальше своего носа“, то для насъ не совсѣмъ ясно, на что намекаетъ здѣсь газета. Если она имѣетъ въ виду неуменье предусмотрѣть, а слѣдовательно и предотвратить невзгоду, то вѣдь политическая метеорологія развита еще несравненно меньше, чѣмъ физическая: въ общественной жизни, регулируемой не столько закономъ, сколько усмотрѣніемъ, стихійныя бѣдствія раздражаются еще болѣе неожиданно и внезапно, чѣмъ въ природѣ. Часто ли, напримеръ, періодическое изданіе предвидитъ постигающую его административную вару?.. По мнѣнію „Новаго Времени“, одинъ изъ фактовъ, приведенныхъ въ нашей предъидущей хроникѣ, говоритъ скорѣе противъ, чѣмъ въ пользу нашей мысли; это—судьба вновь учрежденныхъ обществъ грамотности. „О дѣятельности петербургскаго общества“—говоритъ газета—„не слышно ровно ничего, московское же и при новыхъ порядкахъ продолжаетъ работать и приноситъ значительную пользу народному просвѣщенію. Почему? А потому, что дѣятели петербургскаго общества, разъ вышло не по ихъ загаду, оскорбились и всѣ ушли, москвичи же не бросили дѣла, не ушли. А вѣдь первое условіе успѣха—не бросать ни въ какихъ обстоятельствахъ своего поста и, при невозможности отстоять всего, сохранить хотя часть на пользу новыхъ поколѣній“.

Поправимъ сначала нѣсколько фактическихъ ошибокъ: члены петербургскаго комитета грамотности ушли не *все*, а члены московскаго комитета далеко не всѣ остались; разница между обоими комитетами заключается преимущественно въ томъ, что главные работники петербургскаго комитета даже и не пробовали переходить въ новое общество грамотности, а главные работники московскаго комитета вступили въ общество, но скоро, за немногими исключеніями, изъ него удалились. Что касается до дѣятельности московскаго общества грамотности, то оживленной ее можно назвать только при сравненіи ея съ дѣятельностью—или, лучше сказать, съ бездѣйствіемъ—петербургскаго общества; въ сравненіи съ работой московскаго (и, тѣмъ болѣе, петербургскаго) комитета грамотности она даетъ далеко не крупныя результаты. Если наиболѣе усердные члены комитетовъ грамотности не нашли возможнымъ примкнуть къ обществамъ грамотности, то, конечно, не въ силу обидчиво-

сти—оскорбленіе можетъ быть нанесено только отдѣльнымъ лицамъ, но не учрежденіямъ,—а просто въ силу убѣжденія, что плодотворнымъ, при новыхъ условіяхъ, ихъ трудъ быть не можетъ. Служить дѣлу народнаго образованія можно не только въ специальныхъ обществахъ грамотности, но и другими путями, на которыхъ и продолжаютъ свою службу многіе изъ бывшихъ дѣятелей комитетовъ грамотности. Оставаться во что бы то ни стало на добровольно занятомъ посту нравственно обязанъ только тотъ, кто вѣритъ въ серьезное значеніе этого поста.

Два слова, въ заключеніе, о *позиціи*, неизмѣнность которой ставится въ вину нашему журналу. И въ стратегіи, и въ тактикѣ измѣненіе позиціи признается полезнымъ и необходимымъ только тогда, когда существенно измѣнились условія, побудившія къ ея избранію. Перемѣны въ условіяхъ, издавна опредѣляющихъ нашу „позицію“, мы не видимъ. Изъ того, къ чему всегда стремился „Вѣстникъ Европы“, не достигнуто ничего—слѣдовательно, *измѣненіе* „позиціи“ было бы съ его стороны *измѣной*. Virtuозовъ въ искусствѣ переходить съ одной „позиціи“ на другую у насъ въ послѣднее время болѣе чѣмъ достаточно; мы не имѣемъ охоты увеличивать ихъ число.

Къ удивительнымъ приемамъ прибѣгаютъ иногда тѣ оптимисты, задачи которыхъ—доказать, что лучшихъ порядковъ, чѣмъ наши, нигдѣ и ни въ чемъ быть не можетъ. Противъ тѣхъ органовъ печати, которые „любятъ кричать о существующемъ, будто бы, стѣсненіи печатнаго слова въ Россіи“, „Московскія Вѣдомости“ выставили недавно новое боевое орудіе: „эпизодъ, приключившійся въ Соединенныхъ-Штатахъ съ новымъ произведеніемъ гр. Л. Н. Толстого“. Редакторъ американскаго журнала „Совролптан“ печатаетъ переводъ „Воскресенія“ съ большими пропусками; когда противъ этого протестуютъ уполномоченные автора, американскій журналистъ защищается указаніемъ на то, что онъ „облеченъ высокою миссіею блюсти общественныя нравы и, слѣдовательно, прежде всего быть цензоромъ печатаемыхъ имъ произведеній“; изъ этой миссіи онъ выводитъ не только свое право, но и свою обязанность „облагородить“ (1) романъ Л. Н. Толстого, „очистить его отъ грязи“ (1). „Изъ этого эпизода“—воскликаетъ московская газета—„наши либералы могли бы понять,—если бы хотѣли что-нибудь понимать,—что въ отношеніи допустимости свободы слова Америку и Англію невозможно и сравнивать съ Россіей; они поняли бы, что потому-то и нужна въ Россіи правительственная цензура, что въ нашемъ обществѣ нѣтъ такихъ твердыхъ нравственныхъ устоевъ, которые противопоставили бы распространенію вредныхъ ученій и безнравственныхъ произведеній печати частную личную инициативу“.

Нужно особенное искусство, чтобы наговорить столько громких фраз по поводу самого обыкновеннаго, ровно ничего не доказывающаго эпизода. Что въ Англии и, отчасти, въ Сѣверной Америкѣ довольно сильно распространено лицемеріе, приходящее въ ужасъ отъ голой правды и преслѣдующее не столько пороки, сколько отвращенныя изображенія порока—это давно извѣстно; извѣстенъ также и коррективъ этого зла—возможность протестовать противъ него прямо и открыто, не встрѣчая къ тому никакихъ непреодолимыхъ внѣшнихъ затрудненій. Если одинъ издатель, во имя условной морали, наложить свою руку на правдивое и художественное произведеніе, то всегда найдется другой, который напечатаетъ его въ настоящемъ его видѣ, и всеобщее veto можетъ постигнуть развѣ такую книгу, которая, кромѣ грязи, ничего въ себѣ не содержитъ, и которой дѣйствительно лучше не появляться въ свѣтъ. Что же тутъ общаго съ безапелляціоннымъ цензурнымъ приговоромъ, безусловно уничтожающимъ произведеніе? Между цензурой общественной и административной есть еще одно глубокое различіе: первая обрушивается больше всего на произведенія противонравственныя, иногда понимая нравственность весьма узко и односторонне, вторая—на произведенія противоправительственныя, не всегда различая истинные интересы правительства отъ мнимыхъ. „Частная личная инициатива“, какъ противовѣсь „распространенію вредныхъ ученій и безнравственныхъ произведеній“, возможна, притомъ, только при отсутствіи административной (предварительной) цензуры. Чѣмъ строже послѣдняя, тѣмъ меньше поводовъ и оснований для развитія первой, хотя бы въ силу извѣстной русской поговорки: „съ одного вола двухъ шкуръ не деруть“ или юридическаго правила: non bis in idem!

На открытую рану слетаются мухи, усиливая причиняемыя ею страданія и затрудняя ея исцѣленіе. Такими мухами, по отношенію къ Финляндіи, являются корреспонденціи о финляндскихъ дѣлахъ, помѣщаемыя извѣстными органами нашей печати. Возьмемъ, для примѣра, одну изъ нихъ, озаглавленную: „Политическая пропаганда въ школахъ и финскихъ войскахъ“ („Московскія Вѣдомости“, № 249). Пропаганда усматривается, между прочимъ, въ чтеніяхъ учителя Ляхе, разсѣзжающаго по Финляндіи по порученію общества друзей трезвости. Въ одномъ мѣстѣ онъ читалъ солдатамъ (финской резервной роты) о любви къ отечеству и о трезвости; въ народной школѣ—о воспитаніи по „Калевалѣ“ (извѣстному финскому эпосу); въ другихъ мѣстахъ онъ говорилъ (большую часть въ школьныхъ помѣщеніяхъ) о человѣческихъ и гражданскихъ обязанностяхъ, о внутренней духовной силѣ народовъ, позволяющей имъ исполнять свое призваніе,

объ обязанности родителей и воспитателей по отношенію къ юношеству. Чтенія сопровождались „многоголоснымъ патріотическимъ и одноголоснымъ духовнымъ пѣніемъ“. Заимствовавъ эти свѣдѣнія изъ финской газеты „Uusi Suometar“, корреспондентъ (все тотъ же, небезызвѣстный г. Мессарошъ) выводитъ изъ нихъ слѣдующее неожиданное заключеніе: „Итакъ, существованіе пропаганды въ школахъ, войскахъ и народъ удостовѣряется финскою печатью“. Какъ? Развѣ говорить о трезвости, о воспитаніи, о внутренней духовной силѣ народовъ, о любви къ отечеству, значить заниматься политической пропагандой? ¹⁾ Развѣ можно усмотрѣть ея признаки въ пѣніи патріотическихъ пѣсенъ, хотя бы между ними была „Vårt land“, безпрелютвенно исполнявшаяся сотни разъ даже на официальныхъ празднествахъ? А между тѣмъ, корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей“ не только рекомендуетъ вниманію начальства „просвѣтителя“ (кавычки въ подлинникѣ) земли финской, г. Ляхде, и командующаго резервною ротой, слушавшей его чтенія, но и совѣтуетъ властямъ „дѣйствовать энергично и спасти темный финскій народъ отъ грядущихъ несчастій, накликаемыхъ господами агитаторами, жертвующими народнымъ благомъ ради личныхъ цѣлей“. Накликаютъ несчастья на Финляндію не мирные лекторы и ихъ слушатели, а непризванные совѣтники, на все изливающие ядъ своихъ подозрѣній. Не мѣшало бы имъ помнить, что манифестъ 3-го февраля сохраняетъ за Финляндіей „особыя въ отношеніи внутренняго управленія и законодательства учрежденія, кои соотвѣтствуютъ бытовымъ условіямъ страны“, и что, слѣдовательно, нельзя смотрѣть на публичныя чтенія, устраиваемыя въ Финляндіи для финляндцевъ, съ точки зрѣнія, официально принятой по отношенію къ публичнымъ народнымъ чтеніямъ въ Россіи.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

¹⁾ Само собою разумѣется, что нѣтъ такой темы, которая не могла бы послужить предлогомъ къ „пропагандѣ“—но въ выпискахъ изъ финской газеты, на которыхъ исключительно основывается корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей“, нѣтъ ни малѣйшаго указанія на что-нибудь подобное въ чтеніяхъ г. Ляхде.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЯТАГО ТОМА

СЕНТЯБРЬ. — ОКТЯБРЬ. 1899.

Книга девятая. — Сентябрь.

	СТР.
Подъ солнцемъ юга. — Повѣсть. — VIII-XV. — В. И. ДМИТРИЕВОЙ	5
Жанъ Расинъ. — Критико-биографическій этюдъ. — I. — Ю. А. ВЕСЕЛОВСКАГО.	57
„Одиночество“. — Изъ дневника незамѣтной женщины. — Р. М. ХИНЪ.	89
Психология любви и ревности у Шекспира. — Н. И. СТОРОЖЕНКА	153
Каникулы. — Повѣсть. — Окончаніе. — Е. Л. БЕРДЯЕВОЙ	173
Балне колокольчики. — Стихотвореніе. — ВЛАД. С. СОЛОВЬЕВА.	229
Въ долгу. — Die Schuldnerin, Roman von J. Bou-Ed. — Часть третья. — Окончаніе. — Съ нѣмецкаго. — А. В.—Г.—	280
По свѣрнымъ окраинамъ Африки. — Путевые очерки. — Тунисія и Алжирія. — Э. ЦИММЕРМАНА	294
Пушкинское празднество въ Калифорніи. — П. А. ТВЕРСКОГО	338
Хроника. — Внутреннее Овозрѣніе. — Законъ о временно-заповѣднѣхъ имѣніяхъ и о воспитаніи и образованіи дворянскаго юношества. — Законопроектъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ. — Десятилѣтіе института земскихъ начальниковъ. — Липецкій инцидентъ. — Законы о фабричномъ надзорѣ и о порядкѣ взиманія окладныхъ сборовъ. — Новые циркуляры министра народнаго просвѣщенія и временныя правила 29 іюля	344
Иностранное Овозрѣніе. — Еще о Гаагской конференціи мира. — Правительственное сообщеніе. — Внутренняя борьба во Франціи. — „Патріоты“ и ихъ волненія. — Дѣятели французской арміи въ Реннѣ. — Процессъ Дрейфуса. — Политическія дѣла въ Германіи	368
Литературное Овозрѣніе. — Ф. В. Благовидовъ. Оберъ-прокуроры св. Синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія. — Творенія Платона. Переводъ съ греческаго Владиміра Соловьева. Томъ первый. — Пѣсни русскаго народа. Собраны въ губерніяхъ Вологодской, Вятской и Костромской въ 1893 году. — Ф. М. Истомина и С. М. Ляпунова. — Иностранные университеты. Выпускъ II-й. Университеты Германіи. Подъ редакціей Л. А. Богдановича. — Т. — Новые книги и брошюры	381
Новости Иностранной Литературы. — Emile Faguet: Flaubert. — Guy de Maupassant, Le père Milon. — August Strindberg, Legendes. — З. В.	399
Некрологъ. — А. Д. Поваляшинъ. — Кн. Н. С. ВОЛКОНСКАГО	417
Изъ Общественной Хроники. — Можно ли назвать Россію „страною личнаго почина по преимуществу“? Значеніе свободной инициативы въ основаніи и дѣятельности обществъ. — Московскія юридическія общества, прежнее и вновь проектируемое. — Общедоступные систематическіе курсы. — Практическія занятія студентовъ и студенческія научныя и литературныя кружки. — Дискреціонная власть и печать. — Отвѣтъ на возраженія.	420
Извѣщенія. — Отъ Императорскаго Казанскаго Университета	436
Библиографическій Листокъ. — Е. Варбъ. Наемные сельскохозяйственные рабочіе въ жизни и въ законодательствѣ. Общественно-юридическіе очерки. — Т. Роджерсъ. Исторія труда и заработной платы въ Англіи съ XIII по XIX вѣкъ. Переводъ съ англійскаго В. Д. Каткова. — Записки земскаго начальника. А. Новикова. — Земская статистика. Справочная книга по земской статистикѣ въ двухъ частяхъ. Ч. I. Исторія и методология. Ч. II. Программы изслѣдованій. Составилъ С. Н. Велецкій. Съ предисловіемъ проф. А. И. Чурова	
Объявленія. — I-IV; I-XVI стр.	

Книга десятая. — Октябрь.

	СТР.
Подъ солнцемъ юга.—Повѣсть.—XVI—XXIII.—Окончаніе.—В. І. ДМИТРИЕВОЙ.	487
Нравственный обликъ Пушкина.—26 мая 1899 г.—А. Ф. КОНИ.	491
Ткачъ.—С. ФРУГЪ.	526
Личность В. Г. Балинскаго, какъ литературнаго дѣятеля.—Е. БУДДЕ.	527
Помышанный.—Разсказъ изъ швейцарскихъ нравовъ.—Н. СѢВЕРОВА	556
Жанъ Расинъ.—Критико-биографическій очеркъ.—Окончаніе.—Ю. А. ВЕ- СЕЛОВСКАГО.	578
По Сицилии.—Путевые очерки.—I. Палермо.—II. Мессина.—III. Таормина и Катанія.—IV. Сиракузы и Джирженти.—Э. ЦИММЕРМАНА	627
Стихотворенія.—I. Довольно.—II. Природа и женщина.—III. Пѣсня косара.— В. П. МАРКОВА	678
Американецъ.—Романъ: „David Harpъ“, a story of american Life, by E. Westcott.—I—VI.—Съ англ.—А. В.—Г—	677
На закатъ.—Стих.—Б. НИКОНОВА	729
Парижскій архивъ генеральнаго штаба.—Е. ОРЛОВА	730
„Любовь—мой грѣхъ“.—Этюдъ изъ романа: „L'amour est mon péché“.—I—XII. Ю. З.—А.	739
Хроника.—Внутреннее Овозрѣніе.—Законопроектъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ и постановленія о личномъ наймѣ въ проектѣ новаго гражданскаго удо- женія.—Общія начала, положенныя проектомъ въ основаніе обязатель- ственнаго права.—Мнимая лѣньность крестьянъ.—Еще о лицедѣмъ ин- дентѣ.—Проектъ продовольственнаго устава.—Продовольственное дѣло, земство и частная помощь.—Продовольственный вопросъ на югѣ Россіи.—Новое правительственное изданіе.	798
Иностранное Овозрѣніе.—Бѣлградскій процессъ и сербскія дѣла.—Роль дипло- матии и вопросъ о вмѣшательствѣ.—Отношеніе нашей печати къ серб- скимъ событіямъ.—Параллель между дѣломъ Дрейфуса и процессомъ Пашича съ товарищами.—Дрейфусъ и „наша печать“.—Французскія дѣла	820
Сербскія дѣла.—Письмо изъ Бѣлграда.—Z.	832
Литературное Овозрѣніе.—Э. Гроссе, Происхожденіе искусства.—М. Столя- ровъ, Этюды о декадентствѣ.—Т.—Новыя книги и брошюры.	838
Противъ исполнительнаго листа.—Письмо въ Редакцію.—В. С. СОЛОВЬЕВА.	848
Новости Иностранной Литературы.—I. A. Moeller-Bruck: Die moderne Littera- tur in Gruppen und Einzeldarstellungen.—II. Edm. Barthélemy, Tho- mas Carlyle, essai biographique et critique.—З. В.	853
Изъ Овощественной Хроники.—Преобразование средней школы: циркуляръ ми- нистра народнаго просвѣщенія, записка бар. А. П. Николаи и рѣчь Н. П. Петрова.—Новый уставъ общества по устройству народныхъ чтеній въ тамбовской губерніи.—Еще о личномъ починѣ.—Два вида цензуры.—Особый сортъ корреспонденцій	865
Библиографическій Листокъ.—Исторія русской литературы. Т. IV. А. Н. Пи- пина.—Очерки русскаго прогресса. Статьи историческія, по обществен- нымъ вопросамъ, и критико-биографическія. Б. В. Глинскаго.—Сбор- никъ журнала „Русское Богатство“. Подъ редакц. Н. К. Михайловскаго и В. Г. Короленко.—Торсое, А. Исторія нашего столѣтія. Т. I. 1815— 1863. Т. II. 1863—1899. Переводъ съ датскаго М. В. Лучинской.— Энциклопедическій Словарь. Изд. Ф. Павленкова.	
Овѣщепенія.—I—IV; I—XVI стр.	

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Исторія русской литературы. Томъ IV. А. П. Динкина, Сиб. 99. Стр. 647. Ц. 3 р. — за всѣ четыре тома 12 руб.

Настоящимъ, четвертымъ, томомъ заканчивается обширный похвальный трудъ по исторіи русской литературы; онъ обнимаетъ собой времена имп. Екатерины II и началъ истекшей нынѣ эпохи съ его порофемія, начинала отъ Карамзина и Жуковского и кончалъ Пушкинымъ, съ его сверстниками, и Гоголемъ. Последняя глава посвящена ближайшему къ намъ времени дѣлѣ развитія русской литературы на основаніи, выходящихъ Пушкинымъ и Гоголемъ изъ новыхъ похвалъ литературныхъ силъ и въ новыхъ условияхъ образованія и общественности. Въ предисловіи къ последнему тому, авторъ обращаетъ вниманіе читателя на то, что его трудъ вовсе не имѣлъ въ виду представить собою учебникъ; его задачей было «установить дѣленія литературы въ послѣдовательности ихъ историческаго развитія, въ ихъ внутреннихъ соотношеніяхъ и въ ихъ связи съ событиями жизни государства, народа и общества»; главное же цѣлью труда было—указать настоящее положеніе главнѣйшихъ вопросовъ въ ихъ спеціальной разработкѣ,—такъ какъ, по его мнѣнію, «въ строгомъ научномъ смыслѣ, въ исторіи русской литературы не можетъ быть и рѣчи о законченности послѣдованія». Какъ избранная авторомъ задача, такъ и поставленная имъ себѣ цѣль, безъ сомнѣнія, обратятъ серьезное вниманіе нашихъ будущихъ исследователей исторіи отечественной литературы на этотъ трудъ. Въ концѣ тома помѣщены особо «Дополненія» во всѣхъ четырехъ томахъ и «Указатель» къ нимъ, для облегченія справокъ.

Очерки русскаго прогресса. Статьи историческія, по общественнымъ вопросамъ, и критико-биографическія. Б. В. Глинскаго. Съ 36 вѣтритатами и иллюстраціями. Сиб. 1900. Стр. 378. Ц. 5 р.

Въ сборникѣ Б. В. Глинскаго соединены его литературные труды за последнее десятилетіе (1888—1898 гг.), появившіеся отдѣльными въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Не претендуя на полноту обзора нашихъ усилковъ, прогресса нашей общественности, онъ только намѣчаетъ скольконибудь выдавшіеся эпохи. Въ сборникѣ видѣны три главные и существенные его отдѣлы: историческій, общественный и критическій. Въ первомъ отдѣлѣ посвящена одна статья петербургскому университету и стоявшимъ во главѣ его ректорамъ, и двѣ другія—двумъ наставникамъ царскихъ дѣтей: Загарпу и Як. Гроту. Во второмъ отдѣлѣ, болѣе обширномъ и посвященномъ разнообразнымъ общественнымъ вопросамъ, статьи касаются какъ экономическаго быта населенія фабричной и земледѣльческой Россіи, такъ и народнаго просвѣщенія; къ этому же отдѣлу отнесены статьи о женскомъ трудѣ, образованіи и о правахъ и обязанностяхъ женщины. Наконецъ, въ отдѣлѣ критическомъ, авторъ главнѣйшимъ образомъ останавливается на расколѣ, который обизружился въ средѣ самихъ прогрессистовъ; этому расколу онъ посвящаетъ особую статью, подъ заглавіемъ: «Регрессивное теченіе въ русской жизни», — съ

цѣлью «рассмотрѣть значеніе экономическаго матеріализма въ практической въ русской жизни и отмѣнить, какъ отнеслись къ провозвѣду нашимъ «жаристовъ» лучшіе представители нашей прогрессивной печати».

Своиниъ журнала «Русское Богатство». Подъ редакціей Н. К. Михайловскаго и В. Г. Короленко. Стр. 228+450+307.

Содержаніе этого еженедѣльнаго сборника весьма разнообразно и интересно: въ болѣе обширномъ отдѣлѣ обращаютъ на себя вниманіе рассказы В. Г. Короленко и В. І. Дмитріевой, а также отрывокъ изъ романа Н. К. Михайловскаго; въ числѣ серьезныхъ статей помѣщено нѣсколько этюдовъ о Пушкилѣ и о Пушкинскомъ юбилей,—гг. Гриневича, Мясотина, Ладлага и Пшехонова; нѣтъ и злуть очерки г. Горнфельда—«О мукахъ слова», г. Н. К.—о классичѣхъ филологическомъ и идейномъ, г. Луневича—о Бюхнерѣ, г. Милыкова—о сербско-болгарскихъ отношеніяхъ по македонскому вопросу, г. Пшехонова—о покупательныхъ силахъ крестьянства, г. Юзакова—о притѣвленіяхъ и властителяхъ современной Европы, и др. Въ приложеніи—романъ Штратца «Послѣдній виборъ», въ переводѣ г-жи Ашениской.

Торсое, А. Исторія нашего столѣтія. Т. I. 1815—1863. Т. II. 1863—1899. Переводъ съ датскаго М. В. Лучинкой подъ ред. проф. В. В. Лучинскаго. Изданіе Кузьмеева. Кіевъ. 1899. Стр. 512+XIV+498+XXIV. Ц. 2 р. 50 в.

Сочиненіе Торсое, при всей краткости его содержанія, отличается большимъ обстоятельностью въ передачѣ и группировкѣ фактовъ. Обзоръ событий естественнo распадается на шесть частей, по главнѣйшимъ періодамъ исторіи съ начала текущаго столѣтія: отъ конца Наполеоновскихъ войнъ до іюльской революціи; отъ 1830 г. до февральской революціи; отъ 1848 г. до поворота во второй имперіи во Франціи; отъ 1868 г. до франко-прусской войны 1870 г., и наконецъ отъ торжества Германіи до послѣдняго времени. Авторъ доводитъ свое изложеніе до 1890 г.; дополнителныя главы, написанныя переводщицею (стр. 402—498) заключаютъ въ себѣ очеркъ послѣднихъ событий до 1898 года.

Энциклопедическій Словарь. Изд. Ф. Павленкова. Сиб. 99, 2920 столб. Ц. въ перепл. 3 р.

Издатель имѣлъ въ виду, судя по объему словаря и его дѣлѣ, дать болѣе общедоступную справочную книгу по вопросамъ и предметамъ, наиболѣе встрѣвающимся въ обиходной практикѣ жизни. Въ текстѣ включены свыше 2200 политичекихъ, въ томъ числѣ болѣе 800 портретовъ, и 87 географическихъ картъ. Относительно политичекихъ и портретовъ можно только пожелать, чтобы въ послѣдующихъ изданіяхъ они уступили мѣсто тексту, такъ какъ, при вѣрномъ ихъ выполненіи, они очень мало даютъ понятія объ изображаемыхъ предметахъ и особенно о лицахъ, а текстъ, конечно, выигралъ бы оттого, получивъ для себя болѣе мѣста.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1900 г.

(Тридцать-пятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 выговъ въ годъ
отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Июль	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Взвѣ доставляя, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союзѣ	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Въслѣдъ разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюль, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Ближние магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычномъ уступкомъ.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полугодіе и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

- въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
- въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Ривера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20, и товарищества „Издатель“, Невск. пр., 68—40.

ВЪ КИЕВѢ:

- въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

- въ книжныхъ магазинахъ: Н. П. Мямонтова, на Кузнец.-Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой; въ маг. „Русск. Мысли“ и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

- въ книжн. магаз. „Образованіе“, Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

- въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ“ и Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (№) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Переминая адреса* долженъ быть сообщенъ Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иностраніе, должны заплатить 1 руб., а иногородніе, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редацію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ и, согласно объявленію въ Почтоваго Департамента, *не позже* чѣмъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Высланы* на изученіе журнала выносятся Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 12 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Александринск. пер., 7.

